

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

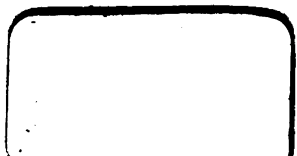
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929153 8

Walter

ISBI

*GCH

INDEXED

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Ф. НИСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

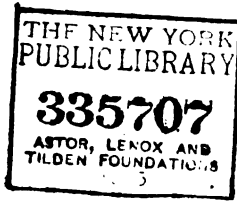
ЯНВАРЬ.

ТОМЪ СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, января 25 дня, 1862 года.

Ценсоръ *Θ. Веселаго.*

— **О Г Л А В Л Е Н И Е**
СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

Январь.

- Другу Ильѣ Ильичу. Стих. *А. Н. Майкова.*
Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ! *Его же.*
Куллербергъ или петербургскія вѣмцы. (Повѣсть-жанръ) *И. С. Генслера.* ✓
Жадный воевода. (Волжское преданіе). Стих. *В. Д. Иванова.*
О фнзиономикѣ. Статья первая.
Финансовая теорія Прудона. Статья первая *Д. Θ. Щеглова.*
Отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ. Статья первая *Н. Рычкова.* ✓
Русскія пѣсни. Стихотв. *А. Апухтина.*
Въ путь-дорогу!.. Романъ. Книга первая. *П. Д. Боборыкина.* ✓
О характерѣ и результатахъ образованія въ исторіи. (По поволу вопроса объ университетахъ). *К. Охочеконнаго.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- О современныхъ потребностяхъ образованія въ Россіи *К. Охочеконнаго.*
Небывалые люди. (Униженные и оскорбленные. Романъ *Θ. Достоевскаго.*) *3-на.* ✓
ПОЛИТИКА. 1. Общій очеркъ положенія дѣлъ въ Европѣ. — 2. Американскія дѣла. — 3. Вопросъ о мексиканскомъ престолѣ. — 4. За свѣданія законодательнаго собранія во Франціи и дипломатическая переписка ему предъавленная. — 5. Политика Пруссіи въ Голландіи.
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. I. Дворянскіе выборы. — Новая борода общественныхъ вопросовъ. — Судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ за послѣдніе годы. — Вопросъ о дворянствѣ. — Азиатское предложеніе броситься въ костеръ. — Сближеніе съ другими сословіями. — Пять вопросовъ, предложенныхъ московскому дворянству. — Отвѣты семи соединенныхъ уѣздовъ. — Мракъ, въ которомъ выработаны они. — Вопросъ о выборномъ началѣ. — Призывъ къ участию въ немъ другихъ сословій. — Расширеніе круга дѣйствій. — Миѣшанство и Джонъ Стюартъ Милль. — Наша душевная апатія. — Миѣніе «Русскаго Вѣстника» о прогрессѣ. — Предложеніе на губернскихъ выборахъ въ Москвѣ. — Возвышеніе налоговъ. — II. Табель расходовъ и доходовъ государственнаго казначейства. — Что такое бюджетъ? — Степень полноты табелл. — Министерскія смѣты. — Нѣсколько замѣчаній. — Главные доходы и податныя сословія. — Расходъ на военныя силы.
ФЕЛЬЕГОНЪ. Обличительное письмо изъ ада.
Отвѣтъ *І. Θ. Писемскаго.*
Отвѣтъ Никиты Безрылова своимъ врагамъ — фельетонисту «Сѣверной пчелы» и хроникеру «Искры».
ПРИЛОЖЕНІЕ. Лавинія. Романъ Руѣни. (Автора Лоренцо Венови). Глава I—XIX.

Февраль.

- Отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ. (Окончаніе). *Н. Рычкова.*
Положеніе женщины у древнихъ и современныхъ евреевъ. *А. Думмесскаго.*
Заклинаніе. Стих. *Ольги Павловой.*
О фнзиономикѣ. (Окончаніе).
Перековочка. Стих. *К. Калачева.*
Финансовая теорія Прудона. (Окончаніе). *Д. Θ. Щеглова.*
Въ путь-дорогу!.. Романъ. Книга первая. (Продолженіе). *П. Д. Боборыкина.*

Изъ записокъ господина Фомы-Шабальвопскаго. (Изъ Гейне).

Подъ березами. Повѣсть. П. Дмитриева.

Часто снится мнѣ въ дѣтскіе годы. Стих. П. Пальмина.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ближайшія средства для распространенія образованія въ народѣ К.

Охочекомоннаго.

Небывалые люди. (Униженные и оскорбленные. (Романъ Ф. Достоевскаго). (Окончаніе). 3—на.

Откуда идетъ литературная разногласица и какъ устроить ее? К.

Охочекомоннаго.

Реформаторъ безъ реформы,

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Назначеніе суда надъ 13-ю членами тверскихъ мировыхъ учреждений. — *Дворянскіе съезды и выборы.* — Съездъ мировыхъ посредниковъ Тверской губерніи. — Цѣль и порядокъ съезда. — Вопросъ объ обязательномъ выкупѣ. — Вопросъ объ обязательномъ переводѣ крестьянъ съ барщинъ на оброкъ. — Выборъ посредниковъ крестьянами. — Выходка «Нашего Времени». — Выборъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и просьба вѣсегоновскаго помѣщика. — Еще выходка «Нашего Времени». — Съездъ дворянъ на обсужденія вопроса о земскомъ банкѣ. — Условія, необходимыя для возникновенія поземельнаго кредита. — Обь обязательномъ выкупѣ. — Принятіе участія въ податяхъ. — Распространеніе выборнаго начала на всѣ сословія. — Отказъ Ф. Н. Гланки отъ попечительства надъ гимназіей. — Представленіе дворянъ о разширенія правъ попечителя. — Отчетность выборныхъ. — Притча «Нашего Времени». — *Дворянскіе выборы въ Петербургѣ.* — Противозаконность пользованія своимъ правомъ. — Предложеніе И. Безобразова о дворянскомъ сборѣ. — Выборы и съезды во Исковѣ, Воронежѣ, Калугѣ, Тамбовѣ и пр. — Выборное начало въ мѣстностяхъ бѣдными дворянами. — *Общій поземельный банкъ.* — Причины почему избранъ центральный банкъ. — Удивительное шарлатанство.

ПОЛИТИКА. Старые вопросы не теряютъ своего интереса. — Вѣроятнѣйшее послѣдствіе ожидаемаго въ Римѣ конклава. — Демонстраціи по поводу обнародованія документовъ. — Римъ во время карнавала. — Общее собраніе комитетовъ общества Provedimento въ Генуѣ. — Перемѣна итальянскаго министерства. — Взгляды на эту перемѣну газетъ французскихъ и англійскихъ. — Премія во французскомъ сенатѣ по поводу проекта адреса; рѣчи принца Наполеона; результаты преній, поднесеніе адреса и отвѣтная рѣчь императора. — Национальная награда генералу Монтобану съ неожиданными затрудненіями, благополучно устраненными. — Закрытіе курса г. Ренона аресты студентовъ.

ПЕСТРЫЯ ЗАМѢТКИ. Дорожные мысли. — Чего ждать и чего надѣяться. — Новости чернильнаго міра. — Чудеса російской журналистики. — Искра и милые дѣти, достойные награды. — Чѣмъ занята была публика. — Театръ въ Пассажѣ. — Три спектакля и мои послѣдныя донихъ размышленія. — Почему я не радуюсь? — Утѣшительные виды на будущее. — Литературные вечера. — Публичныя лекціи въ думѣ. — Студентши и благородныя диллетантки. — Закрытіе лекцій. — Канканная публика и ея удовольствія. — Маскарады, загородныя балы. — Моральныя и диллетанскія умозаключенія. — Гуляющее время. — Балаганы. — Литературно-музыкальный вечеръ 2 марта. — Везмертный экспромтъ г. Чернышевскаго.

Идеальный редакторъ. — Крупныя дарованія. — Критикъ. — Фельетонисты. — Заключительное слово къ читателю.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Лавинія. Романъ Рушвил. (Автора Лоренцо Бонолли). (Продолженіе).

ДРУГУ ИЛЬЕ ИЛЬИЧУ.

Илья Ильичъ! позволь, пока еще я смѣю
Гордиться дружбою пріятною твоею,
Позволь воспѣть звѣзду всходящую твою!
Ахъ! скоро конишь ты друзей твоихъ семью,
И потеряешься для насъ въ сіяньи свѣта,
Недосыгаемомъ для бѣднаго поэта!...
Позволь мнѣ хоть сказать, какъ я люблю тебя!...
Какъ мнѣ ты мнѣ, когда гаванскій дымъ клубя,
Прихлебывая, пьешь ликеръ ты благовонный,
Иль зельцерской водой клико остепененный,
И въ этотъ сладкій часъ между ѣды и картъ
Въ бюрократическій приходишь вдругъ азартъ,
И перестроивать съ верховъ до основанья
Все заново начнешь общественное зданье...
О, какъ мы слушаемъ! Какъ нашъ ученый Шмидъ—
Бичъ Чернышевскаго—отъ счастья пыхтитъ!
А юный правовѣдъ—сей баловень фортуны...
Какъ будто ловить онъ рѣчей твоихъ перуны,
И прячетъ ихъ въ карманъ, чтобъ ими, можетъ быть,
Въ бумагахъ дѣловыхъ эффектно погромить!...
А Петръ Петровичъ! Титъ Фомичъ, и я-то грѣшный—
Мы—таемъ, учимся—и, вѣрь, не безуспѣшно!
Какіе новые пружины и винты
Въ гражданскій механизмъ искусно вводишь ты!
Какой—изъ рукъ твоихъ—въ жизнь дикаго народа
Ручной голубкою слетѣла бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софѣ,
И вижу, что и я въ особенной графѣ
Въ теоріи твоей стою и такъ же точно
Всѣ, пирамидою, осмысленно и прочно,
Сложились шестьдесятъ миліоновъ русскихъ душъ!...

И какъ мы всё цвѣтемъ!... О, Богомъ данный мужъ!...
 Все, даже дикая, шальная эта дура,
 Вдругъ стала умницей такой-литература!
 Не бьетъ изъ пустяковъ отчаянно въ набать,
 А стала вѣжливо указывать развратъ,
 И можетъ господишь солидный преспокойно
 Все дать читать женѣ и дочкѣ: все пристойно!...
 Миѣ даже кажется, что нѣмцы наѣзжать
 Ужь стали къ намъ—твое созданье изучать,
 Дивясь, какъ это вдругъ, на грубой почвѣ русской
 Вдругъ стало пахнуть все идилліей французской!
 Конечно, иногда меня смущаетъ тутъ
 Одно сомнѣніе... народецъ русскій—плутъ!
 Не спорить никогда, но всюду, какъ по стачкѣ,
 Какъ въ яму спустить вдругъ, глядишь, по одиночкѣ,
 Созданья лучшія ученѣйшихъ головъ!
 Проваль—народъ, проваль!... Да ты-то не таковъ!
 Зависитъ весь успѣхъ конечно отъ манеры...
 И можно иногда принять покруче мѣры...
 Но это—пустяки! осмыслимъ и его!
 Тебѣ-ль, Илья Ильичъ, не сладить!... Одного
 Однако, о Солонъ, понять я не умѣю.
 Когда ты говоришь,—и я благоговѣю,
 И всѣ друзья твои дыханіе таятъ,
 И вдохновеніемъ глаза твои горятъ,—
 Скажи миѣ, отчего ты вдругъ, какъ конь пугливой,
 Приостановишься и кончишь торопливо,
 Когда твой свѣтлый взглядъ на уголь упадетъ,
 Гдѣ твой племянничекъ сидитъ, перо грызетъ,
 Иль дѣтскій усъ крутить, и смотритъ въ полъ упрямо?...
 Ты точно съ высоты падешь—и въ воду прямо!
 И гаснетъ творческій огонь какъ головня!
 И что же? передъ кѣмъ? да вразуми меня!
 Умъ государственный опѣшился мгновенно
 Предъ златокудрою, румянцемъ озаренной,
 Головкой юноши, въ которой, можетъ быть,
 Подъ рѣчь твою мечты пошли себѣ бродить
 По степи вѣтеркомъ дышащей благовоннымъ,
 По голубымъ рѣкамъ судами запруженнымъ!...
 Быть можетъ, что звенитъ въ ухахъ его въ тотъ мигъ

Далеко по водѣ идущій перекликъ,
 Межь-тѣмъ какъ небеса занскрились звѣздами
 И берегъ засверкалъ бурлящими огнями...
 А тамъ, въ монастырѣ вечерня отошла
 И на рѣку толпа, пестрѣя, побрела...
 Быть можетъ, видитъ онъ, какъ вышелъ самъ съ толпою,
 И манитъ ночь его весельемъ и гульбою....
 Ужь пѣсня здѣсь и тамъ по берегу слышна....
 Соплася молодежь... а ночь тенла, темна,—
 Но ярко юношѣ ужъ чьи-то свѣтять глазки....
 И очутился онъ какъ будто въ старой сказкѣ,
 Гдѣ ищетъ удалю похвастать богатырь,
 Гдѣ въ дѣбряхъ какъ свѣча сіяетъ монастырь,
 А бѣсы чернеца, въ лѣсу или въ пещерѣ,
 Соблазномъ вояческимъ опытывають въ вѣрѣ...
 Несчастнѣй юноша, тамбовскій гимназистъ!
 Давно-ль еще студентъ! душой такъ свѣжъ и чистъ,
 А отъ тебя бѣжитъ, подъ сѣнь роднаго мрака,
 Какъ отъ нѣмецкаго намордника, собака!
 Не смѣетъ даже въ споръ съ тобою онъ вступить,
 А ты ужъ далѣе не можешь говорить,—
 Какъ будто вдругъ прочелъ для всѣхъ своихъ теорій
 На юномъ личикѣ его: *memenito mori!*...

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ!
 Все ему неловко!
 Лягъ на плечико ко мнѣ,
 Прислонись головкой!
 Я съ тобою похожу!
 Подремли, мой мальчикъ!
 Хочешь, сказочку скажу...
Жилъ-былъ мальчикъ съ пальчикъ...
 Нѣтъ? не хочешь?... сказка—вздоръ,
 Пѣсня лучше будетъ...
*Зашумѣлъ сыр-темень боръ,
 Лисъ лисичку будитъ;
 Во темномъ сыромъ бору»*

— Чтожь не свишь мой крошка?

Я мамки наберу
Полное лукошко...
Во темномъ сыромъ бору...
 Тише засыпаетъ...
 Словно птеникъ, все въ жару
 Губки раскрываетъ...
Во сыромъ бору—поеть
 Мать и ходитъ, ходитъ!...
 Тихо, долго ночь идетъ;
 Ночь ужь день выводитъ—
 Мать поеть!... рука у ней
 Затекала, устала;
 И не разъ слезу съ очей,
 Бѣдная, ронила...
 Но едва дитя въ жару
 Вздрогнетъ, вострепенется,—
Во темномъ-сыромъ бору
 Снова раздается...
 Отклони ударъ, уйди,
 Смерть, съ своей косою!
 Мать дитя съ своей груди
 Не отдастъ безъ бою!
 Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
 Всею душою своею
 Свѣтлой жизни огонекъ,
 Чтó затеплень ею,
 Чтó въ малюткѣ засвѣтилъ,
 И самой ей стало
 Ясно—сколько чудныхъ силъ
 Сердце въ ней скрывало!...

А. Майковъ.

КУЛЕРБЕРГЪ,

ИЛИ

ПЕТЕРБУРГСКІЕ НѢМЦЫ.

(ПОВѢСТЬ-ЖАНРЪ.)

(Посвящается *Алексю Теофилактовичу Писемскому.*)

I.

Вы, можетъ-быть, замѣтили, что въ Петербургѣ почти всѣ зубные врачи—*Геймы* или *Штейны*, такъ что, кажется, одинъ только г. *Праведный* изъ нихъ и выбрался русскій. Потомъ я уже имѣлъ честь докладывать въ «Гаваньскихъ Чиновникахъ», что почти всѣ петербургскіе булочники — *Мюллеры* или *Веберы*, значить, то же германскаго происхожденія; потомъ, вы, вѣроятно, обратили вниманіе, что всѣ аптекаря въ здѣшней столицѣ—или *Цели*, или *Штраухи*, или *Гаугеры*, или что-нибудь въ родѣ этого, а не какіе-нибудь *Ушатовы*, *Брюховы* или *Раздеришныны*; слѣдовательно и на это дѣло русскіе, вѣроятно, еще не дозрѣли.

Если вамъ случалось заходить въ аптеку, то вы, вѣроятно, замѣчали, какъ ученики, будущіе молодые аптекари, съ плоскою криворною или стеклянною ступочкою или пузырькомъ въ рукѣ, торопливо появляются и опять куда-то исчезаютъ. Это исчезаютъ они въ кладовую, гдѣ хранится оптовой запасъ лекарствъ, или въ лабораторію, гдѣ изъ простыхъ медикаментовъ изготовляются

сложныя, или же, наконецъ прятутся въ кухню, гдѣ врачебныя вещества подогрѣваются, растапливаются, настанваются, варятся, и проч.

Войдите въ эту кухню: вы увидите плиту, съ состоящими на ней и опущенными въ нее, покрытыми фарфоровыми сосудами. Вы думаете, что вы у Доменика, готовы, пожалуй, приподнять ту или другую крышку, полагая, что васъ поддразнить оттуда румяная котлетка или бифштексъ съ макаронами и паромъ; не дѣлайте этого: тамъ или анаемскій вытягивающій испарину и душу сассапарельный декотъ, или противный настой вальерьяны, для истерически-нервной дамы. Въ концѣ плиты блестятъ шлемъ виазаннаго въ нее объемистаго куба изъ красной мѣди, который, какъ гусь, желающій напиться, протягиваетъ внизъ длинную свою шею. По этому горлу перебѣгаетъ, по каплямъ, въ холодный пріемникъ перегоняемая жидкость.

Жаръ, духота, паръ и всевозможные, до остервенѣнія разгорающіе, пряные запахи постоянно обдають стѣны, потолокъ и два окна кухни, и вылетаютъ въ растворенныя форточки и дверь этой комнаты; но прежде всего снѣшатъ побывать у аптекарскихъ помощниковъ, на антресоляхъ, на которыя ведетъ деревянная лѣстница.

Помѣщеніе это врядъ-ли можно назвать жилищемъ; потому-что всякое жилище, положимъ, даже собачья канура, предполагаетъ возможность дышать чистымъ воздухомъ; но этого, какъ вы увидите, никакъ нельзя сказать про логовище фармацевтовъ.

Представьте себѣ продолговатый ящикъ, въ два аршина въ вышину, въ восемь шаговъ въ длину и въ шесть въ ширину, съ люкомъ въ углу, открывающимся на лѣстницу. Этотъ ящикъ освѣщается четвертью окна, отрѣзаннаго отъ верхней части кухни и такимъ образомъ все это скорѣй походитъ на гробъ, чѣмъ на комнату.

Прибавьте, что это маленькое пространство, кромѣ того, заставлено двумя кроватями, двумя комодами, княжныимъ шкафомъ, однимъ столомъ и четырьмя стульями.

Точь-въ-точь такое же безвоздушное пространство занималъ аптекарскій помощникъ или такъ называемый *sevel*, Карлъ Ивановичъ Таубе, котораго товарищи давно уже прозвали мейстеромъ Пукомъ.

— Мейстеръ Пукъ!.. Пукъ! — кричить, бывало, ученикъ, зовя его.

— Что тебѣ? — отъликается тотъ.

— Ступай въ лабораторію.

И Пукъ нѣ-хотя, молча идетъ въ лабораторію.

Карлу Ивановичу теперь лѣтъ сорокъ или около того. Онъ средняго роста, бѣлокурый мужчина, съ выступившимъ нѣмецкимъ подбородкомъ и довольно рѣзко обозначающимися голубыми жилами на лбу, на видъ крѣпко сложенный. Родомъ происходилъ онъ изъ цеховыхъ, учился сперва дома, у отца, читать, писать и таблицѣ умноженія; потомъ, отданъ въ Анненскую школу, гдѣ пердѣлъ наизусть изъ латинской грамматики подъ реному, для облегченія памяти, въ родѣ слѣдующаго:

Mlle Worte sind auf is
 Masculini generis:
 Piscis, panis, canalis,
 Caulis, crinis, cucumis, glis, analys...

Для домой изъ училища, тоже, какъ и всѣ мы, грѣшные, дрался на улицѣ съ школьниками, получалъ выволочки отъ тѣхъ, которые были посильнѣй его, наконецъ взять изъ пятого класса обратно и, при помощи протекціи, помѣщенъ ученикомъ въ аптеку, гдѣ, прежде скатыванія пилюль, перенималъ искусство дѣлать *Apotecar-Эффаръ* и выпивать этого *аптекарь-шлябсъ*, не повернувшись, за однимъ залпомъ, цѣлую унцовку. Онъ былъ добраго уживчиваго характера и, кромѣ того, малый неглупый. Гола чрезъ три, постигнувъ всю тайну фармацевтической кабалястики, надѣлъ черный фракъ, отправился на Выборгскую сторону, въ Медикохирургическую академію, сдалъ въ нѣсколько субботъ свой экзаменъ и вотъ, онъ — *лезель*, чортъ возьми! Теперь онъ самъ гражданинъ, съ ученою степенью, съ будущностью... и жалованьемъ, которое *некуда дѣвать!*

О, мой бѣлокурый, кудрявоголовый Карлъ Ивановичъ! осуществятся ли твои надежды, когда на желтоватомъ лбу твоемъ вѣдутся, какъ ножомъ, морщины, у наружныхъ глазныхъ уголковъ обозначатся гусиные лапки, въ вискахъ предательски блеснутъ сѣдые волоски? Кровь въ твоихъ артеріяхъ ужь не будетъ такъ тормошить тебя; вмѣсто румянца на щекахъ обозначатся войлокомъ переплетшіяся красныя жилки, или всѣ прежнія живыя движенія пооблѣняются, поубаюкаются. Этотъ портретъ я пишу съ тебя теперь ровно чрезъ два десятка лѣтъ, послѣ того, какъ ты получалъ свой дипломъ.

23-го іюня, въ день гулянья нѣмцевъ на Куллербергѣ, часовъ

въ 10 утра, весело заглянувшіаго черезъ два стекла въ уютную комнатку-лячикъ, къ нашему Карлу Ивановичу, онъ съ задумчивымъ лицомъ сидѣлъ на пожиломъ плетеномъ стулѣ, облокотясь на такой же пожилой ломберный столъ правою рукою, которою онъ подпиралъ щеку; въ лѣвой была у него только что раскуренная трубка; тутъ же, на шагъ отъ него, на совершенно живомъ уже стулѣ, держался высокій, русоволосый молодой человекъ, съ цвѣтущимъ лицомъ и въ лѣтнемъ пальто. Это былъ молодой докторъ Черепановъ Василій Васильевичъ.

Послушай, Карлъ, говорилъ онъ, — пойдѣмъ въ самое дѣлѣ на «Куллербергъ». Что за бѣда, что ты завтра дежурный? Успѣешь еще выспаться, слава тебѣ, Господи! ночь-то твоя; раньше вернемся. Пять, пожалуй, не будемъ, я и на то согласенъ.

— Въ чемъ ѣхать-то? не въ этомъ-же, — отвѣчалъ ему Таубе, указавъ головой на свой изношенный свѣтлосѣрый, суконный сюртукъ, который тогда былъ на немъ.

— Чтожъ такое, возразилъ докторъ. — Кто тамъ тебя будетъ разсматривать? Ну, наконецъ, если хочешь я достану тебѣ пальто превосходное.

— Нѣтъ, не рука, молвилъ съ замѣтною уже досадою Мистеръ Пукъ, вообще нелюбившій одолжаться.

— Что не рука-то; теперь бы вотъ *продернуть* немного, а тамъ и махнемъ! Скатись-ка въ самое дѣлѣ внизъ да приготовь съ полфунта своего аптекарскаго шнавсу. О чемъ же ты задумался-то?

— Да какъ не думать! платье порядочнаго нѣтъ, — горестно молвилъ Таубе. Одурь, наконецъ, возьметъ двѣ недѣли сряду сидѣть безвыходно въ аптекѣ; только и удовольствія, какъ перепадутъ денжонки, такъ въ *бирную*, покалякать тамъ съ портными, или кузнецами. Удивительное развлеченіе! А вѣдь тоже чему-нибудь да учился! И такъ убивается вся молодость! Болваномъ, идиотомъ сдѣлаешься; а тутъ еще этотъ дуракъ (Таубе намекалъ на хозяина) выговариваетъ, что нѣтъ усердія... Какое тутъ, къ чорту, будетъ усердіе?

Въ эту минуту на лѣстницѣ слышались шаги. Въ комнату вошелъ работникъ.

— Карлъ Ивановичъ! Ляксанъ Ивановичъ васъ требуютъ. «Поди, говорить, къ Карлу Ивановичу и скажи, что мнѣ очень нужно его», — произнесъ онъ.

— Ладно, приду, — проговорилъ Таубе и направился къ вы-

юду, но вотомъ обернулся и спросилъ доктора: Съ чѣмъ тебѣ сдѣлать пшансъ: съ малиновымъ, или съ вишневымъ сиропомъ?

— Съ чѣмъ хочешь, только не отрави, пожалуйста!

— Дѣвичьей кожи надо принести на закуску, а то у меня ничего больше нѣтъ.

— Волоки все, что хочешь.

— Я не буду пить, впередъ тебѣ говорю.

— Ладно, ладно.

— А съ тебя довольно и трехунцовки.

— Рассказывай, трехунцовки! Что тамъ въ трехунцовкѣ?

Карлъ Иванычъ удалился.

— Подпортить его, тогда онъ поддастся, подумалъ, но уходѣ его, молодой врачъ. Нескоро слышишь: здоровъ, бестія! А одному ужась какъ не хочѣтся отправляться.

Вскорѣ Карлъ Иванычъ вернулся, неся въ одной рукѣ довольно-объемистую аптекарскую стеклянку, въ которой была розоваго цвѣта жидкость, а въ другой рюмку безъ ножки и что-то завернутое въ бумагѣ. Все это онъ помѣстилъ на столѣ.

— Напрасно ты, душечка Карлъ, третьяго дня не пришолъ,— заговорилъ медикъ, наливъ себѣ рюмку и выпивъ: — а мы съ Верговымъ, Сотниковымъ и Сашкой Фальковымъ прокуралесили весь вечеръ и всю ночь. Гдѣ только ни были, Господи ты Боже мой!... Повѣришь ли, только два цѣлковыхъ въ карманѣ привезъ домой изъ двухсотъ-то-двадцати рублей! Чисто!... Ну да по крайней мѣрѣ пожилъ. Послушалъ бы, что французы говорятъ въ *société*: я знакомъ съ нѣкоторыми: «Жить», говорятъ они, «такъ жить до тридцати лѣтъ, а тамъ, пожалуй, можно отправиться и къ чорту». Посмотрѣлъ бы ты, какъ пьютъ! не по-нашенски. Что-о англичане! дрянъ противъ нихъ: полстакана портеру, а остальное коньякомъ! Эво какъ!... Ну, ты чего не приглядываешься?

— Не хочу,— отвѣчалъ, замотавъ головой, Таубе.

— Что за вздоръ! Одну рюмку?

— Нѣтъ. Гдѣ жъ вы тогда прежде всего были?

— Не спрашивай! Словомъ, чортъ знаетъ, гдѣ только не были... Перво-на-перво полетѣли къ Борелю, обѣдать; просидѣли тамъ весь день. Разбили что-то — не помню хорошенько— со-дѣли жесточайшимъ образомъ, разумѣется, съ меня. Ну, да чать ихъ возьми! А оттуда, знамо дѣло, сперва въ Горохо-

вую, тамъ проваляндальсь до часу, и наконецъ сложили крыльця окончательно въ Садовой,—знаешь?

Таубе на это только хмунулся, потомъ налилъ со сладкой улыбкой рюмку и выпилъ.

— Вотъ это такъ лихо!—одобрилъ его докторъ.—Ну, мамей же и мнѣ.

Тотъ исполнилъ.

— Ире гезундгейтъ! пожелалъ ему Черепановъ и выпилъ.

— Съ чего же прежде всего начали?—любопытствовала Таубе, съ разгорѣвшимся уже нѣсколько глазами и закуривая спичкой погаснувшую трубку.

— Не гаси, — отвѣтилъ ему прежде всего докторъ, потомъ въ одно мгновение выхватилъ у себя изъ бокового сюртучнаго кармана портсигаръ, открылъ его, выдернулъ папиросу и живо закурилъ ее.—Начали, продолжалъ онъ, съ рижскаго бальзама пополамъ съ портвейномъ... Зашли сейчасъ же къ Смурову...

— А закусывали чѣмъ?—опять задалъ вопросъ аптекаръ, у котораго желудокъ свернуло въ комокъ, когда онъ вообразилъ, чѣмъ можно было полакомиться на такія большія, деньги.

— Закусывали всѣмъ, что на глаза попало: сыромъ, икрой, балыкомъ, сардинками, анчоусами; потомъ велѣли подать... ну, да это все сѣно, трава! Нѣтъ, я тебѣ скажу, Карлъ, какія женщины-душки были тамъ, въ Садовой... особенно одна, Клемансъ... французенка, брюнетка. Присѣла пѣтъ:

(Поетъ, стараясь скопировать.)

Celui qui sût toucher mon coeur.

— Картавить немножко: «шоп соевитг...» Ми! чертенокъ этакой!—воскликнулъ Черепановъ и, вскочилъ, жестоко стукнувшись о потолокъ.

— Ан-наземскій твой потолокъ, хоть совсѣмъ не ходи къ тебѣ, право, вѣчно все забываю, — говорилъ онъ, пригнувшись и схватясь за ушибенное мѣсто. Потомъ посмотрѣлъ вѣпросительно на пріятеля и сейчасъ же сѣлъ.

— Хоть бы ты женился, Карлъ, чортъ возьми, и переѣхалъ изъ этого сундука,—продолжалъ онъ.—Вонъ, полъ у тебя полгода, я полагаю, не мытъ, на груди желтая манишка... Фу, ты дьяволъ, еще теперъ даже слышно, какъ я хватился; шипка, поди-ка, вскочить.

— А почему ты знаешь, можетъ, я еще и женюсь,—отозвался Карлъ Ивановичъ, прищуривъ одинъ глазъ, и съ улыбкою. —

Шаронъ еще, можетъ, будешь у меня на свадьбѣ. Ты долженъ мнѣ оказать большую помощь въ этомъ дѣлѣ. Серьезно говорю тебѣ, что я женюсь. Что ты такъ смотришь на меня?

— Что жь, давай Богъ,—произнесъ, пожавъ плечами, докторъ.—На комъ же?

— Ну, это пока еще секретъ... Поѣдемъ, если хочешь, на Кулдербергъ... достань мнѣ пальто!—произнесъ вдругъ Таубе.

— Отлично, превосходно! похвалилъ докторъ, и, было, уже вытянулся во весь ростъ, но тотчасъ же сгорбился и, болѣзненно посявываясь вверхъ, произнесъ:

— Вотъ ужъ что сжегъ бы, ей-богу, отъ всей души, такъ это твою паршивую комнату!—говорилъ онъ, слѣзая за Карломъ Шваннчемъ съ лѣстницы.

Тотъ, въ свою очередь, хотъ и былъ видимо сильно возбужденъ, но молчалъ.

II.

Чтобъ объяснить нѣсколько-загадочныя послѣднія слова мистера Пуга, мы, по необходимости, должны заглянуть въ его внутренній душевный мѣръ. Сдѣлавшись, какъ мы знаемъ, аптекарскимъ помощникомъ, онъ сначала мечталъ современемъ быть вторымъ Либихомъ, Бартолетомъ, Орфилой, лишь бы добрая воля, охота и трудъ. «Трудъ и терпѣнiе все преодолеваютъ», думалъ онъ. И со свойственнымъ его расъ терпѣнiемъ принялся—было учиться не мѣсяцъ, не два и не годъ, а три.

Но тутъ кто-то изъ прiятелей, съ которыми онъ, между прочимъ, выучился выживать за одинъ присѣсть полдюжины пива и ѣздить верхомъ на деревенскихъ клячахъ, тутъ кто-то, говорю, такой же *лезель*, какъ и онъ, но попрактичнѣе его въ жизни, и замѣтилъ ему:

— А что же будетъ, если ты, положимъ, и магистромъ будешь?

Этого вопроса Таубе многогда еще не задавалъ себѣ.

— Что-жь будетъ потомъ?—не отвязывался камадъ, оставивъ на него бойнiе глаза.

— Потомъ?... повторилъ озадаченный Пугъ.

— Да, потомъ?—подтвердилъ тотъ. — Чтобъ упрочить себя фармацевту, надо открыть аптеку; а чтобъ открыть здѣсь аптеку, даже гдѣ нибудь, въ захолустьѣ, надо имѣть, на худой ко-

нець, двѣнадцать тысячъ! А безъ этого на кой чортъ тебѣ магистръ? Все равно: чрезъ это твое положеніе ни на волосъ не улучшится!

— Да, ничего не сдѣлаешь безъ денегъ!—печально повторилъ мастеръ Пукъ, и впервые, можетъ быть, грусть и разочарованіе закрались въ его сердце. Онъ какъ сидѣлъ, такъ я остался сидѣть, молча и съ поникшею головой.

Въ тотъ же день онъ куда-то вечеромъ скрылся изъ аптеки и возвратился домой на утрѣ, отдавъ извозчику послѣдній четвертакъ изъ двадцати пяти кровныхъ рублей, и, въдобавокъ, съ отуманенной головой, съ апатіей ко всему, что было радостнаго въ его прошломъ.

Тутъ онъ въ первый разъ въ жизни не пошелъ въ аптечную свою лавку, за стойку, а прямо поднялся къ себѣ, въ свою кануру, въ ящикъ, въ гробъ, да и то украдкою, не смѣя поднять глазъ, съ угрызёніемъ совѣсти. Бросилъ онъ съ досады шляпу на столъ, присѣлъ, облокотился, задумался. вмѣсто вчерашняго веселья къ нему подсѣла тоска, невыносимая тоска. Она обняла его, потужила съ нимъ вмѣстѣ о золотой юности и, вспомнивъ эту радужную юность, родную свою семью, всѣ прошлыя цвѣтистыя надежды, тяжело горько ему стало на сердцѣ.

Все облегчасть время. Нашъ Карлъ Ивановичъ послѣ перваго пароксизма немного успокоился; подумалъ, что горю тоскою не поможешь; бросилъ фармацію, химию и принялся за довершеніе своего образованія, да принялся—то не съ элементарныхъ наукъ, а прямо навалился на современные вопросы. Чтобъ добыть себѣ книгъ, надобны деньги; жалованья тутъ было мало. Онъ предложилъ свои услуги одному золотыхъ дѣлъ мастеру, взявшись чистить золото отъ платины и серебра. Отлично! На первый же разъ заработалъ до ста рублей серебромъ. Приобрѣлъ себѣ «*Wegewart*», «*Zeit*», «*Conversations-Lexicon*», путешествія Гумбольдта, приключенія Казановы et caetera, et caetera.

— Фу, вотъ она, жизнь-то! думалъ онъ, на-пролетъ про-снуживая ночи и съ жадностью поглощая все, что Брокгаузъ бросалъ по пяти концамъ свѣта съ своихъ царовыхъ скоронечатныхъ машинъ.

Прошло еще лѣтъ восемь; ему уже стукнулъ тридцатый годъ. Много посорвало съ него проклятое время. Онъ самъ уже пересталъ вѣрить мечтѣ и надеждамъ; онъ увидѣлъ, что у него ничего нѣтъ и не будетъ насчетъ звонкой монеты; но вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ сознавалъ , что онъ обогатилъ себя познаніями. Онъ съ самодовольствіемъ замѣчалъ , что когда онъ бываетъ вечеркомъ у «Палкина» и займется съ кѣмъ нибудь о томъ, о семъ, но больше всего о политическихъ вопросахъ, то образованные люди, офицеры и штатскіе слушаютъ его со вниманіемъ.

Но тутъ вдругъ на него настѣла новая бѣда, о которой онъ прежде и не помышлялъ. Съ расширеніемъ круга его образованія, ему ярче освѣтилась бездна его безвыходнаго положенія!

Тутъ же нужно было ему, видите, влюбиться, и въ кого же— Христось съ нимъ!—въ хозяйскую дочку, Доротею Ивановну, полненькую, небольшого роста, смазливенькую блондинку, съ голубыми, какъ крымскія озера, глазами. Ей еще было всего пятнадцать лѣтъ (теперь ей двадцать—шестая весна). Она еще ходила въ школу и чуть ли не носила панталончиковъ. Случилось это очень просто. Въ самый день ея рожденія отравилась ея собачка нечаянно мышьякомъ,—который былъ съ говядиной воставленъ на доброе здоровье крысамъ,—и эту самую собачку, шипца, онъ, счастливецъ, вылечилъ! Благодарственный взглядъ и рукопожатіе были прежде всего ему наградой. Въ этотъ же день она сама вечеркомъ ухитрилась и тайкомъ поподчивала его клубничнымъ вареньемъ на блюдечкѣ, и тутъ же подарила ему собственной ея работы рисунокъ: «дѣвушка задумчиво стоитъ у колодца.» Повѣрите ли, что мѣсяца съ три прошло потомъ, пока онъ, постоянно мечтая о своей Дашенькѣ, рѣшился награвировать самымъ красивымъ почеркомъ, что онъ ее считаетъ своею лучезарною звѣздою, блеснувшею ему. Бѣдняку, отрадно въ этой жизни.

Пансіонскія барышни, какъ извѣстно, охотницы до конфетъ и любовныхъ записокъ. Мамзель Доротея сперва похвастала этимъ признаньемъ подругамъ своимъ, а потомъ отвѣчала нашему Пукъ, что она плакала, когда читала его строки, и что она сама его давно уже любитъ.

Потомъ прошло еще съ полгода, пока нашъ мейстеръ Пукъ рѣшился, во чтѣ бы ни стало, поцѣловать свою нѣмецкую «Гелонзу».

Послѣ того прошло еще три года. Къ Дашенькѣ сватались женихи—она ни за кого не пошла, думала только о своемъ бѣлокуромъ Карленькѣ; онъ думалъ о ней, о небесной, несравненной. Они улучили минуту, чтобъ обнять другъ друга, слить уста съ устами, вздохнуть—и только!

Послѣ того прошло еще шесть съ половиною лѣтъ до нынѣшняго года. Ни Дарья Ивановна, ни самъ мейстеръ Пухъ не смѣли и думать открыть свою тайную привязанность родителямъ героини. Ихъ смѣли бы обоихъ, а Карла Ивановича первого, пожелавши бы, выплюнули на улицу. Объ этомъ знало только одно петербургское небо, даже только та частица его, которая заглядывала въ слуховое окно на чердакъ, принадлежавшій аптекарю Ивану Адамычу Шустерле.

III.

Амалия Карловнѣ, судругѣ почтеннаго аптеваря, какъ-то скоро несчастливо раздѣлаться съ своею стрипнею. Въ 10 часовъ утра она уже порхъ! и улетѣла на Куллербергъ. Но никакъ нельзя было того сказать про козаяку уважаемаго столярнаго мастера Адама Адамовича, роднаго брата аптекаря, и находящагося съ нимъ въ ссорѣ. Она еще мечется, какъ угорѣлая, въ кухнѣ, вмѣстѣ съ кухаркою, Лукерьею, и дочерью своею, Минхонъ, которая эту недѣлю дежурною по хозяйству. Еще и вчера вечеромъ онѣ всѣ три были въ такихъ хлопотахъ, что имъ и на полминуты, кажется, не удалось присѣсть: только - что, опустятся, тутъ же, въ кухнѣ, на стулъ, не успѣютъ даже лежачь свопнѣ красненькимъ остренькимъ язычкомъ для освѣщенія рта, какъ вдругъ сумасшедшее жаркое въ печкѣ, точию Богъ знаетъ что съ нимъ сдѣлалось, затрещить:

— Тррр—чичичичи!.. Надо броситься всѣмъ имъ къ заслонкѣ, чтобъ вытащить противень и облить причину суматохи кипяткомъ или бульонцемъ. Юбки ужъ въ три часа ночи доглаживали!.. А тутъ еще надо было валять тѣсто для пироговъ и сладкихъ булокъ. (Здѣшніе нѣмцы выучились уже стривать и «кушить» наши пирогенъ, со всевозможными начинками.)

— Люкери! говорила хозяйка: возьми скарѣ швѣсть эта рыба...

И Лукерья поспѣшно кидается чистить сига. У кота, Василя Иваныча, при этомъ всю внутренность поварачиваетъ оттого, что онъ слышалъ запахъ сырой рыбки. Онъ даже глотнулъ раза три слюны, смотря вверхъ на столъ, гдѣ работала кухарка. «Охъ, моченьки нѣтъ! такъ и подымаетъ махнуть по сигу лапкой.» Но вотъ какъ-то немилосердо зашлѣпалъ соблазнительный хвостикъ. «Пускай повѣсятъ... но нѣтъ средствъ дальше воздер-

завься.» Хватъ, хватъ за свѣсившійся со стола конецъ рыбы... а его за это звякъ, звякъ по лбу черенкомъ ножа.

Василій Иванычъ только сократился и захлопалъ глазами.

«Вотъ оно какъ поступаютъ съ нашимъ братомъ!» подумалъ онъ. «А поди-ка, Боже сохрани! стащи всю штуку, тогда что заговорять! А впрочемъ... отчего же?.. можно попробовать...»

Цапъ-царапеньки обѣими лапками, да такъ скоро, да такъ ловко: чуть-чуть не стянулъ на полъ всю штуку.

Матушка моя! на вѣсу тащатъ Васеньку за ухо по всей кудря.

«Да я такъ, я такъ только... шутя...» умоляетъ онъ.

Выбрасываютъ за дверь, да еще съ нотациями:

«Вотъ же тебѣ, коли такъ, подлець... Мало ему еще... вешонки даве налопался... Ишь ты, дуй-те горой!»

«Печонка... А что печонка?» размышлялъ потомъ за дверью, въ стѣнѣ, жестоко сконфуженный Василій Иванычъ, судорожно вертя хвостомъ. «Что печонка?.. Печонку любятъ только одни чиновники... Охъ, подалась бы теперь крыса! ужъ задалъ-бы я ей ходу! А вонъ, на окнѣ, на самомъ краешкѣ, стоитъ кюстрилька со сливками!... Подоконникъ страшно узенькій, некуда прыгнуть. А если, однакожь, уловчиться?.. Ужъ заодно бѣдокурить сегодня.»

Скокъ... удержался... Брависимо!... Теперь осторожно отодвинуть покрывечку... Не падай же, душечка.

«Тя-та-та-та-та, загремѣла крышка. Экая анаэма упала!.. Лукавый женскій характеръ!»

— Ну, теперь будетъ Содомъ и Гоморра! Родители мои!.. бѣгутъ...

— Ладно, погоди же, поскудникъ ты этакой, грозилъ кухарка, выглядывая изъ стѣншевъ на дворъ.— Ужъ развѣ ты не придешь только, а то бока-то взъендору я тебѣ.

«Я обѣщаніямъ не вѣрю», разсуждалъ про себя Васиканчикъ, стоя посреди двора и съ самодовольствіемъ вертя хвостомъ: а потомъ про ѣздъ въ каретный сарай, чтобъ посмотреть, нельзя ли тамъ пройтись хоть насчетъ сальной свѣчки, позабытой, можетъ-статься, кучеромъ...

Господи Боже мой! сколько еще дѣла предстоитъ супругъ Адама Адамовича!.. Ну, подмастерья и мальчики, пускай не про-

гнѣваются, перекусать чего-нибудь, селедки съ картофелемъ... На «Куллербергъ» поѣдятъ.

Довольно-бойкій, черномазый сынъ хозяйки, Карленька, мальчикъ лѣтъ десяти, вскочилъ въ кухню, какъ-будто съ цѣпи сорвавшись. Онъ, изволите видѣть, крѣпко взакалъ.

— Ich will essen! ¹ восклицаетъ онъ.

— Wart! ² говоритъ мать, не глядя на него.

— Aber ich will essen! ³ возражаетъ онъ.

— Kannst warten, ⁴ опять говоритъ она.

Но сынишко подходитъ къ столу, къ горкѣ лежащихъ на блюдѣ пирожковъ съ рисомъ, беретъ одинъ изъ нихъ, и уже развѣваетъ ротъ; ему достается сперва по рукѣ, потомъ отнимаютъ пирогъ, потомъ даютъ подзатыльника и наконецъ, какъ kota, выводятъ за ухо изъ кухни.

«Вотъ это такъ дѣльно!» думаетъ кухарка. «А то просто житья нѣтъ отъ сорванца.»

Папенкѣ захотѣлось почать бутылку съ ямайскимъ, — такъ, блажь залѣзла въ голову. Причина законная: отчего же теперь не сотворить то, что предположено сдѣлать послѣ? Онъ посылаетъ дочку за кипяткомъ къ матери, въ кухню.

— Was' dich! ⁵ сердито отдѣливается хозяйка дома, чуть не вытолкавъ свою бѣлокурую четырнадцатилѣтнюю Шарлотту.

— Aber, Herr Jesus, Anchen, ⁶ мягко произноситъ самъ Адамъ Адамовичъ, останавливаясь на порогѣ кухни, обращаясь къ женѣ: Kannst du mir nicht ein Glas heißes Wasser schicken? ⁷

Она, скрѣпя сердце, исполняетъ его желаніе.

— Na—a! und mach', daß du fort kommst, ⁸ говоритъ она съ недовольнымъ видомъ, не глядя, и, сунувъ мужу стаканъ на блюдце, второпяхъ плеснула ему на нанковые панталоны.

— Шт... Di Jes! oi Jes! зашипѣлъ и вскрикнулъ онъ, схвативъ себя за бедро.

— Bist du bei Sinnen? ⁹ договариваетъ онъ, тоскливо смотря на жену!

¹ Кушать хочу!

² Подождешь!

³ Но мнѣ есть хочется!

⁴ Можешь повременить!

⁵ Убирайся!...

⁶ Но Господи Боже мой! Анхенъ.

⁷ Развѣ ты не можешь мнѣ прислать стаканъ кипятку?

⁸ Возьми и отстань!

⁹ Въ умѣ ли ты?

— *Geh', geh', ich hab' kein' Zeit mit dir zu plaudern,* ¹ произноситъ хозяйка, и уже все снова закипѣло подъ ея руками.

Окончивъ стряпню, супруга столярнаго мастера и дочь ея приказали кухаркѣ налить кипятку въ корыто, поставленное на вогу; потомъ—дай Богъ нѣ здоровья—сѣли въ него и принялись мыться, предварительно заперевъ крѣпко-на-крѣпко дверь, и старательно занавѣсивъ окно....

Незнавшій этого, Адамъ Адамовичъ постучался—было къ нимъ въ дверь, но нѣбючки съ испугомъ зачирикали:

— Нихтъ, нихтъ!....

— *Was?*—спросилъ тотъ, напирая въ дверь.

— Нихтъ, нихтъ! пугливѣе и милѣе прежняго заголосили онѣ.

— *Wasdest du dich? oder was?* ² снова задалъ онъ вопросъ женѣ, слышавъ тамъ всплески и капанье воды.

— *Ja ja* ³ неохотно подтвердила супруга....

Окончивъ со всѣмъ этимъ, закопошились закупками булокъ, пукрей, кольбасъ—это главное, потомъ, шнапсъ, *einier Flasche von guten Wein, Zucker-Wasferk.*

— Ахъ, ахъ, мам! а о кофеѣ-то мы позабыли!—кричитъ Шарлотта, младшая дочь Адамъ Адамовича. — Сахаръ взять, а кофе нѣтъ.

— *На, такъ нада паскарѣя паслатъ,*—говорить мама. — *Вазили,* прибавляетъ она, обратившись къ ученику:—пади скарѣ фъ ляфка, кунитъ одна фунтъ кофе.... тридцать пять капекъ.

— Кофейникъ большой уложенъ?—спрашиваетъ таже дочь у матери, показывая на увязанныя корзины.

— *Ja, drinn,* ⁴—спокойно отвѣчаетъ мать.

Но когда мужъ спросилъ по-русски (Адамъ Адамовичъ любилъ говорить на этомъ языкѣ).

— *Вя не забудь бутылка?* (почтенный столярный мастеръ намекалъ на ромъ).

— Да, да! будь спокойна, отвѣчаетъ уже съ досадой жена.

Но вотъ самовары и кофейники, уголья и растопки, тарелки, ножи и вилки, стаканы и рюмки, бутылки съ ромомъ и со сливками, блюда съ жаркимъ, пирогами, окорокѣ и колба-

¹ Нечего, проваливай, у меня нѣтъ времени болтать съ тобой.

² Моешься ты тамъ, что-ли?

³ Ну-да-а.

⁴ Да, тамъ.

сы—все это уложено, упаковано и увязано въ трехъ корзинкахъ, набитыхъ вѣрномъ: мало того, говорю, увязано — унесено уже и стоитъ на канавѣ, на плоту.

Самъ Адамъ Адамовичъ, съ задумчивымъ отъ истеричнаго лица въ лѣтней камлотовой шинели, тоже тутъ. Сынъ его, Карленъка, при немъ. Остановка только за женскимъ поломъ. Отецъ послалъ уже своего пестуна за супружницей и дочерями.

— Идѣть, скажи́ть ма́ма, пово́лѣлъ онъ, — што́бъ онъ скаръ шоль.

Сынъ, исполняя приказаніе своего папаша, появился въ дверяхъ комнаты, гдѣ его ма́ма и обѣ сестрицы заняты были, кто-чѣмъ, суется на счетъ туалета и бѣгая изъ одной комнаты въ другую. Онъ передалъ имъ волю своего родителя.

— Чѣ́късь ми всѣ идетъ, — отвѣчаетъ мамонька, въ тридцать-восемь лѣтъ все еще во цѣльнѣ часамъ охоранивающаяся передъ зеркаломъ.

— *Para schimpft* ¹, — прибавляетъ мальчишкѣ, и, какъ будущій мужчина, съ недовольною миной смотритъ на медленные сборы женщинъ.

— *Dein Para und Du, Ihr habt, alle beide, ein großes Maul* ².

Однакомъ, она тихо торочитъ дочерей: «скаръ, скаръ», говорить она.

— На! готова? — спрашиваетъ она, спустя минуту, совсѣмъ уже одѣвшись и смотря то на ту, то на другую дочь. Младшая изъ нихъ, Лотхенъ, была въ шляпѣ и бурнусѣ, и надѣвала уже перчатки.

— Сію минуту, — отвѣчала она, торопливо застегивая серьгу.

Но вотъ и она была совсѣмъ уже одѣта. Всѣ были въ полномъ нарядѣ и двинулись общей гурьбой; сама мадамъ впереди ихъ, колоновожатой. Она была высокаго роста и выступала какъ пава, сильно откинувъ назадъ плечи. Мысли ея были уже на плоту, у ея почтеннаго Адама Адамовича. Она взялась уже за дверь, открывавшуюся въ сѣни, вдругъ послышалось: «ахъ!» и при этомъ какъ-будто что-то лопнуло; потомъ послѣдовалъ звонкій смѣхъ. Вся компанія остановилась и, обернувшись, вопросительно глядѣла на старшую дочь семейства, Минхенъ, полненькую блондинку, которая, со сконфуженнымъ, вспыхнувшимъ личкомъ, опустивъ глазки и закусивъ губки, часто во-

¹ Папа бранится.

² Вы вмѣстѣ съ отцомъ, оба любите горло драть.

для розовыхъ поздравий и старалась удержатъ дышкѣ, а сама едва удерживалась отъ смѣха..

— Н-на! Что тамъ такой?... сердито спросила маменька.

— Ничего. Ступайте, я васъ догоню, отвѣчала дѣвушка, не трогаясь съ мѣста и, съ улыбкой взбросивъ на всѣхъ глазами, а послѣ того сейчасъ же опять отпустивъ ихъ.

— Велите, маменька, Карлушѣ выйти. Я знаю что случилось, — приговорила, тоже улыбаясь, — Лотхенъ.

— Ich weiß auch... die fallen ab... Schiff platzte ¹... сказалъ тотъ, скорчивъ насмѣшливую гримасу, и вышелъ въ сѣнъ.

Послѣ его ухода сестрицы дружно расхохотались и общими силами помогли бѣдѣ. Напоследокъ, шествиѣ тронулось и до самага плота продолжалось и окончилось благополучно.

— Наконецъ-та! выговаривалъ имъ Адамъ Адамовичъ. — Слыва Бога.... ищѣ не чичась вечеръ....

Всѣ прибывшія молча сошли на плотъ, но въ лодку вступили всѣ дамы во-жемскн, т. е. очень мило, съ тончайшими квинтъ-мыши звуками, въ родѣ «ахъ, ахъ! й-и-и!» и вочти падая одна на другую и балансируя въ качавшейся лодкѣ.

— Я-на, seit doch nicht so gefährlich... Herr du meines Lebens, ² чедленно проворчалъ Адамъ Адамовичъ, прижимая дочерей.

Но вотъ всѣ, напоследокъ, усѣлись. Мальчики-гребцы были уже на своихъ мѣстахъ и вѣлишь за весла. Одинъ ученикъ съ весломъ-правилной помѣстился въ кормѣ лодки, за кормищи.

Лодка двинулась. Сначала дѣло шло не больно-то ловко: поминутно который-нибудь изъ учениковъ нѣтъ-нѣтъ да засунетъ весло глубоко въ воду или возьметъ прежде другаго; но потомъ, все-это исправилось и наша барочная шлюпка пошла ровно и скоро; когда же выѣхали изъ Мойки на Неву, то любо-дорого было смотрѣть, какъ она обгоняла всѣхъ другихъ Адамъ Адамычей и Карлъ-Карлычей, тоже, неbst ihren Familien, сгнѣшившихъ чнахъ Куллербергъ».

Доплывъ по Невѣ до Тучкова моста, а послѣ того выбравшись изъ-подъ него, нѣмцы брали направо и вѣзжали въ Ждановку; тутъ они, обогнавъ знакомыхъ, раскланивались. Нѣмоч-

¹ Я тоже знаю: что нѣбудъ свало, шнурокъ лопнулъ.

² Да не пугайтесь же такъ, Творецъ милосердыи!

ки весело кивали другъ другу головкой. Слышались тоненькіе голоса:

— Нахъ Куллербергъ?

— Нахъ Куллербергъ!.. отвѣчали имъ, и опять слѣдовали любезныя киванья дамскихъ шляпокъ.

Иногда одна лодка съ красными (отъ солнца и отъ другихъ причинъ) длинноносими физиономіями обгоняла другую, съ такими же красными физиономіями, потомъ задняя спѣшила не отстать отъ передней, а эта, во что бы ни стало, старалась удрать,—и все это горланило:

— Гуррааа!.. Нахъ Куллербергъ!..

Напослѣдокъ лодки, чолны и ялики, покинувъ Ждановку, брали наискосокъ Малой Невки, прямо къ правому берегу, къ мосту, переброшенному съ Петровскаго острова на Татарскій, и въ правой рукѣ отъ него торжественно вѣзжали сперва въ устье, а потомъ гуськомъ, и въ самую знаменитую куллербергскую рѣчку, въ родѣ «Паршивой» гаваньской рѣчушки.

По сухому пути, чуетъ Васильевскій Островъ, тоже тащатся нѣмцы съ своими супругами и дѣтьми, на линейкѣ, съ придачею двухъ узловъ и даже небольшой корзинки, въ которой было уложено *bière und jenever*; причеъ также были не забыты кофейникъ и фляжка, «mit Kaiserlicher-Wasser.»

Позоже уже покатытъ въ коляскахъ тѣ Иваны Иванычи и Карлы Карловичи, «котора булъ побогаче...» и полетутся всѣ тѣ, «катора не такъ знатна, какъ господинъ супер-булошникъ Веберъ, или какъ обер-колыбасникъ Шписъ, или какъ генерал-сапожникъ Пель», съ своими семействами, узелками и своимъ маленька Фриценъка на рука.

— Не нада такъ кричишь — фуй! унимали они иногда, когда тотъ принимался немилосердно орать. А такъ што эта будетъ, када я тоше будетъ, какъ ты, кричишь, — а?

Другая струя, совершенно ужъ плебейская, по окончаніи парка, будетъ шагать направо, по аристократической Колтовской, а оттуда, благословясь, на перевозъ за копейку серебромъ — а вотъ и Крестовскій, а тамъ, бережкомъ, потихоньку шажкомъ да направо просѣкою и—Мать Пресвятая Богородица! гдѣ другіе люди, тамъ и мы. Богатые веселятся, а намъ, будто, нельзя ужъ и смѣяться, вотъ еще! Слава тебѣ, Господи! — добрались же, вѣдь, вотъ. Теперь какъ бы перебѣжать только черезъ дорогу, не попасть подъ лошадей. Пстой, Манька, поди я перенесу тебя. Мать,

бери Шаньку на руки, а ты, Филипповна, веди Васютку. Ну, живо, дѣти, маршь! Тѣ-те-те, сюда, сюда! Вотъ такъ, вотъ мы и на «Кулдербергъ»! на которомъ собственно дотѣхъ-поръ было еще мало народу: гуляли только ослы, пасущіеся кучкою на муравѣ, да иногда пробѣгутъ собаки и начнутъ играть въ прятки; иногда пройдетъ дачница съ Крестовскаго, держа въ одной рукѣ книжку и зонтикъ, а другою ведя дѣвочку лѣтъ четырехъ. Все тихо; только шарадка просвищетъ иволга да каркнетъ ворона, такъ странно каркнетъ, какъ-будто палку вереломили.

Но вотъ по кулдербергской полосѣ идутъ два нѣмца: одинъ—сухопарый молодой и молчаливый, а другой—пожилой, толстякъ и, по всему видно, весельчакъ. Онъ уже выпилъ бутылки три баварскаго пива и наговорился до-сыта; но ему этого мало. Они остановились подъ тѣнистой елью. Молодой закуриваетъ сигару, а толстякъ снялъ шляпу и, доставъ носовой платокъ, вытеръ потное лицо.

Пролетаетъ воронъ надъ ними и пронзительно, какъ изъ металлическаго горла, крикнуть:

Фррранцъ!..

Толстякъ, услышавъ это, оговорилъ его:

— Нѣтъ, я не Францъ, сказалъ онъ, — совсѣмъ не Францъ, я Фрицъ! И онъ тяжело размѣялся.

— Фрранцъ! повторилъ вдали воронъ.

— Я тебя ужъ кавриль, што я не Францъ. Францъ — это halt die Kuh am Schwanz, а я не хочетъ это; а затѣмъ я Фрицъ.

— Фрицъ, Фрицъ! подтвердилъ зябликъ, тутъ же надъ ними сидѣвшій.

— Ну да, я Фрицъ! Nicht ab die Mütъ, эта таккъ! Вотъ умна птицъ, снаетъ, какъ минэ савутъ. И нѣмецъ нашъ присѣлъ на траву.

Въ кулдербергскую канаву наконецъ вѣхала первая барочная лодка,—нашъ знакомый, почтенный Адамъ Адамовичъ, съ супругой и дочерьми. Два ученика, стоя въ ладѣ, подпихиваются веслами; пристали. Одинъ изъ учениковъ живо выпрыгнулъ на берегъ, и притягиваетъ къ себѣ шлюпку, а потомъ удерживаетъ ее за веревку. Карленька хотѣлъ-было тоже выскочить, чтобъ пособить ему.

— Willst du wohl still sein ¹,—останавливаетъ его папенька.

¹ Угломоншься ли ты, наконецъ.

Всѣ, кромѣ Анны Ивановны и самого главу семейства, поднимаются, гора нетерпѣливѣе поспѣваетъ ступить на зеленую траву. Лодка занята.

— Ахъ, ахъ! усиливается, водить глаза и руки, сама намахень.

— Ай, ай! уй, уй! смѣясь махать Лотхенъ и Минхенъ, толкаясь и хватаясь одна за другую.

— *Seht die kleinen Lebewe!* ¹ вѣдуть сквозь зубы недовольный этимъ балаша.

Карлуша дѣлаетъ безсмертный прыжокъ, лодка пуше прежняго зикомыхалась, пуше прежняго заголосила наданъ и ся дочки. Минхенъ упала.

— *Wagt, du, Kanarie!* ²— грозитъ ему отецъ.

Всѣ подходить къ толстому дереву и задумчиво останавливаются; потомъ всѣ садятся. Папа снимаетъ съ себя шляпу и ставитъ ее въ сторону. Онъ видимо очень доволенъ, что ему удалось выбраться изъ города *in's Grüne, in's Freie. Aus diesem verfluchten Petersburg, wo Commerce weiter nichts, als Staub und Gestank* ³, думаетъ онъ.

Дѣти весело удаляются; они хотятъ погулять. Карлуша сейчасъ же съ мѣста пускается бѣжать во весь опоръ. Дѣвочки было хотѣли за нимъ послѣдовать, но увидѣли, что это невозможно и пошли шагомъ.

— *Karl, warum lauft du?* ⁴ кричатъ онѣ ему.

Но Карлъ ихъ не слышитъ и, задрвавъ голову, несется, какъ жеребенокъ, во цвѣтущей степи.

Между тѣмъ ученики снесли уже изъ лодки на выбранное мѣсто «привала» корзины, потомъ воткнули въ землю два кола, привязали къ концамъ ихъ большую двупальную простыню—и вотъ ваиъ импровизованный навѣсъ.

— Какъ шарко, сказала подруга жизни Адама Адамовича, уставшая цѣлые три часа сидѣть на одномъ мѣстѣ, въ лодкѣ. Она плескала тонкимъ, бѣлымъ полотнянымъ платкомъ по своимъ персямъ, отдувалась отъ воздуха, который, будучи радъ-раदेशенекъ, что опять Богъ привелъ увидѣть дорогихъ гостей, обнялъ полную нѣмку и, захлебываясь отъ восторга, лепеталъ:

¹ Господи ты Боже мой.

² Вотъ постой, я тебя, каналья!

³ Изъ этого проклятаго Петербурга, гдѣ лѣтомъ только пыль и смрадъ.

⁴ — Карлъ, зачѣмъ ты бѣжишь?

«Мать ты моя, Анна Ивановна, свѣтнѣ ты моеи жнвыи, теби ли я вижду?»

«Фу... уѣ!.. — отпыхивалась дородная Анна Ивановна — Set, daß man jetzt die Krinolinc trägt, sonst wäre es gar nicht auszuhalten¹.

Супругъ на это промолчалъ.

«Man muß nicht so viel, wie früher, für die Röcke an Waschetin zu bezahlen², добавила-было она, все еще маша на се-ба платномъ.

«Ein Teufel. Зато, — geht jetzt doppelt mehr auf die Kleider³.

— Жизнь ты моя, Анна Ивановна, сѣ - ей я полюбилъ васъ все равно какъ родную. Позвольте я васъ поцѣлую въ самую точку между грудями—говорилъ вѣтеръ.

«Fai, ich kann gar nicht mehr aushalten⁴, — произнесла она, потомъ встала, закрылась зонтикомъ и направилась въ ту сторону, куда побѣжали ея дѣти.

Однако, двѣнадцать часовъ дня. Солнце, не скупясь, сыплетъ золотыми лучами на голуденную сторону деревьевъ, тѣни отъ которыхъ перетянулись и легли на тѣ части вѣтвей, листья в лунномъ, которымъ обращены на сѣверъ. Вокругъ берега кулдербергскаго вьуда, у самой воды, снѣютъ незабудки, скромно выглядывая изъ-за ярмозеленыхъ стеблей рослой травы. Нашли уже и другіе нѣмцы и нѣмочки. Всѣ нагулялись до-сыта, а желудокъ, какъ по телеграфу, даетъ знать явку, навсая ему исно, что, доснать, проси! Достаются изъ корзины и раскладываются на камчатной скатерти окорокъ, телятина, волбасы, пирожки съ рисомъ. Выпита рюмка шнапсу, берутся за ножи и вилли — и пошла въ ходъ сухоматка!

Закусилъ. Надо кушать дѣтямъ гостинца. Вонъ стоятъ пряничникъ; у него товаръ первый сортъ: маждальные орѣхи-двойники и извнн заморскіе каменные орѣхи со свистомъ, бѣлыя коврейки съ матрннмъ масломъ и скинларннмъ вьусомъ; вьземскіе пряники съ вьюмомъ и мухами, красный сухой маршаладъ: повробуй и высывай шавадъ; винннел ягоды, пролежавшія двѣ

¹ Хорошо еще, что теперь носить криволивы, а то бы просто смерть.

² И тоже ненадо теперь платить столько прачкѣ за стирку юбокъ.

³ Одинъ чортъ: за то теперь идетъ вдвое больше матеріи на платье.

⁴ Нѣтъ болѣе силъ терпѣть!

года, мятая малина— всю въ ушатъ вали,—на; французскій черносливъ изъ нашихъ крымскихъ сливъ, и много всякаго добра, но больше всего пыли. Продавецъ, приподнявъ грязнѣйшую въ мірѣ шапочку, формою своею похожую на клобукъ, приподнимаетъ ее и спрашиваетъ:

— Что покупаете?

Въ то время Карлуша и Лотхенъ подбѣгаютъ къ вапенькѣ и сами просятъ его купить имъ «гостинцевъ». Онъ велитъ для нихъ отвѣсить по фунту грецкихъ орѣховъ и изюму, и по полфунту мармеладу и миндаю. Дѣти прыгаютъ отъ радости и, получивъ свертки, опрометью бѣгутъ обратно къ мамашѣ, сидящей въ тѣни подъ «толстымъ деревомъ» и уже издали встрѣчающей ихъ умильными материнскими взорами. Восторга имъ нѣтъ конца. Они стараются перекричать другъ дружку:

— *Na ja, na ja... aber führt euch nur ordentlich auf und macht kein dummes Zeug* ¹.

Папаша остался у пряничника одинъ.

— Есть у тебя *кизла чи?*—спрашиваетъ онъ.

— Какъ же, пожалуйста, — говоритъ торговецъ, выполаскиваетъ тѣми же щами стаканъ и вливаетъ въ него скромной мутной жидкости. — Пожалуйста-сь, подчууетъ онъ.

Адамъ Адамычъ забираетъ въ ротъ мутнаго напитка.

— *Esui, der Deibel!* ² тотчасъ же говоритъ онъ и плюетъ.

Около-стоящіе смѣются.

— Ахъ, ты свинья! — ругаетъ онъ продавца, хлопая на него глазами.

— За что жь свинья-то? Не пейте, коли не нравится, а ругать все же не за что, — произноситъ тотъ.

— Кому эта мошна нравитца? Тфу! Зъ этимъ полъ на твой компатъ нельзя муить...

— Да полъ ими никто не моетъ, оговаривается паренъ.

Подходить другой нѣмецъ; тотъ объясняетъ ему все и заключаетъ:

— *Es... es... es... es ist ja Brechmittel, zum Kochen nur!... Ich begreiß wahrhaftig nicht, wie sie es nur trinken können. Lau... süß-sauer—schleimig... Esui der Schinder,* ³ проговорилъ онъ и, расплатившись, отошолъ.

¹ Ну да, ну да, подтверждаетъ она.—Но только не шалите, смотрите,

² Тфу чортъ.

³ Это-это-это, это рвотное. Не понимаю, ей-ей, какъ только они пьютъ ихъ.

Въ одно и то же время съ кислещейникомъ, — причничникомъ явился, какъ будто изъ земли выросъ, мальчишка съ стеклянными кувшиномъ и стаканами, вставленными въ свои гнѣзда въ кожанномъ хранилищѣ, наподобіе патронташа, которое онъ, во охотничьи, обвязалъ поясомъ вокругъ тѣла. Въ кувшинѣ этомъ веселаго цвѣта жидкость. Онъ бойко шолъ, и бойко покрикивалъ:

«Вотъ квась медовѣй, малиновѣй-медовой».

— На кажѣ свой квась медовой, малинова съ клюква и пѣтакъ, — шахнулъ ему Адамъ Адамычъ.

Мальчишка бѣглымъ шагомъ предсталъ предъ него и нѣмцы остались довольны его квасомъ, хоть и кривили носы и говорили, что *faust*.¹

Теперь, плотно позакусивъ, недурно и отдохнуть часика съ два. Адамъ Адамычъ и многіе изъ прѣѣхавшихъ Карлъ Карлычей съ Аналіями Христиновнами расположились уже подъ своими навѣсами. Вы знаете, какъ приятно заснуть лѣтомъ съ наполненнымъ желудкомъ при тихомъ вѣяніи вѣтерка и подъ вѣтвями гостепріимной, тѣнистой сосны, между которыми сквозитъ чистое синее небо! Нѣмцы и нѣмочки потягиваются; ихъ одолеваетъ дремота и зѣвки. Скажутъ слова два, но и то скажутъ лѣниво, сквозь зубы, и опять молчаніе, а потомъ опять длиннѣйшій зѣвокъ.

— У-а-а-а! произноситъ зѣвающій и сейчасъ же закрываетъ ротъ рукою.

Начинаютъ зѣвать по сосѣдству всѣ нѣмцы, потомъ, дальше и дальше, подъ всѣми деревьями; потомъ принимаются за зѣвоту вороны на деревьяхъ; потомъ, кажется, зѣваютъ ужъ и самыя деревья.

— У-а-а!.. уа-га-га-а-а... вторитъ весь Куллербергъ.

Усталыя вѣки у всѣхъ смежаетъ сонъ. Все стихло, только порой кто-нибудь крикнетъ и, отъ удовольствія, проведетъ мягкою рукою по мягкому своему животу, да иногда типкнетъ въ чащѣ дремлющая ворона. Лица у всѣхъ, прилегшихъ для отдыха, покрыты холщевыми или батистовыми платками. Ничто ихъ не беспокоитъ. Но вотъ летитъ, растопыря узенькіе крылья, длинноногій и длинноносый гнусарь - комаръ и норовитъ присѣсть на бѣлую толстую шею растянувшагося Адама

¹ Кисло.

Адамыча, высматривая удобное мѣсто и самымъ влчательнымъ голосомъ упрекая:

— Зачѣмъ ты закры-лся? Адамъ Ада-мычъ! зачѣ-ѣ-мъ ты за-кры-лся?

Тотъ будто не слышитъ его, а машъ вопрошайка опять на-гиваетъ:

— Дай присѣсть на шеи-ньку!... на шейку.... дай.... при-сѣ-сть!..

Нѣмецъ вялѣ, потянулъ къ себѣ на голову сюртукъ, кото-рый былъ у него накинута поверхъ плечь, а комаръ, спустив-шись къ самому носу его, каничить:

— Ну, та-а-къ совсѣмъ закры-лся! Да развѣ ты не слы-шишь?

Адамъ Адамычъ выругался: *Vermaledeite Schwaden, das keine Mube von Ihnen!* Комаръ не отставалъ и началъ каничить:

— Да-что-же-ты сѣр-дишь-ся. Да-й при-сѣсть хо-ть на ру-че-ньку... Уй-юй-юй!... вотъ, вотъ, вотъ!... догнѣлъ онъ и выш-ся уже въ оголенный мизинецъ нѣмца и уже поднилъ, отъ удовольствія, и соединилъ вмѣстѣ обѣ заднія ножки.

— *Daß dich der Sonnen!* вскрикнулъ Адамъ Адамычъ, слернувъ съ себя сюртукъ и чуть-чуть не убивъ щелчкомъ смѣльчака. Этотъ молча со страхомъ полетѣлъ дальше, а Адамъ Адамычъ хорошенько завернулъ голову кисеею и вскорѣ уснулъ. Нашъ лѣсной трубачъ, потерѣвъ неудачу, бросился отыскивать счастья въ другихъ мѣстахъ. Летитъ онъ и видитъ: спятъ дамы, пол-ненекія нѣмочки, а рядомъ съ ними кавалеръ—мужъ одной изъ нихъ и братъ другой. Ну, думаетъ нашъ горемычный прося-тель, «этотъ недавно женатъ, можетъ, помягче другихъ; обра-тись къ нему, авось онъ сжалятся, запою по-французки ло-манымъ языкомъ, подражая зарейскимъ нѣмцамъ». И нашъ ко-маръ, приблизясь къ уху нѣмца, самымъ жалобнымъ тономъ са-воира затянулъ:

— *Monsieur tonnez guelquē chose...* ²

— *Wart', ich werde dir geben guelquē chose* ³ — проговорилъ тотъ, поднявъ голову, и сѣвъ, и уже приготовился принять пріате-ля, что называется, посвойски...

Комаръ медленно полетѣлъ дальше и заплакалъ.

¹ Проклятые комары! нѣтъ отъ нихъ покою.

² Баринъ, подайте милостинку.

³ Поди, я вотъ тебѣ подамъ.

— *Ich singe Mann! ich singe Mann!* ¹ я вашъ знакомый! — заголосилъ комаръ. Боже мой, Боже мой!

— За, ја, тебе ниг... Проваливай, прать, тальше, эта лучше будитъ. Сидитъ такнйе знакомыхъ,—добавилъ онъ, посмотрѣвъ ему вслѣдъ, и затѣлъ опять легъ и сейчасъ же захрапѣлъ.

— Нѣтъ,—думаетъ комаръ,—у мужчинъ не стоитъ просить, обращусь лучше къ дамамъ. Тутъ же, вблизи, подъ волотняшицъ навѣсомъ лежали три нѣмочки, накрывшисъ носовыми платками. Нашъ плакучій бардъ прямо къ нимъ и принялся умилять:

*Ihr schläft so fest in diesen Augen,
Und ich, ich ess noch nicht einmal;
Ich bin Eu'r Landmann, gute Frauen,
Erlaubt 'nen Stich, ach! nur einmal!*

Но и тутъ ему была такая же участь: одна изъ нѣмочекъ не спала еще, курила папироску, и когда онъ приблизился, пахнула ему прямо въ глаза дымомъ.

— *Ich—singe—Mann!... Ich—singe—Mann,* Боже мой, Боже мой, что я стану дѣлать, — забылъ онъ и полетѣлъ къ роднымъ болотамъ...

IV.

Часовъ въ пять спавшіе нѣмцы уже открываютъ глаза, поднимаются и отряхаютъ отъ себя приставшія смолистыя еловыя и сосновыя иголки, а также налетѣвшій бѣлый пухъ отъ вѣничковъ отцвѣтшаго одуванчика, милаго, простодушнаго желтаго одуванчика. *Леонтія Тарасовна*, какъ его называютъ медики и аптекаря, *цикорія*, какъ величаютъ его дамы, этого скромнаго весенняго пѣтника, который почти первымъ появляется въ Петербургѣ на лугахъ и подлѣ садовыхъ заборовъ—вездѣ, гдѣ только есть травка и гдѣ его навѣстятъ и пригрѣтъ матерински-заботливое солнышко. Онъ тогда встрепенется, сниметъ зеленые покровы съ палевой своей головки, улыбнется, вздохнетъ, стыдливо взглянетъ на ярко-блещущее безоблачное небо и начнетъ дышать, и дышетъ такъ медово-сладко!

Невыспавшіеся мужчины принимаются опять за зѣвоту и потягиванье я, зѣвая и потягиваясь, надѣваютъ фраки, сюртуки и

¹ О, я несчастный!

пальто, которыми они покрывались, лежа съ спать. Нѣмочки оправляютъ на себѣ посмавшееся платье, потомъ вкладываютъ два пальчика себѣ въ ротикъ и приглаживаютъ на лобъ спустившіяся переднія пасмы волосъ, потомъ подкладываютъ подъ виски, чтобъ они казались пышнѣе, что-то такое, въ родѣ вареной шерсти отъ хвостовъ, отъ лошадокъ... (хочу выразиться какъ можно нѣжнѣе) потомъ-съ...

Потомъ, ѣдутъ жандармы по большой дорогѣ и останавливаются по ту сторону мостика, который перекинуть съ Татарскаго острова на Крестовскій, черезъ куллербергскій ручеекъ... Бѣгутъ вприпрыжку солдаты городской стражи, старые наши знакомые, милые *будочники*, въ сѣромъ своемъ облаченіи, ведомые соколомъ унтеръ-офицеромъ. Молодые полицейскіе офицеры, предводительствуя ими, бойко разводятъ ихъ по мѣстамъ. Двѣ три минуты—и уже они разсыпались и стоятъ, какъ грибы, каждый на своемъ посту. На лицѣ ничего, въ глазахъ строгость.

— Нельзя, нельзя!—грозно запрещаютъ они, если кто-нибудь не въ мундирѣ, подойдя къ высохшей канавкѣ, намѣренъ полюбопытствовать, совершенно ли она высохла..

Черезъ эту канаву перебѣгаютъ разношники всѣхъ сортовъ, съ клубникой и абрикосами, но, главное, съ знаменитыми нашими расейскими мануфактурными произведеніями: вареной печенкой и рубцами, со шпнатцемъ — ухъ ево! потомъ, съ красными колбасами-оглоблями и печеванными хлѣбцами-диванчиками, на которыхъ можно не только сидѣть, но и стоять, «а и кушать ихъ тоже можно», можно потому, что русскій желудокъ ничего не боится: онъ, говорятъ мужики, и долото сварить.

Бѣгутъ черезъ канавку съ лотками, повѣшенными на широкое ремнѣ, на шеѣ сигарочники-благодѣтели, сбывающіе наша русскіе вирганскіе корешки въ девяти-копеечныхъ пачкахъ Миллеровъ, Генриховъ и Геллеровъ, съ заглавіями *встрѣморскъ*, *кабаносъ*, *а лесерансъ*, и прочая. Премиленькія сигарочки! только какія-то своенравныя, капризныя, не любятъ инья чтобъ ихъ закуривали: сейчасъ же начнетъ ихъ крутить, карежить, выворачивать наружу ихъ крошеную внутренность и наконецъ онѣ того... совсѣмъ баста, гаснуть; въ печкѣ даже не охотно горять, до того въ нихъ заклятая ненависть къ огню. Но если ужъ вы ихъ перекурите, раскурите, то онѣ, въ свою очередь, огничаютъ вамъ тоже: вы изолью огничаешь кругомъ

и будете нюхать воздухъ и поспорите со всѣми, что тутъ близь льсь горятъ, или старые капустные листы жгутъ, хоть сами и не дадите себѣ отчета, зачѣмъ жечь капустные листы.

Переходятъ черезъ канавку мороженники съ кадушками на головѣ, на мягкой набитой пенькою шапкѣ, которыя они поддерживаютъ то тою, то другой рукою, какъ всѣ разнощики съ лотками на головѣ.

«Марро!...» только и удалось ему вскрикнуть, потому что его уже возвали къ одной кучкѣ любителей этого сладкаго снѣга со сливками, бѣлкомъ и душистымъ лимоннымъ масломъ. Сидятъ трое, молодежь, въ нѣмецкихъ сюртукахъ, мальчики - сидѣльцы съ Апраксина.

— Говорятъ, — началъ одинъ изъ нихъ, — что будто дамы купаются въ этихъ въ сливахъ, а потомъ ихъ продаютъ мороженникамъ.

— Экая свинья, что болтаетъ! — прервалъ другой. — Тфу ты, дуракъ этакой. Онъ, отворачиваясь, относитъ руку со стаканомъ и хочетъ возвратитъ его продавцу...

— Куда ты? Начто? Дай сюда, я съѣмъ, — произноситъ тотъ и беретъ шкаликъ изъ его рукъ. — Я, братъ, все лопаю. А ты больно тово... добавилъ онъ, и принялся унысывать, черпая то изъ того, то изъ другаго стакана, и съ улыбкою смотря масляными глазами въ улыбающіеся глаза третьяго своего товарища.

— Подкатила на *штаръ* одна высокая полногрудая булочница, не первой уже молодости, но и неслурная, разряженная — у-ахъ!

Посмотрите, какая палатка подъѣхала! — говоритъ какой-то коншеръ, въ свѣтлой, пуховой шляпѣ и темнозеленой визиткѣ, обратившись къ другому, подслѣповатому моншеру, съ большимъ бѣднымъ носомъ, мѣфистофельски-апатической физиономіей и двойнымъ лорнетомъ, висѣвшимъ у него по борту темнокоричневой визитки.

Этотъ прищурился свои, и безъ того уже дѣсыга наморганнися, вѣки и навелъ лорнетъ на пріѣхавшую мадамъ.

Мальчикъ-извозчикъ слѣзъ съ дрожекъ, чгобъ помочь ей сойти. Передокъ экипажа совсѣмъ поднялся вверхъ.

— Ахъ, кой ти глупа! — произнесла прибывшая, подавая руку мальчику. — Сачѣмъ ти ушла съ дрожка?

На куллербергской лужайкѣ то тамъ, то сямъ возлежать уличные бушманты-нѣмцы. Иногда одинъ изъ нихъ трубитъ, да такъ

странно трубить, что кто-нибудь изъ гуляющихъ непримѣнно оглянется, посмотритъ на него, и улыбнется. Аа! вонъ и шарманка, съ ширмами... Веселый говорунъ Пьерро (Лейманъ, или мельникъ, какъ его прозвали наши мужики), съ палкой въ рукѣ воображающей себя чрезвычайно хитрымъ, но въ сущности страшный простакъ, сидитъ уже на краю ширмъ, напротивъ толсторожаго чортика, съ коротеньки рожками; сидитъ, говоритъ нашъ мельникъ напротивъ чорта, и не знаетъ кто такой этотъ незнакомый баринъ, весь чорный, съ огненными глазами, и красное пламя видно изо рта. Бѣсъ ему поклонился, онъ ему тоже — и пошелъ отвѣшивать другъ другу поклонъ за поклономъ, чаще и чаще, ниже и ниже, дьяволъ молча, а Пьерро — бормоча по пѣтушному.

— Здравствуй, здравствуй! здравствуй!

— Довольно, довольно! — напоследокъ завопилъ донельзя устоявшій бѣдняжка-Лейманъ и остановился.

Чортъ тоже пересталъ кланяться. Оба смотрятъ одинъ на другого, бѣсъ мрачно, а Пьерро — въ недоумѣнн. Сейчасъ ухватитъ, думаетъ Лейманъ.

— Петрушка! — кричитъ онъ благимъ матомъ, нагнувшись внизъ за ширмы, — кто это такой баринъ?

— Не знаю, — флегматически отвѣтствуетъ невидимый Петрушка, — спросите сами.

Мельникъ, какъ угорѣлый, вскидываетъ весь свой станъ.

— Какъ тебя зовутъ? — обращается онъ грозно къ чорному господину, а у самого душа ушла въ пятки.

Этого ни слова. Пьерро опять живо перегибается черезъ ширмы и объявляетъ своему Петрушкѣ, что гость ничего не говоритъ. — Ужъ не чортъ ли это? Бррр! — дрожа вопрошаетъ онъ

— Не знаю. Потолкуй-те съ нимъ по-французски, слышите равнодушный голосъ Петра.

— Команъ ву порте ву? — снова смѣло пристааетъ къ дьяволу окончательно уже оробѣвшій Лейманъ.

— Шпрехенъ зи дейчъ? — отозвался наконецъ царъ тьмы.

— А! Иванъ Андрейчъ! — вдругъ, ободравъ, пересмѣиваетъ его нашъ ваянъ. — Такъ что же у тебя прежде языкъ не донгался швернудеръ ты эдакой, — леничогъ омъ и ударитъ его палкою по головѣ.

— Тоншеръ-ветеръ! — вскрикиваетъ дьяволенокъ.

Тотъ дастъ ему еще тушманку. Вѣснокъ клонить голову и легъ: убитъ, значитъ.

— Вотъ какъ во нашему дусть вѣтеръ... Ге, ге, ге, ге!—храбро озирая всѣхъ, гогочетъ Пьерро, а за нимъ гогочетъ и вся честная компанія, разиня ротъ глазѣющая на «представленіе.»

На чортъ, хоть и цѣмень, но не умеръ: это ему только то-нню сдѣлалось послѣ русскаго щелчка. Довѣрчивый мальникъ, чтобъ убѣдиться, живъ ли еще черномазый, приближается къ нему, наклоняетъ ухо, прислушивается: дышетъ или нѣтъ убитый, потомъ увидѣлъ его рѣзки и пощупалъ ихъ... Отцы нові только и житья было злополучному Леману. Дьяволъ вострепещулен и подкидывалъ его на рога.

— Па, ви!—свищеть медникъ, увлекаемый въ адъ нечистой силой. Публика беретса за бока.

Но пройдемте, однако, дальше во Кудлербергу. Куда ни посмотри, вездѣ вертятся мальчики, нѣмецкіе савояры, въ синей рубашкѣ (безъ пояса) и синихъ панталончикахъ,—вертятся и поютъ.

Проходившія мимо нихъ съ кавалерами нѣмочки-дамы, потупаясь и сжавъ губки, сперва улыгнулись, но потомъ разомъ пустились смѣяться...

Но вотъ одного изъ этихъ савояровъ подозвалъ къ себѣ Адамъ Адамычъ. Мальчикъ приблизился. Нашъ майстеръ далъ ему двѣ копѣйки и велѣлъ запѣть уморительную, по его, мнѣнію, пѣсню. Съ Адамомъ Адамычемъ сидѣли въ кружку жена его, Анна Ивановна, и дѣти: Карлуша, Минхень и Лотхень. Съ ними же сидѣла сухая, средняго роста, бѣлокурая, тридцати-пяти-лѣтняя дѣва, Лизхень, племянница аптекаря Ивана Адамыча Пустерле, круглая сирота, воспитавшаяся съ малыхъ лѣтъ въ чужихъ людяхъ и жившая теперь на мѣстѣ, особа съ длиннымъ язычкомъ и преядовитаго свойства.

Почти въ то же время, какъ мальчикъ взялъ отъ Адама Адамыча и спряталъ себѣ въ карманъ деньги, подошли къ этому семейству только что пріѣхавшіе на Кулербергъ наши друзья, Черепановъ и Таубе. Они пожали каждому изъ сидѣвшихъ руку.

Нѣмецкій савояръ, стоя, заигралъ на гармоникѣ, и запѣлъ свое:

Druck' nicht so, Druck' nicht so.

Потомъ, когда вѣнецъ дощолъ до того мѣста, гдѣ говорится, какъ нѣкто, имѣя десять жонъ, не могъ съ ними совладать и желалъ бы половину изъ нихъ утопить, а другую продать, нашъ

Шустерле померь со сѣху и, хохоча, замѣтилъ, что, вѣрно уже больно-солово пришлось этому горемыкѣ-многоженцу.

— Иногда и съодна нельса правиться, — сибѣясь, добавилъ онъ. На это сунруга Адама Адамьча возразила:

— Хороши тоже и ви (т. е. мужья).

Между тѣмъ, старая дѣва Лизхенъ, съ вѣчною своею ѣдрон улыбочкой, обратилась къ доктору и Пуку, присѣвнимъ ужъ къ общей бесѣдѣ, и сказала, косясь на Таубе:

— Не женитесь, господа кавалеры: видите, какія бываютъ злыя женщины, такъ-что приходится ихъ топить, чтобъ толькъ избавитесь отъ нихъ.

— Надо избрать молодой... ляпнулъ напрямикъ Адамъ Адамьчъ.

У Лизхенъ вспыхнулъ, какъ огонѣкъ подъ таганомъ, румянецъ и заблестали узенькіе глазки, замигавши почти бѣлыми рѣсницами.

Анна Ивановна съ упрекомъ взглянула на мужа и едва-замѣтно покачала ему головой...

— Разумѣется, если жениться, такъ на молодой, подтвердилъ съ улыбкою нашъ Пукъ, тоже нетерпѣвшій сухощавую дѣву и ея высунувшіяся голыя ключицы.

— А вы не знаете, Карлъ Иваньчъ, — вдругъ круто повернулъ Лизхенъ, — завтра наша Дашенька должна сказать жениху своему Вильгельму Вильгельмовичу и «Zawort», ¹ поэтому, значить, скоръ и свадьба ея...

Пукъ незамѣтно вздрогнулъ и перемѣнился въ лицѣ, но потомъ поправился:

— А мнѣ-то что такое? — отвѣтилъ онъ, сколько могъ равнодушно.

Докторъ вопросительно взглянулъ на своего друга.

— Ра-зумѣется, подтвердила Лизхенъ, сжавъ насмѣшливъ свои тонкія, блѣдныя губки; и потомъ, сейчасъ же принявъ опять серьезный видъ, пролепетала скороговоркой:

— Хотѣли-было въ будущее воскресенье это сдѣлать, а давеча при мнѣ Вильгельмъ Вильгельмовичъ очень просилъ, тамъ и перемѣнили: рѣшили, что завтра за обѣдомъ...

Черепановъ не спускалъ глазъ съ своего пріятели.

— Ви все самѣтшайтъ на другой людъ... Сачѣмъ ви самъ такъ долга не шенялся? — дернулъ опять Адамъ Адамьчъ, обращаясь къ м-ль Лизхенъ. При этомъ мадамъ Шустерле, съ очею недовольной миной, дернула его за локоть.

¹ Согласно.

— Зачѣмъ я до сихъ поръ не замужемъ?—спросила притворно-иивно Лизхенъ, и потомъ такъ же притворно-весело воскликнула:

— Молода! Некуда торопиться: еще тридцать-пять лѣтъ...

Подвальныймиъ холодомъ повѣяло отъ этой улыбки и этихъ словъ старой дѣвы. Растворъ мышьяку, я думаю, закапѣлъ при этомъ въ ея жилахъ.

— А теперь, прихлопнулъ Черепановъ, — я уже не совѣтую вамъ и выходить замужъ.

— Это почему? проговорила Лизхенъ съ кокетливой гримаской. — Развѣ я такъ постарѣла и подурнѣла?

— Родять трудно въ эти годы: умираютъ почти всегда!

— Какіе вы гадости говорите! произнесла Лизхенъ и снова обратилась къ Таубе:

— Карлъ Ивановичъ, вы проиграли мнѣ десятокъ апельсиновъ— помните?

— Когда?—спросилъ озадаченный Пукъ, замигавъ на нее глазами.

— Какъ когда? Нынѣшнюю весною. Смотрите-ка, забылъ! Я спорила съ вами, что Дашенька въ нынѣшнемъ году выйдетъ за Вильгельма Вильгельмовича, а вы тогда увѣрили, что нѣтъ.

— Ахъ, да-да! въ самомъ дѣлѣ... пробарабанилъ нашъ зло-счастный Таубе и, по своей впривычкѣ, потеръ у себя лобъ.

— Такъ купите же. Вонъ проходитъ апельсинчикъ.

— Из-вольте, вротянулъ Таубе, нѣхотя вставая.

— Чтобы тебя чортъ пробралъ!—думалъ онъ. А тутъ, какъ нарочно, и денегъ нѣтъ. Черепановъ! позвалъ онъ. Этотъ поспѣш-во поднялся и подошелъ къ пріятелю.—Заплати, братъ: у меня, ты знаешь, нѣтъ ничего!—молвилъ онъ, не поворачиваясь къ нему.

— Хорошо, проговорилъ этотъ.

Апельсинчикъ, ставъ на одно колѣно и помѣстивъ на другое локоть, началъ показывать свой товаръ.

— Она, какъ видно, смскаетъ насчетъ твоихъ отношеній къ Доротей: какъ ты полагаешь?—говорилъ Черепановъ.

— Чортъ ее знаетъ!—грустно проговорилъ Пукъ.

— Непремѣнно такъ, — поддакнулъ Черепановъ, — и послѣ этого еще корми такую стервозу апельсинками!

Пукъ на это только вздохнулъ.

— Надо непременно какинь-нибудь образомъ да увидеть сегодня Дашу, сказалъ онъ. И когда они подошли къ се-нейству Адама Адамьча, онъ молча, съ наклоненной головой,

вручилъ Лизхенъ десятокъ апельсиновъ. Она съ воспитательнымъ взглядомъ поблагодарила его.

Черепановъ погрозила ей сзади кулакомъ и вскорѣ вѣтѣмъ наши друзья простились съ Адамомъ Адамычемъ и отправились отыскивать семейство аптекаря.

— Карлъ Ивановичъ! — заголосила ему вслѣдъ Лизхенъ, аппетитно жуя апельсинъ, — не забудьте: за вами еще, кроме этого, первая кадрили на свадьбѣ Дашеньки! Вы сами меня ангажировали, когда держали пари — слышите?

— Ангель, а не дѣвушка—а? говорилъ Черепановъ, кивая на нее головой!

Лизхенъ, между тѣмъ, обратилась къ Адаму Адамычу и Аннѣ Ивановнѣ.

— Замѣтили-ли вы, — начала она, засверкавъ глазками, — какъ давеча поблѣднѣлъ Карлъ Ивановичъ, когда я сказала, что Дашенька...

— Посвольте, — перебилъ ее мягкимъ голосомъ Адамъ Адамычъ, положивъ ей пухлую руку на плечо, и, тотчасъ же повернувшись къ супругѣ, продолжалъ вкрадливо:

— Анна Ивановна, я думаю, ужь восемь часъ скоро есть.

Читатель, конечно, догадывается, что нашему почтенному другу хотѣлось пуншу, и онъ приговаривался, не ссблаговолитъ ли его сожителница настеть самовара.

Но мадамъ Шустерле сейчасъ же, конечно, смекнувшая, затѣмъ Адамъ Адамычъ навоиннасть о самоварѣ, вмѣсто всякаго отвѣта, выткнула у себя изъ-подъ кушака, на перехватѣ платья, золотыя часы висѣвшіе у ней на длинной золотой цѣпочкѣ, и потомъ, не поглядѣвъ даже на нихъ, поднесла циферблатъ мужу къ самому носу, и наконецъ, точно такъ же, не глядя, спрятала свой металлическій хронометръ обратно подъ кушакъ.

Увы! неумолимый флегматическій Тобиасъ шагала слишкомъ медленно и показывалъ только четверть восьмого. Надобно, значитъ, было дожидаться еще три четверти часа, когда, по установленному въ домѣ порядку, настанетъ пора чай нить, т. е. въ переводѣ: пуншъ тянуть.

Нашъ герръ Шустерле на это тоже ничего не сказалъ своей супругѣ и повернулся къ нашей мамзель Лизхенъ. Это значило, что онъ готовъ слушать ее.

— Вы замѣтили, — начала та, — какъ Карлъ Ивановичъ поблѣднѣлъ

и смутился, когда я упомянула, что Дашенька выходить замуж за Вельгельма Вильгельмыча?..

— Я нитипево не замѣтилъ,—хладнокровно отвѣтствовалъ Адамъ Адамычъ.

— И вы также ничего не замѣтили, никакой перемены у него въ лицѣ?—спросила Лизхенъ, повернувшись отъ дяди и глядя уже освѣтлѣвшими глазами на мадамъ Шустерле.

— М... отрицала эта, мотнувъ головой.

— Ка-акъ же!—подтвердила, протянувъ, старая дѣва и жеманно улыбаясь.—У нихъ тайныя свиданія. Этого ни папенька, ни мамашка не знаютъ...

Адамъ Адамычъ сдѣлалъ недовольную мину и отвернулся. Онъ привоинилъ, какъ Лизхенъ прошлаго осенью рассказала тоже и про его собственную старшую дочь всѣмъ и каждому, что, будто бы, когда она шла изъ пансіона, ее провожалъ до самого дома какой-то уданскій офицеръ, обнялъ и поцаловалъ ее при прощаніи...

— Да-а... продолжала Лизхенъ.—Я и прежде за ними замѣчала, что они близки другъ къ другу, но хорошенько узнала это только вчера вечеромъ, и какъ нечаянно, совершенно неожиданно. Я пришла къ нимъ; Амаліи Карловны и Дашеньки не было дома, а мнѣ понадобилось пришить пуговку къ воротничку. Гляжу... Дашина швейная подушка на комодѣ, и незгертая, тутъ же въ ней и ключикъ. Отворила, смотрю — весь кругомъ написанный почтовый листъ бумаги... незнакомая мужская рука.. Молобобытствовала, развернула, начала читать, и тутъ-то все и стало ясно... И какіе хитрые! пишутъ по-русски: знаютъ, что мамаша не пойметъ, кромѣ какъ по-нѣмецки, а папѣ, хоть въ карманъ чужое письмо положи, такъ не стаетъ читать.

— Я увѣренъ, что эта противная дѣвка все вреть,—прохѣдиль сквозь зубы и по-нѣмецки, наклонясь къ женѣ, Адамъ Адамычъ. (Лизхенъ не знала этого языка).

— Што жь тамъ булъ писанъ? — спросилъ онъ недовѣрчиво и слегка прищуривъ свой лѣвый глазъ, въ знакъ того, что онъ въ этотъ мигъ видитъ, что въ глубинѣ сердца происходитъ, будь какой хочешь пройдоха.

— Что жь тамъ булъ писанъ?—повторилъ онъ, прогуливаясь въслѣдующиимъ взглядомъ по всей фигурѣ своей длинноносой и плоскогрудой племянницы...

Лизхенъ передала, что, по письму, Дашенька, на той не-

дѣлѣ въ среду, отпросится, будто бы, къ тѣткѣ. Таубе будетъ дожидаться ея на улицѣ, на углу переулка, и переулокъ даже назвала. Онъ встрѣтится съ ней и проведетъ ее къ Черепанову.

Въ продолженіе этого разсказа Анна Ивановна и старшая ея дочь, Минхенъ, нѣсколько разъ взглядывали другъ на друга, а потомъ снова уставляли глаза на Лизхенъ, которой блѣдное личико дѣлалось все восторженнѣй и восторженнѣй. Адамъ Адамычъ тупо понималъ всю эту исторію и изъ всего имъ понятнаго ничему не вѣрилъ. Выслушавъ весь разсказъ, онъ хотѣлъ уже что-то возразить старой дѣвѣ, но тутъ прервали его подошедшія двѣ дамы, старинныя знакомыя Анны Ивановны, которыя уже издали весело закивали головой. Пожавъ руку всѣмъ членамъ семейства почтеннаго столярнаго мастера, онѣ присоединились къ кружку, разспросили другъ дружку объ общихъ близкихъ знакомыхъ и новостяхъ. Послышалось въ родѣ: «А! О!» «Вотъ какъ!» «Въ самомъ дѣлѣ!» «Я этого никакъ не воображала...» и тому подобное; потомъ руки въ бокъ, язычокъ въ ходъ—и пошли строчить впередъ иголку, а Адамъ Адамычъ жди пуншу! И о чемъ говорятъ, Господи ты, Боже мой!» подумалъ нашъ добрякъ, волею-неволею вслушиваясь въ ихъ милую трескотню. «Что за интересъ? Голова расколется, если захотѣлъ бы тутъ отыскивать какой нибудь особый смыслъ.» Въ антрактахъ онъ началъ ужъ кашлять, чтобъ обратить на себя вниманіе. Наконецъ, лишившись всякой возможности долѣе переносить свое положеніе, онъ попробовалъ опять заикнуться насчетъ того, что пора бы уже, кажется, быть и пообщечеловѣчнѣе. Слезы, всхлипыванія даже, слышались въ его голосѣ, когда онъ произнесъ, обратившись къ женѣ:

— *Hörst du? Ist wohl nicht Zeit die Theemaschine aufzustellen?* ¹

Ему на это возразили:

— Мошно немножко ждать. Все это понимайтъ?

И наши дамы опять принялись за прерванную нить бесѣды.

Въ это время лукавый подтолкнулъ Лизхенъ попасть нашему толстяку на зубокъ.

— Послушайте, Адамъ Адамычъ,—сказала она полушопотомъ, и легонько взявъ его за плечо. (Старой дѣвой все это время никто не занимался, и она хотѣла заговорить, хоть съ нашимъ пузаномъ, тѣмъ болѣе, что ее такъ и подымало потолковать

¹ Слышишь? развѣ еще не время поставить самоваръ?

о такомъ «непозволительномъ» поведеніи ея родственницы). Адамъ Адамычъ! послушайте, —повторила она, видя, что тотъ не отыкается.

— Шшто?—громко спросилъ наконецъ онъ, обернувшись съ недовольною миною.

— Какъ вамъ это кажется, что я вамъ давеча говорила... произнесла Лизхенъ, очень понизивъ голосъ и смущенная серьезнымъ тономъ дяди, —про Дашу, —прибавила она, замѣтивъ, что Шустерле не догадывается, о комъ она заводитъ рѣчь.

— Вы безсовѣсна: все виротъ, —безцеремонно хлеснулъ Адамъ Адамычъ и отвернулся.

Лизхенъ жестоко смутилась.

Въ это время, слава тебѣ Господи! подошли наконецъ цѣлые трое друзей-пріятелей «пуншовиковъ» *Sausbrüder*, *Sauskammeraden*, (пьяницы) какъ называла ихъ наша расчетливая Анна Ивановна.

Раздались обоюдныя радостныя привѣтствія и спрашиванья.

— *Git'n Abend—wie geht's? Ganz wohl. Bitte setzen Sie sich* и пр. Мадамъ Шустерле встрѣтила гостей, какъ всегда, церемонно.

— Какъ пошивайтъ? обратился геръ Шустерле къ одному изъ нихъ, высокому и толстому кузнечному мастеру, Якобсону.

— Все дакже на твухъ нокà куляйтъ, —отвѣтствовалъ тотъ.

Четверо мужчинъ разомъ разсмѣялись,

Другой изъ прибывшихъ гостей былъ тоже такой же, какъ и этотъ толстякъ, портной Федерле; третій былъ факторъ типографіи Фридрихъ Розе, или, какъ его пріятели называли, *Abtig Friedrich der Große*, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ.

Сейчасъ же послѣ нихъ подошли еще трое: сапожникъ Вахсъ, парикмахеръ Вейдле, съ французской бородкой, и серебрянникъ Титуненъ, весь залитый веснушками, съ краснымъ лицомъ и желтоватыми, совершенно свѣтлыми льняными волосами.

— А-а! Стара знакома, загорланилъ нашъ кузнецъ, протягивая руку парикмахеру. *Gaufers de Bari!* прибавилъ онъ и потрясъ сильно его десную. Этотъ ласково улыбался.

— Какъ ваша старова? продолжалъ Якобсонъ.

— Общее съ коровымъ, —отвѣтствовалъ тотъ бабымъ голосомъ; —Нонкъ шуръ, музè, сказыль онъ серебряннику.

Пошли давнишнія привѣтствія между вновь пришедшими, и Адамъ Адамычъ и Анна Ивановна первымъ дѣломъ освѣдомились у мужчинъ, куда дѣвали они своихъ супруговъ.

— Мы ихъ продаль все, съ аукционъ, —улыбаясь, отвѣчалъ за

всѣхъ Якобсонъ. Съ кѣмъжъ совсемъ... три лалтинъ пошла штука,—прибавилъ онъ.

Мужчины-гости разсѣялись и покосились на мадамъ Шустерле и двухъ другихъ дамъ, которыя, для приличія, улыбнулись.

— Дорого же вы насъ цѣните!—сказала съ упрекомъ довольно чисто и правильно по-русски одна изъ нихъ, мадамъ Шнипсъ, жена перчаточника, высокая и сухая блондинка съ большимъ ртомъ и маленькими глазками.

— Штошъ тѣмать!—продолжалъ, пожавъ плечами, кузнецъ.

— Никто больше не табтъ. Пері, каврйтъ, гуртомъ, пятнадцать копекъ за штукъ.

Гости опять захохотали, а нашъ толстякъ, довольный своею прибауткой, махнувъ рукою, досталъ изъ бокового кармана портсигаръ. вынулъ двухкопѣчный трубокосъ, откусилъ кончикъ его зубами, потомъ зажегъ спичку и принялся раскуривать своего ароматнаго Генрихса.

Тутъ, легкимъ на поминъ, отсутствовавшія супруги этихъ почтенныхъ мастеровъ, всѣ шесть хозяекъ, блондинки и брюнетки, тонція и полныя, длинноносые и курносые, но всѣ вообще среднихъ уже лѣтъ, появлялись поблизости, изъ-за купы березъ и елей, вынырнувъ изъ сплошной толпы гуляющихъ, которые наполнили уже всю куллербергскую площадку. Новонаплавившія дамы шли въ сопровожденіи маленькаго, худенькаго кавалера; это было превертливое существо, ремесломъ сапожничій мастеръ, Дунстъ, пределикатный человекъ. Якобсонъ, какъ только завидѣлъ ихъ, такъсейчасъ же протянулъ къ нимъ свои геркулесовскія руки и съ мезимбиною своею скупою улыбкою воскликнулъ:

— Н-на! вотъ!.. я рѣзи не наварилъ, што ихъ никто не берѣтъ!

Всѣ, будучи уже подготовлены давимиными фразами нашего весельчака, въ одинъ голосъ расхохотались.

— Красива стѣшка, да дорога стоитъ кармитъ... добавилъ краснойбай.

Опять заголосили всѣ сядѣвшія дамы, радуясь взаимной встрѣчѣ.

— Мадамъ Якобсонъ!... Мадамъ Федерле!... Мадамъ Розе!... Nehmen Sie Platz.. Endlich auf Kellerberg treffen wir zusammen! Видно пришедшія мадамъ отвѣчали на это улыбками королевы и принцессы.

¹ Садягось; наконецъ-то мы встрѣтились на Куллербергъ.

Даминія ниши дамы, а въ томъ числѣ и любящя, кстатн тутъ же передали, сѣлись, слова Якобсона.

— Ихъ самихъ всёхъ надо бы было продать прежде, произвела, сказавъ жеманно губки, супруга фактора Росс и взглянула многозначительно на мужа.

Хозяйка между тѣмъ предложила дамамъ чай, со сливками и сладкими домашними булками, а кавалерамъ пуншъ, на который крѣпко покосился герръ Шустерле. Видимо, что въ немъ было больше тѣмъ на половину киятку. Онъ даже замѣтилъ при этомъ ей на ухо:

— Sei doch nicht so knaasterig um Himmel's Willen ¹.

— *Steibe du mir ganz ruhig* ², возразила Анна Ивановна. *Ich weiß schon was ich thu* ³.

Якобсонъ положилъ подлѣ себя, на траву, свою дымящуюся сигарку, засучилъ рукава, воялъ предложенный ему станать съ шайскимъ, отпилъ немного, потомъ крякнулъ, закашлялся, изъ знакъ того, чтобудто-бы пуншъ очень уже крѣпокъ, и наконецъ, протянувъ къ хозяйкѣ руку съ ароматнымъ папиросомъ, произнесъ.

— Фу! очень много ромъ, мадамъ Шустерле! Пошляюска, лейтъ еще немного вода.

Остальные кавалеры, кромѣ хозяйна, улыбнулись и отчали еще разъ, а послѣ того поставили на землю свои стаяны. Самъ герръ Шустерле съ укоромъ взглянулъ на свою покрасившую дражайшую половину и подумалъ. «Вотъ это дѣло!»

— Не снай... подлила она, сконфузясь и принявая стаянъ отъ Якобсона. Я—всімъ ровно дѣлалъ.—Она попробовала ложечкой горячую спиртную жидкость, и вмѣсто того, чтобы подлить вмѣсто нея воды, подлила рому.

Кузнецъ, прищуривъ лѣвый глазъ, ласково кивнулъ ей головою, затѣмъ принялъ свой стуль обратво отъ хозяйки, глотнулъ изрядную порцію, и потомъ, раскинувъ широко ноги (онъ садѣлъ на ннѣ), заговорилъ:

— Нна! Тебѣрча ми всё тутъ кудошникъ, арестонратъ: Каповникъ, биртной, стаярна майстеръ, шируальникъ...

— Гуасеръ, свинѣте, перебилъ его парикмахеръ, со скромною улыбкою.

¹ Не будь такой скрагой.

² Не беспокойся.

³ Я знаю, что я дѣлаю.

— Герръ Якобсонъ,—въ свою очередь прервалъ Федерле, боявшійся, что кузнечный мастеръ сейчасъ же «пройдетсѣ» насчетъ несчастныхъ портныхъ,—герръ Якобсонъ, перебилъ онъ,—ви не самѣтшайтъ: я севодня стригалься.

Онъ провелъ рукой у себя по коротко остриженной головѣ.

— Стригалься, ха ха ха!—пересмѣялъ его нашъ зубоскаль.

— Ну да, стригалься, подтакнулъ тотъ. А какъ-ше?

— Стригалься! *Di geh шине?* ха ха ха! поддразнивалъ Якобсонъ. *Et denkst, daß es giffisch ist* ¹, подбавилъ онъ, указавъ головой на пріятеля.

— *Ni ja, freilich* ², подтверждалъ спорщикъ.

— Разумѣйтсѣ... снова перецыганилъ его нашъ толстякъ. Если много разъ дѣлать, тада нада скажйтъ: *смьяльса, улыбался, стригалься*, а если только одна разъ, тада *усмькнулься, улыкнульса, устрикнульса*.

Факторъ, полунѣмецъ, полурусскій, стоя въ это время къ нимъ спиною, только улыбался и смотрѣлъ въ рѣчку.

Тутъ разговоръ поведенъ былъ о томъ, что самымъ лучшимъ германскимъ нарѣчїемъ объясняются не за границею, на родинѣ этого языка, а у насъ, въ Курляндіи. Потомъ увѣсистый господинъ Якобсонъ принялся объяснять какъ немовѣрно трудно для нѣмца-иностранца выучиться по-русски, и въ принѣръ этой головоломной работы привелъ то, что ему никакъ не различить разницы въ словахъ: *хотите, ходите, кадите и катите*, хоть убей: у него все это выходитъ *катите*; *звездъ* же и *звостъ* онъ одинаково произноситъ...

Въ эту минуту подошелъ къ нашему кружку молодой чело-вѣкъ, нѣкто Степановъ. Онъ и ему сталъ тоже самое толковать.

— Я ей-Бога, началъ онъ переводить свою рѣчь, не снай инкон разницъ въ эфта слова. *Забдръ* эта вотъ (герръ Якобсонъ указалъ на заборъ вдали стоявшаго домика (и *забдръ* тѣше черкъ, циркъ (онъ подразумѣвалъ церковь, соборъ)). Н-на, какъ ше тутъ не можна буль дуракъ? Такъ санцѣмъ можна чельвѣкъ туракъ стѣлаитъ... И *забдръ* тѣше, ёсла-ѣ лѣфа ка-дйтъ съ книшкой... Н-на, эта што такой? И *забдръ* тѣше, на-да у челоуѣкъ бруха такъ крѣпка, какъ ёсли онъ камни кушилъ. О, ш-шортъ, я не хочеть польше каврять.

— *Nein*, — заключилъ мой нѣмецъ, выражаясь, что русскій языкъ самый жалкій, *nein, daß ist eine armselige Sprache*.

¹ Онъ думаетъ, что это по-русски.

² Разумѣтсѣ.

Потомъ, нашъ кузнечный мастеръ началъ подтрунивать надъ юртными и сапожниками.

— Ей-Бога, — продолжалъ онъ, — я севѣдня пѣхаль у весь Петербургъ, — не можна денга достайтъ. Приди савтра, каврить. А вотъ, прибавилъ онъ, указавъ на Вакса и Федерле, шастлива люда, *Stiefel und Hosenflecker*. Безъ сапога и безъ брука ни одна чельвѣкъ нейдетъ. Партной и сапожникъ лучше за вѣтъ на свѣтъ.

Сапожникъ Ваксъ на это сконфуженно улыбнулся и скороговоркой съострилъ:

— Сапожникъ сегдѣ палковникъ, а кадѣ грязь, тадѣ онъ князь.

— Сатѣ сапожникъ и партной никогда не будетъ святой, — отдѣлалъ его кузнечный мастеръ.

— Ви булъ за грапицей, — спросилъ онъ, помолчавъ, фактора.

— Нѣтъ, — отвѣтствовалъ тотъ.

— А-а, тамъ минѣга анекдотъ на партной. Ви читалъ «Эйленшпигель»?

— Нѣтъ, — вторично отвѣчалъ тотъ же.

— А а, тамъ есть курьѣзна штукъ, какъ онъ булъ партной, — присовокупилъ мой нѣмецъ, улыбнулся, и тутъ же расхохотался и даже потрясъ головой. *Das ist köstlich*, ¹ — заключилъ онъ.

— *Da fängt er wieder über die Schneider loszuziehen*, ² — замѣтилъ, весело озирая всѣхъ, типографшикъ.

— *Die Schneider sind ebenfalls solche Leute wie die Andern*, ³ — произнесла, философствуя, супруга фактора.

— Эта Эйленшпигель, — началъ рассказъ герръ Якобсонъ, — шѣль у ѣъ одна алей, и ему на стрѣча придетъ самъ партной майстеръ. Эйленшпигель скидавайтъ свой картузь и кланитца. Майстеръ спрашитъ:

— Ви што кочеть?

— Я кочеть работать. Я партной.

— Карашѣ. Вонъ видль мой домъ, три окна. Ступайтъ прама. Я скорѣ будетъ.

Эйленшпигель идеть, разбивайтъ окна и скачутъ въ мастерской. Када партной майстеръ пришла домой, онъ ругайтъ Эйленшпигель и каврить:

¹ Это великодѣшно.

² Пошолъ опять на счетъ портныхъ.

³ Портные такіе же люди, какъ другіе.

— Поидеть къ шорта, туда, откуда вы пришла. Эйденцингель такъ и сдѣлать, разбивайте другой окна, и цѣжить прочь.

Нѣмцы, слушая зтотъ анекдотъ, давно впрочемъ имъ извѣстный, хохотали во все горло.

Анна Ивановна въ числѣ другихъ гостей предложила пуншъ и фактору, но онъ было началъ отказываться.

— И! сачѣмъ такъ церемони, — сказала она. — Вы не дама.

— Дами ошѣ лючше пьеть, только не пуншъ, а кересь, — подбавилъ Якобсонъ. Особлива купчихъ, када никто не видль. Када всѣ видль, за столъ, онъ тада не пьеть. Боже мянѣ сокрани и памілюй, — кѣтра отшенъ, но када въ другой комматъ, и дверь саперъ, о! тада валяй, Дунка, куляй, не страща!

Послѣ того Розе уже не отказывался и повелъ рѣчь о томъ, что ему слѣдуетъ офицерскій чинъ. Этого только и надо было Якобсону.

— Шинѡвникъ, шинѡвникъ! Ха, ха, ха! — заголосилъ онъ, и глаза всѣхъ обратились на злополучнаго фактора, который съ блѣднымъ — какъ видно было, отъ досады — лицомъ, покосился на всѣхъ широкими своими зрачками.

— Er und ein Rang! Di jemine! Ha, ha, ha! Nein, ich platze vom Lachen. ¹ — горланилъ Якобсонъ.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь, — отдѣлывался типографчикъ.

— Befomt er denn wirklich ein Rang? ² — спросила у своего сосѣда, портнаго Федерле, повѣрившій словамъ фактора, сапожникъ Ваксъ, вытаращивъ на него глаза. — Kan er denn wirklich ein Rang bekommen? ³

— Ei, bewahre, ⁴ — отвѣчалъ тотъ, отвернувшись и махнувъ рукой. Lügt, wie ein grauer Esel ⁵, безъ церемоніи хватилъ онъ.

— Freilich, разумеется получу. Я служу въ казенномъ мѣстѣ, пятнадцать лѣтъ, — доказывалъ факторъ.

— Пошалюска. поскарѣ Гаспадинъ Федерле! крикнулъ Якобсонъ портному. Шейте господинъ Рѡзе скарѣ мундѣрѣ. Съ какой сукна вы ему будетѣ шить?

— Съ равендукъ, — отвѣчалъ съ улыбающеюся рожей безбожный Федерле, другъ и пріятель фактора. Гаспадинъ Ваксъ, вы шьеть ему сапогъ изъ какай кошы?

¹ Онъ и чинъ! Братцы мои!.. Ха, ха, ха! Я лопну отъ смѣху.

² Въ-самомъ-дѣлѣ онъ получить чинъ?

³ Можетъ онъ взаправду получить чинъ.

⁴ Э, помилуйте.

⁵ Вреть, какъ сивый меринъ.

— Съ аглицка ютъ отъ русска теленка, катора въ дрошкѣ бѣгайтъ, съостриль сабѣжничъ.

Гости раземѣялись.

— Ви гаспадинъ Вильке, гуаферь те Барн, стригитъ ему волосъ; ему нельса тада такой букля носить. Онъ тада будетъ шиновникъ. Н—на, посмотритъ ви на эта колеска рестораторъ! Ха-ха-ха! хохоталъ Якобсонъ и бросилея обнимать прятелъ-типографщика:

— *A, geht mit zum Teufel* ¹,—воскликнулъ, вырвавшись, факторъ. Необразованные люди и больше ничего, сказалъ онъ, сверкая глазами и отойдя.

— *Meine Herren, der Straß geht schon zuweit* ²,—замѣтила Анна Ивановна, и предложила гостямъ, кому угодно, сыграть подъ навѣсомъ преферансъ. Якобсонъ, Федерле и Вансъ сейчасъ же согласились. Кузнечный мастеръ подошолъ къ типографщику!

— Гаспадинъ Розе, мягко спросилъ онъ, — ви сердитса на мнѣ.

— Надо быть совѣтъ непросвѣщеннымъ, чтобъ близко къ сердцу принимать всякія глупости,—сказалъ тотъ важно.

— Конечно все эта клупства. Давайтъ ваша рука. Вотъ такъ. И друзья подошли и присоединились къ другимъ гостямъ.

Засимъ гости раздѣлялись на двѣ группы: Якобсонъ, Федерле, Розе и Вансъ расположились подъ навѣсомъ и занялись игрою, а остальные кавалеры и дамы, допивъ кто чай, а кто пуншъ, пошли прогуляться. Когда они возвратились, къ нашему почтенному кузнечному мастеру вдругъ привалила игра, то, что называется «володые счастье». Онъ не утерпѣлъ и обратился къ стоявшимъ тутъ не вдалекѣ хозяину и хозяйкѣ.

— *Ich bitt'—euch Leutchen, um Gottes Willen, seht her!* ³,—весело горланилъ онъ, красный какъ ракъ, весь волнуясь и задыхаясь. Анна Ивановна, Атамъ Атамычъ! самечайтъ. Федерле играйтъ укъ бубна; я съ этимъ тресѣ будетъ жигайтъ ево какъ съ калѣна шелѣзомъ. Тавай кѣсиръ! Снатъ нитшевѣ не качу!

— Господа!—крикнулъ онъ, сядясь противъ своего соперника, Соперникъ его межъ тѣмъ показывалъ видъ, что онъ себѣ на умѣ и, шуря лѣвый глазъ, замышлялъ что-то хитрое.

— Это пабушка ищѣ на - твое скасала, — произнесъ онъ,

¹ Убирайтесь къ чорту.

² Господа, шутки уже переходятъ мѣру.

³ Посмотрите сюда, ради самаго Господа,

и, какъ бы подтрунивая надъ своимъ пріятелемъ, сталъ глядѣть на потолокъ, и повидимому только ждалъ начатія боя.

— Я,—повторилъ толстякъ, — вамъ, мой солодой Федерле, скажѣтъ еще одно разъ, што я васъ будетъ севодне ухлопшто-сивайтъ,—какъ нить тамъ.

— Посмотримъ, скасалъ слѣбой!.. отшучивался Федерле, скорчивъ ужимку, и было пошолъ съ туза червей, которыхъ у него было полная рука; но каково же было его удивленіе, когда нашъ почтенный Якобсонъ прехладнокровно остановилъ его:

— Не карячись: пастрѣмка парвошь, сказалъ онъ.

— Какъ? Мой кодъ? — возразилъ, воскликнувъ, озадаченный Федерле.

— Пудеть кагда нибудъ, только не тэпэрча! — осадилъ его Якобсонъ, и зажирилъ при этомъ правый глазъ.

— Какъ? вѣдъ Ваксъ ставалъ?

— Прѣжде ставалъ не одна разъ, это бравда.

— Я сдавалъ,—виѣшался и рѣшилъ споръ факторъ, сидѣвшій по правую руку Якобсона, и державшій сканутыя двѣ карты, въ обѣнъ прикушенныхъ.

Увы! ясно было, что ходить надо было нашему почтенному Вулькану.

— Ахъ ты шорты!—ругнулся, наконецъ, сконфуженный Федерле, и сильно почесалъ у себя правый високъ. Это удивительна, какъ я плошаль!

Расположеніе картъ между тѣмъ грозило, что онъ можетъ остаться безъ одной, хотя нѣкоторая надежда все еще льстила ему, что авось прокинутся. Но вдругъ онъ со страхомъ вскрикнулъ.

— Гдѣ мой тузъ?

— Какая тузъ? — спросилъ съ неумолимымъ хладнокровіемъ кузнечный мастеръ.

— Пубнова?—глухо отвѣчалъ Федерле.

— Пубнова,—вотъ она...

Якобсонъ показалъ карту.

— Какъ она у васъ? Онъ буль у минъ?

— Ахъ, такъ она вѣрно спѣжалъ.

— Сапрлотъ! тебѣрча я пропаль. А я думаль...

— Думайтъ только старшина ѣ ремеслена управа. Ну я можна кадить?... спросилъ Якобсонъ, и, не дожидаясь, пошолъ

со своей длинной масти, съ трэфовъ, какъ разъ подь козыря юстному своему сопернику. Разъ! прокомандовалъ онъ.

Тотъ отъ замѣшательства началъ перебирать карты, а нашъ добрый толстякъ, смотря на нахмуренныя брови, опущенныя гѣки, красное лицо и выпяченныя губы своего друга, протяжно произнесъ:

— А—а, не люпишь!... А потомъ пояснилъ: эта,—сказалъ онъ, обернувшись къ околостоявшимъ, кажда лошадь у ивощикъ гнѣва, кудо пѣжнать, тада онъ съ кнудомъ ему подь нога давайть, и это фальшива каналъ чичасъ лягайтъ, а онъ скашйтъ:
— А—а, не люпишь.

Напоследокъ, когда у его друга не было уже козырей. а между тѣмъ нашъ вуланъ подкатывъ къ нему еще разъ съ трэфовъ, тогда тотъ окончательно растерялся и съ досады шигилъ что-то сквозь зубы, а нашъ герръ Якобсонъ, не сводя глазъ съ Федерле, преспокройно затынулъ:

«Тя тушалъ моя, грасна тѣвици!»

— О шортъ! Безъ трохъ. *Ufen der Teibel*,—воскликнулъ Федерле и, бросивъ карты, вскочилъ. Якобсонъ тоже поднялся и началъ хохотать какъ сумасшедшій.

Нечего и говорить, что въ продолженіе всей этой сцены любовавшіеся ею вволю натѣшились насчетъ злополучнаго портного; когда же дѣйствіе совсѣмъ окончилось, то, не исключая ни единого лица, всѣ разразились гомерическимъ смѣхомъ, и уже больше не сажались за игру.

— Ну што твой апотэкаръ? обратился какъ-то вдругъ къ Адаму Адамычу Якобсонъ. — Онъ давеча попалса намъ стрѣча. Я глядитъ кругомъ и не снайтъ, што такъ пахнетъ у весь Кудербергъ зъ ромашкомъ.

Слушавшіе разсѣялись, а рассказчикъ продолжалъ:

— Такой важна фигуръ, не кланитсѣ. Какъ мѣшна: я бростой кузнѣшна майстеръ!

— Эта вседа такъ, — прибавила Анна Ивановна, перитирая только что вымытые стаканы, изъ которыхъ дамы пили чай, — онъ забуль, продолжала она, — какъ онъ два года буль безъ мѣста и у мой папінька жилъ.

— У нихъ скоро свадьба, — вмѣшалась вдругъ въ разговоръ Лизхень.

Всѣ взглянули на нее; а нашъ кузнецъ первый остановилъ на ней свои глаза.

Дѣва смущилась.

— Эта парашо. Затѣмъ дѣвицъ долга дома держайтъ... съ такимъ полна плеча, — проговорилъ онъ и легонько потрепалъ по округлой шейкѣ близъ него сидѣвшей Минхенъ, которая не замедлила покраснѣть и опасливо изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ взглянула на Лизхенъ.

Накца дѣва въ этотъ мигъ, печально взглянула на свои сухія, начинавшія уже желтѣть и морщиться руки и закинула злостью.

Въ природѣ между тѣмъ происходило все такъ мягко, такъ хорошо, такъ свѣтло. Передъ вами направо и налѣво раскидывается серебристый пологъ рѣки... Вся лазоревая стень неба, на сѣверѣ и съ юга, уже потемнѣла и заволакивается густою синевой. Она, постепенно остывая, отдыхаетъ, послѣ утомительнаго дневнаго зноя. По ней, высоко — высоко, двигаются уже лоскутошь растянувшіяся запоздалыя стада бѣлыхъ облачныхъ барашковъ, которые возвращаются домой, на западъ Тамъ на западъ, дышетъ такой теплой волорощъ, разлитый большимъ молочнымъ пятномъ во голубому фону; тамъ вылаетъ заря; тамъ кипитъ жизнь, готовая отлетѣть въ другой, вѣроятно, лучшій міръ; тамъ, въ душной, раскаленной, блѣдной атмосферѣ трещитъ и вертится солнце, которое, тронувъ малиновымъ огнемъ верхіе края грядою оставшихся надъ нѣмъ синеватыхъ и желтыхъ облаковъ, подернуло алымъ флеромъ подъ собой все оранжевое поле, и, проведя по этому прекрасному полю багряныя полосы, скрылось наконецъ за горизонтъ. Туманъ, спавшій весь день на болотахъ, какъ будто перепугавшись, что онъ теперь остался одинъ, началъ подыматься, простирая руки къ небу и залѣзая, между тѣмъ, по дорогѣ, въ нѣмецкіе носы и рты, рдѣвшіе отъ пунша.

По лужайкѣ Куллерберга ходили пары и цѣлыми стаями гуляющіе, блестящія дамскіе глазки, оттопыривались ихъ безконечныя кринолины, шумѣли ихъ шелковыя платья, звенѣли ихъ бойкіе, мелодичные голоса, закручивались мужскіе черныя, желтые и рыжіе усы и бакенбарды, в помахивало уже отъ всѣхъ вообще бородъ ромомъ, шнапсомъ и ливерною колбасой.

Чу! кадрили. Гдѣ это? Вонъ, за горбатымъ каменнымъ мостикомъ, на берегу, недалеко отъ куллербергскаго холма. Тамъ и есть! Идемте туда. Вома какъ тамъ вылазываютъ, чуть ли не въ шестнадцать паръ! — Танцовавшихъ обступилъ сплошной

кругъ любопытныхъ. — Видишь, какъ отбарабаниваетъ тало помѣ четвертую фигуру вонъ этотъ франтъ, безъ фрака, (снялъ за-тѣмъ, что душно стало). Фу ты, чортъ, какимъ варваромъ, кру-жась, долетѣлъ онъ съ своей дамой до визави, потомъ оста-вилъ ее тамъ, а самъ ловко-такое отсѣменилъ обратно и сталъ опять на свое мѣсто, какъ будто ничего не бывало. Дама его возвратилась; онъ опять началъ выработывать лакированными каблучками.

Все это происходило на довольно большой лужайкѣ, въ де-сяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ аптекарь, хозяинъ Таубе, толста и важна персонъ, Иванъ Адамовичъ Шустерле. Онъ сидѣлъ тамъ со всѣмъ причетомъ: съ своей супругой Ама-ліей Карловной, полной дамой, подъ пару къ нему, и дочерью, Дарьей Ивановной, рядомъ съ которой возвышалась расклевывавшаяся фигура толстотельца ея жениха, Вильгельма Вильгельмовича Швана.

— Ви сердитесь на меня? — говорилъ онъ, какъ можно вкрад-чивѣй и обращаясь къ Дарьѣ Ивановнѣ. Та молчала.

— Ви на меня сердитесь? — повторилъ еще мягче нашъ герръ Шванъ и сталъ дожидать отвѣта, заглядывая масляными глазами подъ опущенныя рѣсницы Дарьи Ивановны и вмѣ-стѣ съ тѣмъ обладая ея пухшевою атмосферою.

— So antwortest doch! ¹ приказалъ нетерпѣливо Иванъ Адамовичъ, вознизивъ, однакожъ голосъ, чтобъ смягчить строптивую натуру дочка, которая характеромъ была вся въ него.

— Послушайте, мамзель Доротѣ — не отставалъ Вильгельмъ Виль-гельмовичъ, и для того, вѣроятно, чтобъ умиловить разгнѣ-ванную богиню, слегка смазалъ ее по платью по плечу, рукою.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! — молвила Дарья Ивановна, укло-нившись отъ его прикосновенья.

Въ этотъ самый мигъ въ толпѣ танцовавшихъ раздалось еди-нодушное:

— Ха ха ха ха!

Всѣ, слышавшіе это, догадались, что тамъ уронилъ кавалеръ даму, — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ происшествій на Кул-дербергѣ. Дашенька посѣбно снялась съ мѣста и въ два три прыжка очутилась тамъ, гдѣ случился казусъ.

— Wo hin, wo hin? ² закричалъ-было ей вслѣдъ родитель. Das ist eine wißige Stöbe ³!

¹ Отвѣчай!

² Куда, куда.

³ Своенравная дѣвочка!

— Lassen Sie sie doch; dies Alles wird sich noch legen. Sie ist noch jung ¹, — произнесъ Вильгельмъ Вильгельмовичъ и вытеръ лицо у себя платкомъ.

— Nein, nein, nein! ² — возразилъ Иванъ Адамычъ. Dies Alles ist sie schuld ³.

И герръ Шустерле указалъ на свою жену.

— Я всегда у нево виноватъ, сека причѣна, — проговорила, пожимая плечами, Амалія Карловна.

— Ja du, du allein bist schuld; du giebst ihr zu viel Bittel ⁴ возразилъ аптекаръ.

Межь тѣмъ Дарья Ивановна обошла уже часть круга танцовавшихъ, и остановилась тамъ, гдѣ бы ее не могли видѣть папапа и мамаша.

Она остановилась и до того задумалась, что не видѣла, какъ упавшій съ дамою кавалеръ снова оправился и потомъ пошелъ съ ней опять. Отогнувъ назадъ весь свой станъ, онъ поднялъ щитомъ лѣвый свой локоть и, бессмертнымъ дьяволомъ, смотря впередъ, бросился, готовый, кажется, опрокинуть и стоптать всѣхъ и каждого, тогда какъ очень молоденькая и очень миленькая его дамочка, потушивъ глазки, послѣ сейчасъ только что случившагося пассажа, такъ нѣжно касалась земли узенькими кончиками своихъ башмачковъ, какъ будто вышивала ими въ пальцахъ.

Въ это время шагахъ въ десяти отъ Дарьи Ивановны остановился нашъ мастеръ Пукъ, который, замѣтивъ еще давеча, гдѣ пристѣло семейство аптекаря, и вертясь постоянно около этихъ мѣстъ, высмотрѣлъ, что Дарья Ивановна подошла одна къ полькирующимъ. Оставивъ Черепанова въ условномъ мѣстѣ, для аванпостныхъ наблюдений за непріятелемъ, въ особенности же за Иваномъ Адамовичемъ, лавируя и озираясь кругомъ, добрался благополучно почти до своей возлюбленной. Дальше идти ему было нельзя: иначе бы онъ высунулся слишкомъ много впередъ и его бы могли легко замѣтить члены фамиліи нашей героини, или ея женихъ.

— Дашенька! — крикнулъ онъ наклонясь, изъ подъ руки настолько громко, что она, выведенная изъ задумчивости, вздрог-

¹ Пускай ее себѣ; не приневоливайте: ее это все потомъ уляжется. Она еще молода.

² Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

³ Во всемъ виновата вотъ она.

⁴ Ты, ты одна виновата; ты много даешь ей воли.

нула и съ изумленіемъ оглянулась, услышавъ знакомый голосъ и никакъ, притомъ, не ожидая, чтобъ Пукъ могъ быть подлѣ нея, тогда какъ онъ самъ вчера вечеромъ сказалъ ей, что ему почему-то нельзя будетъ нынче отправиться на Куллербергъ. Она оглянулась совсѣмъ не въ ту сторону, откуда звалъ голосъ.

— Дашенька!... повторилъ нашъ пріятель, и уставилъ свои синеватые глаза на нее, какъ лягавый песъ, дѣлающій стойку на сидящую въ травѣ передъ самымъ его носомъ тетерку.

Дарья Ивановна замѣтила Таубе и, обрадовавшись, подошла къ нему и пожала руку.

— Карлъ!.. весело воскликнула она:—ты здѣсь. Я очень рада.

— Объ этомъ послѣ;—прервалъ ее Пукъ.—Поговоримъ лучше о дѣлѣ.

— Представь себѣ, продолжала она торопливо, отходя съ нимъ въ сторону:— этому Вильгельму Вильгельмычу папсенька и маменька общали при мнѣ, давеча, что я завтра за обѣдомъ произнесу «Zawort».

— Что же ты на это сказала? — спросилъ Пукъ, хоть онъ ужъ по тону выраженій Дарьи Ивановны и видѣлъ, что она, съ своей стороны противъ этого.

— Я ничего не сказала, — отвѣтствовала возлюбленная мастера Пука.

— Сказать—значило бы все равно, что обѣщать; а обѣщать, по моему, все равно что сдержать слово.

— Моя умная, моя безпѣнная дѣвушка!—молвилъ восторженно мастеръ Пукъ, беря и прижимая къ губамъ ея полненькую и довольно красивую ручку.

— Карлъ!.. Карлъ!—произнесла она, покачавъ головой: вѣрно ли, мой другъ, твое мѣсто, на которое ты такъ много рассчитываешь?

Таубе на это только хотѣлъ что то доказывать, но тутъ тихою рукою подошла къ нимъ Лизхенъ и, какъ говорилось съ старинныхъ романахъ: *слова замерли въ устахъ милого верою*. Она подошла со своей вѣчноулыбавшейся «маіономіей», улыбавшейся особенно непріятно тогда, когда ей хотѣлось немного полукраивать.

— Извините,—произнесла она, виляя туда и сюда глазками,—я, кажется, помѣшала вашимъ секретамъ.

— У насъ нѣтъ никакихъ секретовъ,—проговорила, сразу уже

разсердившаяся на нее Дарья Ивановна, — и что вамъ угодно отъ меня?

На этотъ вопросъ родственница ничего не отвѣчала. Она съ демонскою радостью созерцала перемѣну въ лицѣ своей соперницы и наслаждалась тѣмъ, что это было дѣломъ ея рукъ.

— Что вамъ отъ меня угодно? — уже съ разстановкою и еще рѣзче повторила Дарья Ивановна. Онѣ обѣ отошли на нѣсколько шаговъ всторону.

— Миѣ самой отъ васъ ничего не угодно, но меня послала за вами ваша мамсынька.

— Но скажите, у васъ, кажется, только и дѣла, что шнырять вездѣ и подсматривать за другими... Лучше бы смотрѣли за своими косопальными любовниками, которые васъ надуваютъ... Вы думаете, не знаю, что вы въ прошлое воскресенье, заложили лавочнику столовую серебряную ложку для вашего косога Эдуарда? Онѣ вамъ совралъ, что у него вышли всѣ сигары; — вы думаете, что я этого не знаю? А онѣ на эти деньги отправился въ тотъ же вечеръ на Петровскій, да еще съ какой-то шлѣндой — магазинницей. Я сама ихъ встрѣтила у персевоза въ 4 линіи Видите... Вы думали, что я ничего про васъ не знаю?.. Ого!..

— Хорошо, хорошо, продолжайте, — говорила, кивая головой и хлопая глазами, поблѣвывая Лизхень. Что жъ дальше?

— И еслибъ ты видѣлъ... обмолвилась сгоряча Дарья Ивановна, обратившись къ Таубе, — душенька, еслибъ ты только видѣлъ, что за уродъ этотъ Эдуардъ ея: худой, высокій, рыжій, отвратительный... просто, моська.

— Вонъ какъ! у васъ ужъ на ты, и душенькой называютъ другъ друга. Что жъ, прекрасно! — лепетала, воднуясь всѣмъ составомъ, наша дѣва.

— Да! и сказала, и всегда скажу: «душенька!» Ну вотъ, на зло же тебѣ: душенька, душенька! — Всегда его такъ назову, потому что онѣ стоитъ того, не твоему вислогубому Эдуарду чета, по-врайней-нѣрѣ мущина! Вонъ, посмотри-ка, полюбуйся! А что? Досадно, небойсь? А твой уродъ — аршинъ проглотилъ, и глаза стеклянные вонъ вылезли, точно давится онѣ вѣчно, — словомъ, васъ пара: кошка съ обезьяной, Эдуардъ и Кунигунда.

— Хорошо, Душенька, я все это маменькѣ скажу.

— Скажи, я не боюсь: ты не смѣешь сказать, тогда я напишу твоей мадамѣ, что къ тебѣ, когда она уѣзжаетъ въ театръ, приходитъ твой дѣтій. Слышала это? Славно будетъ, если ма-

даль узнаеть, что въ панціонъ ея, гдѣ дѣвочки, шьются, когда ея дома нѣтъ, къ камеръ-юнгферъ ея, какіе нибудь лавен...

— Онъ не лакей, извините!

— Лакей, я сама видѣла, что лакей!

— Неправда! Это вы со злости такъ говорите. А если я тоже расскажу вашему папашѣ, что Карлъ Ивановичъ вашъ любовникъ, такъ его завтра же утромъ не будетъ.

— Видѣла ты вотъ это?!—поподчивала, окончательно вышедшая изъ себя, Дарья Ивановна свою противницу, вмѣстѣ сложеными тремя пальцами.

Въ эту минуту, озираясь по сторонамъ, подошелъ къ нимъ кейстеръ Пукъ.

— Перестаньте!— молвилъ онъ вполголоса: на васъ обращаютъ вниманіе. Дашенька, оставь, отступись отъ нея.

Онъ дотронулся до плеча Дарьи Ивановны.

— Нѣтъ!.. воскликнула она. Я докажу этой пигалицѣ, что не будетъ по—ее. Вообрази, она, гадина, говорить, что ты мой любовникъ а?! и грозить еще, что если она наябедничаетъ на насъ папенькѣ, такъ онъ завтра же тебя прогонитъ!

— Разумѣется, прогонитъ; а вы думали какъ? поддакнула Лизхенъ.

— Ну, ступай, ступай, дрянъ этакая, мерзкая дѣвчонка, жалуйся, сколько хошь!—молвилъ Таубе и, свативъ Лизхенъ за плечи, повернулъ ее.

— Это, повѣрьте, все будетъ извѣстно Ивану Адамычу!—посулила она имъ, пройдя шага три;—завтра же все будетъ извѣстно!..

— Можешь, сколько угодно, прибавилъ Пукъ.

— Ступай, Кунигунда, къ своему Эдуарду!—насмѣшливо прибавила Дарья Ивановна.

— Будете раскаяваться!—сказала, отойдя и опять обернувшись, Лизхенъ.

— Ступай, ступай, Кунигунда, къ своему Эдуарду! Эдуардъ и Кунигунда.—Ха-ха-ха! — дразнила ее Дарья Ивановна.

— Будетѣ!..

— Кунигунда и Эдуардъ. Ха-ха-ха!

— Доказательство!—почти взвизгнула Лизхенъ, держа въ рукѣ надъ головою сморщенное давшнее письмо, которое она, по дорогѣ, вынула у себя изъ кармана.

— Что это у ней за бумага? — спросил Таубе, смотря въ недоумѣнн на свою возлюбленную.

— Не знаю, отвѣчала она. — Какое же можетъ быть у ней доказательство? Вреть все, я полагаю.

— Гдѣ у тебя мое письмо?

— У меня, въ комодѣ, замкнуто.

— Да полно-такъ ли?

— Ахъ, Господи Боже мой! да когда я сама вчера, поутру, положила его въ швейную шкатулку и заперла на ключъ.

— Если бы я зналъ, — продолжалъ Пукъ, — что это именно мое письмо и что она покажетъ его отцу твоему, тогда бы нечего намъ съ тобой и домой являться, а лучше скрыться сейчасъ же отсюда, и маршь прямо къ Черепанову, благо онъ же здѣсь: мать и сестры его, говорилъ онъ, — съ радостью тебя примуть.

— Да! тогда нечего медлить, — подтвердила дѣвушка. — Господи, какъ у меня вдругъ затосковало сердце! — продолжала она, — вѣрно, что нибудь предчувствуетъ недоброе. Ты, вотъ, этому ничему не вѣришь, смѣешься, а иногда бываетъ правда.

— Будь что будетъ, произнесъ, сдвинувъ брови, Таубе.

Дарья Ивановна вышла на нѣсколько шаговъ впередъ, откуда бы ей можно было видѣть всю группу своего семейства, и снова возвратилась обратно.

— Нѣтъ, наши всѣ сидятъ, какъ сидѣли, а Лизхенъ не видать, — проговорила она, потомъ вдругъ сказала:

— Вонъ дядя, Адамъ Адамычъ, съ теткой и еще человекъ съ двадцать гостей съ ними, идутъ прямехонько сюда. Нехорошо, если они увидятъ тебя со мной вмѣстѣ. Отойди поскорѣй. Жди меня на дорогѣ, вонъ на томъ же самомъ мѣстѣ, недалеко отъ нашихъ, гдѣ мы въ прошломъ году съ тобой видались.

Мейстеръ Пукъ опять, какъ давеча, крадясь, пошелъ и исчезъ за ближайшими соснами.

XIV.

Когда семейство и гости Адама Адамыча, поздоровавшись съ Дарьей Ивановной, подошли къ кругу любопытныхъ, глазѣвшихъ на танцовавшихъ, Минхенъ, пристально посмотрѣвъ на свою кузину, сказала: — сейчасъ намъ попалась навстрѣчу Лизхенъ. Она идетъ на васъ папенькѣ вашему жаловаться. У нея въ рукахъ письмо, которое вамъ писалъ Карлъ Иванычъ.

— Какое письмо? Онъ мнѣ никакого письма не писалъ, — стала записаться, вся прокрасивъ, Дарья Ивановна.

— Я сама видѣла его; она намъ его читала. Вы вчера его неосторожно забыли въ незапертой комодѣ. Мнѣ совѣстно, что я вашу тайну знаю. Я говорю вамъ это единственно изъ любви къ вамъ. Я сама Карла Ивановича всей душой уважаю и ждала бы, чтобы вы сдѣлались его женою.

— Это неправда! это подложное письмо! — перебила, еще болѣе зардѣвшись, наша милая Дарья Ивановна. — Ничего этого никогда не было.

— Was geht das dir an, du Naseweib! — довольно громко и сердито произнесъ вдругъ вслушавшійся въ ихъ разговоръ Адамъ Адамовичъ, ударивъ довольно чувствительно свою Минхенъ по голому плечу.

Эта сконфуженно закусила губки и потупила глазки.

— Всегда суется вездѣ со своимъ носъ! добавилъ онъ, оставивъ большой носъ свой и сѣрые глаза на дочку.

Въ эту минуту подошла къ нимъ кухарка аптекаря и сказала:

— Барышня, пожалуйста, папенька васъ кличуть.

Дашенька, молча пожавъ руку своей кузинѣ, съ грустною улыбкой кивнула ей головою и пошла за служанкой. Она почувствовала уже, что ей угрожаетъ бѣда. За минуту предъ тѣмъ, робкая и нерѣшительная, она въ одно мгновеніе собрала все присутствіе своего духа, когда вдругъ подняла рѣсницы и встрѣтилась зрачокъ въ зрачокъ съ глазами Лизхенъ. Торжество побѣды, выразившееся въ эту минуту въ лицѣ нашей дѣвы, возвратило Дарья Ивановича весь настойчивый характеръ, наследованный ею отъ своего папеньки.

Когда она подходила, каждаго изъ трехъ членовъ судилища, предъ которое ей приходилось предстать, занимали три совершенно различные вопроса:

Лизхенъ думала: «Теперь, ты, душенька, уже не вывернешься! Посмотримъ, какъ-то ты будешь распѣвать!»

Мать думала: «ахъ, Господи! хоть бы она какими ниниестъ средствами, но оправдалась! А то съ отцомъ — тутъ еще не такъ, но дома не совладать, — бѣда!»

Отецъ думалъ: «Я сколько разъ говорилъ матери: смотри за

¹ Что тебѣ за дѣло?

дочерью! Нѣтъ, куда! она, видишь, еще ребенокъ! Теперь онѣ обѣ попались мнѣ на зубъ.»

— *Da kommt die Meise...* ¹ молвилъ онъ, смотря на блѣдное лицо и потушенные вѣки дочери.

— *Нин, wie kannst du sie so nennen?* ² мягко, съ любовью, утѣрила его супруга.

— *Halte du dein Maul!* ³ — посоветовалъ ей Иванъ Адамовичъ.

— Что вамъ угодно? — спросила твердо Дарья Ивановна, глядя въ глаза отцу.

— Мнѣзъ угодна будь вамъ сказать, я платилъ ста двадцать рублѣ въ пансионъ, гдѣ вы выучилъ въ пять лѣтъ какъ любовникъ письмо писать. *Du Schensal du!* ⁴ — прибавилъ онъ вдругъ, пожарая глазами лютаго звѣря дочь свою, которая даже попятилась отъ него.

— *Ich erwürge dich mit meinen eigenen Händen. Dies also ist dein Dank für alle unsere Sorgen!* ⁵ — продолжалъ шипѣть онъ.

— *Parenta, Parenta*, вздумала было, поднявшись, Амалія Карловна, поспѣшно остановить мужа, тѣмъ болѣе, что гулявшіе остановились и смотрѣли, сперва съ недоумѣніемъ, а потомъ съ улыбкою на происходившую передъ ними сцену. Амалія Карловна, говорю, вздумала-было остановить мужа, но онъ, сильнымъ движеніемъ руки, оттолкнулъ ее такъ, что она, неожиданно попятившись, чуть не упала.

— *Du bist des Todes, sag ich dir, wenn du!* ⁶...

— *Lieber, mein allerliebster Wannita!* ⁷ — уговаривала его сожителяница, взявъ одной рукой за руку, а другой за плечо — Дома ти можна каврить и дѣлать, што кочышь, — прибавила она вполголоса и по-русски, въ той надеждѣ, что посторонніе слушавшіе ихъ домашній споръ, какъ пѣмцы, все же несравненно менѣе поймутъ по-русски. — Тутъ порядочна люди стоять и смотрѣть, какъ ти свой дочь ругайть такимъ слова.

— А порядочна люди! — вскричалъ Адамъ Адамовичъ, отстраняя отъ себя руки жены, — порядочна женщинъ, порядочна мать! Я на тебѣ ище придетъ. *Deine Reize kommt noch! Wart' mal!* ⁸. По-

¹ Вонъ идетъ эта распутная.

² Ну, какъ же ты такъ называешь ее.

³ Зажми ротъ себѣ!

⁴ Мерзавка!

⁵ Я задушю тебѣ своими руками! Такъ вотъ благодарность за всѣ наши заботы къ тебѣ!

⁶ Я тебя убью, если ты...

⁷ Милый, разлюбованный мой Ваненька!

⁸ Твоя очередь ище придетъ.

радочна люда! Гя! Пустай порадочна люда и дѣлайтъ, што ко-
жетъ, во у неша ташъ вельса.

— Фуй, фуй, фуй! — прервала сильно переконѣузвившаяся
Аналія Карловна.

Стыдъ, горе, отчаяніе попеременно появлялись и снова по-
крывали лицо Дарьи Ивановны.

— Шапенька, — проговорила, наконецъ, она, ободренная нѣ-
сколько матерью: — я не заслужила этихъ выраженій вашихъ:
я честная дѣвушка.

Дарья Ивановна закрыла лицо руками. Мать чуть сама не за-
плакала, и сказала дочери:

— *Ni hör' auf, weine nicht. Wer nennt denn dich nicht честна дѣ-
вушка! Um Gottes Willen* ¹. И — она начала приглаживать Дорконъ
головку.

— *Ui! du, Was du!* ² шипѣлъ про-себя Иванъ Адамычъ, злобно
поглядѣвъ на жену и сядя. *Du bist die ganze Ursache, das hab'
ich schon hundert mal gesagt* ³.

— Развѣ... вскрикивала Дашенька — я виновата, что мнѣ
противень этотъ бочка, мокрогубый Вильгельмъ Вильгельмычъ? Я
знаю, изъ-за чего все это. Если онъ такъ папашинъ нравится,
такъ пускай онъ и выходитъ за него самъ.

— Ш-ш-ш! хотѣли было заглушить слова ея добрая мать.

— *Was!* ⁴ вскрикнулъ, вскочивъ съ своего мѣста, Иванъ Ада-
мычъ, и въ два прыжка очутился передъ лицомъ жены и дочери.

— *Was sagt sie?* ⁵ повторилъ онъ, возбѣлъ, какъ кнѣзь.
Wiederhol' es noch einmal ⁶, — обратился онъ потомъ къ дочери.

— Я не выйду за вашего Вильгельма Вильгельмыча, дѣлайте
се мной что угодно, — объявила она рѣшительно.

— *Da! auf's erste Mal!* ⁷, — произнесъ окончательно вышедшій
изъ себя отецъ, отпустивъ самую insolentную пощечину
дочери, которая непремѣнно бы повалилась, еслибъ ее не удер-
жала стоявшая за нею сосна, о которую она ударилась всей
спиною и головою.

¹ Перестань, не плачь. Кто жъ говоритъ, что ты не честная дѣвушка?
Господи ты, Боже мой.

² У-у! Ты гадина скверная!

³ Ты всему причиной, это я уже сто разъ говорилъ.

⁴ Что такое?

⁵ Что она говоритъ?

⁶ Повтори то, что ты сказала.

⁷ Вотъ же тебѣ!

— Душэнка, душэнка! — залепетала до смерти перелугавшаяся мать, подхвативъ и обнявъ свою дорогую Дорхенъ.

Въ это время наша Лизочка снялась съ мѣста и тихонько-тихохонько шастъ межъ толпы — и была такова!

Вильгельмъ Вильгельмовичъ, издали увидѣвшій всю послѣднюю сцену, спѣшилъ уже на помощь, сколько ему позволялъ его объемистый складъ.

— Was, was, was, bester Herr Schusterle, — торопливо спрашивалъ онъ. Was hat sie denn verschuldet, das Mädchen? ¹.

— Lassen Sie, das ist schon meine Sache ² — не охотно отвѣчалъ Иванъ Адамовичъ, и, сердито повернувшись, пошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Мать, между тѣмъ, стала утѣшать дочь.

— Испей, пташка моя, водицы, испей.

Но Дорхенъ сердито отвела руки матери, порывисто завязала распутившіяся ленты у своей шляпы и пошла. Амалія Карловна хотѣла было идти за ней.

— Не идите за мной! сказала она почти съ ожесточеніемъ матери.

Добрая старуха не посмѣла ей противорѣчить и осталась на своемъ мѣстѣ. Дашенька прошла и группы танцовавшихъ, прошла и большой перезовъ и у одного дерева увидѣла наконецъ задумчиво стоявшаго Пука. Она подошла къ нему и что-то отрывисто и проворно проговорила. Таубе въ одно и то же время просіялъ радостно, потомъ бросился отыскивать Черепанова, и когда нашолъ его и тоже сказалъ ему что-то въ полголоса, тотъ усмѣхнулся только, пожалъ плечами и потомъ оба пошли и наняли карету, а черезъ полчаса уже ѣхали втроемъ: Пукъ, Дорхенъ и Черепановъ, въ городъ. У квартиры доктора они остановились. Онъ сбѣгалъ напередъ одинъ; съ полчаса по-крайней-мѣрѣ уговаривалъ мать и сестеръ принять бѣдныхъ любовниковъ. Наконецъ ихъ пустили. Старуха-мать и двѣ дочери почти съ презрѣніемъ встрѣтили Дорхенъ. Онъ съ женихомъ должны были сидѣть въ грязной комнатѣ Черепанова, но все это она перенесла съ стойкимъ терпѣніемъ и хотъ-бы бровью моргнула. Иванъ Адамовичъ тоже показалъ не меньше дочери характера: во весь остальной вечеръ онъ преспокойно

¹ Что, что, что такое, почтенный герръ Шустерле? Въ чемъ провинилась ваша дочь?

² Оставьте, это ужъ мое дѣло.

сидѣлъ и курилъ сигарку, хоть его жена и женихъ, подождая Дашеньку съ часъ, съ ногъ почти сбились искавши ее, и часу въ 12-мъ, наконецъ, велѣли подавать свою карету.

— Но Дашинька нѣтъ; ми не можна ее найдеть, проговорила было она.

— *И, höbl sie der Teufel.* А чортъ ее и дерн! проговорилъ онъ и шхнулъ жену въ экипажъ, влѣзъ вслѣдъ за ней и поѣхалъ домой.

На куллербергской лужайкѣ, между тѣмъ, мѣстахъ въ шести, вѣнцы и нѣмочки, молодежь и пожилые отплясывали кто во что гораздъ. Одни вертѣлись въ вальсѣ, подъ плѣнительные звуки штраусова, „*Juristen-Ball-Tänze*“, подъ которые около стоявшій нѣкій франтъ напѣвалъ:

«*Jeune fille aux yeux noirs,
Tu règne sur mon âme...*»

Другой подтягивалъ по русски:

«Ты знаешь ли тотъ край,
Мой ангелъ молодой,

Въ другомъ кружку тряслись въ полькѣ *трапблантъ*, точно лавусту рубили; въ третьемъ отхватывали польку-мазурку и распѣвали:

«Ахъ! еслибъ я княжной родилась
И вздумалъ кто меня учить,
Ляль-ля! ляль-ля!
Тромъ, тромъ, тромъ, тромъ!»

Въ третьемъ кружку гремѣло:

«Бѣжали бояре изъ Новагорода;

и ноги усердно отбрасывали кадрилъ «Стрѣльна».

Въ четвертомъ кружку, вѣроятно, итальянецъ, бряцая на гитарѣ, пѣлъ, на мотивъ «*Carnaval de Venise*» Эрнста, гейневскій романсъ:

„*Du hast Diamanten und Perlen,*

Въ пятомъ кружку сидѣли молодые нѣмцы, человекъ двадцать, все мужчины; передъ каждымъ былъ полуштофъ и рюмки; они горланили, впрочемъ, очень музыкально:

*Ein junges Mädchen, ein frisches Blut,
Erfor sich ein Landmann zur Frau.*

Въ шестомъ кружку вальсировали въ три па, съ прищелкиваньемъ каблукани, и накатывали:

*Gib mir die Blume,
Gib mir den Kranz,*

Ich sähe dich, Mädchen,
Wegem zum Tanz.

Адаму Адамъчу и почтеннымъ его гостямъ заотѣлось не-множко поорать, и они, поднявъ вверхъ руки, дружнымъ хоромъ горланили любимую нѣмецкую пѣсню про главнаго разбойника Ринальдо Ринальдиччи. Оттуда летѣли самыя низкіе басы хозяина и Якобсона. Они выводили:

In des Waldes dicksten Gründen
Und in Höhlen tief versteckt, (bis)
Liegt der Räuber aller Künste (bis)
Die ihn seine Rosa weckt (bis).

Допѣвъ эту пѣсню, наши пріятели обратились съ просьбою къ мадамъ Якобсонъ, чтобъ она распотѣшила ихъ и спѣла какой-нибудь русскій романсъ. Она несогласилась. Гости не отставали отъ ней.

— Nein, nein, nein! лепетали они. Nein, Madam Jakobson, Sie müssen uns thun diese Gefälligkeit. ¹

— Mein Gott, — перебила она, жеманясь какъ институтка, aber ich verstehe keine russische Romane zu singen ².

— Б-устой... Sie singt ganz passabel ³, въ свою очередь перебилъ ее кузнечный мастеръ, — если только захочетъ сама, — прибавилъ онъ.

— Ni sehen Sie doch ⁴, молвила, обращаясь къ хозяйкѣ, смущенная тридцатипятилѣтняя супруга нашего добрейшаго герръ Якобсона, — die Herren haben von Nichts und Wieder-Nichts Geizfall bekommen... ⁵

— N-na, mach' doch kein großes Wesen, jemine ⁶, оговорилъ ея сажитель.

— Aber ich singe niemals russisch ⁷.

— Du singst, und damit aus! Punctum! ⁸ заключилъ нашъ настойчивый другъ.

— «Ты видишь ли эта лѣдка?» Снайте ви эта романсъ?—спросила она, наконецъ, обернувшись.

¹ Нѣтъ, нѣтъ. нѣтъ, мадамъ Якобсонъ, вы должны намъ сдѣлать это удовольствіе.

² Но, Боже мой, я не умѣю пѣть русскія романсовъ.

³ Пустое, она поетъ очень порядочно.

⁴ Ну посмотрите же,

⁵ Господамъ этимъ ни съ того ни съ сего прищипа флота.

⁶ Да не кобянься же, Творецъ милосердый,

⁷ Но я не пою никогда по-русски.

⁸ Ты должна спѣть, и basta.

— Сидеть, сидеть, 6-пой только... проговорилъ добрякъ, и тутчасъ же пушнулъ на нее:

— Н-на!

— Но дѣлька не смѣялся никто!—проговорила мадамъ Якобсонъ, кокетливо погрозивъ пальчикомъ.

— И, кто тутъ пудеть смѣялся,—въ недовольномъ тонѣ возразилъ толстякъ. Ахъ, какъ я не люблю эти бѣби! Нада сегда инѣгда комплиментъ строить...

Наконецъ, мадамъ Якобсонъ откинувшись, потупила глазки и затонула:

«Ты видишь ли эта лѣдка?

16 моротъ водна — а...

Незаетъ ана гразотка...

Потоиъ остановилась ихватила послѣднй стихъ изъ совершенно другаго романа и допѣла:

«Съ каторава села...»

— *Sehr schön, sehr schön!* ¹ ревяла и аплодировала толпа.

Тутъ подошолъ къ пѣвицѣ нашъ общй другъ и пріятель Федерле, и, выпятивъ свои сочныя губы, спросилъ ее:

— *Kennen Sie das Lied?* ²

«Ты пришѣлъ ка мнѣ вешѣрна 6-пора?»

— *Nein* ³, мягко и нѣжно отвѣтила она.

— *Auch ein schönes Lied, besonders die Melodie* ⁴, позволилъ оиъ.

Наконецъ, наши друзья двинулись дальше къ куллербергскому холму. Но не отошли ста шаговъ, какъ имъ захотѣлось послушать «Лучину лучинушку», которую въ оставшиишней годѣ фабричныхъ тонко-тонко голосилъ заѣвадо, а цотомъ всѣхъ человекъ тридцать, подхватили:

«Но ясно горить, не вспыхиваешь...»

— *Ich begreife nicht, was man darin findet in dieser Lutschna Lutschnaschna* ⁵ началъ Якобсонъ. Это все равно: полѣна полѣнушка, или дубина дубинушка, сачѣмъ не горить, или ты въ печка не буль, или тебѣ съ водой облилъ, отъ того ты не горить. *Was ist denn das? Das ist ja ein blanker Unsinn* ⁶, — заключилъ нашъ кузнечный мастеръ, Адамъ Адамъшъ, а Федерле подтакнулъ.

¹ Прекрасно, прекрасно!

² Знаете вы пѣсню.

³ Нѣтъ.

⁴ Тоже прекрасная пѣсня, въ особенности мелодія.

⁵ Я не понимаю, что хорошаго находятъ въ этой «Лучина лучинушка».

⁶ Что тутъ такое? Тутъ бессмыслица.

— *Sinblausen!*», повторилъ герръ Якобсонъ, пожавъ плечами.
Но вотъ когда разодолжили нашихъ нѣшцевъ русапеты, когда они, переставъ нить «Лучинушку», вдругъ грянули:

Ай, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!...

когда бубны забарабанили и зазвякали;

Чивъ, чивъ, чивъ, чивъ, чивъ!...

и когда одинъ молодой парень, потрясая погремушками въ рукѣ, пошолъ чортомъ въ плясъ и принялся прядать и подскакивать мячикомъ. —

— *Soß Donner-Wetter, wie der Kerl springt!* —выразился, смѣясь, Якобсонъ.

Вдругъ нашъ танпоръ въ серединѣ пляса съ остервенѣніемъ подскочилъ къ Якобсону, сталъ, скрестилъ ноги, и потомъ скосивъ ротъ, втянулъ щоки, и, зажавъ лѣвый глазъ, а правымъ смотря ухаремъ на нѣнца, хукнулъ:

— Ху-у—ахъ!

На что кузнечный мастеръ похвалилъ:

— О, молодець!...

Послѣ того, Адамъ Адамычъ, съ остальными гостями, подошолъ къ куллербергскому холму, отъ котораго тамошня лужайка и получила свое наименованіе. Холмъ этотъ сажени въ четыре, или около того, въ вышину, съ площадкой на верху, на которой можетъ умѣститься человекъ до ста. Вѣроятно, прежде нѣшцы скатывались съ этого холма, ложась на бокъ; потому-то таково значенія глагола «*fallern*». Теперь же они это оставили. Теперь они, взойдя на него, берутъ другъ друга за руки, —непремѣнно четѣ, кавалеръ съ дамой, —и сбѣгаютъ. Такъ точно захотѣли сдѣлать и гости Адама Адамыча, взошедшіе на холмъ. Нашъ герръ Якобсонъ пригласилъ для этого Анну Ивановну. Когда онъ мчался съ нею сверху, на половинѣ дороги попался ему чей-то пудель подъ ноги. Нашъ кузнечный мастеръ, эта громадина, изъ-за него повалилъ свою поленькую даму, а потомъ самъ перелетѣлъ, сперва черезъ нее, а послѣ, кувыркомъ, черезъ голову.

На холмѣ и на подошвѣ, гдѣ стояли гуляющіе, раздался взрывъ хохота.

¹ Тоннер-вэтеръ, какъ этотъ человекъ высоко скачетъ!

«Гурра! Bravo-o!»—кричали и хлопали въ ладоши нѣмцы.

Потомъ, сбѣгали одна пара за другою, а въ томъ числѣ и одинъ молодой варень, фабричный, въ красной рубахѣ, со своею разлапушкой. Внизу стояли три франта. Одинъ изъ нихъ, длинный господинъ, въ свѣтлосѣромъ пальто и свѣтлой шляпѣ подставилъ ему ногу. Тотъ полетѣлъ со всего размаха и протѣлся подбородкомъ по песку, но тотчасъ же вскочилъ и прямо къ виновнику своего паденія. Ихъ живо обступила густая толпа.

— Зачѣмъ вы мнѣ подставили ногу? Трогалъ я развѣ васъ?— водстуналъ онъ.

Франтъ занялся и началъ увертываться; мальчикъ глядѣлъ, глядѣлъ—да какъ подпрыгнетъ, да закатить ему самую горячую кощечину, а потомъ со страху обѣжалъ кружокъ публики, до противоположнаго мѣста, поскользнулся, шлѣбнулся; но снова вскочилъ на ноги и вѣшался въ народъ. Свѣтлое пальто взглянулъ на своихъ товарищей, не зная что другое сдѣлать. Тѣ тоже посмотрѣли на него, и всѣ трое, молча, медленно, не поворачивая головы, пошли далѣе.

— Этâ сдарова,—одобрилъ Якобсонъ, провожая ихъ глазами.

Тутъ всѣ обратили вниманіе на молодого нѣмца, который взлѣзъ на ель и, называя себя векшей, обѣщалъ перепрыгнуть съ одной ели на другую. Онъ, въ-самомъ дѣлѣ, это исполнилъ, но какъ-то оборвался и полетѣлъ въ рѣчку, оставивъ, кажется, на суку одну фалду отъ своего сюртука.

Межь-тѣмъ, костры вездѣ еще пылали, но пламя ихъ уже воблѣднѣло, потому-что ночная синева начинала уже отлетать, вслугавшись утренней денницы, которая на востокѣ зажгла уже вершныя фіолетовыя полосы будущей зари.

Наши друзья теперь уже положительно направляли стопы въ обратный путь. Нѣсколько молодежи, съ воинственными межъ ними фizioноміями, шло имъ на встрѣчу, пошатываясь и напѣвая маршь «Радецкій». Впереди ихъ шолъ, и больше ихъ пошатывался, господинъ средняго роста, съ брюквообразнымъ рябымъ лицомъ, мутными оловянными глазами, тупымъ носомъ и рыжими усами,—словомъ съ личикомъ, какое охотники носятъ наши русскіе подмастерья. На этомъ крѣпко пошатывающемся баринѣ была старая шляпа и старая запачканная альмавива. Поравнявшись съ Якобсономъ, онъ толкнулъ его и промышчалъ:

— Из-вините,—сильно налегши на *нит е*.

Якобсонъ ничего не отвѣтилъ.

— Извините!—громче врезняго повторишь онъ.

Тотъ не отзывался.

— Да извини же!—дернулъ онъ и пустилъ зарядъ экстраординарныхъ выраженій, а самъ схватился правою рукою за дерево, наклонилъ голову и старался удержать расходящіяся колѣни.

— Ишь ты, ишь ты какъ его перегибаетъ,—прошепелъ одинъ изъ шествовавшихъ мимо него двухъ молодыхъ людей. Шалнеры расхлябались. Она какъ шею вытягиваетъ... Мутить бѣднягу.

Адамъ Адамычъ со своимъ семействомъ сѣлъ въ свою лодку, а гости его, кто тоже на своей лодкѣ, а кто въ нанятомъ яликѣ отправились.

Другіе нѣмцы взяли линейки. Явилась давшинья наша знакомка, дама, широкая какъ палатка. Когда она влѣзала на дрожки, лошадь ея извощика такъ аппетитно заржала, что за мостомъ всѣ разомъ глянули на нее: лошади, будочники и полицейскіе офицеры.

Мелочная лавка, нѣчто въ видѣ трактира, была биткомъ набита. Въ нее едва можно было протолкаться изъ-за охотничковъ до «шведской очищенной», для болѣе деликатнаго вкуса, на одну треть еще, водой разжиженной. А ужъ хозяинъ-то какъ былъ радъ дорогимъ гостямъ!

Межь-тѣмъ, солнце, воднявшись изъ-за нудлербергскаго лѣса, освѣтило, какъ возжаромъ, всю окрестность, блеснувъ живымъ огнемъ по великолѣпному лиловому колориту. Все заговорило, залешетало, повеселѣло.

Это уже былъ Ивановъ-день.

Нѣмцы, сидя въ яликахъ и улыбаясь своимъ знакомымъ, которыхъ они обгоняли, радостно голосили:

— Нахъ гаузь!

— Нахъ гаузь, нахъ гаузь.

А съ Куллерберга нѣтъ-нѣтъ да все еще неслись звуки музыки и крики: «гуррра-а...»

На другой день Таубе женился на Дорхенъ. Вотъ уже три года съ тѣхъ поръ прошло, а Иванъ Адамычъ, несмотря на мольбы своей супруги, ихъ не прощаетъ. Дорхенъ живетъ въ должности камерерау у одной госпожи, а мастеръ Пукъ на водочномъ заводѣ. Онъ почти каждый день видится въ своей скромной каморкѣ съ супругой; цѣлуется по-крайней-мѣрѣ разъ на сороку въ вечеръ, и они сожалеютъ лишь о томъ, что имъ Богъ дѣтей не дастъ!

М. Генслеръ.

ЗВАДНЫЙ ВОЕВОДА.

(ВОЛЖСКОЕ ПРЕДАНИЕ).

На рѣкѣ было на Волгѣ,
Что на боддинскомъ причалѣ,
Приставали со стругами
Добры молодцы удалы.

Добры молодцы удалы
Были вольные казаки,
Кто съ Яика, а кто съ Дона,
Кто съ Днѣпра, изъ Запорожья.

И надъ тѣми молодцами
Не простой казакъ началъ:
Атаманомъ у удалыхъ
Былъ разбойникъ Стенька Разинъ.

Долго молодцы гуляли
По Хвалынскому возморью,
И съ добычею великой
Возвращались на Волгу.

Много серебра и злата,
И каменьевъ самоцвѣтныхъ,
И персидскаго товару
Правезли они съ собою.

Астраханскій воевода
Поджидалъ давно удалыхъ,
И все думалъ: какъ ихъ встрѣтить...
Вражей нулей, аль привѣтомъ?...

Воевода зналъ и вѣдалъ,
Что не даромъ Стенька Разинъ,
Съ удалыми молодцами,
Цѣлый годъ гулялъ по морю.

Воевода зналъ и вѣдалъ,
 Что несмѣтное богатство,
 По Хвалынскому побережью,
 Атаманъ себѣ награбилъ.

Воевода зналъ и вѣдалъ,
 Что изъ этого богатства
 И къ нему пойдетъ частица,
 Если Стеньку встрѣтитъ любно.

Воеводы были падки
 На деньгу и на подарки,
 И не брезгали даяньемъ
 Отъ разбойника и вора.

Пропустили они Стеньку
 Мимо города съ отругами,
 Не переча атаману
 Стать на болдинскомъ причалѣ.

Стенькѣ Разину въ ту пору
 Самому, зная, нужно было
 Съ астраханскимъ воеводой
 И боярами поладить.

Онъ въ приказную къ нимъ избу
 Съ есаулами явился,
 И челомъ билъ государю,
 И поклонъ боярамъ отдалъ;

И бунчукъ свой атаманскій
 Положилъ, въ знакъ послушанья,
 И поднесъ онъ воеводамъ
 Многоцѣнные подарки.

Принимали воеводы
 Стеньку-Разина съ любовью...
 Подружились съ атаманомъ,
 Словно самъ онъ былъ бояринъ.

Зазывали его въ гости
 Въ воеводскія хоромы,
 И пиры съ нимъ пировали
 Отъ утра до темной ночи.

Атаману было любо
 Воеводское почтенье,
 Хоть въ душѣ своей и крѣпко
 Воеводу онъ ненавидѣлъ.

Но того ему любовнѣй
 Было видѣть отъ народа,
 Отъ всей черни астраханской
 Еще больше почитанья.

Лишь войдетъ, бывало, въ городъ—
 Передъ нимъ народъ тѣснится,
 И толпа, снимая шапки,
 Низко кланяется въ землю...

Становилась на колѣни,—
 И, отъ-мала до-велика,
 Всѣ кричали атаману:
 «Ты нашъ батюшка родимый».

Али чернь была въ то время
 Ужъ глупа, проста чрезъ-мѣру,
 На разбойника смотрѣла —
 Словно ей онъ былъ заступникъ.

Али любо что-ли было,
 Что расхаживалъ онъ важно,
 И, направо и налѣво,
 Сыпалъ серебромъ и златомъ.

Вотъ однажды Стенька Разинъ,
 На стругу своемъ любимомъ,
 Съ есаулами своими
 Пировалъ и веселился.

А межъ тѣмъ къ нему собрался
 Астраханскій воевода:
 Онъ повадился частенько
 Къ атаману ѣздить въ гости.

Вотъ и вырядился Разинъ,
 Чтобы встрѣтить воеводу:
 Передъ нимъ любилъ похвастать
 Онъ богатствомъ и одѣжей.

И накиннулъ онъ на плечи
 Шубу черную-соболью,
 Съ дорогимъ шитьемъ персидскимъ,
 Съ золотою оторочкой.

Лишь завидѣлъ воевода
 Эту шубу дорожную—
 Такъ назадъ и отшатнулся,
 И впился въ нее глазами.

«Ну, Степанъ братъ Тимоѣвичъ,
Много лѣтъ тебѣ желаю
Жить во здравіе, во славу,
Богатѣть и наряжаться...

Только знаешь ли, пріятель,
Вотъ, я царскій воевода—
А такой соболей шубы
У меня, вѣдь, братаецъ нѣту...

Догадался Стенька Разинъ,
Что гостекъ его любезный
Подбирается подъ шубу...
И нахмурилъ грозно брови.

Астраханскій воевода,
Будто этого не вида,
И оставивъ въ атамана
Разгорѣвшіеся глазки,

«Подари,—сказалъ онъ,—шубу
Воеводѣ, на поминки,
Не останешься въ накладѣ
Заслужу тебѣ, ей-Богу!...»

«Нѣтъ, любезный другъ-пріятель, —
Атаманъ ему отвѣтилъ, —
Нѣтъ, не дамъ тебѣ я шубы,
На своихъ плечахъ износимъ...

«Ну, какъ знаешь, Тимоѣвичъ, —
Отвѣчалъ на эти рѣчи,
Ухмылясь воевода, —
Не отдашь, такъ и не надо...

Только, можетъ быть, пріятель,
Послѣ самъ ты пожалѣешь,
И раскаешься, что шубой
Не потѣшилъ воеводу...

Мы вѣдь доброе и злое
Все можемъ тебѣ устроить...
Такъ-то... такъ-то, Тимоѣвичъ,
Пораскинъ-ка это въ мысляхъ.»

Стенька-Разинъ былъ разуменъ,
Не глупѣ воеводы,
И въ своей головкѣ буйной
Въ самомъ дѣлѣ поразмыслилъ,

Что на тотъ часъ воеводѣ
Отказать, и тѣмъ, конечно,

Навести его на злобу
Было-бъ очень непригодно.

Но отдать соболью шубу
Воеводѣ—не хотѣлось...
Это вышло-бъ, просто, струсить
Отъ угрозы воеводской.

А извѣстно, Стенька Разинъ
Былъ не робкаго десятка,
Воеводъ большихъ и малыхъ
Онъ не очень много слушалъ.

Позадумался не въ шутку
Добрый молодецъ удалый...
Вдругъ, онъ словно что-то вспомнилъ,
И тряхиулъ кудрями гордо.

Вспомнилъ онъ, что воеводѣ
Можетъ дать соболью шубу,
Не на радость и утѣху,
А на вѣчное проклятье.

Потому—что эта шуба
Была шуба не простая,
И въ добычу атаману
Отъ кудесника досталась.

Но разбойникъ Стенька-Разинъ
Самъ великій былъ кудесникъ,
И недаромъ почитался
Колдуномъ отъ православныхъ.

Вѣдалъ онъ, что если шубу,
Повернувши мѣхомъ кверху
И сказавъ три тайныхъ слова,
На кого-нибудь набросить—

Такъ того забудь какъ звали
И ниши въ расходъ надолго...
Стенька Разинъ такъ и сдѣлалъ
Съ астраханскимъ воеводой.

Подойдя къ нему поближе,
Атаманъ махнулъ рукою
И сказалъ: «ну, воевода,
Такъ и быть, тебя потѣшу,

Наряжу въ соболью шубу,
Только не было бы шуму...»

И съ плечей своихъ могучихъ
Стенька Разинъ шубу скинулъ.

Взялъ ее, да мѣхомъ кверху
Обернулъ, и тихо молвивъ
Три таинственныя слова...
Вдругъ швырнулъ на воеводу.

Лишь коснулась воеводы
Заколдованная шуба,
Вздригнувъ онъ и обратился
Въ тотъ же мигъ въ лѣснаго звѣря.

А волшебникъ Стенька-Разинъ
Громкимъ голосомъ воскрикнулъ:
«Ну, теперь ты, воевода,
Въ настоящей своей шкурѣ!

Такъ ступай же въ свое мѣсто
И живи съ своею братьей...
А народъ-то православной
Отдохнетъ отъ лишней тяги.»

И завылъ, какъ воютъ волки
Воевода, темной ночью—
И по слову атамана
Убѣжалъ въ лѣсныя дебри...

И о жадномъ воеводѣ
До сихъ поръ, въ устахъ народа,
Нисходя отъ дѣда къ внуку,
Сохранилося преданье.

До сихъ поръ, когда на Волгѣ
Разыграется погода,
И, вздымаясь, яры волны,
Словно холмы, словно горы,

Понесутся съ синя моря
Волгѣ-матушкѣ на встрѣчу—
До сихъ поръ, крестясь, толкуютъ
Рыбаки между собою:

«Это жадный воевода,
Въ Стенька-Разиновой шубѣ,
Подымаетъ непогоду
И со взморья волны гонить.»

В. Ивановъ.

О ФИЗИОНОМИКѢ.

I.

Трудно рѣшить, почему физиономика, какъ наука, не подвинулась ни на шагъ далѣе точки, на которой оставилъ ее Лафатеръ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ. Лафатеръ былъ простой швейцарскій пасторъ, который никогда не имѣлъ претензій—возвысить свой любимый предметъ изученія на степень науки, и постоянно отвергалъ въ себѣ способность разсуждать о немъ научнымъ образомъ. Все, что онъ пытался сдѣлать, было—доказать, что наука физиономики возможна: и это, безспорно, ему удалось. «Я формально объявляю, — говорилъ онъ въ своемъ предисловіи, — что не хочу и не могу написать полнаго трактата о наукѣ физиономики». Далѣе, въ самой книгѣ онъ объяснилъ цѣль ея слѣдующимъ образомъ: «Я очень далекъ отъ мысли, что въку, въ которомъ мы живемъ, суждено произвести научную систему о физиономіяхъ, и еще гораздо менѣе того считаю себя лицомъ, которому свѣтъ будетъ обязанъ признательностью за это. Начнемъ единственно съ того, что соберемъ достаточное число наблюденій и постараемся охарактеризо-

вать ихъ со всею точностью и отчетливостью, къ какой мы способны. Что касается меня, мое высшее честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы приготовить матеріалы для слѣдующаго вѣка, оставить записки объ этомъ великомъ предметѣ какому?— либо преемнику, который бы имѣлъ досуга въ десять разъ болѣе и обладалъ талантами и философскимъ умомъ гораздо высшими, чѣмъ я, и завѣщать ему — если мнѣ позволено такъ выразиться — слѣдующую истину: «*Система физиономики возможна*». Юганъ Гаспаръ Лафатеръ вполне установилъ это положеніе. Онъ огромнымъ числомъ примѣровъ доказалъ возможность чтенія человеческого лица, доказалъ, что свидѣтельство его чертъ непогрѣшительно, и что эти черты находятся въ соответствіи одна съ другою. Но если мы дошли до этого, то почему не пошли дальше? Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ внимательные наблюдатели утверждали, что между душой и внѣшней формой существуетъ неизбѣжное соответствіе; но мы не открыли, въ чемъ именно оно состоитъ. Цюрихскій пасторъ показалъ съ болѣею ясностью, чѣмъ это было сдѣлано прежде, что должны быть правила, что есть известная система въ языкѣ человеческой формы. Но что это за система, что это за грамматика—этого ему не удалось показать. Даже въ метеорологіи больше научныхъ свойствъ чѣмъ въ физиономикѣ. Перемены погоды мы понимаемъ лучше, чѣмъ переменныя черты человеческого лица. Почему бы это? Неужели прочесть характеръ человѣка труднѣе, чѣмъ предсказать приближающуюся бурю? Трудно встрѣтить ребенка, которому не удалось сдѣлать иногда удачной догадки и насчетъ чьего-нибудь характера; и люди, которые обладают даромъ видѣть человѣка насквозь при одномъ взглядѣ — не очень большая рѣдкость. Однакожь — несмотря на старанія Лафатера и на предсказанія его друзей, которые еще тогда же воображали, что наука физиономики скоро будетъ доведена до такого совершенства, что дастъ намъ возможность заглядывать въ душу человѣка, какъ въ окошко—мы еще очень далеки отъ цѣли.

Лафатеръ самъ отчасти способствовалъ къ подрыву довѣрія къ этой наукѣ. Его рапсодіи, въ четырехъ или пяти огромныхъ томахъ, очень безпорядочны въ изложеніи, часто завлекательны, но всегда обманываютъ ожиданія. Онъ позволяетъ себѣ невообразимыя увѣренія. Вѣроятно, они основаны на фактахъ,

но онъ не доказываетъ этого. Все, имъ написанное, отрывочное и несвязно. Его изображеніе характера прекращается тамъ гдѣ мы думаемъ, что оно только начинается; и нѣтъ никакой причины, почему бы этому безсвязному изображенію слѣдовало быть помѣщеннымъ въ срединѣ перваго тома, а не въ концѣ четвертаго. Здѣсь нѣтъ ни какого-либо порядка, ни логики, ни законченности, — ничего, кромѣ груды веревутанныхъ между собою фактовъ, изъ которыхъ многіе упомянуты вскользь и развиты только вползавину. Поэтому твердость убѣжденія, съ которою онъ излагаетъ нѣкоторые по преимуществу сумасбродные взгляды, въ высшей степени способна поселать въ васъ недобѣрчивость вообще относительно достоинства его мнѣній, даже и тогда, когда онъ стоитъ на твердой почвѣ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что «великій физиономистъ долженъ обладать рѣдкою красотою наружности». Въ примѣръ этому онъ приводитъ великихъ мастеровъ въ изображеніи человѣческаго лица: Рафаэля, Ван-Дейка, Рубенса, которые всѣ были очень красивые люди. Можетъ быть, въ этомъ есть нѣкоторый проблескъ истины: чтобы быть способнымъ схватывать высшее превосходство характера, для этого мы должны сами обладать соотвѣтственною возвышенностью качествъ. Художникъ не въ состояніи изобразить ничего выше себя самого. Если кто-либо можетъ изобразить благородное и прекрасное, то значитъ, что есть нѣчто такое же въ его натурѣ; а если въ ней есть нѣчто благородное и прекрасное, то оно, болѣе или менѣе, отразится въ его чертахъ: въ формѣ его рта, носа, глазъ, головы, даже въ его волосахъ. Я думаю, что это именно и разумѣлъ Лафатеръ, когда говорилъ: «Не обладая преимуществомъ хорошаго лица, невозможно сдѣлаться превосходнымъ физиономистомъ. Красивѣйшіе живописцы достигли и величайшаго превосходства въ искусствѣ. Рубенсъ, Ван-Дейкъ, Рафаэль, представляющіе собою три степеня мужской красоты, суть вѣстѣ съ тѣмъ три генія въ живописи; но каждый изъ нихъ — геній особаго порядка. Люди, обладающіе наиболее счастливою наружностью, всегда будутъ наиболее проникательными физиономистами... Входъ въ святилище физиономики долженъ быть не доступенъ для тѣхъ, кто является предъ нимъ съ развращеннымъ сердцемъ, съ косыми глазами, безобразными губами и искривленнымъ ртомъ». Мы видимъ, что авторъ излагаетъ свой принципъ въ самой неуклончивой формѣ, не

дѣлая никакой уступки въ пользу противоположныхъ принциповъ. А между тѣмъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ онъ высказываетъ самъ же, такимъ образомъ: «Люди съ сильно обозначеннымъ характеромъ, полные энергій и которыхъ способности дѣйствуютъ внѣ обычнаго пути, имѣютъ обыкновенно въ своей наружности, взятой во всей ея совокупности, нѣчто непріятное, жесткое и двусмысленное, а по этому самому и чрезвычайно отличное отъ того, что грекъ, художникъ и человѣкъ съ вкусомъ называютъ красотою. И если мы не изучимъ и не поймемъ выраженія этихъ фizioномій, то онѣ, очевидно, должны оскорблять взоръ, ищущій единственно красоты».

Вышеприведенныя слова — только слабый обрашкѣ Лафатеровыхъ преувеличеній. Мнѣ удалось здѣсь исправить одно изъ его слишкомъ рѣшительныхъ и поверхностныхъ положеній другимъ, взятымъ изъ другой части его книги, и показать, что въ первомъ онъ преувеличенно выразилъ хорошо извѣстную истину. Но не со всѣми его положеніями можно сладить такъ легко. Мы, въ отчаяніи, готовы отступить отъ него, когда онъ говоритъ: «Не обладая необыкновеннымъ обиліемъ языка, никто не можетъ сдѣлаться талантливымъ фizioномистомъ; и наиболѣе богатый языкъ въ мірѣ все-таки крайне скуденъ сравнительно съ требованіями фizioноміки. Фizioномистъ долженъ не только владѣть въ совершенствѣ собственнымъ своимъ языкомъ; онъ долженъ быть также творцомъ новаго языка, столько же точнаго, пріятнаго, естественнаго и вразумительнаго». — Настаивая на возможности этихъ удивительныхъ качествъ фizioномиста, Лафатеръ увѣряетъ, что, при пособіи его науки, мы должны современемъ достигнуть въ высшей степени изумительныхъ результатовъ. По одному данному глазу, носу, уху, клочку волосъ, хорошій фizioномистъ будетъ способенъ опредѣлить все лицо, и еще болѣе — весь складъ человѣка. По данному характеру человѣка, для хорошаго живописца будетъ возможно нарисовать его портретъ, даже не видя его. Въ нашъ вѣкъ чудесъ не придется говорить, будто подобныя фокусы невозможны. Когда, нѣсколько вѣковъ назадъ, Страда мечталъ о людяхъ, которые, находясь на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль другъ отъ друга, разговариваютъ между собою посредствомъ небольшихъ кусковъ магнита, кто могъ бы подумать, что въ наши дни

та мечта осуществится? Такую же мечту мы видимъ и въ мысли Лафатера относительно могущества его науки. Она подобна мысли другого мечтателя, относительно взаимной превращаемости видовъ и звуковъ. Свѣтъ и звукъ подчинены почти однимъ и тѣмъ же законамъ: та же самая теорія волнообразныхъ переливовъ въ настоящее время сдѣлалась приложимою къ тому и другому; и нѣкоторые достойные люди воображали, что живописецъ можетъ изобразить цвѣта музыкальными нотами. Какъ музыкантъ старается быть изобразительнымъ и представить умственному взору картину, такъ живописцы дѣлали попытки перевести на полотно ландшафтъ, содержащійся въ *Пастушеской симфоніи* Бехтовена. Все это, можетъ быть, возможно; но въ настоящее время это чистая фантазія. Можетъ-быть, очень скоро мы будемъ читать мысли одинъ другого безъ помощи словъ. Какой-нибудь мальчуганъ взглянетъ на своего пріятеля—и взглядъ его тотчасъ будетъ истолкованъ такъ: «у нашей кошки есть котята, а гувернёръ оттрепалъ меня». Кто-нибудь кивнетъ своему товарищу—и этотъ кивокъ будетъ понятъ такимъ образомъ: «Я иду сегодня вечеромъ посмотрѣть на Леотара. Не пообѣдать ли намъ въ клубѣ, а потомъ отправиться вмѣстѣ?»—Однако же мы можемъ быть совершенно увѣрены, что человѣкъ, который будетъ лопать голову надъ подобными фантазіями, пренебрежетъ дѣйствительностью, находящеюся у него подъ-посомъ. Онъ будетъ Альнаскарромъ науки; онъ не только не составитъ себѣ состоянія, не построитъ дворца и не женится на принцессѣ, но потеряетъ даже тѣ немногіе товары, которые находятся въ его корзинѣ. Такова очень во многомъ была судьба Лафатера. Онъ видѣлъ результатъ, не слишкомъ заботясь о средствахъ къ его достиженію. Его описаніе науки физиономики такъ высокопарно, что оно скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ людей съ здравымъ смысломъ. Въ немъ такъ много мечтательнаго и отрывочнаго, такая пропасть сору, перемѣшаннаго съ пшеницей, что не многимъ придетъ охота отдѣлять тутъ смыслъ отъ бессмыслицы. Гораздо легче подумать, что это все рѣшительный вздоръ.

Однакоже всѣхъ грезъ и всей болтовни добраго, честнаго Лафатера все еще недостаточно для того, чтобы только ими можно было объяснить медленный ходъ науки физиономики. Поэтому необходимо показать далѣе, что физиономистъ никогда еще не имѣлъ

достаточныхъ матеріаловъ для построенія этой науки. Различіе фзіономій безконечно. Въ цѣломъ видимомъ мірѣ нѣтъ ни одного разряда наружностей, столь разнообразнаго въ своемъ значеніи, столь неуловимаго, какъ человѣческій образъ. Фузели писалъ по одному случаю: «Прибавьте или отнимите одну двѣнадцатую дюйма между носомъ и верхнею губою Аполона — и богъ уничтоженъ». Это черезчуръ сильно. Богъ остается въ греческихъ изваяніяхъ, хотя бы его носъ былъ вовсе отбитъ; онъ пребываетъ не въ одной какой-нибудь чертѣ, а во всѣхъ. Однакожь допустимъ это правило, какъ грубое указаніе того, что искусный живописецъ и гениальный человѣкъ думалъ относительно изумительныхъ различій характера, выражаемыхъ непримѣтными различіями внѣшней формы. Далѣе, чтобы имѣть возможность сообщить съ кое-какимъ успѣхомъ тонкіе оттѣнки и варьяціи контура, для этого намъ нужно обладать огромнымъ количествомъ точныхъ наблюденій и имѣть ихъ передъ глазами, одно возлѣ другаго, для сравненія. Этого у насъ еще никогда не было. Лафатеръ представляетъ намъ очень много портретовъ, и онъ имѣлъ ихъ еще гораздо болѣе въ своей коллекціи; но онъ постоянно жаловался, что на эти портреты нельзя положиться. Въ одномъ — плохо переданъ носъ, въ другомъ — совсѣмъ невѣрный подбородокъ; здѣсь — сомнителенъ глазъ, тамъ — никуда негодятся рука. Живописцамъ въ особенности не удавались руки, и ни въ чемъ фзіономистъ не имѣетъ такого большого недостатка, какъ въ коллекціи рукъ. Надо надѣяться, что изобрѣтеніе фотографіи сдѣлается для него зарею новаго дня. Какъ наука химіи была ничтожна до изобрѣтенія точныхъ вѣсовъ, какъ наука фзіологіи была, можно сказать, неизвѣстна до усовершенствованія микроскопа, — такъ, можетъ быть, простой перечень коллекціи, представляющей намъ безчисленное множество точныхъ наблюденій, сдѣлаетъ дѣйствительною наукою то, что до-сихъ-поръ было таковою только въ возможности. Мы приобрѣтемъ многое множество головъ и будемъ въ состояніи классифицировать ихъ, согласно каждой отдѣльной линіи лица и каждой отдѣльной чертѣ характера; а главное, съ помощью фотографіи будемъ имѣть коллекцію рукъ отдѣльно и въ связи ихъ съ лицами. Это — факты, которые мы только теперь, въ первый разъ, имѣемъ средство накопить въ достаточномъ количествѣ. Портреты, которые мы имѣли до-сихъ-поръ,

нимъ относительно числа ихъ, такъ и относительно точности, были очень недостаточны. Притомъ мы имѣли не столько портретовъ, сколько гравюръ съ портретовъ и копій съ гравюръ, — и такимъ образомъ изображеніе доходило до насъ черезъ третьи и четвертыя руки.

Совершенно столько же, какъ недостатокъ удовлетворительныхъ коллекцій, а можетъ-быть даже и болѣе, фальшивая претензія френологіи замедлила успѣхи физиономики. Часть похитила мѣсто цѣлаго, и дала ему свое темное имя. Подъ физиономіей мы должны разумѣть нечто заключающее въ себѣ цѣлую форму. Каждая часть тѣла, которая можетъ свободно двигаться, болѣе или менѣе ясно показываетъ характеръ живущей въ ней души, и, смотря по свойству этого характера, мы найдемъ наиболѣе краснорѣчивое выраженіе его то въ рукѣ, то въ лицѣ, то въ черепѣ. Френологи пустили въ ходъ теорію, что физиономія черепа — самая важная изъ всѣхъ, и что нѣтъ ничего легче, какъ прочесть ее. Они начертили карту головы. Для помѣщенія каждой страсти они отвели особую шишку. Каждая способность ума имѣетъ на головѣ свою маленькую область. Дѣло было сдѣлано съ безпримѣрною легкостью. Остроуміе, какъ въ какомъ-нибудь замкѣ, помѣщалось на вершинѣ головы; Музыка была втиснута въ маленькій уголокъ надъ глазомъ; Убійство притаилось за ухомъ; Любовь искала тѣнистаго убѣжища на затылкѣ; Тщеславіе взгромоздилось на самую маковку; Ложь нашла себѣ мѣсто надъ каждымъ ухомъ, гдѣ она стерегла проходъ; Поэзія — какъ и слѣдуетъ быть — имѣла свое мѣстопребываніе недалеко отъ Лжи; Религія имѣла склоненіе и къ той и къ другой, и возвышалась надъ Философіей. Это была странная топографія и еще болѣе странная психологія. Человѣческая душа, въ высшей степени произвольнымъ образомъ, была раздѣлена чуть-ли не на тридцать различныхъ частей, и этимъ тридцати различнымъ частямъ, тоже въ высшей степени произвольно, было отведено тридцать различныхъ мѣстъ жительства. Относительно этой системы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, или недовѣрчивости. Здѣсь не могло быть никакой ошибки; все было ясно, отчетливо и опредѣленно. Ключъ ко всестороннему познанію человѣческаго рода былъ найденъ. Вся человѣческая душа лежала здѣсь, нагая и открытая, передъ глазами Галля, Штурцгейма и Комба; на нашихъ черепахъ расположенъ былъ ее лагерь,

превращавшіи ихъ въ поле, покрытое палатками. Духъ френологіи совершенно противоположенъ духу Лафатера. Френологія присвоиваетъ названіе науки тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ таковой, объявляетъ притязаніе на точность—и между тѣмъ безъ скачка не можетъ придти ни къ одному вѣрному заключенію. Физиономика Лафатера скромна: она ожидаетъ многого въ будущемъ, но не домогается ничего въ настоящемъ; она энергически отказывается отъ названія науки и хлопочетъ единственно о томъ, чтобы набрать кирпичей для постройки будущаго зданія. Френологія, обладая опредѣленными формулами, и трубя о настоящихъ, а не будущихъ, открытіяхъ, удовлетворяла въ теченіе многихъ лѣтъ умы публики. Это была синица въ рукахъ, которая стоила многихъ журавлей въ облакахъ. Она бралась совершить почти все, что было возможно для физиономики. А что физиономика могла бы сдѣлать сверхъ того—это, пожалуй, и пріятная, но только ужъ бесполезная и отчасти смѣшная роскошь. Два свидѣтеля лучше чѣмъ одинъ; но если можно положиться на одного, то къ чему брать двухъ? Такимъ образомъ френологія, эта ограниченная и поверхностная система, считалась достаточною; а физиономика, какъ цѣлое, была бесполезнымъ излишествомъ. Но наконецъ френологія признана за ошибку, за науку ложную. При всѣхъ благихъ намѣреніяхъ, трудъ созиданія этой науки оказался трудомъ бесполезнымъ; онъ только замедлилъ на нѣкоторое время постройку истинной науки. Френологическое сооруженіе рушилось, и теперь мы спрашиваемъ себя: нельзя ли воздвигнуть болѣе-прочное зданіе на болѣе-широкомъ фундаментѣ?

Безъ сомнѣнія, найдутся люди, которые, прочитавъ эти страницы, скажутъ, что мои хлопоты были напрасны и что они гораздо проще могутъ объяснить незначительность успѣха, сдѣланнаго въ физиономикѣ: она не достигла званія науки потому, что въ ней не заключается никакихъ задатковъ для этого. Въ одномъ очень извѣстномъ англійскомъ журналѣ, въ сентябрьской книжкѣ минувшаго года, какой-то критикъ говоритъ, что «никакой человекъ, обладающій обыкновенною житейскою опытностью, никогда не принимаетъ въ расчетъ физиономіи даннаго лица при своей оцннкѣ его характера. Какъ указатель, она часто обманываетъ, и многія лица—не болѣе какъ маски, скрывающія то, что лежитъ за ними». Но, чтобы мнѣніе ано-

иннаго журналиста не показалось недостаточнымъ, я приведу слова писателя, который очень прилежно изучалъ чело-вѣческую натуру—миѣнне Джорджа Эллиота. «Лицо Гетти обла-дало языкомъ, превосходившимъ ея чувства — говорить рома-нисть.— Бываютъ лица, на которыя природа налагаетъ смыслъ и пафосъ, принадлежащіе не этой челоувѣческой душѣ, кото-рая волнуется за ними, а говорящіе о радостяхъ и горе-стяхъ минувшихъ поколѣній; бываютъ глаза, повѣствующіе оглубокой любви, которая, безъ сомнѣнія, жила и живетъ гдѣ-нибудь, но только не вмѣстѣ съ этими глазами, а можетъ-быть, съ глазами безжизненными, которые не въ состояніи ни-чего выразить, точно такъ, какъ народный языкъ можетъ быть проникнутъ поэзіей, которой не чувствуютъ губы, говорящіе на немъ». Въ другой главѣ эта блистательная писательница го-воритъ нѣчто въ томъ же родѣ: «Длинные, темныя рѣсницы — что можетъ быть прекраснѣе? Миѣ кажется, невозможно не подозрѣвать какой-то особенной глубины души за этими глубо-кими сѣрыми глазами съ длинными, темными рѣсницами, несмотря на опытъ, который показалъ миѣ, что онѣ могутъ быть соединены съ обманомъ, казнокрадствомъ и тупоуміемъ. Но если, побуждае-мый отвращеніемъ, я обращался къ какимъ нибудь стекляннымъ глазамъ, то результатъ оказывался поразительно — сходнымъ съ первымъ. Мы начинаемъ, наконецъ, подозрѣвать, что нѣтъ никакого прямого соотношенія между рѣсницами и нравствен-ными качествами; или же, что рѣсницы служатъ выраженіемъ характера прекрасной бабушки разсматриваемой особы, до ко-торого, говоря вообще, намъ вовсе нѣтъ нужды».

Изъ этихъ строкъ можно заключить, что чувства Джорджа Эл-лиота * противорѣчатъ ея разсужденіямъ: она не можетъ удержать-ся отъ ожиданія нѣкоторыхъ душевныхъ качествъ, когда замѣчаетъ нѣкоторые фізіономическіе признаки. Это ожиданіе, говоритъ она, часто бывало обмануто. Но на чемъ же основано его возник-новеніе и почему существуетъ такое психическое явленіе? Оно ос-новано на фактѣ, на великомъ фактѣ, что здѣсь есть языкъ,—все равно, можемъ ли мы истолковывать его, или нѣтъ. Критикъ, котораго слова я привелъ выше, говоритъ, что лицо часто—только маска. Что жъ изъ этого? Развѣ маска ничего не выражаетъ? Онъ съ такою же основательностью могъ бы сказать, что и

* Псевдонимъ женщины.

языкъ ничего не выражаетъ, такъ-какъ, по извѣстному изрѣченію одного дипломата, онъ данъ не для того, чтобы высказывать, а чтобы скрывать наши мысли. Будьте увѣрены, что если намъ не удастся прочесть лицо, то вѣроятно тому не физиономія, а наша собственная непроницательность. Если Джорджъ Эллиотъ видѣла темпосѣрыя глаза съ длинными, темными рѣсницами, соединенные съ казнокрадствомъ, обманомъ и тупоуміемъ, то обманъ, казнокрадство и тупоуміе въ нихъ непременно были и могли быть открыты. Мнѣнію вышеприведенныхъ лицъ, критика и романиста, я могу противопоставить мнѣніе наблюдателя не менѣе проницательнаго и правдиваго. Диккенсъ такъ часто останавливается на вѣншихъ обнаруженіяхъ характера: на особенностяхъ руки, на движеніи лица, на интонаціи голоса, что его не разъ строго упрекали за это. Говорили, что въ этомъ видна его неспособность проникать въ глубину характера; что онъ изображаетъ не душу, а только физиономію. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній онъ сдѣлалъ замѣчаніе, которое интересно вдвойнѣ: какъ свидѣтельство въ пользу физиономики и какъ ключъ къ его собственнымъ правиламъ сочиненія. Онъ говоритъ, что онъ никогда не ошибался въ характерахъ, что часто—и очень часто—онъ свои предубѣжденія относительно лица, долженъ былъ подавлять въ себѣ, и что въ поступкахъ своихъ онъ никогда не руководствовался своими впечатлѣніями, но что въ послѣдствіи почти всегда открывалось, что его первоначальный приговоръ былъ справедливъ. Если великій романистъ держится такого убѣжденія, то мы можемъ быть увѣрены, что въ настоятельности, съ какою онъ останавливается на мелкихъ чертахъ, только слегка упоминаемыхъ другими писателями, есть смыслъ, который стоитъ того, чтобы его отыскать, и которому не повредить обвиненіе, будто-бы авторъ поверхностенъ. Но какъ ни интересно это убѣжденіе съ критической точки зрѣнія, оно еще интереснѣе для физиономической науки; и есть сотни людей, которые, не имѣя никакихъ притязаній на геній Чарльза Диккенса, могли бы подтвердить его замѣчаніе. Понятіе, которое они составляютъ себѣ характеръ даннаго лица на основаніи впечатлѣнія, производимаго его физиономіей, никогда ихъ не обманываетъ, хотя они и соглашаются, что имъ иногда слѣдуетъ преодолевать и откладывать въ сторону эти впечатлѣнія. Приговоръ составляется часто быстрымъ, непонятнымъ образомъ и человекъ нисколько не думаетъ анализиро-

ить его и подводить свои впечатлѣнія подъ категоріи. Въ этомъ состояніи ума, лицо, о которомъ мы такъ быстро составили свое сужденіе, можетъ намъ льстить, или оказывать снисхожденіе и вообще являться передъ нами въ какомъ-нибудь благопріятномъ свѣтѣ. Этотъ моментъ свѣта насъ постоянно ослѣпляетъ впоследствии. Но приговоръ, который мы составили, можетъ быть вытѣсненъ противоположнымъ приговоромъ друга, котораго свидѣтельство въ состояніи взять верхъ надъ нашими собственными впечатлѣніями.

Когда хорошій судья сильно ошибается въ чтеніи какого-либо человѣческаго лица, то для этого всегда есть причина, независимая отъ физиономіи: и, можетъ-быть, для ошибочности въ опредѣленіи характера нѣтъ болѣе обильнаго источника, какъ незнаніе или забвеніе неопредѣленнаго ученія о темпераментахъ. Въ Лафатерово время предполагалось, что существуютъ четыре темперамента: сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій. Въ наше время они получили другую классификацію и болѣе извѣстны подъ именемъ темпераментовъ: нервическаго, сангвиническаго, жолчнаго и лимфатическаго. Темпераментъ даннаго человѣка относится къ той или другой изъ этихъ категорій, а иногда бываетъ соединеніемъ двухъ или болѣе темпераментовъ, или комплекцій. Такъ что же такое темпераментъ? Не всегда бываетъ легко слѣдить за медицинскими писателями въ ихъ разсужденіяхъ объ этомъ очень темномъ предметѣ; но мы можемъ сказать, вообще, что темпераментъ представляетъ собою извѣстное устройство нервной системы, и что четыре названія сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій, или же нервическій, сангвиническій, жолчный и лимфатическій служатъ для него очень плохимъ термометромъ. Когда сила нервовъ находится на высшей степени дѣятельности—такъ сказать, на точкѣ кипѣнія—тогда темпераментъ называется по одной классификаціи сангвиническимъ—по другой, нервическимъ. Когда эта сила находится на точкѣ замерзанія, то темпераментъ называется флегматическимъ или лимфатическимъ. Между этими двумя крайностями стоятъ, по одной классификаціи, темпераменты — холерическій и меланхолическій, а по другой — сангвиническій и жолчный. Въ этихъ именахъ и степеняхъ нервичности есть нѣчто довольно-произвольное; но они условнымъ образомъ опредѣляютъ мѣру нервной энергіи

и заключаютъ въ себѣ истины, которыя мы еще не въ состояніи возложить съ большою точностію. Въ оцѣнкѣ характера люди чрезвычайно склонны забывать этотъ—какъ бы его назвать? —нервомеръ, или нервомеръ. Они видятъ, напр. человѣка съ великолѣпнымъ лбомъ—съ челомъ Юпитера. Кольриджъ увидѣлъ такого челевѣка на одномъ обѣдѣ. Форма его головы показывала человѣка гениальнаго; глаза его были обрисованы изящно и когда онъ, молча, слушалъ разгоровъ, то восторженный поэтъ обращалъ всю свою рѣчь къ нему, будучи увѣренъ, что это какой-нибудь великій незнакомецъ. Его настоящій характеръ обнаружился только тогда, когда на столъ былъ поданъ сладкій пирогъ съ крыжовникомъ. Онъ вскричалъ: «А! вотъ эта штука по мнѣ!» Если этотъ челевѣкъ дѣйствительно обладалъ головою генія, то я желалъ бы знать: какой у него былъ темпераментъ? Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ видѣть благородныя головы, изъ которыхъ никогда ничего не выходитъ. Люди ошибаются, когда думаютъ, что имъ надо смотрѣть только на форму головы. Имъ, кромѣ и сверхъ того, слѣдуетъ обращать вниманіе на комплекцію, чтобы вывести изъ нея заключеніе объ устройствѣ мозга. Сказать только, что голова такого-то пошлаго характера имѣетъ сильное сходство съ головою какого-нибудь великаго челевѣка, значитъ упускать изъ виду, что между тѣмъ, какъ послѣдній обладаетъ въ высшей степени нервнымъ темпераментомъ, темпераментъ перваго есть лимфатическій. Когда Джордокъ Эллиотъ видѣла обожаемая ею глаза и рѣсницы въ соединеніи съ коварствомъ и глупостію, она, можетъ-быть, забывала, что обожаетъ эти глаза и рѣсницы только въ лицахъ нервнаго или нерво-жолчнаго темперамента, и что она мало понимаетъ ихъ въ другихъ комплекціяхъ.

Это любопытное ученіе о темпераментахъ—камень преткновенія для науки и, можетъ-быть, болѣе чѣмъ что-либо опособствовало тому, чтобы сдѣлать френологію посмѣшищемъ. Однакоже надо замѣтить, что френологія или (такъ-какъ подъ этимъ именемъ обыкновенно разумѣется особенная система краниологін или черепословія, съ которою неразлучны имена Галя, Шпурцгейма и Комба) краниологія, есть именно та часть фізіономіки, къ которой ученіе о темпераментахъ должно бы имѣть наиболѣе серьезное отношеніе. Краниологія есть фізіономіка черепа, слѣдовательно, фізіономіка структуры костей, структуры, на

форму которой большая или меньшая дѣятельность нервной силы не имѣетъ существеннаго вліянія. Съ другой стороны, физиономика лица есть физиономика мускульнаго, подвижнаго вещества, которое перемѣшано съ нервной системой, которое живетъ и трепещетъ въ сѣти тонкихъ волоконъ и получаетъ отъ нихъ свою форму и свое расположеніе. Замѣьте разницу. Когда я сужу о характерѣ по лицу, то я сужу по извѣстнымъ линиямъ и чертамъ, на образованіе которыхъ въ большой степени вліяла безпрестанная дѣятельность темперамента. Въ подобномъ случаѣ вліяніе темперамента вполнѣ выражается въ чертахъ, по которымъ мы составляемъ свое сужденіе, и потому намъ не для чего повѣрять это сужденіе обращеніемъ къ темпераменту. Съ другой стороны, френологъ, или краніологъ, выводитъ свою оцѣнку характера изъ структуры костей черепа, на которомъ вліяніе нервной силы почти незамѣтно, и, дойдя, напримѣръ, до заключенія, что здѣсь мѣстопребываніе всѣхъ возможныхъ совершенствъ онъ наталкивается на результатъ, независимый отъ его краніологіи, а именно, что по причинѣ вялаго темперамента, обладатель этого черепа можетъ быть положительнымъ глупцомъ. Такимъ образомъ безпрестанно случается, что человѣкъ съ незначительной головой, но съ богатымъ темпераментомъ, гораздо выше человѣка съ прекрасною головой и бѣднымъ темпераментомъ; и френологія, оказываясь здѣсь несостоятельною, лишается всякаго уваженія и довѣрія. По указаннымъ нами причинамъ, физиономика, въ цѣломъ ея составѣ, никогда не можетъ, влѣдствіе противодѣйствующаго вліянія темперамента, впасть въ такое же затруднительное положеніе и подвергнуться такому же презрѣнію, какъ френологія; но все-таки должно признаться, что и здѣсь вліяніе темперамента элементъ препятствующій, и что въ нашихъ оцѣнкахъ мы не должны его забывать.

Число установившихся принциповъ физиономики еще очень незначительно; но, несмотря на такой элементарный характеръ этой науки, находящейся еще въ зародышѣ, я все-таки нахожу неудобнымъ войти въ разсмотрѣніе предметовъ, входящихъ въ ея область, теперь же. Въ настоящей статьѣ я пытался только показать возможность науки физиономики и объяснить почему она до сихъ поръ еще не появилась. Время сдѣлать это наступило именно теперь, когда блестящіе романи-

сты и достоуважаемый классъ критиковъ считаютъ рѣшительнымъ, что къ физиономикѣ не должно имѣть никакого довѣрія, такъ же и къ физиономіи. Можетъ-быть, будетъ великимъ въ противоположность такому скептицизму, положить основной принципъ, на которомъ настаивалъ Лафатеръ. Принципъ этотъ состоитъ не только въ томъ, что по лицу мы можемъ узнавать характеръ. Лафатеръ идетъ гораздо далѣе. Ученіе его, выраженное техническими терминами, было бы таково: Человѣческая форма однородна, а не разнородна; другими словами, во всѣхъ ея частяхъ существуетъ единство характера и выраженія. Онъ объявляетъ, что физиономія не только не обманчива, но что, напротивъ, она истинна въ цѣломъ, *и цѣлая истина выражается въ каждой отдѣльной ея части*. Можетъ-быть, нѣкоторыя черты выразительнѣе прочихъ: одніе выражаютъ болѣе чувство, другія—болѣе умъ; но въ одной выразительной чертѣ мы должны найти выраженіе всего. Физиономика не похожа на систему Галля и Шпурцгейма, которая на одной и той же головѣ находитъ шишку убійства и шишку доброты, органъ лжи и органъ самоуваженія. Черты однородны. Гдѣ онѣ не однородны, тамъ выраженіе бываетъ глупое. Какъ на деревѣ каждый листъ представляетъ собою, въ миниатюрѣ, все растеніе, такъ въ человѣкѣ каждая черта, болѣе или менѣе представляетъ всю физиономію. Существуютъ верховныя физиологическія причины, почему одинъ классъ животныхъ имѣетъ копыта, а другой когти, и почему рогатыя головы должны совпадать съ раздвоенными копытами; существуетъ непогрѣшительная необходимость, которая даетъ человѣку съ однимъ типомъ лица вихливую руку, съ другимъ—длинные заостренные пальцы, съ третьимъ—пальцы съ узловатыми суставами и лопатчатыми концами. Лафатеръ въ другой только формѣ высказываетъ эту же самую мысль, говоря: «Вся система костей съ облекающимъ ихъ тѣломъ, цѣлый составъ человѣка, взятый въ своей совокупности—фигура, цвѣтъ, голосъ, походка, *запахъ*,—словомъ, все имѣетъ отношеніе къ лицу и подвержено ухудшенію или усовершенствованію вмѣстѣ съ нимъ». Я слышала любопытное подтвержденіе этого ученія очень недавно. Одинъ коннозаводчикъ показывалъ мнѣ свой заводъ, и между прочимъ одного годовалаго жеребенка, отъ котораго онъ ожидалъ многого. Онъ сильно жаловался на одинъ только незначительный

недостатокъ лба у этого жеребенка и выражалъ опасеніе, что изъ него, пожалуй, выйдетъ лошадь не перваго сорта. «Я не беспокоюсь о тѣлѣ, (говорилъ онъ): если голова совсѣмъ хороша, то и тѣло dorostetъ до нея; но если въ головѣ что-нибудь не такъ, то и все остальное, какъ оно ни красиво теперь, понизится до того же уровня.» Таковъ именно законъ физиономики. Всѣ черты сходны между собою въ выраженіи, и такимъ образомъ, — въ противоположность людямъ, которые не въ состояніи сдѣлать ничего изъ цѣлой системы и объявляютъ свою неспособность прочесть все лицо, — есть люди, которые думаютъ, что они могутъ въ каждой отдѣльной чертѣ прочесть весь характеръ.

Такъ какъ эта мысль объ однородности всѣхъ частей чело-вѣческой формы есть основное ученіе физиономики, то я возвращусь къ ней въ слѣдующей статьѣ и въ особенности покажу ограниченія, съ которыми она можетъ быть принята. Здѣсь же я изложилъ ее не для того, чтобы отвести ей надлежащее мѣсто въ наукѣ, которой даже порога мы еще не переступили, а единственно для того, чтобы показать, въ противоположность скептикамъ, изумительное довѣріе къ средствамъ физиономики со стороны людей, которые много ею занимались. Это довѣріе въ главномъ совершенно основательно; и, однако, я долженъ заключить настоящую статью тѣмъ же, чѣмъ началъ, то есть поставить на видъ, что Лафатеръ утрируетъ свой предметъ до невозможности. Онъ держитъ огромное стадо верблюдовъ, и надѣется, что его послѣдователи проглотятъ ихъ не жевавши. Самый почтенный верблюдъ заключается въ послѣдне-приведенной мною выдержкѣ. Лафатеръ говоритъ, что каждая часть нашей тѣлесной системы имѣетъ прямое отношеніе къ лицу, и между частями этой системы онъ въ особенности упоминаетъ запахъ. Онъ объявляетъ, что каждый человекъ имѣетъ свой запахъ и что по данному запаху можетъ быть опредѣлена форма лица съ математическою точностью. Жоржъ Комбъ проповѣдывалъ подобное же ученіе, которое онъ излагалъ своимъ близкимъ друзьямъ, хотя никогда не рѣшался напечатать его. Безъ сомнѣнія, никто, кромѣ простодушнаго швейцарскаго пастора, не могъ бы не замѣтить комичности обнюхиванья человека для узнанія его характера. Вѣра въ физиономику — вещь очепь хорошая; но эта наука, пре-

имущественно передъ всѣми другими, имѣетъ нужду въ здоровомъ смыслѣ. Нелѣпости Лафатера такъ же смѣшны, какъ и нелѣпости френологовъ, только онѣ менѣе вредны, потомучто достойный пасторъ не дошолъ до научнаго метода.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ФИНАНСОВАЯ ТЕОРИЯ ПРУДОНА.

THÉORIE DE L'IMPÔT. QUESTION MISE AU CONCOURS PAR LE CONSEIL D'ÉTAT DU CANTON DE VAUD 1860 PAR P. I. PROUDHON.

*Des réformes toujours,
Des utopies jamais.*

I.

Безъ сомнѣнiя, ни одно изъ современныхъ большихъ государствъ не можетъ похвалиться хорошимъ состоянiемъ своихъ финансовъ. Не говоря объ Австрiи, которая, несмотря на крайнюю экономiю въ расходахъ, несмотря на то, что въ ней обложено податью все, что только можетъ быть обложено, все-таки никакъ не можетъ свести концы съ концами, — Францiя, — которая далеко превышаетъ ее относительно народнаго богатства, и потому могла довести свои доходы до суммы 1800 милiоновъ франковъ, — все-таки не можетъ свести концы съ концами, такъ-что, несмотря на прежнiя хвастливыя публикaciи о патриотическихъ займахъ, правительство видитъ наконецъ, что они, во-первыхъ, всего меньше имѣютъ характеръ патриотизма, а во-вторыхъ, финансамъ помогаютъ очень мало, напротивъ, разстраиваютъ ихъ. Дѣйствительно, эти, такъ называемые, народные займы и довели дѣло до того, что императоръ французовъ принужденъ былъ въ послѣднее время публиковать, что онъ не забылъ своего демократическаго происхожденiя и что даже не считаетъ себя обязаннымъ передать власть своему наследнику. Можетъ быть, и очень вѣроятно, что эти признанiя подобны прежнимъ признанiямъ, что, напр. *l'empire c'est la paix*

и т. п.; но дѣло въ томъ, что финансы Франціи все-таки разстроены и 12 миллиардовъ долгу представляютъ трудности, которымъ нелегко помочь даже съ французскимъ бюджетомъ, особенно при той системѣ управленія, которой слѣдуетъ нынѣшнее правительство.

Шутить тутъ, разумѣется, нечѣмъ, не даромъ такое ловкое правительство взялось за столь необыкновенныя средства для привлеченія къ себѣ довѣрія народа. Нынѣшнее правительство Франціи, можно сказать, не совсѣмъ отказывается отъ уроковъ исторіи. Оно понимаетъ, что въ дурныхъ финансахъ для будущаго готовятся вещи совсѣмъ непріятныя для какого бы то ни было правительства, и что денежные счета могутъ убить самыя высокія порывы патріотизма въ родѣ тѣхъ, которыми оно само хвасталось. Людовикъ XIV, эта первая слава дореволюціонной Франціи, былъ провожаемъ въ могилу проклятіями народа; Людовикъ XVI—этотъ *желанный* король, предметъ надежды и любви народной—кончилъ очень плохо, главнымъ образомъ благодаря такому состоянію финансовъ, которому обыкновенными мѣрами помочь было очень трудно и которое потребовало съ его стороны жертвъ, показавшихся ему слишкомъ тяжелыми. Людовикъ Наполеонъ сразу дѣлаетъ намекъ на то, что для него никакія жертвы, не будутъ тяжелы и открыто признается, что онъ совсѣмъ не то, чѣмъ казался; что онъ, несмотря ни на что, остался вѣренъ принципамъ, съ которыми связано его происхожденіе.

Хорошо и это. Каковы бы ни были причины, заставившія императора французовъ подумать о поправкѣ финансовъ и добровольно отказаться отъ права на займы, которыя онъ такъ широко дѣлалъ, изъ этого все таки, можетъ быть, выйдетъ облегченіе для народа. Дурныя финансы вредятъ интересамъ правительства; но, конечно, они вредятъ еще больше интересамъ народа. Во Франціи приходится около 200 франковъ прямыхъ и непрямыхъ податей на каждое семейство изъ 4 членовъ, и притомъ налоги собираются такъ, что къ концу счета оказываются главными платильщиками все-таки люди бѣдные или недостаточные. Можно себѣ представить положеніе бѣднаго рабочаго семейства, для котораго одинъ только источникъ дохода—личный трудъ, и которое платитъ 200 франковъ налоговъ! Но эти 200 франковъ, собственно говоря, поступаютъ въ руки правительства; народу за каждые 200 франковъ приходится платить гораздо больше, потому что

главная масса доходовъ французскаго правительства составляетъ изъ непрямыхъ налоговъ, которые поступаютъ въ казну непосредственно отъ купцовъ, или фабрикантовъ или, вообще, отъ производителей; а эти, натурально, берутъ съ народа не только то, что они сами дали правительству, но при этомъ и значительный процентъ, который, при переходѣ товаровъ изъ однихъ рукъ въ другія, все растетъ, и потребителю приходится платить за каждый франкъ, полученный правительствомъ, два-три франка, или даже больше.

Извѣстно одно мѣсто изъ «*Dîme royale*» Вобана, которое давно приобрѣло классическую извѣстность въ политико-экономической литературѣ. Вобанъ говоритъ, что въ его время, въ концѣ царствованія Людовика XIV, изъ всего населенія Франціи десятая часть живетъ милостынею, пять десятыхъ находятся въ такомъ состояніи, что не могутъ подавать милостыни, дальше, три десятыхъ запутаны въ долгахъ и процессахъ и потому тоже находятся очень въ стѣсненномъ положеніи, и только оставшая часть живетъ въ довольствѣ. Эта часть составлялась, впрочемъ, только изъ военныхъ, гражданскихъ должностныхъ лицъ и изъ самаго богатаго купечества. Самъ Вобанъ говоритъ, что до такого состоянія Франція доведена безчисленными поборами, которые были нужны Людовику XIV, для его безкопечныхъ войнъ. Значительная доля поборовъ шла для построекъ и вообще для удовлетворенія этой роскоши, которою король удивлялъ Европу. Извѣстно, что, благодаря этой роскоши и побѣдамъ, Людовикъ XIV заслужилъ у французозъ названіе «Великаго». Дорого обошлось это величіе французскому народу, много потрачено даромъ народнаго труда, и—что всего хуже—много прибавилось пустоты къ французскому характеру, и, вѣроятно, въ этомъ отношеніи еще нескоро расквітается великій народъ за славу своего великаго короля.

Изъ всѣхъ современныхъ правительствъ всего лучше ведетъ свои финансы Швейцарія. Она имѣетъ общій бюджетъ чрезвычайно незначительный даже для такого небольшого государства: около 16 миліоновъ франковъ. Кромѣ того, отдѣльные кантоны имѣютъ, каждый, свой особенный бюджетъ, тоже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, такъ что на всѣ кантоны приходится около 25 миліоновъ *. Расходы обыкновен-

* Это составитъ всего 41 миліонъ; на каждое семейство изъ 4-хъ членовъ (при 2½ м. нас.) около 60-ти франковъ—въ три раза съ полови-

но идутъ соразмѣрно съ доходами; даже доходовъ обыкновенно больше. Долги до того незначительны, что о нихъ не стоитъ и говорить, такъ что жители Швейцаріи меньше, нежели кто нибудь обременены налогами, хотя, притомъ, они пользуются матеріальнымъ благосостояніемъ больше всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Несмотря на то, стремленіе къ политической справедливости, къ большому облегченію народа отъ какихъ бы то ни было тягостей такъ велико, что государственнй совѣтъ кантона Во (Ваатландъ) предлагаетъ конкурсъ для болѣе правильнаго установленія основаній системы налоговъ. Кантонъ Во приведенъ къ этому не худыми финансами, какъ императоръ французовъ къ своимъ объясненіямъ;—нѣтъ. Въ последнее время доходы Кантона простирались до 2,915,000 фр., а расходы—только на 2,717,000; стало-быть доходы больше расходовъ почти на 200,000 фр. Государственный долгъ—90,000 фр.; ясно, что это даже не можетъ быть названо долгомъ. Притомъ кантонъ имѣлъ на 14,775,000 государственныхъ имуществъ. Немного надо финансовыхъ соображеній для того, чтобъ видѣть отличное финансовое состояніе кантона, между тѣмъ почтенные члены совѣта поднимаютъ вопросъ о финансахъ, въ надеждѣ усовершенствовать свою систему.

Въ числѣ соискателей на конкурсъ явился и Прудонъ съ своимъ сочиненіемъ, заглавіе котораго выписано выше. Надобно радоваться случаю, который далъ ему поводъ написать особенную книгу о налогѣ. Прежде (въ *Système des contradictions*) онъ записалъ налогами только вскользь; теперь онъ представилъ полную теорію финансовъ, и его теорія, какъ и все, что выходило изъ-подъ его пера, обличаетъ мастера и, что всего важнѣе, въ этотъ отдѣлъ политико-экономическаго ученія вносить новый свѣтъ, даетъ ему новую исходную точку, новое основаніе для справедливаго рѣшенія его задачъ.

Новое сочиненіе Прудона, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе экономистовъ, — тѣхъ, которые дѣйствительно интересуются успѣхами науки, а не пользуются верхушками ея для своихъ цѣлей, которые, критикуя замѣчательныя явленія въ своей специальной литературѣ, обращаютъ вниманіе на дѣло, а не на то, какой у автора лобъ, и т. п., какъ это сдѣлалъ г. де-Молилари

ною меньше, чѣмъ во Франціи, тогда какъ общее богатство страны если ужъ не выше, то и никакъ не ниже чѣмъ во Франціи, и, что всего важнѣе, богатство распределено гораздо равномѣрнѣе.

в своей статьѣ по поводу «*La guerre et la paix*» Прудона, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Дѣйствительные представители науки не будутъ, съ плохо скрываемымъ удовольствіемъ, дѣлать предсказаній въ родѣ того же г. де-Молилари, который предсказывалъ, что «*La guerre et la paix*» Прудона остановится на второмъ изданіи, которое даже не разоидется, между тѣмъ, какъ оно давно разошло и напечатано третьимъ изданіемъ, которое, вѣроятно, тоже разошло, потому что оно давно продается въ Россіи. Эти выходки г. де-Молилари, какъ они ни мелочны сами по себѣ, стоятъ, однако, того, чтобы обратить на нихъ вниманіе публики, такъ какъ они обнаруживаютъ, къ какимъ средствамъ извѣстные люди, занимающіе кафедры политической экономіи, прибѣгаютъ, чтобы уронить бѣднаго изгнанника, гражданина *sans tâche ni persone*, честнаго мыслителя, который не можетъ участвовать въ этомъ хорѣ экономистовъ-нигилистовъ, достойнымъ представителемъ которыхъ въ литературѣ, какъ французской, такъ и русской, является г. де-Молилари. Что г. де-Молилари такимъ образомъ дѣлаетъ критику сочиненій своихъ противниковъ, этому удивляться нечего, больше-то его ни на что не хватаетъ. Но удивительно, что одинъ изъ серьезныхъ русскихъ журналовъ признаетъ всю солидарность съ подобными господами и съ подобнымъ способомъ критики, въ то же время жалуясь на господство у насъ фразы и на то, что наша литература легкомысленно и по-ребячески относится къ важнѣйшимъ вопросамъ нашей общественной жизни.

Исходный пунктъ теоріи Прудона тотъ, что налогъ есть не что другое, какъ мѣна, въ которой одну сторону представляетъ государство, другую—каждая отдѣльная личность, платящая налогъ. Государство беретъ деньги отъ частныхъ лицъ, и за это доставляетъ имъ сумму услугъ, для которыхъ оно существуетъ и которыхъ отдѣльныя личности не могли бы получить ни отъ какой корпорации, ни отъ какой компаніи, не имѣющей характера государства. Роль государства не ограничивается у Прудона, какъ у экономистовъ противоположной школы, только заботливостью о соблюденіи законовъ, каковы бы они ни были. Этимъ господамъ очень выгодны современные законы Западной Европы, и они стараются поддержать ихъ во что бы ни стало. Для того-то и проповѣдуется эта неподвижность, которую они хотятъ ограничить роль государства. Замѣчательно, что они умѣютъ дѣлать это съ самымъ либеральнымъ ви-

домъ и своему консерватизму дать наружность самаго широкаго прогресса, такъ что и волки сыты и овцы цѣлы; т. е. они слывятся за самыхъ безкорыстныхъ прогрессистовъ и въ то же время заручаются выгодными мѣстечками, подобно г. де-Моли нари и другимъ представителямъ этой школы.

Прудонъ явнымъ образомъ не имѣетъ этой претензіи, потому онъ всегда прямо говоритъ свою мысль и не боится высказать ее, если она противорѣчитъ тому, что толпа привыкла считать за прогрессъ и либерализмъ; за то тѣмъ, въ рукахъ которыхъ власть и всѣ блага житейскія, онъ не побоялся сказать такіе вещи, которыя, можетъ быть, заставятъ ихъ иной разъ призадуматься надъ своимъ собственнымъ положеніемъ. Оттого-то ему всегда какъ-то удавалось подвергаться преслѣдованіямъ со стороны всѣхъ правительствъ, смѣнявшихся во Франціи, и лавъ тѣхъ господъ, которые слѣдуютъ правилу—защищать свои интересы подъ видомъ интересовъ общественныхъ.

«Государство—говоритъ онъ—это не одна юстиція, полиція, дипломатія или военное дѣло: это, кромѣ того, веденіе коллективныхъ интересовъ.»

Въ другомъ мѣстѣ книги онъ развиваетъ эту мысль яснѣе и государству приписываетъ веденіе такихъ дѣлъ, которыя противники его желали бы отдать частной инициативѣ. У насъ въ особенности, благодаря множеству фразъ, распушенныхъ въ читающей публикѣ литературою, вѣроятно, найдется много господъ, которые неблагопріятно взглянуть на этотъ принципъ, потому-что они привыкли видѣть неуспѣхъ и злоупотребленія во многихъ случаяхъ, когда дѣло было ведено не частными лицами. Но уже и у насъ, благодаря дѣйствіямъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, благодаря тому, что до публики дошли подробности какъ относительно результатовъ дѣйствій этого общества, такъ и относительно самаго способа ихъ, многіе начинаютъ повѣрять свой взглядъ на плодотворность частной инициативы въ дѣлахъ, касающихся интересовъ всего народа. Впрочемъ, все-таки либеральныя фразы о частномъ интересѣ, о невмѣшательствѣ правительства въ то и другое—повторяются. Разумѣется, для данныхъ дѣйствительныхъ случаевъ тутъ есть большая доля правды. Но не данные отдѣльные случаи, имѣющіе свой особенный характеръ въ каждой странѣ, нужно разумѣть, говоря объ общихъ законахъ, опредѣляющихъ взаимное отношеніе государства и личности. Тѣ, которые требуютъ вмѣ-

ительства государства въ веденіе дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ, имѣютъ въ виду не Китай, Египетъ или Турцію; они разумѣютъ государство организованное рациональнымъ образомъ, такое, въ которомъ правительство сознаетъ свои обязанности относительно общества и не можетъ не сознавать ихъ, подѣ рискомъ потери своего правительственного качества. Это хорошо понимаетъ американская экономическая школа Кери.

«Разсматривая экономическую дѣятельность правительства—говоритъ одинъ писатель этой школы, П. Смитъ, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ — мы имѣемъ большое преимущество надъ писателями Стараго Свѣта. Они смотрятъ на правительство какъ на что-то отличающееся отъ націи, среди которой оно дѣйствуетъ и которою управляетъ; для нихъ правительство есть нѣчто налагающее на нихъ извѣстныя правила, не спрашиваясь съ ними, господствующее надъ интересами своею собственною, независимою силою. Даже тамъ, гдѣ существуютъ представительныя формы, какъ въ Англии, качество избирателя имѣетъ только нѣкоторая часть народонаселенія, которая и называется господствующими, управляющими классами.

«У насъ—продолжаетъ П. Смитъ—вся нація выбираетъ членовъ правительства и даетъ имъ такую власть, какую сама найдетъ необходимою, ограничиваетъ ее и даже отнимаетъ по своему произволу; держитъ подѣ строгою отвѣтственностью публичныхъ чиновниковъ, перемѣняетъ ихъ, когда они превышаютъ свою власть или когда они небрежно исполняютъ свои обязанности и т. п.»

На этомъ основаніи американскіе экономисты смотрятъ на правительство какъ на нѣчто неотдѣлимое отъ народа и т. п.; для нихъ правительство не болѣе какъ органъ всей націи, которая не можетъ поголовно вся участвовать въ веденіи общихъ дѣлъ. Гдѣ средства частныхъ лицъ недостаточны для приведенія въ исполненіе какого-нибудь предпріятія, полезнаго для націи, или гдѣ предпріятіе доставитъ выгоды частнымъ лицамъ въ ущербъ интересамъ націи, тамъ начинается дѣятельность правительства, все равно въ какой бы это сферѣ ни было. На этомъ основаніи П. Смитъ одобряетъ постройки, сдѣланныя правительствомъ Нью-Йорка, напр. устройство канала Эріе. На этомъ же основаніи весь народъ Нью-Йоркаго штата, во время ревизіи конституціи въ 1846 г., положилъ, что правительство не можетъ отчуждать въ частныя руки ни каналовъ, ни соляныхъ про-

мысловъ, сдѣлавъ для него обязательнымъ расширеніе канала Эріе, и т. п. Между тѣмъ правительству запрещено дѣлать отдѣльное вспоможеніе деньгами или кредитомъ частнымъ лицамъ, или частнымъ обществамъ. Вообще, не налагая на правительство старческаго квіетизма, гдѣ касается дѣло интересовъ народныхъ, народъ ограничиваетъ его тамъ, гдѣ оно, увлекшись личными связями, пожертвовало бы интересомъ всѣхъ для интересовъ нѣкоторыхъ. Замѣчательно, что этотъ взглядъ на отношеніе правительства къ націи, принятый сначала только гражданами Нью-Йоркскаго штата, потомъ былъ усвоенъ другими штатами и приложенъ къ политическимъ реформамъ, сдѣланнымъ въ нихъ.

Если теперь мы сравнимъ этотъ порядокъ дѣлъ съ тѣмъ, который практикуется въ государствѣ, въ которомъ наиболѣе проведены въ общественную жизнь ученія экономистовъ той школы, которая удержала за собою привилегію быть школою правительствъ западной Европы, что мы увидимъ тамъ? Въ противоположность тому, что дѣлается въ Нью-Йоркѣ, правительство Франціи, и деньгами, и кредитомъ, и привилегіями, помогало частнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, ничего не сдѣлавъ, передавали ихъ другимъ компаніямъ, другія—третьимъ, и всякая подобная передача сопровождалась полученіемъ прибыли, такъ что окончательные владѣльцы издерживали миліоны прежде, нежели было приступлено къ работамъ. Разумѣется, все это имѣло слѣдствіемъ возвышеніе цѣны на проѣздъ, а это, вмѣстѣ съ другими подобными возвышеніями цѣнъ, имѣло слѣдствіемъ ту дороговизну жизни, на которую теперь жалуются почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и особенно во Франціи.

Кстати,—для господъ, утверждающихъ, что въ мірѣ экономическомъ существуетъ полное и всегдашнее согласіе интересовъ частныхъ съ интересомъ общественнымъ, — не противорѣчитъ ли этотъ случай ихъ теоріи? — Кто получалъ выгоду отъ этихъ операцій? — Капиталисты. Кто страдалъ отъ нихъ? — Весь народъ и особенно бѣдные. За какую услугу капиталисты заставляли народъ платить себѣ въ этомъ случаѣ?—Ни за какую.

Теперь желѣзныя дороги во Франціи эксплуатируются съ характеромъ такой убыточной монополіи, что даже экономисты, по ученію которыхъ все это устроивалось, спохватились, да

имется, поздно. А между тѣмъ прежде проповѣдывали отъ имени науки въ родѣ того, какъ у насъ это дѣлаетъ «Экономическій Указатель», «Русскій Вѣстникъ» и др., свою плохо пережониную теорію согласія частныхъ интересовъ съ общественными и развитіе ея въ частныхъ случаяхъ.

Взглядъ Прудона на отношеніе правительства къ отдѣльнымъ лицамъ въ сферѣ экономической очень походитъ на взглядъ школы Кери. Тѣ, которые читали его «De la Justice» etc., хорошо знаютъ, что Прудонъ не партизанъ этой менторской опеки, которую нѣкоторыя правительства позволяютъ себѣ относительно каждаго шага отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ едва-ли есть болѣе яркій противникъ этой опеки. Но въ дѣлѣ общественнаго интереса онъ не квітитъ; онъ, какъ это будетъ видно дальше, партизанъ системы, которая не устраняетъ правительства отъ участія въ экономической дѣятельности, отъ направленія ея не постояннымъ вмѣшательствомъ въ частныя дѣла, а своею экономической силою, вѣсомъ, кредитомъ, которые въ состояніи убить всякую частную монополію, вредную для народа, безъ чего невозможно обойтись при экономической свободѣ.

Согласно съ этимъ взглядомъ, Прудонъ въ налогѣ видитъ экономическую операцію между двумя юридическими лицами—отдѣльнымъ человѣкомъ, платящимъ подать, и государствомъ, получающимъ ее и, въ свою очередь, платящимъ извѣстными услугами.

Этотъ взглядъ въ сущности не имѣетъ ничего новаго: и прежде экономисты разсматривали налоги съ этой точки зрѣнія. Но, взявши его за исходный пунктъ, Прудонъ идетъ дальше съ строгою логическою послѣдовательностью и приходитъ къ результатамъ, которые, будучи строгимъ выводомъ изъ несомнѣнной истины, необходимо и сами имѣютъ характеръ той же истинности.

Первый принципъ, выводимый Прудономъ изъ его опредѣленія налога, тотъ, что государство отдаетъ свои услуги отдѣльнымъ личностямъ, платящимъ налогъ à prix de revient, т. е. оно беретъ съ нихъ столько, сколько ему самому обходятся эти услуги, сколько оно обязано по справедливости платить тѣмъ лицамъ, которые берутъ на себя исполненіе извѣстныхъ обязанностей. Это само собою разумѣется; оттого тамъ, гдѣ финансы въ порядкѣ, обыкновенно, расходы равны доходамъ. Государство подобно частному предпринимателю, кромѣ prix de revient,

не может рассчитывать на какую-нибудь прибыль; этой прибыли некуда, не къ кому идти. Между государством и отдельными личностями нѣтъ посредниковъ, и люди, стоящіе во главѣ правительствъ, есть первые слуги отечества и не должны рассчитывать ни на какія особенныя выгоды. Это, конечно, такъ. Но въ фактахъ оказывается многое, что нуждается въ объясненіи. Президентъ швейцарскаго союза получаетъ только 10,000 франковъ содержанія. Бонапартъ, бывши консуломъ, получалъ шесть миліоновъ—это большая разница. Конечно, Бонапартъ принадлежалъ къ какой-то особенной породѣ людей, называемыхъ гениями; но, вѣдь, это было содержаніе известному должностному лицу, а не определенной личности; едва-ли конституція VIII года рассчитывала, что консулами будутъ всегда только гении, и притомъ, отчего же и швейцарскому президенту не быть гениемъ?—Теперь министры императора французовъ получаютъ по 100,000 франковъ, тогда какъ въ Бельгійи министры получаютъ только по 20,000. Опять разница слишкомъ велика! Если сумма содержанія опредѣляется способностями, образованіемъ и трудомъ, то нѣтъ никакой причины допустить, чтобъ министры одного государства во всѣхъ этихъ отношеніяхъ превосходили министровъ другого. Нельзя также не допустить, чтобъ, при одинакихъ способностяхъ, образованіи и трудѣ потому только одни получали большее вознагражденіе, что подъ ихъ вѣдѣніемъ находится большая масса людей. Это походило бы на то, какъ если бы больше оцѣнивались заслуги тѣхъ астрономовъ, которые наблюдаютъ болѣе отдаленныя свѣтила, или если бы тому наборщику платили больше жалованья, который набираетъ книгу, имѣющую печататься въ большемъ числѣ экземпляровъ. Этого, какъ известно, не бываетъ.

Очевидно, разница въ представленныхъ примѣрахъ происходитъ только отъ одной причины, что, въ одномъ случаѣ, есть откуда взять 100,000 фр., а въ другомъ, для той же цѣли, едва можно отдѣлить отъ общей массы 20,000. Пожалуй, сюда можно прибавить нравственныя побужденія тѣхъ, кто опредѣляетъ и кто получаетъ эти суммы.

Но, какъ бы то ни было, тамъ, гдѣ можно взять съ народа, правительства Западной Европы обыкновенно не отказываются отъ этого. И если мы допустимъ, наприимѣръ, что бельгійское правительство продаетъ услуги своихъ министровъ *à prix de revient*, то услуги французскихъ министровъ продаются гораздо

кроме. Конечно французскаго бюджета на это станеть; но если во всѣхъ статьяхъ правительство такъ же дорого беретъ за свои услуги, очевидно, народу приходится платить много лишняго, а французскій бюджетъ, можетъ быть, больше, нежели какойнибудь другой, нуждается въ сокращеніи. Прудонъ ставитъ свое правило о томъ, что услуги правительства народъ долженъ оплачивать à prix de revient, какъ основаніе, на которомъ должны быть построены всѣ соображенія о величинѣ тѣхъ или другихъ подробностей бюджета.

Второй принципъ, который онъ ставитъ въ основаніи своихъ разсужденій о налогахъ, тотъ, что услуги государства должны быть такого рода, чтобъ онѣ приносили несомнѣнную пользу обществу, чтобъ онѣ были, какъ онъ говоритъ, *productifs d'utilité*; чтобъ издержки, которыя дѣлаеть правительство, будучи разсматриваемы съ экономической стороны, принадлежали къ такъ называемымъ производительнымъ издержкамъ; чтобъ народный трудъ не пропадалъ даромъ. Противъ этого спорить никто не станеть; болѣе противорѣчій можетъ возбудить вопросъ о частныхъ случаяхъ, гдѣ услуги государства воспроизводить какуюнибудь полезность, гдѣ не производить. Но этого Прудонъ почти не касается; для этого было бы мало мѣста въ его книгѣ; это одно можетъ составить предметъ большого сочиненія, разработка котораго постоянно готовится современнымъ ходомъ политики и администраціи.

Прудонъ останавливается на этихъ двухъ основныхъ принципахъ. Изъ нихъ уже онъ выводитъ слѣдующій рядъ положеній менѣе общихъ, ближе относящихся къ тѣмъ или другимъ требованіямъ теоріи финансовъ.

II.

Масса государственныхъ доходовъ очевидно опредѣляется суммою производительныхъ силъ страны. Очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что тутъ сумма народонаселенія играетъ единственную роль. Народонаселеніе Австріи было больше народонаселенія Франціи до послѣдней войны, между тѣмъ Австрія имѣла и имѣеть до сихъ поръ почти втрое меньше доходовъ, чѣмъ Франція. Народонаселеніе Россіи почти вдвое больше народонаселенія Франціи, между тѣмъ доходы Франціи почти вдвое больше доходовъ Россіи. Очевидно, тутъ играетъ роль

общее богатство страны, богатство частныхъ людей. И, разумѣется, что ни получаетъ правительство какой нибудь страны, все это отдаютъ коллективно частные люди; ихъ доходы уменьшаются на всю сумму государственныхъ доходовъ. Можетъ быть, такой случай и дѣйствительно бываетъ, что чрезмѣрные налоги рязоряютъ жителей, какъ это было во Франціи при Людовикѣ XIV, какъ это теперь дѣлается во Франціи, Австріи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Налоги небольшіе едва чувствуются народомъ, и, будучи въ строгомъ смыслѣ такими, какіе Прудонъ называетъ *reproductifs de l'utilité*, оказываютъ полезное вліяніе на развитіе народнаго богатства. Что можно сказать о странѣ вообще, то необходимо относится къ каждому отдѣльному хозяйству, которое также можетъ страдать отъ излишнихъ налоговъ. Въ каждомъ хорошемъ хозяйствѣ, принадлежащемъ къ разряду большихъ, владѣющихъ слишкомъ большими средствами, всё издержки напередъ исчислены и опредѣлены пропорціонально: столько идетъ на квартиру—столько на столъ, одежду и проч. Сколько идетъ на налогъ, это опредѣляется не въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Если правительство, при опредѣленіи налоговъ и ихъ количества, будутъ слѣдовать тому правилу, которому многія правительства слѣдовали до сихъ поръ т. е. все взять съ народа, что онъ въ состояніи дать, по этой дорогѣ можно зайти очень далеко. Можно всё среднія хозяйства, которыя составляютъ значительную долю изъ всей суммы отдѣльныхъ хозяйствъ, свести на степень хозяйствъ недостаточныхъ, а недостаточныя хозяйства свести къ ничетѣ. На основаніи этихъ соображеній нужно, чтобъ правительства приняли какое нибудь правило, которое гарантировало бы народъ отъ излишнихъ издержекъ. Въ государствахъ Западной Европы противодѣйствіемъ для возвышенія налоговъ, съ тѣхъ поръ какъ въ нихъ введены конституціи, служить утвержденіе бюджета въ палатахъ; но и самыя палаты могутъ наѣлать ошибокъ, могутъ увлекаться. Не говоря о французскомъ законодательномъ корпусѣ, которчй, собственно говоря, служитъ представителемъ не народа, а префектовъ, супрефектовъ и тому подобныхъ представителей императора французовъ, даже болѣе дѣйствительные представители народа, какъ англійскій нижній парламентъ, бывали очень нерѣдко слишкомъ щедры на продуктъ народнаго труда. Въ опредѣленіи части, которую народъ можетъ платити изъ своихъ доходовъ, до сихъ поръ ничего не было сдѣлано—

не новый специальный вопрос, которого Прудонъ и не старается разрѣшать въ своей книгѣ совершенно строгимъ образомъ. Это дѣло опять таки возможно только въ будущемъ, когда наберется больше фактовъ, которые позволили бы рѣшить его болѣе положительно. И Прудонъ только показываетъ необходимость опредѣленія извѣстнаго максимума и предлагаетъ свое личное мнѣніе, что онъ долженъ составлять одну двадцатую всего народнаго дохода. Едва ли когда нибудь можно будетъ зволить опредѣленно рѣшить этотъ вопросъ; тѣмъ не менѣе для всякаго очевидно, что есть важная разница между одною двадцатою и одною шестою или даже пятою, которую французское правительство беретъ изъ доходовъ каждаго отдѣльнаго хозяйства и, безъ сомнѣнія, можно привести много доказательствъ въ пользу того, что платить одну пятую очень тяжело за то, за что другіе платятъ одну двадцатую, и что если есть возможность ограничиться одною двадцатою, такъ это и надобно сдѣлать.

А чтобъ судить объ этомъ, надобно взглянуть на то, куда идутъ въ европейскихъ государствахъ эти страшныя массы доходовъ, которыя во всѣхъ почти государствахъ привели ко всеобщей дороговизнѣ, или, что все равно, понизили всѣ отдѣльныя хозяйства на лѣстницѣ благосостоянія, богатыя семейства пермѣстили въ разрядъ достаточныхъ, достаточныя въ разрядъ бѣдныхъ, бѣдныя въ разрядъ нищихъ. Прудонъ беретъ для этого нѣсколько цифръ изъ *Annuaire international du crédit public* Горва за 1860 г. Въ количествѣ налоговъ, которые платитъ каждый человѣкъ въ различныхъ государствахъ дѣйствительно огромная разница. Въ то время, какъ гражданинъ Швейцаріи платитъ общихъ налоговъ только 6 фр.^с въ годъ, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ—16, французскій подданный платитъ 50, англійскій—60, баденскій—52 и т. п. Куда же идутъ эти деньги? Что императоръ французовъ, или королева Викторія, или герцогъ баденскій даетъ своимъ подданнымъ больше того, что имѣютъ граждане Соединенныхъ Штатовъ или Швейцаріи? Очевидно, ничего; напротивъ, напр. во Франціи за эти же деньги у жителей многое отнимается изъ того, что въ другихъ странахъ составляетъ необходимую надобность и принадлежность жителей. Но французы имѣютъ преимущество принадлежать къ своей *grande nation*, участвовать въ ея *gloire nationale* и, наконецъ, жить въ своей *belle France*. Именно за эту пустую славу, за

это суетное величіе, такъ привлекательное для людей неравнѣтныхъ нравственно, французы и платятъ въ восемь разъ больше, чѣмъ швейцарцы, и въ три раза больше, чѣмъ сѣверо-американцы; другими словами: за эту пустоту они расплачиваются тѣмъ, что ихъ низшіе классы восемь разъ больше подвержены голоду, разврату и преступленіямъ. Во Франціи одни проценты долга, за который куплено столько славы, да армія и флотъ берутъ 900 миліоновъ франковъ—ровно половину всего бюджета. Другія издержки Франціи, какъ извѣстно, соотвѣтствуютъ этимъ. Кроме того, можно упомянуть о нѣкоторыхъ особенныхъ издержкахъ, составляющихъ принадлежность, характеръ настоящаго управленія. Такъ, празднованіе побѣдъ арміи въ итальянскую войну стоило 16 миліоновъ, путешествію двора въ Бретань лѣтомъ 1858 г.—15 миліоновъ, колонна въ честь Наполеона III 18 миліоновъ—(въ прозѣ). Содержаніе, получаемое высшими правительственными лицами, соотвѣтствуетъ этимъ цифрамъ. Впрочемъ, иногда они служатъ отечеству совершенно безкорыстно. Такъ, графъ Морни пріѣзжалъ въ Россію и за это не получилъ содержанія; правительство только возвратило ему издержки путешествія 1,400,000 франковъ! Почетный легионъ стоитъ Франціи ежегодно 12 миліоновъ, да если честь, что стоятъ перестройки въ Парижѣ, которыя все-таки имѣютъ одинъ источникъ—народный трудъ, можно дѣйствительно сказать, что дорого стоитъ Франціи ея слава! И немудрено, что Прудонъ впереди всего ставитъ свое правило о воспроизводительности издержекъ правительства, вслѣдъ затѣмъ объ опредѣленіи максимума.

Другія правительства Западной Европы много не отстаютъ отъ французскаго въ массѣ издержекъ, производительность которыхъ очень подвержена сомнѣнію. Во Франціи изъ всего бюджета долгъ; армія и флотъ берутъ 50%, въ остальныхъ государствахъ, среднимъ числомъ, больше этого (52%), но въ нѣкоторыхъ государствахъ почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ доходовъ идутъ на эти статьи; въ Австріи 68%, въ Англіи 63%, въ Нидерландахъ и Испаніи 62%, въ Турціи 61% и т. д., только въ Швейцаріи 12% изъ самаго умѣреннаго бюджета.

Впрочемъ, еслибъ это дѣлалось просто и прямо, издержки не могли бы возрасти до такихъ громадныхъ размѣровъ. Но наша цивилизація послѣднихъ столѣтій придумала средство брать съ народа особеннымъ образомъ продуктъ его труда; берутъ уже

потому, что нельзя не брать, и берутъ то, что уже нельзя дать. Это средство заключается въ государственныхъ долгахъ. Въ трудную минуту всё правительства прибѣгали къ нимъ; и операція на первое время не представляетъ никакой особенной трудности. Кредиторы на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всегда находятъ и, благодаря ихъ ссудѣ, правительство выпутывается изъ критическаго положенія; но самая легкость займовъ и довела эту финансовую мѣру крайне нерациональную, не экономическую саму по себѣ, до крайнихъ предѣловъ. Занимали иногда не для дѣйствительныхъ потребностей, а для исполненія желанныхъ проектовъ министровъ. Масса государственныхъ долговъ, и количество ежегодной ренты пугали немногихъ; другіе придумывали даже теоріи, которыми и доказывали, на примѣръ, что государственный долгъ Англіи есть крѣпкая основа ея современнаго и будущаго благосостоянія. Теперь взглядъ на это дѣло измѣнился. Англія старается больше долговъ не дѣлать; вездѣ заведены кассы погашенія долговъ, которыя, впрочемъ, пока ни къ чему не привели, да, какъ думаютъ нѣкоторые, ни къ чему никогда и не приведутъ: для освобожденія отъ долговъ нужны средства болѣе прямыя и болѣе дѣйствительныя. Впрочемъ, не всё правительства слѣдуютъ этой послѣдней практикѣ Англіи; другія занимаютъ больше, нежели когда нибудь. Съ тѣхъ поръ какъ Франція опять сдѣлалась имперією, въ продолженіе меньше нежели десяти лѣтъ, ея государственный долгъ возросъ больше нежели вдвое; еще въ 1851 году онъ составлялъ только 5 миллиардовъ, теперь онъ простирается до 12. Въ то время, когда Англія вела свои войны на ежегодные доходы, для чего налоги нѣсколько увеличивались, Франція прибѣгала къ займамъ. Такъ, для крымской войны сдѣланъ заемъ въ 1500 милліоновъ — краснорѣчивая цѣна! Благодаря этой то практикѣ, и даже французскіе доходы недостаточны для покрытія всехъ издержекъ правительства и оно въ послѣднее время призналось въ своемъ затруднительномъ положеніи. Если сравнить въ этомъ дѣлѣ правительства Англіи и Франціи, легко замѣтить ихъ различный характеръ и различное отношеніе къ народу. Въ Англіи вы видите правительство, которое думаетъ о будущемъ, тогда какъ императоръ французовъ какъ будто принималъ философскій принципъ одного изъ своихъ предшественниковъ: *après moi le déluge*. Въ самомъ дѣлѣ если Фульдъ какимъ нибудь магическимъ жезломъ не сдѣлаетъ чуда, выйдетъ что нибудь

нехорошее. Съ финансами шутить нельзя. Людовикъ XIV былъ еще болѣе блестящій государь, чѣмъ Наполеонъ III, а и онъ дожилъ до минутъ разочарованія.

Прудонъ не говоритъ о томъ, какъ современныя правительства могутъ избавиться отъ этой страшной тяжести государственныхъ долговъ. Онъ излагаетъ свое правило, что правительства должны воздерживаться отъ займовъ—и больше ничего; и этому всего только посвящаетъ нѣсколько страницъ. Очевидно, онъ при этомъ имѣлъ заднюю мысль: быть можетъ, онъ надѣется отдѣльно сказать объ этомъ предметѣ что-нибудь; но мысль его угадать нетрудно, напротивъ, трудно предпологать, чтобъ, съ его строгою логическою послѣдовательностью, онъ выпустилъ изъ вниманія самое существенное въ вопросѣ о долгахъ. Это, какъ сказано, уже и прежде него начали понимать, что слѣдуетъ воздерживаться отъ займовъ. Но какъ раздѣлаться съ старыми долгами? Нельзя же, чтобъ правительство и народы остались съ этой своего рода кабалою, въ которую они попали частью благодаря неосторожности, частью благодаря злонамѣренности. Прудонъ въ концѣ книги предложилъ свое мнѣніе относительно бюджета Франціи: слѣдуя ему, онъ долженъ ограничиться 500 миліоновъ франковъ. Теперь французское правительство платитъ, среднимъ числомъ, 4% на свой долгъ; это для 12 миліардовъ составитъ 480 миліоновъ франковъ. Очевидно, весь бюджетъ Прудона долженъ идти на уплату процентовъ; даже этого не достанетъ, потому что въ финансахъ всегда приходится, по администраціи долга, издерживать болѣе того, сколько получаютъ кредиторы государства. Во Франціи въ 1859 году государственный долгъ потребовалъ издержки въ 516 миліоновъ, тогда какъ кредиторы получили только 299 миліоновъ. Это достаточно показываетъ, что въ своемъ бюджетѣ Прудонъ не разумѣлъ процентовъ долга. А что онъ думалъ о долгѣ—предоставляемъ угадать читателю. Прудонъ предъ послѣдствіями не останавливается, тѣмъ болѣе, что въ государственныхъ долгахъ дѣло кредиторовъ не чисто. Извѣстно, что никогда они почти не брали облигацій государственныхъ долговъ по номинальной цѣнѣ, а за 100 платили 70,60 даже меньше. Это еще не все; тутъ не одно желаніе взять на свой капиталъ больше процентовъ; они не просто желали брать свои, напр., 4%, не со ста, а съ 60, такъ, чтобъ со ста выходило 6,66,—нѣтъ; когда имъ вмѣсто 4% на 60 предлагали 6,66 на

сто, что все равно въ чистой финансовой операци, они на это не соглашались, такъ что имъ хотѣлось считаться кредиторами государства на 100, когда они давали только 60, и въ этомъ они успѣвали, потому-что правительство, по тѣмъ или другимъ причинамъ, принимало ихъ условія. Еще Ж. Б. Сэй находилъ, что вступленіе въ ликвидаці государственныхъ долговъ было бы прекраснымъ вступленіемъ, (*un beau préambule*) еслибъ начиналось слѣдующими словами: *attendu que les créanciers de l'état ont prêté, non pour l'avantage générale, mais pour retirer un bon intérêt de leurs fonds; attendu qu'ils ont prêté non à nous, mais à des gouvernants qui nous ont précédés, qui non seulement n'étaient pas nous, mais ont employé cet argent pour nous combattre, nous et le système que nous chérissons, attendu qu'ils n'ont été guidés par aucun sentiment, mais plutôt par le désir d'avoir une propriété que l'impôt n'atteint pas etc.* Ж. Б. Сэй еще не зналъ всѣхъ методовъ, которыя употреблялись кредиторами для ихъ цѣлей; онъ бы, можетъ быть, еще не то сказалъ. Впрочемъ, это болѣе или менѣе всё понимаютъ, даже сами кредиторы, и оттого въ критическія минуты государственные фонды такъ падаютъ, иногда на половину, даже на третью долю ихъ номинальной цѣны: видно, логика дѣла сильнѣе логики словъ. Послѣ Ж. Б. Сэя долги возрасли въ пропорціи, которой онъ, вѣроятно, не ожидалъ, и потому теперь они представляютъ узелъ, который развязать можно еще меньше, нежели прежде.

Въ приведенныхъ цифрахъ, касательно бюджета Франціи, не одни долги требуютъ значительной доли продуктовъ народнаго труда. Армія требуетъ едва-ли не больше и, относительно содержанія армій, другія западно-европейскія государства отстаютъ мало отъ Франціи. Австрія издерживаетъ на свою армію долю вдвое больше (относительно), чѣмъ Франція. Пруссія и Англія, и теперь Італія не отстаютъ отъ нея тоже. Въ послѣднемъ столѣтіи даже больше, нежели когда-нибудь, европейскія государства во-время мира содержатъ огромныя арміи и въ сущности находятся на военномъ положеніи. Къ чему это? какую цѣль имѣютъ эти арміи? Что касается современной Франціи цѣль существованія огромныхъ армій очевиднымъ образомъ двойная: первая—поддержаніе этой химеры, которую французы называютъ *gloire nationale*, и которая всего менѣе состоитъ въ томъ, въ чемъ они ее полагаютъ; вторая та, чтобъ удерживать въ повиновеніи правительству самихъ жителей Франціи. Французское прави-

тельство этого и не скрываетъ. Когда всю Францію раздѣлили на военные округа, подчиненные командованію отдѣльныхъ маршаловъ, это имѣло цѣлью поддержаніе спокойствія внутри страны; такимъ образомъ народонаселеніе этой страны очевидно распалось на двѣ части: одна, командующая, удерживающая въ повиновеніи жителей, а другая—удерживаемая въ повиновеніи. Первая состоитъ изъ войска, вторая изъ всего народа. Очевидно, тутъ является дѣйствительное отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ, завоевателей—къ странѣ завоеванной. Это то самое отношеніе, которое было во Франціи, когда Хлодвигъ завоевалъ Галлію, которое было въ Италіи, когда ее завоевали лангобарды, и т. п.

Не говоря много, о политическомъ значеніи такого положенія равно какъ о причинахъ его и о средствахъ къ его прекращенію какъ во Франціи, такъ и во всѣхъ другихъ западныхъ государствахъ, если остановимся только на экономической сторонѣ дѣла, слѣдствія его не представлятъ въ блестящемъ свѣтѣ. Впрочемъ, это давно всѣ мыслящіе экономисты сознавали. Paix armée, это вѣчное военное положеніе дорого стоитъ народамъ. Не говоря о страшной потерѣ производительныхъ силъ въ этой принужденной бездѣятельности такой огромной массы самаго крѣпкаго народонаселенія, содержаніе арміи обходится бюджетамъ европейскихъ государствъ въ 2,000,000,000 франк, ежегодно. * Эта сумма довольно велика, чтобъ играть значительную роль въ возвышеніи налоговъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и ей немало обязаны современныя государства тѣмъ, что финансы ихъ, почти безъ исключенія, вездѣ разстроены. Очевидно, орудіемъ противъ этого зла можетъ быть прекращеніе военного положенія правительствъ одного противъ другого и постояннаго вооруженія такихъ правительствъ, какъ французское противъ жителей страны. Это, разумѣется, потребуетъ нѣкоторыхъ реформъ, которыя, не будучи сами по себѣ экономическими, такимъ образомъ будутъ имѣть характеръ и

* Постоянныхъ войскъ во всей Европѣ около 4 миліоновъ. Если предположить, что каждый солдатъ выработалъ бы ежедневно 50 к. сер., это составляетъ ежедневную потерю въ 2 мил. руб. и ежегодную въ 600 миліоновъ. Кроме того, для арміи употребляется около 400,000 лошадей; если помножить ежедневный заработокъ лошади въ 25 к., это составитъ 30 миліоновъ въ годъ; всего 630 миліоновъ; въ десять лѣтъ это будетъ 6,300,000,000 руб. сер. Уничтожьте только эти издержки, эти ежегодные 4½ миліярдъ фр. и въ 10 лѣтъ всѣ государства Европы освободятся отъ долговъ (ок. 60 миліярдовъ фр.).

сдѣланы чисто-экономическія. Всѣ стороны народной жизни такъ тѣсно связаны между собою, что успѣхъ или неуспѣхъ одной изъ нихъ чувствительно отдастся на всѣхъ; особенно тѣсная связь между политической стороною жизни, съ одной стороны, и экономической равно какъ и нравственною съ другой. И напрасно нѣкоторые писатели-экономисты, такіе, какъ Россси, М. Шевалье и люди, согласные съ ними у насъ, въ Россіи, даютъ значеніе только однимъ экономическимъ реформамъ, воображая, что онѣ всегда и вездѣ принесутъ свой плодъ. Конечно, относительно отдѣльныхъ экономическихъ вопросовъ это справедливо; но общій успѣхъ экономической возможенъ только тогда, когда онъ комбинируется съ другими, важнѣйшими сторонами общественной жизни. Впрочемъ, и этого рода писатели не могутъ не понимать этого; ихъ желаніе заключиться только въ экономическихъ вопросахъ во многихъ случаяхъ, которыхъ перетолковывать невозможно, происходитъ главнымъ образомъ изъ правила дѣйствовать такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, т. е. книжки книжками, а мѣстечко мѣстечкомъ. До науки, до истины этимъ господамъ дѣла мало, именно, имъ очень нравится писать книжки, но такъ, чтобы это привело ихъ къ тепленькому мѣстечку и къ другимъ пріятнымъ вещамъ *. Они даже не прочь и либеральничать, но главный пунктъ ихъ либеральничанья — теорія свободной торговли, которая нравится имъ больше всего потому, что она свободная. Тутъ они даже критикуютъ правительства, становятся съ ними въ оппозицію. Но это и есть верхъ ихъ искусства и проницательности. Они очень понимаютъ, что эта оппозиція даетъ имъ двѣ выгоды: популярность въ литературной массѣ и расположение правительства, потому что правительства Западной Европы ничему такъ не рады, какъ этой невинной оппозиціи. Такимъ-то образомъ, напр. М. Шевалье, когда-то сенсимонистъ, успѣлъ выиграть вездѣ; и книжечку написалъ довольно, и репутацію пріобрѣлъ въ экономической литературѣ, и сдѣлался сенаторомъ, и даже имѣлъ удовольствіе быть предметомъ овацій со стороны такихъ же, какъ и онъ, либръ-эшанжистовъ. Экономисты, неслѣдующіе правиламъ М. Шевалье, къ числу которыхъ принадлежитъ Прудонъ, находятъ, что никакая

* Еще недавно г. де-Моллиаріи въ корреспонденціи, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сказалъ, что до политической стороны жизни ему мало дѣла.

свободная торговля не поправитъ экономическаго состоянія общества, если ограничиться только ею и подобными ей реформами; что, вообще, экономическій прогрессъ невозможенъ безъ коренныхъ реформъ, какъ чисто-экономическихъ, такъ и въ другихъ отрасляхъ народной жизни.

Кромѣ государственныхъ долговъ и содержанія огромныхъ армій, многія другія причины поднимаютъ цифры бюджета только въ ущербъ народу, безъ всякой пользы для него. Выше приведены цифры, показывающія страшныя издержки французскаго правительства. Издержки эти такого рода, какъ будто во Франціи еще продолжается доброе старое время Бурбоновъ, когда, напр. дѣвицы получали вдовьи деньги, когда нѣкоторые аббаты захватывали себѣ по цѣльной сотнѣ приходовъ, и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, что касается до Франціи, для нея какъ будто не существовала исторія послѣдняго времени. Даже прежніе парламенты были больше представителями интересовъ народа, нежели нынѣшній безсловесный законодательный корпусъ. И бюджетъ распределенъ совершенно въ томъ же духѣ, въ тѣхъ же пропорціяхъ, какъ прежде.

Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, бюджеты почти всѣхъ европейскихкихъ государствъ возрасли до такихъ цифръ, которыя составляютъ истинное бремя для народонаселеній. Непроизводительныя издержки, занимая первое мѣсто между расходами, вытѣснили тѣ издержки, которыя служили бы къ увеличенію благосостоянія народовъ, и злоупотребленія еще увеличиваютъ зло, связанное съ самымъ дѣломъ. Результатъ для народонаселеній тотъ, что каждый за свой трудъ получаетъ вдвое менѣе того, что ему слѣдовало бы; общій уровень благосостоянія понижается, и, разумѣется, всего больше теряютъ бѣдные трудящіеся классы; достаточное семейство, заплативъ напр. изъ 5000 рублей 10%, все-таки имѣетъ у себя 4500 рублей. Бѣдное семейство, платя изъ 500 рублей 50% въ то время, когда для него дорога каждая копейка, принуждено отказать себѣ въ томъ и другомъ необходимомъ предметѣ потребленія, такъ какъ что нибудь излишнее, роскошь, ему и безъ того никогда не была доступна.

Но, въ самомъ дѣлѣ бываетъ еще не то. Благодаря тому, что системы финансовъ, практикуемыя въ современныхъ западно-европейскихъ государствахъ, представляются чѣмъ-то въ видѣ построекъ, которыя строились въ продолженіе многихъ вѣковъ, такъ что къ первоначальному плану пристроивались новыя части

въ самыхъ разнообразныхъ стѣляхъ, сообразно потребностямъ и вкусу того или другого времени; въ нихъ одна система стоитъ рядомъ съ другой противоположной; налоги грамозятся другъ на друга, такъ-что одинъ и тотъ же предметъ потребления подверженъ двумъ или тремъ налогамъ.

Вообще въ налогахъ прямыхъ или косвенныхъ правительства стараются, чтобъ они падали на различные классы общества пропорціонально ихъ состоянію. Но до-сихъ-поръ это имъ не удавалось; въ настоящее время большая часть налоговъ главнымъ образомъ приходится на долю бѣдныхъ, такъ что будучи едва чувствительны для богатыхъ классовъ, они отнимаютъ у бѣднаго часть изъ его скуднаго куска хлѣба. Вообще, нельзя сказать, чтобъ они отличались справедливостью и были пропорціональны хоть даже на столько, сколько желали этого тѣ законодатели, которые вводили ихъ въ разное время.

Прудонъ подробно критикуетъ разные налоги, существующіе во Франціи, и находитъ, что всѣ они болѣе или менѣе неудовлетворительны.

III.

Во Франціи существуютъ налоги натурою; къ нимъ Прудонъ относитъ работы, которыя требуются отъ жителей общинъ для нѣкоторыхъ общепользныхъ сооружений. Такимъ образомъ въ продолженіе послѣдняго столѣтія устроены были проселочныя дороги (около 500,000 верстъ), которыя и до-сихъ-поръ поддерживаются тѣми же средствами; это не то, что наши проселочныя дороги, которыя находятся въ первобытномъ видѣ, потому Прудонъ отдаетъ должную справедливость этой системѣ; но и въ ней онъ находитъ неудобство. Подобныя работы требуются только въ такихъ постройкахъ, гдѣ не требуется никакого искусства, гдѣ нужны только крѣпкіе мускулы. Если на такую работу пойдетъ какой-нибудь искусный ремесленникъ, или фабричный работникъ, то онъ много потеряетъ: продуктъ его труда не будетъ равняться тому, что онъ получилъ бы, занимаясь своимъ дѣломъ. Въ такомъ случаѣ ему остается нанять; но тогда налогъ, платимый имъ, будетъ больше, нежели тотъ, который платятъ другіе; ему было бы легче платить продуктами своего труда, нежели наймомъ. И если бы всѣ жители общины были обязаны закономъ нанимать за себя на эти работы или, все равно, откупаться отъ нихъ, налогъ вышелъ бы

тяжолый. Кажется, что это неудобство не такъ велико, чтобъ изъ него можно было сдѣлать серьезное возраженіе противъ этого налога, напротивъ, оно совершенно исчезаетъ передъ громадностью результата, тѣмъ болѣе, что подобныя работы отдають дороги въ безвозмездное пользованіе общества. Если бы онѣ были произведены частнымъ капиталистомъ или компаніею, это дѣлало бы имъ вѣчную монополію въ ущербъ общества, обязаннаго платить имъ право за провозъ. Самъ Прудонъ прежде (въ спорѣ съ Бастья) дѣлалъ такое предположеніе, что если бы какую-нибудь дорогу вздумалъ провести меръ общины на свой счетъ и собиралъ потомъ плату, это было бы лишнею тягостью для жителей общины. Поэтому нужно желать расширенія сферы подобнаго способа публичныхъ сооружений. Разумѣется, изъ общины имъ все-таки трудно выйти и не слѣдуетъ; но въ самой общинѣ для нихъ найдется болѣе широкое примѣненіе. Во французской общинѣ, впрочемъ, эти работы могутъ возбудить возраженіе болѣе серьезное; французская община составляется изъ людей, которые имѣютъ слишкомъ различное положеніе и состояніе — одни изъ нихъ богатые фермеры, другіе: землевладѣльцы богатые или только достаточные, третьи бѣдняки, которые ничего не имѣютъ. Очевидно, одни изъ нихъ пользуются много общинными дорогами, другіе мало, третьи совсѣмъ не пользуются, потому что, конечно, изрѣдка пройти пѣшкомъ по дорогѣ еще не значитъ пользоваться ею; для этого всякая дорога хороша, тогда какъ богатый фермеръ ежедневно, или еще чаще, отправляетъ хлѣбъ и другіе сельскіе продукты на рынокъ. Очевидно; такіе богатые жители общины портятъ дорогу, для нихъ она поправляется, какъ для нихъ она построена. Конечно, несправедливо если такой фермеръ будетъ нести тягость совершенно равную съ бѣднякомъ мастеровымъ или работникомъ фермы. Это противорѣчило бы принятому Прудономъ вполнѣ основательно правилу, что налогъ есть одна часть мѣны, которая должна быть равна другой, тому, что человѣкъ получаетъ въ замѣнъ его, и что налоги должны быть пропорціональны состоянію каждаго и услугамъ, которыя онъ получаетъ отъ общества.

У насъ это возраженіе не имѣло бы мѣста. У насъ жители сельской общины состоятъ исключительно изъ землевладѣльцевъ, и изъ нихъ каждый пользуется всѣмъ принадлежащимъ общинѣ почти совершенно въ равномъ количествѣ, какъ и другіе, по-

тому что всѣ они получаютъ одинаковый надѣлъ землю. Поэтому у насъ подобныя работы были бы справедливыѣ; онѣ у насъ и употребляются; у насъ тоже каждая община обязана поправлять свои дороги, мосты и т. п. Даже у насъ подобныя работы выходятъ за предѣлы общины; такъ ими же поправляются большія дороги всегда и преимущественно на случай особенныхъ проѣздовъ. Какъ у насъ это дѣлается—это истинно жалко видѣть. При встрѣтившейся надобности сгоняются крестьяне изъ окрестныхъ деревень, въ какое бы время года это ни было, большею частью въ жатву, поправляютъ дорогу—и дѣлу конецъ. Въ другое время никому до дорогъ дѣла нѣтъ; оттого-то онѣ существуютъ въ такомъ жалкомъ видѣ. Но большія дороги по крайней мѣрѣ проложены по ровнымъ мѣстамъ, проселочныя идутъ гдѣ ни попало, по несогорамъ, оврагамъ и т. п. и буквально существуютъ въ своемъ безыскусственномъ, натуральномъ видѣ. До сихъ поръ это дѣло зависѣло отъ помѣщиковъ, которые покупали роскошныя экипажи, но дорогъ и мостовъ не устраивали, и потому нрѣдко красивыя экипажи летали въ овраги, а пассажиры ломали себѣ руки и ноги. Это наша общая слабость: для франтовства мы многое сдѣлаемъ, а для удобства, даже для предохраненія себя отъ опасностей—ничего. Обыкновенно такъ идетъ цивилизація, когда ее перенимаютъ только въ наружности, говорятъ, что молдавскіе и валахскіе бояры и ихъ жены не иначе одѣваются, какъ выписывая все изъ лучшихъ парижскихъ магазиновъ; а въ домахъ у себя живутъ, не чище, чѣмъ молдавскіе крестьяне, которые, какъ извѣстно не отличаются чистотою. Мы въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, недалеко ушли отъ нихъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, при хорошемъ руководствѣ, можно думать, что это дѣло объ общинныхъ работахъ, особенно о дорогахъ, значительно улучшится, какъ и многое другое. Крестьянамъ ничего не стѣмать осенью, послѣ работъ, пожертвовать на это два-три дня, особенно, если они увидятъ, что ихъ работа приноситъ дѣйствительную пользу имъ самимъ, а не кому другому.

Другой натуральный налогъ, существующій во Франціи — *рекрутская повинность*, отъ которой не изъять никто. Судя по тому мнѣнію, которое Прудонъ имѣетъ объ издержкахъ на содержаніе арміи, можно уже быть увѣреннымъ, что онъ не партизанъ постоянныхъ армій; и въ этомъ онъ согласенъ съ

экономистами, даже той школы, которая ему всего больше противоположна. Но и безъ арміи народъ все — таки нуждается въ защитѣ; это нѣтъ надобности доказывать. Наши международныя сношенія устроены такъ, что ни одинъ народъ до сихъ поръ не задумывался пользоваться превосходствомъ своихъ силъ передъ сосѣдями. Мы до сихъ поръ продолжаемъ систему древнихъ государствъ Востока, которыя не могли терпѣть подлѣ себя независимыхъ сосѣдей. Привычка командовать внутри государства вела, напр., Ксеркса къ желанію командовать и въ Греціи. Не тѣмъ же ли самымъ психологическимъ процессомъ были доведены, напр., Людовикъ XIV и Наполеонъ I до своихъ безконечныхъ войнъ? Потому защита государства теперь, какъ и всегда, есть дѣло необходимое; т. е. свободѣ народовъ постоянно угрожаютъ сильныя сосѣди. Выхода изъ этой точки зрѣнія, очевидно, нельзя не принять, что народъ обязанъ во всякое время быть готовъ защищать свою страну. Но какъ одѣлать это? Существующіе теперь способы обороны страны могутъ быть сведены къ тремъ системамъ: или, какъ въ Англіи, народъ платитъ только деньги, а правительство на эти деньги вербуетъ войско, нанимаетъ его, или, какъ во Франціи, и въ большинствѣ европейскихъ государствъ, каждый человекъ считается обязаннымъ къ военной службѣ, но такъ какъ всѣ не могутъ оставить своихъ промышленныхъ занятій, да и людей столько не было бы нужно, то по жеребью, или другимъ способомъ отдѣляется извѣстная часть народонаселенія, которая въ продолженіе опредѣленнаго времени и занимается исключительно военною службою. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ въ Швейцаріи, постоянно занято военною службою ничтожное число людей, которые одни не въ состояніи защитить страны отъ непріателя даже очень несильнаго. Масса защитниковъ въ такомъ случаѣ состоитъ изъ всѣхъ гражданъ извѣстнаго возраста, которые обязаны во время опасности явиться на службу для защиты страны; чтобы эта масса людей была способна вести войну, что требуетъ нѣкотораго навыка и искусства, граждане, въ извѣстное время, обязываются являться для военныхъ экзерцицій, особенно для стрѣльбы, которая въ наше время пріобрѣтаетъ особенное значеніе; для этого устроиваются національныя тиръ и т. п.

Вопросъ въ томъ, который изъ этихъ трехъ способовъ выгоднѣе какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ от-

воинствъ? Что касается издержекъ, самый дорогой способъ бесспорно содержаніе армій на вербованныхъ. Немного уступить и содержаніе постоянныхъ армій, набранныхъ конскрипціею. Выше были приведены цифры, показывающія, сколько стóитъ содержаніе армій какъ отдѣльнымъ государствамъ, такъ и всей Европѣ, потому объ этомъ тоже не можетъ быть рѣчи. Не даромъ экономисты противъ постоянныхъ армій. Безъ всякаго сомнѣнія, защита страны посредствомъ милицій обойдется всего дешевле; но вопросъ еще не весь тутъ. Европейскія государства не отказываются отъ постоянныхъ армій; да при нынѣшнемъ политическомъ состояніи Европы это и невозможно. Остается вопросъ о томъ: можетъ ли милиція такъ же хорошо защищать страну, какъ постоянная армія? можетъ ли она сравниться съ постоянною арміею въ этомъ дѣлѣ? Прудонъ говоритъ, что защита государства должна принадлежать народу, милиціи, и находить, что этотъ способъ имѣетъ огромныя преимущества нравственныя.

Адамъ Смитъ тоже дѣлаетъ сравненіе между милиціею и постоянною арміею, но отдаетъ предпочтеніе постоянной арміи.

Поземельный налогъ представляетъ всего больше удобствъ какъ для фиска, такъ и для народа. Онъ, какъ говоритъ Прудонъ, возбуждаетъ всего менѣе криковъ неудовольствія. Впрочемъ, тамъ, гдѣ его не было, введеніе его также не можетъ быть совершенно безразлично для владѣльцевъ земель; но это относится ко всѣмъ налогамъ безъ исключенія. За то, когда онъ введенъ, то онъ, доставляя фиску деньги, въ то же время имѣетъ передъ всѣми налогами преимущество—не увеличивать цѣны продуктовъ земли, обложенной податью. Цѣна земледѣльческихъ продуктовъ составляется изъ поземельной ренты, процентовъ постоянного и оборотнаго капитала и платы за трудъ рабочимъ, участвующимъ въ производствѣ. Поземельный налогъ берется изъ ренты; и какъ рента опредѣляется отношеніемъ спроса на земледѣльческіе продукты къ количеству и качеству обрабатываемыхъ земель, то, при постоянствѣ этихъ двухъ элементовъ, цѣна земледѣльческихъ продуктовъ останется та же самая; налогъ уменьшитъ ренту, но не увеличитъ цѣны продуктовъ, если владѣльцы не сдѣлаютъ коалиціи, чтó будетъ довольно трудно по причинѣ огромной массы ихъ во всѣхъ государствахъ, и противъ чего всѣ западно-европейскія государства

имѣютъ средство въ привозѣ заграничнаго хлѣба. Этотъ налогъ очень важенъ и возбуждаетъ много соображеній; но онъ имѣетъ нѣкоторыя неудобства; такъ, очень трудно достигнуть того, чтобы онъ былъ распределенъ совершенно справедливо. Во Франціи для этого, еще со времени первой имперіи, велся самый старательный кадастръ всей поверхности страны. Но и результаты кадастра далеко неудовлетворительны; послѣ кадастра поземельная подать распределена во Франціи такъ, что въ однихъ мѣстахъ землевладѣльцы платятъ 5% чистаго дохода, въ другихъ 20% и 30%.

Другое неудобство поземельнаго налога то, что онъ не принимаетъ въ расчетъ долговъ, лежащихъ на землѣ, такъ что онъ, облагая какую-нибудь землю напр. въ 1000 фр., беретъ съ нея все, что она даетъ землевладѣльцу, если на ней большой долгъ. Если онъ обложить такую же податью землю свободную отъ ипотеки, въ такомъ случаѣ, если эта земля имѣетъ такое же пространство и почву и, слѣдовательно, даетъ такой же доходъ, очевидно, владѣлецъ этой земли, за уплатою поземельнаго налога, будетъ имѣть еще значительный доходъ въ свою пользу. Такимъ образомъ въ двухъ случаяхъ владѣнія, существенно-различныхъ, поземельный налогъ, соображаясь съ тѣмъ, что составляетъ его основаніе, падаетъ совершенно неодинаково тягостью на двухъ собственниковъ; и одинъ изъ нихъ, которому собственность поземельная принадлежитъ почти номинально, совершенно теряетъ возможность заниматься своею промышленностью, тогда какъ истинный владѣлецъ, тотъ, у кого земля въ ипотеку и кто пользуется доходами съ нея въ видѣ процентовъ на свой капиталъ, совершенно свободенъ отъ налога. Всѣ эти возраженія, повидимому очень сильныя, мы разберемъ въ другомъ мѣстѣ, когда опять возвратимся къ тому же предмету.

Налогъ *движимый* (на квартиры) также имѣетъ свои неудобства, свою несправедливую сторону. По существующимъ финансовымъ правиламъ, плата за квартиры, какъ скоро она превышаетъ извѣстную цифру, подвержена налогу въ опредѣленный процентъ. Это собственно есть налогъ на потребленіе, и онъ былъ бы совершенно справедливъ, еслибы всѣ квартиры не имѣли другого назначенія, кромѣ того, чтобы служить помещеніемъ для жильцовъ, въ какомъ отношеніи можно бы спра-

ведливо болѣе удобное помѣщеніе обложить болѣе или менѣе удобнаго помѣщенія. Иногда человѣкъ недостаточный, который готовъ бы отказаться себѣ не только въ роскоши, но и въ удобствѣ, принужденъ нанимать себѣ дорогую квартиру, потому что этого требуетъ его занятіе, промышленность, которою онъ живетъ. Такъ докторъ и адвокатъ единственно для публики, для того, чтобы не терять своей репутации, обязаны имѣть хорошія квартиры; обязываетъ ихъ къ этому наше честолюбіе, которое судить о достоинствѣ человѣка по его обстановкѣ; и, очевидно, реформаторомъ нравовъ тутъ не можетъ быть ни докторъ, ни адвокатъ; они могутъ только потерять свою практику и ничего не сдѣлать. То же можно сказать о небогатомъ торговцѣ, который только устрониваетъ свои дѣла и нанимаетъ дорогой магазинъ, который нисколько не служитъ для его удобства; самъ онъ ограничивается иногда самымъ жалкимъ помѣщеніемъ. Движимый налогъ, падая на него, только стѣсняетъ его; и нельзя назвать его справедливымъ, потому что въ этомъ случаѣ, онъ перестаетъ быть налогомъ на потребление; онъ поражаетъ самую промышленность, орудіе труда. Такъ же онъ несправедливъ относительно ремесленника, который нанимаетъ большую квартиру; налогъ на нее опять не что другое, какъ налогъ на его трудъ, который и безъ того прямо подвергается налогу подъ именемъ патента, свидѣтельства и т. п. Очевидно, какъ въ этихъ случаяхъ движимаго налога, такъ и въ приведенныхъ случаяхъ несправедливости налога поземельнаго, несправедливость поражаетъ только бѣдняка.

Налогъ на предметы роскоши, по мнѣнію Прудона, тоже или не достигаетъ цѣли, или несправедливъ. Прудонъ говоритъ, что онъ даетъ суммы слишкомъ незначительныя и, кромѣ того, самый предметъ, на который онъ падаетъ; т. е. эти предметы роскоши, — слишкомъ неопредѣленъ. «Гдѣ, говоритъ онъ, кончается необходимое и начинается роскошь?» Возраженіе слишкомъ справедливое. Но здѣсь все дѣло въ неточности выраженія. Эти *imprêts somptuaires*, собственно швора, несмотря на свое названіе не должны падать именно только на предметы роскоши; они должны быть наложены на такіе предметы, пользованіе которыми доказываетъ значительную долю экономическаго благосостоянія

человѣка. Напр. въ городахъ недостаточные люди употребляютъ публичные экипажи; болѣе-достаточные имѣютъ свои. Самый простой экипажъ съ одною лошадейю и кучеромъ въ Петербургѣ требуетъ ежегодной издержки около 500 рублей. Человѣкъ, который тратитъ на экипажъ столько, очевидно, безъ всякаго затрудненія можетъ прибавить къ этой издержкѣ 10%, или 5% налога. А богатый человѣкъ, который имѣетъ много экипажей, кучеровъ и лошадей, и издерживаетъ на это, напр., 2000 руб., очевидно еще легче заплатитъ свои 10 или 5% налога. И это будетъ тѣмъ справедливѣе, что публичные экипажи обложены налогомъ, и бѣдный извозчикъ, который, съ помощью одной лошади, содержитъ себя и семью, не отговаривается отъ своего налога, да и въ-самомъ-дѣлѣ этотъ налогъ не тяжолъ для него; а между-тѣмъ его экипажъ и его лошадь существуютъ не для его личнаго удобства, это его средство къ жизни. Можно найти много подобныхъ предметовъ, которые могли бы быть обложены податью безъ особенныхъ неудобствъ для потребителей; а что продуктъ этихъ налоговъ не будетъ такъ ничтоженъ, какъ думаетъ Прудонъ, можно видѣть изъ того, что въ Англіи одинъ налогъ на собакъ даетъ 200,000 фун. стер.; это на французскія деньги составитъ 5,000,000 франковъ. Конечно, этотъ налогъ не составитъ тягости для тѣхъ, кто ему подвергнется; это доказываютъ публикаціи «Полицейскихъ Вѣдомостей», гдѣ за потерянную собаку предлагаютъ нашедшему 5 и 10 рублей; а иногда любовь къ собакамъ простирается до того, что предлагаютъ и 50 р. сер.

Къ числу самыхъ неудачныхъ налоговъ принадлежитъ *налогъ на двери и окна*; это именно налогъ на здоровый воздухъ и на свѣтъ. Этотъ налогъ отзовется на лѣгкихъ и на глазахъ; кромѣ того, онъ имѣетъ одно весьма важное неудобство. Домъ, который строятъ себѣ какой-нибудь небольшой собственникъ, деревянный, не даетъ ему дохода; доходъ получается изъ другихъ источниковъ. Если домъ построенъ въ то время, когда дѣла хозяина шли хорошо, очевидно, это имѣло вліяніе на постройку; хозяинъ для своего удобства не поспешилъ ни на пространство, ни на окна, и налогъ ему не тяжолъ. Но дѣла хозяина разстроиваются, и тогда ему налогъ тяжолъ. Во всѣхъ другихъ налогахъ этого не бываетъ; напр. разстроились дѣла чья-нибудь: онъ продалъ свои экипажи—и дѣлу конецъ; налогъ на экипажи на него не падаетъ.

Налоги на патенты, свидетельства, дающія право заниматься извѣстной промышленностью, торговлею или ремесломъ, не имѣютъ никакого основанія для своего существованія послѣ того, какъ правительства провозгласили свободу труда, тѣмъ болѣе, что эти налоги опять-таки обременяютъ только бѣднаго. Богатый фабрикантъ, или ремесленникъ, пріобрѣтшій большую практику, заплатитъ налогъ легко; но бѣдный человекъ, при помощи самой строгой экономіи устроивающій свое независимое заведеніе съ помощью кредита, т. е. съ обязательствомъ платить проценты, будетъ обремененъ налогомъ тѣмъ болѣе, что налогъ, по своей сущности, не принимаетъ, да и не можетъ принимать, въ расчетъ суммы производства и требуетъ одинаковыхъ жертвъ съ бѣднаго и богатаго:—опять несправедливость.

Еще больше несправедливости въ налогѣ на *наслѣдованіе*. Прудонъ очень жестоко нападаетъ на него, и съ нимъ нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что онъ видитъ здѣсь остатокъ тѣхъ старинныхъ правъ, по которымъ сеньоры, представители высшихъ правъ, считались наслѣдниками своихъ подданныхъ, и если отказывались отъ наслѣдства, то получали за это вознагражденіе. Неудобства, несправедливость этого налога слишкомъ очевидны, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ не изъяты самыя недостаточныя наслѣдства. Въ-самомъ-дѣлѣ этотъ налогъ только увеличиваетъ разстройство дѣлъ семейства, причиненное смертью отца; и безъ него плохо положеніе бѣдной вдовы съ дѣтьми, потерявшей мужа, а тутъ еще налогъ беретъ у нея часть изъ скуднаго наслѣдства! Трудно выдумать что-нибудь хуже этого. Не даромъ Прудонъ такъ оживленно критикуетъ этотъ налогъ. Но, какъ это часто случается съ Прудономъ, онъ не догадается на мѣстѣ сказать *distingo*. Конечно, все-таки онъ правъ, когда вооружается и противъ нивелирующаго начала въ этомъ налогѣ. Будучи самъ партизаномъ рациональнаго и возможнаго нивелированья состояній, онъ не схватится за этотъ случай, чтобы допустить справедливость этого налога даже для богатыхъ наслѣдствъ *. Но можетъ быть много случаевъ, когда

* Впрочемъ, вопреки тому, что Прудонъ говоритъ противъ этого, налога, онъ впоследствии дѣлаетъ уступки ему, не показавъ однако, на это достаточной причины, такъ-что его уступка оказывается въ противорѣчій съ его доказательствами противъ налога вообще.

налогъ этотъ будетъ вполне справедливъ и не имѣетъ никакихъ неудобствъ. Кому не приходилось видѣть этихъ случаевъ мгновеннаго обогащенія нѣкоторыхъ, только благодаря смерти какого-нибудь двоюроднаго дѣдушки, или троюродной тетушки, которые ихъ не знали да и имъ были не извѣстны? Въ наше время особенно родовая связь ослабѣваетъ; въ большихъ городахъ двоюродные братья перѣдко совсѣмъ не знаютъ другъ друга, не говоря о троюродныхъ и т. д. Они не связаны никакими особенными интересами; ихъ состоянія идутъ изъ разныхъ источниковъ; а если изъ одного, то все-таки они ничѣмъ не связаны, это люди чужіе и состоянія ихъ чужія; не рѣдко они имѣютъ даже противоположные интересы. Разумѣется, въ дальнихъ степеняхъ родства это имѣетъ еще болѣе всеобщую справедливость. Если въ прежнихъ законодательствахъ наследство отъ боковыхъ линій подчинено было тѣмъ же правиламъ, какъ и наследство по прямой линіи, это имѣло то основаніе, что прежнія состоянія различныхъ отраслей одной фамиліи имѣли одинъ источникъ—древнее пріобрѣтеніе начальника рода еще во времена феодальныя, и законодательства имѣли въ виду поддерживать такіе роды. Въ Англіи до-сихъ-поръ для этого служить майоратъ. Но теперь сами правительства своими налогами на предметы роскоши и даже простою пропорціональностью налоговъ невольно выдаютъ, что они принимаютъ отчасти нивелирующія потребности времени; ихъ интересъ заключается въ разлитіи благосостоянія на массу, а не въ увеличеніи и безъ того большихъ состояній или созданіи новыхъ иначе, какъ путемъ промышленнымъ. Съ этой точки зрѣнія налогъ на боковыя наследства не представляетъ никакихъ неудобствъ, а для правительства или, все-равно, для народа онъ представляетъ значительныя выгоды. Что онъ справедливъ, въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ отношеніе личности къ роду и государству теперь и въ первобытныя времена. Когда не было государства, личность и семейство относились къ роду, какъ они относятся теперь къ государству. Защита ихъ интересовъ принадлежала роду: удивительно, что родъ предъавлялъ за это свои притязанія. Теперь, какъ мы сказали, родовой связи почти нѣтъ, потому въ то время, когда родственники ничего не дѣлаютъ для личности—и притязанія ихъ были бы несправедливы. И такъ-какъ дѣло рода дѣлаетъ теперь государство, а родовая связь ослабляется соотвѣтственно степенямъ естест-

многого родства, то совершенно справедливо, чтобы государство имѣло право участвовать въ наслѣдствѣ, и притомъ такъ, чтобы проценты его доли росли соотвѣтственно удаленію степеней родства,—такъ, чтобы въ самыхъ дальнихъ степеняхъ, которыхъ никто не помнитъ и, въ которыхъ имѣютъ мѣсто эти неожиданныя наслѣдства, которыя падаютъ, какъ снѣгъ на голову, оно дѣлалось единственнымъ наслѣдникомъ; оно имѣетъ на это безспорное право.

Налоги, извѣстные подъ именемъ *timbre et enregistrement*, будучи незначительны, не имѣютъ противъ себя ничего. У насъ оба эти налога заключаются въ гербовыхъ пошлинахъ. Если они не велики, то они не могутъ сокращать числа коммерческихъ сдѣлокъ; въ противномъ случаѣ, и продажа и покупка будутъ невыгодны, и потому могутъ быть случаи, что тѣ, которыхъ промышленныя соображенія заставляли сдѣлать ту или другую операцию, удержатся отъ нея и такимъ образомъ свобода труда будетъ нарушена безъ всякихъ результатовъ въ виду. Если промышленникъ имѣетъ разстроенныя дѣла и рѣшится переменить свой занятія, продать свое заведеніе, высокія пошлины прибавятъ къ его положенію новую невыгоду. Но въ маломъ размѣрѣ этотъ налогъ можетъ быть прекраснымъ статистическимъ средствомъ.

Таможенные налоги, если падаютъ не на предметы необходимости, не имѣютъ противъ себя ничего, притомъ въ такомъ только случаѣ, когда пошлины неслишкомъ высоки и не могутъ возбуждать контрабанды или, по крайней-мѣрѣ, не возбуждаютъ такой дѣятельной контрабанды, противъ которой нужны цѣлыя полки пограничной стражи. Но пусть они имѣютъ характеръ покровительственный или фискальный; они должны быть строго осуждены, когда препятствуютъ ввозу предметовъ необходимости, какъ англійскіе бывшіе хлѣбные законы. Наши пошлины на сахаръ или кофе, будучи даже довольно-высоки, не возбуждаютъ серьезныхъ возраженій, потому-что бѣдные люди могутъ обходиться и безъ нихъ, а если употребляютъ ихъ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ, тогда-какъ богатые люди употребляютъ ихъ, сравнительно, очень много, особенно сахару, такъ-что налогъ на сахаръ является не только пропорціональнымъ, но въ нѣкоторой степени даже прогрессивнымъ, между тѣмъ на него никто не жалуется. Нельзя же

того сказать о пошлинахъ на желѣзо; у насъ онѣ имѣютъ характеръ чисто-протекціонный и производятъ весьма вредное дѣйствіе на всѣ роды промышленности и значительно увеличиваютъ дороговизну жизни.

Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ предметы потребленія подешевѣютъ или, иначе, всякое производство сдѣлается дешевле съ уничтоженіемъ пошлинъ на желѣзо, потому-что желѣзо входитъ во всякое производство въ видѣ подвижнаго или неподвижнаго капитала, начиная отъ земледѣлія, которое требуетъ дешевыхъ инструментовъ, и до фабрикъ, которыя требуютъ дешевыхъ машинъ. Нечего говорить о дешевизнѣ путешествій, транспортовъ, — потому что-желѣзо во всѣ экипажи, во все, что служитъ средствомъ транспорта, входитъ какъ главный элементъ, начиная отъ извозничьихъ дрожекъ до пароходовъ. Сколько желѣза употребляется въ постройкѣ домовъ въ видѣ орудій непосредственныхъ или посредственныхъ и въ видѣ матеріала! Вообще, куда не обернитесь — пошлины на желѣзо даютъ себя чувствовать вездѣ. Внутреннія пошлины имѣютъ своимъ непрѣмѣннымъ условіемъ то, что онѣ падаютъ на предметы первой необходимости, потому онѣ абсолютно не имѣютъ права на существованіе. Конечно, города должны имѣть доходы; но пусть придумаютъ какой-нибудь другой источникъ ихъ. Доходы городовъ могутъ быть не такъ велики, какъ велики, напр., доходы Парижа. Странно, что французы еще какъ-то умѣютъ хвастаться этими доходами, въ то же время жалуясь на дороговизну жизни. Еслибъ не дѣлали такихъ издержекъ, какъ ломка и перестройка улицъ и мостовыхъ, не было бы надобности доводить бюджетъ Парижа до 80,000,000 франковъ.

Вообще можно сказать, нѣтъ ни одного налога, который бы не представлялъ неудобствъ болѣе или менѣе важныхъ, который не заключалъ бы въ себѣ несправедливостей. Страдаютъ отъ этихъ несправедливостей большею частью бѣдные или недостаточные классы: всеобщія жалобы на дороговизну доказываютъ это. Кроме того, изъ нихъ можно вывести другое заключеніе, что средства европейскихъ населеній подходятъ къ *non plus ultra*, доступному при современномъ порядкѣ. Отношеніе между народонаселеніемъ и средствами къ жизни достигло неблагоприятнаго состоянія для народонаселеній; и если они еще растутъ, то очень мало; препятствіе заключается въ этой дороговизнѣ,

Если такъ будетъ продолжаться, отношеніе между народонаселеніемъ и средствами къ жизни сдѣлается еще менѣе благоприятнымъ, и общее благосостояніе, которое и теперь уже относительно уменьшилось, уменьшится абсолютно; и что изъ этого выйдетъ — трудно сказать.

Тутъ играетъ роль не одна система налоговъ; но такъ-какъ въ общественной жизни всѣ причины тѣхъ или другихъ явленій тѣсно связаны между собою, сюда входитъ многое другое. Можно сказать, что система налоговъ, вмѣстѣ съ ея оборотною стороною, системою расходовъ, отражаетъ на себѣ всю вообще систему общественной жизни, и одна отдѣльное отъ всего другого не можетъ подвергнуться дѣйствительной реформѣ. Если не захотятъ дѣлать дѣйствительныхъ реформъ въ другихъ сферахъ, то ничего не сдѣлаютъ и для налоговъ, сколько бы ни суеуслись и ни трудились. Но какъ-скоро сдѣлаютъ дѣйствительныя реформы въ общественной жизни, тогда разстройство финансовъ легко прекратится, если реформы не будутъ только для виду и если не будетъ упущена изъ виду сторона экономическая. Политическія реформы прошлаго столѣтія не удались потому, что прошлое столѣтіе, съ его классическими взглядами на общественную жизнь, обратило исключительное вниманіе, на сферу чисто-политическую, и разработало вопросы, сюда относящіеся, совершенно упустивъ изъ виду вопросы экономическіе, потому-что оно слишкомъ недостаточно оцѣнило ихъ. Наше столѣтіе старается дополнить этотъ недостатокъ, и, между прочимъ, сюда относятся проекты реформъ о финансахъ, развитые тѣми или другими авторами. Прудонъ, какъ и слѣдовало, по сущности его задачи, занялся критикою этихъ проектовъ и въ концѣ книги развиваетъ свою собственную систему.

IV

Прежде всего онъ рассматриваетъ такъ-называемый прогрессивный налогъ. Прогрессивный налогъ состоитъ въ томъ, чтобъ богатые люди платили, такъ или иначе, съ капитала или съ дохода, больше, нежели люди бѣдные, не только пропорціонально, но прогрессивно, такъ-что, если бы человекъ, получающій тысячу рублей, платилъ, напр., 5% своего дохода, или 50 рублей, то

по налогу прогрессивному тотъ, кто имѣетъ 2000 рублей, долженъ платить не 100 рублей, которые составляли бы тоже 5%, а больше, — 120 р., если законъ опредѣлитъ ихъ налогъ 6%; или 140, если налогъ для нихъ будетъ 7%. Налогъ прогрессивный имѣетъ за себя много авторитеты, между прочимъ Адама Смита; изъ современныхъ экономистовъ одни принимаютъ его; другіе отвергаютъ, и отвергаютъ, разумѣется, тѣ, которые и во всѣхъ другихъ вопросахъ держатъ сторону богатыхъ противъ бѣдныхъ, — это экономисты официальной школы, экономисты-буржуа.

Прудонъ несправедливъ къ прогрессивному налогу; онъ не отвергаетъ его совсѣмъ, но находитъ въ немъ слишкомъ большія неудобства и не хочетъ признать его важность. Это у него идетъ еще отъ времени его системы экономическихъ противорѣчій; еще тамъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ имъ прогрессивному налогу, выдавались изъ другихъ своею слабостью; въ *Théorie de l'impôt* — то же самое; онъ даже просто выписываетъ здѣсь то, что прежде писалъ въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» и, только прибавляетъ нѣсколько объясненій. Вопросъ о прогрессивномъ налогѣ очень важенъ и стоитъ, чтобъ заняться имъ нѣсколько пообстоятельнѣе.

«Пусть налогъ этотъ, — говоритъ Прудонъ, — берется съ капитала или съ дохода, во всякомъ случаѣ сумма налога будетъ считаться въ числѣ издержекъ производства, и тогда изъ двухъ одно: или продукты, несмотря на увеличеніе продажной цѣны, найдутъ покупателей и, слѣдовательно, производитель отъ этого налога избавится; или продуктъ окажется очень дорогъ, публика не захочетъ покупать его и собственникъ будетъ принужденъ отказаться отъ производства.» Прежде всего можно считать рѣшоннымъ, что налогъ будетъ не съ капитала, а съ чистаго дохода. Положивъ это правило, посмотримъ, что будетъ. Конечно, капиталистъ не захочетъ уменьшить свои расходы, и постарается уплаченный налогъ включить въ издержки производства, т. е. возвысить цѣну своихъ произведеній; но тутъ дѣло зависитъ уже не отъ него одного, а и отъ публики: захочетъ ли публика покупать его продуктъ по возвышенной цѣнѣ? Конечно, не захочетъ; публика всегда хочетъ покупать дешевле. И отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ капиталистъ прекратилъ свое производство; ему стоитъ только продавать свои произведенія

ю прежней цѣнѣ. Если онъ платитъ налогъ, то ненадобно забывать, что самъ онъ проживаетъ известную сумму въ годъ; и налогъ тогда только великъ, когда производитель проживаетъ много, или только получаетъ много. Если онъ проживаетъ, напримеръ, 1000 ф. стер., и платитъ 5% и 10% налога, ему еще остается 950 или 900 ф. стер.: ему гораздо лучше сократить свои расходы, нежели изъ-за 50 ф. стер. прекращать производство, т. е. отказаться отъ 900 ф. стер., чтобъ сохранить свои 50 или 100 ф. стерл. налога. Кажется, это ясно, какъ нельзя больше. Производитель не имѣетъ другого дохода, какъ доходъ отъ его производства; слѣдовательно, ему необходимо производить, и онъ можетъ продолжать производство. Что заставить его прекратить производство изъ-за того только, что на него наложили 5% налога съ его дохода? Очевидно, кромѣ его каприза, упрямства, другой причины нѣтъ и быть не можетъ; но капризъ не принимается въ расчетъ въ политической экономіи, да и основаніемъ экономической дѣятельности въ цѣломъ классѣ производителей, даже въ значительной части его, быть не можетъ.

Если предположить, что капиталистъ проживаетъ только незначительную часть своего дохода, а остальную, большую, сберегаетъ, прибавляетъ къ своему капиталу, и положимъ, онъ проживаетъ 200 ф. с., а 800 сберегаетъ: пусть его капиталъ, равняется 10,000 ф. с. Безъ налога онъ увеличиваетъ свой капиталъ ежегодно на 800 ф.; при налогѣ въ 5% онъ увеличиваетъ его въ 750; при налогѣ 10%—въ 700 ф. с.—велика ли эта разница для человѣка имѣющаго 10,000 ф. с., чтобъ онъ упрямствомъ рисковалъ разстроить свои дѣла изъ-за 50 или 100 ф. стерлинговъ?

Очевидно, въ обоихъ случаяхъ,—проживаетъ ли производитель свой доходъ, или большую часть его капитализируетъ,—налогъ не составитъ для него никакой тягости, если, разумѣется, самъ онъ не такой скряга, что готовъ свою незначительную долю въ уплатѣ общественныхъ издержекъ свалить на массу тѣхъ, которые нуждаются въ кускѣ хлѣба. Но въ такомъ случаѣ онъ стоитъ внѣ политической экономіи, внѣ ея законовъ.

Предположеніе Прудона о томъ, что производитель долженъ или возвысить цѣну своихъ продуктовъ, или прекратить произ-

водство, было бы справедливо въ такомъ случаѣ, еслибы налогъ дѣйствительно могъ какъ-нибудь входить въ издержки производства. Но это не можетъ быть, когда налогъ берется съ чистаго дохода, съ той суммы, которая остается производителю послѣ уплаты за оборотный капиталъ, за трудъ рабочихъ и за пользованіе неподвижнымъ капиталомъ, если онъ чужой. Въ этомъ случаѣ цензъ только и облагаетъ податью этотъ чистый остатокъ; если онъ незначителенъ, при прогрессивномъ налогѣ подать съ него самая умѣренная; если производитель былъ несчастливъ въ своемъ производствѣ, если онъ не получалъ совсѣмъ дохода и получалъ доходъ ниже минимума, подлежащаго налогу, онъ совсѣмъ ничего не платитъ.

Налогъ на доходъ можетъ войти въ издержки производства, когда онъ будетъ падать на доходъ общій (general brut) или на капиталъ; въ такомъ случаѣ, если большой капиталъ будетъ давать слишкомъ незначительный процентъ въ производствѣ, и если налогъ будетъ такъ великъ, что поглотитъ весь этотъ процентъ, или такую часть его, что производителю останется слишкомъ мало для его личныхъ издержекъ, — въ этомъ случаѣ налогъ долженъ будетъ войти въ издержки производства, равно какъ и тогда, если онъ будетъ падать на общій доходъ, и притомъ такимъ образомъ, что поглотитъ весь доходъ чистый, или опять слишкомъ большую часть его. Но, чтобъ избѣгнуть этого, нужно прибѣгнуть къ средству очень простому: не нужно налагать подать ни на капиталъ, ни на общій доходъ, а на доходъ чистый.

Замѣтимъ еще одно: предположеніе Прудона, что производители, платя налогъ съ дохода, возвысятъ цѣну произведеній неосновательно уже потому одному, что производители и безъ того всегда и вездѣ стараются возвышать цѣну своихъ продуктовъ до *plus ultra*, и ограничиваетъ ихъ въ этомъ не ихъ добрая воля, а необходимость, которая въ этомъ случаѣ состоитъ въ средствахъ публики, слѣдовательно объ этомъ намѣреніи производителей и говорить нечего. Если налогъ падаетъ на ихъ чистый доходъ такъ, что имъ останется выбирать между сокращеніемъ личныхъ издержекъ, вызвышеніемъ цѣны продуктовъ или прекращеніемъ производства, они должны будутъ выбрать первое т. е. сократить издержки; втораго, вызвышенія цѣны продуктовъ, они не въ состояніи сдѣлать, а прекращеніе производ-

ства было бы для нихъ всего менѣе выгодно, чего экономическая дѣятельность всѣхъ видовъ избѣгаетъ.

Слѣдующее возраженіе Прудона также очень мало основательно; собственно говоря, это даже не возраженіе. «Какъ понять, говорить онъ, что одинъ и тотъ же нумеръ бумажной пряжи будетъ платить 2% ad valorem у фабриканта, котораго машина имѣетъ 50,000 веретенъ, и 4% у другаго, котораго машина имѣетъ ихъ 100,000. Какимъ образомъ большой капиталистъ будетъ платить 1,2,3% на свои капиталы, тогда какъ небольшой будетъ платить только $\frac{1}{2}$ %.» Не правда ли, тутъ возраженія нѣтъ; это только отверженіе прогрессивнаго налога въ вопросительной формѣ. На это можно отвѣчать весьма категорически, что въ томъ-то и заключается достоинство прогрессивнаго налога, что онъ беретъ съ дохода большого капиталиста 2%, когда съ дохода малаго беретъ только $\frac{1}{2}$ %. Большой капиталистъ, положимъ, получаетъ чистаго дохода 5,000 ф. ст.; ему ничего не стѣитъ отдать изъ нихъ не только 2, но и 5, и 10%; отдавъ 10%, онъ будетъ еще имѣть 4,500 ф. ст., или почти 30,000 рублей годового дохода, тогда какъ маленький капиталистъ, получая, напр., 500 ф. ст., или около 3,000 рублей, очевидно, больше пострадаетъ, если его заставитъ платить тѣ же 10%, что отниметъ у него 50 ф. ст., или около 300 рублей; можетъ быть, въ этихъ 300 рубл. онъ потеряетъ то, что можно считать не лишнимъ, а необходимымъ для него и его семейства; а въ такомъ случаѣ о сбереженіи, объ увеличеніи капитала нечего и говорить. Если же взять капиталиста, который всего-то имѣетъ 500 ф. ст. и съ этими деньгами да съ помощью кредита, начинаетъ свое производство, было бы крайне неэкономически, неразсчетливо еще женить его дѣла высокимъ налогомъ. Не надобно забывать и того, что большой капиталъ даетъ обыкновенно большой доходъ въ производствѣ, потому-что допускаетъ въ производствѣ большую экономію и имѣетъ возможность производить на долгій срокъ, и въ этомъ-то заключается причина того, что большіе капиталисты обыкновенно стараются задавить маленькихъ, и часто успѣваютъ въ этомъ. Поэтому-то весьма справедливо, чтобы продуктъ большого капиталиста, пряжа съ машины въ 100,000 веретенъ, платила 4%, когда продуктъ малаго капиталиста, пряжа съ машины въ 50,000 веретенъ, платитъ 2% ad valorem.

«Остается для прогрессивнаго налога, продолжаетъ Прудонъ, одинъ ресурсъ, это—обложить налогомъ чистый доходъ, какимъ бы путемъ онъ ни образовался. Напр. доходъ въ тысячу франковъ будетъ платить 10%, въ 2000 — 11% въ 3000 — 12%, въ 4000 — 13%. Оставимъ въ сторонѣ тысячу затрудненій и безпокойствъ, къ которымъ поведетъ опредѣленіе налога; предположимъ, что эта операція не представляетъ никакихъ безпокойствъ. При всемъ томъ я обвиняю эту систему въ одно и то же время въ лицемерствѣ, противорѣчіи и несправедливости.»

Въ этомъ возраженіи Прудонъ нападаетъ прямо на прогрессивный налогъ съ дохода, тотъ, который представляетъ всего болѣе удобствъ, и все-таки находить въ немъ и противорѣчіе, и лицемеріе, и несправедливость. Какъ доказываетъ это Прудонъ—сейчасъ будетъ показано.

Во-первыхъ, въ приведенныхъ строкахъ онъ принимаетъ произвольное опредѣленіе того, въ какой мѣрѣ долженъ увеличиваться процентъ налога съ дохода. Но и на этихъ цифрахъ онъ не останавливается; когда онъ начинаетъ доказывать, что прогрессивный налогъ есть чистое лицемеріе, т. е. что бѣднаго онъ не облегчитъ, а богатаго не заставитъ платить больше, какъ онъ имѣетъ въ виду; тутъ онъ оставляетъ свое предположеніе и такъ же произвольно переходитъ къ другому, которое, правда, и доказываетъ его мысль.

Прежде у него налогъ увеличивался на одинъ процентъ съ каждой тысячи франковъ; теперь онъ увеличивается на одинъ процентъ только въ 10,000 франковъ. Предлагая, что доходъ въ 1,000 франковъ будетъ платить 12, 5%, (это средней налогъ для суммы всего производства Франціи); для 10,000 тысячъ у него является налога 13, 5%, тогда-какъ по прежнему предположенію, увеличивая для каждой тысячи дохода налогъ въ одинъ процентъ, онъ имѣлъ бы для 10,000 — 21, 5%. Для 20,000 франк. у него, по новому предположенію, 14, 5%; тогда какъ по прежнему 31, 5% и т. д. Такимъ образомъ онъ и приходитъ къ тому, что человекъ, получающій 100,000 фр. дохода будетъ платить только 22,500 фр., тогда-какъ безъ прогрессивности, при одной пропорціональности налога, онъ платилъ бы 10,500 фр. налога. Такимъ же образомъ онъ находить, что прогрессивный налогъ облегчитъ бѣднаго, получающаго только 900 фр. на 9 сантимовъ, или на двѣ копейки въ

годъ, получающаго 800 фр. на 16 сан. или 4 коп. сер. получающаго 700 фр.—на 21 сан. или 5 к. Это даже смѣшно.

Но Прудонъ, воображая, что его предположеніе есть какой-то идеаль, абсолютная норма прогрессивнаго налога, говорить: стоитъ-ли труда мѣнять законы, идеи, принципы, дѣлать категоріи изъ результатовъ столь ничтожныхъ?»

Доказательства, приводимыя Прудономъ, только удивляютъ. Въ самомъ дѣлѣ странно, что человекъ такого ума, такой логики, не замѣчаетъ, что онъ сражается съ вѣтрыными мельницами! Нельзя же иначе назвать его собственное предположеніе, весьма несогласное съ идеею прогрессивнаго налога, которое онъ ставитъ, однако, какою-то законченною формою его.

Чтобы опровергнуть выводъ Прудона, стоитъ только взять его прежнее предположеніе, которое все-таки далеко не соответствуетъ здоровой идеѣ прогрессивнаго налога. Если съ 1000 фр. дохода налогъ равняется 10% съ 2000 — 11%, съ 3000 — 12%, съ 4000 — 14%, съ 5000 — 15, съ 20000 фр. онъ будетъ равняться 20%, т. е. когда съ 1000 фр. берутъ 100 фр.; съ 20,000 онъ будетъ равняться 4000; съ 30000 по этому предположенію, онъ будетъ равняться 30%, или 9000 фр., съ 40000 фр. налогъ будетъ 40%, или 16,000, съ 50,000 — 50%, или 25,000. Такимъ образомъ по прежнему предположенію уже владѣлецъ 50,000 фр. будетъ платить больше, нежели новое предположеніе заставляетъ платить владѣльца 100,000 франковъ. Но, повторяемъ, это предположеніе также совершенно ложное и даже пелѣное; слѣдуя ему, владѣлецъ 100,000 франковъ долженъ бы отдать весь свой доходъ въ казну, въ видѣ налога. Прибавимъ, что и по второму предположенію та же участь постигла бы того, кто имѣетъ 1,000,000 фр. доходу; оба эти предположенія ложны въ основаніи. Прогрессивный налогъ, очевидно, никогда такого основанія имѣть не можетъ. Но, допустивъ одно изъ этихъ предположеній или другое какое, построенное на томъ же основаніи, легко доказать, что прогрессивный налогъ есть и лицемѣрство, и несправедливость. Прудонъ, дѣйствительно доказавши, какъ читатель видѣлъ, лицемѣріе, старается доказать, что онъ несправедливъ, предположивши, что онъ имѣетъ цѣлью ограничить всѣхъ жителей Франціи ежегоднымъ доходомъ въ 875 франковъ. Конечно, крайнюю несправедливость такой си-

стемы налога нельзя не признать; но дѣло въ томъ, что это не-прогрессивный налогъ, какъ его слѣдуетъ понимать; прогрессивный налогъ основанъ на принципахъ вполне разумныхъ и справедливыхъ, и представляетъ множество выгодъ и ни одного изъ тѣхъ неудобствъ, которые Прудонъ въ немъ предполагаетъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ

СЕМЕЙНЫХЪ ЗАПСОКЪ РОЖНОВЫХЪ.

I.

Дѣдъ мой, Петръ Андреевичъ Рожновъ, былъ единственный сынъ, бывшаго комендантомъ въ Симбирскѣ и, впоследствии, убитаго шайками Пугачева подъ Корсуномъ, полковника Андрея Петровича и жены его Юоны Алексѣевны, урожденной Роктовой.

Дѣтство дѣда не отличалось ни чѣмъ отъ содержанія барчаты того времени, когда главное вниманіе родителей, нянекъ и дядекъ было обращено только на физическое развитіе ребенка, т. е. что бы ребенокъ хорошо кушалъ, таская постоянно въ рукахъ кусокъ сдобнаго пирога или жирной ватрушки. Желудокъ вообще игралъ сильную роль во времена нашихъ бабушекъ, и прабабушекъ, и былъ предметомъ самой нѣжной заботливости и попеченія въ понятіяхъ родителей той эпохи. Для развлеченія барченка обыкновенно собиралась цѣлая артель босоногихъ дворовыхъ ребятешекъ, которые должны были беззакословно исполнять всѣ капризы будущаго деспота помѣщика: терпѣливо переносить пощочины, щипки и другія удо-

вольствія, которыми будетъ угодно ему наградить ихъ. Это общество мальчишекъ съ маленькимъ барченкомъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ старика дядьки, которому отдавался строжайшій наказъ ни на шагъ не отходить отъ своего питомца, обыкновенно отиравалось по крестьянскимъ гумнамъ и огородамъ, разсоряло гнѣзда воронъ и галокъ въ близъ лежащемъ лѣсу, вырывало шмелей, осъ и шершней, занималось ловлею воробьевъ и истребленіемъ ихъ гнѣздъ, и вообще путь барченка съ его ватагой ознаменовывался окончателльнымъ опустошеніемъ и истребленіемъ всего живущаго и растущаго, что только не могло противостать ихъ разрушительныхъ наклонностямъ. Оіона Алексѣевна, мать моего дѣда, никогда съ своимъ мужемъ въ добромъ согласіи не жили, и даже въ день самой свадьбы рассказываютъ довольно забавную исторію, которая вполне характеризуетъ обращеніе родителей съ своими дѣтьми въ то время.

Оіонъ Алексѣевичъ, урожденной Роктовой, было 25 лѣтъ, когда ея шуцунъ и наружность плѣнили сердце воина, — Андрея Петровича Рожнова. Рассказываютъ, что Оіона Алексѣевна была дѣвушка высокая ростомъ, здоровая, глаза на выкатѣ, лицо какъ маковъ цвѣтъ — значитъ: она обладала всѣми качествами, которыя могли увлечь почти каждаго изъ молодыхъ людей екатерининской эпохи. Такъ какъ фамилія Рожновыхъ была въ Оренбургскомъ краѣ одной изъ фамилій уважаемыхъ какъ по денежнымъ средствамъ, такъ и по заслугамъ прадѣда Петра Ивановича, то Роктовы и считали предложеніе Андрея Петровича для себя совершенно приличнымъ и выгоднымъ. А какъ старину не имѣли обыкновенія спрашивать невѣсту нравится ли ей женихъ, или нѣтъ, то объ этомъ не нашли нужнымъ спрашивать и Оіону Алексѣевну, въ томъ убѣжденіи, что можетъ знать и понимать дѣвчонка въ 25 лѣтъ. Кромѣ того, въ ту эпоху дѣвушкѣ выходить замужъ тихо, смиренно и съ желаніемъ — даже если она выходила и по совершенному согласію — считалось неприличнымъ; тутъ обижались и родители невѣсты, говоря: «видно, нашъ хлѣбъ соль для тебя, доченька, не сладокъ, что ты такъ рвешься отъ насъ. Видно, мы тебя не ласкали и не лелѣяли. Дай Богъ, чтобы тебѣ замужей было лучше!» За тѣмъ слѣдовали сплетни, которыя и тогда были также въ полномъ ходу, какъ и нынѣ? — «Ну, ужъ неча сказать, — говорила обыкновенно какая нибудь старая сосѣдка, вспоминая, вскормили дѣвку! М

идно, что безпутная, толку въ ней не будетъ: такъ на жени-
н-то бѣлыя и выпятала,—экой стыдъ! Нѣтъ, мать моя, когда
и выходила за моего покойничка—царство ему небесное — такъ
какъ услышала, что прѣехали свахи, тряслась, какъ листъ оси-
новый, до самой свадьбы не пила, не ѣла, да и послѣ на му-
жа-то долго и взглянуть не смѣла; ужъ, нѣтъ-то, нѣтъ-то обо-
шлась!

Чѣмъ больше дѣвушка, выходя замужъ, ревѣла и вопила,
лиглась и брыкалась, какъ лошадь, тѣмъ больше она поселяла
къ себѣ сочувствія какъ отца и матери, такъ и всѣхъ сосѣдей,
и это было оселкомъ сужденій о ея будущей счастливой суп-
ружеской жизни и о томъ, что она росла подъ крѣпкимъ ро-
дительскимъ надзоромъ, въ страхѣ Божіемъ. Итакъ, обращаюсь
къ прабабушкѣ Фіонѣ Алексѣевнѣ и прадѣду Андрею Петрови-
чу въ день ихъ свадьбы. Когда уже все было готово, чтобы
начать одѣвать невѣсту къ вѣнцу, принесли парчевое платье съ
такимъ же шушуномъ. Фіона Алексѣевна въ это время сидѣла
за перегородкой, вопила и ревѣла на разные манеры и тоны, и
когда приступили ея одѣвать и чесать ей голову, то спенамъ
не было конца: собрана была вся дѣвичья и все сосѣдство, при-
глашонное на свадебный пиръ, и Фіону Алексѣевну только съ
помощью держанія рукъ и ногъ кой-какъ удалось, наконецъ,
всунуть въ парчевое одѣяніе и причесать ей голову. Но это
было еще только началомъ трудностей, а главное препятствіе
оставалось впереди. Какъ скоро нужно было выводить невѣсту
изъ за перегородки, гдѣ совершался туалетъ, она такъ сильно
и съ такимъ ожесточеніемъ уперлась въ узкую дверь, что да-
же затрещала перегородка, когда ее хотѣли силою протолкнуть
въ смежную горницу. Мать Фіоны Алексѣевны была не далеко,
именно, въ стѣпанушѣ, которая поимѣшалась въ домѣ же, гдѣ
она приготавливала сама, съ цѣлой свитой бабъ и дѣвокъ, свадеб-
ный ужинъ. Услышавъ, что дочка нейдетъ она, со скалкой
въ рукахъ, явилась на выручку, и когда нѣсколько эпитетовъ:
«распутной, упрямой, негодной дѣвчонки» не подѣйствовало,
когда было приступлено къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: скалка
была пушена въ ходъ по спинѣ, бокамъ и головѣ, а нѣсколь-
ко пощочинъ окончательно смирили упрямую невѣсту. Итакъ,
свадьба состоялась. Но, несмотря на то, что невѣста своими да-
же взглядыми плачемъ и упрямствомъ подавала блестящими
надежды думать, что она въ семейной жизни будетъ прекрасная

жена и слѣдовательно, сдѣлаетъ счастливѣе и своего мужа, однако этого какъ-то не случилось, и впоследствии Андрей Петровичъ жилъ съ женою въ полномъ значеніи слова, какъ кошка съ собакой. Оіона Алексѣевна, бывало, сама вспоминала свое замужство и говорила, что ее ужасало то, что Андрей Петровичъ былъ военный, съ большими усами и съ саблей, и ей представлялось, что онъ ее непременно зарѣжетъ—словомъ, она сначала чувствовала паническій страхъ при одномъ взглядѣ на своего суженаго; но впоследствии обстоятельства измѣнились: сабля и усы Андрея Петровича были совсѣмъ не такъ страшны, какъ шушунъ и кулакъ прабабушки Оіоны Алексѣевны.

Молодые послѣ свадьбы, бывшей въ имѣніи Роктовыхъ, близъ Симбирска, переѣхали въ свою деревню, въ село Савушу, отданную Андрею Петровичу отцомъ его Петромъ Ивановичемъ. Здѣсь, въ уединеніи, и сдѣлалась такая сильная перемѣна съ Оіоной Алексѣевной: она въ самое непродолжительное время изъ робкой, почти дикарки - дѣвочки сдѣлалась ухарской барыней и женою того времени. Кроме того, она была необыкновенно ревнива: стоило Андрею Петровичу съ какою нибудь дѣвкой, или бабой, сказать нѣсколько словъ, даже просто пройти мимо, и этого было достаточно, чтобы привести въ страшную ярость нѣжную супругу. Сцены эти повторялись не по одному, а по нѣскольку разъ въ продолженіе дня, и чувство ревности было въ Оіонѣ Алексѣевнѣ неизмѣнно во весь періодъ ихъ супружеской жизни. Андрей Петровичъ служилъ постоянно въ военной службѣ, а потому, странствуя по Россіи и стоя съ полкомъ долго въ Польшѣ, имѣлъ случай видѣть женщинъ, которыя совсѣмъ не походили на Оіону Алексѣевну, да и самая жизнь тамъ была не такъ грязна и мелочна, какъ та, которая выпала ему на долю. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, и сдѣлали то, что Андрей Петровичъ не вышелъ въ отставку, а оставался на службѣ до самой смерти. Отъѣзды въ полкъ были единственными средствами, которыми онъ употреблялъ, чтобы, хотя на время, избавляться отъ своей супруги. Онъ часто пріѣзжалъ изъ полка въ деревню даже нѣсколько разъ бралъ туда съ собою жену, но вмѣстѣ они совершенно никогда не жили. Оіона Алексѣевна, оставаясь одна въ деревнѣ, для управленія хозяйствомъ, была совершенно довольна своимъ положеніемъ: кричать и браниться цѣлый день, съ утра до ночи, было потребностью ея природы; варитъ

варенье, солить грибы, готовить наливки, ткать холсты, сушить ягоды, бить и стричь дѣвокъ и наряжать ихъ въ рога * вотъ дѣятельность прабабушки!

Что касается до самого Андрея Петровича, то это былъ, въ полномъ значеніи слова, служака времени царствованія Екатерины II-й. Онъ былъ добръ, откровененъ и готовъ былъ отдать свою послѣднюю рубашку, чтобы помочь своему товарищу или подчиненнымъ ему солдатамъ, службой дорожилъ и въ исполненіи служебныхъ обязанностей былъ неутомимъ и неумолимъ. Такъ какъ Петръ Ивановичъ Рожновъ былъ однимъ изъ ученыхъ людей той эпохи, то и Андрей Петровичъ получилъ образованіе довольно достаточное для того времени. О мѣстѣ же его ученія и вообще о всѣхъ подробностяхъ его жизни я не могъ отыскать положительныхъ свѣдѣній, а руководствовался одними разсказами, изъ которыхъ вывести всѣ оттѣнки характера очень трудно и даже почти совершенно невозможно. Извѣстно только, что Андрей Петровичъ поступилъ на службу сначала сержантомъ въ гвардію, а потомъ былъ переведенъ въ какой-то драгунскій полкъ. Онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ бывшую тогда турецкую войну, потомъ долго былъ, по какому-то порученію начальства, въ Сибири. Вообще, онъ любилъ жизнь веселую и такъ любилъ играть въ карты, что когда былъ награжденъ императрицею Екатериной II-й за свои заслуги золотою табакеркой, осыпанной алмазами, то эта награда была проиграна, по неимѣнію денегъ, сей часъ же по полученіи.

Такъ продолжалась довольно-долго жизнь Андрея Петровича и Ѳіоны Алексѣевны, однообразіе которой, впрочемъ, измѣнено было двумя супружескими событіями: во-первыхъ рожденіемъ, чрезъ годъ послѣ свадьбы, дочери, умершей спустя нѣсколько мѣсяцовъ и, во-вторыхъ, чрезъ непродолжительное время послѣ того рожденіемъ сына Петра, который впоследствии былъ единственный представитель отрасли фамиліи Рожновыхъ отъ Андрея Петровича. Разсказываютъ, что рожденіе сына для Андрея Петровича было большою радостью, и послѣ этого цѣлыя двѣ недѣли прадѣдъ былъ не только ласковъ, но даже нѣженъ къ Ѳіонѣ Алексѣевнѣ. Но постоянная служба отвлекла его скорѣ опять отъ семейной жизни, и новорожденный Петръ

* Это были желѣзные рогульки съ такимъ же ошейникомъ, который, надѣваясь на шею, зашнуровывался замкомъ; рогульки же не позволяли лежать или сидѣть, прислонясь къ чему бы то ни было.

быть безусловно предоставленъ попеченіямъ матери, и только впоследствии, когда мальчикъ подростъ, отецъ взялъ его подъ свое покровительство и присмотръ.

Съ разсказа о дѣтствѣ дѣда Петра Андреевича я и началъ эту главу.

Прабабушка Фіона Алексѣевна въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и вообще въ хозяйствѣ была, можно сказать, женщина гениальная: всѣ отрасли, какъ мужскаго, такъ и женскаго хозяйства ей были извѣстны въ подробности. Всѣ подчиненныя трепетали одного только ея взгляда, будучи увѣрены заранее, что не только ни одно преступленіе, но даже оплошность или нечаянность, никогда не проходили имъ даромъ. Даже дюжій мужикъ староста испытывалъ не одинъ разъ полную десницу Фіоны Алексѣевны и борода его стала какъ-то не такъ велика и пушиста послѣ того, какъ онъ вздумалъ разъ попользоваться изъ амбаровъ прабабушки. Фіона Алексѣевна обыкновенно вставала до разсвѣта еще очень-очень задолго — и сейчасъ же поднималось все жившее въ деревнѣ на ноги, а сама прабабушка въ это время уже приготовляла завтракъ дворовымъ. Въ это же время къ ней безъ церемоній прибѣгали отпраившіяся на цѣлый день въ поле бабы съ просьбами: у той надобно было вынуть изъ печи хлѣбы, уже посаженные ею, у другой — присмотрѣть за ребятишками и накормить ихъ, у третьей смѣшать масло и покормить цыплятъ... и такимъ образомъ каждая баба высказывала свои нужды. И всѣ этѣ крестьянки, отправляясь на работу, были заранее вполне увѣрены, что масло будетъ смѣшано, ребятишки и цыплята накормлены и хлѣбы изъ печи вынуты въ свое время. Даже сами хозяйки не сдѣлали бы всего этого съ такимъ знаніемъ дѣла и акуратностью, какъ это исполняла лично барыня Фіона Алексѣевна. Накормивъ дворовыхъ завтракомъ, она занималась уборкой по дому, мытьемъ домашней посуды, присмотромъ за дворовой птицей, наконецъ обходила всѣ хозяйственныя заведенія: скотный дворъ, конюшню и застольную или людскую. Удостоверившись, что все въ домѣ находится въ томъ порядкѣ, въ какомъ должно быть, она возвращалась въ домъ и принималась завтракать сама. Для завтрака она себѣ приготовляла или яичницу съ ветчиной, или молочную лапшу и оба эти блюда пользовались особеннымъ ея расположеніемъ. Передъ завтракомъ, обыкновенно, для аппетита, вышивалась добрая серебряная чарка травнику. Послѣ завтрака Фіона Алексѣевна снова со-

бывала обѣдъ для людей въ поле; потому женщины, съ помощью ея самой, запрягали смирную дошадь въ тележку на длинныхъ дрогахъ или въ долгушку, какъ тогда она называлась; въ эту долгушку укладывался весь обѣдъ дворовыхъ и прабабушки садилась въ тележку и отвозила обѣдъ въ поле, а вмѣстѣ съ этимъ осматривала усѣбность и качество самыхъ работъ. Пробывъ въ полѣ довольно долго, именно до полудня, она возвращалась тѣмъ же порядкомъ домой, гдѣ уже оставленною для дома женщиною была накрытъ столъ, и Фіона Алексѣевна прямо садилась за обѣдъ, который подавался непремѣнно въ самые полдни. Обѣдъ обыкновенно начинался опять чаркою травянку и состоялъ или изъ щей и жаренаго, или изъ щей и каши, или изъ щей и молочнѣй лащи; иногда подавались пироги, ватрушки, соломина и ветчина съ хрѣномъ, а въ особо лакомые дни приготавлился *лапшеникъ*. Въ постные дни обѣдъ состоялъ изъ какой нибудь *кохлѣбки* съ грибами, изъ лащи и салмы, пироговъ съ горохомъ, съ грибами, съ кашей и капустой. Пирогъ съ макомъ и кисель съ сытою были, также, какъ въ скромные дни *лапшеникъ*, *кушанья* лакомыми и довольно рѣдкими. Послѣ обѣда слѣдовалъ непремѣнно отдыхъ часа два или три. Ложась въ постель, съ завѣсками или пологомъ изъ домашней, нарочно для того натканой, рѣдкой хостины, Фіона Алексѣевна снимала волосникъ, который тогда носился подъ платкомъ всѣми барынями, и та же единственная женщина должна была ей искать въ головѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рассказывать разныя новости, конечно, чистодеревенскія: кто, что, какъ и гдѣ говорилъ или дѣлалъ, какъ Акулина не донесла пѣлаго паша въ талькѣ, какъ у Агафьи унесъ ястребъ пыленка, за что Кузьма цобилъ свою жену, и прочія новости на ту же тему и подобнаго же содержанія. Подъ эти рассказы и исканіе въ головѣ глаза Фіоны Алексѣевны смыкались и она засыпала крѣпкимъ богатырскимъ сномъ, такимъ, которымъ могутъ спать только одаренные желѣзнымъ здоровьемъ и дѣйствительно утомленные физическими трудами. По окончаніи отдыха, прабабушка на постели же что-нибудь ѣла: или кислое молоко, или сливки, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Петя же въ это время получалъ большую порцію лакомства, состоящую изъ сушеныхъ ягодъ разныхъ сортовъ, каленыхъ орѣховъ, и *маковниковъ*. Это кушанье на постели называлось *полдникомъ*, послѣ котораго Фіона Алексѣевна снова садилась въ долгушку и от-

правлялась опять для присмотра за работами въ поле, гдѣ уже и оставалась до ихъ окончанія. Возвратясь изъ поля, она присутствовала при доеніи коровъ, и сливаніи молока, послѣ чего при ней же эти кринки относились на погребъ, который тутъ же ею запирался. Послѣ этого Фіона Алексѣевна кормила дворовыхъ ужинамъ, по окончаніи котораго ужинала и сама еще за-свѣтло, избѣгая излишняго расхода жечь по напрасну свѣчи. Поужинавъ и выпивъ непременно чарку травянку, она въ сумерки уже снова ложилась въ постель, въ ожиданіи будущаго дня и новой дѣятельности. Въ это время къ ней являлся за приказаніями староста, которому тутъ же и отдавалось распредѣленіе работъ на завтра, и отдавалось съ такимъ знаніемъ дѣла и точностью, что и теперь бы этимъ распоряженіямъ позавидовалъ любой знатокъ сельскаго хозяйства.

Въ зимнее время день распредѣлялся уже совершенно иначе. Фіона Алексѣевна вставала по второму пѣнію пѣтуховъ—и сей-часъ же опять весь домъ подымался на ноги; дворовые мужчины съ крестьянами и крестьянками отправлялись на гумно молотить хлѣбъ, а весь женскій штатъ—который въ зимнее время бывалъ очень великъ и состоялъ часто изъ 15 и даже болѣе бабъ и дѣвокъ—являлся съ прялками и гребнями въ горницу, гдѣ всѣ чинно разсаживались и, подъ личнымъ присмотромъ барыни, тоже съ гребнемъ и допцемъ, принимались за работу. Въ это время домъ представлялъ совершенную прядильную фабрику. Тишина была мертвая, только слышалось какое-то грустное жужжанье веретенъ, мыканье мочекъ и шелканье мастерицы-пряжи пальцами по мокрой, только что выведенной ниткѣ. Конечно вслѣдствіе такого близкаго сосѣдства барыни съ пряжами, у Фіоны Алексѣевны руки бывали почти постоянно красны, и эта же краснота замѣчалась и на щекахъ болѣею части присутствовавшихъ. Такъ, за пряжей, или за мотаньемъ пряжи на длинные деревянные рогульки, проводился весь день и длинный зимній вечеръ. Тогда уже освѣщеніемъ не дорожилось, а рабочая комната освѣщалась или свѣчою въ гигантскомъ мѣдно-шандалѣ (какъ тогда называли), а всего чаще, просто, по срединѣ комнаты горѣлъ ночникъ, т. е. плошка, налитая саломъ, въ средину которой втыкалась лучинка обернутая хлопкомъ. Каждая изъ пряжъ могла воспользоваться, хотя самымъ непродолжительнымъ отпускомъ, не иначе какъ съ личнаго разрѣшенія Фіоны Алексѣевны. Если же барыня замѣчала, что отлучки эти дѣлались уже

очень часто, или самый отпускъ продолжался дольше опредѣленнаго времени, тогда виновный дѣлался выговоръ и конечно въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, а часто употреблялась въ дѣло даже и двухвостка. Конечно, эта предѣльная комната, не могла похвалиться не опрятностью, ни чистотою воздуха, но тогда барыни были не слабонервны: онѣ терпѣливо переносили эти маленькія неудобства изъ желанія получить большую выгоду. Разумѣется, что и въ зимнее время Юіона Алексѣевна точно такъ же, какъ и лѣтомъ, хлопотала по домашнему хозяйству: ходила два раза въ день на гумно и скотный дворъ, точно такъ же отдыхала послѣ обѣда, такъ же полдничала, плала травникъ и все шло по тому порядку, который былъ заведенъ разъ и на-всегда. Но два времени въ году она рѣшительно выходила изъ своей нормы; это было осенью, при раздачѣ оброковъ и, наконецъ, великимъ постомъ, когда собиралась пряжа и бабы садились за статовья, т. е. за тканье полотентъ столоваго бѣлья, канифаса, пестреди и другихъ матерій, вырабатываемыхъ подъ дирекцію прабабушки.

При раздачѣ оброковъ (какъ это тогда называлось) хлопотать не было конца: при развѣскѣ льна и поскони барыня обыкновенно хлопотала, чтобъ, напримѣръ, изъ фунта льну выходило сколько возможно больше пряжи, а крестьянки, конечно, старались доказать невозможность подобнаго требованія, и въ этомъ-то состоялъ главный камень преткновенія обѣихъ враждовавшихъ сторонъ. Сколько крику, шуму, плача и пощочинъ раздавалось въ это время! Наконецъ все это кой-какъ улаживалось, сцены прекращались, и все приходило въ порядокъ: ленъ и пенька развѣшивались и раздавались бабамъ, съ строгимъ наказомъ, чтобы непремѣнно было выпрядено столько талекъ, сколько слѣдовало по положенію. Зима вступала въ свои права, начинались непрерывные бураны, морозы; снѣгу выпадало такъ много, что самая деревня казалась какою-то снѣжной горою, самой прихотливой фантастической формы. Проходили и святки, въ которыя являлись къ Юіонѣ Алексѣевнѣ дворовые парни, въ вывороченныхъ шубахъ, съ вычканными сажей лицами. Наступалъ и крещенскій сочельникъ, въ который все окроплялось святою водою, осѣнялось крестнымъ знаменіемъ и окуривалось ладаномъ, а вечеромъ Юіона Алексѣевна сама выводила уголь на дверяхъ и окнахъ гигантскихъ развѣтровъ кресты, для предосторожности отъ нечистой силы.

Наконечъ переходить и мѣсѣдъ; вѣтви и бурныи бурчали, еще оледнѣе, какъ будто сознавая, что скоро придетъ конецъ ихъ могуществу; снѣгу вышало такое количество, что трудно даже составить понятіе о глубинѣ его, стоило только сверотить съ дороги — и лошади уходила въ снѣгъ (не преувеличивая) по уши. Дороги были такъ узки, что встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь считалось, по трудности разѣздаться, большимъ несчастіемъ. Морозы бывали такъ сильны, что мерзли медкія птицы.

Но вотъ проходила и пасляивца, и конечно, съ меньшимъ же пылствомъ, какъ она проходитъ и теперь. Раздавался и печальный, рѣдкій, однообразный звукъ великопостыаго колокола... Какъ-то грустно, болѣзненно дѣйствуетъ этотъ звонъ на душу!.. Можетъ быть, и на душу Фіоны Алексѣевны онъ подѣйствовалъ такъ же грустно; но хлопоты, что скоро нужно ставить красна (станья подотецъ) и разнагивать пряжу, вытѣснили скоро эту грусть изъ ея сердца. Приближенная дѣвка, Палащка, уже не одинъ разъ, босикомъ, обѣгала всѣ деревню съ повѣсткомъ, чтобы непремѣнно сносили тальки въ горницу; но бабы, зная по опыту, что такое нести оброкъ къ барынѣ, медлили, отговариваясь то тѣмъ, то другимъ. Наконецъ всѣ эти увертки надѣдали Фіонѣ Алексѣевнѣ, а потому Палащкѣ отдавался окончательный приказъ такого содержания: «Палащка! пооди, скажи мерзавкамъ, чтобы въ среду безпремѣнно сносили оброки, чтобы не доводили меня до грѣха: всѣ щоки канальямъ выдѣру, всю шкуру подлячкамъ спущу!»

Бабы, видя, что лавировать уже больше нѣтъ никакой возможности, со страхомъ и трепетомъ ожидали грозной среды; съ наступленіемъ которой онѣ дѣлой толпой съ вязанками пряжи, медленно, отправляясь къ подѣзду барскаго дома. Фіона Алексѣевна уже давно ихъ ожидала съ явными признаками сильнаго нетерпѣнія. На поклоны бабъ она отвѣчала бранью, что «онѣ мерзавки и лѣнивки, и что она посмотреть, не такой ли онѣ и теперь принесли оброкъ, какой направи въ прошломъ году. «Эта фраза каждый годъ произносилась неизмѣнно, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, потому что ни одного года барыня талькамъ не была довольна, да и самая исправность въ этомъ дѣлѣ была рѣшительной невозможностью. Наконецъ Фіона Алексѣевна, съ своимъ штатомъ, приступала къ осмотру и повѣркѣ пряжи: неисправностей обыкновенно оказывалось чрезвычайно много: то тальки были короче положенной мѣры, то онѣ были не до-

водно была, то очень толста пряжа — словомъ, исчислить всѣхъ недостатковъ, по мнѣнію Фіоны Александровны, не было никакой возможности. Царыныхъ совершенно никогда и никого не было, а та, которая отдѣлывалась или нѣсколькими пощочинами, или потасовкой за волосы, считала, что она отдѣлалась очень дешево. Въ этотъ день въ домѣ была совершеннѣйшая изощь: бабы, избитыя, съ растрепанными волосами и между ними Фіона Александровна — въ волосникѣ на боку и съ краснымъ, искаженнымъ гнѣвомъ лицомъ, плетью въ рукахъ и совершенно охриплымъ отъ брани и крика голосомъ, и всетаки продолжавшая безъ умолку кричать и браниться — дополняла эту грустную картину. Въ этотъ день она обыкновенно ничего не ѣла, даже не употребляла травнику, но зато, находясь цѣлый день въ раздраженномъ состояніи, выпивала квасу страшное количество. Накоонецъ день проходилъ, пріемка оброковъ и наказанія прекращались, и надобно видѣть радость даже избитыхъ бабъ и торопливость, съ какой онѣ не шли, а бѣжали домой. Фіона Александровна вѣшала на гвоздь свою двухвостку, и, въ изнеможеніи, ложилась въ постель, подкрѣпивъ себя добрымъ пріемомъ травнику и приличной закуской.

Въ окрестностяхъ сельца Савруши-Студенецъ сосѣдей поблизости въ то время почти никого не было, да и самый край тогда былъ населенъ почти одними татарами и башкирцами, которые, по обширному пространству земель, занимали ничтожную часть края своими кочевками и селеніями. За-то какія были приволья въ Оренбургскомъ краѣ! Рѣдко, гдѣ можно было увидѣть стѣнные покосы, или распаханную землю, а окрестность вездѣ являлась въ своемъ дикомъ, разнообразномъ величїи; вся дѣятельная природа дышала какой-то особенной прелестью, еще полти неиспорченная присутствіемъ челоуѣка; громадныя лѣса, покрывая горы и поля на огромныя пространства, еще не знали топора; рѣки не были перепружены плотинами, а лились привольно, покойно между лѣсовъ и степей, покрытыхъ самой разнообразной растительностью и изобиловали рыбами всѣхъ породъ въ баснословномъ количествѣ; цвѣты самыхъ яркихъ колеровъ, какъ пестрые азїатскіе ковры, покрывали поля. Обѣхавъ Оренбургскій край въ то время, можно было видѣть его почти такимъ, какимъ онъ вышедъ изъ-подъ десницы Создателя. Чудный край! ты еще и теперь почти неразработанный рудникъ, и хотя поля твои исчерчены сохою и плугомъ, но они не разработаны, и

только испорчены невѣжественною рукою земледѣльца. Лѣса, хотя и истреблены окончательно, но свѣтъ науки скоро озаритъ тебя, моя дивная родина! лѣса опять выростутъ и уже не будутъ истребляться такъ глупо и невѣжественно; поля твои обрабатываются уже рукою не невѣжды, и, можетъ быть, скоро придетъ все въ стройное цѣлое!.. Но за то тебѣ, дивный край, никто уже не возвратитъ твоей роскошной, потрясавшей своимъ величіемъ душу, дикой прелести!

II.

Между тѣмъ въ періодъ времени, рассказанный мною, прошло болѣе шести лѣтъ: изъ Петруши образовался мальчикъ 9-ти лѣтъ, а потому въ пріѣздъ Андрея Петровича въ отпускъ на семейномъ совѣщаніи было рѣшено начать ребѣнка обученію грамотѣ. Такъ-какъ, наставника отыскать въ такомъ захолустьи было почти невозможно (даже не было близости церкви, а потому и дьячку, по дальности разстоянія, ѣздить было неудобно), то и вспомнили, что въ дворнѣ есть старый грамотѣй Захаръ, который жилъ уже на покоѣ. Посольство, состоявшее изъ Палашки же, только уже не босикомъ, а обутой въ котяхъ, было отправлено къ Захару, съ предложеніемъ явиться въ горницу. Захаръ явился, и когда ему былъ отданъ приказъ учить грамотѣ Петрушу, и Андреемъ Петровичемъ сдѣланъ былъ вопросъ: можетъ ли онъ учить? Юіона Алексѣевна явилась съ своимъ умозаключеніемъ, что, вѣдь, это не кружева плести, что учить такимъ глупостямъ можетъ всякій, что Захаръ и безъ того даромъ хлѣбъ ѣстъ и что дѣло это чисто стариковское. Грозный взглядъ Андрея Петровича остановилъ однако выводы Юіоны Алексѣевны и заставилъ ее удалиться изъ ученаго засѣданія о воспитаніи Петруши. Когда Захаръ понялъ въ чемъ дѣло, то онъ какъ-то ободрился, даже, кажется, сталъ выше ростомъ и помолодѣлъ: въ немъ проснулась гордость, сознаніе собственныхъ достоинствъ, и сейчасъ же явилась идея, что онъ теперь для господъ рѣшительно необходимъ, а потому и можетъ извлечь много пользы изъ своего новаго положенія. На вопросъ Андрея Петровича, можетъ ли онъ учить грамотѣ Петрушу, онъ отвѣчалъ, что это дѣло въ его рукахъ и что онъ встарину даже читывалъ Апостолъ, да и небольшо-давно, лѣтъ съ пять, что-ли, читалъ Псалтырь. Конечно, Захару было подано водки, Юіона Алексѣевна приказа-

и его покорить, а Андрей Петровичъ отдалъ приказъ обмундировать новаго учителя; вслѣдствіе чего Фіона Алексѣевна срывла изъ полосушки халатъ и посадила тутъ же дѣвокъ шить его. Изъ села Спасскаго была привезена, какъ-то отысканная тамъ славянская азбука. Захаръ выстрогалъ изъ лучины нѣсколько десятковъ указокъ, испещренныхъ самыми затѣйливыми узорами, и даже выкрасилъ ихъ въ *маренъ* и *серпухъ*. Халатъ былъ готовъ, а потому и начало ученія, по желанію Фіоны Алексѣевны, было отложено только до легкаго дня—четверга. Въ этотъ періодъ времени Петрушѣ отпускался больше чѣмъ двойной запасъ сладкаго, и вообще оказывалось какое-то особенное вниманіе; но онъ, сообразя въ чемъ дѣло, и видя, что Захаръ будетъ помѣхой его свободѣ, не влюбилъ старика даже еще прежде начала книжной премудрости. Наконецъ наступилъ и легкій день — четвергъ. Фіона Алексѣевна еще до разсвѣта оросила своего единственнаго и любимаго сына горькими слезами, думая, что ученіе азбуки равносильно, по-крайней-мѣрѣ, пыткамъ Іоанна Грознаго, надала ему орѣховъ, пряниковъ столько, сколько Петруша могъ помѣстить себѣ въ карманы и за пазаху, потомъ увела его въ комнату, которая, по множеству помѣщенныхъ въ ней образовъ, носила названіе *образной* горницы. Тутъ пришла въ голову Фіонѣ Алексѣевнѣ мысль: «нельзя-ли, вмѣсто Пети, начать учить грамотѣ любимую Палашку? Она дѣвка смышленная да, кромѣ того, съ помощью двухвостки она и выучилась бы скорѣе. Почему не былъ этотъ проектъ приведенъ въ исполненіе — не знаю. Здѣсь она помолилась Богу, и конечно, эта молитва была отъ чистаго сердца, хотя и огрубѣлаго, но все-таки сердца любящей матери, которой уже рисовало воображеніе, что эта азбука приступъ къ тому, что Петруша уже скоро выйдетъ изъ дѣтскаго возраста и что отецъ увезетъ его на службу, а слѣдовательно оторветъ отъ груди матери; что и Петрушѣ завьютъ букли, заплетутъ косу, надѣнутъ безконечной длины камзолъ и наконецъ — что всего страшнѣе — привяжутъ къ боку большущую саблю, которой Петруша какъ-разъ можетъ порѣзаться. И много картинъ на эту грустную тему являлось глазамъ Фіоны Алексѣевны. Потомъ Петруша былъ благословленъ образомъ и еще разъ омоченъ горячими слезами... Андрей Петровичъ также позвалъ Петрушу къ себѣ, далъ ему приличныя случаю наставленія, что уже будетъ ему гонять собакъ, пора приниматься за дѣло; что еще годка три, много,

четыре, а тамъ пора и въ полкъ, на службу матушки-государыни. Петруша молча выслушалъ все это и даже не заплакалъ, сильно боясь отца; но когда Андрей Петровичъ, чтобы поощрить Петю, сказалъ, что и на него надѣнуть мундиръ съ блестящими пуговицами и саблю, то это такъ заняло ребенка, что онъ въ эту минуту готовъ былъ примириться и съ Захаромъ и съ грязной, уже разсматриванной имъ азбукой и съ пестрыми различными величинъ указками. Потомъ Андрей Петровичъ перекрестилъ Петрушу и ввелъ въ большую, назначенную для ученя комнату. Здѣсь доморощенный педагогъ уже ожидалъ своего питомца во всемъ блескѣ своего новаго халата, съ бѣлою льняною косынкою на шеѣ и въ однихъ шерстяныхъ чулкахъ, боясь замарать полы въ хоромахъ своими валенками или пимами. Захаръ даже промыслилъ гдѣ-то очки, съ однимъ стекломъ ужасной величины и болѣе походившимъ на мельничный жерновъ, чѣмъ на стекло инструмента, усиливающего зрѣніе. Захаръ, при входѣ Андрея Петровича, почтительно подошелъ къ ручкѣ барина и потомъ, послѣ просьбы учить Петрушу хорошенько и смотрѣть, чтобы онъ не шалилъ, отвѣчалъ: «не извольте сумлеваться, батюшка Андрей Петровичъ, баричъ смысленый, грамоту разомъ отваяемъ! Мы холопы и кому же служить намъ, коли не *господамъ*?» Итакъ, первый урокъ ученя азбуки начался; а какъ Петруша очень боялся своего отца, и Андрей Петровичъ, въ этотъ прїездъ, довольно долго жилъ въ деревнѣ, то и грамота пошла довольно успѣшно, *зело, кси и пси* быстро промелькнули предъ глазами Петруши, благодаря его природной сметливости и хорошей памяти, такъ-что въ скоромъ времени уже явились на сцену и склады. Захаръ гдѣ-то былъ любимцемъ Фіоны Алексѣевны и уже ему больше не говорилось: «тебѣ, старый чортъ, пора бы и умирать, чѣмъ даромъ есть барскій хлѣбъ!» Завтракъ, конечно, довольно вкусный, и каждый день приличная выпивка постоянно получались старикомъ, и онъ былъ совершенно доволенъ своей судьбой. Даже и дворовые оказывали Захару какое-то особенное расположеніе, боясь, чтобы какъ нибудь старый дуракъ не разсказалъ про разные ихъ грѣшки барынѣ.

Наконецъ Андрей Петровичъ долженъ былъ ѣхать опять къ мѣсту своей службы, наказавъ передъ отъѣздомъ Фіонѣ Алексѣевнѣ, чтобы она ученя Петруши отнюдь не бросала, и что если Петя не будетъ скоро хорошо читать и писать, то вся

отвѣтственность падеть на нее. А такъ-какъ Фіона Алексѣевна знала, что въ подобныхъ случаяхъ не исполнить приказаній мужа было несоветно выгодно, то Захаръ и продолжалъ акуратно свои уроки. Правда, что эти занятія россійской грамотой уже не были такъ продолжительны и не подчинялись такой дисциплинѣ, какъ это было при Андрей Петровичѣ, но все-таки ученіе шло, а этого было достаточно, чтобы выучиться всему, что зналъ Захаръ.

Впослѣдствіи даже сама Фіона Алексѣевна сознала крайнюю необходимость знать грамоту: ей часто встрѣчалась надобность подписывать дѣловые бумаги; сначала за нее обыкновенно подписывался кто-нибудь, но ей кто-то объяснилъ, что это не годится и что за нее могутъ подписать такую бумагу, за которую впослѣдствіи ей придется дорого заплатить. Потому Фіона Алексѣевна уже завела другой порядокъ: она садилась за предварительно-прочитанную ей бумагу, а грамотный прикащикъ Ефимъ Алексѣевъ водилъ ее рукою, и такимъ образомъ выходила, если не самая подпись, то что-то въ родѣ этого. Такъ-какъ подобныя операціи повторялись довольно-часто, то Фіона Алексѣевна наконецъ и выучилась уже сама выводить двѣ каракули, которыя, изъ угожденія барынѣ прикащика Ефима Алексѣева называлъ одну *фертъ*, а другую *ауцы*. Обыкновенно, это рукоприкладство совершалось такъ: Фіона Алексѣевна садилась предъ бумагой, которой суждено было украситься двумя невѣдомыми рогульками, а Ефимъ Алексѣевъ обиаживалъ въ чернилахъ перо, вкладывалъ его въ руку барыни, а самую, вооруженную перомъ, руку наставлялъ на то мѣсто бумаги, гдѣ должна быть подпись. И въ этомъ положеніи Фіона Алексѣевна ожидала команды прикащика, который подпирался обѣими руками въ бона, ставилъ прямо ноги и вытягивалъ голову, или просто лично своею фигурою изображалъ желаемую букву, и въ этой фертообразной позѣ говорилъ: «пишите, сударыня, *фертъ*». Фіона Алексѣевна, посмотрѣвъ пристально на Ефима Алексѣева, припоминала букву, — и фертъ былъ готовъ. Послѣ этого прикащикъ опускалъ правую руку, оставляя упертую въ бокъ одну лѣвую и тѣмъ же порядкомъ говорилъ, чтобы сударыня писала *ауцы*; и такимъ образомъ являлась подпись изъ буквъ Ф. и Р.

Протекло еще три года. Петрушѣ минуло двѣнадцать лѣтъ и онъ въ этотъ періодъ времени уже бойко читалъ Часъ словъ и могъ писать, хотя и несоветно-свободно, но выводилъ, по

правиламъ тогдашней каллиграфіи, у буквъ крючки и хвосты самой затѣливой формы, а этого было довольно, чтобы считать себя грамотнымъ. Въ эти же три года старикъ Захаръ успѣлъ умереть и былъ похороненъ въ своемъ заслуженномъ полосатомъ халатѣ, а потому Петя, послѣ смерти своего учителя, около года учился у приходскаго священника.

Въ это время Андрей Петровичъ былъ назначенъ комендантомъ въ Симбирскъ. Пріѣхавъ въ отпускъ въ деревню, онъ сдѣлалъ экзамень и смотръ Петрушѣ и нашолъ его уже годнымъ поступить на службу. Дѣйствительно, Петруша не по лѣтамъ былъ высокъ ростомъ; а крѣпкое, полное сложеніе давало ему видъ пятнадцати или шестнадцатилѣтняго юноши. Это рѣшеніе Андрея Петровича повергло Ѳіону Алексѣевну въ страшное горе; и какъ она ни старалась доказать, что Петруша еще совсѣмъ ребѣнокъ, какъ ни плакала, какъ ни ругала мужа: и распутнымъ, и живодѣромъ, и палачомъ, и разбойникомъ (даже пришла въ такую ярость, что наплевала ему въ глаза), послѣ чего, конечно, произошла маленькая домашняя сцена, кончившаяся тѣмъ, что *шлыкъ* Ѳіоны Алексѣевны улетѣлъ въ другую комнату, но все это не могло измѣнить рѣшенія объ опредѣленіи Петруши на службу. Огорченіе Ѳіоны Алексѣевны было на этотъ разъ такъ велико, что и любимое занятіе хозяйствомъ было почти совершенно ею оставлено и все время посвящено однимъ сборамъ Петруши, и каждая принадлежавшая ему вещь была тщательно ею осмотрѣна и смочена слезами. Чего только не было приготовлено съ Петрушей: орѣховъ, пряниковъ, варенья всевозможныхъ сортовъ, сушеныхъ ягодъ, кокурокъ съ яйцами, слобныхъ лепешекъ, пироговъ и пирожковъ!... Что касается до Петруши, то хотя онъ и собирался на службу съ удовольствіемъ, но какая-то невольная грусть западала въ его душу: онъ обѣгалъ всѣ окрестности своей милой Савруши; слазилъ и на крутую гору, съ вершины которой падалъ внизъ каскадомъ обильный родникъ; побывалъ и въ лѣсу, въ которомъ такъ часто разорялъ гнѣзда птицъ—словомъ, обѣгалъ все, что только можно было обѣгать, и каждое мѣсто, каждый кустикъ умѣли, какъ-будто существа разумныя, напомнить ему что-нибудь изъ его дѣтства!

Андрей же Петровичъ, послѣ объявленнаго рѣшенія о службѣ Пети — что было осенью—уѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ по дѣламъ службы пробылъ, сверхъ ожиданія, дольше, чѣмъ предполагалъ и возвратился въ Саврушу за сыномъ только къ Кре-

ценью, и то на короткое время, желая быть исправнымъ въ своей новой должности. Фіона Алексѣевна вымолила и себѣ дозволеніе Андрея Петровича ѣхать проводить Петрушу до Симбирска и пожить тамъ съ нимъ хотя нѣсколько времени. Андрей Петровичъ, сознавая, что Петя еще очень молодъ для жизни на службѣ одному, рѣшился записать его до полученія офицерскаго чина въ симбирскій батальонъ, гдѣ онъ могъ быть подъ непосредственнымъ надзоромъ его.

Наконецъ насталъ и день отъѣзда. Это было передъ масляницей. Къ крыльцу подвезли двѣ большія рогоженныя повозки... Даже крѣпкая натура Фіоны Алексѣевны не выдержала этого роковаго дня; она, правда, ходила и отдавала приказанія, но это все дѣлалось безсознательно. Люди хлопотали, бѣгали, бранились, укладывались, и суетливость во всемъ домѣ была въ полномъ разгарѣ. Цѣлая толпа любопытныхъ бабъ и босоногихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ окружала крыльцо и повозки. Изящныя ребятишки, съ красными отъ холода ногами, какъ гуси, безпрестанно поджимали то одну, то другую ногу, отогревали дыханьемъ ооченѣвшія руки, а все-таки не уходили домой, на печку, желая посмотреть отъѣздъ барченка.

До Симбирска рѣшено было ѣхать на своихъ лошадяхъ и по пути заѣхать въ село Спасское, гдѣ въ то время жилъ съ семействомъ отецъ Андрея Петровича, Петръ Ивановичъ, чтобы дѣдушка полюбовался на своего внучка и благословилъ его на предстоящее военное поприще. Все уже готово, лошади запряжены и Аванасій, вѣрный слуга Андрея Петровича, явился съ докладомъ. Всѣ сѣли по мѣстамъ, посидѣли безмолвно нѣсколько секундъ... Но Андрей Петровичъ всталъ и это было сигналомъ отъѣзда; помолились Богу и потомъ стали одѣваться въ дорожное платье; затѣмъ слѣдовало прощанье со всѣми людьми, и эти люди плакали, и плакали, конечно, отъ чистаго сердца. Всѣ разошлись по мѣстамъ: Андрей Петровичъ съ Аванасьемъ сѣлъ въ переднюю повозку, а Фіона Алексѣевна, Петя и Палашка въ заднюю; но Фіона Алексѣевна не помнила даже, какъ ее втокнули, усадили и окутали. Раздался свистъ кучеровъ, длинные гусевыя кнуты щелкнули и двѣ тройки сытыхъ небольшого роста лошадей, запряженныхъ гусемъ (одна за другою) полетѣли по узкой проселочной дорогѣ. Вся собравшаяся публика постояла нѣсколько минутъ, провожая повозки глазами... Экипажи выѣхали на горку и скрылись изъ виду: смотрѣть уже

больше было нечего и всѣ разошлись по своимъ домамъ, громко разговаривая и радуясь, что теперь безъ Фіоны Алексѣевны будетъ повольготнѣе. Савруша опустѣла, ставни у дома захлопнулись, а первый буранъ занесъ и слѣдъ къ дому, какъ-будто онъ никогда не былъ обитаемъ. Бойко бѣжали лошади по узкой, но довольно-торной дорогѣ, которая змѣйкой извивалась впереди... Морозное, но ясное зимнее утро покрывало лица сѣдоковъ яркимъ румянцемъ. Снѣгъ блестялъ миллионами искръ, освѣщенный яркими лучами солнца. Миновали околицу; родникъ, падающій съ горы, остался назади влѣвѣ; вправо вилась рѣчка Савруша, заваленная снѣгомъ такъ, что одни кусты тальника, растущаго по ея берегамъ, напоминали о ея существованіи. Дымъ изъ трубъ топившихся крестьянскихъ избъ, столбами, самой разнообразной формы, тихо поднимался кверху, и послѣ того, какъ Савруша уже совсѣмъ скрылась изъ вида, за пересѣченною мѣстностію, эти причудливыя, освѣщенные солнцемъ, дымныя колоннады еще долго-долго были видимы. Экипажи въѣхали въ лѣсъ; дорога была ухабиста, повозки то быстро выскакивали на бугорокъ, то стремительно слетали въ глубокій ухабъ, потомъ опять въѣзжали на возвышенность и только для того, чтобы снова скатиться въ такую же выбоину, и это продолжалось неизмѣнно впродолженіе всей дороги лѣсомъ. Деревья, покрытыя инеемъ и снѣгомъ, казались густо-покрытыми листьями, только не зелеными, а ярко-ослѣпительнаго бѣлаго цвѣта, и стоило задѣть чѣмъ-нибудь одну вѣтку, чтобы вась осыпало съ головы до ногъ.

Осталась наконецъ назади и Сокъ-Кармала, которая въ то время была маленькой, грязной деревушкой, состоявшей изъ десяти или пятнадцати избъ, населенныхъ одними мордвами.

Изъ Сокъ-Кармалы, нужно было подняться въ гору, потомъ, проѣхавъ версты четыре, переѣхать довольно-значительную, а особенно въ то время, рѣку Сокъ, которой противоположный нагорный берегъ чрезвычайно гористъ, а горы чрезвычайно красивы своими прихотливыми и разнообразными формами. И до-сихъ-поръ эта гористая мѣстность покрыта кустарниками и молодыми деревьями; тогда же здѣсь были сплошные непроходимые лѣса, которыхъ признаки сохранились и теперь. Далѣе тянулась степь, но на горизонтѣ виднѣлись горы, мѣстами покрытыя лѣсами, а мѣстами высокими ковылемъ, ко-

того, вершины видѣлись изъ-подъ лѣса и качались, волнуемы вѣтромъ.

Вотъ показалаея и Дымская деревня, населенная башкирцами и получившая свое названіе отъ рѣки Дымки, на берегу которой, на довольно-низменной мѣстности она расположена. Деревня Дымская не отличалась и тогда ничѣмъ особеннымъ; кромя того, что она поселена на хорошей рѣкѣ, въ двадцати верстахъ отъ впаденія ея въ болѣе значительную рѣку Икъ.

Дымская состояла изъ значительнаго числа башкирскихъ домовъ, или юртъ; но эти юрты были обитаемы только въ зимнее время, лѣто же башкирцы съ своими табунами кочевали въ кибиткахъ въ степи; и когда корму на избранной мѣстности для скота уже становилось мало, перекочевывали на другое, свѣжее, привольное мѣсто, и такимъ образомъ кочевки начинались тотчасъ же, какъ растаетъ снѣгъ, и продолжались все лѣто и осень, пока глубокіе снѣга и сильный холодъ не заставятъ башкирцевъ вспомнить объ оставленныхъ ими юртахъ.

Но вотъ показалось вдали и село Спасское, расположенное на ровной и прекрасной мѣстности. Избы крестьянъ были расположены въ два порядка и хорошо выстроены. Церковь, которая существуетъ и теперь, тогда только-что была построена Петромъ Ивановичемъ, который село Спасское избралъ мѣстомъ своего жительства; архитектура церкви не отличается ни-чѣмъ отъ обыкновенныхъ сельскихъ церквей, но, по тогдашнему, она была отдѣлана очень хорошо и считалась лучшею во всей окрестности. Господскій домъ былъ выстроенъ въ рядъ съ церковью и былъ одноэтажный, съ небольшими окнами и дверьми, и особенно это сильно бросалось въ глаза оттого, что домъ былъ очень великъ и состоялъ изъ двадцати, преимущественно большихъ, комнатъ. Онъ былъ покрытъ лубками и имѣлъ крутое каменное подъездное крыльцо съ улицы.

Дверь былъ обнесенъ высокими деревянными заборами и застроенъ разными хозяйственными постройками: кухней, погребами, людскими, конюшнями и проч. Домъ хотя былъ и недавно выстроенъ, но смотрѣлъ какъ-то грустно своими маленькими окнами, а черный цвѣтъ потемнѣвшей отъ дождя лубочной крыши придавалъ ему еще болѣе угрюмости и мрачности. Противъ дома, черезъ дорогу былъ расположенъ большой садъ,

еще только тогда засаженный соснами, березами, яблонями, и былъ также огороженъ высокими заборами и рѣшотчатыми воротами противъ середины дома. Вблизи дома, почти около самой кухни, вытекалъ изъ бугорка огромный родникъ, въ которомъ воды теперь едва-ли осталась четвертая часть, хотя онъ довольно-великъ и въ настоящее время.

Но вотъ къ каменому крыльцу подъѣхали двѣ тройки, утомленные пятидесятипяти-верстной ухабистой дорогой. Петръ Ивановичъ былъ чрезвычайно обрадованъ прїѣздомъ сына, къ которому всегда былъ необыкновенно-нѣженъ; Петя былъ обласканъ дѣдушкой, и хотя онъ и прежде бывалъ въ селѣ Спасскомъ, но ему какъ-то было неловко въ большомъ семействѣ, и онъ невольно вспомнилъ о милой Саврушѣ, гдѣ ему было такъ привольно, такъ легко, и гдѣ ничто не стѣсняло развитой однимъ влїяніемъ природы его свободной натуры.

Юлія Алексѣевна хотя и была принята также очень ласково и съ большимъ радушіемъ, но она знала очень хорошо, что дочери Петра Ивановича считали себя во всемъ выше ея, а потому, когда представлялся случай, не упускали возможности какъ-нибудь кольнуть или унижить свою милую сестру. Юлія Алексѣевна также заочно не пропускала случая перебить косточки своимъ золовкамъ: названія *блѣноручекъ*, *недѣлухъ* и что онѣ тремъ свиньямъ не умѣютъ дать корма, часто высказывались Юліей Алексѣевной всѣмъ безъ исключенія и при каждомъ удобномъ случаѣ.

Такъ-какъ Андрей Петровичъ торопился въ Симбирскъ, то Петръ Ивановичъ, зная это, и не настаивалъ на томъ, чтобы онъ пробылъ дольше въ Спасскомъ, а потому и было рѣшено пробыть только слѣдующій день и потомъ снова продолжать путь, чѣмъ Юлія Алексѣевна была очень довольна.

На другой день Петръ Ивановичъ подарилъ внуку на обмундировку двѣсти рублей. Въ этотъ же день Петръ Ивановичъ, Андрей Петровичъ и Петя были у обѣдни, по окончаніи которой отслужили напутственный молебенъ.

III.

Поутру въ субботу, позавтракавъ и простясь съ Петромъ Ивановичемъ, Еленой Денисьевной и всѣмъ семействомъ, Андрей

Петровичъ продолжалъ путь дальше. Тогда дороги были вообще очень затруднительны. Переѣзды дѣлались не одинаковые; иногда *ярзиска* была очень значительна, а иногда очень мала, и все это зависѣло отъ попадавшихся на пути селеній. Въ пятый день поутру, по отѣздѣ изъ Спасскаго, наконецъ показался и Симбирскъ, расположенный по крутой горѣ, на противоположномъ нагорномъ берегу Волги. Городъ этотъ и теперь не можетъ похвалиться своею щеголеватостью: только видъ Волги и окрестностей, со множествомъ фруктовыхъ садовъ, придаетъ ему особенный, довольно-живописный характеръ; тогда же Симбирскъ, по рассказамъ современниковъ, состоялъ изъ низкихъ домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ по горѣ, и нѣсколько церквей составляли все украшеніе города. Даже садовъ было очень мало, и тѣ были разбросаны какъ-то безпорядочно и безъ всякой симметріи. Впрочемъ, было нѣсколько и каменныхъ домовъ, изъ которыхъ, по величинѣ, бросались въ глаза домъ, занимаемый наместническимъ управленіемъ и большая, старая, подслѣповатой архитектуры деревянная казарма. Переѣхавъ Волгу по льду и взобравшись съ большими трудностями на крутую, почти вертикально-стоящую, гору, Андрей Петровичъ съ своимъ семействомъ подѣхалъ къ находившейся недалеко отъ бывшей тогда площади своей квартирѣ, нанятой у какого-то купца Ииселева и состоявшей изъ пятиконнаго низенькаго деревяннаго дома, покрытаго драньемъ.

Приѣхавъ на новое мѣсто жительства, Ѳіона Алексѣевна сейчасъ же занялась устройствомъ новаго хозяйства. Вскорѣ послѣ этого прибылъ изъ деревни обозъ съ разными разностями, въ томъ числѣ и съ прислугою, а потому ей открылось опять хозяйственное поприще дѣйствій, конечно, не такое обширное, какъ въ Саврушѣ, но все-таки достаточное для того, чтобы кричать и браниться безъ умолку, съ утра до ночи. Андрей Петровичъ, по приѣздѣ, нанялъ сыну для дальнѣйшаго образованія учителя, который ходилъ каждый день; но чему онъ училъ и какъ шло ученье—это осталось невзвѣстнымъ. Службой Петръ Андреевичъ не занимался совершенно, какъ потому, что тогда дворяне принимались за службу по полученіи офицерскаго чина, а до этого только числились въ военныхъ спискахъ, такъ, можетъ быть, и по правамъ сына коменданта. Ѳіона Алексѣевна проживъ въ Симбирскѣ нѣсколько мѣсяцевъ, уѣхала опять въ деревню, и какъ ей ни грустно было разстаться съ единственнымъ сыномъ, однако хозяйственныя хлопоты и не-

обходимость ея личнаго присутствія въ Саврушѣ заставили ее рѣшиться на эту жертву. Обѣщаніе же Андрея Петровича отпустить Петра Андреевича въ деревню нѣсколько успокоило ее и она уже заранѣе представляла себѣ пріятную картину пріѣзда сына въ отпускъ.

На Петра Андреевича жизнь въ Симбирскѣ въ обществѣ людей, хотя и необразованныхъ, но все таки жившихъ когда-то и выдавшихъ общество того времени, подѣйствовала благотворно. Онъ уже больше не дичился, видя постоянно общество офицеровъ и другихъ должностныхъ лицъ, безпрестанно посѣщавшихъ домъ отца его, который любилъ общество и вообще жизнь военную, разнообразную. Кромѣ того, Андрей Петровичъ часто бралъ сына съ собою въ дома, составлявшіе тогда лучшее общество Симбирска, и такимъ образомъ всѣ странности и угловатости, какъ необходимыя слѣдствія жизни безъ всякаго общества, кромѣ своихъ крѣпостныхъ людей, въ глуши въ деревнѣ прошли, изгладились. Петръ Андреевичъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, имѣлъ добрую, привлекательную наружность и умѣлъ уже танцевать *минуэты* и *экосезы*. А имѣи онъ поменьше застѣнчивости, и больше храбрости, подходя къ *робронамъ* и неизмѣримой высоты чешамъ тогдашнихъ красавицъ, которыя и тогда были недоступны только на видъ, то и сердечныя дѣла его были бы въ должномъ порядкѣ. Но такъ какъ Петру Андреевичу тогда только что исполнилось четырнадцать лѣтъ, а подходилъ онъ къ дамамъ только по самой крайней необходимости и то съ ужасной робостью и краской на щекахъ, то ему еще и въ голову не приходили подобнаго рода соблазнительныя идеи. Но если ему являлась фантазія развлечь себя чѣмъ-нибудь порядочнымъ, то онъ уходилъ въ свою спальню, выдвигалъ изъ-подъ кровати суднучокъ, называемый *лакомникомъ*, и принимался за родные маковники, сушенныя ягоды и прочія сладости. И былъ совершенно доволенъ и счастливъ, и никакія прелести нашихъ бабушекъ и прабабушекъ тогда не соблазнили бы и не оторвали бы его отъ этого мирнаго невиннаго занятія!

Такимъ образомъ прошли два года: Петръ Андреевичъ сильно измѣнился болѣе окрѣпъ и возмужалъ, но еще все-таки сквозь все это проглядывало что-то дѣтское, несвойственное наружности взрослого, сформировавшагося человѣка. Въ это же время онъ былъ уже представленъ къ производству въ офицерскій чинъ,

этому что положенный закономъ двухгодичный срокъ въ ниж-
ней чинѣ прешолъ.

Вскорѣ исполнилось давнишнее желаніе Петра Андреевича по-
бывать въ своей дорогой Саврушѣ. Андрей Петровичъ, желая
скорѣе отвязаться, чѣмъ исполнить безпрестанныя просьбы
Юоны Алексѣевны отпустить къ ней сына, наконецъ согла-
сился на это, предполагая перевести сына въ одинъ изъ ар-
мейскихъ полковъ, вскорѣ по полученіи офицерскаго чина. Сбо-
ры Петра Андреевича въ деревню были непродолжительны; онъ
всю ночь не спалъ, укладываясь въ дорогу, и на другой же
день поутру Аванасій съ молодымъ барининомъ уже сидѣли въ
кибиткѣ, запряженной тройкой лошадей, нанятыхъ отъ Симбир-
ска до сельца Савруши. Тройка тронулась и городъ скоро ос-
тался назадъ; вотъ кибитка медленно, осторожно спустилась съ
крутой горы и остановилась у перевоза на пещаномъ отлогомъ
берегу Волги.

Подали паромъ. Кибитка и лошади были осторожно постав-
лены на него. Всѣ размѣстились по мѣстамъ. Петръ Андреевичъ
чувствовалъ какое-то особенное удовольствіе, смотря, какъ Сим-
бирскъ на своей крутой горѣ удалялся все больше и больше.
Паромъ плавно, лѣниво покачивался; небольшія волны однооб-
разно ударялись о борты лодокъ; гребцы дружно работали вес-
лами... Но раздался: «шабашъ!»—и всѣ засуетились: кибитка
была вывезена на берегъ, лошади запряжены, колокольчикъ
опять зазвенѣлъ и этотъ звонъ пріятно отозвался въ сердцѣ
Петра Андреевича.

Такъ какъ это было лѣтомъ, то не было надобности сообра-
жаться съ селеніями, чтобъ непремѣнно въ нихъ останавливать-
ся ночевать или кормить лошадей: кормить съ собой и первый
ручей или рѣчка могли служить удобнымъ мѣстомъ ночлега.
Дорога была хороша, время стояло сухое и лошади легко про-
бѣгали въ сутки восемьдесятъ и даже болѣе верстъ. И Миле-
кесь остался далеко назадъ; проѣхали и село Спасское съ его
каменнымъ домомъ, садомъ и церковью, но Петръ Андреевичъ
здѣсь не остановился, потому что Петра Ивановича и всего его
семейства не было дома; промелькнула и Дымская, въ которой
въ это время не было ни одного живого существа, и Сокъ-Кар-
нала съ своими лачужками показалась и осталась назадъ... Ка-
кое-то тревожное, радостное чувство наполнило сердце Петра Ан-

древнича: онъ готовъ былъ выскочить изъ кибитки и бѣжать, въ надеждѣ, что опередитъ тройку, быстро несшуюся по узкой, каменистой, проселочной дорогѣ, между полей и лѣсовъ обширной дачи сельца Савруши. Проѣхали нижній колодезь, показавшаяся рѣчка Савруша, обросшая частыми кустами, поровнявшись съ родникомъ, который такъ живописно падаетъ съ крутой горы. Вотъ и Савруша: и барскій домъ на берегу рѣки съ своими службами, и порядки крестьянскихъ избъ, съ своими неизмѣнными соломенными крышами. Петръ Андреевичъ не помнилъ, какъ онъ подъѣхалъ къ дому, и лошади еще едва-ли были остановлены, а онъ уже стоялъ на ступеняхъ крыльца въ объятыхъ матери. Суета поднялась страшная; люди заходили, забѣгали и все мирное населеніе Савруши какъ будто пробудилось отъ долгаго летаргическаго сна.

Хотя Петръ Андреевичъ уже и не былъ ребѣнкомъ, какимъ онъ уѣхалъ изъ Савруши, но его все занимало почти по старому: онъ ѣздилъ по полямъ, гулялъ по окрестностямъ, и длинный лѣтній день казался ему короткимъ. Одно только непріятно подѣйствовало на Петра Андреевича, эта постоянная брань, крикъ и драка Фіоны Алексѣевны. Сначала, когда онъ жилъ въ деревнѣ, это ему казалось должнымъ, необходимымъ: онъ даже не обращалъ вниманія на эти сцены, думая, что всѣ такъ поступаютъ съ людьми и что съ ними иначе нельзя обращаться. Часто Фіона Алексѣевна при Петрѣ Андреевичѣ говорила о людяхъ, что это свиньи, изъ которыхъ если и можно что-нибудь сдѣлать, то кнутомъ или палкой! Эта аксіома еще съ дѣтства врѣзалась въ памяти и Петра Андреевича. Теперь же, проживъ долго въ Симбирскѣ, онъ успѣлъ забыть эту мудрую истину и видѣлъ, что Андрей Петровичъ съ людьми обращается не такъ, какъ Фіона Алексѣевна, и ему часто приходилъ въ голову вопросъ: отчего это у Фіоны Алексѣевны всегда въ домѣ такой шумъ и гвалтъ, тогда какъ въ ихъ симбирской квартирѣ хотя бываетъ и больше народу, но все идетъ тихо и смирно? Разрѣшилъ ли нѣтъ онъ эту задачу—осталось неизвѣстнымъ, но только Фіона Алексѣевна, по-старому, продолжала кричать, а Петръ Андреевичъ покойно жилъ въ деревнѣ и ему казалось, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ мѣста, гдѣ было бы такъ весело и такъ хорошо, какъ въ Саврушѣ.

Изъ сосѣдей только и ѣздилъ къ Фіонѣ Алексѣевнѣ и даже

была сильная ей пріятельница помѣщица Ра—ва. Она была высокого роста, носила короткія, самаго дешеваго ситца платья; на головѣ всегда былъ надѣтъ грязный бѣлый чепецъ, съ огромными оборками, а ноги были знакомы съ башмаками только въ гостяхъ, обыкновенная же обувь ея состояла изъ дѣтяныхъ мужицкихъ сапогъ, съ длинными голенищами. Ес можно было встрѣтить на всѣхъ ярмаркахъ, куда пріѣзжая, она нередко привозила съ собой, на продажу по нѣсколько дѣвокъ, мѣняла ихъ на коровъ, на лошадей, продавала на деньги, нисколько не считая постыдной такого рода промышленности, и даже ею гордилась; а если кто сомнѣвался въ достоинствѣ товара, то обижалась, говоря: «я, батюшка, не подлячка какая, что стану торговать негодняками: дѣвки все рукодѣльницы и съ поведеньемъ! Выходя на базаръ, она постоянно толкалась между чернымъ народомъ покупая ведры, лукошки, чугуны, кадушки, лагуны, хомуты и другія необходимыя въ хозяйствѣ вещи. Съ ней часто являлись и двое стариковъ-братьевъ, также помѣщиковъ, которыхъ только и можно было видѣть на торжищахъ: они носили, вмѣсто шапокъ, татарскіе *мамазаны*, нагольные бѣлые овчинные тулупы, а на ногахъ валенки; лѣтній же костюмъ, конечно, соответствовалъ зимнему. Г. Ра — кова и въ своей деревнѣ жила, не стѣснялась этикетомъ: если у кого-нибудь изъ крестьянъ была назначена вечеринка, то и барыня съ своими дѣвками отправлялась туда же и за гребнемъ проводила цѣлый вечеръ. Она ходила и по *супрядкамъ* *, и лично своими кулаками *топала* крестьянскія сукна, и за работу точно также, наравнѣ съ другими, была угощаема виномъ, пивомъ и пирогами. Г. Ра—кова кончила свое земное поприще очень плачевно: ее нашли на гуннѣ мертвою: была ли она убита, или умерла своей смертью — не знаю.

Вернемся однако къ нашему разсказу: время клонилось уже къ осени; зелень полей начала терять свою свѣжесть; показались и на деревьяхъ желтыя листья, а въ особенности осыны и липы мѣстами уже облетѣли совсѣмъ. Жнитво яро-

* Супрядкой называется также вечеринка, цѣль которой состоитъ въ томъ, что приходятъ не пріять, а валать вытканная сукна. Хотя валяютъ сукна руками, но крестьянки никогда не скажутъ, приглашая сосѣдей: «приходи валать сукна», а непременно: «приходи топтать сукна! Сукна прежде дѣйствительно валяли ногами, а потому выраженіе *топтать* осталось въ употребленіи и до-сихъ-поръ.

вого почти оканчивалось и наступала возка хлѣба въ гумна. По утрамъ были морозы, которые отнимали и послѣднюю, уже и безъ того истощенную, силу растительности. Трава хотя еще и не потеряла совершенно зеленого цвѣта, но, не имѣя сочности, шумѣла подъ ногами и хрустѣла, какъ сухое сѣно. Только на горахъ волновался, качаемый осеннимъ вѣтромъ, волокушастый ковыль, между которымъ цѣлыми кучами мелькали дикія астры, съ мелкими сѣренькими цвѣтами. Поля, засѣянные озимью, ярко зеленѣлись вдали, разгилаясь коврами, и пріятно манили къ себѣ зрѣніе. Ночи были темны, дни коротки. Тенетники летали въ воздухѣ, то свиваясь въ хлопокъ, то тянулись длинными нитями, гонимые осеннимъ острымъ, пронзительнымъ вѣтромъ. Птицы уже не пѣли, только кричали грачи и галки, собравшись въ огромныя артели, поднимались высоко къверху и съ сильнымъ шумомъ и свистомъ вся стая играла, дѣлая разныя нестройныя эволюціи въ воздухѣ и потомъ, утомясь, съ крикомъ опускалась или на заборъ, или на землю, и нѣкоторые чинно сидѣли, а другіе ходили, пригрѣваемые слабыми лучами осенняго солнца. Часто турлыкали журавли, летя высоко длинными вереницами; пролетала съ пискомъ стая скворцовъ и воробьевъ, или жирныя дикія утки, испуганныя чѣмъ-нибудь, лѣниво и тяжело поднимались протяжно квакая, дѣлали кругъ и опять плавно опускались на воду. Но утрамъ являлась близъ жилья уже и сплетница - прыгуныя сорока: поживится косточкой, попрыгаетъ, пощекочетъ и опять скроется.

Въ это время было въ Саврушѣ получено письмо изъ Симбирска отъ Андрея Петровича, въ которомъ онъ поздравлялъ сына съ полученіемъ чина прапорщика и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминалъ ему, что пора уже и явиться въ батальонъ на службу, что скоро наступитъ осенняя слякоть, дороги испортятся и черезъ Волгу будетъ трудно пересѣсться.

Это письмо, съ радостною вѣстью подѣйствовало однако не радостно: Оіонъ Алексѣевичъ, оно напоминало, что ей нужно разстаться съ сыномъ, а Петру Андреевичу, кромѣ разлуки съ матерью, предстояло еще уѣхать изъ Савруши, которую онъ такъ сильно любилъ, и гдѣ свободная, правильная жизнь такъ пришла къ нему по-сердцу.

Но дѣлать было нечего, начались сборы, и какъ отъѣздъ не былъ откладываемъ, то необходимость заставляла поспѣшить,

потому-что съ каждымъ днемъ погода становилась хуже: осень же сильнѣе и сильнѣе вступала въ свои права, и Петръ Андреевичъ, напутствованный слезами и благословеніями матери, наконецъ уѣхалъ.

Между тѣмъ наступилъ страшный годъ пугачевского бунта, который, какъ потокъ лавы, охватилъ весь Оренбургскій край. Имя Петра Федоровича магически дѣйствовало на всѣхъ и всѣ окрестности въ самое короткое время наводнены были шайками бунтовщиковъ... Являлось какое-нибудь лицо, называло себя посланнымъ отъ Пугачова, набирало шайку и отправлялось съ ней по селамъ и деревнямъ вѣшать помещиковъ и прикащиковъ, грабить ихъ имущества и жечь дома. Развратъ, пьянство и всевозможныя злодѣянія совершались непрерывно. Народъ какъ-будто одурѣлъ отъ вдругъ нечаянно попавшаго ему въ руки могущества: всякій дѣлалъ, что хотѣлъ не боясь ничего, зная, что не будетъ наказанъ. Совершая злодѣянія, онъ видѣлъ въ нихъ не преступленіе, а, напротивъ, гордился своими подвигами. Всякій былъ предоставленъ самому себѣ: всѣ начальствующія лица разбѣжались, возстановить спокойствія въ народѣ было некому; только побѣгъ былъ единственною возможностью спасенія, потому-что средствъ къ прекращенію беспорядковъ не было никакихъ. Много дворянскихъ семействъ, неуспѣвшихъ заблаговременно уѣхать изъ имѣній въ ближайшіе города, заплатились за свою оплошность жизнью. Трупы убитыхъ людей валялись по улицамъ селъ и деревень; деревенское удовольствіе—качели превратились въ висѣлицы, на которыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ трупы жертвъ висѣли, качаемые вѣтромъ; на мѣстахъ господскихъ домовъ и другихъ хозяйственныхъ строеній валялись однѣ головни и кучи золы и пепла. Пьяный народъ, сжигая господскія усадьбы, часто и самъ бывалъ за это наказанъ: искра отъ пожара падала на крестьянскія соломенные крыши и цѣлыя селенія были пожираемы пламенемъ. По рассказамъ современниковъ, каждую ночь видѣлись зарева пожаровъ то тамъ, то тутъ. Шайки башкирцевъ и мужиковъ, съ косами, съ топорами и саблями и даже просто съ обожженными палками, вмѣсто пикъ, ѣздили по всѣмъ направленіямъ, грабя всѣхъ, кто только попадался подъ-руку, и убивая, если попавшіеся оказывали хотя малѣйшее сопротивленіе.

Много было случаевъ, когда вѣрностные люди, подвергая се-

бя опасности, спасали своихъ господъ, укрывали ихъ въ дѣсахъ, въ подпольяхъ избѣ и вездѣ, гдѣ только находили, что они не могутъ быть найденными; но много было людей, обласканныхъ своими господами, имѣвшихъ всѣ удобства безбѣдной жизни, которые прежде пользовались особенной любовью и расположеніемъ помѣщиковъ, а въ это время дѣлались явными врагами своихъ господъ и очень часто ихъ убійцами.

Беспорядки, наводнявшіе край, наконецъ проникли во всѣ его закоулки и даже въ окрестностяхъ уединенной Савруши показались шайки послѣдователей Пугачева, стали совершаться убійства и другіе беспорядки и умы были въ сильномъ волненіи, а одно событіе могло эту видимую тишину превратить въ страшную бурю.

Всѣ эти слухи стали доноситься до Фіоны Алексѣевны, которая, видя, что оставаться въ деревнѣ долѣе было опасно, наскоро собралась и ночью же уѣхала въ Симбирскъ, куда и прибыла благополучно, хотя, на всемъ протяженіи пути волненіе народа уже было очень замѣтно.

IV.

Въ Симбирскъ безпрестанно пріѣзжали дворяне цѣлыми семействами, бѣжавъ изъ своихъ имѣній; слухи доносились самые неприятные; шайки бунтовщиковъ наводняли окрестности; села и деревни, поджигаемыя, истреблялись пожарами; днемъ столбы дыма, а ночью яркія полосы зарева безпрестанно были видимы на горизонтѣ; убійства и грабежи совершались въ окрестностяхъ Симбирска безпрестанно. Много извѣстій о самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ было привозимо вновь пріѣзжавшими въ городъ помѣщиками. Наконецъ было получено извѣстіе, что нѣкто Фирска собралъ шайку бунтовщиковъ въ значительныхъ силахъ, съ цѣлью разграбить уѣздные города и даже угрожать самому Симбирску.

Андрей Петровичъ рѣшился наказать мятежниковъ, не давъ имъ времени еще больше усилиться. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія къ сохраненію порядка, а въ случаѣ необходимости, и къ защитѣ города, онъ сдалъ свою должность коменданта начальнику батальона, а самъ, съ отрядомъ изъ четырехсотъ человекъ, при одномъ небольшого калибра чугунномъ орудіи, выступилъ изъ Симбирска. Андрей Петровичъ предполагалъ,

то такого, хотя по величинѣ и ничтожнаго, но, по тогдашнему, хорошо вооруженнаго отряда совершенно было достаточно, чтобы разбить скопище Фирски, состоявшее изъ равнаго сброда мужиковъ и башкирцевъ, почти невооруженныхъ и неводчиненныхъ никакой дисциплинѣ. Кромѣ того, войска въ Симбирскѣ было не больше тысячи человекъ, считая тутъ всѣхъ безъ исключенія, а потому и городъ оставить безъ обороны было невозможно.

Петръ Андреевичъ, несмотря на брань и слезы Юоны Алексеевны, съ вѣрными слугами Аванасеемъ, былъ также взятъ отъ полка съ собою. Отрядъ выступилъ изъ Симбирска передъ вечеромъ, и пройдя пятнадцать или двадцать верстъ, расположился на ночлегъ. Въ окрестныя селенія были посланы развѣдчики изъ казаковъ развѣдать о мѣстѣ пребыванія главныхъ шайкъ мятежниковъ; но они возвратились, не узнавъ ничего: все населеніе деревень или пряталось отъ нихъ, или, просто, не отвѣчало ни на какіе вопросы, утверждая, что они ничего не знаютъ. Такимъ образомъ, Андрей Петровичъ продолжалъ путь и вездѣ съ прибытіемъ его восстанавливалось спокойствіе: шайки бунтовщиковъ бѣжали при одномъ слухѣ о приближеніи отряда войскъ. Было получено извѣстіе, что главное ихъ скопище, подъ личнымъ предводительствомъ Фирски, собралось въ окрестностяхъ Корсуна, и Андрей Петровичъ немедленно усиленными переходами, пошелъ туда съ цѣлью разгромить самое гнѣздо злодѣевъ. Съ приближеніемъ отряда къ мѣсту главнаго притона Фирски, шайки попадались чаще и уже въ довольно значительныхъ массахъ, но, при одномъ видѣ войска, удалялись, бросая грабежи; по направлению къ Корсуну. Наконецъ на послѣднемъ ночлегѣ были получены свѣдѣнія, что шайка Фирски состоитъ больше, чѣмъ изъ семи тысячъ человекъ; но это извѣстіе не утратило Андрея Петровича и онъ, давъ только отдохнуть командѣ, ночью же выступилъ на встрѣчу бунтовщикамъ. Фирска же, получивъ извѣстіе о ничтожныхъ силахъ отряда, рѣшился самъ предупредить ударъ и до разсвѣта со всей шайкой, состоявшей дѣйствительно почти изъ семи тысячъ человекъ, выступилъ на встрѣчу Андрея Петровича. Начало свѣтать; утро было туманно... Въ десяти верстахъ отъ Корсуна стали показываться пѣлыя толпы верховыхъ; отрядъ же продолжалъ идти впередъ. Поднявшись на возвышенность, Андрей Петровичъ увидѣлъ, что тысячи бунтовщиковъ идутъ къ нему на встрѣчу цѣ-

стройными толпами. Отряду велѣно было приготовиться, и наконецъ, въ пяти верстахъ отъ Корсуна, противники сошлись и остановились другъ отъ друга на разстояніи ближняго картечнаго выстрѣла. Андрей Петровичъ послалъ казака съ приказаніемъ, чтобы сейчасъ же Фирска былъ приведенъ и чтобы всѣ положили оружіе, выдавъ главныхъ зачинщиковъ. Но едва только посланный парламентаріонъ доѣхалъ до толпы бунтовщиковъ и передалъ приказаніе, какъ тутъ же былъ изрубленъ въ куски въ виду цѣлаго отряда. Андрей Петровичъ, видя, что миролюбивыми средствами сдѣлать ничего нельзя, велѣлъ сдѣлать выстрѣлъ изъ орудія картечью. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ и нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ слетѣло съ лошадей; другіе же бросились скакать въ разныя стороны. Желая воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, Андрей Петровичъ пустилъ въ атаку казаковъ и башкирцевъ, всего около ста человѣкъ; но едва эта сотня всадниковъ доскакала до мятежниковъ, въ виду же команды передалась на ихъ сторону. Этотъ успѣхъ ободрилъ бунтовщиковъ, а примѣръ измѣны магически подѣйствовалъ на солдатъ отряда Андрея Петровича: при крикахъ: «сдайтесь царю Петру Федоровичу!» болѣе половины команды перебѣжало на сторону мятежниковъ, между тѣмъ толпа Фирски прибывала и напирала со всѣхъ сторонъ.

Андрей Петровичъ видѣлъ, что онъ находится въ опасности, а потому, подозвавъ къ себѣ Аонасыя, велѣлъ ему ѣхать на лѣвый флангъ, гдѣ стоялъ Петръ Андреевичъ и, въ случаѣ крайности, не заботясь о немъ, сказать, чтобы онъ ѣхалъ въ Сямбирскъ, прибавивъ, что онъ это приказываетъ не какъ отецъ, а какъ начальникъ. Когда же Аонасій отѣхалъ отъ него, онъ закричалъ ему вслѣдъ, чтобы онъ исполнилъ его приказаніе, добавивъ: «а мнѣ, видно, такъ Богъ велѣлъ!» Это были послѣднія слова Андрея Петровича, слышанныя Аонасыемъ. Уже немного осталось солдатъ въ рядахъ Андрея Петровича. Онъ велѣлъ палить изъ орудія и стрѣлять изъ ружей, но солдаты не повиновались, а пушку по второму выстрѣлу разорвало и осколками ранило двоихъ изъ прислуги. Андрей Петровичъ соскочилъ съ лошади, чтобы подать помощи несчастнымъ, но, въ торопливости, лошадь у него вырвалась изъ рукъ и убѣжала. Толпы окружили Андрея Петровича съ остатками его команды со всѣхъ сторонъ; спасенія не было! Почти весь отрядъ передался на сторону Фирски и одинъ только Андрей Петровичъ, съ нѣсколь-

нии храбрыми и вѣрными своему долгу солдатами, отбивался саблею отъ мятежниковъ. Вѣрный Аѳанасій, видя бѣдственное положеніе Андрея Петровича, бросился, не разсуждая объ опасности, на помощь своему господину, но не успѣлъ доскакать до мѣста схватки, какъ Андрея Петровича уже не существовало: онъ былъ изрубленъ въ куски. Смерть Андрея Петровича въ глазахъ Аѳанасья расплескала калмыцкую кровь: пылая мстью, не разсуждая ни о чемъ, онъ бросился въ толпу съ саблею въ рукахъ и нѣсколько злодѣевъ заплатились жизнью. Но Аѳанасій помнилъ, что на немъ лежитъ еще обязанность исполнить послѣднюю волю своего любимаго господина: спасти его сына, Петра Андреевича, и потому онъ повернулъ лошадь и, преслѣдуемый нѣсколькими бунтовщиками поскакалъ, не зная самъ куда онъ скачетъ. Къ счастью, туманъ былъ необыкновенно силенъ, а потому Аѳанасій скоро скрылся изъ виду. Но, проскакавъ еще съ версту, лошадь его, получившая во время схватки ударъ пикою въ бокъ, упала и издохла, и Аѳанасій остался пѣшкомъ, безъ всякихъ средствъ къ спасенію. Вдали сквозь туманъ виднѣлась гора и, кажется, покрытая лѣсомъ, а потому онъ пошелъ по направленію къ ней, въ надеждѣ скрыться въ лѣсу. Пройдя нѣсколько сотъ сажень, Аѳанасій услыхалъ конскій топотъ, который приближался все ближе и ближе. Думая, что это погоня и не находя никакихъ средствъ къ спасенію, онъ рѣшился защищаться и, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь. Но какова была его радость когда онъ увидѣлъ скакавшую безъ сѣдока гнѣдую лошадь въ сѣдлѣ и узгаль въ ней верхового коня Андрея Петровича! Онъ свиснулъ: доброе животное, услыхавъ знакомый голосъ, остановилось, заржало, и Аѳанасій безъ труда поймалъ его за мотавшіеся поводья и, зная достоинство этой лошади, онъ считалъ себя теперь спасеннымъ. Но этотъ благородный человѣкъ былъ не изъ числа такихъ людей, которые только думаютъ о спасеніи своей личности; онъ зналъ, что на его попеченіи Петръ Андреевичъ, почти ребенокъ, а потому, не разсуждая, поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ онъ велѣлъ ему дожидаться, показавъ второпяхъ на кусты, растущіе по берегамъ рѣчки. въ то самое время, когда онъ бросился на помощь къ Андрею Петровичу. Подѣзжая къ знакомымъ кустарникамъ, онъ и не думалъ найти тамъ Петра Андреевича, считая его убитымъ, но вдругъ лошадь подъ Аѳанасиемъ заржала, въ густыхъ кустахъ отозвалась такимъ же

ржаньемъ другая лошадь, и Аванасій по голосу узналъ верхового коня Петра Андреевича. Дѣйствительно, отскакавъ отъ мѣста сраженія и вспомнивъ слова Аванасья, Петръ Андреевичъ забился въ кусты и со страхомъ ждалъ возвращенія его. Аванасій и послѣ, только разговаривая объ этомъ, всегда крестился и приписывалъ спасеніе себя и Петра Андреевича одной особенной милости Божіей. Но думать было некогда, а потому они пустились скакать по направленію къ Симбирску, составивъ планъ, избѣгать селеній и стараться ѣхать мѣстами глухими, чтобы не наткнуться на шайку бунтовщиковъ. Но приключенія съ Аванасьемъ еще не кончились: едва они выѣхали изъ кустовъ, какъ нѣсколько бунтовщиковъ бросились ихъ преслѣдовать. Солнце уже было высоко, туманъ прошолъ, а потому одно спасеніе было—скакать: Аванасій и Петръ Андреевичъ пустили лошадей и такимъ образомъ скакали очень долго, но погоня не прекращалась. Вдругъ они доскакали до довольно большой рѣчки и, въ недоумѣніи, остановились; но Аванасій бросился впасть и благополучно достигнулъ противоположнаго берега; Петръ Андреевичъ также послѣдовалъ его примѣру. Изъ пяти преслѣдователей, только одинъ, у котораго лошадь была лучше, перебрался за ними; но Аванасій тотчасъ подскакалъ къ нему и, еще не давъ опомниться отъ переправы, убилъ наповаль изъ пистолета. За тѣмъ они безъ всякихъ ужъ приключеній дня черезъ два, кормя лошадей въ лѣсахъ и оврагахъ, благополучно добрались до Симбирска.

Извѣстіе, привезенное Петромъ Андреевичемъ объ измѣнѣ отряда и смерти Андрея Петровича, поразило, какъ громомъ, и заставило убѣдиться всѣхъ, что жизнь въ городѣ совсѣмъ не такъ безопасна, какъ предполагали. Семейные Петра Ивановича были въ это время также въ Симбирскѣ. Самъ же прадедъ Петръ Ивановичъ былъ въ Оренбургѣ.

Горестъ ихъ о смерти Андрея Петровича была очень сильна и слезамъ не было конца. Єіона Алексѣевна также не осушала глазъ; цѣлые дни и ночи она сидѣла растрепанная и плакала на распѣвъ, *волосила или причитала*: «соколы ты мой ясный!.. кормилецъ ты мой!.. на кого ты меня покинулъ, горькую!.. Испотрошили тебя, злодѣи лютые!..» и подобными восклицаніями, какія только приходили ей на умъ; она выражала тоску свою и грусть объ убитомъ мужѣ. Командиръ батальона, оставшійся комендантомъ, посадилъ Петра Андреевича на гауптвахту, какъ офи-

пера, который не исполнилъ своего долга и бѣжалъ изъ сраженія. Аванасій былъ также арестованъ за то, какъ онъ смѣлъ своего господина бросить въ опасности, и никакія оправданія какъ одного такъ и другого, не были приняты во вниманіе. Кромѣ того, Аванасью еще была обѣщана висѣлица, безъ всякихъ уликъ и обвиненій, потому что, по мнѣнію всѣхъ, онъ былъ виноватъ кругомъ. Это вниманіе къ заслугамъ вѣрнаго слуги Аванасья и обѣщанная веревка такъ на него подѣйствовали, что онъ ночью же бѣжалъ изъ - подъ караула и явился къ Ѳіонѣ Алексѣевнѣ, которая, сочувствуя ему за спасеніе сына, спрятала его, и такимъ образомъ онъ жилъ тайно на сѣновалѣ, въ домѣ барыни, довольно долго. А такъ какъ всѣ думали, что Аванасій бѣжалъ изъ Симбирска, то и розысковъ о немъ никакихъ не было.

Арестъ Петра Андреевича и мысль, что его отдадутъ подъ судъ и даже, за измѣну, разстрѣляютъ, совершенно лишали разсудка Ѳіону Алексѣевну: она не могла даже плакать, а, какъ южѣйшая, цѣлые дни ходила то на гауптвахту къ Петру Андреевичу, то ко всѣмъ начальствовавшимъ лицамъ г. Симбирска. Наконецъ нашлись благомыслящіе люди, которые приняли участие какъ въ ней, такъ и въ Петрѣ Андреевичѣ. Просидѣвъ недѣлю подъ арестомъ, Петръ Андреевичъ былъ выпущенъ и дѣло, по незатѣйливости тогдашняго судопроизводства, было совершенно оставлено.

Но Ѳіонѣ Алексѣевнѣ предстояло еще совершить геройскій подвигъ: отыскать и привести трупъ Андрея Петровича. Ей и самой было горько бросить прахъ своего мужа не преданнымъ землѣ, по установленію церкви. А такъ какъ матица и сестры воюйнаго Андрея Петровича не любили Ѳіону Алексѣевну, то онѣ и здѣсь не упустили случая упрекнуть свою сестрицу въ равнодушіи къ мужу, говоря, что ей стыдно оставлять тѣло воюйнаго въ добычу звѣрей и птицъ, на поруганіе злодѣевъ. Кромѣ всего этого, Ѳіонѣ Алексѣевнѣ грозили гнѣвомъ Петра Ивановича, прибавивъ, что еслибы съ ними случилось такое несчастіе, то онѣ, несмотря ни на какія опасности, поѣхали бы на край свѣта.

А такъ какъ дочери Петра Ивановича были еще дѣвцами, то имъ и легко было рассказывать о томъ, что они сдѣлали бы, еслибъ были замужемъ.

Самолюбіе Ѳіоны Алексѣевны было затронуто, и она рѣши-

лась ѣхать отыскивать убитаго Андрея Петровича, несмотря на то, что очень хорошо понимала, что одна ненависть къ ней могла заставить дочерей Петра Ивановича совѣтовать въ такое опасное время ѣхать за тѣломъ мужа. Кромѣ того, времени прошло болѣе двухъ недѣль, а потому и самая поѣздка могла быть бесполезна: можетъ быть, тѣла убитыхъ уже убраны, и потому трудно было найти могилу, а спрашивать было, конечно, очень опасно: всѣ окрестности Симбирска были наводнены шайками Пугачова, и вообще мятежъ былъ въ полномъ разгарѣ, а потому и ѣхать почти на явную смерть могла рѣшиться только одна Оіона Алексѣевна. Вѣрный слуга Аѳанасій, не умѣлъ не исполнять волю своихъ господъ; а такъ какъ въ своихъ платьяхъ ѣхать было совершенно невозможно, то и рѣшили такъ: Оіона Алексѣевна одѣнется въ костюмъ мордовки, выпачкаетъ лицо и руки, а Аѳанасій нарядится мордвиномъ и назовется ея мужемъ. Отслуживъ молебенъ, Оіона Алексѣевна благословила сына, поплакала, и къ вечеру крестьянская телѣга, съ мордвиномъ и мордовкою, запряженная парю мужицкихъ лошадей, выѣхала изъ Симбирска и бойко покатила по дорогѣ къ Корсуну. Поѣздка, сверхъ всякаго ожиданія, совершилась благополучно; не доѣхавъ двухъ верстъ до мѣста кончины Андрея Петровича, наши путники остановились въ близлежащемъ лѣсу, чтобы дождаться ночи, и тогда уже начать поиски. Стало смеркаться, лошади были выкормлены, и въ окрестностяхъ не было видно ни одного человѣка; только вороны и беркуты цѣлыми стадами кружились надъ мѣстомъ недавней битвы, и это служило явнымъ доказательствомъ, что тѣла убитыхъ не убраны. Пріѣхавъ на мѣсто самаго сраженія, Оіона Алексѣевна безъ труда отыскала обезображенный трупъ своего мужа. Она сама рассказывала, что страшнѣе этого ничего не видала во всю жизнь: тѣла убитыхъ, съ выклеванными глазами оторванными членами и вообще изуродованныя, валялись въ безпорядкѣ, наполняя воздухъ самыми зловонными міазмами, такъ, что подойти за сто сажень къ этому мѣсту не было никакой возможности: дышать было трудно, голова кружилась... Но храбрая Оіона Алексѣевна перенесла все это геройски: трупъ Андрея Петровича былъ завязанъ въ войлокъ, положенъ на дно телѣги, а сверху покрытъ свѣжей травой. Обратный путь совершился также очень счастливо и Оіона Алексѣевна, съ драгоценной клажей, торжественно выѣхала въ Симбирскъ.

Прахъ Андрея Пепровича, какъ коменданта, былъ похороненъ со всѣми должными почестями, при стеченіи всего народонаселенія города, и поставленъ въ нарочно-устроенный склепъ, близъ церкви. Но такъ-какъ знали, что Петръ Ивановичъ захочетъ перевезти останки сына въ свое любимое село Спасское, то гробъ былъ поставленъ еще въ большой дубовый ящикъ и засмоленъ. Вскорѣ послѣ того, по случаю окончанія пугачевского бунта, Петръ Андреевичъ подалъ въ отставку и съ матерью, Юіоной Алексѣвной и семействомъ Петра Ивановича, выѣхалъ изъ Симбирска въ свое имѣніе. Прахъ Андрея Петровича также былъ увезенъ въ село Спасское, гдѣ и похороненъ, подъ церковью, въ фамильномъ склепѣ. Ко времени похоронъ пріѣхалъ Петръ Ивановичъ и много горькихъ слезъ было пролито старикомъ на могилѣ сына. И до-сихъ-поръ сохранилась на лѣвой сторонѣ, внутри церкви с. Спасскаго, надгробная надпись, выбитая самимъ Петромъ Ивановичемъ. Вотъ ея содержаніе: «Андрей Петровичъ Рожновъ, цвѣтъ и надежда своего рода, отрада и утѣшеніе отцу его, оскудѣвающему въ силахъ».

Господскіе дома, какъ въ Спасскомъ, такъ и въ Саврушѣ, сверхъ всякаго ожиданія, со всѣми службами, уцѣлѣли, но имущество и все, что только можно было унести, было разграблено. Двери были сорваны съ петель, окна перебиты, даже кѣстами полы были выломаны, конечно, въ надеждѣ, что подъ ними есть спрятанныя вещи, которыя, въ торопливости, нельзя было увезти съ собой.

Теперь воротимся нѣсколько назадъ и посмотримъ, что дѣлалось въ Саврушѣ и ея окрестностяхъ, во время самаго мятежа.

Послѣ того, какъ Юіона Алексѣвна уѣхала въ Симбирскъ, шайка Пугачова скоро постѣлила и Саврушу; разграбивъ все, она хотѣла сжечь и господскій домъ, но мужики упросили хоромы не жечь, а лучше оставить на разные подѣлки имъ, и просьба была уважена. Одинъ крестьянинъ с. Савруши, Степанъ, присталъ также къ шайкамъ бунтовщиковъ и, за особенныя заслуги, былъ даже произведенъ въ чинъ майора; по усмиреніи мятежа, онъ какъ-то уцѣлѣлъ и фамилія Майора осталась за нимъ, какъ воспоминаніе его услугъ, оказанныхъ бунтовщикамъ, и даже до-сихъ-поръ родъ майоровыхъ еще существуетъ въ мосѣ имѣніи.

Верстахъ въ тридцати отъ Савруши жила въ своемъ имѣніи помещица Палибина. При началѣ бунта она также успѣла уѣхать изъ имѣнія въ одинъ изъ городовъ. Прикащикъ же ея, Фе-

доръ, набралъ шайку и разграбилъ почти всю окрестность; но, зная, что ему за это придется отвѣтить головой, онъ бросилъ своихъ товарищей и пріѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила его госпожа, при которой и находился все время до окончанія бунта; по окончаніи же всего, откупился на волю, заплативъ за себя огромную сумму денегъ, и приписался въ купцы.

Верстахъ въ двадцати отъ Савруши есть село Мордовскій Бугурусланъ, который тогда еще былъ деревней. Тамъ былъ одинъ мордвинъ, который въ бунтѣ принималъ дѣятельное участіе. Онъ былъ съ Пугачовымъ при осадѣ Оренбурга и имъ лично, за храбрость, произведенъ въ полковники. Но грустно кончилъ свое земное поприще импровизованный полковникъ: онъ былъ повѣшенъ, тотчасъ же по прекращеніи бунта, на мѣстѣ своего жительства.

Многіе изъ помѣщиковъ неуспѣвшихъ уѣхать изъ имѣній, спасая жизнь, прибѣгали даже къ переодѣванію въ крестьянскія платья; но изъ нихъ немногимъ удалось спастись такою хитростью: по большей-части свои же крестьяне выдавали ихъ бунтовщикамъ. Бывали случаи, что люди сами желали скрыть своихъ господъ, но и это не всегда было возможно: мятежники вездѣ обыскивали съ большимъ стараніемъ, и даже вѣшали тѣхъ, кто укрывалъ дворянъ. Зная, что многихъ помѣщиковъ скрываютъ свои же люди, узнавали переодѣтыхъ дворянъ по разговору, по бѣлизнѣ лица, по нѣжности рукъ и, открывъ, били, рѣзали ножами ихъ тѣло, жарили на огнѣ, допрашивая не спрятаны ли гдѣ деньги или имущество, а послѣ всего этого, все-таки лишали жизни.

Одна помѣщица, когда шайки Пугачова уже вѣхали въ ея деревню, въ испугѣ, прибѣжала къ одной крестьянкѣ, умоляя спасти ее отъ смерти. Крестьянка, не находя удобнаго мѣста спрятать госпожу, посадила ее въ кадушку съ квасомъ и закрыла рогожей. Долго бунтовщики искали барыню, даже обыскивали ту избу, въ которой стояла кадушка, но всѣ поиски были напрасны; досадуя, что не удалось захватить помѣщицу и потѣшиться надъ ней, они подожгли господскій домъ и уѣхали изъ деревни.

Разсказываютъ, что въ с. Саврушѣ расположилась партія бунтовщиковъ на ночлегъ, какъ вдругъ вечеромъ же было получено извѣстіе, что полковникъ Шишкинъ, съ отрядомъ драгунъ, пришелъ въ Сокъ - Кармалу. Узнавъ объ этомъ, мятежники до того струсили, что побросали лошадей и оружіе, а нѣкоторые даже босикомъ убѣжали изъ деревни и скрылись въ лѣсахъ.

Самыя близкии сосѣдомъ Петра Андреевича былъ его дядя, братъ Ѳіоны Алексѣевны, Григорій Алексѣевичъ Роктовъ. Усадьбы крестьянъ и господскіе ихъ дома раздѣляло только одно теченіе рѣки Савруши. Во время женитьбы Андрея Петровича Петръ Ивановичъ подарилъ семьсотъ десятинъ земли сестрѣ Ѳіоны Алексѣевны, Аннѣ Алексѣевнѣ, съ правомъ выбрать этотъ участокъ изъ дачи с. Савруши, гдѣ ей понравится. Но Анна Алексѣевна скоро умерла, а потому земля эта досталась, по наследству, ея брату, Григорію Алексѣевичу Роктову. Онъ перевелъ сюда крестьянъ изъ Симбирской и Нижегородской губерній, выстроилъ господскій домъ, а наконецъ переѣхалъ на житье в самъ, отдавъ симбирское имѣнье дочери своей, Аннѣ Григорьевнѣ, вышедшей замужъ за Образанцова, который и жилъ постоянно въ имѣніи своего тестя. Хотя земли у Роктова, по числу душъ крестьянъ, было и немного, но такъ-какъ дача Петра Андреевича была очень значительна, то крестьяне сѣяли хлѣбъ, косили траву и рубили лѣсъ по своему произволу, кто гдѣ хотѣлъ, и на это никто не обращалъ никакого вниманія.

Григорій Алексѣевичъ Роктовъ былъ вдовъ, большой любитель хозяйства, человекъ угрюмаго характера, безъ всякаго образованія и отличался необыкновенной жестокостью въ обращеніи съ людьми. Такъ-какъ домъ Петра Андреевича отъ дома дяди былъ недалеко, то не проходило почти ни одного дня, чтобы на дворѣ Роктова не раздавались крики и стоны жертвъ его звѣрской жестокости. Роктовъ даже хвастался своимъ злодѣйскимъ обращеніемъ съ людьми и часто повторялъ поговорку: «у меня всякая вина виновата!» Часто и Ѳіона Алексѣевна совѣтовала Петру Андреевичу брать примѣръ съ брата, но, благодаря Бога, эти примѣры не подѣйствовали на Петра Андреевича и онъ на всю жизнь остался, по-возможности, добрымъ и благороднымъ человекомъ.

Въ это время фамилія Рожновыхъ понесла еще потерю въ своемъ представителѣ, Петрѣ Ивановичѣ. По прекращеніи бунта Пугачова, Петръ Ивановичъ, по слабости здоровья и наконецъ желая отдохнуть послѣ продолжительной служебной дѣятельности, вышелъ въ отставку и переселился на постоянное житье въ с. Спасскомъ. Живя на покой въ деревнѣ, онъ сочинилъ замѣтки о пугачовскомъ бунтѣ, записки о пчеловодствѣ въ Оренбургскомъ граѣ и семейныя записки, которыя остались неоконченными. Были также сочиненія, имѣвшія политическій характеръ, которыя,

какъ по содержанию, такъ и по строгости цензуры того времени, не могли быть напечатаны. Петръ Ивановичъ не долго пережилъ смерть своего сына. Послѣ непродолжительной болѣзни, онъ скончался въ с. Спасскомъ, и прахъ его поставленъ въ фамильномъ склепѣ, вмѣстѣ съ прахомъ Андрея Петровича.

Вообще, Петръ Ивановичъ былъ добраго, прекраснаго характера и былъ очень хорошо образованъ для своего времени, зналъ нѣсколько европейскихъ языковъ и любимымъ его занятіемъ была литература. Нѣсколько сундуковъ сочиненій и замѣтокъ осталось послѣ его смерти, но ихъ даже никто не побеспокоился разобрать и рассмотреть и только уже впоследствии теперешніе владѣльцы с. Спасскаго наконецъ вспомнили о нихъ и, не рассмотрѣвъ, велѣли всѣми оклеить подъ обои стѣны отдѣливаемого ими дома. Изъ числа его рукописей какими-то судьбами, уцѣлѣли его неоконченныя семейныя записки и записки о пчеловодствѣ въ Башкиріи. Въ числѣ прочихъ бумагъ истреблена также переписка Петра Ивановича съ Державинымъ и уцѣлѣло только одно короткое письмо въ стихахъ, посланное Державинымъ къ своему старостѣ въ деревню, написанное рукою поэта. Вотъ оно:

Почти смиренѣмъ горделивца,
Пощечинной уйми сварливца,
Подмажь судейскихъ скрипъ воробъ,
Зажми собакъ хлѣбомъ ротъ,
Пойми бумагъ приказныхъ складъ—
То всѣ дѣла пойдутъ на ладъ.

Въ этотъ же періодъ времени въ Саврушѣ совершилось происшествіе, рассказъ о которомъ даетъ понятіе о судопроизводствѣ той эпохи и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какими глазами смотрѣли тогда на преступленія своихъ людей помѣщики. Изъ крестьянъ с. Савруши нѣкто Иларіонъ былъ отданъ въ Спасское, для обученія столярному мастерству. Иларіонъ былъ женатъ, имѣлъ дочь семи лѣтъ и, кромѣ того, жена его Анисья была беременна. Такъ какъ прежде крѣпостному человѣку стоило только бѣжать куда-нибудь подальше, приписаться на жительство и тогда онъ могъ считать, что совершенно отдѣлался отъ прежняго помѣщика, у котораго жизнь или дѣйствительно была невыносима, или, просто, ему не нравилась. Иларіонъ ночью ушелъ изъ с. Спасскаго, и, тайно прѣдя къ женѣ, уговорилъ ее бѣжать съ нимъ изъ Савруши, говоря, что онъ для житья нашолъ хорошее мѣсто. Жена согласилась. Дождавшись ночи, взявъ съ собой дочь и все, что можно было захватить,

они отправились въ путь, съ цѣлью зайти въ Спасское и взять кое-что оставшееся тамъ. Отошедши нѣсколько верстъ отъ деревни, Иларіонъ своротилъ съ дороги въ близлежащій длинный и крутой оврагъ, убилъ тамъ свою беременную жену и семилѣтнюю дочь и зарылъ ихъ въ вырытую тутъ же могилу, а самъ пришолъ опять въ с. Спасское. Но нѣкоторые изъ мужиковъ видѣли, что Иларіонъ былъ въ Саврушѣ, а послѣ того вдругъ пропала его жена и дочь. Послали въ Спасское узнать, тамъ ли Иларіонъ, и онъ, не доводя до розысковъ, сейчасъ же сознался въ своемъ злодѣйствѣ. Преступника сковали и отправили въ г. Бугульму, въ воеводскую канцелярію. Узнавъ объ этомъ, Ѳіона Алексѣевна разсудила, что убитую женщину не воскресить, а мужика потеряешь; поэтому она собралась и лично поѣхала въ Бугульму хлопотать объ этомъ дѣлѣ. Воеводой тогда былъ Кирьяковъ, который, по просьбѣ Ѳіоны Алексѣевны, согласился оставить это дѣло, не давая ему законной силы; онъ и самъ раздѣлялъ образъ мыслей Ѳіоны Алексѣевны. Наказанный въ воеводской канцеляріи розгами, Иларіонъ былъ возвращенъ въ Саврушу, на мѣсто жительства, гдѣ вскорѣ опять женился и жилъ покойно до самой смерти. Оврагъ же, въ которомъ совершено убійство, и до сихъ поръ называется: Анисинъ долъ.

Впослѣдствіи Иларіонъ сдѣлался любимцемъ и вѣрнымъ исполнителемъ всѣхъ жестокостей Ѳіоны Алексѣевны, у которой въ это время жестокость въ обращеніи съ людьми дошла до страшныхъ размѣровъ и остановить ее было уже некому: мужъ лежалъ въ могилѣ, а сынъ былъ еще очень молодъ и не смѣлъ не только высказать своего мнѣнія, но даже сказать одного противнаго слова. Если нужно было наказать кого изъ людей, то обыкновенно Ѳіона Алексѣевна посылала за Иларіономъ, и онъ немедленно являлся съ нарочно для того приготовленнымъ кнутомъ; посрединѣ двора ставились дровни вверхъ полозьями, какъ это дѣлалось тогда и на торговыхъ казняхъ, а несчастную жертву клали на сани и привязывали руки, ноги и голову веревками. Послѣ этого Ѳіона Алексѣевна подносила Иларіону большой стаканъ водки, а онъ при этомъ говорилъ: «изволь, матушка, ужъ я тебя потѣшу!» И вслѣдъ затѣмъ начиналось самое наказаніе. Часто въ то время, какъ Иларіонъ билъ виновнаго, безъ всякой жалости, кнутомъ, Ѳіона Алексѣевна схватывала или веревку, или палку—что ей попадало подъ руку—и билъ еще сама.

Вообще въ это время Фіона Алексѣевна предавалась разнымъ фантазіямъ, какія только ей приходили въ голову. Въ этотъ періодъ времени она и на работы въ поле ѣздила уже не въ долгушкѣ, какъ бывало прежде, а просто, ей подводили осѣдланную лошадь и она, съ нагайкою въ рукахъ и съ копакомъ на головѣ, вмѣсто шапки, садилась верхомъ и отправлялась по работамъ. Фіона Алексѣевна была очень богомольна и строго наблюдала, чтобы во время ея молитвы молились и всѣ, составлявшіе ея штатъ; для этого она, со всѣми комнатными бабами и дѣвками, уходила въ образную комнату, сама становилась впереди близъ образовъ, а публика чинно размѣщалась позади. Молитвы обыкновенно читались громко, и лично Фіоною Алексѣевою; но часто, въ срединѣ молитвы, она вдругъ обращалась съ вопросомъ: «а допрыла ли ты, Акулька, тальку?» Акулька отвѣчала, что еще не кончила. Тогда Фіона Алексѣевна ругала ее, обѣщаясь выхлестать, послѣ чего прерванная молитва продолжалась. Такъ-какъ эта церемонія продолжалась очень долго, то многія изъ штата, утомясь, дремали, а нѣкоторыя даже просто спали, въ той надеждѣ, что барыня не увидитъ; но Фіона Алексѣевна видѣла все и, не оборачиваясь, дѣлая земной поклонъ, она осматривала—въ исправности ли ея команда моельщицъ; и если замѣчала базпорядки, то тотчасъ же кричала: «такъ-то вы, подлячки, молитесь! Ахъ, вы, бусурманки!» Конечно, послѣ этого сонъ и дремота прекращались и все приходило въ должный порядокъ.

РУССІЯ ПѢСНИ.

Какъ сроднились вы со мною,
Пѣсни родины моей,
Какъ внемлю я вамъ порою,
Если вечеромъ съ полей
Вы доноситесь, живыя,
И въ безмолвіи nocturno
Мнѣ созвучья дорогія
Долго слышатся потомъ.

Не могучій даръ свободы,
Не монахи-мудрецы,
Создавали васъ невзгоды,
Да безвѣстные пѣвцы.
Но въ тяжелыя години
Весь народъ, до траты силъ,
Весь—пѣвецъ своей кручины—
Васъ въ крови своей носилъ.

И какъ много въ этихъ звукахъ
Непонятнаго слылось!
Что за удалъ въ самыхъ мукахъ,
Сколько въ смѣхѣ тайныхъ слезъ!
Вѣчнымъ рабствомъ бѣдной дѣвы,
Вѣчной бѣдностью мужей
Дышать грустные напѣвы
Недосказанныхъ рѣчей...

Что за рѣчи, за герои!
То—Богъ вѣсть, какой поры
Молодецкіе разбои,
Богатырскіе пиры;
То Москва, татаринъ злобный,
Володиміръ, князь святой...
То журчанью водъ подобный
Плачь княгини молодой.

Годы идутъ чередою...
Пѣсни нашей стороны
Тѣмъ же горемъ и тоскою,
Той же жалобой полны;
А подъ часъ все также вольно
Славятъ солнышко—царя,
Да свой Кіевъ богомольный,
Да Илью богатыря.

А. АНУХТИНЪ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!...

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

И.

Мы въ губернскомъ городѣ. — Осень. Сумерки. На улицахъ сыкоть; идетъ мелкій, назойливый дождикъ. Непривѣтно и нечаянно сморщитъ большой дикій домиъ съ мезониномъ на углу двухъ главныхъ улицъ города. Въ ворота видно уродливое, старинное крыльцо съ огромнымъ полукруглымъ окномъ; дальше—раскрытый сарай и въ немъ голова лошади, выглядывающая изъ темноты...

На крыльцѣ дикаго дома показался лакей въ синемъ фракѣ, и заденькимъ голосомъ крикнулъ:

— Готово, Феоданъ?

— Готово,—вслышалось изъ сарая, и лакей скрылся.

Выѣхали дрожки. На козлахъ сидѣлъ толстоватый, бѣлый парень, въ кожаномъ кафтанѣ и довольно-несловко сдержалъ передъ крыльцомъ саврасую вятку. Лошадь замотала головой и попятилась.

Минуты черезъ двѣ вышелъ молодой баринъ, въ гимназической форменной шинели и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. За нимъ показался лакей.

— На Варварку!—сказалъ молодой баринъ, садясь въ дрожки.

— Если бабинька будутъ спрашивать, куда изволили поѣхать — какъ доложить-съ? произнесъ лакей, морщась отъ дождя.

— Скажи, что къ Абласову; къ чаю буду...

На этихъ словахъ гимназистъ завернулся въ шинель, лошадь тронулась и дрожжи съ какимъ-то скучнымъ шумомъ повернули изъ ворота налѣво.

Лакей постоялъ еще на дождѣ, протянулъ руку горизонтально, какъ-бы желая убѣдиться, точно ли идетъ что-нибудь сверху, и потащился, черезъ весь дворъ, въ кухню.

На улицахъ уже стемнѣло. Саврасая вятка пробѣжала половину дороги. Съ большой площади шла прямая улица къ острогу, и бѣлый кучеръ пустилъ лошадь крупной рысью.

Дождь пошелъ сильнѣе.

Въ маленькой комнаткѣ, съ широкимъ и единственнымъ окномъ, гдѣ вся мебель состояла изъ кровати, стараго комода, трехъ соломенныхъ стульевъ и большого письменнаго стола съ дырявымъ зеленымъ сукномъ, на которомъ виднѣлось десятка два книгъ, сидѣло у этого самаго стола двое. Одинъ былъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, полный, русый, съ особеннымъ добродушіемъ въ лицѣ. Лицо это улыбалось, хотя и не было на губахъ улыбки. Сѣрые, большіе глаза смотрѣли бойко и ласково. На лбу торчалъ преоригинальный вихорь. Вся фигура юноши была немножко мѣшковата, но онъ сидѣлъ у стола съ какой-то угловатой граціей, закинувъ одну руку за спинку стула и изогнувъ правую ногу, внутрь колѣномъ. Одѣтъ онъ былъ въ коротенькую сѣрую визитку изъ твина. Бѣлья не было видно. Черные панталоны не прикрывали рыжихъ голенищъ.

Противъ него помѣщался такой же юноша, только онъ былъ помужественнѣе. Большой ростъ, продолговатое, блѣдное лицо, немного нахмуренныя брови, длинные волосы пепельнаго цвѣта—все это давало ему болѣе серьезный и сосредоточенный видъ. Онъ прикрывался темненькимъ халатомъ, и, опершись объ столъ, наклонилъ голову къ своему собесѣднику, какъ-бы всматриваясь въ него.

Въ комнатѣ было очень темно. Юноши точно смолкли послѣ большого разговора, или, просто, такъ, какъ это часто бываетъ именно въ сумерки, когда много думается.

На лѣстницѣ послышались скорые шаги.

— Телепневъ! — произнесъ картаво добродушный вихорь, под-

нися со стула, и очень быстро шаркнулъ спичкой объ уголь кѣки.

Комната освѣтилась. Вошелъ гимназистъ, пріѣхавшій на савраскѣ.

— Вы меня ждали? — спросилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышно было что-то свѣжее, металлическое.

— Здравстуй, Горшковъ, здравстуй, Абласовъ... И сбросивъ шинель на кровать, гимназистъ поцѣловался сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ товарищемъ.

— Ха-ха-ха! разразился добродушный Горшковъ. — Да что ты цѣлуешься, давно, что ли, не видались...

Вошедшій былъ очень красивый молодой человекъ. Его можно было такъ назвать. И фигура, и выраженіе лица, и приемы говорилъ, что онъ уже выросъ и почти сложился. Прежде всего выдавались его глаза, большіе, синіе, что такъ рѣдко встрѣчается у мужчинъ; лобъ былъ бѣлый, ясный; очертаніе губъ и носа женского подобно; но, всматриваясь въ него пристальнѣе, всякій замѣтилъ бы что-то сильное, нервное въ игрѣ фizioноміи, въ бровяхъ, во взглядѣ, въ красивомъ безпорядкѣ, въ какомъ темные волосы окаймляли лицо.

— Мы тебя не ждали, Телепневъ—сказалъ Абласовъ.

— Да хотѣлось съ вами поговорить: какъ завтра съ этимъ Каряковымъ дѣлаться?

— Да что тутъ думать!—вскричалъ Горшковъ,—загнуть ему подлещу—вотъ тебѣ и весь скать.

Абласовъ улыбнулся. Телепневъ подставилъ стулъ, сѣлъ и взялъ Горшкова за руку.

— Ахъ, братъ Валерьянъ, ты какой быстрый, подлещу-то скажешь...

— Ну и кончено. Вѣдь въ этомъ вся суть состоитъ. Онъ, скотина, явился тутъ изъ Казани въ ослиныхъ воротничкахъ да и думаетъ, что онъ съ нами какъ съ первоклассниками обращаться смѣетъ! Просто, его побить!

Все это Горшковъ прокричалъ очень быстро, и на словѣ побить, перевернулъ на одной ножкѣ соломенный стулъ, на которомъ онъ передъ тѣмъ сидѣлъ.

— Нѣтъ, не побить, сказалъ на это съ улыбкой Телепневъ, и обратился взглядомъ къ Абласову.

Тотъ тоже улыбнулся и очень сознательно проговорилъ:

— Не слѣдуетъ бить.

— А по-моему такъ слѣдуетъ,—вскричалъ Горшковъ.

— Ты послушай,—началъ Теленевъ.—Чего нужно теперь добиться?

— Чтобъ онъ убрался къ чорту!—вставилъ Горшковъ.

— А прежде, я думаю, нужно, чтобъ онъ извинился предъ Скворцовымъ.

— Разумѣется,—проговорилъ Абласовъ и повелъ рукой по волосамъ.

— Это все полумѣры, вы всё—рамазия!—закричалъ опять Горшковъ. Извинится онъ, держи карманъ! прибавилъ онъ и тряхнулъ своимъ вихромъ. Онъ іерихонцемъ смотреть, скотина!

— Не извинится—къ директору пойдемъ,—сказалъ Абласовъ, и посмотрѣлъ на Теленева.

— А то заставимъ его выйти въ отставку,—прибавилъ тотъ, и лобъ его подернулся морщинами, которыя тутъ же исчезли. Онъ всталъ, и, обратясь къ Горшкову, прибавилъ, — горячка! А потомъ взялъ его рукой за талию и подставилъ свое лицо очень близко къ его лицу.

— Ты ужь повѣрь, Валерьянъ, что такъ лучше будетъ. По крайней-мѣрѣ, онъ дѣйствительно увидитъ, что имѣеть дѣло не съ мальчишками какими-нибудь.

Все это онъ произнесъ очень мягко, и въ голосѣ слышалось сознание того, что онъ говоритъ умно. Сейчасъ можно было видѣть, какъ Теленевъ преобладалъ надъ своими товарищами. Но въ преобладаніи не сказывалось ничего рѣзкаго, непріятнаго. Онъ не обращался съ товарищами какъ первый ученикъ, попавшій въ гимназическіе геніи. Въ его голосѣ и въ манерѣ было много теплоты и чувство полного равенства.

— Ты правъ,—произнесъ медленно Абласовъ, и, запахнувшись въ халатъ, сказалъ совсѣмъ другимъ голосомъ, какъ это часто бываетъ въ такомъ возрастѣ:—Не хочешь ли покурить, Теленевъ?

— Нѣтъ, не хочется. Я къ тебѣ, вѣдь, на минутку пріѣхалъ. Такъ что-то взгрустнулось.

— А что?—спросилъ быстро Горшковъ...

Теленевъ опустилъ голову, и, какъ-будто стыдливо проговорилъ: «такъ, нехорошо».

Абласовъ въ эту минуту закуривалъ попиросу и, смотря искоса на Теленева, тоже потупился. Произошла пауза. Было что-то хорошее въ этой тѣмой сценѣ. Маленькая темная ком-

шта освѣщалась скромнымъ свѣтомъ, и три молодые лица собрались тутъ какъ-бы для того, чтобъ наполнить ее теплымъ, душевнымъ содержаніемъ.

Видно было, что у Телепнева есть что-то на сердцѣ, на что отзываются его товарищи...

Абласовъ первый прервалъ молчаніе.

— А какъ отецъ?—спросилъ онъ тихо и нѣсколько робко.

Горшковъ посмотрѣлъ на Телепнева.

Тотъ поднялъ голову и проговорилъ съ грустной раскаянностью: «Очень плохо».

Разговоръ опять прервался.

— Такъ завтра мы передъ классомъ предложимъ всѣмъ,—началъ Телепневъ,—только ты, Валерьянъ, пожалуйста, не мѣшай.

Горшковъ, съ очень кроткой миной, кивнулъ ему въ отвѣтъ головой.

— Да, что ты, въ самомъ дѣлѣ, Боря, хандришь; тебя, вѣрно, эта бабушка твоя заѣла: такъ ты ее похеръ, братецъ, — вдругъ проговорилъ онъ дѣтскимъ, картавымъ голосомъ.

Телепневъ махнулъ рукой.

— А что мы завтра Шульману приготовимъ? — началъ онъ, желая переимѣнить разговоръ.

— Я, братъ, изъ Беллюстина примѣръ цѣликомъ выпишу: онъ, гдѣ, нѣмчура, не догадается.

— *Amaturus, amatura, amaturum... sim, sis, sit!*.. заспрягалъ Горшковъ, сдѣлавъ гримасу и выгибая большой палецъ лѣвой руки.—Помните, братцы, какъ Егорка насъ мучилъ?—Дикъ видомъ!.. Станъ столбомъ!.. Учить мастеръ былъ. А теперь, вотъ, какъ сдѣлали его инспекторомъ, такъ сталъ олухомъ царя небеснаго! Клянется и божится, что миѣ, какъ своихъ ушей, не видать университета. «Возмутительный духъ», говорить. Ха-ха-ха!

— Какъ то у насъ этотъ годъ пройдетъ?—проговорилъ, точно про себя, Абласовъ. — Пожалуй, ничего порядочнаго не сдѣлаешь.

— А ты на какіе это подвиги готовишься?—вскричалъ Горшковъ.—Извѣстно какъ пройдетъ: азъ-буки-букашки, вѣди таракашки... будемъ географію съ Ершкой повторять. — И Горшковъ всталъ среди комнаты, уперъ одну руку въ бокъ, а другой, съ вытянутымъ указательнымъ пальцомъ, началъ поводить по воздуху.—Вотъ, братцы, выйдетъ къ доскѣ Петръ Скворцовъ и начнетъ тыкать палочкой по картѣ и на-распѣвъ заве-

детъ канитель: произведенія ри-исъ, мап-исъ... хлопчатникъ, инди-и иго и табакъ.» На табакъ ткнетъ въ городъ Парижъ, а Ерошка ему на это: «господинъ Скворцовъ, не ищите на картѣ табуку!»

Горшковъ произнесъ эти слова въ ность, семинарскимъ акцентомъ, и съ такой уморительной гримасой, что его товарищи покатались со смѣху...

Вѣдь, братцы, только бы дотянуть намъ до лѣта, а тамъ въ Казань закатимся. Я ужъ, такъ и быть, утѣшу Егорку: студентомъ не буду, въ вольные слушатели запишусь... У меня—де артистическая натура, пирога и селедки не хочу носить; это ужъ вы надѣвайте; намъ, артистамъ, это не по шерсти...

И Горшковъ, поднявъ плечи и надувши щоки, прошолся вдоль и поперегъ по комнатѣ.

— Вы что на меня смотрите, профаны? закричалъ онъ. — Я теперь красная говядина — гимназѣрь... а дайте-ка срокъ, какъ вольнымъ слушателемъ сдѣлаюсь, волосы вотъ какіе отпущу—и онъ указалъ на плечи—афишу напечатаю: «Прибывшій изъ города Нижнеудинска малолѣтний пьянистъ Валерьянъ Горшковъ, изумляющій нѣжнымъ возрастомъ и громадностью таланта, будетъ имѣть честь дать инструментальный концертъ, въ коемъ исполнить фантазію собственнаго сочиненія, на мотивы изъ оперы: «Жизнь за царя».

«Слався, слався святая Русь... турутумтумъ,—запѣлъ онъ, и, подскочивъ къ Телепневу, ткнулъ его подъ бокъ... Такъ-то. Борисъ, брагодаря Бога, что ты удостоился возсѣдать на однѣхъ скамейкахъ съ симъ сосудомъ всякихъ качествъ.—И Горшковъ, перевернувшись на одной ножкѣ, легъ на кровать, заложивъ руки назадъ...

Лицо Теленцева просвѣтлѣло отъ веселости Горшкова. Онъ подошелъ къ кровати и сказалъ ему:

— Что ты теперь пишешь, голубчикъ? Ты мнѣ давно ничего не игралъ.

Горшковъ повернулся къ нему, и физиономія его получила совсѣмъ другой оттѣнокъ.

— Какъ же, пишу, отвѣчалъ онъ спокойно, безъ всякаго шутовства. Задумалъ братъ большую вещь, да не вытанцуется, пожалуй; я попробовалъ, такъ, маленькое allegro концертное. Приходи, какънибудь сыграю...

— Абласовъ!—крикнулъ онъ,—ты у меня умница, а въ музыкѣ братъ, ни бельмеса не смыслишь, просто, чурбанъ,—извини, по-

жауйста, а вотъ Боря на скрипицѣ своей пилить хоть и не ахти хорошо, а въ немъ есть толкъ. Я твоему вкусу вѣрю,—обратился онъ къ Теленеву,—ты мнѣ всегда дѣло говоришь.

Теленевъ улыбнулся.

— А, вѣдь, никто не скажетъ, Валерьянъ, что ты такой серьезный музыкантъ,—проговорилъ онъ, наклонясь къ нему.

— Мнѣ и самому иной разъ не вѣрится, чтобы во мнѣ было что нибудь такое—знаешь, талантъ что ли. Вотъ я чего терпѣть не могу, братцы, когда ко мнѣ барыни пристанутъ: «вы, г. Горшковъ, талантъ, вамъ нужно за границу.» А имъ кромѣ изурки Шудьгофа ничего не нужно; дуютъ себѣ Придановъ и восторгаются.

— Послушай: что, у твоей сестры есть склонность къ музыкѣ?

Теленевъ весь оживился.

— Большая, произнесъ онъ весело.

— Хочешь, я ей буду уроки давать?

— Славно бы было, да у насъ въ домѣ развѣ можно? Вѣдь, ты знаешь... и Теленевъ махнулъ рукой.

— Да, братъ, у васъ по всѣмъ комнатамъ тѣнь Гамлетова отца расхаживаетъ.

— Что дѣлать,—отозвался Теленевъ, и вздохнулъ. И я бросилъ совсѣмъ скрипку. Онъ сѣлъ на кровать, взялъ Горшкова за колымаги и поговорилъ: Вы, братцы, вѣрно безъ меня поѣдете лѣтомъ по Волгѣ.

— Какъ такъ?—вскричалъ Горшковъ.

— Мнѣ нельзя будетъ въ университетъ, я ужь это вижу.

— Вотъ вздоръ какой! Ты, Боря; у насъ герой; не тебѣ брехать! Знаешь въ бѣдлюстиной изрѣченіе о превратности... заблѣ!

Брось ты скуку,

Морску суку,

А знай штуку...

Такъ-то мой родной! и Горшковъ схватилъ Теленева за шею, поднялъ его на ноги, и началъ кружить.

— Мнѣ, однако, пора,—торопливо сказалъ тотъ.—До завтра.

— Да посиди! закричалъ Горшковъ.

— Нельзя.

— Ну, такъ мы завтра вздуемъ этого Карякова. Да ты какъ

нибудь пріѣзжай къ Теляннинымъ. Концерты тамъ задають; ба-рыня-то на меня глазнапы закидываетъ! Понравился! ха ха!

Абласовъ взялъ свѣчку и проводилъ Телепнева до сѣней.

Минуты съ-двѣ по уходѣ его, оба они молчали. Въ широкое окно крапалъ дождь.

II.

«Откладывай», сказалъ Телепневъ кучеру, сходя съ дрожекъ. На крыльцѣ ничего не было видно, и онъ ощупью отыскалъ дверь въ переднюю.

Передняя, выкрашенная *подъ мраморъ*, сѣрой масляной краской, съ неизбѣжными ларями и двумя колоннами, подпавшими антресолю, освѣщалась тонкой, сальной свѣчей. У окна, на ларѣ, спала какая-то долговзая фигура; за колонной, у печки грѣлся тотъ самый лакей, который выскакивалъ на крыльцо. Это былъ рябоватый и очень глупый на видъ малый, съ осанкой портного. Онъ снялъ съ молодого барина шинель и разсудилъ положить се на столъ.

— Папенька почиваетъ?—спросилъ Телепневъ, проходя въ залу.

— Не могу знать; кажется, проснулись,—проговорилъ лакей жиденькимъ голосомъ. Бабинька изволили проснуться.

Телепневъ прошолъ большой, темной залой въ корридоръ и сталъ подыматься по лѣстницѣ, въ совершенной темнотѣ. Взобравшись на площадку, гдѣ по обѣимъ сторонамъ было по двери, онъ отворилъ правую, и очутился въ низкой и продолговатой комнатѣ съ перегородкой. Тутъ онъ и спалъ, и занимался. Телепневъ зажегъ свѣчку и точно къ чему то прислушался. При свѣтѣ одинокой свѣчи можно было разглядѣть комнату. Въ лѣвой стѣнѣ углублялся альковъ, задернутый наполовину бѣлой занавѣской, съ старомодной красной бахромой. Прямо смотрѣли два довольно широкія окна съ такими же занавѣсками и съ такой же бахромой; между ними—старинное зеркало, въ золоченой фигурной рамѣ. Въ лѣвомъ углу—столъ, покрытый синимъ сукномъ, на столѣ опрятно разставлены чернильница и другія вещи, все старенькія, точно отрытыя въ дѣдовской кладовой. Двѣ висячія этажерки съ книгами и низенькій турецкій диванъ давали этой *дѣтской*, ученической комнатѣ видъ какого-то дѣвственнаго пріюта.

Кто-то пошевелился за перегородкой, сколоченной въ видѣ ящика съ дверью.

— Мироновна!—почти шопотомъ проговорилъ Телепневъ, подходя къ перегородкѣ.

— Сейчасъ,—отозвался, въ просонкахъ, женскій старый голосъ.

— Спи, спи, я тебя не бужу.

— Чего изволишь, батюшка?—послышалось въ отвѣтъ, и изъ ящика показалась небольшая фигура. Ее трудно было разсмотрѣть въ первую минуту.

Мироновна была маленькая старушка, съ худымъ, немножко запуганнымъ лицомъ; но это первое впечатлѣніе смѣнялось другимъ: въ лицѣ оказывался юморъ; глаза, носъ и очертаніе губъ повели на себѣ комическій оттѣнокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то добродушно-лукавое сказывалось въ сморщенныхъ чертахъ старушки, въ положенія ея головы и всего тѣла. Головной платокъ съ отъ спанья сбился на бокъ и на одномъ вискѣ виднѣть былъ клокъ русыхъ волосъ съ сильной просѣдью.

На ней надѣтъ былъ капотъ изъ старушечьяго ситца и темный платокъ, поднявшійся на горло.

Старушка встала въ дверяхъ и, щурясь отъ свѣта, пыталась разглядѣть Телепнева.

— Да зачѣмъ ты встала?—проговорилъ онъ, подходя къ ней—мигъ тебя совсѣмъ ненужно.

— Ну, и ненужно, а самъ безъ меня шагу не можетъ сдѣлать. Одѣваться, что-ли, тебѣ?

— Какое одѣваться, я только что пріѣхалъ.

— Что ты стоишь? спросила она,—учиться, что-ли, хочешь, или внизъ пойдешь?

— Тотъ я не знаю проснулся паненька или нѣтъ...

— А ты поди въ бильярдную, загляни потихоньку, произнесла Мироновна, поправляя головной платокъ. Что-то тихо внизу было.

— Да, вѣдь, ты спала?

— Ну ужь, и спала, не такъ же спала, чтобъ ничего не услышала. Старушка обдернула сзади шейный платокъ и слегка зѣвнула, перекрестивъ ротъ. — Гасить, что-ли, послѣ тебя свѣчуто?—спросила она, подходя къ столу.

— Нѣтъ, не гаси, мигъ нужно заниматься, я сейчасъ вернусь,—сказалъ Телепневъ и вышелъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ уже не былъ въ такой темнотѣ: въ залѣ, на простѣнкѣ, противъ двери въ корридоръ, горѣла лампа и освѣщала часть лѣстницы.

Телепневъ раскрылъ потихоньку большую и тяжелую дверь. Посрединѣ четверугольной комнаты стоялъ темный бильярдъ, накрытый довольно грязной простыней. Въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ сдѣланы были углубленія для диванчиковъ, съ колоннами по бокамъ; на одной изъ колоннъ висѣла лампа и необыкновенно скудно освѣщала бильярдную. Отъ входа къ лѣвому углу примыкала дверь подъ красное дерево; она была притворена.

Когда Телепневъ взойшолъ въ бильярдную и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, она отворилась: вышла пожилая женщина въ длинной, сѣрой кацавейкѣ и бѣломъ чепцѣ. Трудно было бы забыть черты этой старухи. Лицо ея—сухое, съ какимто жесткими неровностями, покрыто было неприятнымъ лоскомъ. Сдавленный, съ длинными ноздрями, носъ сжатый, большія губы и дряблый острый подбородокъ не скрашивались ни выраженіемъ карихъ подслѣповатыхъ глазъ, ни очертаніемъ лба и головы. Виски были открыты и выказывали уголь височной кожи рѣзкой, бѣлой линіей. Волосы на вискахъ были приглажены и зачесаны за уши. Сѣдрина сливалась цвѣтомъ съ кацавейкой, въ которую старуха совсѣмъ уходила, выступая скользкой, неприятной поступью.

Женщина эта была бабушка Телепнева. Она подошла къ нему быстро; лицо ея точно передернуло, и глухимъ шопотомъ она проговорила:

— Куда это вы дѣлись, Борисъ Николаичъ? Отецъ вашъ умираетъ, а вы разѣзжаете.

Телепневъ взглянулъ ей прямо въ лицо, и сдержаннымъ голосомъ спросилъ:

— Что съ папенькой?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ къ красной двери, оставивъ старуху въ нерѣшительной позѣ.

Старуха повернулась и пошла за внукомъ. Лицо ея опять измѣнило выраженіе: оно было очень кисло. Удушливымъ воздухомъ больницы обдало Телепнева при входѣ въ спальню, оклеенную зелеными, тусклыми обоями. Между двумя шифоньерками стояла пустая кровать и подлѣ нея въ большомъ и глубокомъ креслѣ, тяжело опустившись, сидѣлъ больной отецъ его. Ему казалось лѣтъ подъ пятьдесятъ. Обвислое, водяное лицо рѣзко отдѣлялось отъ спинки кресла, и точно выглядывало изъ темнаго фона картины. Русые, рѣдкіе волосы падали болѣзненно на виски; голова свѣсилась на грудь. Черты исказились страданіемъ, но онѣ были мягки и тонки. Больной сидѣлъ съ опущен-

ыми глазами и тяжело дышалъ. Раскрытый воротъ рубашки поднимался отъ болѣзненнаго сотрясенія груди.

Безпомощно и тяжело смотрѣлъ весь образъ этого человѣка въ этой зеленой комнатѣ, посреди стклянокъ и пузырьковъ, которыя устьянъ былъ небольшой столикъ, стоявшій около кровати.

Зеленый зонтикъ передъ свѣчей видѣлся въ глубинѣ спальни. Большое бюро съ часами на верху бросало тѣнь на кресло и на больного, и въ этой тѣни все казалось еще мертвеннѣе. Когда Телепневъ вошелъ, часы пискливо, и точно по капелькѣ, пробили три четверти.

Больной открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе рукой какъ-бы желая позвать сына.

Тотъ подошелъ къ креслу, взялъ руку отца, и поцѣловалъ.

— Гдѣ былъ?—проговорилъ больной хриплымъ, обрывавшимся голосомъ.

— У товарища,—отвѣтилъ молодой Телепневъ.

Въ эту минуту старуха уже стояла за нимъ, и своими кариыми подслѣповатыми глазами ѣдко смотрѣла и на умирающаго сына, и на молодого внука.

— Вамъ бы Борисъ Николаичъ—вернула она—можно и дома посидѣть, около отца... да, видно, скучно.

Больной поглядѣлъ на нее искоса страдальческимъ взглядомъ, и кротко взглянулъ на сына. Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Тебѣ, Никола, —начала *бабинька*, топчась на мѣстѣ, —тяжело приходится въ твоей болѣзни... Когда не видишь никакихъ чувствъ отъ дѣтей, и здоровому человѣку умирать захочется.— И она прошлась по спальнѣ вдоль, немного задѣвъ внука рукавомъ своей капавейки, и помѣстилась за кресломъ, заслонивъ собой свѣчу съ абажуромъ.

Отцу и сыну было неловко; но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова.

— И вотъ, Никола, заговорила опять старуха, я тебѣ при сынѣ говорю: такъ нельзя распускать дѣвочку. Надо что-нибудь одно: или воспитывать дѣтей, или... старуха не договорила и опять прошлась мимо внука въ другой уголъ комнаты. — Это ни на что не похоже... Вотъ онъ (и она указала на молодаго Телепнева) вовсе вмѣшиваются и такъ ее избаловалъ, что она мнѣ, бабкѣ, ежесекундно грубитъ. Я не хочу дальше терпѣть отъ умничанья Бориса Николаича. Ты мой сынъ, ты этого не смѣешь допустить... ты самъ уважаешь меня, а она наругать,

скверная дѣвчонка, да еще прощенья не хочет просить. И *бабиньку* опять передернуло. Вся ея фигура, въ углу, казалась какой-то стройной ночной цтицей. Рукава кацавейки колыхались, на подобіе крыльевъ. Старуха непріятно переминалась на одномъ мѣстѣ. Молодой Телешневъ стоялъ, немного нагнувшись, около кресла и держался правой рукой за спинку его. Чѣмъ-то правдивымъ и свѣжимъ вѣяло отъ всей его фигуры. На лицѣ была видна сдержанная грусть, на лбу появились маленькія морщинки и странная улыбка шевелила на губахъ. Снѣгіе глаза горѣли, и взглядъ ихъ заставилъ *бабиньку* опустить свои каріе злые глазки.

Больной приподнял голову и сильно закашлялся. Кашель этотъ обличалъ страданія печени; удушливими раскатами раздавался онъ по спальнѣ, и, уходя въ бильярдную, разносился по всему дому...

Припадокъ кашля продолжался минутъ десять. Долго послѣ того больной не могъ отдышаться, и на лбу у него выступилъ холодный потъ. Сынъ поддерживалъ ему голову. Старуха въ своемъ углу съ кислой миной ежилась и не двигалась съ мѣста.

— Гдѣ Маша?—спросилъ отецъ молодого Телешнева, —Что она, такое сдѣлала?—прибавилъ онъ шопотомъ.

— Мы на колѣни ее поставили,—проговорила бабинька.—Да развѣ ее этимъ уймешь? Вотъ ты спрашиваешь Николинька у твоего сына, что она надѣлала. Извѣстно, онъ ее всегда будетъ защищать.—Онъ, вѣдь, давно отъ рукъ отбился... въ большіе люди поступилъ, уничасть да фыркаетъ старшимъ! Этакъ мнѣ житья нѣтъ,—заговорила дребезжающимъ, ѣдкимъ голосомъ старуха, и начала обдергивать свой чепецъ.—Въ своемъ домѣ хуже горничной дѣвки быть... отъ дѣтокъ твоихъ каждый божій день гадости! грубость, своевольство... Она начала опять переминаясь на мѣстѣ.

Больной молча посмотрѣлъ на сына, спрашивая его взглядомъ, что такое случилось.

— Я не знаю, папенька, въ чемъ Маша провинилась передъ бабушкой,—проговорилъ молодой Телешневъ.

Старуха выскочила изъ своего угла.

— Вы не знаете! вскричала она порывисто.. Вы бы больше дома сидѣли, да смотрѣли за вашей сестрицей. Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, Николинька, терпѣть больше отъ этой дѣвчонки не хочу,— слышишь? не хочу!—Оборка на чепецъ *бабиньки*

зтряслась, рукава кацавейки разлетѣлись въ разные стороны. Пусть онъ приведетъ ее и заставитъ, вотъ здѣсь, при тебѣ, просить у меня прощенья.

Была минута томительнаго молчанія. Трудно было опредѣлить, больше ли физической боли жило въ этой зеленой спальнѣ, или накипѣвшихъ душевныхъ страданій?

— Скажи же ему что-нибудь, Николая!—зашипѣла опять старуха, подступая своей скользкой походкой къ креслу больного.— Вели сынку привести ее сюда, и если ты ужь самъ не сможешь ей приказать, такъ хоть Борисъ Николаичъ научилъ бы ее просить прощенья у бабки...

Молодой Телешневъ наклонилъ голову на сторону отца, и встрѣтилъ его страдальческое, умолявшее лицо.

Больной изнемогалъ отъ боли, сцена была для него невыносима.

— Боря... проговорилъ онъ, едва слышно, чтожь это такое?.. Господи!.. и онъ упалъ на спинку кресла. Готовился опять припадокъ страшнаго кашля.

Старуха не унялась.

— Такъ вы не вѣрите мнѣ? Она взяла внука за борть сюртука, съ кошачьей уверткой. Вы думаете что я вру?

Юноша выпрямился и отвелъ ее рукой.

— Чего вы отъ меня хотите, бабушка?—заговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ была и горечь, и сдержанныя молодыя слезы. Я не знаю, что сдѣлала Маша... заставлятъ ее просить у васъ прощенья не буду, и при папенькѣ говорю, что я не дамъ вамъ забивать мою сестру... А если она виновата, вы сказали бы мнѣ про это не здѣсь... Папенька слишкомъ страдаетъ: надо его хоть немного пожалѣть...

А!.. Вы меня носомъ тычете, что я отца вашего морю!.. Что же мнѣ остается? вонъ бѣжать?.. И, прокричавъ это сильнѣмъ; удушливѣмъ голосомъ, бабинька повернулась и почти бѣгомъ выбѣжала изъ спальни.

Больного всего потрясло; онъ поднялся, хотѣлъ что-то сказать и разразился кашлемъ еще сильнѣйшимъ, чѣмъ въ первый разъ.

И долго послѣ того, какъ раздался послѣдній раскатъ этого кашля, въ ушахъ сына стоялъ все одинъ звукъ,—пазойливый, безконечный, доводящій до холодной тоски.

Поддерживая голову отца, молодой Телепневъ опустился на колѣни.

— Боря,—проговорилъ больной,—не серди ты ее, ради Бога: ты, вѣдь, знаешь, каково мнѣ... А я тебѣ вѣрю... и рука его обняла шею сына съ какой-то судорожной нѣжностью... Ты у меня славный...

На глазахъ сына были слезы.

— Папенька... могъ только проговорить онъ, цѣлуя бѣлую, болѣзненно-прозрачную руку больного, — я знаю, что она мучитъ Машу... Сестра добрая, дѣвочка... И какъ ей не грѣхъ тревожить васъ...

На этихъ словахъ онъ поднялъ голову и съ какимъ-то особымъ одушевленіемъ откинулъ волосы назадъ.

— Развѣ можно прощать такія вещи?! — вырвалось у него.

— Ахъ, полно, Боря, оставь!—произнесъ больной. Сходи къ сестрѣ, что тамъ у нихъ? Успокой меня,—выговорилъ онъ и просительно смотрѣлъ на сына. Тяжолое дыханіе его раздавалось по комнатѣ.

— Молодой Телепневъ молча всталъ, поцѣловалъ руки отца, и проговорилъ:

— Я иду, папенька.

Когда онъ притворилъ за собой дверь спальни, въ бильярдной ему пришлось опять столкнуться съ бабинькой... Онъ измѣрилъ старуху съ ногъ до головы и прошолъ мимо ея твердой походкой, въ которой сказывалась уже энергія взрослого человѣка.

Бабинька была не одна; она говорила шопотомъ съ какимъ-то мужчиной, въ сѣромъ фракѣ, сѣромъ жилетѣ и сѣрыхъ панталонахъ; лицо этого господина было также сѣрое; сѣдые, плотностриженные волосы и бакенбарды, покрывавшіе щеки почти вплотъ до носу, придавали этому лицу звѣриный видъ; сѣрые глаза смотрѣли упорно и жестко изъ-подъ сѣрыхъ же бровей. И бабинька, и сѣрый господинъ очень похожи были на какихъ-то хищныхъ ночныхъ звѣрей... Они стояли облокотясь о бильярдъ; подлѣ нихъ, въ довольно-почтительной позѣ, помѣщалась толстая и грязная женская фигура, точно колбаса, перехваченная сверху веревочкой. Рябья щоки выпятились впередъ; носъ смотрѣлъ животненно и вмѣстѣ съ толстыми губами какъ нельзя больше шолъ ко всему корпусу. Почти лысая голова ничѣмъ не была покрыта; желтые глазки искрились и проявляли желаніе заглянуть всюду, если можно. Потасканная шаль покои-

дсь на плечахъ этой тучной особы, а изъ-подъ шали виднѣлось желтоватое клѣтччатое платье.

Старуха Телепнева указала головой на внука сѣрому господину, и когда дверь бильярдной затворилась, прошептала:

— Видѣли, Григорій Иванычъ, каковъ молодецъ? Онъ хоть бы поклонился вамъ!... Силъ никакихъ нѣтъ... Отца въ гробъ кладеть, — и голосъ бабиньки началъ принимать оттѣнокъ кислой жалости, сквозь которую слышна была злость. — Посмотрите-ка на Николинку, какой сейчасъ припадокъ былъ; я думала, кончается.

Сѣрый господинъ взглянулъ изъ-подъ своихъ звѣриныхъ бровей на красную дверь спальни и промычалъ что-то.

— Вѣдь, такихъ скверныхъ дѣтей свѣтъ не производилъ! Вотъ Амалія Христофоровна съ дѣвчонкой возится — просто, каторга!

Колбаса кивнула головой, испутивъ вздохъ.

— А все слабость отповская... старуха не договорила: изъ спальни послышался раскатъ кашля, который заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

— Ахъ, Боже мой! пойдите къ нему, Григорій Иванычъ, — вопишала бабинька, — вотъ они его какъ ухостили!

— Ничего, матушка, все пройдетъ, — пробасилъ на о сѣрый господинъ и неторопливо вошелъ въ спальню, куда послѣдовала за нимъ бабинька.

Амалія Христофоровна, изобразивъ на рябыхъ щекахъ своихъ нѣкоторое сокрушеніе, проползла также въ дверь спальни.

III.

Наверху, противъ комнаты Бориса (такъ мы будемъ называть молодаго Телепнева) была другая *дѣтская*, такого же разнѣра. Онъ быстро вошелъ въ нее. На порогъ бросилась къ нему дѣвочка лѣтъ 10 и обняла его. Это было такъ порывисто, что Борисъ опустился на низенькій диванъ, занимавшій, какъ и въ его комнатѣ, двѣ стѣны...

Дѣвочка вся дрожала. Борисъ началъ ее цѣловать.

— Голубчикъ мой, Машенька! говорилъ онъ тихо, смотря въ глаза.

— Ничего не было, Боря,—вдруг произнесла она,—ей-богу ничего... И поднявъ головку, дѣвочка обвила руками шею брата.

— Вѣрю, голубчикъ, вѣрю. Не бойся ты ихъ...

— Я знаю, я не боюсь,—шептала она сквозь слезы. — Мнѣ что... Бабушка, вѣдь, чай, папѣ насакала?—И лицо Маши при этомъ вопросѣ подернулось тревогой.

Дѣвочка была прекрасна. Въ ней поражало сходство съ братомъ; но всѣ черты, всѣ формы сложились изящнѣе, чище, привлекательнѣй. Синіе глубокіе глаза съ длинными рѣсницами, овалъ лица, губы, очертаніе носа—все просилось на картину. Изъ такихъ дѣвочекъ выходятъ модели для мадоннъ. Красота въ нихъ никогда не умираетъ. Закинувъ свою темнорусую головку съ густыми, крупными локонами, Маша точно не могла наглядѣться на брата.

Комната, гдѣ сидѣли братъ съ сестрой, была перегорожена ширмами. За ними виднѣлась бѣлая кровать съ пологомъ, въ углу кіотъ съ лампадой, а въ простѣнкѣ, между окнами, небольшой туалетъ розоваго дерева; на немъ горѣла свѣча.

— За что же она на тебя взѣлась?—сказалъ Борисъ, цѣлуя сестру въ голову.

— Это все та... толстая,—отвѣчала Маша, немного успокоившись. — Я сидѣла, училась; она мнѣ говоритъ: «Ступайте къ grand papa, она проснулась, поцѣлуйте у ней ручку»; а я не пошла, мнѣ дочитать хотѣлось... да и зачѣмъ я пойду къ бабушкѣ? — Ребенокъ произнесъ эти слова съ такимъ выраженіемъ, что Борисъ нѣсколько времени, и довольно внимательно, смотрѣлъ на нее.

— Ну, толстая и кинулась на меня; тутъ пришла бабушка... Я ее ничѣмъ не обижала, а она закричала «проси прощенья». Въ чемъ же бы я стала прощенья просить, скажи ты мнѣ, Боря?

— И не проси, Маша, если чувствуешь что невиновата,—проговорилъ онъ.

— А что папа?

— Она его растревожила.

— Очень, Боришка, очень?

— Очень, голубчикъ.

Произошло молчаніе. Дѣвочка, сидя на колѣняхъ брата, опустила головку и локоны покрыли совсѣмъ ея свѣтлое личико.

Черезъ минуту она встряхнула ими, и, обнявъ опять Бориса, тихо проговорила:

— Я попрошу у ней прощенья: она папѣ покою не дастъ...

Нужно, Боря, это сдѣлать... И скорбный, совсѣмъ не дѣтскій вздохъ вырвался изъ груди ребенка.

— Вотъ ты у меня какая!—сказалъ Борисъ—ты лучше меня.

— Пойдемъ туда, внизъ, Боринька, къ папѣ. Я съ нимъ прощусь, онъ увидитъ... ему легче будетъ.

Дѣвочка встала и взяла за руку брата. Стоя она была также изящна. На ней надѣто было темненькое шерстяное платье, подпоясанное кожанымъ кушакомъ, и бѣлый воротничокъ.

— Пойдемъ, — повторила она и повела Бориса на лѣстницу.

— погоди, голубчикъ,—отвѣтилъ ей братъ, отворяя дверь въ свою комнату,—я скажу только Мироновнѣ, чтобы она потушила у меня огонь.

— Мироновна!—крикнулъ онъ,—погаси свѣчку, я внизъ иду.

Старушка оказалась въ дверяхъ.

— Куда опять, долговязый? — проговорила она, шурясь и улыбаясь.

— Да, я опять внизъ, Мироновна. Ты, пожалуй, заснешь, свѣча нагоритъ.

— Ну, ужъ и засну! Ты-то, вотъ, самъ спать гораздъ, не добудишься въ гимназію.—Съ послѣдними словами она обратилась къ Машѣ.

Дѣвочка весело взглянула на нее.

— Экіе вы оба пригожіе! — замѣтила Мироновна, какъ-бы про себя—всѣ въ маменьку. Что, мамзель-то больно васъ муштруетъ, барышня?

Маша тряхнула локонами и необыкновенно-кротко и наивно отвѣчала: «муштруетъ».

— Колбаса, — проговорила старуха и, повернувшись, прибавила: — идите съ Богомъ, съ папенькой проститесь.

Маша, держась за руку брата, тихо и задумчиво спустилась съ лѣстницы.

— А вотъ у меня не было няни, — сказала она вслухъ. Дѣвочка произнесла это не какъ упрекъ, а спокойно, точно вдумываясь грустною думой въ свою дѣтскую жизнь.

Борису сдѣлалось холодно отъ этихъ словъ. И вдругъ онъ взялъ сестру на руки, и, покрывая поцѣлуями, повторялъ, спускаясь внизъ: «Маша моя добрая, Маша моя безцѣнная!»

Въ бильярдной никого не было, когда Борисъ и Маша вошли туда. Они приблизились на ципочкахъ къ дверямъ спальни, и Борисъ тихонько отворилъ.

Больной лежалъ уже въ кровати, на боку, подложивъ лѣвую руку подъ маленькую подушечку. Взглядъ его неподвижно устремленъ былъ на ручку двери. Положеніе всего тѣла было такъ мертвенно-спокойно, что можно было принять его за спящаго съ открытыми глазами.

Въ креслѣ помѣщался сѣрый господинъ, въ сухой, жесткой позѣ; у печки, въ углу, стояла бабинька. Фигура Амаліи Христоворовны виднѣлась изъ-за темнаго бюро...

Маша взглянула торопливо изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ на бабушку и подошла къ кровати.

Лицо больного просвѣтлѣло; онъ пошевелинулся и протянулъ руку. Дѣвочка поцѣловала и видно было, что ей хотѣлось нѣжно обнять отца; но она не смѣла.

— Ты на меня не сердись, папа — прошептала она, уткнувъ головку въ уголъ подушки.

Больной ничего не отвѣчалъ и опустилъ глаза.

— Я попрошу прощенья, — прибавила Маша, и смѣло подошла къ бабушкѣ.

Та вся съежилась и завернулась, почему-то, въ свою кацавейку.

— Простите меня, бабушка, — проговорила дѣвочка спокойнымъ, почти безстрастнымъ голосомъ.

Бабушка съ копачьей ужимкой наклонилась впередъ и просунула въ рукавъ свою желтую руку съ кривыми, цѣпкими пальцами.

— Ты не стойшь, — прошептала она, — чтобъ тебя прощали. Скверныхъ дѣвчонокъ сѣкутъ... Старуха не договорила... Маша уставила на нее глубокой и смѣлой взглядъ.

Амалія Христоворона выступила изъ-за бюро, и рябое лицо этой особы злобно смотрѣло на дѣвочку.

Бабинька сунула Машѣ руку, и та беззвучно приложилась къ ней.

Вся эта сцена отразилась на больномъ. Онъ съ дѣтской боязнью слѣдилъ за выраженіемъ лица матери, и когда Маша поцѣловала ея руку, онъ продолжительно вздохнулъ.

Маша бро силась къ нему отъ бабушки, и на этотъ разъ обвила его шею и нѣсколько разъ поцѣловала.

— Славная ты у меня... прошептала больной. Ему еще что-то хотѣлось сказать, но онъ отъ слабости опустился на подушки.

Бабинька подскочила къ кровати и, схвативъ Машу за рукавъ, отдернула ее.

— Оставь... папеньку тревожьшь .. ступай на верхъ. Амалія Христофоровна, уведите ее. Николнѣкъ почивать нужно. Старуха посмотрѣла искоса на всѣхъ и особенно-ѣдко на внука.

Борисъ стоялъ, облокотясь об бюро; руки его сложены были на груди. Онъ смотрѣлъ на сцену между Машей и бабинькой и когда Маша приложилась къ рукѣ старухи, онъ невольно вздрогнулъ.

Амалія Христофоровна двинулась впередъ; но прежде нежели она подошла къ Машѣ, та поцѣловала еще разъ отца въ плечо, обернулась къ Борису, и сказала ему полушопотомъ: «пойдемъ на-верхъ, Боря».

Борисъ взялъ Машу за обѣ руки, нагнулся и смотрѣлъ на нее.

Сѣдой господинъ всталъ съ кресла. Бабинька обратила къ нему свои подслѣповатыя глазки.

— Черезъ два часа проговорила она?

— Да, по столовой, — отвѣчалъ онъ ежовымъ семинарскимъ тономъ и, взглянувъ на больного, прибавилъ жестко, съ какой-то скверной усмѣшкой:—Спите, да на спину не ложитесь, а микстурку-то поакуратнѣ...

Больной не шевельнулся и лежалъ съ закрытыми глазами.

Сѣрый господинъ направился къ двери. Бабинька пошла за нимъ и, проходя, сказала внуку:

— Проститесь съ отцомъ. Его нужно оставить. Амалія Христофоровна, уведите же дѣвочку.

Колбаса взяла Машу за руку.

— Я приду, Машенька, сказалъ сестрѣ Борисъ и поцѣловалъ ее въ одишъ изъ длинныхъ локоновъ.

Дѣвочка, уходя изъ спальни, еще разъ взглянула на больного и, отнявъ руку отъ гувернантки, кивнула головой брату. Тихо, какъ-бы нѣхотя, вышла она изъ комнаты.

Больной былъ въ забытьи. Борисъ приблизился къ кровати, поправилъ одеяло, и, сложивъ опять руки на груди, простоялъ такъ минуты двѣ.

Вдругъ больной приподнялся. Лицо его изнывало отъ боли. Онъ бросилъ на сына тусклый взглядъ, и тяжелымъ голосомъ востоналъ: ¶

— «Истрадался я...»

Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на другой бокъ и вялъ опять въ прежнюю неподвижность.

Жутко было Борису, когда онъ выходилъ изъ спальни.

У бильярда стоялъ служитель съ вялой, заспанной наружностью, лѣтъ 30-ти, въ коричневомъ, потертомъ фракѣ, который придавалъ ему весьма комическій видъ. Подлѣ него помѣщалась маленькая, толстенная фигурка — не то горничная, не то приживалка, — въ грязножелтой кацавейкѣ. Сѣрые глазки этой женщины искрились; носъ былъ очень нахаленъ; скулы выдались и на щекахъ видѣлись красныя жилки. Жидкіе волосы, съ просѣдью, завернуты были на темени въ микроскопическую косичку.

— Яковъ,—сказалъ Борисъ человѣку,—если папенькѣ будетъ дурно ночью, разбудить меня.

— Я прибѣгу-съ, баринъ миленькій, — пролепетала маленькая женщина и хотѣла поцаловать его въ плечико...

Онъ отклонился и неприятно вздрогнулъ.

— Яковъ ничего не отвѣтилъ, а хлопнулъ только глазами; а маленькая женщина проговорила со вздохомъ:

— «Я всю ночь-съ около папеньки... Вы не извольте беспокоиться».

Борисъ вышелъ въ корридоръ, взглянулъ на скучную лампу, бросающую тусклый свѣтъ длинной полосой, повернулъ въ залу, началъ ходить. Звонко раздавались его шаги и половицы паркетнаго пола потрескивали тамъ и сямъ. Изъ бильярдной слышалось щоканье маятника; изъ передней доходилъ чей-то однообразный храпъ... Тяжело, мертвенно, тоскливо было во всемъ этомъ домѣ...

IV.

Не въ первый разъ ходить онъ въ раздумьи по темной, пустой залѣ, перебираетъ прошлое, задаетъ себѣ все тѣ же вопросы.

Что же заключалось въ этомъ прошломъ?

Давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, женился дѣдушка Дмитрій Петровичъ Телесневъ—не по любви, не по корысти, какъ рассказывала Борису нянька Мироновна, а такъ, шутъ его знаетъ, прости Господи, какъ и зачѣмъ...

Дѣдушка былъ старичокъ низенькій, сѣденькій, розовый такой, ходилъ тихо, говорилъ картаво и, какъ маленькій, любилъ

только лакомства; а больше, кажется, никого и ничего не любилъ.

А если и любилъ, такъ не смѣлъ любить... Бабинька не призывала.

И сидѣлъ онъ вѣчно въ кабинетѣ, что-то такое писалъ, что-то такое читалъ, выходилъ къ обѣду, садился возлѣ бабушки, цѣловалъ у нея ручку послѣ обѣда, и уходилъ опять къ себѣ въ кабинетъ.

Иногда дѣдушка призывалъ маленькаго Борю къ себѣ, вынималъ изъ бюро крымское яблоко или пряникъ и отдавалъ ему, не говоря ни слова.

Умеръ дѣдушка также незамѣтно какъ жилъ... И кажется, что и теперь онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ.

Мать Бориса была высокая, блѣдная женщина съ синими глазами, которые она передала и ему и его безцѣнной Машѣ... Она цѣлые дни проводила наверху, въ той комнатѣ, гдѣ онъ живетъ теперь. Она часто плакала, часто молилась и его ставила возлѣ себя. И мальчикъ, смотря на плачущую мать, принимался рыдать и цѣловать ея руки... Не приходило ему на мысль спрашивать мать за чѣмъ она плачетъ... Она такъ и умерла, не сказавши ему причину своихъ слезъ. Борисъ выучился у ней читать, и когда прочелъ всю азбуку, у него родилась сестра. Черезъ годъ Маша начала ходить; а матери ихъ не стало...

Отецъ рѣдко бывалъ дома. Онъ все ѣздилъ куда-то далеко, по службѣ, какъ послѣ узналъ Борисъ. А когда возвращался, никогда почти не сидѣлъ съ матерью. Онъ былъ такой красивый, стройный; но рѣдко бывалъ веселъ. Бориса онъ ласкалъ, но все украдкой.

Когда мать умерла, отецъ долго горевалъ, и съ этого времени жизнь мальчика измѣнилась; онъ почувствовалъ впервые гнетъ бабиньки, Пелагеи Сергѣевны.

А она всегда была такая же, какъ и теперь: жолтая, костлявая, все въ той же сѣрой каповейкѣ.

Рано почувствовалъ маленькій Боря, что отъ Пелагеи Сергѣевны всѣмъ жизнь нерадостна въ большомъ дикомъ домѣ. Мальчикъ видѣлъ, что съ матерью никогда почти не говорила она, и никогда не зналъ онъ отъ нея никакой ласки; цѣлый день слышался по дому шипящій голосъ старухи, и всѣ, начиная съ дѣдушки, кончая Юлькой, дѣвчонкой на побѣгущахъ, преклоня-

лись передъ старой барыней. Отецъ Бориса, когда жила въ дома, обращался въ маленькаго мальчика и все молчалъ, все молчалъ. Часто бабинька, нашептывала ему что-то у себя, въ диванной, и онъ становился нахмуреннымъ, когда приходилъ наверхъ, къ женѣ, и мать Бориса еще больше плакала, еще сильнѣе худѣла.

На сердцѣ мальчика расло отвращеніе къ старухѣ.

И вотъ, со смерти матери, онъ остался одинъ съ нею... Отецъ сталъ больше жить дома, но попрежнему, урывками обращался къ Борису, и былъ для него все тѣмъ же полужимъ человѣкомъ.

Но мальчикъ начиналъ замѣчать, что не холодность отца была тому причиной, отецъ задыхался въ этомъ домѣ, и бѣгалъ отъ него.

Взяли Борису гувернера, забитаго нѣнца; назвали мальчика учить; раздѣлили его день на клѣточки: утромъ уроки, вечеромъ уроки. Бабинька являлась и пронизывала мальчика своими глазами. Онъ лѣнился въ первое время; она собственноручно его наказывала и, по прїѣздѣ отца, передавала ему все съ прикрасами.

Борису былъ уже десятый годъ, когда отецъ его, въ первый разъ, серьезно занемогъ.

Тутъ мальчикъ приблизился къ отцу и полюбилъ его.

Но бабинька не допускала и этого сближенія. Она своимъ шипящимъ голосомъ, своими костлявыми ужимками отравляла для мальчика тѣ минуты, когда онъ урывками прибѣгалъ къ отцу и молча садился у кровати больного. Его сейчасъ отправляли наверхъ, въ классную, и онъ проводилъ цѣлые часы за нѣмецкими вокабулами, ничего не видя и ничего не понимая.

И во всѣ привязанности ребенка она подливала капли своего старушечьяго яда...

Къ Машѣ приставили самую злую и ненавистную женщину въ домѣ; Авдотью, которая точно списана была съ бабиньки. Борисъ видѣлъ, что маленькую сестру его держатъ дурно, что она осталась безпомощной, круглой сиротой, и еще тогда, ребенкомъ, создалъ себѣ цѣль—защитить свою *сестренку*, какъ онъ ее называлъ; и еще тогда его любовь къ дѣвочкѣ давала ему совѣтъ не дѣтскую энергію. Всѣ свободные часы между уроками онъ одилъ съ сестрой, былъ для нея нянькой, игралъ съ ней, водилъ ее, носилъ на рукахъ, и какъ бы горько ни пришлось ему въ классной, онъ бѣжалъ къ Машѣ и глядя на ея свѣтлое

личко, на ея синіе, прекрасные глаза, мальчикъ бывалъ счастливъ, мальчикъ чувствовалъ, какъ хорошо любить *сестренку*.

Но эта любовь давала ему всего больше страданій. Бабынька отнимала у него сестру, гонила его отъ Маша; при немъ, точно нарочно, муштровала и доводила до слезъ, чтобъ наказать, поставить въ уголь, или собственноручно высѣчь.

И мальчикъ спрашивалъ себя: «чего нужно этой противной старухѣ? зачѣмъ она всюду вмѣшивается, и всѣхъ язвить, всѣхъ давить?»

Только-что Борисъ сталъ привыкать къ своему забитому нѣмцу, только-что сошелся съ нимъ, и нѣмецъ полюбилъ его, понявъ тяжелое положеніе ребенка—бабынька взъялась на нѣмца и прогнала.

Мальчика отдали въ гимназію и приставили къ нему другого нѣмца, нелѣпаго, грубаго, безобразнаго. Борисъ и съ нимъ ужился бы, еслибъ нѣмецъ не возмущалъ его своей подленькой натурой. Онъ поставилъ себя въ лакейское положеніе передъ бабынькой и требовалъ, чтобъ внукъ оказывалъ ей всевозможные знаки почтенія, цѣловалъ ей руки, подслуживался, говорилъ ей похвальные стихи. Мальчикъ рѣшительно возмущился противъ такой системы. Выходили сцены; вмѣшивали отца; онъ выговаривалъ мальчику, просилъ его не грубить бабушкѣ, заставлялъ извиняться... И все это дѣлалъ онъ какимъ-то страннымъ тономъ. Мальчикъ рѣшительно не понималъ отца, но инстинктомъ чувствуя, что онъ тоже страдаетъ, исполнялъ его просьбы и слабыя приказанія.

Все это закаливало его натуру. Онъ совсѣмъ почти потерялъ дѣтскую живость. Въ домѣ онъ ни шагу не могъ сдѣлать не думая о томъ, чего нужно ждать отъ бабушки, какъ это отражается на отцѣ, на Машѣ...

Любовь къ сестрѣ перешла у него въ страсть. Онъ только и считалъ жизнью тѣ минуты, когда ему удавалось вечеромъ сѣсть съ ней гдѣ-нибудь въ уголокъ, слушать ея ребяческой лепетъ, цѣловать ея густые локоны...

Въ жизни отца онъ не замѣчалъ ничего новаго. Онъ, попрежнему, почти не жилъ дома; но чаще и чаще заболѣвалъ, и Борисъ познакомился съ его душливымъ кашлемъ, слышнымъ во всему дому.

Грубый и подленькій нѣмецъ отошелъ: и его выжила бабынька. Маша поступила съ трехъ лѣтъ подъ вѣдѣніе Амалии

Христофоровны, и борьба за нее сдѣлалась для брата еще сложнѣе. Мальчикъ захотѣлъ, во что-бы ни стало, учить ее читать самъ. И сколько маленькихъ, но ѣдкихъ столкновений пережили эти дѣти!

Въ двѣнадцать лѣтъ Борисъ почти осмыслилъ свое положеніе въ домѣ.

Онъ вышелъ изъ того дѣтскаго состоянія, когда боль и тяжесть жизни принимаются нами страдательно, вызываютъ только мгновенную ребяческую реакцію и стоять какъ что-то внѣшнее, страшное или назойливое... Борисъ сталъ уже принимать все, что онъ переживалъ, какъ преддверіе долгой борьбы, на которую онъ долженъ быть готовъ каждую минуту.

Его маленькая жизнь распалась на нѣсколько полныхъ, совершенно, ясныхъ для него, сферъ. Учился онъ по врожденной даровитости, и это не составляло для него *дома, обузы*; но когда мальчикъ возвращался домой, все принимало въ глазахъ его строгій видъ дѣйствительности, требующей, налагающей какой-то крестъ, гдѣ ни чего не можетъ быть сдѣлано *такъ*, за все придется отвѣчать чѣмъ-нибудь, во всемъ завязано что-нибудь хватающее за сердце, и поднимающее все новью, живые, неотвязные вопросы.

И молодая натура не падала. Напротивъ, она набиралась энергій...

Когда бабынька хлопотала приставить къ Борису новаго гувернера, онъ спросилъ себя: зачѣмъ мнѣ гувернеръ? и отвѣтилъ: бесполезенъ. Онъ уже зналъ какъ ему жить въ этомъ домѣ. И никакой гувернеръ не облёгчилъ бы ему его задушевной жизни. Но мальчикъ радъ былъ *человѣку*. Въ немъ сильна была потребность сближенія съ кѣмъ-нибудь. А новый учитель уже не пугалъ его *какъ учитель*, онъ впередъ зналъ, что могло быть между ними.

Новый гувернеръ оказался французъ, старичокъ, плѣшивенькій, въ приглаженномъ паричкѣ, въ табачномъ фракѣ, съ вѣчной улыбкой и съ однѣми и тѣми же шуточками.

Онъ попалъ въ гувернеры по убожеству; а прежде, лѣтъ двадцать состоялъ въ русской службѣ, имѣлъ званіе штабъ-лекаря, почему по смерти свою получалъ даромъ изъ аптеки розовую воду, для промыванія красныхъ, вѣчно-плачущихъ глазъ.

Старичокъ Богъ знаетъ чего не испыталъ въ жизни: потерялъ жену, былъ несчастнѣйшимъ отцомъ семейства, весь свой вѣкъ

раздражень былъ на части заботами, непріятностями, дразгами, и старости дѣтъ чуть не умеръ съ годову и остался весель, невозмутимъ, игралъ на флейточкѣ, и каждый день, смѣясь, спрашивалъ у Бориса: «какой парикъ надѣтъ сегодня»? Ихъ у него было шесть штукъ, и всѣ дареные.

Когда мальчикъ узналъ жизнь своего новаго гувернера, его поразила эта живучая, невозмутимая натура.

Правда, ему не нравилась французская легкость въ Карлѣ Ивановичѣ; но чѣмъ-то примирительнымъ вѣяло отъ старичка. Мальчикъ на живомъ человѣкѣ видѣлъ, что, какъ бы ни горька была судьба, все же тамъ, на днѣ души, есть родникъ той силы, безъ которой лучше живому ложиться въ гробъ.

И ему стало полегче.

Съ французомъ у него установились совѣтъ неученическія отношенія.

Для Бориса онъ былъ добрый, веселый старичокъ, котораго нужно жалѣть и лучше не замѣчать его слабостей. А французъ подъ старость любилъ выпить. Бабинька это подмѣтила и подъ конецъ прогнала его. Онъ прожилъ всего года два и на Борисѣ хорошо отразилось влияніе его общества, его кроткаго, примирительнаго ума и какого-то дѣтскаго юмора. У мальчика сгладились сосредоточенность; всѣ приемы его сдѣлались мягче и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержаннѣе, мужественнѣе. По внѣшности онъ былъ даже слишкомъ безукоризненъ..

А жизнь, съ каждымъ днемъ задавала ему все новые вопросы.

Молодой Телепневъ ясно видѣлъ, что все существованіе отца было чѣмъ-то разбито. И какъ ни старался онъ вызвать его на откровенность, узнать его задушевную повѣсть — отецъ точно убѣгалъ отъ него. Онъ былъ нѣженъ съ Борисомъ въ нѣныя минуты; но мальчикъ никогда не слышалъ отъ отца никакого прямого слова, совѣта, внушенія; онъ какъ-бы боялся завязать съ сыномъ настоящую, кровную связь.

И съ каждымъ днемъ онъ становился скучнѣе, подавленнѣе; здоровье его быстро портилось; онъ уже почти не выходилъ изъ спальни, и дѣлался равнодушнѣе ко всему. Его подчиненіе матери переходило въ какую-то апатическую привычку.

И вотъ случилось обстоятельство, которое освѣтило для Бориса маленькій уголокъ семейной драмы.

Борисъ зналъ, что у него есть дядя, меньшей братъ отца;

онъ никогда не жилъ въ семействѣ; о немъ никогда не говорили. Какая-то тайна была связана съ этою личностью, и Борисъ могъ узнать только, что бабинька не любила меньшого сына; что онъ всегда поступалъ противъ ея воли, пропадалъ куда-то изъ Россіи на нѣсколько лѣтъ, и былъ человѣкъ вообще странный.

Помнилъ Борисъ, что когда ему было лѣтъ пять, дядя пріѣзжалъ домой. Онъ носилъ тогда большую черную бороду, былъ блѣденъ и высокъ ростомъ. Его онъ очень обласкалъ и все держалъ у себя на колѣняхъ. Борису помнилось также, что въ эти дни мать его совѣмъ заперлась въ своей комнатѣ и почти не видалась съ дядей.

Потомъ дядя какъ въ воду канулъ.

Вскорѣ послѣ изгнанія бѣднаго Карла Ивановича отецъ Бориса вдругъ уѣхалъ въ Москву.

Бабинька страшно чѣмъ-то волновалась, и внучкамъ не было отъ нея прохода.

Отецъ вернулся изъ Москвы не одинъ, а съ дядей. Бориса поразила личность этого человѣка. Онъ былъ все такой же блѣдный, какъ и тогда, когда мальчикъ увидѣлъ его въ первый разъ, но печать неестественной старости лежала на лицѣ его. Что-то такое же нервное, болѣзненное виднѣлось въ немъ, какъ и въ отцѣ Бориса.

Дядя прожилъ въ домѣ всего три дня. Отецъ и бабинька заперались съ нимъ въ кабинетѣ, и что между ними было — неизвестно. Отецъ долго не ложился спать и все говорилъ съ братомъ, бабинька металась, какъ летучая мышь, по всѣмъ угламъ. Вечеромъ третьяго дня слышенъ былъ въ кабинетѣ крупный разговоръ, и визгливый голосъ бабиньки пронзительно прорывался въ общемъ гулѣ.

Потомъ въ домѣ засуетились: съ бабинькой слѣлалось дурно. Ее отвели въ спальню; дядя бросился изъ кабинета, блѣдный; отецъ сперва побѣжалъ къ матери, а потомъ они оба заперлись опять въ кабинетѣ.

Утромъ, на другой день, чѣмъ-свѣтъ, дядя уѣхалъ

И еще мрачнѣе, тоскливѣе, невыносимѣе стало въ домѣ.

Отецъ Бориса ходилъ какъ тѣнь, онъ его видѣлъ только за обѣдомъ. Послѣ обѣда отецъ ложился спать, потомъ съ часъ кашлялъ, и на весь вечеръ отправлялся въ клубъ.

Черезъ полгода отецъ Бориса ѣздилъ еще разъ въ Москву,

и, вернувшись, слегъ въ постель... онъ не вставалъ съ нея цѣ-
лый годъ.

Послѣднимъ ударомъ для него была вѣсть о внезапной смер-
ти брата. Бабинька похныкала одинъ день — и зашипѣла по-
прежнему. Между нею и сыномъ вспыхнуло что-то. Онъ умо-
лялъ ее о чемъ-то нѣсколько дней — и замолкъ. Страданія
сердца и печени окончательно сломили его.

Начался послѣдній періодъ скорбной жизни дикаго дома.

Борисъ не отходилъ отъ отца; тотъ сбросилъ, наконецъ, свое
безиолвіе. Борисъ узналъ, что дядя пріѣзжалъ просить позво-
ленія жениться; выслушалъ проклятіе старухи и женился тай-
комъ. Но многого не говоритъ отецъ. Борисъ видѣлъ, какъ онъ
таетъ съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ строже и без-
выходнѣе поднимался передъ нимъ вопросъ: «что же будетъ
послѣ смерти отца?»

Онъ какъ-бы пересталъ жить своей жизнью. У него бы-
ла одна мысль, одна забота, одно горе... *Мальчика* уже не
оказывалось въ немъ; въ его семнадцати годахъ было все, кромѣ
беззаботности и счастья.

Онъ понималъ, что со смертью отца все перейдетъ въ руки
бабиньки. О состояніи онъ не думалъ; онъ думалъ только о Машѣ.
Какъ онъ вырветъ у бабиньки свою *сестренку*, какъ отдалитъ онъ
отъ кровати умирающаго этихъ скверныхъ, сухихъ людей, этого
сѣраго доктора, повѣреннаго всѣхъ тайнъ бабиньки? Неужели
до самой смерти не удастся ему высказаться передъ нимъ впло-
нѣ, освободить его хоть на одинъ мигъ отъ мертвящаго гнѣта
старухи?..

Его хватало за душу при мысли объ этой печальной, раз-
битой, подавленной жизни. И нѣсколько лѣтъ онъ ходилъ какъ
въ туманѣ, только предчувствовалъ, только готовился къ чему-
то, порывался туда, куда его не пускали; и вотъ теперь, когда
онъ окрѣпъ, когда онъ не мальчикъ, съ кѣмъ ему бороться?—со
смертью!

Послѣдній годъ развилъ его больше десяти лѣтъ. Онъ смот-
рѣлъ на дѣйствительность такъ трезво и строго, что даже ис-
пугался. Онъ точно самъ собирался умирать. Точно съ жизнью
отца уходила и его жизнь. А между тѣмъ, сознание говорило
ему, что на себя только и была надежда.

Только свѣжая, молодая натура знаетъ, каково переживать впе-
чатленіе смерти, агоніи, истощенія... каково принимать бремя жиз-

ни и глядеть безстрастно и твердо въ глаза судьбы, нависающей на тебя крестъ въ то время, какъ каждый фибръ, каждая нервъ, каждая кровинка наполняютъ тебя, немощно твоей воли неустержимымъ и страстнымъ стремленьемъ сбросить все это, отдаться свѣтлымъ видѣнiямъ жизни, бвнать куда глаза глядятъ, и свободно, свободно дышать...

V.

— Кушать угодно?—проговорилъ, жиденькимъ голосомъ, за-
спанный лакей въ синемъ фракѣ, показавшись въ дверяхъ
залы.

Борисъ вздрогнулъ.

— Который часъ?—спросилъ онъ.

— Одиннадцать часовъ—двѣнадцатый.

Онъ и не замѣтилъ, какъ пробѣжали четыре часа.

«Неужели я это все ходилъ по залѣ?» спросилъ онъ себя
мысленно; и, обращаясь къ лакею, сказалъ громко:

— Я не хочу ужинать. Доложи Пелагеѣ Сергѣевнѣ, что я
пошелъ спать.

— Слушаю-сь,—проговорилъ лакей и скрылся.

Борисъ никогда не ужиналъ съ бабушкой, и каждый разъ
она посылала напоминать ему объ ужинѣ. Онъ избѣгалъ встрѣтъ
съ нею, зная, что добромъ ни одна не кончится...

Въ залѣ сдѣлалось еще темнѣе: лампа погасала. Пахло копотью,
и дрожь пробѣжала по всему тѣлу Бориса.

Онъ окинулъ взглядомъ сумрачную залу, и, потупя голову, вышелъ
въ корридоръ... Въ бильярдной не было уже свѣта, только
въ углу на столикѣ мерцалъ огонекъ маленькой лампы, по-
ставленной на тарелку.

На кругломъ диванѣ спалъ камердинеръ и солидно храпѣлъ.
Только-что Борисъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ—въ углу, у сто-
лика, что-то такое зашевелилось. Женская фигурка, которая по-
рывалась поцѣловать его въ плечико, вскопчила и подбѣжала.

— Пошываетъ-сь,—прошептала она, показывая на дверь спальни.

Борисъ приблизился на ципочкахъ къ двери и сталъ слушать.

Раздавалось рѣдкое, но довольно громкое дыханiе больного.

— Я не сплю-сь,—прошептала маленькая женщина, и когда Бо-
рисъ подставлялъ голову къ двери, она еще разъ попыталась по-
цѣловать его въ плечико.

Эта женщина была — наперсница бабиньки, разливательница чая и собирательница всѣхъ сплетень и таинствъ дворни. Борисъ зналъ ея качества, и ему противно было, что ее вриставили сидѣлкой къ отцу, который точно такъ же не могъ ее терпѣть.

Подымаясь по лѣстницѣ онъ вспомнилъ о Машѣ.

— Она, спать,—говорилъ онъ себѣ;—а я и не сходилъ съ ней проститься. Она, чай, ждала меня не дождалась.

И только что онъ поднялся на площадку, его кто-то окликнулъ:

— Маша, ты не спишь,—проговорилъ онъ, протягивая руки въ темнотѣ...

Дѣвочка бросилась къ нему.

— Ты, Боря, не говори,—шептала она,—пойдемъ къ тебѣ въ комнату... Я вѣдь тихонько ушла.

— Откуда... какъ ушла?.. И съ этими словами Телепневъ вошелъ въ свою темную комнату и зажегъ свѣчку.

Сестренка его прикрывалась чѣй-то мантильей. На голыя ножки надѣты были старенькіе козловые башмаки... Локоны растрепались. Вся фигура ребенка полна была какой-то независимой граціи.

— Я думала Боря, — проговорила дѣвочка, — что ты уѣхалъ куда... я ждала-ждала тебя... Меня толстая укладывала спать; а я не шла... внизъ-то она меня не пускала... Папа, говорить, заснулъ, вамъ, говорить, нечего тамъ дѣлать.—Ты гдѣ же былъ?

— По залѣ всѣ ходилъ, голубчикъ...

— Вонъ ты какой скучный. Ужъ ты не боленъ ли?—Ребенокъ произнесъ эти слова серьезно, точно съ материнской заботой.

— Нѣтъ, Машенька, съ чего ты взяла, голубчикъ... И онъ принялся ласкать ее.

— А папа-то вѣдь умереть;—вдругъ сказала дѣвочка, надорваннымъ голосомъ.

— Что ты, Маша, Господь съ тобой.

— Я вижу... что намъ тогда дѣлать, Боря?

— Папа выздоровѣетъ... Прощай, сестренка, тебя хватятся.

— Хватится толстая... да все равно.—И дѣвочка еще разъ расцѣловала брата. Уходя, она сложила руки и грустно произнесла:

— Боря!...

— Что голубчикъ?

— Я еще разъ помолюсь объ томъ, чтобъ папа не такъ кашлялъ... и остался бы жить съ нами... Ну, прощай... И Маша задумчиво вышла изъ комнаты.

Борису стало еще больнѣе, чѣмъ было въ залѣ.

Онъ подошелъ къ столу и выбралъ одну изъ учебныхъ книгъ, — это былъ Смарагдовъ. — потомъ сталъ раздѣваться.

За перегородкой, въ ящикѣ, спала Мироновна и проснулась въ эту минуту.

Старушка вышла и начала опять шуриться.

— Зачѣмъ ты встасшь? спала бы себѣ, — проговорилъ Борисъ.

— А коли не нужно, такъ я и опять залягусь, — отвѣтила старушка соннымъ и добродушнѣйшимъ голосомъ.

Мироновна нянчила Бориса, и послѣ смерти его матери не оставляла своего питомца, прислуживала ему, и жила въ его комнатѣ.

Бабинька не допустила ее къ Машѣ, и Мироновна только урывками видѣла барышню, и долго не могла помириться съ тѣмъ, что не привелось ей вынянчить сестру Бориса, котораго она любила безъ памяти.

Старушка эта владѣла очень ровнымъ характеромъ. Она переживала свои испытанія такъ же, какъ французъ, Карлъ Ивановичъ; и никто не слыхалъ, чтобъ она хныкала, или на что-нибудь жаловалась.

Юморъ никогда не оставлялъ ее; но она все видѣла, все понимала, и Борисъ зналъ сколько теплоты и правды таилось въ его комической нянѣ. Онъ отводилъ съ ней душу въ самыя грустныя минуты; и всегда выносилъ изъ столкновений съ ея натурой какое-то свѣжее, здоровое чувство. Но тратить попусту слова старушка не любила.

Въ бильярдной часы пробили половину двѣнадцатаго, Борисъ легъ въ кровать, и довольно долго еще читалъ Смарагдова.

Читалось плохо. Ему хотѣлось поплакать, обнять свою Машу, и заснуть подъ ея дѣтскую молитву.

Въ домѣ была мертвая тишина. Только бабинька, у себя, въ такъ называемой диванной, напощывала что-то на сонъ грядущій и, поворачиваясь съ боку на бокъ, крестила костлявыми пальцами всѣ углы комнаты.

Зала еще освѣщалась мерпаньемъ лампы. Служители забыли снѣтъ ея, и она умирала, шипя и охая.

И еслибъ кто нибудь зашелъ въ этотъ большой дикій домъ, его-бы обдало какой-то особенной атмосферой затхлаго, стараго, стоячаго... И проходя рядъ высокихъ комнатъ, поднимаясь во лѣстницамъ, заглядывая въ каморки и закоулки, онъ спроситъ-бы, можетъ быть: куда же ушла отсюда жизнь, что видѣли эти стѣны, говорятъ-ли онѣ что-нибудь... Есть-ли для нихъ будущность или онѣ обречены на вѣчный сонъ?..

И въ отвѣтъ послышался-бы изъ передней тяжелый, безконечный хланъ.

VI.

Что же говорили эти стѣны, эти комнаты, каморки и переходы?

Они рассказывали все ту-же повѣсть, обыденную, длинную, несвязную, ту самую, что и вы, и я, и десятки людей заучиваемъ нехотя, повторяемъ такъ некстати.

Въ передней ничто не измѣнилось. Масляная краска изображала тотъ же мраморъ; лари были тѣ же, какъ ихъ сколотили во дни постройки дикаго дома; висѣло въ простѣвкѣ то же сумрачное зеркальцо, стоялъ все тотъ же красный столъ съ безчисленными нарѣзками—плодомъ досуговъ многочисленной лакейской братіи.

Въ этой передней десятки лѣтъ не умирали громкіе разговоры и звучное общее храпѣніе. Сколько разъ, Борисъ, послѣ вечернихъ уроковъ, когда во всеи домѣ наступала мертвая тишина, слушалъ изъ залы гулъ и храпъ лакейской, съ желаніемъ прервать его и спросить себѣ у буфетчика стаканъ квасу и лошотъ чорнаго хлѣба—свое любимое кушанье. И мальчикъ удерживался. Онъ зналъ, что буфетчикъ съ хмурымъ и кислымъ видомъ посмотритъ на барченка, и отвѣтитъ *сейчасъ* такимъ тономъ, что не въ охоту будетъ приниматься за свой любимый квасъ и чорный хлѣбъ.

Были въ этой передней свои законы, нравы и привычки. Поутру всѣ сидѣли съ ногами на ларяхъ, спала одна треть. Дворедкій Родивонъ читалъ у окна псалтирь; обучившіеся портному и сапожному ремеслу открывали свои мастерскія; не стѣсняясь прїѣздомъ гостей. Благородные дилеттанты предавались игрѣ въ шанки и куренію *самкроше* и *лучшаго вакитшафа*. Послѣ обѣда

спали двѣ трети, остальные расходились: кто въ музыкантскую, кто въ кухню; оставался какой-нибудь мечтатель, и, прислонясь къ горячей печкѣ, грѣлъ свои ладони и мурлыкалъ что-нибудь подъ носъ. Вечеромъ бесѣда оживлялась, являлись музыкальные инструменты, гармонин, бандуры, мордовскіе гусли, разказывались анекдоты, и потомъ вдругъ все смолкало. Всѣ три трети погружались въ истинно-лакейскій сонъ. На столѣ нагарала девятириковая свѣча—*мохлытьрка*, какъ называли ее остряки передней,—и красный свѣтъ ея утопалъ въ густомъ, спертномъ воздухѣ, въ которомъ было все, кромѣ кислорода.

«Зачѣмъ столько дворни? спрашивалъ себя не разъ *барченко*.— Откуда въ ней это тупое недовольство, почему неловко проходить черезъ эту переднюю?..»

Когда ему случалось провожать своего нѣмецкаго учителя, или учителя музыки, онъ видѣлъ, что никто изъ служителей не поднимался съ мѣста, никто и не думалъ подать *льлянд* скромную шинель.

И что-то досадное рождалось на сердцѣ мальчика.

А *Передняя* продолжала жить своею жизнью, и весь домъ состоялъ при ней, былъ безъ нея невымыслимъ; но она не отнимала у залы ея обстановки, ея жизни и воспоминаній.

Большая желтая зала смотрѣла угрюмо. Въ задней стѣнѣ были хоры. Они казались, въ сумеркахъ, какой-то бездонной пропастью.

Сухо и жестко глядѣли эти желтые стулья и лощенные столы, разставленные въ застывшей симметріи. И цвѣты на окнахъ и растенія въ горшкахъ—все было тускло, и неарядно. Смѣшно даже было смотрѣть на эту зелень.

«Зачѣмъ она тутъ? Неужели для украшенія, спрашивалъ себя мальчикъ, ходя взадъ и впередъ по залѣ, въ долгіе зимніе вечера.—Неужели въ этой залѣ бывало весело?»

А мы знаемъ, что тутъ гремѣла когда-то доморощенная музыка, на стѣнахъ горѣли, въ жестяныхъ бра, салныя свѣчи, и, подъ мазурку Хлопцакаго, брэнчали шпоры и разсѣялся воздухъ скачущими парами.

Буфетчикъ Алешка, пресытившись звуками, предавался сладкому сну въ объятяхъ контробаса, и мазурка шла себѣ безъ баcovыхъ нотъ.

Да то-ли еще бывало!.. Оркестръ въ полномъ сборѣ. Собираются играть *концерты*, какъ говорятъ старые дворовые му-

шнаты. Вотъ начали. Затрубили волторны, заработали скрипки, флейта, какъ водится, зафальшивила, все идетъ прекрасно.

Вдругъ капельмейстеръ, Карлъ Федорычъ, останавливаетъ разыгравшійся хоръ и обращается съ удивленнымъ, но кроткимъ шепотомъ къ дворецкому, играющему съ большою важною на шпигетѣ.

— Родивонъ Ивановичъ, вѣдь вы что-то не то играете,—говоритъ Карлъ Федорычъ, указывая съ нѣкоторой нервнотностью на ноты, лежащія предъ Родивономъ Ивановичемъ.

— Нѣтъ-съ, я то играю,—отвѣчаетъ дворецкій съ глубокимъ сознаніемъ своего музыкальнаго достоинства.

— Да вы что же играете-съ, --позволяетъ себѣ спросить Карлъ Федорычъ.

— Я изъ Калифа Багдадскаго.

— А вѣдь мы изъ Двухъ Слѣпцовъ.

Волторнисть Федька фыркаетъ, по необузданности своего характера, Родивонъ Ивановичъ сердится и объявляетъ, что у него и нотъ нѣтъ изъ Двухъ Слѣпцовъ. Играютъ Калифа Багдадскаго.

Все это было; но оно не оставило залѣ ничего кромѣ пустоты, пыли и мертвой тишины.

И только старое, добродушное фортепьяно съ отдѣлкой изъ корельской березы, сокращало долгіе часы, тянувшіеся въ этой желтой, безволезной комнатѣ. Къ нему присаживался мальчикъ, и бралъ тихіе аккорды, и, не зная нотъ, наигрывалъ какія-то мелодіи, неизвѣстно когда и гдѣ имъ подслушанныя.

Два раза желтая зала освѣщалась погребальнымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчъ.

Посреди ея стоялъ столъ, на столѣ—гробъ, и дѣдушка, въ какомъ-то старинномъ мундирѣ выглядывалъ изъ него и точно улыбался. Маленькому Борѣ не страшно было смотреть на покойника. Онъ видѣлъ кругомъ тоскливыя, слезливо сморщенный лица дворовыхъ, старухъ, одѣтыхъ въ черныя каленкоревыя платья, съ бѣлыми платками на головахъ—и ему не хотѣлось плакать. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ гробъ, и покровъ, и свѣчи, обвитыя флеромъ, и не нѣскольку разъ въ день подюндилъ къ бархатной подушкѣ, на которой лежали очень красивые крестини... Въ залѣ было тогда такъ холодно, чѣмъ-то курили; въ форточки, врывался рѣзкій мартовскій воздухъ; дверь въ переднюю безпрестанно отворялась, и къ гробу подходили разные гости, мелодыи барашки, старушки, всякіе господа;

толстые и худые. Одни, перекрестившись и сдѣлавъ земной поклонъ, прикладывались къ дѣдушкѣ и, постоявъ нѣсколько минутъ, уходили; другіе заговаривали съ прислугой и оставались по-получасу.

Близкіе знакомые отправлялись въ диванную, къ бабушкѣ. Она не показывалась въ залу, и мальчику было очень весело и покойно.

Въ залѣ красиво горѣли высокія свѣчи; темные углы рѣзко отдѣлялись отъ середины комнаты, гдѣ гробъ подымался высокъ надъ головой Бори; и онъ все смотрѣлъ на отблески парчи, прислушивался къ треску свѣтилень и къ глухому чтенію дьячка.

Потомъ, на третій день, въ залу набралось много народу зажгли много свѣчей и желтыхъ и зеленыхъ; вокругъ гробъ стали священники, закалили и запѣли... Зала оживилась, точно она справляла свой послѣдній пиръ.

Это было, въ-самомъ-дѣлѣ, послѣднее многолюдное собраніе.

Но еще разъ горѣли въ ней восковыя свѣчи, еще разъ стоялъ гробъ и врывался холодный воздухъ въ открытыя форточки. Въ гробу лежала мать Бориса. Въ залѣ не было такъ празднично, какъ на похоронахъ дѣдушки. Мальчикъ стоялъ въ углу въ темномъ углу, и то принимался плакать, то смотрѣлъ неподвижно на бѣлую подушку, гдѣ покоилась голова покойницы. И въ залѣ была только его Мироновна и дьячокъ, читавшій такъ же глухо, какъ и у гроба розоваго дѣдушки.

Мало собралось гостей на вынось, не было и частнаго пристава, распорядившагося на похоронахъ дѣдушки.

И зала зажила своею тоскливою жизнью. Она служила только для прохода челядинцевъ изъ передней въ корридоръ. Но Борисъ привыкъ ходить въ ней по вечерамъ, и съ этой залой, съ грустными фортепяно, съ темными хорами, съ одинокой тусклой лампой—связанъ былъ весь міръ его дѣтскихъ, отроческихъ и юношескихъ думъ, весь міръ вопросовъ, которые ставила передъ нимъ дѣйствительность...

По отдѣлкѣ, зала была ровесница гостиной, куда, въ послѣдніе годы никто уже больше не проникалъ.

Гостиная сохранилась въ чистотѣ стараго стиля. Въ ней жила та неподвижность, та неуютность и церемонность, какую дышать только старыя пріемныя комнаты.

Потолокъ былъ расписанъ фруктами и какими-то стрѣлами, неизвѣстно откуда и куда летящими. Синяя картонная люстра,

изображавшая лодку съ головой филина, была вмѣстидищемъ или и давно уже потеряла всякій смыслъ въ этой комнатѣ, точно темной и покинутой. Гостиная потеряла свой первоначальный лазуревый цвѣтъ и казалась вымазанной чернилами. Двѣ большія печки, съ лежаночками, сдвигали заднюю стѣну; на лежанкахъ, покрытыхъ листами жести, стояли два бѣлые, запыленные бюста какихъ-то парственныхъ особъ. Обширный диванъ, покрытый голубымъ штофомъ, занималъ заднюю стѣну почти сполна, такъ-что только по угламъ оставалось мѣсто для двухъ лампъ на высокихъ деревянныхъ палкахъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ генерала съ суровымъ лицомъ, обращеннымъ вбокъ. Грудь этого генерала вытягивалась и руки были растопырены кренделемъ.

На двухъ боковыхъ стѣнахъ красовались масляныя картины, въ бурныхъ, позолоченныхъ рамахъ. На одной изъ картинъ изображалось гаданье: какая-то древняя старушка, въ высокомъ, бѣломъ чепцѣ, раскладывала карты на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, и посматривала на двухъ красавицъ, въ сарафанахъ, чрезвычайно высокихъ и худыхъ. Неизвѣстно изъ какого сословія были эти красавицы: обѣ онѣ стояли подперевъ ладонью лѣвой руки голову, покрытую высокимъ кокошникомъ; на одной былъ голубой, на другой красный сарафанъ. Изъ дверей выглядывала фигура служителя съ взъерошеннымъ хохломъ, въ желтомъ фракѣ, красномъ жилетѣ и зеленыхъ короткихъ панталонахъ. Служитель какъ-то подмигивалъ однимъ глазомъ и, улыбаясь, смотрѣлъ также на бѣлолицыхъ красавицъ въ сарафанахъ.

А возлѣ гаданья висѣла картина съ болѣе понятнымъ содержаниемъ: ратникъ отправлялся на войну, старикъ-отецъ благословлялъ его образомъ. Кругомъ стоятъ домашніе: мать, въ какомъ-то библейскомъ одѣянніи, жена, въ аломъ сарафанѣ и весьма театральной повязкѣ, пригорюнившись, и много ребятишекъ босякомъ. Надъ группой возвышалась фигура солдата, въ высочайшемъ киверѣ съ краснымъ султаномъ. Солдатъ былъ нарисованъ самъ-по-себѣ; онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни въ чемъ, казалось, не принималъ никакого участія. Ратникъ, въ походной амуниціи, нагнулся, точно хотѣлъ что-то поднять, а отецъ, въ бѣлой рубашкѣ, простираетъ руки не надъ нимъ, а совсѣмъ въ другую сторону. Все это происходило неизвѣстно гдѣ: въ избѣ, или на полѣ, потому-что фонъ картины былъ неопредѣленно-страго цвѣта, и вся она занята была фигурами. Только въ пра-

вомъ нижнемъ углу торчала откуда-то вѣточка. А на противоположной стѣнѣ, посрединѣ, висѣла большая, очень темная картина съ загадочнымъ содержаніемъ. Не-то на балконѣ, не-то въ галереѣ сидѣли два господина, въ мантильяхъ, съ горюстаевой опушкой; лица у нихъ были желтыя, точно лимонъ, волосы черныя; одинъ сидѣлъ слѣва, обращаясь глазами къ двери въ залу, другой глядѣлъ на него впрофиль; въ рукахъ держалъ свертокъ, а за ухомъ у него заткнуто было перо. На столѣ передъ нимъ—чернильница стариннаго фасона и большой исписанный листъ. Въ дверь выглядывалъ третій господинъ, совсѣмъ закопчѣлый, въ плоской черной шапкѣ, съ черной бородой. Въ глубинѣ видѣнъ желтый горизонтъ съ жидонскими деревьями. Картина должна была изображать какихъ-нибудь итальянскихъ средневѣковыхъ мужей; но больше она ничего не поясняла. По бокамъ ея висѣли два вида, тоже весьма закопчѣлые. На одномъ слѣва вправо тянулась совсѣмъ черная полоса, наподобіе крокодила, а въ сущности это были кустарники; они окаймляли дорогу, спускавшуюся съ горы. На другой картинѣ видѣнъ былъ такой же крокодилъ, только ужь справа влѣво.

Въ гостиной стояли три дивана и передъ среднимъ—большой овальный столъ; въ простѣнкахъ два длинныхъ зеркала съ полукружіями, на которыхъ были мифологическія изображенія Дианы и бога солнца. Окна драпировались бѣлыми занавѣсками, съ красной бахромой. Поверхъ гардинъ привѣшены были круглыя щиты изъ красной шерстяной матеріи, съ большими буфами посрединѣ.

Среднее окно было вмѣстѣ и дверью на балконъ. Въ отличіе отъ другихъ оконъ, оно украшалось золотымъ полумѣсяцемъ, у котораго рога торчали вверхъ.

Двери—высокія, пожелтѣвшія, съ рѣзбой—уныло смотрѣли одна на другую и вѣчно были притворены.

И такъ стояла эта большая парадная комната; она точно—застыла, по приказанію чародѣя, чтобъ повѣдать дальнему потомству о томъ, на какую жесткую мебель садились дѣдушки и бабушки, и какія странныя картины вѣшали они на стѣны.

Откуда зашли эти картины?.. Кажется, никто въ домѣ не знаетъ про то. Сколько разъ Боря останавливался передъ ними и спрашивалъ себя: «кто эти кормилицы, и какая это старуха? ужь не бабынька ли?» и ему очень хотѣлось знать о чемъ она гадаетъ.

Лицо старухи ему не нравилось, и онъ бы не пошелъ къ ней гадать о своей судьбѣ.

Когда ему, бывало, взгрустнется, онъ начнетъ смотрѣть на картину разставанья, и думаетъ о томъ: лучше-ли идти на войну, гдѣ убьютъ, или оставаться въ этой скучной гостиной? И часто ему хотѣлось уйдти съ этимъ ратникомъ, захватить съ собой высокаго солдата и одного изъ босоногихъ ребятишекъ, бѣлокурого мальчика, который ему почему-то очень нравился.

Средневѣковые итальянцы приводили его въ смущеніе: они смотрѣли такъ сумрачно и коварно, что мальчикъ только украдкой взглядывалъ на нихъ, и никакъ не могъ понять, зачѣмъ нарисовали такихъ темножелтыхъ людей и зачѣмъ ихъ держать въ гостиной...

Гостиная и сама бы не отвѣтила на этотъ вопросъ; она сама не знала, что ей дѣлать съ собой, съ своими диванами и зеркалами, бюстами и средневѣковыми итальянцами. Было и у ней время, но оно давно прошло. Тогда на среднемъ диванѣ возсѣдала бабинька въ высокому чепцѣ съ оранжевыми лентами, въ гродетуровомъ платьѣ. Дѣдушка переходилъ съ мѣста на мѣсто, встрѣчалъ и провожалъ гостей. Гости, одинъ за другимъ, появлялись въ гостиной; дамы садились на диванъ; мужчины подходили къ ручкѣ бабиньки.

И случалось это четыре раза въ годъ: въ именины и рожденіе бабиньки и дѣдиньки. Тогда снимали чехлы съ мебели, мыли занавѣски, стирали пыль съ итальянцевъ, съ гадалышницы и съ картины разставанья. Виды съ подобіемъ крокодиловъ никогда не удостоивались такой чести, и оставались вѣчно въ пыли. А вечеромъ въ эти дни и въ другіе, когда въ залѣ хлопали каблуками подъ звуки доморощеннаго оркестра, передъ диванами ставили ломберные столы, зажигали синюю люстру, и филіинъ смотрѣлъ празднично на игравшихъ въ вистъ и бостоигъ. Итальянцы тоже охорашивались на картинѣ, а генералъ еще сильнѣе вытягивалъ грудь впередъ, и еще круче выворачивалъ руки фертонъ.

Въ послѣднее время гостиная еще болѣе замерла, чѣмъ зала; черезъ нее никто не проходилъ; только два-три раза въ годъ бабинька принимала-какую нибудь старуху, пріѣзжавшую отдать ей визитъ, по старой памяти.

Иногда маленькій Боря открывалъ большую дверь въ гостиную и входилъ тамъ свою мать... Она ходила взадъ и впередъ, скре-

стивъ руки на груди, и не замѣчала мальчика. Боря постоитъ, бывало, нѣсколько минутъ и тихонько выскользнетъ опять въ залу.

А по смерти матери, отецъ Бориса, въ долгіе зимніе вечера, когда оставался дома, по нѣскольку часовъ ходилъ изъ залы въ темную гостиную; случалось, что бабинька запрется съ нимъ туда; онъ выйдетъ встревоженный и уѣдетъ на цѣлый день изъ дома.

Но лучшими минутами жосткой, холодной гостиной были тѣ, когда Борисъ, взявъ сестренку свою на руки, входилъ туда тихонько и, прислушиваясь, что дѣлается у бабиньки, въ темнотѣ садился въ уголъ дивана, и оба молчали, и обомъ хотѣлось просидѣть тутъ всю ночь, чтобъ никто не зналъ, гдѣ они и не хватились ихъ къ ужину...

Вотъ что было въ парадныхъ комнатахъ. Пойдемте въ жилья.

Сперва въ диванную, гдѣ сорокъ лѣтъ живетъ бабинька. Комната выкрашена зеленой краской, съ перегородкой, обтянутой зеленымъ каленкоромъ, съ длинными красивыми стрѣлами.

За ней помѣщается кровать бабиньки и кюль.

Въ диванной стоитъ какая-то особая атмосфера, пахнетъ и травами, и уксусомъ, и пылью... Только старыя комнаты и старыя люди окружены такимъ воздухомъ. Все зелено въ диванной—и занавѣски, и обойка мебели, и лицо бабиньки, особенно при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчъ въ высокихъ шандалахъ, которые ставятся на круглый столъ, оклеенный посрединѣ зеленымъ же сукномъ. Здѣсь тянется все одна и та же жизнь. Бабинька встаетъ рано, одѣвается скоро и тотчасъ послѣ чаю начинаетъ двигаться, распекать, бѣгать по всѣмъ угламъ, давать приказанія, все высматривать и ко всему прислушиваться.

Послѣ обѣда она немножко успокоится, ляжетъ отдохнуть. Вечеромъ, къ чаю, сядетъ на диванъ и работаетъ. Тутъ является къ ней Амалія Христофоровна и съ подобострастнѣйшей миной выслушиваетъ ея ворчанье. Машу приводятъ и сажаютъ рисовать или читать. Борисъ, когда былъ помоложе, тоже проводилъ вечера въ диванной, посматривая искоса на бабиньку. Гувернеры его сидѣли въ углу и дремали. Старуха обыкновенно чѣмъ-нибудь раздражалась, и только ея голосъ слышался въ зеленой комнатѣ. Такъ проходило время до ужина. Накрывали круглый столъ, ужинали и расходились. Бабинька отправлялась

и перегородку, но не засыпала до-тѣхъ-поръ, пока не прїѣдетъ отецъ Бориса, когда онъ живалъ въ городѣ.

Небольше было радости въ диванной, чѣмъ въ двухъ приемныхъ комнатахъ...

Изъ диванной дверь отворялась на темную площадку. Крутая лѣстница вела наверхъ; направо была уборная, въ которой никто не убирался, а разливали чай; прямо — большая дѣвичья. Она имѣла видъ какого-то чулана, заставленного сундуками и лавками. Грязь, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, украшала это шѣстилице обширной женской прислуги. На лавкахъ и сундукахъ сидѣли старухи и пряхи; кто моложе, вязалъ чулки; маленькія дѣвчонки торчали на полу, въ естественныхъ сандаляхъ. Жужжанье веретенъ смѣшивалось съ говоромъ и ворчаньемъ старухъ. Въ 12 часовъ ставился большой столъ, происходило хлѣбленіе щей и *маскалье* изъ нихъ солонины. Въ сумерки многія изъ старухъ пили потихоньку чабкъ на своихъ сундукахъ, а вечеромъ начинались опять пряжа и вязанье, при свѣтѣ точно такой же монастырки, какая горѣла въ передней...

Жизни человѣческой не достало бы, чтобъ рассказать все то, что говорилось въ этой дѣвичей: она была храмомъ очистительной критики, шѣстилицемъ безконечныхъ толновъ и никогда неумиравшей вражды между владѣтельнымипами разнородныхъ сундуковъ, на которыхъ выпрала въ сорокъ лѣтъ не одна сотня лудовъ пряжи.

Къ дѣвичей примыкали двѣ, такъ называемыя, *дѣтскія*; въ нихъ жилъ отецъ Бориса до смерти дѣдушки. Эти дѣтскія стояли пустыни, но Борисъ помнилъ, что дядя его помѣщался тамъ же, когда прїѣзжалъ домой.

Комнаты верхняго этажа были двухъ родовъ: однѣ въ мезонинѣ, другія въ антресоляхъ. Крутая лѣстница вела съ темной площадки въ рядъ каморокъ, гдѣ жили когда-то приживалки и воспитанницы бабушки, а потомъ помѣщались гувернеры, Аналія Христофоровна и тѣ изъ старухъ, которымъ не достало мѣста въ дѣвичей.

Всего замѣчательнѣе была одна изъ этихъ каморокъ; изъ нея выходилъ въ чуланъ, черезъ узкій, совсѣмъ темный корридорчикъ, шѣющій видъ стойла.

Каморка раздѣлялась на двѣ половины: одна, съ окномъ, обшесная газетами, продраными въ разныхъ мѣстахъ, представляла алонь; другая, въ видѣ темной кануры, служила спальней и

полна была такой грязи, которую не опишешь никакимъ перомъ.

Въ этомъ помѣщеніи жила до самой смерти старая дѣвица Степанида Федоровна—личность, о которой Борисъ вспоминалъ каждый разъ съ любовью, какъ проходилъ мимо бывшей ея комнаты.

Степанида Федоровна была любимая фрейлина прабабушки. Тѣ опустивъ ее на волю; съ-тѣхъ-поръ Степанида Федоровна жила на особомъ положеніи, занимала свою каморку, и цѣлые дни читала. Страсть къ чтенію не давала ей ни минуты покоя. Она каждый вечеръ пробиралась внизъ и выпрашивала у камердинера барскихъ газетъ; а если такимъ путемъ не удавалось добыть ихъ, она пехицала что можно. Не было въ домѣ ни одной русской книги, которая не побывала бы въ рукахъ Степаниды Федоровны. Освѣщенія ей не полагалось, и она по всему дому собирала салыные огарки и наполняла ими чайникъ съ отбитымъ горлышкомъ, который служилъ ей лампой. Собираніе кофейной гущи и табачныхъ окурковъ входило также въ ея специальность. Гущу она подваривала и пила, окурками набивала маленькую трубочку и курила.

Борисъ, мальчикомъ, часто забѣгалъ къ ней въ каморку, толковалъ съ ней объ Иванѣ Грозномъ и Наполеонѣ, просилъ иногда потихоньку затянуться, и Степанида Федоровна никогда ему не отказывала, угощала даже медкомъ, который доставалъ изъ грязнѣйшаго шкапика. И много книжекъ перечиталъ онъ подстрекаемый разсказани Степаниды Федоровны. Вся ея личность составляла что-то отдѣльное отъ общаго строя жизни дикаго дома.

До нея ничто не касалось, кромѣ газетъ, книгъ, календарей, вытверженныхъ ею навзвустъ, кофейной гущи и окурковъ жукова. И съ ея смертью, каморка стала обитаема одними мышами.

А выше антресолей, въ мезонинѣ, въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы уже были, протекло много тихой страдальческой жизни: тамъ умерла мать Бориса, тамъ же протянулось его дѣтство. Комнатки были уютнѣе и свѣтлѣе другихъ; въ нихъ было больше воздушныхъ, хоть и тяжелыхъ обрзовъ.

Бильярдная и спальня при дѣдушкѣ носили на себѣ оттънокъ какой-то стариковской наивности. Спальня была тогда кабинетомъ, и дѣи проходили въ ней однообразнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ комнатахъ. А со смерти дѣдушки кабинетъ сдѣлался

услажившей свадьбой, гдѣ въ послѣдніе годы безпрерывно раздавался кашель больного Телепнева.

Только одна музыкантская за хорами не грустила и сохраняла свой первобытный юморъ, вмѣстѣ съ запахомъ, неистребимымъ гѣками. Тамъ покоились груды рукописныхъ нотъ, старыя волторны и огромный трехструнный контрабасъ съ львиной головой. Стѣны музыкантской рассказали-бы не одинъ комическій анэпизодъ изъ быта деморощенныхъ артистовъ... И всѣ ея атрибуты, начиная съ ломаныхъ волторнъ, и кончая прорваннымъ турецкимъ барабаномъ, составляли одну горькую усмѣшку надъ жизнью дикаго дома. Заглянувъ въ эту музыкантскую, всякій бы сказалъ: какъ это смѣшно! но, выйдя оттуда, сознался бы, что безъ волторнъ и барабана не воскреснетъ новѣсть о той жизни, въ которой, вѣроятно, былъ тоже свой смыслъ. Маленькій Борисъ забѣгалъ, бывало, въ музыкантскую, начиналъ дудѣть въ волторны и водить большимъ смычкомъ по контрабаснымъ струнамъ.

А волторны, контрабасъ и барабанъ точно говорили ему: «съ нами кончилось хорошее житье... мы перестали гудѣть, не чѣмъ уже окрасить ни жолчь, ни слезы, ни тоску, ни смерть...»

VII.

Утро. Въ передней сонъ еще царилъ надъ служителями. Бутетчикъ Митька, возставъ съ ложа своего, войлочнаго тюфяка, расиростертаго въ залѣ, около фортепьяно, протиралъ глаза и позѣвывалъ. Въ бильярдной камердинеръ Яковъ похаживалъ около диванчика. Дверь въ спальню была притворена. У бабьихъ все было въ движеніи. Она распекала столяра Прошку за какія-то провинности. Наперсница стояла передъ ней и держала баулъ, для предстоящаго считанья денегъ.

Борисъ проснулся въ девятомъ часу. Мароновна подала ему чаю. Одѣвшись, онъ заглянулъ въ комнату сестры: Маша сидѣла за ширмами у кіота и держала книжку въ старенькомъ кожаномъ переплетѣ; это было евангеліе покойной матери.

— Хочешь почитать со мной, Боря?—спросила дѣвочка, поздоровавшись съ братомъ.

Борисъ сѣлъ подлѣ нея и прослушалъ главу, прочитанную Машей нетвердымъ, дѣтскимъ голосомъ.

*

Чтеніе было прервано Амаліей Христофоровной. Она увела дѣвочку къ себѣ на урокъ.

— Прощай, Боря, сегодня среда: ты, вѣдь, пораньше пріѣдешь,—проговорила Маша.—Амалія Христофоровна, я пойду съ Борей поздороваться къ папѣ.

— Вы не пойдете. Я сейчасъ внизу была: папенька спитъ.

Нѣмка увела Машу...

Камердинеръ Яковъ доложилъ барину, что папенька изволитъ еще почивать, а ночью просыпались и заснули только на разсвѣтѣ.

Не заходя къ бабинкѣ, Борисъ вышелъ прямо изъ бильярдной въ переднюю. Лакей съ жиденькимъ голосомъ подагъ ему шинель и выбѣжалъ на крыльцо.

Подѣхали опять тѣ же дрожки съ бѣлымъ кучеромъ и савраской.

День разгулялся. Осенней свѣжестью вѣяло въ лицо. Улицы смотрѣла повеселѣе, чѣмъ наканунѣ. Борисъ, сидя на дрожкахъ поглядывалъ вправо и влево на давно-знакомые ему дома. Вотъ уже седьмой годъ онъ каждый день отправлялся по одной в той же дорогѣ въ гимназію. Прежде его возили гувернеры; тогда ему бывало потѣснѣ сидѣть на дрожкахъ и неловко держать подъ мылкой свою ученическую сумку. Много смѣнялось этихъ сумокъ. Сперва, до третьяго класса, ѣздилъ онъ съ красной сафьянной домашняго издѣлія, съ ремнемъ черезъ плечо; она жестоко пострадала отъ перочинныхъ ножей и шалости первоклассниковъ. Ее замѣнилъ портфель большого размѣра, подержанный и непріятный на видъ. Борисъ не любилъ его, потому что онъ былъ найденъ бабинкой въ кладовой и подаренъ ему. Портфель, по счастью, прожилъ еще меньше красной сумки. Въ одинъ годъ онъ потерялъ всякій образъ и прорванъ былъ во всевозможныхъ мѣстахъ. Съ четвертаго класса Борисъ ѣздилъ съ очень красивымъ портфелемъ изъ коричневаго сафьяна, съ блестящимъ замкомъ и ключикомъ, на розовой тесемкѣ; его похитили въ *спонной* комнатѣ. До седьмого класса перебивало еще два портфеля: одинъ онъ подарилъ маленькому гимназисту, другой отдалъ Машѣ—класть тетрадки и прописи.

Теперь онъ ѣхалъ безъ всякой сумки, съ книгой, въ которую заложена была тетрадь.

Борисъ зналъ по дорогѣ каждый домъ, каждое лицо, каждую водовозную лошадь. Длинная улица давно успѣла ему надоѣсти

сознать однообразие, и нелѣпыя вывѣски уже не смѣшили: дѣтское любопытство давно притупилось, а пробуждающаяся развѣившая наблюдательность была еще равнодушна къ этому насущному матеріалу.

Но площадь, гдѣ стояла гимназія, ему не прискутила. Онъ часто заглядывался на башни кремля, выходившаго туда одной изъ стѣнъ своихъ. Среднюю площади занимала старая пятиглавая церковь. Она придавала всему этому мѣсту что-то такое, выходящее изъ пошлой колесы губернской жизни. Какія-то воспоминанія будила она, и не одинъ гимназистикъ призадумывался, глядя на ея древнія украшенія. Большой свѣжестью и жизнью было отъ нихъ, чѣмъ отъ историческихъ учебниковъ, предназначенныхъ къ зубренію.

И Борису часто представлялось народное вѣче тутъ, передъ пятиглавой церковью. Онъ инстинктомъ понималъ, какова была эта давно-протекшая жизнь. Ему хотѣлось знать, что стояло на мѣстѣ гимназіи: гостиный ли дворъ или какая-нибудь земская изба... Тогда, вѣрно, не разъ думалъ онъ, подѣзжая къ гимназіи, не было этой несносной мостовой и казенной пестрой будки, и жидкаго, запыленного бульвара около кремлевской стѣны...

За церковью, вдали, виднѣлась набережная Волги, и высоко на горизонтѣ подымалась башня, гдѣ, говорятъ, въ подвалѣ хранились орудія пытки...

Гимназія — большое двухэтажное зданіе, съ флюгеромъ на крышѣ—обставляла площадь справа, и виѣстѣ съ почтовой конторой стояла у вѣзда въ улицу, ведущую къ острогу.

Она была выкрашена дикой, сумрачной краской, и флюгеръ ея очень внушительно торчалъ въ небесномъ пространствѣ; онъ придавалъ зданію педантскій видъ, говоря проходящимъ и проезжающимъ о своемъ ученоемъ значеніи. Отъ палки ко всѣмъ четыремъ сторонамъ шли желѣзные прутья, на концѣ которыхъ придѣланы были буквы: Ю. В. С. З... Одинъ изъ учителей математики, отъявленный острякъ, переводилъ эти буквы на понятный языкъ; а это значитъ, говорилъ онъ, юношей велѣно съчъ зѣло».

Прямо противъ церкви былъ большой подѣздъ съ массивными фонарными столбами, выкрашенными подъ бронзу; онъ открывался только разъ въ годъ, въ день акта; боковой, ученической выходилъ въ Острожную улицу, а директорскій, на про-

тивоположной сторонѣ, въ узкій переулочекъ. Ученическій подъѣздъ очень загрязнился; ступеньки крыльца повалились; дверь полиняла, а замка давнымъ давно не было. Ветхій сторожъ, Кутузовъ, завѣдывалъ крыльцомъ и никогда не мѣлъ его. Жены сторожей, учительскія кухарки, дѣвчонки и мальчишки всякаго рода—то-и-дѣло показывались въ дверяхъ; а по вечерамъ, въ хорошіе ясные дни, все крыльцо облѣплялось жителями кухонь и *сторожевскими*, и шла долгая бесѣда; всѣ учительскія, инспекторскія и директорскія тайны выплывали на свѣтъ Божій, и часто разговоры разрѣшались пѣснями; при чемъ ветхій Кутузовъ в суровый старшій Суворовъ держали баса, а *унтеръ*, Куртинъ, служившій въ 12-мъ году въ егеряхъ, бралъ верхи высочайшей фистулой.

Съ крыльца налѣво пошелъ темный сторожевскій корридоръ, оттуда каждаго входящаго гимназистика обдавало специстическимъ запахомъ, въ которомъ квашеная капуста спорила съ солдатской махоркой, атмосфера прачечной съ благовоніемъ избы.

Нижній корридоръ имѣлъ немалое значеніе въ школьной жизни, — это было вмѣстилище всего тайнаго и противозаконнаго.

Случалось ли гимназистика убѣжать отъ урока—онъ спускался въ нижній корридоръ, и тамъ ходилъ въ темнотѣ, прислушиваясь къ тому, что дѣлается наверху. Вотъ, наконецъ, зазвонили: стукъ и голоса по лѣстницѣ; повалили изъ классовъ на дворъ; бѣглець смѣшивается въ толпѣ и выходитъ въ классный корридоръ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Куреніе совершалось также въ глубинахъ нижняго корридора, тамъ же происходили схватки; а гимназисты, вступивъ въ юношескій возрастъ, искали въ учительскихъ кухняхъ и другихъ наслажденій. Какая-нибудь дѣвица, съ засученными локтями неразъ увертывалась тамъ отъ юнаго питомца просвѣщенія...

VIII.

Борисъ прошелъ по среднему учительскому корридору и поднялся въ классы. Ему попались два мальчугана, отправаившіеся на дворъ, вѣроятно, подраться до перваго звонка.

Только-что онъ отворилъ дверь въ классы, мимо него пролетѣлъ инспекторъ, выпятивъ животъ и ухвативъ двухъ мальчишекъ за вихры; онъ ихъ велъ и подталкивалъ впередъ. Борисъ

отправился слѣдомъ за этой процессіей до шинельной комнаты, гдѣ инспекторъ поставилъ гимназистовъ въ разные углы, прикрикнувъ: «стоять столбомъ до звонка!»

Инспекторъ, рябой, съ широкимъ, какъ тарелка, лицомъ, былъ преисполненъ величайшаго самодовольства. Гимназисты звали его «Егоркой и вафлей» и ни на волосъ не уважали. Онъ ко всему придирался, всѣмъ надоѣдалъ и не чуждъ былъ взятокъ.

Борисъ, снимая шинель, поклонился ему.

— Здравствуйте, — проговорилъ многозначительно инспекторъ, вытягивая губы, — и точно вспомнивъ что-то, онъ подошелъ къ Борису очень близко и внушительно сказалъ ему:

— Я вами недоволенъ.

Телепневъ промолчалъ.

— Я вами недоволенъ! — повторилъ съ удареніемъ инспекторъ: — вы волнуете вашихъ товарищюй.

— Чѣмъ же, Егоръ Тимоѣвичъ? — спросилъ Телепневъ, улыбувшись.

— Чѣмъ, чѣмъ?.. Это не ваше дѣло спрашивать, про то я знаю. Смотрите у меня... я не посмотрю на то, что вы въ геніи иѣтите... Если я что еще узнаю, доложу Іону Петровичу... Ступайте въ классъ.

Инспекторъ повернулся и пошелъ въ сборную, гдѣ сидѣли всѣ гимназисты до звонка. Тамъ онъ расхаживалъ и распекалъ за все, что случилось наканунѣ, а часто поднималъ и старое.

Телепневъ пошелъ прямо въ классъ. Семиклассникамъ дана была эта привилегія.

До звонка оставалось минутъ пять. Длинный корридоръ съ чугуннымъ поломъ смотрѣлъ сумрачно. Звонко раздавались по нему шаги входящихъ гимназистовъ. Сторожъ Куртимъ посматривалъ въ стеклянную дверь 7-го класса на большіе часы. Въ рукахъ у него былъ колокольчикъ.

Онъ отворилъ дверь Телепневу.

Почти весь 7 классъ былъ уже въ сборѣ. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ Абласовъ и читалъ. Горшковъ расположился на столѣ съ ногами, спиной къ двери и, размахивая руками, рассказывалъ что-то собравшейся около него кучкѣ. Взадъ и впередъ по классу ходили человекъ пять съ книгами. Это были, такъ называемые, *зубрилы мученики*.

— А, Телепневъ! — закричалъ Горшковъ, — а я думалъ, ты не придешь сегодня.

Онъ перескочилъ черезъ парту, а за нимъ и остальные.

— Послушайте, братцы,—заговорилъ Горшковъ, — время тебѣ рвать нечего, надо же сговориться... Абласовъ, да полно тебѣ зубрить, успеешь...

Всѣ собрались въ кружокъ около первой парты.

— Надо же рѣшить—что дѣлать.

— Горящей каедрой вымазать, — пропищалъ маленькій гимназистъ, становясь на скамейку.

Нѣкоторые разразились хохотомъ.

— Тс! Мечковскій,—закричали другіе—не паясничать... Ну, Скворцовъ, что же ты хочешь дѣлать съ Коряковымъ?

Скворцовъ, здоровый, долговязый малый, стоялъ и довольно-глупо смотрѣлъ на товарищей.

— Да я не знаю, господа, — проговорилъ онъ невнятнымъ, гнусавымъ голосомъ,—какъ вы.

Видно было, что онъ трусилъ.

— Да что жь тутъ бредить-то, —обратился къ нему Горшковъ,—что жь мы? мы особъ-статья, да обругалъ-то онъ тебя, вѣдь.

— Знаю, что меня,—повторилъ Скворцовъ.

— Такъ не паясы же назадъ! — слышалось съ разныхъ сторонъ. Маленькій Мечковскій ударилъ его сверху по головѣ и пропищалъ: «огурецъ соленый!»

— Позвольте, господа... не дурачьтесь! дѣло дѣлать, такъ не школьничать,—виѣшался Абласовъ. — Теленевъ, предложи, братецъ, что ты вчера говорилъ.

— Что, что такое?—заговорили гимназисты.

Теленевъ очень весело взглянулъ на Скворцова.

— Тутъ Скворцова не нужно самого замѣшивать, господа,—проговорилъ онъ.—Обиженъ онъ одинъ—это правда, но заступиться нужно намъ всѣмъ. Какъ придетъ Коряковъ, кто-нибудь изъ насъ переговорить съ нимъ.

— Да, да! — кричало нѣсколько голосовъ, — пусть извинится.

— А кто будетъ говорить?—пропищалъ маленькій Мечковскій. — Прильнетъ языкъ къ гортани, ха, ха!

— Кто жь, въ-самомъ-дѣлѣ, подойдетъ?—спросилъ черноволосый, плечистый гимназистъ.

— Да вотъ, Теленевъ,—сказалъ Абласовъ.

— Хорошо,—слышалось ото всѣхъ,—Теленевъ...

— А если Кориневъ заартачится?—вскричалъ Горшковъ.

— Тогда нужно къ директору, господа, — сказалъ Телепневъ. — Нужно же, въ-самомъ-дѣлѣ, показать ему, что у насъ дѣлается.

— Ему некогда, — вставилъ Мечковскій, — онъ бутылки съ шивкой на солнцѣ сушить, опыты переливанія производить.

— Только, чуръ, дружно, господа!—началъ опять Горшковъ...

— Что это за сборище? На мѣста!

Всѣ обернулись. Посреди класса стоялъ инспекторъ, загнувъ большой палецъ.

— Собраніе! вѣче! Объ чемъ это? Что затѣваете! — прокричалъ онъ, махая фуляровымъ платкомъ. И Телепневъ ужь тутъ—ораторомъ, и Горшковъ—артистъ... виртуозъ. Берегитесь у меня! По мѣстамъ же. Дебоширы!

Нѣкоторые изъ смѣльчаковъ фыркнули.

Инспекторъ хотѣлъ чѣмъ-то разразиться, но въ эту минуту Курганъ произвелъ сильнѣйшій звонъ. Онъ удовольствовался гнѣвнымъ взглядомъ и прошолъ въ шестой классъ.

Когда звонокъ пересталъ, всѣ поменьку разсѣлись по мѣстамъ.

— Такъ сейчасъ же говорить! — закричалъ еще разъ Горшковъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣтили всѣ.

Дверь изъ корридора отворилась.

IX.

— Читайте молитву! — сказалъ вошедшій учитель, на онъ, и прямо залѣзъ на каедрю.

Учителю казалось лѣтъ двадцать-пять. Онъ точно проглотилъ финишъ; ноги переставлялъ, какъ палки; головы не поворачивалъ и рукъ не поднималъ. Голова его помѣщалась между двумя высокими и туго накрахмаленными воротничками. Бѣлые волосы, зачесанные назадъ, веснушки и бурья пятна по всему лицу и жолтые тупые глаза не давали ничего представительнаго фizioноміи преподавателя.

— Читайте молитву, — проговорилъ онъ еще разъ.

Всѣ обратились къ углу, гдѣ висѣлъ образъ.

Маленькій Мечковскій выскочилъ на средину класса и своимъ

дѣтскимъ голосомъ отъзвонилъ молитву. Только и можно было разобрать первыя два слова: «Проблагій Господи», и послѣднія ни обществу всему на пользу». На словѣ *польза* Мечковскій поднялся тономъ выше и, юркнувъ подъ столъ, сѣлъ на мѣсто.

Всѣ переглядывались и смотрѣли на первую парту. Горшковъ то и дѣло поворачивался. Телепневъ и Абласовъ сидѣли очень спокойно. Скворцовъ продолжалъ трусить.

— Подайте книгу!—произнесъ Коряковъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Никто не двигался съ мѣста.

— Подайте книгу!—тѣмъ же голосомъ повторилъ Коряковъ, и однимъ глазомъ посмотрѣлъ на учениковъ.

Телепневъ всталъ и подошелъ къ кафедрѣ. Учитель поднялъ голову и удивленно посмотрѣлъ на него. Въ классѣ точно струя какая пробѣжала по всѣмъ лавкамъ. Мечковскій уткнулъ носъ въ книгу. Скворцовъ покраснѣлъ и потупился.

— Харлампій Ивадычъ, — началъ Телепневъ, положивъ одну руку наверхъ кафедры, — вы вчера позволили себѣ такъ обойтись съ Скворцовымъ, что мы предлагаемъ вамъ извиниться передъ нимъ.

— Чего-съ?—спросилъ Коряковъ и покраснѣлъ.—Извиниться? Да вамъ какое до этого дѣло? Стушайте на мѣсто!

— Я не отъ себя лично говорю: всѣ мои товарищи этого желаютъ.

— Чего-съ?—повторилъ Коряковъ. — Какъ вы смѣете подходить ко мнѣ съ такими предложеніями?—все это онъ произнесъ вятскимъ, грубымъ выговоромъ и безстрашнѣйшимъ тономъ.

— Такъ вамъ неуютно извиниться? — спросилъ Телепневъ и быстро взглянулъ на него.

Корякова покорибило.

— Вы его назвали дуракомъ,—проговорилъ онъ.

— Олухомъ, скотомъ!—раздалось съ разныхъ лавокъ.

Коряковъ поднялся, придерживаясь за стулъ.

— Пошолъ на мѣсто!—отрѣзалъ онъ глухимъ голосомъ.

Борисъ отдернулъ руку отъ кафедры и самъ покраснѣлъ.

— Господинъ Коряковъ,—заговорилъ онъ, и голосъ его дрожалъ,—ученикамъ 7-го класса не говорятъ *ты*. Если вы этого не знаете, вы можете спросить у директора... Господа!—обратился онъ къ товарищамъ,—господинъ Коряковъ не хочетъ извиниться передъ Скворцовымъ.

— Не хочеть, не хочеть! — закричалъ весь классъ и повскаль съ мѣсть.

Коряковъ поблѣднѣлъ и началъ застегивать вицмундиръ на всѣ пуговицы.

Мягомъ кафедра была окружена; впереди всѣхъ очутился Горшковъ.

— Вы обругали Скворцова! — закричалъ онъ.

— Обругали, обругали! — повторили остальные хоромъ.

— Мы директору пожалуемся. Вы не смѣете, — кричали гимназисты.

Коряковъ совсѣмъ растерялся.

— Извиняйтесь! — крикнулъ выше всѣхъ Горшковъ.

Скворцова не видно было въ кучѣ. Телепневъ переглянулся съ Абласовымъ.

— Господа! — заговорилъ онъ громко, — садитесь на мѣста. Мы сдѣлали, что нужно было... остальное послѣ класса. Голосъ его смѣшался въ общемъ гулѣ.

— Извиняйтесь! — кричали задніе, и визгливый голосокъ Мечковского былъ выше всѣхъ.

Коряковъ посмотрѣлъ на всѣхъ и вдругъ векочилъ съ кафедры и бросился вонъ изъ класса.

— Вятская харя! — крикнулъ Мечковский; другіе подхватили и посыпались эпитеты...

Потомъ всѣ замолчали и переглянулись.

— Къ директору удралъ, свинья! — вскрикнулъ первый Горшковъ.

— Эхъ, господа! не то, не то, — проговорилъ Абласовъ, и махнулъ рукой.

— Что, не то? — крикнулъ на него Горшковъ. — Посильнѣе надо было — вотъ ты что скажи.

— Зачѣмъ вы вставали, господа? — спросилъ Телепневъ. — Давно бы мнѣ одному говорить... А теперь на всѣхъ васъ надеть. Онъ наскажетъ, что вы на него лѣзли драться.

— Пускай, наскажетъ, вятская рожа! — закричало нѣсколько голосовъ.

— Ужь шельмовать, такъ шельмовать! — заключилъ Горшковъ.

— Послушайте, господа, — перебилъ Телепневъ, — садитесь на мѣста, чтобъ тихо было. Юшка теперь спитъ; онъ инспектора приведетъ. А этакъ мы всегда будемъ виноваты... — И все дѣло

представить какъ было,—закричалъ Горшковъ;—не отрицаться!..

Начали разсаживаться молча. Только-что всѣ усьлились на мѣста, отворилась дверь и влетѣлъ пузатый инспекторъ, а за нимъ Коряковъ. Онъ такъ и остался въ застегнутомъ вицмундирѣ.

Всѣ сидѣли неподвижно.

— Встаньте столбами!—закричалъ педагогъ:—Что это? Онъ подскочилъ къ Телепневу.—Какъ вы осмѣлились грубить преподавателю, угрожать ему—а? Что вы такое сказали г-ну Корякову? отвѣчайте!

— Харлампій Иванычъ, — отвѣчалъ Телепневъ очень спокойно, — назвалъ вчера одного изъ насъ дуракомъ, — и я отъ лица товарищей предложилъ ему извиниться.

— А? что? отъ лица товарищей! Каковъ! Да съ кѣмъ вы говорите?

— Онъ всѣхъ взбунтовалъ, — глухо проговорилъ Коряковъ, — мальчишка дерзкій!

— Знаю, знаю, — кричалъ инспекторъ. — Это язва, зараза... овца шелудивая. Такъ-то вы, — обратился онъ ко всему классу. — Вы въ студенты готовитесь! Вотъ мы вамъ дадимъ университетъ! всѣхъ по шеямъ домой, а то выпоремъ.

— Харлампій Иванычъ, — обратился онъ къ учителю, — какъ только Юнъ Петровичъ проснется, я доведу до свѣдѣнія его. Телепневъ будетъ примѣрно наказанъ. Весь классъ на колѣни! — крикнулъ онъ и гнѣвно посмотрѣлъ.

Горшковъ и Мечковскій чуть не выринули.

— Ораторъ! мы вамъ дадимъ знать! — крикнулъ инспекторъ еще разъ и, хлопнувъ дверью, ушелъ.

Х.

Въ классѣ настала тишина. Коряковъ, заключившись въ свои воротнички, туло посмотрѣлъ на всѣхъ и точно чего-то ждалъ. Первая парта переглядывалась съ остальными и кое-гдѣ слышенъ былъ разговоръ шопотомъ.

— Госнодинъ Мечковскій, — проговорилъ наконецъ учитель, — извольте отвѣчать, — а потомъ онъ взглянулъ на Телепнева и отрѣзалъ: — на колѣни становитесь!

Борисъ посмотрѣлъ ему въ лицо, ничего не сказалъ и не двинулся съ мѣста.

— На колѣни, вагъ говорить! — промычалъ опять Коряковъ и покраснѣлъ.

— Я не встану, — отвѣтилъ Борисъ.

Глаза всѣхъ учениковъ обратились на него и видно было общее желаніе соскочить съ мѣста и обступить кафедру.

Коряковъ точно почувствовалъ возможность такой сцены и вдругъ приомлъ.

— Отвѣчайте же! — повторилъ онъ только Мечковскому.

Маленькій гимназистъ пересидѣлся со всѣмъ классомъ и началъ отвѣчать.

Въ теченіе цѣлаго урока Коряковъ сидѣлъ неподвижно и своимъ безстрастнымъ голосомъ выкликалъ учениковъ. Бориса онъ не вызвалъ. Минуть за десять до звонка онъ спросилъ «Сарагдова», прочиталъ вслухъ четыре парарафа и велѣлъ ихъ выучить къ слѣдующему разу. Въ этомъ состояла лекція.

Какъ-только прозвонили и Коряковъ вышелъ изъ класса, составилось шумное вѣче.

— Теперь дѣло проиграно, — кричалъ Горшковъ. — Юнка взбѣлится и всѣхъ насъ, какъ школяровъ, изругаетъ.

— Надо идти къ директору, — сказалъ Борисъ, — этакъ нельзя оставить — и сейчасъ же, не теряя времени.

— Кто пойдетъ? — раздалось въ кучѣ.

— Я же, конечно, и пойду, — отвѣтилъ Борисъ.

— Да какой же толкъ въ этомъ будетъ? — спросилъ кто-то изъ заднихъ.

— А тотъ толкъ, что если мы начинали, такъ нужно и продолжать. Мы въ правѣ были требовать отъ Корякова извиненія. Надо идти дальше, что бы тамъ ни было.

Борисъ выговорилъ это очень спокойно и никто не нашолся возражать ему.

— Одному тебѣ нельзя идти, — заговорилъ Горшковъ. — За чѣмъ же ты за всѣхъ станешь отвѣчать? Надо еще кому-нибудь.

— Я пойду, — сказалъ Абласовъ.

— Зачѣмъ тебѣ? — проговорилъ Горшковъ. — Ты первый ученикъ.

— Такъ, что жь, что первый? я, вѣдь, не испугаюсь.

— Еще лучше будетъ; ступай, Абласовъ, — подтвердили многіе.

— Такъ возьмите и меня, братцы! — закричала Горшкова. — втроемъ поидемъ. Я для подкрѣпленія, въ случай—что Юнку придется помять!..

— Ха, ха, ха,—разразились весельчаки.

— Ну, идите! сейчасъ будетъ звонокъ,—сказалъ Борисъ и пошелъ къ двери; за нимъ Горшкова и Абласовъ.

А въ стеклянныя двери седьмого класса глядѣла многочисленная публика. Гимназисты, поднявшіеся на цыпочки, высматривали, что такое творится у *семиклассниковъ*. Когда инспекторъ выскочилъ оттуда, попался ему ученикъ второго класса. Гимназистикъ, сообразивъ, что въ седьмомъ классѣ что-нибудь случилось, сейчасъ пустилъ по всему корридорѣ вѣсть, что семиклассники взбунтовались, и Корякова побили. «Вотъ они!» въ переѣзѣ пронеслось по всѣмъ классамъ, въ среднемъ корридорѣ, въ нижнемъ корридорѣ, на дворѣ — и всѣ бѣжали смотрѣть на семиклассниковъ.

Три друга вышли изъ класса, и кучка мальчиковъ разсыпалась. Никто изъ нихъ не смѣлъ задать вопроса большимъ.

— Куда это вы, Горшкова?—спросилъ наконецъ черномазый гимназистъ, забѣгая впередъ по корридорѣ.

— Къ директору идемъ,—отвѣчалъ Горшкова.

И по всѣмъ классамъ пущена было вѣсть: «къ директору пошли, къ директору пошли».

Депутаты прошли длиннымъ корридоромъ до актовой залы. За залой начиналась квартира директора. Въ темномъ корридорикѣ, передъ прихожей, они на минутку остановились.

— Кто жъ начнетъ?—спросилъ довольно громко Горшкова.

Борисъ только кивнулъ головой и открылъ дверь въ прихожую.

Тамъ стоялъ *старшой*. Онъ сурово посмотрѣлъ на нихъ.

— Чего вамъ нужно?

— Мы къ директору,—отвѣчалъ Борисъ,—доложи.

— Нельзя. тамъ инспекторъ.

Горшкова тихонько свиснулъ и проговорилъ: «финита ли комедія».

— Поидите, господа! — сказалъ Борисъ и, обратившись къ старшому, прибавилъ: доложи Юну Петровичу, намъ нужно...

Только-что они показались въ пріемную, изъ директорскаго кабинета вышелъ инспекторъ, размахивая платкомъ.

— Какъ!.. вы здѣсь, — закричалъ онъ, немного сдерживая свой голосъ. — Какъ вы осмѣлились ворваться сюда, къ Іону Петровичу?

Инспекторъ поднялъ руки чуть не къ небу, и повернулся наизлукъ.

— За мной! предстаньте предъ Іона Петровича... за мной!

Директоръ, грязный человѣчекъ, въ какомъ-то буромъ халатѣ въ бѣлицемъ мѣху, съ красными пятнами по лицу и съ очень подозрительнымъ носомъ, вскочилъ съ кресла и дряблой походкой подступилъ къ ученикамъ.

— Чтò это такое?—загнулъ онъ.

— Ворвались сюда, Іона Петровичъ, — доложилъ инспекторъ, съ потрясеніемъ живота.

— Мы къ вамъ съ жалобой, — началъ-было Борисъ.

— Съ жалобой!—прогнулъ директоръ. — Я вамъ дамъ, голубчики, депутаціи отправлять!.. Молчать!.. Вы у меня весь классъ перепаковали. Я васъ, голубчики высѣку—слышите? не посмотрю, что вы въ седьмомъ классѣ—сегодня же въ сборной, при всемъ классѣ высѣку. А до васъ, милый мой, — обратился онъ къ Борису, — я давно добираюсь. У васъ отецъ умираетъ, а вы разбойничаете, голубчикъ мой. Я ему сегодня напишу, что хочу васъ высѣчь. Я, вѣдь, никого не боюсь.

Бориса передернуло. Онъ порывался отвѣтить, но гнусаый директоръ не далъ ему разинуть рта.

— И ты, Абласовъ, тутъ же смѣешь бунтовать! Да ты вспомни, милый, что я тебя изъ солдаты законопачу. И тебя, Горшковъ, вышвырну; ты у меня перестанешь на фортепянь барабанить.

Это было сказано такъ глупо, что депутаты переглянулись.

— Ведите ихъ въ классъ, Егоръ Пантелѣичъ... Я самъ буду. Оставить всѣхъ трехъ безъ обѣда и велѣть высѣчь.

— Да позвольте же Іонъ Петровичъ, — сказалъ Борисъ и слѣдалъ два шага впередъ.

— Ай, ай! Суворовъ! Суворовъ! Да онъ разбойникъ и меня звать собирается, — закричалъ директоръ, отступая за кресло.

Въ дверяхъ явился старшой.

— Выпроводи ихъ, вонъ, вонъ!

Старшой хотѣлъ буквально исполнить приказаніе, но Борис отвелъ его рукой и всѣ трое вышли, молча, изъ кабинета.

Инспекторъ кинулся—было за ними, но потомъ подлетѣлъ къ директору.

ПЕТРЪ БОБОРЫКИНЪ.

О ХАРАКТЕРѢ И РЕЗУЛЬТАТАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ИСТОРИИ.

(По поводу вопроса объ университетахъ.)

Отчего образованіе не принесло добрыхъ плодовъ ни для Греціи ни для Рима? Отчего съ того времени, какъ науки стали распространяться между греками и римлянами, и тотъ и другой народъ начали падать во всѣхъ отношеніяхъ въ политическомъ, нравственномъ и экономическомъ? Отчего, наконецъ, пали, кончили свое существованіе и Греція и Римъ?

Подобный вопросъ, — касательно Рима, — задалъ себѣ недавно г. Чернышевскій и рѣшилъ его очень просто. «Римъ палъ», говоритъ онъ, «оттого, что пришли варвары и покорили его». Рѣшеніе въ высшей степени справедливо. Конечно, варвары покорили Римъ — въ этомъ и состояло паденіе Рима; а покорили они потому, что пришли. И если бы они не пришли, то Римъ продолжалъ бы существовать въ томъ или другомъ видѣ, и, конечно, еслибъ явилось какое-нибудь начало возрожденія, то онъ и возродился бы къ лучшей жизни. Но пришли варвары — и покончили его существованіе.

Лордъ Кастльре зарѣзался перочиннымъ ножичкомъ. Если спросить: отчего онъ умеръ, то, вѣроятно, придется отвѣчать, что онъ перерѣзалъ себѣ артерію шеи: кровь перестала обращаться, всѣ физиологическія отправленія прекратились — и жизнь кончилась.

Но, собственно говоря, тутъ объясняется только самый процессъ прекращенія жизни, а нѣтъ причины, почему Кастльре рѣшился на самоубійство. Если мы скажемъ, что Кастльре до-

веденъ былъ до него неудачами политическими, которыя произвели въ немъ жолчное настроеніе, потомъ хандру, и наконецъ помѣшательство, въ которомъ онъ и зарѣзался, то мы укажемъ дѣйствительную причину его смерти.

То же и съ римлянами: варвары покорили Римъ — это и есть паденіе Рима. Отчего же варвары могли покорить Римъ? почему римляне не сумѣли отстоять свою свободу? И прежде приходили варвары, и даже почти покоряли Римъ, а все-таки Римъ продолжалъ существовать, и даже процвѣтать, а въ прежнія времена Риму грозили боѣе страшные непріатели. Эти косматые галлы были страхомъ всего древняго міра; противъ нихъ не устояли греческія фаланги, которыя завоевали почти весь міръ; противъ нихъ не устояли ни этруски, ни римляне, въ то время уже очень сильныя; но не удалось имъ покорить Римъ. Потомъ пришолъ въ Италію Аннибалъ, билъ римлянъ на каждомъ шагу, былъ почти у воротъ Рима, а покорить его — не покорилъ.

Потомъ пришли кимбры и тевтоны, которые навели ужасъ на римлянъ и истребили не одну ихъ армію, — а Рима все-таки не покорили. Между-тѣмъ, какіе то безвѣстные герулы, когда пришло время, оказались господами вѣчнаго города и его жителей, владыкъ вселенной!

Или, въ исторіи Греціи: пришолъ Филиппъ, разбилъ грековъ — и греки потеряли свою свободу! Но прежде Филиппа тутъ было много другихъ враговъ, желавшихъ покорить Грецію; сюда приходилъ съ невиданнымъ войскомъ Ксерксъ, взялъ и сжегъ нѣсколько городовъ, но грековъ не покорилъ; а Персія была въ то время сильнѣе, чѣмъ Македонія при Филиппѣ. Чтобы прогнать войско Филиппа, греки должны были собраться въ числѣ больше чѣмъ ста тысячъ воиновъ; и какіе это были воины! это были тѣ самыя, которые такъ хорошо умѣли побѣдить при Марафонѣ, или умереть при Термопилахъ!

Отчего же, полтора ста лѣтъ спустя, сдѣлался такъ слабы греки? Или ихъ стало меньше? Нѣтъ; напротивъ, народонаселеніе росло; и еще прежде Филиппа греческіе авантюристы отправлялись на Востокъ искать счастья и принимали участіе во всѣхъ революціяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Персіи и ея провинціяхъ.

Если чего не доставало грекамъ, такъ это нравственнаго могущества. Однѣхъ физическихъ силъ, одной численности слѣшкомъ мало даже для успѣха въ военномъ дѣлѣ. Греки потеряли тѣ

амы, которыя составляютъ основу всей народной жизни. Посмотрите, какая разница въ греческой цивилизаціи во время до-мелонезской войны и послѣ нея. Прежде греки были просты и, можетъ быть, грубы, но эта наружная простота не только не исключала, но, напротивъ, необходимо обуславливала внутреннюю чистоту чловѣка, его нетронутое чловѣческое достоинство. Кто герои лучшаго періода греческой исторіи? Не тѣ, кому удалось что-нибудь, а тѣ, которые, будучи одушевлены высокими понятіями о долгѣ и чести, сдѣлали или старались дѣлать по своимъ силамъ то, что могло быть полезно обществу. Всѣ эти Мильтіады,Themistocles, Аристиды, Леониды — граждане наиболѣе одушевленные желаніемъ исполнить свои гражданскія обязанности. Почести, оказанныя имъ, свидѣлствуютъ, что и весь народъ былъ одушевленъ тѣми же чувствами; это не были исключительныя личности, а, можетъ быть, только наиболѣе способныя между всѣми, именно, первыя между равными. Но когда, благодаря собственному нравственному несовершенству, эти первые поднялись такъ высоко, что у нихъ закружились головы и они больше стали думать о почестяхъ, нежели о дѣлѣ, о долгѣ,—народъ не преклонился передъ ними, не сталъ аплодировать ихъ политическимъ софизмамъ, какъ впоследствии въ Римѣ во время Цезаря, а осудилъ ихъ, несмотря на ихъ прежнія заслуги. Такъ сошли со сцены Themistocles и Павзаній, которые, безспорно, оказали Греціи самыя большія услуги въ защитѣ общей греческой свободы. Крѣпкая народная нравственность не смотрѣла сквозь пальцы на ихъ преступныя намѣренія. Строгость идеи долга и правды была такъ велика, что не всегда дожидались явныхъ уликъ, какъ въ дѣлѣ Павзанія; по одному подозрѣнію осуждали Themistocles и Аристиды; разумѣется, самое осужденіе носило характеръ этой эпохи. Они не должны были, подобно Сократу, выпить цикуты, а только удалиться на время изъ того общества, которое ихъ подозрѣвало и которое могло потомъ и оправдать ихъ и опять допустить въ свою среду.

Потомъ началось дальнѣйшее движеніе Греціи на пути цивилизаціи.

Сократъ далъ толчокъ греческой мысли, пробудившейся еще прежде; онъ еторвалъ ее отъ безплодныхъ софистическихъ тонкостей, указавъ ей ея цѣль, истину; и вотъ ученики продолжаютъ его дѣло, рѣшаютъ вопросы метафизики и нравственности. Платонъ сочиняетъ свои проекты идеальнаго устройства чело-

вѣческаго общества. Аристотель вступаетъ на здравую эмпирическую дорогу, чтобъ добраться до истины, наблюдаетъ, сравниваетъ факты изъ области политической и физической, опредѣляетъ законы психической дѣятельности человѣка и т. п. Въ то же почти время исторія оставляетъ мионическій характеръ, дѣлается критическою и прагматическою. Другія науки тоже движутся впередъ: въ Александріи изучаютъ сравнительно народности и религіи, наблюдаютъ небо, строится первая раціональная система міра, уясняется понятіе о землѣ, какъ о планетѣ. Географическія данныя накаплиются, мионы теряютъ кредитъ и т. д. Краспорѣчіе достигаетъ высоты развитія, котораго до-сихъ-поръ не превзошли ораторы. Дальше слѣдуетъ поэзія. Пѣсни Пиндара и Анакреона распространились по всей Греціи; нашлось много лирическихъ талантовъ, съ успѣхомъ слѣдовавшихъ по ихъ дорогѣ. «Иліада» и «Одиссея» получили свою окончательную, изящную редакцію и сдѣлались настольною книгою всякаго образованнаго грека и краеугольнымъ камнемъ греческаго образованія. Аристофанъ написалъ множество прекрасныхъ комедій, которыя еще мы читаемъ съ удовольствіемъ и которыми, по ихъ характеру, нѣтъ ничего подобнаго въ исторіи другихъ литературъ. За Аристофаномъ слѣдуетъ Менандръ, —этотъ князь новой комедіи, какъ его называли, оригиналъ, съ котораго копировали Теренцій и Плавтъ; которому подражалъ Мольеръ, а за Мольеромъ комики всѣхъ европейскихъ литературъ. Потомъ цѣлая фаланга послѣдователей Менандра; потомъ Феокритъ, авторъ очаровательныхъ картинъ, гдѣ прекрасные люди въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ представлены среди безыскусственной природы.

Дальше слѣдуютъ другія искусства: живопись, скульптура, архитектура, музыка. Зевксисъ написалъ такъ хорошо портретъ Елены, что знатоки приходили и цѣлые часы проводили предъ нимъ, все равно, какъ Жуковский въ дрезденской галереѣ. Трудно было оторвать взоръ отъ этого произведенія. А потомъ Парразій, Апеллесъ, который такъ хорошо писалъ портретъ Александра Македонскаго; за нимъ цѣлая сотня продолжателей этого искусства. А о скульптурѣ того времени нечего и говорить. Всѣ замѣчательнѣйшіе антики—Ніобея Аполлонъ Бельведерскій. Венера Милосская относятся къ этому времени, и какая огромная масса прекрасныхъ статуй была распространена по городамъ Греціи! Тогда едва ли не всякій столяръ и камнетѣсъ былъ

въ то же время великимъ скульпторомъ. Довольно сказать, что въ Аѣнахъ одному Димитрію Фалерейскому поставили 300 статуй, да какихъ! Въ то время дурныхъ статуй не дѣлали. Архитектура, которая во время Перикла процвѣтала только въ Аѣнахъ, впоследствии украсила своими произведеніями весь городъ Греціи; и еще теперь удивляютъ знатоковъ колонны Коринѣа или Пальмиры, несмотря на дѣйствія варваровъ и столѣтій.

Музыка сдѣлала большіе шаги впередъ; появились цѣлыя оркестры; натурально, были свои симфоніи, или пьесы съ другими названіями. Какъ и въ старину, музыка сопровождалась пѣніемъ; только къ концу греческой исторіи все это сдѣлалось сложнѣе, разнообразнѣе. Это была своего рода опера, и дилеттанты того времени приглашали подобные оркестры къ себѣ въ домъ и здѣсь устраивалось что-то въ родѣ нашихъ *Soirées musicales* или, пожалуй, оперы въ маломъ размѣрѣ. Былъ и балетъ, и опять съ характеромъ нѣсколько отличнымъ отъ того, который онъ имѣетъ у насъ; кор-де-балетъ приглашался тоже на домъ и здѣсь, какъ говорится въ курсахъ словесности, въ легкихъ и стройныхъ движеніяхъ выражалъ движенія души.

Вообще, послѣднее время греческой жизни представляетъ со-всѣмъ другой видъ, чѣмъ древній и средній періоды. Ему принадлежитъ новый элементъ жизни, котораго недоставало прежде; это науки и искусства, которыя къ концу греческой исторіи сдѣлали огромные успѣхи.

Между тѣмъ, въ это время было что-то, чего грекамъ недоставало. Дѣла ихъ были таковы, что какъ-будто они сдѣлали шагъ назадъ, а не впередъ. Прежде греки были очень честны; теперь этого не было. Къ концу пелопонезской войны относится первый фактъ взятки въ Аѣнахъ, который тогда же былъ уличенъ; тогда это было еще въ диковинку. Потомъ это перестало шокировать аѣнянъ. Однажды они отправляли посольство въ Персію. По возвращеніи, одинъ изъ пословъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ взялъ отъ царя деньги. Обвиненный не подумалъ и отпираться, напротивъ, онъ утверждалъ, что это такъ и слѣдовало, что Аѣны хорошо сдѣлаютъ, если почаще будутъ посылать посольства въ Персію, и особенно если для этого будутъ выбирать нѣсколько бѣдныхъ гражданъ; тогда, говорилъ онъ, въ короткое время аѣняне все могутъ обогатиться. Эти аргументаціи не возбудили особеннаго негодованія въ аѣнянахъ: время было ужь такое; тогда все такъ начинали разсуждать, и

Филиппу Македонскому, благодаря такому образу мыслей грековъ, не трудно было найти друзей во всѣхъ городахъ Греціи, и можно было утверждать, что осель, навьюченный золотомъ, въ его время былъ лучшимъ полководцемъ и могъ взять какой угодно неприступный городъ. Началось полное поклоненіе золотому тельцу. Одинъ интересъ былъ у всѣхъ, одно всѣхъ занимало: какъ бы нажить поскорѣе и побольше денегъ. Все другое имѣло только второстепенную важность. Прежняго патриотизма, усердія къ общественному дѣлу не было и слѣда; на политическіе, внѣшніе и внутренніе вопросы смотрѣли какъ на что-то нестоящее большого вниманія; и уже Демосеевъ жалуется, что народъ аѳинскій собирается на площади не для того, чтобъ серьёзно заняться текущими вопросами, а только такъ, чтобъ поболтать, послушать новостей да, мимоходомъ, издать какое-нибудь рѣшеніе. До того ли ему было?

Не касаясь пока вопроса: откуда шло поклоненіе золотому тельцу, обозначимъ слѣдующіе факты, бывшіе результатомъ его. Живя у себя дома, не всякій могъ быть столько счастливъ, чтобы получать подарки отъ македонскихъ или другихъ царей; потому Греція пустилась въ эмиграцію: шли за границу и наполняли арміи сначала персидскихъ царей, — а потомъ наслѣдниковъ Александра Македонскаго въ различныхъ частяхъ его имперіи. Жалованье платилось хорошее, и, надобно отдать честь эмигрантамъ, — родину не всѣ забывали, многіе возвращались домой и здѣсь старались вознаградить себя за понесенные труды. Для этого они имѣли деньги, за которыя тогдашнее общество могло предложить всѣ тѣ удовольствія, которыя вслѣдъ за Анакреономъ воспѣвали тогдашніе лирики, вкусный столъ, хорошее вино, и любовь, вдохновительницу поэтовъ. Какая это была любовь — можно судить по тому, какъ она пріобрѣталась, и даже по тому, какъ она обставлена въ лирическомъ репертуарѣ того времени. Такъ называемые образованные классы того времени считали бракъ дѣломъ лишнимъ и едва-ли не половина ихъ массы состояла изъ батардовъ; потому нечего было и рассчитывать на то, что у насъ называется выгодною партіей. Дѣло было гораздо проще; выгодная партія того времени состояла въ какомъ-нибудь авантюристѣ, которому мать старалась продать на время свою дочь какъ можно дороже. Спекуляція обыкновенно имѣла успѣхъ; такихъ авантюристовъ было много и денегъ у нихъ было такъ же много; а потомъ подошла римскія правд-

тели, легионеры, юноши, ѣхавшіе искать образованія въ Греціи; ремесло камелій дѣлалось все болѣе и болѣе выгоднымъ. Всѣ, за самыми малыми исключеніями, были довольны; жизнь текла среди лилій и розъ, среди утѣхъ и наслажденій.

Но тѣмъ не менѣе это такая жизнь, которую ннато не будетъ оправдывать. Да и какъ оправдать ее, когда все разумное, нравственное было убито, всѣ общественныя связи разорваны? Ни политической вѣры, ни гражданской честности, ни семейства, никакихъ нравственныхъ понятій, короче, ничего, чѣмъ держится общество, что составляетъ его силу.

И это, разумѣется, принесло свои плоды. Нравственное паденіешло *crescendo*. Прямыми наслѣдниками современниковъ Менандра были тѣ *Graeculi*, всемірные пройдохи, которые, по выраженію поэта, готовы были хоть на небо идти, и котерымъ даже римляне времянь имперіи дѣлали реакцію. Отъ этихъ по прямой линіи произошли *les Grecs du Bas Empire*, которыхъ нма сдѣлалось синонимомъ обмана и всякаго рода плутовства, о которыхъ и нашъ благочестивый лѣтописецъ сказалъ, что они были льстивы даже до его времени. Прямые наслѣдники византійскихъ грековъ — теперешніе фанариоты — эта язва какъ славянскаго, такъ и греческаго населенія Турціи. Но неннадобно забывать, что это не единственныя наслѣдники древнихъ грековъ. Другіе погибли въ древнее время отъ македонскаго копья, отъ римскаго меча, въ оковахъ у римскихъ богачей, потомъ подъ ударами готовъ, славянъ и турекъ. И если-бы тѣ люди, которые такъ несчастно поставили греческую исторію послѣ персидскихъ войнъ; знали напередъ судьбу своихъ потомковъ и причину этой горькой судьбы, конечно, они посерьезнѣе подумали бы о томъ прогрессѣ, который они дѣлали. Вѣдь народы въ самомъ дѣлѣ не подвержены тому роковому закону, по которому каждый отдѣльный человекъ необходимо долженъ въ извѣстный срокъ умереть. Народы могутъ жить столько, сколько земля будетъ ходить по своей орбитѣ; нѣтъ никакой внутренней абсолютной причины, которая носила бы въ себѣ условіе ихъ разрушенія; напротивъ, при правильномъ развитіи, народъ долженъ все больше и больше крѣпнуть. Даже и при несчастныхъ обстоятельствахъ, когда народъ терлетъ и моральныя и матеріальныя силы, онъ все-таки долженъ продолжать свое существованіе, безъ особенныхъ внѣшнихъ причинъ, которыя его прекратили бы. Что такое представляетъ намъ исторія Китая? Въ

продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, это — исторія болѣзни, которая обратилась наконецъ въ хроническую и обыкновенными средствами исцѣлена быть не можетъ; несмотря на то китайскій народъ цѣль, и продолжаетъ свое существованіе. Избави Богъ какой-нибудь народъ отъ существованія въ родѣ китайскаго! да оно и невозможно у насъ, въ Европѣ. Дѣло нѣ въ существованіи въ родѣ китайскаго, а въ существованіи разумномъ, безконечно-прогрессивномъ, въ такомъ, которое играло бы такую же роль относительно народа, какую разумное образованіе играетъ относительно отдѣльнаго человѣка, т. е. въ такомъ, которое и въ понятія и въ учрежденія проводило бы все больше и больше истины, справедливости и добра.

Обыкновенно въ исторіи народовъ видятъ три періода, которые, сравнительно съ періодами жизни отдѣльнаго человѣка, называютъ періодами юности, зрѣлости и старости. Въ исторіи народовъ, кончившихъ свое существованіе, это такъ и было. Но не такъ должно быть въ исторіи народовъ существующихъ, хотя бы мы теперь и находили у нихъ признаки, показывающіе, что они остановились въ развитіи, перестали крѣпнуть, совершенствоваться, и очевидно склоняются къ слабости, къ дряхлости. Задача современныхъ и будущихъ поколѣній состоитъ въ томъ, чтобы остановить это одряхлѣніе народовъ и поставить ихъ на дорогу прочнаго и здраваго развитія, ограничить исторію современныхъ народовъ только двумя періодами: юности и зрѣлости. Дѣло это, безъ сомнѣнія, очень много зависитъ отъ самихъ народовъ и, въ каждое данное время, отъ живущихъ поколѣній.

Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, есть своего рода организмъ; только въ этомъ качествѣ онъ и имѣетъ способность къ развитію. И если обратить вниманіе на средства, которыми поддерживается этотъ организмъ, и которыми обусловливается его развитіе, мы найдемъ очень много сходства между нимъ и организмомъ одного человѣка. Параллель эта проводится такимъ образомъ. Человѣкъ, являясь въ міръ, есть самое безпомощное изъ созданий. Кто этого не знаетъ? Что было бы съ нимъ, если бы онъ не имѣлъ заботливой матери, кормилицы, которая его кормитъ, предохраняютъ отъ всего вреднаго, принимаютъ мѣры, обезпечивающія его здоровье? Въ первое время онъ живетъ, больше нежели какой-нибудь другой видъ живого существа,

только растительною жизнью, почти неспособенъ къ самостоятельному движенію; а когда оно начинается, то такъ мало имѣетъ цѣлесообразности и такъ опасно для него самого, что заботливый глазъ слѣдитъ за нимъ ежеминутно: его носить на рукахъ, потомъ возять, потомъ водять какъ это всякому очень хорошо извѣстно. Но вотъ онъ и самъ начинаетъ бѣгать; богатство силъ побуждаетъ его рѣзвиться: опять нуженъ зоркій взглядъ. Наконецъ приходитъ и ему время и онъ остается безъ надзора; онъ самъ себѣ господинъ и самъ, разумѣется, отвѣчаетъ за свои дѣла и приключенія.

Въ народѣ то-же самое. Первобытный народъ, какіе-нибудь дикари Новой-Голландіи, живутъ больше всего растительною и животною жизнью; ихъ занимаетъ почти одна забота—чтобы быть сытыми; она одна и служитъ причиною, побуждающею ихъ къ дѣятельности. Такъ жили въ свое время и всѣ историческіе народы, напр. древніе египтяне, или зенды въ доисторическое время. Какая нибудь счастливая случайность послужила къ раннему развитію между ними одного человѣка, или цѣлаго рода въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. И вотъ этотъ родъ, тѣмъ или другими способами, корыстно или безкорыстно беретъ на себя роль няньки, воспитываетъ народъ, поднимаетъ его цивилизическій уровень. Но воспитаніе и движеніе впередъ народу дается нелегко: онъ долженъ трудиться. А какимъ авторитетомъ побудить его къ этому? Передовые люди находятся и выдаютъ свое желаніе за волю Озириса или Ормузда, а себя за жрецовъ или маговъ, и въ этомъ качествѣ продолжаютъ руководить народъ: до-тѣхъ-поръ пока не явится другой авторитетъ, который поставитъ ихъ на второй планъ, или пока самъ народъ, возросши, не замѣтитъ, что онъ можетъ обойтись безъ особеннаго руководства.

Такое же сходство и въ питаніи отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа. Ребенокъ питается сначала молокомъ, потомъ къ этому роду пищи прибавляется растительная и мясная. Когда онъ совсѣмъ вырастетъ, ему въ нашемъ климатѣ всего нужнѣе пища мясная, и она должна составлять главный элементъ питанія, если позволяютъ средства. Есть другого рода питаніе, которое способствуетъ развитію человѣческаго организма, это—нравственное питаніе, то, чѣмъ питается психическая сторона человѣка, что развиваетъ его способности, доставляетъ ему познанія, наконецъ, что вообще занимаетъ его. Ребенокъ самъ только видитъ или слы-

шить, но сначала еще не наблюдаетъ; чтобы изъ его способности смотрѣть вышло наблюденіе, онъ нуждается въ совѣтахъ, въ объясненіяхъ другихъ людей, которые сравнили бы для него разные предметы и такимъ образомъ объяснили ему явленія, доступныя для него. Особенно трудно достается пониманіе чего-нибудь, что не подлежитъ чувствамъ. Тутъ опять помогаютъ старшіе: они стараются объяснить все въ образахъ, въ басняхъ, въ сказкахъ. Это его способъ познанія и въ то же время это поэзія его возраста; въ сказкахъ его идеаль, герои и героини, которые его занимаютъ, жизнью которыхъ онъ живетъ. Это его лучшее развлеченіе; но есть у него много и другихъ развлеченій: всѣ эти игры, эти выдумки, которыя онъ сочиняетъ надосугѣ.

Но пройдутъ первые годы юности и надобно разстаться съ дѣтскими забавами, надобно отвыкать отъ нянюшкиныхъ оценокъ и сѣсть за книгу. Скучно, а дѣлать нечего. А придетъ зрѣлый возрастъ, тогда еще больше дѣла, еще меньше времени для забавы. Сказки надобно совсѣмъ оставить, чтобы не быть чѣмъ-нибудь въ родѣ Митрофанушки Простакова. Надобно серьезно учиться, читать скучныя книги, запоминать ихъ, наконецъ надо заняться житейскими, прозаическими дѣлами: трудиться, работать, терпѣть, гдѣ нужно. Не для всякаго житейскій путь усыянъ цвѣтами.

Питаніе народа тоже бываетъ физическое и нравственное. Физическое питаніе первобытныхъ народовъ въ то время, когда они жили въ тепломъ климатѣ, состояло въ кореньяхъ, фруктахъ и, изрѣдка, на берегахъ морскихъ въ раковинахъ. Если-бы кореньями и фруктами ограничить потомковъ ихъ, ушедшихъ подъ большія широты, то кретинизмъ и золотуха въ нѣсколько сотъ лѣтъ истребили бы дѣльные народы. Нравственное питаніе народа тоже различно въ различные періоды его жизни. Первобытный народъ, какъ ребенокъ, и наблюдаетъ и понимаетъ самъ очень плохо; онъ нуждается въ руководителѣ, толкователѣ всего, что ему представляется, въ рѣшителѣ всѣхъ вопросовъ, которые его занимаютъ. И толкователь находится въ видѣ какого-нибудь Зороастра, который и объясняетъ ему, какъ умѣетъ, значеніе и причину явленій. И умъ толкователя и умъ цѣлаго народа такъ еще сложенъ, что вездѣ предполагаются скрытыя силы, всѣмъ самымъ обыкновеннымъ физическимъ явленіямъ дается значеніе метафизическое, и народное міровоззрѣніе облекается въ поэтическія формы;

практическое правило, нравственный принцип излагаются въ баснѣ, притчѣ; рассказъ изъ старины передается въ видѣ пѣсни, сказки. Народу это нравится; его пробудившаяся любознательность и фантазія находятъ въ этомъ свою пищу, и онъ привязывается къ этимъ поэтическимъ рассказамъ; число ихъ увеличивается, древнимъ пѣвцамъ находятъ подражатели; народная литература растетъ тѣмъ болѣе, что въ это счастливое время юности земля, на которой народъ живетъ, велика и обильна, сравнительно съ массой жителей. Потребности народа ограничены и удовлетворяются почти безъ труда. Но время идетъ; народная мудрость растетъ, нужды увеличиваются, средства дѣлаются скуднѣе. Нѣтъ уже ни времени, ни прежней охоты къ древнимъ сказкамъ, какъ у взрослога нѣтъ большой охоты къ слушанію или чтенію дѣтскихъ рассказовъ. Народный развившійся омысль недоволенъ больше стариннымъ объясненіемъ явленій физическихъ, находитъ невѣрными притчи съ ихъ нравоученіями, и всему этому старается помочь. Нужно трудиться и физически и умственно. И вотъ на смѣну прежней невинной безпечности является забота, на мѣсто сказокъ является болѣе прозаическій родъ народныхъ произведеній, гдѣ исторія понемногу выходитъ изъ тумана, нравоученіе—изъ формы притчи; пѣсня дѣлается лирическою, излагаетъ дѣйствительныя чувства, радость или горе, близкое всякому человѣку; метафизическое объясненіе уступаетъ мѣсто во многихъ случаяхъ физическому. Счастливъ народъ, если онъ пойдетъ твердо по этой дорогѣ къ своему благосостоянію, къ уясненію своего міровоззрѣнія и взгляда на отношенія людскія, на нравственные принципы. Нѣкоторые народы такъ и остались на старинныхъ сказкахъ, на нравоученіяхъ въ притчахъ и на метафизическомъ характерѣ взгляда на явленія природы. Такъ арабы до-сихъ-поръ сидятъ на сказкахъ въ родѣ «Тысячи и одной ночи», персіяне почерпаютъ свою мудрость изъ Гюлистана и познаніе древней жизни изъ «Шахъ-наме», китайцы воображаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія драконъ похищаетъ солнце съ неба. Такіе народы буквально находятся въ положенія Митрофана Простакова, который въ то время, какъ думалъ жениться, довольствовался еще сказками скотницы Акулины, и вообще ея міровоззрѣніемъ, или въ положеніи взрослога человѣка, котораго осудили бы на исключительное питаніе молокомъ; жизнь его продолжалась бы, но онъ былъ бы въ состояніи разслабленнаго. Другіе народы были

счастливые: они сумели оторваться от дѣтскихъ разсказовъ, подвергли критикѣ исторію своего былого, очистили свои нравственные взгляды, стали объяснять законами и силами природы всѣ физическія явленія. Эта пища, это занятіе больше соотвѣтствуетъ разившемуся народному смыслу; онъ крѣпнеть и пріобрѣтаетъ способность одолевать препятствія, которыя представляетъ людямъ все больше и больше обнаруживающаяся скупость природы; а наблюденіе, которому человѣкъ даетъ большій просторъ ведетъ его къ открытію новыхъ фактовъ, изъ сферы естественной и нравственной. Въ то же время усложнившіася отношенія между людьми порождаютъ цѣлый отдѣлъ фактовъ изъ жизни общественной. Но привыкшій къ осмысленію всего умъ не теряется, онъ разбираетъ всѣ возможные факты по отдѣламъ, находитъ между ними извѣстныя отношенія и слѣдствіемъ этого является разнообразный кругъ наукъ нравственныхъ, физическихъ и политическихъ. Хорошо, если народъ умѣлъ справиться со всѣмъ этимъ. Отказавшись отъ древнихъ преданій, отъ древнихъ предписаній, имѣвшихъ метафизическое начало, онъ сталъ въ положеніе взрослого человѣка, съ котораго вдругъ сняли опеку и всякое возможное руководство. Человѣку въ такомъ положеніи двѣ дороги: если онъ трудолюбивъ, уменъ, слѣдуетъ хорошимъ нравственнымъ правиламъ—положеніе его обезпечено; онъ не промотаетъ отцовскаго наслѣдства, а пріобрѣтетъ себѣ извѣстное состояніе, если и не имѣлъ ничего прежде; но если онъ, выйдя изъ подъ опеки, не сформировалъ себѣ крѣпкихъ нравственныхъ убѣжденій, не пріучилъ себя къ труду и развилъ въ себѣ наклонность къ наслажденію—онъ и отцовское наслѣдство проживетъ. Таково же положеніе и народа, сбросившаго съ себя опеку старинныхъ преданій и метафизическихъ предписаній. Если онъ успѣлъ выработать себѣ хорошія нравственные понятія, пріобрѣсти способность къ труду, достигнуть степени искусства въ трудѣ, соотвѣтствующей его потребностямъ—положеніе его обезпечено: онъ устроитъ свое благосостояніе на прочныхъ основахъ; онъ самъ будетъ продолжать свое развитіе; совершенствованіе и благосостояніе его будутъ расти; и если онъ не упадетъ самъ нравственно, то нѣтъ никакой причины, которая бы грозила серьезно его будущности. Но если народъ, сбросивъ метафизическую опеку, не пріобрѣтетъ ни прочныхъ нравственныхъ основъ для своихъ поступковъ, ни привычки къ труду, ни искусства въ трудѣ—благосостояніе

его не будетъ имѣть никакихъ основаній и онъ тотчасъ же пойдетъ къ упадку во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда самое обыкновенное явленіе будетъ то, что нѣкоторые наиболѣе-разсчетливые люди устроятъ свои отношенія къ другимъ такъ хитро, что эти будутъ трудиться, а хитрецы только будутъ пользоваться чужими трудами. Можетъ быть и такое явленіе, что и хитрецовъ не найдется, которые бы эксплуатировали народъ, а такъ всѣ вмѣстѣ, за самыми небольшими исключеніями, будутъ прозябать въ самой жалкой жизни, какъ это имѣетъ мѣсто на островѣ Гаити, гдѣ жители, негры, послѣ эманципаціи такъ опустились, обѣднѣли, что островъ, прежде отлично-воздѣланный, теперь большею частью превратился въ невоздѣланную пустыню. Здѣсь роль метафизическаго начала, руководившаго дѣятельностью жителей, играли плантаторы.

Начало греческой исторіи представляло, безъ сомнѣнія, явленіе весьма свѣтлое; народъ, выходя изъ временъ мнѣческихъ, развивался хорошо. Развитію мѣшали многія препятствія, но они не были такъ сильны, чтобъ народъ не могъ одолѣть ихъ, тѣмъ болѣе, что народныя силы не были потрачены на борьбу съ слишкомъ скупой природой. Природа, окружавшая колыбель греческаго народа, была къ нему благосклонна; она почти даромъ предлагала народу все, что ему было нужно, и, не имѣя особенно гравдіознаго характера, она не подавляла его своимъ величіемъ, не заставляла его въ ужасѣ склоняться передъ явленіями, не убивала его энергіи и не развивала бездѣтельнаго фатализма. Море привело къ нему поселенцевъ изъ образованныхъ странъ, которыя, будучи немногочисленны, не принесли съ собою особенныхъ прерогативовъ, а принесли массу открытій, изобрѣтеній, которыя и сообщили грекамъ. Были и враги, съ которыми надобно было справиться народу: сначала дикіе звѣри, потомъ разбойники; но это не такіе враги, которыхъ нельзя было бы одолѣть; и народъ одолѣлъ ихъ; при этомъ нѣкоторые показали особенное молодечество: народъ оцѣнилъ ихъ заслуги, прославилъ ихъ въ легендахъ. Легенды обращались въ народъ, и народная благодарность частью преувеличила подвиги героевъ, частью отблагодарила ихъ слишкомъ щедро, поставивъ ихъ въ рядъ боговъ. А боги и вообще религія грековъ были таковы, что побуждали народъ къ дѣятельности, къ подвигамъ, къ добродѣтели. Какъ было греку не думать о преодолѣніи всѣхъ возможныхъ препятствій, когда онъ зналъ, что за

славные подвиги может попасть въ число боговъ? Все это развивало въ народѣ и доблести и соответствующее имъ уваженіе къ себѣ. Въ уровень къ этимъ доблестямъ и къ этому самоуваженію народъ стремился поставить и свое социальное положеніе. Если потомки древнихъ героевъ, наследовавшіе почоть и влаженіе предковъ, третировали народъ свысока, или представляли нравственныя качества, противоположныя качествамъ предковъ, народъ не смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ недостатки, не преклонялся передъ ними, потому-что онъ слишкомъ уважалъ себя для этого, и потомки героевъ и боговъ становились въ рядъ простыхъ смертныхъ. Если нарушалась экономическая справедливость, народъ не задумывался возстановить ее; если недостатокъ законовъ давалъ мѣсто злоупотребленіямъ, народъ поручалъ кому-нибудь писать законы и требовалъ, чтобъ законы были справедливы, удовлетворяли общему желанію, и въ такомъ случаѣ строго соблюдалъ ихъ. Если, пользуясь неурядицами, находились люди, которые не уважали закона и даже притѣснили народъ, они были наказываемы, изгоняемы. Все удавалось до времени этому честному и уважающему себя народу; силы его, какъ физическія, такъ и нравственныя, постоянно росли. Славныя дѣла прежнихъ лѣтъ онъ помнилъ хорошо, прославилъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ: это укрѣпляло его нравственно. Древнія преданія были въ одно время и школою и развлеченіемъ народа; мало того, что онъ пѣлъ о подвигахъ своихъ героевъ, онъ представлялъ ихъ въ своемъ народномъ театрѣ. Его, какъ будто, ничто не занимало, кромѣ награды, которую боги давали за сдѣланное добро и наказанія за сдѣланное зло. Ему пришлось и трудиться побольше прежняго: народонаселеніе увеличилось; чтобы благосостояніе его не упало, нужны были усилія и умѣнье. На это достало народа. Какіе-то передовые люди сочинили для него политическую экономію, гдѣ говорилось, какъ нужно хорошо обрабатывать землю, что нужно для успѣха мореплаванія, какое время благоприятно для того или другого занятія, и даже какъ нужно воспитывать дѣтей, готовить ихъ къ будущей дѣятельности, чтобы благосостояніе народное и на будущее время было обезпечено. Народъ хорошо пользовался мудростью передовыхъ людей; богатство его все росло; народонаселеніе увеличивалось, жизнь развивалась, усложнялась. Ея заботы частныя и общественныя, религія съ ея наградами для героевъ и съ наказаніями для трусовъ и злодѣевъ — все

поддерживало нравственную высоту народа, такъ-что, когда варвары Азіи, не встрѣчавшіе сопротивленія у своихъ сосѣдей, покоровшіе ихъ, вздумали сдѣлать то же самое съ греками — весь народъ возсталъ какъ одинъ человѣкъ, и, несмотря на то, что греки были раздѣлены на мелкія государства, изъ которыхъ многія не приняли участія въ защитѣ греческой народности; варвары не знали, какъ убраться и потомъ не знали какъ защититься, когда разсердившіеся греки напали на нихъ въ ихъ собственной странѣ. Этотъ періодъ борьбы грековъ съ персами представилъ такія доблести, которыя, при всей ихъ исторической несомнѣнности, превосходятъ даже то, что народъ пѣлъ оподвигахъ древнихъ героевъ, разумѣется, изукрашая ихъ. Такіе результаты должно представить всегда здоровое развитіе народа.

Но уже чрезъ одно столѣтіе—этого народа узнать было нельзя. Побѣдители страшныхъ враговъ должны были покориться врагамъ совсѣмъ не такъ сильнымъ. Прежней доблести не было и въ поминѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, она сохранялась только какъ исключеніе; а между-тѣмъ это время послѣ персидскихъ войнъ есть время процвѣтанія наукъ и искусствъ. Пелопонезская война — это грань, раздѣляющая два періода греческой жизни, въ которыхъ одинъ представляетъ нравственную и политическую высоту народа, и ничтожество научнаго и художественнаго образованія, а другой—научное и художественное образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное и политическое ничтожество. Безъ сомнѣнія, ни одинъ серьезный мыслитель, ни одинъ другъ челоѣчества не усомнился бы осудить и науки и искусства, если бы они были причиною нравственнаго и политическаго изденія народа, потери независимости и наконецъ прекращенія его существованія. Но дѣло было не такъ просто; и разобравъ его можно оставить въ покоѣ и науки и искусства, не подвергая ихъ ни преслѣдованію ни изгнанію.

Послѣ персидскихъ войнъ греки сдѣлались богаче, нежели прежде, и наслаждались своимъ богатствомъ снокойнѣе, нежели когда-нибудь. Въ передовыхъ государствахъ всѣ граждане сравнялись въ правахъ; внутреннее напряженіе народа прекратилось; внѣшнихъ враговъ тоже нужно было искать: сами они не находились, нужно было заирать ихъ, иначе они войны не начинали. Въ то же время народъ двинулся впередъ и въ сферѣ мысли. Философы подвергнули критикѣ и отвергли старыя мнѣя; исторія отвергла древнія легенды. Опекунство мнѣя и ле-

гендъ ея народа была снята; народъ долженъ былъ самъ своимъ умомъ, какъ взрослый, вести свои дѣла. Онъ стоялъ передъ двумя дорогами: ему предстояло выбратьъ.

Выбралъ онъ не то, что было лучше; правила, вынесенныя имъ изъ воспитанія, были не плохи, но и не были настолько хороши, чтобъ народъ самъ собою, безъ всякой поддержки, выбралъ лучшую дорогу и твердо шолъ по ней; или, по-крайней-мѣрѣ, новая поддержка, явившаяся на мѣсто старой, не была такъ распространена, чтобъ служить руководствомъ для всего народа. Въ этой вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, правдою и неправдою, между высшею и низшею стороною человеческого существа, Ормуздомъ и Ариманомъ, побѣда осталась на сторонѣ Аримана: онъ утянулъ на свою сторону грековъ.

Что греки сдѣлались богаче—въ этомъ, кромѣ добра, ничего не было; нужно было только, чтобы они сдѣлали правильное употребленіе изъ своего богатства.

Что всѣ граждане сравнялись въ правахъ—въ этомъ тоже, кромѣ добра, ничего не было; это былъ законъ справедливости; нужно было только, чтобы законъ этотъ получилъ полное при-мѣненіе.

Что греки отвергли мифы и легенды и ихъ опеку надъ собою — это былъ большой шагъ къ истинѣ; нужно было только, чтобы они сдѣлали другой шагъ: искренно и разумно пошли навстрѣчу положительной истинѣ; нужно было, чтобъ, вмѣсто метафизическихъ воззрѣній и принциповъ, получили силу нравственнаго закона какіе-нибудь другіе, болѣе-чистые и возвышенныя, принципы.

Но всего этого лучшаго не оказалось; изъ богатства употребленіе было сдѣлано дурное. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него средство для высшаго образованія, греки сдѣлали изъ него только средство для наслажденія, для веселой жизни. Притомъ, богатство было приобрѣтено многими совершенно случайно, напр. войною. Другіе приобрѣли его, правда, промышленностью; но на этомъ пути многіе не успѣли, многіе не пошли по немъ, и потому богатство было распредѣлено слишкомъ неравномѣрно. Государственное богатство въ Афинахъ, передовомъ изъ всѣхъ городовъ, было результатомъ несправедливости ихъ къ союзникамъ.

Равенство правъ распространилось только на такъ называемыхъ гражданъ; метѣжи, союзники, и рабы, составлявшіе всѣ

нѣтъ огромное большинство, почти весь народъ, оставались далеко отъ полноты правъ, и полноправные граждане были очень неговорчивы въ этомъ дѣлѣ, такъ-что, собственно говоря, послѣ пелопонезской войны было самое крайнее безправье народа, а далеко неполнота гражданскихъ правъ.

Разладъ съ мифами и легендами былъ тоже далеко не рациональный; вѣра въ нихъ пропала, а суевѣріе осталось, и даже терпимости не прибавилось; развѣ прибавилось лицемѣрства; но до положительной истины, до правильнаго научнаго міровоззрѣнія было далеко, и наука не пошла дальше маленькаго кружка ея адептовъ; ея теоретическія воззрѣнія и нравственные принципы не коснулись народа; такъ что народъ, освободившись отъ древнихъ стимуловъ его жизни, оказался безъ здраваго руководства, такъ-какъ собственное его руководство не было основано ни на какихъ здоровыхъ, человѣчныхъ принципахъ.

Вся эта нравственная неурядица общества оказалась тотчасъ же еще во время пелопонезской войны. Юношество аѣинское все выходило на Алкивіада. Алкивіадъ, безъ сомнѣнія, былъ даже лучшій среди его. Всѣ наслаждались хорошимъ столомъ, вкуснымъ виномъ, незлѣпными и ребяческими шутками, напр. смѣялись надъ религіозными таинствами, отбивали носы и уши германамъ, любили франтить туалетомъ, экипажами и т. п. Дамы тоже пошли по этой дорогѣ, и онѣ богатству не нашли лучшаго употребленія. Стрепеіадъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Облаковъ» Аристофана, жалуется на несчастье своей жизни, состоящее въ томъ, что онъ, простой деревенскій житель, женился на горожанкѣ, которая своимъ туалетомъ и вообще прихотями разорила его. Это и составляетъ переломъ въ жизни греческаго народа. Главный интересъ гражданъ сосредоточивается на частныхъ заботахъ, и заботы эти направлены къ пустякамъ: къ удовольствію, къ удовлетворенію тщеславія и т. п. Такіе граждане, натурально, что ни шагъ дѣлали въ политической жизни, дѣлали съ тѣмъ вмѣстѣ ошибку, или встрѣчали неудачу. Оттого-то пелопонезская война представляетъ такъ много и политическихъ и военныхъ неудачъ, особенно со стороны аѣиняпъ; и причиною были они сами. Неудачи развили въ нихъ недовѣріе къ самимъ себѣ, къ своимъ учрежденіямъ; и жалко смотрѣтъ на этотъ когда-то гордый народъ, какъ, послѣ каждой неудачи, онъ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, отъ одной формы правленія въ другую, отъ демократіи къ аристократіи, потомъ отъ аристо-

кратіи къ демократіи, потомъ опять къ аристократіи и опять къ демократіи. Дурной знакъ, когда народъ надѣется исключительно на перемѣну учрежденій. Учрежденія не такъ много значать, какъ объ этомъ думаютъ. Франція добилась въ прошломъ столѣтіи той формы, къ какой она такъ стремилась, но изъ этого ничего не вышло. Сколько разъ перемѣняли потомъ форму правленія—и всѣ ли французы довольны тою, на которой остановились и за которую народъ оказался въ такомъ страшномъ большинствѣ? То же было и въ Аѳинахъ: когда народъ былъ хорошъ, тогда и учрежденія были хороши; а испортился народъ—и учрежденія, даже усовершенствованныя въ послѣднее время, оказались плохи. Дѣло не въ однихъ учрежденіяхъ: учрежденія имѣютъ свой смыслъ; и если учрежденія плохи, стѣснительны, они замедляютъ народное развитіе, отклоняютъ его отъ нормальнаго пути; но однихъ учрежденій для развитія народа мало; учрежденія составляютъ только форму; для нея нужно еще содержаніе, нѣчто болѣе существенное, чѣмъ состоитъ въ нравственной сторонѣ народа, въ характерѣ его понятій, привязанностей и стремленій, въ его взглядѣ на самого себя, свое назначеніе, обязанности, на форму общественнаго и частнаго благосостоянія,—этотъ идеалъ всего народа и отдѣльныхъ личностей. А все это и перевернулось въ дурную сторону около времени пелопоннесской войны. Явленіе было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ на каждомъ шагѣ. Если послѣ смерти отца остается дѣйствительно образованный сынъ, онъ найдетъ хорошее употребленіе отцовскому наслѣдству, воспользуется полученными средствами въ пользу для своего дальнѣйшаго совершенствованія, для увеличенія своихъ познаній, наконецъ—для пользы общей. Но если умираетъ разбогатѣвшій купецъ, не давшій никакого образованія сыну, сынъ не найдетъ другаго употребленія богатству, кромѣ того, чтобы удовлетворять своимъ животнымъ страстямъ, нелѣпыми прихотямъ и т. п. Кто не видалъ такихъ примѣровъ? Греки въ одно время и освободились отъ опеки и оказались богачами, т. е. приобрѣли дѣйствительное экономическое богатство и освободились отъ всѣхъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ, которые держали ихъ силы въ напряженіи, находили имъ дѣятельность. Не имѣя хорошаго образованія, которое указало бы имъ путь дальнѣйшаго здороваго развитія, греки пошли по дорогѣ, которая довела ихъ до нравственнаго и политическаго ничтожества.

Общество могло бы еще вернуться на лучшую дорогу, еслибы оно нашло разумныхъ и энергическихъ руководителей, проникнутыхъ другими идеями. Такіе руководители, пожалуй, и были въ лицѣ Сократа и всѣхъ кого коснулось гуманное и философское направленіе его. Но далеко ли проникло это направленіе? Дальше тѣснаго кружка философскихъ школъ оно не шло; да и тутъ еще одни думали только о своемъ образованіи, другіе думали только о соглашеніи правилъ нравственности, даже вродо правилъ приличія съ потребностью наслажденія. Циники, правда, дѣлали реакцію общественной пустотѣ, всеобщему стремленію къ богатству и удовольствіямъ, да много ли ихъ было, и велики ли были ихъ средства? Примѣръ философовъ; установленныхъ среди этой оргіи, достаточно показываетъ, что наука, какъ ни была она еще несовершенна, была настолько могущественна, чтобъ отвлекъ челоуѣка отъ нравственной заразы того времени. Недостатокъ былъ именно тотъ, что науки ограничались очень небольшимъ кружкомъ и не проникли въ массу народа.

Будто въ самомъ дѣлѣ этотъ народъ, у котораго, по словамъ Демосфенея, недоставало вниманія, чтобъ заняться на площади хоть сколько-нибудь серьезнымъ обсужденіемъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, могъ интересоваться критикою прежнихъ событийъ вмѣстѣ съ Фукидидомъ, или сравненіемъ конституцій разныхъ государствъ по сочиненію Аристотеля? Будто эти славные воины, продававшіе свою руку и оружіе тому, у кого было больше денегъ, могли интересоваться скучнымъ изложеніемъ вопросовъ политической и частной экономіи у Ксенофонта, Платона и Аристотеля?

Возможность здраваго развитія — была. Гипократъ, первый взглянувшій серьезно въ таинства природы, Агисъ и Клеомель, Аратъ и Филопемель представляютъ примѣры благородства и самоотверженія, которымъ, дай Богъ, чтобъ мы хоть сколько-нибудь умѣли подражать. А массы народа до науки, до мысли о своемъ челоуѣчбкомъ достоинствѣ не было дѣла. Ее занимало одно: удовольствія, наслажденіе жизнью. Замѣлательно возгупленіе къ одному изъ разговоровъ Платона. Въ немъ разсказывается, что, на дорогѣ изъ Цирея въ Аены, Сократъ свидѣлся съ однимъ очень старымъ челоуѣкомъ. Этотъ старикъ говоритъ Сократу, что онъ давно хотѣлъ съ нимъ познакомиться, потому-что много слышалъ о его умѣ. «Я уже такъ старъ, по-

ворилъ старикъ, что мнѣ недоступны никакія удовольствія, кромѣ удовольствія умнаго разговора». Если къ разговору съ философомъ, къ наукѣ обращались только тѣ, которые переживали всякую возможность наслажденій, то, вопервыхъ не много ихъ было, а вовторыхъ не много пользы могло выйти изъ ихъ принужденной и поздней любви къ наукѣ. Жаль, что, лучшія силы народа, молодое поколѣніе тратилось только на удовольствія! Впрочемъ надобно прибавить:—это не было одно грубое чувственное удовольствіе, какое существовало въ Беотіи, гдѣ люди вставали каждый день затѣмъ, чтобы ѣсть и пить, и наѣвшись, ложились спать, и гдѣ изобрѣтенъ способъ, распространенный потомъ въ Римѣ, удваивать наслажденіе посредствомъ vomitorіальныхъ средствъ.

Въ другихъ городахъ умѣли наслаждаться лучше: жизнь проходила между удовольствіями вкуснаго стола и наслаженіемъ искусствами, изъ чего тогда сдѣлали тоже цѣль жизни. Несомнѣнно, что послѣднее время греческой жизни имѣетъ по преимуществу характеръ художественности; искусства проникли во всѣ греческіе города, во всѣ слои общества, каждый ими интересовался и наслаждался, каждый былъ знатокомъ; когда Дмитрій Полиоркетъ, раздраженный низостью, которую аеиыане сдѣлали относительно его, взявъ Аены, собралъ въ театрѣ народъ, окружилъ его войскомъ и обратился къ нему съ рѣчью, наредъ ждалъ своей послѣдней минуты. Но Дмитрій въ рѣчи сдѣлалъ какую-то ошибку; которая шокировала аттическій вкусъ—и, несмотря на смертный страхъ, въ театрѣ нашолся человекъ, который вздумалъ сдѣлать вслухъ свою эстетическую критику и поправить того, кому слѣдовало только сдѣлать знакъ, чтобы ни одного изъ слушателей не осталось въ живыхъ. Такихъ случаевъ много въ исторіи послѣдняго времени греческой жизни. Дѣйствительно, единственнымъ элементомъ нравственнаго житія грековъ было тогда искусство.

Объ искусствѣ въ нашемъ обществѣ, благодаря неразвитости среды, неумѣнью мыслить правильно, неумѣнью всему дать истинное значеніе, существуютъ самыя противоположныя и самыя шаткія мнѣнія. Кажется, значенія искусства для успѣховъ народной жизни никто не отвергаетъ: но и никакъ не могутъ согласиться о томъ, въ чемъ оно состоитъ, это значеніе. Впрочемъ, объ этомъ, какъ и вообще о соглашеніи понятій, у насъ вообще не думаютъ, а такъ-себѣ, просто, nimmtъ каждый чт

можетъ—и всё довольны. Статей набирается много, журналы толстѣютъ,—и хорошо!

Въ послѣднее время стали высказываться новыя, очень оригинальныя мнѣнія объ искусствѣ. Мнѣнія эти, при всеобщей малограмотности, слишкомъ вредны для народнаго развитія, чтобы ихъ можно было вполне оставить на добрую волю ихъ авторовъ. Они составляютъ то, что называется системою бессознательнаго творчества. Мы всё привыкли думать, что человекъ, какъ существо разумное, въ своей человѣческой дѣятельности не можетъ и не долженъ имѣть ничего бессознательнаго; но не таково мнѣніе партизановъ бессознательнаго творчества. Они думаютъ, что истинный художникъ не можетъ имѣть цѣли въ своихъ произведеніяхъ; если онъ имѣетъ ее, то его произведеніе нехудожественно, а онъ долженъ поступать такъ: Приходить ему въ голову какая-нибудь картина, сцена, пожалуй мысль,—онъ и развивай ее въ своей творческой дѣятельности; пусть сцены слѣдуютъ за сценами, картины за картинами, положенія за положеніями, мысли за мыслями; но ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ дѣлать выбора между сценами, придумывать положенія, которыя не придутъ бессознательно ему въ голову, и особенно долженъ не имѣть никакого понятія о томъ, къ чему ведетъ все это движеніе творческой фантазій. Когда движеніе прекратилось—стой! конецъ художественному произведенію. Если бессознательный творецъ былъ вполне вѣренъ своей бессознательности и рѣшительно не имѣлъ понятія о томъ, къ чему ведутъ всё эти сцены и картины, то произведеніе вышло въ высшей степени художественное, и оно въ тысячу разъ полезнѣе цѣлыхъ тысячъ томовъ, написанныхъ съ цѣлью, съ сознаниемъ.

Но, оставивъ въ сторонѣ бессознательное творчество, кто же не признаетъ могучаго дѣйствія нѣкоторыхъ родовъ искусства—не для разработки идей, а для распространенія ихъ въ обществѣ? Кто не признаетъ, что, напр., литература есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для общаго движенія человѣчества?

Что же представляетъ искусство послѣдняго времени греческой жизни? Оно не было бессознательно—это правда; но оно плохо сознавало потребности общества, и то, къ чему оно стремилось въ большинствѣ случаевъ, стояло того, чтобы отъ него

отвращаться; въ разныхъ случаяхъ оно занималось пустяками, вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ. Навр., когда Анакреонъ воспѣвалъ вино и любовь, вообще веселую жизнь въ родѣ той, которую онъ велъ самъ въ компаніи Поликрата, тирана самоскаго, какое полезное вліяніе могъ произвести онъ на общество? Пѣсни Анакреона дѣйствительно прекрасны, особенно тѣ, которыя не прямо относятся къ вину, или той любви, которая ему нравилась; грація ихъ есть нѣчто неподражаемое; но идеаль, къ которому онъ самъ стремился, былъ слишкомъ плохъ и, дѣйствуя на общество, увлекъ, вмѣстѣ съ другими причинами, и его къ чувственной и безнравственной жизни, подготовилъ этотъ типъ продажнаго война и камелин. Анакреонъ жилъ много прежде пелопонезской войны, но сочиненія его остались въ репертуарѣ греческихъ пѣсней, и при томъ вызвали многочисленныя подраженія. Или Пиндаръ посвятилъ свою музу прославленію побѣдителей на греческихъ играхъ. Учрежденіе гимнастическихъ турнировъ было прекраснымъ дѣломъ для древней Греціи, когда герою нужно было имѣть и быстрыя ноги, и хорошо бросать копье, и подь часъ схватиться и бороться съ врагомъ. Но когда военное искусство и образъ жизни вообще измѣнились, греки не догадались придумать что-нибудь другое для развитія народа, что было бы болѣе сообразно съ потребностями времени. Олимпійскія игры послѣдняго времени имѣютъ такой же смыслъ въ исторіи, какъ игры римскаго цирка или византійскаго ипподрома, которымъ онѣ и служили оригиналомъ, прототипомъ. Такимъ образомъ Пиндаръ еще поддерживалъ учрежденіе, которое потеряло смыслъ! Или могли произвести болѣе полезное вліяніе на народъ его хвалебныя гимны тѣмъ греческимъ тиранамъ, у которыхъ онъ, какъ и Анакреонъ, игралъ роль паразита? Можно несомнѣнно утверждать, что пѣсни Пиндара и его примѣръ, равно какъ примѣръ Анакреона, не были чужды распространенію между греками и римлянами этого подленькаго типа, который, притомъ, такъ близокъ низшей господствующей сторонѣ жизни неразвитаго нравственно человѣка, и потому такъ живучъ, что сохранился не только до XVIII вѣка, когда онъ былъ тоже распространенъ вездѣ, но и до нашего времени.

Потомъ въ послѣднее время древній греческій эпосъ получилъ окончательную, художественную реакцію и распространился по всему греческому міру. То ли нужно было тогда грекамъ? Какой

смыслъ могла имѣть для нихъ эта первобытная исторія въ то время, когда они потеряли вѣру въ боговъ, дѣйствующихъ лицъ древняго эпоса, и, зная хорошо географію Средиземнаго моря, конечно, не могли считать всѣ похождения Улисса чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ вздора? Имъ нужна была критическая и прагматическая исторія народа, которая показала бы имъ причину древняго благосостоянія, древней славы и причину современнаго упадка,—а ихъ кормили баснями; въ то время, какъ народъ нуждался въ здоровой пищѣ, приличной его возрасту, его кормили пищею ребенка. Конечно, Пизистратъ, или Птоломен, содѣйствіемъ которыхъ «Иліада» и «Одиссея» получили послѣднія редакціи и распространились въ народѣ, имѣли свою выгоду въ этомъ; но ихъ выгоды прямо противорѣчили выгодамъ народа; и если кто понизилъ уровень греческой жизни, такъ, безъ сомнѣнія, такіе попечители народа такіе покровители его образования.

Въ самое время пелопонезской войны, въ Афинахъ народъ смотрѣлъ на комедіи Аристофана. Аристофанъ былъ поставленъ, безъ сомнѣнія, въ лучшихъ обстоятельствахъ, нежели какой-нибудь другой комикъ. Возможность называть людей по именамъ, не маскируя ихъ, давала ему отличное средство исправлять народные недостатки, *ridendo castigare mores*, что всѣми признается за назначеніе всѣхъ видовъ сатиры. И какъ же онъ воспользовался этимъ средствомъ? Хорошо ли онъ понималъ потребности и недостатки времени? Въ то время, при начинавшейся порчѣ общественныхъ нравовъ, когда софисты одинаково-безразлично относились къ добру и злу, къ правдѣ и неправдѣ, къ чести и низости, былъ только одинъ голосъ, который возвысился изъ среды новаго, образованнаго поколѣнія въ защиту нравственныхъ принциповъ; это былъ голосъ Сократа; и Аристофанъ осмѣялъ его; а въ Афинахъ въ то время, гдѣ теперь въ Парижѣ, бойкая насмѣшка убивала; и немудрено, что, нѣсколько лѣтъ спустя, Сократъ былъ осужденъ на смерть за свое ученіе. Аристофану не нравилась война афинянъ съ спартанцами—и онъ написалъ комедію противъ войны. Но во имя какихъ принциповъ и интересовъ онъ осуждаетъ ее? Говорить ли онъ народу о братоубійственномъ характерѣ этой войны, объ опасности для греческой народности, цивилизаціи, которую грозила война, ослабляя грековъ въ то время, какъ общіе враги ихъ не переставали злобно посматривать на Гре-

цію? Нѣтъ, ему не нравилось служить въ войнѣ, терпѣть голодь, холодъ, получать раны и т. п.; и вотъ страхомъ этихъ золь онъ и пугаетъ согражданъ; а въ перспективѣ, какъ слѣдствіе мира, представляетъ возможность сытно ѣсть, хорошо выпить и проводить время въ обществѣ гетеръ. Прудонъ недавно сказалъ, что тотъ народъ не стѣнитъ свободы, который не въ состояніи защищать ее, т. е. не въ состояніи терпѣть голодь, холодъ, получать раны въ сраженіяхъ. Аристофанъ, какъ видите, разсуждалъ совсѣмъ иначе, да и народу внушалъ свои разсужденія. Кромѣ Сократа, реакцію современной пустоты общества дѣлали еще старыя мараѳономахи во имя древней доблести и простоты нравовъ. Аристофанъ и ихъ осмѣялъ, и за что? За то, что они были грубы по наружности; что не имѣли этого аттическаго характера, который въ ихъ время не умѣлъ проникнуть въ аѳинскій народъ? Нѣтъ; а за то, что они слишкомъ интересовались справедливостью, были слишкомъ щекотливы въ дѣлѣ чести. Очевидно, послѣдующая жизнь грековъ частью была подготовлена сочиненіями Аристофана. Художникъ онъ былъ хорошій, но мыслитель плохой; картины, въ которыхъ онъ доказывалъ свои идеи, были хороши, да самыя идеи—плохи. Въ такомъ случаѣ художникъ больше сдѣлаетъ вреда, нежели пользы, какъ сочинитель въ баснѣ Крылова, которому въ подземномъ царствѣ довелось терпѣть болѣе горькую долю, чѣмъ разбойнику, который попалъ туда вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣ Аристофана это направленіе обозначилось яснѣе. Менандръ уже больше ничего не дѣлаетъ, какъ рисуетъ въ очаровательномъ свѣтѣ быть своего времени—эту роскошную и веселую жизнь, эти любезныя отношенія молодости обоого пола, получающей и платящей деньги. У него много смѣшнаго, комическаго; но это смѣшное касается случайностей, индивидуальныхъ слабостей, а совсѣмъ не общественныхъ пороковъ людей, которые убили прежнее благородство и возвышенность греческаго характера. Напротивъ, общественные недуги представлены у него въ привлекательномъ свѣтѣ; *meretrix blanda* есть главная героиня его комедій, предметъ его сочувствія и сочувствія, которое онъ возбуждаетъ къ ней въ публикѣ. Можно было ждать чего-нибудь отъ такой литературы? И можно было ждать чего-нибудь отъ такихъ авторовъ какъ Менандръ? Могъ онъ, будучи паразитомъ, проживалкою Димитрія Фалерейскаго, участни-

воишь это удовольствій, которыя совѣмъ не отличались высокими характеромъ, *ridendo castigare mores*? Или, можетъ быть, были нормальнымъ, здоровымъ явленіемъ идилліи Теокрита, эти очаровательныя картины дѣтей природы, вѣжныхъ Дафнисовъ и Хлюй, надъ сердечными страданіями которыхъ проливали слезы всѣ эти продажныя личности обоего пола, у которыхъ была только одна привязанность — къ деньгамъ? Къ пастушеской жизни Аркадіи греческій міръ возвратиться не могъ, да и не долженъ былъ: ему нужны были другія средства возрожденія. И Теокрытъ не прибавилъ греческому обществу никакихъ лучшихъ понятій, правилъ; только усилилъ его нелѣпую сантиментальность. Сантиментальность есть дурной знакъ; она показываетъ самый крайній нравственный упадокъ общества; оттого-то она особенно и процвѣтала при Птоломеяхъ, при Цезаряхъ и при Лудовикѣ XIV и Лудовикѣ XV; но въ то же время она есть и средство къ дальнѣйшей порчѣ общества, отрывая его отъ дѣйствительности, притупляя впечатлительность человѣческой природы при взглядѣ на дѣйствительныя общественныя и индивидуальныя страданія.

Да и нѣтъ сомнѣнія, что полезнаго вліянія на общество поэты не имѣли и въ виду; за это ручаются ихъ собственныя свойства. Дѣйствительно, ни одной уважаемой личности не стыщете между ними; все паразиты, льстецы, угодники сильныхъ міра, разумѣется, не съ безкорыстной цѣлью; они также продавали себя, свои способности, какъ солдаты продавали свою вооруженную руку, гетеры—свою красоту и грацію. И народъ ничего не искалъ въ литературѣ, кромѣ удовольствія, наслажденія: это былъ идолъ своего времени. Периклъ назначилъ изъ общественныхъ доходовъ особую сумму, теориконъ, для раздачи народу, чтобы онъ имѣлъ возможность входа въ театръ. Народъ былъ радъ; прошло немного времени—и театръ ему такъ поправился, что онъ издалъ законъ, по которому теориконъ ни на какое другое употребленіе обращенъ быть не можетъ; а кто предложилъ бы это, тому назначена смертная казнь. Потому въ послѣдствіи въ самыхъ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ боялись дотронуться до этихъ денегъ. Такова была относительная важность, которую народъ давалъ своимъ удовольствіямъ и общей пользѣ.

Можно ли было отъ такой литературы и отъ такого отноше-

нія къ ней народа ожидать чего-нибудь хорошаго? У насъ самихъ есть подобное явленіе. Хомяковъ, говоря о недостаткѣ научнаго образованія у насъ, заявляетъ, какъ фактъ, наше излишнее усердіе къ знакомству съ современной беллетристикою въ ущербъ образованію научному; Хомяковъ находитъ, что это знакомство, имѣя, однако, свой особенный лоскъ, «соединяется, по большой части, съ полнымъ и совершеннымъ невѣжествомъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго званія». Въ этомъ многіе согласятся съ Хомяковымъ: многіе видѣли это сами и прежде, потому-что у насъ на каждомъ шагу встрѣтите господъ, которые дальше беллетристики не пошли и изъ нея исключительно почерпаютъ свою мудрость. Отъ нихъ вы чуть не на каждомъ словѣ услышите имена Пушкина, Гоголя и въ особенности героевъ «Мертвыхъ Душъ» Ноздрева, Манилова и другихъ. Есть даже писатели, которые въ своей литературной дѣятельности не знаютъ другого руководства, кромѣ Пушкина, Лермонтова и Гоголя, такъ что безъ употребленія этихъ именъ по крайней-мѣрѣ разъ по двадцати на каждой страницѣ своихъ сочиненій, мы вовсе не дождались бы отъ нихъ никакихъ сочиненій. Хороши эти сочиненія, эти писатели и просто дилеттанты, ограничившіе свое мировоззрѣніе беллетристикою! Замѣчательный эффектъ произойдетъ, если вы позволите себѣ критически усомниться въ соразмѣрности ихъ восторга съ заслугами восторгающаго ихъ писателя. Казалось бы—что тутъ такого особеннаго? Мало ли въ чемъ можно сомнѣваться! Многіе не признаютъ въ политической экономіи большихъ заслугъ, напр., Адама Смита; кажется, авторитетъ и даже славное имя. Но экономистъ не предастъ васъ за это анаемѣ. Листъ ставилъ А. Смита очень невысоко, а между-тѣмъ въ Англіи самые ревностные послѣдователи школы А. Смита принимали его съ великимъ уваженіемъ и даже съ распростертыми объятіями. Или въ философіи многіе цѣнятъ очень невысоко Гегеля или Шеллинга, но почитатели этихъ философовъ не предають ихъ проклятію. Но попробуйте, заикнитесь сказать, напр., что содержаніе поэзіи Пушкина не такъ-то громадно, и вы до глубины души оскорбите этимъ людей, которые главное основаніе своего достоинства имѣютъ въ знаніи сочиненій Пушкина; если вы отвергаете необыкновенное значеніе этого поэта, то вы обращаете ихъ самихъ въ нуль; потому ихъ ненависть къ вамъ не будетъ имѣть границъ. Тутъ является что-то въ родѣ религіозной не-

известности XVI или XVII вѣка; тогда передъ протестантомъ дурно отозваться о Лютерѣ, а передъ католикомъ о Львѣ X—значило навлечь на себя личныя непріятности. Такъ и у насъ: недавно одинъ писатель совершенно послѣдовательно, согласно со всею системою своихъ убѣжденій, усомнился въ величіи Пушкина; другой, до слуха котораго дошло, что его литературной дѣятельности сдѣлали такую характеристику, будто онъ замѣчательнѣе тѣмъ, что ничѣмъ незамѣчательнѣе, и въ продолженіе 15 лѣтъ не успѣлъ высказать ни одной оригинальной мысли, рѣшился наконецъ на 16-мъ году показать свою оригинальность, для этого выбралъ ту мысль, что Пушкинъ, не больше народный поэтъ, чѣмъ всѣ другіе наши поэты, писавшіе на русскомъ языкѣ и вѣрно описывавшіе русское общество. Литература такъ приняла эти сомнѣнія на счетъ величія и народности Пушкина, что одного «Русскій Вѣстникъ» назвалъ, ни больше, ни меньше, какъ мальчишкою, а другаго остальные журналы такъ отдѣлали, что онъ остановился на полсловѣ да такъ и не рѣшился досказать его. У насъ литераторы не допускаютъ свободы въ литературныхъ сужденіяхъ; а между тѣмъ эти два скептика не просто съ размаху отрубили свои оригинальные взгляды на Пушкина; напротивъ, одинъ гораздо прежде написалъ пространную критическую статью «Пушкинъ, гдѣ высказалъ ту же самую мысль; а другой собирался писать едва ли не цѣлый рядъ статей, да литературныя фанатики остановили его на первой. Такія нравственныя аномаліи — всегдашнее слѣдствіе поверхностнаго образованія!

По счастью, мы имѣемъ другіе элементы образованія, болѣе разумныя. А откуда греки могли бы пріобрѣсти возможность относиться болѣе серьѣзно, болѣе гуманно къ различнымъ вопросамъ, которые представляла имъ жизнь, когда ихъ образованіе ограничивалось тѣмъ, что было хорошо для нихъ въ юношескій періодъ ихъ жизни, или тѣмъ, что составляло забаву ихъ въ послѣднее время? Можетъ ли быть названъ нормально-развитымъ въ психическомъ и соматическомъ отношеніи тотъ, кто до зрѣлаго возраста осужденъ былъ питаться молокомъ и не имѣть другого умственнаго упражненія, кромѣ игры въ солдатики, или въ лошадки? Можетъ быть, могли дополнить недостатокъ греческаго образованія искусства, музыка, живопись, скульптура, архитектура, которыя распространились тогда по всей Греціи? Партизаны безсознательнаго творчества, безъ со-

мибія, не прочь потолковать при подобномъ случаѣ о значеніи искусства вообще; жаль только, что они все толкуютъ объ искусствѣ вообще, а не потрудятся толково объяснить значеніе каждаго искусства въ частности. Какъ бы, наприм., могли дѣйствовать на нравственное и политическое развитіе греческаго народа эти божественные мраморы когда въ глазахъ самого послѣдняго каменотеса они давно ужѣ перестали быть богами и сдѣлались фальшивыми истуканами? И наконецъ, отчего же, въ-самомъ-дѣлѣ, искусства въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какихъ они, вѣроятно, никогда не будутъ имѣть, и на самой высокой степени развитія, не произвели добрыхъ результатовъ? Отчего всѣ эти прекрасныя произведенія, какъ Аполлоны, Венеры, Ніобы, не произвели внутренней красоты въ тѣхъ, которые созерцали ихъ ежедневно? Отчего изыщныя коринскія колонны не исправили коринскихъ дамъ, которыя пріобрѣли самую несчастную репутацію изъ всѣхъ другихъ греческихъ камелій? Отчего римляне, созерцая умирающаго гладиатора, не подумали прекратить свои безумныя, звѣрскія забавы цирка? Отчего Аратъ, когда хотѣлъ обмануть враговъ своей родины, показать видъ, что онъ бездѣльничаетъ, а не думаетъ объ освобожденіи ея, нарочно пригласилъ къ себѣ пѣвицъ и артистовъ и сдѣлалъ у себя музыкальный вечеръ? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только одинъ, что отсталыя искусства не въ состояніи произвести тѣхъ результатовъ, которые приписываютъ имъ не безкорыстно сами художники и вполне безкорыстно и даже безсознательно партизаны безсознательнаго творчества, и что они не могутъ имѣть другихъ результатовъ, кромѣ развитія вкуса да, въ очень немногихъ случаяхъ, возбужденія чувства. Греческіе художники послѣдняго времени сами не были одушевлены благородными чувствами, чтобы возбуждать ихъ въ народѣ. А развитіе вкуса не дѣлаетъ ничего сколько-нибудь важнаго для человѣка, или для общества; напротивъ, возбуждая стремленіе къ наружному изяществу, оно отвлекаетъ человѣка отъ заботы о внутренней красотѣ, если нѣтъ другихъ условій для развитія ея, что мы видимъ ежедневно среди насъ. Разбогатѣвшій откупщикъ обставляетъ себя всѣми возможными произведеніями искусства, дѣлается мало-по-малу и дилеттантомъ и знатокомъ, а все остается тѣмъ же откупщикомъ, если только искусствами ограничилъ свое воспитаніе. Конечно, какой-нибудь художникъ въ родѣ племянника Татьяны Борисовны, изъ «Записокъ охот-

лика», и тутъ постарается найти особенное величіе; также не покусится на восторгъ и Беневоленскій, его покровитель, о которомъ г. Тургеневъ не знаетъ, откуда взялась его любовь къ искусству, въ которомъ онъ ничего не смыслить, хотя, можетъ быть, и не такъ трудно проникнуть, откуда у подобныхъ господъ берется любовь къ искусству и благоговѣніе передъ нимъ. А племяннику Татьяны Борисовны тѣмъ болѣе съ-руки кричать о божественности искусства, что это избавляетъ его отъ необходимости хоть сколько-нибудь поучиться, почему г. Тургеневъ и представляетъ его круглымъ невѣждою.

Грекамъ тоже слѣдовало въ наукѣ поискать основъ для своей жизни; вмѣсто этого они занимались съ особенною любовью архитектурою, скульптурою, живописью и музыкою: въ нихъ искали наслажденія, ими украшали жизнь. Конечно, отчего не отдать свою дань требованіямъ каждой изъ сторонъ психической жизни? отчего запретить человѣку позволить себѣ и эту роскошь, которую составляютъ искусства? Но желательно было бы, чтобъ онъ прежде сдѣлалъ свое дѣло: чтобъ онъ удовлетворилъ требованіямъ другихъ высшихъ силъ души; чтобъ онъ не оставлялъ умъ въ невѣжествѣ, а сердце въ безчувственности ко всему честному и благородному; послѣ этого пусть уже наслаждается: это будетъ совершенно законно и въ порядкѣ вещей. Если же онъ будетъ думать только объ удовольствіи, объ украшеніи своей жизни въ то время, когда ему недостаетъ необходимаго, онъ будетъ нравственнымъ уродомъ.

У грековъ въ послѣднее время ихъ жизни именно былъ этотъ случай. Они думали объ удовольствіи, когда имъ недоставало необходимаго; питались лакомствами, когда не имѣли хлѣба: не мудрено, что организмъ ослабѣлъ; какъ дѣти, они думали только объ удовольствіи въ то время, когда должны были болѣе думать о пользѣ, забавлялись въ то время, когда должны были дѣлать дѣло: немудрено, что они не увеличили достоянія предковъ, а прожили и то, что получили отъ нихъ въ наслѣдство.

Въ-самомъ-дѣлѣ, жизнь послѣдняго времени греческой исторіи представляетъ странное явленіе. По наружности, дѣла были въ отличномъ состояніи; общая образованность бросалась въ глаза; аттицизмъ проникъ во всѣ страны вслѣдъ за македонскою фалангою, и историческіе педанты видятъ въ этомъ

великую заслугу Александра Македонскаго въ исторіи. Литература процвѣтала количественно и даже качественно, но особенно количественно. Богатство литературы послѣдняго періода даже-ко оставляетъ за собою даже прославленное время Перикла; поэты лирическіе, драматическіе, даже эпическіе изобиловали во всѣхъ городахъ; довольно того, что одна новая комедія, въ духѣ Менандра, считаетъ около полсотни писателей—и какіе это были плодотворные писатели! Одному Менандру приписываютъ до 80 пьесъ. Другія искусства достигли высшей ступени процвѣтанія—и между тѣмъ всѣ согласны, что это было несчастное время греческой жизни; это гробъ, очень красиво отдѣланный, но содержащій въ себѣ гниющій трупъ.

Недоставало одного: нравственнаго элемента, котораго вся эта блестящая литература, всѣ эти искусства развить не могли, а, напротивъ, убивали его. Поправить дѣло можно было однимъ путемъ—проведеніемъ серьезнаго научнаго образованія, по-крайней-мѣрѣ хоть въ высшіе, образованные классы общества. Что науки могли бы произвести этотъ благотворный результатъ—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Да никто и не сомнѣвается; никто съ доброю цѣлью распротраненію въ обществѣ серьезной науки не противодѣйствуетъ; врагами наукъ были всегда только тѣ, кому было выгодно держать общество въ невѣжествѣ. А что та степень, на которой въ то время находились науки, была достаточна для произведенія этого результата, доказательствомъ служатъ тѣ немногія личности, которыя, благодаря серьезному взгляду на образованіе, искали его не въ сладкихъ стихахъ Эокрита или Менандра, приправленныхъ избитыми фразами, а въ серьезной наукѣ—въ философін, построенной на положительныхъ результатахъ, добытыхъ другими знаніями. Такіе люди дѣйствительно гармонически развивали свои способности; высшая сторона ихъ природы не была задавлена низшею; они хорошо понимали истину, и правду, и добро, и хорошо проводили ихъ въ жизнь; таковы были первые стоики; они, дѣйствительно, представляли гармоническое, пожалуй, прекрасное цѣлое, возможное для того времени осуществленіе идеала человеческого достоинства. Къ сожалѣнію, ихъ было мало. Сфера которой они были окружены, была слишкомъ испорчена, но еще не столько натерпѣлась горя, чтобъ чувствовать потребность лучшаго нравственнаго и общественнаго порядка.

Если бы науки пустили глубже корни въ греческомъ обществѣ, кромѣ нравственнаго результата, онѣ непремѣнно имѣли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и результаты экономическіе. Наибольше нравственные люди времени разложенія древнихъ обществъ греческаго и римскаго, не останавливались на фразѣхъ и приступали къ дѣлу. Такъ Агисъ, Клеоменъ и Гракки употребили свои усилія для восстановленія экономическаго равновѣсія, для устраненія результатовъ историческихъ несправедливостей и беззаконій; доброй воли и рѣшимости у нихъ достало на то, чтобъ исполнѣ и самими собою пожертвовать на служеніе обществу, на служеніе правдѣ и добру; они нашли и сотрудниковъ, которые тоже не отказались пожертвовать собою для служенія святому дѣлу—возрожденія погибавшихъ обществъ. Жаль, что ихъ было мало!

Серьезное стремленіе къ образованію имѣло бы и другой экономическій результатъ;—если бы александрійская школа, вмѣсто того, чтобъ заниматься своими эстетическими тонкостями, посвятила себя, напр., на разработку естественныхъ наукъ, то результатомъ было бы большее развитіе промышленной техники; а это было бы очень кстати въ то время, когда мужчины искали средствъ для жизни въ похожденияхъ по всѣму свѣту, а дамы—въ продажѣ собственной своей личности.

Вообще, образованіе греческаго народа со времени персидскихъ войнъ пошло ложною дорогою. Тогда, правда, не было теоріи бессознательной дѣятельности, но тогда она практиковалось на дѣлѣ. Тогдашніе передовые люди шли туда, куда ихъ тянуло что-то бессознательное, и исполнѣ отдавались своему влеченію. А какъ это влеченіе, которому человекъ поддается бессознательно, всегда выходитъ изъ низшей сторони человѣческой природы, то оно и довело его до полного подавленія всего человѣческаго, до господства самой грубой чувственности. Общество, состоящее изъ личностей подобнаго характера, имѣетъ въ себѣ человѣческаго только одну наружность. — не-мудрено, что и судьба его была такова, что съ нимъ перестали церемониться. Въ прежнее время владѣтели странъ, сосѣднихъ Элладѣ, считали за честь знакомство съ гражданами греческихъ городовъ, такихъ, какъ Аѣнны или Фивы, а потомъ Аѣнны попадали подъ власть перваго авантюриста, которому приходила охота завладѣть ими; и это совершенно соответствовало положенію дѣлъ и людей, какъ Аѣннъ, такъ и всей Греціи.

Въ Римѣ было то же самое; тамъ только повтерилась исторія Греціи съ небольшими особенностями: когда римляне стали перенимать греческую цивилизацію, они перенили почти исключительно одно дурное. Катонъ вооружался противъ софистовъ, которые могли говорить послѣдовательно и pro и contra во всякомъ вопросѣ. Сначала римляне дорожили и истиною, и справедливостію; софисты отъучили ихъ отъ этого. Вместе съ тѣмъ вошли въ Римъ роскошные экипажи, дорогіе дамскіе туалеты, греческая кухня, противъ чего такъ сильно опять таки возставалъ Катонъ. Очевидно, эти заимствованія усвоили Риму только то, что составляло или дурную, или ничтожную сторону греческой цивилизаціи. Вместе съ тѣмъ проникла въ Римъ и литература. Нѣкоторые попытались—было ввести комедію Аристофана, т. е. дѣйствительную обличительную литературу съ подлинными именами и дѣлами современныхъ лицъ; но римскіе оптиматы нашли это недовольно удобнымъ для себя и постарались зажать ротъ своимъ судьямъ. За то комедіи Менандра они очень благопріятствовали, и вотъ Плавтъ и Теренцій пустились переводить и передѣлывать греческія комедіи; это пошло тѣмъ успѣшнѣе, что комедіи не скупились на остроуты, которыя далеко не были солью аттической, и потому—то особенно и нравились зрителямъ. Юноши учили наизусть Гомера, декламировали его при всякомъ удобномъ случаѣ, пѣли и играли на лирѣ и флейтѣ и воображали себя самыми образованными людьми въ Римѣ и въ мірѣ. Между тѣмъ въ замѣну старыхъ основъ римской добродѣтели массы не усвоили ничего. Результатъ сказался очень скоро. Правленіе оптиматовъ, наступившее тотчасъ послѣ того, какъ греческое образованіе проникло въ Римъ, принадлежитъ къ самымъ незаконнымъ во всей исторіи вообще: грабительство и съ соблюденіемъ законныхъ формъ и безъ всякой церемоніи, достигло неслыханныхъ выдѣлъ разбѣговъ. Внутри государства оптиматы ограбили народъ и сдѣлали изъ большинства римскихъ гражданъ бездомныхъ пролетаріевъ. За предѣлами государства происходили такія явленія, что, напр., консулы позволяли, за деньги, непріятелямъ истреблять римскія войска и т. п. Деньги, пріобрѣтаемая этимъ путемъ, шли именно на удовлетвореніе потребностей, принесенныхъ греческою цивилизаціею, на роскошныя виллы, которыхъ развалины подлѣ Рима до-сихъ-поръ соперничаютъ съ развалинами Аенны, на экипажи, на греческую кухню и и т. п. Народъ, оставшійся

безъ средствъ къ жизни, безъ куска хлѣба, получалъ его даромъ отъ правительства; но замѣчательно, что просто кускомъ хлѣба онъ былъ недоволенъ: ему нужно было еще эстетическое наслажденіе; оттого впоследствии онъ выражалъ свои желанія въ извѣстной формѣ *rapem et circenses*, т. е. хлѣба и представленій. Это началось гораздо раньше императорскаго періода. Еще Царь имѣлъ главную массу своихъ слушателей въ народѣ, и потому это не прекращалось. Цезарь, до своего управленія Галліей, пользовался самою дурною репутаціею и между оптиматами и между народомъ; но нѣсколько представленій, данныхъ народу, привязали къ нему народъ и онъ быстро пошелъ къ власти. На первый взглядъ римская исторія послѣднихъ вѣковъ до Р. Х. и послѣ имѣетъ такой видъ, что дѣйствительно какъ будто Руссо правъ и науки только дѣлаютъ вредъ роду человѣческому. По крайней мѣрѣ испорченность Рима и заимствованіе римлянами греческой цивилизаціи не только совпадаютъ одни съ другимъ, но, несомнѣнно, одна есть слѣдствіе другого. Если бы римляне не отказались вдругъ отъ старинныхъ основаній римской жизни они не были бы такъ плохи, а отказались они отъ нихъ, несомнѣнно, благодаря дѣйствию греческаго образованія. Слѣдствіе очень ясное,—греческое образованіе повредило Риму. Но вопросъ въ томъ: что же это было за образованіе? Этому образованію совѣстно дать такое имя, какъ не называемъ же мы образованнымъ человѣкомъ гостиннодворца, который, разрядившись въ пухъ и прахъ, идетъ и восхищается грязными остротами Александринскаго театра или представленіями цирка. Если онъ богатъ, то онъ обставитъ свою квартиру роскошными бронзами, мраморными статуями и навѣшаетъ, даже съ нѣкоторымъ вкусомъ, дорогія картины; но это еще не даетъ ему права на то, чтобъ его считали дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если его образованіе ограничивается только этимъ, то онъ далеко необразованный человѣкъ; напротивъ, вѣроятно, еще испорченъ этими пустяками, которыя онъ считаетъ существеннымъ признакомъ своей образованности и безъ которыхъ онъ рѣшительно теряетъ свое значеніе.

Въ Римѣ былъ рѣшительно тотъ самый случай. Всѣ почти римляне заняли у грековъ исключительно наружную, худшую, темную сторону ихъ образованія. Великое ли дѣло говорить по гречески, знать наизусть нѣсколько греческихъ со-

чиненій, искусно играть или пѣть да собирать дорогія картины и статуи, большею частью грабежомъ, какъ это дѣлалъ Верресъ? Но и греческое образованіе, какъ оно ни было плохо само въ себѣ, если усвоивалось разумно, т. е. если усвоивалась лучшая сторона его—приносило добрые результаты. Известно, что во всѣ самые печальные періоды исторіи иногда въ женщинахъ сохраняется чистота души, которая идетъ въ рѣзкій разладъ со всѣмъ окружающимъ ихъ. Такъ Октавія, жена Антонія, отличалась добродѣтелями, которыя сдѣлали бы честь какому угодно болѣе свѣтлому періоду времени. Другая Октавія, жена Нерона, дочь Мессалины, сохранила добродѣтель, о которой въ то время почти не имѣли понятія римляне и отъ которой особенно далека была та сфера, въ которой возрасла и жила Октавія. Такова была и Корнелія, дочь Сципіона Африканскаго. Отецъ ея обокралъ римскую казну и когда дошло до расправы онъ напомнилъ народу о своихъ подвигахъ и народъ пошелъ вслѣдъ за нимъ благодарить боговъ за подвиги Рима. Это новая черта въ римской жизни, которой не было въ Греціи. Греки не преклонялись до послѣдняго времени передъ своими полководцами, которымъ удавалось одержать побѣду надъ неприятелемъ. Они осудили Мидьтада, Фемистокла, Павзанія, потомъ Алквіада, несмотря на ихъ побѣды. Римляне, народъ преимуществу военный, были слишкомъ нехладнокровны предъ воинскими успѣхами, въ этомъ и заключалось зерно, изъ котораго потомъ, какъ во Франціи, развился цезаризмъ. Грекамъ, по ихъ политическимъ понятіямъ грозила тираннія, которая принимала подъ свою защиту бѣдные классы противъ богатыхъ; для этого ненужно было военной славы, и всѣ эти Пизистраты, Діонисія военными подвигами незначимы. Риму грозилъ цезаризмъ, котораго опорой могла быть не масса народа, а войско и первый зародышъ его видѣнъ въ этомъ случаѣ въ Сципіонѣ.

Дочь Сципіона не походила на отца; она тоже была очень образована, но образованіе ея было такъ солидно, что впоследствии ему удивлялись ученѣйшіе люди, посѣщавшіе ее во время ея старости въ ея убѣжищѣ, куда она удалилась, онаквивая судьбу своихъ сыновей. Благодаря такому характеру своего образованія, Корнелія во первыхъ обратила особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей и занялась имъ сама лично, во вторыхъ вела его такъ хорошо, что имена и память ея дѣтей все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ симпатіи со стороны искреннихъ друзей цивили-

ціи; и въ Соединенныхъ Штатахъ, когда шло въ вопросъ о за-
контъ касательно земской продажи государственныхъ земель
бѣднымъ людямъ, ихъ имена были написаны на знаменахъ
партіи, дѣлавшей агитацію въ пользу закона. Въ самомъ дѣлѣ
эти прекрасныя эти личности двухъ братьевъ! Ихъ большею
частью знаютъ только по ихъ аграрнымъ законамъ. Аграрные
законы были важнымъ дѣломъ, исполненіе котораго было бы
погучимъ средствомъ для возрожденія умиравшаго Рима, но
Гракхи всегда и вездѣ показывали то же рѣдкое сочувствіе къ
бѣднымъ страдавшимъ классамъ, то же свѣтлое пониманіе
средствъ для удержанія Рима надъ пропастью, въ которую тащили
его оптиматы, и въ основаніи ихъ дѣятельности лежала ихъ
неподкупная, безпримѣрная честность. Извѣстно, что одному
слову Тиберія даже непріятели, съ которыми римляне были въ
войнѣ, довѣряли больше, чѣмъ клятвамъ римскимъ консуловъ.
Не даромъ и Тиберій и Кай пользовались любовью и уваже-
ніемъ только простого народа.

Гракхи всѣмъ были обязаны тому образованію, которое они
получили подъ руководствомъ матери. Это было тоже греческое
образованіе и Гракхи были образованнѣйшими людьми своего
вѣка римляне. Великая разница между дѣлами Гракховъ и дѣла-
ми ихъ современниковъ происходила единственно отъ разницы
въ образованіи; въ одномъ случаѣ это было основательное науч-
ное образованіе, подкрѣпленное нравственнымъ воспитаніемъ ихъ
добродѣтельной матери; въ другомъ, — это были самыя ничтожныя
верхушки греческаго образованія, не шедшія дальше наружности.
Разумѣется, никакое образованіе не имѣетъ такого фатальнаго
необходимаго дѣйствія на человѣка, чтобы оно непремѣнно про-
изводило то, а не другое явленіе. Бываютъ случаи, что и
образованіе самое солидное не приноситъ результатовъ, кото-
рыхъ отъ него ожидаютъ. Такъ Баконъ Веруламскій въ нрав-
ственномъ отношеніи стоялъ очень низко; но это случай очень
рѣдкій, это одинъ случай изо ста, и потому можетъ быть раз-
сматриваемъ какъ исключеніе произведенное особыми причина-
ми. — Вообще и на дѣлѣ такъ бываетъ, и по сущности самой вещи
такъ должно быть, что серьезное научное образованіе должно
привести вмѣстѣ съ собою и возможно высшее нравственное
совершенствованіе человѣка. Въ этомъ и заключается достоин-
ство науки и наконецъ это всѣми признается.

Въ Римѣ, кромѣ немногихъ примѣровъ, представляемыхъ Гракками, Катономъ Утическимъ, пожалуй, Цицерономъ и др. образованіе было очень поверхностно; оттого оно не подняло, а, напротивъ, понизило уровень всей вообще жизни Рима, и чѣмъ дальше, тѣмъ было все хуже. Въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ Августа, въ умственной дѣятельности Рима мы видимъ только однѣ мелочи, пустяки, ту же самую роскошь въ то время, какъ не доставало необходимаго. Какое доброе дѣйствіе могла произвести льстивая и лживая поэма Виргилія, принявшая за образецъ древній греческій эпосъ? Греческій эпосъ былъ очень хорошъ въ свое время; это былъ единственный кодексъ преданій, національная исторія, воспитавшая первые молодые годы греческаго народа. Исторія того времени не могла имѣть другой формы, кромѣ поэтической. Тогда и законы имѣли ту же форму и даже писались стихами; но въ послѣднее время народу нужно было другое; греки не поняли этого и за это заплатились. Римляне тоже не поняли, и тоже заплатились.

У насъ въ бывшія времена очень много толковали о псевдоклассицизмѣ, и характеръ его преимущественно приписывали французской трагедіи XVII-го и XVIII вѣковъ и подраженіямъ ей въ другихъ литературахъ. Это очень узкое понятіе о псевдоклассицизмѣ. Псевдоклассицизмъ — это все, что мы заимствуемъ изъ древняго міра и что къ намъ нейдетъ; онъ и начался и кончился не съ французскою трагедію. Вся почти римская литература носитъ характеръ псевдоклассицизма. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ «Энеиду». Что общаго между содержаніемъ ея и тогдашнюю жизнь Рима? Вѣрили ли тогда образованные римляне, читатели «Энеиды», въ боговъ и въ ихъ живое участіе въ дѣлахъ людскихъ? Извѣстно, что не вѣрили, и потому, кромѣ пустого препровожденія времени, «Энеида» ничего имъ не могла доставить, да, какъ на дѣлѣ оказалось, и не доставила. Для чего же писалъ ее Виргилій? чѣмъ вызвана была эта поэма? Повидимому ничѣмъ, кромѣ желанія угодить сильнымъ міра да имѣть удовольствіе читать на латинскомъ языкѣ такую же поэму, какія были на греческомъ, какъ это было во всѣхъ европейскихъ литературахъ, гдѣ находились охотники, желавшіе прославлять отечественные Парнасы и для этого сочинявшіе свои славныя поэмы. Теперь объ этихъ поэмахъ не говорятъ больше; а если говорятъ, то уже другимъ тономъ. «Энеида» была ничто иное, какъ простое подражаніе, дѣло, имѣющее въ виду не какую ни-

будь опредѣленную цѣль, а предвѣрнѣе исключительно за гнѣть, чтобы имѣть видъ дѣла. А это есть самое несчастное настроеніе, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для общества, когда они занимаются чѣмъ нибудь не съ цѣлью, а просто для того, чтобы походить на людей, дѣлающихъ дѣло; изъ этого кромѣ обезьянства, кромѣ собственной нравственной порчи дѣятелей, ничего не выходитъ. Искусство для искусства осуждено исторіею; оно только развращало общества. — Когда Эзопъ придумывалъ свои замысловатые басни, онъ придумывалъ ихъ не для дѣтей, а для взрослыхъ; это было нѣчто въ родѣ романовъ того времени, такихъ какъ «Вѣчный Жидъ» или «Хищна дядя Тома» или какъ романы Диккенса. Наша цивилизація даетъ намъ средство дѣлать дѣло, которое занимало Эзопъ, гораздо прочнѣе и въ болѣе большихъ размѣрахъ, и потому теперь басня оставлена въ пользу дѣтей, а идеи проводятся большими беллетристическими произведеніями для людей, мало развитыхъ, и серьезными статьями для тѣхъ, которые развиты больше. — На это насъ достало, чтобы понять современное значеніе басни и не раздуть ее въ какое нибудь беллетристическое чудо и приписать ему дѣйствіе, котораго она имѣть не можетъ. — Но что касается другихъ образцовъ, оставленныхъ древностію, мы еще продолжаемъ смотрѣть на нихъ какъ на какой то прототипъ нашей дѣятельности и нашихъ произведеній, и подражаемъ имъ. Выходитъ, что по наружности, мы дѣйствительно походимъ на древнихъ, а въ сущности — ничего, потому что основною чертою всей ихъ прежней здоровой дѣятельности была разумность, сознательность, соотвѣтствіе потребностямъ человѣка, или общества; а у насъ наоборотъ. Это безтолковое подражаніе древнимъ образцамъ, преувеличенная оцѣнка ихъ началась даже не въ Римѣ, а въ самой Греціи. Напр. было очень естественно, что греки въ первое время исключительно воспитывались на народномъ эпосѣ, на исторіи того времени. Какое могъ имѣть значеніе онъ въ то время, когда греки потеряли вѣру, когда у нихъ началась болѣе разумная, критическая и прагматическая исторія? Для чего такъ старательно отдѣлывали его и старались удержать въ народномъ обращеніи? Очевидно, это былъ тотъ же псевдоклассицизмъ; если бы ученые времени упадка вмѣсто того, чтобы отдѣлывать, очищать и, какъ знатоки думаютъ, искажать древніи эпосъ, занялись попристальнѣе разработкою исторіи, вѣроятно, они извлекли

бы и для себя и для народа не одинъ полезный урокъ изъ прошедшаго. Гезіодъ, написалъ свои «Труды и Дни», дидактическое сочиненіе о хозяйствѣ древняго времени, въ стихахъ и съ религиознымъ оттѣнкомъ. Неудивительно, что за 1000 лѣтъ до Р. Х. оно явилось съ такимъ характеромъ и въ стихотворной формѣ; благодаря общей неграмотности, только стихи и могли быть вѣрно удержаны въ памяти народа, потому что изъ писаннаго слова не выкинешь; а время было такое, что греки во всемъ видѣли божье вмѣшательство; немудрено, что «Труды и Дни» носятъ религиозной оттѣнокъ. Потомъ времена перемѣнились: грамотность распространилась, занятія расширились, и, напр., Ксенофонтъ, или Платонъ, пошире всглянули на частную и народную экономію. Почему же Виргилій ограничился подражаніемъ Гезіоду въ своихъ георгикахъ и какой смыслъ имѣютъ его обращенія къ Бахусу, Церерѣ и др. божествамъ, даже къ Цезарю? Очевидно, это то же желаніе имѣть произведеніе, подобное древнему греческому, т. е. то же обезьянство. А Цезарю подкуривалось для того, чтобы угодить Августу. Удивительно еще какъ не придумали законы писать въ стихахъ! Вообще, почти вся литературная дѣятельность Рима—будь даже она не бессмысленнымъ подражаніемъ греческой литературѣ,—не могла бы произвести добраго результата, потому что форма не соответствовала времени и не имѣла для себя никакой основы, которая давала бы ей вѣсъ и смыслъ. Но этого самостоятельнаго развитія литературы въ томъ видѣ, какъ она развилась въ Римѣ, и быть не могло. Дѣйствительныя потребности людей такого прозаическаго направленія могли вызвать и литературу болѣе далекую отъ облачной сѣеры, болѣе близкую къ землѣ. Римская литература во всемъ носитъ этотъ характеръ подражанія, и именно подражанія только формѣ. Ясно, что тутъ есть уже и причина ея бесплодности. Другая причина заключалась въ томъ, что авторы того времени не имѣли даже и характера невинаго, бессмысленнаго обезьянства. Это были господа, которымъ, такъ или иначе, нужно было пролѣзть, вѣчными комплиментами сильнымъ міра—добиться благъ, которыя были въ ихъ рукахъ, или дать пищу своему глупому тщеславію. «Пріятно говорить Персію, осмѣивая этихъ авторовъ, когда на васъ показываютъ пальцемъ и говорятъ, вотъ онъ!» А Ювеналъ, можетъ быть, одинъ изъ честнѣйшихъ римскихъ авторовъ, жалуется, что въ его время уже невыгодно было ремесло поэта. Вотъ гдѣ исходная

точка, причина, отъ которой произошла главная масса литературныхъ явленій Рима, тѣ произведенія, которыя писались, читались авторами въ обществѣ, переписывались и продавались въ тогдашнемъ Римѣ. Цѣль авторовъ была большею частью достигнута: пальцами на нихъ указывали: слава пріобрѣталась наиболѣе счастливые, какъ Гораций, заводили себѣ роскошныя виллы; но дѣла никакого изъ этого не выходило, — удивительно ли, что такая литература осталась бесплодною, или вѣрнѣе, что она принесла тоже горкіе плоды? Если сюда прибавить такія произведенія, какъ *Agri amantii* Овидія, какъ сатиры Марціала, или Петронія, — окажется совсѣмъ не удивительнымъ, что всѣ общественныя связи разорвались, что семейство рушилось, что римскія дамы не по порядку консуловъ, а по порядку своихъ мужей вели лѣтосчисленію, что другія переписывались изъ римскихъ гражданокъ въ *meretrices*, чтобъ не стѣсняться въ образѣ жизни. Съ литературою рядомъ шли другія искусства, и партизаны бессознательнаго творчества, безъ сомнѣнія, при этой okazji не прочь опять потолковать объ искусствѣ вообще, о божественныхъ мраморахъ. Но попробовали ли они въ этомъ случаѣ повѣрить свою quasi теорію. Много ли нравственной пользы вышло изъ того, что Августъ украсилъ Римъ мраморными постройками; и исправился ли Верресъ, награбивъ себѣ божественныхъ статуй и картинъ? Хорошо ли развился Неронъ, выучивъ наизусть *Иліаду*, и даже научившись хорошо декламировать. Много ли выигралъ онъ оттого, что былъ первымъ музыкантомъ и пѣвцомъ своего времени, или постройка золотого дворца переродила это? Вѣдь, это не исключеніе; это норма, типъ того времени. Всѣ эти люди, нашедшіе для себя болѣе пріятнымъ — дать перевѣсъ художественному образованию передъ научнымъ, были похожи на Нерона, Петронія, и др. А между тѣмъ и въ это самое печальное время были личности, развившіяся болѣе разумнымъ образомъ и проявившія это въ своей дѣятельности, какъ Траянъ, или Антонины или Плиніи. Но самыя эти имена показываютъ характеръ ихъ развитія. Это были люди науки, проникнутые ея гуманными началами и сами трудившіеся въ сферѣ науки. Но ихъ было такъ мало и вліяніе ихъ ограничилось только короткимъ временемъ ихъ дѣятельности. Большинство и въ ихъ время, и прежде, и послѣ имѣло другой характеръ; имѣя въ виду одни удовольствія оно и въ образованіи искало только того, что могло вести къ этой

цѣли. Потому оно и предпочло тѣ стороны образованія, которыя и легче давались и впоследствии не налагали никакихъ обязанностей, а, напротивъ, давали новыя средства къ наслажденію; результатомъ было постоянное пониженіе средняго уровня чело-вѣческаго достоинства во всемъ обществѣ.

Таковъ вѣчный и всеобщій законъ. Предпочтеніе формы дѣлу, удовольствія пользѣ, влеченія долгу, развитіе низшихъ силъ души въ ущербъ высшимъ, художественное образованіе вмѣсто научнаго, желаніе казаться вмѣсто желанія быть, показывать видъ, что дѣлаешь дѣло, вмѣсто того чтобъ дѣлать его дѣйствительно — всегда оканчивается постепеннымъ нравственнымъ паденіемъ цѣлыхъ поколѣній.

В. Охочеломонны.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О СОВРЕМЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЯХЪ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССИИ.

Поднятый недавно вопросъ объ образованіи въ Россіи и объ университетахъ, какъ одномъ изъ самыхъ важныхъ органовъ его, безъ сомнѣнія, имѣеть огромное значеніе для настоящаго и для будущаго. Наша жизнь страдаетъ многими коренными недостатками и, повидимому, недостатка въ доброй волѣ; въ стремленіи помочь злу у насъ нѣтъ. На вопросъ объ университетахъ отозвалась очень живо вся литература и въ настоящее время правительственная коммиссія занимается рѣшеніемъ вопроса. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ говоритъ, что «впредь до поресмотра университетскаго устава, дальнѣйшее существованіе с.-петербургскаго университета на прежнихъ основаніяхъ не можетъ быть признаваемо полезнымъ для обучающагося въ немъ юношества». Поэтому основанія университетскаго образованія должны быть обзорны самымъ полнымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, въ которыхъ важно значеніе университетовъ.

Натурально, организація университетовъ и образованіе вообще должны быть таковы, чтобы ему наконецъ уступили недостатки нашей общественной жизни. Что образованіе имѣеть на это средства, что его достанетъ для этой цѣли, когда оно пойдетъ какъ слѣдуетъ—въ этомъ никто не сомнѣвается; а если бы кто усомнился, тому не остается ничего, какъ сложить руки и ничего не дѣлать. А наши недостатки — въ чемъ же они состоятъ, наконецъ? Чего намъ нужно? Чего мы хотимъ или должны хотѣть? Къ чему мы должны идти? — Когда дѣло коснется того, чего намъ недостаетъ, тутъ можно написать цѣлые томы. Подробная статистика нашего народнаго богатства,

промышленности, образованія, народной нравственности, административная, социальная статистика была бы великою книгою наших недостатковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, посмотрите куда угодно, въ какую бы то ни было сферу нашей жизни: вездѣ вы увидите только наши недостатки. Наше народное богатство собственно — бѣдность; наша промышленность на помочахъ и тѣ идетъ плохо. Если бы была возможна статистика нашей народной нравственности, она показала бы, что въ трехчленномъ дѣленіи рода человѣческаго г. Чернышевскимъ: на честныхъ и въ то же время умныхъ, честныхъ и глупыхъ и, наконецъ, плутовъ всякихъ способностей — огромное большинство нашего образованнаго сословія не попало бы ни въ первую, ни во вторую категорію. Наконецъ, статистика нашего образованія ограничилась бы почти исключительно перечисленіемъ плохихъ учениковъ, плохихъ студентовъ, плохихъ профессоровъ, плохихъ литераторовъ, жалкихъ публицистовъ, несчастныхъ книгъ и т. п.

Изъ всѣхъ сторонъ народнаго развитія самую важную, безъ сомнѣнія, представляетъ народное образованіе и тѣсно-соединенная съ нимъ народная нравственность; въ нихъ лежитъ основа всѣхъ успѣховъ въ другихъ сферахъ жизни, въ политической, экономической и въ ихъ подробностяхъ. Когда А. Смитъ написалъ первыя четыре строки своего опыта о народномъ богатствѣ, онъ сказалъ въ нихъ великую неправду. Къ сожалѣнію, эти четыре строки служатъ основою всей его книги, а его книга — основою всей политической экономіи до-сихъ-поръ, и имъ обязана политическая экономія своимъ расколомъ на двѣ секты. Не въ раздѣленіи труда главный источникъ народнаго образованія, богатства и благосостоянія вообще, какъ думаетъ А. Смитъ, напротивъ, въ постепенныхъ успѣхахъ образованія лежитъ основа и она составляютъ главный источникъ народнаго богатства, и благосостоянія вообще, и даже самаго раздѣленія труда. Раздѣлить трудъ ничего не стѣнтъ; только всякій ли, получившій на свою долю извѣстную часть его сдумаетъ сдѣлать свое дѣло? А гдѣ умѣютъ все сдѣлать, тамъ найдутся и сдѣлать приложеніе раздѣленія труда. Когда, въ XVII вѣкѣ, колонисты заселяли сѣверную Америку — какое богатство нашли они тамъ? гдѣса, которые имъ мѣшали добывать себѣ пропитаніе, да дикарей, которые убивали ихъ, когда они немного удалялись отъ своихъ жилищъ. Но это былъ народъ хорошій эти переселенцы, особенно пуритане, которыхъ нетерпимость правительства

шла съ родимъ на свободу первобытной американской природы; это были люди съ образованіемъ и новыми задатками его для будущаго, съ доброю волею, съ честностью, съ уваженіемъ къ себѣ. Много пришлось вынести переселенцамъ, но моральныя силы ихъ были такъ велики, что они всё препятствія къ ихъ благосостоянію преодолѣли. Богатство пріобрѣталось мало-помалу; но теперь богатство штатовъ превосходитъ богатство всѣхъ другихъ государствъ міра; а между тѣмъ, раздѣленія труда до этого отолѣтія у нихъ почти не было, да и теперь оно, сравнительно съ Европою, весьма незначительно. Этотъ примѣръ достаточно показываетъ, что моральныя силы народа—продуктъ здраваго образованія—составляютъ дѣйствительную основу благосостоянія народовъ и ихъ богатства въ частности.

У насъ всё жалуются на неразвитость промышленности, на народную бѣдность. Да откуда же къ намъ явится богатство? не съ неба же упадетъ. Американскіе колонисты XVII и XVIII вѣковъ были бѣднѣе нашихъ предковъ того времени, особенно тѣ, которые недавно были въ странѣ; но американцы разбогатѣли. Отчего же мы не разбогатѣли? оттого, что намъ недостаетъ образованія.—Эту точку зрѣнія на образованіе, какъ на основу богатства, обыкновенно у насъ упускали изъ виду. Пусть прилѣтѣе въ воображеніе и пусть тогда только и ждутъ развитія народнаго богатства.

Точно такое же значеніе имѣетъ образованіе и для политическаго прогресса; но самое большое значеніе образованіе имѣетъ само въ себѣ. Успѣхи политическіе и экономическіе составляютъ необходимое послѣдствіе образованія. Образованіе прочное, такое, которое заключаетъ въ себѣ и нравственное начало, это—девизъ нашего и будущаго времени, это панацея, спасающая общество отъ всѣхъ болѣзней; это единственная основа народной жизни въ тотъ періодъ, когда народъ, входя въ зрѣлый возрастъ теряетъ, свои древнія младенческія основы, на которыхъ онъ воспитался.

Образованіе пріобрѣтается посредствомъ усвоенія разумнаго и возможно-полнаго цикла наукъ. Но въ данный моментъ, когда образованіе далеко не сдѣлало своего дѣла, что намъ нужно для нашихъ успѣховъ, для нашего движенія впередъ по пути образованія, общаго, всесторонняго и разумнаго прогресса?—Толковать о томъ, какое средство лучше для достиженія большихъ успѣховъ общественной жизни намъ столь же полезно, какъ полезно раз-

судать о томъ, какою доро́гою выгоднѣе прійхать въ городъ, котораго географическое положеніе намъ неизвѣстно: моремъ, рѣкою или сухимъ путемъ. Если вы хотите всесторонняго прогресса — приготовляйтесь къ нему напередъ; для этого есть дѣйствительное, всеобщее средство, которое приведетъ васъ туда, куда вы сами захотите прійти. Оно заключается въ собственномъ, искреннемъ самосовершенствованіи общества, въ искорененіи среди себя всякой лжи, неискренности, неправды, пролазничества, неприкрытаго или прикрытаго лживыми прогрессивными фразами. Щедринъ началъ собою рядъ писателей обличительной школы; за нимъ потянулся цѣлый рядъ обличителей, одинъ другого свирѣпѣе. Сатирическіе журналы печатаютъ свои корреспонденціи изъ городовъ, или просто замѣтки, гдѣ осмѣиваютъ разныхъ господъ подъ разными именами, какъ Термаламаки, Гусинъ, Нижнесельскій и т. п. Но это едва ли теперь останавливаетъ успѣхи на поприщѣ низостей такихъ господъ, къ которымъ относятся эти вымышленныя имена; можно надѣяться, что современемъ, при содѣйствіи гласности, слишкомъ безцеремонныя въ дѣлѣ чести личности исчезнутъ съ глазъ людскихъ. Но тѣ, которыя немного поцеремоннѣе или, по-крайней-мѣрѣ, поосторожнѣе, тѣ останутся, тѣ будутъ продолжать свой образъ дѣйствія, потому что никакая гласность не въ состояніи искоренить общественныхъ недостатковъ, если само общество не приметъ къ этому своихъ нравственныхъ мѣръ. Правительство Людовика Филиппа постоянно пользовалось подкупамъ, и этимъ средствомъ находило себѣ опору въ большинствѣ палаты. Гласность была самая полная, и журналистика постоянно кричала о подкупахъ; но обвиненія были голословныя; правительство такъ же голословно ихъ опровергало. Одного-двухъ министровъ уличили во взяточничествѣ, а дѣла не поправили.

Существованіе злоупотребленій показываетъ только нравственную испорченность всей общественной среды съ очень незначительными исключениями. Въ-самомъ-дѣлѣ, къ чему стремятся всѣ эти Термаламаки, Гусины, Нижнесельскіе? Имъ нужны деньги, большія средства къ жизни. А разница между имѣющими большія средства и неимѣющими большихъ средствъ та, что одни удовлетворяютъ своему тщеславію больше, другіе меньше, или совсѣмъ не удовлетворяютъ ему, и даже не имѣютъ его. И отъ наши Нижнесельскіе, Термаламаки услаждаютъ себя разнымъ

ли благами жизни и печотомъ въ томъ или въ другомъ кружку. Если бы кружокъ, а за нимъ и всѣ вообще, имѣющіе столкновение съ подобными господами, встрѣчали ихъ не улыбками, не комплиментами, а презрѣніемъ, нравственнымъ преслѣдованіемъ, то ни къ чему не послужили бы имъ пріобрѣтенныя блага жизни, не принесли бы пользы низости, употребленныя для достиженія ихъ; тогда было бы невыгодно дѣлать злоупотребленія и низости, и они мало-по-малу уступили бы мѣсто правдѣ и честности. А теперь у насъ невыгодно быть честнымъ; напротивъ, надѣлать всякихъ мерзостей—очень интересно. Напр., положимъ, что одинъ откупщикъ нажился откупами; откупа были юридическимъ учрежденіемъ—и нечего осуждать его, если онъ занимался откупами. Но, кромѣ того, допустимъ, на примѣръ, что онъ, находясь при послѣдней минутѣ своего друга, укралъ у него почти все его состояніе, и дѣтей его пустилъ по-миру—положимъ даже что это всѣмъ извѣстно, и тѣмъ не менѣе можно быть увѣреннымъ, что наиболее-прогрессивные герои будутъ считать за честь и находить большое удовольствіе сидѣть за его обѣдами и ужинами; другіе не удовольствуются и этимъ, а постараются подойти какъ-нибудь поближе къ капиталамъ, составленнымъ изъ чужаго наслѣдства. Пусть въ ходъ всѣ средства: и уваженіе, и любовь, и т. п. — результатъ достигнется, къ общему удовольствію. Герой прогресса оставитъ свою жизнь по-княжески или по-откупщику, а откупщикъ мѣняетъ общество цѣловальниковъ на общество ученыхъ прогрессистовъ. Или зададимъ себѣ другой примѣръ: нѣкоторые господа нажили миллионы средствами, противъ которыхъ такъ жолчно вооружалась обличительная литература. Это всѣмъ извѣстно. Разбогатѣвшіе господа могутъ устроить себѣ миленькіе домики въ самыхъ лучшихъ улицахъ города; средствъ къ жизни у нихъ много; они какъ сыръ въ маслѣ будутъ кататься; но имъ будетъ этого мало; грубыя удовольствія хорошаго стола, прекрасной квартиры, невозмутимаго спокойствія и ничѣмъ непрерываемаго наслажденія ихъ не удовлетворяютъ; имъ нужны будутъ другія удовольствія: одному изъ нихъ пластическія искусства давно принесли свою дань, удовлетворили его потребностямъ; его помѣщеніе можетъ быть названо храмомъ искусствъ, гдѣ онъ жрецъ; другому нужно еще насладиться данью высшаго искусства, литературы—и вотъ онъ начинаетъ особенно интересоваться русскою литературою; онъ находитъ, что роль мецената очень

идеть къ нему — и русская литература, та самая, которая показала и показываетъ добродѣтели Сократа въ обличительномъ родѣ своихъ произведеній, оказалась у ногъ его. Его вечера сдѣлались мѣстомъ соединенія литературныхъ знаменитостей и восходящихъ свѣтилъ литературы. Десятки представителей литературы сходятся на его вечера, очень серьезно толкуютъ объ успѣхахъ русской литературы и жизни вообще, о гениальности Пушкина и Гоголя, о Шекспирѣ и его всемірномъ значеніи, и т. д. Къ чести русской литературы надобно прибавить, что тутъ вы увидите исключительно бессознательныхъ творцовъ, или только партизановъ бессознательнаго творчества: — доказательство того, что эта теорія къ концу концовъ оподляетъ или отупляетъ человѣка. Можеть-быть, вы думаете, что эти господа не знаютъ заслугъ своего мецената?—нѣтъ; они вамъ прямо отвѣчаютъ, если вы спросите ихъ объ этомъ, что меценатъ на-руку нечистъ. А имъ что за дѣло до того? И тутъ найдете вы нѣсколько личностей, которыя, подвергнувшись тѣмъ или другимъ неприятностямъ въ жизни, считаютъ себя мучениками цивилизаціи. Если дѣйствительно судьба когда-нибудь ставила ихъ въ какое-нибудь неприятное положеніе и дала имъ право на имя мучениковъ, судьба, по слѣпотѣ своей, сдѣлала странную ошибку! Но, къ сожалѣнію, и въ этой литературной фелангѣ, обивающей пороги мецената, кромѣ людей, для которыхъ честь и совѣсть существуютъ только въ лексиконахъ, есть нѣсколько и дѣйствительныхъ друзей свѣта и правды; да среда заѣла насъ; вліяніе жизни навело насъ на непослѣдовательность, а собственныхъ средствъ недостаетъ, чтобъ отдѣлаться отъ этого вліянія.

Но, какъ бы то ни-было, наши общественныя понятія и правила дѣйствительно благопріятствуютъ развитію зла. Поступать безчестно—у насъ выгодно. Приобрѣтите себѣ положеніе какими угодно средствами, и вы вездѣ найдете друзей и поклонниковъ, и нигдѣ никакой антипатіи, особенно никакого проявленія ея. Оттого, разумѣется, все такъ усердно стремится впередъ или, правильнѣе, вверхъ; средства не разбираются, и оттого въ средахъ успѣха, наполненныхъ людьми, которымъ повезло, такъ мало чистыхъ именъ. И къ этому всѣ такъ привыкли, что это уже никого не шокируетъ. Недавно въ одной полемикѣ, гдѣ главными участниками были дѣйствительно лучшіе представители литературы, случилось то, что одинъ полемизаторъ говоритъ другому: «стыдно поступать такъ, какъ вы поступаете»; другой

отвѣчаетъ ему тѣмъ же: «нѣтъ» говоритъ онъ, «отыдно поступать такъ, какъ вы поступаете». Другими словами, это значить: «вы поступаете безчестно»; и «вы поступаете безчестно». А эта полемика происходила дѣйствительно между честнѣйшими литературными дѣятелями. А посмотрите дальше — упреки въ недобросовѣстности! Почти въ каждой книжкѣ каждаго журнала вы найдете подобное обращеніе однихъ къ другимъ. Какая-то татарщина и, разумѣется, чѣмъ же нибудь она вызывается; а если не вызывается, такъ это еще хуже.

«Русскій Вѣстникъ» гремитъ филиппиками противъ литературной недобросовѣстности; онъ, скромный и солидный журналъ, выходитъ изъ себя, не скупится на выраженія, и дѣйствительно выраженія античныя, пластическія. Напр. «Нѣтъ у насъ такого честнаго человѣка, за котораго можно было бы поручиться, чтобы онъ для забавы толпы не пустился въ присядку»; или «бесовѣстность фразы превосходитъ всякое вѣроятіе»;—«стыда мы не знаемъ». «Плутовство и фиглярство сзываютъ толпу праздныхъ умовъ; шарлатанство и пустозвонство развиваются и плодятся, заглушая собою всякіе начатки мысли и знанія» и т. п., Кажется, довольно-сильно; жаль только, что «Русскій Вѣстникъ» не дѣлаетъ приложенія своихъ воззрѣній къ отдѣльнымъ случаямъ, и жаль, что почти всѣ эти фразы очень хорошо годятся для самого «Русскаго Вѣстника», для его экономическихъ тенденцій и для политическихъ корреспонденцій, для статей гг. Леонтьева, Скарятина и другихъ подобныхъ публицистовъ и экономистовъ. Тѣмъ больше чести для г. Каткова, что характеристика, которую журналъ его дѣлаетъ русской литературѣ, годится не только тѣмъ, къ кому онъ ее прилагаетъ, но и къ его собственному журналу. Можетъ-быть, тутъ съего стороны слишкомъ много или безпристрастія или проницательности. Но, несмотря на комизмъ іереміадъ, идущихъ дальше цѣли, предположенной авторомъ ихъ, въ нихъ слишкомъ много правды; это признаютъ наиболѣе добродушные оптимисты. Да этого и нельзя не признавать тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ нашею текущею литературою. Въ самомъ-дѣлѣ, кому удалось подмѣтить большое согласіе между журнальными фразами и дѣйствительными симпатіями и тенденціями ихъ авторовъ? Напротивъ, всякому болѣе или менѣе удавалось видѣть факты въ родѣ тѣхъ, которые представлены выше относительно партизановъ бессознательнаго творчества. У насъ есть одинъ случай, безпримѣрный въ лѣто-

писяхъ литературныхъ, и все-таки не возбуждающій особенно вниманія въ литературномъ обществѣ. Когда началась обличительная литература, однимъ изъ видныхъ представителей ея явился авторъ, который описывалъ собственные свои подвиги, т. е. какъ онъ подвизался на поприщѣ взяточничества. Немудрено, что описаніе вышло недурно. Но удивительно здѣсь наше умѣнье утилизировать все, что попадетъ подъ-руку, даже то, что, получая гласность, должно бы по видимому служить намъ во вредъ. Вотъ этотъ необыкновенный авторъ въ свое время приобрѣлъ матеріальную выгоду — деньги; получилъ деньги за сочиненіе и приобрѣлъ славу. (Такіе господа очень нехладнокровны къ славѣ). Исторія эта всеѣмъ извѣстна, но никто особенно-сурово къ ней не относится, и необыкновенный писатель все растетъ во мнѣніи публики; по-крайней-мѣрѣ его имя уже фигурируетъ въ числѣ другихъ знаменитыхъ именъ то въ томъ, то въ другомъ случаѣ. Странные нравы! Или вотъ еще примѣръ. У насъ есть нѣкто поистинѣ современный герой, пользующійся особенно большою репутаціею ученаго и гражданина; впрочемъ, ученая репутація его начинаетъ падать, а гражданская крѣпко держится. Но нашъ первый гражданинъ публично уличенъ во лжи; не упрекнуть только, а уличенъ, т. е. обвиненъ съ уликами налицо — и ничего; гражданинъ продолжаетъ геройствовать и дѣлать прогрессъ попрежнему, и попрежнему фигурируетъ въ первомъ ряду нашихъ знаменитостей.

Такъ много лжи засѣло въ насъ, что насъ ничто не прошибаетъ; ложь окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ панцирь средневѣковаго рыцаря, или какъ толстая кожа какого-нибудь гиппопотама, такъ-что мы сдѣлались какими-то нравственными пахидермами; истина и правда скользятъ у насъ по поверхности, въ видѣ фразъ, а до внутренней природы нашей не проникаютъ. Есть ли изъ этого исходъ?—Безъ сомнѣнія, есть, хотя отъ нашего поколѣнія трудно ждать чего-нибудь; болѣзнь проникла до костей, язвы распространились по всему тѣлу; дай Богъ, чтобы только слѣдующее поколѣніе, глядя на насъ, воспользовалось урокомъ, который мы невольно собственною ложью даемъ ей. Разумѣется, самоисправление никогда не поздно. Хорошо, если и наше поколѣніе возьмется за умъ, бросить фразы и посерьезнѣе отнесется ко всякому вопросу, построже будетъ къ себѣ и другимъ въ дѣлѣ чести, если можетъ. Тутъ нужна собственная добрая воля, твердая рѣшимость и полный разрывъ со всѣ-

ни мелочами, для которыхъ обыкновенно кривятъ душой. Тутъ нужна, главнымъ образомъ, дѣятельная помощь науки, которая должна освѣтить своимъ свѣтомъ мракъ нашихъ нравственныхъ и общественныхъ понятій, должна приучить общество къ серьезному рѣшенію его вопросовъ и вообще къ серьезному взгляду на свои задачи и обязанности, и на средства къ дѣйствительному успѣху жизни.

Университеты сами-по-себѣ, по числу своихъ воспитанниковъ, величинкомъ много значатъ; но, какъ удалось справедливо замѣтить покойному Хомякову, въ качествѣ высшихъ учебныхъ заведеній, они даютъ тонъ всему вообще образованію, во всѣхъ другихъ школахъ, которыя стремятся или сравняться съ университетами, или доставить имъ способныхъ слушателей. Надобно къ этому прибавить еще и то, что университеты во всѣ почти учебныя заведенія доставляютъ преподавателей, и этимъ имѣютъ прямое значеніе для успѣховъ образованія вообще. Что преподаватели до-сихъ-поръ были плохи и неспособны, это доказывается тѣмъ, что до-сихъ-поръ русская педагогическая литература не имѣетъ порядочныхъ учебниковъ почти ни по одному предмету. Наши несчастные учебники вошли даже въ пословицу. Да чего же ждать отъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, когда и преподаватели въ самыхъ университетахъ ведутъ свое дѣло такъ, что только мракъ неизвѣстности спасаетъ ихъ отъ достойной награды! Г. Костомаровъ въ петербургскомъ университетѣ считался чѣмъ-то въ родѣ гиганта мысли и учености, Гегеля и т. п. Г. Костомаровъ не скупится на то, чтобъ дѣлаться съ публикою своими лекціями, и печатаетъ то, что считаетъ своимъ *chef-d'oeuvre*; но, какъ на зло, что ни напечатаетъ Г. Костомаровъ — какъ куръ во щи, такъ и попадется. Гдѣ же ученыя труды? гдѣ ихъ курсы? отчего почти никто не печатаетъ ихъ? Или, загляните въ магистерскіе диссертациі... Клиновскій написалъ диссертацию «О свободѣ торговли», г. Смирновъ — «О судьбахъ Червоной Руси до соединенія ея съ Польшею» и подобныя имъ сочиненія современныхъ русскихъ ученыхъ, станутъ навсегда великимъ укоромъ нашему времени, пятномъ для нашего образованія. Но они не составляютъ какого-нибудь исключенія, напротивъ, исключеніе состоитъ изъ немногихъ хоть сколько-нибудь толковыхъ диссертаций; и это доказательствомъ, что наше образованіе шло до-сихъ-поръ очень плохо. Впрочемъ, кто же въ этомъ сомнѣвается? Стоитъ еще

бросить только одинъ взглядъ на литературу:—личности, составляющія ее, тоже дополняются главнымъ образомъ изъ университетовъ. Что же, за двумя тремя исключениями, хорошо они ведутъ свое дѣло? Эта разногласица, протекающая не отъ различныхъ точекъ зрѣнiя, а отъ полнѣйшаго неумѣнья обсудить какой бы то нибыло вопросъ хоть сколько-нибудь легкимъ, доказываетъ хорошо, что и съ этой стороны университетъ не сдѣлалъ многого, чего отъ него можно бы ожидать. А тамъ слѣдуетъ еще экономическая дѣятельность народа, о которой, кажется, воображали, что ее можно толкнуть впередъ не только безъ помощи науки, но и идя наперекоръ наукѣ!

Впрочемъ, намъ нужно для всего образованiе самое солидное и самое полное; и дай Богъ совѣтъ да разумъ правительственной комиссiи, занятой вопросомъ объ университетахъ. Отъ нея дѣла будетъ много зависѣть будущий ходъ нашего образованiя и нашей жизни вообще; и пусть она не дѣлаетъ ничего такого, что потребовало бы опять скорыхъ поправокъ и перемѣнъ: дѣло, которымъ она занята, слишкомъ важно и серьезно.

Организация университетовъ должна быть такова, чтобы образованiе, которое получаютъ въ нихъ молодые люди, было, сколько можно, больше основательно и разносторонне. Только такое образованiе въ состоянiи благотвѣдно дѣйствовать на нравственное развитiе отдѣльнаго человѣка и всего общества. Но университетскiе факультеты очевидно не имѣютъ разнообразiя въ кругу наукъ, которыя изучаютъ ихъ олушатели. Это неудобство вполнѣ уничтожается основательнымъ подготовленiемъ къ поступленiю въ университетъ. Для этого, естественно, экзамены вступительные нужно удержатъ и сдѣлать ихъ если не строже, то, по-крайней-мѣрѣ, разумнѣе, т. е. въ однихъ предметахъ, напр. въ естественной и политической исторiи, въ географiи, въ статистикѣ, логикѣ и психологiи, которыя необходимо ввести въ гимназiяхъ, требовать полныхъ и основательныхъ знанiй, а въ другихъ—въ математикѣ, въ языкахъ требовать хорошаго подготовленiя только для специальныхъ факультетовъ. При этомъ нужно безъ всякаго экзамена дать доступъ въ университетъ всѣмъ желающимъ образованiя и безъ всякой платы со стороны людей недостаточныхъ. Но такъ-какъ университетское образованiе для людей неподготовленныхъ не сдѣлаетъ почти ничего, т. е. это будетъ недостаточное, даже въ иныхъ случаяхъ ложное образованiе, то надобно принять какiя бы то ни было мѣры,

тобъ такіе люди, получая предпочтеніе передъ людьми основательно-образованными, не могли оттѣснить ихъ отъ дѣла, на которомъ тѣ могли бы принести существенную пользу.

Наше университетское образованіе до-сихъ-поръ страдало не отъ того только, что слушатели были мало развиты. Правда, съ мало-развитыми слушателями сдѣлать ничего нельзя; тетрадки ни выучать, прогрессивныя фразы примуть на вѣру. Но есть же и между университетскими слушателями люди хорошо-подготовленные, способные усвоить науку въ самомъ полномъ и основательномъ изложеніи ея, способные подчиниться ея благодѣтельному вліанію на умственную и нравственную сторону. А между-тѣмъ, опять обращаясь къ нашимъ молодымъ ученикамъ, что найдемъ мы между ними? особенно неутѣшительные результаты представляетъ университетъ петербургскій, именно—хоть шаромъ покати! Да и въ другихъ университетахъ то же. Г. Чичерину, безъсомнѣнія никто не откажетъ въ учености, даже въ силѣ мысли; но какія премудрости проповѣдуетъ онъ въ своихъ только-что начатыхъ лекціяхъ! а между тѣмъ, говоря о государствѣ, онъ былъ довольно-близокъ къ истинѣ; только у него не достало критики, чтобъ отъ научнаго, разумнаго взгляда на государство отдѣлать татарскія идеи. Конечно, причина этого заключается въ недостаткѣ общаго образованія; но если бы онъ былъ дѣйствительно основательный юристъ, онъ могъ бы и съ помощью одного права освѣтить и для себя, и для своихъ слушателей идею государства.

Вообще, мы переживаемъ жалкую эпоху! Есть потребность дѣятельности; разныя сферы общественной жизни нуждаются въ движеніи, въ развитіи, и — скажемъ же правду — есть возможность движенія болѣе-разумной дѣятельности, но дѣятелей нѣтъ; жатва обильная, а жнецовъ мало. Вотъ результаты недостатка народной самодѣятельности, надежды на внѣшнія силы и непониманіе значенія, которое имѣютъ собственныя моральныя силы народа! Если бы, не думая ни о внѣшней помощи, ни о внѣшнихъ препятствіяхъ, мы разумно и терпѣливо подготовляли самихъ себя на будущее дѣло, мы не оказались бы теперь въ такомъ жалкомъ положеніи. А средство къ этому всегда было въ наукѣ, даже въ томъ видѣ, какъ она у насъ существовала въ общественныхъ заведеніяхъ, и особенно въ томъ видѣ, какой она всегда можетъ имѣть въ нашихъ частныхъ занятіяхъ. И теперь намъ спасеніе одно — наука, основательная, серьез-

ная и вполне-свободная. Свобода науки въ общественныхъ именно въ высшихъ заведеніяхъ, есть одно изъ главныхъ условій ея собственныхъ успѣховъ и ея полезнаго дѣйствія въ общество. Въ-самомъ-дѣлѣ, если науку ограничить такъ или иначе, это будетъ значить—дать какой-нибудь особый колоритъ истинѣ, явный абсурдъ, который на простомъ, незамаскированномъ языкѣ будетъ значить—исказить истину, затемнить ее, дать дорогу обскурантизму на мѣсто просвѣщенія. И если предположить какое-нибудь особое направленіе науки со стороны, то кто же будетъ этимъ источникомъ свѣта, отъ котораго должна просвѣтиться сама наука, сама истина? И что это за самостоятельный источникъ? какія его существенныя силы имѣютъ свѣтоносное свойство? что это за жаръ-птица? Истина тогда только производитъ свое благотворное дѣйствіе, когда она не затемнена никакими произвольными прибавленіями къ ней, имѣющими обыкновенно характеръ лжи, когда всѣ ея стороны одинаково доступны, одинаково свѣтятся. Иначе, вмѣсто истины будутъ предлагать обществу искаженіе ея; въ такомъ случаѣ нечего жаловаться на неупѣхи народной жизни, на недостатокъ моральныхъ силъ народа, на его экономическую неразвитость, на медленность въ развитіи народнаго богатства. Но наука, какъ и все, должна имѣть свою организацію, и научная организація по самой сущности дѣла, распадается на двѣ части: одна относится къ матеріальнымъ средствамъ преподаванія, распространенія науки въ обществѣ, къ наружному порядку, которому она должно и можетъ быть подчинено безъ вреда самому дѣлу. Эта сторона дѣла, очевидно, принадлежитъ администраціи. Но администрація сдѣлаетъ большую ошибку, если возьметъ на себя и другую сторону дѣла — научныя средства распространенія просвѣщенія въ обществѣ, опредѣленіе круга и объема наукъ, необходимыхъ для той или другой ступени народныхъ училищъ, и въ особенности если вздумаетъ опредѣлить характеръ народнаго образованія. Эта сторона должна принадлежать самой наукѣ, т. е. ея представителямъ, какому-нибудь ученому сословію—академіи, институту, совѣту и т. п.; это должно принадлежать представителямъ науки, не назначаемымъ сверху, а назначаемымъ собственными учеными заслугами, опредѣленіе которыхъ все-таки должно быть предоставлено ученому сословію вообще, потому что, несмотря на возможность ошибокъ и со стороны ученаго сословія, все-таки эта возможность

представляетъ гораздо меньшую вѣроятность, все-таки эти ошибки не будутъ тѣмъ, что называется -- метаться изъ стороны въ сторону. При бюрократическомъ направленіи образованія возможно только именно это явленіе; по-крайней-мѣрѣ исторія не оказываетъ ничего другого. Да иначе и быть не можетъ. Постоянно-смиляющіеся администраторы, имѣя самыя добрыя намеренія, не могутъ отказаться отъ своего права дѣлать измѣненія въ направленіи народнаго образованія сообразно своимъ идеямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ нѣкія нибудь жалкія идейки, иногда просто *idées fixes*, абсурды, послѣдовательно противорѣчащія оди другимъ, уничтожающія себя взаимно. При такомъ порядкѣ народное образованіе находится вѣчно въ какомъ-то революціонномъ состояніи; порядокъ, послѣдовательность замѣтны только въ бюрократическомъ духѣ, который проходитъ и въ высшія и въ низшія училища, и который очень не ладитъ съ духомъ науки, выражаясь въ такихъ оборизмахъ: «не разсуждать!» или «палку поставятъ въ уголь — той слушайся!»

Въ Англіи наука свободна больше нежели гдѣ-нибудь. «Таковыя ученые корпораціи, почти нисколько не зависящія отъ администраціи — не въ обиду будь сказано гг. Костомарову и Масюлевичу — хорошо ведутъ дѣло, и труды англійскихъ ученыхъ послѣдшаго и нынѣшняго столѣтія, по мнѣнію знатоковъ, далеко превосходятъ сочиненія не только французскихъ, но и нѣмецкихъ ученыхъ, развѣ уступая только трудамъ русскихъ молодыхъ ученыхъ! Да и во всѣхъ другихъ сферахъ — въ дипломати, въ администраціи, въ военномъ дѣлѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ судопроизводствѣ — дѣятели, выходящіе изъ англійскихъ школъ, хорошо дѣлаютъ свое дѣло. При свободѣ науки, т. е. при независимости движенія народнаго образованія единственно отъ представителей науки, образованіе народа можетъ быть больше или меньше подчинено централизаціи. Безъ централизаціи оно быть не можетъ; нельзя приходскія училища оставить на добрую волю ихъ руководителей, или общинныя — на добрую волю сельскаго міра. Всегда ихъ организація должна быть определена людьми болѣе понимающими потребности народнаго образованія. Большая и меньшая степень централизаціи можетъ состоять въ томъ, что или каждый университетъ съ его ученымъ совѣтомъ будетъ совершенно независимъ въ общемъ направленіи и подробностяхъ образованія какъ въ самомъ уни-

верситетѣ, такъ и въ зависящихъ отъ него учебныхъ заведеніяхъ, или всѣ университеты будутъ подчинены одному независимому центральному ученому институту въ родѣ французскаго. Отъ этого разницы большой быть не можетъ. Но независимое устройство гарантируетъ университеты только противъ мѣры стороны, которая могла бы повредить университетамъ и вообще образованію. Можетъ быть другая опасность, особенно въ настоящее время, когда между преподавателями университетовъ находятся такіе премудрые мужи, которымъ самимъ слѣдовало бы докончить свое не только общее, но и специальное образованіе, когда все еще остается не опровергнутымъ обвиненіе д-ра Опалнаго относительно боковыхъ средствъ для полученія университетскихъ кафедръ. При такомъ составѣ университетовъ немудрено, что нѣкоторые господа не будутъ прочь позаботиться о себѣ, вѣдь сто того, чтобъ позаботиться о дѣлѣ народнаго образованія, и удивлять міръ премудростью своихъ взглядовъ на науку и ея результаты. «Русскій Вѣстникъ» — честь ему! — предложилъ противъ этого очень умное средство, состоящее въ томъ, чтобъ на университетскіе совѣты допущены были всѣ магистры и доктора, хотя бы не служащіе въ университетѣ; — двойное доказательство, что статьи писалъ г. Катковъ, а не г. Леонтьевъ. Дѣйствительно, средство хорошее; это половина гласности; а если прибавить сюда другую половину, то будетъ еще лучше, именно желательно, чтобъ разсужденія университетскихъ совѣтовъ и особенно вотъ отъ дѣльныхъ лицъ подвергались общественному суду чрезъ публикацію ихъ. Это средство заставитъ замолчать всѣ особенныя разсчеты, всякое желаніе блеснуть пустымъ прогрессомъ или прикрыть собственное невѣжество мѣрами, тормозящими народное образованіе. *

* Было бы весьма полезно, если бы профессора были обязаны въ продолженіе извѣстнаго срока, публиковать свои лекціи. Публикуютъ же теперь студентскіе сборники, какъ будто нарочно съ такою цѣлью, чтобы показать недостатокъ научнаго образованія, которое даютъ наши университеты. Средства для публикаціи лекцій найти легко. Во 1-хъ «Журналъ Минист. Народ. Просв.» отъ печатанія ихъ получилъ бы даже больше интереса; во 2-хъ хорошія лекціи не откажется напечатать на своихъ страницахъ ни одинъ изъ нашихъ литературныхъ журналовъ и т. п. При такомъ порядкѣ безталантности и невѣжды не полѣзли бы въ профессоры; а кто попалъ бы на кафедру, тотъ, по необходимости, сталъ бы читать дѣльно. Достиженію этого результата помогло бы и допущеніе въ университетъ публики и предоставленіе ей права на печатное обсужденіе лекцій.

Подобная организация университетовъ будетъ заключать въ себѣ условіе и причину ихъ дѣльнѣйшаго развитія и постояннаго улучшенія мѣръ народнаго образованія вообще. Тогда университетскія кафедры будутъ замѣщаться дѣйствительными учеными; а не жалкими недоносками науки, какъ теперь, и юношество будетъ имѣть средство хорошо подготовиться къ его будущей дѣятельности; тогда мы будемъ имѣть и дѣйствительно образованныхъ людей и хорошихъ специалистовъ.

Вообще, три коренныя средства въ состояніи подвинуть наше образованіе: свобода науки, хорошее приготовленіе къ слушанію университетскихъ лекцій въ гимназіяхъ и разумное и законное замѣщеніе профессорскихъ кафедръ. Въ нихъ заключается разумное опредѣленіе всѣхъ подробностей образованія, напр. опредѣленіе круга и объема наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ и т. п. Только съ помощію этихъ средствъ мы перестанемъ быть плохими учениками Западной Европы и въ состояніи будемъ сами собою удовлетворять всѣмъ нашимъ потребностямъ. Только въ такомъ случаѣ наша внутренняя жизнь достигнетъ уровня жизни образованнѣйшихъ народовъ Европы и въ то же время поднимется наше международное значеніе. Наконецъ, только въ такомъ случаѣ мы перестанемъ метаться отъ абсурда къ абсурду въ рѣшеніи нашихъ домашнихъ вопросовъ. А теперь, по поводу вопроса объ университетахъ, Боже мой! какихъ нелѣпостей наговорили! Г. Аксаковъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ честныхъ дѣятелей русской литературы; но какимъ сюрпризомъ подарилъ онъ публику, обратившись къ нашему прошлому, къ исторіи, чтобъ доказать ложность нѣкоторыхъ явленій изъ студентческой жизни! Избави Богъ отъ всякихъ одностороннихъ теорій! Какъ-будто нарочно забылъ г. Аксаковъ, что наша исторія, не говоря о древней, въ XVI и XVII вѣкѣ представляетъ множество явленій подобныхъ тѣмъ, которыя онъ осуждаетъ въ современной жизни; притомъ какой строгій и твердый характеръ имѣли эти явленія? Да наконецъ, еслибы исторія и не представляла въ прошедшемъ какихъ-нибудь явленій, будто по этому они никогда и не должны войти въ нашу жизнь? Трудно представить, чтобъ г. Аксаковъ дѣйствительно представлялъ нормою нашей жизни рабское копированье того, что дѣлали наши несчастные предки. Извѣстно правило, которому слѣдуетъ всякій разумный отецъ, что дѣти должны превосходить своихъ родителей развитіемъ. Если слѣдовать противоположному правилу,

то это будетъ значить осудить общество на всегдашній застои, на политическое прозябаніе въ родѣ того, на которое осудилъ себя китаецъ, и можетъ быть, этому правилу Русь обязана своимъ допетровскимъ застоємъ, потому-что до-сихъ-поръ въ тѣхъ слояхъ общества, которыхъ не коснулось дыханіе западной цивилизаціи, приходится слышать упреки отъ родителей дѣтямъ въ томъ, что они позволяютъ себѣ разсуждать въ присутствіи ихъ. дѣлать имъ возраженія, вообще, что они захотѣли быть умнѣе своихъ отцовъ. Можетъ быть, отсюда идетъ убѣжденіе г. Аксакова о томъ, что мы можемъ позволять себѣ только то, что позволяли себѣ наши предки. Но въ такомъ случаѣ какъ быть съ тѣми недостатками, которые всѣми признаются за нашими предками? Извѣстно, что наши предки умѣли во всякое время хорошо выпить—будто и тутъ мы не можемъ быть умнѣе ихъ? Недавно студенты подверглись печатному обвиненію въ этомъ, и обвиненіе было такъ всеобщее, что никто изъ него не исключался. Обвиненіе вышло слишкомъ строго, особенно оно не шло къ тѣмъ изъ студентовъ, которые не имѣютъ довольно средствъ, чтобы всякій день пообѣдать. Гдѣ ужъ имъ думать о пьянствѣ, если бы ихъ къ тому и тянуло? Есть между ними и такіе, которые такъ заняты своимъ дѣломъ что имъ тоже некогда и подумать объ этомъ, да и мысли ихъ не такъ настроены. Что касается остальныхъ, до значительной все-таки массы, обвиненіе вполнѣ справедливо. Впрочемъ было бы несправедливо упрекать въ этомъ однихъ студентовъ; наше общество все вообще страдаетъ этимъ недостаткомъ. Кому не приходилось видѣть доказательствъ на это во всѣхъ слояхъ общества, между статскими и военными и многими другими, особенно между литераторами? И что же, слѣдуя г. Аксакову, такъ всѣмъ имъ и оставаться при своей практикѣ, потому-что она имѣла мѣсто у нашихъ предковъ?

Что касается до нихъ самихъ, они очень рады продолжать свой образъ жизни, и частью изъ нелѣпыхъ журнальных статей вычитали, частью собственнымъ умомъ выработали даже философскія основанія для своихъ поступковъ. Поговорите съ ними, и они объяснятъ вамъ, что свобода дѣйствій чело-вѣка должна быть полная и ничѣмъ не стѣсненная; что уваженіе къ личности должно простирается такъ далеко, что всякое проявленіе ея мы должны уважать и считать законнымъ; что развитіе чело-вѣка должно быть цѣльное и всестороннее, а никакъ не ас-

итическое; что, наконецъ, и многіе великіе люди, напр. Александръ Македонскій, были пьяницы и т. п. Всѣ эти репорты вы услышите отъ партизановъ пьянства и вообще веселаго образа жизни, а по странному сочетанію идей отъ нихъ же вы услышите и разныя прогрессивныя выходки, возгласы противъ того или другаго. Разумѣется всѣ эти возгласы такъ и остаются въ состояніи модныхъ фразъ. Смѣшно же предположить одушевленіе добрымъ дѣломъ отъ людей, которые каждый вечеръ стараются напиться; и если не напиваются, то только за недостаткомъ средствъ. Находить ли г. Аксаковъ, что общество должно не только сквозь пальцы, а даже съ уваженіемъ смотрѣть на подобное животное проявленіе личности на основаніи того, что и предки наши такъ жили?

Г. Аксаковъ находитъ еще, что студенты не должны заниматься вопросами общественной жизни, и это мнѣніе раздѣляетъ съ нимъ «Русскій Вѣстникъ» въ статьѣ, которую написалъ ужъ вѣроятно, г. Леонтьевъ. Г. Аксаковъ и «Русскій Вѣстникъ» думаютъ, что студентамъ довольно и одной науки, что они не должны ни чѣмъ развлекаться. Да, если цѣлью занятій молодыхъ людей предположить только педантическое знаніе съ буквою науки, то имъ не слѣдуетъ больше ничѣмъ заниматься; а если дать наукѣ истинное ея назначеніе, облагородить личность человѣка, развитъ въ немъ симпатическія чувства, приготовить въ немъ будущаго честнаго и одушевленнаго идеєю добра гражданина, то слѣдуетъ не только не запрещать, но поощрять участіе молодыхъ людей въ общественной жизни. Говорятъ, что студенты еще мало развиты для этого, что они еще не получили полныхъ гражданскихъ правъ. Жалко, если это такъ! жалко, если посвятить себя наукѣ значитъ лишиться себя нѣкоторыхъ правъ, доступныхъ всѣмъ. Но когда, въ 1813 году, нѣмецкіе студенты поголовно записывались, чтобы стать въ ряды защитниковъ родины отъ деспотизма трехцѣтнаго знамени—развѣ ихъ кто-нибудь удерживалъ, кто-нибудь говорилъ имъ, что они молоды, что они еще не полноправные граждане? Когда, въ восточную войну, наши студенты шли исполнять собою недостатокъ людей—развѣ ихъ удерживали? Когда нѣкоторые студенты, во время бомбардированія Одессы, подъ градомъ англофранцузскихъ бомбъ и гранатъ приняли участіе въ защитѣ города—развѣ правительство не наградило ихъ? Теперь ученые мужи, во имя науки, а въ самомъ дѣлѣ

подъ диктовку педантизма, увѣряютъ, что студенты еще слишкомъ молоды, чтобы интересоваться вопросами жизни; что ихъ дѣло учиться и т. д. Видѣла уже Русь этихъ ученыхъ мужей; которые много проглотили книжной пыли; но изъ своей книжной учености сдѣлали докодную статью для себя—и больше ничего. И если бы еще докоды съ нея были законныя,—нѣтъ, пусть каждаго вспомнить то, что ему приходилось слышать; видѣть и немыслить.

Когда почтенный г. Пироговъ написалъ свою статью о воспитаніи, вся Русь ему сочувствовала: а главная мысль его была та, что наше воспитаніе слишкомъ отрываетъ насъ отъ жизни; что, кромѣ школьныхъ отношеній да учебниковъ, да тетрадокъ мы ни съ чѣмъ незнакомы, и, вступая въ жизнь, оказываемся среди людского общества какъ въ лѣсу. Что же, развѣ г. Ансаконъ и «Русскій Вѣстникъ» находятъ теперь Пирогова неправымъ? Нѣтъ, Пироговъ правъ и пусть его мысли получаютъ больше и больше приложенія къ жизни. Пусть студенты готовятся къ жизни не наукою только, но и непосредственнымъ участіемъ въ вопросахъ общественныхъ и разумнымъ самостоятельнымъ веденіемъ своихъ собственныхъ дѣлъ; пусть сами помогаютъ бѣднымъ изъ среды своей; пусть сами судятъ проступки членовъ своей корпораціи или своего міра. Въ Персіи, въ древнее время, воспитаніе юношества обращало на себя особенное вниманіе. Молодыхъ людей приучали ко всему, что ихъ ждало въ жизни, между прочимъ, они всегда сами между собою, потоварищески, производили судъ и расправу. Это было тогда, когда персы еще не переняли чуждой мидійской цивилизаціи. Съ людьми такъ воспитанными Киръ завоевалъ Азію, и эти люди, сотрудники Кира, не походили на своихъ потомковъ, тѣхъ, которыхъ мы знаемъ въ исторіи.

Вопросъ объ университетахъ былъ довольно оживленно обсуждаемъ въ журналистикѣ. Но, Боже! что за нигилизмъ, что за отсутствіе мысли, что за неумѣнье связать двухъ сужденій! Жалкій результатъ произвели послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ нашей жизни! Какъ во Франціи въ 1815 году общество какъ-будто обезлюдѣло, такъ и намъ вездѣ во всякомъ вопросѣ, во всякомъ дѣлѣ приходится видѣть какихъ-то манекеновъ, обезьянъ, попугаевъ, вѣчное повтореніе «квартета» Крылова, вѣчное неумѣнье понять хоть какъ-нибудь то, что намъ нужно. Посмотрѣть издалека, такъ у насъ какъ-будто идетъ дѣло,

какъ будто кипитъ работа—такъ хорошо мы умѣемъ показать видѣ, что дѣлаемъ дѣло. А гдѣ оно наше дѣло?

Въ вопросѣ объ университетахъ принявъ участіе, можно сказать, цвѣтъ нашей ученой молодѣжи. Масса статей дѣйствительно поразительна. Въ «Петербург. Вѣдомостяхъ» г. Краевскій сочинилъ имъ даже реестръ. Сначала было первое замѣчаніе объ университетахъ, потомъ слѣдовало второе, потомъ третье, четвертое и т. д., это одинъ отдѣлъ; потомъ слѣдовали мысли, замѣтки, дополненія къ мыслямъ, замѣтки на замѣтки и т. п. Короче сказать, вышло что-то въ родѣ «безобразнаго поступка «Вѣка», гдѣ А. А. Краевскій фигурировалъ передъ публикою такимъ чистымъ защитникомъ невѣжества, прогресса и чести вообще. Масса статей объ университетахъ тѣмъ поразительнѣе, что ей соответствовало самое ничтожное содержаніе; въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» дальше поверхности никто не пошелъ; толковали все объ экзаменахъ, о студентческомъ званіи, и всего больше голосовъ оказалось за уничтоженіе экзаменовъ—такъ не нравятся намъ эти несносные экзамены! то-ли дѣло безъ экзаменовъ! — пришолъ, послушалъ-себѣ того и другого, и сразу попалъ въ число образованныхъ людей, и пошелъ толковать, о чемъ слышалъ однимъ ухомъ; а тамъ получилъ степень, да и вѣстчко—живи поживай, да добра наживай. Во главѣ прогресса, какъ и всегда, оказался Н. И. Костомаровъ, столь уважаемый г. Стасюлевичемъ. Онъ высказалъ самыя прогрессивныя мысли и написалъ всего больше статей. Относительно прогрессивности развѣ только г. Барсовъ, изобрѣтатель современной панацеи, называемой *tabula rasa*, поспоритъ съ нимъ. Статьи г. Костомарова, какъ обыкновенно, очень любопытны. Не имѣя возможности позволить себѣ удовольствія разобратъ каждую изъ нихъ, равно какъ и статьи продолжителей идеи г. Костомарова, остановимся только на первой статьѣ нашего уважаемаго историка и публициста, на той, которая можетъ быть названа законоположительною статью, гдѣ содержится сущность новаго ученія объ университетахъ. Она произвела самое сильное впечатлѣніе, увлекла въ новое ученіе нашу молодѣжь; притомъ г. Костомаровъ нашъ знаменитый ученый и наиболѣе популярный профессоръ—такъ очень любопытно взглянуть, *où en sommes nous?*

Г. Костомаровъ принимается за вопросъ объ университетахъ очень рационально; онъ хочетъ предварительно рѣшить, что та-

кое наши университеты и чѣмъ они должны быть? По мнѣнію г. Костомарова, они могутъ быть или *воспитательно-учебными*, или *образовательно-учеными заведеніями*. Читатель, если ты совсѣмъ неученый человѣкъ, но если человѣческій смыслъ въ тебѣ есть, ты поймешь, что въ этой классификаціи учебныхъ заведеній его нѣтъ. Воспитательно-учебныя заведенія имѣютъ свой смыслъ; но образовательно-ученыя заведенія—что же это такое? Какое же можетъ быть учебное заведеніе для юношества, которое было бы только ученымъ, а не учебнымъ? Гдѣ есть такія заведенія, чтобы въ нихъ молодые люди, не получившіе образованія, не учились, а производили ученые работы, чтобы эти заведенія можно бы назвать только учеными. Есть ученые корпораціи всѣхъ видовъ и названій, но будто онѣ существуютъ для юношества, незнакомаго съ наукою?

Но, послушайте, можетъ быть, г. Костомаровъ объяснить дѣло; онъ пускается съ психологическія тонкости, дѣлаетъ различіе между воспитаніемъ и образованіемъ.

Воспитаніе и образованіе, говоритъ онъ, не одно и то же, хотя одно безъ другого невозможно. Воспитаніе предшествуетъ образованію и необходимо должно вести къ нему, иначе само по-себѣ бесполезно. Образованіе имѣетъ корень въ воспитаніи, и безъ послѣдняго не можетъ расти. Воспитаніе есть подготовленіе къ жизни; образованіе есть душа жизни. Воспитаніе принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ, и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достоиніе всякихъ возрастовъ и не прекращается до старости. Никто не можетъ сказать: я окончилъ свое образованіе, ибо это значило бы: я кончилъ свою духовную и нравственную жизнь; но всякому приходится сказать это о воспитаніи, хотя бы и съ сожалѣніемъ, когда остается сознаніе о неполнотѣ и неправильности оконченнаго воспитанія. Образованіе есть расширеніе, развитіе и осмысленіе того, что дается воспитаніемъ; послѣднее даетъ нѣжный, такъ сказать, тающій матеріалъ; образованіе даетъ ему плотность и крѣпость; воспитаніе и образованіе въ жизни словно абрисъ и растушовка въ рисунокъ. Способности души, приготовленныя воспитаніемъ къ самобытной дѣятельности, начинаютъ ее съ помощью образованія. Воспитаніе наполняетъ память матеріаломъ; образованіе сообщаетъ правильное практическое приѣненіе этому запасу. Воспитаніе для ума есть

* Разумѣй: *здраваго смысла*.

какъ бы гимнастика; образованіе направляетъ развитія и получившія гибкость силы къ дѣлу познанія и жизни; воспитаніе должно обратить чувство и волю юноши къ добру; образованіе можетъ утвердить въ немъ сознательную любовь и постоянную доблесть. Въ строгомъ смыслѣ образованіе начинается для человѣка тогда, когда оканчивается воспитаніе (разумѣется, въ упорной противъ всякихъ опредѣлительныхъ граней духовной дѣятельности невозможно поставить для всѣхъ одинакихъ правилъ и условій).»

Итакъ, что же такое воспитаніе, что такое образованіе—попытайте вы, читатель? Можетъ быть, вы когда-нибудь слышали, что воспитаніе имѣетъ въ виду развитіе чувства, укрѣпленіе воли; а что образованіе имѣетъ назначеніемъ просвѣтлить взглядъ человѣка на все существующее; что по этому, и воспитаніе и образованіе одинаково необходимы въ юношескомъ возрастѣ; что, будучи возможны то и другое во всѣхъ возрастахъ, они все-таки всего приличнѣе дѣтству и юношеству, особенно воспитаніе, котораго результаты должны сростись съ нравственнымъ организмомъ человѣка, должны стать необходимою принадлежностью его, а потому должны быть вкоренены въ человѣка съ дѣтства. Переимѣняйте ваше мнѣніе; воспитаніе и образованіе совсѣмъ не то, а то, что говорится въ приведенной выпискѣ. А что тамъ говорится, это можно выучить; а понять нельзя; надобно поискать, да и то, даже въ нашей литературѣ, трудно найти что-нибудь подобное. Можно ли, въ-самомъ-дѣлѣ, безцеремоннѣе толковать о предметѣ, не имѣя о немъ никакого понятія? можно ли въ такой слѣпотѣ ходить около вопроса и не коснуться его сущности? *

* Просимъ обратить вниманіе на слѣдующія положенія г. Костомарова: «воспитаніе *наполняетъ память матеріаломъ*, но не даетъ ему смысла; осмысливаетъ его образованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ воспитаніе есть *гимнастика ума* и *приготавливаетъ способность души къ само-бытнотной дѣятельности*». Да какимъ же образомъ, когда оно не упражняетъ умъ, а только наполняетъ память матеріаломъ?—Потомъ, будучи гимнастикой ума, воспитаніе въ то же время *само-по-себѣ бесполезно*. Пусть не считаетъ кто-нибудь все это за обмолвки г. Костомарова—нѣтъ, это его система взглядовъ на воспитаніе и образованіе! Воспитаніе, слѣдуя ему, дѣлается въ гимназіяхъ, образованіе—въ университетахъ. Итакъ потерялъ напрасно время тотъ, кто учился только въ гимназій!

Но попробуемъ извлечь что-нибудь изъ этого безсвязнаго вѣщанія. Изъ словъ г. Костомарова можно видѣть, что воспитаніе отличается отъ образованія тѣмъ, что оно даетъ матеріалъ, факты; а образованіе даетъ имъ смыслъ; и воспитаніе, и образованіе одинаково направляютъ чувство и волю; но образованіе, положимъ, сознательнымъ, а воспитаніе безсознательнымъ образомъ; хотя странно предположить, чтобъ въ какомъ-нибудь возрастѣ чедовѣкъ воспринималъ массу фактовъ безъ смысла, напротивъ, во всякомъ возрастѣ, во всякомъ учебномъ заведеніи факты осмысливаются ученикомъ, иначе не могутъ быть имъ и восприняты. Но уступимъ г. Костомарову, уступимъ ему, что образованіе начинается тогда, когда кончено воспитаніе.

Онъ хочетъ, чтобы было два рода учебныхъ заведеній: одни воспитательно-учебные, а другіе образовательно-ученые. Для воспитательно-учебныхъ нужны, по мнѣнію г. Костомарова, учебники и дѣтская литература; а для образовательно-ученыхъ что нужно? — этого онъ не говоритъ. Вѣроятно, тутъ учебники ненужны. А что же такое профессорскія записки? развѣ это не учебникъ? Да, наконецъ, въ образовательно-ученыхъ заведеніяхъ, т. е. въ университетахъ, употребляются, какъ учебники, и печатныя книги. Или думаетъ г. Костомаровъ, что въ университетахъ ненужны ни книги, ни тетрадки? Или только однимъ чтеніемъ профессора будутъ просвѣщаться учащіяся? Но это же чтеніе есть и въ воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ, то есть, напримѣръ, въ гимназіяхъ. «Есть», отвѣтитъ г. Костомаровъ, да это не то; въ воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ «способъ передачи научныхъ истинъ—урокъ, руководство, наставленіе, а въ образовательно-ученыхъ—чтеніе, лекція, изслѣдованіе». Вотъ что значитъ не имѣть понятія о предметѣ, и толковать о немъ! Да, вѣдь, это только разница въ словѣ: урокъ, чтеніе, лекція, lesson, — это одно и то же; и въ гимназіяхъ теперь не задаютъ уроковъ, какъ прежде, а напередъ прочитаютъ ихъ. Какъ это для иныхъ людей трудно пойти дальше названія; нужно же такое несчастіе, что въ Россіи мальчики называютъ свое занятіе, — одного и того же рода, — урокомъ, а взрослые — лекціею, вотъ чтобы изъ этого г. Костомаровъ сдѣлалъ разницу въ способѣ преподаванія! А во Франціи всѣ и вездѣ говорятъ lesson; ну, какую же разницу сдѣлаетъ г. Костомаровъ для воспитательно-учебныхъ заведеній Франціи? Стадо быть, тамъ нѣтъ разницы. Но, подождите, это не все. «То, что даетъ

учитель ученику, имѣеть для послѣдняго качество необходимости; ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на вѣру, такъ сказать, жить умомъ учителя * и т. д.» «Профессоръ, напротивъ, предлагаетъ своимъ слушателямъ свои лекціи не на вѣру, а на провѣрку, на обсужденіе и т. д.» Опять разница въ нѣмецкихъ—учитель и профессоръ, и опять во Франціи и тотъ и другой называется professeur, и опять, стало быть, для Франціи исключеніе. У нѣмцевъ тоже преподаватели гимназій называются профессорами, и для нѣмцевъ исключеніе. Но будемъ говорить только о Россіи. Гдѣ же г. Костомаровъ видѣлъ, чтобъ учитель, кромѣ необразованнаго педанта, напр., въ гимназій не только не позволялъ ученикамъ разсуждать, повѣряя его выводы, но чтобъ не требовалъ этого; и не приходилось ли ему видѣть, что, напротивъ, профессоръ не только не требуетъ этого, но и не позволяетъ, сердится, когда ему дѣлаютъ возраженія, и наконецъ, обратимся къ нему, много повѣряли его самого г. Костомарова, его слушатели, напр., въ теоріи «начала Руси»? Не фразы ли, лишонныя всякаго знанія и всякой логики эти разсужденія г. Костомарова? А онъ еще строить на нихъ свой проектъ о преобразованіи лучшихъ органовъ нашего образованія, лучшей надежды нашей въ будущемъ!

Но слѣдуйте дальше за мыслью г. Костомарова. Онъ приступаетъ къ опредѣленію вопроса: изъ кого должны состоять слушатели образовательно-ученыхъ заведеній, т. е. университетовъ? Читатель видѣлъ, что образованіе должно дать смыслъ матеріалу, который сообщило молодому человѣку воспитаніе, т. е. гимназія, учебно-воспитательное заведеніе. Какое изъ этого слѣдствіе?—что слушатели университетскихъ лекцій должны быть къ нимъ хорошо приготовлены, чтобъ они владѣли матеріаломъ, нуждающимся въ освѣщеніи, въ осмысленіи. Не тутъ то было! Какою логикою г. Костомаровъ доходитъ до уничтоженія приемныхъ экзаменовъ—за этимъ трудно даже услѣдить. Но мысль его та, чтобы открыть университеты и пусть идетъ въ нихъ кто хочетъ. Мысль справедливая; читатель помнитъ, что и мы высказали ее. Но это для дилеттантовъ, а кромѣ того, должно быть систематическое послѣдовательное образованіе молодыхъ

* Вотъ какъ дѣлается наполненіе памяти матеріаломъ, и въ то же время безплозное приготовленіе души къ самобытной дѣятельности.

людей; на него-то и не обратилъ вниманія г. Костомаровъ, или, лучше сказать, онъ обратилъ и на него вниманіе, но высказался не за него, а противъ него; послѣдовательность въ наукахъ, переходъ отъ однихъ низшихъ къ высшимъ для него какъ будто не существуетъ, и онъ однимъ почеркомъ пера уничтожилъ и званіе студента, и приемный экзаменъ, и на мѣсто студентовъ пустилъ въ университетъ исключительно дилеттантовъ. Почему, думаете вы, все это сдѣлано?

Есть очень непрогрессивное слово «корпорация»; всякій истинный прогрессистъ долженъ при одномъ названіи его выходить изъ себя и осуждать все, къ чему оно можетъ быть привязано. И вотъ, такъ-какъ г. Костомарову кажется, что студенческое званіе есть корпорация, онъ и обрушился на него своимъ гнѣвомъ. Неменѣе прогрессивный, сравнительно съ г. Костомаровымъ, дѣятель есть г. Стасюлевичъ; онъ находитъ, что студенческое званіе слѣдуетъ удерживать; но почему? потому-что оно имѣетъ какія-нибудь особенныя удобства для образованія юношества? Ни чуть не бывало! А потому, что студенческое званіе не есть корпорация (корпорацию не сталъ бы защищать г. Стасюлевичъ), а мѣръ; въ качествѣ мѣры оно и должно существовать. А г. Костомаровъ осуждаетъ его въ качествѣ корпорации. Впрочемъ, употребляя слово «корпорация», онъ не разумѣетъ, какъ самъ онъ говоритъ, «свободнаго сближенія между собою людей, занятыхъ однимъ дѣломъ, идущихъ къ одной обязательной цѣли, ничѣмъ другъ другу необязанныхъ, кромѣ взаимнаго соглашенія убѣжденій и потребности взаимнаго труда». Такой корпорации не осудилъ бы г. Костомаровъ. А между-тѣмъ развѣ у студентовъ существуетъ какое-нибудь несвободное, обязательное сближеніе между собою? Развѣ они не тѣмъ только связаны, что идутъ къ одной цѣли, заняты однимъ дѣломъ, и развѣ они чѣмъ-нибудь другъ другу обязаны, кромѣ взаимнаго соглашенія убѣжденій? Они даже и къ этому не обязаны. Видите ли, что не нравится г. Костомарову въ корпорации и что онъ находитъ въ студенческомъ званіи. «Корпорация», говоритъ онъ «связуетъ своихъ членовъ во всѣхъ фазахъ жизни». Да гдѣ же есть такія корпорации, и какъ студенческое званіе связуетъ студента во всѣхъ фазахъ жизни? Будто она налагаетъ на него какія-нибудь правила въ его домашней жизни, въ его семейныхъ отношеніяхъ въ то время, когда онъ поступитъ на службу, когда вздумаетъ жениться, когда подумаетъ о воспитаніи

дѣтей и т. п.? Фразы, фразы и фразы, и какія нелѣпыя, какія вредныя фразы! какъ онѣ забиваютъ голову молодому поколѣнію! Вообще сочиненія г. Костомарова производятъ самый несчастный результатъ. Не говоря о тѣхъ, которые, ничего не зная, не умѣя связать двухъ понятій, воспитываются на логикѣ и мудрыхъ взглядахъ г. Костомарова, другіе, какъ будто сначала шедшіе болѣе разумнымъ путемъ, г. Костомаровымъ и нѣкоторыми другими господами сбиты на дорогу бессмыслицы, фанфаронства и фразерства. Тутъ заключается сильная побудительная причина, вслѣдствіе которой всякій, кому хоть сколько-нибудь дорого наше образованіе и вообще наше будущее, обязанъ противодѣйствовать направленію къ легкомыслію, которое даетъ нашему юношеству г. Костомаровъ. «Русскій Вѣстникъ» коснулся этой статьи и отозвался о ней такъ, какъ она того стоитъ. Другой журналъ вздумалъ упрекать «Русскій Вѣстникъ» за то, что онъ третируетъ г. Костомарова свысока. Да какъ же не третировать свысока всякія нелѣпыя, вредныя прерогативы нашего пустого прогресса, покушающагося на то, что у насъ есть самаго лучшаго, святаго, среди пошлостей, составляющихъ содержаніе нашей общественной жизни! Можетъ быть, есть другой журналъ, заявляя передъ своими читателями, что «Русскій Вѣстникъ» третировать свысока г. Костомарова, хотѣлъ сказать имъ: «смотрите, не насъ однихъ», такъ третировать «Русскій Вѣстникъ»; а вотъ и нашъ знаменитый ученый и герой подвергается тому же!» Да, можетъ быть, журналу и нужна эта поддержка со стороны, отъ имени современнаго героя; но публика уже начинаетъ мало-по-малу дѣлать разборъ героизма прогресса и недолго можно будетъ пользоваться подобными средствами защиты.

Свои разсужденія о корпораціи г. Костомаровъ не заключилъ тѣмъ, что приведено выше. «Корпорація вредна для науки, — продолжаетъ онъ, — ибо дѣлаетъ ее какъ бы особой привилегіей избранныхъ, тогда-какъ идеаль ея есть наибольшее распространеніе въ обществѣ ея благодѣтельныхъ результатовъ». Прогрессивно очень! когда же видѣлъ г. Костомаровъ, чтобъ ученые корпораціи дѣлали изъ науки привилегію себѣ? Будто тому, кто не академикъ, не членъ французскаго института, запрещено заниматься учеными трудами, и будто, напр., французскій институтъ бережетъ свои открытія исключительно въ свою пользу, и ревниво наблюдаетъ, чтобы они не расходились въ обще-

ствѣ? И думаетъ ли г. Костомаровъ, что, напр., французскій институтъ дѣйствительно вреденъ для науки, потому-что онъ есть ученая корпорація? и было бы полезнѣе, чтобъ двери института и занятія въ немъ были открыты всякому, кто вздумаетъ войти туда, кто назначить тамъ свиданіе какой-нибудь гризеткѣ, какъ это дѣлается въ Collège de France?

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, г. Костомаровъ осуждаетъ званіе студента и приѣмные экзамены. Можетъ быть, изъ этого вы заключите, что онъ въ своемъ университетѣ намѣренъ сдѣлать все то, что прежде дѣлалось и въ университетѣ, и въ пригитовительныхъ училищахъ. Ни чуть не бывало. Онъ желаетъ, чтобъ въ университетѣ все-таки поступали люди хорошо пригитовленные. Онъ самъ считаетъ «величайшимъ несчастіемъ для нашего просвѣщенія», если аудиторіи будутъ наполняться людьми плохо подготовленными. Но какое же средство предлагаетъ онъ, чтобы избѣгнуть этого несчастія?—Никакого. Онъ думаетъ, что такіе люди не пойдутъ въ университетъ и больше ничего,—что имъ будетъ тамъ скучно. Ну, это едва-ли справедливо, по-крайней-мѣрѣ, на нѣкоторыхъ лекціяхъ имъ будетъ очень весело и они все поймутъ, потому что понимать-то имъ, благодаря хорошей лекціи, почти нечего. Да, наконецъ, скучно не скучно,—а все-таки пойдутъ, чтобы держать современемъ экзаменъ и черезъ это получить мѣсто. Или они ограничатъ свое пригитовленіе тѣмъ, что нужно для ихъ факультета—и больше ничего. Напримѣръ, для математическаго факультета пригитовятся изъ ариметикѣ, алгебры, геометріи и тригонометріи и довольно; для юридическаго ничего не нужно; для естественнаго—тоже; для медицинскаго нѣсколько латыни—и довольно.

А изъ всего этого и выйдетъ то, что г. Костомаровъ считаетъ величайшимъ несчастіемъ. И г. Костомаровъ прямо-хонько такъ и предлагаетъ свой проектъ, который приводитъ къ величайшему несчастію, и ничего,—не смущается. Вотъ что значить прогрессъ!

Кромѣ статьи г. Костомарова, стоитъ еще обратить вниманіе на статью г. Стасюлевича. Онъ написалъ ихъ двѣ. Въ первой, находя, что студентское званіе не есть корпорація, а мѣръ, онъ требуетъ сохраненія его. Замѣчательно здѣсь уваженіе, съ которымъ онъ относится къ г. Костомарову, не находя довольно лестныхъ выраженій, чтобы почтить нашего уважаемаго ис-

торита и публициста; *similis simili gaudet*; между прочимъ, онъ не иначе называетъ его, какъ Н. И. Костомаровъ, и даже просто Николай Ивановичъ; почтеніе къ знаменитостямъ—дѣло хорошее. Но г. Стасюлевичъ ужь очень часто выражаетъ свое уваженіе къ знаменитому историку, такъ что всю статью испестрялъ своими: «Н. И. Костомаровъ», да «Николай Ивановичъ»; всего, такимъ образомъ, онъ разъ тридцать почтилъ Николая Ивановича въ очень небольшой статейкѣ. Это очень напоминаетъ извѣстныя слова одного почтеннаго джентльмена, обращенныя къ другому: «Наша генеральша приказала кланяться вашей генеральшѣ, и приказала сказать вашей генеральшѣ, чтобы ваша генеральша пожаловала къ нашей генеральшѣ; а если ваша генеральша не можетъ быть у нашей генеральши, то наша генеральша прѣдетъ къ вашей генеральшѣ». Впрочемъ, не ко всѣмъ такъ почтительно относится г. Стасюлевичъ; во второй своей статьѣ онъ критикуетъ мнѣніе объ университетахъ г. Никитенко, въ то же время, въ этой же статьѣ онъ обращается и къ г. Костомарову. Но какая тонкость въ обращеніи! Господинъ Костомаровъ такъ и продолжаетъ оставаться для г-на Стасюлевича «Николаемъ Ивановичемъ», а г. Никитенко, просто, только «г-нъ Никитенко». Поймите, господа, что это значить; не считайте г. Стасюлевича чѣмъ-нибудь въ родѣ г. Никитенко, — нѣтъ, онъ что-то въ родѣ г. Костомарова. Въ прошлыя времена было не то; не такъ относился г. Стасюлевичъ къ людямъ, подобнымъ г-ну Никитенко. Когда онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацию, кажется, о «Дикургѣ аеинскомъ» или объ «аеинокой гегемоніи», онъ посвятилъ ее г. Курторгѣ (М. С.). А г. Курторга, надобно это знать, былъ тогда официальнымъ судьей этой самой диссертации. Послѣ чего г. Стасюлевичъ и получилъ какъ магистерскую степень, такъ и мѣсто въ университетѣ. Надобно прибавить, что и всѣ эти сочиненія г. Стасюлевича изъ исторіи Греціи очень гармонировали съ духомъ г. Курторги, который, какъ извѣстно, имѣетъ слабость къ греческой исторіи.

О! когда мы избавимся отъ прогресса, который мы до-сихъ-поръ дѣлали? и отъ прогрессистовъ, которые до-сихъ-поръ у насъ были? Когда стужаются и замолчатъ промышленники прогресса, которые тормозятъ наше умственное и всякое другое движеніе хуже самыхъ враждебныхъ просвѣщенію силъ? — Это будетъ тогда, когда всѣ мы, все общество, заслужимъ этого, когда мы искренно подумаемъ о нашихъ успѣхахъ, начавъ

ИХЪ СЪ ИСКОРЕНЕНІЯ НАШИХЪ СОБСТВЕННЫХЪ , ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НЕДОСТАТКОВЪ, И КОГДА МЫ СЪ ИСТИННОЮ ЛЮБОВЬЮ ОБРАТИМСЯ КЪ НАУКѢ, ЧТОБЫ, СЪ ЕЯ ПОМОЩЬЮ, СДѢЛАТЬСЯ СПОСОБНЫМИ КЪ РѢШЕНІЮ ЗАДАЧЪ, КОТОРЫЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

В. ОХОЧЕДОМОННЫ.

НЕБЫВАЛЫЕ ЛЮДИ.

УНИЖЕННЫЕ и ОСКОРБЛЕННЫЕ. Романъ въ 4-хъ частяхъ,
Ф. М. Достоевскаго. (Время. №№ 1—7.)

Название нашей статьи прямо напоминаетъ другую статью, написанную по поводу того же романа г. Достоевскаго и прочитанную нами (т. е. и вами читатель, и другими людьми, которыхъ интересуетъ движеніе отечественной мысли) подъ заглавіемъ: *Забитые Люди*, статью, которой предшествовало немало другихъ статей, вышедшихъ изъ-подъ той же руки — увы! переставшей дѣйствовать слишкомъ рано, и не только не сдѣлавшей ничего для безсмертія человѣка, которому она принадлежала, но даже не успѣвшей сдѣлать намека, чтобы въ ней таилась сокровенная сила, способная на такой размахъ. Друзья покойника поставили себѣ столько же благородной, сколько и неблагодарной задачей — увѣрить насъ въ противномъ. Они именно говорятъ, что покойникъ сдѣлалъ довольно для своего безсмертія и что для увѣковѣченія его памяти они рѣшились воздвигнуть монументъ, — это благородная часть задачи со стороны друзей покойника. Мы уважаемъ ихъ печаль, мы сочувствуемъ и ихъ личной потерѣ сотрудника и друга, и сами непосредственно сознаемъ эту потерю въ той степени, насколько она способна возбуждать сожалѣніе объ угаснувшей молодой жизни, подававшей надежды; и мы, кромѣ того, находимъ, что примѣры безкорыстія и возвышенности чувствъ и поступковъ — вызываются ли они дружбою, человѣколюбіемъ, патриотизмомъ — никогда не могутъ быть бесполезны вообще, а въ данномъ случаѣ, гдѣ такой при-

мѣръ подается людьми кружка, къ которому принадлежалъ покойникъ, можетъ быть, въ особенности. Они слишкомъ много наговорили о людскомъ эгоизмѣ, слишкомъ долго и ужь неводержно осмѣивали всякаго рода увлеченія, что съ ихъ стороны сооруженіе памятника другу было бы способно вызывать только похвалы. Но друзья покойника хотятъ, чтобы монументъ былъ воздвигнутъ на общественныя деньги, собранныя посредствомъ подписки: это неблагодарная часть ихъ задачи, неблагодарная не въ томъ смыслѣ, чтобы она могла остаться безуспѣшной, — успѣть можно во всемъ, нужно только умѣть, — а въ томъ, что успѣхъ ея, кромѣ ихъ самихъ, никому существенно не нуженъ. Мы говоримъ прямо: это значить, что мы друзей покойника считаемъ людьми, которыхъ не можетъ оскорблять прямота и правда. А почему мы полагаемъ, что имъ нужно услышать то, что мы говоримъ? Потому, какъ намъ кажется, что ихъ глубокая печаль мѣшаетъ тому, чтобы они сами замѣтили всю щекотливость положенія, въ которое они себя поставили даже въ глазахъ людей, расположенныхъ къ нимъ далеко невраждебно, и весь соблазнъ, который они возбуждаютъ въ обществѣ своимъ посягательствомъ воздвигнуть монументъ на общественныя деньги *меньшему* изъ своихъ братій, второстепенному человѣку своего кружка, и во всемъ-то своемъ составѣ еще не сдѣлавшаго ничего монументальнаго, хотя дѣйствующаго весьма небезполезно: видѣть въ подобномъ положеніи своихъ ближнихъ — должно быть больно всякому человѣку, не до мозговъ костей эгоисту. И въ этомъ состоитъ наше право говорить. Кромѣ того, друзья покойника, на его гробѣ, въ его некрологѣ и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ такъ много наговорили о его честности, что имъ менѣе всего прилично дѣлать, въ отношеніи къ памяти покойнаго что-нибудь такое, что въ высшей степени способно подвергаться, и ужь подвергается, двусмысленному толкованію. Наконецъ, и добрые инстинкты большинства публики, не развившаго въ себѣ самостоятельнаго отношенія къ вещамъ и готоваго многому повѣрить на слово, не должны быть злоупотребляемы.

Другъ любезный,

Не сочувствуй ты горю людей,

Не читай ты гуманныхъ книжонокъ,

Но не ставь за каретой гвадей,

Чтобъ, вскочивъ, наколоса ребенокъ!

— бовъ и монументъ по подпискѣ! Имя кандидата въ великія

люди пишется съ маленькой буквы даже въ томъ случаѣ, когда имъ начинается строка, потому-что нельзя же написать—Бовъ, если намъ постоянно встрѣчался—*бова*. Большинству читающей публики этотъ скромный псевдонимъ сдѣлался извѣстенъ только съ печатнаго объявленіи о томъ, куда слѣдуетъ присылать деньги на сооруженіе памятника покойному носителю скромнаго псевдонима, и читающая публика, по непривычкѣ къ настоящему имени — *бова*, до-сихъ-поръ называетъ его то *Миролюбосымъ*, то *Боюлюбосымъ*, и почти одни только пишущіе люди безошибочно говорятъ: *Добролюбовъ*. Одно это обстоятельство уже даетъ намъ возможность получить нужные намъ выводы: бовъ набылъ монументальнымъ человѣкомъ, потому-что воображеніе его соотечественникомъ никогда не было настолько поражено величіемъ его подвиговъ, чтобы возбудить желаніе справиться о его имени;—бовъ и популярная подписка на его монументъ были бы явленіемъ карикатурнымъ, если бы тутъ удачнымъ образомъ не было примѣшано благороднѣйшее имя Бѣлинскаго, на счетъ котораго, за одно ко всѣмъ потерямъ, понесеннымъ имъ въ жизни, и произойдетъ сооруженіе памятника—бову, по словамъ друзей его, ничѣмъ въ своей жизни не заслужившему такого обращенія съ нимъ послѣ его смерти. Почему же друзья покойнаго—бова такъ обращаются съ нимъ?

Самый безобидный отвѣтъ на это будетъ тотъ, что они совершенно искренно вѣрятъ въ величіе рецензій и критическихъ статей покойнаго — бова и, по всей вѣроятности, полагаютъ, что если популярность покойнаго ихъ друга, при его жизни, не успѣла возрасти даже на столько, чтобы видъ литературныхъ кружковъ сдѣлалось по-крайней-мѣрѣ извѣстнымъ какъ его зовутъ, то все-таки, если хорошенько растолковать публикѣ значеніе его сотрудничества въ «Современникѣ» и представить каталогъ написанныхъ имъ статей, она способна будетъ понять, что это былъ человѣкъ монументальный. Заблужденіе насчетъ достоинства близкихъ къ намъ людей—самое естественное и частью даже похвальное заблужденіе. Но при этомъ одно обстоятельство не поддается никакому благопріятному толкованію: друзья покойнаго —бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о—бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ между ними, или даже вторымъ, или даже третьимъ. А если они этого, согласно со всѣми своими читателями и почитателями, никогда не могли думать, то кому же, въ сущности, они воз-

вигаютъ теперь монументъ по подпискѣ? Неужели — бову? Или, если они думаютъ, что хотя —бовъ былъ и не изъ первыхъ въ ихъ кружку, а между тѣмъ все-таки достоинъ монумента и не уступаетъ своими заслугами Бѣлинскому, то въ какихъ же размѣрахъ имъ представляются ихъ собственныя заслуги и фигуры? Мы говоримъ не противъ ихъ высокаго мнѣнія о самихъ себѣ, — до этого намъ нѣтъ никакого дѣла — а противъ всенароднаго высказыванія такого мнѣнія, что, по мнѣнію всѣхъ самообладающихъ людей, кажется достойнымъ самаго строгаго порицанія. Если ломаніе Кавура въ парламентѣ и несоблюденіе имъ нѣкоторыхъ общепринятыхъ приличій въ многочленномъ собраніи покойному —бову казалось отвратительнымъ и если онъ считалъ должнымъ высказывать это безъ всякой воздержности, то слѣдуетъ ли намъ быть болѣе воздержными и будетъ ли приличнымъ наше молчаніе о томъ, что ломаніе друзей его передъ рускою публикою во всѣхъ отношеніяхъ гораздо отвратительнѣе? Тотъ все-таки былъ Кавуръ, то есть, худъ ли, хорошъ ли, но общепризнаваемый за большого человѣка. Это не служитъ ему полнымъ извиненіемъ, но въ глазахъ членовъ парламента онъ казался, хотя бы и не совсѣмъ вѣрно, человекомъ, устроившимъ величіе ихъ общаго отечества, и его ломанье, во всякомъ случаѣ, никому не казалось выпрашиваніемъ на водку за его подвигъ. Если Италия подписалась на его памятникъ, то она сдѣлала это по своей собственной инициативѣ. Мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго —бова, въ особенности одного, о лицемѣрномъ непризнаніи заслугъ котораго мы, кажется, первые сказали, что оно переступило мѣру; но все-таки положеніе и самыхъ почтенныхъ изъ друзей —бова въ высшей степени не таково, чтобы ломанье ихъ передъ цѣлою странюю могло казаться терпимымъ, чтобы своею заслугою развязнаго слова, обращеннаго къ странѣ, они могли упиваться передъ нею до такого лиризма: ты дескать разумѣй и приготавливай деньги на монументъ. Мы говоримъ это чтобы избавиться отъ личнаго глубокаго стыда, въ который насъ приводятъ выслушиваніе подобнаго намека; и если бы мы все не встрѣчали людей, которые чувствуютъ себя пристыженными и оскорбленными отъ этого намека, то намъ показалось бы это намекомъ на то отчаянное положеніе, изображенное въ одномъ изъ стихотвореній Шевченки, гдѣ «всѣ мовчать: бо благоденствуютъ!» Тутъ возможна одна оговорка, именно, что

Юдниска—не налогъ и къ ней никого не пришеволивляютъ. Но, гдѣ, и гвозди за каретой вбиваются не для того, чтобы пришеволивать мальчишекъ натыкаться на нихъ; и, однако, они натыкаются. Публика состоитъ изъ всякихъ членовъ, въ томъ числѣ есть и добрыя дѣти. Соблазнить единого отъ малыхъ сихъ и поселить въ немъ убѣжденіе, что покойный —бова былъ человѣкъ необыкновенный, значить не просто поселить въ ребенка ложное убѣжденіе, а еще извратить его понятія о величинѣ людей, умалить его нравственный идеалъ, ограничить задачу его жизни, укоротить его стремленія, ноработить его нравственную природу. Дѣти должны знать, что безсмертіе вовсе не такъ дешево, чтобы его можно было купить статьями, рецензіями или лизнью —бова; они должны быть твердо и здраво убѣждены, что за такую жизнь, безъ такихъ друзей, они никоимъ образомъ не получаютъ монумента по подпискѣ, что это жизнь совершенно обыкновенной честности и что, наконецъ, ихъ отечеству никогда не было бы суждено быть ни славнымъ, ни великимъ, если бы въ немъ подобныя жизни были большою рѣдкостью, и, въ особенности, еслибы они считались монументальными. Весьма правдоподобно, что эта жизнь не лишена была своей горечи. Но слѣдуетъ ли изъ-за этого закрывать глаза, чтобы не видѣть, — какимъ великимъ раемъ должна представляться намъ эта жизнь (за исключеніемъ того, что она рано кончилась) въ сравненіи съ тысячами и тысячами другихъ человѣческихъ жизней, несравненно болѣе бѣдственныхъ не окруженныхъ никакою дружбою, и если возбуждающихъ участіе, то одно только—безполезное? Но для чего мы говоримъ это? Вѣдь не можетъ же кто-нибудь не знать такой простой вещи, что если бы каждая жизненная горечь награждалась монументомъ по подпискѣ, то для этого не достало бы ни денегъ, ни мрамора десяти такихъ планетъ, какъ наша.

Какой, однако, это цинизмъ: смѣшивать неудачи, потерпѣнныя —бОВОМЪ въ жизни, съ обыкновенными, вульгарными страданіями людей, умирающихъ отъ голода, надсады и чахотки! Что жъ, мы и не обстанываемъ, чтобы это не былъ цинизмъ; мы сознаемъ, что возвышенность чувствъ состоитъ въ противоположности тому, что мы сказали. Чтобы быть возвышеннымъ, языкъ нашъ долженъ бы быть таковъ: «Господа, вы задумали саркофагъ,—это мало, стройте пирамиду!» или: «вы оставились на пирамидѣ, мы—предлагаемъ вамъ вавилонскую баш-

ни!» Но, вѣдь, это все уже сказано, или готовится къ тому, чтобы быть сказаннымъ; по-крайней-мѣрѣ, инициатива къ тому, чтобы это было высказано, дана самая опредѣленная. Такъ доведемъ же нашъ циназмъ до самаго конца, въ той увѣренности, что и онъ не лишонъ своего рода возвышенности, и что, во всякомъ случаѣ, онъ никакимъ образомъ не можетъ оскорбить памяти того, кто для удовлетворенія своей послѣдней наклонности къ правдѣ не пренебрегалъ никакою изъ формъ ея, не исключая и самой цинической. Мы хотимъ сказать эпитифю —бова:

«Погибшая молодая жизнь! ты не была вызвана на свѣтъ для того, чтобы сдѣлаться знаменитой и ослѣплять людей; но ты была ведена такъ, что, и при строгомъ контролѣ, можешь быть названа честной».

Этихъ циническихъ словъ совершенно достаточно для того, чтобы отдать всю справедливость покойному —бову за его жизнь, на его могильной плитѣ, которая была бы устроена вѣдвеніемъ друзей его. Но случилось такъ, что смерть —бова послужила поводомъ къ подиискѣ на памятникъ, который будетъ указывать могилу Бѣлинскаго: припишемъ эту заслугу мертвому —бову и назовемъ ее такою, которая дѣлаетъ его вполне заслуживающимъ соучастія въ памятникѣ Бѣлинскаго. И такъ какъ совершенно вѣроятно, что этотъ памятникъ долго и долго, съ любовью и энтузіазмомъ будетъ посѣщаемъ избранными людьми будущихъ поколѣній, то нашему поколѣнію будетъ стыдно, если онъ будетъ неполнѣ соответствовать зарытому подъ нимъ подвигу жизни, который навсегда останется чистымъ и образцовымъ, поучительнымъ и достойнымъ самаго неуклоннаго подраженія.

Отецъ семейства, привелъ
Къ могилѣ мученика сына,
Да закипитъ въ его груди
Святое чувство гражданина.

Итакъ, названіе статьи нашей напоминаетъ статью —бова. Критическій способъ —бова относится къ писателямъ слишкомъ извѣстенъ: онъ преимущественно, если не совершенно исключительно, смотрѣлъ на нихъ какъ на случай написать свое собственное изслѣдованіе о предметѣ даннаго произведенія, и онъ главнымъ образомъ, свои похвалы и порицанія соразмѣрялъ, при этомъ, съ степенью благопріятности или неблагопріятности слу-

чая, который представлялся ему къ выраженію его собственныхъ гуманныхъ мыслей, потому-что изслѣдованія его всегда отличались духомъ гуманности, и въ этомъ состоитъ ихъ преобладающій смыслъ. Если, напримѣръ, данное произведеніе подавало — бову непосредственный поводъ къ выраженію добрыхъ симпатій его добраго сердца, то данное произведеніе уже по одному этому обстоятельству въ глазахъ — бова получало цѣну, весьма часто незаслуженную; всѣ другія требованія, которыя можно было предъявить данному произведенію, хотя бы эти требованія были самыя существенныя, для него имѣли уже мало значенія, и часто тѣмъ меньше, чѣмъ сильнѣе была его собственная, случайная возбужденность къ тому, чтобы высказаться. Мы всѣ видѣли примѣры, гдѣ писателю достаточно было позавѣть побитаго мужика съ приличнымъ сочувствіемъ къ его боли, чтобы быть принятымъ подъ защиту — бова, чтобы удостоиться отъ него плодотворной статьи и быть въ ней похваленнымъ не за одну только благонамѣренность, а за умѣнье проявлять ее дѣятельнымъ способомъ, могущимъ производить вліяніе на общество. Объ умѣнии тутъ часто не слѣдовало бы быть и рѣчи; но фактъ побитаго мужика, голый, сухой, костлявый, бездоказательный фактъ представлялся добросердечному — бову въ такой степени достаточнымъ для извлеченія изъ него надлежащихъ выводовъ, что снисхожденіе его къ автору не знало почти предѣловъ; даже болѣе: у — бова не одинъ разъ можно встрѣтить прямое и положительное признаніе, что онъ и зная-то не хочетъ, есть ли у писателя умѣнье обращаться съ жизненными явленіями, то есть — дарованіе; что такими тонкостями онъ предоставляетъ заниматься празднословамъ, не знающимъ что дѣлать изъ своихъ бесполезныхъ досуговъ, а что для него всего важнѣе явленіе, подмѣченное писателемъ въ жизни. Многія изъ статей — бова такъ именно и начинались; потомъ слѣдовалъ анализъ даннаго явленія, — всестороннее обозрѣніе его сзади, спереди, съ боковъ, наизуворотъ и въ заключеніе изъ г. Славутинскаго выходилъ замѣчательный писатель, а одинъ, дѣйствительно замѣчательный, очутился великимъ и гениальнымъ. И добрый — бовъ нисколько не подозрѣвалъ при этомъ, что онъ утѣкался своимъ собственнымъ добросердечіемъ, любовался наставительностію своихъ собственныхъ помышленій. Такой приемъ для критика былъ бы совершенно хорошъ, если бы онъ не потакалъ бездарности и если бы онъ въ писателяхъ не уко-

ренилъ вѣры въ теорію безсознательнаго творчества. — Ничъ приписывалось то, чего имъ никогда не грезилось, чего они даже и смутнымъ образомъ никогда не предчувствовали; а между тѣмъ, по своей человѣческой слабости, они должны были повѣрить, что въ ихъ соображеніи, въ ихъ воображеніи и вообще во всѣхъ тѣхъ способностяхъ, которыя составляютъ писателя, есть какая-то безсознательная сила, которая непремѣнно выручаетъ ихъ, какъ бы они ни плошали. Переходъ къ дѣйствительной оплошности тутъ очень близокъ и составляетъ естественное послѣдствіе вѣры въ выручающую безсознательность. Это въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, что дарованіе, на возвеличеніе котораго покойный — бовъ налегалъ съ особенною любовью, постепенно становилось въ обратное отношеніе къ его похваламъ и оскудѣвало у всѣхъ на глазахъ. Покойный — бовъ былъ бы крайне удивленъ, увидѣвъ себя причисленнымъ къ сторонникамъ теоріи безсознательнаго творчества и что будто онъ, хотя бы и невольнымъ образомъ, способствовалъ къ пониженію уровня тѣхъ интересовъ, которыя должны происходить изъ литературы для общества. А между тѣмъ это совершенно вѣрный фактъ: такого не взыскательнаго критика, такого литературнаго потакачика трудно другого встрѣтить. Совершенная, безапелляціонная бездарность, конечно, не могла подкупить его никакими добрыми тенденціями; но большому дарованію онъ положительно не былъ полезенъ своими указаніями, а благонамѣренная посредственность всегда могла смѣло разчитывать на его поддержку, и если иногда ошибалась, то не по своей винѣ, а вслѣдствіи какого нибудь случайнаго каприза самого — бова, потому что слѣдуетъ сказать, что — бовъ иногда не былъ снисходителемъ и къ благонамѣренности. Стремленія — бова къ тому, чтобы быть строгимъ, были очень велики и онъ даже успѣлъ прослыть такимъ въ понятіи людей, неумѣющихъ заглядывать въ корень; но въ сущности это было достосердечнѣйшее существо, для котораго потакать значило удовлетворять самой естественной своей склонности. Онъ дѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы отучать писателей отъ строгаго труда и кропотливаго изученія, отъ необходимой терпѣливости и добросовѣстности въ наблюденіяхъ, даже отъ сознанія надобности въ этихъ вещахъ — словомъ, отъ всего, что составляетъ черную и трудовую сторону ихъ призванія, которое безъ того было бы самымъ презрительнымъ и самымъ тупеяднымъ изъ всѣхъ призваній, достойнымъ

того, чтобы противъ него были возобновлены египетскіе законы о людяхъ, добывающихъ хлѣбъ свой непослужительными средствами. Въ снисхожденіи—бова къ добрымъ намѣреніямъ автора, въ его благодарности за сочувствіе къ побитому мужику, было, дѣйствительно, что-то странное, какъ будто въ этомъ сочувствіи онъ видѣлъ какую-то сверх-должную и героническую добродѣтель. Можно подумать, будто—бова, желая сдѣлаться вліятельнымъ критикомъ и на самомъ дѣлѣ бывши довольно-замѣчательнымъ, никогда не хотѣлъ уяснить себѣ самой простой и основной истины, имено, что беллетристическая литература, какъ одна изъ дѣятельныхъ силъ человѣческаго развитія и, притомъ, способная къ самому большому распространенію предъ всѣми другими цивилизующими средствами, можетъ производить вліаніе на общество и вносить въ него свой вкладъ нравственнаго добра не добрыми намѣреніями, даже не самыми лучшими, какія только можно вообразить, а совокупнымъ дѣйствіемъ слѣдующихъ условій: во-первыхъ, здравымъ направленіемъ, которое бы показывало обществу, до чего достигъ нравственный уровень лучшихъ людей даннаго времени (положимъ, что это-то и есть добрыя намѣренія, хотя это и несовсѣмъ то же), во-вторыхъ, отчетливымъ юманианіемъ жизни въ общемъ ея ходѣ, которое бы нагляднымъ и осязательнымъ образомъ давало разумѣть обществу всю стройность, или нестройность этого хода и которое обогащало бы общество достаточною прозорливостью для дружнаго и сознательнаго стремленія къ достиженію возможной стройности въ движеніи и развитіи его жизненныхъ силъ; наконецъ, третья—и это самое существенное—степенью и объемомъ тѣхъ специфическихъ способностей, безъ которыхъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, никому никогда не пришло бы въ голову истолковывать жизнь и возвышать ея уровень посредствомъ романа, поэмы, или драмы, безъ которыхъ, то есть, не существовало бы и самой литературы, и которыя мы называемъ талантами. Если критикъ знаетъ это, то для него ясно, на сколько онъ погрѣшилъ противъ своей страны и какой ущербъ сдѣлаетъ ея литературѣ, если, вмѣсто свободнаго и широкаго теченія ея, обнимающаго собою всю жизнь природы и человѣка, будетъ добиваться, чтобы она сочилась мелководной струйкой обличенія. Мы принимаемъ въ расчетъ всѣ возможныя точки зрѣнія, и все-таки не видимъ, съ которой изъ нихъ строгимъ логическимъ путемъ можно дойти до того, чтобы признавать добромъ облич-

щавіе рѣдной литературы, потому что узаконивать ея односторонность, специфировать ея направленіе, ноощрять въ ней посредственности и, изъ любви къ маленькимъ именамъ, стараться уронить великія, значитъ добиваться ея обвиненія, какъ какого-нибудь блага. Мы не хотимъ лицемѣрять и обходить молчаніемъ главную тенденцію всѣхъ статей и помысленій — бова, общую ему съ тѣмъ органомъ, въ которомъ онъ писалъ, тенденцію, которая въ сущности заслуживаетъ справедливой симпатіи и вполне пользуется нашею. Но и съ этой стороны, — и съ этой даже бѣдѣе, чѣмъ съ какой-нибудь, — нѣтъ ни одной причины желать низкаго уровня и односторонняго направленія для литературы, и напротивъ, есть очень много причинъ добиваться, чтобы она была высока и многообъемлюща, потому что роль ея состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать человѣческія души и формировать характеры. Есть что-то черезчуръ неадекватное, противорѣчивое, недодуманное въ этомъ болѣзненномъ желаніи видѣть въ душевные порывы загнанными въ одну колею, въ работающія ослы, посаженными на оброчное положеніе. И оттого, что въ этомъ дѣлѣ такъ много неблагоприятнаго и худо сознанныаго, намъ всегда казалось, что та нота, которую въ «Современникѣ» приводилось тянуть — бова, выходила фальшивой; что въ то время, когда главная сила этого органа дышала такою враждою къ рутинѣ, онъ старался сдѣлать изъ себя величайшее препятствіе оригинальности, и только въ томъ и поставлялъ свою оригинальность, что не терпѣлъ этого качества. Мы говоримъ о духѣ и тонѣ статей покойнаго — бова, не имѣя въ виду отдѣльныхъ фразъ, которыми онъ перешолнены и которыя для человѣка, умѣющаго читать, мало имѣютъ значенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, объ оригинальности статей — бова нечего и говорить: ея въ нихъ нѣтъ. Но мы просто напросто видимъ, что у — бова были нѣкоторые правила, которыхъ онъ усвоилъ себѣ какъ критикъ, но нигдѣ не видимъ принципа, изъ котораго бы онъ вывелъ эти правила и чтобы этотъ принципъ оказался состоятельнымъ и плодотворнымъ, или хотя временно-годнымъ, такъ-какъ ничто не вѣчно подъ луною. Оттого, при всей плодотворности статей — бова, въ нихъ была влохая пожива для мысли. Еще менѣе въ нихъ было того свободолюбиваго чувства, которое такъ умѣлъ воспитывать всегда пламенный и всегда равно глубокий въ своей любви и ненависти Бѣлинскій, и которое, говоря вообще, съ такимъ искусствомъ умѣетъ поддерживать тотъ, кого мы — если

только не ошибемся—почитаемъ учителемъ —бова и въ томъ
 латія и монотонность, умственная и нравственная неразвиз-
 ность находить такого энэгрического ненавистника. Покойный
 —бовъ не имѣлъ дара этой ненависти или протавоположнаго
 ей чувства. Сказать о —бовѣ, что это былъ энтузіастъ, зна-
 чить сказать то, чего о немъ никто не думаетъ, да и говорить
 одни только друзья его. Совершенно напротивъ, —бовъ какъ-
 будто поставлялъ свою гордость въ своемъ индифферентномъ и
 дидактическомъ тонѣ, и если когда выходилъ изъ нихъ, то не-
 премѣнно для того, чтобы впасть въ филантропическую сани-
 тальность—черта прекрасная, но это еще не резонъ вос-
 торгаться ею и не желать, чтобы она была еще лучше, чтобы
 она не напоминала собою причитаній наемныхъ плакальщицъ,
 а выросла бы въ истинное могущество чувства. Если —бовъ
 тѣмъ-нибудь особенно полезенъ русской литературѣ, такъ это
 своимъ откровеннымъ презрѣніемъ къ своимъ собратамъ—лите-
 ратурнымъ критикамъ, которые, дѣйствительно, поступали пре-
 зрѣлымъ образомъ, когда, по поводу картины взятой изъ житей-
 ского быта и представляющей, положимъ, побитаго мужика, они
 разсуждали о махровости и барзятности красокъ, употреблен-
 ныхъ на исполненіе картины, или о ненужности на ней коровья-
 го хвоста (*фактис!*), мѣшающаго будто-бы цѣлостности впечат-
 лѣнія. Честь и слава —бову за его сарказмы надъ чувстви-
 тельностью и сладострастіемъ эстетическихъ критиковъ: онъ въ этомъ
 случаѣ вполне понималъ, что если имъ предоставить полный
 просторъ, то они готовы превратить литературу въ пасквиль на
 человѣскій умъ. Но и только; затѣмъ, уже собственное объ-
 ясненіе картины со стороны —бова не отличалось ни ориги-
 нальностью, ни богатствомъ непосредственныхъ выводовъ; оно
 было тѣмъ, что мы назвали въ —бовѣ филантропическою сани-
 тентальностью, длинною, монотонною и, въ большинствѣ слу-
 чаевъ, просто надобливою. Онъ съ напряженіемъ всѣхъ ум-
 ственныхъ силъ своихъ старался передать вамъ то совершен-
 но непередаваемое чувство боли, которое было въ мужикѣ,
 когда его били, и онъ съ такимъ непонятнымъ усердіемъ и съ
 такою монотонною длиннотою предавался этому неблагодар-
 ному и вполне бесплодному уираженію, что вамъ, наконецъ,
 хотѣлось говорить: «Да отстаньте же отъ меня! я и безъ того
 знаю, что когда бьютъ, то бываетъ больно». Или своимъ объ-
 ясненіемъ картины —бовъ достигалъ еще такого результата:

«Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь?» И точно такъ же, какъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ — бова, ради доброй тенденціи, терпѣлъ отсутствіе истиннаго пониманія жизни и былъ снисходителенъ къ самымъ вопіющимъ софизмамъ, представленнымъ въ лицахъ; такъ и въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ не могъ избавиться отъ недостатка — подходить къ человеческому смыслу и сердцу окольными и извилистыми путями, которые, притомъ, сосредоточивали все ваше вниманіе на томъ, чтобы слѣдить собственно за трудностью такого странствія, заставляя забывать о цѣли, да казалось, что тутъ и не было даже никакой цѣли. Безъ сомнѣнія, это только казалось такъ; на самомъ дѣлѣ тутъ всегда была цѣль. Но предположимъ, что васъ привели на какой-нибудь перевязочный пунктъ и показываютъ вамъ всевозможныя искаженія человеческихъ тѣлъ, наносимыя всѣми возможными родами оружія, предлагаютъ вамъ взглянуть на тѣло, проткнутое штыкомъ, разрубленное саблей, пронзенное пулей и разорванное ядромъ, заставляютъ васъ любоваться этимъ зрѣлищемъ и не пускаютъ васъ на воздухъ до-тѣх-поръ, пока съ вами не сдѣлаются тошнота и головокруженіе; и предположимъ, что когда ваше удовольствіе отъ этого зрѣлища достигнетъ этой степени, и когда вы не въ состояніи будете долѣе обходиться безъ воздуха, вамъ будетъ объяснено, что это зрѣлище было представлено вамъ съ единственною цѣлью — убѣдить васъ, что такія страданія точно бываютъ. Можете ли вы примириться съ пыткой, которую вы претерпѣли, за такую опытность, которую вы приобрѣли? И вотъ за такое же головокруженіе такая же точно опытность вамъ достается изъ иной статьи — бова, вообще небывшаго способнымъ почти никъ какой инициативѣ. Онъ, кажется, никогда не задумывался надъ тою истиною, что если лазаретныя картины съ лохмотьями, корнѣй и гнойными ранами, и способны дѣйствовать на человеческія сердца умилительнымъ образомъ, то все же здоровые люди, совершенно естественно, по законамъ самой жизни, отвращаются отъ этихъ картинъ и ищутъ своей силы и своихъ вдохновеній въ другихъ предметахъ. И если вы человекъ неочень хилый, неслишкомъ запуганный, хоть сколько-нибудь увѣренный въ себя и достаточно въ томъ, что, безъ сомнѣнія, есть люди, которые несравненно и свѣжее, и смѣлѣе, и самоувѣреннѣе васъ, и что такихъ людей, можетъ быть, немало, то намъ очень понятно, почему васъ при чтеніи большей части статей — бова

(если вы изъ тѣхъ, которые ихъ читали) было не по-себѣ и отчего вы чувствовали тогда духоту и думали про-себя: «будетъ какъ застрашивать и запугивать; здоровья! давайте намъ здоровья!» и если вы литературный критикъ, то старайтесь предъявить это требованіе и тѣмъ, которые читаются больше васъ и которымъ вы такъ потакаете въ забываніи ими робинихъ людей». къ вашему требованію здоровья вы могли бы еще прибавить требованіе свѣта—самаго необходимаго условія здоровья.

Съ этими именно требованіями здоровья и свѣта мы хотимъ обратиться къ роману г. Достоевскаго, чувствуя глубочайшее влеченіе къ этимъ благамъ и находя, что какъ Гоголь въ свое время замѣтилъ, что пора оставить въ покоѣ честнаго человѣка и вмѣсто него припречь плутоватаго, такъ и намъ слѣдуетъ замѣтить, что пора перестать христарадничить и пѣть Лазаря, когда чувствуется живая потребность другаго тона и настроенія. Чтобы не дать литературѣ сдѣлаться презрѣнной, чтобы осмыслить занятія такъ называемыми изящными родами ея, для этого нужно понимать и при всякомъ литературномъ предпріятіи и замыслѣ помнить, что самое меньшее требованіе, какое только честный человѣкъ можетъ предъявить литературѣ своей страны, состоитъ въ томъ, чтобы въ ней не было ни тупости, ни отсталости относительно уровня, выработаннаго жизнью; пусть въ ней не будетъ ничего перелового (хотя и очень желательно, чтобы это въ ней было) пусть она не выкидываетъ маяковъ, которые бы указывали людямъ, въ которую сторону имъ слѣдуетъ направлять свое мѣстvie, но пусть она не занимаетъ и унизительнаго положенія на запаткахъ исторіи и народной жизни. Если она бессильна сдѣлаться сокровищницею запаснаго богатства, пусть по-крайней-мѣрѣ, служить вѣрнымъ и надежнымъ магазиномъ нажито-го добра. А если слѣдуетъ понимать и помнить эти вещи, то нашииъ литераторамъ - беллетристамъ слѣдовало бы давно догадаться, что грустная и отчасти постыдная исторія о *болящемъ* *человѣкѣ* въ нашемъ отечествѣ, исторія, которую они хотятъ тапуть до безконечности, сдѣлалась однимъ изъ самыхъ постыдныхъ анахронизмовъ, что авторамъ ея возданы должныя похвалы и она почитается рассказанной въ такой полнотѣ, при которой всякое дополненіе къ ней будетъ признаваться (съ окончаніемъ поэмы г. Полонскаго) ни къ чему негоднымъ излишествомъ, и что какъ бы ни пріятно было болящему человѣку со-

хранить свое положеніе, окруженное ореоломъ въ предожженіе слишкомъ трехъ десятилѣтій, и какъ бы ни хотѣлось ему поддержать и продолжить симпатію къ его непринятымъ страданіямъ, приговоръ его подписанъ: онъ долженъ или на чистоту признаться въ своей болѣзни и показать тѣ высочеловѣческіе интересы, по которымъ болѣзнь его стоитъ нашего вниманія и участія, или онъ будетъ занозозрѣвъ въ страданіи нищенствомъ своей убогой души, и ужъ тогда, по необходимости, для него долженъ оказаться роковымъ

... этотъ уборъ
 Лохмотьявъ, что носить порою
 Иной патріотъ, умилая сердца
 Нарывами, полными гною. *

И въ этой дилеммѣ заключается причина, почему болящій человекъ долженъ получить свою отходную, несмотря на его званіе идеала, имѣющаго претензію на долгую жизнь, потому-что, какъ бы ни старались представители нашей литературы разныхъ десятилѣтій показать свои какъ-будто сатирическія отношенія къ этому бесполезному человекъ, въ сущности онъ былъ дорогъ и любезенъ ихъ сердцу, и общественное разумѣніе догадывалось, что къ нему хотятъ привить убѣжденія, будто это возможно лучшей человекъ въ обществѣ при извѣстномъ положеніи дѣлъ. Это вздоръ: *возможно-лучшій* человекъ всегда бываетъ и *положительно-хорошимъ*, не въ одной только возможности, болѣе или менѣ невѣроятной, но въ самой дѣйствительности: въ этомъ ему никто не можетъ помѣшать, потому-что тутъ всякое препятствіе — именно поводъ къ тому, чтобы раскрыться хорошему человекъ, такъ-что число препятствій есть съ тѣмъ въ-стѣ и число благопріятныхъ случаевъ къ обнаруженію силъ и качествъ, составляющихъ хорошаго человекъ. Кажется, наше положеніе вѣрно; и если-бы жизнь наша текла безпрепятственно. то исторія ничего не рассказала бы намъ о томъ, напр. человекъ, котораго звали *Гусемъ* и который съ своего костра, на которомъ его собирались изжарить, проговорилъ пророчески: «Я гусь—животное смирное, и вамъ немудрено изжарить меня; но вслѣдъ за мною появится орелъ, умѣющій летать въ облакахъ: того ужъ вы не изжарите!»—Точно такъ же ничего не рассказала бы намъ исторія и объ этомъ орлѣ, о которомъ предсказывалъ Гусь: подобныхъ людей выдвигаютъ препятствія, и

* Гейне. (Германія, въ переводѣ Водовозова.)

притомъ одни только препятствія. Но если намъ открыто выдавали, что самая существенная и самая характеричная черта нашего болящаго и, будто, возможно-лучшаго человѣка состояла въ томъ, что начавъ, наприм., тяжбу съ уѣзднаго суда и наткнувшись на неизбѣжную проволочку, онъ обыкновенно уставалъ и начиналъ чувствовать непреодолимое влеченіе къ покою и созерцательной жизни гораздо прежде, чѣмъ дѣло его доходило до гражданской палаты, то не уже-ли мы должны кланяться и благодарить за представленіе намъ подобнаго идеала,—мы, имѣющіе обыкновеніе и поставленные въ необходимость доводить дѣла свои до самаго конца? Да что же мы за язычники, чтобы поклоняться такимъ идоламъ?

Теперь дѣло открытое и мы видимъ, какъ на своей ладони, что общество было обморочено. — Чѣмъ? — тѣмъ, что его возможно-лучшій представитель былъ самозванецъ, а оно объ этомъ не догадывалось; тѣмъ, что его лучшіе писатели свое самообожаніе выдавали ему за служеніе его интересамъ, и оно не сомнѣвалось въ ихъ искренности, или не подозрѣвало ихъ наивности. Мы касаемся предмета въ высшей степени щекотливаго, но здравая критика не должна обходить и такихъ предметовъ. Такъ обратите же, наконецъ, вниманіе на этого причудливаго человѣка: хорошо рожденный (bien-né), свѣтски-воспитанный, застрахованный отъ суроваго труда и самыхъ существенныхъ невзгодъ жизни наслѣдственнымъ достояніемъ—кто онъ таковъ? Но этихъ примѣтъ мало. Всегда очень способный,—хотя и бесполезно, — съ передовымъ образомъ мыслей, нигдѣ, конечно, невысказанныхъ, энциклопедически начитанный и нерѣдко пишущій, — хотя бы собственныя свои приключенія, какъ Печоринъ,—кто онъ таковъ? — да просто, самъ пишущій. Публика очень хорошо знаетъ родословіе этого типа: оно никогда не выходило изъ круга людей, хорошо рожденныхъ, благовоспитанныхъ, во всемъ проникнутыхъ чувствомъ мѣры, если и возмущавшихся нѣкоторыми жизненными явленіями, то болѣе по чувству нарушенной гармоніи, и по тому же самому не рѣшавшихся подавать апелляцію даже по своей собственной тяжбѣ, такъ какъ тутъ представлялась самая вѣроятная возможность погрѣшить противъ устава хорошихъ манеръ. Въ подтвержденіе нашей мысли мы предлагаемъ вамъ сдѣлать слѣдующую операцію. Разложите общество, то есть, образованную часть его, на двѣ большія группы съ сословными оттѣнками, такъ, чтобы въ ре-

зультатъ были получены такъ называемые высшій и средній слою; раздѣлите эти группы на болѣе мелкія—хоть по образу жизни и занятіямъ обвиняемыхъ этими группами людей—и присмотритесь потомъ пристально и упорно къ каждому изъ этихъ подраздѣленій: вы, конечно, будете поражены здѣсь нестрогою интересовъ и разнообразіемъ личныхъ стремленій; но если вы хоть сколько-нибудь способны группировать предметы по общимъ для нихъ признакамъ, то вы замѣтите, что всѣ эти интересы и стремленія обозначены довольно-ярко, тяготеютъ къ известному центру и представляютъ всѣ удобства къ уразумѣнію ихъ типическихъ отличій. Что вы должны увидѣть въ концѣ вашего наблюденія? Причудливый человѣкъ показываетъ видъ, что онъ живетъ не исключительно для свѣтскихъ цѣлей и какъ-будто старается внушить, что это обстоятельство должно приносить честь его характеру, хотя внушить этого ему никогда не удастся, потому-что, въ сущности, онъ очень любитъ свѣтъ, и самыми большими неудачами считаетъ неудачи, встрѣченныя тамъ. Интересы науки не имѣютъ ни малѣйшей важности для причудливаго человѣка; и хоть онъ въ своей младенческой наивности и почитаетъ себя отчасти съ-родни геніальному педанту и доктору Фаусту, а также и энтузіастическому метафизику и высокоученому барону Манфреду, но это совершенно достовѣрный фактъ, что всякій кружокъ серьезно-занимающихся людей для него показался бы тошнѣе всякаго острога. Карьера честолюбія для него не можетъ имѣть никакой прелести, какъ всякая невозможность. Если онъ служить, то единственно затѣмъ, чтобы получить приказаніе—выйти въ отставку; и этого онъ добивается самымъ усерднѣйшимъ образомъ, отчасти изъ любви къ созерцательной жизни, а главнѣе всего, вслѣдствіе внутренняго голоса, который говоритъ ему, что для вторыхъ мѣстъ онъ не созданъ; а известно, что первыхъ не даютъ сразу. Никакая, дѣловая практика тоже не далась причудливому человѣку. Первое запутанное дѣло, которое бы требовало съ его стороны ума или энергіи, способно приводить его въ отчаяніе; первая тяжба, хотя бы въ ней вся справедливость была на его сторонѣ, грозитъ ему разореніемъ; онъ не умѣетъ управлять ни своимъ имѣніемъ, ни даже своимъ домомъ, ни осломъ своимъ, ни волкомъ своимъ: плутовство управляющаго можетъ сколько угодно издѣваться надъ его умственными способностями и причинять какой угодно вредъ его имуществу.—Вотъ сколько обществен-

нихъ категорій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и способовъ жить и дѣйствовать, прослѣдили мы, и все-таки не можемъ наследить *нашею* возможно-лучшаго человѣка: отъ всѣхъ этихъ родовъ жизни и дѣятельности онъ героически обращается въ бѣгство. Но этою мало, мы убѣждены, что вся гвардія, и конные и пѣшіе полки ея, весь академическій штатъ, всѣ департаментскіе чиновники готовы будутъ подъ присягой показать, что они никогда не знали въ лицо подобнаго человѣка и рѣшительно не были свидѣтелями возникновенія его въ ихъ средѣ; бывали съ ними всякія времена и видывали они всякихъ людей, но такого, который въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ считался лучшимъ поэтическимъ образомъ нашей литературы, былъ воспѣтъ въ стихахъ и прозѣ, они не знавали, если не считать тѣхъ слабоумныхъ людей, которые прикидывались такими, вслѣдствіе начитанности и узнренности, что такое лицо дѣйствительно гдѣ-нибудь играетъ такую роль; какъ ему приписываютъ, и что подражаемъ ему можно создать себѣ внушительное положеніе. Но, можетъ быть, причудливый человѣкъ долженъ быть причисленъ къ тому скромному меньшинству, составляющему лучшее богатство всякаго общества и въ особенности находящагося въ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, меньшинству, которое, повидному, — и только повидному, — стоитъ въ сторонѣ отъ будничной практики, а между тѣмъ, суммируя въ себѣ все содержаніе общественной мысли, и обогащая ее всѣми средствами своего собственнаго ума, служитъ самымъ энергическимъ пропагаторомъ здравыхъ понятій — гдѣ можно публичными и печатными рѣчами, а гдѣ нельзя кабинетными и устными, какъ это и на самомъ дѣлѣ было въ нашихъ слишкомъ извѣстныхъ московскихъ кружкахъ? Къ сожалѣнію, всякое приравненіе причудливаго человѣка къ этимъ людямъ было бы величайшей профанціей. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, была ли въ нихъ способность отказаться отъ своего тяжёлаго дѣла и могла ли ихъ запугать предвидѣнная и неизбѣжная проволочка. Общество такихъ людей слишкомъ неблагоприятная среда для безполезнаго, большаго человѣка; тутъ ужъ можно повѣрить безъ присяги, что его туда не пускали и, въ особенности, что онъ зародился не тамъ. Странное дѣло! пустили на свѣтъ какого-то непомятаго родства; чуть не два поколѣнія кричали о немъ, что это типъ! Но позвольте же узнать, гдѣ можно его выслѣдить? — Да теперь ужъ его нѣтъ; онъ вывелся. — Такъ. А подъ какимъ

числомъ онъ записанъ умершимъ въ метрику? И развѣ типъ нарождаются и умираютъ какъ мухи? Здѣсь нѣтъ никакой нужды говорить о типахъ, призываемыхъ къ жизни, или, лучше, вызываемыхъ изъ жизни великими мастерами; но если какой-нибудь Митрофанъ живетъ-себѣ на здоровье сто лѣтъ и еще не собирается умирать, то отчего же этотъ представительный человекъ явился, поковеркался и исчезъ? Нѣтъ, это не представитель людей, не живой человѣческой образъ, не типъ, а сначала слабый списокъ, снятый съ великихъ образцовъ, потомъ выражение авторскаго самообожанія, приспособленное, по возможности, къ мѣстнымъ нравамъ, а теперь просто клевета на цѣлое поколѣнiе. И въ этотъ великій урокъ для писателей—урокъ чтобы они не считали себя представителями эпохи и избранными сосудами, хранящими всѣ лучшія думы своего времени и своей націи, если натуры ихъ не гениальныя и если интересы общественной мысли и жизни занимаютъ ихъ не въ самой высокой степени, не болѣе всего на свѣтѣ.

И вотъ одна изъ причинъ, почему — прежде чѣмъ пускаться въ какія бы то ни было соображенія по поводу книжныхъ явленій, выдаваемыхъ за жизненные и реальныя — мы придаемъ капитальное значеніе тому, чтобы наблюденія надъ явленіями отличились вѣрностью и чтобы явленія воспроизводились съ такою совершеннымъ правдоподобіемъ, которое не оставляло бы никакого сомнѣнія, что они могутъ служить прочными основаніями для какихъ бы то ни было теоретическихъ выводовъ и практическихъ указаній. Иначе, мы сколько угодно можемъ — наиримѣръ, хоть по поводу романа, поставленнаго въ заглавіи нашей статьи — разсуждать о *забитыхъ людяхъ*, можемъ проникаться къ нимъ какой угодно филантропіей, и все-таки мы будемъ говорить о вещахъ совершенно постороннихъ для жизни, потому-что въ то самое время, какъ мы будемъ говорить о людяхъ этого романа и будемъ на нихъ ссылаться какъ на живые аргументы нашихъ изслѣдованій, въ романѣ этомъ заключаются и всякія мало-мальски проникательнымъ человѣкомъ могутъ быть приведены противъ насъ десятки аргументовъ въ подтвержденіе того, что люди эти, прежде всего, психологически-невозможныя и потому никогда не бывалые люди. Въ такомъ случаѣ и самыя симпатіи наши останутся безпредметными: они будутъ доказывать доброту нашего сердца, наши благородныя стремленія, нашу просвѣщенный взглядъ на вещи, — словомъ, будутъ являть

доказывать, что мы находимъ въ себѣ пропастъ вещей, за которыя можемъ оставаться довольны собою, и зато себя прославляемъ; но въ дѣйствительности онѣ не будутъ относиться ни къ одному человѣческому страданію, въ качествѣ облегчающаго участія, не заставятъ ни одного здравомыслящаго человѣка серьезно подумать о практическихъ средствахъ къ уменьшенію этого рода страданія въ обществѣ, хотя бы этотъ человѣкъ имѣлъ къ тому и гуманную склонность, и матеріальныя средства, и достаточную политическую власть, насколько въ ней могла бы оказаться потребность въ данномъ случаѣ. Главное, взятыя не за что; имѣть никакой опоры. Слышно: кто-то о чемъ-то какъ-будто стоить. Но кто и о чемъ?—вотъ тутъ-то и запятая для добродѣтели!

Столько болячекъ, какъ только можетъ вмѣстить иная лечебница въ Петербургѣ, столько душевныхъ страданій, столько щекотливыхъ и тупоумныхъ отношеній, выработанныхъ жизнью и указаннымъ романомъ,—и все это должно остаться непризнаннымъ?

Должно. Щекотливыя отношенія, затронутыя романистомъ, были для него роковыми; они отчасти не поучаствовали и для насъ самихъ. Судя по одному только началу романа, и позволивъ себѣ догадываться, что романистъ поставитъ себя къ этимъ отношеніямъ болѣе здравымъ образомъ, мы двумя или тремя фразами, въ этомъ самомъ журналѣ, выразили такія ожиданія отъ этого романа, которыя теперь считаемъ несбывшимися. Мы полагаемъ, что для общественнаго смысла произойдетъ болѣе проку отъ этого романа, чѣмъ отъ знаменитой и рѣшительно никому не удавшейся полемики по поводу публичной декламации Керской дамою стихотворенія Пушкина: *Чертовъ силъ, времени хоромъ*; между фактомъ этой декламации и происшествіями этого романа мы видѣли нѣкоторое соотношеніе и хотѣли надѣяться, что въ то время, когда, по совершенно-ничтожному поводу, но по чрезвычайно-важному вопросу, говорились однѣ только вздорныя рѣчи, уже начинается раздаваться между прочимъ, и здравый голосъ. Мы ошиблись: здраваго голоса не вышло; намъ прочитанъ урокъ изъ нравственной философіи, подъ сильнымъ вліяніемъ г. Авдѣева. Романистъ, очевидно, слишкомъ большую цѣну придавалъ эфемерному усилію своего собрата, неумѣренно-высоко оцѣнилъ благосклонный пріемъ публики. Онъ въ нѣкоторой мѣрѣ, хотя и не столько какъ г. Ав-

дѣвъ, добился и того и другого; но теперь очевидно, что онъ добился этого на самый короткій срокъ, и что, въ сущности, ему не было никакого расчета, ни для такого успѣха, ни для такого приѣма, пренебрегать высшими интересами добра и правды.

Романъ видимымъ образомъ написанъ на предзаданную тему. Мы собственно противъ этого ничего не находимъ сказать; напротивъ, наша рѣшимость, основанная на нашемъ убѣжденіи, состоитъ именно въ томъ, чтобы требовать отъ авторовъ полнѣйшаго сознанія какъ о томъ, что они пишутъ, такъ и о томъ, для чего они это дѣлаютъ. Романъ написанъ à propos; мы и противъ этого не позволимъ себѣ ничего сказать: это такое обстоятельство, которое въ нашихъ глазахъ можетъ только придавать значеніе роману. Всѣ великія произведенія слѣдуетъ считать написанными à propos. Мы признаемъ за несомнѣнную истину, что сама «Иліада» появилась въ свое время какъ à propos, точно такъ же, какъ Донъ-Кихотъ и Фаустъ. Но въ основаніе романа положена чисто разсудочная тема — это уже ошибка и очень большая; потому для успѣшнаго упражненія надъ этой темой въ природѣ нашего романиста не оказалось достаточныхъ средствъ — это также радикальное неудобство. Совокупность этихъ двухъ недостатковъ имѣла своимъ послѣдствиемъ то, что авторъ, воплощая свои положенія въ человѣческія тѣла, снабдилъ эти послѣднія такимъ психическимъ механизмомъ, дѣйствіе котораго способно приводить въ отчаяніе cadaго психолога.

Въ намѣреніи нашего романиста было—сдѣлаться адвокатомъ самостоятельности (émancipation) женщинъ, хотя въ дѣйствительности онъ исполнилъ роль совершенно противоположную. Критика давно уже должна бы обратитъ свое вниманіе на эту благородную склонность нашихъ беллетристовъ, потому что женщина, эмансипированная въ извѣстную сторону, видимымъ образомъ является кандидатской на упрямое мѣсто причудливаго человѣка. Недостатокъ оригинальности, такъ по-долгу заставляющій нашихъ литераторовъ цѣпляться за одни и тѣ же предметы, уже не разъ былъ причиною странныхъ повтореній въ нашей литературѣ; чего добраго, пожалуй и теперь начнетъ выработываться *тима*! или пусть выработывается, но пусть же придетъ кому-нибудь въ голову оцѣнить все счастье и всѣ отличныя выгоды того писателя, который первый догадается обратиться благородное оружіе сатиры противъ наклонности своихъ

рицественныхъ собратьевъ къ выработыванію этого очаровательнаго типа *. Извѣстный Сервантесъ, ненявъ выгоду такого положенія, составилъ себѣ безсмертіе. Для этого, конечно, нужно особое счастье; но за то мы отъ нашего юмориста и потребовали бы гораздо меньше; мы были бы ему признательны даже за то, если бы онъ объяснилъ нашимъ эмансипаторамъ-романистамъ, какъ неостроумно они поступаютъ, когда, отстаивая дѣло самостоятельности, они постоянно оказываются неспособными выйти изъ-подъ вліянія мудрости извѣстнаго царедворца Пелонія. Принцъ датскій издѣвается надъ ихъ сердечною слабостью, надъ ихъ склонностью къ невѣжному куртизанству, какъ истинный нишондрикъ и какъ настоящій баловень своего высокаго положенія.

— Взгляните, Половій, на это облако: не правда ли, оно похоже на верблюда?—Принцъ, это настоящій верблюдъ.—А мнѣ такъ кажется, что оно скорѣе похоже на ласточку.—Ласточка, ваше высочество, ласточка, какъ двѣ капли воды—ласточка.—А не находите ли вы въ немъ сходства съ китомъ?—Ахъ, да это и есть китъ; теперь я вижу, что это точно китъ. — Я издаю въ свѣтъ диссертацию, Половій, въ которой доказываю, что любовь есть невольное чувство.—Истинно невольное, ваше высочество; справедливѣе этого невозможно разсуждать. — Изъ этого, однако, я въ крайнемъ результатѣ вывожу, что ваша жена и ваша дочь могутъ, сговорившись, обокрасть васъ, разойтись со своимъ любовникамъ, прожить ваше добро, нажить дѣтей и прислать ихъ къ вамъ для воспитанія и что вы будете негоднымъ обскурантомъ и сдѣлаетесь добычею самыхъ презрѣнныхъ мальтонистовъ, если осмѣлитесь осуждать поведеніе вашей жены и вашей дочери? — Ваше высочество изволите худо понимать меня: никогда я не буду стоять ниже моего вѣка, еслибъ со мною вышла даже и такая линія.

Мы сказали, что въ намѣреніи нашего автора было—сдѣлаться защитникомъ самостоятельности женщинъ. Не будемъ разсказывать содержанія его романа потому-что считаемъ его общезнакомымъ; а если бы оно и было кому-нибудь изъ нашихъ

* Выгоды сатирическаго отношенія къ этому типу до сихъ поръ оценены однимъ только даровитымъ сотрудникомъ нашимъ Никитою Безрыловымъ: потопаъ площадной брани, пролитый на него изъ извѣстной читателямъ клоаки, очень хорошо доказываетъ, что его шутками не шутать.

читателей неизвестно, то онъ все-таки можетъ понимать вещь. Для нашихъ цѣлей читателю, знакомому съ романомъ, достаточно напомнить, а незнакому объяснить, что, независимо отъ главнаго развитія романической басни, авторъ проводитъ передъ вами тѣнь женщины, молящей васъ о человѣческомъ снисхожденіи, и умершей подъ проклятіемъ своего отца; прощенья она вымаливаетъ у васъ въ томъ, что, вслѣдствіе невольнаго увлеченія, она не могла побѣдить въ себѣ непреодолимой наклонности—обокрасть своего отца, котораго изъ богатаго, вчетнаго и семейнаго человѣка обратила въ одиноваго и нищаго, для котораго одѣлала возможнымъ одно только общество собаки, *Азорки*, отъ котораго бѣжала съ любовникомъ, княземъ *Волконскимъ* (злодѣемъ романа) съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, быть отъ него ограбленной и брошенной вмѣстѣ съ прижитымъ отъ него ребенкомъ, *Нелли*. Этотъ интересный эпизодъ можетъ терпѣть различныя толкованія: авторъ могъ придумать его для достиженія чисто-романическихъ цѣлей, именно затѣмъ, чтобы придать болѣе мрачный колоритъ злодѣйскимъ свойствамъ князя Волконскаго, который дѣйствительно можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ любымъ извергомъ любой французской мелодрамы; онъ могъ быть придуманъ еще затѣмъ, чтобы показать намъ, уже съ социальными и филантропическими цѣлями, все безобразіе и всю неестественность жестокосердія, съ которымъ униженный, обворованный и оскорбленный отецъ остается до июльскаго надмханія къ своей не менѣе униженной, обворованной и оскорбленной дочери; всего менѣе можно предполагать, чтобы автору понадобился такой эпизодъ, какъ непосредственное доказательство способности женщинъ къ самостоятельности: въ этомъ случаѣ неумѣнье автора справиться съ своею главною мыслию и подчинить ей всѣ подробности должно искупаться тѣмъ, что было у него въ намѣреніи. Согласно съ общей тенденціей романа, какъ мы ее понимаемъ, изъ этихъ трехъ предположеній мы должны считать самымъ правдоподобнымъ второе: въ романѣ очень много мелкихъ подробностей, тяготящихся именно къ тому, чтобы заклеить жестокосердаго отца и снять клеймо съ злополучной жертвы невольнаго увлеченія. Въ противоположность этой молящей жертвѣ, героиня романа, *Наташа*, оставляетъ своего жениха, *Ваню*, правда, плохого, но все-таки добровольно ею избраннаго, любящаго и трудолюбиваго молодого человѣка, убѣгаетъ изъ дома

своего честныхъ отца и матери, *Тихменевой*, безконечно ее обожающихъ и готовыхъ отдать ей и самую душу свою, поступаетъ на содержаніе къ ничтожному, испорченному и полонному мальчишкѣ, *Алеши*, сыну все того же князя Волконскаго, обвиняющаго ее отца въ воровствѣ и ограбляющаго его, и во всемъ этомъ поступаетъ не то, что безъ мольбы и энтожденіи, а какъ-бы власть имѣющая, поглядываетъ на своего отца свысока, разумѣетъ его какъ человѣка устарѣвшихъ мнѣній, своего прежняго жениха обращаетъ въ свои лапы, и тотъ, не будучи пошлымъ дуракомъ, служить ей и не щадитъ въ своей роли ничего страшнаго, а въ своей фигурѣ ничего жалкаго; а когда прищца очередь быть ей брошенной — неизбежность чего ей была совершенно ясна заранее—то она вошла въ опозоренный и именно въ-за нея разоренный домъ своего отца, опять-таки не только не нуждаясь въ помянованіи, но и заставляя отца своего, въ жалкой, мелодраматической сценѣ, пролить слезы благодарности и расплакаться слѣдующими словами :

«Она здѣсь опять у моего сердца:—о, благодарю тебя Боже, за все, за все, и за гнѣвъ Твой и за милость Твою!.. И за солнце Твое, которое просіяло теперь, послѣ грозы, на насъ! За всю эту минуту благодарю! О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять выѣстъ, и пусть, пусть теперь торжествуютъ эти гордые и вапленные, унижившіе и оскорбившіе насъ! пусть они бросятъ въ насъ камень! Не бойся, Наташа... Мы пойдемъ рука въ руку, и я скажу имъ: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрѣшная дочь моя, которую вы оскорбили и унижили, но которую я люблю, и которую благословляю во вѣки вѣковъ!»

И такъ—страницы четыре.

Если бы романисты, даже и не лиричные дарованія, смотрѣли на свое призваніе болѣе-серьезнымъ образомъ, чѣмъ какъ установлено смотрѣть на это непобѣдимую склонностью людей къ рутинѣ, и если бы они считали долгомъ своей совѣсти упражнять свое воображеніе на точномъ воспроизведеніи дѣйствительности съ небравенно большимъ упорствомъ, чѣмъ иной судья, опредѣляющій число ударовъ безъ всякаго представленія сплнны, на которой будутъ отгравированы рубцы отъ этихъ ударовъ,—тогда они приобрѣли бы возможность удерживаться отъ слишкомъ многихъ вещей, которыя теперь, по всей справедливости, должны почитаться постыдными. Въ настоящемъ случаѣ честный отецъ Наташи *Тихменевой*, при свиданіи съ нею, послѣ отрѣшенія ея отъ известной намъ должности, не явился бы намъ такимъ шуткомъ, говорящимъ рѣчь, достойнымъ угорѣлой *Писки*.

Вотъ бы гдѣ слѣдовало романисту поучиться азбукъ человѣческаго сердца у настоящихъ отцовъ и матерей, а не создавать ее въ потугахъ бессознательнаго творчества.

Что за несчастіе такое для воѣхъ великихъ истинъ, что онѣ, попадая въ наши газеты, и особенно въ нашу бельетристику, какъ въ настоящемъ случаѣ, становятся не только неузнаваемыми, но отчасти даже отвратительными! Заговорили въ образованномъ мірѣ о такъ-называемомъ освобожденіи женщинъ, подразумѣвая при этомъ самыя серьезныя несообразности ея положенія въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, какъ, напримеръ, ту, что пьяница мужъ, какъ въ *Тяжолыхъ Временахъ* Диккенса, можетъ проматывать всѣ заработки своей жены, а она ничего не можетъ предпринять противъ этого, или ту, что женщина за работу, нисколько не легче, а иногда и труднѣе мужской, очень часто получаетъ меньшую плату, или, наконецъ, ту, что, при высокомъ развитіи свободы въ странѣ, женщина всю жизнь или формально состоитъ, или почти-что состоитъ подъ опекою мужчины.—вотъ по такимъ-то поводамъ въ Европѣ заговорили объ освобожденіи женщины; а у насъ, почувавъ этотъ звонъ, свели все женское право на одинъ либертинажъ (*libertinage*), на развитіе лупанарнаго законоположенія! Да еще въ своемъ жалкомъ обскурантизмѣ свысока третируютъ людей, которые подають свой вразумляющій голосъ, что гаремныя уставы, въ сравненіи съ этимъ, должны почитаться кодексами идеальной чистоты и непорочности. Идеализація женщины, безъ сомнѣнія, можетъ служить сильнымъ орудіемъ къ повышенію уровня человѣческихъ понятій; но слѣдуетъ же понимать, что она состоитъ въ совершенной противоположности тому освобожденію женщины, примѣръ котораго намъ представляетъ вотъ уже другая *безрѣшная* Наташа. Принципы, по которымъ такіа Наташи располагають своимъ поведеніемъ, вовсе не составляютъ новости, которая бы имѣла прелесть открытія; это такія зады, незнаніе которыхъ было бы способно приводить въ восхищеніе, если бы не приводило въ раздумье. Но въ томъ-то и дѣло, что забавная сторона этого невѣдѣнія не покрываетъ его печальной стороны, которая состоитъ въ томъ, что успѣхи здоровыхъ понятій должны пробиваться въ общество сквозь двойную преграду—рутины и дикаго пропагандизма. Громадное большинство общества состоитъ изъ людей неосвященныхъ, неумѣющихъ понимать всѣхъ тонкостей и оттѣнковъ различныхъ уче-

нѣ; вслѣдствіе этого непониманія, оно оказывается въ высшей степени способнымъ возводить къ одному источнику самыя несовѣстныя пропаганды: «А, вотъ—дескать каковъ вашъ общественный-то идеалъ: общность жонъ, спартанскій супъ!» Такъ думаетъ консервативная часть большинства; а юные и прогрессивные, но тѣмъ не менѣе тупоумные фельетонисты полагаютъ, что вся социальная мудрость именно и состоитъ въ открытіи этой штуки, постиженіе которой и должно придавать ядовитость ихъ многодумнымъ писаніямъ. А кто можетъ исчислить все безтолковое вліяніе даже и этихъ многодумныхъ писаній? Есть слабѣйшіе люди, которыхъ и эти писанія, даже и эти Наташи, могутъ сбить съ толку и заставить скорѣе попридержаться благонадежной рутинѣ, чѣмъ принять здравое понятіе, которое почитается находящимся въ связи съ такой безтолковщиной. Большинство общества не знаетъ, что тамъ, отколѣ забрела къ намъ великая истина, наши понятія объ освобожденіи женщины почитаются такимъ громаднымъ зломъ, что статистика истощала все краснорѣчіе цифръ, доказывая прогрессивное паденіе правовъ, происходящее въ извѣстной части общества отъ роковой для нея необходимости—вести жизнь по всей широтѣ правилъ этого освобожденія; и политическая мудрость все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ убѣждаться въ настоятельной надобности—принимать мѣры къ избавленію несчастныхъ созданій отъ ихъ невольнаго и противоестественнаго освобожденія отъ всего, что должно бы возвышать лѣонскую горожанку и труженицу надъ глупоумренными гражданками Содома и Гоморры. — Ужели освобожденіе женщины заходитъ въ такую древность? — Дальше, несравненно дальше. На земляхъ двухъ нечестивыхъ городовъ еще не было ни одного содомскаго порока и ни одного строительнаго камня, какъ вообще на землѣ было время, въ которое все человѣческое племя обонхъ половъ жило уже по правиламъ нашего фельетоннаго и романическаго освобожденія женщины. Въ то время люди жили малыми и вполне свободными группами и понимали свои интересы не менѣе свободнымъ образомъ; каждый изъ нихъ не видѣлъ ни одного ненарушаемаго права у каждаго изъ своихъ ближнихъ и позволялъ себѣ жевать и осла его, и вола его, и жену его; то было время неусыпной борьбы за свое существованіе, въ буквальный значеніи этой фразы, такъ что и самое названіе *права*, относительно того беззаконнаго времени, мы употребляемъ по одной

только необходимости. Весьма вѣроятно, что этому періоду времени предшествовалъ еще болѣе грубый періодъ, когда все разнообразіе человѣческихъ способностей ограничивалось однимъ только инстинктомъ самохраненія и когда люди не имѣли еще понятія ни о собственномъ ослѣ, ни о собственномъ козлѣ, ни о собственно й женѣ. Но съ теченіемъ времени и съ развитіемъ этого инстинкта посредствомъ упорной и постоянной борьбы за жизнь, по мѣрѣ того, какъ люди достигали все сложнѣйшаго и сложнѣйшаго психическаго механизма, они дошли, наконецъ, до того, что стали понимать—сперва, разумѣется, очень слабо, а потомъ все болѣе и болѣе (вполнѣ ясно они и теперь еще не понимаютъ)—какое неудобство для членовъ одной и той же группы воевать каждому съ каждымъ, грабить каждому каждого, или каждому посягать и на вола, и на осла и на жену ближняго. Плодомъ такого сознанія, безъ сомнѣній, явилось соглашеніе, тысячу и тысячу разъ нарушаемое, но, вслѣдствіе его чрезвычайной удобности для жизни, всегда возстановляемое: воевать только съ другими группами, а внутри своей группы не трогать ни осла, ни вола, ни жены, ни рабы своего ближняго; вотъ еще въ какую незапамятную историческую эпоху была утверждена уже вся несостоятельность освобожденія женщины, понимаемаго въ смыслѣ беззащитной проституціи! Далѣе было то, что съ теченіемъ времени понятія о тѣхъ основныхъ условіяхъ, безъ которыхъ невозможно существовать большому человѣческому обществу, достигли степени неопровержимости и сдѣлались какъ-бы врожденными человѣческому племени; очень можетъ быть, что они не какъ бы, а и *дѣйствительно* сдѣлались такими; значенію семейства въ обществѣ и значенію женщины въ семействѣ, при этомъ, постепенно придавало такъ много значенія, что за то эмансипированное дѣйствіе, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, наказывали смертію даже у народовъ очень гуманныхъ, какъ, на примѣръ, у еврейскаго. И для такой строгости за такое дѣйствіе нѣтъ объясненія болѣе естественнаго, какъ то, что это дѣйствіе истолковывалось—и истолковывалось совершенно справедливо—какъ преступленіе противъ чѣлости общества. Люди сильнѣйшаго пола поступали, конечно, не очень здраво и не очень справедливо, если они вою строгость взыскапія за это дѣйствіе простирали исключительно на людей слабѣйшаго пола, но только они поступали почти вездѣ и постоянно именно такимъ образомъ: это воззрѣніе, или, луч-

но, этот родъ поведенія сильныхъ въ отношеніи къ слабымъ сохраняется еще и въ нашихъ нравахъ и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ протеста. Здравый смыслъ имѣетъ неопровержимое основаніе — считать неудовлетворительнымъ такое состояніе общественной нравственности, при которомъ одно и то же преступленіе противъ цѣлостя семейства, а слѣдственно и общества, гораздо строже виѣняется одной половинойъ человѣческаго рода, чѣмъ другой, и разсудительный человѣкъ не возьметъ на себя труда отыскивать возраженія противъ того, что тутъ дѣйствительно ощущается надобность протестовать. Но въ этомъ именно и заключается источникъ возраженій противъ всѣхъ эпикурейскихъ эмансипаторовъ; тутъ-то они и должны найти свою улику въ томъ, что мы позволили себѣ называть въ нихъ лживымъ пропагандизмомъ, употребивъ эти слова по одной только нашей воздержности въ способѣ выражаться. Надобность въ протестѣ существуетъ безспорная; но всякій, кто привыкъ пользоваться своимъ даромъ мысли хоть сколько-нибудь отчетливымъ образомъ, долженъ понимать ясно, что протестъ долженъ быть направленъ не въ пользу *освобожденія* женщины отъ ея существенной и ея необходимѣйшей семейной и общественной добродѣтели, а въ пользу *мокоренія* мужчины, который ужь конечно нисколько не менѣе обязанъ заботиться о цѣлости и благоустройствѣ того общества, въ которомъ онъ живетъ. Если до-сихъ-поръ та сторона общественной нравственности, которую мы здѣсь разумѣемъ, достигла удовлетворительнаго развитія въ одной только половинѣ людей—въ женской, то что намъ слѣдуетъ выбирать: то ли, чтобы она и въ этой половинѣ была снова разрушена, или то, чтобы она и въ другой стремилась возвыситься до того же уровня? То be or not to be!—До-сихъ-поръ мы сдѣлали половину дѣла: быть ли намъ послѣдовательными и вести его до самого конца, или—на томъ основаніи, что еще цѣлая половина остается не сдѣланной—воротиться опять къ началу, къ тому состоянію равноправности самцовъ и самокъ человѣческаго племени, когда прародительница Дездемона лезла еще по деревьямъ и за свое эмансипированное поведеніе не опасалась ни остроумія его нисантиментальности Отелло, когда прародитель Петрарки, по своимъ дѣламъ сердечной надобности, не видѣлъ никакого отличія Лауры отъ Виргиніи, когда, наконецъ, все великолѣпіе парижскихъ модныхъ магазиновъ находилось еще при своей точкѣ отправленія и заключалось въ листьяхъ смоковницы. Эстепени-

тесь, Половій, и перестаньте говорить гнусности изъ угожденія датскому принцу! Онъ васъ страшаетъ фельетонистами, но вѣдь онъ самъ же называетъ ихъ презрѣнными. Вы принимаете величайшій абсурдъ, отказываясь имѣть должное мнѣніе о вашей женѣ и вашей дочери и соображать ваше поведеніе въ отношеніи къ нимъ съ вашимъ объ нихъ мнѣніемъ; но вы не знаете, что этотъ абсурдъ можетъ быть возведенъ еще въ превосходную степень, если изъ него будутъ выведены всѣ возможные заключенія... А впрочемъ, для чего вамъ и знать это? Серьезно разсуждать не только объ этомъ, но и о чемъ бы то ни было, вамъ никогда, конечно, не придется, по самому вашему званію царедворца; жены у васъ, какъ это извѣстно, нѣтъ; а въ дочери вашей вы совершенно справедливо убѣждены, что она скорѣе наложитъ на себя руки, чѣмъ перестанетъ считаться ангеломъ чистоты и непорочности.

З—ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дворянскіе выборы.—Новая борозда общественныхъ вопросовъ; судьба вѣкоторыхъ изъ нихъ за послѣдніе годы.—Вопросъ о дворянствѣ.—Азіатское предложеніе броситься въ костеръ.—Сближеніе съ другими сословіями.—Пять вопросовъ, предложенныхъ московскому дворянству.—Отвѣты семи соединенныхъ уѣздовъ; мракъ, въ которомъ выработаны они.—Вопросъ о выборномъ началѣ; призывъ къ участию въ немъ другихъ сословій.—Расширеніе круга дѣйствій.—Ищанство и Джонъ Стюартъ Милль.—Наша душевная апатія.—Мнѣніе «Русскаго Вѣстника» о прогрессѣ.—Предложеніе на губернскихъ выборахъ въ Москвѣ.—Возвышеніе налоговъ.

Въ Тулѣ, Калугѣ, Москвѣ, Петербургѣ происходили, или происходятъ теперь, сѣзды мѣстныхъ дворянъ для производства очередныхъ выборовъ и для совѣщаній и представленій правительству о различныхъ потребностяхъ настоящаго положенія. Какія же потребности дворянскаго сословія не совпадаютъ теперь съ потребностями всѣхъ сословій, всего земства, или не близки къ нимъ? Если не по результатамъ, то по своей обстановкѣ, по возможности серьезнаго значенія, теперешніе дворянскіе выборы выходятъ изъ ряда обыденныхъ. Это первые выборы за рубежомъ уничтоженія крѣпости, такъ давно тормозившей нану общественную жизнь, заставлявшей дворянъ закрывать глаза на развитіе общества, долженствовавшее сказаться прежде всего уничтоженіемъ крѣпостной зависимости. На настоящихъ выборахъ дворяне явились безъ тѣхъ тяжелыхъ крѣпостныхъ гирь, которыя затрудняли общественный путь. Кроме того, само правительство предложило на обсужденіе дворянъ нѣсколько очень серьезныхъ вопросовъ и выборы неизбѣжно получили характеръ совѣщательно-государственный. Вопросы, предложенные правительствомъ, касаются выбораго на-

чала въ управленіи, финансахъ и пр., а это уже вопросы новаго времени, не прежнихъ лѣтъ, напряженныхъ стремленіемъ преимущественно къ уничтоженію крѣпости. Выборная администрація, финансы, судъ и пр., это—борозда, которую мы должны были почать.

Крестьянскій вопросъ почать не нами; задолго до нашего поколѣнія онъ уже зрѣлъ въ умахъ. Въ 1812 г. въ Пензенской губерніи прошолъ слухъ о томъ, что Сперанскій трудился надъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, и за тогдашняго изгнанника крестьяне служили заздравные молебны, ставили свѣчи. Вопросъ о крестьянской зависимости не думалъ заглохнуть въ екатерининское время. Не нашему поколѣнію пришлось добить крѣпость въ сознаніи большинства, напротивъ, задолго прежде насъ многіе уже видѣли всѣ главныя черты будущаго рѣшенія вопроса. Институтъ надѣла землею всегда сознавался крестьянами; само законодательство имѣло его въ виду и ограничивало право собственности помѣщика на опредѣленный размѣръ крестьянскихъ земель. Наше поколѣніе получило крестьянскій вопросъ отъ прежнихъ временъ уже вполне зрѣлымъ, и на нашу долю пало привести его въ исполненіе. Это наследство не слѣдуетъ забывать, думая о дѣлахъ нашего поколѣнія.

Крестьянскій вопросъ идетъ; мы еще живемъ въ немъ. Велика будетъ честь полного и здороваго рѣшенія этого великаго земскаго дѣла, но не будетъ нашему поколѣнію большой чести, если оно ограничится имъ однимъ, проживетъ сознаниемъ прежнихъ лѣтъ. Уничтоженіе крѣпости вводитъ крестьянъ въ сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей, но оно не дастъ еще прямого исцѣленія нашему образованію, нашимъ судамъ, финансамъ и администраціи, нашей частной жизни—этой вершинѣ жизни общественной. Общественная жизнь творится нами для насъ же самихъ и чѣмъ полнѣйшую жизнь даетъ она всѣмъ нашимъ силамъ, всей нашей личности, тѣмъ она отрадиѣе. Наша обитываемая земля, это—полное гармоническое развитіе жизни всѣхъ членовъ общества, не исключая ни единого изъ живущихъ; только на торжествѣ глубокой правды можетъ основываться это развитіе. А сколько всякихъ чудовищныхъ исполинскихъ неправдъ останавливаютъ жизнь, преграждаютъ дорогу! Уничтоженіе крѣпости часто во многихъ отношеніяхъ почти не указываетъ пути. Крѣпость была, просто, тяжкимъ грузомъ, который слѣдовало сбросить съ плечъ; этотъ грузъ давилъ такъ сильно, что

ишалъ не только двигаться, но дышать, стоя на одномъ мѣстѣ. Теперь грузъ сброшенъ; ему копаютъ могилу, убираютъ безпорядокъ, оставшійся въ домѣ послѣ покойника. Мы ждемъ, ждемъ выкупа, ждемъ увѣриться, что отъ болѣзни умершаго не пострадало полное жизни. Крестьянскій вопросъ до того ясенъ въ глазахъ каждаго, что рѣшеніе его неотразимо никакими силами; но онъ не можетъ составить все содержаніе для жизни цѣлаго поколѣнія, захватить всѣ его силы, всѣ стремленія, облегчить всѣ недуги. Эти недуги, эти стремленія будутъ искать себѣ болѣе прямую дорогу и поднятіе вопросовъ болѣе или менѣе далекихъ отъ уничтоженія крѣпости точно такъ же неотразимо. Во многихъ случаяхъ должно ждать если не близкаго рѣшенія различныхъ вопросовъ, то все сильнѣйшаго проявленія ихъ въ жизни какъ путемъ развитія, такъ и путемъ разложенія.

За предѣломъ освобожденія крестьянъ наше поколѣніе почищаетъ новую борозду. Тутъ ближайшіе предки оставили намъ наслѣдство въ работахъ и завѣтахъ очень незначительнаго числа избранныхъ. Едва вынырнувъ, во всякомъ случаѣ, въ новое время, мы не могли не вспомнить оставленныхъ намъ завѣтовъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ у насъ поднимается одинъ общественный вопросъ за другимъ. Почти по всѣмъ отраслямъ общественной жизни у насъ заявлены болѣе или менѣе глубокія задачи, и часть ихъ, какъ мы уже говорили, обсуживается на теперешнихъ дворянскихъ выборахъ.

Нельзя не вѣрить въ плодотворность конечныхъ результатовъ молодого оживленія, охватившаго все русское общество, тѣмъ болѣе, что предшествовавшій сонъ былъ слишкомъ крѣпокъ, слишкомъ длиненъ. Съ другой стороны, вспоминая этотъ страшный сонъ, давившій большинство изъ насъ, вспоминая всѣ пути, которыми окружена русская жизнь, невольно всматриваешься въ ту дорогу, уже пройденую въ новомъ, иномъ періодѣ. Если не за самое направленіе, то за общій склонъ дороги, по которой идетъ общество, можно ручаться, что дѣло, очевидно, идетъ къ лучшему. Но ясно ли видна новая дорога? ведетъ ли она прямо къ цѣлямъ, хотя ближайшимъ? Много ли силъ оказалось по новому пути? сколько увлѣгло ихъ отъ прежняго времени, а новыя силы не страдаютъ ли отъ пути, котораго уже вгоняли насъ почти въ могильный сонъ? Чѣмъ выше цѣль, къ которой повернула общественная жизнь, тѣмъ болѣе одушевленіе должна

возбуждать она, тѣмъ больше силъ должно сказаться, тѣмъ въ полнѣйшемъ разнообразіи должны они проявиться. Напротивъ, приближаясь къ могилѣ, всѣ становятся одинаково безцвѣтны и безсильны, и мы знаемъ это превосходно. Съ другой стороны, общественныя вѣрованія, общественныя стремленія прямо опредѣляются количествомъ наличныхъ силъ общества, ихъ развитіемъ, ихъ разнообразіемъ. Чтó же видимъ мы, обращаясь къ тремъ-четыремъ годамъ послѣдняго времени? Чѣмъ и какъ прожили они наше поколѣніе? На сколько уяснили мы цѣли, къ которымъ должна идти общественная жизнь? на сколько распространили сознание ихъ въ обществѣ? Какъ мы шли къ этимъ цѣлямъ и сколько проявили силъ? Каковы были препятствія?

Только полная картина общественной жизни за послѣдніе годы могла бы отвѣтить на эти вопросы, но такая картина не входитъ въ нашу задачу и просто невозможна. Мы хотимъ только посмотрѣть, на сколько новое время сказалось въ теперешнихъ выборахъ первыхъ сѣздовъ дворянъ-некрѣпостниковъ.

Прежде сдѣлаемъ только одно небольшое замѣчаніе. Какова бы ни была картина нашей жизни за недавнее время, мы сказали, что вообще она склоняется къ лучшему; во всякомъ случаѣ за это недавнее время мы получили значительный урокъ. Подымая одинъ вопросъ за другимъ, увлекаясь ими, во многихъ случаяхъ разыграли роль Славы, какъ представляетъ ее одно старинное преданіе. Поэтому преданію Слава изображается женщиною—матерью, потерявшею своего любимаго сына и ищущею его по землѣ. Слава беретъ то одного, то другого изъ встрѣчныхъ поднимаетъ ихъ надъ толпою, — (она смотритъ всегда вверхъ, вглядывается въ избранника въ полномъ свѣтѣ, въ лучахъ яснаго неба и, увидѣвъ, что это не ея желанный сынъ, бросаетъ избранника въ толпу, во мракъ и забвеніе. Сравненіе со Славой, кажется, не можетъ быть никому обидно, и потому мы не дуемъ обидѣть кого-либо, говоря, что во множествѣ поднимаемыхъ вопросовъ мы не находили чего ищемъ, и бросали временныхъ избранниковъ. Брошенные вопросы выдыхались, обращались въ игру пустыхъ формальностей, и въ скоромъ времени для такихъ вопросовъ наступали мракъ и забвеніе. Въ пересужденіе формъ обратился у насъ вопросъ о банкахъ, въ общенности, земскихъ; университетскій вопросъ перешолъ литературу послѣднимъ шагомъ къ концу. Мы уже видѣли предложеніе раздѣлить слушателей университета чуть не на камергеръ

ровъ просвѣщенія, съ ключиками, и на некамергерровъ безъ ключиковъ. Не вдаваясь въ соображенія о томъ, почему подобная судьба постигала различныя предположенія и вопросы, займѣмъ, что духъ отлеталъ отъ нихъ именно въ то время, когда дѣло приходило уже къ существенной задачѣ, къ корню его. Тутъ мы словно не могли дышать полную грудью, не замѣчали искомымъ чертъ въ поднятомъ вопросѣ и роняли его. Было бы очень интересно написать исторію собственно паденія разныхъ выдохнувшихся вопросовъ, и изъ нея обозначалось бы очень ясно, что все падало приходя къ одному и тому же рубежу—самодѣтельности общества, или чего-нибудь близко относящагося къ ней. Само собою разумѣется, что въ процессѣ возникновенія и паденія различныхъ вопросовъ очень много выиграло общественное сознаніе, и что вся эта преимущественно умственная гимнастика была очень полезна для нашихъ силъ. Пока существенный результатъ обсужденія всевозможныхъ вопросовъ состоитъ въ громкомъ, ясномъ урокъ обращать вниманіе на сущность, а не на расчерчиваніе формъ, на склонъ теченія, а не на одни извилины береговъ.

Дворянскимъ выборамъ послѣднихъ мѣсяцовъ предшествовало въ литературѣ обсужденіе вопроса о дальнѣйшей роли и значеніи дворянства, какъ сословія. Рѣчь о такомъ интересномъ предметѣ поднялъ «День» одною изъ передовыхъ редакторскихъ статей, всегда витающихъ въ слишкомъ общихъ воззрѣніяхъ и безпрестанно смахивающихъ на какую-то проповѣдь съ высоты поманія. Мы должны были заговорить о характерѣ нѣкоторыхъ статей «Дня», чтобы объяснить, почему торжественныя фразы этого журнала о сословномъ значеніи дворянства были многими поняты весьма оригинально. Въ виду этихъ общихъ фразъ «Русскій Инвалидъ» въ самый новый годъ чуть-ли не закричалъ «мы тонемъ!»

Довольно-тускляя изрѣченія г. Аксакова о томъ, что дворянство, какъ сословіе, утратило подъ собою прежнюю общественную и испорченную почву; что корни, связывавшіе его съ почвой, порвались, а въ нынѣшнемъ году порвался и послѣдній—крѣпостное право, были поняты какъ призывъ дворянства къ добровольному закланію и отреченію отъ всякихъ добытыхъ имъ правъ, часто только человѣческихъ, а далеко не исключительно-сословныхъ. Мало того, распространились слухи, будто тверское дворянство, одно изъ самыхъ передовыхъ, уже совер-

шило надъ собою закланіе и просить о сляніи его со всею остальною массою народа—въ формѣ уничтоженія всѣхъ своихъ правъ! Мы слышали даже удивленіе передъ тѣмъ, что вотъ-де нашлись такіе передовые люди, которые готовы лечь подъ тѣлесное наказаніе во имя прогресса. Вѣроятно, эти слухи о тверскомъ дворянствѣ вышли изъ просьбы одного тверского помѣщика о приписаніи его во временно-обязанные крестьяне другого. Эта просьба, на самомъ дѣлѣ имѣла совершенно другой смыслъ. Толки, возбужденные статьей «Дня», слухи объ отреченіи дворянства отъ своихъ правъ, лучше всего показываютъ чрезвычайную возбужденность нашего теперешняго положенія. Настоятельны же должны быть нужды, въ виду которыхъ понимается мысль, заводится рѣчь объ отреченіи отъ человеческихъ правъ, о желаніи помочь хотя бы раздѣленіемъ участи, самозакланіемъ! Не думаемъ, однако, чтобы такое азиатское употребленіе силъ было изъ числа лучшихъ. Не-уже-ли народъ для того несъ разныя тягости въ пользу дворянъ, чтобы въ рѣшительную минуту послѣдніе воротились къ нему съ пустыми руками? Приниженіе собственной личности, способность стереться, хотя бы ради прекрасныхъ намѣреній, вотъ—что предлагали дворянамъ вынести изъ европейской цивилизаціи, которая была всего ближе къ нимъ какъ по законамъ, такъ и по состоянію. Народу нужно какъ-разъ совершенно противоположное, т. е. облегченіе въ развитіи свой личности, своихъ правъ и пр.; кромѣ того, смѣшно подумать, эта тяжкая жертва самоуничтоженія осталась бы только на бумагахъ, а въ дѣйствительности трудно было выработать что-либо подобное.

Судьбѣ угодно было, чтобы по вопросу о дворянствѣ у насъ прежде всего сказала Азія—и какая глубокая, древняя Азія! Помните эту старую исторію: восточный царь плылъ по морю; поднялась жестокая буря; корабль былъ въ опасности. Царедворцы, одинъ за другимъ, выходили изъ рядовъ, кланялись владыкѣ и бросались въ разъяренныя волны, чтобы умилостивити море. Не-уже-ли мы не съумѣемъ выдумать чего-либо поумнѣе и исторія цѣлыхъ вѣковъ прошла для насъ даромъ?

О такомъ ужасномъ происшествіи самозакланія, собственно говоря, смѣшно думать, но очень интересно, что въ-самомъ началѣ дворянскаго вопроса явились лица, смотряція какъ разъ въ противоположную сторону той, нежели бы слѣдовало. Впрочемъ, ни на однихъ дворянскихъ выборахъ не было заявлен-

никакого поползновенія къ азіатскимъ жертвамъ и самоуничтоженіямъ.

Уничтоженіе крѣпости во многомъ измѣнило положеніе дворянства, но, главное, оно задвинуло прежнюю пропасть между дворянами и земствомъ; оно слило ихъ интересы. Теперь нѣтъ такого неудобства въ нашей общественной жизни, которое осталось бы нечувствительно и глухо для дворянъ. Занятія и жизнь дворянъ во многомъ будутъ наткаться на тѣ же препятствія, около которыхъ быются интересы всѣхъ классовъ народа; но разница только въ томъ, что къ этимъ препятствіямъ дворяне придутъ съ большими силами и правами. Наше историческое прошедшее не завѣщало намъ никакихъ непереходимыхъ дѣлений на сословія, и всякая попытка произвести такіа дѣленія оставалась пустымъ упражненіемъ. Что вышло, напр. изъ обезславленныхъ г. Безобразовымъ «средняго рода людей»? Что вышло изъ попытки создать какое-то городское сословіе даже тамъ, гдѣ она дѣлалась въ настоящихъ городахъ? Болѣе нежели сомнительно, чтобъ замкнутыя сословія доставляли всяческіа благополучія; но слишкомъ ясно, что каковы бы ни были эти благополучія, мы неспособны къ нимъ, неспособны заручить самый источникъ ихъ. Не знаете ли, читатель, какъ живетса—можетса нашимъ маіоратамъ? а, вѣдь, ихъ созидали продолжительное время. Весь ходъ русской исторіи вызываетъ сближеніе дворянъ съ крестьянами и другими «сословіями» или «состояніями.» Намъ прожужжали уши безпрестанными толками объ этомъ сближеніи. Но теперь настаетъ время, когда оно должно исполниться на дѣлѣ. Чѣмъ больше услугъ окажетъ дворянство другимъ сословіямъ, тѣмъ крѣпче будетъ связь, тѣмъ на большія услуги можетъ оно рассчитывать. Сближеніе надобно доказать самымъ дѣломъ, а не словами, тѣмъ болѣе, что слова плохо долетаютъ, особенно въ другія сословія. Сближеніе между людьми выражается сліяніемъ интересовъ, взаимностью дѣйствій или пользованій, взаимными услугами и пр. Очередь осталась за дворянствомъ и, къ тому же, оно передовое сословіе, оно должно указать дорогу, сдѣлать первый шагъ. «Нырни внизъ головою» предлагаютъ дворянству наши азіаты, «авось выплывешь и другихъ вынесешь». Конечно, не въ этомъ должно состоять дѣло, но дворянству слѣдуетъ привести въ сознаніе настоящее положеніе дѣлъ, обратить вниманіе на склонъ общественной жизни и, руководясь имъ, прійти къ народу не съ пустыми руками, но съ возожноболѣ-

шимъ количествомъ благъ, а между тѣмъ не забывать о болѣе-полномъ развитіи своей собственной жизни, чтобы не остаться потомъ назадъ.

Предъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ въ Москвѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, по высочайшему повелѣнію, предложилъ предводителю московскаго дворянства представить на обсужденіе дворянъ слѣдующіе пять вопросовъ:

- а) пересмотръ дѣйствующаго устава о службѣ по выборамъ,
- б) объ устройствѣ губернскихъ земскихъ повинностей и объ управленіи ими;
- в) о поземельномъ кредитѣ;
- г) объ устройствѣ медицинской части въ губерніяхъ и
- е) о правилахъ содержанія по найму работниковъ не приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ, ближайшимъ къ помѣщичьему хозяйству, въ которомъ занять работниковъ.

Первые два вопроса имѣютъ громадную важность, прямо относясь къ основамъ выборнаго начала въ нашемъ управленіи. Несостоятельность широкаго разлива бюрократическихъ порядковъ давно каждому ясна, но, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ дворянство не стремилось къ уравниванію ихъ, хотя бы тою долею участія въ управленіи, которая уже предоставлена дворянскими выборами. Вопросъ о поземельномъ кредитѣ находится въ прямой связи съ нашимъ общимъ финансовымъ положеніемъ и не можетъ разрѣшиться помимо послѣдняго.

Губернскій предводитель переслалъ сообщенные вопросы на обсужденіе въ уѣздахъ, прося представить состоявшіяся рѣшенія къ концу декабря. Семь уѣздовъ составили общую комиссію, а остальные представили свои особенныя соображенія. Отвѣты послѣднихъ уѣздовъ мало разнятся отъ отвѣтовъ семи соединенныхъ, и только одинъ Звенигородскій уѣздъ на всѣ пять вопросовъ отвѣчалъ однимъ предложеніемъ.

Отвѣты соединенныхъ уѣздовъ состоялись въ такомъ видѣ:

а) Выборное начало есть лучшее для замѣщенія должностей. Какъ судебныя, такъ и административныя мѣста должны зависѣть отъ выборовъ. Избранныя лица не могутъ быть смѣняемы безъ преданія ихъ суду. Цензъ для участія въ выборахъ должно понизить и измѣнить: вмѣсто прежде требовавшихся 100 душъ назначить 500 десятинъ, а съ кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 150 дес.

б) Законы о земскихъ повинностяхъ недурны, но они исподъ-

иются плохо, или не исполняются вовсе. Надо лишить права административныя лица распоряжаться ими, а учредить комиссію изъ выборныхъ отъ дворянства, которая бы не только контролировала расходы повинностей, но даже входила въ соображеніе о дѣйствительной нуждѣ въ этихъ расходахъ.

с) Учрежденіе земскихъ банковъ необходимо и всего лучше; учрежденіе частныхъ банковъ но, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, трудно того достигнуть. Весьма желательно возстановленіе опекунскихъ совѣтовъ съ приказами общественнаго презрѣнія, съ прежними правилами займовъ, но съ другими правилами вкладовъ.

Прочитавъ эти сокровища, не мѣшаетъ перевести духъ. Конечно, итѣніе семи уѣздовъ Московской губерніи, высказанное на канцелярскій ладъ, не можетъ имѣть большихъ послѣдствій, но все же интересно бы знать, какими соображеніями, какими преніями выработаны такіе алмазы. Да мало ли чего не интересно знать, но внутренній обозрѣватель прежде всего долженъ помириться съ тѣмъ, что ходъ внутреннихъ вопросовъ всегда представляется у насъ освобожденнымъ отъ всякихъ человѣческихъ образовъ, животрепещущихъ подробностей и т. п. Въ большей долѣ случаевъ мы узнаемъ только канцелярскіе экстракты изъ дѣла, да и то хорошо когда узнаемъ. На дорогой родинѣ нашей можно прочесть въ газетахъ: гдѣ поколотили нѣмку, гдѣ выбрали и тоже поколотили извозчика, что гдѣ украдено, и т. п., но насчетъ серьезныхъ дѣлъ, напр. картины участія дворянства въ губернскихъ учрежденіяхъ, или хода дворянскихъ выборовъ, или бѣдствій по переселенію крестьянъ и пр. господствуетъ тьма непроницаемая. Видно, слишкомъ уже созрѣлъ крестьянскій вопросъ, когда относительно хода его, мы читаемъ довольно-толковыя предположенія, съ образами и именами участвующихъ лицъ, съ живыми подробностями. Впрочемъ, такое удивительное для насъ явленіе происходитъ только по крестьянскому вопросу, а относительно другихъ сторонъ жизни тѣ же корреспонденты придерживаются строгаго молчанія. Мишле назвалъ насъ «нѣмыми» и мы во многихъ случаяхъ до-сихъ-поръ оправдываемъ слова знаменитаго историка. Наши передовые люди еще недостаточно стараются для того, чтобы выйти изъ этого позора нѣмоты. Почему не печатать пренія, происходившія на дворянскихъ выборахъ, не представлять хотя бѣглую картину ихъ? Относительно очень многого не встрѣтилось бы особыхъ пре-

пятствій, или мы все еще не вышли изъ блаженной памяти обличительнаго періода, все еще смотримъ на гласность какъ на плеть для наказанія преступника, или какъ на дубину для защиты?

Не знаемъ какими именно путями пришли члены комисіи семи соединенныхъ уѣздовъ Московской губерніи къ вышеприведеннымъ нами отвѣтамъ. Позволяемъ себѣ спросить этихъ почтенныхъ незнакомцевъ о томъ: думали ли они когда-нибудь о тѣхъ вопросахъ, по которымъ изволили совѣщаться, напр., хоть о поземельномъ кредитѣ. Открыть прежніе казенные банки съ тѣми же условіями займовъ, но другими условіями вкладовъ — да развѣ это возможно или удобомыслимо? Разумѣется, прежнія условія займовъ были возможны только при прежнихъ условіяхъ вкладовъ и вообще при прежнемъ нашемъ финансовомъ положеніи. «Частный кредитъ нуженъ», говорите вы гг. члены комисіи, и въ то же время предлагаете воротиться прямо назадъ къ казеннымъ банкамъ. Трудно предположить, чтобы люди провозглашающіе такіа соображенія, знали на сколько настоятельно нуженъ намъ частный кредитъ и, вообще, что это такое — частный кредитъ. Неужели на русской землѣ никто не догадается, наконецъ, о томъ, какія условія необходимы для возникновенія частнаго кредита, и не подумаетъ серьезно о томъ, какъ необходимо онъ для равновѣсія общественной жизни и здороваго развитія ея.

Мы совершенно согласны съ великою истиною, изреченною семью соединенными уѣздами: «Выборное начало есть наилучшее». Къ крайнему сожалѣнію, это наилучшее начало, какъ видно изъ второго отвѣта тѣхъ же уѣздовъ, дѣйствуетъ у насъ очень плохо, даже въ самыхъ рѣзко-чувствительныхъ дѣлахъ, напр., въ распредѣленіи и контролѣ губернскихъ повинностей. Такое диво происходитъ именно потому, что, выражаясь слогомъ г. Аксакова: «фундаментъ-то очень плохъ» или еще иначе: выборное начало встрѣчаетъ препятствіе въ развитіи своихъ существенныхъ основъ. Въ укрѣпленіи корней начала состоитъ тутъ все дѣло; а для этого, конечно, необходимо, между прочимъ и расширеніе круга его дѣйствій.

Литература уже подхватила вопросъ о выборномъ началѣ и повела о немъ серьезныя рѣчи. Иные предлагаютъ, чтобы должности, замѣщаемыя теперь по выбору дворянъ, были замѣщаемы выборными всего земства, что дастъ болѣе-прочное по

ложеніе всему выборному началу. При этомъ лица, назначаемыя на должности, могутъ быть также выбираемы изъ всѣхъ сословій. Для участія въ выборахъ предлагаютъ различнаго рода цензы. Если бы подобныя предложенія осуществились, то дворянство подѣлилось бы съ другими сословіями своимъ участіемъ въ администраціи, судѣ и финансахъ, и старый плодотворный институтъ русскаго земства былъ бы восстановленъ въ нѣкоторой степени. Распространеніе выборнаго начала на все земство считается многими необходимымъ, даже для одного сохраненія этого начала, въ его теперешнемъ объемѣ. Высказываются надежды, что при выборныхъ отъ всего земства будутъ сознательнѣе и тверже заботиться о порученныхъ имъ интересахъ, что участіе такихъ выборныхъ въ администраціи, судѣ и финансахъ мѣстности будетъ болѣе плодотворно.

Чѣмъ выше та цѣль, къ которой стремится человѣкъ или общество, чѣмъ больше раскрывается сила, тѣмъ быстрѣе и полнѣе идетъ ихъ развитіе. Потому, какъ люди глотаютъ свой насущный хлѣбъ, еще нельзя судить объ ихъ силахъ. Въ виду непріятельскаго нашествія, когда затрогивались интересы, общіе всей землѣ и наше дворянство не отставало отъ другихъ сословій. Занятыя сохраненіемъ крѣпости, дворяне, конечно, закрывали глаза на необходимость улучшеній во многихъ общественныхъ дѣлахъ; но теперь эта причина перестала существовать. Избраніе выборныхъ всѣмъ земствомъ, сліяніе сословій относительно ихъ участія въ администраціи, судѣ и финансахъ—все это до того безспорно, что трудно прибавить что-нибудь существенное къ рѣчи, успѣвшей высказать это въ первый разъ. Говоримъ «безспорно» въ томъ смыслѣ, что это «безспорно» лучше существующаго. Однако съ осуществленіемъ подобныхъ надеждъ выборное начало будетъ все-таки страдать отсутствіемъ прочнѣйшаго основанія и все-таки будетъ находить, положимъ, на прекрасную форму, но въ которую не вошелъ еще духъ. Чѣмъ серьезнѣе будетъ кругъ дѣйствій выборнаго начала, тѣмъ больше окажется въ немъ сила, тѣмъ здоровѣе разовьется оно и тѣмъ меньше встрѣтится уклоненій на его пути. Тогда больные ожижутъ, здоровые окрѣпнутъ и намъ не придется жаловаться на то, что начало дѣйствуетъ неудовлетворительно. Мы будемъ радоваться, видя сближеніе сословій относительно ихъ участія въ администраціи, въ судѣ и пр. Мы полагаемъ, что отъ такого сближенія само это участіе станетъ приносить болѣе дѣйст-

вительной пользы; но еще болѣе порадуемся, когда кругъ его сдѣлается болѣе обдуманъ и будетъ открывать больше простора для развитія общественныхъ силъ.

Здѣсь легко было бы коснуться рѣшеній, даваемыхъ чуть-ли не всѣми общественными науками; но мы хотѣли вести рѣчь о другомъ. Положимъ, что по какому-нибудь волшебству кругъ нашего сознанія внезапно бы просвѣтился и мы увидѣли бы самую сущность дѣла, которая, впрочемъ, далеко не скрыта отъ всѣхъ и постоянно чувствуется значительнымъ числомъ. Положимъ, что наши статьи вдругъ бы стали удовлетворять глубокому изученію явленій общественной жизни, всевозможнымъ общественнымъ наукамъ. Если бы такое благополучіе дѣйствительно случилось, то все-таки намъ не доставало бы кой-чего, что отчасти не хватаетъ и теперь.

Уже давно замѣчаютъ въ Европѣ, что тамъ, несмотря на все святое наследіе сознанія почти всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, во многихъ слояхъ общества мельчаютъ требованія отъ жизни, пошлѣютъ интересы, съуживается взлядъ, блекнетъ личность, наступаетъ какая-то душевная апатія, какой-то сѣренькій денекъ безъ движенія и свѣта. Величайшее наследіе сознанія всѣхъ вѣковъ оказывается цѣликомъ на-лицо; даже кругъ его развитія не уменьшается; отклоненія отъ него караются жестоко, а между тѣмъ человекъ убываетъ и жизнь каменѣетъ. Джонъ Стюартъ Милль посвятилъ этому странному явленію всю третью главу своей книги «on Liberty». Онъ справедливо говоритъ, что подобная дорога ведетъ по направленію въ Китай и требуетъ поворота; Милль зоветъ его, не во имя какого-либо глубокаго вѣрованія, способнаго одушевить цѣлое столѣтіе, а просто, во имя дыханія полною грудью, во имя индивидуальности и самостоятельности каждаго лица. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ поворотѣ, призываемомъ Миллемъ, а также говорить о его укорахъ настоящему поколѣнію грандіозными тѣнями предковъ. Подобныя разсужденія завлекли бы слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ, Милль совершенно правъ относительно существованія обсуждаемаго имъ факта, и правъ даже гораздо болѣе, нежели онъ думаетъ. Эта душевная апатія, выдыханіе личности всего болѣе распространено между тамошними буржуа, въ средѣ тамошняго мѣщанства, а оно заливаешь какъ высшіе, такъ и низшіе слои общества. Приѣхавшіе въ последнее время изъ за-границы говорятъ, что даже типъ преж-

нихъ парижскихъ *gamins* вымираетъ и начинаетъ смахивать на лавочника. Къ глубокому горю многихъ нашихъ путешественниковъ, пустой типъ парижской гризетки уже преобразованъ ищанствомъ. Въ прошломъ году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Боткинъ поразказалъ намъ, въ какую мертвую форму обращается лондонскій лѣтній сезонъ и какъ тамошняя аристократія зѣваетъ за классическою музыкой, но все-таки считаетъ необходимымъ бросать на нее большія деньги; а это много для нашего времени. Въ «Современной Лѣтописи» было рассказано, какъ Наполеонъ III зѣвалъ, когда, при въѣздѣ въ Миланъ, женщины цѣловали его ноги, обнимали ихъ. Замѣчательно, что находятся такіе французы, которые очень восхищены этимъ; подозрѣваютъ здѣсь даже глубокій смыслъ. Тутъ какая-то болѣзнь новаго времени, достойная всякихъ чудесъ прошедшихъ дней.

Недуги, которые развиваются на Западѣ, доходятъ къ намъ очень быстро; идутъ по легкой почтѣ, а что касается до душевной апатіи, до сна, то чего другого а ужъ этого для многихъ русскихъ, не запасать-стать. У насъ присоединяются еще азіатскіе оттѣнки—пригибаніе личности къ землѣ, покорность передъ первымъ громкимъ голосомъ. Мы затрудняемся сказать чѣмъ наше купечество заявило себя въ послѣднее время общаго оживленія, — развѣ, что стремленіемъ къ охранительнымъ пошлянамъ, къ полному покою даже относительно конкуренціи. Нигдѣ рутинна не владычествуетъ такъ, какъ въ средѣ купеческой, — тамъ на ней одной основано все веденіе дѣлъ до мельчайшихъ подробностей. Зайдите, напр., въ рыбную лавку на Нижегородской ярмаркѣ, спросите лучшей сортъ; всегда торгъ начнется съ показыванія послѣдней дряни, обдающей вонью; вы будете нѣсколько разъ уходить изъ лавки, нѣсколько разъ возвращаться, зная, что вездѣ то же самое и только послѣ многихъ приступовъ, всякихъ путешествій по подваламъ, сходамъ и переходамъ дойдете до того, что вы требовали. Подъ конецъ самъ прихвощикъ пожалѣетъ о столь зловредномъ обычаѣ, поклонится на вашу брань, и съ первымъ же слѣдующимъ покупателемъ начнетъ то же самое. Что творится въ разныхъ управленіяхъ, находящихся подъ прямымъ вліяніемъ купцовъ, объ этомъ даже ничего не говорилось, но извѣстно, что лица, служащія на жалованьи, выплачиваемомъ изъ кармана купцовъ, берутъ съ нихъ взятки. Въ литературѣ не было почти ни одного слова о ку-

печескихъ выборахъ, а это вѣрный признакъ. По причинамъ вполне понятнымъ, надобно быть очень осторожнымъ въ упрекахъ относительно душевной апатии многихъ изъ насъ, но тѣмъ не менѣе всѣ признаки ея, т. е. страшная мелкота интересовъ, безсиліе передъ первымъ препятствіемъ, вѣчное склоненіе головъ и всякая другая труха встрѣчаются у насъ безпрестанно, на каждомъ шагу.

Мы видѣли судьбу вопроса о земскихъ банкахъ въ комисіи семи уѣздовъ. Какъ легко отказываются они отъ всякаго усилія провести преобразование которое ими же признается за необходимое! Какая мелкость и узкость взгляда въ отвѣтъ! Предложенный вопросъ касается до всей русской земли и вмѣсто того, чтобы взять его во всемъ объемѣ, безъ чего онъ собственно не можетъ рѣшиться, люди толкуютъ о томъ, какъ бы добыть нужную имъ вещь какими угодно способами. Смотрѣть на одни результаты всякаго процесса, не обращая вниманія на самый процессъ, можно только при удивительной узкости взгляда и полномъ душевномъ безсиліи. Неужели позволительно теперь смотрѣть на фабрики единственно съ точки зрѣнія дешевизны и добротности, напр., выдѣлываемыхъ матерій и затѣмъ не обращать никакого вниманія на послѣдствія фабричнаго труда въ общественной жизни, на положеніе работниковъ?

Въ надлежащемъ управленіи тѣхъ должностей, которыя замѣщаются выборными отъ дворянства, встрѣчаются разныя препятствія, да и гдѣ же нѣтъ ихъ. Соединенные уѣзды жалуются на неэффективность контроля надъ земскими повинностями, но спрашивается, что же дѣлаютъ выборные отъ дворянства? Останавливаются ли они передъ первымъ препятствіемъ или борются съ ними? Чѣмъ же выражается жизнь дворянъ, выбранныхъ въ разныя губернскія учрежденія, въ комитеты по земскимъ повинностямъ и пр.? Стоитъ ли говорить о важности появленія въ разныхъ должностяхъ живыхъ людей, стремящихся къ болѣе полному развитію своихъ силъ, на мѣствъ этихъ блѣдныхъ, апатическихъ тѣней. Кстати, выборные отъ кулечества даже буквально засыпаютъ въ присутствіяхъ. Чѣмъ полнѣе и яснѣе будетъ сознание общества, тѣмъ лучше; но параллельно съ нимъ должно идти развитіе наличныхъ силъ, хотя бы такое развитіе и не приводило къ конечнымъ указаніямъ сознанія. Пока мы будемъ жагѣть себя на всякое дѣло, постоянно искать великихъ задачъ, торжества существенныхъ идей и вѣчно ограни-

чтятся искаженъ, до-тѣхъ-поръ мы не добьемся почти никакихъ результатовъ. Не надо упускать изъ виду общаго склона общественной жизни, а имѣя его въ виду не для чего бояться за проявленіе въ окружающей средѣ хотя бы бѣдныхъ силъ. Очень можетъ быть, что дѣла, которыми выразится наша жизнь, не вмѣстятъ въ себѣ высокихъ идей; но все таки будетъ жизнь, заявленіе силы, нравственнаго достоинства, а не тяжолая апатія, не глубокій сонъ. Многіе очень ошиблись, мѣряя нѣкоторыя происшествія прогрессомъ собственно въ идеяхъ, въ понятіяхъ общества, и нельзя не замѣтить, что многіхъ шокируетъ заявленіе лицами своей самостоятельности. Это заявленіе начинаютъ мѣрять не количествомъ высказавшихся силъ, а соответствіемъ заявленія съ разными идеалами. Не для чего бояться проявить свое нравственное достоинство, свои чистыя стремленія въ какомъ бы то ни было мелкомъ дѣлѣ,—заявленные силы подымутъ дѣло и такія заявленія скажутся далеко, никогда не пропадутъ. Пока люди не начнутъ дышать полною грудью вездѣ, гдѣ это возможно, до-тѣхъ-поръ не двинется общественная среда. Самое поразительное сознаніе, сопровождаемое душевною апатіею, дастъ очень не много и какъ бы невольно.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» былъ высказанъ взглядъ на прогрессъ, съ которымъ трудно согласиться, по-крайней-мѣрѣ, по причинѣ неполноты его. За недостаткомъ мѣста и по другимъ обстоятельствамъ мы выскажемъ только нѣкоторые оттѣнки нашего противорѣчія. Разсуждая о современномъ бѣдственномъ положеніи литературы, «Русскій Вѣстникъ» говоритъ:

«Въ человѣческомъ обществѣ всякій прогрессъ есть въ сущности прогрессъ въ понятіяхъ, въ идеяхъ. Всякое событіе, какого бы оно ни было свойства, конечно, производитъ какую-либо перемѣну въ окружающей средѣ; но не всякая перемѣна есть прогрессъ, и вся сила его заключается лишь въ сознаніи. То лишь прогрессъ для человѣческаго общества, что совершится въ его сознаніи.»

Никто не станетъ спорить противъ того, что чѣмъ сознательнѣе какая либо перемѣна, тѣмъ она прочнѣе; но легко замѣтить, что многія событія, двигавшія общество, вовсе не обладали ясностію сознанія и часто стремились къ совершенно другимъ цѣлямъ. Отрицать прогрессивное значеніе такихъ событій невозможно. Весь хоръ душевныхъ силъ человѣка выносилъ такія событія изъ заблужденій сознанія на истинную дорогу,

или облегчалъ послѣдствія этихъ заблужденій. Не одно изученіе окружающей дѣйствительности даетъ маховое колесо, останавливающее мечтательныя попытки, усиливающее реальныя стремленія. Гармоническое развитіе душевныхъ силъ человѣка еще болѣе способствуетъ полному ходу общественной жизни, а это гармоническое развитіе далеко неоднозначно съ сознаниемъ. Человѣкъ, струсившій на свиданіи съ любимой женщиной, очень можетъ владѣть глубокимъ сознаниемъ своего поступка какъ въ своихъ понятіяхъ, такъ и въ своей совѣсти; а между тѣмъ не такіе же люди всего болѣе нужны для общественной жизни. Для нея, кромѣ сознанія, необходимо еще всестороннее развитіе личности и мы должны одинаково дорожить какъ успѣхами сознанія, такъ и всякимъ проявленіемъ самостоятельныхъ силъ личности.

Упустивъ изъ виду цѣлую сторону дѣла, «Русскій Вѣстникъ» долженъ былъ преувеличить могущество того, чему приписалъ онъ весь прогрессъ. «Никакая сила не можетъ превозмочь силу понятія въ обществѣ (читаемъ мы); ничто не можетъ остановить того, что развилось съ полною ясностью въ умѣ или что дало почувствовать себя съ полною энергіею въ совѣсти». Какое прекрасное и какое сильное заблужденіе! Велика сила сознанія! передъ ней пали стѣны Іерихона; разступалось и покорилося море, несчетное число крѣпостей отворило ворота; при отсутствіи сознанія жизнь человѣка переходитъ въ слѣпые инстинкты и, конечно, всякая справедливая идея окончательно восторжествуетъ, но она можетъ, на-время, заглухнуть подъ давленіемъ разныхъ насилій и торжество ея можетъ быть отдалено. Исторія представляетъ бездну такихъ примѣровъ; мы видимъ ихъ и въ нашей прошлой жизни. Если человѣческія личности начнутъ стираться—размъръ требованій для простора душевныхъ силъ станетъ ниже; если люди впадутъ въ апатію, то въ такомъ обществѣ самое могущее сознаніе не только не восторжествуетъ, но, просто, потеряется или, произнеся нѣсколько жестокихъ, укоряющихъ рѣчей, отшатнется. Не одною степенью сознанія должно мѣрять разныя событія, но и количествомъ проявившихся тутъ чисто-личныхъ, индивидуальныхъ силъ.

«Друзья прогресса (совѣтуетъ «Русскій Вѣстникъ») должны прежде всего работать надъ собою,—нельзя сообщать другимъ понятій, которыхъ мы сами не имѣемъ. Заботиться объ общественномъ прогрессѣ возможно не иначе, какъ добросовѣстнымъ

и усиленнымъ трудомъ надъ собою, надъ своими понятіями, надъ своими познаніями». Прекрасные совѣты, но они далеко неполны! Что значить этотъ «трудъ надъ собою»? Сюда надо присоединить совѣтъ: стараться дать развитіе всѣмъ силамъ своей личности, не жалѣть ихъ на проявленіе въ окружающей средѣ и помнить, что пригибаніе своей личности, подъ что бы то ни было, составляетъ прямую утрату для общества, для дѣла прогресса. Не даромъ даже малосознательный, неумѣлый протестъ противъ всякихъ неправдъ, безчисленныхъ насилій, всегда находилъ сочувствіе въ обществахъ. Пусть всѣ силы личностей стремятся къ гармоническому развитію, борются съ неправдою какъ умѣютъ, но только пусть борются, а не замираютъ, не стираются. На этой почвѣ легче привьется и умственное развитіе.

Обращаясь къ дворянскимъ выборамъ, мы не находимъ ни яснаго сознанія общественныхъ потребностей, ни стремленія къ развитію силъ своихъ или, по крайности, къ какому-либо явленію ихъ. Напротивъ, мы встрѣчаемся съ какой-то душевной апатіей, съ вялой игрой въ бездушныя формы. Дворянскіе выборы сопровождаются поразительной нѣмотой относительно всего общества; а это, какъ мы уже сказали, довольно-вѣрный признакъ апатіи. Можетъ быть, мы ошибаемся; можетъ быть, тутъ виноваты какія-либо особыя обстоятельства; но въ такомъ случаѣ мы уже невиновны.

Не угодно ли, напр., догадаться, какой смыслъ таится подъ газетнымъ извѣстіемъ о томъ: г. Безобразовъ предложилъ московскимъ дворянамъ какія-то неизвѣстныя измѣненія въ «Положеніи 19 февраля» сравнительно съ дворянской грамотой? Что это такое? Какой это г. Безобразовъ? и не тотъ ли, что писалъ брошюру о вотчинномъ правѣ? На сторонѣ г. Безобразова оказалось 197, противъ 165 — и предложеніе было отвергнуто, какъ не получившее узаконенныхъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. Надо сказать, что тутъ либо былъ поднятъ серьезный вопросъ, либо произошло любопытное явленіе. Какое понятіе можно составить о предложеніяхъ г. Селяванова, когда намъ извѣстны только предметы этихъ предложеній: увеличеніе силы уликъ и показательствъ, введеніе вѣчныхъ паспортовъ, просьба о новомъ утвержденіи на помѣщичью землю? Подъ такими заголовками могутъ заключаться самыя противоположныя вещи. Какъ пріятно, напр., было узнать, что баллотировка по губерніи утвердила большинствомъ 306 противъ 56 вполне-невѣдомое предложеніе

Подольскаго уѣзда объ измѣненіяхъ въ администраціи, судебн «части» и пр.! Въ уѣздахъ (прибавляютъ газеты) подписываетъ предложеніи о взаимномъ застрахованіи домовъ.

Изъ перечня предложеній, рассмотрѣнныхъ московскимъ дворянствомъ, уже видно, что вдались въ мелочи, обращали вниманіе не на существенный склонъ общественной жизни, а на подробности, всегда легко достижимыя. Разумѣется, лучше хоть и много, чѣмъ ровно ничего; но не большія силы раскрываемъ на бороздѣ общественныхъ вопросовъ. Дворянство, сколько и знаетъ, до-сихъ-поръ не занялось серьезнымъ контролемъ надъ дѣйствіями своихъ выборныхъ и надъ употребленіемъ земскіи повинностей и разныхъ сборовъ.

Сѣренькій, бездушный денежъ продолжаетъ тянуться все въ старому.

Причины русской апатіи много разнятся отъ источниковъ т перешняго мѣщанства на Западѣ. У насъ много остается впереди для всѣхъ легкой работы. Всѣ русскіе люди имѣютъ пріодъ юности, утраченной западнымъ мѣщанствомъ. Молодое оживленіе охватываетъ теперь уже многихъ и отъ этихъ личности должны просить большаго сознанія, чѣмъ развитія индивидуальныхъ силъ. Тѣмъ рѣзче выдается на свѣжемъ фонѣ оживленіе, глубокая апатія и сонъ другихъ, а результаты, привносимые душевной апатіей, всегда почти одинаково-ничтожны.

— Въ прошломъ январѣ объявлено о возвышеніи податей и налоговъ, сдѣланномъ въ томъ видѣ, какъ это уже нѣсколько разъ бывало въ исторіи послѣдняго времени. Возвышены: сборъ съ податныхъ званій, цѣна съ гербовой бумаги, таможенныя пошлины, за нѣкоторыми исключеніями; плата съ посылокъ, стрѣловыхъ писемъ и съ расписокъ подавателей корреспонденціи. Установленное возвышеніе налоговъ уже введено въ табелъ на 1862 годъ.

Въ 1810 г. правительство, кромѣ усиленія налоговъ, обратилось еще къ сбору съ дворянскихъ имѣній. Въ русской исторіи уже нѣсколько разъ была высказана мысль о необходимости для дворянъ принять участіе въ прямыхъ налогахъ. Это будетъ неизбежно при установленіи поземельнаго налога.

II.

Табель расходовъ и доходовъ государственнаго казначейства.—Что такое бюджетъ?—Степень полноты табели.—Министерскія сметы.—Нѣсколько замѣчаній.—Главные доходы и податныя сословія.—Расходъ на военныя силы.

Въ нынѣшнемъ январѣ, 4-го числа, состоялось Высочайшее повелѣніе объ обнародованіи во всеобщее свѣдѣніе росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ за 1862 г. Января 22-го эта роспись утверждена Государемъ Императоромъ, и вслѣдъ за тѣмъ въ «Сѣверной Почтѣ» появилась составленная по статьямъ росписи: «Табель доходовъ и расходовъ государственнаго казначейства за 1862 г. Опубликованная табель представляетъ, какъ болѣе или менѣе полную картину тѣхъ податей, налоговъ, сборовъ и пр., которыми покрываются нужды правительства по отправленію имъ государственныхъ потребностей, а также распредѣленіе финансовыхъ средствъ государства между различными потребностями его. Кромѣ того, «табель» представляетъ намъ законъ, по которому открываются министерствамъ кредиты въ государственномъ казначействѣ. Понятно, что табель поднимаетъ вопросы величайшей важности. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ «Наказѣ» министру финансовъ постановлено существеннымъ правиломъ, чтобы необходимыя, не чрезвычайныя расходы государства покрывались общими и постоянными доходами, т. е. чтобы доходы и расходы были въ равновѣсіи; чтобы народъ не былъ обремененъ усиленными сборами на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ. Спрашивается: въ какой степени достигается это столь всѣми желаемое и такъ рѣдко достигаемое равновѣсіе? Извѣстно, что правительства большей части странъ вышли далеко изъ предѣловъ доходовъ, необременительныхъ для страны и что, вѣроятно, вскорѣ многіе постоянные налоги будутъ облегчены. Какъ же у насъ?

Русское законодательство говоритъ, что въ платежѣ на государственныя потребности всѣ классы народа должны участвовать соразмѣрно состоянію своему и выгодамъ. Интересно посмотрѣть какъ налоги распредѣляются между различными классами общества?

Выше мы сказали о необходимыхъ естественныхъ потребностяхъ государства, которыя понимаются чрезвычайно различно,

и потому чрезвычайно интересно посмотреть, что именно входит въ кругъ этихъ потребностей, какъ далеко простирается этотъ кругъ?

Кромѣ необходимыхъ потребностей, болѣе или менѣе, всегда присущихъ государству, правительство удовлетворяетъ еще потребностямъ второстепеннымъ и оставляемымъ имъ иногда на дѣятельность самого общества. Интересно знать: въ какой степени удовлетвореніе этихъ побочныхъ потребностей вознаграждаютъ пожертвованія, приносимыя для нихъ народомъ.

Вопросы, поднимаемые «табелью», могутъ быть рѣшены по ней, по крайній-мѣрѣ, приблизительно. «Сѣверная Почта» уже сообщала объ этомъ обстоятельствѣ, объявляя, что табель «составлена по статьямъ росписи въ томъ видѣ, въ которомъ послѣдняя была доселѣ представляема на разсмотрѣніе государственнаго совѣта» и къ этому официальная газета прибавляетъ, «что по извѣстному уже публикѣ преобразованію порядка отчетности по государственному контролю, между прочими предположеніями, находится и измѣненіе образа составленія смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій, съ болѣе подробнымъ и яснымъ изложеніемъ *всѣхъ статей* расходовъ, каковой порядокъ и будетъ введенъ съ будущаго 1863 года».

Читатели, вѣроятно, помнятъ, что, для преобразованія государственной отчетности, была составлена особая коммиссія, уже окончившая свои труды еще въ прошломъ, 1861 г. Коммиссія имѣла задачей устранить въ прежнемъ порядкѣ министерскихъ смѣтъ три существенные недостатка ихъ: а) неполноту, б) несистематическое и неоднобразное распредѣленіе статей и с) отсутствіе данныхъ, необходимыхъ для удостовѣренія законности и необходимости исчисленій. Между тѣмъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ составляется по министерскимъ смѣтамъ и потому въ ней встрѣчаются тѣ же недостатки.

Въ министерскія смѣты не вносятся очень важныя статьи доходовъ: губернскія земскія повинности, часть общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, идущая на государственныя надобности, сборы по телеграфамъ, воднымъ сообщеніямъ и пр. и вообще большинство доходовъ по вѣдомству путей сообщенія, сборы по вѣдомству государственнаго коннозаводства, пособія изъ духовныхъ капиталовъ на расходы по синоду, суммы, получаемыя отъ изъ продажи казеннаго имущества, отъ взимсканій, оброчныхъ статей, нѣкоторыхъ имѣній и пр. Такимъ об-

разомъ министерскія смѣты не представляютъ полной картины доходовъ, идущихъ на государственныя потребности.

Доходы, невносимые въ смѣты министерства, расходуются внѣ рассмотрѣнія росписи, и потому въ ней не появляются расходы, покрываемые пропущенными доходами.

Кромѣ того, каждая роспись открываетъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ безсрочные кредиты такъ, что сумму, ассигнованную, напр., на извѣстный годъ можно выбрать чрезъ несколько лѣтъ и тогда употребить. Всѣ остатки отъ различныхъ статей росписи, остаются въ министерствахъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ многіе расходы, покрываемые изъ остатковъ или исполняемые по прошлогоднимъ назначеніямъ, также не вносятся ни въ министерскія смѣты, ни въ роспись.

Самая система составленія министерскихъ смѣтъ точно такъ же переходитъ въ роспись со всеми своими недостатками. Тутъ мы, видимъ, что, напр., платежи по займамъ изъ кредитныхъ установленій показываются то въ смѣтѣ по государственному кредиту, то въ расходахъ тѣхъ установленій, для которыхъ сдѣланъ заемъ и т. п. Расходы обыкновенные смѣшаны съ расходами чрезвычайными; расходы по содержанію управленій иногда показываются смѣтѣ съ тратами по сборамъ доходовъ и т. п.

Многіе полагали, что, вслѣдствіе такихъ обширныхъ недостатковъ нашей государственной отчетности, опубликованіе росписи было бы вполнѣ бесполезно — до времени совершенія преобразованій какъ по отчетности, такъ и по государственной массѣ и государственному контролю, находящимся въ самой близкой связи. Нисколько не отрицая ни этой связи, ни необходимости коренныхъ преобразованій, мы думаемъ, однако, что роспись, составленная по прежнему порядку, все-таки чрезвычайно интересна. Пропущенные расходы не измѣняютъ много цифръ «табелі» и основныхъ чертъ нашего финансоваго положенія. Возьмемъ примѣръ: на министерство народнаго просвѣщенія идетъ 4,156,824 р., а на военно-учебныя заведенія — 3,585,959 р. Если прибавить всѣ расходы этихъ управленій, покрываемые изъ различныхъ источниковъ, то все-таки общіе расходы останутся для обоихъ управленій почти одинаковы. Мы не хотимъ сказать, чтобы всѣ вопросы могли быть рѣшены по табелі; напротивъ мы очень хорошо видимъ, напр., почти полную невозможность узнать, во что обходится взиманіе государственныхъ доходовъ. Расходы по сбору ихъ разбросаны въ кредитахъ всѣхъ мини-

стерствъ; по николаевской дорогѣ показывается только одинъ предполагаемый чистый доходъ и пр. Еще труднѣе увидѣть изъ таблицы кругъ дѣйствій правительства: сборы, относящіеся къ самымъ важнымъ отраслямъ, какъ мы уже говорили, не вносятся въ роспись, напр., по телеграфамъ, воднымъ сообщеніямъ, разнымъ учебнымъ заведеніямъ и пр. Несмотря на все это, табель даетъ довольно ясное понятіе о многихъ главныхъ чертахъ нашего финансоваго положенія и государственнаго управленія. По этимъ чертамъ, по этому остову можно бы воспроизвести достаточно-полную картину; но все-таки потребовалось бы довольно-много труда и всякихъ справокъ, на что у насъ нѣтъ уже времени.

Передаемъ здѣсь только самый бѣглый просмотръ.

Предполагаемые доходы на 1862 г. исчислены по таблицѣ 295,861,839 р. с. Замѣтимъ, что это, разумѣется, валовой доходъ, такъ-какъ издержки взиманія относятся къ расходамъ. Весь «приходъ» на 1862 г. составитъ 310,619,739 р. с.—если къ цифрѣ обыкновенныхъ и на опредѣленные предметы доходовъ прибавить 14,757,899 р., оставшимися отъ послѣдняго $\frac{4}{5}$ займа.

Въ отдѣлѣ «расходовъ» мы видимъ двѣ главы: расходовъ обыкновенныхъ и расходовъ на опредѣленныя потребности,— всего 310,619,739 р. с. расходовъ чрезвычайныхъ не предвидится, доходы на опредѣленныя потребности совершенно совпадаютъ съ расходами по нимъ, такъ-что издержки на обыкновенные расходы будутъ покрыты обыкновенными доходами и 14,757,899 оставшимися отъ займа.

Если сравнимъ доходы, назначенные къ сбору на 1862 г. съ доходами прежнихъ лѣтъ, то мы замѣтимъ значительное обращеніе. Въ 1810 г., какъ мы знаемъ это изъ книги бар. Корфа, доходы правительства простирались до 125 мил. р. ассиг. Тенгоборскій говоритъ, что «роспись 1838 означила доходы въ 163,8 мил. р. сереб.» У барона Редена мы находимъ, что къ 1852 г. доходы возрасли до 275,4 мил. р. с.

Обыкновенно въ росписяхъ раздѣляютъ доходы на прямыя, косвенныя, регалии съ имуществъ и пр.; но почти всегда распределеніе доходовъ по такимъ рубрикамъ довольно-затруднительно. Нѣкоторыя статьи доходовъ относятся къ косвеннымъ и къ регалиямъ, другіе къ доходамъ—съ имуществъ и съ лица; многі статьи трудно подвести подъ какую либо рубрику и при

ходится сносить ихъ въ разные доходы. Опубликованная роспись придерживается своей особенной системы рубрикъ, которую читатели могутъ легко видѣть изъ самой таблицы. Эта система будетъ измѣнена при преобразованіи государственной отчетности на болѣе опредѣлительную.

Налоги на потребление и прямыя подати составляютъ главнѣйшія статьи доходовъ; всего болѣе доставляетъ налогъ на вино—124, 294, 581 р. с., откуда, впрочемъ, должно вычесть доходъ въ 7,377,107 р. с., идущій на приготовленіе вина, отпускаемаго опущникамъ сверхъ опредѣленной пропорціи по заготовительной цѣнѣ; собственно налогъ на вино даетъ валового дохода 117 мил. р. с., затѣмъ слѣдуютъ прямыя подати въ количествѣ 55,255,928 р. с. потомъ распродажа соли по государству даетъ 9,500,000 р. с. Эти налоги, доставляющіе болѣе половины всѣхъ доходовъ, падаютъ преимущественно на податныя сословія.

Таможенные доходы доставляютъ 31,800,000 р. с.—Въ Англіи таможи приносятъ большую половину доходовъ, во Франціи они составляютъ очень значительную статью, а въ Австріи одинъ налогъ на табакъ даетъ больше, чѣмъ всѣ таможенные сборы.

Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ мы замѣчаемъ, что большая часть доходовъ идетъ на содержаніе военныхъ силъ и что оно поглощаетъ огромное количество чрезвычайныхъ доходовъ въ видѣ займовъ.

У насъ на содержаніе военныхъ силъ назначено:

По военному министерству . . . 106,575,892 р. с.

По военно-учебнымъ заведеніямъ. . . 3,535,959 р. с.

По эмиральтной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства 1,527,730 р. с.

По морскому министерству 20,589,830 р. с.

На приготовленіе военныхъ снарядовъ и за мѣдъ для военнаго и морского министерствъ 3,710,624 р. с.

135,940,035 р. с.

Это составляетъ около половины всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ. По предварительной росписи на 1859 г. расходы Франціи простирались до 1772 мил. фр. и, въ томъ числѣ, на морское и военное министерство 491 мил. фр. Надо замѣтить, что во Франціи, при огромномъ развитіи централизаціи, въ общій государственный бюджетъ вносятся чисто-мѣстные расходы и

доходы. Въ Англіи, по финансовому отчету за 1859 г. мы видимъ, что на 68 мил. фу. стер. общихъ расходовъ приходится болѣе 25 мил. ф. стер. на военныя силы. Если изъ общихъ расходовъ обѣихъ странъ выключить издержки на государственный долгъ то расходы на военныя силы будутъ около половины всѣхъ другихъ расходовъ, и въ Англіи за 1859 г. даже значительно болѣе. По нашей табели на долгъ идетъ 54 мил. р. с., и выключая эту сумму изъ общаго итога расходовъ, увидимъ, что военныя силы берутъ болѣшую половину расходовъ настоящаго времени.

ПОЛИТИКА.

І. ОБЩИЙ ОЧЕРКЪ ПОЛОЖЕНІЯ ДѢЛЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Прошедшій годъ не ознаменовался въ политическомъ быту Европы ни однимъ законченнымъ фактомъ, который имѣлъ бы особое значеніе и далъ бы рѣшительный оборотъ главнымъ вопросамъ. Всѣ событія шли медленно и Европа къ исходу 1861 года осталась въ томъ же тревожномъ ожиданіи, въ какомъ застало ее начало этого года. Между-тѣмъ, въ Европѣ волнуется множество вопросовъ громадной важности, требующихъ скорѣйшаго разрѣшенія для того, чтобы вывести изъ томительнаго и напряженнаго состоянія какъ европейскія правительства, такъ и европейскіе народы.

Къ наставшему году первенствующимъ вопросомъ въ сферѣ европейской политики остался, по-прежнему, вопросъ итальянскій, сложенный изъ многихъ частныхъ вопросовъ, именно, изъ вопросовъ о свѣтской власти папѣ, объ удаленіи французскаго войска изъ Рима, о выѣздѣ оттуда же короля Обѣихъ-Сицилій, Франциска II, о сліяніи долговъ различныхъ итальянскихъ государствъ въ одинъ общій, національный долгъ Италіи, объ истребленіи разбойничьихъ шаекъ въ южной Италіи и вообще о твердомъ соединеніи всего Аппенинскаго полуострова въ одну конституціонную монархію. Въ минувшемъ году итальянскій вопросъ уладился только съ одной внѣшней стороны возникновеніемъ новаго въ Европѣ королевства, подъ именемъ «Итальянскаго», и признаніемъ этого королевства большинствомъ европейскихъ кабинетовъ, между-тѣмъ, какъ въ сущности, для окончательнаго и прочнаго сліянія всѣхъ частей Италіи встрѣчается еще не мало важныхъ препятствій.

Итальянское движеніе, начавшееся, какъ извѣстно, подѣ влияніемъ идеи о народности, отозвалось съ большей или меньшей силою и въ другихъ частяхъ Европы. Подѣ влияніемъ этой идеи снова поднялся второй, по своей важности, вопросъ, венгерскій. Разрѣшеніе венгерскаго вопроса, въ теченіе прошлаго года, было, послѣ итальянскихъ дѣлъ, одною изъ самыхъ главныхъ заботъ европейской политики. Насильственный исходъ этого вопроса угрожалъ сильнымъ потрясеніемъ не одной только Австріи, но и другимъ частямъ Европы, гдѣ многія національности смотрѣли въ прошломъ году на Венгрію, какъ на руководительницу національныхъ стремленій. Всѣ мѣры австрійскаго правительства, то строгія, то уступчивыя, не могли удовлетворить Венгрію, которая въ продолженіи многихъ вѣковъ имѣла свою конституцію. Главной чертой въ дѣятельности національной партіи въ Венгріи за прошлый годъ надобно считать усилія ея возвратиться къ законамъ 1848 года, основаннымъ на началахъ древней венгерской конституціи. Упорство венгерцевъ въ этомъ отношеніи было слишкомъ сильно; подѣ влияніемъ его въ Венгріи произошелъ совершенный разладъ между тамошнимъ населеніемъ и австрійскимъ правительствомъ. Обѣ стороны были неуступчивы въ своихъ требованіяхъ, и, къ началу нынѣшняго года, Венгрія представляла картину совершеннаго разстройства въ административномъ отношеніи. Всѣ отправленія общественаго механизма тамъ остановились; распоряженія правительства встрѣчаютъ повсюду тихое, но дѣйствительное сопротивленіе; подати приходится собирать вооруженною рукою; комиссары, назначенные австрійскимъ правительствомъ, принуждены, одинъ за другимъ, оставлять свои должности, между-тѣмъ замѣнять ихъ нектѣмъ; а если же порою и выскрываются на эти должности какіе-нибудь сильные властолюбцы, то имъ приходится испытывать оскорбленія и насилія со стороны всего народа. Несмотря, однако, на все это, венгерскій вопросъ еще не такъ близокъ къ окончательному своему рѣшенію, какъ это казалось нѣсколько разъ въ прошломъ году.

Продолжая слѣдить за главнѣйшими политическими вопросами, оставшимися къ нынѣшнему году, намъ приходится указать, между прочимъ, и на вопросъ венеціанскій. Вопросъ этотъ къ настоящему времени какъ-будто потерялъ свою прежнюю напряженность, въ виду первенствующаго для Италіи римскаго вопроса. Толки объ освобожденіи Венеціи къ наступившему году совершенно призамокли въ европейской публицистикѣ, между-тѣмъ, какъ въ началѣ прошлаго года однимъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о присоединеніи Венеціанской области къ Италіи или путемъ войны, или путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Начало прошлаго года ознаменовалось появленіемъ множества газетныхъ статей и брошюръ, разсматривавшихъ вене-

дѣлскій вопросъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; между-тѣмъ начало нынѣшняго года представляетъ въ этомъ отноше-ни значительную разницу, потому что, — какъ мы сейчасъ ска-зали, — вопросъ этотъ въ настоящее время потерялъ свою пре-жнюю напряженность.

Италія какъ-будто забыла на-время Венецію.

Но если для Австріи представилась возможность отдохнуть хотя немного отъ заботъ касательно Венеціи, то австрійское правительство въ другихъ частяхъ разноплеменной монархіи Габс-бурговъ встрѣчаетъ нигдѣ немало хлопотъ. Известно, что Вен-грія до 1849 года заключала въ своихъ предѣлахъ двѣ провин-ціи, занятія - чисто - славянскимъ населеніемъ. Мы говоримъ о Славоніи и Хорватіи; сверхъ того, вразбросъ по склонамъ Карпатскихъ горъ, живутъ словаки и руссины. Въ 1848 году австрійское правительство воспользовалось такимъ разноплемен-нымъ составомъ королевства Венгерскаго, вооруживъ противъ вен-гровъ, хорватовъ, которые, подъ предводительствомъ Іеллачича, много содѣйствовали усмирению Венгріи. Въ благодарность за то ав-стрійское правительство предоставило хорватамъ что-то въ родѣ національной независимости, отдѣливъ ихъ отъ венгерской ко-роны. Впрочемъ, какъ видно, такая самостоятельность подъ прямымъ австрійскимъ распорядительствомъ, не очень нравилась хорватамъ, потому что, когда, въ прошломъ году, составилъ сеймъ южныхъ славянскихъ провинцій, то хорваты, въ числѣ прочихъ славянъ, положили присоединиться къ Венгріи и отказались по-слать своихъ депутатовъ въ государственный совѣтъ.

Къ такому положенію славянскихъ дѣлъ въ Австріи, непри-навшему, впрочемъ, еще и теперь рѣшительнаго оборота, при-соединилось одно важное обстоятельство. Сеймъ славянскихъ провинцій просилъ императора, чтобы онъ привелъ Воен-ную-Границу въ гражданское положеніе. Между-тѣмъ испол-неніе этого требованія угрожаетъ Австріи значительнымъ под-рывомъ ея военныхъ силъ. Надобно замѣтить, что Военная-Гра-ница, учрежденная нѣкогда для защиты австрійскихъ владѣній отъ нападений турковъ, должна поставляетъ подъ императорскія знамена 100,000 человекъ. Корпусъ этотъ, составленный изъ жителей Военной-Границы, былъ всегда для Австріи самымъ надежнымъ войскомъ и, въ-добавокъ, содержаніе его ничего не стоило австрійской казнѣ. Опасаясь лишиться себя этой военной силы, императоръ не согласился на требованія сейма славянскихъ провинцій и тѣмъ самымъ поставилъ къ наступившему году во-просъ о военной силѣ Австріи и объ отношеніи ея къ южнымъ славянскимъ провинціямъ имперіи въ нерѣшительное положеніе.

Славянскій вопросъ отразился и въ Турціи; главные точки опоры оныя нашолъ для себя въ Сербіи и Черногоріи. Къ концу прошедшаго года окончательный разрѣшъ между этими славян-

скими землями и турецкимъ правительствомъ быстро приближались къ кровавой развязкѣ; но внѣшнее вліяніе и нѣкоторыя внутреннія обстоятельства задержали воинственный ходъ славянскаго вопроса въ областяхъ, подвластныхъ Турціи, такъ-что рѣшенія его приходится ожидать въ наступившемъ году.

Национальное движеніе въ Европѣ не ограничивается происшедшими событіями въ Италіи, въ Австрійской монархіи и въ Турецкой имперіи, оно отзывается и въ другихъ краяхъ Европы. Германія стремится къ національному единству; Іоническіе острова хотять присоединиться къ составу соплеменнаго имъ греческаго королевства и, наконецъ, въ скандинавскихъ народностяхъ тоже начинаютъ обнаруживаться подобныя стремленія.

Впрочемъ, стремленіе германцевъ къ единству представляетъ въ настоящее время большую разницу съ стремленіями къ единству, проявляющимися въ другихъ европейскихъ національностяхъ. Италія, — если такъ выразиться, — живетъ своею національностью въ настоящемъ, Германія же, напротивъ, сливается мыслью о своемъ политическомъ единствѣ съ мыслью о своемъ будущемъ. Германія, раздробленная на множество мелкихъ государствъ, не вѣритъ въ силу федеративнаго единства и боится гибели, если бы ей національной самостоятельности стала угрожать опасность изъ-за Рейна; такъ-какъ изъ головъ ея политическихъ дѣятелей и мыслителей не выходятъ воспоминанія о той печальной для германцевъ порѣ, когда ихъ родина была поработана Наполеономъ I, вслѣдствіе разлада германскихъ властителей. Впрочемъ, одна сторона вопроса о германскомъ единствѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ вопросомъ объ итальянскомъ единствѣ; именно: Германія мечтаетъ о присоединеніи къ общей отчизнѣ нѣмецкихъ герцогствъ, находящихся подъ властью датскаго короля. Въ прошломъ году вопросъ объ этихъ герцогствахъ принималъ нѣсколько разъ угрожающій характеръ и къ началу нынѣшняго года онъ остался нерѣшоннымъ, такъ-что его должно считать однимъ изъ обстоятельствъ, могущихъ, при извѣстныхъ условіяхъ, нарушить миръ Европы.

Что же касается общаго вопроса о національномъ единствѣ Германіи, то вопросъ этотъ въ сущности заключается въ вопросѣ о преобладаніи въ германскихъ интересахъ двухъ первенствующихъ германскихъ державъ Австріи и Пруссіи. Заключенный въ эти предѣлы, вопросъ о единствѣ Германіи представляетъ мало тревожнаго для прочей Европы.

Къ этому надобно прибавить, что главнѣйшимъ вопросомъ во внутреннемъ политическомъ быту Германіи остался къ наступившему году гессенскій вопросъ. Въ Гессенѣ властолюбивыя стремленія правительства столкнулись съ либеральными стремленіями народа; возникшіе отсюда разладъ и смуты не пре-

ратились и въ настоящее время составляютъ предметъ заботы германскаго сейма.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о національномъ движеніи въ Греціи. Уже нѣсколько разъ въ греческихъ палатахъ и въ греческой журналистикѣ проявлялся вопросъ объ освобожденіи грековъ, подвластныхъ еще Портѣ, и о присоединеніи греческихъ провинцій Балканскаго полуострова къ королевству Греческому; но вопросъ этотъ не принималъ еще значительной силы. До настоящаго времени стремленіе грековъ къ національному единству выражается всего яснѣе и всего шумнѣе на Ионическихъ островахъ. Уже съ начала 1859 года іоняне стараются объ избавленіи своей родины отъ англійскаго, несроднаго имъ протектората.

Несмотря на то, что Англія предоставила Ионическимъ островамъ самыя либеральныя учрежденія, племенное стремленіе жителей острововъ къ соединенію съ Греческимъ королевствомъ, которому въ настоящее время грозитъ много тревогъ и безпокойствъ. Въ Греціи общественное мнѣніе находится теперь въ совершенномъ разладѣ съ правительствомъ короля Оттона. Общественное мнѣніе настоятельно требуетъ учрежденія національной гвардіи, имѣя въ виду возможность войны грековъ съ турками; король не соглашается на это требованіе, и ему приходится распускать палату за палатой. Ко всему этому прибавляется еще до-сихъ-поръ нерѣшенный вопросъ о наследіи греческаго престола послѣ бездѣтнаго Оттона.

Выше мы упомянули о скандинавскомъ національномъ стремленіи. По толкованію газеты «Times» оно проявляется въ предположеніяхъ присоединить, подъ властью шведскихъ королей, къ двумъ скандинавскимъ державамъ Швеціи и Норвегіи, еще третью — Данію; но вопросъ этотъ, особенно послѣ признанія европейскими кабинетами наследника нынѣ царствующему датскому королю, представляетъ для своего осуществленія не мало трудностей.

Окончивъ замѣтки наши о политическихъ вопросахъ, порожденныхъ въ Европѣ въ силу идеи о національномъ единствѣ, скажемъ, что идея эта съ особенною легкостью и, повидимому, только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ осуществилась на берегахъ Дуная. Тамъ къ настоящему году учредилось, въ политическомъ смыслѣ, бытіе соединенныхъ румынскихъ княжествъ. Фактъ этотъ, какъ знакъ уваженія европейскими кабинетами къ идеѣ о національности, имѣетъ особую важность.

Изъ прочихъ политическихъ вопросовъ, затрудняющихъ и усложняющихъ ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, нужно указать на современное положеніе Турціи, угрожающее распаденіемъ, и на тѣсно-связанный съ этимъ положеніемъ вопросъ объ устройствѣ Сиріи. Ко всѣмъ этимъ, болѣе или менѣе общимъ, политическимъ вопросамъ прибавляется нерѣшенный еще воп-

рость о Датской дѣлѣ, съ которыми мы уже имѣли случай познакомиться нашихъ читателей и который объѣщаетъ разрѣшить между Франціею и Швейцаріею.

Вотъ вратѣ тѣ дѣла, надъ которыми не безъ тревоги останавливаются въ настоящее время соображенія европейскихъ дипломатовъ. Впрочемъ, кромѣ этихъ дѣлъ, всю вообще европейскую политику, а въ особенности англійскую занимаетъ ходъ событій въ Сѣверной Америкѣ: Мексиканскія же дѣла, въ которыхъ приняли теперь вооруженное участіе Франція, Англія и Испанія, — составляютъ предметъ особаго вниманія со стороны мадритскаго кабинета.

Вообще же, если судить по тѣмъ обстоятельствамъ въ политическомъ мірѣ, при которыхъ наступило начало нынѣшняго года, то нельзя не сказать, что въ виду этого года есть слишкомъ много нерѣшенныхъ еще задачъ. Разрѣшить ли онѣ ихъ окончательно и какимъ способомъ, путемъ ли войны, или путемъ мирныхъ соглашеній—этого, безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ предвидѣть самые прозорливые дипломаты.

II. Американскія дѣла.

Въ началѣ нынѣшняго года положеніе Америки представляетъ весьма много политическаго интереса. Междоусобная война Сѣверо-американскихъ штатовъ, затронувшая матеріальные интересы Англіи и ея національную гордость, а также экспедиція для политическаго устройства Мексики, имѣютъ значеніе не для одной только Америки, потому-что событія эти слишкомъ замѣтно отзываются и въ Европѣ.

Еще въ концѣ 1860 года избраніе въ президенты Линкольна, принадлежащаго къ партіи абolicіонистовъ, возбудило яростную оппозицію приверженцевъ рабства, а минувшему году пришлось быть свидѣтелемъ фактическаго распаденія Сѣверо-американскихъ штатовъ. Распаденіе это, какъ извѣстно, сопровождалось междоусобной войной, имѣвшей самое бѣдственное вліяніе на торговля дѣла великихъ европейскихъ державъ. Въ виду коммерческихъ потерь, особенно тревожилась Англія. Блокада южныхъ портовъ флотомъ Сѣверныхъ штатовъ, остановивъ вывозъ хлопка изъ этихъ портовъ, была причиною весьма чувствительныхъ потерь въ фабричныхъ и торговыхъ центрахъ Великобританіи и породила тамъ рядъ опасеній и тревогъ, принявшихъ политическій характеръ.

Въ виду всего этого, англійская политика, слѣдуя неизмѣнному своему правилу: сочувствовать той сторонѣ, къ которой влекутъ ея торговля выгоды, — склонилась, вопреки проповѣдываемымъ ею общимъ, гуманнымъ и либеральнымъ теоріямъ, на сторону поборниковъ рабства. Сен-Джемскій кабинетъ искалъ

только предлога, чтобъ осуществлять свои замыслы признаніемъ политической самостоятельности Южныхъ штатовъ и снятіемъ, вслѣдствіе этого, вооруженною рукою блокады тамошнихъ портовъ. Такой предлогъ, какъ мы уже сообщали нашимъ читателямъ, не замедлилъ представиться англійскому правительству по дѣлу парохода «Трентъ».

Дѣло это было чрезвычайно-спорно въ области международнаго права, въ которомъ ни одна изъ тягавшихся сторонъ не находила твердой опоры для окончательнаго рѣшенія этого дѣла въ свою пользу, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже въ собраніи англійскихъ юристовъ право воюющихъ державъ нашло столько же защитниковъ, какъ и право нейтральныхъ государствъ. Такая неопредѣленность этого дѣла представляла удобный и при томъ безобидный способъ для соглашения между обѣими сторонами, и захватка гг. Мезона и Сиделля, надѣлавшая столько шума какъ въ политическихъ, такъ и въ торговыхъ кружкахъ, окончилась въ началѣ нынѣшняго года миролюбиво. Дѣйствительно, странно было бы упорствовать той или другой сторонѣ, когда, для рѣшенія дѣла въ пользу одной изъ нихъ, не существуетъ никакихъ общепринятыхъ воззрѣній, а тѣмъ менѣе положительныхъ правилъ. Такимъ образомъ оказалось, что въ задержаніи представителей Южныхъ штатовъ было одно только недоумѣніе, но вовсе не было умышленнаго оскорбленія англійскому флагу, — оскорбленія, требовавшаго особаго, блистательнаго возмездія. Послѣ всего этого выдача гг. Мезона и Сиделля не было уже въ политическомъ смыслѣ униженіемъ для вашингтонскаго правительства, которое этой уступкой отстранило отъ себя если не существенную опасность со стороны Англии, то все же, по крайней-мѣрѣ, оно отдалило отъ себя множество заботъ и опасеній.

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ одна изъ нью-йоркскихъ газетъ по поводу мирнаго окончанія дѣла о захватѣ парохода «Трентъ».

«Какъ бы велико ни было разочарованіе нѣкоторыхъ умовъ касательно результата, къ которому пришло правительство, при разсмотрѣніи вопроса, представленнаго, на основаніи конституціи, исполнительной власти, все же мы убѣждены, что всѣ будутъ радоваться твердости и искренности правительства, которое, вопреки естественному гнету одной части общественнаго мнѣнія, рѣшилось сдѣлать то, что оно находило справедливымъ. Тѣ, которые пожелали бы осуждать дѣйствіе правительства, по всей вѣроятности, воздержатся отъ этого, если примутъ во вниманіе, что противное рѣшеніе противорѣчило бы взглядамъ не только Англии, но и Франціи, на замѣшанные въ этомъ дѣлѣ принципы народнаго права. Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что правительство наше уладило это дѣло такимъ об-

разомъ, что оно своимъ рѣшеніемъ оградило, какъ мы полагаемъ, вопросъ огромной важности, о правахъ нейтральныхъ державъ, противъ притязаній, которыя до-сихъ-поръ объявляла Англія и которыя она отвергла теперь сама, точно такъ, какъ это сдѣлали Соединенные Штаты и Франція. Международное право въ томъ видѣ, въ какомъ издавна принимало его наше правительство, получило теперь новое толкованіе, хотя, признаемся, и въ ущербъ нашему національному самолюбію, значительно-усиленному междуособною войною. Но эта война только временная, тогда-какъ новый международный законъ будетъ существовать въ продолженіе многихъ вѣковъ.»

Вообще же вся сѣверо-американская журналистика, свободная и отъ прямого и отъ косвеннаго вліянія со стороны правительства, единодушно одобряетъ послѣднее за его умѣренный образъ дѣйствій въ вопросѣ о пароходѣ «Трентъ». Рѣшеніе, принятое правительствомъ освободить гг. Мезона и Слidelля произвело на общественное мнѣніе самое благопріятное впечатлѣніе: оно устранило много заботъ и значительно оживило всѣ отрасли торговли. Публика, по словамъ газеты «Times» стала теперь вздыхать въ Нью-Йоркѣ свободнѣе, нежели пять или шесть недѣль тому назадъ. Вліяніе это отразилось и на биржѣ, гдѣ курсы поднялись весьма значительно. Даже тѣ, которые думали, что командиръ Вильксъ поступилъ законно и справедливо, съ удовольствіемъ увидѣли, что правительство высказало другое мнѣніе и нашло средство избѣгнуть войны, не подвергая націю стыду и униженію.

Кромѣ того, всѣ увѣрены, что устройство распри съ Англіей отнечетъ у инсургентовъ большую часть ихъ силъ, между тѣмъ, какъ они сдѣлались бы гораздо могущественнѣе, если бы вспыхнула война между Англіей и Соединенными Штатами.

Но если такой исходъ англо-американскаго дѣла возбуждалъ общее удовольствіе, то въ то же время другое, противоположное чувство распространено въ населеніи Сѣверныхъ штатовъ на бездѣятельность генерала Мак-Деллана; впрочемъ, такое обвиненіе генерала Мак-Деллана несовсѣмъ основательно, такъ-какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, подобный образъ его дѣйствій происходитъ вслѣдствіе особыхъ инструкцій, полученныхъ имъ изъ Вашингтона.

Впрочемъ, сѣверяне могутъ утѣшиться тѣмъ, что имъ въ первыхъ числахъ текущаго года удалось взять верхъ надъ своими противниками — сепаратистами.

По послѣднимъ телеграфическимъ извѣстіямъ изъ Нью-Йорка, подтвержденнымъ нѣсколько разъ, федералисты одержали 3-го января большую побѣду при Гилтон-Гидѣ, близъ Порт-Рояля. Войска, находившіяся въ качонирскихъ лодкахъ, участвовали въ этой битвѣ.

Депеша эта дополняется извѣстіемъ, что федералисты находились въ это время въ шести часахъ разстоянія отъ Чарльз-тоуна.

На берегахъ Потомака и въ Ганкоккѣ, въ Марилэндѣ, произошло нѣсколько неважныхъ стычекъ.

Сраженіе подъ Гантерсвилле не произвело само-по-себѣ важныхъ результатовъ.

Ходъ дѣлъ въ западной Виргиніи не былъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, благопріятенъ для федералистовъ, такъ-какъ они принуждены были отступить оттуда съ значительнымъ урономъ.

III. Вопросъ о мексиканскомъ престолѣ.

Экспедиція противъ Мексики дѣйствительно состоялась. По послѣднимъ извѣстіямъ испанскія войска заняли Вера-Круцъ. Исхода этой экспедиціи предвидѣть нельзя; но въ настоящее время къ ней присоединился вопросъ объ уничтоженіи въ Мексикѣ республиканскаго правленія и объ учрежденіи тамъ королевскаго престола съ передачей его эрцгерцогу Максимилиану, брату австрійскаго императора Франца-Иосифа.

Въ послѣднихъ числахъ января н. с. въ газетѣ «Patrie» было напечатано слѣдующее:

«Нѣкоторые иностранные и французскіе журналы извѣщаютъ, что эрцгерцогъ Максимилианъ, братъ австрійскаго императора, получитъ мексиканскую корону. Мы вовсе не знаемъ, достоверенъ ли этотъ слухъ, но должны замѣтить, что во всѣхъ письмахъ съ острова Кубы, доходящихъ до 28 декабря, упоминается о распространеніи этого слуха въ Гаваннѣ».

Такимъ образомъ Габсбургско-австрійскому дому, занявшему столько престоловъ въ Европѣ, представляется вѣроятность перенести отрасль своей династіи и въ Америку. Осуществленіе этихъ слуховъ было бы весьма важно въ настоящее время: оно показало бы, что судьбою народовъ, даже отдаленныхъ отъ Европы, располагаетъ произволъ европейскихъ кабинетовъ.

Слѣдя за этимъ вопросомъ по разнымъ европейскимъ газетамъ, можно сказать о немъ слѣдующее:

Прежде всего кандидатура австрійскаго эрцгерцога объясняется въ европейской публицистикѣ желаніемъ и особыми соображеніями императора Наполеона. По-крайней-мѣрѣ прусскія газеты приписываютъ ему эту мысль, объясняя ее тѣмъ, что императоръ Наполеонъ питаетъ личное сочувствіе къ эрцгерцогу Максимилиану и находитъ необходимымъ, чтобы будущій государь Мексики былъ католикъ.

«Императоръ Наполеонъ,—замѣчаетъ «Kreuzzeitung»,—естественно не желаетъ, чтобы на мексиканскій престолъ былъ избранъ

кто-нибудь изъ членовъ бурбонской фамилиа, а виѣсть съ тѣмъ онъ очень хорошо понимаетъ, что ему не удастся доставить мексиканской короны кому-нибудь изъ членовъ своей фамилиа. По этому, а также и по другимъ причинамъ, остающимся доселѣ въ тайнѣ, императоръ обратилъ вниманіе европейскихъ кабинетовъ на эрцгерцога Максимилиана»,

Противорѣчить этимъ извѣстіямъ, и притомъ съ проявленіемъ династической гордости, ваялась газета «Ostdeutsche-Post», помѣстившая въ своихъ столбцахъ довольно-обширную статью подъ заглавіемъ «Мексиканскій престолъ».

«Мы приступаемъ сегодня къ щекотливому предмету (говорить упомянутая газета); но подумаемъ, что австрійскія газеты не могутъ, наконецъ, не заняться имъ. Въ «Correspondence Navas» издающейся подъ вліяніемъ французскаго правительства, сообщено слѣдующее извѣстіе, перепечатанное во многихъ газетахъ: «Трактатъ между Франціей, Испаніей, Англіей и Австріей, о предоставленіи мексиканскаго престола эрцгерцогу Максимилиану, будетъ подписанъ въ теченіе недѣли и, можетъ быть, подписание его уже послѣдовало. Упомянутыя державы обезпечатъ новому государству заемъ и оставятъ свои войска въ странѣ на нѣсколько лѣтъ для упроченія новаго порядка дѣлъ».

Замѣчая, что этотъ слухъ, пущенный въ ходъ нѣсколько недѣль тому назадъ, является теперь, по словамъ корреспондента «Гаваса», положительнымъ фактомъ, австрійскія газеты прибавляютъ, что такое извѣстіе ничто болѣе, какъ только преднамѣренная ложь.

«Для эрцгерцога, брата императора, (продолжаетъ газета) существуетъ нравственная невозможность принять серьезно подобное предложеніе. а мы, даже не зная, что происходило, готовы поручиться за неподписание подобнаго трактата Австріей. Держава эта теперь далеко не въ апогѣе своего историческаго положенія; она находится въ одномъ изъ періодовъ упадка, которые нерѣдки въ ея исторіи. Несмотря, однако, на это, достоинство Австрійской имперіи и ея народовъ не унижено еще до такой степени, чтобы можно было предложить брату императора, потомку германскихъ императоровъ, принцу вентерскому и богемскому, какой-нибудь сколоченный на скорую руку въ далекой странѣ, престолъ подъ защитой англо-французскаго оружія. Страннымъ кажется, что Мексику изъ федералистской республики, неуважавшей даже своего президента, хотятъ образить въ монархію, послѣшнью-сформированную при помощи французскаго экспедиціоннаго корпуса!»

«Когда Бельгія, — продолжаетъ далѣе австрійская газета. — послѣ отпаденія ея отъ Нидерландовъ, предстояло выбрать короля, то выборъ ея палъ сперва на брата, царствовавшаго въ то время императора, эрцгерцога Карла, который отказался, несмотря

на убѣжденія державъ. Потомъ Бельгія обратилась съ предложеніемъ своей короны къ принцу кобургскому Леопольду, который долго отказывался и который рѣшился сдѣлаться королемъ только по настоянію Франціи.»

Затѣмъ австрійская газета дѣлаетъ сравненіе Бельгіи съ Мексикой, которая, — по словамъ газеты, — тропическая полупустынная страна, съ выродившимся населеніемъ, съ примѣсною ацтекскою, креоловскою и метисовскою, страна безъ всякихъ политическихъ задатковъ и гдѣ войско продаетъ себя каждому, кто только дастъ побольше денегъ.

«Когда король Леопольдъ вступилъ на престолъ, — говоритъ «*Ostdeutsche Post*» — то наполь въ Бельгіи совершенно готовую конституцію, которою страна его управляется доселѣ. Но чтó случилось бы съ нимъ въ Мексикѣ? Кто можетъ отвѣчать на это? Какимъ образомъ страна эта, мѣнявшая правительства каждыя пять лѣтъ, перенесла бы обращеніе своей республиканской, хотя бы и анархической системы, въ прочную монархію? Какимъ образомъ удержалось бы новое королевство посреди революцій, подавлять которыя очень трудно, потому-что онѣ охватываютъ собою пространство болѣе обширное, чѣмъ Англія, Італія, Франція, взятая вмѣстѣ.»

Въ объясненіяхъ австрійской газеты, нелишнихъ на этотъ разъ многихъ весьма вѣрныхъ замѣчаній, упоминается и объ императорѣ Наполеонѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«То, чего хочетъ Наполеонъ III, становится совершенно ясно: онъ хочетъ импровизовать тронъ, какъ это дѣдалъ его дядя для своихъ братьевъ и генераловъ. Пусть онъ пѣною крови своихъ солдатъ создастъ королевство изъ древней имперіи Монтезумы; но употреблять для этой цѣли австрійскаго эрцгерцога, значило бы, по нашему мнѣнію, наносить оскорбленіе Австріи.»

Далѣе австрійская газета высказываетъ свою мысль, что случаи о подобномъ распоряженіи, со стороны императора Наполеона, не лишены основанія и что, по всей вѣроятности, Франція сдѣлала вѣнскому двору какое-либо предложеніе въ подобномъ смыслѣ.

Заключеніе приведенной нами статьи заслуживаетъ особеннаго вниманія; здѣсь австрійская газета высказываетъ свои соображенія насчетъ хитросплетеній французской политики.

«По нашему мнѣнію,» — говоритъ газета, — «все это ничего болѣе, какъ только маневръ. На берегахъ Ореноко, въ странѣ, окаймленной Тихимъ океаномъ, предлагаютъ вознагражденіе за территорію рѣки Минчіо и царицу Адриатики. Вмѣсто склона Альпійскихъ горъ, границами и форпостами Австріи должны сдѣлаться Кордильеры; вмѣсто знаменитаго четвероугольника, она стала бы обладать Анахуакской площадкой, съ столицей ея, Мехикой. Моря за моря, порты за порты,

40,000 квадратных миль за 400, восемь миллионов жителей за неполные три миллиона? Какой великопѣнной обидѣ! Мы, впрочемъ, увѣрены, что здѣсь не было даже произнесено слова «обидѣ»; здѣсь все дышало только дружбой и рыцарскими чувствами къ Австріи и къ Мексикѣ. Одно только кажется намъ непонятнымъ: не-уже-ли во Франціи серьезно думали, что въ Австріи согласится на подобную сдѣлку? Или, предвидя отказъ, хотѣли воспользоваться имъ съ какою-нибудь затаенною цѣлью? Здѣсь болѣе, чѣмъ когда-нибудь можно повторить: «Timeo Danaos et dona ferentes».

Въ свою очередь Испанія самая главная дѣятельница въ мексиканской экспедиціи, въ официальной газетѣ своего правительства заявила слѣдующее:

«Отвѣчая на статью, помѣщенную въ «Contemporain». мы снова повторяемъ, что испанское правительство нисколько не обязывалось *посадить* на мексиканскій престолъ эрцгерцога Максимилиана или какого-либо другого принца. Несправедливо также и то, будто-бы испанское правительство договорилось съ какимъ-то другимъ правительствомъ устроить въ Мексикѣ монархію.

«Мексиканцы,» — добавляетъ Correspondencia, — «устроить сами у себя такую форму правленія, какую пожелаютъ, и выберутъ главою государства человека, котораго они, по своему усмотрѣнію, сочтутъ для этого способнымъ. Съ своей же стороны, испанцы ограничатся только однимъ: они озаботятся, чтобы ново-устроенное мексиканское правительство вѣрно исполняло трактаты, заключенные между Испаніей и Мексикой.»

Другая испанская газета «Ероса», касаясь мексиканскаго вопроса, заявляетъ, что совѣтъ уполномоченныхъ отъ Франціи, Англіи и Італіи будетъ рѣшать всѣ вопросы, относящіеся къ Мексикѣ, соображаясь въ каждомъ случаѣ съ волею мексиканскаго народа и истинными современными интересами Европы и Америки.

«По этой же причинѣ,» — говоритъ «Ероса», — «теперь еще слишкомъ рано говорить о той формѣ правленія, которая будетъ установлена въ Мексикѣ и о принцѣ, имѣющемъ занять ея тронъ, если въ этой странѣ, по свободной волѣ народа, водворится монархія. И мы и вся Испанія желаемъ только одного, чтобы, въ случаѣ, если въ Мексикѣ утвердится конституціонная монархія, тронъ ея занялъ какой-нибудь молодой испанскій принцъ, который утвердилъ бы въ Мексикѣ на прочныхъ основаніяхъ независимое государство и приобрѣлъ бы сочувствіе и преданность мексиканскаго народа.»

Дѣйствительно, несмотря на замыслы нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ, а также на все разстройство мексиканской республики и на видимый упадокъ ея сосѣдокъ въ Южной Америкѣ, най-

дется много средствъ противодѣйствовать вторженіямъ европейцевъ. Въ настоящее время Мексика имѣетъ до 150,000 войска и до 100 оружій. По всей вѣроятности, внѣшняя опасность, угрожающая Мексикѣ, заставитъ всѣ партіи, хотя на время, забыть междоусобные раздоры и дать отпоръ далекимъ пришельцамъ.

Въ этомъ смыслѣ президентъ республики Бенито Хуаресъ обнародовалъ прокламацію, въ которой, извѣщая своихъ согражданъ о вторженіи испанцевъ въ предѣлы территоріи, онъ объявляетъ, что этимъ самымъ оскорблено національное достоинство мексиканцевъ и что независимость ихъ родины подвергается опасности. Президентъ объявляетъ, что всѣ сыны Мексики должны посвятить спасенію республики свой умъ, свое имущество и кровь и прибавляетъ, что правительство отразитъ силу силою, что оно дастъ удовлетвореніе на всѣ справедливыя требованія, но что въ то же время оно отвергаетъ всякія условія, оскорбительныя для достоинства націи или могущія нанести ущербъ ея самостоятельности.

Прокламація президента оканчивается слѣдующими словами:

«Враги наши лживо представляютъ насъ народомъ униженнымъ, неспособнымъ къ цивилизаціи. Будемъ же въ продолженіе войны, къ которой насъ вынуждаютъ, строго соблюдать общепринятые законы и обычаи. Пусть мирные соотечественники враговъ нашихъ живутъ безопасно подъ кровомъ нашихъ законовъ. Такимъ образомъ мы опровергнемъ клеветы нашихъ враговъ и явимъ себя достойными свободы и независимости, завѣщанныхъ намъ нашими отцами.»

V. Засѣданія законодательнаго собранія во Франціи и дипломатическая переписка, ему предъявленная.

Послѣ достаточныхъ убѣжденій на счетъ того, что тронныя рѣчи, произносимыя при открытіи палатъ, не составляютъ ни политической исповѣди, ни политической программы; въ настоящемъ году рѣчь императора Наполеона не произвела уже требующихъ ожиданій и не породила длинной вереницы самыхъ разгорѣчивыхъ истолкованій, какъ это случалось года четыре или три тому назадъ. Рѣчь императора Наполеона была прочтена въ Европѣ съ замѣтнымъ равнодушіемъ: всѣ увидѣли въ ней обычное, почти формальное привѣтствіе, дѣлаемое императоромъ ежегодно представителямъ страны.

27 января въ большой залѣ луврскаго дворца императоръ Наполеонъ съ обыкновеннымъ церемоналомъ, открылъ законодательную сессію 1862 года.

На другой день, въ три часа пополудни, происходило первое публичное засѣданіе законодательнаго собранія. Въ этомъ засѣ-

данія графъ Морни произнесъ длинную рѣчь, въ которой, упомянувъ объ общемъ броженіи умовъ, замѣчаемомъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ одномъ мѣстѣ избытокъ власти дѣлаетъ уступки свободѣ, въ другомъ крайняя свобода ищетъ спасенія въ рукахъ сильной власти. Среди этого общаго переворота и несмотря на самыя трудныя торговыя и земледѣльческія обстоятельства, Франція оставалась спокойною, вполне довѣряя своему правительству; она благоденствовала. Не въ правѣ ли мы заключить изъ этого, что какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ правительство наше вполне соотвѣтствуетъ характеру народа.»

По словамъ графа Морни, настоящая конституція французской имперіи воздастъ каждому соразмѣрно съ его способностями и съ его интересами. «Конституція эта, замѣчаетъ г. Морни, сохранила на долю верховной власти принадлежація ей инициативу и силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставила надъ нею нынѣшнимъ учрежденіямъ контроль и извѣстную степень вліянія, которыя дѣлаютъ ихъ участниками въ общемъ государственномъ управленіи.

«Слѣдовательно,» — сказалъ далѣе графъ Морни, — «она исполнила свою программу, потому-что даровала странѣ вѣру въ правительство, въ порядокъ и трудъ, не задерживая ея стремленія къ свободѣ.

«Надобно признаться, — добавилъ въ заключеніе ораторъ, — что доля участія законодательнаго собранія во всемъ этомъ значительна и мы, не желая оуждать прошедшее, можемъ, однако, утвердительно сказать, что прежнія конституціи не давали такихъ плодовъ.»

Перейдя затѣмъ къ новымъ финансовымъ распоряжкамъ во Франціи, графъ Морни отозвался, что уступки, вытекающія изъ благоразумной предусмотрительности правительства, поведутъ къ большей бережливости и къ большому упроченію общественнаго кредита.

Затѣмъ засѣданіе 28 января не предоставляло ничего особеннаго.

Въ засѣданіяхъ 29 января сенату и законодательному собранію сообщенъ былъ правительствомъ сборникъ весьма важныхъ дипломатическихъ документовъ. Документы эти состоятъ изъ трехъ частей и относятся къ дѣламъ Италіи, Рима, Сиріи, Дунайскихъ княжествъ, Сѣверо-американскихъ штатовъ и Мексики.

Въ этомъ сборникѣ документовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе акты, относящіеся къ итальянскому и римскому вопросамъ.

Документы этого разряда начинаются потою министра ино-

странныхъ дѣлъ къ маркизу Ливаллету, французскому посланнику въ Римѣ, писанною 17 января прошедшаго года.

Министръ иностранныхъ дѣлъ находить нужнымъ высказать посланнику общій взглядъ императорскаго правительства на взаимныя отношенія Италіи и папскаго престола, и по поводу этого пишетъ слѣдующее:

«Интересы Франціи такъ страдаютъ отъ борьбы двухъ вопросовъ, которымъ она сочувствуетъ въ одинаковой мѣрѣ по своимъ политическимъ и религіознымъ преданіямъ, что она никакъ не можетъ на неопредѣленное время принимать на себя отвѣтственности въ отношеніи дѣлъ въ настоящемъ ихъ положеніи, столь вредномъ для обоихъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ отказаться отъ надежды открыть путь для взаимнаго соглашенія этихъ вопросовъ.»

Переходя затѣмъ къ одному изъ главнѣйшихъ актовъ французской политики—къ признанію Франціею королевства Итальянскаго, г. Тувенель замѣчаетъ, что французское правительство, рѣшившись на этотъ шагъ, дѣйствовало въ томъ убѣжденіи, что прошедшаго возстановить невозможно, и, не говоря о державахъ, переставшихъ быть въ зависимости отъ папы въ религіозномъ отношеніи, рѣшенія, принятыя поочередно Португаліей, Бельгіей и Бразиліей, имѣютъ то же значеніе.

«Изъ католическихъ монархій,» — говорилъ министръ, — «только три воздержались отъ возобновленія официальныхъ сношеній съ туринскимъ дворомъ: Австрія, Испанія и Баварія, но должно полагать, что исключительное положеніе этихъ державъ, въ отношеніи къ бывшимъ государямъ Неаполя, Пармы, Тосканы и Модены, не осталось безъ большого вліянія на образъ ихъ дѣйствій. Кромѣ того, ни одинъ изъ европейскихъ кабинетовъ не помышляетъ о насильственномъ противодѣйствіи тому порядку вещей, который установился на полуостровѣ. Принципъ невмѣшательства, провозглашенный открыто или допущенный безмолвно, сдѣлался теперь средствомъ для охраненія мира въ Европѣ, и римскій дворъ, конечно, не ждетъ иностранной помощи для того, чтобы завоевать вновь-утраченныя имъ провинціи. Я пойду далѣе: я отказываюсь вѣрять, чтобы онъ самъ согласился когда-нибудь возбудить въ этихъ видахъ одно изъ самыхъ ужасныхъ столкновеній, какія только извѣстны въ исторіи; тѣмъ болѣе, что успѣхъ подобнаго возбужденія былъ бы крайне-сомнителенъ.»

Нотѣ эта оканчивается замѣчаніемъ, что императорское правительство насчетъ своихъ отношеній къ итальянскимъ событіямъ сохранило полную свободу сужденій и дѣйствій и что оно при этомъ условіи приложило бы самыя искреннія и энергичныя старанія къ тому, чтобы настоять на принятіе въ Ту-

ринѣ плана примиренія, насчетъ основаній котораго оно условилось бы съ правительствомъ Пія IX.

Въ свою очередь маркизь Лавалетъ объяснялъ министру образъ своихъ дѣйствій въ слѣдующихъ строкахъ:

«Вы знаете, что, на основаніи инструкцій, сообщенныхъ мнѣ самимъ императоромъ, я старался съ перваго же свиданія съ святымъ отцомъ, служить при немъ вѣрнымъ и почтительнымъ истолкователемъ глубокаго сочувствія, выразить которое я былъ назначенъ. Не давая его святѣйшеству никакихъ надеждъ насчетъ возстановленія прошедшаго и не забывая требованій настоящаго, столь тѣсно-связаннаго съ нашими собственными интересами, я не пренебрегалъ никакимъ случаемъ для того, чтобъ приготовить папскій дворъ, въ общихъ выраженіяхъ, къ сдѣлкѣ, которая отвѣчала бы нашему искреннему желанію примирить Римъ съ Италіей. Въ благосклонномъ пріемѣ, мнѣ сдѣланномъ, я почерпнулъ право обратиться къ довѣрію его святѣйшества и вызвать съ его стороны выраженіе надеждъ и желаній, содѣйствовать осуществленію которыхъ почелъ бы за счастье.»

Вотъ какимъ образомъ очерчиваетъ г. Лавалетъ политику Пія IX въ отношеніи къ Франціи:

«Вашему превосходительству извѣстно изъ прежнихъ моихъ донесеній, что святой отецъ хотя и выслушивалъ меня съ самой дружелюбной благосклонностью, но что, вмѣстѣ съ этимъ, его святѣйшество постоянно оканчивалъ свою рѣчь слѣдующими словами, плохо скрывавшими его отказъ: «подождемъ событій». Вамъ извѣстно также, что кардиналъ, государственный секретарь, выразившійся съ большею опредѣленностію, объявлялъ себя противъ всякой уступки, которая фактически влекла бы за собою отреченіе отъ какой-либо части утраченныхъ земель.»

По словамъ г. Лавалета, кардиналъ Антонелли на всѣ соображенія, представляемыя ему французскимъ посланникомъ, отвѣчалъ самымъ безусловнымъ отказомъ:

«Всякая сдѣлка,» — сказалъ мнѣ однажды кардиналъ, — (пишетъ г. Лавалетъ,) «невозможна между папскимъ дворомъ и тѣми, которые его ограбили. Ни святой отецъ, ни священная коллегія не могутъ уступить ни малѣйшей части Церковной области.»

Посланникъ замѣтилъ кардиналу, что онъ, г. Лавалетъ, совершенно устраняетъ вопросъ о правѣ, и что, припоминая прежнія деклараціи, онъ никакъ не ждалъ отреченія отъ его прежнихъ принциповъ.

Маркизь Лавалетъ, какъ видно изъ его ноты, стремился къ тому, чтобы вывести папское правительство изъ области юридическихъ взглядовъ на практическую почву фактовъ и дѣлалъ онъ это, по его словамъ, съ тою цѣлью, чтобы доставить папскому правительству случай выйти, съ огражденіемъ всѣхъ сво-

ихъ правъ,—изъ положенія столь бѣдственнаго для него самого, сколько и угрожающаго спокойствію христіанскаго міра. По увѣренію г. Лавалета, эта цѣль была именно тою цѣлью, къ которой стремился императоръ; въ этомъ духѣ были составлены первыя инструкціи, данныя маркизу, и,—замѣчаетъ г. Лавалеть,—въ этомъ же самомъ смыслѣ императорское правительство возобновило миѣ ихъ.

Дипломатическій интересъ ноты г. Лавалета усиливается еще болѣе, когда французскій посланникъ передаетъ слова кардинала Антонелли по прочтеніи ему депеши г. Тувенеля:

«Я узнаю въ ней, — сказалъ кардиналъ, — выраженіе дружественнаго сочувствія, которое вы намъ не переставали оказывать. Нельзя сказать, однако, чтобъ между папой и Италіей существовало разогласіе. Если святой отецъ и находится въ разладѣ съ туринскимъ дворомъ, то все же отношенія его къ Италиі превосходны. Будучи самъ итальянцемъ и, притомъ, первымъ изъ итальянцевъ, онъ страдаетъ горемъ своей родины и съ глубокой печалью смотритъ на тяжкія испытанія, поражающія итальянскую церковь.

«Входить же въ переговоры съ грабителями, (продолжалъ Антонелли) мы никогда не намѣрены. Могу повторить только то, что всякое примиреніе на этомъ основаніи невозможно, несмотря ни на какія оговорки. Какъ скоро мы приняли бы его, мы бы подали бы поводъ къ тому убѣжденію, что мы одобряемъ ихъ поступки. Святой отецъ передъ вступленіемъ на престолъ, а кардиналы передъ своимъ назначеніемъ, клятвенно обязываются не уступать ни пяди церковной земли. Итакъ, святой отецъ не сдѣлаетъ никакой уступки въ подобномъ родѣ; ее не въ-правѣ былъ бы сдѣлать и конклавъ, точно такъ же не могли бы рѣшиться на нее ни новый папа, ни преемники его во вѣки вѣковъ.

Эту упорную рѣчь г. Лавалеть дополняетъ слѣдующимъ:

«Весьма спокойный тонъ, въ какомъ говорилъ государственный секретарь его святѣйшества, выражалъ рѣшимость, тѣмъ болѣе непоколебимую, что основаніе ея заключилось въ такой сферѣ идей, которая не подлежитъ обсужденію. Я ограничился, съ своей стороны, возраженіемъ кардиналу въ томъ смыслѣ, что самый характеръ его деклараціи налагаетъ на меня обязанность спросить его, могу ли я считать ее окончательнымъ отвѣтомъ римскаго двора и въ этомъ видѣ передать ее императорскому правительству.

Подумавъ нѣсколько, его эминенція вызвался довести о томъ до свѣдѣнія святого отца, хотя, по его убѣжденію, это было совершенно напрасно. Глубокое сознаніе его священныя обязанности внушило его святѣйшеству торжественныя деклараціи, сдѣланныя истолкованію міру, въ его окружныхъ посланіяхъ

и консисторіальныхъ рѣчахъ. Кардиналъ могъ предвидѣть мой вопросъ, отвѣтъ на который онъ обязался передать мнѣ на другой день письменно или чрезъ посредство одного изъ его прелатовъ».

Дѣйствительно, на другой день утромъ г. Лавалетъ получилъ отъ кардинала записку; въ запискѣ этой Антонелли уведомлялъ французскаго посланника, что кардиналъ не имѣетъ ничего, что онъ могъ бы прибавить къ объясненіямъ, сдѣланнымъ имъ накануне.

Депешу свою г. Лавалетъ оканчиваетъ такимъ образомъ.

«Вы предложили мнѣ, г. министръ, вопросъ: должны ли мы питать надежду, что папскій дворъ, принявъ въ соображеніе совершившіеся факты, согласится обсудить предложенія, которыя обезпечатъ бы за нимъ его достоинство, безопасность и независимость, необходимыя для пользованія властью? Съ глубокимъ сожалѣніемъ я долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; я нарушилъ бы мой долгъ, если бы оставилъ въ васъ надежду, которой я самъ не имѣю».

Нельзя не согласиться, что приведенные здѣсь два документа, лучше всего очерчиваютъ упорство и узкость взглядовъ римскаго двора, а также и вліяніе кардинала Антонелли на ходъ папскихъ дѣлъ.

Изъ прочихъ документовъ, представленныхъ законодательному собранію, нужно еще упомянуть о депешѣ г. Тувенеля къ французскому посланнику въ Туринѣ. Депеша эта была отправлена 26-го января прошлаго года.

Въ депешѣ этой г. Тувенель, извѣщая г. Бенедетти, что туринскій кабинетъ рѣшился сообщить итальянскому парламенту приготовленные имъ, но еще неотправленные документы, клонившіеся къ соглашенію съ папскимъ дворомъ, напоминаетъ посланнику, что когда упомянутые документы были конфиденціально сообщены имъ въ Парижъ, то императорское правительство не взялось передать ихъ въ Римъ.

«Обстоятельства, (объясняетъ г. Тувенель), казались намъ неблагоприятными для открытія прямыхъ переговоровъ между итальянскимъ правительствомъ и папскимъ, такъ-какъ то и другое, на основаніи неоднократно сдѣланныхъ имъ деклараций, смотря на вещи съ точекъ зрѣнія совершенно-противоположныхъ. Притомъ, соображенія, намъ предложенныя, никакъ не могли сократить разстоянія, и мы не могли, взявши на себя передачу ихъ папскому двору, сдѣлать видъ, будто бы мы надѣемся на успѣхъ плана, безъ сомнѣнія, слишкомъ радикальнаго при настоящемъ расположеніи умовъ».

Далѣе въ депешѣ г. Тувенеля оказывается желаніе французской политики, чтобы пренія, которыя тогда должны были открыться въ обѣихъ туринскихъ палатахъ, не выходили изъ

опредѣленнаго круга, для того, чтобъ разрѣшеніе римскаго вопроса не было отсрочено еще долѣе.

Замѣчательнѣе, между прочимъ, въ приводимой нами депешѣ слѣдующій взглядъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ на положеніе Италіи:

«Италіи, въ настоящихъ ся предѣлахъ (писалъ г. Тувенель), остается исполнить довольно-великое дѣло, которое одно могло бы прославить государственныхъ людей, управляющихъ ею. Если—какъ того желаютъ и надѣются истинные друзья ея—ей удастся восторжествовать, при твердости и умѣренности надъ затрудненіями, неразлучными со всякими политическими преобразованіями, то она навѣрно заслужитъ на этомъ пути уваженіе и довѣріе Европы. Услуги, намъ оказанныя и постоянная заботливость наша о будущности Италіи позволяютъ намъ говорить откровенно, и мы не сомнѣваемся, что безкорыстные совѣты, какіе мы даемъ ея правительству, будутъ приняты имъ съ тѣми же чувствами дружбы и довѣрія, которые намъ ихъ внушили.

По всей вѣроятности, читатели наши помнятъ являвшіеся въ газетахъ слухи о присоединеніи острова Сардиніи къ французской имперіи. Въ числѣ документовъ, представленныхъ теперь сенату и законодательному собранію, находятся двѣ депеши французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, относящіяся къ этому вопросу. Одна изъ нихъ адресована отъ 26 іюня прошлаго года въ Туринъ на имя графа Реневаля, другая, отъ 11 іюня того же года, къ французскому консулу въ Кальяри.

Упомянувъ въ обѣихъ депешахъ о распространившихся слухахъ касательно уступки острова Сардиніи французской имперіи, г. Тувенель говоритъ: «Мы должны громко опровергнуть эти слухи, которые бросаютъ тѣнь на нашу добросовѣстность», и предлагаетъ консулу воспользоваться съ его стороны всевозможными случаями, чтобъ воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію этихъ слуховъ въ Кальяри; и такъ-какъ слухи эти, по замѣчанію г. Тувенеля, сообщены корреспондентами лондонскихъ журналовъ, то министръ совѣтуетъ консулу объясниться по этому предмету какъ съ его товарищемъ, англійскимъ консуломъ, такъ и съ мѣстнымъ начальствомъ.

Политическая переписка Франціи по дѣламъ Северо-американскихъ штатовъ и по дѣламъ Мексики не представляетъ ничего особенно-замѣчательнаго, а потому намъ остается сказать о бумагахъ, относящихся къ Придунайскимъ княжествамъ и къ устройству Сиріи.

Рядъ бумагъ перваго рода открывается циркулярной депешей г. Тувенеля, отъ 1 мая 1861 года, къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ съ увѣдомленіемъ о предложеніи Порты, одобренномъ въ главныхъ его основаніяхъ французскимъ правительствомъ.

Изъ этихъ же бумагъ видно, что въ тотъ же самый день когда французскій министръ иностранныхъ дѣлъ разсылалъ свой циркуляръ, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ приглашалъ европейскіе кабинеты отсрочить пересмотръ конвенціи 19-го августа 1856 года и ставилъ непремѣннымъ условіемъ, для получения согласія Порты на домогательства князя Куцы, чисто-временный и переходный характеръ сліянія обоихъ государствъ. Въсѣтъ съ этимъ онъ указывалъ на необходимость соглашенія о тѣхъ мѣрахъ, какія должны быть принимаемы въ случаѣ, если бы молдаво-валахское правительство нарушило свои обязанности, причемъ онъ полагалъ предоставить князю Куцѣ пересмотръ избирательнаго закона.

Замѣчательно далѣе циркулярное предложеніе г. Тувенеля на имя представителей Франціи при великихъ европейскихъ державахъ. Въ этомъ предложеніи, разосланномъ 13-го мая, министръ совѣтуеъ кабинетамъ заявлять свои мнѣнія объ устройствѣ Придунайскихъ княжествъ въ видѣ отдѣльныхъ отъзвовъ на имя Оттоманской порты, полагая, что такою формою сношеній удастся избѣжать тѣ затрудненія, которыя можетъ повлечь за собою вопросъ объ участіи итальянскаго правительства въ переговорахъ касательно Придунайскихъ княжествъ.

Такимъ-образомъ представленіе французскимъ правительствомъ сенату и законодательному собранію дипломатической переписки обнаружило нѣсколько обстоятельствъ по главнѣйшимъ политическимъ вопросамъ, бывшимъ доселѣ неизвѣстными европейской журналистикѣ.

VI. Политика Пруссіи въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ.

Къ числу тягучихъ и безвѣтныхъ, но всѣтъ съ тѣмъ стоящихъ на видной очереди вопросовъ принадлежитъ вопросъ шлезвигъ-голштинскій, тоже движимый чувствомъ національности. Вопросъ этотъ то стихаетъ на-время, то появляется снова въ дипломатической перепискѣ разныхъ европейскихъ дворовъ, преимущественно же берлинскаго и копенгагенскаго; порою говоръ о шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ раздается на франкфуртскомъ сеймѣ и тогда вопросъ этотъ получаетъ большее значеніе.

Всего болѣе трудится по этому вопросу Пруссія, смотря на него прямо съ точки зрѣнія германской національности; и такъ-какъ вообще участіе Пруссіи въ дѣлахъ европейской политики при всей важности этой державы, какъ одной изъ первенствующихъ—въ настоящую пору весьма слабо, то одинъ изъ англійскихъ журналовъ не безъ основанія замѣтилъ, что еслибы, сверхъ всякаго ожиданія, былъ разрѣшонъ шлезвигъ-голштинскій вопросъ, то Пруссія могла бы уничтожить у себя министерство иностранныхъ дѣлъ. Дѣйствительно, это одинъ высшій во-

прось, въ которомъ прусское правительство принимаетъ постоянное и неслабляющееся участіе. Во имя этого вопроса, оно вѣдѣтъ съ Франкфуртскимъ сеймомъ, наполняетъ портфели европейскихъ кабинетовъ множествомъ депешъ, циркуляровъ, телеграммъ, нотъ, контрнотъ и пр. Пруссія, желая привлечь на свою сторону національную партію въ Германіи, придаетъ шлезвигъ-голлштинскому дѣлу огромныя размѣры и выставляетъ его какъ одно изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ самостоятельность и политическое могущество Германіи.

Въ настоящее время въ газетахъ появились ноты, которыми въ последнее время взаимно помѣнялись между собою министры иностранныхъ дѣлъ прусскій и датскій, по поводу нѣмецкихъ герпогствъ, подвластныхъ датской коронѣ.

Нота г. Галля, датскаго министра, излагаетъ вкратцѣ тѣ пункты, которые служатъ поводомъ къ поддержанію несогласій между кабинетами берлинскимъ и копенгагенскимъ. Извѣстно, что въ 1852 году, вслѣдствіе событій 1848 и 1849 годовъ, заключенъ былъ между Германіей и Даніей особый договоръ, по которому дана была общая всему королевству конституція, существовавшая безъ всякой переменны въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ 1854 до 1858 года. Нота г. Галля ведетъ изложеніе событій съ послѣдняго года.

«Начиная съ 1858 года (говоритъ датскій министръ иностранныхъ дѣлъ,) германскій союзъ усиливается мало-по-малу отторгнуть Голштинію отъ того конституціоннаго единства съ датскою монархіею, которое было установлено прокламаціею 2-го января 1852 года. Возстановленіе этого единства должно обусловиться, по мнѣнію Франкфуртскаго сейма, согласіемъ голштинскихъ чиновъ, но въ то же время сеймъ словамъ: «равенство правъ и независимость» придаетъ такое значеніе, какое несомнѣнимо съ цѣlostью Датской монархіи. Въ заключеніе же всего сеймъ потребовалъ, чтобы голштинскіе штаты пользовались, въ отношеніи законодательства и финансоваго управленія, властью въ такихъ же точно размѣрахъ, какіе представлены въ этомъ отношеніи общему датскому парламенту—властью, которая, въ силу прокламаціи 28-го января 1852 года была самымъ положительнымъ образомъ исключена изъ правъ, принадлежавшихъ штатамъ отдѣльныхъ областей и ввѣрена только одному общему представительному собранію монархіи.»

Хотя г. Галль и приписываетъ такія неумѣстныя требованія Франкфуртскому сейму, но кто имѣлъ случай слѣдить за ходомъ голштинскаго вопроса по дипломатической перепискѣ между Берлиномъ и Копенгагеномъ, тотъ очень хорошо пойметъ, что все, приписываемое здѣсь Франкфуртскому сейму, относится прямо къ прусской политикѣ, подъ прямымъ вліяніемъ которой сеймъ, безъ особыхъ оговорокъ, пишетъ ноты по шлезвигъ-голлштинскому дѣлу.

Собственно весь настоящій разладъ между Пруссіей и Даніей заключается въ истолкованіи выраженія «равенство правъ» при примѣненіи ихъ къ нѣмецкимъ герцогствамъ, подвластнымъ Даніи. Говоря въ прокламаціи 28 января 1852 года о равенствѣ правъ, предоставляемыхъ герцогствамъ, датское правительство обѣщало съ своей стороны уравнивать Голштинію и Лауенбургъ съ прочими провинціями королевства, между тѣмъ какъ прусское правительство истолковываетъ это выраженіе, по своему, въ духѣ нѣмецкой національности.

По толкованіямъ прусской дипломатіи, нѣмецкія герцогства должны пользоваться правами несравненно большими, нежели прочія провинціи королевства и свои доводы въ этомъ случаѣ берлинскій кабинетъ основываетъ единственно на превосходствѣ числа населенія герцогствъ сравнительно съ остальными областями, принадлежащими датской коронѣ.

Смотря съ этой точки зрѣнія, Пруссія представляетъ датскому правительству свои особыя требованія, долженствующія, по толкованію графа Бернсторфа, привести обѣ державы къ взаимному соглашенію. Въ этомъ случаѣ притязательныя требованія Пруссіи не ограничиваются только тѣмъ, чтобы Данія немедленно пришла къ соглашенію съ Голштиніей; но и представляютъ обязательныя для Даніи условія этого соглашенія, предоставляя въ то же время голштинскимъ штатамъ право подать свой нѣмецкій голосъ не только касательно общаго, окончательнаго договора, но и касательно всѣхъ временныхъ постановленій.

Очевидно, что при этихъ условіяхъ не можетъ состояться никакого соглашенія; въ этомъ случаѣ датскому правительству придется договариваться въ одно и то же время съ Голштиніей, Пруссіей и Франкфуртскимъ сеймомъ, а между тѣмъ каждое изъ его предложеній встрѣчаетъ неминуемо противорѣчіе въ одной изъ соприкасающихся къ этому дѣлу сторонъ, и сверхъ того каждая уступка со стороны Даніи становится невозвратимою потерей, усиливая требовательность ея противниковъ. Въ то же время масса дипломатическихъ документовъ принимаетъ ужасные размѣры, а сложность дѣла запутываетъ его все болѣе и болѣе.

Въ послѣдней своей нотѣ г. Галль предлагаетъ Голштиніи установить, съ согласія Франкфуртскаго сейма, временную систему администраціи, а между тѣмъ предоставить королю обсудить подробности будущей конституціи для этой провинціи. Предложеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило въ Берлинѣ уклончивый отвѣтъ, голштинцы съ своей стороны прямо отвергаютъ это предложеніе, а Германія не соглашается ни на какія временныя сдѣлки, требуя, чтобы датскій король разъ на всегда исполнилъ принятые имъ на себя въ 1852 году обязательства и исполнилъ бы въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этимъ обязательствамъ прусская дипломатія.

ФЕЛЬТОНЪ.

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ИЗЪ АДА.

Милостивый государы!

Съ-тѣхъ-поръ, какъ вамъ высокодаровитый предшественникъ Осипъ Ивановичъ Сеньковский (между нами сказать, гораздо лучше васъ понимавшій вкусы и наклонности русской публики) написалъ столь вѣрную и такъ близко касающуюся земной планеты оцену въ «аду», съ-тѣхъ-поръ, говорю я, несмотря на такое широкое развитіе въ вашемъ отечествѣ гласности, объ «адѣ» и его злоупотребленіяхъ не было сказано ни слова; а сами согласитесь, по вашему же принципу, такія порочныя существа, какъ черти, не должны же быть оставляемы въ покоѣ: ихъ надобно обличать, и имена ихъ, какъ имя Козлиннова, предавать позору. Въ этомъ случаѣ я рѣшился взять на себя эту великую обязанность и, какъ вы увидите изъ моей коротенькой біографіи, имѣю на это нѣкоторое право: во-первыхъ, до-сихъ-поръ я, ничтожѣйшее существо въ «аду». Пробовавъ—было сначала служить, и вся служба моя состояла въ томъ, чтобы записывать прабывающихъ въ адѣ грѣшниковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, чина и званія; но не могъ: скучно показалось, да и умишка, откровенно сказать, не совсѣмъ хватало. Занялся потомъ торговлей и поступилъ въ прикащики къ чорту, торгующему въ аду каменнымъ углемъ. Товаръ этотъ, по потребленію своему въ аду, развѣ можетъ только равняться вашей водкѣ, потому что кромѣ частнаго употребленія каждымъ чортикомъ въ петлѣху себѣ, онъ забирается

и правительствомъ, для поджиганія грѣшниковъ, въ страшнѣйшемъ количествѣ и по цѣнамъ, неуступающимъ вашимъ севастопольскимъ цѣнамъ. Мѣсто было прекрасное; но я, по благородству своего характера, не только не нажилъ себѣ ничего; но даже, захвативъ часть хозяйскихъ денегъ, промоталъ ихъ—и меня прогнали. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, я съ нѣсколькими подобными мнѣ товарищами, желая показать, что мы изъ самыхъ передовыхъ чертей и раздѣляемъ вполне современные понятія, образовалъ изъ себя легионъ и, принявъ образъ мулатовъ, отправилися въ Америку освобождать негровъ. Приѣмъ былъ восхитительный! Дамы осыпали насъ цвѣтами, мужчины пили наше здоровье. Но этотъ проклятой Макъ-Клеланъ недолгъ такъ насъ отчесалъ, что я первый далъ тягу. Я, вообще, долженъ сказать, чертъ осторожный: принять нѣсколько палочныхъ ударовъ за идею я готовъ, и перенесу это съ полянѣйшимъ спокойствіемъ; но, чтобы жизнію пожертвовать — никогда! Воспользовавшись обычаемъ американскихъ солдатъ выходить въ отставку когда имъ угодно, хоть бы даже въ самый пылъ сраженія, я, придравшись будто-бы къ неполной выдачѣ кофейной порціи, уволилъ себя и возвратился вспять, на родину. Не могу описать вамъ моего озлобленнаго состоянія; всѣ чертовскія страсти меня волновали каждоминутно: мнѣ хотѣлось и золотыхъ роговъ... хотѣлось прослыть тѣмъ поэтическимъ демономъ, который такъ прекрасно, хоть и безъ всякаго смысла, клянется у вашего Дермантова... хотѣлось, наконецъ, быть, по-крайней мѣрѣ, бездарнымъ дьяволомъ Фридерика Сулье и разойтись по свѣту въ такомъ пріятномъ количествѣ экземпляровъ; но до-сихъ-поръ ничего этого нѣтъ, и потому можете судить, до какой степени я, свѣдаемый завистью, злобой, сталъ чутокъ къ порокамъ дьяволовъ: каждое ихъ чехвальное поматываніе роговъ, каждый самодовольный взмахъ хвостомъ, каждое корыстолюбивое запусканіе ихъ лапы, во чтобы то ни было, пріятное для чертей, меня раздражаетъ до бѣшенства. Будьте столько великодушны, дайте мѣсто на страницахъ вашего журнала излиться всей моей злобѣ.

Я, въ этомъ случаѣ, не беспокойтесь, не буду похожъ на вашихъ земныхъ обличителей, не впаду въ мелочи и буду брать самыхъ крупныхъ лицъ, уже отчасти извѣстныхъ русской публикѣ изъ «*Большого выхода сатаны*». Начну съ Астарота, чорта-политика. (Читателю, можетъ быть, неизвѣстно, что обязанность чор-

та-политика совершенно противоположна обязанности лорда Пальмерстона, который, къ искреннему неудовольствію всего ада, почти въ каждой рѣчи своей говорить, что всѣ его старанія направлены къ сохраненію мира между человѣчествомъ. Политикъ-чортъ, напротивъ, долженъ заводить какъ можно больше войнъ и доставлять такимъ образомъ грѣшниковъ въ адъ). Надобно сказать, что предшественникъ, по службѣ, Астарота, такъ блистательно-начавшій свое политическое поприще изобрѣтеніемъ Магомета и напускомъ дикихъ и фанатическихъ племенъ на философствующую Грецію, дѣйствовалъ и потомъ превосходно: одна тридцатилѣтняя война доставила аду нѣсколько миліоновъ душъ, потому-что каждый убитый на полѣ сраженія лютеранинъ, по католическому ученію, попадалъ въ адъ, и наоборотъ: каждый католикъ, по Лютеру, тоже шелъ къ намъ. Совершивши такіе подвиги, старикъ, разумѣется, поустать, даже можетъ быть позалѣнился немножко; но въ аду, точно также какъ и у васъ, на землѣ, сейчасъ же воспользовались этимъ и пошли противъ него козни, интриги и наконецъ, нынѣшній политикъ-Асторадъ подалъ сатанѣ проектъ объ образованіи французской революціи. Вы не можете вообразить себѣ того восторга, когда была читана записка по этому предмету въ присутствіи сатаны и при многочислѣннѣйшемъ стеченіи чертей. Ожидали самыхъ блестящихъ результатовъ: и въ началѣ, дѣйствительно, шло недурно: Якобинцы и Монтаньяры душили своихъ и отчасти самихъ себя въ весьма удовлетворительномъ для ада количествѣ, а потомъ корсиканецъ пошелъ ужъ на всю Европу съ проповѣдываніемъ «новыхъ вооруженныхъ идей», которыя, впрочемъ, доѣхали только до рейпскихъ провинцій, а дальше ужъ шли одни штыки и солдаты. Затѣмъ русскій морозъ въ сентябрѣ, переправа черезъ Березину, битва при Ватерлоо были послѣдними его порядочными дѣлами, а дальше мы только-что и видимъ, что инерція и инерція, потому-что, какъ хотите, господа, а ваша крымская кампанія, и послѣдняя итальянская, въ смыслѣ дьявольскаго творчества — весьма слабыя созданія. Какъ это можно, помилуйте! довести итальянцевъ и французовъ до четверугольника и остановить на томъ. Для чего же, послѣ этого какъ—не для рѣзни, и устройствъ, и усовершенствованъ этотъ четверугольникъ? Не Австрію же, въ замѣнъ дѣлѣ, охранять — велика до нея надобность чертямъ! Крѣпости, по нашимъ чертовскимъ внушеніямъ, для того имен-

но и строятся, чтобы больше на них лѣзло простаковъ и убивалось, а другая ихъ часть внутри бы ихъ съ голоду умира-ла—и, доведя до такого прекраснаго пункта, такія двѣ храбрыя арміи вдругъ остановить, тогда какъ не говоря уже объ итальянцахъ, сколько бы французовъ pour la gloire de la France легло бы на полѣ сраженія, и проклинаемые, по австрійскому конкордату, папой, прямо бы попали къ намъ. Все это впрочемъ еще нѣсколько сносно; но что уже теперь происходитъ, мнѣ даже и говорить совѣстно: видимо, что Асторадъ поудерживаетъ интересы католическаго Рима. Объ этомъ обстоятельствѣ я уже дѣлалъ доносъ сатанѣ—незнаю, какіе будутъ послѣдствія, или наконецъ въ этой Америкѣ, что это такое? чего онъ держится, спросите его: хлопка или негровъ? и зачѣмъ, наконецъ, затушаетъ дѣло «Трента»? Словомъ, этотъ господинъ, занимая такой важный постъ, видимо, не имѣетъ никакихъ убѣжденій, никакихъ ясныхъ понятій о своихъ обязанностяхъ, никакой энергіи въ исполненіи своихъ плановъ. Этакихъ властителей уже у васъ, на землѣ, начинаютъ смѣнять. Какъ же въ аду—то, при такой обширности управленія, можно допускать это!

Послѣ политики, конечно, ужь одно изъ важнѣйшихъ орудій, которыми сатана властвуетъ надъ землею, это есть журналиста. Первый лордъ-дьяволъ ея тотъ же Бубантусъ, * имѣющій совершенно противоположное назначеніе вашимъ земнымъ журналистамъ, такъ справедливо, особенно у васъ въ Россіи, считаемымъ за безкорыстныхъ просвѣтителей рода человѣческаго. Бубантусъ, какъ блестящій затмѣватель всякаго здраваго смысла, выводитель и распространитель побольшей части того, что мелко, лживо, бездарно, необразовано и дерзко, можетъ быть въ глазахъ ада и имѣетъ огромную заслугу, но все таки я долженъ сказать, что онъ нечестно и эгоистично поступаетъ въ отношеніи ближайшихъ бы, кажется, помощниковъ своихъ—чорта словесности и чорта наукъ. Изъ своихъ корыстолюбивыхъ расчетовъ онъ, съ одной стороны, преслѣдуетъ ихъ, а съ другой, профанируетъ, и не знаю, замѣчаете ли вы или нѣтъ, но у васъ, на землѣ, одна только Англія, давши Бубантусу приличное ему мѣсто, не поддается ему окончательно, да и самъ онъ тамъ, хоть не совѣмъ честенъ, но гораздо умнѣй и осповательнѣй. Во Франціи онъ почти въ услуженіи у Персиньи и наконецъ оглядитесь, господа, около себя повнимательнѣй и поймите, что въ вашемъ отечествѣ

* Смотри «Новоселье: Большой выходъ сатаны».

надѣлалъ Бубантусъ. Извѣстно ли вамъ, что онъ скверными, грязными продѣлками способствовалъ дуэли Пушкина, изморилъ и вогналъ въ чахотку журнальной работой Бѣлинскаго, очень хорошо понимая, что въ этихъ двухъ душахъ горѣлъ свѣтальникъ огненной мысли и истиннаго чувства мѣры и красоты и потомъ съ такимъ небывалымъ успѣхомъ въ Россіи распространилъ въ 55 и 56-хъ годахъ «Русскій Вѣстникъ» — журналъ весьма почтенный, но уже сами согласитесь, совершенно равнодушный къ изящной литературѣ. Но въ немъ, по крайней мѣрѣ, Бубантусъ находился въ очень честныхъ и благородныхъ отношеніяхъ съ чортомъ политики и чортомъ науки и втроемъ они дѣйствительно дѣлали серьезное дѣло; но ужь потомъ какую буламутицу онъ завелъ, такъ что даже мы, черти, удивляемся. Критическія статьи Современника, напримѣръ, рѣшительно читаются передъ сатанюю какъ обвинительные акты на бѣднаго чорта словесности, такъ что повелитель ада, болѣе принадлежащій, по свойству своей натуры, къ публицистамъ, чѣмъ къ эстетикамъ, взбѣсился на того:

— Какъ говорить, ты, каналья, позволилъ поэтамъ писать такія стихотворенія, какъ *Поэтъ и Червь*.

— Стихи то, говорить, ужь, ваша мрачность, очень мнѣ понравились, да и притомъ такъ скромно кончались: *«какое дѣло поэту мирному до васъ.»*

— Молчи!.. Посадить его въ одно пекло съ Шекспиромъ и Лессингомъ! (Хорошо и сатана-то понимаетъ вещи: онъ полагаетъ, что для того, чтобы угодить Бубантусу и вашей современной публикѣ надобно писать какъ Шекспиръ и хлопотать о томъ, о чемъ хлопоталъ Лессингъ.)

Вслѣдствіе такого въ высшей степени несправедливаго ареста чорта словесности, у васъ на землѣ уже нѣсколько лѣтъ не появлялось ни одной критической статьи, имѣющей хоть какуюнибудь цѣну, а только и слышались скорѣй какія-то подземные вздохи чѣмъ ясныя опредѣленные рѣчи. Но вотъ, года съ полтора, его выпустили изъ заточенія, но, да откусить мнѣ хвостъ послѣдняя собака, въ какомъ слабомъ и несостоятельномъ видѣ онъ явился: при всѣхъ своихъ благородныхъ стремленіяхъ сисящійся сказать что-то такое, но вмѣсто того издающій одинъ только тоскливый хрипъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе вѣроятно своего безсилія, нѣсколько прихваливающій свей недорогой товаръ. Не зная рѣшительно, что

съ собою дѣлать, онъ на нѣкоторое время вселился въ одного эстетическаго критика, притворился человѣкомъ съ глубокими страстями и глубоко чувствующимъ, произвелъ съ нимъ по Петербургу нѣсколько блестящихъ бѣснованій, и наконецъ бѣжалъ съ нимъ въ Брынскіе лѣса, гдѣ и передалъ его чорту педагогіи, возвратился въ Петербургъ и сдѣлался главнымъ сотрудникомъ журнала «Время». Добрый и умный, какъ и прежде-же, онъ безпрестанно почти противорѣчитъ себѣ и вочти что договаривается до бессмыслицы въ родѣ непосредственнаго творчества.

Точно также, какъ противъ чорга словесности, Бубантусъ поступаетъ и противъ черта науки и повижаетъ его, какъ только возможно. Припомню вамъ одинъ случай: сколько времени лежалъ подъ редакціямъ «Богданъ Хмѣльницкій» Костомарова, единственный, блестящій за послѣднее время историческій трудъ (потому что слѣдственное дѣло, произведенное г. Соловьевымъ о «Русскомъ Государствѣ», вѣроятно, и русскіе даже читатели, несмотря на все свое легковѣріе, не считаютъ за исторію). Мало этого, когда Богданъ Хмѣльницкій былъ напечатанъ, то публика, восхищавшаяся въ это время обличительной литературой, почти не замѣтила его, а московскіе историки даже не хотѣли о немъ и говорить, какъ объ явленіи, болѣе принадлежащемъ къ области беллетристики, чѣмъ науки, и только уже по выходѣ Разина, и то благодаря его соціальному значенію, раскусили, что все это очень хорошо! Чтобы затемнить дѣло, Бубантусъ по всѣмъ такъ называемымъ ученымъ рубрикамъ журналовъ, по-преимуществу пустилъ въ ходъ двѣ науки, политическую экономію и педагогію, которыя собственно и науками-то нельзя назвать, такъ какъ первую надобно перестроивать послѣ каждаго голоднаго года и финансоваго кризиса, а вторую для каждаго мальчугана писать особенную; а наукамъ естественнымъ, которыя дѣйствительно дѣло дѣлаютъ для человѣчества, отводить самыя нераспространенныя журналы и, мало еще того, дѣлаеть, по случаю ихъ, на чорта наукъ доносъ сатанѣ, что будто бы тотъ къ тому наконецъ доведетъ естествознаніе, что и ихъ, чертей, совсѣмъ не будетъ. Можете себѣ представить, какъ взбѣсился повелитель ада! «У предмѣстника твоего, говоритъ, каналья, цѣлая наука, черная магія, была замѣшана на чертахъ, а ты что дѣлаешь?» Чортъ наукъ, чтобы какъ нибудь ужь спастись, только и провищалъ: «И я готовъ, и я готовъ», и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ Америку и напустилъ оттуда въ человѣче-

скіе головы ченухи въ родѣ Столоверченія, и наконецъ, принявши образъ Юма, проѣхалъ по Европѣ и даже былъ у васъ, въ Петербургѣ.

Изъ этого короткаго перечня можете видѣть, до какой степени Бабунтусъ, когда ему дали такъ болѣзненно развиться, старался постоянно вредить чорту науки и чорту словесности; но онъ, мало того, завербовалъ къ себѣ и чорта браковъ, поднявъ такъ называемый вопросъ объ эманципаціи женщинъ, и сначала пустилъ это чрезвычайно ловко, посредствомъ чорта словесности въ произведеніяхъ вашей прекрасной писательницы Жоржъ-Зандъ. Она описывала такихъ прелестныхъ, такихъ фееподобныхъ женщинъ, что имъ дѣйствительно можно было позволить все сдѣлать. Но выши, земныя женщины, сами вы согласитесь, немножко, вѣдь, пониже сорта! имъ можно кое въ чемъ и отказать. И какъ, вѣдь, шельма тонко прикрылъ этотъ вопросъ! насовалъ такія фразы, что женщинамъ надо дать права быть и полководцами, и первыми министрами, и вести банкирскія дѣла, забывъ то, что не было еще на свѣтѣ ни одного полководца, не состоявшаго подъ командою женщины, ни одного тонкаго политика, который бы частію своихъ тонкостей не былъ одолженъ женщинамъ и ни одного собирателя богатствъ, который бы копилъ ихъ не для женщинъ. Разсчетъ тутъ былъ тотъ, что передовые люди повтому вопросу всегда будутъ холостые, которымъ очень удобно-любить вашу жену, которую вы кормите, одѣваете, сносите всѣ ея капризы, а онъ получаетъ только удовольствіе, а иногда даже и деньжонки. Другая половина человечества это — мракотлюбцы женатые, которые никакъ не могутъ понять наслажденія—стоятъ на той нравственной высотѣ, на которой, напримѣръ, стоитъ Соколинъ, и прямо, необразованные скоты, какъ какой-нибудь Отелло, говорятъ: «Милостивый Государь, если эта госпожа вамъ очень нравится, такъ не угодно ли вамъ совѣсть уже взять ее отъ меня; въ противномъ случаѣ, если вы будете оба наслаждаться на мой счетъ, такъ я васъ выброшу въ окно.» Чортъ браковъ, руководствуемый такимъ образомъ Бабунтусомъ, ожидалъ самыхъ блестящихъ послѣдствій отъ этого противоположнаго нравственнаго сопротивленія, ожидалъ, что въ каждомъ домѣ будетъ шумъ, крикъ, непрерывныя дуэли, смерть отъ любви; но—увы! чортъ финансовыхъ кризисовъ и акцеонерныхъ компаній испортилъ все дѣло, наднесъ навсе такія цѣны, что не только что любить, но даже имѣть стало не на что. Самая пылкая женщина очень хорошо поняла, что ея варваръ—

мужъ никакъ ужъ не дастъ ей денегъ на удовлетвереніе ея страстнаго сердца, такъ—какъ въ послѣднее время онъ видимо уже отказывается ей даже въ болѣе законныхъ требованіяхъ, какъ напимѣрь, шляпкѣ, бурнусѣ, тогда какъ у м-г, *qu'elle rougit* aimeг, какъ она тоже очень хорошо знала, совершенно нѣтъ денегъ, и потому—какъ это ни грустно, но зачѣмъ мѣнять вѣрное на невѣрное: «Я была мужу вѣрна, и останусь вѣрною; а этого шелопака въ пестрыхъ штанахъ, (т. е. ея обожателя) не велите и принимать; а то онъ все варенье у меня съѣлъ» съ скрытымъ вздохомъ говоритъ она своей любимой горничной дѣвушкѣ, и вслѣдъ затѣмъ принимается самымъ старательнымъ образомъ повѣрять мѣсячный расходъ. Гораздо правильнѣе и самозабвеннѣе дѣйствуютъ жены и дочери совсѣмъ уже у бѣдныхъ людей. О! онѣ готовы пожервовать для васъ всѣмъ. На вопросъ пгальянки Майкова: *гордилась ли бз она любви своей позоромъ?* Можно смѣло отвѣчать: *гордилась бы!* Но въ этомъ случаѣ самые молодые люди показываютъ гораздо менѣе страсти, чѣмъ въ отношеніи женщинъ богатыхъ. Они начинаютъ представлять изъ себя разочарованныхъ, говоря что имъ все уже надоѣло, что любить они не могутъ, и сей часъ же стараются шмыгнуть въ домъ, гдѣ лучше освѣщено, и гдѣ лучше кормятъ—словомъ, вмѣсто ожидаемыхъ скандаловъ—холодъ и приличіе повсюду!

Боюсь далѣе утомлять васъ имѣю честь быть и проч.

ОТВѢТЪ

И ПИСЕМСВАГО.

Предоставивъ фельетонисту «Библіотеки для Чтенія» вѣдаться съ своими противниками, я всѣ ругательства, помѣщенные въ «Искрѣ» и касающіяся собственно меня и моихъ убѣжденій, отдаю на судъ публики, которой, смѣю думать, достаточно уже извѣсны и мои симпатіи, и мои антипатіи. Какъ ни слабы мои труды, но моимъ непотворствомъ ни вправо, ни влѣво, я,—полагаю,—заслужилъ честное имя, которое не будетъ почеркнуто въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, взмахомъ пера какихъ-то рыляныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ оскорбителей моихъ.

А. Писемскій.

ОТВѢТЪ

НИКИТЫ БЕЗРЫЛОВА СВОИМЪ ВРАГАМЪ — ФЕЛЬЕТОНИСТУ «СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ» И ХРОНИКЕРУ «ИСАРЫ».

Непрекрасныя маски! Зачто вы такъ на меня разсердились за мой фельетонъ?—Вы говорите, что за мою отсталость. Нѣтъ, неправда! Вы инстинктивно почувствовали во мнѣ обличителя вашего, вы поняли, что я, какъ бы открывая мою душу и сердце читателю въ тоже время срываю съ васъ и съ вашихъ товарищей по ремеслу личину. У васъ также какъ и у меня, передъ тѣмъ, какъ вы садитесь писать, въ головѣ ничего нѣтъ; вы также, какъ и я, пишете о томъ, чего не понимаете, описываете то, чего не видали. Всему этому я могъ бы привести море фактическихъ доказательствъ. Я прямо и открыто говорю, что я, можетъ быть, и вру, потому что тамъ-то и тамъ-то не былъ, а гдѣ и былъ, такъ не могъ настоящимъ образомъ хорошенько уразумѣть; а вы все это дѣлаете и только скрываете, и даже вотъ теперь, скрывая истинную причину вашей на меня злобы, вы вздумали меня поддѣть насчетъ воскресныхъ школъ, но увы! Эта штука стара, ее оставить пора: вѣдти противъ хорошихъ началъ можетъ развѣ какойнибудь мономанъ. Но другое дѣло, какъ эти начала прилагаются въ самомъ обществѣ, и громадная разница между нами въ томъ и состоитъ, что для васъ достаточно фразъ, которыми вы могли бы наполнять ваши словоизліянія, а для Никиты Безрылова, худъ ли хорошъ ли онъ, надобно дѣло. Я радикаль, а вы шарлатаны — докторишки: замазавши больному то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ общее разстройство

организма, вы увѣрите его, изъ личныхъ вашихъ выгодъ, что онъ уже здоровъ; и понимаете ли вы, какъ человекъ съ нефельетонной душой, не развращенной до тла, въ которомъ осталась еще кровь и сердце, для котораго только одна правда имѣетъ высокую цѣну, какъ онъ долженъ бѣситься, мучиться, терзаться, когда вотъ ужъ около десяти почти лѣтъ, онъ только и слышитъ около себя слова, слова, слова и ни на вершокъ дѣла. Знаете-ли вы, съ какимъ замираніемъ сердца, мы прошлаго года, когда все потянулось въ воскресныя школы, думали: Господи—да небудетъ это одной только модой, а дѣломъ прочнымъ! и вотъ прошло неболѣе полутора года и наши предчувствія оказались въ высшей степени справедливыми: школы, за исключеніемъ весьма немногихъ, куда, видно, сошлись настоящіе дѣятели, почти ужъ пустуютъ учителями, и васъ не поворачиваетъ отъ мысли жить и дѣйствовать посреди такого несостоятельнаго общества! Что касается до *вы* и *мы*, то пусть ведутъ меня на плаху, я все таки буду говорить, что это одна изъ наихитрѣйшихъ нѣмецкихъ выдумокъ, изобличающая полнѣйшее незнаніе и народа и дѣтей. Вглядитесь въ семейную жизнь: развѣ хорошій отецъ станетъ сыну говорить вы? Ребенка органически нельзя насиловать и поднимать, но можно и должно до него снисходить. Крикнувъ помѣщикъ и отлично учащіе грамотъ унтеръ-офицеры—факты, въ которыхъ я столькоже виноватъ, какъ и въ вашемъ напримѣрѣ, замѣтно узкомъ міропониманіи, ради обличенія котораго я собственно и выставилъ съ одной только извѣстной стороны эмансипацію женщинъ, и твердо увѣренъ, что и вы, и то общество, которое восхищается «*Подводнымъ Камнемъ*» вначее не понимаетъ, и когда вы, въ вашей статьѣ, восклицаете про мою статью «о тупое не пониманіе!» то дѣлаете это такъ, только для форсу, чтобы бросить пыль въ глаза публикѣ. Говорите, отвѣчайте мнѣ сей часъ же, не сходя съ мѣста: что вы еще понимаете въ эмансипаціи женщинъ? И ничего не скажете, а прѣжде должны сбѣгать къ какому нибудь вашему патрону, который бы васъ поднаучилъ, и такимъ образомъ, не зная въ сущности ничего, схвативъ все съ вѣтра, и наконецъ вездѣ и во всемъ трубя съ чужого голоса, и не понимая еще хорошенько этого голоса, если онъ нѣсколько посерьезнѣе, и по умнѣй, вы это называете общественной дѣятельностью, подите вы! — Да замкнутся мои очи отъ видѣнія васъ когда нибудь; мои уши отъ слушанія васъ! Вы говорите, что я подвергнулъ насмѣшкѣ

литературныя чтенія. Позвольте! Литературныя чтенія прекрасное дѣло; но если ихъ въ годъ будутъ давать по сту и если будутъ читать по большой части одни и тѣже литераторы и передъ одной и той же публикой, какъ хотите, они теряютъ свое значеніе, что отчасти уже и есть; а между тѣмъ эти чтенія были первоначально учреждены для литературнаго фонда, для котораго они могли-бы быть одной изъ главнѣйшихъ поддержекъ и гг. литераторы, имѣвшіе удовольствіе иногда читать передъ пустой залой, очень хорошо поняли все, на что я билъ, и чего вы неуразумѣли — вините себя! Непонимать смѣху, чисто органическій недостатокъ, почти равняющійся непониманію вкуса въ пищѣ. Къ вящей досадѣ вашей я къ Святой педѣлѣ составлю проэктъ новаго чтенія, въ пользу бездарныхъ фельетонистовъ, окончательно прогнанныхъ изъ всѣхъ журналовъ, вслѣдствіе поднятія умственнаго уровня литературы, но васъ и тамъ непонимаю, потому что помѣщаю только тѣхъ литераторовъ, которыхъ заслуги литературѣ цѣню и уважаю.

Поняли-ли вы наконецъ меня и чувствуете ли, какъ я выше васъ: я даже не разсердился на васъ, чему доказательство мой спокойный тонъ; а между-тѣмъ, я, Богъ-знаетъ, какихъ эпитетовъ могъ бы надавать вамъ, сказать, на примѣръ, что бездарность ваша въ высокой степени замѣчательна, необразованіе извѣстно всѣмъ и каждому, а гражданскія добродѣтели болѣе чѣмъ под сомнѣніемъ; но я этого не говорю, потому что даже и не знаю, кто вы лично такіе!

Н. БЕЗРЫЛОВЪ.

ЛАВИНІЯ.

РОМАНЪ РУФИНИ

(АВТОРА ЛОРЕНЦО БЕНОНИ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Приложеніе къ журналу Вибліотека для Чтенія № 1, 1862 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Студія.

Въ своей мастерской, на Віа Фраттина, въ Римѣ, сидѣлъ молодой художникъ. Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, локти его опирались на спинку, подбородокъ лежалъ на скрещенныхъ ладоняхъ, глаза были прикованы къ полотну на стоявшемъ противъ него мольбертѣ. Это была большая картина, содержавшая въ себѣ не менѣе шести фигуръ во весь ростъ, на переднемъ планѣ (задній былъ едва набросанъ мѣломъ); изъ нихъ четыре были уже почти совсѣмъ окончены. Главную фигуру группы представлялъ воинъ въ одеждѣ древняго галла, слѣзающій съ горячаго скакуна и бросающій мечъ на одну изъ вѣсовыхъ чашекъ, на которой уже лежали желѣзныя гири; другая чашка была наполнена золотомъ.

Молодой человекъ глядѣлъ на эту группу далеко не съ удовольствіемъ. Его поразительно-прекрасныя черты такъ явственно выражали обманутую надежду и досаду, что на нихъ больно было смотрѣть.

Вдругъ раздался стукъ, котораго живописецъ не слышалъ, или на который онъ не обратилъ вниманія; дверь въ студию отворилась и въ нее вошелъ высокій, величавый мужчина среднихъ лѣтъ. Мы едва рѣшаемся опредѣлить его возрастъ такимъ образомъ: онъ могъ имѣть пятьдесятъ, могъ имѣть тридцать лѣтъ отъ-роду. Его коротко-остриженные, почти сѣдые волосы и борода говорили въ пользу перваго предположенія такъ же сильно, какъ второе оправдывалось отпечаткомъ молодости на его лицѣ—нѣжномъ, прекрасномъ, задумчивомъ и блѣдномъ, какъ-будто битва жизни не оставила ни одной

капли крови въ жилахъ его обладателя. Что ему приходилось выносить въ жизни жестокую борьбу—это доказывалось двумя глубокими морщинами, надавленными заботой на каждомъ изъ двухъ угловъ его рта. Онъ былъ одѣтъ просто и скромно, съ притязаніемъ болѣе на удобство и комфортъ, чѣмъ на моду, какъ можно было заключить по широкимъ складкамъ его темныхъ панталонъ и свободному верхнему платью, состоявшему не то изъ сюртука, не то изъ плаща. Шея его была обернута кусочкомъ черной шелковой матеріи, представлявшимъ видъ галстука, но такимъ узкимъ, что его едва можно было замѣтить подѣ откинутымъ воротничкомъ рубашки, необыкновенно-тонкой и бѣлой.

Нелегко было рѣшить съ перваго раза, къ какой націи онъ принадлежитъ. По общему характеру его одежды, по блѣдности его лица и по небритой бородѣ — надо признаться, скудной — его можно было принять за уроженца материка; но въ его осанкѣ, походкѣ, манерахъ была какая-то индивидуальность, какой-то отпечатокъ особенности и оригинальности, *suī generis*, которыя рѣдко выпадаютъ на долю континентальныхъ жителей. Повидимому, основательнѣе всего было предположить, что это сынъ Великобританіи, который уже давно живетъ за границей. Покрайней-мѣрѣ манера, съ какою онъ протянулъ руку и искреннее пожатіе, сообщенное ею рукѣ молодого живописца, были несомнѣнно англійскія.

— Добрый день, Паоло. Усердно работали? Вотъ что называется хороши́й мальчикъ! То-то я не видѣлся съ вами прошлый вечеръ. Дайте взглянуть. Ого! три новыя фигуры за одинъ присѣсть!

И посѣтитель началъ шарить въ карманѣ жилета, отыскивая свое скромное зрительное стеклышко.

— Не стоитъ смотрѣть,—сказалъ Паоло, съ уныніемъ.—У меня все это былъ въ прошлую ночь вотъ тутъ (и онъ ударилъ себя кулакомъ по лбу); и я засѣлъ въ своей канурѣ съ увѣренностью, что надѣлаю чудесъ сегодня. Всталъ рано, работалъ изо всѣхъ силъ — и никакого толку. У меня все это тутъ (онъ снова ударилъ себя въ лобъ), но я не въ состояніи передать свою идею.

— Вздоръ!—сказалъ собесѣдникъ, его который между тѣмъ, съ помощью стеклышка, разсматривалъ стоявшую на мольбертѣ картину.

— Ваша передняя группа сдѣлана блистательно; позвольте мнѣ сказать, что она очень хороша.

— Я ожидалъ отъ васъ чего-нибудь въ этомъ родѣ. Вы видите меня въ уныніи и хотите меня ободрить. Но въ глубинѣ души вы чувствуете, что моя группа неудачна.

— Ничего. Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Мортимеромъ. Я серьезно говорю, что это очень хорошо.

— Въ такомъ случаѣ—прервалъ Паоло, — въ васъ артистическаго чутья меньше, чѣмъ я полагалъ.

— Пусть такъ,—отвѣчалъ Мортимеръ съ спокойною улыбкой,—но дайте мнѣ договорить. Я хорошо понимаю, что вы недовольны и не можете быть довольны своимъ произведеніемъ. Недовольство собой — одно изъ преимуществъ генія.

— Отъ такого преимущества, если бы я былъ гениемъ, я отказался бы охотно. Это скорѣе судьба, чѣмъ преимущество.

— Называйте это какъ вамъ угодно,—возразилъ Мортимеръ,—но вы не можете отказаться отъ этого, какъ отъ всякой другой принадлежности вашей натуры. Преимущество или судьба, но это имѣетъ великую цѣль. Въ-самомъ-дѣлѣ, уничтожьте это побужденіе къ безконечному усовершенствованію, это постоянное порываніе къ чему-то лучшему, этотъ неумолкающій призывъ къ новымъ трудамъ и усиліямъ—и вы уничтожите корень и основу всякаго человѣческаго превосходства. Можете ли вы представить себѣ человѣка, который сидитъ предъ своимъ произведеніемъ и говоритъ: «не правда ли, какъ это хорошо?»

— Разумѣется, нѣтъ,—сказалъ Паоло;—вы не можете считать меня такимъ безумцемъ, чтобы я ожидалъ отъ человѣка совершенства. Но мнѣ грустно и досадно, что я вовсе неспособенъ воспроизвести тотъ,—хотя и несовершенный,—идеалъ, который такъ ясно рисуется въ моемъ воображеніи.

— Развѣ это несогласіе между мыслью и выполненіемъ не въ порядкѣ вещей?—возразилъ Мортимеръ.—Что удивительнаго—если вашъ идеалъ, чистое созерцаніе вашего ума, нѣсколько тускнѣетъ въ процессѣ, чрезъ который ему должно пройти, чтобы сдѣлаться осязательной дѣйствительностью? Что удивительнаго—если духовное, принимая матеріальную оболочку, теряетъ нѣкоторую долю своего блеска? Я двадцать разъ слышалъ отъ васъ самихъ, что вы допускаете этотъ фактъ.

— Можетъ-быть, вы слышали, можетъ-быть, вы правы, можетъ-быть я ошибаюсь,—отвѣчалъ Паоло, еще болѣе грустнымъ тономъ.— Но результатъ, на лицо, и онъ доказываетъ, что во мнѣ нѣтъ качествъ хорошаго живописца. Я желалъ бы быть, попрежнему, учителемъ рисованья, и зарабатывать своимъ карандашомъ по два паола въ часъ, тогда бы въ моемъ умѣ не происходило подобныхъ битвъ. Я измученъ ими. Я былъ счастливъ; но съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вы возбудили во мнѣ честолюбіе, съ-тѣхъ-поръ, какъ вы забрали себѣ въ голову сдѣлать изъ меня историческаго живописца, я не имѣю ни одного спокойнаго часа.

— Двѣ глубокія морщины около рта англичанина задрожали, и тонъ его голоса, до этихъ поръ нѣжный и ласковый, отозвался нѣкоторою горечью, когда онъ сказалъ:

— Такъ прокляните меня, пожалуйста, за одинъ разъ.

— Я!—вскричалъ Паоло,—подобно человѣку, вдругъ очнувшемуся отъ своихъ грезъ.

— Да,—продолжалъ англичанинъ,—прокляните меня, какъ причину всѣхъ вашихъ бѣдствій. Если бы не я, вы были бы счастливы; не такъ ли? Я привыкъ къ подобной признательности. Продолжайте же, про...

Паоло не далъ ему договорить. Онъ бросился къ своему другу, схватилъ его за обѣ руки, и, съ любовью глядя ему въ глаза, вскричалъ: ■■■

— Проклинать васъ! Ужь не сошли-ль вы съ ума, Мортимеръ? Проклинать васъ, моего друга, моего втораго отца! Какъ можете вы говорить эти ужасныя слова! Не обращайте вниманія на мои глупыя выходки, не считайте меня неблагодарнымъ. Я готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно. Испытайте меня. Скажите одно слово—и я брошусь, головою внизъ на мостовую. Только испытайте меня!

И Паоло стоялъ блѣдный, какъ мертвецъ; руки его дрожали, глаза были полны слезъ; онъ представлялъ собою истинное изображеніе самой энергической скорби.

Гнѣвная вспышка Мортимера, или внезапное чувство душевной боли, или же то и другое вмѣстѣ, произведенныя упреками и сѣтованіями его друга, къ счастью, не были такъ сильны, чтобы, для своего излеченія, требовать этого довольно геройскаго и эксцентрическаго средства—скачка на Фраттинскій проспектъ, съ высоты третьяго этажа. Англичанинъ ограничился тѣмъ, что сказалъ ласково:

— Вотъ какъ! У васъ всегда крайности. И такъ будетъ до конца, я думаю. Полно, утѣштесь, и скажите мнѣ, какой недостатокъ вы находите въ этой группѣ?

— Сейчасъ скажу—отвѣчалъ Паоло, будучи не въ состояніи вдругъ успокоиться отъ своего волненія.—Всегда крайности—да, вы правы. Мнѣ стыдно за самого себя. Впрочемъ, если бы вы подосадовали, посердичились и пошумѣли ради компаніи, это было бы для меня утѣшеніемъ. Но вы принимаете вещи такъ хладнокровно; ничто не можетъ вывести васъ изъ вашей британской флегмы.

— Британской флегмы!—повторилъ англичанинъ со смѣхомъ. — Сколько разъ я говорилъ вамъ, что британская флегма, подобно многимъ другимъ предметамъ, приписываемымъ англичанамъ, есть товаръ чисто-континентальной фабрикаціи? Посмотрѣли бы вы на нашу палату общинъ иногда, и на наши станціи желѣзныхъ дорогъ или на наши толпы во всякое время, и тогда судили бы, какова наша флегма! Да, мой дорогой синьоръ, мы—зажигательныя спички: при малѣйшемъ прикосновеніи къ намъ, мы вспыхиваемъ пламенемъ. Какой-нибудь новый пѣвецъ, патріотъ, гишопотамъ, какая-нибудь небывалая метода леченія—все производитъ въ насъ пожаръ. Мы—самая бѣшеная, безразсудная, восторженная порода животныхъ; мы волканы подъ ледяною корою; для насъ жизнь — это скачка, это буря; удовольствіе, трудъ, добродѣтель, порокъ—все у насъ выходитъ изъ границъ. Государственные люди, писатели, артисты — всѣ они работаютъ у насъ усиленнымъ образомъ и умираютъ отъ излишняго обремененія мозга. Самый хмѣль измѣняетъ у насъ свойство и имя и становится горячечнымъ бредомъ.

Паоло не имѣлъ данныхъ, чтобы опровергнуть или подтвердить слова Мортимера, ни расположенія къ тому или другому. У англичанина былъ конекъ—выражать иногда о своихъ соотечественникахъ мнѣнія несовсѣмъ лестныя, а главное, находящіяся въ странномъ противорѣчій съ общепринятыми взглядами; а другимъ его конькомъ было — не позволять никому ни противорѣчать, ни поддакивать въ этомъ случаѣ. Такъ любящая мать, браня своего капризнаго но лю-

бнаго ребенка, не терпите, чтобы кто-нибудь соглашался съ нею или спорилъ.

— Ну, теперь,—началъ опять Мортимеръ, послѣ нѣкоторой паузы, во время которой онъ внимательно разсматривалъ картину Паоло,—что имѣете вы противъ вашего Бреннуса? Мнѣ онъ кажется очень красивымъ дѣтшиной.

Вы сочтете меня черезчуръ строгимъ критикомъ, если я скажу, что его движеніе, на мой глазъ, не довольно характеристично выражаетъ то, что онъ дѣлаетъ.

— Другими словами,—возразилъ Мортимеръ,—вы недовольны на него за то, что онъ неотчетливо произноситъ знаменитое «*vae victis*». Вамъ бы слѣдовало вложить ему въ зубы бумажку съ этою надписью, какъ дѣлали многіе изъ прежнихъ живописцевъ. Но шутки въ сторону. Позвольте мнѣ сказать вамъ, милый другъ, что искусство имѣетъ свои границы, за которыми нѣтъ ничего кромѣ хаоса и безпорядка. Какъ-скоро живописецъ ярко и сильно выразилъ страсти, которыя характеризуютъ предстоящее герою дѣло, (напр. здѣсь эти страсти—дикое презрѣніе и корыстолюбіе)—предметъ и цѣль искусства достигнуты. Мы можемъ оставить Бренна и перейти къ Сульпицію. Что въ немъ неладно?

Послѣ минутной нерѣшимости, Паоло отвѣчалъ:

— У Сульпиція натянутый видъ; ему недостаетъ естественности и простоты.

— Въ этомъ замѣчаніи есть доля правды, сказалъ Мортимеръ, нѣсколько подумавъ. Неумѣстный патриотизмъ встиснулъ вашъ сюжетъ въ неудобную рамку аллегоріи, и это даетъ Сульпицію и компаніи (только не Бренну) такой принужденный видъ, а всей картинѣ—нѣчто несогласное съ впечатлѣніемъ, которое должно было бы произвести на насъ представляемое дѣйствіе. Простота исполненія предполагаетъ простоту концепціи, а ваша концепція—такъ сказать сложнаго ордена. Здѣсь люди и страсти, существовавшія двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, поставлены рядомъ съ людьми и страстями нынѣшняго времени. Вы знаете—я всегда былъ противъ этого ненатуральнаго соединенія двухъ, столь различныхъ между собою, эпохъ и элементовъ. Еслибы у васъ достало мужества выбросить изъ вашей картины новѣйшую стихію, которая вредитъ древней, то нельзя и выразить до чего дошолъ бы вашъ успѣхъ. Даже и въ настоящемъ видѣ—вѣрьте моему слову—это хорошая картина и Бренна—красивый молодецъ.

Паоло нѣсколько помолчалъ, какъ бы взвѣсивая аргументы своего друга, потомъ сказалъ.

— Положимъ я присутствую при совершеніи великой несправедливости. У меня нѣтъ ни дубины Геркулеса, чтобы убить льва или гидру, ни мышцъ Сампсона, чтобы поколебать столбы храма. У меня есть только палитра и кисть; и, чтобы заклеить великую неправду, я употребляю это единственное оружіе, которымъ владѣю. Неужели вы вмѣните это мнѣ въ вину?

— Сохрани меня Богъ отъ этого! — возразилъ Мортимеръ. — Я уважаю чувство, руководившее вашею кнстью; я только допытываюсь — умѣстно ли предаваться этому чувству если нѣтъ вѣроятности, что оно подвинетъ впередъ ваше искусство и вашу славу.

Паоло не отвѣчалъ; онъ привелъ въ порядокъ свою палитру и началъ прилежно работать. Мортимеръ молча слѣдилъ за движеніями его кисти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Par nobile fratrum.

Паоло былъ сынъ одного деревенскаго дворянина, Ораціо Манчини. Дорога между Витербо и Монте-Фьясконе идетъ по пустынной вулканической мѣстности, часто пересѣкаемой оврагами и ущельями. Въ одномъ изъ этихъ ущелій, имѣющемъ — если это возможно — еще болѣе грустный видъ чѣмъ другія, скрывается бѣдная жалкая деревушка, называемая, по большому обилію въ сосѣдствѣ, небольшихъ водопадовъ, «Каскателле». Въ этомъ уединенномъ уголку, мѣстѣ рожденія фамиліи Манчини, отецъ Паоло наслѣдовалъ большой домъ, съ полосой земли болѣе чѣмъ достаточною для безбѣднаго содержанія многочисленной фамиліи, если бы произведенія этой земли сколько нибудь соответствовали ея пространству. Но почва была вулканическая и негодная для обработки, такъ-что обширное имѣніе Ораціо давало ему какъ-разъ столько, чтобы, при строгой экономіи, сводить концы съ концами.

Ораціо Манчини, человекъ съ простыми и умѣренными привычками, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ дѣятельный и предприимчивый. Изучая въ Римѣ медицину, онъ много занимался геологіей и минералогіей, и по формѣ и составу почвы горъ, окружающихъ Каскателле, заключилъ, что въ нихъ должны находиться слои каменнаго угля. Поэтому онъ порядочное количество своего времени посвятилъ изслѣдованію тамошнихъ окрестностей, съ цѣлью — отыскать это сокровище.

Единственная тропинка, ведущая отъ Каскателле къ возвышенностямъ гдѣ Ораціо обыкновенно производилъ свои развѣдки, лежитъ, возлѣ Рокка, огромной груды неживописныхъ развалинъ, возвышающихся надъ дорогой во сто шагахъ отъ деревни и нѣкогда бывшихъ господскимъ жилищемъ фамиліи Родипани. Обладая благороднымъ происхожденіемъ и большими претензіями, при незначительномъ состояніи, Родипани съ незапамятныхъ временъ поселились въ Римѣ, гдѣ они приобрѣли себѣ вполне заслуженную славу — самыхъ неутомимыхъ и счастливыхъ охотниковъ за общественными мѣстами и деньгами.

Вѣрные фамильнымъ преданіямъ, послѣдній маркизъ и его младшій братъ поступили на государственную службу; первый въ качествѣ дворянина папской гвардіи, другой въ качествѣ ассистента — секретаря

ри къ одному изъ епископскихъ-аудиторовъ римской духовной консисторіи. Ни въ дѣятельности, ни въ настойчивости, ни въ гибкости, ни въ скупости, ни въ духѣ интриги, ни въ способности притворяться—словомъ, ни въ одномъ изъ качествъ, необходимыхъ для честолюбиваго попа, ассистентъ Родипани не имѣлъ недостатка, и поэтому его значеніе и богатство возрастали, между-тѣмъ какъ его старшій братъ, нечестолюбивый, пылкій теплосердечный нобиле пашской гвардіи, который не прочь былъ пошутить, хотя бы даже на счетъ его святѣйшества, получалъ болѣе выговоровъ и арестовъ чѣмъ, помышеній, и наконецъ былъ уволенъ, за неповиновеніе начальству.

При своемъ безрасудствѣ, маркизъ во все не былъ лишонъ чувства, я, подобно многимъ людямъ живаго темперамента, по минованіи перваго пыла, могъ внимать голосу разсудка, если съ нимъ говорили кротко и ласково. Но кротость и ласковость, по крайней мѣрѣ относительно его, не были въ числѣ христіанскихъ добродѣтелей бывшаго ассистента, а вынѣ капоника Родипани. Съ самаго ранняго дѣтства жесткость его манеръ и притязаніе на превосходство надъ братомъ раздражали маркиза и взаимная ихъ неприязнь росла и укрѣплялась вмѣстѣ съ ними. Говорили, что младшій Родипани преслѣдуетъ старшаго за преступленіе первородства. Такъ или иначе, но великъ былъ гнѣвъ каноника, и въ высшей степени рѣзки были его выраженія при извѣстіи о томъ, что онъ называлъ позоромъ своей фамиліи. Экс-гвардеецъ не посмотрѣлъ «на фамилію», онъ объявлялъ, что ряса его не напугаетъ и пошолъ своимъ путемъ.

Болѣе года братья были мертвы другъ для друга. По простествіи этого періода времени, маркизъ былъ приглашонъ каноникомъ на свиданіе. Съ натянутымъ, холоднымъ и официальнымъ видомъ судьи, каноникъ изложилъ, какимъ образомъ онъ—вовсе не изъ личныхъ видовъ, а единственно изъ уваженія къ общему для ихъ имени—искалъ и нашолъ средство исторгнуть маркиза изъ бѣдны, въ которую тотъ впалъ по своему безрасудству. Средство это, состояло изъ хорошей партіи, — выраженіе, подъ которымъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ разумѣли то же что и теперь, т. е. богатый бракъ. Можно представить удовольствіе слушателя при извѣстіи, имѣвшемъ такое благое основаніе и выраженномъ въ такихъ чувствительныхъ словахъ.

— Я вижу въ этомъ,—отвѣчалъ маркизъ сквозь зубы,—новое доказательство братской заботливости, которой я уже такъ много обязанъ, хотя, къ сожалѣнію, не могу вполне удовлетворить требованію, внушенному такимъ братскимъ участіемъ. И я тоже, по странной симпатіи, думалъ о бракѣ; какъ о средствѣ къ спасенію, и въ настоящее время готовлюсь уже вступить въ святыя узы супружества.

— Безъ сомнѣнія,—замѣтилъ каноникъ съ усмѣшкой,—избранная особа достойна предпочтенія, оказаннаго ей такимъ знатокомъ. Могу ли я узнать имя этой счастливцы, которая будетъ моею невѣсткой?

Маркизъ отвѣчалъ, что его высокопреподобіе можетъ, если ему

угодно, узнать это имя въ слѣдующее воскресенье, въ приходской церкви св. Сабинны, гдѣ будетъ происходить оглашеніе.

Оглашеніе сдѣлано и имя будущей маркизы, дочери незначительнаго торговца, произнесено съ кафедры, чтобы сдѣлаться предметомъ толковъ для цѣлаго Рима. На зло сопротивленію каноника, бракъ былъ заключенъ; на зло насмѣшливымъ толкамъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго, онъ оказался счастливымъ. Маркизъ приобрѣлъ то, въ чемъ имѣлъ очень большую нужду, именно—руководителя; и человекъ, который возмущался подъ владычествомъ деспотическаго господина, темеръ охотно покорился кроткому управленію нѣжной и любящей жены.

Годы проходили и у супруговъ все шло какъ по маслу. Не то чтобы мужъ сдѣлался человекъмъ благоразумнымъ,—онъ обреченъ былъ на вѣчное дѣтство,—но жена была благоразумна за двухъ, и тамъ гдѣ онъ спотыкался — что было правиломъ, а вовсе не исключеніемъ —возлѣ него находилось существо, которое всегда его поддерживало. Увы! долженъ былъ наступить день, когда эта рука застыла и окончила, и не могла уже помочь ему. Этотъ день наступилъ послѣ одиннадцати лѣтъ супружества.

Горестъ вдовца имѣла всю силу урагана. Если его тѣлосложеніе кое-какъ выдержало, если онъ не лишился окончательно разсудка, то все-таки онъ сильно постарѣлъ и умственныя способности его ослабли. Одинокій и павшій духомъ, онъ сталъ искать бодрости и утѣшенія въ извѣстныхъ кварталахъ, гдѣ онъ съ увѣренностью рассчитывалъ найти бѣдствіе и нравственное паденіе; онъ обратился къ прежнимъ своимъ товарищамъ и притонамъ, къ бутылкѣ и къ игорному столу. Не было недостатка въ пугахъ и мошенникахъ обоюго пола, которые поощряли его въ безсутьствѣ и веселились на его счетъ; не было недостатка и въ ростовщикахъ, которые снабжали его фондами, для его безумныхъ издержекъ. Пока онъ могъ доставать деньги, онъ нимало не заботился о томъ, чего это стоило. Результатъ былъ обыкновенный. Въ одно прекрасное утро маркизъ Родипани проснулся разорившимся человекъмъ. Его виноградный садъ въ Ферентино, его дача близъ Фермо, даже домъ, въ которомъ онъ жилъ—словомъ, все его сколько-нибудь цѣнное имущество попало въ руки его кредиторовъ. Они оставили ему только то, что они не имѣли ни права, ни желанія взять: его наследственное имѣніе въ Каскателло, состоявшее изъ дома въ развалинахъ и негодной земли, которая была заложена за двойную сумму противъ ея стоимости и съ которой доходъ равнялся нулю.

Маркизъ былъ уже теперь глухъ ко всякому чувству стыда и самоуваженія, и потому, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, онъ ни минуты не колебался—обратиться за помощью къ своему брату, съ которымъ былъ въ полномъ разладѣ уже шестнадцать лѣтъ. Онъ написалъ ему письмо и, получивъ отвѣтъ, какого и слѣдовало ожидать отъ бывшаго каноника, нынѣ епископа «in partibus», Родипани. Отвѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Ваше признаніе, что вы

сдѣлались нищимъ, нисколько меня не удивляетъ. Я никогда не думалъ, что вы кончите иначе, и удивляюсь только тому, что вамъ потребовалось такъ много времени для достиженія подобной развязки. Избавьте сейчасъ Римъ и меня отъ вашего присутствія и отправляйтесь въ Каскателле. Подъ этимъ условіемъ я, для предохраненія имени, которое вы носите, отъ позора, назначаю вамъ небольшой ежегодный пенсіонъ».

Маркизь, въ бѣшенствѣ, немедленно отвѣчалъ на это требованіе дружищъ. «Я съ презрѣніемъ отвергаю вашъ ultimatum и предлагаю свой. Если чрезъ три дня отъ сего числа я не получу отъ васъ обязательства—дать мнѣ пожизненно по шестидесяти скуди въ мѣсяцъ, то, кланусь Богомъ, я до такой степени унижу имя Родипани, что оно дѣйствительно сдѣлается позоромъ для всѣхъ, кто его носитъ».

Требуемый документъ не явился въ назначенный срокъ — и маркизь приступилъ къ исполненію своей угрозы. Онъ отбросилъ въ сторону тотъ остатокъ приличія, отъ котораго никогда не отказываются люди хорошаго рожденія и воспитанія, даже во времена самаго необузданнаго безпутства. Онъ посѣщалъ притоны самой низкой сволочи и выбиралъ себѣ товарищей между самыми отъявленными изъ римскихъ негодяевъ. Съ трубой въ зубахъ, покрытый лохмотями, онъ расхаживалъ на Корсо, или красовался на Пинчіо подъ-руку съ извѣстными мошенниками, или съ потерянными жеңципнами. Но его бѣшеная жажда самоуниженія не была удовлетворена этими ежедневными продѣлками. Публика привыкла къ нимъ и онъ потеряли свой эффектъ. Онъ долженъ былъ кончить чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ предложилъ свои услуги содержателю Тординоскаго театра и явился на сцену въ качествѣ актера хореографической труппы въ балетѣ. Скандаль былъ громаденъ, какъ только онъ могъ того желать: весь Римъ бросился смотрѣть на *дебютъ* маркиза Родипани. Приказъ министра полиціи, легко выпрошенный епископомъ, положилъ конецъ этимъ унизительнымъ зрѣлищамъ. Новому дебютанту было приказано оставить Римъ въ теченіе сорока-восьми часовъ и отправиться въ Каскателле. Общанія, мольбы, убѣжденія не помогли; волей или неволей—онъ долженъ былъ повиноваться.

Что бы ни дѣлалъ человекъ для искаженія своей нравственной природы, рука Того, по чьему образу онъ сотворенъ, будетъ замѣтна въ какомъ-либо уголкѣ его существованія. Такъ было и съ тѣмъ кускомъ цинизма и себялюбія, который былъ извѣстенъ подъ именемъ маркиза Родипани. Даже онъ носилъ отпечатокъ божественнаго происхожденія, имѣлъ свой спасительный пунктъ въ нѣжной, страстной любви къ своей милой дочери. Бьянка была старшая и единственная оставшаяся въ живыхъ изъ троихъ его дѣтей. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, предчувствуя приближеніе ея, мать Бьянки наставляла на томъ, чтобы ея маленькая дочь была помѣщена въ монастырь Санта-Кьяры для воспитанія. Дѣвочка жила тамъ уже шесть

лѣтъ, и во всѣ эти шесть лѣтъ, даже среди самыхъ крайнихъ безумствъ и сумасбродствъ, которымъ предавался ея отецъ, онъ не забывалъ навѣщать ее разъ въ недѣлю, по пріемнымъ днямъ. Онъ приносилъ ей подарки, говорилъ ей какъ онъ ее любитъ, толковалъ съ нею о покойной матери.

Въ своемъ уединеніи Бьянка знала своего отца только съ той стороны, какую онъ предъ нею выказывалъ, и эта сторона была хорошо рассчитана на то, чтобы дочь его полюбила. Его заботливость, въ этомъ отношеніи, необходимая во всякое время, еще болѣе нужна была ему теперь, когда онъ пришолъ сообщить ей, съ плачемъ и вздохами, печальную новость, что она не увидитъ его больше, что онъ пришолъ съ нею проститься. Вѣдная дѣвушка была совершенно растроена этимъ извѣстіемъ. Зачѣмъ ему уѣзжать? А если это дѣйствительно необходимо, то не можетъ ли она отправить-ся вмѣстѣ съ нимъ? Эгонстъ-отецъ съ жаромъ ухватился за эту мысль. Въ самомъ дѣлѣ—что можетъ мѣшать исполненію ея? Однако же совѣсть заставила его намекнуть дочери, какое скучное мѣсто, домъ въ Каскателле для четырнадцати-лѣтней дѣвушки. «Вдво ли онъ скучнѣе монастыря,—отвѣчала Бьянка,—да и что мнѣ нужды до мѣста, пока я буду жить жить съ вами?» Короче, и отецъ и дочь сходились между собою въ мысляхъ, и потому тотчасъ же рѣшились переговорить съ настоятельницей. Маркизь Родипани сказалъ ей, что онъ намѣревается жить въ деревнѣ, что дочь хочетъ тоже уѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и потому онъ пришолъ просить, чтобы ее отпустили. Бьянка, съ своей стороны, просто и твердо объявила о своей рѣшимости.

Мать-настоятельница, естественно, представила много возраженій. Бьянка еще не кончила своего воспитанія; Бьянка еще слишкомъ молода для того, чтобы высказывать свою волю, по-крайней-мѣрѣ она, настоятельница, не отпуститъ ее, не посовѣтовавшись предварительно съ надлежащими властями. Маркизь пожелалъ узнать, какая власть, по ея мнѣнію, можетъ быть въ этомъ случаѣ выше власти отца. Аббатиса отвѣчала темными намеками относительно нѣкоторыхъ отцовъ, которые подорвали свою власть своимъ поведеніемъ. Тутъ маркизь потерялъ терпѣніе и отправился прямо къ министру полиціи. «Я готовъ выѣхать изъ Рима», сказалъ онъ, «но прежде я долженъ взять свою дочь». Министръ объявилъ, что онъ нисколько не думаетъ вмѣшиваться въ права отеческой власти, но что должно освѣдомиться, посредствомъ какого-либо въ высшей степени безупречнаго лица относительно согласія молодой дѣвушки.

Безупречнымъ посредникомъ оказался епископъ Родипани, который, при первомъ извѣстіи объ этомъ дѣлѣ, поспѣшилъ въ монастырь. Искусные допросы, ловкое ласкательство, неясныя предостереженія, открытыя угрозы—все, что могла придумать соединенная дипломатія настоятельницы и епископа, для устрашенія или убѣжденія четырнадцати-лѣтней дѣвушки, оказалось напраснымъ. Она выдержала эту долгую пытку съ твердостью, не уклонившись ни на шагъ

огь своего рѣшительнаго намѣренія. «Я иду добровольно», говорила она: онъ мой отецъ». Эти простыя слова имѣли силу въ устахъ ребенка. Епископъ in partibus и мать аббатиса почувствовали это и уступили. Маркизь съ торжествомъ увезъ Бьянку изъ монастыря, и вотъ они поселились въ Каскателле,—не въ развалившемся домѣ, годномъ только для совѣ и летучихъ мышей, а въ маленькой усадьбѣ, находившейся возлѣ него. Тамъ они жили небольшимъ жалованьемъ, которое давалъ имъ епископъ. Бьянка, хозяйка неусная и распорядительная, поддерживала, своею дѣятельностью, порядокъ и комфортъ въ домѣ, а старый сумасбродъ, ея отецъ, проклиналъ въ душѣ своего брата и тратилъ время на выдумыванье ни къ чему не ведущихъ плановъ — какъ бы сдѣлать какую-нибудь непріятность епископу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

Которую предчувствовалъ читатель.

Маркизь Родипани и его дочь жили на фермѣ уже около пяти лѣтъ, когда Ораціо Манчини, по смерти своего отца, долженъ былъ оставить свои занятія въ Римѣ и поселиться въ Каскателле. Въ своихъ экскурсіяхъ, отправляясь къ сосѣднимъ возвышенностямъ или возвращаясь домой, онъ долженъ былъ всякій разъ проходить возлѣ скромнаго жилища Родипани, потому-что другой дороги не было. Старый маркизь (которому на видъ казалось семьдесятъ лѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности ему было пятьдесятъ) имѣлъ обыкновеніе сидѣть по цѣлымъ часамъ на деревянной скамейкѣ возлѣ двери дома, грѣясь на солнцѣ, и потому для Ораціо было почти невозможно остаться незамѣченнымъ. Естественно, это повело къ взаимному обмѣну обычныхъ вѣжливостей, и не разъ слова молодого человека «адравствуйте маркизь», сказанныя въ отвѣтъ на привѣтствіе маркиза—«добрый день, докторъ», вызывали со стороны старика замѣчаніе: «а чортъ съ нимъ, съ маркизатомъ; мнѣ нужны деньги, а не титулы.» Подобныя фразы были произносимы шопотомъ, чтобы она не услышала ихъ.

Мало-по-малу привѣтствія, сказанныя вскользь, превратились въ короткіе разговоры. Ораціо, какъ единственный въ Каскателле человѣкъ, получавшій официальную «Римскую газету» останавливался на нѣсколько минутъ, чтобы сообщить маркизу новости. Маркизь значительнымъ шопотомъ спрашивалъ—не было ли какихъ происшествій между высшимъ духовенствомъ: не пристукнулъ ли кого-нибудь параличъ, не разнесли ли кого взбѣсившіяся лошади и не вышибли ль мозгъ изъ почтенной головы какого-нибудь епископа. Потомъ произошла еще новая перемѣна. Прежде, бывало, докторъ говорилъ стоя, теперь его приглашали говорить сидя, и такъ далѣе. Словомъ, къ концу года послѣ того, какъ Ораціо поселился въ Каскателле, онъ сдѣлался уже постояннымъ посѣтителемъ усадьбы «Ла-

Рокка», другомъ Бьянки, докторомъ, совѣтникомъ и повѣреннымъ маркиза Родипани.

Въ это время Бьянка была очень красивая двадцатилѣтняя дѣвушка, чувствительная, спокойная и необыкновенно серьезная для своихъ лѣтъ. Она обладала тою нравственною красою, которая лежитъ не на поверхности, а просвѣчиваетъ изнутри, какъ открытіе души чистой и возвышенной. Ея высокій, тонкій станъ, черные, какъ гагаты глаза и волосы, и бѣлая тѣла давали ей какой-то неземной видъ, который невольно напоминалъ молодому Ораціо дѣвъ-мученицъ первыхъ временъ христіанства. Поселане уподобляли ее Мадоннѣ и снимали пляпы, когда она проходила. Было что-то святое и очищающее въ самомъ ея присутствіи: оно оказывало таинственное дѣйствіе на всѣхъ, кто ее видѣлъ; въ немъ было какое-то вѣжное очарованіе, которое чувствовалъ и которому подчинился даже ея полусумасшедшій отецъ. Маркизъ становился совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Въ обществѣ своей дочери онъ велъ себя такъ же прилично, какъ любой, самый почтенный, отецъ семейства, и ни за что въ мірѣ при ней не произнесъ бы онъ не только проклятій, но даже ни одного слова громче другихъ. Иногда, бывало, онъ плутовски подмигнетъ Ораціо, желая тѣмъ выразить: «вѣдь, чертовски-славная дѣвушка, не правда ли?» А потомъ прибавитъ со вздохомъ: «какъ жаль, что вы господинъ!» Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ всегда долженъ былъ совершенно увѣриться, что она ушла изъ дому за какимъ нибудь дѣломъ, выйти на дорогу и увидѣть вдали ея бѣлое платьѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спрашивалъ съ удивленіемъ молодой Манчини.

— А то, — отвѣчалъ маркизъ, — что будь вы ветолникомъ, вы могли бы получить ее. Развѣ вы не понимаете? Этотъ старый мошенникъ «in partibus» лопнулъ бы отъ досады.

У полоумнаго маркиза это была постоянная идея, что его дочь должна выйти замужъ за человѣка низкаго происхожденія, въ пикъ его брату-епископу. Между маркизомъ и Ораціо не разъ происходили подобныя объясненія и не разъ Ораціо говорилъ себѣ со вздохомъ: «какъ жаль, что она благородная!»

Въ глазахъ Ораціо благородство происхожденія было первороднымъ грѣхомъ, который ничто не можетъ смыть. Этотъ предрасудокъ, прибрѣтенный въ самомъ раннемъ дѣтствѣ — предрасудокъ такой сильный, что онъ почти равнялся ненависти — былъ общимъ для большей части итальянскихъ патріотовъ перваго времени и людей, симпатизировавшихъ французской революціи 1789 г., къ которымъ принадлежалъ отецъ Ораціо. Нетрудно объяснить, и даже въ нѣкоторой степени оправдать это чувство вражды къ аристократамъ. Они возбудили его противъ себя не столько злоупотребленіемъ власти, сколько отсутствіемъ уваженія къ себѣ самимъ. Восемнадцатое столѣтіе, въ особенности къ своему концу, вовсе не было вѣкомъ аркадской невинности, а скорѣе совсѣмъ наоборотъ. Италия не была исключеніемъ. Тамъ господствовало развращеніе нравовъ,

которое, надо признаться, не было монополіей какого-либо одного класса; оно подтачивало все общество; однако же, нельзя отрицать того, что скептицизмъ и грубая чувственность главнымъ образомъ получили свое начало и были замѣтнѣе въ высшихъ сословіяхъ, которыя чернь всегда поставляетъ для себя образцомъ и которыхъ примѣръ оказываетъ слишкомъ рѣшительное вліяніе на общую сумму нравственности. Отсюда энергическія проклятія Альфіера и остроумные сарказмы Гольдони и Парини; отсюда горячность, съ которою они предавали патриціатъ презрѣнію и негодованію всѣхъ, въ комъ еще осталось сколько-нибудь нравственнаго чувства. Позорное паденіе послѣднихъ двухъ правительствующихъ аристократій на полуостровѣ—аристократіи генуэзской и венеціанской, которое произошло вскорѣ за тѣмъ, можетъ служить очень хорошимъ хрѣстомъ ихъ упадка и того, что осталось отъ ихъ прежняго вліянія на управляемыхъ.

Правда, съ-тѣхъ-поръ состояніе вещей медленно, но постоянно улучшалось какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Во всѣхъ классахъ общества нравственность возвысилась; патриціи сбросили свою лѣнь и пробудились для высокихъ и благородныхъ стремленій и цѣлей. Даже то поколѣніе, къ которому принадлежалъ Ораціо, видѣло многихъ людей изъ неаполитанской и пьемонтской аристократіи присоединившимися къ національному движенію 1820 и 1821 годовъ, видѣло представителей знатнѣйшихъ фамилій Ломбардіи похороненными заживо въ этомъ аду человѣческаго изобрѣтенія — въ Шпильбергъ, единственно за любовь ихъ къ родинѣ. Въ умахъ публики произошла уже реакція въ пользу привилегированныхъ классовъ. Но—такова сила первыхъ впечатлѣній и глубоко-укоренившаяся привычка думать известнымъ образомъ—даже многие изъ свидѣтелей такихъ перемѣнъ къ лучшему не хотѣли ихъ видѣть и остались къ нимъ нечувствительными, попрежнему тая и лелѣя въ душѣ свою старинную злобу. Ораціо принадлежалъ къ ихъ числу и этимъ объясняется, почему онъ скавалъ самому себѣ со вздохомъ: «какъ жаль, что она благородная!»

Однако же здѣсь не было недостатка въ смягчающихъ обстоятельствахъ. Бьянка не имѣла ни чванства, ни эгоизма, ни снисходительности къ себѣ—словомъ, ни одного изъ грѣховъ касты, къ которой она принадлежала по своему рожденію. Имя, которое она носила, не было для нея вѣнцомъ славы, благодаря поведенію ея отца. Всѣ ея знатные родственники и свойственники безмолвно отъ нея отказались. Ея перспектива была очень скромная, мало того, очень грустная; она, можно сказать, жила милостыней: отнимуть у нея эту милостыню—и Бьянка очутится лицомъ къ лицу съ нищетою. Въ случаѣ смерти ея отца единственною надеждою, которая для нея оставалась, было, что ея дядя, епископъ, найдетъ, для нея мужа. А какой это будетъ мужъ—Богъ вѣдаетъ. Дѣвушкамъ безъ приданого вообще не везетъ. И сердце Ораціо обливалось кровью при мысли, что особа съ такимъ обильнымъ запасомъ нравственныхъ достоинствъ и красоты, будетъ отдана какому-нибудь старому титулованному

развратнику. Эти и тому подобныя думы придавали новую силу двумъ фактамъ, изъ которыхъ первый, безъ сомнѣнія, уже предугадавъ читателемъ т. е. что Ораціо по уши влюбился въ Бьянку, а второму онъ имѣеть полное основаніе вѣрить; именно (мы выражаемся какъ можно умѣреннѣе), что молодая дѣвушка съ своей стороны не совсѣмъ была къ нему равнодушна.

Итакъ, въ одно утро, когда Бьянки не было дома, Ораціо вдругъ, ни съ того ни сего, сказалъ маркизу: «Знаете сосѣдъ, что я уже не господинъ?»

— Уже не господинъ? — повторилъ маркизъ съ удивленіемъ.

— Да, подтвердилъ Ораціо. Я дѣлаюсь ветошникомъ и надѣюсь, что, въ этомъ качествѣ, вы примете меня своимъ зятемъ.

— Отъ всей души!—отвѣчалъ маркизъ, въ восторгѣ,—то есть, если дочь моя будетъ согласна.

— Разумѣется,—сказалъ Ораціо,—ваше согласіе ничего не значитъ безъ согласія снѣзры Бьянки.

— Какъ взбѣлится старый мошенникъ въ фіолетовыхъ чулкахъ!—вскричалъ маркизъ, потирая руки.—Ветошникъ—именно этого нужно—славная штука! Кто надуумилъ васъ на эту мысль?

— Я рѣшился наконецъ устроить бумажную фабрику. Бумага дѣлается изъ тряпокъ, поэтому мнѣ нужно покупать тряпки: и такъ, вы видите, я уже по необходимости становлюсь ветошникомъ.

— Очень хорошо!—сказалъ маркизъ; — Но что же вы думаете дѣлать съ вашими каменноугольными копями?

— Оставить ихъ въ покоѣ: разработка ихъ слишкомъ дорого стоитъ для человѣка съ такимъ маленькимъ капиталомъ.

— А альбастровыя каменоломни, что вы открыли недавно?

— Это слишкомъ далеко да, притомъ, нѣтъ никакой дороги туда; а для мельницы у меня пропасть воды подѣ-бокѣмъ, такъ-что фабрика почти ничего не будетъ мнѣ стоить.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого разговора Бьянка вышла замужъ за Ораціо и поселилась въ его новомъ домѣ—бумажной фабрикѣ, въ которую было превращено жилище ея мужа. Маркизъ перешолъ вмѣстѣ съ дочерью и ему была отведена лучшая комната. Свадьба была отпразднована самымъ скромнымъ образомъ: никакой суеты, никакихъ приглашеній, никакихъ билетовъ — *de faire part*. Только, по внушенію Бьянки и безъ вѣдома ея отца, Ораціо написалъ приличное письмо къ епископу Родипани, съ увѣдомленіемъ о бракѣ. Епископъ отвѣчалъ четырьмя страницами брани и проклятій противъ презрѣннаго негодая, который воспользовался слабуміемъ старика и неопытностью глупой дѣвчонки, чтобы вторгнуться ему, плебею, въ благородную фамилію Родипани. Ораціо молча передалъ это гнѣвное письмо Бьянкѣ; та прочла — и, тоже не говоря ни слова, бросила его въ прудъ, гдѣ вымачивалась куча тряпокъ. Все это происходило въ началѣ лѣта 1829 г. а весною 1830 г. Бьянка подарила своего мужа прекраснымъ мальчикомъ, котораго назвали Паоло, по имени его дѣда, маркиза.

Около этого времени бумажная фабрика находилась въ полномъ

ходу. Это была трудная работа, потому-что хозяинъ мало былъ знакомъ съ практическою стороною дѣла, а работники не знали ровно ничего; и слѣдовательно ихъ нужно было еще учить. Но съ такимъ товарищемъ, какъ Бьянка, можно было преодолѣть всякую трудность, всякую безтолковость и неумѣнье. Она обладала тою зоркостью, которая не только замѣчаетъ недостатки, но угадываетъ средства исправить ихъ; она имѣла ту самоувѣренность, которая невольно внушаетъ довѣріе всѣмъ окружающимъ. Ея спокойная дѣятельность ощущалась вездѣ; ничто не было для нея слишкомъ высоко или слишкомъ низко. Она находила время и охоту для всего: и для наблюденія за завѣшиваньемъ тряпокъ, и для уплаты рабочимъ жалованья, и для веденія счетовъ, и для исполненія священныя обязанности матери, и для оказыванья помощи и утѣшенія вездѣ, гдѣ въ этомъ оказывалась нужда. Бьянка наслѣдовала геройскую душу своей матери, дочери бѣднаго торговца.

Итакъ не удивительно, что съ годами все въ маленькомъ хозяйствѣ супруговъ болѣе и болѣе улучшалось. Фабрика шла хорошо, маркизъ пожирнѣлъ и помолодѣлъ, молодой Паоло подросъ, сдѣлался красивымъ, смышленнымъ мальчикомъ, образчикомъ совершенства, разумеется, кановымъ дѣти бываютъ всегда въ глазахъ своихъ родителей. Отецъ говорилъ, что ему еще ни разу не случалось видѣть болѣе рѣшительной наклонности къ живописи, чѣмъ какая замѣтна была въ Паоло, и, согласно этому, раздувалъ въ немъ искру генія. Въ самомъ дѣлѣ даже болѣе безпристрастные наблюдатели, чѣмъ мать и отецъ, могли бы быть удивлены мыслящей фizioноміей и пристальнымъ взглядомъ четырехлѣтняго мальчика, съ которымъ онъ, бывало, смотрѣлъ на книжку съ картинками и старался скопировать изъ нея то, что ему наиболѣе нравилось. Въ этомъ возрастѣ Паоло имѣлъ свое первое горе, когда ему сказали, что онъ никогда болѣе не увидитъ свою одно-недѣльную сестру, которую онъ успѣлъ уже полюбить своимъ маленькимъ сердцемъ: «она улетѣла на небо», говорили ему, «чтобы сдѣлаться ангеломъ». Счастье на бумажной фабрикѣ было, какъ видите, не безъ примѣси, и ея обитатели имѣли свои минуты испытанія. Два года спустя, наступилъ еще другой жестокий день: маркизъ, пораженный однимъ изъ тѣхъ громopodobныхъ припадковъ, которыхъ онъ такъ часто желалъ своему брату, сошелъ въ могилу. Бьянка мужественно перенесла этотъ ударъ. Горе бываетъ сравнительно-легко для людей, соединенныхъ любовью, но страшною тяжестью подавляетъ того, кто остался горевать въ одиночество.

Весною 1837 г. въ Витербо произошло покушеніе къ возстанію.

Несчастной судьбѣ было угодно, чтобы Ораціо находился въ Витербо по дѣламъ въ самую минуту вспышки. Онъ убрался изъ города такъ скоро, какъ только могъ (ворота были заперты въ теченіе цѣлыхъ сутокъ) и поспѣшилъ въ Каскателло. Извѣстія о возстаніи въ Витербо, преувеличенныя разстояніемъ и неизвѣстностью, обогнали его, и онъ нашолъ мирную деревню въ броженіи.

Большую частью работники бумажной фабрики, вооружившись какъ только могли, съ намѣреніемъ идти къ Витербо.

Ораціо прибылъ во-время, чтобы укрѣпить ихъ горячность. Онъ держалъ въ нимъ рѣчь на рыночной площади и не безъ труда успѣлъ отговорить ихъ отъ безразсудства и возстановить спокойствіе.

Въ ту же недѣлю въ Витербо появился отрядъ жандармовъ, которые поѣхали прямо къ мельницѣ, заковали Ораціо руки и повезли его въ тюрьму, въ Монтефьясконе. Бьянка послѣдовала за нимъ туда же, но скорѣй арестантъ былъ переведенъ въ замокъ св. Ангела, въ Римѣ. Бьянка воротилась въ Каскателле для устройства дѣлъ по фабрицѣ; она не упустила изъ виду ни малѣйшей предосторожности; дала подробнѣйшія инструкціи и наставленія главному прикащику, и затѣмъ отправилась въ Римъ, взявъ съ собою и маленькаго Паоло. Ораціо былъ теперь государственнымъ преступникомъ, обвиненнымъ въ произнесеніи рѣчи къ народу на публичной площади, съ намѣреніемъ возбудить жителей Каскателле къ открытому возстанію.

Но въ Римѣ для Бьянки готовилось испытаніе особаго рода. Бѣдная женщина ожидала прибавки къ семейству; утомленіе отъ скорого путешествія и душевной тревоги имѣли своимъ результатомъ досадную болѣзнь. Первые двѣ недѣли своего пребыванія въ Римѣ она провела въ постели; она показались ей цѣлою вѣчностью. На письмѣ, посланное ею къ епископу Родипаши, она не получила отвѣта. Какъ только она была въ состояніи кое-какъ передвигать ноги, то, вопреки строгимъ приказаніямъ доктора, стала выходить и искать доступа къ епископу; никого другаго въ городѣ она не знала. Но въ жилищѣ прелата ей постоянно говорили: «Монсеньора нѣтъ дома»; «Монсеньоръ занятъ»; «Монсеньоръ не можетъ принять ее». Нѣсколько дней сряду проходившіе видѣли ее, блѣдную какъ смерть, стоящую у воротъ или сидящую на ступеняхъ палатца Родипаши. Наконецъ ей однажды удалось увидѣть его преосвященство, когда онъ входилъ въ свой экипажъ, и она обратилась къ нему. Онъ даже не повернулъ головы въ ея сторону и приказалъ кучеру ѣхать. Бьянка бросилась впередъ лошадей и остановилась, пристально смотря ему въ лицо. Въ ея взглядѣ не было презрительнаго вызова, но онъ выражалъ непоколебимую рѣшимость. Монсеньоръ, не будучи тронутъ, почувствовалъ, однакоже, какой-то трепетъ при видѣ этихъ большихъ прикованныхъ къ нему глазъ. Живые глаза такъ страшно видѣть въ лицѣ, покрытомъ мертвою блѣдностью! Его преосвященство удостоилъ выслушать ея просьбу и сказалъ, что если бы даже у него было расположеніе, то все-таки онъ не имѣетъ никакой возможности сдѣлать что-либо относительно ея мужа. Затѣмъ экипажъ епископа тронулся. Бьянка безъ чувствъ упала на мостовую. Какой-то сострадательный купецъ поднялъ ее и перенесъ въ свою лавку. Онъ и его семейство были къ ней очень добры и спрашивали, что они могутъ для нея сдѣлать. Но когда они узнали ея исторію, то покачали головами и сказали: «Бѣдная женщина! если бы вашъ мужъ сдѣлалъ убійство, то для него осталась бы еще какая нибудь надежда; но теперь...» И взгляды ихъ ясно выразили, что ей надѣяться нечего.

Во всякомъ случаѣ, она рѣшилась дѣйствовать. Всѣ ея усилія получить аудіенцію у папы остались безуспѣшными. Она была не въ состояніи пробиться черезъ тройную преграду, которую воздвигли высшіе и низшіе чиновники, чтобы охранить престолъ его святѣйшества отъ вторженія. Письма и просьбы ея не достигали своей цѣли. Она добилась доступа къ нѣкоторымъ кардиналамъ и другимъ влиятельнымъ лицамъ: изъ нихъ нѣкоторые ее отталкивали, большая часть не слушала и очень не многіе жалѣли. Между тѣмъ физическія силы ея быстро упадали. Пржевременный выходъ ея изъ комнаты имѣлъ свои несчастныя послѣдствія, изъ которыхъ однимъ было то, что она едва могла ходить. Разныя безпокойства поражали ее одно за другимъ. Съ бумажной фабрики приходили недобрыя вѣсти: деньги она получала рѣдко и въ скудномъ количествѣ: бѣдность охватила ее со всѣхъ сторонъ. Однакожъ душевная бодрость не оставляла ее слабого и умирающаго тѣла. Пока мужъ и сынъ нуждались въ ней, она не хотѣла и не могла уступить. Чтó сдѣвалось бы съ ними, если бы и она ихъ оставила?

Уже полтора года Бьянка томилась въ нищетѣ, прося у дверей подавнія, когда Богъ, въ своей благодсти, далъ ей покровителя и друга въ лицѣ одного священника, такого какимъ онъ долженъ быть по духу Евангелія—бѣднаго, смиреннаго, безкорыстнаго, безъ связей, богатаго только любовью и благотворительностью. Онъ случайно увидѣлъ ее въ передней какого-то вельможи. Добрый человекъ выслушалъ ея разсказъ и облегчилъ горе ея своимъ участіемъ. Онъ написалъ записку объ ея дѣлѣ и отдалъ ее своему единственному другу изъ высшихъ сановниковъ и одному изъ судей въ трибуналѣ Sacra Consulta, подкрѣпивъ эту записку своею рекомендаціей. Въ числѣ многихъ другихъ предметовъ вѣдомства этого суда было и управленіе тюрьмами. Судья потребовалъ свидѣній о дѣлѣ арестанта, и имя Ораціо Манцини раздалось въ комнатахъ трибунала. Этотъ родъ извѣстности послужилъ къ спасенію узника. О бѣдномъ Ораціо совсѣмъ-было забыли! Теперь его стали искать, переходя отъ тюрьмы къ тюрьмѣ, и наконецъ нашли. Обвиненія противъ него были довольно-серьезны, но ни одно изъ нихъ не было доказано; даже имя его еще ни разу не появлялось въ показаніяхъ и допросахъ по дѣлу города Витербо. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Ораціо былъ освобожденъ,—т. е. не оправданъ, а выпущенъ изъ тюрьмы по немнѣнію доказательствъ.

Никогда не бывало болѣе грустной радости. Свиданіе мужа и жены похоже было на встрѣчу двухъ призраковъ. Ораціо и Бьянка прочли въ глазахъ другъ друга, что они сошлись только на минуту, чтобы разлучиться навсегда въ этомъ мірѣ. Бьянка почувствовала непреодолимую жажду покоя; она увидала съ каждымъ днемъ, наконецъ сошла въ могилу. На смертномъ одрѣ она убѣждала своего мужа безропотно покориться волѣ Божіей и беречь свою жизнь для Паоло.

Должно быть горестъ не убиваетъ, иначе Ораціо не пережилъ бы

своей жены. При всей своей скорби, онъ жилъ довольно долго для того, чтобы видѣть, какъ сынъ его сдѣлался однимъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ академіи св. Луки, получилъ климентовскую премию и былъ увѣнчанъ въ Капитоліи, видѣлъ онъ и то, какъ его маленькое имущество въ Каскателле перешло въ чужія руки. Таковъ былъ исходъ его восьмилѣтнихъ усилій — поправить свое разрушенное состояніе. Въ 1847 г. онъ умеръ, оставивъ Паоло, семнадцатилѣтняго юношу, одного и безъ гроша.

Паоло былъ воспитанъ въ слишкомъ хорошей школѣ для того, чтобы приходить въ отчаяніе. У него не было ничего, кромѣ палитры и кисти, и онъ рѣшился зарабатывать ими дневное пропитаніе. Многие изъ его школьныхъ товарищей и друзей жили такимъ образомъ, и онъ рѣшился послѣдовать ихъ примѣру. Жизнь легка для тѣхъ, кто довольствуется коркою хлѣба и независимостью. Итакъ онъ купилъ нѣсколько дюжины гладкихъ карточекъ и выводилъ на нихъ лучшимъ своимъ почеркомъ слова: «Паоло Манчини, воспитанникъ академіи св. Луки, даетъ уроки рисованья и живописи», — когда его занятіе было прервано приходомъ незнакомаго посѣтителя. Это былъ художавый, желтый патеръ, который объявилъ, что онъ присланъ епископомъ Родигани.

При звукѣ этого неприятнаго имени кровь Паоло взволновалась и его первою мыслью было — выпроводить посланца самымъ нецеремоннымъ образомъ; но потомъ имъ овладѣло какое-то ироническое любопытство — узнать въ чемъ именно состоитъ гнусность, которую онъ предчувствовалъ, и потому онъ сталъ слушать.

— Изъ всѣхъ добродѣтелей, украшающихъ его преосвященство... началъ было говорить посланный.

— Прошу васъ, прервалъ его Паоло, поберегите вашу панегирикъ монсеньору до его смерти, а теперь прямо приступите къ дѣлу.

— Порученіе, съ которымъ я пришолъ, сказалъ тотъ, — имѣетъ чрезвычайную большую важность для васъ. Его преосвященство исполненъ самыхъ искреннихъ и смѣю сказать, отеческихъ чувствъ къ вамъ, потому что ни одинъ отецъ не можетъ заботиться о счастьи своего сына, какъ монсеньоръ заботится о вашемъ.

— Это очень мило съ его стороны, — замѣтилъ Паоло. — Но въ чемъ состоитъ цѣна этого добраго расположенія?

— Цѣна, синьоръ! — проговорилъ его собесѣдникъ притворно-изумленнымъ тономъ.

— Да, цѣна, или, если вамъ угодно, въ чемъ состоитъ условіе, потому что, вѣроятно, оно есть, которымъ я долженъ купить благо-расположеніе монсеньора?

— Его преосвященство, естественно, ожидаетъ, что вы съ своей стороны согласитесь на его требованіе.

— Чтѣ же это такое? — спросилъ Паоло.

— Вещь очень простая, не болѣе какъ форма. Монсеньоръ желаетъ, чтобы вы приняли фамилію своей матери...

— И? добивался Паоло,

— И отказались отъ фамиліи отца.

— Никогда! — сказалъ Паоло, вставая. — Скажите епископу, что я боготворю память своей матери; и еслибы это было въ обычаѣ, я съ гордостью носилъ бы ея имя. Но скажите ему также, что для меня столько же священна и память моего отца, и что никогда ради матеріальныхъ выгодъ я не разстанусь съ именемъ, которое онъ сдѣлалъ такъ почтеннымъ.

— Должно быть, — сказалъ посолъ въ смущеніи, — я не совсѣмъ ясно выразился, или вы не поняли меня.

— Какъ не понять? — спросилъ Паоло.

— Подумайте, синьоръ, не будьте слишкомъ опрометчивы. Дѣло идетъ о состояніи монсиньора, обо всемъ его состояніи — и большомъ состояніи, и вы жертвуете имъ ради пустаго предрасудка.

— Предрасудка! — повторилъ Паоло съ презрительной улыбкой. — Такъ знайте же, что бывають предрасудки, которые въ глазахъ совѣсти нѣкоторыхъ людей дороже всего золота Калифорніи и Австраліи вмѣстѣ.

Священникъ поднималъ обѣ руки вверхъ, какъ-будто такая ересь была невыносима для его слуха, и уполъ. Молодой человѣкъ сѣлъ и снова принялся за прежнюю работу. По окончаніи ея онъ отнесъ нѣсколько карточекъ въ лавки, наиболѣе посѣщаемыя иностранцами, а остальные отдалъ своимъ товарищамъ и художникамъ, для раздачи ихъ при удобномъ случаѣ. Рядъ объявленій на столбцахъ газеты, подъ названіемъ *l'Artista*, также увѣдомилъ почтенную публику, что Паоло Манчини, учитель рисованія, готовъ къ ея услугамъ. Этими средствами молодому человѣку удалось найти кое-какіе уроки, едва достаточные для того, чтобы не дать ему умереть съ голоду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Англичанинъ, другъ Паоло.

Около этого времени прибылъ въ Римъ одинъ англичанинъ, по имени Мортиморъ Торнтонъ. Онъ пріѣхалъ въ Римъ какъ пріѣхалъ бы во всякое другое мѣсто, единственно ради перемѣны, подобно больному, который, въ жару горячки, ворочается съ боку на бокъ, не столько въ надеждѣ, что новое положеніе его тѣла будетъ удобнѣе, сколько потому, что ему было нехорошо въ прежнемъ. Мистеръ Торнтонъ изъѣздилъ полсвѣта и нигдѣ не нашолъ покоя или облегченія. Его болѣзнь была одна изъ тѣхъ, которыя, по выраженію поэта, садятся въ сѣдло вмѣстѣ съ ѣздокомъ.

Мистеръ Торнтонъ былъ человѣкъ, недовольный своею судьбою. Мы просимъ у читателей извиненія въ томъ, что представляемъ имъ подобный характеръ. Онъ вообще не пользуется популярностью, что очень справедливо, потому что гораздо пріятнѣе смотрѣть на свѣтлую, чѣмъ на темную сторону жизни. Но эта разнovidность, при всей ея рѣдкости, существуетъ, и, должно быть, есть причина для ея существованія. Недовольство само по себѣ не такое красивое, перо

чтобы ктонибудь изъ насъ вздумалъ воткнуть его на свою шляпу единственно ради удовольствія носить его. Наша одѣжка большей части вещей зависитъ много отъ случая и отъ первыхъ впечатлѣнй. Прекрасная погода или проливной дождь, обязательный или грубый хозяинъ гостинницы — могутъ произвести въ нашемъ умѣ предубѣжденіе вротивъ города, посѣщеннаго нами въ первый разъ, предубѣжденіе, котораго потомъ ничѣмъ нельзя изгладить. То же можно сказать и о жизни. Вступите въ нее болѣзненнымъ, жалкимъ ребенкомъ, не имѣя никого, кто бы васъ любилъ и лелѣялъ, и тогда можно поставить десять противъ одного, что ваше одиночество и зависимость въ которую вы, по слабому здоровью, поставлены среди толпы буйныхъ и сальныхъ товарищей, окрасятъ вашъ взглядъ на жизнь грустнымъ колоритомъ. Если до двадцати лѣтъ вы росли среди заботъ и безпокойствъ какойнибудь тѣжбы, которая, въ случаѣ неудача, можетъ оставить васъ нищимъ, то, хотя бы вы наконецъ и выиграли дѣло, вы едва ли станете описывать человѣчество розовыми красками, когда попросятъ васъ изобразить его. Если вашъ недобросовѣстный опекунъ, который васъ ограбилъ, отличается хвастовствомъ и лицемеріемъ и пользуется уваженіемъ и почетомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ, то, вѣроятноже всего, вы получите сильное отвращеніе къ хвастовству и лицемерію, и что эти два порока отнестятъ вамъ за себя, представивъ васъ человѣкомъ съ черной душою, радикаломъ, социалистомъ, атеистомъ и проч., что нисколько не послужитъ къ смягченію вашей суровости. Такова была исторія Торнтона, къ которой если вы прибавите послѣднюю главу — неудачу въ любви, то не будете удивляться, встрѣтивъ его въ Римѣ такимъ же грустнымъ, измученнымъ, недовольнымъ, какимъ вы видѣли его, когда онъ, за два года предъ тѣмъ, въ первый разъ отправился путешествовать.

Мортимеръ Торнтонъ отъ природы имѣлъ много вкуса въ изящныхъ искусствахъ, и, будучи самъ живописцемъ посредственнымъ, былъ, однакоже, хорошимъ судьей и знатокомъ въ живописи и скульптурѣ. Бродя по заламъ Ватикана, онъ замѣтилъ одного молодого художника, который копировалъ, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, Фолинскую мадонну Рафаэля. Торнтонъ былъ пораженъ прекрасною и умною физиономіей молодого живописца и еще болѣе совершенствомъ его работы. Онъ остановился, сказалъ нѣсколько словъ похвалы, изъ которыхъ было видно, что и онъ самъ принадлежитъ къ цеху артистовъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ очень немногими словами, но ихъ было достаточно для того, чтобы открыть въ немъ истиннаго художника. Уходя, Торнтонъ предложилъ ему свою карточку и, съ своей стороны, пожелалъ знать имя такого талантливаго молодого человѣка, если тотъ не сочтетъ его вопросъ нескромнымъ. Паоло (это былъ онъ) далъ англичанину одну изъ карточекъ, на которой такъ старательно было написано: «Паоло Манчини даетъ уроки...» и проч.

— Вы даете уроки! — вскричалъ Мортимеръ съ удивленіемъ.

— Да, — отвѣчалъ Паоло, съ простоудушной улыбкой; — т. е. когда мнѣ удастся найти ихъ.

Мортимеръ тотчасъ же сказалъ, что ему хотѣлось бы взять у него нѣсколько уроковъ. Паоло охотно согласился. Такимъ образомъ они познакомились.

Торнтонъ очень полюбилъ Паоло; онъ считалъ его человѣкомъ съ рѣдкимъ талантомъ; въ каждомъ взмахѣ его кисти онъ видѣлъ тотъ особенный характеръ, который свидѣтельствуетъ о присутствіи въ художникѣ самобытныхъ способностей. Какая правильность и чистота очертаній! какая тонкость и энергія колорита! «Безъ сомнѣнія», говорилъ, бывало, Торнтонъ, когда они, рука объ руку, ходили по различнымъ галереямъ, «безъ сомнѣнія, вы не должны тратить свое время на уроки. Я объявляю что въ васъ есть задатки великаго живописца».

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Паоло, сомнительно покачавъ головою. — Можетъ быть, и я иногда обманывалъ себя такими же напрасными мечтами; но что изъ нихъ толку? «Non omnibus omnia», не всѣмъ — все; не стоитъ говорить объ этомъ.

Паоло вовсе не имѣлъ честолюбія. Когда учитель и ученикъ познакомились другъ съ другомъ поближе, первый дѣлался сообщителемъ; онъ яснѣе высказывался какъ человѣкъ и художникъ, и каждый день Торнтонъ принималъ въ немъ все болѣе и болѣе живое участіе въ этихъ обоихъ отношеніяхъ.

Паоло въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный молодой человѣкъ, и именно такой, какой нуженъ былъ для Мортимера при томъ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился. Полный необыкновеннаго энтузіазма къ своему искусству, къ своему Риму и ко всему добру и прекрасному, нѣсколько склонный къ меланхоліи, нетерпимый, подобно дякому, условныхъ приличій, крайній въ своей любви и въ своей ненависти, откровенный, преданный, независимый — таковъ былъ Паоло Манчини въ семнадцать лѣтъ.

«Я не оставляю Рима», думалъ Мортимеръ, «пока не внушу этому человѣку сознанія собственныхъ силъ и не поставлю его на пути къ славѣ». И м-ръ Торнтонъ разсуждалъ самъ съ собою: какими средствами можно скорѣе всего достигнуть этой цѣли, не оскорбляя щекотливости его молодого друга. Мортимеръ былъ такъ влюбленъ — и притворялся еще болѣе влюбленнымъ — въ сдѣланную Паоло копію Фолинской мадонны, что онъ захотѣлъ имѣть другую такую же копію для себя. Паоло охотно взялся исполнить его желаніе, но не хотѣлъ ничего и слышать о платѣ. Торнтонъ старался убѣдить его. Если я отнимаю у васъ время и, слѣдовательно, лишая васъ возможности зарабатывать насущный хлѣбъ уроками, то ясно, что я долженъ вознаграждать васъ за это. А то чѣмъ вы будете жить? Это былъ самый сильный аргументъ, и даже Паоло это почувствовалъ. Итакъ, они условились о цѣнѣ, которая, при всей незначительности своей, была для Паоло огромною, сравнительно съ тѣмъ, что онъ получалъ отъ уроковъ. Затѣмъ, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу.

Паоло былъ не только нечестолобивъ, но и лѣнивъ, т. е. на него находили иногда припадки лихорадочной дѣятельности, но за тѣмъ слѣдовали длинныя промежутки непобѣдимой лѣни. Мортимеръ кротко выговаривалъ ему за это, выставляя преимущество умѣреннаго, но постояннаго труда—*nulla dies sine linea*. Паоло сперва упирался, но потомъ попробовалъ исправиться, въ угоду своему другу, котораго вліяніе надъ нимъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и на столько себя дисциплинировалъ, что Мортимеръ былъ имъ доволенъ.

Такъ шли недѣли и мѣсяцы, а Мортимеръ все еще оставался въ Римѣ и вовсе не думалъ уѣзжать оттуда. Незпокойство и жажда перемѣны, которыя были отравою его жизни въ послѣдніе два года, исчезли. Въ немъ снова зашевелилась симпатія, которая такъ долго была въ застоѣ; сокровища души его, такъ долго неупотребляемыя въ дѣло, нашли себѣ надежное помѣщеніе: у него было теперь о комъ заботиться, была добрая цѣль, которой онъ рѣшился достигнуть.

Въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ молодымъ римляниномъ Мортимеръ, естественно, встрѣчался съ чужими и товарищами Паоло, которые группировались вокругъ него и признавали его своимъ вождемъ, какъ художника, самаго талантливаго между ними. Это были добрые собесѣдники, строившіе самыя дикія теоріи объ искусствѣ, и бѣдныя, какъ крысы. Они никогда не жаловались на свою судьбу, не заботились о завтрашнемъ днѣ, и, чтобы помочь своимъ товарищамъ, готовы были заложить свои плащи, если только имѣли ихъ. Ихъ манеры не были утонченны, но откровенны и искренни; ихъ шутки были иногда довольно грубы, но остроумны и оригинальны; ихъ бѣлье было нѣсколько сомнительной бѣлизны (увѣи при всемъ желаніи, не всякій имѣетъ возможность надѣвать каждый день чистую рубашку), но ихъ сердца были чисты, и это нѣсколько выкупало помянутые недостатки.

Къ такимъ прекраснымъ дѣтямъ природы человекъ съ мортимеровымъ складомъ ума долженъ былъ имѣть много сочувствія. Его легкія расширялись въ этой безхитростной атмосферѣ, какъ они расширяются у человека, который выходитъ изъ будуара, пропитаннаго запахомъ мускуса, на открытый воздухъ, рѣзкій, но вѣпрительный, въ какое нибудь мартовское утро. Нѣкоторымъ изъ этихъ молодыхъ людей, имѣвшимъ наиболѣе вліянія на Паоло, Торнтонъ открылъ свое намѣреніе, выставилъ имъ, какую ошибку дѣлаетъ молодой человекъ, что тратьте такъ много драгоценнаго времени на уроки. Такимъ образомъ Мортимеръ очень скоро приобрѣлъ себѣ сообщниковъ въ своемъ благонамѣренномъ заговорѣ противъ сказаннаго юноши. Они помогли убѣдить Паоло завести себѣ мастерскую и вполне предаться исторической живописи, о чемъ онъ и самъ иногда подумывалъ. Картина его—«Беатриче Ченчи предъ судьями» была окончена какъ разъ къ новой выставкѣ, только-что открытой на Пьяцца-дель-Пополо. Она обратила на себя нѣкоторое вниманіе и была продана за хорошую цѣну Джудиттѣ Таддеи, бывшей пѣвицѣ, которая употребляла приобретенное ею состояніе на поощреніе молодыхъ художниковъ. Синьора Джудитта рекомендовала Паоло другому шкоро-

ителю искусства, князю Торлоніа, и князь просилъ молодого человека сдѣлать рисунокъ фресковъ, которые должны были украшать потолокъ одной изъ залъ палаццо Браччіано. Паоло не только сдѣлалъ рисунокъ для потолка, но еще прибавилъ нѣсколько этюдовъ для стѣнъ. Эскизъ такъ понравился князю, что онъ предоставилъ Паоло выполнить его; но политическія волненія 1848 г. и событія, которыхъ Римъ былъ театромъ въ этотъ и въ слѣдующій годъ, по необходимости остановили работу.

Когда все затихло, Паоло возвратился въ свою мастерскую и по временамъ трудился за картиной политическаго содержанія, за которую мы и застали его—«Бреннъ въ Римѣ.» Но едва онъ набросалъ нѣсколько эскизовъ, ему пришлось оставить его, для исполненія своихъ обѣщаній князю Торлоніа.

Торнтонъ, съ своей стороны, дѣйствуя по правилу — «оставайся тамъ, гдѣ тебѣ хорошо», рѣшилъ поселиться въ Римѣ. Сильныя привязанности, средства быть полезнымъ, любовь къ искусству, свобода отъ помѣхъ и оковъ, которыя стѣсняють дѣятельность людей съ богѣзвенно-независимымъ и самоуглубленнымъ характеромъ—таковы были его побужденія къ подобной рѣшимости. Онъ нанялъ этажъ на Бабуинскомъ проспектѣ, недалеко отъ студии Паоло, устроилъ двѣ комнаты съ особеннымъ ходомъ для Паоло, и сказалъ, отдавая ему свой ключъ: «Съ этихъ поръ вы мой жилецъ; мнѣ нуженъ кто нибудь, чтобы помочь мнѣ платить за квартиру». И онъ назначилъ какую-то баснословно-дешевую ежегодную сумму, приходившуюся будто-бы на долю Паоло. Молодой человекъ, котораго всѣ лары помѣщались въ его рабочей комнатѣ, сначала совѣстился переносить ихъ въ такое аристократическое жилище и сосѣдство, но наконецъ согласился. Такимъ образомъ англичанинъ и римлянинъ стали жить вмѣстѣ, какъ отецъ съ сыномъ, или, по выраженію молодыхъ пдвѣсь ихъ кружка, какъ Менторъ съ Телемакомъ.

Фрески Паоло въ палаццо Браччіано, превозносимыя многими до небесъ и унижаемые нѣкоторыми (самое вѣрное средство къ обезпеченію успѣха), приобрѣли ему громкую репутацію. Двѣ другія картины, послѣдовавшія за тѣмъ, увеличили ее и въ 1853, когда мы встрѣчаемся съ Паоло, онъ былъ признанъ наиболее талантливейшимъ изъ всѣхъ тогдашнихъ римскихъ живописцевъ и былъ уже на хорошей дорогѣ къ славѣ и богатству.

Несмотря, однакоже, на свои успѣхи, Паоло очень скромно думалъ о своей особѣ; мало того, на него находили иногда припадки неосновательнаго унынія, чуть не отчаянія, какъ это мы уже видѣли въ первой главѣ. Это уныніе овладѣвало имъ въ особенности по окончаніи какой нибудь картины. Онъ говорилъ, бывало, что выполненіе не соотвѣтствуетъ его идеѣ, и не разъ готовъ былъ бросить кисть и палитру, еслибы не Торнтонъ, который ласкалъ его, бранилъ, убѣждалъ, сердился, какъ дѣлалъ бы это отецъ съ сыномъ или Минерва съ Телемакомъ; и, такъ или иначе, Паоло обыкновенно кончалъ признаніемъ, что Менторъ правъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

З а п и с к а .

Пока мы представляли Паоло и его друга-англичанина читателю, аренонагъ изъ поддюжины близкихъ пріятелей молодого художника, заходявшихъ регулярно каждое утро въ его мастерскую, разсматривалъ и обсуждалъ его картину, или только что омонченную имъ группу фигуръ, и признавалъ ее лучшимъ изъ всѣхъ его произведеній. Паоло охотно прислушивался къ строгимъ критическимъ замѣчаніямъ, но, естественно, конфузился при похвалѣ; поэтому, когда разговоръ принималъ слишкомъ хвалебный оттѣнокъ, онъ сказалъ: «поговоримъ теперь о чемъ нибудь другомъ. Что новаго?»

— Генералъ Францисканскаго ордена умеръ отъ разстройства желудка.

— Въ Ватиканѣ скопляется буря,—вскричали три голоса разомъ.

— Хи-хи! *uno alla volta, uno alla volta, per carità* (по одному за разъ, ради Бога) заиѣлъ небольшой блондинъ, котораго—благодаря его нѣсколько женскимъ чертамъ и тому обстоятельству, что онъ былъ ландшафтнымъ и портретнымъ живописцемъ и вмѣстѣ поэтому—прозвали Сальваторомъ Розой.

— А что за причина бури въ Ватиканѣ?

— Пьмонтъ,—возразилъ Мальва, прованный такъ за свою симпатію къ Пьмонту, которая считалась большою слабостью,—невѣрный Пьмонтъ, который грозитъ уничтожить монастыри.

— Я желалъ бы, чтобы онъ сперва уничтожилъ себя самого, —вскричалъ плосконосый скульпторъ, который, по причинѣ своего носа и своей профессіи, никогда не былъ называемъ иначе, какъ Буонаротти.—Пьмонтъ—язва Италіи,

— Фанатизмъ—язва здраваго смысла,—возразилъ Мальва.—Желалъ бы я знать, какимъ это образомъ Пьмонтъ—язва Италіи?

— Такимъ же, какъ плотина, которая задерживаетъ большую рѣку,—отвѣчалъ Буонаротти.—Еслибы не Пьмонтъ, съ его подложною свободою, то Италія была бы теперь великою и счастливою республикой.

— Подложною свободою!—возразилъ Мальва: — вотъ это мнѣ нравится! Если это—свобода подложная, то я желалъ бы знать, что такое истинная свобода. Что скажете на это вы, Менторъ?

— Я скажу, что вы совершенно правы,—отвѣчалъ Торнтонъ;—но, несмотря на это, я приглашаю васъ и Буонаротти къ порядку. Мы постановили правиломъ: не толковать здѣсь о политикѣ, и вы не должны нарушать предписанія. Гармонія и благорасположеніе могутъ быть куплены только этою цѣною.

— Да, да, вы правы!—единодушно воскликнули всѣ.

«*Bravo ben, bravo ben, così si fa*»,—напѣвалъ Сальваторъ, который снялъ свой бархатный кафтанъ и чинилъ его.

— Было ли портняжество въ числѣ талантовъ вашего тѣзки? —спросилъ кто-то у Сальватора.

— Я не пишу въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнiя, — отвѣчалъ Сальваторъ. — Во все время «*provera e vida andò Filosofia*» (философiя всегда ходила бѣдная и нагая). Современники никогда не знаютъ своихъ великихъ людей. Вспомните Гомера, Данте, Галилея и компанiю. Когда я умру, мнѣ навѣрно поставятъ памятникъ, — *ma sarà tardi allora* (но тогда уже будетъ слишкомъ поздно).

Паоло положилъ свою кисть и наблюдалъ за занятiемъ Сальваторъ, съ ласковымъ и меланхолическимъ видомъ; потомъ вскричалъ:

— Ну, что, Сальваторъ, у тебя нѣтъ въ виду ни одного дѣкаго ландшафта для любителей живописныхъ видовъ? никакой современной знаменитости, чтобы передать ей черты потомству, за скромную сумму десяти скуди?

— Теперь ничего нѣтъ, — отвѣчалъ Роза. — Я бросилъ палитру и взялся за лиру. Я пишу либретто.

И онъ зашѣлъ:

«Per comporre un dramma serio
Quattro mesi ho consumati,
Trenta scudi ho guadagnati
Dite voi come si fa?»

(На сочиненiе серьезной драмы я употребилъ четыре мѣсяца и заработалъ тридцать скуди. Скажите, какъ это случилось?)

— Кстати, какая будетъ у насъ поставлена опера въ слѣдующiй карнавалъ? — спросилъ одинъ изъ гостей, который до сихъ поръ молчалъ.

— Двѣ оперы Верди — «Il Trovatore» и «La Traviata», — сказалъ Мальва.

— Чортъ побери этого Верди! — вскричалъ Буонаротти.

— Да здравствуетъ Верди! — вскричалъ Сальваторъ.

— Верди шарлатанъ! — проревѣлъ первый.

— Дикторы! — крикнулъ Роза, вставъ и величественно махнувъ своимъ кафтаномъ по направленiю къ двери: — возьмите этого дерзкаго хулителя и низвергните его съ Тарнейской скалы!

— *Senatus populusque romanus* (сенатъ и народъ римскiй)! — загремѣлъ Буонаротти, ставъ на стулъ и жестикулируя съ театральною торжественностью: — я обвиняю этого развратителя общественныхъ нравовъ, этого читателя ложныхъ боговъ.

— Верди — генiй.

— Верди сума-а-а-сподшiй!

Между тѣмъ, какъ два спорившихъ кричали во все горло и указывали на дверь, она отворилась и на порогѣ появился молодой человекъ, въ очкахъ. Поднявъ воротникъ своего сюртука на уши и прикрывая лицо шляпой, какъ бы стараясь себя защитить и всякими другими манерами, онъ представлялъ собою комическую фигуру человека, какъ-будто смертельно испуганнаго.

— Мосье Дюжанръ, мосье Дюжанръ! — вскричали нѣсколько голосовъ.

Это было *президио* новопришедшаго, живописца *жанриста*, довольно талантливаго. Онъ не терпѣлъ ничего, кромѣ *асанра*, боготво-

рять жанръ, клялся жанромъ. Пеллжо (настоящее его имя) былъ до этихъ поръ пансіонеромъ французской школы живописи въ Римѣ. Реалистъ въ искусствѣ, любитель парадоксовъ, отъявленный скептикъ и эскуреецъ, онъ въ душѣ былъ превосходный малый, — иначе онъ не оставался бы въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ своими римскими соучениками и соперниками въ ту минуту, когда его родина и соотечественники были съ ними не совсѣмъ въ ладу.

— Развѣ варвары уже у воротъ Капитолія? — спросилъ онъ, приближаясь съ осторожностью.

— Все равно, гдѣ бы они ни были, — сказалъ Паоло. — Добро пожаловать, мосье Дюжанръ. Какъ поживаетъ Реальное?

— Очень хорошо; благодарю васъ. А Идеальное? все ли оно въ добромъ здоровьѣ, юный Телемакъ?

— Какъ всегда, — отвѣчалъ Паоло.

— Рѣшите сами, — прервалъ Сальваторъ Роза, указывая на Врена и К^о.

Французъ приставилъ къ своимъ очкамъ зрительное стеклышко, долго и пристально разсматривалъ картину и потомъ сказалъ:

— Прекрасно, но только уже *слишкомъ* прекрасно.

— Какъ такъ? — спросилъ Паоло.

— Т. е. слишкомъ прекрасно для того, чтобы быть дѣйствительнымъ. Такихъ фигуръ, какъ ваши, нельзя найти въ природѣ: это идеалы. Моему сердцу положительно больно, когда я вижу, что человѣкъ, отличающійся такимъ рисункомъ и колоритомъ, какъ вы, идетъ по ложному пути. Идеальное отжило свой вѣкъ.

— Я смогъ бы свои кисти, еслибы думалъ такимъ образомъ, — сказалъ Паоло съ жаромъ.

— Такъ сдѣлайте это, — сказалъ Дюжанръ, — или употребите свои кисти для лучшей цѣли. Вы поклоняетесь падшему кумиру. Для идеального было свое время, когда люди имѣли нѣру и досугъ; теперь же у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго; у нихъ есть интересы — и больше ничего. Реализмъ — царь нашего вѣка, вѣка паровъ, электрическихъ телеграфовъ и Калифорній. Вѣтъ реализма и его выраженія — *жанра* — нѣтъ спасенія для живописца. Съ своимъ идеализмомъ вы придаете настоящему времени видъ, котораго оно не имѣетъ.

— Да, и горжусь этимъ, если настоящее время таково, какимъ вы его описываете, — сказалъ Паоло. — Искусство, по существу своему, божественно; и изобрѣтенія, открытія, фотографіи не могутъ пережить его существа. Еслибы альфа и омега искусства состояли единственно въ воспроизведеніи того, что вы называете реальнымъ, то зачѣмъ Богъ вложилъ въ насъ это непрестанное стремленіе къ идеалу, которое составляетъ и нашу муку и нашу отраду?

— Какой же вы энтузіастъ, какъ я посмотрю! — вскричалъ Дюжанръ. — Вы довольствуетесь словами и воспламеняетесь отъ словъ. Ну, что такое идеалъ?

— Идеалъ есть тотъ божественный кругъ, которымъ Творецъ обвелъ міръ дѣйствительности, — отвѣчалъ Паоло. — Тѣмъ хуже для того, кто не видитъ этого круга.

— Врзаво!—вскричали художники хоромъ.

— Туманное опредѣленіе очень туманной вещи,—настаивалъ французъ.—Оно пришло къ намъ изъ Германіи.

— Неправда; это сказалъ одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ,—возразилъ Манчини.

— Кто бы тамъ ни сказалъ, но я, признаюсь, не вижу нигдѣ этого божественнаго круга.

— Тѣмъ хуже, сказалъ Паоло съ живостью.—Развѣ солнце менѣе ярко отъ того, что слѣпой его не видитъ?

— Полно, полно,—сказалъ Дюжанръ, добродушно, не сердитесь, выскій Телемакъ. Я готовъ скорѣе отказаться отъ реализма и сдѣлаться туманнымъ идеалистомъ, нежели оскорбить васъ.

— Да вы и не оскорбляете меня, мой дорогой другъ!—вскричалъ Паоло вставая и взявъ Дюжанра за руку;—такова ужъ моя натура, что я говорю съ жаромъ, но я, впрочемъ, не сержусь на васъ.

— Ну такъ, въ доказательство этого, вы должны придти завтра утромъ ко мнѣ, завтракать. У меня есть кусочекъ *жанра* моего собственнаго произведенія, и ящикъ бордоскаго, и мнѣ нужно знать ваше мнѣніе о томъ и другомъ. А вы, Менторъ,—могу ли я надѣяться узрѣть у себя свѣтъ очей вашихъ? Да? Хорошо, такъ приходите всѣ. Буонаротти, не забудьте привести и вашего брата, котораго я не вижу.

— Братъ мой въ деревнѣ,—сказалъ Буонаротти, онъ веркуеть какъ голубь,—влюбленъ, врѣзался по уши.

— Право?—сказалъ Паоло.—Такъ я поздравляю его и завидую его счастью. Я тоже желалъ бы влюбиться; я убѣжденъ, что любовь формируетъ человека..

— Или портить его, замѣтилъ Торнтонъ.

— Ни то ни другое, если только мы благоразумны, возразилъ Дюжанръ. Женщины—не ангелы, какими считаетъ ихъ Манчини, и не демоны, какъ называетъ ихъ Торнтонъ.

— Ради Бога, — отозвался Торнтонъ,—не приписывайте мнѣ такой неведѣльной безмыслицы. Я говорилъ, и теперь говорю, что женщины вѣтренны и что изъ одной вѣтренности онѣ, безъ всякаго нагбренія, могутъ иногда разбить два или три сердца.

— Неблагодарный!—замѣтилъ французъ.—Вы находите недостатокъ въ самомъ орудіи вашего счастья. Если бы не вѣтренность — этотъ благословенный ключъ къ ихъ сердцу, то какъ бы онѣ могли терпѣть нашу жалкую, тлзлую, себялюбивую, прозанческую особу?

— Нечего сказать, стоитъ труда пользоваться ключомъ, если онъ истекаетъ въ распоряженіи перваго проходящаго, который вздумаетъ юйти и вытолкнуть васъ вонъ!—сказалъ Торнтонъ, съ сильнымъ отѣнкомъ горечи.

— Что жъ такое?— возразилъ реалистъ.—Это одинъ изъ шансовъ ойны. Если меня прогнали здѣсь, то я пойду въ другое мѣсто — отъ я все.

— Такъ по-вашему,—сказалъ Паоло,—любовь есть не что иное какъ ювольствіе, только подъ другимъ названіемъ?

— Tu l'as dit, истина говорить твоими устами! — вскричалъ Дюжанръ, со смѣхомъ. — Я считаю землю садомъ, въ которомъ женщины — одушевленные цвѣты. Неужели мы становимся сокрушаться, если не можемъ достать какую нибудь розу или если та, которую мы сорвали, поблекла въ петлѣ нашего сюртука? Нисколько; мы идемъ къ другой, ближайшей, и замѣняемъ увядшій цвѣтокъ свѣжимъ. По крайней-мѣрѣ такова моя философія.

— Философія гарема, — саркастически замѣтилъ Сальваторъ.

— Вы язычникъ, Дюжанръ! — запальчиво вскричалъ Паоло, вставая, и поворачиваясь къ французу. — Когда вы свергаете женщину съ ея высокаго педестала, какъ помощницу, товарища и лучшую половину мужчины, и низводите ее на степень игрушка, или живой картины, — то знаете ли, что вы дѣлаете? Вы однимъ ударомъ уничтожаете всѣ благороднѣйшія заветы христіанства. Става удовольствіе на мѣсто любви, вы уничтожаете душу, вы боготворите матерію, вы разрушаете живой источникъ, всего что есть благороднаго, возвышеннаго, героическаго въ человѣческой природѣ; вы дѣлаете человека...

На этомъ пунктѣ своей бурной рѣчи, молодой Манчини былъ остановленъ взрывомъ всеобщаго гомерическаго хохота, въ которомъ, минутою спустя, онъ и самъ принялъ искреннее участіе. Причиной всеобщей веселости былъ дюжій негръ, въ фантастической диврѣѣ, который внезапно появился на порогѣ комнаты и теперь стоялъ тамъ, съ какою-то запискою въ рукѣ. Его черное лицо выражало какую-то забавную смѣсь смущенія и злости.

За смѣхомъ послѣдовалъ бѣглый огонь шутокъ.

— Посолъ отъ королевы Шебы.

— Императоръ Соулоукъ, собственною персоной.

— Яркая радуга на чернильномъ небѣ.

— Развѣ парнавалъ начался, что обезьяны ходятъ уже въ маскахъ?

— О, Альбіонъ, это твоя птица!

— Это то, что есть, — сказалъ Торнтонъ, смѣясь. Мы, серьезные англичане, тѣшимся подобными зрѣлищами, мы гордимся ими и выставляемъ ихъ на показъ.

Между тѣмъ Сальваторъ подошелъ къ человеку въ радугѣ и, съ важностью глядя ему въ лицо, безмолвно взялъ у него записку и воротился съ Паоло, шептывая:

«Sol due righe di biglietto.

—Un biglietto? — Ecco qua.»

(Записка въ двѣ строчки. — Записка. — Вотъ она.)

— Торнтонъ, пожалуйста посмотрите, что это такое, — сказалъ Паоло, у котораго руки были заняты. Черная каріатида не двигается, и изъ этого я заключаю, что она ждетъ отвѣта.

Торнтонъ разломилъ печать и громко прочелъ записку, которая была написана по-итальянски: «Миссъ Лавинія Джонсъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе синьору Паоло Манчини и, нетерпѣливо желая воспользоваться нѣсколькими уроками такого превосходнаго учителя, проситъ его назначить для ней дни и часы, по его усмотрѣ-

ню, и удостоить ее отвѣтомъ, съ подателемъ записки. Палаццо Морфетки, Via дель Корсо.

— C'est un peu fort, засмѣялся Дюжамръ.

— Допотопное посланіе, — началъ Сальваторъ.

— Миссъ Лавинія упала съ луны, — замѣтилъ Мальва.

— А сколько тамъ грамматическихъ ошибокъ?

— Кажется, ни одной, возразилъ Торнтонъ. — Записка написана правильно, и, надо признаться, красиво.

— Дайте посмотрѣть! — сказалъ Паоло. — О, очаровательно. Какой изящный, щеголеватый почеркъ! Она, должно быть, прекрасное созданіе, если у ней такая рука. Можетъ быть, это мой идеалъ.

— Паоло, вы должны написать отвѣтъ, — сказалъ Торнтонъ.

— У меня нѣтъ ни одного листика приличной бумаги.

— Что за бѣда? напишите карандашомъ на чистой страницѣ этой же записки, — сказалъ Мортимеръ, отрывая отъ нея одну половинку.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, — сказалъ Паоло; и, положивъ бумагу на мольбертъ, началъ писать: «Паоло Манчини, свидѣтельствую свое поштеніе миссъ Лавинія Джонсъ, просить передать ей, что онъ уже шесть лѣтъ какъ пересталъ давать уроки и потому принужденъ отклонить...

— Почтительнѣйше отклонить честь, — поправилъ англичанинъ.

«Почтительнѣйше отклонить честь — быть ей учителемъ. Я долженъ къ этому прибавить, что, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни конвертовъ, ни сургучу, ни даже облатки.»

— Сложите записку треугольникомъ и надпишите адресъ. Вы слишкомъ долго задержали посланнаго.

Когда записка была, наконецъ, сложена и адресована, Сальваторъ опять подошелъ къ негру, отдалъ ее съ тою же важностью и молчаливостью, съ какою принялъ записку миссъ Лавиніи, и потомъ указалъ ему пальцемъ дорогу.

Желудокъ Паоло возвѣстилъ ему, что обычное время его завтрака уже прошло; такъ, онъ снялъ свою рабочую блузу, умылся, переоделся и всѣ они отправились въ соседнее кафе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Визитъ.

Послѣ завтрака, Манчини, по обыкновенію, возвратился въ свою мастерскую. Во все время его отсутствія, продолжавшагося около часа, его картина не давала ему покоя; онъ видѣлъ своими умственными глазами многія улучшенія и прибавки, которыя востергливо желалъ схватить и перенести на полотно.

Послѣ полуденные часы Паоло проводилъ одинъ. По безмолвному соглашенію между нимъ и его друзьями, входъ въ его студию безъ неотлагательной надобности былъ запрещенъ. Одинъ Мортимеръ пользовался исключеніемъ изъ этого правила. Въ эти-то часы Паоло, не боясь помѣхи, давалъ полную волю своей фантазіи, и тогда то онъ набрасывалъ свои сюжеты, рисовалъ группы, вытиралъ ихъ, начиналъ

снова, слѣдуя за потокомъ вдохновенія. Въ описанный день онъ управлялъ кое-что въ своемъ Бреннѣ и въ другихъ переднихъ ягурахъ. Послышался легкій стукъ въ дверь.

Войдите,—вскричалъ Паоло, будучи увѣренъ, что это стучитъ Торнтонъ. Звонъ шпоръ, раздавшійся по полу (Торнтонъ вѣдилъ верхомъ и носилъ шпоры), утвердилъ его въ этомъ предположеніи.

— Ну, что Мортимеръ!—спросилъ онъ, продолжая свою работу.

— Но это не Мортимеръ?—вскричалъ веселый и нѣжный молодой голосъ, какъ разъ возлѣ него.

Какъ-бы пораженный электрическимъ ударомъ, художникъ вздрогнулъ, уронилъ свою палитру, и, обернувшись, очутился лицомъ къ лицу съ высокою молодою дамою въ амазонкѣ, и съ пожилымъ человекомъ средняго роста, одѣтымъ въ черное. Вѣданный застѣнчивый Паоло остался безъ движенія; онъ не въ состояніи былъ выговорить ни одного слова, и даже не имѣлъ довольно присутствія духа, чтобы предложить своимъ посѣтителямъ стулья. Онъ только сильно покраснѣлъ и почувствовалъ капли пота, выступившія у него на лбу.

— Извините, что мы васъ побезпокоили, — начала была дама по итальянски; но, бросивъ случайно взглядъ на группу, надъ которой трудился Паоло, она остановилась, всплеснула руками и вскричала въ восторгъ:—о! какъ это хорошо, какъ изящно,—посмотрите, лядушка, посмотрите!

Дядя взглянулъ сквозь свое стеклышко и повторилъ:

— Хорошо; да, въ самомъ дѣлѣ очень хорошо!

— Не правда ли? это перлъ, это chef d'oeuvre.. Какой пріятный колоритъ! Я не имѣю претензіи на званіе судьи, но мнѣ это кажется совершенно похожимъ на картины Доменикино.

— О, снѣбора!—возразилъ Паоло, который, благодаря этой диверсіи, имѣлъ время оправиться отъ своего изумленія.

— Право, я говорю что думаю,—наставляла дама; помоему злѣсь тотъ же самый духъ, та же самая великая манера.

— Прошу васъ, не заставляйте меня краснѣть; вы сравниваете пигмея съ гигантомъ,—сказалъ Паоло, подвигая стулья къ своимъ посѣтителямъ.

— О, благодарю васъ, — сказала дама, отказываясь садиться, мы пришли на одну минуту; мы не должны отнимать у васъ время, которое вы употребляете такъ хорошо.

— Могу ли я, по крайней мѣрѣ, имѣть честь узнать?..

— Кто мы? развѣ вы не угадываете? Какъ это странно!.. Она смѣялась и Паоло увидѣлъ два ряда зубовъ, бѣлыхъ какъ жемчугъ.

— Развѣ вы не угадываете, что это м-ръ Джонсъ, а я—его племянница, миссъ Лавинія Джонсъ?

— Въ самомъ дѣлѣ? Это вы писали записку, которую я получилъ сегодня утромъ!—воскликнулъ Паоло, и лицо его опять вспыхнуло.

— Я въ самомъ дѣлѣ принялъ васъ не за англичанку, а за свою соотечественницу. Вы такъ хорошо говорите по-итальянски.

— Это просто на-просто—лесть; вы умѣете говорить комплименты.

— Нѣтъ,—сказалъ Паоло,—я никогда не лъщу, никогда не говорю комплиментовъ.

— Такъ-таки ни крошки?—наставала она, пріятнымъ, ласкающимъ голосомъ.

— Никогда, ни крошки, — сказалъ Паоло, серьезно повторяя собственные слова Лавиніи.

— Значить, вы не похожи на другихъ людей.

— Какъ такъ? По крайней мѣрѣ, я похожъ на большую часть изъ тѣхъ, которыхъ я знаю.

Она устремила на его глаза пристальный взглядъ, представлявшій любопытную смѣсь удивленія и недоумчивости. Можетъ быть, такая простота въ человѣкѣ его роста поразила ее какъ что-то ненатуральное; или, можетъ быть, она размышляла о томъ: въ какое это первобытное общество попалъ Паоло. Молодой художникъ, усѣвшій между тѣмъ совершенно придти въ себя, не только храбро выдержалъ ее испытующій взглядъ, но и отвѣтилъ на него такимъ же смѣлымъ взглядомъ.

— Такъ вы не догадывались, кто мы?—начала опять дѣвушка, послѣ нѣкоторой паузы; что же касается до нашего вѣанта, то я думаю, вы не угадываете ее такъ же —

Паоло угадалъ ее, но не хотѣлъ этого говорить. Необходимость отказать въ чемъ-нибудь такой очаровательной просительницѣ была слишкомъ для него непріятна и потому онъ откладывалъ это на сколько было возможно.

— Ну, такъ сказать вамъ правду—я пришла лично повторить мою просьбу, съ которою я обращалась сегодня утромъ письменно. Нѣтъ, стойте, погодите отвѣчать, или я потеряю и тотъ запасъ мужества, который у меня еще остался. Видъ этой прекрасной картины и, такъ уже почти совсѣмъ уничтожилъ его. Я чувствую, какъ смѣшно просить человѣка, дѣлающаго такія чудеса, давать уроки дѣвухѣ, подобной мнѣ.

— О, дѣло не въ томъ—началъ Паоло.

— Позвольте, позвольте,—прервала миссъ Лавинія, махнувъ рукой и, наклонивъ нѣсколько въ сторону свою шею, которая могла бы воспорить съ шею лебедя бѣлизною.

— Я должна прежде объяснить дѣло и оправдаться. Увѣряю васъ, что когда я писала къ вамъ записку, я не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что вы такой великій живописецъ. Предъ отъѣздомъ изъ Лондона, я получила вашу адресъ отъ моей пріятельницы, леди Августы Баръ;—можетъ быть вы ее помните: вы давали ей уроки въ 1848 г.—Только сегодня утромъ, послѣ полученія вашей записки, я, справляясь о васъ въ англійскомъ магазинѣ эстамповъ, на Корсо, узнала, что синьоръ Паоло Манчини—знаменитый художникъ.

— Право, синьора!...

— Да, знаменитый художникъ. Я объясняю все это въ свое оправданіе. Вы, конечно, подумаете: «зачѣмъ же она, зная кто я такой, не перестаетъ надоедать мнѣ?» Но я женщина, а женщины всегда подстрекаютъ трудности. Я около двухъ недѣль искала вашего адреса;

ни одинъ изъ этихъ глухихъ чичероне, которые говорятъ, что знаютъ все, не могъ васъ найти Имъ. я думаю, никогда и въ голову не приходило, что учитель рисованія, котораго я ищу, могъ быть однимъ и тѣмъ же лицомъ съ ихъ великимъ живописцемъ. Теперь, когда я, наконецъ, васъ нашла, было бы очень жаль—не правда ли?—тогда же потерять васъ. Мы цѣнимъ то что стоило намъ хлопотъ и при томъ я такое капризное, своевольное существо, — вы должны извинить меня.

Была непреодолимая прелесть во взглядѣ Лавини, въ ея жестахъ, въ разнообразныхъ переливахъ ея богатаго, нѣжнаго голоса и въ граціозной гармоніи всего ея существа, когда она говорила. Нашъ молодой, привыкшій къ уединенію, живописецъ никогда еще не присутствовалъ при подобномъ враздникѣ. Очарованіе, столь для нея новое, дѣйствуя на его мозгъ, произвело легкое опьяненіе, и невольностно какъ много времени продолжалось бы его безмолвіе, если бы молодая женщина, наконецъ садясь, не прибавила съ спокойною улыбкой:

— Теперь вы можете говорить.

Это было не легко, если принять во вниманіе—что ему приходилось сказать. Онъ призывалъ все свое мужество и проговорилъ, заикаясь:

— Не вы, а я долженъ оправдываться. Мнѣ хочется, чтобы вы знали, какъ мнѣ тяжело отказывать; но право, что касается уроковъ—это совсѣмъ невозможно.

Молодая леди нахмурилась и закусила губы.

Не бойтесь, что я займу у васъ слишкомъ много времени. Я буду самая покорная изъ ученицъ, благодарная даже за какіе нибудь полчаса.

— Дѣло не во времени, — сказалъ Манчини. — Хотя я довольно занятъ, я могу, однакоже, удѣлить на это часъ или около того. Но обратите вниманіе на мое положеніе: съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ давать уроки, ученики нахлынули ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, какъ-будто нарочно, потому что, когда я нуждался въ урокахъ, ихъ очень мало отъскивалось, теперь же ихъ некуда было дѣвать. Многіе изъ обратившихся ко мнѣ лицъ были снабжены сильными рекомендаціями моихъ друзей, и, чтобы не обидѣть кого нибудь, я отказалъ всѣмъ. Теперь вы видите, что я не могу сдѣлать исключенія въ вашу пользу, не поступивъ дурно въ отношеніи къ другимъ,—этого, я увѣренъ, вы и сами не желаете.

— Совершенная правда; мы не хотимъ, чтобы вы сдѣлали что-нибудь нехорошее; — сказала миссъ Лавинія. Я беру назадъ свою первую просьбу и представляю другую. Приходите по временамъ давать мнѣ совѣты и наставленія. Согласны?

Это «согласны?» было приправлено настоящею квинтессенціей женской граціи и чародѣйства. Паоло былъ почти побѣжденъ, но его совѣсть протестовала противъ такой слабости.

— Вы измѣняете фразу,—сказалъ онъ, улыбаясь,—но удерживаете ея смыслъ.

— Такъ я обращаюсь къ вамъ еще съ болѣе умиротворенной просьбой. — настаивала миссъ Джонсъ. Позвольте мнѣ только показать вамъ мои жалкія попытки: самая тонкая щекотливость не можетъ быть оскорблена приглашеніемъ бывать въ нашемъ домѣ.

Слова «въ нашемъ домѣ» вызвали въ умѣ Паоло цѣлую фантазмагорію пудренныхъ лакеевъ, отцовъ въ бѣлыхъ галстукахъ, пышныхъ матерей въ фальбалахъ, какихъ онъ видалъ и которые ему надобяли въ тѣ времена, когда онъ давалъ уроки леди Августѣ, — и его мужество пробудилось.

— Я такъ привыкъ къ уединенію, — началъ онъ.

Миссъ Лавинія не дала ему продолжать.

— Мы очень спокойные люди, — сказала она; — и, конечно, вы не думаете отказать дамѣ, когда она приглашаетъ васъ только навѣщать ее въ качествѣ друга.

Это былъ окончательный ударъ.

— Подобный титулъ представляетъ слишкомъ сильное искушеніе, чтобы ему можно было противостоять, — сказалъ Паоло, — я въ вашемъ распоряженіи.

— Это очень любезно съ вашей стороны, — вскричала дѣвушка, покраснѣвъ отъ удовольствія. — Дядя, синьоръ Манчини соглашается придти къ намъ, посмотрѣть на мое пачканье.

Это было сказано поанглийски и съ большимъ одушевленіемъ. Дядя, который во все время этого длиннаго разговора умственно дѣлалъ опись всей подвижности въ студіи, повидимому не былъ намагнетризованъ этимъ извѣстіемъ и ограничился отвѣтомъ:

— Да? очень радъ это слышать. Онъ очень обязателенъ. Ну, теперь мы отираемся?

— Когда вы придете? — спросила Лавинія Паоло, — не завтра ли утромъ, въ два часа?

— Назавтра я отозванъ.

— А послѣзавтра?

— Съ удовольствіемъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, — повторяла молодая дѣвушка, ласково протягивая ему руку. Паоло пожалъ ее съ англійскою горячностью.

— Ты тратила напрасно время и слова, — сказалъ м-ръ Джонсъ своей племянницѣ, когда они сошли съ дѣстницы.

— Какъ это такъ *тратила время*? спросила племянница. Я уговорила великаго художника быть моимъ учителемъ рисованья: — развѣ это ничего не значитъ?

— Ты могла бы достигнуть этой цѣли легче и скорѣе, если бы начала прямо съ того, съ чего слѣдовало.

— Съ чего же это?

— Надо было сказать просто и ясно: скажите ваши условія, мы не пожалѣемъ денегъ.

— О! фи, дядюшка! Вы думаете, что деньги могутъ сдѣлать все, и въ этомъ ваша ошибка. Вы вѣрите сколько-нибудь въ мою проши-

пательность? Ну, так ручаюсь вамъ моимъ словомъ: синьоръ Паоло не такой человекъ, чтобы его можно было приманить деньгами.

Пу-пу-пу! это вздоръ и романтическія бедиря,—возразилъ дядя, подсаживая ее на лошадь.—Люди всѣ похожи другъ на друга.

Мистеръ Маркъ Джонсъ былъ человекъ положительный, на котораго романтическій элементъ не имѣлъ никакого вліянія, хотя онъ не былъ чуждъ нелѣпостей. Онъ вѣрилъ въ золото, боготворилъ золото, уважалъ обладателей золота, а больше всѣхъ себя, великаго собирателя золота. Своимъ состояніемъ м-ръ Джонсъ обязанъ былъ самому себѣ, такъ-какъ его дебютъ на сценѣ жизни былъ однимъ изъ самыхъ скромныхъ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ оставилъ свою деревню и отправился въ Лондонъ, съ пятью шиллингами въ карманѣ. Тяжелымъ трудомъ, смыслѣностью, умѣнемъ себя отказывать и отсутствіемъ излишней совѣстливости, молодой Джонсъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, превратилъ свои пять шиллинговъ въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Такую сумму еще нельзя назвать состояніемъ, но ея было довольно для того, чтобы положить ему фундаментъ. Молодой человекъ былъ честолюбивъ. Онъ все еще осматривался, какъ бы лучше приступить къ дѣлу, когда случался, или счастливая звѣзда привела его, по дѣламъ, въ сношенія съ мистриссъ Джармэнъ, веселою добродушною женщиной, недавно овдовѣвшей, обладательницей и управительницей итальянской кладовой съѣстныхъ припасовъ въ одномъ изъ самыхъ-модныхъ варталовъ столицъ. Даже теперь, въ сорокъ восемь лѣтъ, несмотря на чрезмѣрное развитіе челюстей, м-ръ Джонъ былъ еще по-своему, красивымъ мужчиной. Но въ двадцать-восемь лѣтъ онъ былъ великолѣпенъ: онъ имѣлъ черные, какъ смоля, волосы и бакенбарды, блестящіе глаза, чистый и румяный цвѣтъ лица, а какую ногу! о. его нога пользовалась извѣстностью вездѣ, гдѣ онъ бывалъ! М-рисъ Джармэнъ не осталась нечувствительною ко всѣмъ этимъ совершенствамъ. Съ своей стороны, м-ръ Джонсъ не былъ слѣпъ и, по окончаніи своего траура, помянутая дама подарила ему золотой ключъ отъ своего сердца и денежнаго сундука. Фамилія Джонсъ, изображенная золотыми буквами, стала красоваться рядомъ съ фамиліей Джармэнъ.

Предпримчивый м-ръ Джонсъ вдохнулъ новую жизнь въ торговлю своей жены. Посредствомъ ловкой системы подкупа поваровъ въ клубахъ и аристократическихъ фамиліяхъ, онъ очень скоро удвоилъ число покупателей. Соусы, трюфели, соленья — выходили отсюда не съ большою скоростью, чѣмъ съ какою приливали туда золото и серебро. Чрезъ нѣсколько лѣтъ м-ръ Джонсъ увидѣлъ себя обладателемъ большого капитала и немедленно расширилъ сферу своей дѣятельности. Минута была самая благопріятная для честолюбиваго спекулятора. Это происходило въ 1845—1846 г., въ періодъ времени, когда вся англійская нація превратилась въ записныхъ игроковъ. Мистеръ Джонсъ принадлежалъ къ самымъ смѣлымъ изъ нихъ; онъ пустился въ спекуляціи по устройству желѣзныхъ дорогъ и приобрѣлъ громадныя выгоды, т. е. игралъ — и выигралъ. Достиг-

нувъ богатства, онъ сдѣлался тщеславнымъ: итальянская кладовая съѣстныхъ припасовъ, съ золотою фирмой «Джарманъ и Джонсъ», колола ему глаза и онъ очень выгодно съ нею распорядился. Сумма денегъ, полученная такимъ образомъ, скоро была удвоена и утроена. Ему удавалось все что бы онъ ни предпринималъ. Вываютъ люди, которыхъ фортуна буквально забрасываетъ своими милостями, и м-ръ Джонсъ принадлежалъ къ ихъ числу.

Свѣтъ, невѣрующій ни во что кромѣ успѣха, рукоплещетъ тому, кто подымается и освистываетъ тѣхъ которые падаютъ, не зная, — или, лучше, не заботясь знать, — какъ часто прихотливая богиня рачтаетъ свои улыбки на посредственность, праздность, или на что-нибудь еще хуже того, между тѣмъ, какъ она въ то же время хмурится на честный трудъ и даже находитъ удовольствіе дѣлать напрасными самыя энергическія и благоразумно направленные усилія. Мистеръ Джонсъ былъ этому примѣромъ. Чѣмъ болѣе онъ успѣвалъ, тѣмъ болѣе его считался достойнымъ успѣха. Его предпримчивость, дѣятельность, изворотливость нашли себѣ цѣлыя толпы поклонниковъ и панегиристовъ. Еще нѣсколько лѣтъ — и мистеръ Джонсъ сдѣлался предсѣдателемъ въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, учредителемъ и главнымъ акціонеромъ одного банка, страшнымъ богачомъ, чловѣкомъ, имя котораго имѣло большой вѣсъ на биржѣ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ, м-ръ Джонсъ имѣлъ свои домашнія печали. Первою изъ нихъ было то, что онъ не имѣлъ дѣтей, ни надежды имѣть ихъ, такъ-какъ его жена была старше его цѣлыми десятью годами. Онъ старался вознаградить этотъ недостатокъ взявъ къ себѣ, вмѣсто дочери, свою племянницу, Лавинію. Онъ далъ ей наилучшее воспитаніе, какое только можно приобрести за деньги; онъ любилъ ее на сколько могъ любить по своей натурѣ; онъ очень гордился ею, — и всѣ думали, что она будетъ наследницей его огромнаго богатства. Все-таки Лавинія была не болѣе какъ *pis-aller*; а собственный его сынъ и наследникъ продолжалъ оставаться недостижимымъ предметомъ вздоховъ м-ра Джонса. Двумя другими шипами въ его розахъ были его имя и нѣкая доля, въ которой онъ началъ свое жизненное поприще. Онъ стыдился обонхъ и охотно бы ихъ изгладилъ, если бы могъ, не только изъ памяти другихъ, но и изъ своей собственной. Въ особенности онъ не терпѣлъ своего имени, воображая что съ этимъ односложнымъ словомъ соединяется вѣчто смѣшное, — и скорѣе желалъ бы называться Навуходоносоромъ чѣмъ Джонсомъ. Онъ гнушался этой фамиліи, не могъ выносить ея звука, не могъ видѣть ее въ печати безъ содроганія. «Таймзъ» и «Пенчъ» были его вѣчными пугалами, и не безъ основанія: развѣ эти журналы не облакаютъ именемъ Джонса свои оплеуворенія всего, что только есть глупаго и смѣшнаго въ чловѣчествѣ? Если бы ему дать волю, то плохо бы пришлось редакторамъ Таймза и Пенча!

Такъ-какъ мы говоримъ теперь о слабостяхъ м-ра Джонса, то посѣтѣмся до конца. На табль-дотѣ въ отели Гартмана во Флоренціи, гдѣ м-ръ Джонсъ жилъ нѣкоторое время съ своимъ семействомъ, онъ

встрѣтилъ одного молодого итальянца, который назвалъ себя римляниномъ. Такъ какъ этотъ господинъ, по его собственному скромному выраженію, нѣсколько маляковалъ по-англійски; то между нимъ и мистеромъ Джонсомъ, котораго лингвистическіе таланты принадлежали къ числу самыхъ незначительныхъ, завязалась нѣкоторая короткость. Но кавалеръ Мартуччи—титულъ и имя итальянца—имѣлъ для м-ра Джонса нѣчто еще болѣе магнитическое, чѣмъ званіе природнаго языка этого джентльмена. Магнитомъ былъ маленькій золотой крестъ, который кавалеръ Мартуччи носилъ въ своей петличкѣ и который, по его словамъ, былъ знакомъ ордена св. Сильвестра, командорство котораго даетъ—будто бы титулъ графа Палатинскаго.

— Трудно получить?—спросилъ однажды м-ръ Джонсъ.

— Не слишкомъ,—отвѣчалъ Мартуччи,—всякій, принадлежащій къ хорошей фамиліи, можетъ получить его, т. е. если будетъ поддерживать законными интересами.

Эти слова не остались потерянными для того, кто охотно отдавалъ бы свой глазъ за титулъ.

— А можетъ ли, — продолжалъ м-ръ Джонсъ, — можетъ ли протестантъ принадлежать къ ордену св. Сильвестра?

— Конечно,—отвѣчая кавалеръ,—это самый просвѣщенный орденъ, отличающійся терпимостью. Не думаетъ ли мой англійскій другъ попытать счастья въ этомъ отношеніи?

Англійскій другъ разсмѣялся однимъ изъ самыхъ громкихъ смѣховъ, говоря:

— Почему же нѣтъ? хотя бы только для шутокъ, что вотъ протестантъ носить папскіе цвѣта.

Эти слова кавалеръ, по видимому, принялъ за утвердительный отвѣтъ, потому что онъ съ важностью прибавилъ.

— Я буду очень радъ удовлетворить вашему желанію, и, вѣроятно, мнѣ удастся представить васъ одному другу, который сдѣлаетъ для меня все. Можетъ быть вы знаете уже, или покрайней мѣрѣ слышали о фамиліи Фортигуэрровъ, одной изъ самыхъ древнихъ въ Италіи. Мой другъ есть не кто другой, какъ графъ Мендезъ Фортигуэрра, самый вліятельный вельможа при дворѣ его свѣтлѣйшества.

Графъ Мендезъ,—продолжалъ кавалеръ,—находится теперь въ своемъ помѣстьи въ Альбано, и потому представленіе ваше по необходимости должно быть отложено, пока всѣ мы не съѣдемся въ Римъ, гдѣ вы и ваши любезныя дамы, безъ сомнѣнія, будете проводить зиму.

Болѣе ничего не было сказано относительно этого предмета между м-ромъ Джонсомъ и кавалеромъ, но оба чувствовали, что между ними заключено безмолвное соглашеніе.

— Какъ эти биржевые торгаша выпучать глаза, — думалъ м-ръ Джонсъ,—когда я явлюсь предъ ними графомъ Палатинскимъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вечеры Про и Соп.

Послѣ визита миссъ Лавиніи Паоло остался въ томъ состояніи тѣлеснаго и душевнаго волненія, которое бываетъ обыкновеннымъ не-

свѣдѣніемъ какой нибудь пріятной неожиданности. Онъ сѣлъ на стулъ, на которомъ сидѣла молодая дѣвушка, закрылъ глаза, подобно человѣку, который, будучи ослѣпленъ солнцемъ, продолжаетъ видѣть его отраженіе на глазной оболочкѣ, и за тѣмъ, мало по малу, впасть въ глубокую задумчивость.

Придя чрезъ часъ послѣ того, Торнтонъ всталъ его въ томъ же самомъ положеніи.

— Лѣнливѣцъ!—сказалъ Торнтонъ.

— Неужели вы называете лѣнливымъ всякаго, у кого не заняты руки? Если такъ, то Колумбъ и Ньютонъ были отвѣтственные лѣнливцы. Я сочиняю поэму.

— Кто герой ея?

— Мой герой—это героиня, миссъ Лавинія Джонсъ.

— Что это за загадка?—спросилъ Торнтонъ.

— Загадка для васъ, профанъ; ваши тупыя чувства не ощущаютъ запаха амброзіи, который она оставила за собою Королева, волшебница, богиня, которую смертные называютъ Лавиніей, была здѣсь, освѣтивъ своимъ прикосновеніемъ этотъ самый стулъ, гдѣ я сижу.

— Миссъ Джонсъ была здѣсь!—воскликнулъ Торнтонъ.— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ королевы посягаютъ своихъ подданныхъ? сказалъ Паоло.— Повелѣвать и требовать повинненія. Зачѣмъ богини являются смертнымъ? Чтобы имъ поклонялись. О, мой дорогой другъ, она и королева и божество. Природа дала ей вѣнецъ красоты, а въ ея поступкѣ видна богиня—*incessu patuit dea*.

— Нельзя ли тебѣ выпустить всѣ эти впербоны и удостоить сдѣлать себя вразумительнымъ,—замѣтилъ англичанинъ.

— Вы похожи на слѣпца, который сталъ бы обвинять врачаго въ преувеличеніи, услыхавъ какъ тотъ восхваляетъ солнце. Еслибы вы видѣли ее, еслибы вы слышали музыку ея голоса, еслибы вы чувствовали электрическій ударъ отъ прикосновенія ея руки, то вы бы меня поняли и раздѣлили мое обожаніе.

— Нѣтъ!—сказалъ Торнтонъ;—слава есть единственная женщина, достойная искательства и обожанія.

— Скажите лучше, что слава достойна искательства и обожанія и можетъ быть достигнута единственно ради женщины. Посмотрите пристальнѣе, мой дорогой другъ, и вы увидите, что во всѣхъ великихъ дѣлахъ женщина служила вдохновеніемъ.

— Еслибы ты,—серьезно отвѣчалъ Торнтонъ,—положилъ на одну чашку вѣсовъ всѣ великіе подвиги, внушительныя женщиной, а на другую—всѣ великія предпріятія, которыми она помѣшала или которыя она уничтожила въ зародышѣ, то ты бы увидѣлъ—на которой сторонѣ перевѣсъ. Поговоримъ серьезно. Паоло, ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что влюбился въ миссъ Лавинію Джонсъ?

— Да, какъ возможно влюбиться съ перваго взгляда, — отвѣчалъ Паоло, улыбаясь.—Если это роза, то она распустится современнымъ, какъ говоритъ наша итальянская пословица. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы оставили этотъ встревоженный видъ.

— А мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты не считалъ любовь игрушкой. Шутить съ любовью все равно что шутить съ ядомъ.

— Хи, хн! засмѣялся Паоло.

Да, продолжалъ Торнтонъ.—Я скорѣе хотѣлъ бы видѣть тебя въ припадкѣ лихорадки, чѣмъ въ припадкѣ любви. Лихорадка можетъ убить тѣло, между тѣмъ какъ любовь...

— Ну? спросилъ Мавчини.

— Между тѣмъ какъ любовь можетъ изувѣчить душу на цѣлую жизнь,—докончилъ Торнтонъ.—Но ты еще не отвѣтилъ на мой вопросъ. Зачѣмъ она была здѣсь? Вѣдь она получила твою записку съ отказомъ.

Паоло рассказалъ своему другу всѣ подробности своего разговора съ миссъ Лавинией и упомянулъ объ обѣщаніи, которое она взяла съ него почти насильно. Торнтонъ, казалось, былъ очень недоволенъ подобной развязкой. Потеря драгоценнаго времени, нерадѣніе къ своему дѣлу, неудовольствіе тѣхъ, которымъ Паоло отказалъ въ урокахъ, таковы, по словамъ Торнтона, были неизбѣжныя послѣдствія согласія молодого художника, не говоря уже о другихъ, болѣе горькихъ результатахъ.

— Клянусь честью,—спокойно замѣтилъ Паоло,—я не заслуживаю выговора. Съ моей стороны было бы невѣжествомъ и даже просто грубостью, отказать въ просьбѣ, выраженной въ такихъ лестныхъ словахъ. Я бы не сдѣлалъ этого, если бы миссъ Лавинія была столько же откровенна, сколько прекрасна.

— Если такъ, если тебѣ невозможно было увернуться, то я прихожу къ заключенію, что миссъ Лавинія вышла изъ границъ приличія.

— Пожалуйста,—умолялъ Паоло,—не судите ее такъ строго; она не заслуживаетъ этого. Почти цѣлымъ дѣвѣ недѣлямъ она меня искала по всему Риму; всѣ ея помыслы были направлены къ тому, чтобы имѣть того же самаго учителя рисованія, который давалъ уроки ея пріятельницѣ. Все, чтѣ она говорила, она говорила съ добрымъ намѣреніемъ; и еслибы я былъ по прежнему бѣднымъ учителемъ рисованія, то какъ я былъ бы ей благодаренъ! Черемѣна въ моихъ обстоятельствахъ — вовсе не резонъ, чтобы мнѣ быть мечувствительнымъ къ ласкѣ.

Торнтонъ не отвѣчалъ. Потомъ, нѣсколько подумавъ, онъ обратился къ Паоло съ словами;

— Ты добрый малый, Паоло; гораздо лучше меня. Еслибы я не зналъ, какъ ты подверженъ крайностямъ...

— Какъ англичанинъ,—лукаво прошепталъ Паоло.

— Да, за исключеніемъ органа осторожности. Еслибы я не зналъ, до какой степени ты склоненъ къ крайностямъ, я не ворчалъ бы и не надоедалъ тебѣ, какъ теперь.

— Полно, полно,—сказалъ Паоло, обращая на Торнтона взглядъ, сполненный нѣжной привязанности,—не беспокойтесь на мой счетъ. Мнѣ двадцать четыре года и я не ребенокъ, чтобы меня могъ ослабить блестящій метеоръ; не фосфорная свѣчка, чтобы мнѣ вспыхи-

вать при видѣ каждой хорошенькой женщины. Сверхъ того, вы должны отнести нѣкоторую долю моего восторга къ энтузіазму художника, поставленнаго лицомъ къ лицу съ изящнымъ типомъ красоты. Вы будете удивляться ей какъ я, когда вы ее увидите. Кроткіе голубые глаза, черные какъ смоль волосы, необыкновенная бѣлизна лица, съ тѣми нѣжными голубыми оттѣнками около висковъ и горла, которые такъ дороги для живописца, лобъ Юноны, большія вѣки съ длинными рѣсницами: — такое соединеніе величія и граціи — находка для поклонника прекраснаго. Чего бы я не далъ, чтобы только снять съ нея портретъ! Я увѣренъ, что я создалъ бы *chef d'œuvre*, — да, я увѣренъ въ этомъ.

— Занимайся твоимъ Бренномъ и оставь портреты въ покоѣ, — вотъ тебѣ мой совѣтъ. — сказалъ Торнтонъ. — Гоняться за опасностью — это дѣло сумасшедшаго. О! еслибъ я могъ передать тебѣ сколько нибудь моей собственной опытности!

— Это была бы грустный подарокъ, — замѣтилъ Паоло. — Сколько я вижу, опытность есть только другое названіе недовѣрія къ нашимъ ближнимъ.

— Это слишкомъ истинно, — сказалъ Торнтонъ, со вздохомъ; — но что же дѣлать, если безопасность можно пріобрѣсти только этою цѣною?

— Значить, любовь — бездна погибели?

— Для людей, подобныхъ тебѣ, это — несомнѣнное разочарованіе — отвѣчалъ Торнтонъ. — Ты будешь искать въ женщинѣ того же самаго прекраснаго идеала, котораго ты ищешь въ искусствѣ, — и не найдешь его. Всепоглощающая, исключительная любовь, о которой ты мечтаешь, — цвѣтокъ не здѣшняго міра. Въ ту самую минуту, когда ты думаешь, что ты воцарился въ сердцѣ женщины, въ ту самую минуту, когда ты воображаешь, что ты для нея — цѣлый міръ, также какъ и она для тебя, вдругъ между вами пропорхнетъ какая нибудь блестящая бабочка, пронесется музыка польки, мелькнетъ взглядъ какаго нибудь полубога съ звѣздой на груди, словомъ что нибудь, способное возбудить ея воображеніе или польстить ея тщеславію, и ты вдругъ очутишься въ тѣни. И когда ты выберешься опять на свѣтъ и тебя примутъ съ прежнею лаской, несмотря на временную опалу, то ты поймешь, что ты не только не составляешь для нея всего существованія, но что ты не болѣе какъ случай въ ея жизни, и что твою власть надъ нею раздѣляютъ ея пудель и ея модистка.

— Что такіа женщины, какъ вы описываете, есть, я въ этомъ не сомнѣваюсь; не сомнѣваюсь и въ томъ, что онѣ составляютъ исключеніе, а не правило.

— Ты ошибаешься. Тѣ, которыхъ ты называешь исключеніемъ, именно и составляютъ правило; изъ него, впрочемъ, могутъ быть нѣкоторыя рѣдкія исключенія. Новизна и блескъ — непреодолимая приманка для прекраснаго пола. Шумъ и суета суть такіа совершенства, противъ которыхъ онѣ не могутъ устоять, говорятъ Аддисонъ. Такова ужъ ихъ организація. Въ нихъ есть одинъ господствующій элементъ: называй его подвижностью, пластичностью, впечатл-

тельностью, возбуждаемостью—чѣмъ угодно; но я называю это вѣтренностью, которая рѣшительно несовмѣстна съ чѣмъ нибудь глубокимъ и постояннымъ.

— А мы, мужчины, сами развѣ до такой степени чужды вѣтренности и непостоянства, что можемъ считать себя вправѣ — бросать камни въ сосѣдній огородъ?—возразилъ Паоло.—Я знаю пунктъ — знаю по крайней мѣрѣ одно высокое качество—въ которомъ женщины далеко насъ превосходятъ. Это — героизмъ, который не отступаетъ ни предъ какими трудами, ни предъ какою жертвою. лишь бы только облегчить страждущихъ. — героизмъ, который вы сами такъ превозносили въ нашихъ женщинахъ, ухаживавшихъ за больными и ранеными въ 1849 г.

— Согласенъ, — сказалъ Торнтонъ;—но, къ несчастію, свѣтъ, каковъ онъ есть, представляетъ слишкомъ малое пространство для подвиговъ героизма, сравнительно съ безпредѣльнымъ просторомъ, какой онъ даетъ элементу вѣтренности. Результатъ здѣсь тотъ, что женщины употребляютъ свой героизмъ на служеніе этой послѣдней стихіи. Ихъ жизнь — постоянное жертвоприношеніе самой взыскательной изъ богинь — Модѣ. Для нея онѣ мерзнутъ зимой и горятъ лѣтомъ; для нея онѣ таскаютъ на себѣ такую пошу всякаго платья, отъ которой бы отказался иной носильщикъ; для нея онѣ стѣсняются и мучатъ себя во всякое время года

— Въ вашихъ словахъ есть правда,—сказалъ Паоло;—но кто виноватъ? Виноваты мы сами. Еслибы, вмѣсто того чтобы кричать «браво!» и аплодировать этимъ неестественнымъ зрѣлищамъ, мы шикали и отворачивались отъ нихъ съ неудовольствіемъ, то они скоро бы прекратились. Не такъ ли?

— Можетъ быть, — сказалъ Торнтонъ.—и изъ всего этого вытекаетъ нравоученіе, что одинъ полъ стоитъ другого.

Послѣ этого утѣшительнаго заключенія наши два друга разстались.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дневникъ миссъ Лавини.

Римъ, Пьяцца ди Spagna,
Hôtel de la Ville de Londres.

Моя дорогая леди Августа.

«Надѣюсь, что мое царпанье, набросанное наскоро въ Ливорно, дошло до васъ. Я извѣщала о нашемъ внезапномъ бѣгствѣ изъ Флоренціи,—да, внезапномъ бѣгствѣ: иначе я не умѣю назвать нашу поспѣшнѣйшій отъѣздъ. Вы знаете, было рѣшено, что мы отправимся въ Римъ не раньше какъ въ концѣ октября. Мы и пребывали въ этомъ убѣжденіи до послѣдняго поведѣльщика. Но мы рассчитывали безъ лорда Верритона. «Лордъ Верритонъ? — спросите вы—этотъ высокій толстякъ, съ такимъ отшатнутымъ выговоромъ? Что онъ имѣетъ общаго съ нашими кланями?»

«Вотъ это-то именно я и объясню сейчасъ. Въ поведѣльщикѣ ве-

кроме мы вли мороженое въ кашине. Вдругъ наной-то голосъ вскричалъ: «Ва! старикъ Джонсъ изъ Пиккадилли!» И съ этими словами говорившій подошелъ къ м-ру Джонсу, — и никогда не наболу его больше дядей. Я никогда не видала дя—, м-ра Джонса, я хочу сказать, — такимъ смущеннымъ, такимъ униженно-почтительнымъ. Онъ согнулся предъ своимъ старымъ знакомымъ; онъ имѣлъ видъ школьщика, оробѣвшаго въ присутствіи своего строгаго учителя. Аристократъ съ своимъ изытымъ покровительственнымъ видомъ былъ столько же отвратителенъ, какъ и м-ръ Джонсъ; но онъ для меня совѣтъ чужой и потому мнѣ было это все равно. Вго свѣтлости, повиданному, хотѣлъ вступить со мной въ разговоръ, но я уклонилась отъ этого, чувствуя себя неловко отъ дерзкихъ пристальныхъ взглядовъ, которые бросали на насъ двѣ бывшія съ нимъ дамы— съ манерами очень дурного тона—какъ будто бы мы были какіе-то невиданные, только что привезенные звѣри. «А, хорошо, Джонсъ», заоралъ милордъ, «я нанялъ квартиру здѣсь, во Флоренціи, на полгода. Надѣюсь увидѣться съ вами опять». И онъ взглянулъ на меня при этихъ словахъ. М-ръ Джонсъ, къ моему удивленію, отвѣчалъ, что милордъ очень добръ, но что мы немедленно отправляемся въ Римъ.

«Во всю дорогу изъ Кашине во Флоренцію м-ръ Джонсъ не промолвилъ ни слова; но когда мы доѣхали до гостиницы, онъ сказалъ отрывисто: «уложите ваши вещи въ чемоданы *mes bagages*; завтра утромъ мы ѣдемъ въ Римъ». Я думала сперва, что это злая шутка. Нечего и говорить, что я сдѣлала энергическій протестъ. Я сказала, что это, просто, сумасшествіе—ѣхать чрезъ Кампанью подъ лучами палящаго августовскаго солнца. На такое путешествіе едва могутъ рѣшиться даже сильные, здоровые люди, а для моей тѣтки это будетъ, просто, смерть. Но всё моя убѣжденія были бесполезны. «Если вамъ угодно оставаться здѣсь, то дѣлайте какъ знаете, но и завтра утромъ ѣду въ Ливорно». И съ этимъ *ultimatum* онъ пошелъ въ свою юмнату. Я хотѣла поставить на-своемъ, но тетка рѣшилась уступить. Итакъ, мы поѣхали въ Ливорно, сѣли на пароходъ и къ развѣту слѣдующаго дня высадились въ Чивита-Веккии. Слава Богу, во время нашего путешествія въ Римъ шолъ сильный дождь. И вотъ мы пріѣхали. Что скажете вы о подобной тиранніи?...

«Маланхолическій, но дивный городъ, справедливо названный печалью. Онъ имѣетъ такой видъ, какъ-будто его строили гиганты въ тѣмъ, чтобы онъ стоялъ цѣлую вѣчность. Какъ сознаетъ человѣкъ свое ничтожество среди этого древняго величія! Римъ внушаетъ мнѣ чувство, сходное съ тѣмъ, которое я испытывала, впервые увидавъ Юнгфрау. Эти послѣдніе два дня я употребила на то, чтобы ходить по Риму, иногда съ теткой, а чаще съ моей горничной, Грессъ. Я не хочу имѣть никакого дѣла съ м-ромъ Джонсомъ. Жалеть его, что тети чувствуетъ себя хорошо. Завтра мы идемъ поглядѣть квартиру на Корсо. Не хвалить м-ръ Джонсъ; но это еще не значитъ, что она мнѣ понравится, и будетъ очень удивительно

если я не найду въ ней недостатка. Ахъ, дорогая моя! вы не можете представить себѣ, какая здѣсь пропасть монаховъ и паторовъ. Сегодня утромъ я видѣла одного капуцина; я думаю слѣлать съ него портретъ, по памяти. Я послала лон-лакею на *Via dell-Macelli* отыскать вашего бывшего учителя рисованія, у котораго хочу брать уроки...

«Квартира въ-самомъ-дѣлѣ безукоризненна, и потому мы и наняли ее на три мѣсяца, и завтра же перебираемся туда. Она превосходно расположена на Корсо; свѣта, воздуха и пространства—вдоволь. Мебель старинная, которая мнѣ очень нравится. Улица *dell-Macelli* болѣе не знаетъ снйора Манчини. Но лон-лакей обѣщаетъ откопать его, если только онъ существуетъ на этомъ свѣтѣ. Вчера и сегодня—хорошая прогулка для осмотра видовъ. Величественно! величественно! величественно! Завтра день бѣганья по магазинамъ: надо взять напрокатъ фортепьяно и арфу, закупить кистей, красокъ и полотна, найти библіотеку для чтенія. Вечера проходятъ довольно скучно.

Корсо.—Палаццо Морлакки.

Мой дневникъ, кажется, будетъ имѣть безмятежій, безцвѣтній отѣнокъ. *Les jours se suivent et... se ressemblent*. Да, дни похожи одинъ на другой, то есть не собственно дни, а вечера, потому что дни довольно пріятно заняты осматриваніемъ видовъ, такъ какъ мое пристрастіе къ этому чудесному городу не уменьшается. Мнѣ нравится даже густой выговоръ чичероне, составляющій неотъемлемую принадлежность ихъ профессіи; но вечера, моя милая Августа, вечера безконечны и не выносимы до крайней степени. Вы поймете какъ это и почему, если я прибавлю, что мы ихъ проводимъ почти постоянно дома. Римъ кишитъ людьми всѣхъ націй, въ томъ числѣ, разумѣется, и англичанами, но мы еще не познакомились ни съ кѣмъ; мы не были также представлены ни одной изъ немногихъ римскихъ фамилій, которыя принимаютъ у себя. Единственный туземецъ, съ которымъ мнѣ удалось перемолвить нѣсколько словъ, кромѣ этихъ ужасныхъ чичероне, это — старый господинъ, отдавшій намъ первый этажъ своего палаццо въ наймы за баснословную цѣну, какъ говоритъ мой дядя. Нашъ банкиръ, князь Торлонія, — какая странность: банкиръ и князь, князь, имѣющій банкъ! — теперь въ траурѣ и никто не принимаетъ. Дядя ожидаетъ кавалера Мартуччи, того молодого человѣка, съ которымъ мы познакомились во Флоренціи. Я писалъ вамъ о немъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ. Онъ долженъ представить насъ одному римскому графу, который, въ свою очередь введетъ насъ въ лучшее общество Рима. Въ ожиданіи этого, мы проводимъ вечера дома. Тетушка зѣваетъ надъ своимъ вышиваніемъ дядя поглощаетъ «*Times*» и грогъ, а я, переходя отъ фортепьяно къ арфѣ, томлюсь какъ душа въ чистилищѣ. Эта непривычная затворническая жизнь раздражаетъ мои нервы и уничтожаетъ мою свѣжесть. Я не шучу; это правда: я чувствую, что становлюсь стара, дура!

непривлекательна. Да и какъ можетъ женщина оставаться хорошенькою, когда некому удивляться ея красотѣ? Вчера вечеромъ, противъ обыкновенія, мы отправились въ концертъ въ Метастасіо. Музыка нѣ довольно понравилась: но самая зала нестерпимо глупо расположена и скверно освѣщена. Представьте себѣ удовольствіе быть заключенною въ темной ложѣ, гдѣ никто не можетъ васъ видѣть. Какая разница съ театромъ королевы въ Лондонѣ или съ итальянской оперой въ Парижѣ! Тамъ стоитъ быть хорошенькой, чтобы занять мѣсто въ этомъ разсадникѣ живыхъ цвѣтовъ! Кстати: я не могу доискаться вашего учителя рисованія; онъ оставилъ свою старую квартиру и переселился Богъ вѣсть куда. Это очень непріятно, потому что, если бы я и не слишкомъ много занималась живописью, то все же это было бы средствомъ для практики въ итальянскомъ языкѣ. Мнѣ ничто не удается теперь. Я обещала баснословное вознагражденіе лон-лакеямъ, если они, наконецъ, отыщутъ мнѣ синьора Манчини. Я терпѣть не могу неудачъ въ чемъ бы то ни было. Однако уже десять часовъ, и я иду спать. Не правда ли, это смѣшно? Я оставлю это маранье еще дня на два, не отправляя его на почту. Выть можетъ, случится что-нибудь, чѣмъ можно закончить его достойнымъ образомъ...

«Наконецъ-то я его нашла! Онъ положительно взятъ приступомъ. Подобно Цезарю, я могу сказать: *veni, vidi, vici* (пришла, увидѣла, побѣдила)! Я совершенно очарована моимъ успѣхомъ; но это такая длинная исторія и у меня такъ мало времени, что я никакимъ образомъ не могу объяснить вамъ, какое сраженіе я выиграла. Я получила его адресъ только сегодня утромъ и, не теряя ни минуты, послала къ нему очень вѣжливую записку. Но я еще не сказала вамъ, кто такой этотъ онъ; впрочемъ, понятно, вы догадываетесь: синьоръ Манчини. Учитель рисованія — какъ бы не такъ! Представьте себѣ, это одинъ изъ первыхъ живописцевъ въ Римѣ. Я ему сказала, что онъ второй Доминикино. — и, честное слово, я сказала это отъ души. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы видѣли картину, которую онъ теперь пишетъ; это дѣйствительно чудо. Итакъ, я отправила къ нему записку, наполненную любезностями и проч. — я жду. Представьте же, что мнѣ приносятъ. Чрезвычайно лаконическій отвѣтъ, что синьоръ Паоло Манчини не даетъ больше уроковъ и, слѣдовательно, не будетъ давать ихъ миссъ Лавинія Джонсъ. Все это написано карандашомъ на чистой сторонѣ моего собственнаго письма. — замѣьте, пожалуйста: ни конверта, ни печати, но просто бумажка, сложенная треугольникомъ, безъ церемоній: вотъ и все, что этотъ господинъ изволилъ мнѣ прислать. Разсказъ Цезаря, который показался мнѣ вдвое чернѣе обыкновеннаго, былъ не такого свойства, чтобы успокоить моѣ гнѣвъ. Впрочемъ, слово *гнѣвъ* слишкомъ сильно: скажу лучше — мою досаду. Честный негръ, войдя въ мастерскую, подумалъ, что онъ попалъ въ вертепъ разбойниковъ — такъ оглушительнъ былъ смѣхъ и говоръ, которымъ его приветствовали. Онъ утверждаетъ, что это смѣялись надъ нимъ. Фигура Цезаря, дѣйствительно, довольно-комична; однако же не очень пріятно, когда

другіе сѣются надъ манниши лакеями. «А, господишь Паоло, — сказала я самой себѣ, — такъ-то вы уважаете посла и посланіе женщины? Хорошо же, мы увидимъ, кто изъ насъ двухъ посидѣтся послѣдній. И въ моей головѣ составилъ маленькій заговоръ. Не безпокойтесь, душа моя, я никакимъ образомъ, не переступила границъ приличія.

«Дядя и я поѣхали кататься верхомъ, чтобы попробовать двухъ новыхъ лошадей. Дядя теперь est aux petits voins: онъ вслѣски мнѣ угождаетъ, чтобы помириться со мною. Мы енустились съ Корсо, и когда проѣзжали мимо одного англійскаго магазина гравюръ, мнѣ пришло въ голову остановиться и навести справки объ этомъ сеньорѣ Паоло, о которомъ идетъ рѣчь. «Не можете ли вы, — спросила я у кушца, — сказать мнѣ, что это за живописецъ у васъ въ городѣ — сеньоръ Манчини?» — «Сеньоръ Манчини!!!» Эти три восклицательные знака назначаются для того, чтобы изобразить вамъ вздернутыя брови, вытаращенные глаза и надувшіеся щоки кушца, когда онъ произнесъ это имя. Я узнала, что сеньоръ Паоло Манчини принадлежитъ къ числу лучшихъ украшеній Рима, что это — великій живописецъ, знаменитый художникъ. Что касается того, даетъ ли онъ уроки, — объ этомъ разумѣется, не могло быть и рѣчи. Вы, можете быть, думаете, что я этимъ удовольствовалась и скромно спросила о другой, менѣе важной знаменитости, которая взялась бы быть моимъ учителемъ; но я рѣдко дѣлаю то, что должна была бы дѣлать, и тѣмъ труднѣе достигнуть чего-нибудь, тѣмъ больше мнѣ этого хочется. Итакъ, цѣлые два часа, въ которые продолжалась наша прогулка верхомъ, я обдумывала свой планъ. «Только бы мнѣ увидѣть этого живописца, думала я про-себя. Моя лошадь была горяча, и я съ трудомъ могла ее удерживать. Борьба волновала меня, приводила въ раздраженіе. Я чувствовала, что нахожусь подъ вліяніемъ одного изъ моихъ непреодолимыхъ капризовъ, какъ вы это называете, и рѣшилась немаленно попытать счастья. Я легко убѣдила дядю поѣхать со мною въ улицу Фраттина, гдѣ находится мастерская сеньора Паоло.

Къ счастью, онъ былъ одинъ и до такой степени погруженъ въ задумчивость, что не слышалъ, какъ мы вошли, или принялъ насъ за другихъ. Звукъ моего голоса заставилъ его задрожать, какъ-будто-бы это былъ звукъ трубы въ день страшнаго суда. Онъ быстро всталъ, обернулся и, вмѣсто маленькаго, невзрачнаго молодого человѣка, какимъ вы его описывали мнѣ, я увидѣла передъ собою мужчину высокаго роста, представительной наружности, съ одною изъ тѣхъ прекрасныхъ и могучихъ головъ, которыми отличаются архангелы сикстинской капеллы. Мы, высокія женщины, чувствуемъ себя въ своей тарелкѣ, находясь въ присутствіи маленькихъ мужчинъ, надъ которыми мы можемъ, такъ сказать, господствовать взглядомъ. Но здѣсь роли перемѣнились; тутъ мнѣ приходилось подымать глаза, между тѣмъ, какъ мой противникъ опускалъ свои на мою особу съ высоты шести футовъ. Въ такихъ обстоятельствахъ присутствіе духа покинуло меня на минуту; но я сейчасъ же сдѣлала *диверсію*, испутивъ восклицаніе по поводу картины, находившейся

на его мольбертъ. Внимательная охотливая часть этого произведения представляетъ группу нѣтъ четырехъ фигуръ, сдѣланныхъ блестящею. Я выражала свое восхищеніе съ энтузіазмомъ и заигрывала съ энтузіазмомъ истиннымъ, чистосердечнымъ — хотя, между тѣмъ, я такъ же внимательно и тщательно разсматривала самаго живописца. Я видѣла, какъ мѣнялся цвѣтъ его лица, будто у молодой дѣвушки, подлѣ вліяніемъ удовольствія и замѣтательства. Его руки немного дрожали. Сожалѣю, что у меня нѣтъ времени для того, чтобы разсказать вамъ всѣ мои искусныя маневры; ограничусь только замѣчаніемъ, что я сдѣлала принципъ: «нужно требовать многого, чтобы добиться малаго». Сопротивленіе непріятеля, нужно признаться, было продолжительно и упорно. Мнѣ приходилось пѣть на всѣ лады: бравурныя аріи, адалжіо кантабиле, пока удалось попасть въ надлежащій тонъ; это было *gallentando* шло въ А миноръ, и оно-то доставило мнѣ побѣду. Смыслъ капитуляціи моего Доминикино заключается въ томъ, что онъ согласился посѣщать насъ въ качествѣ друга и разсматривать мою пачетню, то есть, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, не позже какъ чрезъ недѣлю онъ сдѣлается самымъ прилежнымъ и самымъ поворотнымъ изъ учителей рисованія прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, — или же мое имя не Лавинія. Вы видите, что, строго говоря, мое мнѣніе не слишкомъ ужасно. Скрывшись въ сторону. Я знаю многихъ, которые позавидовали бы его положенію — не правда ли?»

«всегда вѣданная вамъ»

«Лавинія.»

«P. S. Я забыла сказать вамъ, что, по смѣлу моему въ итальянскомъ языкѣ, онъ принялъ меня за свою соотечественницу. Его же итальянскій языкъ — просто разговорная музыка, истинная настоящая *lingua toscana in bocca romana* (тосканское марѣчье въ римскихъ устахъ). Еще разъ прощайте.»

Я теперь уже въ лучшемъ расположеніи духа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Паоло отправляется въ невѣдомую землю.

Въ день, назначенный для перваго визита къ миссъ Лавиніи. Паоло около двухъ часовъ пополудни оставилъ свою мастерскую и пробрался черезъ Корго, по направленію къ palazzo Морлакки. Его походка была медленна и нѣсколько нерѣшительна, какъ походка застѣнчиваго челоуѣка, идущаго въ первый разъ къ чужимъ. Правду сказать, Паоло въ эту минуту, пожертвовалъ бы многимъ, даже удовольствіемъ снова видѣть прекрасную миссъ Лавинію, лишь бы только избавиться отъ послѣдствій своего обѣщанія. Онъ былъ бы очень радъ, если бы ему отказали въ приѣмѣ. «Кто знаетъ — думалъ бы — быть можетъ, ея нѣтъ дома;» и эта мысль доставляла ему нѣкоторое утѣшеніе. Паоло былъ застѣнчивъ, но не робокъ, изъ атихъ двухъ понятій одно еще не заключаетъ въ себѣ другою, и хотя

Часто они встрѣчаются вмѣстѣ, но такъ же часто бываютъ и отдѣльно другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, будучи въ Ватиканѣ, Паоло выразилъ бы его святѣйшеству свой образъ мыслей свободно и безбоязненно, но тѣмъ не менѣе онъ почувствовалъ бы недовкость и затрудненіе опираясь чрезъ злыя, среди тѣлохранителей и лакеевъ. Ноязнь можетъ быть подчиняема разсудку, или побѣждаема силою привычки; молодые солдаты представляютъ намъ въ этомъ случаѣ несомнѣнный примѣръ. Совѣтъ не то бываетъ съ застѣнчивостью. Разсудокъ и привычка имѣютъ надъ этой слабостію столько же силы, сколько они могутъ имѣть надъ горбомъ, возвышающимся на спинѣ или надъ бородавкой на щекѣ. Это родъ врожденной болѣзни, нѣчто похожее на нервныя судороги, своего рода, при которыхъ излеченіе невозможно. Одно только, что человѣкъ въ такомъ состояніи можетъ сдѣлать, это—силою своей воли воспрепятствовать внѣшнему обнаруженію его: стараніе, которое часто, ошибочно, принимаютъ за гордость.

Швейцаръ сказалъ посѣтителю, что англійскаго семейства нѣтъ дома. Хотя отказъ для Паоло и казался облегченіемъ, однако же онъ все-таки былъ нѣсколько раздосадованъ. Въ насъ столько противрѣчій, что мы, дѣйствительно, никогда не можемъ дать себѣ отчета, чего мы хотимъ и чего не хотимъ. «Когда же окончится для меня эта скука?» спросилъ себя Паоло; сколько часовъ придется мнѣ потерять въ передней этой женщины? Сколько времени этотъ мечъ Дамоклеса будетъ висѣть надъ моей головою? Богъ знаетъ! Я поступилъ неосторожно, принявъ это приглашеніе. Мортичеръ рѣшительно былъ правъ, какъ и всегда.

Въ то время какъ Паоло отходилъ отъ подъѣзда, бормоча связъ зубы этотъ нескладный монологъ, онъ, уголкою своего глаза, примѣтилъ, что въ его сторону подъѣзжаетъ карета, въ которой находилась миссъ Лавинія, и еще нѣсколько особъ. Видя въ перспективѣ необходимость исполнить церемонію привѣтствій на улицѣ, среди круга знакомыхъ молодой дѣвушки, онъ почувствовалъ головокруженіе и пустился какъ можно скорѣе бѣжать въ противоположную сторону, какъ будто дѣло шло о спасеніи жизни. Но его бѣгство было напрасно; глаза у миссъ Лавиніи, повидному, были столько же зорки, какъ и у него. Скоро за его спиной послышались быстрые и торопливые шаги и черный силуэтъ запыхавшагоса Цезаря появился за его плечомъ. «Миссъ дома, сударь, миссъ дома.» Спасенія не было, оставалось смѣло повернуться лицомъ къ непріятелю.

У людей застѣнчивыхъ ничто не дѣлается легко. Можно быть увереннымъ, что дѣйствіе самое простое, — какъ напр. оставить карточку Швейцару, или нанять экипажъ для поѣздки въ Альбано, — у нихъ непременно будетъ затруднено какимъ нибудь досаднымъ обстоятельствомъ. Если кто нибудь подойдетъ къ этимъ людямъ въ уютномъ углу гостиной, то это для нихъ рѣзы въ сравненіи съ терніями, которыми наполнена эта выставка при многочисленной публикѣ. Такія и тому подобныя смутныя размышленія толпились въ умѣ живописца, когда серебристый голосокъ миссъ Лавиніи положилъ имъ конецъ.

— Какъ, сеньоръ Паоло, — сказала она, — вы убѣгаете отъ насъ! Совершенно бесполезное покушеніе: вы нашъ плѣнникъ. — И въ то же время маленькая бѣленькая ручка молодой дѣвушки протянулась, чтобы пожать руку художника. — Мистриссъ Джонсъ, моя тетушка, которая нетерпѣливо желаетъ съ вами познакомиться и почти завидуетъ что я предупредила ее.

Мистриссъ Джонсъ, маленькая блондинка, полненькая, въ высшей степени съ привлекательною наружностію, сказала нѣсколько любезныхъ словъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, и также дружески пожала руку Паоло.

— Прочія представленія, прибавила миссъ Джонсъ, мы можемъ отложить пока не придемъ на верхъ.»

Господинъ, сѣдѣвшій въ каретѣ семейства Джонсъ, подалъ руку мистриссъ Джонсъ; что же касается до ея мужа, то онъ уже велъ водъ руку какую-то даму, такъ что Паоло и Лавинія остались другъ съ другомъ. — Не показать ли вамъ дорогу, сеньоръ? — весело спросила молодая англичанка.

Живописецъ не имѣлъ духа воспользоваться намекомъ и, по примѣру другихъ мужчинъ, предложить руку миссъ Лавиніи. Поэтому они поодиножкѣ взошли по лѣстницѣ. Придя въ залу, дѣвушка представила Паоло остальному обществу:

— Мистеръ и мистриссъ Пайперъ; сеньоръ Паоло Манчини; — и къ послѣднимъ словамъ она прибавила болѣе тихимъ голосомъ: одинъ изъ первыхъ римскихъ живописцевъ.

— Мистеръ Пайперъ объявилъ, что онъ очень радъ, и проч. мистриссъ Пайперъ сказала, что она очень довольна. — Мистриссъ Пайперъ очень сильна въ итальянскомъ языкѣ, сеньоръ Паоло, — прибавила Лавинія. Дядюшка, вотъ г. Паоло, который былъ такъ любезенъ, что вспомнилъ свое обѣщаніе.

М-ръ Джонсъ стоялъ у камина просматривая лежавшія на немъ письма и газеты; и слова племянницы напомнили ему, что онъ еще не поклонился Паоло.

— Это очень любезно съ вашей стороны, сказалъ м-ръ Джонсъ, пожимая руку гостю.

Паоло, все чувствуя себя неловко и стараясь оправиться, не былъ однако до такой степени занятъ своимъ собственнымъ положеніемъ, чтобы не замѣтить предупредительности и заботливости миссъ Лавиніи, чтобы ему былъ оказанъ любезный и пріятный пріемъ, и удивлялся развязности и граціи, съ которыми она занимала своихъ гостей.

Всеобщее движеніе, замѣченное имъ между присутствующими, и причину котораго онъ не могъ отгадать, снова озадачило его. Но, въ подражаніе другимъ, онъ также поднялся съ своего мѣста.

— Мы будемъ завтракать, — проговорила миссъ Лавинія, въ видѣ объясненія.

Паоло улыбнулся, какъ-будто это извѣстіе доставило ему большое удовольствіе, но внутренно содрогнулся при мысли о новомъ переименованіи. Онъ видѣлъ, что м-ръ Пайперъ подалъ руку миссъ Лавиніи, и догадался, что ему слѣдуетъ предложить свою — ближайшей

сосѣдкѣ, мистриссъ Джонсъ; но онъ не могъ заставить себя это сдѣлать. Лавинія подоспѣла къ нему на помощь.

— Вамъ лучше взять мою тетку, сказала она м-ру Пайперу.— Она не говоритъ поитальянски.»

Паоло охотно поцѣловалъ бы край ея платья. Черезъ минуту, самъ не зная какъ это случилось, онъ сидѣлъ за столомъ, между миссъ Лавиніей и мистриссъ Пайперъ.

Мистеръ Пайперъ съ женою распространялись о безчисленныхъ неудобствахъ путешествія. М-ръ Джонсъ присоединился къ ихъ жалобамъ, мистриссъ Джонсъ сдѣлала два или три робкія возраженія, между тѣмъ миссъ Лавинія воспользовалась всеобщимъ шумомъ, чтобы сказать Паоло:

— Я до такой степени боюсь разойтись съ вами, что рѣшилась-было цѣлый день не выходить изъ дома; но принуждена была отправиться съ новоприбывшими друзьями на поискъ квартиры.

Паоло внутренно называлъ себя дуракомъ и скотомъ за недѣкательныя слова, которыя шевельнулись у него на языкѣ при извѣстїи объ отсутствїи семейства.

— Кто приказалъ тебѣ открыть окно вонъ тамъ? — закричалъ м-ръ Джонсъ лакою, котораго онъ засталъ на мѣстѣ преступленія.

— Это я, другъ мой, — сказала мистриссъ Джонсъ, тономъ покорности; — здѣсь мы до такой степени закупорены, что я едва могу дышать.

— Вы, кажется, могли бы замѣтить, возразилъ мужъ кисло-сладкимъ тономъ, что я сижу между дверью и окномъ, на сквозномъ вѣтру.

— Прошу извинить меня, другъ мой, — отвѣчала мистриссъ Джонсъ. — Запрѣ окно, Цезарь — прибавила она.

Она страдала одышкою, и никогда не могла подышать свѣжимъ воздухомъ, между тѣмъ какъ м-ръ Джонсъ былъ въ постоянной испаринѣ съ утра до вечера и больше всего на свѣтѣ боялся сквозного вѣтра. Отсюда происходили два несомнѣстныхъ направленія, время отъ времени бывшія поводомъ къ смѣшнымъ, а иногда и неуряднымъ сценамъ.

— Кажется, можно помочь горю, — сказала Лавинія, улыбаясь.

Она отправилась къ другому окну, и отворила его съ той стороны откуда вѣтеръ не могъ достигать до дяди, и такимъ образомъ удовлетворяла объ стороны.

— Много ли подвинулась ваша картина? — спросила она Паоло, снова занявъ свое прежнее мѣсто.

— Не слишкомъ, — отвѣчалъ Паоло; я почти до нея не дотрогивался.

— Намъ нужно свезти васъ посмотреть на эту картину, мистриссъ Пайперъ — продолжала Лавинія, т. е. если синьоръ Паоло будетъ имѣть любезность — позволить намъ это.

— Разумѣется; я только сожалею, что она такъ мало достойна подобной чести, — возразилъ Паоло.

— Позвольте узнать сюжетъ вашей картины,—сказала мистриссъ Пайперъ.

— Врениъ у воротъ Рима.

— Развѣ вы исключительно посвятили себя воспроизведенію классическихъ сюжетовъ?—спросила мистриссъ Пайперъ, съ принужденной улыбкою.

— Какъ живописцу, гдѣ найти мнѣ лучшихъ?—отвѣчала Паоло. Великія дѣянія, благороднѣйшіе типы и живописные костюмы—вотъ три вещи, которыхъ преимущественно слѣдуетъ искать; и вы, вѣроятно, согласитесь, синьора, что въ сюжетахъ, которые вы называете классическими, всѣ эти условія встрѣчаются въ большемъ изобиліи и совершенствѣ, нежели во всякихъ другихъ.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе настолько насколько дѣло идетъ о формѣ и цвѣтахъ,—возразила мистриссъ Пайперъ.

— Надо признаться, что это два довольно-важные пункта въ живописи,—замѣтилъ Паоло, съ улыбкою.

— Безъ сомнѣнія; но душа, синьоръ, но душа!—воскликнула мистриссъ Пайперъ съ самоглубленнымъ энтузіазмомъ. ореолъ христіанской вѣры еще важнѣе въ моихъ глазахъ, а его возможно встрѣтить только въ событіяхъ новаго времени и сюжетахъ взятыхъ изъ современной жизни.

Паоло не вполне понялъ смыслъ словъ своей собесѣдницы, и потому отвѣтилъ ей:

— Можетъ быть; впрочемъ, у меня нѣтъ никакого предубѣжденія противъ новѣйшихъ сюжетовъ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу предложить вамъ прекрасный сюжетъ: исторію Мадіан. Вотъ истинный сюжетъ для живописца!

— Мадіан! повторилъ Паоло, немного озадаченный. Я не вижу...

— Ахъ, милостивый государь, ежели бы вы, подобно мнѣ, видѣли ихъ, то почувствовали бы тотчасъ все великое, заключающееся въ подобномъ сюжетѣ.

— Развѣ вы дѣйствительно ихъ видѣли?—разомъ спросили тетка и племянница.

— Да, не болѣе какъ двѣ недѣли тому назадъ, во Флоренціи,—лаконически отвѣчала мистриссъ Пайперъ.

— И я также,—воскликнулъ м-ръ Пайперъ, не сказавшій ни слова до тѣхъ поръ.

Мадіан были спеціальностію мистриссъ Пайперъ, ея конькомъ. Всѣ предметы разговора были для достойной англичанки только косвенными путями для того, чтобы начать разговоръ объ Мадіан. И вотъ она дѣйствительно въ сотый разъ начала повѣствованіе о знаменитыхъ флорентійскихъ мученикахъ, какъ она ихъ называла, и, по напыщенному тону, по риторическимъ фразамъ разскащицы, дѣйствительно можно было подумать, что несчастная чета была подвергнута пыткамъ и колесована на ея глазахъ. Они переносятъ свои муки съ гакимъ спокойствіемъ... г-мъ, съ такою покорностію... г-мъ, съ такою твердостью вѣрую... какъ настоящіе христіане,—прибавила она. Эти

2-мъ были нѣчто среднее между стономъ и рыданіемъ и нѣтъ цѣлю выразить чувства, которыми была подавлена расказщица. Эффектъ былъ поразителенъ. Глаза мистриссъ Джонсъ были полны слезъ. Лавинія воскликнула, это что ужасно; самъ мистриссъ Джонсъ казался негодующимъ. Одинъ только Паоло оставался холоднымъ и молчаливымъ. Выставка чувствительности, которой предавалась мистриссъ Джонсъ, ея заученныя улыбки и воркованія оскорбляли простыя понятія его объ истинѣ и естественности и раздражали его нервы.

Паоло болѣе всего ненавидѣлъ аффектацію. Къ этому надобно прибавить, что онъ зналъ множество фактовъ, происходившихъ ежедневно, у всѣхъ на глазахъ, и не возбуждавшихъ ни въ комъ ни вниманія ни сожалѣнія, между тѣмъ, какъ сравнительно съ ними, дѣло Мадіан, несмотря на всю его грустную и отвратительную сторону, было просто бездѣлицей.

— Что же, синьоръ Паоло?—начала мистриссъ Пайперъ, послѣ непродолжительной паузы, — въ вашемъ ли вкусѣ разказанная мною исторія?

— Мнѣ кажется. — отвѣчалъ Паоло, — что мы, живописцы, способны вдохновиться только сюжетами нашего собственнаго выбора.

— Судьба Мадіан, можетъ быть, не интересуеть синьора Манчини?—замѣтила дама.

— Напротивъ того; могу васъ увѣрить, что я интересуюсь ею не меньше кого-либо другого, только не воспламеняюсь, потому-что иногда излишнее усердіе, — прибавилъ откровенный Паоло, — служить во вредъ самому правому дѣлу.

Мистриссъ Пайперъ закусила губы, Лавинія вспыхнула, и чтобы дать разговору другое направленіе, попросила Паоло описать личность Гарибальди. Паоло не только очертилъ наружность знаменитаво генерала, но съ жаромъ говорилъ объ его привѣтливомъ характерѣ и благородномъ обращеніи въ частной жизни.

При разговорѣ о Гарибальди нельзя было не коснуться защиты Рима. Паоло говорилъ объ этомъ предметѣ съ скромностью, полною достоинства, ни разу не давая замѣтить, что самъ участвовалъ во всѣхъ опасностяхъ.

— Римляне, — сказалъ онъ, въ отвѣтъ на похвалы ихъ храбрости, — исполнили свой долгъ, и они никогда не измѣнятъ ему, коль скоро представится къ тому случай. Развѣ одинъ изъ ихъ древнихъ поэтовъ не сказалъ, что честно и славно умереть за отечество?

Dulce et decorum est pro patria mori...

М. Пайперъ, съ трудомъ слѣдившій за итальянскимъ разговоромъ Паоло, воспользовался латинскою цитатою, чтобы сказать своему визави, м-ру Джонсу, въ видѣ объясненія:

— Право, надобно признаться, что эти римляне показали большое мужество.

— Римляне? — повторилъ м-ръ Джонсъ, пожимая плечами, — половина изъ нихъ были иностранцы.

Паоло настолько зналъ по-англійски, чтобы вполне постигнуть сар-

казнь, заключавшійся въ этихъ словахъ, даже еслибы онъ и не видѣлъ значительнаго пожатія плечами, сопровождавшаго эти слова. Краска выступила у него на лицѣ, и, обращаясь къ миссъ Лавиниѣ, онъ сказалъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ:

— Представьте себѣ, что Лондонъ увидѣлъ бы врага у своихъ воротъ и что жители разныхъ вашихъ графствъ стеклись бы для его защиты: сказали ли бы вы тогда, что Лондонъ былъ защищаемъ иностранцами?

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчала Лавиниѣ;—жители графствъ такіе же англійчане, какъ и жители Лондона.

— Тоже самое можно сказать и объ насъ,—продолжалъ Паоло;—гдѣ бы мы ни родились—въ Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ или Римѣ—мы всѣ одного происхожденія; одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ, всѣ мы говоримъ однимъ языкомъ, всѣ—итальянцы! Почему же м-ръ Джонсъ говоритъ, что большинство защитниковъ Рима были иностранцы?

— Это заблужденіе съ его стороны,—сказала Лавиниѣ;—надобно признаться, что наши свѣдѣнія насчетъ Италіи отчасти невѣрны.

— Мнѣ бы хотѣлось говорить по-англійски такъ же легко, какъ я понимаю этотъ языкъ, чтобы исправить ошибочное мнѣніе м-ра Джонса на этотъ счетъ,—прибавилъ Паоло.

Неловкое молчаніе послѣдовало за этимъ разсужденіемъ. Имя м-ра Джонса, неоднократно произнесенное молодымъ художникомъ во время его тирады, довольно-оживленный тонъ итальянца и взгляды, бросаемые имъ по временамъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ англійчанинъ, заставили послѣдняго догадаться, что онъ сдѣлалъ или сказалъ что-нибудь, могущее подвергнуться критикѣ, и что художникъ дѣйствительно осмѣлялся его критиковать.

М-ръ Джонсъ, подобно многимъ другимъ людямъ, не любилъ слушать предметомъ критическаго разбора, въ особенности со стороны какого-то неизвѣстнаго живописца, который не далѣе какъ вчера давалъ уроки и первый разъ былъ удостоенъ чести сидѣть за его столомъ. Итакъ, чувствуя себя задѣтымъ за живое, м-ръ Джонсъ составилъ о Паоло мнѣніе далеко невыгодное.

Поэтому въ первые же полчаса своего дебюта въ англійскомъ семействѣ, Паоло успѣлъ нажить двухъ враговъ—мистриссъ Пайперъ и мистра Джонса. Изрѣченіе, что «честность есть самое лучшее правило поведенія», дѣйствительно прокрасно, но имъ можно руководствоваться только относительно чистоты совѣсти, съ которою неразлучно соединено довольство самимъ собою; но если кто нибудь вздумаетъ взять это правило въ видѣ компаса для кругосвѣтнаго путешествія, или же руководствоваться имъ во всѣхъ практическихъ случаяхъ жизни, то онъ увидитъ, какую избралъ себѣ хрупкую опору.

Во всякомъ случаѣ Паоло приобрѣлъ себѣ друга въ лицѣ мистриссъ Джонсъ. Она сидѣла напротивъ его во всей своей простотѣ, кругленькая, полненькая, точно перепелка, и сквозь всѣ поры ея

такъ сказать, изливалась добрая ласковость. Было что-то неудовимо ободряющее въ ея взглядѣ, постоянно обращенномъ на живописца во все время закуски; въ ея улыбкѣ свѣтилась кака-то материнская нѣжность. Эта рѣшительная симпатія имѣла особенную причину, не зависѣвшую отъ ея доброй и нѣжной природы. Мистриссъ Джонсъ съ перваго же взгляда открыла, что Паоло страдаетъ тою болѣзненнымъ зѣстѣнчивостью, о которой мы уже говорили; а такъ какъ и она сама была подвергнута этому недугу, который столь трудно опредѣлить, она почувствовала къ нему тѣмъ большее состраданіе, что сама была одержима тѣмъ же самымъ недостаткомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мистриссъ Джонсъ принуждена была отказаться отъ своего трона въ лавкѣ свѣтскихъ припасовъ и пуститься въ большой свѣтъ, она никогда уже ни одной минуты не наслаждалась спокойствіемъ. Въ новой сферѣ она чувствовала себя не на мѣстѣ; ея величіе было не болѣе какъ страшнымъ затрудненіемъ; вѣчная натянутость, на которую она была обречена, ужасно ее тяготила; вся жизнь бѣдняжки проходила въ усиліяхъ и страхѣ, какъ бы не погрѣшить противъ свѣтскихъ приличій. Чувства ея въ отношеніи мужа были какъ-то разнородны и противорѣчили одни другимъ. Мръ Джонсъ былъ для нея въ одно и то же время гонимъ, идеаломъ совершенства, достойнымъ всевозможнаго поклоненія, и пугаломъ, въ присутствіи котораго она дрожала, постоянно опасаясь сдѣлать какой нибудь промахъ: Постоянное напряженіе ея умственныхъ спон и совершенное устраненіе прежнихъ привычекъ, дѣятельныхъ и здоровыхъ,—все это имѣло пагубное вліяніе на ея организмъ, сдѣлавъ его слабымъ. Она ежедневно толстѣла, дѣлалась все болѣе и болѣе неповоротливою и подвергалась опаснымъ припадкамъ одышки и удушья. Великою ея утѣхою и гордостью, единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни была племянница мужа. Лавинія съ своей стороны питала къ теткѣ глубокую и искреннюю привязанность.

Наконецъ закуска кончилась и все общество встало изъ-за стола. Миссъ Лавинія извинилась передъ Пайперами, что должна ихъ оставить, такъ-какъ ей нужно показать кое-что синьору Манчини, и она долѣе не хотѣтъ отнимать у него драгоценное время. Паоло послѣдовалъ за нею сквозь анфіладу комнатъ, до залы, довольно просторной, гдѣ сидѣла молодая женщина, кокетливо одѣтая, которая, расположившись у окна, была занята выпиваньемъ. Принявши ее за особу, принадлежащую къ семейству Джонсовъ, Паоло собирался раскланяться съ нею самымъ почтительнымъ образомъ, когда во-время былъ предупрежденъ миссъ Лавиніей, которая сказала ему мимоходомъ:

— Это моя горничная.

Онъ замѣтилъ арфу, открытое фортепьяно, кипы нотъ на этажеркѣ и порядочно наполненную полку съ книгами.

— Это мой кабинетъ и моя библіотека,—сказала миссъ Лавинія,— а это (приближаясь ко второму окну) моя мастерская, мастерская не очень-то просторная, но соответствующая способностямъ ученицы.

То, что она называла своею мастерскою, было не что иное, как абражура окна, весьма глубокая, и уголокъ комнаты, составляющій около четвертой части ея, отдѣленный ширмами. Впрочемъ тамъ было довольно мѣста для дивана, нѣсколькихъ креселъ, маленькаго стола и мольберта.

— Если я долженъ судить о талантѣ артистки по размѣру мастерской, сказалъ Паоло, — то талантъ этотъ не можетъ быть такъ незначителенъ.

— Теперь-то я прошу вашего снисхожденія, сказала миссъ Лавинія, отдергивая занавѣсъ, скрывавшій полотно, натянутое на станкѣ. При этомъ нѣжный розовый румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ. Картина представляла стараго капуцина во весь ростъ, въ натуральную величину.

— А, вы пишете масляными красками, — сказалъ Паоло; — это работа трудная, но впоследствии она доставляетъ наибольшее наслажденіе. Послѣ минутной паузы, онъ прибавилъ: — сколько я могъ замѣтить, у васъ не было модели, а между тѣмъ вамъ невозможно обойтись безъ нея. Я совѣтую вамъ нанять себѣ натурщика. Здѣсь можно достать что угодно; разумѣется, цѣны довольно высоки, потому что въ отношеніи иностранцевъ подобнаго рода люди очень взыскательны; но вы, вѣроятно, не пожалѣете нѣсколькихъ лишнихъ скуди.

— О, нѣтъ, отвѣчала Лавинія съ легкимъ отбѣнкомъ ироніи, — нѣтъ мѣшали никакъ не деньги. Мнѣ не къ кому было здѣсь обратиться, исключая чичероне, и, признаюсь, я не имѣла большого довѣрія къ имѣ рекомендаціямъ.

— Я пришлю вамъ натурщика, если хотите, — сказалъ Паоло, — прекраснаго старика съ великолѣпною бородою, именно такого, какому вамъ надобно для вашего капуцина.

— Я буду вамъ очень обязана, — отвѣчала Лавинія.

Паоло наполегло мало достоинствъ для похвалы и много недостатковъ для порицанія въ картинѣ Лавиніи. Рисунокъ былъ сносенъ, но колоритъ дуренъ; драпировка совершенно неудачна. Лавинія употребляла слишкомъ много красокъ: цвѣтовъ голубого, желтаго, съ нѣкоторымъ количествомъ бѣлаго и краснаго очень достаточно для начинающихъ. Къ тому же въ линіяхъ было слишкомъ много жесткости, точно какъ-будто рука не имѣла полной свободы. Паоло предложилъ Лавиніи взять кисть и показать ему, какимъ образомъ она владѣетъ ею.

Дѣвушка тотчасъ налѣла свою блузу или, скорѣе, большой передникъ съ рукавами и весьма любезно исполнила просьбу художника.

— А! — сказалъ Паоло, — я вижу, въ чемъ дѣло: вы держите кисть слишкомъ крѣпко.

Она попробовала держать ее слабѣе, но кончилось тѣмъ, что кисть выпала у нея изъ рукъ.

— Я покажу вамъ, какъ это дѣлается, — сказалъ Паоло, — позвольте мнѣ вашу кисть.

— Развѣ вы не боитесь выпачкать краскою ваше платье?

— О, нѣтъ! я сдѣлаю только нѣсколько штриховъ,—возразилъ онъ.

— Почему бы вамъ не надѣть моей блузы?—спросила дѣвушка.

— А въ самомъ дѣлѣ! сказалъ молодой человѣкъ. И измѣненіе костюма произошло не безъ смѣха съ той и другой стороны. Паоло не ограничился указаніемъ, какъ Лавинія слѣдуетъ держать кисть, и продолжалъ, какъ бы шутя, исправлять одно мѣсто за другимъ, такъ что старшій монахъ получилъ вскорѣ совершенно другой видъ. Въ эту минуту мистриссъ Джонсъ вошла и, видя его занятымъ, спокойно усѣлась на софу, съ добродушіемъ поглядывая на работающаго живописца.

— Не правда ли, что у нея замѣчательный талантъ?—спросила она Паоло черезъ минуту, привлекая къ себѣ племянницу и цѣлуя ее.

— Что вы, тетя,—возразила Лавинія тономъ протеста, въ свою очередь цѣлуя ее.

— Она столько же добра, какъ талантлива, могу васъ увѣрить,—сипноръ Паоло.

— Я ни минуты въ этомъ не сомнѣвался,—сказалъ Паоло съ нѣкорымъ жаромъ. И, снявъ блузу, онъ сѣлъ къ маленькому столу.

Двѣ женщины, державшія другъ друга за руки, составляли группу въ высшей степени граціозную: контрастъ этихъ двухъ головъ не могъ быть оригинальнѣе и удачнѣе: одна—съ своими волосами, черными какъ крыло ворона, и съ характеристическими чертами, полная энергіи и страсти; другая—блѣдная, дышащая нѣжностію, кротостію и меланхоліею; это—солнце восходящее въ жаркое июльское утро, и солнце заходящее въ спокойный октябрьскій вечеръ.

Паоло, продолжая разговоръ, взялъ карандашъ; точно для искушенія его, листъ бумаги лежалъ у него подъ рукою, и въ какіе нибудь четверть часа уже былъ готовъ эскизъ двухъ дамъ, который онъ и показалъ мистриссъ Джонсъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что она пришла въ восторгъ, потому что это былъ маленькій *chef d'oeuvre*. Она просила Паоло подписать подъ нимъ свою фамилію, что онъ и сдѣлалъ, увѣряя, что подобную бездѣлицу не стоитъ хранить.

Лавинія дала Паоло свой альбомъ эскизовъ, показала ему двадцать томовъ книгъ—французскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, которыя она читала, а когда молодой живописецъ нѣсколько удивился, что она предпринимаетъ разомъ столько дѣлъ, она увѣрила его, что найдетъ время на все, что вздумаетъ дѣлать. Какая энергическая душа! подумалъ Паоло; и разговоръ продолжался на эту тему. Паоло не мало былъ удивленъ, чувствуя себя совершенно свободнымъ, какъ будто въ своемъ собственномъ домѣ.

— Вы играете на арфѣ?—спросилъ онъ Лавинію;—входя сюда, я видѣлъ этотъ инструментъ.

— Я люблю аккомпанировать себѣ на ней, когда пою, отвѣчала дѣвушка.—Хотите, я спою вамъ что нибудь?

— Это было бы величайшею благосклонностію съ вашей стороны, сказалъ Паоло.

Она взяла арфу и начала прелюдію. Въ своей позѣ, хорошо выказывающей дѣвственныя очертанія ея фигуры, она была истинно прекрасна.

Паоло не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Вы напоминаете мнѣ Коринну!

— Неужели? — отвѣчала Лавинія, краснѣя, хотя она была очень очень привычна къ комплинтамъ. — Что же мнѣ вамъ спѣть?

— Все, что вамъ будетъ угодно, лишь бы только это была простая и нѣжная мелодія.

Лавинія немного подумала, потомъ запѣла: «She's far from the land where her young lover sleeps (она далеко отъ земли, гдѣ спитъ ея возлюбленный)», одну изъ самыхъ нѣжныхъ ирландскихъ пѣсень.

Паоло не могъ, такъ сказать, отвести взгляда отъ ея губъ и упивался каждымъ звукомъ этого дивнаго голоса.

Очаровательная простота и трогательная меланхолія аріи проникали въ глубину его сердца и слезы неволью выступали у него на глазахъ.

— Теперь вы напоминаете мнѣ Фрецолини, когда она, въ роли Дездемоны, поетъ романсъ «Ива», сказалъ Паоло послѣ непродолжительнаго молчанія, которое было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Лавинія, съ видомъ угрозы, подняла палецъ.

— Лестецъ! — сказала она самымъ мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, возразилъ Паоло, — что я никогда не льщу и не рѣшаюсь на комплименты?

Онъ всталъ и началъ прощаться.

— Когда вы опять посѣтите насъ? — спросила Лавинія.

Паоло замаялся.

— Вы вѣдь помните, что обѣщали мнѣ натурщика? — продолжала она.

— Я этого не забуду, — отвѣтилъ онъ.

— Итакъ, не заставляйте же ждать себя долѣе чѣмъ до послѣзавтра.

Что оставалось дѣлать Паоло, ежели не согласиться? Тѣтка и племянница провели его особеннымъ ходомъ, имѣвшимъ сообщеніе съ переднею.

— Когда вы вздумаете доставить намъ честь и удовольствіе своимъ посѣщеніемъ, — сказала предусмотрительная мистриссъ Джонсъ, — и ежели захотите избавиться отъ перехода черезъ залу, то лакеямъ заранѣе приказано будетъ провести васъ здѣсь.

— Тысячу разъ благодарю, — сказалъ Паоло, значительно облегченный извѣстіемъ, что можетъ входить и выходить, не встрѣчая мистера Джонса. — Я вамъ очень обязанъ.

— Какой очаровательный молодой человекъ! — воскликнула добродушная мистриссъ Джонсъ, какъ только убѣдилась, что Паоло не услышитъ ее.

— Да, повторила Лавинія, — премилый enfant terrible! Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы онъ не носилъ такихъ толстыхъ башмаковъ.

— Неблагодарное глупенькое созданіе, большая тебѣ нужда до его башмаковъ! — смѣясь сказала тетка.

Въ это самое время Паоло съ легкостію пера мчался и вѣнскъ за натурщикомъ.

— Безъ этого сумрачнаго м-ра Джонса и несносныхъ лакеевъ было бы истиннымъ удовольствіемъ ежедневно проводить по нѣскольку часовъ съ этими двумя женщинами, — говорилъ Паоло самъ себѣ. — Обѣ онѣ такъ просты, предупредительны, безъ малѣйшей аффектаціи; молодая дѣвушка такъ жива и чувствительна, и къ тому же такъ прекрасна; ея общество можетъ только послужить мнѣ въ пользу, какъ человѣку и художнику. Уже одно присутствіе женщины заключаетъ въ себѣ то нѣжное и облагораживающее вліяніе, котораго ничѣмъ вельзя замѣнить.

Паоло чувствовалъ себя столь спокойнымъ, подъ вліяніемъ такой чистой и свѣтлой веселости, что не могъ внутренно не посмѣяться надъ мрачнымъ предсказаніемъ Мортимера. Какъ жаль, — думалъ онъ, — что натура моего друга, столь благородная и прекрасная, искажена ложными понятіями о женщинахъ! Разумѣется, узнай онъ тетку и племянницу — онъ, вѣроятно, скоро примирился бы съ прекраснымъ поломъ. Нужно будетъ мнѣ устроить это знакомство.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Дневникъ миссъ Лавини.

Милая леди Августа,

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я говорила вамъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ мой Доминикико сдѣлается самымъ усерднымъ и преданнымъ учителемъ рисованія. И чтоже? завтра будетъ ровно недѣля какъ онъ зашелъ къ намъ въ первый разъ, а я уже имѣла три урока. И такъ, видите я выполнила свое слово. Однако, слѣдуетъ признаться, что для одержанія этой побѣды я должна была расточать необыкновенное множество любезностей, что, впрочемъ, не стоило мнѣ большого труда: мнѣ кажется, это происходило само собою. Онъ такъ благодаренъ, такъ... (какъ бы это назвать?) — что угождать ему — это составляетъ удовольствіе. Мнѣ онъ нравится, тетка безъ ума отъ него, а онъ — отъ ней. Удивительно, какъ это они до такой степени сошлись другъ съ другомъ при такихъ скудныхъ средствахъ къ сношеніямъ: оба они очень не сильны во французскомъ языкѣ. Дядя разумѣется, не слишкомъ его подлюбливаетъ, Паоло чѣмъ-то оскорбилъ его, также какъ и мистриссъ Пайперъ, которая завтракала у насъ вмѣстѣ съ живописцемъ. Онъ нѣчто въ родѣ какого то enfant terrible, который говоритъ все что есть у него на сердцѣ; я думаю, онъ мало привыкъ бывать въ обществѣ. Иногда онъ застѣчивъ какъ дѣвочка, иногда смѣлъ какъ какойнибудь забіяка. Онъ никогда не говоритъ комплиментовъ, даже мнѣ. Онъ обошелся съ моимъ капуциномъ слишкомъ безцеремонно; такой способъ обращенія страшно неободрителенъ, и я сказала ему это вчера. (Мы сдѣлались теперь большими друзьями и я не стѣсняясь говорю ему что думаю).

Онъ засмѣялся и сказалъ: «я былъ строгъ? Это для вашей пользы и притомъ, я замѣтилъ у васъ нѣкоторый талантъ. Начинающихъ, которые подають надежды, ничто такъ не портитъ, какъ похвала и ничто такъ не подвигаетъ впередъ, какъ приличная доза строгости. Я слышалъ, что когда къ Россини обращается какой нибудь бездарный пѣвецъ, или пѣвица, за совѣтомъ, маэстро всегда осыпаетъ его или ее похвалами, между тѣмъ какъ онъ находитъ множество недостатковъ въ людяхъ подающихъ большія надежды. Эта метода имѣетъ свои достоинства. Не правда ли что это очень оригинальный способъ поощренію таланта? Впрочемъ надо признаться, что синьоръ Паоло не имѣетъ недостатка въ оригинальности. Чтó онъ ни дѣлаетъ, чтó онъ ни говоритъ—все это носитъ особенный, собственно ему принадлежащій характеръ. Что же касается до его талантности, то никто не можетъ отказать ему въ изумительныхъ способностяхъ. Вы не можете себѣ представить, чтó онъ въ состоянн сдѣлать какими нибудь двумя-тремя штрихами. Я желала бы чтобы вы взглянули на моего капуцина послѣ его поправокъ. Рѣшительно—это счастливая звѣзда свела меня съ такимъ восхитительнымъ человѣкомъ; онъ забавляетъ, интересуется и, до нѣкоторой степени, смущаетъ меня. Если бы онъ приходилъ иногда вечеромъ, то я неслишкомъ бы жалела объ отсутствіи развлеченій...

— Вчерашній вечеръ онъ провелъ съ нами, и это былъ очень пріятный вечеръ. Какъ вы думаете: легко было добиться такой благоклонности? Совсе не легко. Тетя и я должны были дать обѣщанье, что у насъ никого не будетъ. Молодой человѣкъ никогда не бываетъ въ обществѣ и не терпитъ формальныхъ собраній. Я говорила вамъ, что онъ совершенный дикарь,—но дикарь любезный, пріятный и достойный цѣлой дюжины людей цивилизованныхъ. Я собирала относительно его всевозможныя свѣдѣнія. Чѣмъ болѣе я въ него всматриваюсь, тѣмъ болѣе онъ осуществляетъ въ моихъ глазахъ всѣ мои идеи объ итальянцахъ,—объ этихъ людяхъ, знаете, о которыхъ мы читаемъ въ книгахъ, что они могутъ дѣлать все: они и художники, и поэты, и воины, и политики — это Леонардо, Микель-Анджело, Сальваторъ Роза, Бенвенуто Челлини, и тому под. Да, этотъ Паоло Манчини такой же хорошій поэтъ какъ и живописецъ: онъ импровизируетъ стихи съ совершенною легкостью. Онъ рассказываетъ, что у него есть другъ, который говоритъ только стихами, и что импровизованіе вещь очень обыкновенная между итальянцами. Я дала ему нѣсколько рѣмешъ—и онъ тотчасъ же сымпровизировалъ сонетъ къ моему портрету. Кстати, я должна вамъ описать его наружность. Онъ полуголовою выше меня, по видимому крѣпко сложенъ, имѣетъ изящную фигуру, необыкновенно густые, черные, выющіеся волосы, темно-оливковый цвѣтъ лица, тонко очерченный ротъ и прекрасные зубы, каріе глаза съ желтыми оттѣнками, которые то кротки и нѣжны какъ у дикой лани, то блестящи и грозны какъ у какого нибудь бандита. Надо видѣть ихъ въ ту минуту, когда онъ говоритъ объ австрийцахъ. Тогда эти глаза дѣлаются черными. Онъ рассказывалъ

намъ нѣсколько анекдотовъ о послѣдней войнѣ и подробно описать защиту Вилла-Спады 13 июня 1849 г. Какое поразительное описаніе! У насъ морозъ пробѣгалъ по кожѣ. Уронъ со стороны римлянъ былъ ужасенъ; многіе лучшіе офицеры погибли тамъ смертью храбрыхъ. Волненіе Паоло, когда онъ говорилъ объ этихъ благородныхъ бойцахъ, было зарачительно до такой степени, что тетка, которая очень плохо понимаетъ по-итальянски, просто рыдала, и я была разстроена не меньше ея. Его мимика была столько же выразительна какъ и его рѣчь. Къ счастью, дяди не было дома. Разсказъ синьора Паоло былъ такъ обстоятеленъ, что мнѣ пришло въ голову — не участвовалъ ли онъ самъ въ описываемыхъ событіяхъ и я спросила его объ этомъ. Онъ покраснѣлъ какъ огонь, и отвѣчалъ утвердительно. «Вслѣбы не мое любопытство, такъ вы и не сказали бы намъ этого?» спросила я. — Къ чему же упоминать объ этомъ? — возразилъ синьоръ Паоло.

— Вотъ вамъ образецъ его скромности. Я увѣрена, что онъ дѣлалъ чудеса. Посредствомъ искусныхъ допросовъ я узнала, что онъ принадлежалъ къ толпѣ молодыхъ художниковъ, которые, въ качествѣ волонтеровъ, поступили въ военную службу подъ начальствомъ Манары. Нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ мальчики. Паоло имѣлъ тогда восемнадцать лѣтъ. Онъ много толковалъ объ одномъ англичанинѣ, своемъ другѣ, который вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ кампаніи. Паоло отзывался о немъ съ энтузіазмомъ; онъ говоритъ, что это благороднѣйшій и великодушнѣйшій изъ смертныхъ и что самъ онъ всѣмъ, что изъ него вышло, обязанъ этому англичанину. Я взяла съ синьора Паоло обѣщаніе — привести къ намъ своего превосходнаго друга. Я нетерпѣливо желаю съ нимъ познакомиться. Я начинаю интересоваться политикой, къ чему прежде не считала себя способною. Я всегда ненавидѣла ее въ Англіи. Но въ Италіи все носитъ какой то романтической отпечатокъ, отзывается вѣяньемъ старыхъ рыцарскихъ временъ, и это возбуждаетъ мою симпатію. Синьоръ Паоло будетъ сопровождать насъ завтра въ нашей экспедиціи для осмотра города..

— P. S. Я нашла превосходную модистку; она гораздо лучше дѣлаетъ шляпки, чѣмъ Александрина. Adieu!

— P. S. (послѣдній). Я забыла вамъ сказать вотъ что. Синьоръ Паоло объявилъ, что мой способъ убирать волосы (знаете, въ видѣ діадемы) совершенно артистическій, и что онъ въ восторгѣ отъ того, что меня зовутъ Лавиніей. По этому поводу онъ прибавилъ что-то (я не совсѣмъ хорошо поняла) объ Лавиніи, женѣ Энея и сказалъ, что римляне, въ особенности трастевринцы, считаютъ себя происходящими отъ троянской крови, а изъ этого слѣдуетъ, что я, въ нѣкоторомъ родѣ, его землячка...

«Я воображала, что порядочно знаю Римъ, но я ошлябась. Чтобы составить себѣ настоящее понятіе объ этомъ городѣ, надо осмотрѣть его съ путеводителемъ, подобнымъ этому молодому человѣку. Онъ знаетъ его наизусть. Когда вы слушаете его, сцены древнихъ

временъ возникаютъ предъ вами, какъ будто онѣ происходятъ въ наши дни. Я рѣшительно помѣшалась на древнемъ Римѣ. Я страстно желаю сдѣлать что нибудь подобное подвигамъ Клеоли, Камиллы или Корнелии. Какъ бы изумились вы, если бы, въ одинъ прекрасный день, я оказалась бы героиней! Иногда мнѣ кажется—не смѣйтесь пожалуйста—что во мнѣ есть матерьялъ, изъ котораго создаютъ героини. Еще немножко—и я стану носить туннику и пеплумъ. Форумъ, Колизей, гора Авентинъ, Капитолій!—какія великія имена, какія великія воспоминанія! Я видѣла предъ собою страшную трагедію Виргиніи. Чудовище Аппій, на своемъ судейскомъ сѣдалищѣ; кроткая жертва, старикъ Виргиній, весь покрытый дорожною пылью; Ицилій, женихъ, кипящій отъ бѣшенства и старающійся возмутить толпу; граждане на форумѣ, тронутые но неподвижные:—все они были предъ моими глазами, дышали, говорили, дѣйствовали, двигались какъ живые, по мановенію этого юнаго волшебника. Я стояла на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ упала Виргинія, пораженная рукою отца. Лавка мясника, изъ которой Виргиній взялъ ножъ, находилось на югозападномъ углу площади, возлѣ трехъ колоннъ, украшающихъ развалины. Оттуда мы пошли къ площади Капитолія, гдѣ былъ убитъ Тиберій Гракхъ. Синьоръ Паоло — пламенный поклонникъ Гракховъ и страшный ненавистникъ патриціевъ, которые ихъ истребили. По его словамъ, Гракхи никогда и не думали о новомъ раздробленіи собственности; все чего они добивались, было—болѣе справедливое распредѣленіе общественныхъ земель, узурпированныхъ патриціями, вопреки закону. Гракхи первые объявили существованіе другихъ правъ, кромѣ правъ римскаго города, первые обладали тѣмъ, что синьоръ Манчини называетъ итальянскимъ чувствомъ, въ противоположность чувству чисто муниципальному; а въ глазахъ патриціевъ это было непростительнымъ преступленіемъ. «Италія, помоги!» таковъ былъ предсмертный крикъ Тиберія Гракха. Вратъ его, Кай, умеръ за то же самое дѣло на горѣ Авентинъ. Что бы мы ни думали о руководившихъ ими побужденіяхъ, мы не можемъ не быть поражены характеромъ этихъ трехъ братьевъ-героевъ и ихъ матери, Карнелии. Кампанья въ это время года великолѣпна; ни что не можетъ быть прекраснѣе ея горячихъ золотистыхъ тоновъ. Она обладаетъ величіемъ пустыни, однообразіе которой слагчено безконечнымъ рядомъ волнообразныхъ изгибовъ. Намъ пришлось пересѣкать ее на пути къ лугамъ Квинція, гдѣ нѣкогда находилась усадьба Цинцинната. Тамъ сенатскіе послы напали его за плугомъ, и, когда онъ надѣлъ тогу, поздравили его съ званіемъ диктатора. Самая простота этой сцены придаетъ ей величіе, котораго не могла бы дать никакая торжественная обстановка. Я замѣтила это синьору Паоло и прибавила, что эта мысль можетъ служить прекраснымъ сюжетомъ для картины. Онъ согласился со мною и сказалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, попробуетъ ею воспользоваться. Я была такъ довольна, я гордилась при мысли, что новое мастерское произведеніе его будетъ внушено мною. Тетка была слишкомъ утомлена ходьбою и оставалась въ экипажѣ, пока мы осматривали мѣсто. Онъ

какъ разъ мнѣ подѣ ростъ — полголовой выше меня — и его шагъ совершенно сходенъ съ моимъ. Мнѣ не приходится ни бѣжать вое-лѣ него, ни шагаты подобно гренадеру. Да и на руку его опираться гораздо удобнѣе, чѣмъ на толстую руку дяди. Эти бездѣлицы, при долгой прогулкѣ, становятся вовсе не бездѣлицами. До сихъ поръ мнѣ никогда не случилось ходить такъ далеко не уставая.

«Я забыла вамъ сказать, что, проѣзжая чрезъ «Кампо Ваччино», мы наткнулись на прекрасную группу пиѳферари (флейтистовъ). Ихъ было трое: старикъ, молодой человекъ и мальчикъ, — всѣ съ самыми изящными головами и въ самыхъ живописныхъ лохмотьяхъ, какія только можно себѣ вообразить. Въ особенности мальчикъ былъ драгоценною находкой; онъ имѣлъ такіе длинныя, волнистыя волосы и сверкающіе черныя глаза; онъ смотрѣлъ какъ дикій жеребенокъ. Я замѣтила — какими очаровательными моделями могли бы быть эти музыканты. Синьоръ Паоло тотчасъ же вышелъ изъ экипажа и, поговоривъ съ ними, сообщилъ мнѣ, что они придутъ въ слѣдующій день позировать для меня, за такую-то цѣну въ часъ. Такой родъ разумнаго вниманія мнѣ очень нравится; Маччини рѣшительно заботится, чтобы мое время проходило съ пользою. Было еще другое маленькое приключеніе, но не такого пріятнаго свойства. Я должна сказать, что когда мы вышли сегодня въ полдень изъ-дому, у дверей, находящихся въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нашихъ, стоялъ экипажъ, четвернею. Это были великолѣпныя лошади, чрезвычайно рослыя, кровной англійской породы. Вы знаете, я имѣю претензію на знаніе толка въ лошадяхъ.»

Я съ жаромъ выразила мое удивленіе къ этимъ прекраснымъ животнымъ. Сбруя на нихъ была англійская и потому я замѣтила, что, вѣроятно, это экипажъ какого нибудь англичанина. «Нѣтъ — отвѣчалъ синьоръ Паоло, — это экипажъ князя Рокка-Джинестра». — Прекрасное имя и еще болѣе прекрасный титулъ, — сказала я. — Если бы я была женщиной, то я хотѣла бы быть княземъ; а вы? — Кажется моему Доменикино не понравилось мое замѣчаніе, по-крайней-мѣрѣ я угадала это по оттѣнку ироніи, который слышался въ томъ его отвѣта: — «Право, не знаю; титулъ не болѣе какъ ярлыкъ на вѣзѣ; все зависитъ отъ того, что въ ней находится внутри; по-крайней-мѣрѣ я бы не хотѣлъ быть княземъ Рокка Джинестра.» — Почему такъ? — спросила я. — «Потому что онъ» — здѣсь синьоръ Паоло остановился, какъ будто ища приличнаго выраженія, — «потому что онъ послѣдній изъ людей, на которыхъ я желалъ бы походить.» — Болѣе ничего не было сказано объ этомъ предметѣ. Но чрезъ два или три часа послѣ того, когда мы ѣхали домой чрезъ Корсо, мы увидѣли тотъ же самый экипажъ четвернею. Человекъ, сидѣвшій на козлахъ и правившій лошадьми, очевидно джентльменъ, пристально посмотрѣлъ на насъ — т. е. собственно на меня — когда папи экипажи встрѣтились; потомъ, когда мы проѣхали мимо, онъ приподнялся и не переставалъ смотрѣть на насъ по тѣхъ поръ, пока мы не скрылись

въ виду. Я замѣтила испру гнѣва, сверкнувшую въ глазахъ синьора Паоло, когда онъ повернулся съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и про-
 бормоталъ что-то про себя,—мнѣ показалось, что это было слово
abasciato (наглець). «На что вы тамъ смотрите?» спросила я, съ нѣ-
 оторымъ безпокойствомъ. — Я выказываю удивленіе къ княжеской
 дерзости,—отвѣчалъ онъ съ горечью. Дѣйствительно; упорство, съ
 которымъ князь продолжалъ смотрѣть на насъ, было если не рѣ-
 шительною дерзостью, то, по крайней мѣрѣ, большимъ неприличіемъ;
 но видя раздраженіе синьора Паоло, я, съ цѣлью смягчить его, притво-
 рилась будто бы не замѣтила въ поступкѣ князя ничего обиднаго.
 «Тѣмъ лучше,—сказалъ онъ сухо,—вамъ ближе судить объ этомъ,
 потому что онъ смотрѣлъ на васъ, а не на меня. И онъ угрюмо
 замолчалъ. Онъ проводилъ насъ до дверей нашей квартиры, но от-
 клонилъ приглашеніе тѣтки—войти, и оставилъ насъ съ пасмурнымъ
 видомъ. Какъ онъ долженъ быть щекотливъ, если его до такой сте-
 пени трогаетъ подобная бездѣлица! Дѣйствительно, слѣдствіе было
 вовсе не пропорціонально причинѣ. Я боюсь, что у моего Домени-
 кино слишкомъ бѣшенный характеръ. Этотъ глупый случай цѣлый
 вечеръ не выходилъ у меня изъ головы.

«Вчера вечеромъ я видѣла новый примѣръ горячности синьора
 Паоло, хотя, надо признаться, я сама подала къ ней поводъ, моею
 опрометчивостью. Дядя обѣдалъ у Пайперовъ, а мы пошли смо-
 трѣть на Колизей при лунномъ свѣтѣ. Я отказываюсь отъ всякаго
 описанія: торжественное величіе этого зрѣлища не допускаетъ его;
 а если уже вамъ непременно хочется имѣть описаніе, то я отсы-
 лаю васъ съ лучшему, какое только есть, — именно, къ четвертой
 глѣсви *Чатидь-Гарольда*, Вайрона. Прежде чѣмъ подняться на верх-
 нюю часть, мы бродили вокругъ аркадъ большаго овала. Синьоръ
 Паоло вызывалъ давно минувшія времена съ своимъ обычнымъ
 краснорѣчіемъ и наполнялъ сумрачное уединеніе шумомъ и борьбою
 жизни. Войцы выходили на арену, чтобы умереть — прекрасно, гра-
 ціозно, рассчитанно, возводя смерть на степень искусства; весталки
 смотрѣли на нихъ взглядомъ знатока и не шевелили пальцемъ для
 тѣхъ, кто падалъ безъ граціи; мечъ вонзался въ тѣло; тысячи ру-
 коуклесаки. Ужасно! Манера, съ которою синьоръ Паоло рисо-
 вала эту картину, такъ сильно подѣйствовала на мои нервы, что
 внезапный шумъ и что-то пробѣжавшее мимо насъ, испугали ме-
 ня; я вздрогнула и даже вскрикнула. Это, какъ можете себѣ во-
 образить, была собака или кошка, которой сонъ мы потревожили.
 Тетка съ Цезаремъ приближала ко мнѣ въ безпокойствѣ, и я сама
 стала смѣяться надъ своимъ испугомъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ было
 стыдно, что я оказалась такою глупой трусихой, особенно въ при-
 сутствіи порядочнаго человѣка. Тетка не чувствовала себя распо-
 ложенною влѣзть на верхнюю часть зданія, и сказала, что она будетъ
 ждать насъ внизу,—и мы съ синьоромъ Паоло пошли искать входа.
 Я первая нашла одно отверстіе и направилась къ нему.— Не сюда,—

вскричалъ снѣборъ Паоло, — здѣсь входъ ненадеженъ; видите тамъ на шестѣ надпись, предупреждающую посѣтителей, что это мѣсто опасно. — Я была рада случаю показать моему спутнику, что я не такая трусиха какъ нѣкоторыя женщины и отвѣчала смѣясь: Когда наша Серпентина замерзаетъ, то на ней ставится множество шестовъ, предупреждающихъ что ледъ слабъ, но это предупрежденіе только привлекаетъ именно къ тѣмъ мѣстамъ толпы любителей кататься на конькахъ. Англичане и англичанки любятъ опасность. — И съ этими словами я пошла такъ скоро какъ только могла. Онъ бросился за мной какъ молнія и схватилъ меня за руку такъ сильно, что я невольно вскрикнула: «Что вы, мнѣ больно!» — «Такъ сойдите сейчасъ же внизъ а не то я самъ стащу васъ,» — была лаконическій отвѣтъ. Его желѣзная рука не позволяла мнѣ сопротивляться и поэтому я сошла внизъ, но въ сильномъ раздраженіи.

— Вы могли бы быть помягче, снѣборъ, — сказала я.

— Топчите меня ногами, если вамъ угодно; но, ради Бога, не пугайте меня такъ въ другой разъ, — сказалъ снѣборъ Паоло, и остановился, чтобы перевести духъ. Я взглянула на него: онъ былъ блѣдонъ какъ мертвецъ и дрожала съ головы до ногъ. Я была обезоружена.

— Даю слово, что не буду, — сказала я; — я вовсе не думала васъ обезпокоить. — «Обезпокоить меня? — отозвался онъ. — Если бы что нибудь случилось съ вами — подумайте только!»... И онъ остановился. Эти немногія слова сопровождались такимъ взглядомъ и тономъ, что я рѣшительно не осмѣливаюсь измѣрять глубину заключавшагося въ нихъ смысла. Ссылаясь на утомленіе, я отложила восходъ до другаго времени, и поспѣшила къ теткѣ. Моя душа наполнена тягостными предчувствіями; этотъ взглядъ, этотъ тонъ — о, Боже! Напрасно я стараюсь отъ нихъ избавиться. Они преслѣдуютъ меня.

«Все это было одно воображеніе, не болѣе какъ пѣтука, которую сыгралъ этотъ страшный Колизей съ моими нервами. Последніе три дня Паоло былъ у насъ ежедневно, оставаясь по дѣлымъ часамъ, и ничего непріятнаго не случилось. Мое глупое безпокойство, кажется, не имѣло ни малѣйшаго основанія. Какъ я была глупа и несправедлива! Самое большое неудобство отъ красоты состоитъ въ томъ, что постоянно находишься въ тревогѣ. Паоло столько же натураленъ, столько же въ своей тарелкѣ, столько же enfant terrible какъ всегда, покрайней мѣрѣ относительно моей живописи. Вотъ ужъ можно сказать что въ этомъ онъ меня не балуетъ: онъ не силенъ въ тонкихъ оттѣнкахъ выраженія. Что онъ считаетъ плохимъ, то и называетъ плохимъ, не стѣняясь. Однако же онъ былъ мнѣ очень полезенъ относительно этихъ пифферари; если бы не онъ, такъ мнѣ бы не удалось съ ними сладить, въ особенности съ этимъ рѣзвымъ, хорошенькимъ мальчишкой, подвижнымъ какъ ртуть. Мнѣ удалось сдѣлать эскизъ моей группы, довольно сносный, какъ онъ говоритъ. Я не хотѣла, чтобы мнѣ помогали. Если онъ имѣетъ свою волю, то и я имѣю свою. Вчера онъ привелъ съ собой своего друга, м-ра

Нортнера Торнтона, настоящаго джентльмена, но холоднаго и сухого какъ морозъ безъ снѣга. Онъ напоминаетъ статую Коммандора въ «Домъ Жуанъ». Этотъ англичанинъ мнѣ не по душѣ, но лядъ онъ нравится. По уходѣ Торнтонъ дядя приползъ въ мою мастерскую и былъ очень вѣжливъ съ Доменикино. Изъ этого я заключаю, что и-ръ Торнтонъ говорилъ ему что-нибудь въ похвалу молодого живописца. Дядя сказалъ сеньору Паоло, что онъ долженъ написать мой портретъ. Сеньоръ Паоло, по обыкновенію, покраснѣлъ и выразилъ свою готовность; но сказалъ, что здѣсь свѣтъ не довольно хорошъ и что онъ будетъ просить меня—приходить въ его мастерскую. Дядя спросилъ—не имѣю ли я противъ этого какого-нибудь возраженія. Разумѣется, его не оказалось; такимъ образомъ было рѣшено, что послѣзавтра будетъ мой первый сеансъ. Сеньоръ Паоло увѣренъ въ совершенномъ успѣхѣ; онъ сказалъ это по выходѣ дяди изъ комнаты. Я въ восторгѣ и чувствую нѣкоторое первическое волненіе при мысли о моемъ портретѣ. Я откладываю отсылку это письма, чтобы разказать вамъ о моемъ первомъ сеансѣ.

— Этотъ сеансъ оказался совершеннымъ fiasco; въ самомъ дѣлѣ я вовсе не позировала, благодаря—чему бы вы думали?—капризу сеньора Доменикино! Какъ только я сняла свой бурнусъ, мой художникъ покраснѣлъ, и я увидѣла по его лицу, что что-нибудь да неладно. Онъ не можетъ притворяться. Его физіономія—это зеркало, въ которомъ отражаея все, что происходитъ въ его душѣ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что мы заранѣе не условились относительно костюма, въ которомъ я должна сниматься. Выбранный мною нарядъ, по его слову, былъ слишкомъ пышенъ для портрета, по крайней мѣрѣ для лакого, какой онъ задумалъ. Предоставляю вамъ судить—правъ онъ былъ или нѣтъ: на мнѣ было вечернее платье изъ бѣлаго атласа, обшитое рюшами изъ tulle de soie, которые были приподняты розовыми бантиками. За тѣмъ онъ нашолъ недостатокъ въ моей куафюрѣ:—она была слишкомъ изысканна. Неправда! Кашень изъ маленькихъ розъ, наполовину скрытый подъ тюлевымъ бантомъ, съ длинными концами, падавшими на плечи:—неужели вы назовете это изысканнымъ? Можетъ ли быть что-нибудь проще? Но этимъ еще не ограничились его придирки; онъ объявилъ, что юбка платья слишкомъ широка, что она нарушаетъ гармонію и производитъ диссонансъ въ слухъ,—это его собственныя слова. Вы легко поймете, милая Августа, что я не могла казаться особенно довольною такой критикою авніе, т. е. сама природа,—продолжалъ онъ,—есть непогрѣшительный критеріумъ красоты человѣческой формы; и все что не согласно съ этимъ критеріумомъ—не можетъ называться граціознымъ. Судите сами,—права былъ онъ обязательно; за тѣмъ поспѣшно набросалъ альбумный эскизъ, и, подавая его мнѣ, сказалъ:—Вотъ, увѣрю васъ очное очертаніе вашей фигуры: я увѣренъ, что вы имѣете слишкомъ много вкуса для того, чтобы желать сняться въ такомъ видѣ.—Я должна признаться, что если сдѣланный имъ эскизъ не былъ карикату-

рой, то мой видъ не представлялъ ничего артистическаго. Я имѣла поразительное сходство съ картинками журнала «*Contigier des Dames*». Однакоже и не хочу этимъ сказать, чтобы я сколько нибудь утратила моду, но вещи которыя имѣютъ довольно хорошій видъ въ гостиной, могутъ не годиться для картины. Я чувствовала себя уничтоженною и должно быть, онъ замѣтилъ это, потому что онъ прибавилъ съ бѣльшимъ мягкостью: — Можетъ быть, мои понятія о простотѣ вамъ кажутся *преувеличенными*, но вы будте, конечно, такъ добры, что принесете жертву этой особенностямъ моей природы. Я отвѣчала, что я охотно подчинюсь его требованіямъ, но должна сказать, что не вижу *преувеличенія* въ моемъ платьѣ, т. е. принимая въ соображеніе моду, и что девяносто-девять женщинъ изъ сотни, въ полномъ туалетѣ, носятъ юпки гораздо шире, чѣмъ какая надѣта на мнѣ. — Вѣрю, — сказалъ сеньоръ Паоло, но это не резонъ, а только доказательство, что дурной вкусъ преобладаетъ надъ хорошимъ. Не слѣдуетъ слѣпо полагаться на большинство.» Это мнѣніе, а еще болѣе — язвительный тонъ, въ которомъ оно было высказано, раздражили меня и я спросила довольно рѣзко: — такъ, значитъ, надо держаться меньшинства? — «Можетъ быть, — отвѣчалъ онъ съ важностью, — обратитесь къ исторіи, и она скажетъ вамъ, что всѣ великіе люди, мужчины и женщины, были на сторонѣ меньшинства.» — Такъ-какъ я не великая женщина, и не имѣю претензіи сдѣлаться такою, — сказала я, — то позвольте мнѣ принадлежать къ большинству. — «Какъ вамъ угодно», — отвѣчалъ онъ сухо. Мы разстались холодно. Сеньоръ Паоло будетъ писать съ меня портретъ въ томъ нарядѣ, въ какомъ я была у него въ первый разъ, т. е. въ amazonкѣ и безъ всякой куафюры; только мои волосы будутъ убраны такъ какъ я ихъ обыкновенно ношу, т. е. плетенкой съ широкою большою косою на подобіе діадемы. Тетка говоритъ, что она никогда не видала его до такой степени не въ духѣ, такимъ принужденнымъ въ своихъ манерахъ, и что у него, должно быть, есть что нибудь на умѣ. Да, онъ былъ непохожъ на самого себя и эта перемѣна была не къ лучшему. Живописцы и поэты, своими капризами, вошли въ послѣдство, а онъ и живописецъ и поэтъ вмѣстѣ. Прощайте.

«Вше нѣсколько строкъ. Я имѣла великолѣпный сеансъ два часа съ половиной, включая сюда минуты отдыха, болтовни, смѣха, пѣнія и проч. Какъ онъ бываетъ забавенъ, когда только захочетъ этого! Я думала прежде, что если въ немъ есть какой нибудь недостатокъ, такъ это — чрезмѣрная серьезность; но онъ вовсе не серьезенъ. Смотрѣть какъ онъ передразниваетъ ребятъ *au naturel*, слушать какъ онъ вторяетъ остроумные каламбуры Паскена и Марфоріо и шепелявить подобно Гарталья — это стоитъ всякихъ комедій. Тетка помирала со смѣху, я тоже хохотала до слезъ, хотя въ началѣ сеанса я оостроила довольно угрюмую фивіономію. Онъ замѣтилъ это, какъ признался потомъ, и рѣшился привести меня какъ разъ въ такое расположение духа, какое было нужно для моего портрета. И ему удалось, потому что невозможно сердиться на этого необыкновеннаго и

крупнаго римлянина. Мой портретъ отлично подвигается впередъ. Я думаю, что синьоръ Паоло былъ правъ: такъ въ портретѣ будетъ болѣе характерности, чѣмъ еслибы я была одѣта въ бѣдый атласъ. По его понятію, между нимъ и тѣмъ, съ кого онъ снимаетъ портретъ, должно быть поддерживаемъ постоянный разговоръ во время сеанса: это единственное средство, утверждаетъ онъ, схватить непринужденное, естественное выраженіе лица; и большая часть портретовъ имѣютъ характеръ натянутости и жесткости именно потому, что эта цѣль не достигнута. Мой портретъ уже конечно не будетъ грѣшнѣе въ этомъ отношеніи;—какъ мы болтали объ искусствѣ, природѣ, литературѣ, музыкѣ, и какъ удивительно сходны наши вкусы!

Лавинія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гороскопъ и пиррическая пляска.

Съ своей стороны Паоло былъ до такой степени доволенъ результатомъ разговора, упоминаемаго въ дневникѣ миссъ Лавиніи; онъ, во-крайней-мѣрѣ по его убѣжденію, заглянулъ такъ глубоко во внутренность ея души и нашолъ ее въ такомъ совершенномъ согласіи съ своею собственною,—что считалъ себя въ совершенной безопасности противъ всѣхъ зловѣщихъ предсказаній Торнтонъ. И легкая улыбка мелькнула на его губахъ при видѣ вытянутаго лица и важности его друга, когда молодой живописецъ пришолъ къ нему чрезъ нѣсколько дней съ отчетомъ относительно того, что онъ называлъ своими рекогноспировками.

Узнавъ отъ Паоло о желаніи мистриссъ Джонсъ и ея племянницы познакомиться съ нимъ и объ обѣщаніи, данномъ на этотъ счетъ молодымъ художникомъ, Торнтонъ сначала сильно уперся, говоря что онъ поселился въ Римѣ не для того, чтобы видаться съ своими земляками. Однакоже, по вторичномъ размысленіи, онъ измѣнилъ свои намѣренія, согласился отправиться въ палаццо Морлакки, и послѣ этого визита откровенно толковалъ съ Паоло о м-рѣ и м-риссъ Джонсъ. Но что касается до Лавиніи, то, за исключеніемъ неопредѣленнаго желанія, чтобы она походила на свою тетку, онъ не хотѣлъ высказывать—какое она произвела на него впечатлѣніе, пока не узнаетъ ее покороче, и не убѣдится вполне въ основательности своего перваго понятія о ея характерѣ. Теперь онъ познакомился съ нею ближе и составленный имъ гороскопъ миссъ Джонсъ былъ довольно пасмурнаго свойства. Онъ соглашался, что она—обворожительное созданіе, но поверхностное, свѣтское, принадлежащее, къ сожалѣнію, къ одной изъ самыхъ худшихъ разновидностей вида прекрасныхъ женщинъ—именно, къ разряду «честолюбивыхъ.»

— Вотъ что называется энергическая классификація,—сказалъ Паоло, спокойно; теперь сдѣлайте маленькое опредѣленіе, пожалуйста.

— Это структура такая сложная, до такой степени полная крючковъ и закорючекъ, это продуктъ состоянія вещей, степенія обстоятельности столь особеннаго, столь далекаго отъ самыхъ смѣлыхъ тво-

ихъ представленій, что для меня такъ же трудно опредѣлить ее, какъ для тебѣ вполне уразумѣть опредѣленіе. Честолюбивая красавица—это плохая копія, обладающая всеми недостатками и ни однимъ изъ достоинствъ даже посредственнаго оригинала; это существо, условное съ головы до ногъ, живущее фальшью, гонящееся за призраками, и недоступное дѣйствительности.

— Ваша картина богата красками и обстоятельна въ подробностяхъ,—замѣтилъ римлянинъ; но я смиренно сознаюсь въ недостаткѣ пронизательности. Я не вижу въ чемъ именно это прилагается къ молодой дѣвушкѣ, о которой мы говоримъ, если только самыя широкія симпатіи ко всему простому доброму и прекрасному нельзя назвать условностью; если восторженное чувство природы, поэзіи и искусства не подвергаетъ еще одаренныхъ имъ людей обвиненію, что они живутъ фальшью и гоняются за призраками.

— О, ты уже околдованъ!—сказалъ Торнтонъ, со вздохомъ.

— Если вы рѣшили, что я околдованъ, то пусть будетъ по вашему; больше и толковать нечего,—сказалъ Паоло, тономъ самоотверженія.

— Дѣтскій капризъ относительно живописи, который будетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока онъ не утратитъ прелести новизны, и маленькій романъ, которому онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, ты возвышаешь на степень страсти къ искусству; нѣсколько изящныхъ фразъ о поэзіи и природѣ, ты считаешь неопровержимымъ доказательствомъ чувства и простоты вкуса: въ модномъ дилеттантизмѣ видишь истинное, серьезное призваніе. Это совершенно то же, что принимать фонарь за солнце, и въ этомъ твое заблужденіе. Могу тебя увѣрить: жалкіе поклонники истиннаго, добраго и прекраснаго тѣ, которыхъ сердце занято свѣтомъ и его погремучками! Хочешь ли ты добыть изъ ея глазъ и души неподдѣльныя искры огня? Говори съ ней о модныхъ новостяхъ, какъ дѣлалъ это я; о свадьбахъ въ высшемъ свѣтѣ, о какомъ нибудь *déjeuner dansant* у маркизы, о вечерѣ у герцогини.

— Наконецъ-то вы высказались,—вскричалъ Паоло запальчиво. Очень вѣроятно, что миссъ Джонсъ болѣе чѣмъ вы или я интересуется тѣмъ, что дѣлается въ болыпомъ свѣтѣ: она была воспитана въ этомъ вѣрованіи; и на этой, впрочемъ безвредной, склонности ея ума вы основываете свой обвинительный актъ и произносите приговоръ надъ нею.

— Ваша безвредная склонность ума, повѣрьте, можетъ сопровождаться огромнымъ множествомъ практическихъ неудобствъ очень серьезнаго свойства. Пристрастіе къ знатности—болѣзнь очень опасная. Женись на герцогинѣ или на торговкѣ, которая была бы или выше или ниже этой заразы,—вотъ мой совѣтъ.

— Мортимеръ,—сказалъ Паоло, чувствуя и досаду и вмѣстѣ расположеніе смѣяться. — Я ни на комъ не думаю жениться; я ни въ кого не влюбленъ, вотъ что!

— Докажи мнѣ это,—возразилъ Мортимеръ; поѣдемъ со мною въ Парижъ.

— Въ Парижъ?—вскричалъ молодой человѣкъ, покраснѣвъ. Представьте мнѣ убѣдительныя причины для этого—и я поѣду.

— Ты знаешь, что у меня ихъ нѣтъ. Вообрази, что это одинъ изъ моихъ капризовъ, и исполни его.

— Готовъ бы исполнить, но онъ нарушаетъ самыя обыкновенныя требованія приличія, и уваженіе, которымъ я обязанъ самому себѣ.

— Какъ такъ?—спросилъ Мортимеръ.

— Я далъ слово помогать миссъ Джонсъ и руководить ее въ занятіяхъ живописью. Кромѣ того, я поступилъ бы какъ невѣжа, если бы, безъ настоящей причины, не выполнилъ моего обязательства написать, по желанію м-ра Джонса, портретъ его племянницы.

— Такое обязательство—рѣдкій образецъ сумасшествія съ твоей стороны,—сказалъ Мортимеръ;—но предоставь все мнѣ; я возьму на себя всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ.

— Но вы не можете взять на себя смѣшной роли, которую я буду играть въ моихъ собственныхъ глазахъ. Есть что-то унизительное въ мысли, что вотъ я бѣгу какъ ребенокъ или сумасшедшій,—а отъ чего бѣгу, желалъ бы я знать?

— Онъ спрашиваетъ отъ чего!—воскликнулъ Мортимеръ, устремивъ умоляющій взоръ въ потолокъ.—Отъ чего? Отъ вѣрной бѣды. Нѣтъ ничего смѣшнаго въ томъ, когда человѣкъ ищетъ въ бѣгствѣ спасенія отъ силъ, которымъ онъ не можетъ противиться.

— Какъ напрямѣръ отъ наводненій, землетрясеній, и миссъ Лавиній,—насмѣшливо прибавилъ Паоло.

— Противиться чарамъ этой дѣвушки для тебя такъ же трудно, какъ противостоять какому нибудь потопу или землетрясенію. Вѣрь моему слову, что если ты будешь видѣться съ нею по прежнему, то скоро врѣжешься въ нее до сумасшествія. Теперь, поставь этотъ фактъ вмѣстѣ съ другимъ, именно—что натура твоя и натура миссъ Лавиніи во всѣхъ отношеніяхъ противоположны одна другой (полно качать головою: это два противные полюса); поставь, говорю я, оба эти факта рядомъ—и ты увидишь что изъ этого выйдетъ.

— Я скажу вамъ что, — возразилъ Паоло. Если вы благосклонно выбросите нѣкоторую долю изъ этого безмѣрнаго очарованія и этой крайней противоположности, то выйдутъ пріятныя взаимныя сношенія и безкорыстная дружба.

— Вотъ-то заблужденіе!—воскликнулъ Мортимеръ. Дружба! Миссъ Лавинія создана изъ глины, изъ которой мужчины дѣлаютъ идоловъ, а не друзей. Это настоящая сирена съ головы до ногъ; взгляни на нее когда она играетъ на арфѣ и попробуй не упасть къ ея ногамъ; послушай ея пѣніе и не обожай ея! Впивать въ себя воздухъ, которымъ она дышитъ—это обольстительная прелесть.

— Хе! хе!—засмѣялся Паоло; какъ вы увлеклись своимъ предметомъ! Я начинаю подозрѣвать, что вы сами чувствуете дѣйствіе чаръ....

— Вздоръ!—проговорилъ Мортимеръ, вставая.

— И что вы хотите устранить меня съ вашей дороги, продолжалъ Паоло. Какъ ни былъ раздосадованъ Торнтонъ, онъ не могъ удержаться отъ улыбки при этомъ нелѣпомъ обвиненіи и при видѣ плутовской

торжественности, съ котораго оно было провознесено. Но такъ какъ улыбки не совсѣмъ подходили къ его менторской роли, то онъ отошелъ къ окну, какъ будто для того, чтобы посмотреть какова погода, и сказалъ съ важностью:

— Этотъ предметъ слишкомъ серьезенъ для шутокъ; подумай о моемъ предложеніи и будь благоразуменъ хоть на этотъ разъ. Прощайте.

Паоло не обдумывалъ предложенія Торнтона, которое казалось ему слишкомъ нелѣпымъ для того, чтобы хоть на минуту останавливать на немъ мысли. За то онъ всѣ силы самосознанія употребилъ на изслѣдованіе вопроса—ужь не въ самомъ ли дѣлѣ онъ влюбился иль, по-крайней-мѣрѣ, не стоитъ ли онъ на пути къ тому? Настоятельность Торнтонна относительно этого пункта возбудила, наконецъ, нѣкоторое безпокойство въ душѣ молодого человѣка. «Влюбленный или почти влюбленный человѣкъ—разсуждалъ Паоло—долженъ имѣть совершенно другія чувства, чѣмъ невлюбленный». Но какъ онъ ни депрашивалъ себя, онъ не замѣчалъ въ себѣ никакой перемены противъ того, чѣмъ онъ былъ семнадцать дней назадъ, когда миссъ Лавинія для него не существовала. Съ нимъ не было ни одного изъ тѣхъ симптомовъ, сопровождающихъ сладкое мученіе любви, о которыхъ онъ читалъ въ твореніяхъ поэтовъ: онъ не томился безпокойствомъ, не искалъ уединенія, не переходилъ отъ надежды къ отчаянію, отъ восторга къ унынію, не чувствовалъ непреодолимаго желанія вѣрять звуки обожаемаго имени эху горъ и долинъ.—Словомъ, въ его душѣ не происходило никакихъ, столь извѣстныхъ, феноменовъ нѣжной страсти. Онъ чувствовалъ себя столько же спокойнымъ и обязательнымъ, какъ обыкновенно, онъ вовсе не имѣлъ расположенія вздыхать или проливать слезы, и не замѣчалъ ни малѣйшей перемены въ своихъ взглядахъ на вещи. Онъ допускалъ, что онъ въ восторгѣ отъ миссъ Лавиніи, но, вѣдь, и Мортимеръ обвороженъ ею: однакоже Мортимеръ засмѣялся при предположеніи, что онъ влюбленъ въ нее. Что Паоло находить удовольствіе въ ея обществѣ—это правда; но это чувство не выходитъ изъ предѣловъ разсудка. Вѣроятно, онъ ощущалъ бы такое же удовольствіе въ обществѣ всякой другой милой и образованной особы. Напримѣръ, хоть бы теперь: онъ не видѣлъ ее цѣлые два дня и, однакоже, время не идетъ для него слишкомъ медленно. Разумѣется, онъ радъ бы опять увидѣться съ нею, однакоже онъ не чувствуетъ ни малѣйшей склонности рвать на себѣ волосы отъ нетерпѣнья. Правда, онъ слѣлалъ для нея то, чего не сдѣлалъ бы ни для кого другого: рѣшился написать ей портретъ; но это потому, что прежде онъ не находилъ такой прекрасной модели, а онъ не даромъ художникъ. Восторгъ и симпатія—еще не любовь.

До этого мѣста счеты улаживались легко, но оставался не разъясненнымъ еще одинъ пунктъ, нѣчто такое, что не совсѣмъ удобно входило въ форму симпатіи и удивленія, которую онъ такъ искусно выѣпигалъ. Мы говоримъ о внезапномъ паническомъ страхѣ его за Лавинію, который овладалъ имъ въ Колизеѣ и о непреодолимомъ по-

бужденіи, подѣ влияніемъ котораго онъ тогда дѣйствовалъ. Безъ сомнѣнія, чувство его въ ту минуту было въ высшей степени странно, таинственно и совершенно для него ново. Не разъ онъ видалъ своихъ лучшихъ друзей въ опасности и трепеталъ за нихъ; но никогда все его существо не было до такой степени потрясено въ своихъ основахъ, никогда съ нимъ не случалось такого припадка безумія, который поразилъ его въ тотъ достопамятный вечеръ. Но даже и этотъ случай можно было очень естественно объяснить неопредѣленнымъ характеромъ самой опасности и тѣмъ обстоятельствомъ, что она грозила женщинамъ. Развѣ это не могло быть также чувствомъ его личной отвѣтственности (вѣдь, тѣтка поручила свою племянницу его работамъ), чувствомъ, которое, внезапно овладѣвъ его душой, имѣло на него такое страшное дѣйствіе? Въ-самомъ-дѣлѣ, вообразите ужасъ его положенія, еслибы случилось какое нибудь несчастье и ему пришлось бы уведомить мистриссъ Джонсъ о катастрофѣ; вообразите, что х-ръ Джонсъ....

Здѣсь звуки военной пѣсни изъ Нормы «Guegga, guegga» и проч., распѣваемой во все горло знакомымъ теноромъ и раздавшейся вблизи Паоло, прервали нить его размышлений. Онъ всплеснулъ руками и громко сказалъ: «Вотъ человекъ, котораго мнѣ нужно! Если Сальваторъ Роза, который влюбленъ уже четыре года, не знаетъ всѣхъ признаковъ любви, такъ ихъ никто не знаетъ». И съ этими словами онъ пошелъ отворить дверь,—и хорошо сдѣлалъ: руки Сальватора были такъ заняты, что онъ никакъ бы не могъ отворить ее самъ.

На шеѣ гитара, на плечахъ какая-то одежда, подъ каждой мышкой по большому узлу, на головѣ, поверхъ бархатной шапочки круглая шляпа, дѣвъ налитры въ лѣвой рукѣ и множество кистей и карандашей въ правой, наконецъ во рту большая нѣмецкая трубка,—таковъ былъ видъ Сальватора Розы. Въ этомъ убранствѣ, которое дѣлало его похожимъ на продавца платя, онъ бросился на середину комнаты и сталъ въ воинственную позу, размахивая кистями надъ своею головой.

— Во имя разсудка—что съ тобой сдѣлалось? — спросилъ Паоло. Вѣсто всякаго отвѣта, Сальваторъ заоралъ снова «Guegga, guegga, morte, sterminio etc.» (война, война, смерть, истребленіе), прыгнулъ впередъ, потомъ назадъ, отпарировалъ воображаемый ударъ сабля, сдѣлалъ страшное нападеніе вправо, и наконецъ пустился въ воинственную пляску съ такимъ бѣшенствомъ, что большая часть навьюченныхъ на него вещей разсыпалась по комнатѣ. При всѣхъ этихъ штукахъ онъ сохранялъ необыкновенную серьезность, которая нисколько не была нарушена громкимъ хохотомъ Манчини; ни одинъ мускулъ на лицѣ Сальватора не пошевелился по тѣхъ поръ, когда, наконецъ, онъ упалъ на стулъ, отеръ потъ на лбу и сказалъ съ душевнымъ смѣхомъ:

— Надѣюсь, вы одобряете мой пиррическій танецъ. *

— Онъ имѣлъ елишкомъ кавибальскій характеръ для того, чтобы

* Древній воинственный танецъ, изобрѣтеніе котораго приписываютъ Пирру.

относить его происхождение къ классическимъ временамъ древней Эллады.

— Я сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, чтобы приспособить его къ новѣйшимъ временамъ и вкусамъ, — отвѣчалъ Сальваторъ прерывавшимся голосомъ. — Это символъ искусства, оскорбленнаго въ моемъ лицѣ и предающаго мценію боговъ варварство, олицетворяемое домовладѣльцами.

— Ты говоришь загадками, — замѣтилъ Паоло.

— Я объясню ихъ, — сказалъ Сальваторъ.

— Ты видишь во мнѣ невинную жертву, «un innocente vittima» (последнія слова были пропѣты), жертву — какъ бы это назвать? мнѣ бы хотѣлось выразиться поизящнѣе — неделкатности домохозяина. Ты ви дншь во мнѣ перлъ жильцовъ, насколько это зависитъ отъ доброй воли, перлъ, выброшенный, подобно собакамъ, изъ его великолѣпныхъ апартаментовъ, изъ... одной комнаты, и притомъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Да и чего и могъ ждать отъ острогота, который носитъ косу и настолько равнодушенъ къ предестямъ изящныхъ искусствъ, что предпочитаетъ жалкую сумму четырехъ скуди, трехъ паоли и двухъ байокки чести видѣть свои черты переданными отдаленнѣйшему потомству кистью Сальватора Розы Втораго?

— Страшная близорукость съ его стороны! — замѣтилъ Паоло; — но онъ отдавалъ квартиру за деньги, и потому справедливость требуетъ, чтобы выборъ принадлежалъ ему.

— Согласенъ, — сказалъ Сальваторъ, — Каковы бы ни были мои причины предпочитать плату вещами платѣ наличными деньгами, я вполне допускаю его право на этотъ послѣдній способъ платежа. Я протестую только противъ готской манеры приводить его въ дѣйствіе. Суди самъ.

Маленькій человѣчекъ всталъ, прошолся по комнатѣ патентованнымъ театральнымъ шагомъ, сдѣлалъ видъ будто-бы прислушивается къ чему-то, взглянулъ направо, взглянулъ налево, какъ обыкновенно дѣлаютъ теноры въ оперѣ, когда хотятъ сообщить публикѣ какуюнибудь важную тайну; потомъ опять выступилъ впередъ, взялъ Паоло за руку и прогремѣлъ надъ его ухомъ самое страшное «ascolta!» (слушай!).

— Сегодня утромъ, около девяти часовъ, я, по обыкновенію, отправился купить кое-что для подкрѣпленія моего брвеннаго тѣла: копѣечную булку и съ-дюжину каштановъ (рекомендую: это вкусный, дешовый и питательный завтракъ.) Покупка эта была сдѣлана въ нѣсколько минутъ. Вотъ, хорошо; въ невинности моей души, *senz'alcun sospetto* (ничего не подозрѣвая), возвращаюсь я на свой чердакъ — и что же? *qual simostrò spettacolo all'atterrito sguardo!* (какое зрѣлище представилось моимъ устрашоннымъ взорамъ!) все, что я имѣю, разбросано на площадкѣ лѣстницы: моя гитара, палитры, драгоценныя рукописи валяются во прахѣ. Я влагаю ключъ въ замочную скважину — напрасно: замокъ перемѣненъ. Вѣдь подлая штука — не правда ли?

— Подлѣйшая, въ самомъ дѣлѣ!—выразительно подтвердилъ Паоло.

— Что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ только собрать мои вещи и отправиться? Но затрудненіе состояло въ томъ: куда идти? Вдругъ я вспоминалъ тебя и твою двойную избушку и пропѣлъ-себѣ: *Io so che la Sonora ruga ospitalità* (я знаю, что тамъ царствуетъ истинное гостепріимство). И вотъ я здѣсь, прося пріюта на нѣсколько ночей, пока не рѣшу,—нанять ли мнѣ виллу въ предмѣстьяхъ города, или какойнибудь палаццо на Пьяцца-ди-Спанья.

— Тебѣ готовъ пріютъ въ моеѣ прежней канурѣ, какова она есть,—сказалъ Паоло, указывая на уголокъ, прикрытый ширмами;—но, предупреждаю тебя: здѣсь тебѣ будетъ не совсѣмъ спокойно; Подумай еще разъ: не лучше ли тебѣ поладить съ твоимъ хозяиномъ.

— Никогда!—прервалъ Сальваторъ, такой поступокъ былъ бы не что иное, какъ поощреніе ко всякой безчувственности и низости. Онъ несогласенъ съ моими принципами. Я заплачу хозяину, какъ-скоро буду имѣть презрѣнную монету; но пусть онъ покаместъ дрожитъ за нее, это будетъ ему наказаніемъ. Что касается тебя, благороднѣйшій другъ, твои гостепріимныя стѣны будутъ укрывать меня по возможности на самое короткое время, какъ разъ отъ десяти часовъ вечера до семи утра.

— Очень хорошо,—сказалъ Паоло,—но я не вижу, почему бы тебѣ, будучи моимъ гостемъ, дѣлать меня своихъ посѣщеній днемъ. Будь какъ дома, только замѣть, что вонъ на ту картину, которая стоитъ лицомъ къ стѣнѣ, не позволено смотрѣть до времени.

— Предостереженіе человѣку надежному,—отвѣчалъ Сальваторъ,—скромность—мой девизъ.

— Теперь, когда всѣ preliminarіи улажены,—продолжалъ Паоло,—скажи мнѣ какъ поживаетъ Клеліа? Я не видалъ ея цѣлый вѣкъ.

— Относительно здоровья и веселья—очень хорошо, благодарю.

— Есть у ней какаянибудь работа?—спросилъ Паоло.

— Работы у ней какъ-разъ столько, чтобы удержать душу въ тѣлѣ—былъ отвѣтъ,—запросъ на каменъ теперь очень не силенъ.

— И никакой надежды привести ванну продолжительную любовь къ счастливому концу?—спросилъ Паоло.

— Не болѣе, какъ тогда, когда мы поклялись другъ другу въ вѣрности; этому исполнится четыре года въ будущія святки. Вѣдность все еще налагаетъ на нее свое «velo»; однако же мы счастливы: мы живемъ надеждой и любовью.

— Кстати,—продолжалъ Паоло, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ принужденности:—опиши мнѣ, пожалуйста, свои чувства въ то время, когда ты начиналъ влюбляться въ Клелію.

— Bravo! Телемакъ, дорогой товарищъ!—закричалъ маленькій живописецъ, устремивъ пристальный взглядъ на своего друга;—не нахвѣрнешься ли ты вступить въ великое братство—а? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.—могу тебя увѣрить.

— Нѣтъ, не то, увѣряю тебя. Дѣло идетъ не обо мнѣ, право,—взвращалъ Паоло, слегка покраснѣвъ;—когда это случится со мною, я скажу тебѣ откровенно.

— Хорошо, дай только мнѣ подумать, что я чувствовалъ,—сказалъ Сальваторъ съ видомъ размышленія.—Честное слово, сколько я могу припомнить, ничего особеннаго. Кажется это произошло не мало-помалу, а вдругъ. Какъ только я почувствовалъ нѣчто, такъ ужъ это и было все: я влюбился окончательно.

— Но все-таки—какъ бы ни былъ этотъ періодъ коротокъ,—противно природѣ, чтобы ты не имѣлъ нѣкоторыхъ предчувствій, что это безумная страсть. Былъ ли ты съ перваго раза пораженъ ея красотою?

— Не очень, не болѣе какъ могъ бы быть пораженъ всякимъ хорошенкиимъ личикомъ, встрѣченнымъ на улицѣ. Правда, я тогда былъ боленъ: я въ первый разъ увидѣлъ ее въ госпиталѣ. Ты знаешь, я лежалъ тамъ цѣлые два мѣсяца, въ злокачественной лихорадкѣ, которую я схватилъ ночью на сырой землѣ у воротъ св. Панкратія въ 1849 г. Она была одною изъ добровольныхъ сидѣлокъ, которыя ухаживали за больными въ этомъ госпиталѣ, и приходила ободрять и утѣшать меня; я чувствовалъ большое удовольствіе отъ этихъ ласкъ и былъ ей очень благодаренъ.

— Не было ли съ тобой иногда припадковъ безпокойства, унынія, безсонницы или отвращенія къ пищѣ?

— Да, пока лихорадка продолжалась; но какъ только я отъ нея избавился, я началъ спать очень спокойно, ѣсть съ удовольствіемъ и чувствовалъ себя очень хорошо.

— Не тревожился ли ты ожиданіемъ, когда она приходила послѣ обычнаго времени?

— Она никогда не запаздывала, и потому я не имѣлъ случая тревожиться; да у меня не было и силы для этого. Трехнедѣльный ребенокъ не можетъ быть слабѣе и безпомощнѣе, чѣмъ какъ былъ я въ то время.

— Очень странно!—сказалъ Паоло въ раздумьи—и никогда...

— Постой,—прервалъ Сальваторъ,—вотъ тебѣ симптомъ. За двѣ недѣли до выхода моего изъ госпиталя, туда привезли одного офицера, тяжело-раненаго, тосканца. Вѣдняжка! онъ скоро умеръ. Я долженъ тебѣ сказать, что онъ былъ необыкновенно красивъ: роскошные курчавые волосы, глубокіе темные глаза, совершенно рафаэлевская голова. У меня есть съ него эскизъ, я покажу тебѣ, если найду. Ну, вотъ, хорошо. Кровать его стояла напротивъ моей, и когда Клема была у его изголовья, я питалъ къ этому благородному молодому человѣку въ высшей степени непріязненное чувство.

— Ревность,—замѣтилъ Паоло.

— Должно быть. Но это нисколько не вразумило меня насчетъ состоянія моего сердца.

— Когда же ты открылъ въ себѣ любовь?

— Въ тотъ самый день, какъ вышелъ изъ госпиталя. Разставаясь съ Клемей, я чувствовалъ такую тоску, какъ будто прощался съ жизнью. Я бродилъ подобно человѣку, не имѣющему никакой опоры; я былъ положительно несчастенъ. Ничто на землѣ не имѣло для меня уже ни малѣйшаго интереса. Тогда-то я началъ томиться; мной овладѣло

беспокойство, бѣшеная тоска по ней. Прошло два дня и моя патча сдѣлалась невыносима. Я пошелъ въ госпиталь, увидѣлся съ нею на полминуты и сказалъ ей: «Хотите вы быть женою маленькой обезьяны, которая не можетъ вамъ предложить ничего, кромѣ своей глубокой любви? Она покраснѣла, расхохоталась и просила дать ей двѣ недели на размышленіе. Наконецъ отвѣтъ былъ данъ, и въ тотъ же день мы были помолвлены. Съ-тѣхъ-поръ мы живемъ надеждою и любовью и мало чѣмъ другимъ—увѣрю тебя.

Della terra in cui viviamo

Ci facciamo un ciel d'amor

(Изъ земли на которой мы живемъ, мы создаемъ для себя небо любви) заключилъ разговоръ.

Не найдя въ этомъ разсказѣ разъясненія своихъ вопросовъ, а напротивъ, еще болѣе сбивый имъ съ толку, Паоло направилъ свои шаги къ палаццо Морлакки съ необыкновенно-задумчивымъ видомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Паоло чувствуетъ неприянь.

Пройдя особымъ ходомъ въ рабочую комнату миссъ Джонсъ, Паоло не нашелъ тамъ никого, кромѣ горничной. Она ожидала его съ извѣстіемъ, что у нихъ гости и что дамы нарочно просили его придти къ нимъ въ гостиную. Паоло охотно бы спасся бѣгствомъ, но ему, по обыкновенію, помѣшала его застѣнчивая нерѣшительность. Пока онъ разсуждалъ самъ съ собою — какимъ бы образомъ отступить съ честью, двери гостиной затворились за нимъ и онъ, самъ не зная какъ, очутился среди публики и подвергся церемоніи представленія графу Мендезу Фортигуэррѣ и кавалеру Мартуччи.

Этотъ кавалеръ Мартуччи, какъ читатель припомнитъ, сошелся съ Джонсами во Флоренціи, общалъ отыскивать ихъ въ Римѣ и познакомиться ихъ съ своимъ другомъ, однимъ римскимъ нобиле. Оба они были красивы по своему: наружность графа и наружность кавалера представляли между собою самый поразительный контрастъ.

Въ одномъ изъ своихъ качествъ графъ не обладалъ вполнину. Онъ былъ очень смуглъ, очень высокъ, сильно сложенъ и имѣлъ гнѣздіи, густой башъ. Его черты, хотя красивыя и правильныя, были слишкомъ рѣзко обозначены для того, чтобы быть пріятными, въ особенности его большой, орлиный носъ и его хорошо очерченныя, но выдающіяся губы; это былъ прекрасный идеалъ чувственной натуры. Сидній отгѣнокъ около его рта и на тщательно выбритомъ подбородкѣ свидѣтельствовалъ, что у него была борода густая и жесткая, какъ щетина кабана. Его манеры и обращеніе показывали въ немъ человека свѣтскаго: они были непринужденны и величавы, даже слишкомъ величавы, потому что, порой, онъ напоминалъ благородныхъ отцовъ, которыхъ мы видимъ на сценѣ. Въ рѣдкія минуты отдыха графъ опускалъ подбородокъ въ глубину своего необыкновенно высокаго и тугого галстука, и эта поза, въ

соединеніи со лбомъ, отъ природы большимъ и казавшимся еще выше и шире вслѣдствіе совершеннаго отсутствія волосъ, давала ему видъ глубокомыслія и мудрости, который былъ бы впору самому прозорливому дипломату. Ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, но онъ казался по крайней мѣрѣ десятью годами моложе. Графъ былъ въ глубокомъ траурѣ.

Кавалеръ Мартуччи, не имѣвшій и пяти футовъ роста, но замѣчательно стройно и пропорціонально сложенный, былъ прехорошенькій маленькій блондинъ, какаго только можно себѣ представить. Несмотря на нѣжный золотистый пушокъ на его верхней губѣ, тщательно завитый «еп стос», его можно было принять съ перваго взгляда за переодѣтую женщину—такъ много безспорно женскаго было въ его маленькой, пухленькой ручкѣ, миниатюрной ножкѣ, алыхъ губахъ, розовыхъ щекахъ, въ золотистыхъ, раздѣленныхъ изящнымъ приборомъ, волосахъ и въ серебряномъ звукѣ его голоса. Маленькія золотыя колечки въ его нѣжныхъ розовыхъ ушахъ еще болѣе увеличивали иллюзію. Его платье, самаго изящнаго вкуса, было такъ ново, такъ свѣжо, какъ будто оно было принесено въ коробкѣ и только что надѣто въ передней. Откинутый воротничокъ его рубашки прикрывалъ собою узелъ атласнаго цѣтнаго галстука; рукавчики были застегнуты коралловыми запонками и охватывали запястья его руки такъ симметрически, какъ будто они были нарисованы; ни одна изъ безчисленныхъ, почти незамѣтныхъ складокъ на груди его рубашки нисколько не была помята. Микроскопическая звѣздочка на микроскопической цѣпочкѣ висѣла въ одной изъ петличекъ его фрака.

Разговоръ, или, лучше, разговоры, потому что Фортигуэрра говорилъ по-англійски, и собственно съ мистриссъ Джонсъ, а Мартуччи—по итальянски, и собственно съ миссъ Лавиніей,—разговоры, на минуту прерванные входомъ Паоло и представленіемъ его гостямъ, скоро опять пошли своимъ чередомъ. Графъ распространялся о добродѣтеляхъ, талантахъ и простотѣ обращенія его величества, бывшаго короля Ваваріи, Людовика, который въ это время жилъ въ Римѣ и, повидимому, принадлежалъ къ числу близкихъ друзей графа. Съ своей стороны кавалеръ съ восторгомъ рассказывалъ миссъ Джонсъ о новой пѣснѣ Патито, извѣстнаго сочинителя балладъ, и энергически выражалъ свое удивленіе, что молодая дѣвушка, обладающая такимъ музыкальнымъ талантомъ какъ миссъ Лавинія, до такой степени отстала отъ моднаго свѣта, что ничего не знаетъ о «La lagrime di un Angelo». (Слеза ангела.) А этотъ романсъ производитъ просто фуроръ между любителями.

Паоло, незнавшій ничего ни о его величествѣ Людовикѣ, ни о модномъ романсѣ, не принималъ участія ни въ томъ, ни въ другомъ разговорѣ, за исключеніемъ короткихъ отвѣтовъ на прямыя вопросы, которые дѣлала ему иногда Лавинія, съ очевидною цѣлію—втянуть его въ общую болтовню. Кромѣ того, что онъ отъ природы былъ несообщителенъ въ присутствіи чужихъ, эти два человѣка, въ особенности Мартуччи, подымали въ немъ жолчь. А почему? Очевидно, они оба стояли на его дорогѣ; но миссъ Лавинією завладѣлъ преимуще-

ственно маленькій кавалеръ; онъ такимъ образомъ у самаго Паоло отнималъ время, которое, думалъ молодой художникъ, могло бы быть употреблено съ большою пользою. Но онъ пришелъ туда не для собственнаго удовольствія: онъ пришелъ посмотреть на рисованье миссъ Джонсъ, дать ей совѣтъ, словомъ, какъ бы онъ ни называлъ цѣль своего посѣщенія, фактъ былъ для него ясенъ: онъ пришелъ дать ей урокъ. Несправедливо было бы сваливать всю вину на посѣтителей! виновата сама Лавинія. Что, скажите пожалуйста, приковало ее здѣсь? Развѣ прежде она не оставляла собравшагося въ гостиной общества, чтобы заняться своею живописью? И Паоло съ прискорбіемъ чувствовалъ, что она выказываетъ очень мало разсудительности, задерживая его такимъ образомъ.

Предаваясь такимъ непріятнымъ размышленіямъ, нашъ молодой ликарь машинально взялъ какую-то брошюру со стола, стоявшаго вездѣ него. Это былъ нумеръ одного иллюстрированнаго англійскаго журнала. Паоло началъ переворачивать страницы, разсматривая гравюры. Вдругъ миссъ Лавинія, — можетъ быть для того чтобы дать ему понять неприличіе его удаленія отъ остальнаго общества, — рѣзко обратилась къ нему, говоря:

— Вы, кажется, сильно заинтересованы вашей книгой, синьоръ Паоло?

— Она не столько интересуется меня, сколько забавляетъ, — возразилъ Паоло; — мнѣ попалась такая странная картинка. И онъ подалъ миссъ Джонсъ раскрытую книгу. Гравюра представляла группу молодыхъ дѣвушекъ, стоящихъ на козньяхъ предъ огромною геральдическою короною. Взглянувъ на это изображеніе, Лавинія сперва покраснѣла, а потомъ разразилась веселымъ хохотомъ, наполнивъ восторгомъ все существо Паоло.

— По-крайней-мѣрѣ я вижу, — сказалъ онъ, съ улыбкой, — что вы не принадлежите къ этой набожной общинѣ.

— Желала бы я знать, кто принадлежитъ, — отвѣчала Лавинія, — прошу васъ не воображать, что мои соотечественницы такъ глупы. Это карикатура, произведеніе какого-нибудь захандрившаго мизантропа, — вотъ и все.

— О, Торнтонъ, Торнтонъ, зачѣмъ тебя нѣтъ здѣсь? — подумалъ молодой человекъ, и, обращаясь къ Лавиніи, сказалъ: — разумѣется, я смотрю на это какъ на преувеличеніе; я не думаю, чтобы какое-нибудь разумное существо могло боготворить подобныя вгруппки. — И его глаза, можетъ быть умышленно, остановились на маленькомъ крестикѣ кавалера.

Замѣтилъ кавалеръ этотъ взглядъ, или нѣтъ? почувствовалъ ли въ немъ обиду, или принялъ его съ незлобіемъ христіанина? Эти вопросы должны остаться безъ отвѣта, потому что какъ-разъ въ это время торопливо вошелъ м-ръ Джонсъ и начались взаимныя привѣтствія. Кавалеръ счелъ своею обязанностью представить римлянина англичанину и англичанина римлянину:

— Мой благородный другъ, графъ Мендесъ Фортигуэрра. — Мой превосходѣйшій другъ, м-ръ Джонсъ. — Двѣ великія силы, Кошелекъ.

и Гербъ поклонились и пожали другъ другу руки, объѣвивъ взаимное удовольствіе по поводу сдѣланнаго знакомства. Удовольствіе Кошолька было приправлено сожалѣніемъ, что онъ заставилъ Гербъ такъ долго дожидаться. Гербъ съ своей стороны чувствуя, что поблаже obligé, засвидѣтельствовалъ, съ легкимъ поклономъ дамать, что время въ такомъ обоимъ обществѣ прошло сличенно взаимно.

Еслибы кто-нибудь обривалъ мистера Джонса въ угрожающей и неприступности, то это обвиненіе въ настоящемъ случаѣ оказалось бы ложнымъ. Посмотрите на достойнаго англичанина теперь, и скажите, видали ль вы когда-нибудь челоѣка съ болѣе яснымъ челоѣмъ, съ болѣе нѣжною улыбкой, съ болѣе обязательными манерами? Забудьте мягкость его голоса, когда онъ выражаетъ надежду, что графъ рѣшился остаться въ Римѣ на зиму, и что онъ часто будетъ оцѣнывать ему и м-риссъ Джонсъ честь своимъ посѣщеніемъ.

Облако грусти омрачаетъ высокій лобъ итальянскаго аристократа, и онъ, тихимъ, прерывающимся голосомъ, выражаетъ сожалѣніе по поводу недавней семейной утраты... семейнаго горя (съ жалобнымъ взглядомъ на свой траурный костюмъ)... которое въ настоящее время не позволяетъ ему ни посѣщать общество, ни принимать его у себя.

Челюсти мистера Джонса опускаются подъ тяжестью глубокой симпатіи, и солнечный свѣтъ его веселыхъ взглядовъ и улыбокъ смѣняется облакомъ кроткой меланхоли.

— Вотъ наша жизнь!—замѣчаетъ онъ, со вздохомъ, при чемъ, вѣроятно по естественной связи идей, намекъ на горестъ внушаетъ англичанину мысль объ умѣренности въ настоящемъ случаѣ нѣкотораго подкрѣпленія;—и онъ приглашаетъ графа и кавалера въ сосѣднюю комнату, закусятъ.

Графъ Фортигуэрра, который, можетъ быть, принадлежитъ къ обществу трезвости, съ удовольствіемъ выражаетъ готовность выпить воды съ сахаромъ, и трио, съ должною церемоніей, совершаетъ свой выходъ.

Паоло, который въ теченіе послѣднихъ трехъ минутъ раскрывалъ глаза все шире и шире и спрашивалъ себя—не присутствуетъ ли онъ при представленіи комедіи, теперь свободно вздохнулъ и чувствуетъ себя облегченнымъ. Сказать правду, то же было съ м-рисъ Джонсъ, то же и съ Лавиніей. Но тяжелый гнѣтъ этого дня еще не кончился, Слуга доложилъ о приходѣ м-ра и м-риссъ Пайперъ, и вотъ эта леди является, въ состояніи сильнаго волненія. Миссъ Джонсъ пробуетъ уйти, ссылаясь на занятія, но гостя не хочетъ слушать подобныя извиненія: ей нужна миссъ Джонсъ; она объявляетъ, что у ней есть виды на миссъ Джонсъ; она должна имѣть миссъ Джонсъ всю, въ свое исключительное распоряженіе. Можетъ быть, м-риссъ Пайперъ наставляетъ тѣмъ сильнѣе, что она замѣчаетъ досаду во взглядахъ Паоло. Не остается ничего дѣлать, какъ только уступить. Паоло встаетъ и раскланивается. Лавинія, съ множествомъ извиненій, прощается его до двери комнаты и шепчетъ ему на ухо благо-

сложное обещаніе позировать завтра въ двѣнадцать часовъ, для портрета. Съ этимъ слабымъ утѣшеніемъ Паоло уходитъ.

Онъ не зналъ куда идти, не зналъ, что ему съ собой дѣлать. Въ первый разъ въ жизни его мастерская не привлекала его; не чувствовалъ онъ склонности и къ обществу Торитона, который служилъ ему пристанью и прибѣжищемъ въ бурныя времена. Былъ только одинъ человекъ, съ которымъ именно въ эту минуту онъ желалъ бы поговорить, именно—его бездомный другъ, Сальваторъ. Но какъ отыскать его? Это было такъ же трудно, какъ найти въ лѣсу улетѣвшую птицу.

Онъ пошелъ прямо по направленію къ Пинчіо, думая между тѣмъ: «откуда, чортъ побери, взялись этотъ театральнѣйшій графъ и это смѣшное чучело, кавалеръ? Впрочемъ, почему же смѣшное? не потому ли, что онъ такой маленькій и женоподобный? Вѣдь, и Сальваторъ не многимъ выше,—если только выше,—и притомъ онъ тоже похожъ на женщину; однако, вѣдь, внушилъ же онъ преданную любовь хорошенькой и чувствительной дѣвушкѣ. Правда, Сальваторъ обладаетъ превосходными качествами и золотымъ сердцемъ; но и кавалеръ, можетъ быть, не уступитъ ему въ этомъ отношеніи. Ни въ чемъ не видно, чтобы обладатель маленькой звѣзды не нравился миссъ Лавиніи. Женщины смотрятъ на вещи другими глазами, нежели мужчины. Впрочемъ, герой онъ или мопсовникъ—какое мнѣ до этого дѣло? Мое дѣло — если ужъ я такъ былъ глупъ, что впутался въ него — состоитъ въ томъ, чтобы руководить художническими занятіями молодой дѣвушки, а не въ томъ, чтобы принимать на себя обязанности полицейскаго комиссара по поводу каждаго человека, который съ нею познакомится».

И затѣмъ онъ тотчасъ оставилъ этотъ предметъ размышленій и сталъ думать о чемъ-то другомъ. Но какъ, по пословицѣ, всякая дорога ведетъ въ Римъ, такъ точно мысли Паоло о какомъ бы то ни было предметѣ, непременно приводили его обратно къ тому пункту, съ котораго онъ отправился.

Одного онъ не могъ простить миссъ Лавиніи, именно — какой-то тайны, которою она окружала этого человека. «Ясно», думалъ онъ, «она съ нимъ была знакома уже прежде; однакоже она никогда не произносила предо мной его имени и даже не дѣлала намека на подобное знакомство. Она знаетъ очень немногихъ итальянцевъ, и потому съ ея стороны было бы очень натурально упомянуть о кавалерѣ, или сказать, что она ожидаетъ его пріѣзда. Но она разсудила иначе; можетъ быть, у ней есть причины дѣлать изъ этого секретъ. Но, еще разъ: есть у ней причины или нѣтъ—какая мнѣ до этого надобность? Самое лучшее, что я могу сдѣлать, это — прогуляться: славное мѣсто—это Пинчіо, и какой прекрасный день!»

Но самыя благоразумныя намѣренія были не въ состояніи бороться противъ новаго направленія его ума, и чрезъ минуту онъ опять очутился въ лабиринтѣ своихъ догадокъ. «Какая связь можетъ быть между м-ромъ Джонсомъ и этими двумя итальянцами? Потому-что, очевидно, это не былъ простой взглядъ съ ихъ стороны; онъ имѣлъ

спеціальную цѣль, касавшуюся м-ра Джонса; иначе какимъ образомъ объяснить настойчивость, съ которою они его дожидались и которая переходила за предѣлы обыкновеннаго визита? Даже самая поспѣшность, съ которою м-ръ Джонсъ увелъ ихъ въ другую комнату, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это было сдѣлано нарочно, для секретнаго разговора. Ясно, какъ день, что эти три господина имѣютъ между собою какіе-то общіе интересы, требующіе конфиденціальной бесѣды, и что онъ имъ мѣшалъ. Во имя неба! Чтѣ это у нихъ тамъ за государственное дѣло?»

На этомъ мѣстѣ размышленій внезапный свѣтъ вдругъ озарилъ умъ молодого мечтателя; онъ вздрогнулъ и ускорилъ шаги, подобно человѣку, который узналъ, что идетъ надъ миной. Тайна была открыта: чучело оказалась женихомъ; *Padre mobile* (благородный отецъ) дядей, который пришло подержать искательство своего племянника; предметъ, секретнаго разговора — предложеніемъ, которое, конечно, тотчасъ жебыло принято. «Загадка, думалъ онъ, перестаетъ быть загадкой для всякаго, въ комъ есть хоть одна капля здраваго смысла; а я-то нѣсколько часовъ ломаю голову, чтобы узнать то, чтѣ самый обыкновенный ребенокъ угадалъ бы съ перваго взгляда! Какой же я дуракъ! Ха-ха-ха!»

И бѣдный большой мальчикъ ходилъ до сумерекъ и, послѣ короткаго отдыха у Дебри, гдѣ Паоло немножко перекусилъ, онъ опять пошелъ бродить, и бродилъ долго послѣ сумерекъ, приводя въ порядокъ и превращая въ математическую очевидность самыя дикія грезы своей фантазіи, впрочемъ, не безъ нѣкотораго свирѣпаго удовольствія. Онъ то предавался мрачному духу самой крайней нетерпимости относительно графовъ и кавалеровъ, то спрашивалъ себя — какое дѣло ему до того, выходить миссъ Джонсъ замужъ или нѣтъ. Но при этомъ вопросѣ въ умѣ его мелькало зарождавшееся сознаніе, что онъ лицемеритъ самъ съ собою. О, чего бы онъ не далъ, чтобы подслушать разговоръ, который происходилъ въ то время, когда онъ задавалъ своимъ ногамъ такую продолжительную работу!

Въ задней комнатѣ одного трактира низшаго сорта, въ Транстеринскомъ кварталѣ, сидѣли графъ Фортигуэрра и его миньютюрный товарищъ. Они были заняты не изслѣдованіемъ какого-нибудь деликатнаго пункта геральдики, который Д'Озье и К^о оставили неразрѣшоннымъ, а большою бутылкой монтепульчяно. Графъ, котораго глаза блестяли и щоки пылали, былъ уже не въ парадномъ своемъ костюмѣ, не въ жесткомъ галстухѣ, а въ нарядѣ самаго непринужденнаго свойства. Расположеніе его духа совершенно гармонировало съ мѣстомъ, гдѣ онъ находился, и съ веселымъ занятіемъ, которому онъ предавался въ настоящую минуту. Кавалеръ былъ одѣтъ щеголевато, но его прекрасное бѣлье и золотая звѣздочка исчезли подъ складками широкаго пальто, застегнутаго до подбородка.

— Я скажу тебѣ, чтѣ за человекъ твой англичанинъ, — сказалъ графъ, зажигая свою крѣпкую *горлодерку* надъ лампой, которая стояла на столѣ. — О, мои бѣдныя цитаты изъ Горация! *proiicere margaritas....* онъ бакалейщикъ съ головы до ногъ.

— Положимъ, что такъ,—возразилъ кавалеръ, слегка вертя сигаретку между большимъ и указательнымъ пальцами,—положимъ, что такъ; тѣмъ болѣе причинъ поступать съ нимъ помягче. Вотъ человѣкъ, который помѣшался на лентахъ, звѣздахъ—на всемъ, что можетъ дать ему какой нибудь титулъ. Въ чемъ состоитъ благоразумный планъ, которому должно слѣдовать? Надо представить ему дѣло какъ вещь возможную, но сопряженную съ трудностями; дать понять, что для успѣшности предпріятія необходимо умиловитивъ нѣкоторыя божества приличными жертвоприношеніями; надо, сказать между нами, выжать изъ этого англійскаго кита столько сала, какъ только можно. А вмѣсто того—что ты дѣлаешь? Ты возбуждаешь въ немъ страхъ и безпокойство спекуляціями по устройству желѣзныхъ дорогъ, миліонами издержекъ, перспективой многолѣтняго ожиданія...

— Въ концѣ которой я ставлю великолѣпный призъ, — прервалъ графъ,—титулъ князя, всемилостивѣйше пожалованный благодарнымъ папой предпримчивому подрядчику. Ты еще слишкомъ зеленъ, мой маленькій другъ. Я замѣчаю, что мои планы слишкомъ зрѣлы для твоей юной провицательности. Знай, во-первыхъ, что англичанина, занимавшагося коммерціей, ничѣмъ такъ нельзя соблазнить, какъ спекуляціей желѣзныхъ дорогъ; эта приманка для него выше всякаго титула, всякой ленты, хотя бы эта лента была такъ же широка и длинна, какъ сама желѣзная дорога. Знай, во-вторыхъ, что еслибы я могъ приобрести имя этого м-ра Джонса, главнаго директора и подрядчика какой-то желѣзной дороги въ Англии, для помѣщенія его во главѣ объявленія о новой желѣзной дорогѣ, хотя бы ее предполагалось вести на луну,—мое и твое состояніе было бы обезпечено. Какъ могъ я догадаться, что этотъ человѣкъ не похожъ на всѣхъ другихъ джонбулей; что онъ не имѣетъ любви къ предпріятіямъ; что онъ неподатливъ и остороженъ; что ему нужны приличныя гарантіи? Чортъ бы его побралъ! Какъ-будто бы мое слово—не лучшая гарантія! — Слово Фортигуэрри!!!—энергически прибавилъ ораторъ, ударяя себя въ грудь. — Знаешь ли ты, мой милый товарищъ, кто такіе Фортигуэрри? (слово—товарищъ было обращено къ бутылкѣ)—стариннѣйшая фамилія въ Италіи, — что я говорю! стариннѣйшая въ Европѣ, бывшая въ свойствѣ съ Гонзагами мантуанскими и въ родствѣ съ королевскимъ домомъ Браганцы.

— Ты забываешь великаго Могола,—важно замѣтилъ кавалеръ.

— Превосходно! великолѣпно!—вскричалъ графъ, упавъ на стулъ въ пароксизмъ смѣха, соединеннаго съ припадкомъ кашля, вслѣдствіе табачнаго дыма, который онъ нечаянно проглотилъ.—Я истинный артистъ! Я считаю себя дѣйствительно тѣмъ, за кого себя выдаю; я такъ сродняюсь съ своею ролью, что позабываю собственную свою личность. Предъ смертью я буду вправѣ воскликнуть, подобно Нерону: «О Римъ, какого актера ты лишаешься!»

— Въ твоихъ словахъ есть нѣкоторая правда,—замѣтилъ кавалеръ, тихонько страхивая пепель съ своей сигаретки, — только по временамъ ты утрируешь свою роль.

— Ничего,—возразилъ графъ.—Я соразмѣрю отгѣнки моего коло-

рита со вкусомъ моихъ зрителей... Но о чемъ-бышь мы говорили?... Да! бы охудалъ спекуляцію желѣзныхъ дорогъ. Положимъ, это была ошибка съ моей стороны, но все-таки она доставитъ намъ нѣкоторый изъ выгодъ побѣды. Посредствомъ нея я занялъ два важные пункта. Я сталъ предъ этимъ человѣкомъ и сыграть его мѣрку: ростъ, глубину, ширину; я знаю его и снаружи и внутри.

— Хорошо, если ты узналъ его мѣрку и вѣсь, то, безъ всякихъ закорючекъ, приступай прямо къ цѣли. Назначь сумму самую большую, какую только можно, постоянно держась въ предѣлахъ благоразумія, сумму, которая, будто бы, послужитъ золотымъ ключомъ для открытія дверей присутственныхъ мѣстъ; и какъ только у тебя будутъ деньги въ рукахъ, то и отдай этому дураку его побрякушку. Тебѣ ничего не стоитъ смастерить дипломъ, снабженный всѣми государственными печатами и всѣми необходимыми подписями.

— Правда, но этимъ ничего не сдѣлаешь съ Джонсомъ: онъ слишкомъ хитеръ и намъ не видать его денегъ, пока онъ не убѣдится вполне во всѣхъ обстоятельствахъ: какъ, почему, посредствомъ кого—*quibus auxiliis, cur, quomodo, quando*. Самые очевидныя доказательства не убѣдятъ его. Талантъ и ловкость могутъ сдѣлать много, но ими нельзя замѣнить осязательную дѣйствительность. Я льщу себя надеждой, что сумѣю представить самымъ натуральнымъ образомъ кардинала Антонелли, его святѣйшество — словомъ, кого бы то ни было. Однажды я разыгралъ роль епископа въ Мехикѣ, въ странѣ несравненной для подобныхъ подвиговъ, и разыгралъ до того удачно, что, наконецъ, обманулъ самъ себя точно такъ же, какъ другихъ. Но здѣсь мнѣ не достаетъ мѣстной обстановки. Я не могу ни взять на прокатъ палаццо Монте-Кавалло, ни выпросить, чтобы мнѣ ссудили Ватиканъ, ни овладѣть Датеріей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это возможно?

— Правда, это не легко, — отвѣчалъ кавалеръ, — но мнѣ кажется, ты преувеличиваешь затрудненія. «Человѣкъ, серьезно преслѣдующій какую-нибудь цѣль — сказалъ одинъ мудрецъ — можетъ проглотить верблюда, если этотъ верблюдъ упорно будетъ загромождать ему дорогу».

— Ахъ, мой милый! нѣтъ правила безъ исключеній. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ мало въ этихъ островитянахъ поэтическаго воображенія, до какой степени они положительны. Вѣрь мнѣ, этотъ англичанинъ надѣлаетъ намъ большихъ хлопотъ. Если намъ и удастся когда поймать его — въ чемъ я сомнѣваюсь — такъ на какую-нибудь другую мякнну. Что еслибы попробовать его со стороны артистической, заманить его рѣдкостями, антиками и картинами? Онъ въ нихъ ничего не смыслитъ и нисколько не интересуется искусствомъ; но на него можно дѣйствовать посредствомъ дамъ. Его племянница — дѣвушка великолѣпная, сказать мимоходомъ — кажется, имѣетъ очень артистическія наклонности и удобовоспламенима, какъ сѣрная спичка. Ловко сочиненная сказка о какомъ-нибудь разорившемся вельможѣ, который принужденъ продать, только такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ, остатки нѣкогда великолѣпной галереи — нѣсколько картинъ Ліонелло и Лоренцо ди Креди, — не вашихъ Рафаэлей, не

Корреджіо: они уже слишком опомлѣли,—такая сказка, я говорю, ободстала бы ея воображеніе.

— Можетъ быть,—сказалъ кавалеръ,—еслибы тамъ не было этого молодого Манчини (а мнѣ говорили, что это большой талантъ). Ты видѣлъ, онъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ со всею ордою; съ нимъ навѣрно будутъ совѣтоваться, и навѣрно онъ взорветъ нашу мину.

— Я попытаюсь уладить дѣло съ этимъ молодымъ человѣкомъ,—сказалъ графъ, съ тономъ увѣренности.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать,—возразилъ кавалеръ.— Онъ, вѣжеться, очень гордъ и выставляетъ себя пуританиномъ. О немъ ходитъ кака-то исторія, въ которой играетъ роль епископъ Родипани. Я не могу отчетливо припомнить всѣ подробности, но, нѣсколько знаю, онъ подають очень мало надежды.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!—вскричалъ графъ,— я гдѣ-то слышалъ, что этотъ Манчини — племянникъ епископа. Кто это мнѣ говорилъ? А! должно быть, этотъ мошенникъ, мой правдоподобный братъ. Я спрошу у него о подробностяхъ. Но, каковъ бы ни былъ этотъ мелодій живописецъ, предоставь его мнѣ, я за него ручаюсь. Никакого заѣра нельзя укротить такъ легко, какъ вапникъ независимыхъ гениевъ. Двѣ или три струи ешиана, пущенныя ему въ носъ и достаточныя для того, чтобы усладить его обоняніе запахомъ лести, да хорошія заказы картинъ—вотъ мой рецептъ. Я ему сдѣлаю заказъ, если это будетъ нужно, на десять тысячъ скуди...

— Которыя, разумѣется, не будутъ разорительны для твоего кармана,—замѣтилъ, смѣясь, кавалеръ; — такъ же какъ тѣ двѣсти тысячъ, которыя ты предлагалъ сегодня утромъ для превращенія ихъ въ акціи желѣзной дороги.

— А вѣдь это было великолѣпное предложеніе — не правда ли?—сказалъ графъ, приложивъ свой указательный палецъ къ лѣвому глазу и придавъ своему лицу самое подлѣйшее выраженіе, какое только можно себѣ вообразить.

— Ну, ты опять за свои гримасы!—замѣтилъ кавалеръ, — прощай тебѣ, споминись.

— Да, да, ты правъ. Будемъ постоянно держаться на высотѣ своихъ ролей... О чемъ я говорилъ? Да! мы говорили о двухстахъ тысячахъ скуди. «Стучи дръвце, если ты хочешь, чтобы тебѣ отперли дверь», говоритъ пословица. Нѣсколько смѣлыхъ ударовъ этого рода составляютъ то, что я называю великимъ стилемъ. У меня та же манера, какъ у Николь-Анжеад.

— Желалъ бы я, чтобы ты могъ видѣть себя въ ту минуту: ты былъ истинно великолѣпнѣе; можно было подумать, что вся воображаемая сумма лежитъ у тебя въ карманѣ.

— Я не былъ увѣренъ, что ея тамъ нѣтъ. Въ этомъ-то и заключается тайна моего превосходства. Вудь трануть сямъ, если ты хочешь растрогать другихъ. *Si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi*, какъ говоритъ мой любимый пѣвецъ. Ты уже уходишь?

— Я долженъ идти,—сказалъ кавалеръ, ница свою шляпу. — Ужъ

больше девяти часовъ; репетиція балета на театрѣ Аполлона скоро кончится и Аминя выцарапаетъ мнѣ глаза, если не найдетъ меня при выходѣ изъ театра.

— А! маленькая фигурантка,—сказала графъ, дѣлая такую породисто-пельмовскую гримасу, которую нельзя описать никакими словами.

— Ты опять за свои рожи! Ты рѣшительно несправимъ. — И на лицѣ кавалера выразидься упрекъ и досада.

— Полно, не ворчи! Мысль о маленькой фигуранткѣ застала меня врасплохъ. О, юность, глухая юность! гоняться за такими флюгерками, какъ женщины, когда надежные друзья, подобные Монтепульчано и Орвието, убѣждаютъ тебя не уходить. Выпей еще одинъ стаканъ.

— Ни капли больше,—сказала кавалеръ,—довольно съ меня. Я не постигаю, какимъ это образомъ ты можешь осушать бутылку за бутылкой, выпивъ цѣлый графинъ харесу у м-ра Джонса.

— Вотъ именно въ этомъ и штука; ты попалъ въ одно и то же время и на причину и на слѣдствіе,—отвѣчалъ графъ. — Вдкую кислоту этой крѣпкой поддѣльной жидкости, которою насъ подучаютъ англичане, я исправляю этимъ мягкимъ, охлаждающимъ натуральнымъ произведеніемъ тосканскихъ холмовъ.

Затѣмъ два достойные товарища разстались. Въ это самое время Паоло стучался въ двери своей мастерской, на Віа Фраттина.

— Ты здѣсь, Сальваторъ?

— Да, я лежу въ постели. Войди!

— Не безпокойся, я пришелъ только сказать, что я чувствую страшную неприязнь къ нѣкоторой особѣ.

— А, вотъ оно что!—отвѣчалъ голосъ изъ комнаты. — Ура! значитъ, ты ревнуешь.

— Боюсь, что такъ; однакоже это не слишкомъ забавное занятіе.

— Оно придастъ вкусу твоимъ будущимъ чувствованиямъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, какъ я уже тебѣ говорилъ.

— Если это розы, то онѣ расцвѣтутъ современемъ. Не уходи завтра утромъ прежде чѣмъ я приду. Покойной ночи, Сальваторъ.

— Покойной ночи, Телемакъ, и приятныхъ сновъ.

Паоло потянулъ къ себѣ, а Сальваторъ повернулся на своей постели, напѣвая:

Son geloso del zefiro amante,
Che ti scherza con crine e col velo,
Fin del sol che ti mira dal cielo,
Fin dell' onda che specchio ti fa.

(Я ревную къ нѣжному зефиру, который играетъ твоими волосами и покрываломъ; ревную даже къ солнцу, которое смотритъ на тебя съ неба, даже къ волнѣ, которая служитъ для тебя зеркаломъ.)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

КРАПИВА И ЩАВЕЛЬ.

Значительно облегченный признаніемъ, которое онъ сдѣлалъ самому себѣ и своему другу, Паоло проспалъ всю ночь и проснулся утромъ въ хорошемъ расположеніи духа. Первою мыслью его при пробужденіи было: «итакъ, я влюбился». Онъ не могъ удержаться отъ радости, что вопросъ наконецъ рѣшонъ.

Это было осуществленіе мечты, которую онъ лелѣлъ такъ давно. И если былъ человѣкъ, который имѣлъ причину быть счастливымъ и гордымъ своею любовью, такъ это Паоло, потому-что, благодаренію Богу, ему пришлось воскурить еміамъ не на обыкновенномъ жертвенникѣ, въ первый и—онъ былъ увѣренъ—въ послѣдній разъ въ своей жизни. Если въ его натурѣ было что-либо истинно-человѣческое, какъ онъ надѣялся, то эта женщина по преимуществу могла вызывать его благородныя качества на свѣтъ Божій. Она такъ прекрасна, такъ возвышенна, такъ полна спасительныхъ и благородныхъ стремленій! Куда дѣвалась обычная пронизательность Торнтонна, который составилъ о ней такой ошибочный приговоръ? Настанетъ день, когда этотъ слишкомъ недоувѣрчивый другъ его отдастъ ей справедливость. Паоло былъ убѣжденъ въ этомъ. Она сдѣлается его Лаурой, его Беатриче, его Музой, его...

Здѣсь въ умѣ молодого художника мелькнулъ непріятный образъ кавалера и положилъ конецъ его монологу. Но нашъ влюбленный находился не въ такомъ расположеніи духа, чтобы его могли смутить помѣхи какого бы то ни было рода. Хорошо, пусть кавалеръ дѣлаетъ все, что можетъ для достиженія своихъ плановъ: Паоло будетъ то же дѣлать съ своей стороны. Естественно, онъ не можетъ надѣяться получить призъ, не встрѣтивъ конкурентовъ. Кто можетъ видѣть ее и не влюбиться? Самъ Торнтонъ развѣ не призналъ прелести, которая окружаетъ ея особу? Паоло желаетъ только одного слова... нѣтъ, одного взгляда ободренія—и тогда онъ готовъ вызвать въ битву цѣлый міръ, чтобы только пріобрѣсти ее.

Прятомъ, можетъ-быть, онъ слишкомъ поторопился приписывать визиту двухъ новыхъ лицъ подозрѣваемую имъ причину; можетъ-быть, пройдетъ нѣсколько часовъ—и онъ первый будетъ смѣяться надъ своими глупыми предположеніями. Очень вѣроятно, что мистръ Джонсъ, или ея племянница, во время утренняго сеанса, наведутъ разговоръ на этихъ двухъ новыхъ своихъ знакомыхъ и разъяснятъ ему этотъ предметъ. Но если онѣ будутъ молчать? О! это будетъ истинно недобрымъ предзнаменованіемъ. Впрочемъ, будь что будетъ, онъ готовъ выдерживать борьбу съ какимъ бы то ни было соперникомъ.

Въ такихъ размышленіяхъ Паоло пришолъ къ своей мастерской на Фраттинской улицѣ. Вѣрный своему слову, Сальваторъ ожидалъ

своего друга, грызя свою сухую булку и жареные каштаны и размышляя о томъ, какъ будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ воробьи, его экс-нахлебники, которыхъ онъ каждый день кормилъ крошками и которые напрасно прилетаютъ къ окну его чердака въ это утро.

— Какъ поживаютъ наши непріязненные чувства?—спросилъ Сальваторъ, въ видѣ пріивѣтствія.— Столь же сильны, какъ всегда, надѣмся?

— Мнѣ чѣмъ въ прошлый вечеръ, — отвѣчалъ Паоло.

— Не безпокойся, они скоро опять усладятъ. Здѣсь былъ Ярбасъ.

— Кто такой Ярбасъ?

— Императоръ Соулоукъ, нашъ другъ, негръ; онъ принесъ тебѣ записку. Я предчувствую кризисъ.

Паоло схватилъ конвертъ, разломалъ печать и прочелъ;

Четвергъ, вечеромъ.

«Мистрисъ Цайперъ взяла насъ приступомъ. Она, во что бы ни стало, хочетъ увезти насъ во Фраскати. Мы всѣ отправляемся завтра съ разсвѣтомъ. Мы пробудемъ въ отсутствіи только три дня одинъ день туда, одинъ день тамъ, и одинъ день оттуда. Мнѣ крайне досадно, что я пропущу свой сеансъ. Въ понедѣльникъ утромъ мы надѣмся васъ видѣть, т. е., приходите къ намъ непременно. До свиданія.

Ваша Л. Дж.

— Уѣхала! вскричалъ Паоло, съ ужасомъ.

— Уѣхала? — повторилъ Сальваторъ, вскричавъ на ноги въ бѣдливой тревогѣ.

— Да, во Фраскати, на три дня, — подтвердилъ Паоло.

— Богъ съ тобой! Ну можно ли такъ пугать людей?

Son rimasto senza fiato,

Non ho sangue nelle vene.

(Я остался безъ дыханья,

И застыла кровь во мнѣ).

— Я думалъ, что она уѣхала навсегда! Три дня—это именно сколько нужно; ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало; какъ разъ такое количество возбуждательнаго, чтобы привести въ зрѣлость драгоценный зародышъ.

— Боюсь, что ни въ какихъ возбуждательныхъ цѣть надобности, — возразилъ Паоло: — зерно, кажется, уже созрѣло.

— Право?—спросилъ Сальваторъ.—А что я тебѣ говорилъ? Въ ту самую минуту, какъ мы замѣчаемъ въ себѣ такую штуку, дѣло уже кончено. Не тревожься ея отсутствіемъ: оно послужитъ тебѣ въ пользу, хотя оно не совсѣмъ приятно.

За то ты будешь счастливѣе, когда она воротится. Это похоже на то, когда вы зимою встаете съ теплой постели: вы лучше чувствуете пріятность ея потомъ. А покаместъ ты можешь о ней думать и говорить со мной: это будетъ для тебя утѣшеніемъ.

Но Паоло не могъ успокоиться. Вся его увѣренность относительно миссъ Лавиніи исчезла, и всѣ его сомнѣнія и тягостныя предчувствія овладѣли имъ съ прежнею силой. На зло всему, что онъ говорилъ самому себѣ, на зло всему, что говорилъ Сальваторъ, его преслѣ-

дожда мысль, что этот ненавидимый кавалеръ тоже участвуетъ въ компаніи мистрисъ Пайперъ. «Мы всё отправляемся завтра», это «мы всё» слишкомъ неопредѣленная формула. Было бы гораздо проще и естественнѣе написать: «Пайперы, тѣтка, дядя и я», если бы тамъ не было еще кого-нибудь. Можно поставить десять противъ одного, что графъ и кавалеръ вошли въ ту минуту, когда хлопотливая мистрисъ Пайперъ устроивала поѣздку. Узнавъ, что эти господа — итальянцы, она, безъ сомнѣнія, обратилась къ нимъ за свѣденіями, за совѣтами — словомъ, модела всякій вздоръ. Тогда м-ръ Джонсъ, считая себя очень умнымъ, началъ просить этого *padreobile* и его маленькаго спутника принять участие въ поѣздкѣ ради удовольствія отъ изъ общества и пользы отъ ихъ мѣстныхъ свѣдѣній. О, да! это легко угадать. Разумѣется, для нихъ были два мѣста въ запасъ въ одномъ изъ экипажей, потому что, такъ или иначе, имъ нужно было взять два экипажа. Джонсы, Пайперы и служанка — это шесть; но въ одномъ экипажѣ они бы не помѣстились, въ особенноти съ багажомъ, и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ нужно было взять другой.

Это была темная сторона записки; но существовала также и свѣтлая сторона, и на ней воображеніе Паоло выводило разные узоры съ такою же свободой. Миссъ Лавинія, повидимому, не ожидала большаго удовольствія отъ этой поѣздки: «ей досадно что она пропуститъ свой сеансъ». Очаровательное созданіе! Есть также сладость въ ея увѣренности, что они «пробудутъ въ отсутствіи только три дня»: эти слова ясно показываютъ, что она будетъ очень огорчена, если отсутствіе продолжится далѣе предполагаемаго срока. А потомъ — «непремѣнно приходите въ понедѣльникъ»: эти слова показываютъ нетерпѣніе, съ которымъ хотятъ увидѣть Паоло. Въ окончательномъ результатѣ выходило, что записка имѣетъ въ высшей степени дружественный характеръ.

Во внѣшнихъ привычкахъ жизни Паоло не произошло никакой перемѣны. Онъ чувствовалъ, что на него устремленъ испытующій взглядъ Торнтона, и потому, онъ былъ на-сторожѣ. Ни за что въ мірѣ онъ бы не допустилъ, чтобы его другъ угадалъ результатъ, который, по собственному сознанію Паоло, былъ ничѣмъ другимъ, какъ подтвержденіемъ предчувствій этого друга и въ то же время самымъ полнымъ опроверженіемъ его собственныхъ словъ. Итакъ онъ по-прежнему посѣщалъ свою мастерскую и продолжалъ свои работы; онъ даже перекидывался шутками съ своими товарищами, когда къ тому представлялся случай. Но мысли его были далеко. Единственнымъ нововведеніемъ, которое онъ сдѣлалъ въ своихъ привычкахъ, было — каждый вечеръ ходить на уединенную прогулку къ воротамъ Сан-Джованни, по дорогѣ къ Фраскати.

Наконецъ прошли три дня, наступилъ понедѣльникъ, но — увы! — Лавинія не воротилась. Мистрисъ Пайперъ, какъ объяснила ему мистрисъ Джонсъ, успѣла задержать ее еще на нѣсколько дней: оставалось еще много любопытныхъ мѣстъ для осмотра, да и притомъ прекрасная погода уже сама-по-себѣ была сильнымъ искуше-

нѣмъ. Паоло, у котораго при этихъ извѣстіяхъ физиономія сильно вытянулась, согласился въ справедливости сказаннаго, прибавивъ, что миссъ Джонсъ очень хорошо сдѣлала, что воспользовалась случаемъ посѣтить разныя мѣста, въ особенности въ такомъ пріятномъ обществѣ.

Мистриссъ Джонсъ не думала, чтобы ея племянница находила особенную прелесть въ обществѣ м-ра и мистриссъ Пайперъ; по-крайней-мѣрѣ она знала, что Лавинія и мистриссъ Пайперъ расходились въ своихъ взглядахъ на многіе предметы. Сожалѣніе, по поводу слишкомъ долгаго отсутствія миссъ Джонсъ, было въ сильной степени облегчено извѣстіемъ, что въ поѣздкѣ не участвовали никакіе графы, ни кавалеры. Къ счастью, въ этомъ мѣрѣ возлѣ крапивы растетъ щавель. М-рисъ Джонсъ, сама того не зная, вынула занозу изъ его мыслей. Въ самомъ дѣлѣ это было облегченіемъ, однакоже это не помѣшало ему прибавить новыя горькія комментаріи къ тѣмъ, которыя онъ уже дѣлалъ по поводу записки миссъ Лавиніи.

«Очень радъ видѣть, — говорилъ онъ самъ себѣ съ горечью, — что сожалѣніе ея по поводу пропущеннаго сеанса не слишкомъ ее мучитъ. Она отлично умѣетъ примиряться съ обстоятельствоми. Нетерпѣливо желаетъ воротиться? А зачѣмъ? ужъ не для меня ли? Вотъ забавная идея! Какая ей до меня нужда? *«lontano dagli occhi, lontano dal cuore»* (далеко отъ глазъ, далеко отъ сердца), говоритъ пословица; а пословицы — это сокращенная мудрость человѣчества».

Послѣ этой сдѣлки съ самимъ собою, Паоло, съ необыкновеннымъ постоянствомъ, возобновилъ свои путешествія къ воротамъ Сан-Джованни, въ сопровожденіи Сальватора, который, сказать мимоходомъ, напѣвалъ ему на всѣ лады утѣшенія, заимствованныя изъ всевозможныхъ оперъ. Онъ снова началъ считать дни: одинъ, два три, четыре, пять, шесть—Боже мой! какъ долго! Наконецъ, на седьмой день она пріѣхала, величественно-прекрасная, исполненная здоровья, увлеченія, въ восторгѣ отъ Бельведера, Тускулума, Виллы Руффинелла, Гротта Феррата, фресковъ Доменикино и всѣхъ другихъ чудесъ, которыя она видѣла.

Ничто въ ней не показывало, чтобы время для нея тянулось слишкомъ долго; но у Паоло не дастало духу упрекать ее въ этомъ, — такъ радушно протянула она ему свою руку, съ такою откровенною искренностью высказала она свое сожалѣніе, что его не было съ нею, когда она осматривала великолѣпныя фрески въ Гротта Феррата. «Я такъ рада, — прибавила она тономъ, недопускавшимъ съ его стороны ни малѣйшей недобвѣрчивости, — что теперь уже вернулась и могу возобновить свои сеансы. Можно ли начать въ слѣдующій день? Я нетерпѣливо желаю видѣть васъ опять за этой работой.» Въ эту минуту Паоло плавалъ въ цѣломъ морѣ блаженства.

Миссъ Джонсъ имѣла два продолжительные сеансы въ два слѣдующіе дня. Паоло былъ въ ударѣ; портретъ подвигался впередъ съ изумительнымъ успѣхомъ. Молодая дѣвушка подробно рассказывала ему о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на нее природою и произведеніями искусства, которыя она видѣла; и Паоло пересталъ удивлять-

ся, что, имѣя такія глаза и такую душу, созданные для пониманія прекраснаго во всѣхъ его видахъ, она не нашла проведенное ею во Фраскати время слишкомъ долгимъ. Между разговоромъ Лавинія упоминала о графѣ и о кавалерѣ, — объ этомъ послѣднемъ съ такимъ оборотительнымъ равнодушіемъ, что оно проникло прямо въ сердце Паоло. Никогда еще она не бывала такъ сообщительна, такъ разговорчива, такъ склонна къ довѣрчивымъ изліяніямъ. Обращеніе мистриссъ Джонсъ, всегда благосклонное и ласковое относительно молодого живописца, носило теперь отпечатокъ какой-то материнской нѣжности. Казалось, эта короткая разлука предвѣщала новый фазисъ болѣе душевной дружбы между ними. Благородныя и нѣжныя свойства характера Паоло не могли не высказаться подъ сильнымъ дѣйствіемъ этихъ благотворныхъ и ободрительныхъ вліяній.

Прощаясь съ нимъ, по окончаніи втораго сеанса, мистриссъ Джонсъ сказала Паоло, что они надѣются имѣть удовольствіе видѣть его въ палаццо Морлакки въ субботу, у нихъ на обѣдѣ. Онъ получить болѣе формальное приглашеніе, но она предупреждаетъ его объ этомъ заранѣе, чтобы онъ, согласно этому, могъ располагать своимъ временемъ. Разумѣется, первую мысль молодого живописца было отказать; но такъ-какъ миссъ Джонсъ съ своей стороны прибавила, что это будетъ обѣдъ совершенно *sans façon*, что на немъ будетъ только нѣсколько друзей и что она не принимаетъ никакихъ извѣщеній, то могъ ли Паоло сдѣлать что-нибудь другое, какъ только поклониться въ знакъ согласія? Если бы она приказала ему взять приступомъ замокъ св. Ангела, одному, безъ всякой помощи, онъ попробовалъ бы совершить даже этотъ подвигъ!

Чтобы не вводить нашихъ читателей въ заблужденіе, мы должны указать на одно обстоятельство, которое способствовало къ усиленному изъявленію дружбы, выказанной двумя дамами молодому живописцу. Мы не думаемъ отвергать, что новая встрѣча, хотя бы и послѣ очень короткаго отсутствія, съ любезнымъ и обязательнымъ знакомымъ имѣла нѣкоторую долю въ тепломъ и ласковомъ обращеніи миссъ Лавиніи съ Паоло; мы хотимъ только сказать, что для подобной ласковости существовала не одна причина. Дѣло въ томъ, что Паоло послужилъ поводомъ къ одной домашней, довольно неприятной сценѣ, которая сдѣлала его болѣе чѣмъ когда-либо интереснымъ въ глазахъ тѣтки и племянницы, какъ это всегда бываетъ съ благородными и разсудительными натурами, которые видятъ, что ихъ другъ сдѣлался предметомъ оскорбленія и несправедливости.

Имѣя теперь въ своемъ домѣ хорошо организованный *личный составъ*, м-ръ Джонсъ, въ своей мудрости, рѣшилъ блистательно выступить на сцену римскаго свѣта, въ роли Амфитріона. Для выполненія этой важной цѣли, онъ составилъ списокъ своихъ самыхъ отборныхъ знакомыхъ и передалъ его мистриссъ Джонсъ съ внушеніемъ, чтобы приглашительные билеты были разосланы какъ можно заранѣе. Графъ и кавалеръ, по причинѣ своего ранга, красовались во главѣ списка, который заключалъ въ себѣ, кромѣ того, мистера и мистриссъ Пайперъ, Торнтонъ, почтеннаго капитана Паддока съ

супругой и сыномъ, очень недавно представленныхъ Джонсамъ Пайперами.

— Вы забыли синьора Манчини?—простоудушно замѣтила мистриссъ Джонсъ.

— Кого? учителя рисованія?—возразилъ супругъ.—Я вовсе не намеренъ приглашать его вмѣстѣ съ такими гостями.

Прямодушная Лавинія, которая находилась возлѣ, занимаясь приводеишемъ въ порядокъ цвѣтотвъ въ вазѣ, покраснѣла при этихъ словахъ.

— Я уже не разъ давала вамъ замѣтить, — сухо сказала она, — что синьоръ Манчини вовсе не учитель рисованія. Это—хорошо воспитанный человекъ, джентльменъ и, сверхъ того, известный художникъ, который, единственно изъ доброты, позволяетъ мнѣ пользоваться его советами. Онъ не хуже кого бы то ни было изъ тѣхъ, которыхъ вы хотите пригласить.

— Если онъ джентльменъ, — возразилъ м-ръ Джонсъ, то онъ не имѣетъ манеръ джентльмена, по крайней мѣрѣ, если вы позволите мнѣ понимать значеніе этого слова. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что я здѣсь господинъ и могу выбирать гостей по своему усмотрѣнію.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчала миссъ Лавинія, выпрямившись во весь ростъ,—вы въ этомъ случаѣ имѣете завидную власть—оказывать неза заслуженное пренебреженіе къ человеку, который былъ къ намъ необыкновенно любезенъ и обязателенъ. Но не надѣйтесь имѣть меня сообщницей въ томъ, чего я не одобряю. Я останусь въ моей комнатѣ, въ день вашего обѣда, если синьоръ Манчини не будетъ приглашенъ.

И миссъ Лавинія быстро вышла изъ комнаты, выразительно трянувъ головой.

Эта сцена происходила послѣ завтрака, утромъ, на другой день послѣ пріѣзда Лавиніи и, слѣдовательно, за часъ, или около того, передъ первымъ изъ двухъ сеансовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Тетка и племянница, въ то время какъ они вошли въ мастерскую Паоло, находились еще подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія, которое она на нихъ произвела, и избытокъ ихъ любезности къ нему происходилъ отъ инстинктивнаго желанія вознаградить его за невѣжливость м—ра Джонса.

Гнѣвъ этого джентльмена не имѣлъ никакихъ послѣдствій. При всей своей грубости и деспотичности, онъ былъ не въ силахъ бороться съ племянницей, которая своею твердостью и рѣшимостью всегда имѣла надъ нимъ перевѣсъ. Въ числѣ пригласительныхъ билетовъ, лежавшихъ на столѣ въ слѣдующее утро, появился одинъ, съ именемъ синьора Манчини. Это обстоятельство послужило знакомъ безмолвнаго примиренія между дядей и племянницей, и затѣмъ мистриссъ Джонсъ предупредила Паоло о готовящемся ему приглашеніи.

Сердце замерло у Паоло, когда, въ полдень дня втораго сеанса чорный Цезарь принесъ въ его квартиру, огромный конвертъ съ огромною печатью, который заключалъ въ себѣ пригласительное письмо и еще NB., съ просьбою объ отвѣтѣ. Вся эта суета (присямъ у читателей извиненія за подобный эпитетъ: онъ принадлежитъ

не жаль, а молодому римлянину, который былъ совершенно чуждъ изящныхъ обычаевъ общества), вся эта суета заставляла его почувствовать что-то недоброе въ этомъ *faux-çapçon* семейнаго обѣда; а Торнтонъ, который вошелъ въ эту минуту съ такою же огромной депешей въ рукѣ, тотчасъ же подтверждалъ его мрачныя предчувствія, сказавъ:

— Государственное дѣло, повидимому, если судить по размѣрамъ этого посланія. Думаете идти?

— Я долженъ,—сказалъ Паоло,—я общалъ дамамъ. А вы?

— Я-то, разумеется, нѣтъ,—отвѣчалъ Торнтонъ:—я поселился въ Римъ не для того, чтобы таскаться по англійскимъ обѣдамъ. Желаю вамъ веселиться.

Паоло замолчалъ, и разговоръ прекратился. Послѣ обѣда онъ написалъ нѣсколько строкъ съ утвердительнымъ отвѣтомъ, думая завести эту записку въ палаццо Морлакки во время своей прогулки, и вышелъ. Въ воротахъ онъ встрѣтилъ Сальватора, который бѣжалъ какъ сумасшедшій, въ припадкѣ самаго бѣшеннаго восторга. Пылкій маленький живописецъ несъ радостныя вѣсти, которыя онъ нетерпѣливо желалъ сообщить своему другу, и онъ сдѣлалъ это немедленно, приправляя свой рассказъ разными отрывками изъ оперъ, когда два друга, рука объ руку, сходили съ Корсо.

Приятныя новости касались главнымъ образомъ невѣсты Сальватора, Клелія. За нѣсколько дней предъ тѣмъ она должна была идти очень далеко за ворота дель-Поноло, отнести какую то гипюровую работу, которая была у нея въ починкѣ. Клелія очень мастерски владела иглой, умѣла вышивать и чинить самыя тонкія кружева. Это было для нея большимъ ресурсомъ, когда у нея недоставало каменной работы. Хѣдьба была продолжительна, солнце пекло сильно; и Клелія принуждена была съѣсть возлѣ дороги отдохнуть. Она увидѣла даму, которая, въ сопровожденіи грума, скакала верхомъ во весь галопъ. По красному камзолу этой дамы, Клелія тотчасъ же узнала въ ней иностранную маркизу, которую, вслѣдствіе этого необыкновеннаго костюма, называли *кардиналессой*. Кромѣ того ее прозвали Пентешлеей, потому-что она безирестанно ѣздила то верхомъ, то въ экипажѣ, правя сама лошадьми. И—такъ Клелія смотрѣла на нее съ невольнымъ любопытствомъ. Дама придержала свою лошадь и подѣхала къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Клелія.

— Вы невдєровы?—спросила она.

— Нѣтъ, синьора, благодарю васъ,—отвѣчала Клелія, вставая,—я только отдыхаю.

— Сядьте опять,—сказала дама;—вы несчастны!

— Нѣсколько, синьора. Благодарю васъ за участіе,—смѣясь возразила Клелія, которая стояла попрежнему.

— Развѣ вы не слышали, что я велѣла вамъ съѣсть?—вскричала дама, съ внезапнымъ порывомъ запальчивости. Клелія повиновалась.— Вы живете работой?—продолжала незнакомка прежнимъ тономъ. Клелія отвѣтила утвердительно.

— А какого рода у васъ работа?

— Рѣзанье камней; но когда у меня ихъ нѣтъ, то я чищу кружева и вышиваю по тюлю.

— Много у васъ теперь работы?

— Нѣтъ, —нерѣшительно сказала Клелія.

— Хорошо; такъ приходите въ виллу Торральба завтра въ двѣнадцать часовъ: у васъ тамъ будетъ очень довольно работы. Спросите маркизу Дельфуэго-и-Аркось, —не забудьте имени.

Затѣмъ маркиза поворотила лошадь и подняла ее въ галопъ, но потомъ вдругъ осадила опять. Клелія удивлялась уму и догадливости, съ которымъ прекрасное животное приравнивалось къ капризамъ своей госпожи.

— Чтобъ имѣть ко мнѣ вѣрный доступъ, крикнула маркиза, —пришлите вотъ это ко мнѣ, съ какимъ-нибудь изъ моихъ слугъ. —И съ этими словами она помчалась вихремъ.

Клелія встала, чтобы поднять вещь, брошенную дамой. Это было кольцо съ большимъ рубиномъ, обложеннымъ брильянтами, очевидно очень дорогое. Клелія едва вѣрила своимъ глазамъ. «Это одна изъ сказочныхъ волшебницъ, которыя съшлютъ перлами и брильянтами на своемъ пути,» подумала она. Самымъ благоразумнымъ изъ всего что она могла сдѣлать, было — позаботиться о вѣренной ей драгоценности, и потому она надѣла кольцо на палецъ и сжала руку въ кулакъ, чтобы оно не могло свалиться, и продолжала свой путь. Въ эту ночь она не смыкала глазъ ни на одну минуту: до такой степени она чувствовала ответственность, которая тяготѣла надъ нею.

На слѣдующее утро она пошла въ виллу Торральба, но ей было не совсѣмъ легко получить доступъ къ маркизѣ, —не потому, чтобы тамъ было мало слугъ обоого пола, которые бы доложили о ней: изъ было пропасть на дворѣ, на лѣстницѣ, въ передней; но всѣ и каждый повидимому не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлается вокругъ; съ нихъ было довольно заниматься своимъ собственнымъ дѣломъ, а дѣло это состояло, повидимому, въ томъ, чтобы ровно ничего не дѣлать. Наконецъ Клелія удалось поймать одну старуху, на которую представленный дѣвушкою талисманъ произвелъ въ которое дѣйствіе, и при посредствѣ которой, послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, она была введена къ волшебницѣ.

Ее ввели въ большую комнату, гдѣ были три мраморныя ванны, устроенныя въ нишахъ стѣнъ. Двѣ служанки были сильно заняты — одна мытьемъ, другая просушиваньемъ и чесаньемъ болонокъ всякихъ величинъ, породъ и цвѣтовъ, изъ которыхъ большая часть ждала своей очереди съ образцовымъ спокойствіемъ.

Маркиза Дельфуэго-и-Аркось, въ утреннемъ *неглиже* и почти съ растрепанными волосами, которые были наскоро прикрѣплены за ушами, лежала, свернувшись подобно змѣѣ, на бархатномъ малиновомъ диванѣ, откуда она могла видѣть всю происходившую передъ ее глазами церемонію купанья. Впрочемъ, она въ эту минуту была преимущественно занята бесѣдой съ маленькой испанскою собачкой. Животное, положивъ свои переднія лапки на край дивана, пило изъ

чашки рѣдкаго китайскаго фортфора, которую маркиза заботливо держала въ рукѣ.

Входя въ комнату, Клелія уловила взглядъ маркизы и присѣла, но не получивъ никакого отвѣта на свой поклонъ, она осталась у двери, ожидать пока маркизъ угодно будетъ обратиться на нее вниманіе. Между тѣмъ она размышляла про-себя—какую превосходную фигуру представила бы на камей мнѣнъятурная маркиза въ этой позѣ, граціозной въ своей лѣни, съ этой маленькой изящной ручкой, крохотной ножкой, свободно двигающейся въ красныхъ съ золотомъ туфляхъ, въ этомъ роскошномъ кашмировомъ пеньюарѣ, который красиво драпировалъ ее широкими, волнистыми складками.

Маркиза, повидимому, не замѣчала ничего, кромѣ своей собачки.

— Пей, Мануэлито, мой милый крошка, это тебѣ поможетъ; мой бѣдновѣкій Мануэлито совсѣмъ въ лихорадкѣ; Мануэлито долженъ выздоровѣть, иначе ему нельзя будетъ купаться.—И маленькое животное, въ видѣ отвѣта, стало визжать, и карабкалось, чтобы взобраться на софу.

— Какъ ваше имя?—спросила маркиза, вдругъ обратившись къ Клеліи.

— Клелія, синьора.

— Прекрасное имя, мнѣ оно нравится. Имя много значитъ, что ни говори. Теперь угадайте мое. Я сомненица одной изъ вашихъ римскихъ героинь.

— Корнелия?—спросила дѣвушка. — Маркиза покачала головой. — Виргинія?

— Да, Виргинія. Какъ вы догадливы! вскричала маркиза въ восторгъ.—Не трогайте Мануэлито: онъ укуситъ васъ.

— Я не боюсь его,—возразила Клелія,—Мануэлито совсѣмъ не такъ сердитъ, посмотрите... И она стала гладить и трепать собачонку, которая, вылокавъ свое лекарство, очень дружески обнюхивала незнакомку.

— Удивительно! вскричала волшебница.—Мануэлито бросается на всѣхъ кромѣ меня. Вы, должно быть, колдунья. Въ Гаваниѣ есть негры, которые обладаютъ даромъ чародѣйства.

— Если я и имѣю какой-нибудь даръ подобнаго рода, то никогда еще не замѣчала его въ себѣ,—замѣтила Клелія.

Какъ бы утомленная своимъ дѣломъ, благородная креолка закрыла глаза, потомъ вдругъ, какъ-будто вспомнивъ что-то, она открыла ихъ опять, и спросила:

— Зачѣмъ вы принесли мое кольцо назадъ?

— Какъ зачѣмъ? возразила Клелія;—вѣдь оно ваше.

— Имѣете ли вы понятіе объ его цѣнности?

— Кажется, имѣю: многіе изъ нашихъ продавцовъ камней торгуютъ также драгоценными камнями и чрезъ это я отчасти выучилась узнавать ихъ стоимость.

— Хорошо. Что стоитъ это кольцо?

— Около трехъ или четырехсотъ скуди.

— Вы считаете четыреста скуди большою суммою?

— По-моему, это цѣлое богатство.

— И вы не чувствовали искушенія оставить кольцо у себя?

— Искушенія? какъ это такъ? вѣдь оно не мнѣ принадлежитъ, — возразила Клелія.

— Вы необыкновенная дѣвушка! вы мнѣ понравились съ первой минуты, какъ я васъ увидѣла, и я дала вамъ кольцо, чтобы испытать васъ, — сказала маркиза, и весело засмѣялась.

Она, повидимому, была такъ дѣтски довольна замысловатостью своей штуки относительно искушенія, что Клелія и не подумала обидѣться и только спросила:

— А теперь, когда вы испытали меня?

— Теперь я думаю сдѣлать васъ своимъ другомъ, — быстро сказала маркиза.

— Вы очень добры, — возразила скромная, благоразумная Клелія, — но наме общественное положеніе такъ различно!..

— Что за нужда? — прервала маркиза. — Во всякомъ случаѣ, вы должны оставаться при мнѣ.

— Очень рада, если только я могу пригодиться вамъ для чего-нибудь, т. е. если вы мнѣ дадите какую-нибудь работу, какое-нибудь занятіе.

— Мнѣ нравится вашъ разговоръ: вы можете приходить и разговаривать со мною, когда мнѣ этого захочется, — сказала маркиза.

— Это было бы очень пріятно, — возразила дѣвушка; — но за вѣсти хлѣбъ я должна дѣлать что-нибудь несущественнѣе разговора. Нѣтъ ли у васъ кружевъ для починки, бѣлья для приведенія въ порядокъ, глаженія или чего-нибудь въ этомъ родѣ?

Маркиза велѣла позвать Пепиту. Пепита, заставившая себя ждать довольно долго (въ домѣ маркизы Дельфуэго-и-Аркосъ господствовалъ обычай не торопиться) была толстая старая мулатка, съ какими то страннымъ, огромнымъ, желтымъ тюрбаномъ на головѣ и имѣла довольно симпатическую фizioномію. Послѣ короткаго совѣщанія съ своею госпожою, происходившаго на испанскомъ языкѣ, желтый тюрбанъ провелъ Клелію въ маленькую, свѣтлую комнату, которая была недалеко отъ залы съ ваннами, и тамъ Клелія увидѣла цѣлыя горы бѣлья всякаго рода. Все это бѣлье поручалось ей на свободѣ пересмотрѣть и разобрать по сортамъ и проч., словомъ, она могла поступать съ нимъ по собственному благоусмотрѣнію.

Такимъ образомъ Клелія поселилась въ виллѣ Торральба, гдѣ она, къ своему полному удовольствію, проводила свои дни за шитьемъ, починкой, глаженіемъ и проч. кромѣ тѣхъ минутъ, когда ее требовали къ госпожѣ, или когда маркиза, что было гораздо чаще, приходила сама поболтать, въ ея комнату. Вечеромъ, по особо-выговоренному условію, Клелія уходила домой.

Трудно было найти госпожу болѣе добрую, болѣе снисходительную, болѣе эксцентрическую, чѣмъ маркиза. Она приносила Клеліи шоколадъ и пирожное, дѣлала ей безпрестанно подарки; говорила ей о своихъ горестяхъ, т. е. о недугахъ Мануэлито, показывала ей свои

брильянты и бальные платья и по временамъ озадачивала дѣвушку нѣкоторыми вопросами, наприм. въ такомъ родѣ:

— Есть ли у васъ любовникъ?

— Да, отвѣчала Клелія, краснѣя, — если только подѣ словомъ «любовникъ» вы разумѣете человѣка, за котораго я дала слово выйти замужъ при первой возможности.

— Красивъ онъ? черноглазъ? черноволосъ?

— Нѣтъ, — сказала Клелія, смѣясь, — онъ очень малъ ростомъ; — волосы у него свѣтлые, глаза сѣрые.

— Такъ, вѣдь, вы не можете любить его?

— Но я люблю его, каковъ онъ есть.

— Богатъ онъ?

— Бѣденъ какъ мышь, — и чрезъ это я люблю его еще больше.

— Вы самая странная дѣвушка, какую только мнѣ случалось видѣть, — замѣтила маркиза: — любить человѣка за его бѣдность!

— Бѣдность имѣетъ свою прелесть для бѣдняковъ, — отвѣчала Клелія: — она говоритъ намъ о трудѣ, самоотверженіи, страданіи; а изъ этихъ вещей возникаетъ симпатія.

Маркиза немного подумала, за тѣмъ спросила:

— Кто такой вашъ возлюбленный?

— Ландшафтный живописецъ, — отвѣчала Клелія.

— Какъ вы думаете, можетъ онъ писать декораціи для театра?

— Можетъ и, притомъ, превосходно, — отвѣчала дѣвушка; — онъ очень талантливъ.

— Въ такомъ случаѣ, кажется, я могу дать ему работу. Я думаю устроить у себя домашній театръ, и мнѣ нуженъ живописецъ для декорацій. Приведите его когда-нибудь ко мнѣ, — я вамъ скажу когда.

Такова была сущность извѣстій, которыя сообщилъ Сальваторъ своему другу, и на этомъ-то фундаментѣ живое воображеніе маленькаго живописца успѣло уже воздвигнуть великолѣпное зданіе фортуны его и Клеліи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

А М Ф И Т Р И О Н Ъ .

Принявъ въ соображеніе, что сэръ Джонсъ иностранецъ и притомъ, большой формалистъ, Паоло долженъ былъ приноровливаться къ его характеру и отступить отъ своей обычной простоты въ костюмѣ. Съ этою цѣлью онъ купилъ себѣ черный атласный галтухъ и пару перчатокъ каштановаго цвѣта, и съ трепетомъ ожидалъ минуты, когда ему придется предстать въ такомъ парадѣ среди общества. Впрочемъ, онъ лелѣялъ въ душѣ нѣкоторую надежду, что, можетъ быть, вслѣдствіе какой-нибудь помѣхи, обѣдъ не состоится. Но дни шли своимъ чередомъ; вотъ наступила и суббота: никакой отмены. Дѣлать нечего. онъ долженъ былъ одѣться и идти.

Тревожное состояніе духа, которое онъ чувствовалъ въ утро своего перваго вѣзита въ палатцо Морлакки, было бездѣлницей сравни-

тельно съ тѣмъ, что онъ испытывалъ теперь. Онъ боялся одѣться слишкомъ нарядно или слишкомъ просто, придти слишкомъ рано или слишкомъ поздно:—короче это состояніе неизвѣстности томилъ его до такой степени, что для него было истиннымъ облегченіемъ когда онъ, очертя голову, бросился, наконецъ, въ вихрь дѣйствительности, постучавши въ двери палаццо Морлакки. Видъ неизвѣстнаго ему лакея, который тотчасъ же отворилъ ему, былъ вовсе неободрительнаго свойства: въ глазахъ этого человѣка можно было прочесть, что ему не было надобности такъ торопиться для подобнаго гостя. Затѣмъ въ умѣ Паоло возникъ вопросъ: долженъ ли онъ оставить свою шляпу въ передней, или нести ее съ собой въ гостиную. Ему помнилось, что онъ слышалъ однажды споръ относительно этого предмета; но въ чемъ состояло окончательное рѣшеніе систра—объ этомъ у него не осталось ни малѣйшаго воспоминанія. Онъ колебался съ минуту, разсуждая самъ съ собою относительно *за* и *противъ*, и пошолъ за лакеемъ со шляпой въ рукѣ. Для человѣка, находящагося въ положеніи Паоло, шляпа—драгоцѣнная поддержка; это нѣчто болѣе чѣмъ точка опоры, это покровитель, это почти другъ.

Паоло имѣлъ даръ того быстрого зрѣнія, которое однимъ взглядомъ охватываетъ всѣ подробности и ансамбль живої картины, даръ въ высшей степени бѣдственный для людей застѣнчивыхъ; онъ возбуждаетъ въ нихъ тѣмъ сильнѣйшее безпокойство, чѣмъ яснѣе они видятъ безчисленныя затрудненія, которыя имъ предстоятъ устранить. Не такъ бываетъ съ человѣкомъ, который не видитъ дальше своего носа. Она идетъ мимо друзей и враговъ, не замѣчая ихъ, подходитъ ошибкой къ двумъ или тремъ дамамъ прѣжде чѣмъ доберется до хозяйки, нападаетъ на нее именно въ ту минуту, когда ему слѣдовало дожидаться своей очереди; и все это онъ дѣлаетъ съ невозмутительнымъ самодовольствіемъ, которымъ онъ обязанъ тому, что не сознаетъ своихъ промаховъ и дѣйствій, которое они производятъ на другихъ.

Въ комнатѣ были только мужчины, въ числѣ шести, включая сюда и м-ра Джонса, всѣ въ полномъ нарядѣ—въ бѣлыхъ галстукахъ и такихъ же перчаткахъ. Паоло нисколько не смутился этимъ обстоятельствомъ, которое заранѣе предчувствовалъ; но его кровь застыла въ жилахъ, когда онъ увидѣлъ, что только онъ одинъ держитъ шляпу въ рукѣ. Слѣдуетъ ли ему бросить ее въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, или ждать благоприятной минуты—избавиться отъ этого бремени? Нѣтъ, лучше ужъ сейчасъ прямо подойти къ хозяину дома и раскланяться. Это легко сказать, да не такъ-то легко сдѣлать. М-ръ Джонсъ былъ окружонъ подводными камнями и бурунами. Онъ стоялъ, опираясь на каминъ, спиною къ двери, и былъ такъ углубленъ въ чтеніе газеты, которую онъ держалъ по направленію къ какому-то неизвѣстному господину, находившемуся съ другой стороны камина, что, по всей вѣроятности, не слышалъ, какъ доложили о сеньорѣ Манчини.

Паоло былъ слишкомъ скромнъ для того, чтобы, такъ сказать, на-смѣльно лѣзть на глаза хозяину въ то время, когда тотъ, очевидно,

былъ занять глубоко интересовавшимъ его предметомъ. Все, что молодой человекъ могъ придумать при подобныхъ обстоятельствахъ, было — пойти въ ту сторону, гдѣ находился м-ръ Джонсъ, и ожидать, когда онъ будетъ свободенъ. Въ ту самую минуту, какъ Паоло приблизился къ нему, м-ръ Джонсъ случайно обернулся, увидѣлъ новопрішедшаго, махнулъ ему рукой въ видѣ пріѣтствія и, принявъ прежнее свое положеніе, вновь углубился въ свою газету. Этотъ маневръ совершенно сбилъ Паоло съ толку. Вудучи вдругъ задержанъ въ своемъ движеніи и принужденъ оставаться на подорогѣ между дверью и каминомъ, онъ почувствовалъ себя крайне неловко и не зналъ, что ему теперь дѣлать.

Другъ въ нуждѣ — истинный другъ, и такимъ въ настоящемъ критическомъ случаѣ явился для Паоло графъ Фортигуэрра. Онъ двинулся навстрѣчу молодому живописцу со всѣмъ величіемъ трехмачтоваго корабля, гонимаго вѣтромъ, т. е. съ распростертыми руками. Паоло почувствовалъ благодарность за эту своевременную помощь и принялъ обязательность графа съ большою теплотою, нежели какъ сдѣлалъ бы это въ какое-либо другое время. Графъ Фортигуэрра высказалъ въ высшей степени сильное желаніе познакомиться съ отличнымъ художникомъ, приносящимъ честь своей родинѣ. «Только за день предъ тѣмъ», говорилъ графъ, «мой сіятельный другъ, князь Торлонія, водилъ меня по своему дворцу и показывалъ мнѣ ваши прекрасныя фрески. Помоему, это образцовое произведеніе, а я, сознаюсь, имѣю слабость считать себя знатокомъ. Я самъ имѣю маленькую галерею картинъ и почту себя за честь и удовольствіе если вы, сеньоръ, будете имѣть время и расположеніе осуществить одно изъ моихъ желаній, именно, чтобы моя скромная коллекція увеличилась какимъ-нибудь произведеніемъ вашей кисти.»

Графъ всегда говорилъ громко, въ настоящемъ же случаѣ онъ имѣлъ особенныя причины желать, чтобы его слышали. Ласковость его относительно Паоло, или, лучше, навязчивое вниманіе къ нему произвели большую перемѣну въ положеніи молодого живописца. Подобно тому, какъ маленькія капли на оконномъ стеклѣ собираются къ болѣе крупной каплѣ, кавалеръ, м-ръ Пайперъ и молодой м-ръ Паддокъ, одинъ за другимъ, собрались къ тому пункту, гдѣ стояли на виду графъ и его protégé, и образовали вокругъ нихъ маленькую группу. Они подошли въ то время, когда Паоло выражалъ свое сожалѣніе, что теперь онъ слишкомъ занятъ, и потому не можетъ, какъ бы того ни желалъ, принять любезное предложеніе графа. Даже м-ръ Джонсъ и его собесѣдникъ, капитанъ Паддокъ, низошли до того, что приблизились къ другимъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ комнату вошли дамы. Лавинія, севяще, которой было исполнено опасеній насчетъ нѣкотораго пункта, была очень рада, когда замѣтила, что ея другъ окружонъ всѣмъ должнымъ вниманіемъ; да и самъ онъ, несмотря на суматоху, произведенную приходомъ дамъ, не могъ пожаловаться на то, что его не замѣтили; и тетка и племянница пріѣтствовали его такъ радушно, такъ ласково, какъ онъ только могъ этого желать.

Но если такъ, то что же его заставило покраснѣть и почувствовать себя такъ неловко? Правда, на миссъ Лавиніи было надѣто то самое платье, противъ котораго онъ такъ вооружался въ первый день ея пріѣзда на сеансъ; но что жъ изъ этого? Мнѣ такъ и чудится сердитое замѣчаніе читателя: вѣдь она явилась на обѣдъ, а не на сеансъ для портрета, какое же было художнику дѣло до того, какъ она одѣта?

Читатель совершенно правъ, но я умоляю его обратить вниманіе на то, что повѣствователь столько же мало отвѣчаетъ за причуды дѣйствующихъ лицъ своего разсказа, какъ фотографъ за вздернутый носъ, или косые глаза, изобразонные на фотографическомъ снимкѣ. Обязанность повѣствователя состоитъ въ томъ, чтобы описывать впечатлѣнія, получаемыя его дѣйствующими лицами, такъ, чтобы можно было вполне оцѣнить ихъ характеры, но онъ вовсе не обязанъ нести отвѣтственность за ихъ причуды, или оправдывать ихъ. По этому-то мы сочли своимъ долгомъ ясно намекнуть, что впечатлѣніе, произведенное на итальянца нарядомъ миссъ Джонсъ, было вовсе не благопріятное.

«Кушать подано!» При этомъ официальномъ извѣстіи вся компанія встаетъ. М-ръ Джонсъ значительно хмурится на свою супругу, которая обращаетъ безнадежный взоръ къ Лавиніи. Паоло удивляется ловкой непринужденности и граціи, съ какими молодая дѣвушка, посредствомъ нѣсколькихъ улыбокъ и движеній головы, устраниваетъ нѣры и регулируетъ порядокъ шествія. Дверь распахнулась и представила ослабленному взору перспективу лакеевъ, свѣчь, цвѣтовъ, хрустала и цѣлыя горы серебряной посуды.

Скажи намъ, божественная муза, кто первый ступитъ ногой своей на эту обѣтованную землю?— Кто? разумѣется графъ. А tout seigneur, tout honneur. Знаменитому представителю одной изъ древнѣйшихъ фамилій Италіи нѣтъ никакой надобности знать англійскіе обычаи, и онъ пренебрегаетъ ими и заявляетъ свое право на первенство, вводя мистриссъ Джонсъ въ залу съ тою величавою непринужденностью и граціей манеръ, которой искусство можетъ отчасти подражать, но которую природа даетъ, въ видѣ исключительной привилегіи, только людямъ высокаго происхожденія. Мистриссъ Паддокъ, идя подъ руку съ хозяиномъ дома, значительно улыбается по поводу промаха, содѣланнаго римляниномъ, который повелъ мистриссъ Джонсъ впередъ гостей. За тѣмъ слѣдуютъ другія орудія, меньшаго калибра: капитанъ съ мистриссъ Пайперъ и каналеръ съ миссъ Лавиніей. Остальная мелюзга предоставлена самой себѣ.

Паоло пользуется благопріятнымъ случаемъ избавиться отъ своей шляпы; онъ ставитъ ее на стулъ, я, руководимый граціознымъ мановеніемъ руки миссъ Лавиніи, спокойно садится между мистеромъ Пайперомъ и Паддокомъ младшимъ. Это было какъ-разъ то мѣсто, которое онъ выбралъ бы для себя самъ, хоть здѣсь ему, повидимому, грозитъ нѣкоторая опасность со стороны его молодого сосѣда, котораго галстухъ имѣетъ такіе чудовищно-длинные концы и, притомъ такіе крѣпкіе и острые, что они, дѣйствительно, могутъ по-

дть поводъ къ нѣкоторому страху. За то Паоло находится внѣ взглядовъ м-рисъ Пайперъ, сидящей на одной съ нимъ сторонѣ. Миссъ Лавинія сидитъ напротивъ, между графомъ и кавалеромъ, од- нкоже внѣ прямого луча зрѣнія Паоло, такъ-что онъ можетъ рѣ- ко встрѣчать ея взгляды, не навлекая этимъ на себя упрека, что онъ впрочемъ избѣгаетъ ихъ. Неблагодарный! какъ мало подозреваетъ онъ, что своей настоящей удобной позиціей онъ обязанъ пред- усмотрительной заботливости своей прекрасной ученицы, которой именно было запрещено садить какого нибудь живописца съ собою рядомъ, когда для этого есть графы, высокоблагородные и кавале- ры. Какъ часто такое деликатное, исключительно—женское вниманіе пропадаетъ даромъ, вслѣдствіе тупой непонятливости мужчинъ!

Обѣдъ идетъ покажѣсть вяло, но онъ скоро оживится. Мадера со- вершаетъ свой круговой обходъ. Мистеръ Джонсъ въ особенности спрашиваетъ мнѣнія графа о мадерѣ. Благородный другъ прихлебы- ваетъ, чмокаетъ губами, прихлебываетъ опять, выпиваетъ дру- гую рюмку; затѣмъ онъ опускаетъ свой подбородокъ въ галетухъ на десять секундъ, среди всеобщаго молчанія, и наконецъ произно- ситъ торжественный приговоръ, что это мадера изъ мадеръ. Происхо- дитъ нѣкоторая суматоха. Капитанъ Паддокъ самымъ восторженнымъ образомъ выражаетъ свое согласіе съ такимъ мнѣніемъ. Мистриссъ Паддокъ, по неотступной просьбѣ м-ра Джонаса попробовать мадеры, покоряется, но не говоритъ ни слова. Графъ Фортигуэрра высокопарно рассказываетъ, какую великолѣпную мадеру—право, ей было пятьде- сять лѣтъ—онъ пилъ въ етомомъ у своего августѣйшаго родствен- ника, дона Педро, тогдашняго императора Бразиліи, въ 1826 или 1827 г., въ Рио-Жанейро. «Фамилія Фортигуэрровъ», шепчетъ онъ на ухо миссъ Джонсъ, «находится, по женскому колѣну, въ родствѣ съ браганцскимъ домомъ. То была лучшая мадера, которую я когда- нибудь пивалъ въ моей жизни» продолжаетъ графъ,—но она «не могла сравниться съ этой,—нѣтъ не могла».

Этотъ рассказъ поджигаетъ капитана Паддока; онъ припоминаетъ упоменіе, данное герцогомъ Омальскимъ,—или «позвольте, остано- вится капитанъ, не помню, герцогомъ Омальскимъ или принцемъ Жу- зивальскимъ? Это было на Севъ-Жанъ уллоасскомъ рейдѣ»... Здѣсь капитану приходится ждать болѣе благопріятной минуты для окон- чанія своей исторіи. Мистеръ Джонсъ прерываетъ его, крича съ од- ного конца стола на другой, чтобы повѣдать почтенной компаніи, какъ, когда и по какому счастливому стеченію обстоятельствъ, ему удалось достать три бочки этого драгоценнаго вина изъ погреба его королевскаго высочества герцога ***, послѣ кончины этой высокой особы. М-ръ Джонсъ крайне разборчивъ относительно своего вина; онъ признается, что не стоитъ за цѣною: это для него дѣло второ- степенное. Корка хлѣба, но стаканъ хорошаго вина — вотъ его де- визъ. Гости увидятъ, какое у него шато-марго, какое шампанское. Впрочемъ, онъ не имѣетъ пристрастія къ французскимъ произведе- ніямъ, да и ни къ чему французскому. (Слушайте, слушайте!) Дайте ему стараго, добраго портвейну и хересу—вотъ это настоящій напитокъ

токъ для мужчины. Онъ льститъ себя надеждой, что у него портвейнъ и хересъ не хуже, чѣмъ у кого бы то ни было; онъ отвѣчаетъ за свое вино; а что касается кушанья, онъ проситъ своихъ друзей быть снисходительными: «Мы, вѣдь, въ Римѣ. — вы знаете!»

Принявъ своимъ исходнымъ пунктомъ принципъ, что римское мясо — не мясо, а дурное подражаніе неподдѣльному продукту Англій, м-ръ Джонсъ извиняется по поводу каждаго блюда, самымъ трогательнымъ образомъ. Паоло чувствуетъ себя исполненнымъ позднего сожалѣнія къ Лукуллу и Вителлію и тому подобнымъ пресловутымъ, но жалкимъ гастрономамъ, которые могли жить и умереть въ заблужденіи, что они пользовались сносными ужинами въ Римѣ.

Воспоминаніе о лондонскихъ поставщикахъ съѣстныхъ припасовъ наводитъ грусть на м-ра Джонса; онъ требуетъ шампанскаго. Золотистая жидкость искрится и пѣнится. Но какая грусть можетъ устоять противъ этого нектара? Теперь машина заводена и нѣтъ недостатка въ необходимой жидкости, чтобы поддерживать ее въ полномъ ходу. Три большія орудія возобновляютъ пальбу съ удвоенной силой. Благородный капитанъ опять бомбардируетъ Сен-Жанъ д'Уллоа; графъ странствуетъ по пампасамъ * среди гаухосовъ, дѣйствуетъ арканомъ, чокается рюмками съ диктаторомъ Розасомъ и Мануэлитою, не забывая, какъ онъ едва спасся отъ женитьбы на этой прекрасной особѣ. М-ръ Джонсъ посвящаетъ м-триссъ Падлоу (русскую по происхожденію и по чувствамъ) въ пониманіе краевъ англійской конституціи, говоритъ ей о роли, которую въ ней играетъ аристократія и, мимоходомъ, довольно-сильно защищаетъ эту аристократію противъ обвиненія въ исключительности, доказывая многими фактами и примѣрами, что она всегда готова принять въ свои ряды и признать своими равными лучшихъ людей отечества, не обращая вниманія на первоначальную точку ихъ отправленія. Онъ подчеркиваетъ эти послѣднія слова посредствомъ яркой выразительности, съ которою ихъ произноситъ. А выразительность эта значитъ: «кто знаетъ, можетъ быть, и я буду къ ней принадлежать современно!»

Но въ чемъ состоитъ важная новость, которую кавалеръ сообщаетъ, между тѣмъ Лавиніи такимъ тихимъ тономъ и для подтвержденія которой онъ апеллируетъ къ графу? Графъ оставляетъ на произволъ судьбы св. Конклавъ, куда онъ только что входилъ, таща за собою своихъ слушателей; онъ понижаетъ свой басъ до степени театрального шопота и, давъ миссъ Лавиніи желаемыя объясненія, прибавляетъ къ этому какой-то легкій намекъ. Смыслъ этого намека вѣроятно, состоитъ въ томъ, что это дѣло должно держать какъ можно въ секретѣ, иначе къ чему она сказала, и довольно громко, такъ что Паоло могъ слышать ея слова: «можно ли сообщить это синьору Паоло?»

— Безъ сомнѣнія, — соглашается графъ. Затѣмъ пріятнѣйшій въ мірѣ голосъ увѣдомляетъ Паоло полушопотомъ: — Подумайте: одну картину Лоренцо ди-Креди, двѣ картины Ліонелло Спада и три — Каналетти можно приобрести за ничтожную сумму! — Паоло чувствуетъ

* Pampas — названіе, присвоенное огромнымъ лугамъ въ южной части Буэнос-Айреса, въ Южной Америкѣ.

благодарность къ своей прекрасной ученицѣ за эту попытку ея, уже не первую, сдѣлать его участникомъ общаго разговора. Онъ уже замѣтилъ и оцѣнилъ ея геройскія усилія отвлечь отъ своей тѣтки и направить на себя неудержимый потокъ разсказовъ капитана Падюка, который, будучи два раза прерванъ въ своемъ анекдотѣ про Сентъ-Жанъ д'Уллоа, и рѣшительно отчаявшись приобрести всеобщее вниманіе, избралъ уши мистрисъ Джонсъ вмѣстительцемъ для сложенія тамъ всѣхъ подробностей дѣла. Но Паоло, несмотря на все желаніе свое быть любезнымъ, не можетъ дѣлать одно, а говорить другое; и такъ какъ онъ думаетъ, — или, лучше, знаетъ по опыту, — что подобныя покупки обыкновенно служатъ ловушками, въ которыя заманиваютъ иностранцевъ, то и сообщаетъ объ этомъ миссъ Лавиніи. Легкое движеніе ея головы въ знакъ отрицанія и гнѣвный взглядъ кавалера (графъ же былъ слишкомъ далеко — въ Сан-Франциско, и потому не могъ слышать замѣчанія Паоло) — вотъ все, чего онъ добился своею искренностью. И по дѣломъ. Что за необходимость всегда говорить правду? Почему, чортъ возьми, онъ не можетъ соглашаться со всѣми и позволить, чтобы все шло плавно и пріятно? Даръ слова данъ человѣку какъ средство быть пріятнымъ, слѣдовательно истину надо прятать какъ можно подальше.

Есть ли вѣроятность, что европейской горизонтъ не помрачится или же существуютъ признаки собирающейся бури? Волге простыми словами: продолжится миръ или нѣтъ? На томъ пунктѣ застойной мудрости, до которой достигъ теперь мистеръ Джонсъ, проѣхавъ три станціи, эти современные вопросы обращаютъ на себя его особенное вниманіе. Онъ съ сожалѣніемъ видитъ мрачныя облака, собирающіяся на Западѣ. Кое-гдѣ возстановлены вещи и имена, оскорбительныя для англійскихъ чувствъ и понятій; вещи и имена, которыхъ Англія не можетъ, не должна, и не захочетъ болѣе терпѣть. Какъ ни печальна перспектива войны, въ особенности для капиталистовъ, Великобританія имѣетъ свои обязанности — настоятельныя обязанности; и тѣмъ скорѣе она проучитъ Францію, тѣмъ лучше.

Представитель королевскаго флота совершенно несогласенъ съ мыслями, излагаемыми представителемъ Виржи. Англіи нечего бояться со стороны Запада; но она должна опасаться всего со стороны Сѣвера. «Наблюдайте за Гератомъ», говоритъ капитанъ, «вотъ гдѣ уязвимый пунктъ Великобританіи. Герать — ключъ къ Индіи: мы должны позаботиться, чтобы Россія не положила его въ свой карманъ».

Мистеръ Джонсъ презрительно отвергаетъ эту мысль, Герать довольно безопасенъ. Индія! Чего тамъ бояться? Нѣтъ, нѣтъ! опасность намъ грозитъ не со стороны Сѣвера. Долженъ ли онъ подкрѣпить тѣмъ нибудь это мнѣніе? Хорошо. Месяце три мѣсяцевъ назадъ, на обѣдѣ лорда-мера одна особа (онъ не имѣетъ надобности унижать имена) отвела его въ сторону и сказала ему конфиденціальнымъ тономъ: «М — ръ Джонсъ, люди на биржѣ должны быть предупредительны во-время: я вижу большую вѣроятность войны; надо унизить Францію». Таковы были подлинныя слова Лорда Баллердона. Капитанъ принимаетъ это объявленіе съ гомерическимъ хохотомъ

«Лордъ Бэлдерстонъ сумасшедшій, онъ на жалованьи у Россіи; это навѣстно каждому. Спросите мистера Эрксона. Долженъ ли капитанъ сказать, изъ какого источника онъ имѣетъ положительное, несомнѣнное свѣдѣніе о видахъ Россіи на Индію? Если отъ него требуютъ указать на авторитетъ, то онъ можетъ сослаться на одно значительное лицо, изъ русскихъ, которое сказало ему, менѣе шести мѣсяцевъ назадъ, въ Москвѣ: «Капитанъ Паддокъ, если бы мы имѣли двадцать такихъ людей, какъ вы, то менѣе чѣмъ въ одинъ годъ Индія была бы нашей». Это кажется довольно ясно, а потому-то прадедъ ставитель королевскаго флота говоритъ: «Наблюдайте за Гератомъ, остерегайтесь Сѣвера, держите его на уздѣ».

Это спасительное предостереженіе произнесено такимъ возвышеннымъ тономъ, что оно достигаетъ слуха русской жены почтеннаго капитана, и она, болѣе откровенно, чѣмъ вѣжливо, проситъ Задаль и своего почтеннаго супруга оставить Сѣверъ въ покоѣ, не то, онъ намнетъ бока имъ обомимъ. Капитанъ, красный какъ индійскій цѣтухъ, хотѣлъ было возразить, но его реплика замерла на его губахъ, потому что въ это время подали мороженое. За десертомъ м-рисъ Пайперъ выводитъ на сцену своихъ Мадіацъ, но мимолетъ выбрана плохо: никто ихъ не помнитъ, или не обращаетъ на нихъ вниманія; предметъ этотъ оставленъ. Затѣмъ шумъ вдругъ прекращается. Измученная м-рисъ Джонсъ бросаетъ вопросительный взглядъ на м-рисъ Паддокъ, потомъ смотритъ на другихъ дамъ. М-риссъ Паддокъ слегка подвигаетъ свой стулъ. М-ръ Джонсъ съ величайшимъ проворствомъ встаетъ и отворяетъ дверь; дамы уходятъ. Паоло охотно бы пошелъ за ними, но догадывается, что не долженъ этого дѣлать; онъ видитъ что другіе мужчины не трогаются съ мѣста и что Амфитріонъ вновь съ важностью садится на свой стулъ.

Сцена принимаетъ болѣе веселый характеръ. М-ръ Джонсъ, капитанъ Паддокъ и графъ швыряютъ одинъ въ другого знатными именами и важными государственными секретями, какъ будто они доблелись объ закладъ—кто кого перекричитъ. Паоло смертельно устаетъ и его голова трещитъ отъ этого вавилонскаго смѣшенія дѣлцовъ. Ободритесь, молодой художникъ, у васъ есть Меценатъ. Графъ теперь въ покровительственномъ расположеніи духа и Паоло Манчинни долженъ много выиграть отъ этого. Знатный аристократъ считаетъ позоромъ для Рима, что художникъ, обладающій такими совершенствами какъ синьоръ Манчинни, остается въ тѣни. Гѣній нуждается въ воощреніи, и его молодой другъ получить его, если графъ Фортигуэрра имѣетъ еще какое нибудь вліяніе. Имя Паоло будетъ умолянуто гдѣ слѣдуетъ: графъ позаботится объ этомъ. Его святѣйшество—въ высшей степени свѣдущій судья и покровитель искусства; то же самое должно сказать и о его величествѣ бывшемъ королѣ Баварскомъ, Графъ Фортигуэрра имѣетъ входъ къ нимъ обомимъ и онъ—графъ скромно признается—такъ добры, что считаютъ его бѣдное мнѣніе великодушнымъ цѣны. Его молодой другъ можетъ всего надеваться.

Эти и тому подобныя выраженія сопровождаются мимиками, жестами

ими и значительными хмурениемъ бровей, которыя отзываются скорѣе чѣмъ-то кабацкимъ, нежели аристократскимъ. Паоло смущенъ. Что хочетъ этотъ человекъ сказать всѣмъ своимъ вздоромъ и необыкновенными гримасами? Подсмѣивается ли надъ нимъ *radre-pobile*, или хочетъ его обмануть? Увы, *radre-pobile* обманываетъ только самого себя. Дѣло въ томъ, что хорошее вино слишкомъ разгорячило мозгъ графа и онъ плохо видитъ тонкую черту, которая отдѣляетъ естественную игру отъ карриатуры, поэтому онъ и пересаживаетъ съ своимъ патронатствомъ и съ своею фамиллярностью. Кавалеръ тихонько толкаетъ его, наступаетъ ему на ноги, внушаетъ, что давно уже пора присоединиться къ дамамъ. Графъ колеблется, однакоже, наконецъ, дѣлаетъ движеніе въ этомъ смыслѣ, еще становится—и всѣ они отправляются въ гостиную.

Дамы, оставались слишкомъ долго одвѣ и потому онъ теперь нѣсколько не въ духѣ. Еще, по всей вѣроятности, слишкомъ углубленные въ важные вопросы объ Индіи и войнѣ для того, чтобы сдѣлать много къ оживленію общества, капитанъ Паддокъ и м-ръ Джонсъ скоро отошли на задній планъ и искали какого-нибудь покойнаго дивана, или стула, гдѣ бы имъ можно было размышлять съ закрытыми глазами. Самъ графъ, обыкновенно столь живой и разговорчивый, имѣлъ въ эту минуту странные перемежающіеся припадки вспышекъ и затмѣнія, подобно потухающей лампѣ. Даже кавалера, повидимому, томилъ какая-то забота; переворачивая листы нотъ для миссъ Лавиніи, или распѣвая съ ней дуэтъ, онъ не спускалъ глазъ съ своего благороднаго товарища. Всѣ эти незначительныя обстоятельства набросили какой-то туманъ на вечеръ и привели его къ концу. М-съ Паддокъ первая подала сигналъ къ уходу, и за тѣмъ всѣ стали прощаться. Графъ просилъ позволенія узнать, пріѣхалъ ли его экипажъ, но кавалеръ ему напомнилъ объ отданомъ имъ же самимъ приказаніи, чтобы экипажъ не пріѣзжалъ. М-рисъ Джонсъ предложила свою карету графу, но онъ не хотѣлъ и слышать, чтобы закладывать лошадей въ такой часъ ночи. Онъ предпочиталъ прогулку пѣшкомъ въ силу поговорки: *post coenam deambulabis*. Въ-самомъ-дѣлѣ, обѣдъ продлился до такого позднаго времени, что его можно было считать ужиномъ. Еще минута—и всѣ разошлись. Паоло ушелъ послѣдній.

Графъ и кавалеръ, рука объ руку, тяжело тащились по улицѣ. Одинъ изъ нихъ былъ въ самомъ кроткомъ, а другой въ самомъ ворчливомъ расположеніи духа.

— Полно дурить!—сказалъ графъ,—что я сдѣлалъ худого?

Вмѣсто всякаго отвѣта на этотъ вопросъ, маленькій человекъ оставилъ руку своего массивнаго товарища, который, будучи вдругъ лишонъ дружеской опоры, покачнулся въ сторону, обнаруживъ сильное отращеніе къ прямой линіи.

— Ты видишь, что ты сдѣлалъ: довелъ себя до такого скетскаго состоянія, что не можешь идти прямо.

— Полно, полно,—сказалъ графъ добродушно, взявшись опять за руку кавалера;—основанія зыбки, но здѣсь—и онъ ударилъ себя по

лбу—все свѣжо и ясно. Spiritus promptus est; спроси меня о какомъ хочешь темномъ предметѣ метафизическомъ или математическомъ—и ты увидишь.

— На тебя нельзя положиться,—продолжалъ кавалеръ:—ты хуже ребенка; какъ только ты увидишь бутылку, такъ ужъ ни о чемъ больше не думаешь. Чортъ бы побралъ твое вино!

— Будь спокоенъ, или конецъ нашей дружбѣ теперь и навсегда,—сказалъ графъ съ чрезвычайно серьезнымъ видомъ, и вдругъ остановившись.—Ты знаешь, совершенства нельзя найти въ человеческой природѣ. Я имѣю свою слабость, которую имѣлъ Горацій, Катонъ, Лютеръ и всѣ великіе люди. Мошенники моего калибра—позволь мнѣ сказать тебѣ это — были бы слишкомъ опасны, если бы не имѣли своихъ слабостей. Ты не можешь составить себѣ никакого понятія, сколько я трачу нервной жидкости на изобрѣтеніе, комбинированіе и рассказываніе этихъ исторій. Это истощаетъ въ высшей степени. Человѣкъ похожъ на лампу, мой милый мальчикъ: если мы не подливаемъ въ нее масла, она гаснетъ.

— Однако тоже случается, — сказалъ мы ее слишкомъ переполнимъ.

— Я совершенно отвергаю твое обвиненіе; я всегда держу себя въ границахъ приличія. М-ръ Джонсъ и капитанъ далеко превзошли меня,—ты не станешь этого отрицать.

— Для нихъ это безопасно,—возразилъ кавалеръ,—имъ нѣтъ надобности подобно тебѣ, играть роли.

— Замѣчаніе справедливое,—отвѣчалъ графъ,—хотя одинъ Богъ знаетъ, должны ли они играть какую-нибудь роль или нѣтъ. Въ свѣтѣ, видишь ли, гораздо больше актеровъ, чѣмъ какъ ты воображаешь; въ дѣйствительности каждый бываетъ имъ болѣе или менѣе. Но оставимъ это: скорѣй къ дѣлу! У меня превосходный планъ въ головѣ...

— Я въ восторгѣ,—сказалъ кавалеръ холоднымъ тономъ.—Оставимъ его въ покоѣ до завтра.

— Нѣтъ,—настаивалъ графъ,—я хочу сейчасъ же доказать тебѣ, что я совершенно въ здоровомъ умѣ. Да, сударь мой, въ то время какъ вы меня обвиняете и оскорбляете, я ломаю голову надъ тѣмъ, чтобы составить ваше счастье.

— Вы очень добры. На чемъ же основанъ вашъ планъ? спросилъ кавалеръ.

— На миссъ Лавиніи Джонсъ, милостивый государь. Вы, кажется, ей особенно понравились. Куй желѣзо пока горячо, овладѣвай скорѣе ея рукою и ея деньгами—вотъ мой планъ!

— Онъ сильно подтверждаетъ вашу проникательность,—сказалъ кавалеръ съ ироніею.—Нужно быть слѣпымъ какъ кротъ, чтобы не замѣтить скрытой интрижки между миссъ Джонсъ и Манчини; но вы, кажется, въ состояніи видѣть только одну бутылку!

— Ты говоришь серьезно?—сказалъ со вздохомъ графъ, немножко смущенный.—Ну, такъ что жъ? слабыя сердца никогда не овладѣвали хорошенькими женщинами. А ты принимайся сейчасъ за дѣло. Я

ставлю десять противъ одного, что ты возьмешь верхъ надъ нимъ. Хорошенькія дѣвушки ни въ кого такъ не влюбляются, какъ въ маленькіхъ мужчинъ, которыхъ они могли бы прятать себѣ въ карманъ. Я видѣлъ не одну дѣвушку, пожертвовавшую мужчинами, сложенными какъ Антиной, или вотъ какъ Манчини и я, для другихъ изъ рода пгмеевъ. Женщины такъ странны.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Но какъ онѣ ни странны, въ этомъ случаѣ пусть попытается кто-нибудь другой, а ужь никакъ не я. Это значило бы разрывать сердце Амны, а я и за двадцать миссъ Лавиній не соглашусь допустить, чтобы она пролила хоть одну слезу. У меня есть еще чувства.

— Ха, ха, ха! чувства!— проговорилъ графъ, смѣясь во все горло. — Далеко уѣдешь съ своими чувствами! Впрочемъ этимъ подтверждается то, что я сейчасъ: говорилъ всякій человѣкъ имѣть свои слабости; у тебя—чувства, у меня—бутылка. Однако же очень жаль: мой плавъ былъ такъ хорошъ! Для меня этого рода дѣло не новость. Рассказывалъ ли я тебѣ какъ я устроилъ свадьбу одной богатой наследницы съ флейтистомъ?

— Сто разъ,— сказалъ кавалеръ,— я знаю эту исторію наизусть.

— Тѣмъ лучше, тебѣ легче будетъ поправить меня, если я ошибусь, и убѣдиться, что я въ полномъ сознаніи. Держу пари, что не упушу ни малѣйшаго обстоятельства. Ну, я начинаю. Это было въ Неаполѣ, тому назадъ лѣтъ тридцать. Мой флейтистъ, бѣднякъ, но очень бойкій, очень сильно ухаживалъ за молодой нѣмкой, о которой я говорилъ тебѣ, настоящимъ вороньимъ пугаломъ, но чрезвычайно богатою. Особа эта была въ нерѣшимости. Что оставалось дѣлать? Я устроилъ дуэль... Всѣ отправились въ Кашине... Ахъ, нѣтъ! что я говорю, не въ Кашине; вѣдь, мы были въ Неаполѣ (я немножко взволнованъ, но знаю, что говорю). Итакъ мы отправились въ Позилло, помѣнялись двумя выстрѣлами — конечно безъ пуль, и за вторымъ ударомъ мой мужчина упалъ мертвымъ.

— А затѣмъ, онъ женился?— смѣясь, спросилъ кавалеръ.

— Конечно, потому-что онъ только былъ тяжело раненъ. Утка пролетѣла по всей Флоренціи, по всему Неаполю. Дульцинея поймалась въ сѣти, какъ и всѣ ей подобныя: участіе ея было возбуждено. «Бѣдный молодой человѣкъ» говорила она со вздохомъ; на палець отъ смерти, и изъ-за какихъ пустяковъ!— Это не пустяки, gnädiges Fräulein, сказалъ я, если это заставило меня пренебрегать жизнью.

— Bravo!— вскричалъ кавалеръ, такъ этотъ флейтистъ былъ ты?

— Нѣтъ, это говорилъ флейтистъ, какъ я сказалъ. Постой, не путай меня. Такъ я говорю: «Мой другъ жертвовалъ жизнью, чтобы заставить одного негодяя дорого поплатиться за клеветы, которыя онъ распускалъ на счетъ одной молодой особы. Какой особы? спросила фрейлейнъ. Вы не угадываете? сказалъ я. Смотрю—моя нѣмка вспыхнула какъ сѣрная спичка; спустя нѣсколько времени, является къ ней я раненый, съ подвязанною рукой. Это было рѣшительнымъ ударомъ. Рука на пояскѣ изъ-за нашей особы! противъ этого никто не

устойтъ. Последовало вохищеніе, примиреніе, *justae nuptiae* (законный брак), благословеніе, свадьба и пиръ.

— Все исключая денегъ, прервалъ кавалеръ; оказалась что богатая наслѣдница не имѣла ни одной копейки и что «лейтистъ за свои труды получилъ только жену—рожу.

— Да, именно такъ, именно такъ, вскричалъ графъ.—Ха-ха-ха! ни одного цванцигера, ха, ха, славная штука! Какъ же я смѣлся послѣ! Какая память у этой маленькой обезьяны! Какъ бы не этотъ дьявольскій излишекъ чувствъ, было бы изъ чего сдѣлать славнаго молодца, честное слово! Но прекрасныя чувства этого господина стоять у насъ посреди дороги, тоже должно сказать и о бутылкѣ и объ этомъ паршивомъ англійскомъ лавочникѣ. Впрочемъ, я ихъ обоихъ выщѣжу, и другого также, чортъ его возми! какъ зовутъ этого другого? Ахъ, у меня горло сухое какъ кирпичъ...

Графъ до того ошанялъ, что кавалеръ не могъ его больше поддерживать, и былъ принужденъ просить одного запоздалаго прохожаго помочь ему провести графа до квартиры.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Дневникъ миссъ Лавини.

Милая леди Августа,

Мужчины—существа злыя и неблагодарныя. Расточайте любезности этимъ людямъ и вы увидите, что это напрасно: вы не получите никакого вознагражденія. Это можно сказать, по поводу моего сеньора Доменикино, при всемъ должномъ къ нему уваженіи. Третьяго дня у насъ были приглашены нѣсколько лицъ къ обѣду, и вы не можете себѣ вообразить сколько труда мнѣ стоило, чтобы добиться приглашенія и для него. Дядя объявилъ рѣшительно, что ни за что не хочетъ имѣть въ числѣ своихъ гостей *учителя рисованія*—какъ онъ упорно продолжаетъ называть его, хотя онъ знаетъ такъ же хорошо, какъ и я, что сеньоръ Паоло такой же учитель рисованія, какъ и я; дядя дѣлаетъ это, чтобы мнѣ противорѣчить. У насъ вышла съ нимъ почти есора по поводу обѣда; онъ меня просто взбѣсилъ. Я истощила всѣ способы хмуренья бровей *à la Rachel*, и наконецъ сдѣлала рѣшительный шагъ: сожгла свои корабли. «Если сеньоръ Паоло», сказала я, «не будетъ на обѣдѣ, то и меня также вы тамъ не увидите». Разумѣется, я выиграла сраженіе. Но какую благодарность получила я отъ этого драгоцѣннаго Доменикино за всѣ мои услуги и за мое расположеніе? Онъ сохранялъ сдержанную, непреступную холодность, не хотѣлъ ничего отвѣчать мнѣ, а если и отвѣчалъ, то это непремѣнно была какая нибудь колкость. Впрочемъ онъ не былъ хуже другихъ гостей мужескаго пола, исключая графа Фортжуэрры. Въ жизни моей мнѣ еще никогда не случалось видѣть подобныхъ скучныхъ обращеній этого пела. Мистеръ Джованъ былъ въ самомъ несносномъ расположеніи духа: крикливый, взыскательный, хвастливый

и проч., то же самое можно сказать и о капитанѣ Паддокѣ. Вы знаете Паддоковъ изъ Паддока въ Йоркширѣ? Прекрасная фамилія, какъ говоритъ Цайперъ, но бѣдная; капитанъ, притомъ, такъ же бѣденъ умомъ, какъ и деньгами. Мнѣ кажется, что даже мой фаворитъ, графъ, былъ немножко навеселъ; онъ хорошо владѣлъ собою и не былъ такъ глупъ какъ два другіе. Хотя въ немъ есть какой-то отблескъ веселаго гуаки, но онъ постоянно держитъ себя какъ нобльменъ. Онъ всегда готовъ дать вамъ во всемъ, что угодно, нужныя свѣдѣнія всякаго рода; все, что онъ говоритъ, онъ оживляетъ своимъ остроуміемъ, никогда, впрочемъ, не выходя изъ предѣловъ хорошаго тона. Его слова и жесты носятъ на себѣ печать непринужденности и достоинства, — словомъ, въ немъ есть что-то таинственное, встрѣчающееся только въ людяхъ хорошихъ фамилій. Но онъ далеко не совершенство: онъ очень шумитъ и говоритъ, по моему, слишкомъ громко; но это собственно мой предрассудокъ. Я терпѣть не могу, чтобы говорили громко; а обычаи и манеры итальянцевъ отличаются отъ нашихъ. Все же я предпочитаю его громовой голосъ воркованью кавалера. Надо сказать, что этотъ крошечный миньятюръ мужичины былъ моимъ сосѣдомъ. Онъ говоритъ всегда такъ, какъ будто объясняется въ любви. Надѣюсь, что синьоръ Манчини не подумалъ, что между мною и кавалеромъ происходило что-нибудь въ этомъ родѣ. Но мнѣ не разъ приходила въ голову возможность подобнаго мысла; и такъ какъ никому не можетъ быть пріятно представляться другимъ въ смѣшномъ свѣтѣ, то я цѣлорядно громко то, что говорилъ мнѣ маленькій кавалеръ; я старалась всѣми силами отнять у нашего разговора видъ уединенной бесѣды, но всѣ мои усилія были напрасны. Впрочемъ, какая мнѣ нужда до того, что думаютъ обо мнѣ Доменикино и прочіе. Впередъ я буду заботиться объ одной вещи, именно — о томъ, чтобы не спѣшить расточать свои симпатіи.

Я могу дать своимъ симпатіямъ такую же свободу, какъ всегда. Я была въ дурномъ расположеніи духа, когда писала предшествующія строки. Я ихъ оставляю безъ перемены, какъ заслуженное наказаніе за мою глупость. Обвиненіе въ неблагодарности, возведенное мною на синьора Паоло, негѣно и гнусно въ высшей степени. Какъ могъ онъ предполагать, что мистеръ Джонсъ будетъ протестовать противъ допущенія его въ число гостей, или угадать, что онъ обязанъ приглашеніемъ исключительно мнѣ? Что касается до его пасмурной молчаливости, то она совершенно объясняется, и думаю даже, совершенно оправдывается обстоятельствами. Вслѣдствіе превосходныхъ нашихъ отношеній въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (вы знаете, что онъ одинъ бывалъ у насъ) и короткости, образовавшейся между нами, мистеръ Паоло считалъ себя, предпочтительно предъ другими, въ правѣ провести меня изъ залы въ столовую, и если онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ или обиженнымъ, это доказываетъ, что такую честь онъ не считалъ для себя безразличною. Если кого нибудь можно порицать въ этомъ случаѣ, то, конечно, меня, которая никуда слабѣе уступить дядѣ и пойти подъ-руку съ кавалеромъ.

Но я за это порядочно была наказана тѣмъ, что должна была выслушивать весь вздоръ, который мнѣ напоптывалъ этотъ маленький щеголь. Относительно званія и состоянія, кавалеръ, конечно, можетъ быть, и выше Паоло, но въ мизинцѣ живописца больше ума и самобитности, чѣмъ у двѣнадцати кавалеровъ, подобныхъ нашему. Теперь, когда я облегчила свою совѣсть, слявъ съ моего Доменикино незаслуженное обвиненіе, меня беспокоитъ другое, болѣе серьезное обстоятельство, которое огорчаетъ мою тетку и разстроиваетъ ея здоровье. Мы не можемъ больше обманывать себя насчетъ печальной дѣйствительности: дядя мой начинаетъ пить. Когда мы обѣдаемъ одни и проводимъ вечеръ дома, что бываетъ всего чаще, онъ глотаетъ грогъ стаканъ за стаканомъ, пока спиртъ не бросится ему въ голову и онъ не заснетъ тамъ же, гдѣ сидѣлъ; когда у насъ гости, или когда онъ обѣдаетъ въ гостяхъ, онъ напивается до-пьяна; въ этомъ постыдномъ положеніи онъ былъ вчера вечеромъ. Мы съ тѣей не знаемъ, что дѣлать; онъ такъ грубъ и такъ раздражителенъ, что мы не смѣемъ сказать ему ни слова.

Такъ какъ сегодня день моего сеанса, то, по обыкновенію, у насъ пропасть гостей. Я считаю общимъ правиломъ, что всякій разъ, когда вы желаете дѣлать что нибудь въ особенности, вамъ непременно кто нибудь помѣшаетъ. Сначала пріѣхали Пайперы, затѣмъ Паддоки, точно нарочно. Я жалѣла, что это было такъ не вовремя особенно потому, что я очень расположена къ мистриссъ Паддокъ. Это оригинальный типъ женщины съ мужскими ухватками, что-то въ родѣ русскаго гренадера; но она очень откровенна и всегда готова нападать на все, что ей не нравится, на людей и на вещи. Только въ два часа мы могли выѣхать съ теткой, чтобы проѣхаться въ экипажѣ. Что касается до сеанса, то я отъ него давно отказалась. Мы поѣхали сперва на via Фраттина, чтобы объяснить мистеру Паоло, почему мы не могли пріѣхать. Онъ сказалъ, что это къ счастью, потому что у него только что былъ графъ, или, употребляя его выраженіе, вломился въ мастерскую, надѣлавъ столько шуму у воротъ, что перепугалъ весь домъ. Нужно вамъ знать, что всякій разъ, когда Доменикино насъ ждетъ, онъ запираетъ свою мастерскую и тогда стучи и звони кто хочетъ—онъ не тронется, кромѣ, какъ если услышитъ нашъ приходъ. Видя, что онъ взялъ шляпу и повидимому собирался уходить, тетка предложила ему мѣсто въ экипажѣ; онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и мы сдѣлали пріятную прогулку до самой виллы Боргезе. Доменикино былъ въ отличномъ расположеніи духа и щебеталъ какъ соловей. Случай мнѣ казался благопріятнымъ, чтобы сдѣлать ему нѣсколько замѣчаній по одному пункту, который вы примете, какъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, за сущую бездѣлицу, и который, однако, какъ вы сейчасъ увидите, имѣетъ нѣкоторую относительную важность. Я должна сказать предварительно, что туалетъ синьора Манчини на нашемъ обѣдѣ не былъ совершенно неприличенъ, но не былъ и таковъ, какимъ бы онъ долженъ быть. Ни тѣни воротничковъ (онъ не можетъ ихъ терпѣть), чорный галстухъ, а перчатки!... правда, онѣ были свѣтлыя, но ко-

ричневых, тогда какъ всѣ остальные гости, разумѣется, были въ палевыхъ перчаткахъ; наконецъ, въ дополненіе всего высокіе башмаки изъ грубой простой кожи, настоящіе походные башмаки!

Какъ бы ни было мнѣ желательно, чтобы онъ сообразовался съ принятыми обычаями, однако, за исключеніемъ его ужасной обуви, которая безобразила его ноги, я не могу сдѣлать особеннаго возраженія противъ коричневыхъ перчатокъ, или противъ отсутствія воротничковъ, которые, вообще, довольно безобразны. Но м-ръ Джонсъ былъ другого мнѣнія. Ему въ особенности не нравилась шоколадная оболочка рукъ Доменкино.

— Какъ смѣлъ этотъ молодецъ явиться сюда въ коричневыхъ перчаткахъ! — вскричалъ онъ, вставши съ кресла послѣ долгаго усилія. Я не буду вамъ повторять тѣхъ пріятныхъ эпитетовъ, которыми онъ приправлялъ свои размысленія. Правда, что въ это время дядя былъ почти пьянъ и что послѣ онъ никогда не упоминалъ объ этомъ предметѣ; тѣмъ не менѣе, я считала необходимымъ предостеречь сеньора Паоло, какъ онъ долженъ являться въ свѣтъ, чтобы избѣгать въ будущемъ подобныхъ непріятныхъ замѣчаній.

Для этого я повела сначала рѣчь со стороны — ораторская предосторожность, совершенно бесполезная, потому что онъ нахвѣнъ какъ ребенокъ. Я спросила его, гдѣ онъ покупаетъ свои перчатки. «Гдѣ случится», отвѣчалъ онъ; «я ихъ такъ мало ношу, что не имѣю надобности въ особенныхъ магазинахъ». Я ему рекомендовала лучший, особенно для перчатокъ палевыхъ, — «употребляемыхъ въ разныхъ парадныхъ случаяхъ» искусно прибавила я. Онъ отвѣчалъ, что никогда не бываетъ въ свѣтъ, и потому не носитъ другихъ перчатокъ, кромѣ черныхъ.

— Но вотъ вы у насъ обѣдали и были въ коричневыхъ перчаткахъ, а не въ черныхъ.

— Это правда; я сдѣлалъ для васъ исключеніе.

— Это было очень любезно съ вашей стороны, возразила я. — Но не можете ли вы впередъ довести свою любезность еще далѣе и надѣть такія же перчатки, какъ и всѣ.

— Откровенно говоря, — отвѣчалъ онъ, — я долженъ признаться, что это противно моимъ принципамъ.

— О, о! *ou les principes vont ils se nicher!* (куда забралась принципсы), — вскричала я, смѣясь.

— Смѣйтесь, но выслушайте мой возраженія, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Перчатки, по-моему, носятъ для того, чтобы сохранять руки чистыми — обычай раціональный и я его принимаю. Положимъ, что вы отвергаете черный цвѣтъ, какъ траурный; но, вѣдь, и всякій другой цвѣтъ, кромѣ черного и палеваго, такъ же точно удовлетворляетъ поминутую потребность. Но если вы приказываете мнѣ носить перчатки извѣстнаго цвѣта изъ тщеславія, роскоши или моды, вы перестаете быть естественною, и я вправѣ вамъ сказать, что я не подчиняюсь правиламъ моды, роскоши и тщеславія. Итакъ, я отвергаю необходимость того цвѣта, котораго вы требуете.

— Вы истощаете столько остроумія на такой ничтожный предмет. Было бы гораздо проще, мнѣ кажется, принять обычай и сообразоваться съ нимъ. — Онъ поднялъ палецъ, въ знакъ дружеской угрозы, и отвѣчалъ:— Будьте осторожны въ своихъ словахъ; начало, которое вы высказали, имѣетъ приложеніе гораздо большее, чѣмъ вы думаете. Оно ведетъ къ тому, чтобы дать перевѣсъ рутинѣ и уничтожить прогрессъ, потому что всякій прогрессъ, съ какой стороны его ни разсматривать, есть только уклоненіе отъ принятаго обычая. На основаніи того, что вы сказали, Галилей былъ виноватъ, а инквизиція права.

Такъ или иначе, а мужчина всегда возьметъ верхъ надъ женщиной въ силѣ доказательствъ. Они лучше умѣютъ владѣть софизмами, чѣмъ мы. Я не нашла что ему отвѣтить, хотя далеко не была убѣждена или довольна его возраженіями. Не то чтобы онъ выказалъ при этомъ недостатокъ вѣжливости, напротивъ, я готова сознаться, что онъ велъ споръ съ большимъ искусствомъ; остроуміемъ и веселостью; но я не могу простить ему того, что онъ придаетъ такую важность бездѣлицамъ. Я рѣшительно не одобряю, что онъ чуждается общества, какъ-будто отчужденіе отъ свѣта есть доказательство превосходства. Какимъ образомъ молодой человекъ его профессіи можетъ пользоваться успѣхомъ, если онъ не сдѣлается извѣстнымъ? А какъ можно сдѣлаться извѣстнымъ, не посѣщая гостиныхъ? Нужно непременно приняться за дѣло и вылечить его отъ этого недостатка. Пожалуйста, не воображайте ничего о томъ участіи, которое я принимаю въ этомъ дѣлѣ. Скорѣе изъ любви къ искусству, чѣмъ изъ любви къ художнику, я беру это на себя. Синьоръ Манчини долженъ сдѣлаться великимъ живописцемъ, увѣрю васъ, и я буду себя вѣчно упрекать, если не сдѣлаю всего, что находится въ моей власти, чтобы не дать этому гевію погибнуть подъ спудомъ. Скоро, я думаю, онъ займетъ видное мѣсто среди современниковъ.

Другая вещь, которую я не могу простить Доменикино, это — его предубѣжденіе противъ графа. Это совершенная несправедливость и, вмѣстѣ, неловкость: графъ не такой человекъ, дружбою съ которымъ можно было бы пренебрегать. Онъ знакомъ съ папой, королемъ баварскимъ, и всею знатю; онъ очень богатъ, отличный знатокъ въ картинахъ и очень расположенъ къ синьору Паоло. Но синьоръ Паоло отзывается о немъ съ пренебреженіемъ, обходится съ нимъ невѣроятно холодно, и объявилъ, что ни за что въ мірѣ не желаетъ его покровительства. Знаете ли, что мнѣ пришло въ голову: кажется, синьоръ Паоло не любитъ графа собственно потому, что онъ графъ. Синьоръ Паоло страшный радикалъ; м-ръ Кобденъ, въ сравненіи съ нимъ — молоко, разбавленное водою. Я еще не встрѣчала никого, кто бы такъ ненавидѣлъ чины и титулы, какъ Доменикино. Я помню, въ какихъ презрительныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ мнѣ объ одномъ иностранномъ князѣ... нѣтъ, не иностранномъ, кажется, онъ неаполитанскій уроженецъ, во всякомъ случаѣ итальянецъ, владѣлецъ того англійскаго экипажа, о которомъ я вамъ какъ-

те писала. Надѣюсь, впрочемъ, что мой мѣлкій не былъ сегодня утромъ невѣжливъ съ графомъ, иначе онъ получилъ отъ меня порядочный выговоръ. Графъ и кавалеръ будутъ у насъ сегодня пить чай, и я узнаю, что происходило сегодня утромъ въ мастерской снѣра Манчини.

Нѣтъ конца сюрризамъ, которые дѣлаетъ этотъ молодой человекъ. Представьте, онъ написалъ фрески во дворцѣ Торлонія—произведеніе, послужившее праугольнымъ камнемъ для его репутаціи:—графъ называетъ это драгоценностью, а между тѣмъ самъ художникъ объ этомъ мнѣ никогда не говорилъ ни слова. Впрочемъ, это не самая интересная новость. Вы ни за что не отгадаете, что я хочу вамъ сообщить. Признайтесь, вы не воображали, что снѣръ Домениккино могъ бы имѣть свой экипажъ, елибы захотѣлъ. Слушайте же: это цѣлый романъ. Я слышала всю эту исторію отъ графа Фортигуэрры. Паоло есть единственный близкій родственникъ, кажется, внукъ, если не ошибаюсь, значительнаго сановника римской церкви; графъ мнѣ не называлъ его, но этотъ дѣдушка—кардиналъ или скоро будетъ кардиналомъ; онъ очень старъ, очень богатъ, имѣетъ большое вліяніе. Ну, вотъ этотъ епископъ или кардиналъ, не знаю ужъ почему, былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ семействомъ снѣра Манчини, кажется, съ его отцомъ; но по смерти этого послѣдняго кардиналъ сдѣлалъ дружескій шагъ къ примиренію съ Паоло, хотѣлъ даже сдѣлать его своимъ наследникомъ, съ нѣкоторыми условіями, впрочемъ, совершенно благородными. Однакоже эта молодая горячая голова, эта *testa matta*, какъ называетъ его графъ, будучи тогда еще ребенкомъ, отвергнувъ это предложеніе. *Testa matta* (сумасшедшій)—положимъ, но такихъ, навѣрное, найдется не много. Нужно, чтобы человекъ имѣлъ въ себѣ что-то геройское, чтобы рѣшиться отвергнуть богатство и зарабатывать хлѣбъ въ потѣ лица. Признаюсь, что для меня, какъ бы ни были глухи побужденія, заставившія его такъ поступить, самое дѣйствіе это кажется высокимъ и благороднымъ.

По выслушаніи этой исторіи, первую мою мысль было спросить, нѣтъ ли средствъ примирить дядю съ племянникомъ. Графъ сказалъ, что это возможно; онъ постарается подробнѣе разузнать обстоятельства дѣла. Онъ предвидитъ затрудненія, но думаетъ, что ихъ можно будетъ преодолѣть. Онъ лично знаетъ высокую особу, о которой идетъ рѣчь, хотя и не въ короткихъ съ нимъ отношеніяхъ; графъ Фортигуэрра надѣется доставить намъ завтра болѣе подробныя свѣдѣнія, когда пріѣдетъ за нами, чтобы повезти насъ посмотреть фрески м-ра Паоло во дворцѣ Торлонія. Моя тетка еще въ большемъ восторгѣ, чѣмъ я, отъ нашего живописца. Какъ я буду счастлива, если чрезъ мое содѣйствіе этотъ интересный молодой человекъ опять получитъ то положеніе въ обществѣ, на которое онъ имѣетъ право по своему рожденію!

Прощайте до завтра....

Я не стану описывать вамъ фресковъ. Вы подумаете, что я преувеличиваю, если стану описывать то впечатлѣніе, которое они произ-

воли на меня. Забѣчу только, что Діана и Эвдигіонъ написаны въ стилѣ знаменитѣйшихъ древнихъ художниковъ. Перспектива удивительная! Художникъ — говорилъ графъ — повидимому, задалъ себѣ труднѣйшія задачи искусства, чтобы показать, какъ легко ему разрѣшить ихъ. И замѣтите, что это удивительное произведеніе принадлежитъ молодому человѣку двадцати-двухъ лѣтъ! Но я не буду вамъ больше надобѣдать своими восторгамъ. Картины никогда нельзя оцѣнивать по описанію.

Графъ привезъ намъ отличныя вѣсти; немножко воли, немножко денегъ легко уничтожатъ—по-крайней-мѣрѣ какъ ему кажется—всѣ препятствія къ скорому и полному примиренію между враждующими сторонами. Графъ того мнѣнія, что Паоло долженъ сдѣлать первые шаги, по-крайней-мѣрѣ пусть онъ напишетъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ онъ выразилъ бы уваженіе свое къ почтенному родственнику—словомъ, пусть онъ сдѣлаетъ что-нибудь такое, что бы могло заглазить старыя непріятности и показать его доброе расположеніе; во-вторыхъ, нужно имѣть небольшую сумму денегъ, чтобы пріобрѣсть на свою сторону одного довѣреннаго слугу, имѣющаго большее значеніе у епископа. Кажется, всѣ высшіе сановники церкви, даже самъ папа, имѣютъ довѣренныхъ лицъ въ такомъ же родѣ, у которыхъ они часто спрашиваютъ совѣтовъ. Графъ назвалъ какого-то цирюльника Газтанино, который былъ всемогущъ во время какого-то папы. Правда это или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, нашъ епископъ имѣетъ любимаго слугу, и этотъ фаворитъ можетъ и долженъ быть на нашей сторонѣ.

Графъ объявилъ, что онъ любитъ, по его выраженію, играть въ карты открыто и всегда называть вещи ихъ настоящимъ именемъ. Онъ предоставляетъ намъ самимъ рѣшить, не бываетъ ли случаевъ, въ которыхъ бы можно было оправдать подкупъ, и подходитъ ли къ этой категоріи дѣло синьора Паоло. Онъ, съ своей стороны, сознавался, что онъ не былъ бы слишкомъ совѣстливъ въ подобномъ случаѣ, имѣя, конечно, въ виду справедливую и законную цѣль, которой надлежитъ достигнуть.

Мы съ теткой нѣкоторое время оставались въ нерѣшимости, но наконецъ пришли къ заключенію, что не можетъ быть ничего дурного въ дѣлѣ, въ которомъ особа такихъ лѣтъ и такого высокаго положенія въ обществѣ, какъ графъ, не видитъ ничего худого. Графъ прибавилъ, что еслибы не желаніе не предпринимать ничего въ этомъ дѣлѣ безъ нашего содѣйствія и полного одобренія, то онъ бы и не сказалъ намъ объ этомъ презрѣнномъ денежномъ вопросѣ, который, конечно, онъ ужъ возьметъ исключительно на себя. Мы энергически возстали противъ этого и, послѣ долгаго и сильнаго спора, кончили тѣмъ аргументомъ, что, вѣдь, не графъ, а мы считаемъ себя близкими друзьями синьора Манчини. Мы до такой степени боялись, чтобы графъ не сыгралъ съ нами въ этомъ случаѣ какой-нибудь великодушнѣйшей проделки, что заставили его проводить насъ до дому и положить тотчасъ деньги въ карманъ, что онъ сдѣлалъ противъ воли. Онъ не хотѣлъ для начала взять больше ста скуди; ес-

ли нужно будет больше, онъ обещалъ насъ извѣстить. Вы не можете представить себѣ, съ какимъ удовольствіемъ тетка отдала ему эти деньги. Онъ завтра будетъ въ рукахъ того, кому назначены. Графъ предложилъ также—это самый обязательный человекъ—узнать мысли синьора Паоло насчетъ того—желаетъ ли онъ сдѣлать съ своей стороны необходимый шагъ. «Все пропало», подумала я, «если графъ бросится въ эти неизвѣстныя для него страны»; поэтому я успѣла сказать ему, что онъ и то слишкомъ обязателенъ, и что я сама хочу заняться этою стороною дѣла. Я должна проложить себѣ дорогу черезъ тернія и волчцы, но добьюсь своего.

Поведеніе графа въ этомъ дѣлѣ было выше всякой похвалы; онъ выказалъ себя отличнымъ совѣтникомъ и необыкновенно добросердечнымъ; отецъ не хлопоталъ бы такъ горячо для своего сына, какъ онъ для синьора Паоло. Но удивительно, какъ этотъ послѣдній нечувствителенъ къ такой добротѣ. Доменикино необыкновенно холодно къ нему; но онъ долженъ переимѣняться и растаять предъ благодѣяніями этого добрейшаго графа...

Доменикино вчера не былъ, хотя мы его ожидали; поэтому я послала къ нему записку сегодня утромъ и ожидаю его ежеминутно. Я начинаю постигать нѣкоторыя трудности моего предпріятія. Меня мучитъ страхъ и предчувствіе неуспѣха, между тѣмъ какъ вчера я была полна надеждъ и увѣренности. Это дѣло о подкупѣ тревожитъ меня; чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ менѣе могу привыкнуть къ этой мысли. Я вижу теперь, что то, что дурно, не измѣняетъ своей природы и не дѣлается хорошимъ оттого только, что цѣль, къ которой мы стремимся, хороша. Сердце мое дрожатъ, какъ-будто я сдѣлала что нибудь дурное. Уединенная жизнь, которую я веду, не благоприятна ни для тѣла, ни для духа. Судьба этого молодого человека становится для меня чѣмъ-то въ родѣ монomanіи. Я не могу думать ни о комъ и ни о чемъ другомъ; нужно скорѣй покончить съ нимъ и съ этимъ сумасброднымъ планомъ. Надо же было случиться, что графъ Фертигуарра носитъ теперь трауръ, и что никто изъ этихъ князей и маркизовъ не открываетъ своего салона! Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ у насъ будетъ карнавалъ. Я буду въ восторгѣ отъ правдивковъ, баловъ и всякаго рода развлеченій, которыя вытѣснятъ у меня изъ головы этого живописца и его дѣла. Я хочу броситься въ вихрь удовольствій и сдѣлаться прежней Лавиніей,—дѣвушкой, которой удивляются, за которой ухаживаютъ, которая безъ ума отъ танцевъ, любитъ толпу и прекрасна даже между прекрасными. Но тише! я слышу его шага! отчего я дрожу? какъ это глупо!

Ахъ, мой милый другъ, что я надѣлала! Неужели я рѣшительно и безвозвратно помолвлена за этого молодого итальянца? Съ ума ли я сошла? Во снѣ ли я вижу это, или наяву? Какъ это все случилось?—я рѣшительно ничего не понимаю въ этомъ хаотическомъ состояніи, въ которомъ нахожусь. У меня, кажется, лихорадка. Какъ только мои мысли придутъ въ порядокъ, я подыгаюсь вамъ писателемъ все что

знаю и что чувствую. Пожалуйте меня, потому что и действительно несчастна... нѣтъ. нѣтъ, не несчастна, но все мысли мои въ совершенномъ разстройствѣ.

Давнина.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

МАРКИЗА.

Мы совершенно противъ воли прерываемъ дневникъ миссъ Лавини именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ становится наиболѣе интереснымъ, и тѣмъ мучимъ любопытство нашихъ читателей, такъ какъ мы съ авторскою скромностью принимаемъ за несомнѣнное, что читатели живо интересуется узнать, чѣмъ кончилось приключеніе съ нашей героиней. Но въ эту минуту въ сильной степени возбуждено наше сочувствіе другимъ предметомъ; онъ не терпитъ отлагательства. Предоставляемъ судить объ этомъ всякому, кто только одаренъ чувствительностью.

Смятеніе, печаль, ужасъ господствуютъ въ виллѣ Торральба. Мануэлино болѣе не существуетъ! Маркиза всю ночь была на ногахъ, равнымъ образомъ и Пепита, Клелія и весь домъ тѣснился вокругъ интереснаго маленькаго больного, чтобы ухаживать за нимъ и помочь ему насколько это возможно. Все было напрасно, Pallida morte vequo pulsat pede etc. Въ три четверти шестаго часа утра Мануэлино испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ своей безутѣшной госпожи.

Но кто такой Мануэлино? — спросить, можетъ быть, читатель, у котораго слаба память. Мануэлино, это есть—или, лучше сказать, увы! была—единственная въ своемъ родѣ испанская собачка, любимица маркизы, маленькое, драгоценное сокровище, которое сдѣлалось нездоровымъ съ того самаго дня, какъ Клелія въ первый разъ посетила виллу. Мануэлино — утѣшеніе рода человѣческаго, гордость породы собачей!

Маркиза сходитъ съ уха отъ горя; сердце ея разбито; у нея слезы; нужно было употребить нѣкоторое насиліе, чтобы не допустить ее оставить свою постель и идти въ сосѣдную комнату, гдѣ тѣло покойнаго положено было на ея парадное ложе. Она должна еще разъ поцѣловать его! «Нѣтъ, нѣтъ, это васъ убьетъ, синьора!» говорятъ, обливаясь слезами, вѣрная Пепита. «Это васъ убьетъ!» повторяютъ въ одинъ голосъ все присутствующіе. Эта сцена могла бы разжалобить самое каменное сердце. Одеколонъ, притиранья, эликсиры, бальзамическій укусъ; спирты, вина, ликеръ, супъ, шоколадъ—все было употреблено, но безъ пользы: мадамъ чувствуетъ себя все хуже и хуже. Гонцы летятъ по всемъ улицамъ Рима—созывать членовъ медицинскаго факультета.

— Ради Бога, синьора, успокойтесь!—говоритъ Пепита, утоманъ въ слезахъ,—придите къ себѣ, нѣзъ любия къ нему. Подумайте, какое зло бы бы сдѣлала маленькому Мануэлино, если бы онъ могъ видѣть Васъ въ такомъ положеніи... о мой Боже! — Этотъ намекъ имѣлъ разрушительную силу. Новая мысль одушевляетъ ее; она встаетъ; а

служанки; въ тревогѣ, толпятся вокругъ нея. Успокойтесь вѣрные свидѣтели ея горести: мадамъ съумѣетъ одѣржать верхъ надъ собою, мадамъ успокоилась.

— Дайте ваши руки, Пепита, Клеція!

И маркиза сходитъ въ садъ, чтобы выбрать мѣсто, гдѣ должны покоиться останки ея фаворита. Къ несчастью, этотъ садъ былъ полонъ воспоминаній о дорогомъ покойникѣ. Ни здѣсь, ни тамъ, ни подалее. Ахъ! здѣсь, въ тѣни липы! Доктора пріѣзжаютъ одинъ за другимъ и видятъ, что мнимая больная прыгаетъ по саду, изъ одной аллеи въ другую, съ папирской во рту. Достойные сыны Ишпората пожимаютъ плечами, владутъ покойно гонарарій въ карманъ, и поспѣшно удаляются.

— Мануэлино не будетъ зарытъ въ землю какъ... мадамъ хотѣла сказать какъ собака, но во-время удержалась. Памяти его воздадутся должныя почести: всѣ знакомыя Мануэлино собаки будутъ присутствовать на его похоронахъ. Пусть сейчасъ же явится секретарь маркизы: нужно сейчасъ же написать друзьямъ ея письма съ извѣщеніемъ о печальномъ событіи и съ просьбою, чтобы тѣ, у которыхъ есть собаки, прислали бы ихъ на другой день къ полудню, для принятія участія въ погребальномъ шествіи. Надъ гробницею Мануэлино будетъ возвышаться памятникъ, украшенный безцѣннымъ его изображеніемъ. Поскорѣй съѣзжать лѣпильщика, чтобы снять форму этого дорогого созданія,—художника, который бы могъ изобразить черты его на полотнѣ,—скульптора, который могъ бы увѣковѣчить его красоту, отпечатлѣвъ ее на мраморѣ.

Но, нѣтъ! пусть никто не трогаются съ мѣста; неприлично поручать наемникамъ такія важныя заботы. Маркиза рѣшила, что она обязана сама заняться всѣмъ этимъ. «Заложить коляску!» И она полегла съ быстротою молніи.

Уже было далеко за полдень, когда вернулась прекрасная владѣтельница виллы. Она привезла съ собой художника, скульптора и лѣпщика. Легкій экипажъ былъ заваленъ кучею крѣпа. До двадцати особъ, званныхъ къ обѣду, ждали пріѣзда маркизы. Но кто въ такихъ обстоятельствахъ можетъ думать о гостяхъ? Всѣ позабыли о нихъ, всѣ, выключая—къ ихъ счастью—повара. Маркиза очень граціозно извиняется, рассказываетъ, съ глазами, полными слезъ, ужасную катастрофу, увлекается собственными словами и кончаетъ тѣмъ, что, забывъ причину своей горести, дѣлается душою общества.

На другой день утромъ въ виллѣ Торральба происходила величественная, трогательная и печальная церемонія. Пятьдесятъ-семь собакъ, кромѣ собакъ маркизы, въ числѣ семнадцати, всего семьдесятъ-четыре собаки всѣхъ величинъ, породъ и цвѣтовъ, всѣ обернутыя крѣпомъ, въ сопровожденіи всѣхъ служителей въ глубокомъ траурѣ, шли за тѣломъ Мануэлино къ мѣсту его послѣдней кануры. Пепита и Іеронимо, старый дворецкій, играли главную роль, за отсутствіемъ маркизы, которая изъявила было желаніе сама идти во главѣ кортежа и пошла, но не выдержала... упала въ обморокъ. Человѣческое мужество имѣетъ предѣлы. Пепита и Іеронимо своими руками сло-

жили бранные останки Мануэлито въ тщательно-приготовленную гробницу; они положили на трупъ собачонки ея ошейникъ изъ краснаго бархата, ея позолоченный намордникъ, серебряное блюдо, съ гравированнымъ вензелемъ ея, съ котораго она ѣла столько вкусныхъ кушаньевъ, ея салфетку, ея... но опустимъ занавѣсъ на эту часть сцены. Къ чему такъ долго останавливаться на этихъ, столь грустныхъ, подробностяхъ?

Присутствовавшія собаки вели себя такъ прилично, какъ только могла желать бѣдная маркиза; ихъ сильная горестъ была сдержана въ предѣлахъ приличія. Наиболѣе огорченныя собаки были, конечно, однокашники Мануэлито; ихъ скорбь была столь велика, что въ ту минуту, когда тѣло его было брошено въ могилу, съ ними нельзя было справиться: они дѣлали тысячу разныхъ усилій, чтобы бѣжать отъ столь печальнаго зрѣлища. Но, согласно программѣ, имъ оставалось отлатъ еще послѣдній долгъ умершему, и не было ни одного изъ присутствовавшихъ, котораго глаза не увлажились слезами въ ту минуту, когда, по данному знаку, товарищи Мануэлито испустили троекратный лай—послѣднее прощаніе съ дорогимъ покойникомъ. Все было кончено...

Нѣтъ, еще не все. Послѣ похоронъ всѣ приглашенныя собаки были угощены великолѣпнымъ, нарочно приготовленнымъ для нихъ, обѣдомъ. Послѣ столькихъ волненій, онѣ, конечно, имѣли нужду подкрѣпить себя. Маркиза присутствовала на погребальномъ угощеніи съ обычною граціей. Но каково было состояніе ея духа и сердца — это легче вообразить себѣ, чѣмъ описать. Полчаса спустя, виλλα Торральба опять приняла прежній свой видъ. Такъ переходитъ слава міра сего!

Послѣ обѣда благородная креолка, поставившая себѣ долгомъ не выходить никуда въ этотъ день, вѣроятно, находя свое заключеніе порядочно скучнымъ, пришла въ швейную комнату, чтобы поговорить съ Кледіей (что помѣтимъ въ скобкахъ) случалось очень рѣдко въ послѣднее время.

Маркиза такъ хорошо оправилась послѣ удара, причиненнаго ей смертью собачки, или, лучше сказать, такъ умѣла владѣть своимъ горемъ, что не сдѣлала ни малѣйшаго намека на горестную утрату, которую она понесла; напротивъ, она говорила только о предметахъ легкихъ и веселыхъ, распространяясь особенно о достоинствахъ князя Рокка Джинестра, одного изъ лицъ, бывшихъ у ней на послѣднемъ вечерѣ. Какой прекрасный мужчина! какъ онъ дивно аккомпанируетъ! какой у него чудный теноръ! Знакома ли Кледія съ княземъ Рокка Джинестра? Кледія отвѣчаетъ, что у нея нѣтъ знакомствъ между князьями, но она видѣла князя.

— Еслибы только,—прибавила маркиза,—можно было уговорить его присоединиться къ труппѣ любителей въ виллѣ Торральба,—это было бы драгоценнымъ приобрѣтеніемъ! Кстати, театръ почти конченъ, гдѣ же живописецъ, котораго вы рекомендовали для расписыванія декорацій? Кледія отвѣчаетъ, что онъ явится завтра же, если это угодно синьо-

рѣ. Клелія не смѣла напомнить объ этомъ при столь грустныхъ событіяхъ.

— Нужно мужественно переносить зло, котораго нельзя избѣжать, илюе дитя мое,— философски замѣтила маркиза, покачивая своей прекрасной головкой, какъ бы давая замѣтить, что она сбрасываетъ съ себя свое горе.— Приведите завтра же вашего живописца: мнѣ очень любопытно видѣть, какого ты выбрала себѣ прекраснаго любовника...

— Моего жениха! вы хотѣли сказать, маркиза,— замѣтила Клелія, сильно покраснѣвъ.

— Ахъ, Боже мой! отчего ты покраснѣла?—возразила маркиза, смѣясь. Женихъ или любовникъ—не все ли равно?

Вслѣдствіе этого разговора, на другой день въ девять часовъ Клелія и Сальваторъ торопливо вышли изъ воротъ дель-Пополо и направились по дорогѣ въ виллу Торральба. Продолжая свой путь, Клелія рассказывала Сальватору обо всѣхъ подробностяхъ, извѣстныхъ читателю, чтобы познакомить жениха своего съ характеромъ его новой покровительницы. Сальваторъ слушалъ ее съ нѣмымъ удивленіемъ, прерывая молчаніе отъ времени отъ времени только взыривомъ неудержимаго смѣха и столь же неудержимую потребностью цитировать отрывки изъ оперъ. Погода была прекрасная; воздухъ благоухалъ; на каждомъ деревѣ раздавалось щебетанье птицъ; по тропинкамъ бѣгали дрозды. Клелія и Сальваторъ не видѣлись уже около недѣли, и въ эту минуту сердца ихъ наполнены были самыми сладкими надеждами. Чтô же удивительнаго въ томъ, что оба они были веселы и что рассказъ, вмѣсто того, чтобы идти плавно, былъ прерывистъ и непослѣдователенъ? Отъ скорой ходьбы и увлеченія разговора лицо Клеліи разгорѣлось. Самый искусный куафѣръ не могъ бы убрать ея роскошныя волосы и накинуть на голову черную вуаль съ большею ловкостью, чѣмъ это сдѣлалъ утренній вѣтерокъ; она была такъ прекрасна въ своемъ ситцевомъ платьѣ, правда, полдняшемъ, но чистенькомъ, и въ своей совѣмъ поношенной мантильѣ, что Сальватору, съ восхищеніемъ смотрѣвшему на рассказщицу, простительно было терять иногда нить рассказа и просить Клелію начать его снова.

Самъ маленькій живописецъ, въ широкомъ бѣломъ галстухѣ, съ огромными воротничками рубашки, въ черномъ спортухѣ (лучшемъ изъ гардероба Паоло), который висѣлъ у него до пятокъ и въ которомъ онъ выступалъ съ какою дивною смѣсью врожденной комичности и заимствованной важности, былъ до такой степени забавенъ, что Клелія, по временамъ, не могла удержаться отъ громкаго смѣха и говорила ему.

— Ахъ, мой бѣдный Сальваторъ, какую ты сдѣлалъ изъ себя фигуру!

На это замѣчаніе Сальваторъ останавливался, осматривалъ себя съ ногъ до головы, и отвѣчалъ съ важностью:

— Поды моего платья, быть можетъ, немножко длинны, но, по-моему, лучше грѣшить избыткомъ, чѣмъ недостаткомъ, милая Клелія. Я вполне увѣренъ, что въ этомъ костюмѣ я имѣю видъ весьма почтенный,

весьма парадный. Ты увидишь, я произведу впечатлѣніе на маркизу.

— Боюсь, чтобы это впечатлѣніе не имѣло смѣшного характера, — сказала Клелія.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! — вскричалъ Сальваторъ, — тогда я буду увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. Тотъ, кто смѣшить, всегда будетъ хорошо принятъ.

Клелія кончила все, что хотѣла сказать о синьорѣ, и маленькій живописецъ сказалъ о ней свое мнѣніе: очевидно, маркиза подходила къ словамъ опоры:

Che sia forse ossessa o matta;

Mi da molto a sospettar.

Другими словами: синьора была немножко рехнувшись. Клелія не раздѣляла такого мнѣнія; по ея словамъ маркиза была въ полномъ умѣ, и даже имѣла очень довольно этого товара, но она была капризна, съ фантазіями, какъ всѣ знатные люди, у которыхъ много денегъ и свободнаго времени. Клелія познакомилась съ людьми этого рода, когда она работала у Біанкини, знаменитаго рѣзчика камней; она видѣла, какъ эти господа и дамы, только что выбравъ одну камю, уже оказывали предпочтеніе другой, и когда имъ посылали ту, которой имъ хотѣлось, страсть ихъ къ камнямъ проходила, и они ждали чего нибудь другого.

— Насколько я могу судить, — глубокомысленно замѣтила Клелія, — желаніе получить что-нибудь усмливается отъ затрудненій. И если для обладанія какимъ нибудь предметомъ требовались съ нашей стороны хлопоты и усилія, то мы тѣмъ больше его цѣнимъ и тѣмъ больше радуемся, когда его получимъ. Но тѣ, которымъ стоить только пожелать, чтобы имѣть, не чувствуютъ никакого удовольствія отъ исполненія своего желанія; слѣдовательно, они не интересуются ничѣмъ въ особенности и не могутъ имѣть желаній; у нихъ есть только капризы.

— Это совершенно такъ, — возразилъ Сальваторъ. — Слѣдовательно... Но позволю сперва замѣтить тебѣ, что твоя мантія перемѣнилась цвѣтъ: изъ черной она сдѣлалась красною.

— Нисколько, — прервала его Клелія.

— Что вотъ уже шесть мѣсяцевъ, — продолжалъ Сальваторъ, какъ она дѣлается съ каждымъ днемъ все легче и легче, и шесть мѣсяцевъ я имѣю желаніе подарить тебѣ новую.

— Нѣтъ, ты ошибаешься, — отвѣчала Клелія, — ее нужно только немножко починить; но у меня нѣтъ пока свободнаго времени.

— Мое мнѣніе діаметрально-противоположно твоему, — спокойно возразилъ маленькій живописецъ; — тебѣ нужна новая мантія — и ты ее будешь имѣть. Но теперь позволю мнѣ продолжать. Я говорилъ, что, напримѣръ, счастье, которое я испытывалъ и испытываю, собирая деньги по копѣйкамъ, чтобы купить тебѣ эту вещь, и воображая себѣ твое милое личико, когда ты ее получишь, чрезвычайно велико, увѣряю тебя. Но если бы у меня всегда были въ карманѣ двадцать скуап, или хоть десять, я бы не испытывалъ никакого удовольствія, откладывая для тебя два. Какъ ты думаешь?

— Развѣ же не — какъ угодно тебѣ называть — милое личико, получить

твоей подарокъ, не будетъ такъ же хорошо, какъ и вредно? Вреченъ, гдѣ, ты самъ имѣешь нужду въ этихъ деньгахъ, потому-что твои локти совсѣмъ порвались, мой бѣдный Сальваторъ.

— Все не настолько, какъ ты воображаешь, моя милая. Моя черная бархатная вешетка нуждается въ самой небольшой поправкѣ, чтобы имѣть видъ новой.

— Твое бѣлье въ плачевномъ состояніи: ты едва имѣешь дѣйствительныя, а твои чулки—это ужасъ!

— Что касается до чулокъ, то я обдумываю радикальную реформу въ этомъ отношеніи. Я считаю ихъ скорѣе за предметъ роскоши, чѣмъ... Смотри, смотри: два дрозда!

Видъ дроздовъ всегда возбуждалъ въ Сальваторѣ страшное волненіе.

— Жаль, что у тебя нѣтъ въ карманѣ соли,—сказала Клелія, смѣясь.

— Полно смѣяться,—замѣтилъ Сальваторъ,—о чемъ-бышь я хотѣлъ говорить? Я увѣренъ, что о чемъ-то прекрасномъ и чрезвычайно философскомъ.

— О чулкахъ и дроздахъ,—замѣтила молодая дѣвушка.

— О насмѣшливыхъ дѣвчонкахъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, не исключая бѣлыхъ галстуковъ, парадныхъ депутатскихъ костюмовъ... Кукареку-у!

— Полно, не дурачься! Пойдемъ скорѣе.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать,—возразилъ Сальваторъ жалобнымъ тономъ.—Невозможно идти скорѣе съ этой проклятой прибавкой къ одѣянію, которую я долженъ тащить за собой!

Панталоны Паоло были, посредствомъ складки, наскоро приспособлены къ коротенькимъ ножкамъ Сальватора; но въ это время складка на лѣвой ногѣ распустилась и тащилась въ пыли на добрыхъ двѣнадцать дюймовъ, заставляя его спотыкаться на каждомъ шагу.

— Дай Богъ терпѣнія!—вскричала Клелія, сдѣлавъ маленькую гримасу.—Какъ эти мужчины неловки!

И, ставъ на одно колѣно, она начала прищипывать булавками неприятный излишекъ матеріи, завернувъ его внутрь.

— Ты одна изъ самыхъ ловкихъ, самыхъ милыхъ, самыхъ любезныхъ, самыхъ очаровательныхъ женщинъ, которыя когда-либо выпадали на долю такой безмозглой обезьяны, какъ я. Я долженъ поцѣловать тебя за труды.

— Оставь!—вскричала Клелія,—развѣ ты не видишь, что у воротъ кто-то стоитъ.

— Я вижу двухъ лошадей, которыя едва-ли стануть сплетничать,—возразилъ Сальваторъ.

— Но при нихъ стоитъ человекъ, можетъ быть, это грумъ маркизы. Если мадамъ увидѣтъ не видѣвши тебя, то, Богъ знаетъ, когда тебѣ удастся представиться ей!

Если бы боязнь не застать маркизу не сдѣлала бы Клелію разсѣянною, она тотчасъ бы замѣтила, что грумъ при лошадяхъ не принадлежитъ къ числу слугъ маркизы, и что обѣ лошади ослѣплены. Что касается до Сальватора, то онъ всегда былъ плохимъ на-

блюдателемъ и меньше всего былъ способенъ замѣтить что-нибудь теперъ, когда, какъ онъ думалъ, дѣло шло объ его участи.

Клелія оставила его внизу мраморной лѣстницы, а сама отправилась искать свою госпожу. Напрасно обогла она всѣ комнаты дома: ея не было. Пепита не видала ея больше часу. Клелія, въ крайнемъ волненіи, побѣжала по потаенной лѣстницѣ прямо къ гробницѣ Мануэлито: и тамъ не было маркизы. Клелія обѣгала садъ и уже, отчаяваясь въ успѣхѣ, рѣшилась прекратить поиски, какъ вдругъ ей пришла въ голову мысль—пойти въ галерею для тира, гдѣ маркиза часто забавлялась стрѣльбою.

Галерея шла вдоль садовой стѣны, позади дома. Дверь была чуть-чуть открыта. Клелія просунула голову въ нее и, замѣтивъ, что маркиза говорила съ какимъ-то незнакомымъ ей мужчиной, поспѣшно повернула назадъ. Лывица, пойманная въ своей берлогѣ, не имѣла бы вида болѣе страшнаго, чѣмъ какой былъ у маркизы, бросившейся за Клеліей.

— Что это за дерзость? — вскричала она, громовымъ голосомъ — Какъ смѣете вы беспокоить меня подобнымъ образомъ?

Бѣдная Клелія была болѣе мертва, чѣмъ жива; она униженно извинилась; она пришла сказать, что живописецъ декораций ждетъ приказаній маркизы.

— Чортъ бы васъ побралъ, тебя и твоего живописца! — вскричала разъяренная маркиза. — Убирайтесь прочь оба! я не имѣю надобности въ немъ и ни въ комъ другомъ.

Молодая дѣвушка не ждала дальнѣйшихъ приказаній и пустилась бѣжать.

Лицо Сальватора значительно удлинилось, когда онъ узналъ несчастную перемѣну въ расположеніи духа маркизы, разрушившую зданіе его будущаго величія. Впрочемъ онъ выразилъ твердую увѣренность, что если бы синьора увидѣла его, онъ произвелъ бы на нее такое впечатлѣніе, которое дало бы другой оборотъ дѣлу. Но при настоящемъ положеніи вещей, онъ признавался, что ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ отретироваться. Кромѣ того, такъ какъ синьора Пентезилея ничего не дѣлала вполнѣ, и немилость, оказанная Сальватору или Клеліи, должна была поразить ихъ обоихъ, то не лучше ли будетъ и Клеліи уйти съ нимъ и смотрѣть на дроздовъ сколько душѣ угодно? Какъ она объ этомъ думаетъ?

Первою мыслью Клеліи было уйти; но, подумавъ немного, она рѣшилась остаться. Синьора была женщина живаго, причудливаго характера, но вмѣстѣ она была и добра, и можно было надѣяться, что она раскается въ своемъ гнѣвѣ, или, что еще вѣроятнѣе, позабудетъ вовсе о случившемся и снова будетъ пользоваться услугами Клеліи, какъ ни въ чемъ не бывало. Итакъ Сальватору слѣдовало возвратиться одному. Такъ онъ и сдѣлалъ, напѣвая вполголоса изъ оперы, ходившую къ обстоятельствамъ арію.

Клелія, съ своей стороны, тихонько пробралась въ свою комнату и принялась работать, насколько позволяли ей дрожащія руки ея.

Не прошло и получаса, какъ она получила приказаніе какъ можно поспѣшнѣ явиться къ маркизу.

Она не замедлила повиноваться и послѣдовала за Пепитой, которая передала ей приказаніе.

Приведенная къ мѣсту, гдѣ покоились останки Мануэлито, Клелія застала свою госпожу на скамейкѣ подъ тѣнью липы. Маркиза надо признаться, замѣтно смущенная, спросила:

— Ну, гдѣ же живописецъ декораций?

Клелія, изумленная столь неожиданнымъ вопросомъ, робко отвѣчала, что живописецъ декораций уже ушелъ.

— Ушелъ!—вскричала маркиза, быстро приподнявшись и топнуть ногою. Здѣсь, кажется, все потеряли голову. Что это, заговоръ? хотятъ погубить меня? Я требую живописца декораций, онъ приходитъ, а хочу его принять—а мнѣ говорятъ, что онъ уже ушелъ! Ахъ, все идетъ худо съ тѣхъ поръ, какъ я потеряла бѣднаго Мануэлито! И она залилась слезами.

— Не плачьте, пожалуйста, сеньора!—сказала Клелія умоляющимъ тономъ,—я чрезъ минуту приведу его къ вамъ. И она быстро побѣжала.

— Куда бѣжить эта дѣвушка?—вскричала маркиза. — Или вы не понимаете, что вамъ не догнать его, если вы пойдете вѣшкомъ? Пепита! вели запретъ лошадей и поѣзжай съ нею—живо!

Экипажъ былъ немедленно поданъ и Клелія съ Пепитой отправилась догонять Сальватора. Онѣ нашли его очень не въ далекомъ разстояніи: онъ сидѣлъ на камнѣ и съ живѣйшимъ интересомъ наблюдалъ за игрою нѣсколькихъ дроздовъ на лужайкѣ, подлѣ дороги. Объяснить ему чего отъ него хотятъ, посадить его въ экипажъ и привезти съ триумфомъ въ виллу — все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Сальваторъ не показалъ себя очень удивленнымъ такимъ оборотомъ колеса фортуны, и только съ особенною выразительностью пропѣлъ два столь извѣстные стиха изъ «Севильскаго Цирюльника»:

Donne, donne,—eterni dei! —

Chi v'arriva a indovinar?

(Женщины, женщины—вѣчные боги! —

Кто въ состояніи васъ разгадать?)

Предсказаніе Клеліи вполнѣ исполнилось. Впечатлѣніе, произведенное ею другомъ на сеньору выразилось взрывомъ безграничной веселости. Маркиза дѣлала все усилія, чтобы удержаться, но напрасно, на нее находили одинъ за другимъ припадки смѣха. Сальваторъ смѣло выдержалъ испытаніе, онъ даже немигнулъ и, повидимому, былъ погруженъ въ артистическое обозрѣніе мѣстности. Мало по малу припадокъ смѣха маркизы сталъ утихать и она могла говорить:

— Вы, кажется, живописецъ декораций,—сказала она вдругъ.

— Извините, сеньора маркиза, я пейзажистъ въ родѣ Сальватора-Розы; но я, при случаѣ, рисую и декорации.

— Для какого театра вы работали?

— Ни для какого,—сказалъ Сальваторъ,—но я рисовалъ декорации для домашнихъ представленій.

— Это советить не то! — возразила маркиза. — Мне нужен самый лучший живописец декораций, который бы вполне был знакомъ съ этимъ дѣломъ.

— Я вполне знакомъ со всѣмъ, что касается декораций, — возразилъ Сальваторъ, убѣдительною тономъ.

— Но гдѣ же доказательства?

— Испытайте меня, — лаконически отвѣчалъ художникъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ. Теперь одиннадцать часовъ. Я вамъ даю срокъ до шести часовъ, чтобы вы могли представить образчикъ вашего таланта.

— Мне больше и не нужно, — отвѣчалъ Сальваторъ, — то есть, если готовы всѣ необходимые матерьялы.

— Ничего нѣтъ готоваго, — возразила прекрасная креолка. — Возьмите эскизъ, поѣзжайте въ городъ, и купите все, что вамъ нужно.

— Полотно надлежащаго размѣра, — возразилъ Сальваторъ, — требуется нѣкотораго времени для подготовки.

— А между тѣмъ время и есть именно та вещь, которой я не могу дать. Развѣ вы пишете только на полотнѣ?

— На чемъ вамъ угодно, — сказалъ Сальваторъ, дѣлая удареніе на этихъ словахъ.

— А на выбѣленной стѣнѣ? — спросила маркиза.

— И на выбѣленной стѣнѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Такъ ступайте за мною! И она повела художника въ галерею, устроенную для тира, гдѣ часть стѣны, за мишенью, была недавно выбѣлена. — Вотъ вамъ полотно, — сказала она, указывая пальцемъ на стѣну. — Поторопитесь и помните, что декорационная живопись должна производить эффектъ издали, а вблизи она должна представляться безобразною пачкотнею. Сальваторъ проворчалъ сквозь зубы что-то весьма непочтительное о людяхъ, которые льютъ воду въ рѣку, и, поклонившись, простился съ своей благородной покровительницей. Намъ нѣтъ надобности слѣдовать за нимъ ни когда онъ ѣдетъ въ Римъ, ни когда онъ возвращается оттуда въ галерею тира. Оставимъ его теперь, когда онъ надѣлъ какую-то новаго рода блузу изъ сафетокъ, припшпаченныхъ къ его платью, чтобы предохранить отъ пятенъ черный сюртукъ Паоло, и принялся за свою работу, напѣвая арию изъ оперъ.

Скажемъ только, что раньше назначеннаго срока Сальваторъ кончилъ большую картину, представлявшую тропическій пейзажъ. Это была мастерская выдумка, имѣвшая цѣлью приобрести расположеніе особы, родившейся подъ знойнымъ поясомъ. На первомъ планѣ виднѣлись пальмы и бананы, далѣе — развалины храма, полузакрытаго огромными кактусами, и на горизонтѣ — молодой кедровый лѣсъ. Вотъ, въ краткихъ чертахъ очеркъ этого замѣчательнаго произведенія. Для разнообразія колорита, художникъ щедро разбросалъ тамъ и сямъ красные цвѣты, величиною съ дыню, и придалъ картинѣ жизнь, включивъ туда нѣкоторое количество обезьянъ и попугавъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ.

Представляю читателю судить объ аплодисментахъ и радост-

ныхъ крикахъ маркизы при видѣ этихъ знакомыхъ ей деревьяръ, обезьянъ и попугаевъ. Вся домашняя челядь была созвана, чтобы удивляться этому мастерскому произведенію. Воспоминанія подѣйствовали на синьору такъ могущественно, что она готова была падать свои чувства потоками слезъ. Къ счастью, въ эту минуту глаза ея случайно остановились на Сальваторѣ; обвѣяннымъ салюетками, и ея рыданія уступили мѣсто неудержимому хохоту. Наконецъ, когда, подойдя поближе, она увидѣла, что ея идеаль безобразія, которое должна была имѣть картина, разсматриваемая вблизи, вполне осуществленъ, восторгъ ея не имѣлъ предѣловъ. Никогда еще не бывало живописца, который бы могъ сравниться съ ея живописцемъ.

А когда было возвѣщено, что обѣдъ поданъ, маленькаго живописца съ его невѣстой усадили противъ знатной маркизы и угощали самыми изысканными лакомствами, самыми дорогими винами съ такою настойчивостью, какъ-будто теперь его обязанности было наѣсться и напиться до апоплексіи.

Сальваторъ ѣлъ и пилъ какъ человѣкъ, позавтракавшій копѣечною булкой въ восьмомъ часу утра. Онъ отпуская остроты и цитировалъ оперы съ увлеченіемъ человѣка, по природѣ веселаго и, притомъ, еще поощряемаго успѣхомъ и перспективою счастья. Маркиза въ сотый разъ объявляла, что нѣтъ въ мірѣ существа, болѣе забавнаго. Клеин говорила мало, но, вѣроятно, она была не менѣе счастлива. Такимъ образомъ, между прочимъ, было рѣшено, что новый ординарный живописецъ декораций маркизы вступить въ отправленіе своей должности съ завтрашняго дня.

Уходя домой, Сальваторъ сказалъ Клеин торжествующимъ тономъ:

— Ну, не правду ли я говорилъ, что мнѣ стоитъ только показаться, чтобы произвести на синьору благопріятное впечатлѣніе?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Дневникъ Лавини.

«Дорогая леди Августа!

«Я начинаю чувствовать себя уже настолько спокойною, что могу представить вамъ вразумительный отчетъ о томъ, что произошло. Двадцать четыре часа размышленія, вмѣстѣ съ благосклонными совѣтами и нѣжностью моей тетки, успокоили первыя волненія моей души. Сегодня я ясно вижу свое положеніе и совершенно примиряюсь съ нимъ. Чтобы быть откровенною, я должна сказать, что сама его подготовила. При моемъ стараніи быть пріятною, при усердіи служить другимъ, я поощрила такія надежды, которыя теперь не имѣю духа разрушить. Во всякомъ случаѣ, я этого не сдѣлала тогда когда должна была сдѣлать. Стеченіе странныхъ обстоятельствъ до того застало меня врасплохъ, что когда эти надежды облеклись въ слова и заявили свое существованіе, все присутствіе духа меня оставило, я не находила другихъ словъ, кромѣ такихъ, которыя страсть

легко могла истолковать въ свою пользу. Не судите меня слишкомъ строго, не обвиняйте въ глупой слабости: онъ показалъ себя столь благороднымъ, онъ былъ такъ нѣженъ, такъ почителенъ, такъ несчастенъ! онъ... Но я вамъ обѣщала объяснить все ясно и точно, а сама предлагаю загадки. Будьте ко мнѣ снисходительны; я еще не вполне пришла въ себя, такъ что мои мысли невольно путаются въ безконечныхъ отступленіяхъ.

«Конецъ моего послѣдняго письма къ вамъ — я говорю не о послѣднемъ, написанномъ съ поспѣшностью, а о самомъ письмѣ—долженъ былъ ясно представить вамъ то состояніе, въ которомъ я находилась, когда доложили о приходѣ сеньора Паоло. Везъ преувеличенія, я дѣйствительно почти потеряла голову. Когда я, потомъ, подумала о моемъ волненіи, такъ мало соответствовавшемъ причинѣ и столь неестественномъ при моемъ легкомысленномъ характерѣ, я не могла оттолкнуть отъ себя мысли, что мной овладѣло таинственное предчувствіе какого-то рѣшительнаго событія. Онъ, кажется, съ перваго же взгляда замѣтилъ мое смущеніе, потому что тотчасъ же спросилъ—не больна ли я, или не случилось ли со мной какой нибудь непріятности. При моемъ затруднительномъ положеніи я ухватилась за это слово и сказала ему: «да, я огорчена кое-чѣмъ, касающимся васъ». Эти слова, повидимому, произвели на него тягостное впечатлѣніе. «Вы не убѣждаете, надѣюсь?» спросилъ онъ съ поспѣшностью. Голосъ его дрожалъ. «О, нѣтъ еще!»—отвѣчала я. Вы не можете себѣ представить, какъ просіяло его лицо и какъ загорѣлись глаза его.—Вы меня ужасно испугали, — сказалъ онъ и затѣмъ прибавилъ, что готовъ выслушать все, что ему ни скажутъ, какъ бы дурно ни было это извѣстіе.—Чтобы помѣшать вашему воображенію такъ же обмануться и въ другой разъ,—начала я,—лучше будетъ, если я вамъ скажу безъ всякихъ предисловіи, что у меня къ вамъ есть просьба, что я должна просить васъ объ одолженіи.

— Просьба, одолженіе! — вскричалъ онъ. — Говорите ради Бога. Неужели васъ тревожитъ боязнь, чтобы я не отказалъ вамъ? Последнія слова были произнесены съ ободряющей улыбкой.

— Именно,—отвѣчала я,—мнѣ очень и очень нужно, чтобы вы сдѣлали мнѣ это одолженіе, и я сомнѣваюсь, чтобы вы на это согласились.

— Испытайте меня въ чемъ вамъ угодно, — сказалъ онъ, снова улыбаясь.

— Вы знаете, не правда ли,—продолжала я, скрывая подъ видомъ веселости все болѣе и болѣе возраставшее во мнѣ безпокойство,—что женщины отъ природы суетны и не могутъ отказаться отъ искушенія—выставить себя немножко дипломатками?—Онъ серьезно смотрѣлъ на меня, какъ бы желая угадать мои слова, прежде чѣмъ я ихъ произнесу.—Ну вотъ и мнѣ вздумалось взять на себя роль примирительницы. Маленькая птичка нащелкала мнѣ въ уши, что существуетъ какой-то разладъ между вами и однимъ изъ членовъ вашей фамиліи, лицомъ почтеннымъ и добрымъ, который... Дальше я не смѣла продолжать: лицо моего собесѣдника вдругъ страшно измѣ-

шло; кроткое выраженіе его сдѣлалось грознымъ; брови сдвинулись, губы и ноздри дрожали отъ гнѣва и презрѣнія.

Вы желаете говорить мнѣ о монсиньорѣ Родигани, объ этомъ достойнѣйшемъ прелатѣ и добрѣйшемъ изъ людей?

Въ его словахъ было столько горечи, что, вмѣсто отвѣта, я сдѣлала только утвердительный знакъ головою.

— Могу ли спросить у васъ, синьорина, кто вамъ открылъ объ этомъ родствѣ?

Я не считала себя въ правѣ сказать ему это, и молчала.

— Ужь, конечно, графъ,—продолжалъ онъ.—Это очень похоже на его продѣлки. По какому праву этотъ шутъ вмѣшивается въ мои собственныя дѣла?

Эта манера выражаться такъ объ уважаемомъ благородномъ лицѣ возбудила во мнѣ негодованіе и возвратила мнѣ все мое мужество.

— Пропу васъ, синьоръ Паоло, выражаться въ моемъ присутствіи съ большею вѣжливостью о человѣкѣ, котораго я искренно уважаю. Знайте же, если вамъ угодно, что единственное лицо, которое осмѣлилось вмѣшиваться въ ваши дѣла, это — я. Итакъ, на меня одну должна обрушиться вся тяжесть вашего гнѣва, потому что оскорбленіе, если оно есть, исключительно сдѣлано мною.

— Извините мою вспыльчивость,—отвѣчалъ онъ, самымъ покорнымъ тономъ.—То, что я говорилъ, не относилось, не могло относиться къ вамъ. Ваши побужденія, я знаю, могли быть только самыя чистыя, самыя благородныя. Угодно вамъ сказать, чего вы отъ меня желаете?

Эти слова были произнесены съ такою кротостью, съ такимъ спокойствіемъ, что для меня блеснулъ лучъ надежды выйти еще побѣдительною изъ этой борьбы. Поэтому я отвѣчала:

— Хотя вашъ тонъ не слишкомъ обнадеживаетъ меня, но это не помѣшаетъ мнѣ сдѣлать то, что я считаю своимъ долгомъ. Вы меня выслушаете—не правда ли?

Онъ не отвѣчалъ ни слова, и я продолжала:

— Я совершенно понимаю, что вы имѣете, или воображаете, что имѣете, законныя причины жаловаться на родственника, о которомъ мы говоримъ. Я хочу даже думать, что всѣ права на вашей сторонѣ. Но развѣ прощеніе обидъ не есть самое высокое преимущество благородной души? Епископъ старъ, слабъ и, по всей вѣроятности, раскаявается въ своихъ поступкахъ; можетъ быть, при мысли о близкой смерти, у него родилось желаніе—помириться съ единственнымъ своимъ родственникомъ. Можете ли вы, захотите ли вы отнять у него это послѣднее утѣшеніе?

— Если онъ такъ нуждается въ этомъ утѣшеніи, — сказалъ сухо Паоло,—пусть онъ обратится ко мнѣ, и я увижу что мнѣ слѣдуетъ дѣлать.

Я отвѣчала:—Ваши слова высокомерны и, къ сожалѣнію, лишены чувства. Человѣкъ въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ званіи, можетъ быть, не рѣшится сдѣлать самъ первый шагъ, если онъ не знаетъ, какъ это будетъ принято. Уничтожьте такую неизвѣстность. Напишите

ему нѣсколько строкъ,—ничего больше, какъ нѣсколько строкъ, которыя бы выразили уваженіе и покорность.

При этихъ словахъ лицо моего итальянца побагровѣло и, стиснувъ зубы, онъ закричалъ:—Никогда! никогда! Выраженіе покорности отъ меня! Никогда, никогда, даже ради вѣчнаго спасенія! Неужели мученикъ долженъ просить прощенія у мучителя, жертва казни—искать пощады у палача? Этотъ человѣкъ былъ мучителемъ и палачомъ нашего семейства. Онъ проклялъ моего отца и мать въ тотъ день, какъ они сдѣлались мужемъ и женою, и съ тѣхъ поръ бѣгалъ отъ нихъ, какъ будто они были низкіе злодѣи. Онъ оставилъ моего отца, и въ чемъ невиннаго, гнѣтъ въ тюрьмѣ, тогда какъ монсеньору дозволено было поднять мизинецъ—и отецъ былъ бы освобожденъ. Онъ заставлялъ мою мать, свою родную племянницу,—женщину, въ жилахъ которой текла такая же кровь, какъ и у него,—упасть въ обморокъ на лѣстницѣ его дворца отъ продолжительнаго ожиданія. Онъ допустилъ ее умереть отъ горя; и когда я одинъ остался на свѣтѣ, въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, остался сиротою и нищимъ,—онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы прибавить къ моей бѣдности безчестіе. Да, онъ мнѣ предложилъ наглую сдѣлку: онъ требовалъ, чтобы я бросила, какъ негодную тряпку, безупречное имя моего отца, чтобы я продалъ это имя за тридцать сребренниковъ....

Я не знаю, какое впечатлѣніе можетъ произвести это на васъ. Вумага — плохой проводникъ для электричества страсти; но слова, тонъ, взгляды молодого человѣка произвели на меня такое впечатлѣніе, какого я еще никогда въ жизни не испытывала. Я готова была заплакать, упасть къ ногамъ его и просить прощенія: но я не могла произнести ни слова: у меня захватило духъ. Вѣрите ли вы въ магнетизмъ, въ эту таинственную силу, которая подчиняетъ нашу волю волѣ другого лица? Что касается меня, я начинаю вѣрить. Ему стоило въ эту минуту приказать мнѣ все, что было ему угодно—и я бы слѣпо повиновалась ему. Такъ молодъ и столько въ немъ героизма! Я не могу описать вамъ видъ, который онъ имѣлъ въ эту минуту, стоя одинъ, въ борьбѣ съ цѣлымъ міромъ! Я и собственной рукой бросила въ него камень! Всякое сравненіе относительно его было бы нелѣпо; но, чтобы вы могли понять мою мысль, я могу уподобить его Маріо, въ роля Ревенсвуда, когда онъ бросаетъ въ глаза Аптонамъ презрительное проклятiе: «Vi dirgezzo». Вспомните, что это мѣсто всегда вызывало у насъ слезы и что мы желали немочь несчастному Дагару и ободрить бѣдную Лючію: Ну вотъ точно такое чувство испытывала я теперь, только въ тысячу разъ сильнѣе; но я не могла пролить ни одной слезы, не могла проговорить ни одного слова: я точно окаменѣла.

Наконецъ я пробормотала что-то въ родѣ извиненія. Я сказала, что я очень огорчена, что опечалила его. Единственнымъ оправданіемъ, которое я могла привести въ неумѣстности моего вмѣшательства, было живое участіе, которое я принимала въ немъ. Я была глубоко тронута, видя, какъ эти слова его успокоили. Его лицо просвѣтлѣло; онъ даже улыбнулся мнѣ. Эта улыбка была какъ бы

лучшею осянца, прегоняющимъ послѣдніе слѣды бури, потому что на немъ не было и зачатка прежняго раздраженія. Я никогда еще не слыкала, чтобы онъ произнесилъ слова такимъ тономъ, какимъ онъ сказалъ мнѣ:

— Такъ вы принимаете во мнѣ большее участіе?

— Какъ вы могли въ этомъ сомнѣваться!—сказала я почти съ негодованіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ я сомнѣваться? Если бы вы не принимали во мнѣ участія, вы не могли сдѣлать для меня столько добра.

— Вы мнѣ приписываете такое достоинство, котораго я не подоживала; вы меня конфузите. Что я, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлала для васъ? но вы дѣйствительно много сдѣлали для меня.

— А вотъ я вамъ сейчасъ скажу,—возразилъ онъ съ важностью.— Вы удовлетворили самому сильному стремленію моей природы—этой горячей жаждѣ симпатіи;—я разувѣю ту симпатію, нѣжную и тихую, безъ которой человѣкъ вѣчно останется существомъ неполнымъ;—вы распространили вокругъ меня тѣ благопродѣлающія и живительныя вліанія, тайну и привилегію которыхъ Богъ даровалъ женщинамъ; вы сдѣлали изъ меня существо безконечно лучшее, безконечно-высшее, безконечно-счастливѣйшее, чѣмъ я былъ тогда, какъ еще не видалъ васъ. Развѣ этого мало?

— Ахъ, что вы говорите, сеньоръ Паоло! Добрыя дѣла, чтобы ихъ вмѣнять въ заслугу, должны быть совершаемы съ сознаніемъ, а я слишкомъ искренна, чтобы могла превзонтъ себя малѣйшее сознательное участіе въ этихъ результатахъ.

— Я не вижу необходимости въ такомъ сознаніи. Добро не перестанетъ быть добромъ; оно приноситъ благодѣлательствованію человѣку одинаковую пользу даже и въ томъ случаѣ, когда оно произведено безъ намѣренія. Что мнѣ за дѣло, что роза не сознаетъ своего благоуханія, соловей—прелести своего пѣнія, солнце—своего благодѣтельнаго дѣйствія на природу и человѣка? Мнѣ довольно знать, что солнце, соловей, роза мнѣ дѣлаютъ добро; чтобы я чувствовалъ къ нимъ признательность и благословлялъ ихъ. Позвольте же мнѣ, по этой самой причинѣ, быть признательнымъ въ вамъ и благословлять васъ.

Выслушивать благодарность и благословенія въ такомъ духѣ—это пытка въ своемъ родѣ. До сихъ поръ я не предполагала, что похвалы и благословенія иногда переносятъ труднѣе, чѣмъ обиды. Или, можетъ быть, такое дѣйствіе производитъ на меня его голось. Въ немъ были такіе звуки, какихъ я не слышала никогда прежде ни въ чьемъ голосѣ, звуки, отъ которыхъ мое сердце сильно билось и трепетало. Итакъ я поспѣшила отвѣтить:

— Если въ будущее время я должна принимать вашу благодарность, то я требую, чтобы вы помогли мнѣ заслужить ее. Неужели я ничего не могу сдѣлать для васъ въ *свѣданіемъ*?...

— Спросите лучше,—перебилъ онъ съ живостію,—чего вы не можете для меня сдѣлать. Неужели вы не знаете, какую власть имѣете надо мною? Въ вашихъ рукахъ я дѣлаюсь какъ воскъ, способный

принять всякую форму. Во мнѣ кипятъ странныя силы, которыя можно направить къ добру или къ злу: заставьте ихъ стремиться къ возвышенной цѣли. Я, такъ сказать, дитя, идущее въ потемкахъ ощупью: освѣтите мой путь. Я чувствую, что во мнѣ есть что-то здѣсь— и онъ узавалъ на сердце и любовь, — что-то похожее на золотеносную жилу, которую стоить труда выкопать на свѣтъ. Помогите мнѣ и сдѣлайте меня великимъ. Вудьте моимъ добрымъ гениемъ, будьте моей музой, будьте...

Онъ задыхался и прямо смотрѣлъ мнѣ въ лицо:

— Жалкой музой, но за то искренней—извольте,—пробормотала я, едва понимая что говорю,—такъ я была взволнована. — Что же мнѣ нужно сдѣлать, чтобы вы были добры и вежливы?

Онъ всталъ и произнесъ, протягивая ко мнѣ руки:—прикажите мнѣ быть такимъ чрезъ васъ и для васъ.

Страстный порывъ, съ которымъ произнесены были эти слова, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истиннаго ихъ смысла. Его глаза служили слишкомъ краснорѣчивымъ его объясненіемъ. Мое затрудненіе достигло до степени страшной муки: я не могла выговорить ни слова, между тѣмъ надо было сказать что-нибудь: иначе какъ объяснить мое молчаніе? Обыкновенно случается (я гдѣ то читала это), что женщина, поставленная въ подобную дилемму, обыкновенно выбираетъ именно то, что еще болѣе увеличиваетъ затруднительность ея положенія, подобно птицѣ, пойманной въ силки, которая, въ испугѣ, торопясь освободиться, запутывается больше и больше. Такъ было и со мною. Какъ вы думаете, что я сдѣлала? Я приняла на себя принужденно-веселый видъ и сказала спокойнымъ тономъ, сильно противорѣчившимъ трепету моего сердца:—Знаете ли, синьоръ Паоло, что это имѣетъ видъ формальнаго предложенія?

— Это оно и есть,—отвѣчалъ онъ быстро.

Я не могу сказать вамъ, какая перемена произошла при этихъ словахъ въ моемъ лицѣ; но думаю, что оно выражало видъ оскорбленія, котораго, признаюсь со стыдомъ, я не чувствовала. Можетъ быть мои горѣвшія щеки—вся кровь хлынула мнѣ въ голову—заставили его подумать, что онъ меня оскорбилъ, потому что онъ тотчасъ же прибавилъ, сложивъ руки и умоляющимъ голосомъ: «Не оскорбляйтесь, ради Бога, не придавайте дурного значенія моимъ словамъ. Сердце мое было переполнено; я долженъ былъ высказаться или умереть. Не духъ тщеславной гордости говорилъ во мнѣ этими словами. Человѣкъ чувствуетъ свое ничтожество, но тѣмъ не менѣе стремится къ небу. Такимъ же образомъ и я смотрю на васъ съ чувствомъ глубокаго смиренія, я поднимаю къ вамъ руки и умоляю: хотя я совершенно недостоинъ васъ, но позвольте мнѣ попытаться сдѣлаться достойнымъ».

Была ли когда-нибудь просьба влюбленнаго выражена съ большею нѣжностью и скромностью? Я была совершенно покорена и дала ему позволеніе попытаться,—въ какихъ выраженіяхъ—не помню, но знаю что я это сдѣлала. Онъ полузакрывъ глаза, какъ человѣкъ ослѣпленный свѣтомъ, и положилъ руку на сердце, какъ бы желая удерж-

жать его сильное бѣненіе. — Такъ я въ самомъ дѣлѣ счастливъ? про-
менталь онъ. Человѣкъ не можетъ перенести столько радости. Вы
ангелъ. Я вашъ на всю жизнь, вашъ до гроба.

Тетка моя, вышедшая минутъ за десять предъ тѣмъ изъ комнаты,
возвратилась къ намъ. О, если бы она вернулась хоть нѣсколькими
секундами раньше. Она была такъ поражена его необыкновенною
бѣдностью, что спросила его, не боленъ ли онъ. «Да, я боленъ отъ
счастья!» вскричалъ онъ и, бросившись къ ея ногамъ, схватилъ ее
за руку, поднесъ ко лбу, потомъ поцѣловалъ съ восторгомъ и уда-
лился, не прибавивъ ни слова. Что касается меня, я съ рыданіями
бросилась на шею тетки...

Наконецъ я кое-какъ успокоилась настолько, что могла говорить;
но вдругъ я услышала голосъ моего дяди. Это заставило меня стре-
мительно броситься въ мою комнату и запереться въ ней. Въ эту
минуту я приписала къ моему послѣднему письму тотъ безсвязный
ровъ вскрипѣш который, я увѣрена, поставилъ васъ въ тупикъ.

Дядя удержалъ тетку до обѣда, затѣмъ появились одинъ за дру-
гимъ обычные гости. Кавалеръ, графъ, капитанъ Паддокъ съ женою—
всѣ были на лицо. Подали чай; разговоръ шолъ безъ умолку. Нуж-
но было выслушать безконечную диссертацию мистера Джонса объ
англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и объ англійскомъ банкѣ. Поду-
майте, какъ это должно было меня интересовать? Я видѣла, что тет-
ка тоже начинала терять терпѣніе. Какъ бы ни было, но и несчастье
къ чему нибудь пригодится. Я воспользовалась случаемъ, чтобы по-
просить графа оставить наше маленькое предпріятіе, такъ какъ сньюръ
Паоло рѣшительно отказывается отъ всякихъ переговоровъ. Графъ
особенно сожалѣлъ объ этомъ, потому что именно утромъ того же
дня онъ заплатилъ сто скуди лицу, о которомъ онъ намъ говорилъ,
и что все идетъ отлично. Онъ предложилъ возвратитъ мнѣ деньги,
принимая потерю на себя. Конечно, я отказалась отъ этого. Очень
возможно, что онъ самъ одинъ будетъ стремиться къ исполненію
этого плана; по крайней мѣрѣ онъ далъ мнѣ это замѣтить. Кто зна-
етъ, быть можетъ, старый епископъ смягчится и первый протянетъ
руку Паоло.

Наконецъ всѣ разъѣхались и я ушла въ свою комнату. Тетка не
замедлила явиться туда, и я рассказала ей все, что происходило ме-
жду мною и син. Паоло. Первымъ ея чувствомъ было скорѣе удоволь-
ствіе, чѣмъ огорченіе. Она его очень любитъ, и сказала мнѣ, что
онъ сдѣлаетъ меня счастливою. Но когда она подумала о м-рѣ Джон-
сѣ, мужество ее оставило, да и я сама не была спокойнѣе. Нельзя было
обманываться на этотъ счетъ. Сньюръ Паоло былъ послѣднимъ изъ
числа тѣхъ, которымъ м. Джонсъ согласился бы отдать мою руку.
А выйти замужъ безъ согласія м-ра Джонса было рѣшительно невоз-
можно. «Ты вполне зависишь отъ твоего дяди, мое бѣдное дитя»,
сказала мнѣ тетка. Во всемъ этомъ виновата я сама. Еслибы я имѣ-
ла хоть немножко благоразумія, еслибы я не такъ была довѣрчива,
я бы могла помочь тебѣ въ этомъ дѣлѣ. Но хотя я и не была слыш-

комъ молода, когда выходила замужъ, я не имѣла ни малѣйшей опытности и рѣшительно ничего не понимала въ дѣлахъ о бракѣ. Все, что мнѣ принадлежало, принадлежитъ теперь твоему дядѣ; у меня же нѣтъ въ распоряженіи ни одного пенни». И бѣдная женщина, ломая руки, залилась слезами. Теперь была уже моя очередь утѣпать ее, что я и дѣлала, какъ могла; потомъ мы опять стали говорить о сеньорѣ Паоло. Наме продолжительное и безпокойное совѣщаніе убѣдило меня, что я не могу ждать отъ тетки, по-крайней-мѣрѣ въ настоящую минуту, ничего, кромѣ теплаго сочувствія; что мнѣ нельзя рассчитывать на совѣты и руководство ея, въ которыхъ я такъ нуждалась. Я рѣшилась взять на себя инициативу. «Можете ли вы,—начала я, объяснить мнѣ одинъ пунктъ, и затѣмъ я увижу, что должна впередъ дѣлать. Думаете ли вы, что то, что я сказала, сеньору Паоло—я разумѣю то поощреніе, которое я ему сдѣлала—даетъ ему право считать меня давшою ему слово, и что мои слова должны быть и были имъ поняты въ этомъ смыслѣ?»

Она подумала одну или двѣ минуты, потомъ отъѣчала:—Говоря по совѣсти, да.

— Ну, такъ я знаю, что я должна дѣлать,—возразила я. — Какъ честная дѣвушка, я должна подчиняться слѣдствіямъ своего неблаго-разумія, положиться на Бога и на ходъ обстоятельствъ.

— Если только... сказала тетка и остановилась. — Но, нѣтъ, это разобьетъ его сердце.

Я просила ее говорить рѣшительно.

— Я хотѣла сказать, если только ты не обратишься къ Паоло и не...

— И не требую отъ него, чтобы онъ освободилъ меня отъ даннаго обѣщанія, т. е. если я не откажусь отъ своихъ словъ—вы это хотѣли сказать, милая тетька?

Тетька сдѣлала утвердительный знакъ.

— Ну, такъ будь что будетъ,—возразила я,—я никогда не сдѣлаю ничего подобнаго. Я могла быть неблагоуразумной, но никогда не буду ни эгоисткой, ни созданіемъ безъ сердца!

Тетка обняла меня, цѣловала и ласкала. «Богъ да благословитъ тебя, мое дитя!» сказала она. Ты—благородное созданіе.—Я не имѣю надобности повторять то, что она мнѣ говорила. Вы знаете, какъ она расположена ко мнѣ. Итакъ, вы видите, это рѣшено: я помолвлена и рѣшилась предоставить дѣла ихъ собственному теченію...

Дѣйствительно ли я люблю этого молодого человѣка? Да, больше чѣмъ я въ состояніи выразить это. Но я люблю не такъ, какъ любить героини въ романахъ. Во-первыхъ, я нахожу его прекраснымъ; далѣе, я думаю, и нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ гениальный живописецъ. Я удивляюсь его многочисленнымъ и прекраснымъ качествамъ, оригинальности его ума и, сверхъ всего этого, его простому и благородному сердцу. Разговоръ его мнѣ нравится; мнѣ льститъ его одобреніе; я люблю, чтобы онъ находился подлѣ меня — словомъ, никто изъ молодыхъ людей, которыхъ я до-сихъ-поръ встрѣчала, не поразилъ такъ сильно моего воображенія и не

интересовать меня столько, какъ онъ. Но не-уже-ли это и есть истинная любовь? Любовь! Могу ли я, положивъ руку на сердце, сказать чистосердечно, что вся моя душа сосредоточивается въ немъ, что онъ солнце моей жизни, что мое сердце будетъ разбито, если я должна буду разлучиться съ нимъ? Нѣтъ, я не чувствую себя способною къ такимъ и тому подобнымъ прекраснымъ вещамъ, ни къ тому подобнымъ, о которыхъ я читала въ романахъ. Или у меня отъ природы недостаетъ этой возвышенности чувствъ, или романисты преувеличиваютъ краски въ своихъ картинахъ, для эффекта? Напротивъ, я вовсе не считаю его совершеннѣйшимъ изъ смертныхъ; меня поражаютъ малѣйшіе его недостатки, его предрасудки, и даже, могу сказать, его смѣшныя стороны. Нѣкоторыя изъ его нелѣпыхъ идей о туалетѣ не могутъ быть названы иначе, какъ смѣшными. Мало того, я должна признаться, что въ настоящую минуту во мнѣ какъ-будто кипитъ раздраженіе противъ него за то, что онъ бросилъ въ мою жизнь сѣмена безпокойства. Я была такъ счастлива, такъ беззаботна, пока не знала его! Не менѣе того я рѣшилась исполнить свой долгъ въ отношеніи къ нему, если только онъ будетъ поступать точно также въ отношеніи ко мнѣ, — то есть пока онъ будетъ оставаться скромнымъ и покорнымъ. Но горе ему, если... Все будетъ зависть отъ его поведенія при нашемъ первомъ свиданіи... Несмотря на свой важный видъ, я дрожу при одной мысли объ этомъ. Увы! Будьте насколько вамъ угодно свѣтской женщиной, учитесь держать себя величественно въ многочисленныхъ собраніяхъ, выдерживайте взгляды нѣсколькихъ сотъ людей, удивляющихся вамъ, — къ чему все это послужитъ? Съ той минуты, какъ вы встрѣтите пару глазъ, предназначенныхъ для того, чтобы имѣть на васъ вліяніе, Юнона исчезнетъ и останется совершенная трусиха. Какъ бы ни было, я не совѣтовала бы ему принимать на себя видъ побѣдителя, или...

Видъ побѣдителя! Но это самый смиренный, самые кроткій, самый скромный изъ влюбленныхъ. Онъ только что ушелъ отъ насъ. Ахъ, если бы вы могли видѣть его смущеніе! Какъ онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно! Какъ годосъ его дрожалъ! На него жалко было смотрѣть. Мнѣ нужно было его ободрить. Онъ думаетъ о новомъ сюжетѣ для картины и уже набросалъ очеркъ Беатриче (разумѣется, Беатриче — это Лавинія) являющейся Данте; сцена взята изъ третьей пѣсни «Чистилища». Ему только нужно было узнать, одобряю ли я этотъ сюжетъ, и, разумѣется, за тѣмъ надо было условиться о свиданіи. Мы завтра же отправимся посмотрѣть эскизъ картины и въ то же время я дамъ ему новый сеансъ. Черезъ два или три сеанса мой портретъ будетъ конченъ. Явились гости, которые прервали нашъ разговоръ. Я съ удовольствіемъ должна сказать, что кругъ нашихъ англійскихъ знакомыхъ быстро расширяется. Теперь мнѣ часто не достаетъ времени. Онъ удалился спокойно въ уголокъ; но хотя я не смотрѣла въ его сторону, однако чувствовала, что онъ не сводилъ съ меня глазъ, и, если взглядъ можетъ выражать обожаніе

такъ это именно его взглядъ. Данте, вѣроятно, имѣлъ такой же взглядъ, когда встрѣтилъ тѣнь своей Беатриче. Я была очень тронута. Кажется, въ самомъ дѣлѣ я люблю его.

Манчини принадлежатъ къ благородной фамилии. Вы найдете многихъ изъ нихъ помѣщенными въ «Биографическомъ словарѣ» Манундера. Племянницы кардинала Мазарини были всѣ Манчини, и вышли замужъ за самыхъ знатныхъ лицъ. Три изъ нихъ были герцогинями, если не ошибаюсь, а четвертая была графиней. Эта фамилія очень звучна, тысячу разъ лучше, чѣмъ это ужасное, тривіальное, односложное Джонсъ. Въ этомъ только пунктѣ мы сходимся съ своимъ дядей; онъ не можетъ безъ трепета слышать, когда произносятъ его фамилію, ни видѣть ее въ печати, боясь, чтобы не услышать какой нибудь насмѣшки надъ этимъ названіемъ. Я знаю, что это пошлый предрасудокъ; въ самомъ дѣлѣ что же можетъ быть такого въ имени, чтобы могло человѣку дать или отнять право — я не говорю на уваженіе, но на образованность и на обращеніе въ высшемъ кругу? Но хотя расудокъ мнѣ говорить, что не должно придавать большого значенія тому, что онъ называетъ «случайностями», но я невольно чувствую какую-то антипатію къ имени Джонсъ и, напротивъ, симпатію къ имени Манчини. Синьора Паоло Манчини—это кратко, можетъ быть, даже нѣсколько сухо, но по крайней мѣрѣ благозвучно. Если онъ когда нибудь поселится въ Англию (я говорю о синьорѣ Паоло), я вполне увѣрена, что его сдѣлаютъ кавалеромъ или баронетомъ. Я чувствую, какъ вы улыбнетесь при скромномъ титулѣ кавалера, дѣйствительно скромномъ для женщины, которая до сихъ поръ мечтала о мужьяхъ не ниже маркизовъ по званію. Ахъ! что прошло, то прошло. Мой жребій—жить въ скромной сферѣ, и я должна примириться съ этимъ. Но все же есть еще шансы, вѣроятные шансы, что родственникъ его, старый епископъ, оставитъ ему наслѣдство, которое дастъ ему возможность занять въ обществѣ то положеніе, на которое онъ имѣетъ право по рожденію. Впрочемъ, какая мнѣ нужда въ томъ, чтобы ему оставили наслѣдство? Его гений, даже если бы ему недоставало богатства, послужитъ для него наилучшимъ пастортомъ для входа въ самое избранное общество. Кто спрашиваетъ о томъ, бѣдны или богаты сэръ Е. L. или С. S.? Они приняты въ самомъ высшемъ кругу, ихъ принимаютъ даже при дворѣ. И кто не считаетъ для себя за честь знакомство съ ними?..

«Когда мы сегодня утромъ пріѣхали въ мастерскую Паоло, онъ былъ въ ужасномъ гнѣвѣ по поводу арестовъ, произведенныхъ въ теченіе ночи. Вы не можете представить себѣ, какъ жестоко онъ осуждалъ всѣхъ и все на свѣтѣ. Я понимаю, что онъ не можетъ чувствовать особенно дружественнаго расположенія къ державамъ, войска которыхъ занимаютъ его отечество. Подумаемъ въ самомъ дѣлѣ, каковы были бы наши чувства, если бы въ Лондонѣ стоялъ французскій или австрійскій гарнизонъ? Я тоже согласна съ нимъ, когда онъ вѣщаетъ правительству папы. Но когда синьоръ Паоло сталъ нападать на самый принципъ папской власти, называть всѣ правительства Европы

безнравственными, всѣхъ аристократовъ считать эгоистами и людьми испорченными, всѣ сословныя различія признавать за пустые призраки прошедшаго—я ужъ этого не могла перенести и сказала рѣшительно: «что бы вы ни говорили, не нападайте, пожалуйста, на дорогую для меня, т. е. на английскую, аристократію, если вы хотите, чтобы мы оставались хорошими друзьями. Мое уваженіе къ ней безгранично.

Казалось, онъ былъ чрезвычайно недоволенъ этими словами, но отвѣчалъ только: «Я желаю ей, вашей аристократіи, чтобы она была достойна вашего уваженія. Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ я глупо сдѣлалъ, что вдался въ политику! Нѣтъ, ужъ этого я больше не позволю себѣ». Онъ замолчалъ и принялся рисовать. Но его угрюмое расположеніе духа скоро прошло, и онъ началъ, по обыкновенію, разговаривать весело и любезно. Это большое счастье, что онъ такъ... послушенъ хотѣла я сказать, хотя это выраженіе не плетъ вполне къ будущему мужу. Кажется несомнѣнно, что я имѣю на него сильное вліяніе; но я употреблю это вліяніе только для его же добра. Я чувствую, что должна совершенно перевоспитать его. Это натура превосходная, но еще не тронутая, полная шереховатостей; это алмазъ въ грубой формѣ, да, настоящій алмазъ, которому нужна только полпирровка, чтобы блистать тысячею лучей. Я думаю, что эту полпирровку онъ получитъ изъ моихъ рукъ. Это—благородная и достойная работа—образовать и возвысить до свойственнаго ей уровня эту суровую натуру, имѣть силу и волю для достиженія этого результата...

Когда я собиралась уходить по окончаніи сеанса и хотѣла встать, онъ меня удержалъ, наклонился къ моей ногѣ и обрисовалъ мѣломъ на полу ея контуръ.

— За чѣмъ вы это дѣлаете?—спросила я.

— Чтобы мнѣ можно было цѣловать слѣдъ вашъ,—отвѣчалъ онъ.

Признайтесь, что въ этомъ много деликатнаго и поэтическаго. Натурально, я не отказала ему въ удовлетвореніи этой невинной просьбы. Какая женщина откажется сдѣлать когонибудь счастливымъ такой ничтожной услугой? То рыкая подобно льву, то воркуя, какъ голубокъ, мой Доменикино, каковы бы ни были его слабости, конечно, не имѣетъ недостатка въ оригинальности.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

ОПТИМИЗМЪ И ПЕССИМИЗМЪ.

Паоло не согласился бы перемѣнить судьбу свою на судьбу могущественнѣйшаго монарха въ мірѣ. Всѣ троны казались ему ничтожными, всѣ короны—малоцѣнными въ сравненіи съ короною и трономъ, о которыхъ онъ мечталъ. Въ мірѣ существовала только одна Лавинія и наступитъ день, думалъ онъ, когда онъ эту Лавинію назоветъ своею женою. Какая можетъ быть въ мірѣ болѣе великолѣпная перспектива? И изъ всѣхъ людей ему одному представленъ будетъ этотъ триумфъ. Эта мысль, соединенная съ невыразимымъ ужасомъ прѣ

мысли, какъ бы не случилось иначе, и съ безпредѣльною радостью предъ сладкою дѣйствительностью, чуть не сводила его съ ума;— словомъ, счастье Паоло было столь велико, столь полно, что оно казалось ему подобіемъ небснаго блаженства. Еслибы не глубокое чувство добраго сожалѣнія ко всѣмъ существамъ его пола, которыя не имѣли счастья быть выбранными Лавинією, если бы не непреодолимая необходимость—излѣчь передъ дружескимъ сердцемъ полноту своего счастья, Паоло потерялъ бы сознаніе объ этомъ ничтожномъ мірѣ,— до такой степени дупа его парила надъ землею, носимая на крыльяхъ энтузіазма, такъ блестяща была та атмосфера, такъ невыразимы были гармоніи, такъ эфирны пространства, гдѣ блаженствовала она!

Этимъ дружескимъ сердцемъ, конечно, было сердце Сальватора, и онъ-то долженъ былъ вынести напоръ этой бури, возникшей изъ новой психической фазы въ душѣ Паоло. Въ высшей степени энтузіастъ, горячій поклонникъ своего собрата по искусству, самъ влюбленный до безумія и поощрявшій его всѣми силами вступить въ полкъ влюбленныхъ, Сальваторъ всегда былъ готовъ и способенъ симпатизировать Паоло и быть его повѣреннымъ; но никогда эта роль не шла къ нему лучше, какъ въ эту минуту, когда, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, его собственный умственный діапазонъ былъ почти на такой же высотѣ, какъ и у его экзальтированнаго друга.

Восторгъ Сальватора имѣлъ много основательныхъ причинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили его, положеніе его улучшилось до изумительной степени. Къ титулу и должности ординарнаго живописца декораций у маркизы Дельфуэго-и-Аркокъ прибавились скоро, одна за другою, должности поэта, изобрѣтателя костюмовъ, директора хора и суфлера—словомъ, дѣятельный маленькій человекъ сдѣлался Атлантомъ театральнаго департамента виллы Торральба. Этотъ дождь почестей и титуловъ не былъ единственнымъ проявленіемъ благосклонности къ нему владѣльцы виллы: за этими милостями слѣдовали другія, болѣе существенныя, и съ наименьшимъ удовольствіемъ принятая, награды отъ щедротъ благородной дамы. Благодаря этому, Сальваторъ могъ освободиться отъ своего единственнаго несноснаго долга—недоплаченнаго найма за квартиру; онъ могъ купить для Клеіи пресловутую полковую мантилю и позволить самому себѣ неслыханную, но крайне необходимую роскошь, полную черную пару платья и три перемѣны бѣлья; наконецъ онъ нанялъ приличную комнату по сосѣдству съ мастерскою Паоло и заплатилъ деньги за треть впередъ.

Всякъ мы прибавимъ, что, за всѣми этими издержками, Сальваторъ увидѣлъ себя обладателемъ 31 скуди, гармонически звучащихъ въ его карманѣ—31 скуди, съ которыми онъ не зналъ что дѣлать—читатель легко пойметъ, какое превращеніе произошло въ мозгу маленькаго живописца, вслѣдствіе такого безпримѣрнаго—я, мы почти готовы сказать, сверхъестественнаго—положенія вещей. Чтобы дать понятіе о степени его восторженности, довольно сказать, что онъ немедленно предложилъ Клеіи тотчасъ жениться на ней, такъ какъ онъ теперь уже обезпеченъ. Человеку, воображеніе котораго летало съ такою быстротою, воздушный полетъ Паоло казался совершенно въ поряд-

къ вещей. Мало того, иногда пегасъ Сальватора игралъ пространствомъ и временемъ до такой степени, что оставлялъ за собою самого Паоло, и затѣмъ слѣдовали внезапныя остановки и призывъ къ порядку. Такъ Сальваторъ, напримѣръ, не хотѣлъ и слышать, когда Паоло говорилъ о своемъ испытаніи.

— Не говори мнѣ, пожалуйста, объ этомъ испытаніи!—вскричалъ онъ; — вѣрь, что красавица поражена въ самое сердце и что въ настоящую минуту она на колѣняхъ передъ дядею и всачески старается вырвать у этого медвѣдя согласие: *Al suo piè la sventurata.* (У ногъ его. бѣдняжка)...

— Сальваторъ! Сальваторъ!.. прервалъ Паоло.

— Сальваторъ сколько тебѣ угодно; я не даромъ четыре года влюбленъ и немножко понимаю въ женскихъ дѣлншкахъ.—И, не давъ времени своему другу представить новыя возраженія, маленькій живописецъ продолжалъ рялъ аргументовъ, рисуя Паоло какъ самаго счастливаго изъ мужей и смертныхъ, развалившася въ коляскѣ, запряженной четверней, задающаго великолѣпные праздники въ великолѣпной виллѣ Манчини. Да, ему положительно предстоить такая будущность!

— Что ты толкуешь это, Сальваторъ! какъ-будто я хлопочу о виллѣ и праздникахъ?—возразилъ сангментально Паоло. — Нѣтъ, мнѣ нужно ея сердце и тихій уголокъ, гдѣ я могъ бы скрыть свое сокровище отъ всѣхъ. Я буду ревнивъ, очень ревнивъ...

— А, право? подхватилъ Сальваторъ,—это другое дѣло.

*Gia la fiera gelosia
Versa tutto il suo velen.*

(Уже жестокая ревность изливаетъ весь свой ядъ.)

Если ты ревнивъ, мирный уголокъ есть вещь первой необходимости. Только постарайся, чтобы это было недалеко, иначе мнѣ нельзя будетъ васъ часто видѣть; хотя, право, немудрено, что я современемъ буду въ состояніи завести кабриолетъ. Думаю, что тогда ты не будешь смотрѣть на меня съ высоты своего величія, ни на Клею... а?

При этомъ Паоло съ гнѣвомъ протестовалъ противъ столь оскорбительной гипотезы. Сальваторъ дѣлалъ въ свою очередь, котрапротестъ, говоря, что такъ какъ его практическій взглядъ на вещи не по вкусу Паоло, то онъ лучше будетъ молчать. Но молчаніе было слишкомъ тяжело для живаго маленькаго человѣчка, и его прекрасныя намѣренія быстро исчезали.—Паоло, начиналъ онъ вдругъ, минуту спустя,—вотъ идея: что если мы оба въ одинъ день назначимъ наши свадьбы? Что скажешь ты на это?»

Кромѣ непродолжительныхъ жаркихъ споровъ въ этомъ родѣ, Сальваторъ вообще довольствовался давать только простые отвѣты на замѣчаніе Паоло; затѣмъ онъ примѣнялъ къ признаніямъ своего друга извлеченія изъ своего музыкальнаго репертуара, которыя представляли аналогію съ чувствами или съ положеніемъ Паоло. Такъ, звучный теноръ объявлялъ, отъ времени до времени, публикѣ—

по-крайней-мѣрѣ части публики, которая любила побродить въ сумеркахъ на Пинчіо—что есть одна знатная дама (имени не упоминалось) *bella siccome un angelo* (прекрасная какъ ангелъ), которую небо нарочно сотворило — для одного знакомаго ему человѣка, который, положивъ за правило, что: *Quanti beni ha terra e cielo, l'amor suo mi può donar*, (любовь ея можетъ дать мнѣ всѣ блага земли и неба) и пр.

Послѣ того, какъ эти пункты, ко взаимному ихъ удовольствію, были разсмотрѣны и рѣшены, оба влюбленные оставляли Пинчіо, иногда высказывали что нибудь насчетъ луны, если таковая была, и тихонько возвращались домой, и на сердцѣ каждаго изъ нихъ было такъ легко. На слѣдующій день вечеромъ повторялось почти то же самое. Такъ проходили вечера одинъ за другимъ.

Если когда нибудь существовала духовная страсть, то это была страсть Паоло; она жила исключительно и вполне прошедшимъ и будущимъ и мало требовала отъ настоящаго. Хорошо, что это было такъ, потому что настоящее было очень скупо для молодого мечтателя. Никогда еще, съ самаго начала его знакомства съ Лавинією, они не видѣлись такъ рѣдко какъ теперь (уроки прерывались то по той, то по другой причинѣ), и то всегда въ присутствіи чужихъ; никогда еще она такъ скупо не выказывала ему своей благоклонности.

Была ли осторожность миссъ Джонсъ жертвою на алтарѣ благоразумія, или входила въ планъ системы перевоспитанія, придуманный ею для Паоло, или, наконецъ, была результатомъ смутной мысли, что она уже успѣла оказать ему столько щедрости, что ее можно извинить теперь въ нѣкоторой бережливости,—какъ бы то ни было, но Паоло былъ доволенъ и тѣмъ, что получалъ. Его счастье не зависѣло отъ вѣншихъ условій; его любовь, его вѣра въ нее и въ себя, воспоминанія прошедшаго, мечты о будущности—все это его удовлетворяло вполне. Собственно говоря, рай Паоло находился въ немъ самомъ.

Теперь было рѣшено повѣрить секретъ Торнтону; но Торнтонъ, съ своей стороны, повидимому, рѣшился не допускать молодого друга своего до признанія, не давать ему такого случая къ этому, какой Паоло скорѣе бы всего выбралъ. Съ тѣхъ поръ, какъ итальянецъ обѣдалъ въ палаццо Морлакки, Мортимеръ не сказалъ ни одного слова объ англійскомъ семействѣ. Съ каждымъ днемъ Паоло все больше и больше мучился этимъ, наконецъ, однажды прямо, безъ предисловія, приступилъ къ дѣлу.

— Мортимеръ, вы говорите правду: я люблю миссъ Лавинію.

— Это не новость для меня,—отвѣчалъ англичанинъ, но невольное волненіе его опровергало эти слова.—Итакъ вотъ одна половина моего пророчества исполнилась; теперь остается другая.

—Какая же это?—спросилъ Паоло.

— Потеря времени и силъ въ стремленіи къ химерѣ, разочарованіе, слезы и скрежетъ зубовъ.

— Не можете ли вы въ такой же степени предсказать новыя си-

ды, созданныи божественною любовью, результатъ ихъ — какое-нибудь высокое созданіе и ея рука, какъ награда за успѣхъ?

— Именно такъ, ея рука! — сказалъ съ ироніею Мортимеръ. Ну, состряпаемъ свадьбу, во что бы ни стало! Можно ли выбрать лучшую парочку? Молодость, здоровье, благородная кровь, румянецъ у того и у другаго. Скорѣе священника! соедините эту прекрасную чету. Что намъ беспокоиться о душевныхъ наклонностяхъ: сходствуютъ ли онѣ или нѣтъ? что за дѣло до того? По-крайней-мѣрѣ тебѣ совершенно это все равно. У тебя все превосходно; и если бы все зависѣло только отъ тебя, завтра же ты бы женился. Благодари Бога, что не можешь этого сдѣлать.

— Клянусь Богомъ! — вскричалъ Паоло съ энтузіазмомъ, что красота ея для меня составляетъ наименьшую изъ ея прелестей. Душу ея, божественную душу — вотъ что ставлю я выше всего, и что я долженъ завоевать или умереть.

— Только два мѣсяца, какъ ты знакомъ съ этой дѣвушкой; видѣлъ ее, можетъ быть, разъ тридцать, и всегда въ позѣ т. е. въ такомъ видѣ какой принимаетъ молодая особа, желающая нравиться: какими же это таинственными путями пріобрѣлъ ты такое полное понятіе о душѣ ея? Или ты обольщаешься, или твоя проникательность изумительна.

— Для двухъ душъ, предназначенныхъ одна для другой, довольно одной секунды, чтобы узнать и открыться вполнѣ одна другой. Въ дѣйствительности это только двѣ половины, которыя неудержимо стремятся къ возстановленію цѣлаго. Послѣ этого вы можете смѣяться сколько вамъ угодно.

— Я сдѣлаю лучше этого, — сказалъ Мортимеръ. — Хотя ты меня ужасно подстрекаешь, но я не буду опровергать твоихъ платоническихъ теорій. Я сдѣлаю тебѣ только одинъ вопросъ: неужели ты насильно вступишь въ семейство, которое не хочетъ принять тебя?

— Тысячу разъ нѣтъ! — сказалъ Паоло, съ горечью. — Мой девизъ: Chi non mi vuole, non mi merita (кто не желаетъ меня, тотъ не достоинъ меня.)

— Прекрасно! только этого и нужно, чтобы ты отказался отъ своихъ воздушныхъ замковъ, и пересталъ думать о томъ, что для тебя невозможно. Точно такъ же могъ бы ты мечтать о томъ, чтобы жениться на лунѣ, или желать, чтобы звѣзда нарочно для тебя сошла съ неба и отдала тебѣ свою руку, какъ мечтаешь о бракѣ съ этого молодого особю. Неужели ты воображаешь, что мистеръ Джонсъ для того тратился, для того трудился надъ воспитаніемъ этого цвѣтка, чтобы отдать его какому нибудь бѣдному итальянскому художнику?

— Я могу составить себѣ имя, — возразилъ Паоло наполовину гордымъ, наполовину умоляющимъ тономъ.

— Мой милый мальчикъ! хотя бы въ одномъ твоёмъ лицѣ соединились Фидій, Иктинъ и Апеллесъ, неужели ты думаешь, что мистеръ Джонсъ признаетъ тебя равнымъ себѣ?

— Равнымъ себѣ!—повторилъ Паоло, возвысивъ голосъ и вскочивъ со стула.

— Да, равнымъ себѣ, — продолжалъ спокойно Мортимеръ. — Ничто не доставляетъ человѣку такого удовольствія, какъ возможность провести демаркаціонную линію между собою и себѣ подобными и выставить на ней надпись: «запрещено переходить». Мы, англичане, превосходимъ всѣхъ въ искусствѣ проводить демаркаціонную линію; мы примѣняемъ это даже къ собственному своему семейству. Иностранцевъ мы ставимъ на одной ступени съ нашими бѣдными родственниками, точно такъ же, какъ дѣлали ваши гордые предки въ императорскомъ Римѣ. Да, мы смотримъ на иностранцевъ съ высоты нашего величія. Ты качаешь головою, мой благоразумный другъ, ты думаешь, что эта картина преувеличена. Увѣрю, что она взята съ натуры и представляетъ сходный портретъ. Англичанна хоть толки въ ступкѣ, но ничѣмъ не выбьешь изъ него убѣжденій, что онъ сдѣланъ изъ болѣе-нѣжной глины, чѣмъ другіе смертные. М-ръ Джонсъ выросъ и жилъ въ этомъ убѣжденіи, такимъ онъ и умретъ. Къ гордости расы прибавь еще гордость денежную, и поставь на вѣсы свои лавры... свои надежды, я хотѣлъ сказать.

— Я знаю, что по нѣкоторымъ вопросамъ съ вами спорить нельзя, — сказалъ Паоло, — но я могъ бы и въ свою очередь сказать что нибудь.

— Говори смѣло, я самъ прошу спора.

— Если такъ, — возразилъ Паоло, то вотъ что я хотѣлъ сказать, во вредъ вашему аргументу: онъ черезчуръ многое доказываетъ; а вы знаете, доказать слишкомъ многое, значитъ, ничего не доказывать. Какъ ни гордится Джонсъ своею породой и кошелькомъ, онъ исключителенъ не до такой степени, какъ вы думаете. Никто вѣжливѣе его не можетъ принять графа и кавалера, а между тѣмъ это иностранцы.

— Какой ты ребенокъ! Графъ и кавалеръ имѣютъ опору въ своихъ именахъ: это выкупаютъ ихъ врожденный грѣхъ, т. е. что они иностранцы. Титулъ — это талисманъ, противъ котораго не устоятъ ни одинъ кровный англичанинъ. Англія — рай для титулованныхъ особъ. Титулы управляютъ нашею страню, служатъ представителями у иностранныхъ державъ, командуютъ нашими арміями, водятъ наши эскадры и, за нѣкоторыми исключеніями, — нѣтъ правила безъ исключеній, — отправляютъ всѣ должности, требующія довѣрія, соединенныя съ почестями и выгодами. Титулы издаютъ у насъ законы: отъ нихъ зависитъ мода, дождь, погода! Наши ежедневныя газеты отмѣчаютъ пріѣзды и отъѣзды, праздники и посты этихъ избранныхъ и нѣкоторая доля окружающаго ихъ обаянія распространяется и на титулованныхъ иностранцевъ. Это, конечно, не настоящіе, но все таки искусно поддѣланные брильянты. Вотъ разгадка вѣжливости м-ра Джонса въ отношеніи къ графамъ и кавалерамъ! Когда ты будешь маркизомъ — зачѣмъ ты краснѣешь, какъ-будто я обвиняю тебя, что ты хочешь быть имъ? — тогда ты увидишь, что хоть бы ты былъ глупѣе совы, даяа будетъ у твоихъ ногъ, а племянница...

— Не говорите этого! — прервалъ съ жаромъ Паоло, — она выше такихъ

ничтожныхъ предрассудковъ,—я это знаю положительно. И Паоло, увлекшись, началъ передавать разговоръ свой съ миссъ Лавиніей по поводу одной гравюры, представлявшей цѣлую толпу молодыхъ дѣвушекъ, колѣнопреклоненныхъ предъ геральдическою короной.

— Все это очень чувствительно,—возразилъ Мортимеръ.—но позволю мнѣ напомнить тебѣ, что теорія и практика—двѣ вещи разные. Я видѣлъ либераловъ, въ родѣ тѣхъ, которыхъ ты описываешь, падавшихъ ницъ предъ какимъ нибудь «благородіемъ». Какъ бы то ни было, но замѣть, что у насъ рѣчь идетъ не о молодой особѣ, а объ ея дядѣ, человѣкѣ среднихъ лѣтъ, и о томъ, существуетъ ли для тебя вѣрность—приобрѣсти его расположеніе и мѣшка съ червонцами.

— Оставимъ червонцы въ сторонѣ, прервалъ Паоло. Я не вхожу съ нимъ въ торгъ. Пусть онъ копитъ свои деньги, или броситъ ихъ за окно—для меня это все равно. Я презираю его деньги.

— Въ самомъ дѣлѣ? Положимъ — предположеніе совершенно произвольное—что ты получишь руку молодой особы: тогда тебѣ нужно будетъ имѣть хоть вѣсколько этихъ презрѣнныхъ мѣшковъ съ деньгами; безъ этого, какъ ты рассчитываешь прожить, мой милый? Красавицы, вѣдь тоже вѣдятъ, увѣряю тебя.

— Я разсчитываю содержать ее своими трудами,—сказалъ Паоло;—у меня дѣла не дурно шли послѣдніе два года.

— Твоими ничтожными заработками, ты едва ли уплатишь третніе счета модистки и швеи. Подумай же, что твоя богиня привыкла къ такому образу жизни — я говорю это не за тѣмъ, чтобъ только спорить—который стоить побольше того, что могутъ себѣ позволить молодые живописцы. Экипажи, лакеи, горничныя и пр. и пр., о чемъ ты теперь не имѣешь и понятія, все это нельзя содержать безъ порядочнаго количества мѣшковъ съ деньгами.

— Ну чтожъ, безъ этого обойдемся, сказалъ Паоло.

— Ты произвольно разрубаешь гордиевъ узелъ,—отвѣчалъ Мортимеръ,—ты родился въ такой странѣ, гдѣ всякій живетъ для себя, а не для своего сосѣда, гдѣ, по выраженію г-жи Сталь, владычество самолюбія въ обществѣ почти ничтожно, — гдѣ богатые люди, мужчины и женщины, съ такою же естественностію говорятъ о путешествіи въ дилжансѣ, какъ бы рѣчь шла о собственномъ экипажѣ съ четверною лошадей. Но на нашемъ благословенномъ островѣ люди не такъ просты; мы живемъ для общества и общество отвѣчаетъ намъ тѣмъ же; оно соразмѣряетъ свое уваженіе и опредѣляетъ намъ мѣсто въ точности пропорціонально нашей вѣшной обстановкѣ, т. е. суммѣ денегъ, которую мы представляемъ своею особой. Вы успѣли, значитъ вы достойны успѣха: вотъ великое начало — имѣющее и свою хорошую сторону — которое управляетъ дѣйствіями общества. Свѣту нѣтъ досуга освѣдомляться о вашемъ моральномъ и умственномъ достоинствѣ, но онъ можетъ съ перваго же взгляда видѣть ваши экипажи, опредѣлять стоимость вашей библіотеки, пересчитать и оцѣнить людей, которыхъ вы принимаете. Въ обществѣ, такимъ образомъ устроенномъ, ты поймешь неоспоримую важность всѣхъ принадлежностей богатства: отъ нихъ всецѣло зависитъ ува-

женіе къ вамъ онѣ опредѣляютъ и *status civis u toga virilis*. Мужчины или женщины, потерявшіе богатство, терять привилегіи своей касты. Не въ одной только Индіи встрѣчаются брамины и парии. У насъ разорившійся человѣкъ, подобно парію, впадаетъ въ крайнюю степень ничтожества. Вотъ печальная судьба снйбры Лавиніи Манчини, если она потеряетъ часть того блеска, который окружаетъ миссъ Джонсъ. Что ты скажешь на это?

— Что вы рисуете невозможное состояніе общества, — такое состояніе, которое не могло бы просуществовать одной недѣли. Начать съ того: кто могъ бы жениться въ такой средѣ?..

— Не многіе хотятъ этого и не многіе женятся. Бракъ слишкомъ дорогое удовольствіе, чтобъ позволить его себѣ, не имѣя порядочнаго годового дохода, что составляетъ 1000 или 1500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Тѣ изъ нашихъ молодыхъ людей, которые имѣютъ эки пажы и лакеевъ, классъ очень многочисленный въ Англіи, женятся не иначе, какъ имѣя по крайней мѣрѣ такой доходъ.

— Что же дѣлаетъ большинство, не имѣющее этого необходимого, по вашему, дохода? — спросилъ Паоло.

— Большая часть остаются холостыми, и ищутъ замѣняющихъ средствъ. Законы общественные никого не сдѣлаютъ лучшимъ, болѣе благоразумнымъ или болѣе счастливымъ.

Паоло, съ смущеннымъ видомъ, на минуту задумался, потомъ сказалъ съ важностью:

Хотя бы всякая буква, произнесенная вами была неоспоримой истинной, я не буду отчаяваться, потому что если она меня полюбитъ, — *полюбитъ*, понимаете вы? — она не задумается, скажу болѣе, она почетъ себя счастливою сбросить съ себя все эти условныя предразсудки, и, взявъ объ руку со мною, не посмотритъ ни на дождь, ни на грязь.

— Конечно, она не задумается, если только этотъ день когда-нибудь настанетъ, — отвѣчалъ Мортимеръ; — но вопросъ: настанетъ ли онъ? «Не льсти себя надеждою быть любимымъ слишкомъ много женщиною, которая любить самое себя» сказалъ Пизагоръ. Нѣтъ мѣста ни въ сердцѣ ни въ головѣ для двухъ сильныхъ страстей. Пьяницы и картежники не думаютъ о любви. Для свѣтской женщины, любовь дѣло совершенно постороннее, главное для нея — это свѣтъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Миссъ Лавинія въ дезабилье.

Между тѣмъ сѣмя, брошенное графомъ въ одинъ прекрасный вечеръ за столомъ мистера Джонса (мы намекаемъ на любезное замѣчаніе, сорвавшееся съ устъ этой благородной персоны и относившееся прямо къ Лавиніи по поводу нѣкоторыхъ чудныхъ картинъ, для пріобрѣтенія которыхъ стоило только нагнуться, чтобы поднять ихъ), это ничтожное зерно, старательно взлѣбанное, расло и процвѣтало такъ успѣшно, что подавало большія надежды въ будущемъ.

У насъ въ настоящую минуту слишкомъ много дѣла для того, чтобы входить во всѣ подробности ученой тактики, съ помощью которой двое достойныхъ союзниковъ стремились къ осуществленію своихъ плановъ.

Впрочемъ, самый процессъ дѣйствія былъ старъ, какъ міръ. Всѣ мы, безъ исключенія, наследовали отъ нашей праmaterи Евы слабость, предающую насъ на произволъ перваго встрѣчнаго, которому вздумается намъ польстить. А такъ какъ графъ и кавалеръ обладали первостепенныхъ искусствомъ въ этомъ родѣ игры, то, благодаря ихъ ловкимъ штукамъ, тщеславіе дяди и племянницы было возбуждено легко. По достиженіи этого результата, были созданы разнаго рода трудности и въ то же время найдены конкурренты. Такой-то князь напалъ на слѣдъ скрытаго сокровища, герцогъ такой-то отправилъ факторовъ на поиски, а какой-то кардиналъ получилъ отъ его святѣйшества позволеніе на пріобрѣтеніе этихъ драгоценностей для галлерей Ватикана. Однимъ словомъ, послѣ достаточныхъ колебаній между страхомъ и надеждою, мистеръ Джонсъ и Лавинія испытали все упоеніе одержавной побѣды, когда, однажды вечеромъ, довольно поздно, въ палаццо Морлакки, подъ личнымъ надзоромъ самого графа, были «принесены великолѣпные остатки когда то великолѣпной галлерей» и положены въ мастерской миссъ Лавиніи. Все это было окружено такою таинственностію и столь неоднократно предостереженіями о молчаніи, какъ будто-бы дѣло шло не о шести маленкихъ картинахъ, а о полудюжинѣ пороховыхъ бочекъ, предназначенныхъ для того, чтобы завтра взорвать замокъ св. Ангела.

Ближайшимъ слѣдствіемъ этого великаго событія было то, что на другой день утромъ, черезъ часъ послѣ разговора своего съ Мортимеромъ, Паоло получалъ особенное приглашеніе явиться къ своей авглійской богинѣ. Читатель помнитъ, что запрещеніе, охранявшее эти шесть мастерскихъ произведеній отъ взоровъ профановъ, не должно было простираться на Паоло. Графъ весьма любезно согласился на испрошенное миссъ Джонсъ исключеніе въ его пользу. Приглашеніе, написанное рукою обожаемой особы, состояло изъ полуторыхъ строчекъ; но это былъ почеркъ ея руки, столь милой и драгоценной во всякое время, а теперь болѣе чѣмъ когда либо: очаровательные автографы, на которые Лавинія была столь щедра до того дня, когда Паоло перешолъ за Рубиконъ, совершенно прекратились съ тѣхъ поръ, и молодой римлянинъ буквально жаждалъ этого почерка, ровнаго, твердаго и красиваго. Каждое внѣшнее совершенство этого почерка—таково ужъ свойство влюбленныхъ—казалось ему выраженіемъ нравственнаго совершенства писавшей особы. Безполезно говорить, что онъ поглощалъ каждое слово дорогаго посланія и поспѣшилъ отправиться на зовъ.

Въ передней онъ встрѣтилъ горничную миссъ Лавинія, очевидно воставленную тамъ въ качествѣ часового. Она ввела его въ кабинетъ своей госпожи,—это запѣтый сантогитъ, куда онъ не входилъ

уже съ... незапамятныхъ временъ. Паоло, сердце котораго трепетало отъ волненія, внутренно спрашивалъ себя, что значить этотъ дождь милостей, внезапно посыпавшихся на него, какъ вдругъ съ шумомъ отворилась дверь, въ которой неожиданно появилась Лавинія съ лицомъ, сіяющимъ отъ удовольствія. — Наконецъ-то мы ихъ достали! — воскликнула молодая дѣвушка, подбѣгая къ нему, — мы наконецъ приобрѣли ихъ, — сказала она тономъ торжества, — пойдите смотрѣть. — И, не давая ему времени понять эти слова, она увлекла его въ часть комнаты, отдѣленную ширмами и носившую названіе ея мастерской. Шестъ картинъ различныхъ размѣровъ стояли тамъ, прислоненными къ стѣнѣ. «Посмотрите, — сказала она скороговоркой, указывая на нихъ, — это шесть драгоценныхъ камней, не правда ли? Они чуть-чуть не ускользнули отъ насъ! Я вамъ расскажу всѣ подробности послѣ; но у насъ, какъ нарочно, теперь гости въ залѣ, такъ что я не могу даже остаться, чтобы принять ваши поздравленія. Впрочемъ, я оставляю васъ въ хорошемъ обществѣ. И она исчезла съ быстрою молніею.

Паоло былъ порядочно разочарованъ, что его призвали для разсматриванія картинъ, тогда какъ онъ рассчитывалъ — на что именно, онъ самъ хорошенько не зналъ, — но на что-то совершенно другое. А хуже всего было то, что его оставили одного, что онъ не имѣлъ утѣшенія, разливаемаго милымъ ея присутствіемъ. Чтѣ бы тамъ ни было, а ему предстояло исполнить обязанность, и онъ, молча, принялся за дѣло, хотя не съ очень-то довольною миной. Онъ медленно разсматривалъ каждую изъ картинъ, поочередно брагъ ихъ въ руки, приближалъ къ окну, заботливо стиралъ пыль съ иленъ и вензелей, разглядывалъ лицо и изнанку, намочилъ кончикъ платка и потеръ имъ нѣкоторыя мѣста, показавшіяся ему подозрительными; потомъ, въ заключеніе, поставилъ картины на прежнее мѣсто и сѣлъ передъ ними съ видомъ безнадежности, который мы замѣтили у него при взглядѣ на собственную свою картину--Бреннъ у Рима.

Миссъ Лавинія застала его въ этой меланхолической позѣ. И ея лицо также измѣнило свое выраженіе въ короткій промежутокъ ея отсутствія: оно покрылось облакомъ, которое никакъ не могло разсѣяться при видѣ вытянутой фізіономіи молодого живописца; звуки ея голоса потеряли много изъ своей прежней веселости, которую отличались за четверть часа передъ тѣмъ.

— Вамъ, какъ видно, неслишкомъ-то весело въ обществѣ моихъ любимцевъ, — сказала она.

— Я дѣйствительно въ отчаяніи, что въ этомъ отношеніи не могу горячо сочувствовать вамъ, — сказалъ Паоло, съ поддѣльною веселостью.

— Можетъ быть, — возразила Лавинія съ возраставшимъ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ, — можетъ быть, подобныхъ маэстро, какъ Дель-Креда и Спада вы считаете недостойными вашего удивленія?

Итальянецъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. — Не ужали, — возразилъ онъ, — я когда-либо сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь такое, чтѣ можетъ подвергнуть меня обвиненію въ чудовищной само-

надѣяности, на которую намекають ваши слова?—Онъ остановился, какъ будто въ ожиданіи отвѣта, но, не получивъ его, продолжалъ:— ежели я провинился, то умоляю васъ сказать мнѣ—гдѣ и когда, чтобы я могъ принести покаяніе. Я питаю глубочайшее уваженіе къ маэстро, которыхъ вы назвали, и ставлю ихъ произведенія очень высоко, — прибавилъ онъ, съ намѣреніемъ дѣлая удареніе на словѣ ихъ. — Я говорю о картинахъ, дѣйствительно имъ принадлежащихъ.

— Развѣ вы предполагаете, что произведенія эти—не оригиналы?— рѣзко спросила молодая дѣвушка.

— Насколько я понимаю, это не оригиналы,—сухо и рѣшительно отвѣчалъ Паоло.

Миссъ Лавинія вздрогнула, и, въ минуту досады, смяла письмо, которое держала въ рукѣ. Это движеніе не ускользнуло отъ пронзительнаго взгляда молодого живописца, потому что онъ успѣшилъ прибавить съ жаромъ:—я не считаю нужнымъ повторять вамъ, какъ сожалею, что нахожусь вынужденнымъ огорчить васъ и поразить неприятнымъ образомъ. Но развѣ я не правъ, думая, что вы, посылая за мною, желали услышать откровенный отзывъ, а не лесть?

— О! что касается до лести, никому не вздумается обвинять васъ въ обладаніи малѣйшимъ искусствомъ этого рода,—возразила миссъ Джонсъ.

Пронесенныя другимъ тономъ, слова эти могли бы быть приняты за простую шутку; но въ тонѣ молодой дѣвушки звучалъ горькій упрекъ.

— Развѣ говорить правду безъ околичностей — это проступокъ? — воскликнулъ Паоло;—неужели надобно остерегаться ея, какъ заряженныхъ пистолетовъ?

— Во всякомъ случаѣ,—сказала холодно миссъ Джонсъ, — нужно болѣе всего остерегаться, какъ-бы не ошибиться вслѣдствіе заранѣе составленнаго предубѣжденія.

— Какое же предубѣжденіе можетъ руководить мною въ настоящемъ случаѣ?—спросилъ Паоло, котораго лицо побагровѣло.

— Картины эти пріобрѣтены по предложенію графа; этого одного было достаточно для васъ, чтобы съ перваго раза внушить къ нимъ отвращеніе. Все, что бы ни дѣлалось по совѣту графа, считается дурнымъ въ вашихъ глазахъ, даже то, что онъ предпринимаетъ или совѣтуетъ, имѣя въ виду собственную вашу пользу.

— Умоляю васъ, ни слова болѣе объ этомъ,—сказалъ Паоло, дѣлая жестокое усміе, чтобы удержаться отъ вспышки.

— Да, все, что онъ дѣлаетъ или совѣтуетъ, непременно встрѣчаетъ сильнѣйшую оппозицію съ вашей стороны,—прибавила молодая дѣвушка.

— А съ вашей полнѣйшее одобреніе, — возразилъ молодой чело-вѣкъ.—Неужели же мнѣ слѣдуетъ закрыть глаза и объявить великолѣпнымъ то, что есть не болѣе какъ посредственность, восхвалять копія наравнѣ съ оригиналами, и дѣлать все это единственно основываясь на рекомендаціи со стороны графа? Я предлагаю кому угод-

но, лишь бы это былъ не слѣпой,—продолжалъ Паоло,—прямо подхо-
дя къ несчастнымъ картинамъ и поочередно указывая на нихъ
пальцемъ,—я предлагаю рѣшить первому встрѣчному, могла ли эта
кривая рука быть нарисована Лионелломъ, или же имѣетъ ли коло-
рить этой мадонны хоть малѣйшее сходство съ колоритомъ Дель-
Креди. Что же касается до Каналетти, то ученикъ, только полгода
посѣщающій санъ-луккскую академію, съ перваго раза замѣтилъ бы,
что это подлогъ. Я повторяю, что никогда не встрѣчалось болѣе
безстыдной лжи.

— Знаете ли вы, что, говоря подобнымъ образомъ, вы наносите
оскорбленіе характеру дворянина, въ высшей степени достойнаго ува-
женія?—возразила миссъ Лавинія, тономъ горечи.

Паоло видѣлъ въ этихъ словахъ подтвержденіе сомнѣній, противъ
которыхъ боролся долгое время по поводу извѣстнаго рода слабос-
ти Лавиніи къ титуламъ, слабости, которую молодой демократъ не-
навидѣлъ и порицалъ; поэтому-то онъ уже окончательно потерялъ
терпѣніе.—Ахъ, Боже мой!—вскричалъ молодой дикарь, въ припадкѣ
вспыльчивости,—слушая васъ, можно вообразить, что этотъ графъ—
какое нибудь мнѳологическое божество.—Что *знаете* вы и что *можете*
знать объ этомъ человѣкѣ и о степени уваженія, котораго онъ за-
служиваетъ? Вы знаете о немъ столько же, какъ о жителяхъ луны. Лич-
ность совсѣмъ вамъ незнакома, представленная другимъ господиномъ,
извѣстнымъ вамъ въ такой же степени,—вотъ всѣ данныя, на кото-
рыхъ вы основываете ваше мнѣніе, ежели вы, впрочемъ, не предпо-
лагаете, что одиень графскій титулъ, настоящій или ложный, есть
достаточное ручательство за всевозможныя достоинства и добродѣтели.

— Ахъ, умоляю всѣхъ, — прервала миссъ Джонсъ, качая головою
съ очаровательною дерзостію, — будьте такъ добры, увольте меня
отъ повторенія вашихъ тирадъ противъ всѣхъ лицъ, принадлежа-
щихъ къ дворянскому сословію. Я уже знаю наизусть все, что вы
думаете рассказывать по этому поводу.

— Ежели вы знаете все наизусть, — началъ Паоло, и багровая
краска его щокъ и огонь, свѣтившійся въ зрачкахъ, предвѣщали
громовую реплику... Но въ эту критическую минуту появленіе гор-
ничной миссъ Лавиніи принудило его прекратить свою рѣчь. Въ за-
лѣ спрашивали миссъ Джонсъ.

— Какое наказаніе!—проговорила въ полголоса миссъ Лавинія.—Не
уходите до моего возвращенія. И, проговоривъ эти слова, она снова
оставила итальянца наединѣ съ его мыслями.

Паоло былъ задѣтъ за-живое не столько противорѣчіемъ, которое
онъ встрѣтилъ, сколько способомъ, какимъ оно было высказано.
Какъ могло случиться, что Лавинія,—до тѣхъ поръ постоянно крот-
кая, любезная, снисходительная,—могла внезапно сдѣлаться съ нимъ
рѣзкою, повелительною, жесткою? Въ первый разъ онъ открылъ въ
ея голосѣ такой тонъ, въ ея глазахъ такой взглядъ, въ ея лицѣ та-
кое выраженіе, существованія которыхъ ему невозможно было и по-
дозрѣвать прежде.

— Съ какимъ жаромъ она защищала своего дорогого шарлатана-

графа!—говорилъ онъ, шагая по небольшому пространству, занимаемому мастерскою молодой дѣвушки. — Она ни минуты не колебалась между мнѣніемъ его и моимъ. Ну, пусть она полагается на него, пусть вѣритъ въ его чудеса. Зачѣмъ же было призывать меня, если мнѣніе ея было уже заранѣе составлено? Вѣроятно для того, чтобы я подивился ея покупкѣ. Я начинаю подозрѣвать, что Торнтонъ, пожалуй, и правъ. Эти гордые островитяне ласкаютъ васъ, пока вы потворствуете ихъ фантазіямъ; осмѣлся же только не сойтись съ ними во мнѣніяхъ, они безъ всякихъ церемоній помянутъ васъ къ чорту. Очень любопытно знать, долго ли она думаетъ заставить меня стеречь свои сокровища. — Паоло еще разъ обошелъ мастерскую, сѣлъ, потомъ снова всталъ, и, наконецъ потерявъ терпѣніе, ушелъ тою же дорогою, которую пришелъ.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, намъ нужно разъяснить два пункта: во первыхъ, каковы бы ни были предубѣжденія Паоло противъ аристократіи, какъ учрежденія (читатель не долженъ забывать, что молодой человѣкъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Граковъ), онъ былъ въ слишкомъ сильной степени человѣкомъ своего времени и находился въ короткихъ отношеніяхъ съ слишкомъ многими прекрасными людьми, носившими громкія имена и титулы, чтобы раздѣлять предразсудки своего отца и дѣда противъ отдѣльных личностей изъ сословія нобилей. Малое уваженіе, оказываемое имъ графу Фортигуэрра, происходило отъ причинъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго отношенія къ титулу этого человѣка.

Второй пунктъ мы желаемъ разъяснить въ пользу миссъ Лавини. Мы спѣшимъ указать на фактъ, что оппозиція Паоло въ дѣлѣ о картинахъ, для приобрѣтенія которыхъ она устроила все рвеніе и увлеченіе своего характера, никогда не могла бы до такой степени вывести ее изъ себя, какъ это случилось въ настоящую минуту, безъ другихъ и, притомъ, серьезныхъ причинъ къ досадѣ и раздраженію.

Миссъ Лавини встала въ это утро въ наилучшемъ расположеніи духа, и когда, за завтракомъ, тѣтка подала ей пригласительный билетъ на первый балъ князя Торлонія, назначенный въ слѣдующую субботу, пріятное расположеніе ея духа обратилось въ совершенный восторгъ. Подъ вліяніемъ этихъ ощущеній написала она нѣсколько строчекъ къ Паоло и приказала ввести нашего живописца прямо въ свою мастерскую. Пріемъ, сдѣланный ему вначалѣ, хотя и второпяхъ (адмиралъ Влекеттъ съ дочерью входилъ въ это время въ отель, и ей надобно было отправиться къ нимъ) былъ очень милъ и любезенъ. Пока все шло хорошо; но въ короткій промежутокъ ея перваго и втораго появленія въ мастерской, она получила извѣстіе, которое значительно испортило ея прекрасное расположеніе духа. Вотъ нѣкоторое объясненіе насчетъ этихъ новостей.

Проѣздомъ черезъ Парижъ, четыре мѣсяца назадъ, миссъ Лавини заказала себѣ нѣсколько платьевъ у знаменитой французской модистки, мадамъ Лами Гусэ, которой магазинъ составляетъ славу улицы la-Raix. Авторъ чувствуетъ большое удовольствіе, упоминая о подобныхъ именахъ. Пусть профаны узнаютъ, что вѣтъ магазина

г-жи Гусэ нѣтъ спасенія для англійскихъ леди; по-крайней-мѣрѣ таково было убѣжденіе миссъ Джонсъ и нѣкоторыхъ другихъ, хотя и существовала сильнѣйшая оппозиція въ пользу г-жи Земобинъ—извините, Пальмиры: связь идей ввела меня въ ошибку—и пальмиритицы съ презрѣніемъ смотрятъ на гусэтистокъ. Мы дѣлаемъ это отступленіе съ хорошимъ намѣреніемъ.—Итакъ, миссъ Джонсъ была въ такомъ восторгѣ отъ платьевъ мадамъ Лами, что рѣшилась заказать для зимняго сезона еще нѣсколько новыхъ, которыя должны были быть присланы ей во Флоренцію, въ отель Гартмана, гдѣ семейство Джонсовъ полагало пробыть по-крайней-мѣрѣ до конца октября. Но, вслѣдствіе непонятнаго каприза мистера Джонса, они покинули Флоренцію такъ поспѣшно, что отъѣзд ихъ походилъ болѣе на побѣгъ. Миссъ Джонсъ не позабыла о своихъ платьяхъ, напротивъ, она оставила наиподробнѣйшія инструкціи г. и г-жѣ Гарманъ касательно ящика, ожидаемаго изъ Парижа, прося, чтобы онъ немедленно былъ отправленъ въ Римъ и переданъ тамъ англійскому консулу. Когда, по прошествіи цѣлыхъ шести недѣль, ящикъ не былъ полученъ, миссъ Джонсъ написала къ мадамъ Лами Гусэ, прося объясненія этой остановки. Съ слѣдующую же вѣчю модистка самымъ вѣжливымъ образомъ увѣдомила миссъ Джонсъ, что, согласно ея приказаніямъ, платья уже мѣсяць тому назадъ были отправлены во Флоренцію; но, такъ-какъ всѣ поиски для отысканія миссъ Джонсъ остались тщетны, то ящикъ былъ обратно высланъ въ Парижъ, и что, поэтому, она (г-же Гусэ) проситъ увѣдомить,—посылать ли эти вещи въ Римъ, или въ другое какое мѣсто?

Предоставляю читателямъ судить, каковы были чувства миссъ Джонсъ при чтеніи этого письма, того самаго, которое она съ досады смела при спорѣ съ Паоло: Мы убѣждены, что всѣ наши прекрасныя читательницы, подобно намъ, скажутъ,—мы же говоримъ совершенно серьезно,—что подобное недоразумѣніе было достаточно для того, чтобъ заставить выйти изъ себя даже самую хладнокровную женщину, въ особенности наканунѣ бала у князя Торлонія. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой-то ужасной новости возвратилась Лавинія къ Паоло; а такъ-какъ пороховой ящикъ былъ переполненъ, то достаточно было одной искры для его взрыва.

Здѣсь является вопросъ: случился ли бы взрывъ, если-бы описанное нами неприятое извѣстіе миссъ Джонсъ получила двумя недѣлями раньше, то есть прежде формальнаго призванія Паоло? Взвѣсивъ все, мы должны произнести отрицательный отвѣтъ. Въ продолженіе періода, который мы можемъ назвать ухаживаніемъ Паоло, миссъ Лавинія имѣла своего рода неприятности—у кого ихъ нѣтъ?—и, насколько мы можемъ предполагать, она вымещала свои неудовольствія на горничной, модисткѣ или же на черномъ скакумѣ, удостоившемся чести возить ея особу; но никогда эти неприятности не имѣли вліянія на обращеніе ея съ Паоло. Для него она (за исключеніемъ двухъ или трехъ случаевъ, когда она хотѣла отплатить ему за какую-нибудь воображаемую или дѣйствительную обиду съ его стороны)

была постоянно весела, ласкова и любезна. Дѣло въ томъ, что,—кромѣ нѣсколько романтическихъ и подстрекавшихъ обстоятельствъ, при которыхъ она съ нимъ познакомилась, даже кромѣ блеска его таланта,—воображеніе Лавиніи было до крайности возбуждено оригинальнѣмъ образомъ мыслей и дѣйствій Паоло, цѣлительною независимостью его характера и его внезапными порывистыми вспышками, которыя дѣлали его похожими на какого-нибудь enfant terrible. Каждая изъ этихъ странностей, такъ же, какъ и всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, придавали ему въ глазахъ молодой англичанки прелесть новизны и рѣдкости, и внушали ей желаніе понравиться молодому художнику. Вслѣдствіе этого Лавинія дѣйствовала такъ, какъ, по мнѣнію Торятона, дѣлаютъ всѣ молодые особы, желающія кому-нибудь понравиться: она немножко *рассовалась*, т. е. выказывала предъ Паоло только свѣтлыя стороны своего характера.

Эту методу мы не только не осуждаемъ, но советуемъ принять къ свѣдѣнію: въ особенности же людямъ женатымъ: ничто не можетъ быть достойнѣе подражанія и до такой степени не способствуетъ къ доброму согласію и счастью семейной жизни, какъ постоянная привычка оставлять въ тѣни свои недостатки и освѣщать любимыхъ особъ свѣтлыми сторонами нашего характера. Сколько было бы мирныхъ супружествъ и гораздо счастливѣйшихъ семействъ, если бы мужчины, равно какъ и женщины, вмѣсто того чтобы являться другъ передъ другомъ въ небрежномъ туалетѣ и туалетахъ, сохраняли бы изысканный костюмъ и любезное обращеніе, которое они выка зывали, ухаживая другъ за другомъ!

Но возвратимся къ нашему предмету. Объясненіе Паоло въ любви, подобно каменной брошенному на гладкую поверхность озера, отчасти нарушило ясность души маисъ Джонсъ. Столкновеніе идей, которое оно возбуждало, великодушное намѣреніе до извѣстной степени прилагать нашу героиню, превзошло въ ней значительную перемену: оно показало ей итальянца съ совершенной новой стороны. Паоло имѣлъ слишкомъ мало вліянія на Лавинію для того, чтобы быть принятымъ ею безъ всякаго ограниченія, и слишкомъ много для того, чтобы быть окончательно отвергнутымъ ею. Она смотрѣла на него съ высоты приносящей его жертвы, считала его своимъ, безгранично обязаннымъ ей, должникомъ; самый трудъ, который она на себя приняла—довоспитать его до ея собственнаго уровня, не мало увеличивала въ ней чувство сознанія собственнаго превосходства. Съ другой стороны неопытный восторгъ, высказываемый молодымъ человекомъ при видѣ ея, покоряла и скромныя манеры, столь отличныя отъ тѣхъ, которыхъ она ожидала при обстоятельствахъ сопровождавшихъ его объясненіе, все—это живѣйшимъ образомъ трогая ея сердце, тѣмъ не менѣе внушало ей безграничную увѣренность въ ея вліяніе надъ нимъ. Эта совершенная увѣренность и новая точка зрѣнія, съ которой она теперь смотрѣла на Паоло, должны были повлечь за собою неизбѣжный результатъ. Выигрывая въ одномъ отношеніи, Паоло терпѣлъ въ другомъ.

Мы вообще не очень-то заботимся объ украшеніи своей особы для людей, которые многимъ намъ обязаны и на должное почтеніе которыхъ мы имѣемъ право рассчитывать во всякомъ случаѣ. Миссъ Лавинія постепенно ослабѣвала, разумѣется совершенно безсознательно, въ томъ постоянномъ наблюденіи за собою, которае дѣлало прежнія ея отношенія къ Паоло столь невозмутимыми и пріятными, до того прекраснаго утра, когда, будучи случайно въ дурномъ, раздраженномъ состояніи духа, не выдержала и прямо выказала его передъ молодымъ человѣкомъ.

Велико было удивленіе и даже безпокойство миссъ Лавинія, когда, скоро, возвратясь въ мастерскую, въ полной увѣренности застать Паоло, она увидѣла, что логовище пусто и дѣтенышъ ушолъ, — ушолъ, безъ сомнѣнія въ гнѣвѣ, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы болѣе уже не возвращаться. Это, впрочемъ, было бы ей достойнымъ возмездіемъ. Внезапная переиѣна произошла въ ея мысляхъ. Какъ осмѣлилась она поступить съ нимъ такъ грубо, послѣ всей кротости и деликатности, которую онъ обнаружилъ, послѣ всего того, чѣмъ она была ему обязана! Развѣ она не знала его впечатлительной натуры? развѣ не помнила, какъ онъ принимаетъ къ сердцу малѣйшій недостатокъ вниманія со стороны любимыхъ имъ особъ?

Только страхъ потерять предметъ, который въ дѣйствительности не саншкомъ - то для насъ дорогъ, заставляетъ насъ сожалѣть о немъ, возвышаетъ его цѣну въ нашихъ глазахъ и показываетъ какъ мы, сами того не замѣчая, были къ нему привязаны. Если напр. даже какая нибудь ручная бѣлка — минутная наша прихоть — вырвется изъ своей кѣтки и убѣжитъ въ лѣсъ, то сколько сожалѣній мы выскажемъ по этому поводу! Какое это было очаровательное маленькое созданіе! Какая миленькая игрушка! Какъ мы ее любили! И тогда-то мы подымаемъ суматоху, и тогда-то мы станемъ безпоковаться о томъ, какъ бы поймать дорогую бѣглянку и снова запереть въ кѣтку. Увы!..

Подобнаго рода мысли толпились въ умѣ миссъ Лавинія. Простой фактъ исчезновенія Паоло вдругъ самымъ рельефнымъ образомъ выставилъ высокія качества молодого живописца и стѣшеваль его недостатки. Стыдъ, раскаяніе и частію угрызенія совѣсти заставили исчезнуть все самодовольство и надменность, которыми она на минуту увлеклась. Самое томительное безпокойство, страхъ навсегда потерять его, замѣнили беззаботное усыпленіе, въ которомъ она находилась съ нѣкоторыхъ поръ. Поддавшись минутному порыву, страстная молодая дѣвушка не имѣла покоя, пока не сѣла въ карету въ сопровожденіи тетки и не отправилась вмѣстѣ съ нею по дорогѣ къ *via Frattinga*. Паоло сидѣлъ верхомъ на стулѣ, облокот. вшвъ локтями на его спинку, въ повѣ, въ которой мы уже два раза заставляли его, и которую онъ, вѣроятно, преимущественно принималъ, когда былъ чѣмъ нибудь раздражонъ. Онъ былъ въ одной рубашкѣ — ему было жарко, несмотря на пронзительный вѣтеръ — и казался совершенно погружоннымъ въ созерданіе струи голубоаатаго дыма, кото-

рую выпустилъ изъ рта. Будучи всегда плохимъ курильщикомъ, Паоло не бралъ въ ротъ сигары съ того самаго дня, когда въ первый разъ былъ въ палатцѣ Морлакки. Лавинія знала это обстоятельство. Въ эту минуту выраженіе его лица, не предвѣщало ничего хорошаго. На немъ какъ-будто были написаны слова; «чортъ побери все!» При видѣ неожиданныхъ посѣтительницъ, Паоло такъ быстро всталъ съ своего стула, что опрокинулъ его; потомъ швырнулъ свою сигару въ окно, бросился къ своему платью, и, съ лицомъ совершенно багровымъ (мы не знаемъ было-ли это отъ смущенія, радости или досады), пробормоталъ наскоро нѣсколько словъ извиненія.

— Это намъ слѣдовало бы просить извиненія, — сказала миссъ Джонсъ, — я пріѣхала мириться съ вами.

— Мириться!—новторилъ Паоло,—для этого сперва нужно воевать, а, сколько мнѣ кажется, между нами не было ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ съ моей стороны.

— Благодарю,—сказала Лавинія,—это столь же любезно, какъ и великодушно съ вашей стороны, ежели только вы говорите откровенно.—Потомъ, спохватившись, она поспѣшила прибавить:—Съ вашей стороны это не можетъ быть иначе, какъ откровенно. Позвольте, не мѣшайте мнѣ покаяться.

Онъ хотѣлъ говорить, но она не допустила его до этого.

— Да, да, я была очень дерзка, глупа, груба и упряма.

— Довольно, перестаньте,—вскричалъ Паоло, умоляющимъ тономъ.

— И такъ, скажите же, что вы меня прощаете.

— Увѣряю васъ, что дѣлаю это отъ души.

— Не тая въ душѣ никакихъ ограниченій?

— Увѣряю васъ въ этомъ,—поспѣшилъ подтвердить молодой человекъ.

— И въ васъ не осталось ни малѣйшаго чувства досады?

— Ни малѣйшаго атома.

— Вы вполне въ этомъ увѣрены?—наставала Лавинія.

— Вполнѣ увѣренъ; мнѣ бы хотѣлось найти способъ увѣрить и васъ.

— Окажите же мнѣ одну благосклонность, и тогда послѣднее сомнѣніе исчезнетъ.

— Говорите,—сказалъ Паоло.

— Но вы сперва должны обѣщать мнѣ исполненіе просьбы.

— Я не люблю связывать себя заранѣе,—отвѣчалъ Паоло,—впрочемъ, на этотъ разъ я нарушу всѣ принятые правила. Скажите мнѣ, чего вы хотите—и я послушаюсь.

— Это верхъ любезности,—воскликнула торжествовавшая Лавинія.—Мы въ будущую субботу отправляемся на балъ къ князю Торлонія; я знаю, что вамъ легко будетъ достать себѣ пригласительный билетъ. Тамъ мы сойдемся съ вами. Хотите?

— Ежели вы настаиваете, то я, пожалуй, согласенъ,—сказалъ Паоло съ видомъ и тономъ, въ которыхъ проглядывало неудовольствіе,—но...

— Пожалуйста, безъ но,—прервала Лавинія, и настаиваю и настаиваю положительнымъ образомъ. Я хочу, чтобы вы показали намъ свои великолѣпныя фрески.

— Вы знаете ихъ нанзустъ,—сказалъ онъ.

— Это ничего не значить, я никогда не видала ихъ вмѣстѣ съ вами, а этого-то мнѣ и хочется.

— На балѣ я буду чувствовать себя совершенно не на мѣстѣ! — возразилъ Паоло, какъ-бы въ свою защиту;—я никогда не былъ ни на одномъ балѣ; это одна изъ тѣхъ вещей, къ которымъ я совершенно неспособенъ.

— А почему же вы знаете это, если вы говорите, что не имѣете понятія о балѣ?—спросила молодая дѣвушка.

— Истинникъ часто предупреждаетъ насъ о многомъ,—возразилъ Паоло.

— Въ такомъ случаѣ пусть это будетъ жертвою для меня, чтобы доставить мнѣ удовольствіе.

Противъ такого рода просьбы, выраженной подобнымъ голосомъ и взглядомъ (однимъ изъ тѣхъ всемогущихъ взглядовъ, тайною которыхъ обладала Лавинія), Паоло не могъ устоять и сдался на капитуляцію. За это пораженіе побѣдитель поблагодарилъ и тотчасъ же вознаграждалъ побѣжденнаго, положивъ въ его руку самую бѣленькую, мпнятюрную и нѣжную изъ всѣхъ ручекъ въ мірѣ. Послѣ этого посѣтительницы удалились; тетка едва могла понять важность свиданія, при которомъ присутствовала, а племянница была восхищена тѣмъ, что убила двухъ зайцевъ однимъ выстрѣломъ, т. е. что вновь возвратила въ мѣтку вырвавшуюся-было бѣлку и что имѣла случай выучить ее нѣсколькимъ новымъ штукамъ.

Паоло провелъ остальную часть дня въ томъ, что называлъ себя грубияномъ за свое невѣжливое бѣгство изъ мастерской, и возстановлялъ миссъ Джонсъ въ ея роли ангела, вмѣстѣ съ тѣмъ проклиная необходимость отправиться на балъ, и въ то же время благодарилъ небо за то, что Лавинія желала видѣть его тамъ, «потому что, говорилъ нашъ влюбленный,—ежели бы она не дорожила мною, какое было бы ей дѣло, встрѣтить она меня тамъ или нѣтъ?»

Когда, день или два спустя, Паоло объявилъ Торнтону, что онъ отправляется на балъ Торлюніа — онъ въ это время уже успѣлъ достать себѣ пригласительный билетъ — Торнтонъ не сталъ ему противорѣчить; напротивъ даже одобрилъ егo намѣреніе.

— Такъ какъ только одинъ тяжелый опытъ можетъ открыть тебѣ глаза,—сказалъ мизантропъ,—то для перваго шага ты не могъ выбрать болѣе удобнаго случая. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ на балѣ съ миссъ Джонсъ скорѣе помогутъ тебѣ ознакомиться съ ея характеромъ, нежели десять лѣтъ ежедневныхъ визитовъ. Ничто не можетъ до такой степени способствовать къ разоблаченію характера женщины: на балѣ женщина выказывается вполне. Къ тому же тебѣ поря познакомиться съ твоимъ соперникомъ.

— Съ моимъ соперникомъ?—вскричалъ молодой человекъ.

— Да; съ тѣмъ ужаснымъ соперникомъ, который находится вездѣ и нигдѣ, который безнаказанно можетъ довести тебя до сумасшествія—словомъ—со свѣтомъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

СЕМЕЙНЫХЪ ЗАПИСОКЪ РОЖНОВЫХЪ.

У.

Оренбургскій край около этого времени началъ замѣтно населяться: помѣщики покупали за ничтожныя цѣны земли и переводили на нихъ крестьянъ. Еще Петръ Ивановичъ, будучи женатъ на первой женѣ, виѣсть съ генераломъ Бахметевымъ и Кенлюдовымъ купили у башкирцевъ огромный участокъ земли — болѣе двадцати тысячъ десятинъ, за три тысячи рублей и раздѣлили его на три равныя части: Петръ Ивановичъ поселилъ с. Саврушу, Бахметевъ выстроилъ хутора, а Кенлюдовъ поселился самъ, перевелъ достаточное количество крестьянъ и впоследствии выстроилъ церковь; и такимъ образомъ явилось село Кенлюдово, которое благоволично существуетъ и до-сихъ-поръ; но теперь уже только названіе села сохранило воспоминаніе о фамиліи Кенлюдовыхъ. Въ это же время сосѣдство с. Савруши еще увеличилось однимъ семействомъ: Багровъ купилъ у башкирцевъ же довольно-значительный участокъ земли, на рѣкѣ Бугурусланѣ, перевелъ туда крестьянъ, построилъ мельницу и потомъ переехалъ со всею своимъ семействомъ въ новое помѣстье с. Багрово. Это новое поселеніе было всего въ пятнадцати верстахъ

отъ Савруши, но владѣльцы-сосѣди другъ съ другомъ хлѣба-соли не водили. Въ періодъ этой тихой, безмятежной жизни прошло болѣе десяти лѣтъ. Дѣдушка сдѣлался уже вполне мужчиной, окрѣпъ, нѣсколько пополнѣлъ и вообще сформировался такъ, какъ и долженъ быть мужчина, пользующійся совершеннымъ здоровьемъ въ двадцать-пять лѣтъ. Оіона Алексѣевна, отъ пронипательнаго взгляда, которой не могло скрыться ничего, стала замѣчать, что сынъ ея не избѣгаетъ ужь женщинъ, а смотритъ на нихъ какъ-то пристальнѣе, чѣго прежде не бывало; а потому она пришла къ радостному заключенію, что ему пора завестись женой, а ей — внучатами, а то, чѣго-добраго, чело-вѣкъ молодой, избалуется! Въ это же время она замѣтила, что кружевница Аксютка стала какъ-то быстро толстѣть, а потому, допросивъ ее тайкомъ о всѣхъ обстоятельствахъ быстрого ея поправленія здоровья, со всѣми малѣйшими подробностями — какъ это всегда дѣлалось встарину — барыня не выхлестала ее и не остригла, что, конечно, случилось только одинъ разъ въ продолженіе всей жизни Оіоны Алексѣевны, и даже не велѣла никому говорить о допросѣ, въ особенности Петру Андреевичу. Это открытіе окончательно убѣдило прабабушку, что времени терять попустому нечего и первымъ ея движеніемъ было — посоветоваться съ братомъ Григоріемъ Алексѣевичемъ. На другой день, въ обычный часъ по утру, онъ явился къ сестрѣ, съ неизмѣннымъ чулкомъ, и хотя было еще очень рано, но Петръ Андреевичъ уже уѣхалъ на охоту, а потому время для семейнаго совѣщанія было какъ нельзя больше благоприятное. Удалившись въ дальнюю комнату и затворивъ двери, Оіона Алексѣевна подробно описала брату всѣ причины и обстоятельства, даже не умолчала о полнотѣ кружевницы; а такъ-какъ братецъ самъ любилъ заниматься *хозяйскими*, какъ онъ выражался, и какъ у него жены не было, то онъ и напoлъ все это вещью не только не странною, но просто должною и даже необходимою. До-сихъ-поръ много людей, для которыхъ устраивать свадьбы — большое наслажденіе, а Роктовъ, обладалъ этимъ достоинствомъ въ высшей степени. Онъ даже и въ свосиѣ имѣнія, отъ нечего дѣлать, любилъ этимъ заниматься; теперь же за женитьбу племянника ухватился обѣими руками. На-комъ женить — это для него было все равно: хоть на козѣ, но только, чтобы Петръ Андреевичъ не смѣлъ оставаться холостымъ. Семейное совѣщаніе, длившееся довольно-долго, наконецъ кончилось и было рѣшено

такъ: братецъ поѣдетъ въ сызранское имѣніе, возьметъ съ собою племянника и тамъ съ нимъ объѣдетъ всѣхъ сосѣдей; и если дѣло поѣдетъ на задъ, то сейчасъ же дастъ знать сестрѣ, которая пріѣдетъ и лично рѣшить — быть или не быть свадьбѣ, смотря по обстоятельствамъ. Теперь же было предложено уговаривать Петра Андреевича ѣхать съ дядей, впрочемъ, не открывая цѣли поѣздки, боясь, что онъ, еще не думая о женитьбѣ, можетъ не поѣхать, что окончательно разстроитъ всѣ планы, надежды и предположенія. Уговорить къ поѣздкѣ дѣдушку не стоило большого труда: Юона Алексѣевна, собравъ въ путь сына, надѣлила его порядочнымъ запасомъ денегъ, для обмундировки въ Симбирскѣ. Долго, по пріѣздѣ въ Новоспасское, Григорій Алексѣевичъ, бросивъ свой чулокъ, возвѣся безъ усѣиха съ племянникомъ; всѣхъ сосѣдей объѣхали они по нѣскольку разъ, но ни одна изъ симбирскихъ красавицъ не умѣла расшевелить сердце Петра Андреевича. Дядя наконецъ сталъ приходить въ отчаяніе и нѣсколько разъ начиналъ браниться съ Петромъ Андреевичемъ, упрекая его, что такъ порочить дѣвушекъ негодится, что много невѣстъ вполне достойныхъ, и въ особенности одна, довольно-богатая, и съ весьма приличнымъ числомъ лѣтъ, во мнѣнію Роктова, была совершенной парой племяннику. Были даже получены свѣдѣнія, конечно, чрезъ людей, что она ожидала только предложенія дѣдушки, чтобы изъявить полное согласіе на вступленіе на новое поприще супруги и хозяйки, и даже вдова, мать ея, говоря съ Петромъ Андреевичемъ, высказала свое мнѣніе, что ему пора завестись хозяйкой и что жить одному скучно. Но такъ-какъ Петръ Андреевичъ не думалъ о женитьбѣ, то очень хладнокровно выслушивалъ все это; а на слова дяди отвѣчалъ, что онъ дѣвушекъ сосѣдямъ не думалъ поносить, и что нельзя же жениться только изъ-за того, чтобы кто-нибудь не обидѣлся. Уничтоженный такими отвѣтами племянника, Григорій Алексѣевичъ, со злобой въ душѣ, сталъ собираться въ Саврушу, оставя всякую мысль о свадьбѣ и давъ себѣ мысленно слово бросить племянника на произволъ судьбы и пусть онъ за упрямство, умретъ неженатымъ. Вдругъ неожиданный случай спасъ дядю и заставлялъ племянника убѣдиться, что завестись миленькой женой вещь очень хорошая. Село Новоспасское принадлежало не одному Роктову, а было общее съ помѣщикомъ И. И. Нечаевымъ, который и жилъ въ этомъ имѣніи. У Ивана Ивановича была сестра Прасковья

Ивановна, которая была за-мужемъ за саратовскимъ помѣщикомъ Шахматовымъ; отъ этого брака у сестры Нечаева было четверо дѣтей: дочь Марья Артамоновна и трое сыновей. Самъ же Шахматовъ былъ убитъ во время пугачовскаго бунта. Рассказываютъ, что самъ Пугачевъ останавливался на отдыхъ въ его имѣніи и потребовалъ къ себѣ помѣщика, и что ему даже очень понравилось, что помѣщикъ не уѣхалъ изъ деревни, какъ обыкновенно тогда всѣ дѣлали; но когда люди сказали, что баринъ съ ними обращается строго, то Пугачевъ велѣлъ казаку убить его, что и было тотчасъ же исполнено.

Къ счастью, Шахматовой съ дѣтьми, въ деревнѣ не было, а то, конечно, и ихъ постигла бы та же участь.

Неожиданный прїездъ Шахматовой съ взрослою уже дочерью къ брату въ сызранское имѣніе и былъ тѣмъ благоприятнымъ случаемъ, о которомъ я говорилъ.

Григорій Алексѣевичъ съ племянникомъ очень часто бывалъ у Нечаева, какъ у самаго близкаго сосѣда; и на обѣдѣ, даннымъ послѣднимъ, по случаю прїезда сестры и племянницы, Петръ Андреевичъ, въ первый разъ, увидалъ Марью Артамоновну. Это была дѣвушка во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная: прїятная привлекательная наружность, высокій ростъ, стройный станъ, лицо нѣсколько рябоватое, но настолько, что это едва было замѣтно и нисколько не безобразило его владѣтельница; а свѣжесть и необыкновенная прїятность выраженія и доброты придавали всей ея особѣ особенную прелесть. Прибавьте къ этому прїятныя манеры, любезность и развязность, безъ излишней приторности, а только какъ слѣдствіе продолжительной жизни въ городѣ, въ хорошемъ обществѣ. Кроме того Марья Артамоновна была для того времени очень хорошо образована: она хорошо знала французскій и нѣмецкій языки и ловко танцевала. Мать Марьи Артамоновны была очень добрая старушка, которая хотя и не получила образованія; но своей добротой искупала этотъ недостатокъ. Въ ней не было ни скарденности, ни нахальства, которымъ отличались всѣ барыни того времени, а напротивъ, во всѣхъ ея поступкахъ была видна приличность, какъ слѣдствіе продолжительной жизни съ мужемъ, который былъ чело-вѣкъ очень умный и жившій много въ обществѣ. Марья Артамоновна произвела на Петра Андреевича вліяніе съ перваго же свиданія на обѣдѣ Нечаева. Она такъ рѣзко отличалась отъ всѣхъ другихъ невестъ, которыхъ Григорій Алексѣе-

вѣтъ показывалъ своему племяннику, что невольно заставляла обратить на себя особенное вниманіе. Петръ Андреевичъ, пробывъ у Ивана Ивановича цѣлый день, уѣхалъ окончательно влюбленнымъ, и хотя онъ ничего не говорилъ объ этомъ дядѣ, но тотъ все-таки успѣлъ замѣтить, что племянникъ за обѣдомъ былъ что-то очень разговорчивъ и въ продолженіе цѣлаго дня не спускалъ глазъ съ Марьи Артамоновны. Нѣсколько вопросовъ Григорія Алексѣевича о Шахматовой сконфузили Петра Андреевича и тѣмъ заставили дядюшку окончательно убѣдиться, что его догадка не игра воображенія, а совершенная истина. Отъѣздъ въ Саврушу былъ отложенъ, а у Нечаева Петръ Андреевичъ бывалъ почти каждый день; кромѣ того, и Иванъ Ивановичъ съ сестрою и племянницей бывалъ верѣяко у Роктова и его зятя Образанцева. Такимъ-образомъ отношенія Петра Андреевича къ Марьѣ Артамоновнѣ, дѣлаясь все тѣснѣе и тѣснѣе, обратили на себя вниманіе всѣхъ сосѣдей и заставили ихъ придти къ тому заключенію, что скоро быть свадьбѣ. Григорій Алексѣевичъ, добившись наконецъ отъ племянника, что Шахматова ему очень нравится, ошалѣлъ отъ радости, такъ-что даже позабылъ обѣщаніе, данное сестрѣ, — написать обо всемъ; а едва только выслушалъ признаніе племянника, то, не сказавъ ни кому, побѣжалъ къ Ивану Ивановичу и сдѣлалъ рѣшительное предложеніе. Такъ какъ Петръ Андреевичъ также понравился Марьѣ Артамоновнѣ, то рѣшеніе этого вопроса, только изъ приличія, было отложено, съ тѣмъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ данъ окончательный отвѣтъ. На другой день Роктовъ съ племянникомъ, Образанцевъ и нѣсколько сосѣдей были приглашены Нечаевымъ на обѣдъ. Дѣдушка, рѣшительно ничего не подозревая, пріѣхалъ съ дядей, въ пріятной надеждѣ провести день съ дѣвушкой, которая ему нравится. Но когда они вошли въ домъ, гдѣ уже собралось много гостей, и на вопросъ его о здоровьи Марьи Артамоновны—которая, зная скорое рѣшеніе своей судьбы, по своей собственной дѣвушкѣ стыдливости, была въ это время въ другихъ комнатахъ—Иванъ Ивановичъ торжественно подошелъ къ Петру Андреевичу съ официальной фразой, что предложеніе его, сдѣланное чрезъ дядю, они считаютъ за честь, изъявляютъ полное согласіе и надѣются, что онъ сдумѣетъ сдѣлать свою будущую жену счастливой. Петръ Андреевичъ былъ пораженъ какъ громовымъ ударомъ: онъ стоялъ и молчалъ, не зная, что гово-

рять и дѣлать; но въ это время вошла старушка Шахматова съ дочерью. Григорій Алексѣевичъ почти насильно подтащаль непомнившаго себя племянника къ Шахматовой и принудилъ жениха поцѣловать ручку невѣсты. Тогда начались обниманія, цѣлованія, поздравленія; цымылянское зацѣнилось и Петръ Андреевичъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, или, какъ говорится въ сказкѣ, по щучьему велѣнію, сдѣлался женихомъ Марьи Артамоновны. Такимъ образомъ цѣль поѣздки была достигнута. Роктовъ торжествовалъ, а племянникъ, которому долго все это казалось пріятнымъ сномъ, стрѣилъ воздушные замки своего будущаго. Теперь Савруша уже казалась ему еще милѣе: тамъ будетъ онъ жить не одинъ, какъ это было до-сихъ-поръ; время не будетъ течь такъ медленно: у него теперь будетъ вѣрная и умная подруга, которая пойметъ его, раздѣлитъ съ нимъ и радости и горе. Прошедшая жизнь казалась Петру Андреевичу такой пустою и скучною, что, сравнивая ее съ мечтами о будущемъ, ему даже дѣлалось досадно, что какія нибудь пустяки могли такъ сильно ему нравиться и занимать его. Къ Юліи Алексѣевнѣ было написано письмо съ извѣстіемъ, что ея сынъ уже женихъ, и что ей прежде предложенія не могли написать потому, что это все сдѣлалось очень скоро, а что теперь, если она и прійдетъ, то Шахматовыхъ уже не застанетъ у Нечаева: они торопятся домой для приготовленій. И дѣйствительно, старушка Шахматова торопилась въ Саратовъ, подъ предлогомъ сильныхъ хлопотъ по случаю свадьбы ея милой Машеньки. Свадьба же была назначена въ Саратовѣ и отложена на три мѣсяца, чему женихъ не противился, сознавая, что его и настоящее положеніе очень пріятно.

Шахматовы уѣхали въ Саратовъ, гдѣ они постоянно жили, пріѣзжая изрѣдка въ лѣтнее время въ ивѣніе, которое было недалеко отъ города. Торжествующій Роктовъ, съ влюбленнымъ и мечтающимъ племянникомъ, также выѣхали изъ Новосвасска, и благополучно прибыли въ с. Саврушу. Петръ Андреевичъ, подѣзжая къ дому, сдѣлался скучнѣе; зная, что мать за такое скорое сватовство порядкомъ намылитъ ему голову, кромѣ того, еще, пожалуй, произойдутъ какія-нибудь спены, до которыхъ Юліа Алексѣевна была большая охотница и безъ которыхъ не проходило ни одного обстоятельства, могущаго подать къ тому хотя бы самый ничтожный поводъ. И самъ Григорій Алексѣевичъ, зная характеръ своей сестрицы, хотя и

старался скрывать это, но частыя разсужденія съ племянникомъ: «за чтобы, кажется, сестрѣ сердиться? конечно, надо было бы ей написать, да больно-сноро все склеилось!» обличали его тревожное состояніе. При прїѣздѣ въ деревню Петра Андреевича мать даже не встрѣтила его, хотя была дома, что удостовѣрило окончательно, что домашній спектакль не замедлитъ послѣдовать. Увидя, что сынъ прїѣхалъ, Фіона Алексѣевна сейчасъ же придала своей физиономіи гнѣвную, обиженную мину, и это предвѣщало, что гроза скоро грянетъ. Дѣдушка, взойдя въ комнату, хотѣлъ поцѣловать руку матери, но ошибся въ своемъ разсчетѣ: руки не получилъ; а слезы, крикъ, упреки въ непочтении и названіе — «Петръ Андреевичъ,» вмѣсто обыкновеннаго «Петруша,» лились рѣкой и сыпались градомъ. Роктовъ же, желая по крайней мѣрѣ избѣжать перваго пыла гнѣва сестры, прѣхалъ прямо въ свой дождь, бросивъ на жертву племянника, который во всемъ этомъ былъ нѣсколько не виноватъ, но не оправдывался, зная бесполезность всѣхъ доводовъ и убѣжденій. Сцена кончилась тѣмъ, что возбѣшенная и охрипшая отъ крика мать удалилась, угрожая за непочтение проклятіемъ, въ свои апартаменты, а уничтоженный женихъ—въ свой кабинетъ. На другой день поутру, съ медовымъ выраженіемъ на лицѣ, безъ чулка, тихой поступью, смиренно явился и Григорій Алексѣевичъ поздравить сестрицу съ нарѣченной дочкой. Хотя гнѣвъ Фіоны Алексѣевны уже нѣсколько и прошолъ, но видъ брата, надъ которымъ она еще не излила своей ярости, мгновенно привелъ ее въ должное возмущенное настроеніе духа. Едва Роктовъ переступилъ порогъ, какъ сестрица уже встрѣтила его, съ провинческой улыбкой на губахъ, словами: «Покорѣннѣе васъ благодарю, милый братецъ!..» Братецъ только-что разинулъ ротъ, чтобы принести оправданіе, какъ брань и упреки посыпались, съ верешло въ ты, милый братецъ—въ толстаго борова; Пугача, пьяницу; что онъ и радъ былъ этой свадьбѣ только потому, чтобы ему наглохтитися; наконецъ, перебравъ и переругавъ весь родъ своего братца, начная съ прапращура и окончывая его правнуками, сестрица плюнула ему въ глаза, прибавивъ, что у него и бѣлыи-то распутныя, что онъ—старый грѣхободникъ. Наконецъ, когда запасъ всѣхъ эпитетовъ истощился, Фіона Алексѣевна сошла съ арены и ушла доканчивать начатое въ дѣвичью. Уничтоженный и ошеломленный Роктовъ, ретировался съ племянникомъ въ кабинетъ, ободряя Петра Андреевича словами:

«ничего! прокричится — все пройдет! переделается — нука будетъ!»

Какъ ни разсержена была Ѳіона Алексѣевна, но если бы кто заглянулъ ей въ сердце, то увидѣлъ бы, что ей смерть—какъ хочется увести Григорія Алексѣевича въ образную и тамъ бы, на досугѣ, она забыла злобу и тысячами вопросовъ отвела бы душеньку. Даже ребенокъ поутру, хотя и холодно, былъ допустить къ рукѣ. Роктовъ зналъ натуру сестры, а потому былъ увѣренъ, что скоро наступитъ примиреніе, но до благоприятной минуты хранилъ приличное молчаніе. Минута всепрощенія наступила. Съѣли за столъ и подали щи. Григорій Алексѣевичъ долго собирался съ духомъ и наконецъ произнесъ: «Полно, сестрица, гнѣваться: ужь можно и простить! За что на сына-то сердиться? Ужь лучше брани меня, старого дурака!» Едва Ѳіона Алексѣевна открыла ротъ, чтобы возразить братцу, какъ оба преступника, не желая упустить благоприятнаго момента, бросились къ ней; Петръ Андреевичъ со слезами на глазахъ, а братецъ безъ слезъ, но только для того, что броситься слѣдовало. Побѣжденная прабабушка, также, неизвѣстно почему, растроганная, произнесла смягченнымъ тономъ: «Повинную голову и мечъ не счѣтеть!» Итакъ обѣдъ, начатый молчаніемъ, кончился шуинымъ, веселымъ разговоромъ, и только нѣсколько бутылокъ завѣтной наливки заплатили своею жизнью, а носъ братца сдѣлался краснѣе обыкновеннаго.

Послѣ этого въ Саврушѣ начались самыя дѣятельныя энергическія приготовленія къ отъѣзду въ Саратовъ. Мать хлопотала съ утра до ночи, а женихъ, проклиная въ душѣ эту медленность, спѣшилъ отъѣздомъ. Если бы Ѳіону Алексѣевну не торопилъ сынъ и не уговаривалъ братецъ, то сборы продолжались бы нѣсколько мѣсяцевъ: одно шитье шелковаго платья, привезеннаго Петромъ Андреевичемъ изъ Симбирска, вмѣстѣ съ диковиннымъ чепцомъ, заняло много времени: кройка матеріи, сняманіе выкроекъ длились дня три или четыре. Портныхъ было навезено цѣлый легионъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что уиъ хорошъ, а два лучше. Выгадывался каждый лоскуточекъ; выкройки клались во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, конечно, тоже на основаніи пословицы: «десять разъ примѣрай, а одинъ разъ отрѣжь». Между мастерицами былъ страшный споръ, который даже часто переходилъ въ брань, отъ несогласія въ мнѣніяхъ. Но наконецъ, нарядное платье было готово и примѣрено несмѣтное число разъ. Сборы окончены и прабабушка съ женихомъ

и братцемъ выѣхала изъ Савруши, сопровождаемые, для большаго тона, цѣлымъ десяткомъ крѣпостныхъ людей мужскаго и женскаго пола. Свадьба, наконецъ, состоялась съ парами и банкетами, которые продолжались почти цѣлый мѣсяцъ; народу, во разсказанъ Оіоны Алексѣевны, было тьма-тьмуца, точно обжорная команда! Веселостямъ, поддерживаемымъ горячительными средствами, не было конца; даже сама прабабушка, увлеченная общими примѣромъ, съ своимъ старымъ грѣховоднымъ братцемъ, въ знаменитомъ платьѣ и чепцѣ, лихо отхвatala трешка, къ общему удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ; при чемъ сочла долгомъ объяснить, что она по-заморски плясать не умѣетъ, а впрошлась просто, по-старинному, по-русски. Такъ-какъ прабабушка на свадьбѣ держала себя прилично, т. е. не дралась и не кричала съ утра до ночи, — развѣ гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ Палашка получала щипокъ или пощечину, и то такъ, что резонанса большаго не было, — то Марья Артамоновна и считала свою свекровь хотя необразованной, но доброй старушкой, и была къ ней необыкновенно внимательна и ласкова. Наступило время отъѣзда молодыхъ въ Саврушу; и какъ ни уговаривали Оіону Алексѣевну погостить въ Саратовѣ еще, но эта городская жизнь ей была сильно не по-нутру; а такъ-какъ было лѣто, то отговорки найти было нетрудно. Обозъ, съ приданнымъ и прислугой бабушки Марьи Артамоновны, былъ отправленъ впередъ, а господа выѣхали нѣсколькими днями позже. Обратный путь въ Саврушу былъ совершенъ благополучно, хотя и медленно, потому-что ѣхали на своихъ лошадяхъ; но, не доѣзжая одной станціи до дому, Оіона Алексѣевна уѣхала впередъ, чтобъ приготовить все къ приему молодыхъ супруговъ. По приѣздѣ въ деревню, Петръ Андреевичъ съ женою встрѣченъ былъ матерью съ образомъ въ рукахъ, при многочисленномъ стеченіи всей дворни и крестьянъ, которымъ такъ хотѣлось взглянуть на новую барыню. Раскошное, по-тогдашнему, приданое и щеголеватая одежда прислуги долго служили предметомъ общаго удивленія. За Марьей Артамоновной былъ отданъ въ приданое поваръ Василій съ женою Ненилой, которымъ потомъ дворные Савруши дали фамилію ихъ прежнихъ господъ — Шахматовыхъ. Ненила была любимая женщина бабушки и вмѣстѣ съ этимъ ея приборщица, какъ тогда называли. Костюмъ ея состоялъ изъ юбки и кофты, чепца съ длинными оборками и изъ красныхъ сафьянныхъ башмаковъ, на высокихъ

наблудать. Но Оіонъ Алексѣевичъ такая щеголеватость одендія не нравилась, а потому немедленно, несмотря на слезы невестки, при-
борщицу и еще другую женщину, Василису, одѣлавъ полосушку, и
красные банники замѣнили босыми ногами. Мужская прилуга,
состоявшая изъ повара и кучера, мужа Василисы, также была пере-
одѣта, сообразно женской. Марья Артамоновна только тутъ убѣди-
лась въ своей ошибкѣ относительно характера свекрови, которую
она сперва считала доброй женщиной; но когда домашняя жизнь
пошла своимъ заведеннымъ порядкомъ, когда крикъ и шумъ въ
домѣ, начинался съ утра, кончался вечеромъ, тогда только мо-
лодая супруга Петра Андреевича поняла, какая свекровь вывала
на ея долю. Бабушка прибѣгала къ разнымъ орудіямъ, че-
бы хотя нѣсколько обуздать Оіону Алексѣевну; пробовала
дѣйствовать и черезъ мужа, но убѣдилась скорѣ, что это не-
возможно, потому-что, когда дѣдушка вступался въ какую-ни-
будь сцену и начиналъ уговаривать мать, то отъ этого всегда
дѣлалось больше вреда, чѣмъ пользы. Марья Артамоновна пробо-
вала и сама ласками обезоруживать свекровь, но нѣсколько не-
удавшихся попытокъ и воинственныхъ сценъ, бывшихъ слѣд-
ствіемъ этого, окончательно отбили у бабушки охоту мѣшаться
въ домашнія дразги, а потому она бросила все на произволъ
судьбы. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Саврушу, молодые поѣхали съ
визитомъ къ Еленѣ Денисовнѣ въ с. Спасское, гдѣ Марью Арта-
моновну, какъ женщину образованную, всѣ очень полюбили, и
съ особенності Анна Петровна съ ней хорошо сошлась, и эти
дружескія отношенія продолжались и впоследствии. Изъ Спас-
скаго сдѣланъ былъ еще визитъ сыну Петра Ивановича, Ва-
силью Петровичу, который тогда жилъ въ своемъ имѣніи въ с.
Сулѣ, въ пятнадцати верстахъ. Василій Петровичъ въ одинъ
годъ съ Андреемъ Петровичемъ женился на Надеждѣ Петровнѣ,
урожденной Рѣпьевой, которая была тоже довольно-приличная
женщина. Эти знакомства были очень пріятны Марьѣ Артамо-
новнѣ, и она теперь знала, что есть, по крайней мѣрѣ, два до-
ма, въ которыхъ она могла слышать разговоръ не объ одной
пряжѣ и холстахъ, и гдѣ она могла отдохнуть отъ неумолкае-
маго ворчанья неугомонной свекрови.

Сначала женитьбы Петръ Андреевичъ не оставлялъ своей же-
ны ни на минуту: если онъ ѣхалъ въ поле осматривать работы,
то и Марья Артамоновна ѣздила съ нимъ, и уединенная деревен-
ская жизнь, послѣ шумной городской, была хотя и не весела,

во все-таки довольно сносна. Да и самое лѣто, которое такъ хорошо въ деревнѣ, свѣжая зелень полей, ароматическій воздухъ и, наконецъ, возможность быть постоянно съ любимыми мужемъ — все это, вмѣстѣ взятое, занимало ее, а пастушеская поэзія, которая очень нравилась Марьѣ Артамоновнѣ, рисовала въ воображеніи тихую, уединенную жизнь, полную идиллій. — Но медовые мѣсяцы прошли. Петру Андреевичу стало приходить на мысль, что хотя съ молодой женой и нескучно, но и на охотѣ также очень весело; а потому онъ сталъ бѣгать съ собаками, сначала изрѣдка, а потомъ, постепенно, все чаще и чаще. Наступила и осень — лучшее время для посовой охоты: устоять противъ искушенія дѣдушка не могъ и, несмотря на слезы и убѣжденія молодой жены, сталъ уѣзжать изъ дома въ отъѣзжія поля и на довольно-продолжительное время, и кончилось тѣмъ, что все время было посвящено охотѣ. Петръ Андреевичъ хотя и часто былъ дома, но не надолго; онъ возвращался усталый; ему было не до ласкъ жены, а необходимость отдыха поглощала и это время; а слѣдующій день заставлялъ его уже опять на конѣ съ сворою борзыхъ. Дѣйствительно, положеніе молодой, образованной женщины было очень незавидно: проводить цѣлые дни одной и не имѣть возлѣ себя ни одного человека, съ кѣмъ можно было бы сказать нѣсколько словъ, или подѣлиться мыслью! Юіона Алексѣевна, съ своей постоянной суетой, крикомъ и бранью, конечно, заставляла Марью Артамоновну, по возможности, удаляться, и не искать ея общества. Даже нельзя было пользоваться незатѣйливымъ деревенскимъ удовольствіемъ — быть на воздухѣ, потому что осень наша не походить на осень другихъ мѣстъ: дожди съ сильнымъ, пронзительнымъ вѣтромъ, бываютъ постоянно, и хотя являются солнечные дни, но грязь не успѣетъ просохнуть, а уже солнце опять скрывается и мелкій дождь снова стучитъ въ окна. Много слезъ въ это время было пролито Марьей Артамоновной, много грустныхъ дней пережито и даже безъ надежды на чье-нибудь сочувствіе: съ половины свекрови раздавался крикъ, визгъ и пискъ; на дворѣ завывалъ уныло протяжный осенній вѣтеръ; ставни, скрипя на желѣзныхъ петляхъ, наводили на душу еще большее уныніе. — Юіона Алексѣевна еще задолго до женитьбы сына выстроила въ городѣ Бугурусланѣ большой деревянный домъ на такъ называемой тогда, и сохранившей это названіе и до-сихъ-поръ, набережной, недалеко отъ

берега рѣки Кинеля, рядомъ съ мѣстомъ учрежденнаго недавно женскаго монастыря. Поѣздка Марьи Артамоновны съ мужемъ въ городъ подала ей мысль: отчего бы имъ не жить тамъ? Хотя Бугурусланъ тогда и очень походилъ на большую деревню, но ей было нужно не общество: она чувствовала потребность жить отдѣльно отъ свекрови. Кромѣ того, мысль, что Петръ Андреевичъ, живя въ городѣ и имѣя знакомыхъ, не будетъ такъ часто ѣздить на охоту, какъ въ деревнѣ,—гдѣ, не имѣя занятій и общества, очень легко привязаться къ тому, что, при другой жизненной обстановкѣ, не имѣло бы никакого интереса—эта мысль глубоко запала въ душу Марьи Артамоновны а потому, не теряя времени, она приступила къ приведенію ея въ исполненіе и рѣшила прежде дѣйствовать на мужа, а потомъ уже какими-нибудь средствами убѣдить и Ѳіону Алексѣевну. Петръ Андреевичъ скоро поддался просьбамъ и доводамъ жены, которая, будучи вполне умной женщиной, и говоря безпрестано о необходимости служить, скоро достигла того, что и дѣдушка сталъ раздѣлять ея убѣжденія. Прабабушка, когда услышала о желаніи сына поступить на службу, по обыкновенію, подняла въ домѣ пылъ столбомъ; но Марья Артамоновна, какъ опытный полководецъ, уже знала характеръ своего врага, а потому заранѣе это предвидѣла и продолжала постоянно настраивать мужа, говоря, что какъ бы это было хорошо, еслибы онъ служилъ, въ Бугурусланѣ, что онъ теперь уже женатый человѣкъ, а потому пріобрѣсти что-нибудь службой было-бы нелишнее, да, кромѣ того, и деревенское хозяйство шло бы такъ же хорошо, какъ оно идетъ и теперь, потому-что Ѳіона Алексѣевна могла жить въ имѣніи; да и самый городъ такъ близко отъ Савруши, что можно ѣздить такъ часто, какъ это только будетъ нужно. Всѣ эти доводы, и въ особенности одно, что отъ службы можно нажить, поколебали твердость Ѳіоны Алексѣевны, которая была корыстолюбива, скупа и у которой понятія о благородствѣ были свои; а, по ея убѣжденіямъ, брать деньги за что бы то ни было, очень благородно, а подло не брать, если ихъ дадутъ. Такъ-какъ въ эту зиму были назначены дворянскіе выборы, то Петръ Андреевичъ, дождавшись ихъ, поѣхалъ въ Уфу—хлопотать о мѣстѣ; но Ѳіона Алексѣевна строго ему наказала, что кромѣ Бугуруслана она ему нигдѣ служить не позволитъ, и чтобы онъ занялъ мѣсто повиднѣе и повыгоднѣе, чтобъ было изъ-за чего хлопотать.

Пробывъ въ Уѣздѣ недѣли три, Петръ Андреевичъ возвратился въ Саврушу, бугурусланскимъ исправникомъ. Марья Артамоновна была въ восторгѣ отъ мысли, что не будетъ жить вмѣстѣ со свекровью; Она же Алексѣевна, напротивъ, облизывалась отъ такой почетной и выгодной должности сына и заранѣе высчитывала всѣ выгоды, какія Петръ Андреевичъ можетъ получить, и гордость, какъ червякъ, пробралась, сквозь грубую кору, въ ея сердце.

VI.

Городской домъ былъ приведенъ въ порядокъ. Желаніе Марьи Артамоновны исполнилось: Она Алексѣевна осталась для управленія хозяйствомъ въ Саврушѣ, а дѣдушка съ торжествовавшей супругой переѣхалъ въ Бугурусланъ и вступилъ въ должность исправника. Хотя онъ былъ честный и добросовѣстный человѣкъ, и воспоминаніе о расположеніи и уваженіи, которыми онъ пользовался, сохранилось и до-сихъ-поръ, но понятія о чести были тогда довольно-шатки: никто и не думалъ ставить въ преступленіе то, что онъ беретъ взятки;—и по этому Петръ Андреевичъ пользовался доходами, не считая это предосудительнымъ. Впрочемъ, и въ тотъ вѣкъ снисходительности къ порокамъ ближняго были личности, которыхъ имена, съ добавочными эпитетами—«разбойниковъ и грабителей», сохранились въ народѣ и до-сихъ-поръ, несмотря на то, что уже прошло этому много времени и что давно уже эти вѣрныя слуги Фемиды лежатъ въ могилахъ. Но дѣдушка не принадлежалъ къ этой категоріи, а какъ человѣкъ, одаренный отъ природы добрымъ сердцемъ, если и былъ грѣшенъ, то въ такой степени, что ему даже многіе удивлялись и ния Кузьмы-безсребренника, данное ему судьей, оставалось за нимъ въ продолженіе всей его служебной дѣятельности. Кромѣ того, тогда исправникъ былъ единственное и вмѣстѣ могущественное лицо въ цѣломъ уѣздѣ; и государственные крестьяне, владѣя обширными землями и вообще всѣми угодьями въ изобиліи, сами не забывали своего начальника, а потому прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и пронкамъ, чтобы получить *малую-толку*—какъ это иногда дѣлается и теперь—не было никакой надобности.

Самую-же службою дѣдушка мало занимался; изрѣдка бывалъ въ судѣ, иногда ѣздилъ въ уѣздъ, а почти все послѣднее время проводилъ въ обществѣ, ѣздилъ на охоту, и вообще жизнь его въ Бугурусланѣ была довольно-шумна. Въ это время въ городѣ

быль расположенъ штабъ оренбургскаго драгунскаго полка, подъ командою генерала Перхурова, человѣка очень богатаго и любившаго жить на большую ногу. Общество офицеровъ было довольно многочисленно и состояло по большей части изъ шомъщиковъ оренбургской губерніи. Эскадроны полка стояли по деревнямъ, но офицеры, по большей части, всѣ жили въ въ городѣ; а такъ-какъ была полковая музыка, то часто составлялись и танцевальныя вечера съ своими экоссесами, матрадурами и котильономъ; даже и о мазуркѣ тогда уже имѣли нѣкоторое понятіе. Петръ Андреевичъ, любя общественную жизнь и ища къ этому средства, жилъ такъ, что домъ его съ утра и часто до другаго утра былъ полонъ гостей; часто гремѣла драгунская музыка, подъ окнами пѣли два хора пѣсенниковъ: одинъ — составленный изъ своихъ крѣпостныхъ людей (они же и охотники), а другой — полковой. Кромѣ, того тогда кулачныя бои были въ большой модѣ, и каждый вечеръ мужчины собирались и шли любоваться этимъ зрѣлищемъ, которое, конечно, часто оканчивалось поврежденіемъ *салазокъ*, вышибеннымъ глазомъ, расплюснутымъ носомъ; но были случаи, когда бои оканчивались совершенно трагически, и часто какого-нибудь бѣднаго гладиатора уносили съ поля битвы, сначала домой, а потомъ на кладбище. Дѣдушка также любилъ очень кулачныя бои и даже имѣлъ своихъ шесть человѣкъ бойцовъ, которыхъ слава быстро росла, и это льстило его самолюбію. Генералъ Перхуровъ очень любилъ Петра Андреевича, а жена-его была очень дружна съ Марьей Артамоновной, и каждый день въ одномъ изъ этихъ двухъ домовъ собирались офицеры и все бугурусланское общество. Утро едва начиналось, а уже карточные столы были заняты любителями сильныхъ ощущений, пикетъ и *любишь не любишь* были въ ходу. Въ этой же комнатѣ стоялъ столъ, уставленный различными сортами водокъ и наливокъ и несчетнымъ количествомъ закусокъ, и будучи поставлена съ утра выпивка не снималась до самаго обѣда; но люди дѣятельно наблюдали за опустошеніемъ, производимымъ въ этомъ царствѣ яствъ и питій, и замѣтивъ, что какого-нибудь снадобья становилось мало, пустой сосудъ уносили и немедленно замѣняли новымъ и полнымъ. Но я обѣд не разстроивалъ продолженія этаго удовольствія, а разница состояла только въ томъ, что послѣ стола на подносахъ не ставили водокъ, за то увеличивалось количество наливокъ. Послѣ же обѣда подавался, кромѣ того, пуншъ: приносилась огромная миса, которая

наливалась чаемъ съ приличнымъ количествомъ сахара и изюмной воды. Изъ мисы пуншъ разливался ковшомъ въ стаканы и на подносахъ подавался присутствовавшимъ, а миса, между тѣмъ, должила и составлять всегда готовый резервъ. Генераль Перхуровъ, любитель пунша, всегда говорилъ, что это не пуншъ, а бабья слезы, и что его должно приготовить такъ: «взять стаканъ, положить сахару, потомъ плюнуть, а остальное долить изюмной», и онъ всегда самъ отдѣльно приготовлялъ для себя двоть мацитонокъ, только въ стаканъ не плералъ, а наливалъ на два пальца крѣпкаго чаю, который и наливался, кажется, для одного названія пунша и для приличія.

Въ это время въ Бугурусланѣ стряпчимъ былъ нѣкто А. С., чегодэй, въ полномъ значеніи этого слова. Онъ терпѣть немогъ моего дѣда, будучи подстрекаемъ въ этомъ неприязненномъ чувствѣ спарникомъ Багровымъ, который, въ свою очередь не любилъ Петра Андреевича, за то, что не встрѣчалъ съ его стороны никакого почтительства; кромѣ того, такъ-какъ Багровъ былъ извѣстный сутяга и кляузникъ, и въ продолженіе всей своей жизни занимался только тяжбами и процессами, то въ исправникъ ему хотѣлось имѣть человѣка своего, преданнаго; въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, они съ стряпчимъ и подучили мужиковъ деревень Киварской и Боклы подать доносъ на дѣда въ лихоимствѣ, доказывая, что онъ чрезъ своего человѣка, Осипа, взялъ съ нихъ за какое-то дѣло пудъ меду, лисицу и лебеда. Было назначено слѣдствіе, по которому при допросахъ наученные мужики показали подъ присягой, что они человѣку Петра Андреевича, Осипу, дѣйствительно все это отдали, для доставленія барину; почему дѣдушка былъ отставленъ отъ должности, и дѣло, для окончанія, перелано въ уфимскую уголовную палату. Петръ Андреевичъ очень хорошо зналъ, что за медь, лисицу, и лебеда еще долго предстоитъ ему купаться въ мутныхъ волнахъ правосудія; а потому онъ рѣшился взять Марью Артамонову и совсѣмъ перебраться въ Уфу жить, до совершеннаго окончанія дѣла. Петръ Андреевичъ нѣлъ протекцію въ двухъ особахъ: въ товарищѣ намѣстника, коллежскомъ совѣтникѣ Николаѣ Федоровичѣ Зубовѣ, который былъ женовъ на родной теткѣ дѣдушки, Александрѣ Петровѣ, сестрѣ покойнаго Андрея Петровича, и въ председателѣ уголовной палаты Анисимовѣ, который былъ многимъ обязанъ Петру Ивановичу. Упрятавше же его подъ судъ стряпчій и Багровъ были вродѣ аматеры. кляузъ и ябедъ, и если кому желали удару:

жить, то обдѣлывали дѣло со всевозможной тонкостію, такъ что нельзя было, какъ говорится, подточить иголки. Чего стоило Петру Андреевичу оправданіе по этому дѣлу, опредѣлить трудно: не-говоря уже о деньгахъ, которыхъ было роздано очень много, цѣлые обозы, съ разными разностиами, безпрестанно изъ Савруши являлись въ Уфу. Члены уголовной палаты не пренебрегали ничѣмъ: брали провизіей, борзыми и гончими собаками — взрослыми и даже щенками, а одинъ изъ членовъ пожелалъ имѣть въ саду пчельникъ, почему ему изъ деревни и было привезено двадцать ульевъ пчелъ съ пасѣки дѣда. Дѣло тянулось ровно два года и кончилось благополучно, благодаря только самопожертвованію человѣка Осипа и ходатайству Зубова. Осипъ былъ всегда преданнымъ и любимымъ человѣкомъ Петра Андреевича, и видя, какая опасность угрожаетъ барину, онъ рѣшился всю отвѣтственность принять на себя, показавъ, что онъ дѣйствительно съ этихъ крестьянъ медъ, лисицу и лебедя взялъ, но что объ этомъ Петръ Андреевичъ не зналъ, и что взятку эту онъ употребилъ въ свою пользу. Послѣ всего этого дѣло приняло совершенно другой оборотъ и скоро было кончено по закону. Осипа должно было наказать кнутомъ, но такъ какъ за него сильно хлопоталъ дѣдушка, то дѣло рѣшено такъ, что его присудили къ наказанію розгами, и то по волѣ помѣщика, само собой разумѣется, что и это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе. Наконецъ, послѣ столькихъ мытарствъ, дѣдушка уѣхалъ изъ Уфы въ Саврушу, гдѣ слѣды опустошенія были замѣтны, неговоря уже о лошадяхъ и другихъ домашнихъ животныхъ, которыя обращались въ деньги, или просто натурою уводились въ Уфу, даже и собакъ осталось не много. Но Ѳіона Алексѣевна объ этомъ, при всей своей скупости, горевала и ворчала не много и не долго: она была рада, что воротился Петръ Андреевичъ; а что это все дѣло нажитое; всю же свою злобу она излила на чиновниковъ Уфы, и, я думаю, они долго икали отъ деликатныхъ воспоминаній прабабушки.

Жизнь въ Саврушѣ опять потекла мѣрно, однообразно; но для Марьи Артамоновны, которая въ продолженіе службы мужа уже успѣла отвыкнуть отъ ворчанья брюзгливой неугомонной сивки, отъ аплодисментовъ, которые такъ часто раздавались въ дѣвичьей с. Савруши, и отъ амазонокъ на козлахъ, она оказалась еще больше невыносимой, чѣмъ прежде. Да и самъ Петръ

Андреевичъ уже чувствовалъ скуку и не находилъ ровно никакого удовольствія въ деревенской жизни. Конечно, онъ могъ и безъ службы жить въ городѣ, но зналъ, что убѣдить на это Ююну Алексѣвну было невозможно; а потому, посоветовавшись съ женой, рѣшился ѣхать на дворянскіе выборы и балотироваться хотя въ какуюнибудь должность.

Атака съ убѣжденіями въ необходимости служить, была опять сдѣлана Петромъ Андреевичемъ на мать; но Ююна Алексѣвна уверно защищалась, говоря, что онъ службой не нажилъ, какъ другіе, а только въ разорѣ разорился, и что даже всѣхъ и собаченокъ-то перевезли въ Уфу; что службой наживаться не съ его рыломъ. что когда онъ жилъ въ Бугурусланѣ, такъ мужики даже устали возить всякую всячину; а потому видя, что на удочку корыстолюбія прабабушка не поддавалась и всѣ удары героически отпарировала, было предположено сдѣлать нападеніе съ другой стороны: задѣть ея самолюбіе. Петръ Андреевичъ подробно объяснилъ, что не служить ему уже невозможно, потому что онъ недавно былъ подъ судомъ, о чемъ много сплетней ходитъ и теперь, но что когда онъ опредѣлится опять, тогда неволь всѣ замолчать. Эти доводы поколебали твердость Ююны Алексѣвны: она готова была выщарапать за сына глаза хоть у отца родного. Петръ Андреевичъ былъ ея любовь гордость, и хотя она готова была бранить и распекать его во всякое время, но вмѣстѣ съ тѣмъ готова была для него пожертвовать всѣмъ и даже самой жизнію, еслибъ только это было необходимо нужно. Итакъ дѣло снова уладилось, и дѣдушка поѣхалъ вновь на выборы съ которыхъ и возвратился старшимъ засѣдателемъ бугурусланскаго уѣзднаго суда.

Съ женитьбы дѣда времени прошло болѣе пяти лѣтъ. Марья Артамоновна имѣла четверыхъ дѣтей: двухъ сыновей и двухъ дочерей; но дѣти не жили, а умирали, вскорѣ послѣ рожденія. Это огорчало всѣхъ, и въ особенности Ююну Алексѣвичу, у которой желаніе имѣть внучатъ было такъ сильно, что она даже ходила пѣшкомъ въ г. Елабугу вымаливать себѣ хоть одного внученка. Марья Артамоновнѣ, въ интересномъ положеніи, было не житье, а масляница: свекровь тогда смотрѣла на нее какъ на святыню, и всѣ желанія ея исполнялись немедленно, и даже самъ Петръ Андреевичъ часто получалъ добрую головомойку, даже за то, если онъ только не скоро исполнялъ желаніе жены. Знахари и знахарки собиравъ гась со всѣхъ сторонъ, и какихъ наговоровъ и нашептываній

Марья Артамоновна не переѣзда и не пересила или тайно, или просто въ удобность свекрови, конечно съ полнымъ сознаниемъ, какъ женщина образованная, то это все чистые мустяки! Когда же ребенокъ явился на свѣтъ, колдунамъ было опять дѣла по уму: новорожденнаго мыли всегда въ водѣ съ уголька, поили водой съ громовой стрѣлы и ею же прикалывали отъ грыжи даже и тогда когда ея и не было; въ рожокъ наливали воды съ конского копыта, а отъ глазу умывали разъ по десяти въ день. Но какъ Фіона Алексѣевна ни хлопотала, какъ знахари ни умудрялись, а дѣти у Петра Андреевича все-таки не жили, и когда это несчастіе постигало, она, оправившись немного отъ обманувшей ее надежды, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, какъ будто бы въ отмщеніе за непрочность внучать, всѣми возможными средствами начинала придираться къ невесткѣ и тогда не было уважаемо даже горе матери, потерявшей ребенка. Если Марья Артамоновна много плакала, то Фіона Алексѣевна упрекала ее, что нечего попустому распускать слюни-то: лучше бы Богу молилась; а если она не плакала, тогда принималась плакать сама прабабушка и непрестанно нараспѣвъ, упрекала невестку въ томъ, что ей не жаль дѣтей; что она, знать, радехонокка, что избавилась отъ обузы; что у ней и на умѣ-то только балы, да комедіи, такъ пойдутъ ли тутъ на умъ дѣти.

По переѣздѣ дѣтей въ городъ, сердце Фіоны Алексѣевны опять оживилось надеждою: Марья Артамоновна снова сдѣлалась беременною. Прабабушка захлопоталась и стала въ городъ ѣздить безпрестанно къ нимъ освѣдомляться о здоровьи невестки и наблюдать за ней, чтобы она береглась какъ только возможно.

Одинъ поступокъ Марьи Артамоновны едва не поссорилъ ее съ свекровью. Бабушка очень любила кататься, и любимой ея лошадейою былъ гнѣдой рысакъ, приведенный изъ Саратова: эта лошадь была замѣчательна по красотѣ, по необыкновенно - прыткому бѣгу и по удивительной кротости, такъ-что Марья Артамоновна каталась на немъ всегда одна и сама правила. А такъ-какъ бабушка была бойкаго и рѣзкаго характера, то часто, поѣхавъ кататься, не сказавъ никому, уѣзжала въ Саврушу къ Фіонѣ Алексѣевнѣ. Конечно, Петръ Андреевичъ безпокоился; начинались розыски, и это все очень занимаю приказницу Марью Артамоновну, что она подняла такую тревогу. Въ это время бабушка также вздумала пошалить, и съ каганьей въ бѣговыхъ саняхъ полетѣла въ Саврушу; но она

ошиблась въ своемъ расчетѣ, думая, что свекровь, какъ это бывало прежде, встрѣтитъ ее ласково, потому-что Оіона Алексѣевна видѣла въ этихъ поѣздкахъ особенное къ себѣ расположеніе и это льстило ея самолюбію. Но теперь Марья Артамоновна не сообразила, что ея беременность испортитъ все дѣло, и она дѣйствительно была за это наказана самой грозной встрѣчей. Оіона Алексѣевна и плакала, и бранилась, по кончилось тѣмъ, что Марья Артамоновна также расплакалась, и эти слезы образумили неугомонную прабабушку: она, сообразя, что это можетъ повредить будущему внуку, сейчасъ же примирилась съ невесткой, уговорила ее, разнѣжилась и на другой день даже сама поѣхала ее провожать въ городъ, только уже не на бѣговыхъ саняхъ, а въ покойной повозкѣ, на двухъ огромныхъ пуховицахъ, и все путешествіе совершилось шагомъ, несмотря на то, что дорога была гладка, а объ ухабахъ не было и поминна.

Время окончанія беременности Марьи Артамоновны приближалось. Оіона Алексѣевна, ожидавшая этого съ сильнымъ нетерпѣніемъ, не выдержала и еще задолго до срока переѣхала въ Бугурусланъ. Наконецъ, явился желанный ребенокъ, но только не сынъ, а дочь, которая на третій же день была окрещена и названа Анной. Оіона Алексѣевна была довольна и этимъ, и не отходила отъ люльки внучки. Но радость ея и Петра Андреевича была нарушена: послѣ родовъ бабушка чувствовала себя дурно, были приняты всѣ медицинскія средства, какія только въ городѣ были, и всѣ ожидали, что Богъ поможетъ—и болѣзнь пройдетъ; но Марья Артамоновнѣ дѣлалось все хуже и хуже, воспаленіе усиливалось... Одно средство спасенія—была операція; но никто не могъ сдѣлать ее въ то время въ уѣздномъ городѣ, а потому вся надежда была сосредоточена на одномъ милосердіи Божіемъ. Бабушка исповѣдалась и причастилась, но, чувствуя себя уже очень дурно, скрывала это, а позвавъ къ себѣ мужа и велѣвъ принести ребенка, она не отпустила ихъ отъ себя. Петръ Андреевичъ и не думалъ, что опасность такъ велика и что скоро онъ опять останется одинокимъ, лишась женщины, которая своимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ умѣла сдѣлать его совершенно счастливымъ. Послѣ ужасныхъ страданій, особенно сильныхъ въ продолженіе всей ночи, Марья Артамоновна, простясь со всѣми и благословивъ мужа и ребенка, къ утру скончалась.

Неожиданное несчастье поразило, какъ громомъ, доброго Петра

Андреевича. Когда наступило время похоронъ, отчаянію его не было предѣловъ, и только видѣвшіе это ужасное страданіе могли судить о томъ, какъ онъ любилъ свою жену. Цѣлые дни, рыдая, онъ просиживалъ надъ кроваткой сиротки, дочери; занятіе, развлеченіе — все было оставлено; съѣздивъ каждый день на могилу жены и отслуживъ панихиду, онъ опять садился на сундукъ, который стоялъ близь кровати въ дѣтской, и такъ проходилъ цѣлый день. Надъ этой крошкой были сосредоточены вся любовь, все попеченіе, которыя только могло вмѣщать сердце Петра Андреевича; ему казалось, что душа его милой Машеньки переселилась въ малютку, и онъ смотрѣлъ на нее, любовался ею, и, хотя мысленно, жилъ прошлымъ. У него теперь была только одна молитва, одно желаніе, чтобы жилъ этотъ ребенокъ, на котораго онъ могъ бы излить всю нѣжность, все попеченіе, и тѣмъ исполнить послѣднюю волю и просьбу умершей жены, съ которой онъ прожилъ почти восемь лѣтъ такъ хорошо, такъ покойно, такъ счастливо! Но увы! и малютка не долго пережила свою мать: чрезъ шесть недѣль, послѣ припадка дѣтской болѣзни, не стало и маленькой Аняты. Эта потеря окончательно потрясла Петра Андреевича; слезамъ не было предѣловъ и съ смертью этого существа какъ-бы, распалось и послѣднее отношеніе дѣда къ его умершей Марьѣ Артамоновнѣ. Ребенка похоронили на бугурусланскомъ же кладбищѣ, еще въ свѣжей могилѣ матери. Какъ Юіона Алексѣевна ни уговаривала, ни утѣшала сына, но ничто не помогало. Прабабушка, истощивъ все свое краснорѣчіе и видя, что все это плохо дѣйствуетъ на Петра Андреевича, уже на все и во всякое время борiotала одну и ту же логическую истину: «Что дѣлать? такъ угодно Богу! Онъ дѣлаетъ все къ лучшему!»

Въ это же время, извѣщенные о смерти сестры, пріѣхали изъ Саратова три брата Марьи Артамоновны, и, какъ кажется, они объ этой потерѣ горевали не много, а приступили сейчасъ-же къ полученію наслѣдства послѣ умершей, и по приданой описи потребовали назадъ все имущество. Конечно, дѣдушка все это отдалъ, но ему неприятно было видѣть всѣ эти дразги, да ему было и не до нихъ. Приданая деревня Марьи Артамоновны, состоявшая изъ двадцатипяти душъ въ саратовской губерніи, отошла къ братьямъ умершей, а дворовые люди всѣ достались ни седьмую часть Петру Андреевичу. Когда Шахматовы уѣзжали,

сердце Юоны Алексѣвны, крѣпившееся до-сихъ-поръ по убѣжденіямъ сына, не выдержало и она успѣла выбѣжать на крыльцо, обругать отъѣзжавшихъ безумными, пучеглазыми, и плюнуть имъ вдогонку.

VII.

Петръ Андреевичъ прослужилъ три года послѣ смерти Марьи Артамоновны въ Бугурусланѣ, и чувствуя, что здоровье его все больше и больше разстроивается, вышелъ въ отставку, и жилъ, смотря по обстоятельствамъ, то въ городѣ, то въ Саврушѣ. Постояннымъ его занятіемъ было—сидѣть и зиму и лѣто передъ топившимся каминомъ въ своемъ неизмѣнномъ халатѣ и валенкахъ и дремать или, просто, спать, потому-что онъ, лежа въ постели, спать почти не могъ. Въ это время его уже было невозможно узнать: изъ высокаго, стройнаго и красиваго лицомъ мужчины онъ сдѣлался до безобразія толстъ, такъ-что съ трудомъ ходилъ; обрюзглое, опухшее лицо его уже не походило на лицо человѣка: щоки висѣли, глаза отъ полноты едва были видны и подбородокъ висѣлъ нѣсколькими широкими складками. Но и въ этомъ положеніи Петръ Андреевичъ не бросалъ своего любимаго занятія — псовой охоты, и даже ѣздилъ верхомъ и уѣзжалъ надолго въ отъѣзжія поля. Мужскимъ хозяйствомъ онъ въ нѣкоторой степени завѣдывалъ самъ, женское же хозяйство было, по старому, въ полномъ распоряженіи Юоны Алексѣвны, а также и всѣ деньги хранились у нея, а дѣдушкѣ на расходъ выдавалось по десяти, по пятнадцати, а иногда и по двадцати рублей; больше же этого количества онъ не получалъ никогда; а если и случалась надобность расходовать болѣе значительную сумму, то прабабушка уже расплачивалась лично. Жизнь Петра Андреевича была изобильна всѣмъ: всего домашняго было такъ много, что большая часть этого продавалась въ Бугурусланѣ дворницею дома, нарочно для этого торга жившей въ городѣ. Даже часто, по невозможности сбыть всего въ Бугурусланѣ, эта провинція, вмѣстѣ съ обозами хлѣба, отправлялась въ Уральскъ, который тогда въ хлѣбной торговлѣ игралъ важную роль: не говоря уже о зимѣ, но и лѣтомъ, въ свободное отъ работъ время, или въ такъ называемое междупаріе, обозы съ разнымъ хлѣбомъ безпрестанно тянулись длинными вереницами, а зимой всѣ крестьяне только и дѣлали, что, отвезя одинъ транспортъ,

возвращались, насыпали и везли другой, потому третій и такъ далѣе, и это неизмѣнно продолжалось до самой распутицы. Независимо отъ этого обоза крестьянъ, множество людей, составлявшихъ дворню Петра Андреевича, также не оставались безъ дѣла, а запрягали лошадей съ господской карды, отправлялись также въ Уральскъ; даже лакеи, и тѣ ходили въ дорогу; одинъ только вѣрный Осипъ не отходилъ ни на шагъ отъ дѣдушки, а постоянно, съ шерстянымъ чулкомъ въ рукахъ и съ очками на носу, сидѣлъ на полу воэгѣ дремавшаго предъ пылавшимъ каминомъ барина, и, замѣчая, если дрова начинаютъ прогорать, бросалъ въ огонь нѣсколько полѣнъ изъ лежавшей близъ него охапки, уже заранѣе приготовленной, и снова принимался за свою работу. Въ кабинетѣ, или въ *каминѣ*, какъ его называли тогда, только слышалось тихое шарканье вязальныхъ спиць въ рукахъ Осипа, однообразное храпѣнье дѣда и трескъ горѣвшихъ дровъ въ каминѣ. Въ зимнее время день, не нарушенный ничѣмъ, выходившимъ изъ круга обыкновеннаго, проводился такъ: Петръ Андреевичъ вставалъ рано, еще задолго до разсвѣта; въ неизмѣнномъ мерлушчатомъ тулупѣ, въ валенкахъ, въ бумажномъ колпакѣ съ кисточкой, и съ длиннымъ гардовымъ чубукомъ и огромной пѣнковой трубкой въ рукахъ, переходилъ изъ спальни въ кабинетъ; проходя черезъ залу, будилъ Осипа, который тамъ постоянно спалъ; а проходя черезъ лакейскую, гдѣ спали лакеи, если они не вскакивали сей же часъ при появленіи дѣдушки, онъ каждому изъ неуспѣвшихъ отвѣшивалъ собственноручно по полновѣсному удару чубукомъ и, не сказавъ ни слова, проходилъ въ свою любимую комнату. Лакеи сей часъ одѣвались и растворяли вездѣ ставни оконъ, несмотря на то, что до разсвѣта оставалось еще добрыхъ часа два или три. Петръ Андреевичъ входилъ въ кабинетъ, снималъ колпакъ, набивалъ свою пѣнковую трубку изъ постоянно-стоявшаго на каминѣ ящика, саксонскимъ, вывареннымъ въ медовой сытѣ, домашней крошки, табакомъ и закуривалъ трубку прямо въ пылающемъ уже каминѣ, который вычищался и накладывался вновь дровами всегда съ вечера. Между тѣмъ начинало свѣтать. Въ это время Петръ Андреевичъ пилъ чай и, не одѣвшись, шолъ на конный дворъ, а потомъ проходилъ на всарню, и это была единственная прогулка въ продолженіе всего дня. Совершивъ такое путешествіе, онъ опять возвращался къ своему на-

мину, опять набивалъ пѣнковую трубку и опять дремалъ, развѣлясь въ креслѣ; такъ проходило время до обѣда который всегда подавался акуратно въ двѣнадцать часовъ и состоялъ изъ самыхъ жирныхъ, неудобоваримыхъ желудкомъ блюдъ: изъ лѣсныхъ щей, изъ борща, изъ пельменей со свиной, изъ жирнаго гуся подъ капустой, изъ буженины и другихъ кушаньевъ этого же характера. Изъ пирожныхъ любимыми блюдами Петра Андреевича были: слоеный круглый съ вареньемъ пирогъ и кудри. Передъ обѣдомъ выпивалась большая серебряная чара какой-нибудь водки, конечно, домашняго приготовления; причеъ дѣдушка, выливъ водку въ ротъ, долго ею полоскалъ и потомъ уже проглатывалъ. Послѣ обѣда, до вечерняго чая, время проводилось такъ же, какъ и до обѣда, съ трубкой въ рукахъ, передъ каминомъ; а по окончаніи чая Осипъ являлся съ картами и начиналась игра въ свои козыри, причеъ каждый сильно стоялъ за свою славу игрока; для этого какъ Осипъ, такъ и Петръ Андреевичъ даже часто прибѣгали къ воровству, перемѣнѣ и прятанью ненужныхъ картъ и эти невинныя плутни всегда были поводомъ къ продолжительнымъ и ожесточеннымъ спорамъ. Но часто, кромѣ Осипа, призывалось еще двое людей и тогда уже играли не въ свои козыри, а въ короли. Сыгравъ нѣсколько игоръ. Петръ Андреевичъ начиналъ, по обыкновенію, дремать. Ему нужно было сдѣлать ходъ или сбросить карту—а онъ просто спалъ и другіе игроки ожидали, съ картами въ рукахъ, пробужденія барина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженія начатой игры. Конечно, подобная спячая, халатная жизнь развивала все болѣе и болѣе болѣзненное состояніе Петра Андреевича. Но вотъ возвращались изъ Уральска обозы, которыхъ Петръ Андреевичъ и Ѳіона Алексѣевна всегда ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ: дѣдушка, ожидая рыбы и икры, а прабабушка денегъ. Обознымъ всегда ѣздилъ крестьянинъ Василій Петровъ и шемаденно, по возвращеніи, являлся въ горницу съ докладомъ, что хлѣбъ, слава Богу, проданъ хорошо: ржаная мука за пудъ по двадцати-пяти коп., гореть, по восемнадцати, овесъ, по тридцати, а крупа по сорока коп., и что по приказанію, рыбы и икры купалъ, но что нынѣшній годъ она дорога: осетрину платилъ по четыре рубля, севрюгу по три, сазановъ и судаковъ багреныхъ по одному рублю пятидесяти коп. за пудъ; а осетровую икру по тридцати-пяти коп. за фунтъ. За тѣмъ слѣдовалъ расчетъ денегъ, которая получала Ѳіона Алек-

сѣвна сама, а Петръ Андреевичъ только наблюдалъ: вѣрно или нѣтъ; послѣ чего прабабушка подавала обознику стаканъ воды и давала дѣдушкѣ пятнадцать или двадцать руб. говоря: «вотъ это тебѣ, Петруша, на расходъ»; а послѣднія деньги уносила и прятала въ свой завѣтный съ множествомъ ящичковъ, ларецъ.

Въ лѣтнее время жизнь Петра Андреевича отличалась отъ зимней только изрѣдка поѣздками въ поле, сномъ послѣ обѣда и продолжительнымъ купаньемъ въ прудѣ, передъ вечернимъ часомъ; а въ неочень жаркіе дни каминъ топился такъ же какъ и зимой. Людская отъ кабинета была недалеко и люди часто, или послѣ работы вечеромъ, или по праздникамъ, собирались и пѣли пѣсни съ рожкомъ, тарелками, ложками и другими принадлежностями хора. Петръ Андреевичъ, услышавъ пѣніе, бралъ съ собою водки и неизвѣннаго Осипа, отправлялся въ застольную, подавалъ пѣсенникамъ вина и заставляя ихъ пропѣть его любимую пѣсню:

«Случилось-то мнѣ, доброму молодцу,

«Мимо дѣса, мимо темнаго, вати-ѣхати...

Запѣвалой былъ кучеръ Натаръ, который былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что носилъ такое имя, какого нѣтъ ни въ однихъ свѣтцахъ: 25-го октября празднуется св. мученикъ и нотарій: Маркіанъ и Мартирій; а священникъ, не понявъ, что нотарій — не имя, а званіе, назвалъ новорожденнаго при крещеніи Натаромъ.

Петръ Андреевичъ ѣздилъ въ сибирскую губернію, гдѣ у одного изъ помѣщиковъ купилъ три семейства крестьянъ. Новоприкупленные мужики явились къ Петру Андреевичу въ рублищахъ, такъ что онъ тамъ же купилъ имъ одежду и далъ денегъ на проѣздъ и продовольствіе дорогой. Переведеннымъ мужикамъ были выстроены дворы, данъ скотъ и они въ короткое время сдѣлались изъ нищихъ зажиточными крестьянами. Ѳіона Алексѣевна услышала отъ своего брата Григорія Алексѣевича Роктова, что въ Сызранскомъ уѣздѣ продаются, на выводъ, еще нѣсколько семействъ крестьянъ; а такъ какъ у ней всегда водились деньги въ изрядномъ количествѣ, то она и послала дѣдушку купить этихъ людей, отсчитавъ ему на покупку двѣ тысячи рублей. Петръ Андреевичъ отправился, но путешествіе это кончилось не такъ благополучно, какъ первое. Пріѣхавъ въ Сызрань, дѣдушка узналъ, что продающаго крестьянъ помѣщика нѣтъ дома, а потому онъ рѣшился ждать его возвращенія. Познакомившись съ нѣкоторыми помѣщиками, бывшими тогда, по случаю ярмарки, въ огродѣ, Петръ Андреевичъ принялъ участіе въ картежной

игрѣ, которая была довольно значительна, и счастье такъ ему благоприятствовало, что онъ въ одинъ вечеръ выигралъ двѣ тысячи рублей денегъ, карету съ шестеркой лошадей, кучеромъ, лакеемъ и полной упряжью. На другой день проигравшійся опять пригласилъ къ себѣ дѣдушку; начался кутежъ: пили много вина и пуншу, но предусмотрительный хозяинъ, для своего дорогого гостя, приготовлялъ этотъ напитокъ, кажется, по методу генерала Перхурова; между тѣмъ другимъ подавался законный. Петръ Андреевичъ, надѣясь на себя и думая, что и другимъ подадутъ такой же крѣпкій пуншъ, продолжалъ прихлебывать; въ это же время поставили столы и работа началась; но кизлярка вскорѣ оказала полное дѣйствіе и, пользуясь этимъ, хозяинъ, съ своими друзьями, обобрали дѣдушку: карета, со всѣми принадлежностями, двѣ тысячи рублей и еще двѣ тысячи, данные Фіоной Алексѣвной на покупку крестьянъ, въ нѣсколько часовъ исчезли. Дѣдушка былъ пораженъ, какъ громовымъ ударомъ, проснувшись на другой день съ тяжелой головой и пустыми карманами. Боясь ужасно матери, онъ не зналъ, на что рѣшиться и какъ предстать предъ грозными очами Фіоны Алексѣвны. Сказать, что потерялъ—не повѣрять, сказать правду—дѣло гибельное. Осипъ бывшій съ дѣдушкой, принялъ участіе въ отчаянномъ положеніи барина и сталъ его утѣшать, говоря, что небольшая еще бѣда, что онъ проигралъ двѣ тысячи рублей, что у матушки Фіоны Алексѣвны денегъ и безъ этихъ накоплено тма тмуца! Слова эти подѣйствовали на дѣдушку благотворно; а такъ какъ теперь ожидать пріѣзда продавца крестьянъ уже было незачѣмъ, то, занявъ у сосѣда во Саврушѣ Нулевскаго, бывшаго, по счастью, въ то время тамъ на ярмаркѣ, пятьдесятъ рублей на путевые расходы и харчи, Петръ Андреевичъ, съ довольно храбрымъ настроеніемъ духа, пустился въ обратный путь. Пока до Савруши было еще далеко, дѣдушка не унывалъ, но по мѣрѣ того, какъ разстояніе до жилища Фіоны Алексѣвны становилось все меньше и храбрость въ Петрѣ Алексѣвичѣ убавлялась, какъ будто бы она терялась на дорогѣ, не смотря на ободреніе и шутки Осипа, который старался успокоить и развлечь барина. «Эхъ, сударь, говорилъ добрый старикъ, еще съ покойнымъ тятенькой подь Пугачемъ были, а теперь боитесь мамлыки!» Подъѣзжая къ крыльцу дома, Петръ Андреевичъ застоналъ, захохалъ и велѣлъ сказать, что онъ боленъ. Умный Осипъ сей часъ сообра-

зиль въ чемъ дѣло, и, соскочивъ съ козелъ, подошелъ къ ручкѣ Фіоны Алексѣевны, выбѣжавшей на крыльцо встрѣчать сына, и сей часъ же доложилъ ей: «баринъ, матушка, больнехинецъ! думалъ, что и до дому живого не довезу! Отъ малаго Свирана головушки не подымалъ, и во рту маковой росянки небыло!» Это извѣстіе такъ поразило прабабушку, что она растерялась и захлопоталась. Дѣдушку ввели въ *каминг*, а Фіона Алексѣевна, отъ отчаянія, не помнила себя. Весь домъ былъ поднятъ вверхъ дномъ: горчичники, мази и всѣ домашнія средства, какія только были подърукой, пошли въ ходъ безъ всякаго разбора и толка. Когда первый пылъ тревоги прошолъ, Фіона Алексѣевна позвала къ себѣ Осипа и стала спрашивать: какъ, отчего и почему Петрушенька захворалъ. Осипъ, видя, что дальнѣйшія хитрости не послужатъ ни къ чему, чистосердечно разсказалъ барынѣ все, какъ обыграли дѣдушку, прибавивъ только, что онъ дѣйствительно бѣда, какъ захворалъ, и всю дорогу бредилъ и говорилъ: «какъ къ мамынькѣ покажусь? Хоть ужъ умереть бы лучше!» Это извѣстіе не только не огорчало, но даже обрадовало Фіону Алексѣевну: она прямо пришла къ дѣдушкѣ, сѣла воелъ него, обняла и сказала, что она знаетъ все и что ему стыдно такъ тревожить себя изъ такихъ пустяковъ. Причемъ съ какою-то гордостью она прибавила: «что у насъ съ тобой денегъ, что ли, нѣтъ? У меня достанетъ еще купить двѣ Савруши!» Тутъ ожесточеніе и вѣстѣ тѣмъ и самолюбіе достигло въ ней страшныхъ размѣровъ: Фіона Алексѣевна энергически отперла завѣтный ларчикъ и, захвативъ полную горсть золота, бросила на полъ: червонцы зазвенѣли и шокатились по полу, а она плюнула, добавивъ, что для нея деньги— вотъ что! Разсыпанные же червонцы, по прошествіи горячности, были собраны Фіоною Алексѣевною со всевозможною тщательностью и пересчитаны несчетное число разъ; а одинъ, провалившійся въ подполь, послужилъ поводомъ къ большому хлопотамъ: подняли половицу и вся дѣвичья была командирована на помски; и хотя съ большимъ трудомъ, но золотой былъ отысканъ, счастливая дѣвчонка награждена кускомъ *панушика* (т. е. бѣлаго хлѣба, какъ тогда называли), деньги вложены, и завѣтный сундукъ запертъ и поставленъ, въ присутствіи барыни, на свое востоянное мѣсто. Само-собою разумѣется, что Петру Андреевичу на другой же день стало лучше, а на третій онъ уже былъ здоровъ совершенно, и приказаніе матери, — не вспоминать

о двухъ тысячахъ рубл., такъ казусно погибшихъ, соблюдалось дѣдушкой со всевозможною точностью. Правда, что Оіона Алексѣевна иногда и сама, разсердясь, часто колола глаза сыну, вспоминая объ этихъ деньгахъ, и что о нихъ впоследствии вспоминалось даже очень часто; но уже это было ничего: главная опасность прошла, жизнь потекла опять постарому, какъ будто ничего особеннаго и не случилось. Оіона Алексѣевна, несмотря на разстроенное здоровье сына, не теряла надежды, что онъ женится во второй разъ, что другая невѣстка будетъ исправнѣе, и что у нея будутъ давножелаемые внучата. Пріѣздъ въ Саврушу сосѣдки Флены Ивановны Нулевской подалъ идею посвататься Петру Андреевичу на сестрѣ Тимоѳеи Степановича Багрова, Евгениі Степановнѣ. Нулевская была замѣчательной женщиной во многихъ отношеніяхъ: ей было извѣстно все и вездѣ; даже кто что думалъ, или только намѣревался думать—и уже это было ею рассказываемо съ малѣйшими подробностями всякому встрѣчному и поперечному, но только не иначе, какъ по секрету, съ страшными просьбами, чтобы никому не говорить, или, какъ выражалась Флена Ивановна, изъ избы сора не выносить! Одного какого-нибудь, даже самаго ничтожнаго извѣстія было достаточно, чтобы въ воображеніи Нулевской являлись тысячи слятней на разныхъ темы и различнаго интереса. По пріѣздѣ куда бы то ни было, ея первой обязанностью было—посѣтить дѣвичью, гдѣ она, здороваясь съ публикой, протягивала впередъ руку и каждая изъ дѣвокъ, или бабъ, должна была подойти и облобызать десницу Флены Ивановны; послѣ чего она осматривала кружева, пряжу, и такимъ образомъ входила въ довольно-близкія отношенія съ обитательницами окрестныхъ дѣвичій, гдѣ съ избыткомъ запасалась необходимыми матеріалами, которые потомъ выработывались и пускались по бѣлому свѣту. Узнавъ что-нибудь въ одномъ домѣ, она ѣхала рассказывать это въ другой, гдѣ также узнавала и развѣдывала, что только возможно, и ѣхала въ третій домъ, и такъ далѣе, до-тѣхъ-поръ, когда всѣ сосѣдственныя дома были объѣханы, а слѣдовательно и обруганы. Когда Флена Ивановна ѣхала въ гости, то обыкновенно говорила, что клюква ѣдетъ въ уѣздъ. Хотя всѣ заранѣе знали, что изъ рассказовъ Флены Ивановны одна тысячная правды, а девять сотъ-девяносто-девять частей принадлежатъ безусловно медовитому воображенію вѣстовщицы, но вѣрить сплетнямъ—это общая слабость людей,—а тогда эта склонность была разви-

та въ самой сильной степени, — и потому часто вздорные рассказы Нулевской поселяли, между слушателями ея, серьёзные неприятности и даже нерѣдко явную вражду. Конечно, Флена Ивановна, посредствомъ объясненій между враждовавшими лицами часто попадала въ просакъ и была явно уличаема во лжи, но это ее нисколько не обижало ее и не беспокоило и она, съ новой яростью, продолжала свое постоянное занятіе. У себя, въ селѣ Фленовкѣ, она любила, чтобы все было въ должномъ порядкѣ. Недалеко отъ дома ея былъ мостъ черезъ ручей, по которому ѣздили всѣ; но она нашла для себя, какъ столбовой дворянки, неприличнымъ ѣздить по одному мосту съ мужиками, и отдала приказаніе — построить другой, для личнаго ея употребленія; и такимъ образомъ близъ дома было два моста: одинъ крестьянскій, старый, а другой новый, по которому ѣздить, кромѣ барыни и ея гостей, никто не смѣлъ, и за этимъ строго наблюдала лично сама Флена Ивановна; даже передъ тѣмъ, когда клюква собиралась въ уѣздѣ, наряжались бабы съ судомойками, для мытья этого новаго моста и приведенія его въ надлежащій порядокъ.

Наружность Флены Ивановны была самая невзрачная: маленькаго роста, толстая, съ рыжими волосами и съ краснымъ, какъ клюковка, лицомъ. Конечно, этотъ красный цвѣтъ физиономіи, съ брусникой на носу, былъ достоинствомъ благопріобрѣтеннымъ, какъ слѣдствіе ежедневныхъ усиленныхъ пріемовъ спиртныхъ напитковъ. Мужъ ея, Иванъ Даниловичъ, вмѣстѣ съ ней не жилъ, а постояннымъ мѣстомъ его пребыванія было имѣніе въ Корсунскомъ уѣздѣ. Онъ даже самъ не могъ бы дать опредѣлительнаго отвѣта — зачѣмъ женился на Фленѣ Ивановнѣ, тѣмъ больше, что онъ имѣлъ свое независимое состояніе, а понравиться г-жа Нулевская могла развѣ только на основаніи пословицы: «понаравится сатана — лучше яснаго сокола!» Въ минуту откровенности, за чарой, въ дружеской бесѣдѣ, Иванъ Даниловичъ свою женитьбу объяснялъ, просто, лаконической фразой: «чортъ попуталъ!» — Флена Ивановна имѣла двухъ дѣтей: сына, Александра, и дочь, Елизавету Ивановну: Сынъ хотя и не былъ человѣкомъ замѣчательнымъ по уму, но, походя на отца, былъ одаренъ многими хорошими качествами; дочь же походила на мать: умственныхъ способностей въ ней почти не существовало, и она даже, по недостатку ихъ, не могла сдѣлаться сплетницей; это была не женщина, а устрица. Для Ели-

заветы Ивановны жизнь состояла въ томъ, чтобы ѣсть, пить и спать. Она даже не умѣла считать: бывши уже за мужемъ, она начала было немножко привыкать и уже знала, что красненькая ассигнація стбитъ дороже синенькой, какъ вдругъ вышли новые кредитные билеты — и всѣ знанія, пріобрѣтенныя такими трудами, исчезли и кончились тѣмъ, что она прожила вѣкъ и наконецъ отошла въ жизнь вѣчную, не зная счета въ деньгахъ.

Сестра Флены Ивановны была Екатерина Ивановна и наружность ея была еще хуже наружности Флены Ивановны, только въ свѣтничаньи и собраніи вѣстей она стояла нѣсколько ниже сестры; но за то природа, какъ-будто сознавая, что она обидѣла дѣвицу Кенлюдову и, конечно, желая вознаградить этотъ недостатокъ ея противъ Нулевской, въ сильной степени надѣлила ее любовью къ водкамъ, настойкамъ и всему, что только могло способствовать опьяненію. Умственные способности, какъ у одной, такъ и у другой сестры были совершенно одинаковы, и поэтому сходство взглядовъ на вещи способствовало ихъ взаимной любви и тѣмъ еще тѣснѣе сближало родственныя отношенія.

Въ Оренбургѣ служилъ нѣкто Иларіонъ Ивановичъ Миклинскій, который, бывъ довольно неглупымъ и добрымъ человекомъ, сдумѣлъ изъ крестьянъ дослужиться до чиновъ и такимъ образомъ пріобрѣсти право на потомственное дворянство. Конечно, онъ служилъ долго и началъ службу съ самыхъ низкихъ должностей; но такъ-какъ умный человекъ не пропадетъ нигдѣ, то онъ, пройдя всѣ искушенія и мытарства и дослужившись до чиновъ, не пріобрѣлъ самаго необходимаго — денегъ. Случайно Екатерина Ивановна увидѣла Миклинскаго; нашлись добрые люди, которые сейчасъ сообразили, что они другъ для друга совершенная пара: Миклинскій, какъ бѣдный человекъ, женись, пріобрѣталъ средства къ жизни, а Екатерина Ивановна, съ почтенной цѣною лѣтъ на плечахъ и съ своей красотой, не могла рассчитывать на лучшую партію, тѣмъ болѣе что Миклинскій — мужчина. а слѣдовательно способенъ быть мужемъ. Правда, что впоследствии супруги видѣлись другъ съ другомъ только за обѣдомъ, но уже это дѣло второстепенное, а главная цѣль Екатерины Ивановны все-таки достигнута: у ней былъ собственный мужъ, которымъ она могла пользоваться по своему благоусмотрѣнію.

VIII.

Флена Ивановна, разѣзжая по уѣзду, пріѣхала и въ Саврушу застаться, чѣмъ Богъ пошлетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разказать, гдѣ и что дѣлается, въ томъ числѣ и у Багровыхъ, отъ которыхъ она теперь ѣхала. Поздоровавшись съ Фіоной Алексѣевной и Петромъ Андреевичемъ, она немедленно поспѣшила дѣвичью, гдѣ, здороваясь съ дѣвушками, выругала ихъ въ видѣ шутки, по обыкновенію, протянула свою красную руку для лобзаній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ шутки и въ знакъ особеннаго расположенія, всѣхъ дѣвокъ выругала такъ, какъ теперь ужъ не умѣютъ барыни браниться.

Фіона Алексѣевна, предполагая, что у сосѣдки непремѣнно большой запасъ новостей, — хотя она знала, въ какой степени можно вѣрить Фленѣ Ивановнѣ, но все-таки желала послушать, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ она прониюхала что-нибудь, — поспѣшила разстроить дружескую бесѣду сосѣдки съ дѣвками, пригласивъ ее въ образную, гдѣ обыкновенно говорились всѣ секреты, и гдѣ, Нулевская знала, что и ей дурно не будетъ. Палапка подала закуску, поставила нѣсколько различныхъ сортовъ сладкихъ водокъ и наливокъ, дверь, съ должной акуратностью, была затворена и бесѣда началась. Промочивъ горло, Флена Ивановна, по обыкновенію, начала разсыпаться въ увѣреніяхъ, что она любитъ Фіону Алексѣевну, словно сестру родную, — въ чемъ она увѣрала всѣхъ, у кого только бывала, а въ особенности въ уединеніи и когда графинчики уже стояла на столѣ. Между разговорами о томъ и о семъ, гостя, для храбрости, выкушала еще, снисходя къ просьбѣ хозяйки, какъ-бы нѣхотя, тогда-какъ въ этомъ была видна одна церемонія и большое желаніе и аппетитъ выпить еще и еще. Обыкновенно Флена Ивановна приходила въ полный экстазъ и разгаръ послѣ, примѣрно, пяти или шести рюмокъ: и тогда она уже неумолкающая, трещала безпрестанно, не забывая, впрочемъ, одушевляться близь стоящими снадобьями; и это обыкновенно продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока разскащица уже начинала болтать такой вздоръ, что не находилось желающихъ слушать, и когда было ясно видно, что ей пора помолчать, соснувши часика два или три. Обыкновенно, бесѣда прерывалась тогда, какъ-скоро Фіона Алексѣевна, замѣтивъ, что сосѣдка несетъ такую околесную, которой не стоитъ и слушать, и что ей пора отдохнуть или, по-

просту, проспать, обращалась къ ней просто съ нецеремонной фразой: «Ты, матушка, замолодась, уже поговоримъ еще, а теперь лучше лягъ и отдохни!» Флена Ивановна, нисколько не обидясь этимъ и выпивъ на дорогу, какъ она называла, *посошкз*, отправлялась на боковую, на постель прабабушки, и черезъ самое короткое время сильный храпъ возвѣщалъ, что Нулевская прямо изъ объятій Бахуса перешла въ объятія Морфея.

Флена Ивановна, во время бесѣды съ Оіоной Алексѣевной, начала рассказомъ, конечно, не желая нарушать порядка, съ своей сестрицы Екатерины Ивановны, которая на дняхъ такъ напивалась, что упала съ крыльца и расквасила себѣ носъ; причемъ сейчасъ же добавила, что она сама грѣшный человекъ, *уотребляетъ*, но уже напиваться до такого безобразія нехорошо. Оіона Алексѣевна подтакнула, не желая противорѣчить, тогда-какъ ей очень хорошо было извѣстно, что ея собесѣдница не одинъ разъ и сама подвергалась этимъ воздушнымъ путешествіямъ и совершенно при однихъ и тѣхъ же причинахъ и обстоятельствахъ. Затѣмъ слѣдовали подробныя донесенія о всѣхъ гадостяхъ, уже совершонныхъ, или долженствовавшихъ совершиться въ томъ околоткѣ, который Флена Ивановна удостоила своимъ посѣщеніемъ, и такимъ образомъ очередь дошла до дома Багровыхъ. На этомъ мѣстѣ рассказа Оіона Алексѣевна, уставшая молчать и слушать, прервала болтовню сосѣдки, заговоривъ о своемъ Петрѣ Андреевичѣ, что, видно, ужь онъ и не женится, что здоровье у него слабое, что родные, чай, радѣхоньки этому и что, послѣ смерти ихъ, все пойдетъ прахомъ! Флена Ивановна, добравшись до Багровыхъ, уже была готова, по обыкновенію, разбранить безъ изъятія всѣхъ, составлявшихъ это семейство, и рассказать несмѣтное число сплетней, какъ вдругъ слова Оіоны Алексѣевны остановили записную сплетницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подали ей мысль: нельзя ли тутъ устроить свадьбенки. А такъ-какъ устраивать свадьбы была страсть Нулевской, а у Багрова была сестра Евгенія Степановна, то брань и клевета, готовая литься съ ея языка, мгновенно превратилась въ похвалу и описаніе всѣхъ всевозможныхъ добродѣтелей дѣвицы Багровой, конечно, и такихъ, которыхъ въ ней никогда не было и даже не имѣлось надежды на пріобрѣтеніе ихъ въ будущемъ. Флена Ивановна теперь видѣла только жениха въ Петрѣ Андреевичѣ и невесту въ Евгеніи Степановнѣ, и все желаніе было сосредоточено на томъ, нельзя ли между эми-

ми лицами устроить сватовство. Вообще, Флена Ивановна, если начинала кого-нибудь бранить, то не знала ни мѣры, ни границъ, равно и въ отношеніи похвалъ замѣчалась та же необузданность. Теперь повторилось тоже самое: по словамъ ея едва движущійся и безпрестанно спящій Петръ Андреевичъ былъ стройнѣе Аполлона Бельведерскаго и красивѣе Адониса; а перезрѣлая дѣвица Багрова, съ едва только сносною наружностью, была красивѣе Венеры, стройнѣе пальмы, а ужъ о богатствѣ нечего было и говорить: однихъ холстовъ и пряжи было биткомъ набито два страшные сундучища.

Болтовня Флены Ивановны имѣла важныя послѣдствія: Фіона Алексѣевна послѣ этого не давала отдыха Петру Андреевичу, уговаривая его жениться, и безпрестанными просьбами успѣла, наконецъ, вынудить его согласіе—ѣхать вмѣстѣ съ нею, въ воскресенье, въ с. Багрово, посмотрѣть невѣсту.

Уснувшая, почти умершая, идея о внучатахъ опять проснулась и ожила въ воображеніи прабабушки: стоило закрыть глаза—и ей, мерещилось, что около нея висятъ люльки, пеленки и свивальники самыхъ затѣйливыхъ разнообразныхъ фасоновъ. Фантазія такъ разыгрывалась, что ей даже слышались крики и пискъ дѣтей. Даже ночью любимая Палашка часто слышала, какъ Фіона Алексѣевна, въ грезахъ, гулила, баюкала и кричала: «агу! агу!»

Еще въ субботу Фіона Алексѣевна вытащила изъ сундука шелковое платье, шитое къ свадьбѣ Петра Андреевича, и чепецъ, съ множествомъ громадныхъ бантовъ; все это было выглажено, приведено въ порядокъ, положено на столъ, а сверху закрыто чистой простыней, въ ожиданіи слѣдующаго дня, отъ котораго ожидалось такъ много пріятнаго.

Въ воскресенье, рано поутру, Фіона Алексѣевна уже была облечена въ свои шелковые доспѣхи; Петръ Андреевичъ также разстался съ своимъ неизмѣннымъ тулупомъ и валенками, напяливъ на себя сюртукъ; двѣ тройки лошадей, запряженныя въ большія рогожныя повозки, были поданы къ крыльцу. Прабабушка тщательно осмотрѣла одежду людей, давъ приказаніе хвалить своихъ господъ; сдѣлала наставленіе дѣдушкѣ, чтобы онъ перевозмогъ себя и у невѣсты не дремалъ, перекрестила его и экипажи быстро покатались по дорогѣ, ведущей къ селцу Багрову. Флена же Ивановна, послѣ извѣстнаго разговора съ Фіоною Алексѣевной, не выдержала, чтобы, прямо же изъ Сав-

руши, не проѣхать въ Багрово и не рассказать тамъ всего, что говорилось о Евгении Степановиѣ и Петрѣ Андреевичѣ, и даже съ приличными обстоятельствами своими собственными умозаключеніями; а потому приѣзлъ и сватовство Рожновыхъ и не могли быть неожиданными. Сильныя лошади скоро пробѣжали пятнадцать верстъ; рѣчка Бугурусланъ, съ большою уремою по берегамъ, огромный прудъ, заросшій густымъ камышомъ, быстро показались и остались назади и наши путники остановились у крыльца большаго деревяннаго дома — жилища Багорова. Цѣлая свита лакеевъ выбѣжала на крыльцо, высадила изъ повозки Фіону Алексѣвну, а потомъ принялась за довольно-трудную работу — выгружать полновѣснаго жениха. Хотя повозка и была немаленькая, но она все-таки оказалась нѣсколько тѣсной для Петра Андреевича; но наконецъ и онъ былъ вынутъ и подъ руки введенъ на высокую лѣстницу подъѣзда. Петръ Андреевичъ и Фіона Алексѣвна были приняты очень радушно, по-сосѣдски, какъ Тимоѣемъ Степановичемъ, такъ и всѣмъ его семействомъ, и этотъ приѣмъ окончательно удостовѣрилъ прабабушку, что предложеніе не будетъ отвергнуто. Фіона Алексѣвна говорила безъ умолку, желая не ударить себя лицомъ въ грязь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не упускала случая наблюдать за сыномъ, боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не вздремнулъ. Такъ прошло время до обѣда. Евгения Степановна была также, въ числѣ прочихъ, въ гостинной и желаніе понравиться ей было главнымъ стараніемъ прабабушки. За обѣдомъ Фіона Алексѣвна сѣла рядомъ съ сыномъ, и едва только замѣчала, что сонъ начиналъ клонить его, какъ толчокъ локтемъ восстанавливалъ опять бодрость Петра Андреевича и, благодаря такимъ предосторожностямъ, обѣдъ окончился благополучно; но хитрости эти не скрылись отъ наблюдательныхъ взоровъ хозяевъ. Фіона Алексѣвна и прежде видала дѣвицу Багрову, но, по ея понятіямъ, узнавать коротко другъ друга жениху и невѣстѣ — была вещь совершенно лишняя, а потому, не желая терять попустому времени, она послѣ обѣда же сдѣлала предложеніе. Покуда она по секрету говорила объ этомъ съ Тимоѣемъ Степановичемъ, произошло именно то, чего боялась прабабушка. Петръ Андреевичъ, оставленный въ залѣ одинъ, послѣ сытнаго обѣда, не могъ преодолѣть искушенія: глаза его сомкнулись и сильный храпъ раздался по всему дому. Прабабушка такъ и обмерла, увидѣвъ спящаго жениха; сейчасъ же дѣдушка былъ разбуженъ,

подапы и двѣ кибитки поехали обратно въ Саврушу. О савтовствѣ же Тимошей Степановичъ сказалъ, что «объ этомъ нужно подумать и посоветоваться», послѣ чего онъ не замедлитъ отвѣтомъ. Фіона Алексѣевна и не воображала, чтобы ея Петрушѣ могли сдѣлать отказъ, а потому ѣхала обратно съ полной надеждой, что это дѣло устроится; но была сердита на Петра Андреевича за сцену въ заздѣ и, по прїѣздѣ, сдѣлала слѣдующій выговоръ: «Акъ ты, безстыдникъ! ужели не могъ немножко-то воздержаться?.. Хорошее ли дѣло: у-невѣсты вдругъ захрапѣлъ, какъ борозъ!» Отвѣтъ Багровыхъ, ожидаемый съ нетерпѣніемъ, не являлся, и эта проволочка времени невольно породила въ душѣ Фіоны Алексѣевны сомнѣніе, и мысль объ отказѣ приводила ее въ страшное бѣшенство. Наконецъ терпѣніе допнуло и къ Фленѣ Ивановнѣ былъ отправленъ воевода, съ предложеніемъ немедленно прїѣхать въ Саврушу. Готовая всегда и на всѣ возможные услуги, сосѣдка не вставила себя ждать, и въ этотъ же день, къ вечеру, уже сидѣла въ образной, упавшая травишкомъ и гордая возложенницей на нее порученіемъ—ѣхать депутатомъ въ с. Багрова. На другой день Нудевская, наученная, какъ и въ какомъ случаѣ поступать, отправилась, и къ вечеру же возвратилась съ извѣстіемъ о рѣшительномъ отказѣ. Бѣшенству Фіоны Алексѣевны не было границъ: первой ея мыслью было ѣхать къ Багровымъ и разбранить ихъ, какъ только возможно, даже уже и лошади были готовы; но Петру Андреевичу удалось убѣдить мать не ѣздить, а потому лошади, постоявъ у крыльца, были отпряжены. Весь родъ Багровыхъ былъ обруганъ, а въ самомъ Тимошеѣ Степановичѣ открыто столько пороковъ, что исчислить ихъ нѣтъ никакой возможности. Фіона Алексѣевна, наприѣвъ, называла Багрова цыганицей; Флена Ивановна на-лету ловила брань и добавляла, что ужъ объ этомъ нечего и говорить: тицетъ мертвую; что ему и на ночь подъ кровать ставятъ по цѣлому штофу. Прабабушка, въ порывѣ злости, называла Багрова злодѣемъ; Флена Ивановна опять являлась съ удостовѣреніями, что такого варвара понокать; что онъ людишекъ *лупма-лупишекъ, дерма-даретъ!* И въ такихъ прїятныхъ занятіяхъ Фіона Алексѣевна и Нудевская провели нѣсколько дней: одна только давала тему, а другая ее развивала.

Такимъ образомъ обитатели с. Багрова и Савруши стали въ самыхъ непріятельскихъ отношеніяхъ другъ къ другу и даже,

впоследствии, стояло только проанести фамилию Багровыхъ—и Оюна Алексѣевна сейчасъ же приходила въ самое воинственное настроеніе духа: брань лилась, обиженное отказомъ самолюбія пробуждалось. Отказъ Еягеніи Степановны былъ сдѣланъ Петру Андреевичу по многимъ и весьма освоенательнымъ причинамъ: первая состояла въ болѣзненномъ состояніи дѣда, вторая, что наружность его не могла никому понравиться, и, наконецъ, третья та, что никому не было охоты имѣть свекровью грозную Оюну Алексѣевну. Черезъ короткое время дѣвица Багрова вышла замужъ за полковника Гуличинина. Впоследствии, мысль женить Петра Андреевича сдѣлалась въ родѣ помѣнательства для прабабушки: много было дѣлано попытокъ для достиженія этой цѣли, но ни одна не удалась: одиѣтъ изъ невѣстъ не нравилась наружность жениха, другимъ не хотѣлось имѣть большого мужа, а всѣ, безъ исключенія, не желали имѣть свекровью Оюну Алексѣевну. Испытавъ столько неудачъ, прабабушка обратилась опять съ просьбой къ своему братцу, Григорію Алексѣевичу, прося его ѣхать въ Симбирскую губернію и виѣстѣ съ племянникомъ осмотрѣть тамошнихъ невѣстъ. Почтенный братецъ опять изъявилъ полную готовность помогать такому полезному дѣлу и прибавилъ, что у него уже есть на примѣтѣ одна невѣста для Петра Андреевича, совершенная пара, богачка и собой *краса!* хотя, конечно, уже не дѣвочка какая, пятнадцатилѣтняя, а, право, и до-сихъ-поръ еще лица *мелотрапнаго!* Уже одиѣ эти подозрительныя похвалы Роктова могли убѣдить каждаго, что невѣста должна быть не очень привлекательной наружности; но такъ-какъ для Оюны Алексѣевны главнымъ дѣломъ было только женить сына, не рассуждая на комъ, а для самого жениха было все равно, жениться или нѣтъ, то и снискательныя увѣренія братаца остались въ полной силѣ.

Григорій Алексѣевичъ вновь оставилъ палочку свой и снова пустился съ племянникомъ въ счастливыя для женитьбы мѣста симбирской губерніи. Но на этотъ разъ поѣздка за женой не была такъ счастлива, какъ первая, и Роктовъ возвратился, въ дурномъ расположеніи духа, къ своему обыкновенному занятію, а Петръ Андреевичъ—таинъ же вдовцомъ, какимъ и похвѣлъ. Только по пріѣздѣ, братецъ былъ подробно допрошенъ сестрицей о всѣхъ включеніяхъ, случившихся въ эту поѣздку и донесъ слѣдующее. По пріѣздѣ въ сызранскій уѣздъ, онъ немедленно же повезъ племянника къ той красѣ, которая

была у него на приѣздѣ, и оказалось, что это была нѣкто Анненкова, дѣва лѣтъ тридцати-семи и владѣтельница хорошо устроеннаго села въ пятьсотъ душъ; что невѣста немножко лицомъ рябовата, глазъ имѣетъ одинъ, а другаго лишилась еще въ дѣтствѣ отъ золотухи, и что корпусомъ будетъ посправнѣ Петра Андреевича, который вѣсилъ восемь съ половиною пудовъ. Обѣдъ былъ великолѣпный; люди всѣ были одѣты въ тонкое сукно, а за столомъ играла роговая музыка, послѣ чего эти же музыканты превратились въ пѣсенниковъ и пѣли очень жалосто. «Взвейся, выше понесися». Во время обѣда Петръ Андреевичъ и дѣвица Анненкова сидѣли рядомъ и братецъ самъ лично узнавалъ, пойдеть ли она за племянника; и отвѣтъ былъ самый благопріятный. Но когда Григорій Алексѣевичъ обратился за рѣшительнымъ отвѣтомъ къ Петру Андреевичу, то онъ отказался на-отрѣзъ, говоря, что онъ уже уродъ, а невѣста еще хуже; что ихъ двоихъ только возить нужно не меньше какъ въ шесть лошадей, и что чортъ съ ней и съ ея богатствомъ! «А невѣста была хоть куда!» добавилъ Роктовъ, «уже одна своя музыка чего-нибудь да стоитъ!»—Послѣ этого отыскалась еще одна, желавшая выйти замужъ за Петра Андреевича: нѣкто Ислентьева, дѣвушка молоденькая, недурная и рѣзваго, живого характера, но которая была бѣдна и счастливымъ житьемъ въ семействѣ не могла похвастаться. Петръ Андреевичъ не согласился и на эту женитьбу, говоря, что невѣста очень молода и бойка, и что это ясно, что она выходитъ за него изъ однихъ корыстныхъ разчетовъ; а когда сдѣлается женой, то какъ-разъ приставитъ ему кой-какія украшения. Она Алексѣевна, испытавъ столько неудачъ, плакала, ругалась, кричала и наконецъ успокоилась, потерявъ всякую надежду на внучать, и предоставила все на волю Божію. Жизнь Петра Ивановича послѣ того потекла прежнимъ порядкомъ. Сосѣдями у него были молодой Нулевскій, который, послѣ смерти отца, оставшись главой семейства, поселился на землѣ, отданной въ приданое матери, въ двѣнадцать верстахъ ниже с. Савруши, на той же рѣкѣ и того же названія, и такимъ-образомъ явилась новая деревня Савруша, или Савруха. Второю сосѣдъ Петра Андреевича былъ Африканъ Алексѣевичъ Саловъ. Купивъ у Анны Ивановны Карповой землю по теченію рѣчки Савруши, недалеко отъ впаденія ея въ рѣку Большой Кинель, Саловъ перевелъ изъ пензенской губерніи крестьянъ и конный заводъ, построилъ домъ, со всѣми необходимыми хо-

завѣстными службами, и завелъ псарню. Африканъ Алексѣевичъ былъ и по тогдашнему человѣкъ несовершенный: онъ провелъ всю жизнь старымъ холостякомъ, не бывъ официально знакомъ съ Гимнеемъ, но за то тайно былъ опутанъ сѣтями этого бога тѣснѣе, чѣмъ человѣкъ женатый. Женщина, владѣтельница его сердца, была нѣкто Карповна, баба простая, толстая, здоровая, одаренная отъ природы бойкимъ умомъ. При гостяхъ она была совершенно незамѣтнымъ лицомъ; зато въ семейной жизни она играла важную роль. Любимыми занятіями Салова были — конный заводъ и псарня, а постояннымъ рукодѣльемъ — вязанье чулокъ и колпаковъ. Это занятіе онъ такъ любилъ, что даже, при поѣздкахъ къ сосѣдямъ, дорогомъ и въ гостяхъ чулокъ былъ его постоянной работой. Въ отъѣзжихъ поляхъ, на псовой охотѣ, клубокъ и спицы всегда возились стреманнымъ за баринкомъ. Дома же Саловъ поутру садился въ залъ за свою работу, а лакеи и мальчики садились на полу въ кружокъ, съ чулками же, и такъ, въ патриархальныхъ разговорахъ и вязаньи, проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Имѣніе Салова было въ двѣнадцать верстахъ отъ Савруши Нулевскаго и въ двадцати-четыре верстахъ отъ Савруши Петра Андреевича. Какъ Нулевскій, такъ и Саловъ были очень дружны съ дѣдушкой и ѣздили другъ къ другу довольно часто. Главные же сѣзды обыкновенно бывали осенью, когда начиналась псовая охота. Въ концѣ іюля, или въ первыхъ числахъ августа, Петръ Андреевичъ призывалъ къ себѣ ловчаго Ефима Алексѣева, уже знакомаго читателямъ, какъ знатока русской грамоты, и отдавалъ ему приказаніе, чтобы охотничьи лошади были взяты изъ табуна и кормились дома овсомъ и мѣсивомъ; чтобы собакъ кормить два раза въ день и чтобы псаря, по утрамъ, по холодку, ѣздили для пріѣздки стаи гончихъ. Приказаніе повторялось нѣсколько разъ и окончивалось всегда одной охотничьей фразой: «Смотри же, Ефимъ Алексѣевичъ, поправь собакъ и лошадей такъ, чтобы лошадка кустика боялась, а собачка съ листикомъ играла!» Обыкновенно, первымъ сборнымъ пунктомъ былъ домъ Петра Андреевича, куда пріѣзжали съ охотами Нулевскій и Саловъ, и изъ Савруши уже отправлялись въ отъѣзжее поле и часто на довольно-продолжительное время. Еще задолго до назначеннаго дня въ Саврушѣ были самые дѣятельныя хлопоты и приготовленія по случаю ожиданія гостей. Приготавливали овесъ, сѣно, овсянку, пекли пироги, ватрушки, и все

это готовилось въ значительномъ количествѣ. *Юлія* Алексѣевна было также дѣла по горло: она сладила наливки, при ней же гнали различныхъ сортовъ водки, сладкія и горькія всѣхъ всевозможныхъ колеровъ и букетовъ. Наконецъ наступалъ и назначенный день. Къ обѣду, обыкновенно, приходилъ обозъ охоты, состоявшій изъ множества фуръ и телѣгъ съ различной провизіей, заводными лошадыми, съ кибитками, палатками, котлами, корытами, съ запасными собаками, какъ борзыми, такъ и гончими.

Обыкновенно, Саловъ присылалъ своихъ охотниковъ къ Нулевскому, который жилъ на пути, и обѣ охоты вмѣстѣ уже являлись къ дѣдушкѣ. Ловчій Нулевскаго, Александръ Петровъ, по прозванію Горячій, старикъ шестидесяти лѣтъ и великій знатокъ собачьяго дѣла, немедленно являлся къ Петру Андреевичу, и рассказы о разныхъ случаяхъ изъ охотничей жизни лились рѣкой, и говорунъ-старикъ пѣлъ, какъ соловей. Всѣмъ охотникамъ сейчасъ же подавали вина и кормили ихъ; тогда уже не жалѣли ничего, и для людей было не житье, а масляница. Горячій, кромѣ способности ловчаго, обладалъ еще даромъ сказочника, а потому Петръ Андреевичъ клалъ на почъ его въ своей спальнѣ на полу, вмѣстѣ съ неизбѣннымъ Осипомъ. Едва только кончался ужинъ, дѣдушка ложился въ постель, вслѣдъ за тѣмъ являлся съ потникомъ и сѣдельной подушкой Горячій. Устроивъ ложе, онъ садился на войлокъ и тонкимъ пронзительнымъ дискантсомъ начиналъ: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ...»

Сказки были такъ занимательны, что даже *Юлія* Алексѣевна съ Палашкой часто просиживала за полночь, у неплотно притворенной двери сосѣдней комнаты. Когда рассказчикъ доходить до любовныхъ объясненій своихъ сказочныхъ героевъ — особенной развязностью и свободой любовныхъ обращеній, по словамъ Горячаго, отличался *младый влюбша Иванъ Царевичъ съ бусурманской принцессой Мирикрисой Курбимьевной* — то на этомъ мѣстѣ разказа *Юлія* Алексѣевна, обыкновенно отплевывалась и, крестясь произносила: «съ нами крестная сила! этакой грѣхотворникъ, старый пострѣлъ!» — а слушать все-таки продолжала или до сильной дремоты, или до совершеннаго прекращенія разказовъ.

На другой день пріѣзжали Саловъ и Нулевскій. Петръ Андреевичъ съ полнымъ радушіемъ встрѣчалъ дорогихъ гостей. Сна-

чала шло все чинно, осматривали и хвалились другъ передъ другомъ лошадьми, собаками, удаливствомъ псарей и охотничковъ. Подавалась закуска, состоявшая изъ несмѣтнаго числа тарелокъ, наполненныхъ разными равностаями, графиновъ, штофовъ и бутылокъ со всевозможными водками и завитыми старыми, густыми, наивъ ликеръ, наливками. Оіона Алексѣевна, будучи отъ природы бережлива, даже скупа, была въ то же время и самолюбива: для угощенія гостей не щадила ничего, почему и считалась хлѣбосолой и радушной хозяйкой. Петръ Андреевичъ безпрестанно подчивалъ гостей, которые хотя сначала и церемонились, но пили, заставляя вить прежде хозяина, подъ тѣмъ незанысловатомъ предлогомъ: не отравлена ли та наливка, или водка, которая была на очереди? Такъ проходила время до обѣда, который состоялъ изъ огромнаго количества блюдъ, преимущественно жарныхъ: горячихъ готовилось нѣсколько, соусовъ, холодныхъ тоже, но жаренаго и пирожнаго подавалось по одному экземпляру. За обѣдомъ наливка также не были забываемы, а потому, по окончаніи стола, все находилось въ веселомъ расположеніи духа, количество же пустыхъ бутылокъ и штофовъ могло удивить каждаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказать, сколько могутъ выпить три здоровыя русскія натуры. Дѣдушна обыкновенно пилъ только чарку сладкой водки передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ; но въ веселой компаніи онъ пилъ много, и могъ выпивать большое количество вина, не будучи пьяницей, или, какъ выражались тогда, много поднималъ хмѣля. Вотъ являлась и огромная миса, изъ которой партъ клубомъ поднимался къ потолку, наполняя залу запахомъ пунша. Оіона Алексѣевна въ это время удалялась на свою половину, чтобы не мѣшать иркушкѣ, а вѣрный Осинъ отправлялся въ людскую съ извѣстіемъ, что господа закурили; собиралъ пѣсенниковъ съ бубнами, ложками, рожкомъ и приводилъ ихъ въ домъ. Подъ веселый напѣвъ пѣсенъ стаканы осушались дружно и чаще. Охотниковъ также не забывали, и потому было весело всѣмъ, и господамъ и людямъ. Хоръ пѣвалъ любимую Петра Андреевича охотничью пѣсню:

Темна ноченька проходить,

Бѣлый свѣтикъ настаетъ —

Ловчій голосъ подаетъ:

«Вы, охотники! вставайте,

«Лошадей скорѣй сѣдлайте,

«На срычии гончикъ смыкайте и проч.

Запѣвалой былъ одинъ изъ людей Петра Амдресовича, Никифору; онъ, обыкновенно съ рожкомъ, пѣлъ первую строку и потомъ весь хоръ дружно подхватывалъ и окончивалъ куплетъ. Пѣсня эта была сочинена охотниками дѣда, и даже, впоследствии, долго была любимой пѣсней людей того времени, и съ нею было соединено много воспоминаній прошлаго. Но однихъ охотниковъ становилось мало: разгулъ былъ въ долиной силѣ, а потому являлись крестьянскія бабы, въ нарядныхъ китайчатыхъ сарафанахъ, съ широкими кокошниками на головахъ и съ *модницами* изъ стекла. Начиналось опять пѣніе и уже съ плясками, гдѣ ловкому запѣвалѣ Никифору открывалось обширное поприще дѣйствій: взявъ какую-нибудь изъ бабъ, онъ выдѣлывалъ самыя хитрыя замысловатыя штуки: то выбивалъ ногами тактъ пѣсни, то вдругъ перевертывалъ колесомъ, то, придя въ полный экстазъ, пускался въ-присядку съ разными прибаутками и приговорками: «ходи изба, ходи печь, ховяину негдѣ леть! Ахъ, теща моя доморощенная! Какъ хвачу я тревака на четыре пятака!» Наконецъ люди брали господъ и поочередно качали на рукахъ и это подбрасыванье, почти до потолка, сопровождаемое особеннымъ, придуманнымъ для этого случая, пѣніемъ, кончалось только тогда, когда качаемый баринъ откупался деньгами и вышивалъ стаканъ вина. Такъ кончалась пирушка, продолжаясь часто до разсвѣта другаго дня. Но послѣ отдыха часто оргіи возобновлялись еще съ большей силой и продолжались иногда по недѣлѣ. Пріѣзжали Ларіонъ Николаевичъ Миклинскій, являлись знакомые изъ Бугуруслана и такимъ образомъ составлялось довольно-значительное общество.

Наконецъ наливки, пѣсни и пляски надоѣдали, а потому охотамъ отдавалось приказаніе готовиться къ выступленію въ походъ въ отъѣзжее поле. Любимыми мѣстами для охоты были окрестные лѣса селеній Боклы, Узелей, Алшасва, Маторина и Красноярки. Эти мѣста и до-сихъ-поръ каждую осень посѣщаются охотниками. Обозъ, со всѣми принадлежностями, выходилъ раньше на назначенное мѣсто; люди разставляли палатки и кибитки на берегу рѣки или пруда, и такимъ образомъ пустынное мѣсто превращалось въ многолюдный, шумный таборъ. Господа же пріѣзжали уже на ночлегъ виѣстѣ съ охотниками, охотясь на пути, и часто затравленная дорогой лисица омывалась тутъ же виномъ, и весь таборъ снова веселился и

линовалъ подъ открытымъ небомъ, при яркомъ блескѣ звѣздъ, при заревѣ пылавшихъ костровъ, а пѣсни охотниковъ гармонически сливались съ лаемъ собакъ

IX.

Въ Бугурусланѣ жила нѣкто *Маслиха* (какъ ее всѣ называли), жена секретаря Маслова, которая бывала иногда у Ѳіоны Алексѣевны, в этой Маслихѣ суждено было осуществить задуманную, уже почти умершую, надежду прабабушки—женить своего сына, Петра Андреевича.

Секретарша, бывши въ гостяхъ у Ѳіоны Алексѣевны, рассказала ей, что она видѣла вчера красавицу, дѣвицу Прасковью Антоновну Скупинскую, которая, проездомъ въ с. Спасское, останавливалась у нея вмѣстѣ съ матерью; а ѣхали онѣ въ Спасское для того, чтобы видѣть свою родственницу Елену Демисевну, вторую жену Петра Ивановича Рожнова, гдѣ хотѣли прогостить довольно-долго.

Уже одного этого извѣстія было совершенно достаточно, чтобы распалить пылкое воображеніе Ѳіоны Алексѣевны и заставить ее уговаривать сына ѣхать смотрѣть невѣсту. Пестръ Андреевичъ, зная, что отговориться отъ подобной поѣздки очень трудно, не разсердивши мать, сказался больнымъ; но Ѳіона Алексѣевна и тутъ придумала средство посмотрѣть невѣсту—послать въ Спасское Осипа. Дѣдушка, не найдя возможности отговорить мать отъ этого намѣренія, согласился, и Осипъ, подъ какимъ-то предлогомъ, былъ отправленъ въ Спасское, получивъ отъ барыни длинное наставленіе, какъ нужно смотрѣть невѣсту и собирать всѣ свѣдѣнія, которыя она считала необходимыми.

Черезъ нѣсколько дней вѣрный Осипъ возвратился съ осмотра и донесъ, что *эдакой красули* онъ еще отродясь не видывалъ; что Прасковья Антоновна, *словно лебедь бѣлая*; что глаза у ней черные, брови дугой, лицо румяное, ростомъ *великатная* и что вся ея фигура такъ хороша — что твой *патреть писанный*! Всѣ эти похвалы до крайности обрадовали Ѳіону Алексѣевну и даже разбудили отъ сонной апатіи дѣда до такой степени, что онъ рѣшился самъ ѣхать смотрѣть невѣсту. А такъ-какъ Осипъ донесъ, что Скупинскіе черезъ нѣсколько дней будутъ опять въ Бугурусланѣ, возвращаясь изъ Спасскаго въ свою деревню Баладьинку, лежащую въ двадцати-пяти вер-

стахъ отъ города, на рѣчкѣ Маломъ Кипелѣ, то и рѣшено было просить Маслову сдѣлать обѣдъ, пригласивъ на него Скупинскихъ, чтобы доставить Ѳионѣ Алексѣевнѣ съ сыномъ случай посмотрѣть невѣсту.

Теперь я сдѣлаю маленькое отступленіе отъ моего разсказа и постараюсь познакомить читателей съ фамилією Скупинскихъ.

Антонъ Скупинскій былъ родомъ полякъ, что даже видно изъ его фамиліи. Онъ въ войну съ Польшою былъ взятъ въ плѣнъ, съ дядею своимъ Антоніемъ Пульхерикомъ. Кто былъ его отецъ, гдѣ служилъ онъ и вообще всѣ подробности фамиліи Скупинскихъ остались неизвѣстными. Изъ разсказовъ Антона Яковлевича осталось въ преданіи только то, что мать его была взята изъ знаменитаго польскаго рода Понятовскихъ, и что Скупинскіе были очень богаты; но куда дѣвались богатія имѣнія Скупинскихъ въ Польшѣ — не знаю. Извѣстно же только то, что Антонъ Яковлевичъ жилъ въ бѣдности, въ маленькомъ имѣніи жены, и получалъ ничтожную пенсію, Антонъ Яковлевичъ служилъ въ польскихъ войскахъ поручикомъ, и послѣ, уже въ Россіи, онъ опять опредѣлился на службу въ гусарскій полкъ тѣмъ же чиномъ. Онъ вмѣстѣ съ полкомъ участвовалъ въ сраженіи противъ Пугачова подъ Каванью, гдѣ, въ рукопашной схваткѣ съ толпами бунтовщиковъ, на Арскомъ полѣ, ему отрубили палецъ на правой рукѣ. Служа постоянно въ военной службѣ, онъ дослужился до чина полковника. Предъ концомъ своего служебнаго поприща онъ былъ назначенъ исправлять должность губернатора въ Астрахани. Въ это время онъ былъ зачѣмъ-то въ симбирской губерніи, гдѣ и женился на Натальѣ Семеновнѣ Ливинцевой. По какимъ-то неприяностямъ онъ оставилъ службу и былъ уволенъ тѣмъ же чиномъ, полковника, съ пенсією въ 200 рублей въ годъ. Не имѣя средствъ изъ имѣнія, Антонъ Яковлевичъ поселился въ маленькомъ, состоявшемъ изъ двадцати душъ и семисотъ десятинъ земли, имѣніи жены, гдѣ и жилъ до самой смерти. Антонъ Скупинскій былъ лично стью вполне замѣчательной: природа щедро одарила его всеми своими дарами, а прекрасное, высокое образованіе еще болѣе развило его природныя способности. Онъ былъ очень хорошею собою, высокъ ростомъ и обладалъ въ высшей степени способностью языкознанія: онъ говорилъ на двѣнадцати языкахъ; но въ послѣдствіи всевозможныя лишенія и постоянныя неудачи въ жизни сдѣлали изъ него такого оригинала-старика, въ кото-

ромъ уже невозможно было даже предположить, чтобы онъ когда-нибудь и чему-нибудь учился. Бракъ же съ совершенно необразованной женщиной разрушилъ окончательно все, что только было въ Антонѣ Яковлевичѣ хорошаго.

Наталья Семеновна была женщина простая, безъ всякаго образованія, недурна наружностью, но коса глазами, и это пустое обстоятельство было часто предметомъ ссоръ между супругами. Она была добра, но безтолкова, взбалмошнаго характера, а потому въ семейномъ быту часто происходили стычки, которыя иногда превращались въ сраженія и даже нередко въ генеральныя битвы.

Отъ этого брака у Скупинскихъ было двое дѣтей: сынъ Николай и дочь Прасковья. Въ періодъ времени, рассказываемый мною, Николай Скупинскій, юноша красивый, привлекательной наружности, былъ опредѣленъ юнкеромъ въ рыльскій пѣхотный полкъ, а Прасковья Антоновна была уже взрослая красивая собою дѣвушка, которую вѣдиль смотрѣть Осипъ и для которой готовился обѣдъ у Масловой. Дѣйствительно, Прасковья Антоновна Скупинская обладала счастливою наружностію, которая не могла не понравиться каждому, кто только ее видѣлъ. Она была одарена природнымъ умомъ, образованія же, кромѣ русской грамоты, не получила никакого, какъ по неизмѣннѣю средствъ, такъ еще и потому, что Наталья Семеновна, будучи необразована сама, не могла даже и сознавать необходимости воспитанія; она даже на своего образованнаго мужа смотрѣла, какъ на челоуѣка пустого, который зналъ однѣ глупости, а что дѣйствительно было нужно знать, о томъ не имѣлъ никакого понятія, и это, при ихъ жизненной обстановкѣ, было совершенной справедливостію.

Въ молодости Антонъ Яковлевичъ, конечно, приготавлился къ болѣе счастливому поприщу, но капризная судьба распорядилась иначе; и какъ онъ сначала ни боролся съ ней, но побѣдить не могъ, а потому, буквально, погрязъ въ болотѣ самой мелочной жизни. Въ семейномъ быту онъ жилъ отдѣльно, имѣя свою особую комнату, гдѣ, почти постоянно, сидѣлъ одинъ, или бродилъ по полямъ и лугамъ Баланьинки; но наконецъ скука и праздность привели его къ тому, что онъ нашолъ себѣ вѣрнаго товарища въ Бахусѣ.

Когда насталъ день обѣда у Масловой, Фіона Алексѣевна, облеченная въ парадное одѣяніе, а Петръ Андреевичъ въ

сюртукъ, явились также въ домъ секретарши, гдѣ дѣвица Скупинская, съ перваго же раза, своей красотой побѣдила Петра Андреевича, а такъ какъ у Ѳіоны Алексѣевны былъ свой особенный взглядъ на вещи, то послѣ обѣда же и было сдѣлано форменное предложеніе. Наталья Семеновна, раздѣлявшая подобный образъ мыслей, дала слово, но только съ тѣмъ, чтобы сей-часъ же послать къ Антону Яковлевичу испросить его окончательное согласіе. Прасковья Антоновна также не противилась этому предложенію, имѣя двадцать четыре года отъ роду, видя свою бѣдность и зная, что Петръ Андреевичъ если и не былъ богатъ, то все-таки имѣлъ хорошее состояніе, а потому и за-мужество это обезпечивало ее въ будущемъ.

Посольство, состоявшее изъ Масловой, въ сопровожденіи Оси-па, было отправлено въ Баландино и вскорѣ возвратилось съ отвѣтомъ, что Антонъ Яковлевичъ согласенъ, но желаетъ чтобы Петръ Андреевичъ, съ матерью, пріѣхали къ нему лично. Ѳіона Алексѣевна забѣгалась, захопоталась и въ порывѣ восторга, да-ла обѣтъ идти опять пѣшкомъ въ Елабугу. Черезъ два дня въ уединенной Баландинкѣ собрались гости: пріѣхалъ Петръ Андрее-вичъ съ матерью, Маслова, и тутъ уже была сдѣлана оконча-тельная помолвка: священникъ села Булгакова обручилъ жениха и невѣсту, а Петръ Андреевичъ подарилъ Прасковьѣ Антоновнѣ пять сотъ рублей и дѣвку Мироню. Вино лилось рѣдкой, Ѳіона Алексѣевна не слыхала отъ радости подъ собою ногъ... и вско-рѣ свадебныя приготовленія поглотили совершенно обитателей Савруши и Баланьдинки.

Ѳіона Алексѣевна недолговѣчность дѣтей Петра Андреевича отъ первой жены приписывала *приткѣ* или *ворчѣ*, и вообще вліянію злого челоуѣка, который пустилъ эту *немошь по вѣтру*. А когда она узнала, что Петръ Андреевичъ вѣнчался на Марьѣ Артамоновнѣ *распашкой*, то это уже совершенно убѣдило пра-бабушку въ ея предположеніяхъ, и что покойная Марья Арта-моновна была испорчена—считалось дѣломъ несомнѣннымъ и окон-чательно рѣшоннымъ. Почему теперь не только всѣ обряды, но даже всякая чепуха, какая только приходила въ голову Ѳіонѣ Алексѣевнѣ, или окружавшему ее штату, исполнялась буквально, со всевозможною точностію. Даже Ѳіона Алексѣевна обязала клятвою Петра Андреевича исполнять все, что она ему ска-жетъ.

Свадебныя приготовления приближались къ концу, а такъ какъ свадебные пиры было положено дѣлать въ Саврушѣ, то и рѣшили, что невѣста, со всей свадебной свитой, изъ Баландинки прїѣдетъ въ село Мордовскій-Бугурусланъ, куда явится и женихъ; а по совершеніи обряда вѣнчанія всѣ поѣдутъ къ Петру Андреевичу въ Саврушу, гдѣ дѣятельность была страшная: комнаты были полны гостей, дворъ полонъ экипажей самыхъ разнообразныхъ наружностей; двѣ застольныя или людскія были набиты кучерами и лакеями, въ конюшняхъ лошади уже не могли помѣщаться; въ огромной кухнѣ, вокругъ очага, бѣгали повара, огонь пылалъ, котролю кипѣли, испуская клубы пара; поварята щипали птицу, рубили мясо и стукъ ножей раздавался по двору мелкою дробью...

Начинало смеркаться: это было осенью. Домъ въ Саврушѣ былъ ярко освѣщенъ; ворота, заборы и крыльцо уставлены плотками, передъ дворомъ, на берегу пруда, пылали лампы *. На дворѣ было сумрачно, но тихо, и огни живописно отражались на гладкой поверхности пруда. Въ домѣ гости бродили изъ комнаты въ комнату, столы были накрыты и уставлены восковыми свѣчами въ гигантскихъ мѣдныхъ трехсвѣчникахъ. Въ залѣ былъ разостланъ пестрый коверъ, на столѣ лежалъ каравай хлѣба, съ вдавленной сверху серебряной солонкой. Оіона Алексѣевна, въ полномъ нарядѣ, — въ гарнитуровомъ зеленомъ платьѣ и въ высочайшемъ трехъ-этажномъ чепцѣ, — бѣгала отъ окна къ окну, ожидая съ нетерпѣніемъ молодыхъ. Братецъ Григорій Алексѣевичъ мѣрно раскачивалъ, заложивъ руки за спину, около стола съ закусками и водками. Чтобы не прозвѣвать прїѣзда молодыхъ, часовые были разставлены вездѣ: и на берегу пруда, и на мосту, и на крыльцѣ, несмотря на то, что по двору ходили цѣлыя толпы людей и что въ домѣ уже давно было все въ полной готовности. Оіона Алексѣевна нѣсколько разъ подходила къ Василю Петровичу Рожнову съ просьбою, чтобы онъ съ нею, вмѣсто отца, встрѣтилъ Петрушеньку, съ молодою женой. Рожновъ изъявлялъ каждый разъ полное согласіе, но прабабушка, побѣгавъ отъ окна къ окну, или сбѣгавъ въ дѣвичью, опять являлась къ Василю Петровичу съ тою же просьбою. На дворѣ послышался шумъ и нѣсколько человекъ вбѣжали, сломя голову, въ залу, съ крикомъ: «ѣдутъ! ѣдутъ!» Оіона Алексѣевна приняла официальную мину и встала

* Т. е. дѣгтярныя бочки.

на коверъ, съ хлѣбомъ въ рукахъ, рядомъ съ Василемъ Петровичемъ Рожновымъ. Приѣхали, но только не молодые, а шафера, которые сказали, что и они скоро будутъ. Но вотъ послышался стукъ ѣхавшихъ черезъ мостъ экипажей, нѣсколько человекъ опять вбѣжали съ криками: «ѣдутъ! ѣдутъ!» и на этотъ разъ уже дѣйствительно приѣхали новобрачные. Ихъ осыпали хлѣбомъ, благодаривши... Цыпляцкое запѣнилось, полковая драгунская музыка грянула маршъ... Пиръ начался. Вся огромная дворня пришла поздравить своего барина съ молодою женой: всѣ подходилъ чинно къ ручкѣ Петра Андреевича и Прасковьи Антоновны. Теперь Прасковья Антоновна была уже не Скупецкая и не бѣдная дѣвушка, почти безъ средствъ къ жизни; но мы впоследствии увидимъ, принесло ли состояніе ей счастье... Въ домѣ было весело, но и на дворѣ было нескучно: на накрытыхъ столахъ, при свѣтѣ лагуновъ, стояли разныя кушанья: пироги, говядина, ветчина, елдоны съ водкой и *мерельки* съ пивомъ, и вскорѣ веселое шѣние возвѣстало, что и люди проводятъ время весело.

Свадебные пиры продолжались долго, почти двѣ недѣли. Осипъ каждый день постоянно являлся въ людскую съ извѣстіемъ, что господа *закурили* опять. Многіе изъ гостей скоро разъѣхались, но многіе любители веселостей жили въ Саврушѣ, продолжая пировать. Уже Юлія Алексѣевна, какъ она ни была рада женитьбѣ сына, стало это и цadoѣдать, и она часто говорила о гостяхъ: «Скоро ли ихъ окаянный утащитъ? Вѣдь и стыда нѣтъ у нихъ, мошенниковъ! пьютъ себѣ да и только! И какъ это въ нихъ помѣщается этакая пропащяна винница? Хоть бы одинъ оглохнулъ! И этотъ старый пѣсъ тоже юлитъ тутъ!» Эта послѣдняя фраза относилась къ милому братцу, Григорью Алексѣевичу Роктову.

Наконецъ, гости разъѣхались, но конецъ веселостей означеновался тѣмъ, что Юлія Алексѣевна съ своей сватьей, Натальей Семеновной, разобрались не на шутку, и эта вражда кончилась только со смертію Юліи Алексѣевны: при жизни же ея, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Скупецкая въ Саврушѣ не бывала. Петръ Андреевичъ съ молодою женою остались одни и обыкновенная жизнь, съ вѣчнымъ тулупомъ изъ мерлушекъ, съ валеными сапогами и горящимъ каминомъ, потекла постарому.

Все это очень скоро надоѣло Прасковьѣ Антоновнѣ, и она стала просить мужа переѣхать жить въ городъ; а такъ-какъ молодой женѣ отказать въ этомъ было нельзя, и въ ту зиму была

баллотировка, то Петръ Андреевичъ пустился опять въ путь, въ Уфу, на выборы, понскать какой-нибудь должности.

Петръ Андреевичъ возвратился изъ Уфы опять съ должностью судьи, а потому векоръ Савруша снова опустѣла; въ ней осталась одна Оюна Алексѣевна, и то она большую часть времени жила съ молодыми супругами въ Бугурусланѣ, уѣжая въ деревню не надолго, только для хозяйственныхъ распоряженій.

Въ это время Оюна Алексѣевна уже измѣнилась совершенно: прежняя жестокость въ обращеніи съ людьми смѣнилась одной ворчливостью; она стала богомольна и по возможности старалась дѣлать добро, и едвали въ это время уходилъ отъ нея хотя одинъ бѣдный, не бывъ надѣленъ всѣмъ необходимымъ.

Вскоръ опытный, наблюдательный взглядъ прабабушки замѣтилъ перемену въ характерѣ Прасковьи Антоновны: стали являться легкіе капризы; часто приходило желаніе поѣсть то того, то другого... Оюна Алексѣевна торжествовала, ухаживала за невѣсткой такъ, какъ она ни за кѣмъ и никогда не ухаживала; всѣ капризы переносились хладнокровно; но уши! и на этотъ разъ не суждено было осуществиться мечтамъ и надеждамъ Оюны Алексѣевны. Петръ Андреевичъ съ беременною женою поѣхали въ село Саврушское. Это было зимою, дорога была разбита. Петръ Андреевичъ, по обыкновенію, спалъ, какъ повозка, понавъ въ раскатъ, сильно покачнувшись на сторону Прасковьи Антоновны, и дѣдушка своею десятипудовою фигурою ринулся на молодую супругу. Последствіемъ этого было преждевременное разрѣшеніе Прасковьи Антоновны отъ бремени, дочерью. Не стану описывать горя Оюны Алексѣевны; скажу только, что прабабушка была въ отчаяніи. Прошло нѣсколько времени, привади съ невѣсткою возобновились опять, но они уже не радовали Оюны Алексѣевны, и только когда невѣстка, въ самомъ дѣлѣ, родила мальчика, она, разцѣловавъ его, носкакала въ Саврушу и въ этотъ же день явилась въ Бугурусланъ съ цѣлымъ легиономъ кориандъ. Трудно было выбрать корианду, но кой-какъ это было улажено и молодая, красивая крестьянка Прасковья вступила въ эту новую для нея должность.

Оюна Алексѣевна не довѣрила внука никому: вѣлые дни хлопотала около него и даже спала съ нимъ въ одной комнатѣ. Но въ это время уже было замѣтно, что прабабушка стала сильно ослабѣвать: здоровье стало измѣнять, разные старческіе недуги являлись чаще и чаще. Новорожденному минулъ годъ. Ою-

на Алексѣевна чувствовала себя все хуже и хуже, и наконецъ слегла въ постель. Уже она сама видѣла, что это не какая-нибудь печальная болѣзнь, а просто разстройство всего организма, вслѣдствіе старости. Но у Ѳіона Алексѣевны теперь былъ любимецъ-внукъ, Андриуша, и ей хотѣлось пожить еще, полюбоваться имъ, а потому она безпрестанно лечилась и даже прибѣгала къ помощи кудесниковъ, къ ихъ наговорамъ и нашоптываньямъ. Однако никакія средства не помогали: больная пригнѣтно гасла. На десятый день болѣзни прабабушка исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ. Она простилась со всѣми людьми, благословила дѣтей и внука, и сдѣлала всѣ распоряженія. Но желаніе пожить было такъ сильно, что Ѳіона Алексѣевна велѣла привезти знахаря Петрушку. Знахарь наговорилъ на рѣдку, но и рѣдка уже не помогала: на другой день, отъ паралича, у больной отнялся языкъ, правая рука и лѣвая нога. Уже въ этомъ положеніи она послала за извѣстнымъ намъ Евграфомъ и благословила его большимъ серебрянымъ крестомъ, а также былъ посланъ гонецъ къ Натальѣ Семеновнѣ. Пролежавъ безъ языка и безъ всякаго движенія три дня, Ѳіона Алексѣевна скончалась на рукахъ сына, окруженная всѣмъ семействомъ, 75 лѣтъ отъ роду. Наталья Семеновна нашла своего врага уже на столѣ: Ѳіона Алексѣевна скончалась за нѣсколько часовъ до ея пріѣзда. Горестъ Петра Андреевича была велика и искренна: онъ такъ много любилъ и уважалъ свою мать, что теперь считалъ себя совершенно одинокимъ.

Похороны были великолѣпны: Петръ Андреевичъ не жалѣлъ ничего и Ѳіона Алексѣевна похоронена была на бугуруслайскомъ кладбищѣ вмѣстѣ съ прахомъ Марьи Артамоновны и внучатъ.

Миръ праху твоему, прабабушка! Ты была однимъ изъ ревностныхъ дѣятелей минувшаго вѣка. Если въ тебѣ и являлись дурныя наклонности, то виновато болѣе то время, въ которое ты жила, и понятія, подъ вліяніемъ которыхъ сформировался твой характеръ! Да не оскорбляется тѣнь твоя этими правдивыми строками: въ нихъ сохраненъ образъ твой; ты и за гробомъ можешь быть полезнымъ, назидательнымъ примѣромъ настоящему и грядущему поколѣніямъ.

НИКОЛАЙ РЫЧКОВЪ.

12 декабря 1860 года.

Село Андреевка.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ У ДРЕВНИХЪ И У СОВРЕМЕННЫХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Если развитіе, прогрессъ человѣчества, есть не болѣе, какъ послѣдовательное и постепенное торжество силы сознанія чело- вѣка надъ окружающею его безсознательною, физическою си- лою, то отношеніе мужчины къ женщинѣ есть лучшее мѣрило этого прогресса, такъ-какъ оно показываетъ, насколько сила сознанія заставила чело- вѣка отказаться въ пользу женщины отъ тѣхъ преимуществъ надъ нею, которыя даетъ ему его сильнѣй- шая, въ физическомъ смыслѣ, натура.

Взглядъ какого-либо народа на женщину выражается не одни- ми существующими у него супружескими отношеніями; онъ не исчерпывается и юридическимъ положеніемъ ея вообще; взглядъ этотъ сказывается въ религій, поэзіи, общественномъ и част- номъ быту этого народа; онъ сказывается во всѣхъ проявлен- іяхъ его внутренней жизни, на которыя онъ, въ свою оче- редь, тоже остается не безъ замѣтнаго вліянія.

Прослѣдите исторически судьбу женщины у извѣстнаго народа— вы будете имѣть самую поучительную повѣсть о его внутрен- немъ развитіи.

Въ другомъ мѣстѣ мы познакомили читателей «Библіотеки для Женщинъ» съ положеніемъ еврейской женщины въ бракѣ; здѣсь мы хотимъ ознакомить ихъ съ взглядомъ евреевъ на женщину вооб- ще, какъ онъ выразился въ ихъ литературѣ и въ ихъ совре- менномъ быту.

Древній іуданзмъ, или, лучше сказать, древній міръ евреевъ, отличается двумя характеристическими особенностями: естественностью и трезвостью, рѣзко отдѣляющими его отъ всего остального древняго міра.

Читая древнѣйшія мифическія и легендарныя сказанія древнихъ народовъ о началѣ міра, о происхожденіи человѣка и проч., вы всегда и непремѣнно чувствуете себя подѣ влияніемъ вымысла и фантазіи; вы чувствуете, что почва дѣйствительности ускользаетъ изъ-подъ вашихъ ногъ и вы сами уноситеесь въ область мифа; съ перваго шага вы видите себя въ мірѣ боговъ, духовъ и героевъ; вы не видите вокругъ себя *человѣческой личности*.

Совершенно другое впечатлѣніе ощущаете вы, перенесшись въ древне-еврейскій, или библейскій міръ: вы видите, вы чувствуете здѣсь живую, земную, *человѣческую дѣйствительность*. Правда, вы и здѣсь встрѣчаете ангеловъ, духовъ и проч.; но не они составляютъ библейскій міръ: они являются какъ-бы *гостями въ человѣческомъ мірѣ* изъ другихъ, высшихъ сферъ.

Такимъ-образомъ въ библейскомъ мірѣ родоначальниками *человѣчества* являются не боги и даже не герои, а простые смертные, созданные, правда, Богомъ, но *люди*, въ полномъ смыслѣ этого слова. Еврейскіе патріархи, поставляемые Библиею какъ-бы за образцы для подражанія, представляются не сверхъестественными героями древности и не постыжными средне-вѣковыми идеалами, а *людьми* съ плотью и кровью, добрыми и честными, но не безъ *человѣческихъ слабостей*.

Эти-то особенности, естественность и трезвость, отличаютъ и взглядъ евреевъ на женщину. Она является здѣсь совершенно съ другимъ характеромъ, чѣмъ на остальномъ Востокѣ и на Западѣ. Извѣстно, что въ древнемъ мірѣ, а на Востокѣ еще и теперь, женщина является униженною, безличною рабою, игрушкою и какъ-бы имущественнымъ достояніемъ мужчины. По законамъ древнихъ персовъ, жена не только была безответною рабою своего мужа, котораго она должна была «читать какъ Бога», но обязана была каждое утро, цѣлуя тѣло своего супруга, читать молитву о его благоденствіи; незамужнія женщины обязаны были тѣмъ же относительно своего отца, или старшаго брата. Что касается грековъ, то право мужчины—уступать свою жену другимъ, всего лучше характеризуетъ положеніе женщины въ древней Греціи. Не лучше была судьба ея и въ древнемъ

Римъ. «*Manus*», т. е. полновластіе мужа надъ своею женою, считалось не униженіемъ для женщины, а ея правомъ, которое ставило ее въ семействѣ мужа *filiae loco* (вмѣсто дочери), имѣло важное значеніе въ наслѣдственныхъ отношеніяхъ и было удѣломъ однихъ только патриціанокъ; жоны плебеевъ не имѣли даже и этого права. Такимъ образомъ личность женщины здѣсь до того унижена, что подчиненіе мужу считалось для нея преимуществомъ.

Еще ниже стоитъ женщина въ средневѣковомъ Западѣ и, отчасти, въ современномъ европейскомъ обществѣ. Прискорбно и обидно, когда насъ силою лишаютъ принадлежащихъ намъ правъ; унижительно и обидно получать незаслуженную, даровую милость, но еще обиднѣе и унижительно получать, въ видѣ милости то, что принадлежитъ намъ по праву. А такова именно и была участь женщины въ средневѣковое время, и отчасти еще и теперь. Въ древнемъ мірѣ и на Востокѣ мужчина, какъ сильнѣйшій, пароботилъ себѣ женщину, и лишилъ ее всѣхъ правъ, поставивъ ее въ положеніе рабыни; средневѣковое же общество не унизило личности женщины; оно сдѣлало болѣе: оно отрицало даже самую личность ея; средневѣковые рыцари воздаютъ женщинѣ всевозможныя почести и права—но только не какъ *женщину* а какъ *богиню*. Они окружаютъ ее вѣжскопоклонствомъ и унижительною, пошлымъ угодничествомъ, но не во имя ея *человѣческой* личности, а въ силу ими же созданной идеи. Они поклоняются женщинѣ въ силу тѣхъ же мотивовъ, по которымъ язычникъ боготворитъ своего идола.

Всего этого чуждъ міръ еврейскій. Женщина является здѣсь не горемычною рабынею Востока, и не безличною, пассивною, какъ идолъ, дамою средневѣковаго европейскаго общества, а просто *человѣкомъ*, только въ *женскомъ* родѣ.

Этотъ взглядъ евреевъ на женщину всего лучше выражается глѣмъ именемъ, которое она носитъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Она называется, *иша* женс. родъ отъ сущ. *иш* мужъ,—мужчина. * И дѣйствительно, еврейскій міръ не представляетъ намъ ни одного даннаго, которое указывало бы на другое положеніе женщины, или на рабское подчиненіе ея произволу муж-

* Знаменательно при этомъ еще слѣдующее обстоятельство. Слово *человѣкъ* имѣетъ на древне-еврейскомъ языкѣ три выраженія: *адамъ* (означаетъ также *земля*), выражаетъ идею плотскости и грубости; *эмош* напоминаетъ идею бренности, слабости, и *иш*, *человѣкъ*, въ благороднѣйшемъ и лучшемъ смыслѣ, — и отъ этого-то именно слова взято имя женщины,—*иша*.

чины; она здѣсь — полноправный, вполнѣ-свободный человекъ, если подъ словами равноправность и свобода будемъ понимать на нелѣпую мысль о равенствѣ и безусловной свободѣ всѣхъ людей въ гражданскомъ обществѣ, а право и возможность каждаго пользоваться всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ ему по его заслугамъ и природнымъ способностямъ, и дѣлать все то, что не вредитъ другому.

Иудаизмъ, не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ эмансипаторовъ женщинъ, которые требуютъ для нихъ фельдмаршальскаго жезла и генеральскихъ эполетъ; онъ полагаетъ, что женщина назначена и можетъ, по своимъ природнымъ способностямъ, гораздо съ болѣею пользою дѣйствовать въ другой сферѣ, хотя не исключаетъ ее, впрочемъ, ни изъ какой области дѣятельности, еслибъ та или другая женщина оказалась способною къ ней. Въ иудаизмѣ нѣтъ ни одного востановленія, которое положительно загромождало бы женщинамъ какую бы то ни было отрасль чело-вѣческой дѣятельности, хотя здѣсь можно нерѣдко встрѣтить мысль, что та или другая сфера исключительно назначена для мужчины. Такъ званіе судей, народныхъ учителей, пророковъ, есть, по идеѣ иудаизма, принадлежность мужчинъ, но св. писаніе представляетъ намъ много примѣровъ, гдѣ эти званія носились съ честью и женщинами. Иудаизмъ, какъ мы сказали, видитъ въ женщинѣ *жеслицу*, т. е. человека *женскаго* рода; онъ считаетъ ея личность не *муже*, но слабѣе мужской личности; поэтому онъ отрицаетъ въ женщинѣ не *право* на всѣ отрасли дѣятельности, но *возможность* къ занятію ими. Человекъ имѣетъ, конечно, неоспоримое право заниматься чѣмъ ему угодно; но тотъ, кто одаренъ отъ природы музыкальнымъ слухомъ, сдѣлаетъ гораздо лучше, если онъ посвятитъ себя музыкѣ, чѣмъ если сдѣлается архитекторомъ, хотя онъ имѣетъ *право* быть и этимъ послѣднимъ.

Таковъ взглядъ иудаизма на женщину. Онъ считаетъ ее, по самой природѣ ея, всего болѣе способною къ семейной жизни; онъ полагаетъ, что назначеніе ея — быть матерью своихъ дѣтей и *подрукою* своего мужа; что она должна и можетъ помогать своему мужу не раздѣленіемъ съ нимъ *всѣхъ* его трудовъ и занятій, а принятіемъ на себя тѣхъ заботъ и трудовъ, *къ которымъ она болѣе ея способна*, т. е. заботъ по воспитанію дѣтей, по домашней жизни и проч.

Св. писаніе выразило этотъ взглядъ на женщину въ слѣдующемъ поэтическомъ образѣ супруга.

«Кто найдетъ жену доблестную?—выше дорогихъ камней цѣна ея: спокойно о ней сердце мужа:—онъ не лишится достоянія; творить она ему добро, а не зло во всю жизнь свою. Обрѣтаетъ она шерсть и прядево, и обдѣлываетъ ихъ по желанію рукъ своихъ. Она, какъ торговое судно: издалека достаетъ пропитаніе свое. Встаетъ она до разсвѣта и даетъ пищу своимъ домохозяцамъ и урокъ служанкамъ своимъ; помышляетъ она о полѣ и трудами рукъ своихъ насаждаетъ она виноградникъ. Крѣпостью препоясываетъ чресла свои и укрѣпляетъ свои руки. Простираетъ она длани къ прялкѣ, и руки держать на веретенѣ. Подаетъ она руку свою нищему и длань свою простиретъ немущему. Не боится она за свой домъ отъ снѣгу, ибо всѣ домохозяцы ея одѣты въ двойную одежду. Наготовила она себѣ ковровъ, виссонъ и пурпуръ—ея одежды. Извѣстенъ мужъ ея во вратахъ, когда онъ сидитъ со старѣйшими земли. Сила и красота — ея облаченіе, и возрадуется она во дни поздніе. Уста свои раскрываетъ она мудростью и ученіе милости у нея на языкѣ. Блюдетъ она порядки въ своемъ домѣ и хлѣбъ лѣнивцевъ не ѣстъ она. Подростутъ дѣти ея и прославятъ ее; мужъ ее восхвалитъ. Многія дочери сдѣлались доблестными, но ты превзошла ихъ всѣхъ. Не вѣриа прелесть и суетна красота; жена же богобоязливая — она восхваляется. Дайте же ей отъ плодовъ рунъ ея, и восхвалять ее во вратахъ ея дѣла! (Притч. Солом. XXXI, 10—31).»

Такая трезвость взгляда на женщину не мѣшала, однакожъ древнимъ евреямъ глубоко и поэтически чувствовать прелесть любви. Лучшимъ свидѣтельствомъ тому служить *Пѣснь Пѣсней*. Едва-ли возможно съ болѣею силою выразить то чувство, «которое сильнѣе смерти и глубже преисподней; пламя ея—пламя Божіе, и всѣ воды, всѣ рѣки не въ силахъ потушить его».

Свѣтлый и близкій къ природѣ іудаизмъ не только не противится такой глубокой и пламенной любви, но и беретъ ее подъ свое особенное покровительство. «Человѣкъ долженъ оставить отца и мать и привязаться къ своей женѣ», говоритъ св. писаніе. Самую связь вѣрующаго съ Богомъ іудаизмъ охотно выражаетъ въ идеѣ супружества. Такъ Господь, устами Исаи (LIV, 6—8), называетъ Израиля «покинутою и тоскующею женщиною, и

подругою юности» и общается ему, послѣ кратковременнаго гнѣва, свою вѣчную любовь и милость.

Если поэтическия сообразія и релігіозныя воззрѣнія древнихъ евреевъ показываютъ намъ, что они глубоко и пламенно подманили ищное и свѣтлое чувство любви, то св. писаніе представляетъ намъ много примѣровъ дѣйствительнаго осуществленія ея, особенно въ жизни патриарховъ. Авраамъ вполне подчиняется волѣ своей жены, Сары, и прогоняется, по ея настоящю, свою наложницу, Агерь, которую дала ему сама же Сара. Вся жизнь ихъ представляетъ свѣтлую картину мирнаго супружества. Смерть своей жены Авраамъ почтилъ *трауромъ и плачемъ*, и дорогою цѣною приобрѣлъ для нея достойное мѣсто вѣчнаго покоя, гдѣ, впоследствии, былъ похороненъ и онъ самъ. Исаакъ, по словамъ Библіи, до того любилъ свою жену, что это заставило его забыть даже горькую и еще свѣжую потерю, понесенную имъ въ недавней смерти своей матери. Изъ-за любви къ Рахили. Иаковъ прослужилъ четырнадцать лѣтъ отцу ея, Лавану. Смерть ея онъ почтилъ горестнымъ плачемъ. Даже дерево, подъ которымъ была схоронена ея явца, названо имъ *дубомъ плача*.

Самочинное писаніе, кажется, не безъ намѣренія сохранило намъ эту свѣтлую картину нѣжной привязанности. Одною изъ характерическихъ чертъ иуданзма служить то, что онъ не навязываетъ своихъ идей послѣдователямъ своимъ, но старается убѣдить ихъ въ необходимости и обязательномъ свойствѣ того или другаго закона, или правила. Для этого, предлагая какое-либо постановленіе или правоученіе, онъ обращается къ *уму*, обѣщая положительную пользу; обращается къ *сердцу*, показывая, что предлагаемая имъ истина соотвѣтственна нашей природѣ и какъ-бы начертана уже въ нашихъ сердцахъ; наконецъ, обращается къ дѣйствительнымъ фактамъ, какъ-бы желая ими наглядно доказать справедливость своего предложенія. Это-то послѣднее назначеніе имѣютъ, кажется, и приводимыя св. писаніемъ повѣствованія о семейной жизни еврейскихъ патриарховъ.

Такое воззрѣніе на женщину не могло остаться безъ самаго утѣшительнаго вліянія на супружескія отношенія евреевъ. И дѣйствительно, не только законъ, но и народныя нравы здѣсь давали почти совершенную равноправность въ бракѣ. Это доказываютъ намъ многочисленныя примѣры изъ домашняго быта древнихъ евреевъ. Положеніе Ревбеки должно было, безъ всякаго сомнѣнія быть довольно независимое, когда она такъ самостоя-

только и рѣшительно устраиваетъ будущность своихъ дѣтей помимо и даже вопреки воли своего мужа. Патриархъ Иаковъ, рѣшивъ оставить домъ-тестя своего, Лавана, не просто приказываетъ женамъ своимъ слѣдовать за нимъ, а напередъ совѣщается съ ними объ этомъ важномъ шагѣ и приводитъ свое намѣреніе въ исполненіе только съ ихъ согласіемъ. Съ такою же самостоятельностью дѣйствуетъ и жена грубаго Нааила (I Самуилъ XXV) и съ полною независимостью располагаетъ имуществомъ своего мужа, котораго этотъ поступокъ ея не только не озлобляетъ, но и глубоко трогаетъ. Эта же самостоятельность видна и въ дѣйствіи Сунамиты относительно пророка Іліи (II Царствъ IV). Мельхода нисколько не стѣсняется дѣлать своему царственному сууругу самые строгіе упреки за неприличныя, по ея мнѣнію, образы его поведенія, который вызываетъ, однакожь, въ Давидъ не гнѣвъ, а оправданіе (II Самуилъ VI).

Независимость еврейской женщины въ бракѣ видна также и изъ отношенія къ ней дѣтей. Эти послѣднія обязанности были равнымъ почтеніемъ отцу и матери. «Чти отца твоего и мать твою» — повелѣваетъ законодатель, и въ другомъ мѣстѣ: «Всякій да чтитъ мать свою и отца своего», говоритъ онъ, какъ бы не желая постановленіемъ имени одного изъ сууроговъ прадѣ именемъ другого дать поводъ къ заключенію о преимуществѣ одного изъ нихъ.

Есть, однакожь нѣсколько данныхъ, которыя, повидимому, противорѣчатъ идеѣ независимости женщины у евреевъ. Это — имен но, *многोजенство, разводъ, право мужа уничтожить обѣтъ своей жены и право отца продать свою незамужнюю дочь*. Но если ближе разсмотрѣть эти обстоятельства, то можно увидѣть, что и они нисколько не противорѣчатъ основному взгляду іуданзма на женщину.

Многोजенство, конечно, нисколько не противно физической природѣ человѣка; оно противно только идеѣ любви и, такъ называемымъ, нравственнымъ наклонностямъ человѣка: поэтому очень естественно, что Моисей не счелъ себя ни въ правѣ, ни въ силахъ запретить положительнымъ закономъ учрежденіе, которое общественною совѣстью не признавалось за безнравственное, хотя оно далеко не одобряетъ его. Это послѣднее видно изъ того, что самъ Моисей, его братья и все ихъ семейство жили въ монагахъ. Первоначальныя могли имѣть только одну жену; накомоща

всѣ правоучительныя повѣствованія и сентенціи св. писанія о семейной жизни всегда имѣютъ предметомъ моногамическое супружество. Такъ въ книгѣ Бытія говорится: «да оставитъ чловѣкъ отца и мать и привяжется къ своей *женѣ*» (а не къ жонамъ). Во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ Ветхій Заветъ всегда говоритъ объ *одной* женѣ.

Что касается развода, то по буквѣ Моисеева закона мужу, повидимому, предоставлено полное право отлучать отъ себя свою жену, если она не нравится ему; но эта неясность текста вызвала въ іудействѣ еще задолго до Р. Хр. двѣ противоположныя школы, изъ которыхъ одна считала поводомъ къ разводу только супружескую невѣрность, а другая—все, что только можетъ нарушать супружеское согласіе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сказаны были Спасителемъ знаменитыя слова: «Яко всякъ, иже воззрѣтъ на жену, во еже вождѣлѣти ея, уже любодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ» (Мате. V, 28). Супружество безъ внутренняго согласія и при невозможности достигнуть его не есть уже супружество, и въ такомъ случаѣ разводъ есть благодѣяніе. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ мы подробно говорили въ статьѣ нашей о бракѣ, гдѣ мы показали, что іуданзмъ предоставляетъ женщинѣ, относительно развода, чуть-ли не больше свободы, чѣмъ мужчинамъ.

Изъ взгляда же евреевъ на женщину пронстекаетъ и право мужа уничтожать обѣты своей жены. Мы выше уже замѣтили, что іуданзмъ считаетъ личность женщины не ниже, а слабѣе мужской. Если же примемъ во вниманіе, съ одной стороны, то, что іуданзмъ вообще неохотно допускаетъ обѣты, что довольно ясно выражено въ законодательствѣ Моисеевомъ, и особенно у пророковъ, а съ другой стороны то, что женщина съ своею подвижною натурою болѣе мужчины способна на обѣты, которые суть, по большей части, плодъ минутнаго порыва восторженной души, — то мы найдемъ вполне-естественнымъ право мужчины уничтожать обѣты своей жены, которые, болѣе или менѣе, всегда касаются имущественныхъ правъ его.

Впрочемъ, на практикѣ право это имѣло мало приложенія, ибо мы видимъ, что женщины давали иногда обѣты, помняе своихъ мужей. Такъ, мать пророка Самуила даетъ обѣтъ, что если она родитъ сына, то посвятитъ его Богу; примемъ же сказано, что обѣтъ ослѣпанъ былъ съ согласія мужа, а между

тѣмъ, мы видимъ, что этотъ послѣдній вполне подчиняется ея распоряженіямъ.

О правѣ отца продавать свою малолѣтнюю дочь писали очень многіе и большая часть изъ нихъ полагаетъ, что Моисеево законодательство дѣйствительно представляетъ отцу такое право. Но мнѣніе это не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Нигдѣ въ законодательствѣ Моисеевомъ не говорится прямо, что отцы имѣютъ такое право, и только въ одномъ мѣстѣ, именно «Исходъ» XXI, 7—11 упоминается о томъ, что *еслибы отецъ продалъ свою дочь*, то... и проч., т. е. говорится только о возможности такого случая, и вотъ это-то мѣсто Библии и подало поводъ предполагать, будто еврейскіе отцы имѣли право продавать своихъ дочерей. Но стоитъ прочесть со вниманіемъ это же самое мѣсто, чтобы убѣдиться, что здѣсь дѣло идетъ не о продажѣ въ рабство, а объ отдачѣ въ наложницы, что, по тогдашнимъ народнымъ понятіямъ и при существованіи многоженства, нисколько не считалось предесудительнымъ. Законъ даже положительно говоритъ, что если тотъ, кому отецъ отдалъ свою дочь, не исполнилъ относительно ея *супружескихъ обязанностей*, то онъ лишается всякаго права на нее, и она въ правѣ покинуть его.

При сужденіи о положеніи женщины у древнихъ евреевъ въ высшей степени важно то обстоятельство, что еврейскій міръ всегда оставался чуждымъ мысли о той замкнутости, въ которой живетъ женщина на Востокѣ. Эта свобода женщины была въ нравахъ евреевъ съ самыхъ раннихъ временъ, и она не была стѣснена ни послѣдующими законами, ни позднѣйшими обычаями. Такъ Ревекка, не сопутствуемая никѣмъ изъ своихъ родныхъ, ѣдетъ, въ сопровожденіи рабынь своихъ, съ мужемъ ей мужчиною въ дальнюю и неизвѣстную ей страну, обращается къ нему съ вопросомъ такъ же смѣло, какъ она встрѣтила его впервые у колодезя, гдѣ, несмотря на свой ранній возрастъ и на присутствіе многихъ стороннихъ людей, она показала себя не застѣливой и боязливой дѣвушкой, а свободнымъ въ обращеніи и гостепріимнымъ *человѣкомъ*. Рахиль, въ первый разъ увидѣвъ Іакова у колодезя, цѣлуетъ съ нимъ при большомъ стеченіи знакомыхъ и чужихъ людей, какъ скоро она узнала только, что онъ приходится ей родственникомъ. Дочь Іакова, Дина, безбоязненно одна выходитъ гулять въ незнакомомъ ей городѣ, чтобы познакомиться съ мѣстными дѣвушками.

Иуданзмъ гнушался мысли—защитить честь женщины уни-
тельнымъ затворничествомъ. Честь ея охранялась законами и
высокою нравственностью народа. Насиліе женщины наказыва-
лось смертию, а безчестіе ея отомщалось съ энергіею. Извѣстно,
какъ расплатились дѣти Іакова съ жителями Сихема за обез-
печеніе сестры ихъ княжескимъ сыномъ этихъ послѣднихъ. Но
исторія сохранила намъ и еще разсказъ, какъ евреи отомсти-
ли своимъ же единовѣрцамъ за обезпеченіе одной женщины
(«Судей» XIX):

Какой-то левитъ взялъ себѣ любовницу (наложницу) изъ
Бени-Лехема, которая потомъ разлюбила и бросила его, и воз-
вратилась къ своимъ родителямъ. Онъ послѣдовалъ за нею, «что-
бы говорить ея сердцу» и успѣлъ оклеветать ее—возвратиться къ
нему. На обратномъ пути они заѣхали на ночлегъ въ городъ
Гидонъ, котораго жители были «люди беззаконные». Они силою
увлекли любовницу левита, которую тотъ на слѣдующее утро на-
шелъ мертвою у порога дома, въ которомъ остановился на ночлегъ.
Недолго думалъ онъ объ образѣ мщениа. Онъ беретъ трупу
своей возлюбленной, разрѣзываетъ его на 12 частей, по числу
коленъ израильтянъ, и рассылаетъ ихъ по всей землѣ из-
раильтской, и вслѣдствіи (говоритъ повѣствователь) видѣвшій это,
говорилъ, что ничего подобнаго не видно и не слышно было со
дня исхода дѣтей израильтянъ изъ Египта до шестидесяти дня.
Израиль возсталъ поголовно, какъ единый человекъ, и потребовалъ
выдать преступниковъ; а когда по дѣлоу вѣрноположно отказалось
исполнить это справедливое требованіе народа, этотъ послѣд-
ній вооружился на преступное колено и едва не потребилъ его
съ лица земли.

Это высокое положеніе, въ которое ставили женщину законы
и нравы древнихъ евреевъ, не могло не имѣть благотворнаго
дѣйствія на ея впечатлительную и воспринчивую природу, дѣлая
для ней доступнымъ достиженіе возможной, степени умственнаго и
нравственнаго развитія. Этому содѣйствовали еще слѣдующія два
обстоятельства. Во-первыхъ, то, что иуданзмъ, по своимъ прин-
ципамъ, не исключаетъ женщину отъ участія въ обществен-
ной жизни; онъ участвуютъ во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ
исторіи еврейскаго народа, такъ, напр., въ получеши заповѣдей
на горѣ Синаѣ женщинами участвовали вѣстѣ съ мужчинами;
точно такнѣ же образомъ онѣ принимали участіе въ отла-
тѣн золотого тельца, а впоследствии—въ строеніи Скинии Завѣ-

та. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ, немало содѣйствовавшимъ умственному и нравственному образованию женщинъ, было то, что само образованіе тогдашнихъ евреевъ было въ высшей степени народно. Древній, и въ особенности восточный, человѣкъ вообще мало способенъ къ долговому, систематическому и хладнокровному мышленію современнаго европейца. Онъ живо и, смотря по индивидуальной способности, болѣе или менѣе глубоко охватываетъ идею, но никогда не способенъ прослѣдить или провести ее рядомъ силлогизмовъ отъ ея начала до ея послѣднихъ результатовъ; онъ, обыкновенно, схватываетъ только эти послѣдніе. Оттого-то и мудрость восточнаго человѣка выразилась болѣею частью не въ послѣдовательныхъ и хладнокровныхъ системахъ, а въ оятыхъ и выразительныхъ притчахъ, изреченіяхъ и параболахъ, полныхъ жизни и огня, какъ самъ восточный человѣкъ.

То же самое замѣчаемъ мы и у древнихъ евреевъ. Имъ былъ чуждъ строго послѣдовательный образъ изслѣдованія и изложенія свойственный современной философіи; въ передачѣ своихъ мыслей они охотно пропускали весь длинный рядъ комбинацій, которыми мы доходимъ до конечнаго результата, и выражали только этотъ послѣдній въ притчахъ, пѣнопѣніяхъ, псалмахъ и проч. Въ такой именно формѣ существовало у древнихъ евреевъ то количество познаній, которымъ обладалъ тогдашній еврейскій народъ. Если это количество знаній было, по нашимъ понятіямъ, невелико, за то оно было достояніемъ почти всего народа. Это было тѣмъ болѣе возможно, что у евреевъ знаніе никогда не было привилегіею одного класса. Понятно, что, въ такой формѣ, познанія тогдашнихъ евреевъ легко могли усвоиться и женскимъ поломъ, чему много содѣйствовали публичными поученіями пророковъ, торжественность, публичность и поучительность тогдашняго общественнаго богослуженія и, наконецъ, сама общественная и частная жизнь тогдашнихъ евреевъ, которая, основываясь вездѣ на нисанныхъ религіозныхъ началахъ, имѣла въ себѣ много поучительнаго.

Вслѣдствіе этой высокой степени своего развитія, еврейскія женщины никогда не оставались пѣмыми зрительницами совершавшихся вокругъ нихъ событій; онѣ чужды были животной и непробудной апатіи ко всему происходившему внѣ тѣснаго круга домашняго быта, въ которомъ пребываютъ восточныя женщины. Еврейскія женщины принимали живое, свободное и самостоя-

тельное участіе въ жизни своего народа. Священное писаніе представляетъ намъ множество примѣровъ такого участія. Такъ Маріамъ, сестра Моисея, будучи еще дитятею, не остается, однакожь, апатическою зрительницею тяготѣющаго надъ племенемъ ея деспотическаго наслѣдія; она, какъ видно изъ разсказа Библіи, безъ всякаго сторонняго побужденія слѣдуетъ за судьбою своего маленькаго брата, и своею смѣлою расторопностію возвращаетъ его матери. Такою же энергическою участницею въ судьбѣ своего народа является она въ болѣе счастливую эпоху, именно во время перехода Израиля черезъ Красное море. Воодушевленная вліаніемъ совершившагося предъ нею событія, она ударяетъ въ бубны, увлекаетъ за собою всѣхъ другихъ женщинъ, и съ пляскою и музыкою поетъ гимнъ всевышнему Іеговѣ. Давида, побѣдителя Голіаа, встрѣчаетъ также хоръ еврейскихъ женщинъ, воспѣвая побѣды Израиля надъ филистимлянами.

О высокой степени развитія еврейскихъ женщинъ свидѣлствуютъ и тѣ мудрыя рѣчи и гимны, которые библейское повѣствованіе влагаетъ въ уста нѣкоторыхъ женщинъ. Такова молитва Анны при посвященіи сына своего, Самуила, на служеніе Іеговѣ; гимнъ Деборы на побѣду своего народа; полный достоинства и смысла отвѣтъ Сунамиты пророку Елисею, когда, на вопросъ его—имѣетъ ли она когонибудь, кто могъ бы говорить за нее предъ царемъ, или его визиремъ, она отвѣчаетъ: «Я живу среди своего народа».

Еврейскія женщины не только принимали участіе въ публичной жизни своего народа, но нерѣдко сами стояли во главѣ его. Такъ пророчица Дебора долго правила и судила народъ еврейскій, который она умѣла водить и къ побѣдамъ надъ его вѣншими врагами. Извѣстенъ также ея торжественный гимнъ, которымъ она славитъ побѣды своего народа и въ которомъ она рѣзко порицаетъ тѣ колѣна Израилевы, которыя медлили явиться на ея бранный кликъ.

Таково положеніе женщины у древнихъ евреевъ; оно осталось такимъ же и въ послѣдующую эпоху Талмуда, которая собственно начинается со времени возвращенія евреевъ изъ вавилонскаго влѣченія и продолжается до начала VI вѣка по Р. Х., когда окончилась кодификація Талмуда. Эпоха эта въ высшей степени замѣчательна въ исторіи іудаизма тѣмъ, что съ нею прекращаются непосредственныя сношенія Іеговы съ Израилемъ и начинается свободное мышленіе. Въ древнемъ іудействѣ

Иегова, по словамъ Ветхаго Заѣта, непосредственно сообщался съ своимъ избраннымъ народомъ, давая ему законы и наставленія черезъ своихъ пророковъ. Съ возвращеніемъ же евреевъ изъ вавилонскаго плѣненія пророчество, по преданію евреевъ, прекращается въ Израилѣ. Это дало мѣсто свободѣ мысли. Но возвратившись изъ плѣна, евреи не только не разорвали своей связи съ прошедшею своею исторіей, а, напротивъ, старались основать новую, во многомъ измѣнившуюся, жизнь свою на прежнихъ преданіяхъ и ученіяхъ, сохранившихся въ *мисанномъ* законѣ Моисеевомъ. А такъ какъ для оправданія новыхъ потребностей и формъ измѣнившейся жизни своей евреи вынуждены были прибѣгать нерѣдко къ натяжкамъ и нѣкотораго рода юридическимъ фикціямъ въ толкованіи Библіи, то это собственно обстоятельство и породило талмудическую эпоху, которая, сохранивъ основы древняго іудаизма, тѣмъ не менѣе есть дальнѣйшее развитіе его.

Этотъ основной характеръ талмудической эпохи былъ причиною того, что она почти нисколько не измѣнила положенія женщины у евреевъ. Талмудъ почти всегда высказываетъ тотъ же взглядъ на женщину, какой мы видѣли въ библейскомъ мірѣ; онъ только яснѣе выразилъ и опредѣлилъ юридическое положеніе ея въ бракѣ. Что касается взгляда собственно на личность женщины, то трудно уловить его въ Талмудѣ, въ этомъ скопищѣ тысячи самыхъ разнообразныхъ мѣній, высказанныхъ разными лицами и въ самые различныя времена. Скажемъ вообще, что Талмудъ даетъ высокое положеніе женщинѣ въ духовной жизни человѣчества и высоко ставитъ ея личность.

Приведемъ здѣсь на этотъ счетъ нѣкоторыя изреченія Талмуда:

«Награда, назначенная Богомъ женщинамъ, выше, чѣмъ назначенная мужчинамъ».

«Всѣ ты, которые не женятся, не знаютъ истиннаго счастья; благословеніе Божіе не посѣтитъ ихъ жилищъ и они никогда не вкусятъ чистыхъ наслажденій».

«Миръ теряетъ всю свою цѣну въ глазахъ того, у кого умерла жена».

«Человѣкъ обязанъ учить свою дочь торѣ (закоу Божьему)».

Талмудъ представляетъ намъ много женскихъ личностей, отличающихся громадною ученостію. Такова была дочь *рабби Хисдаи*, которая, по своему высокому образованію, могла засѣдать въ судѣ вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ мужемъ *Рабомъ*, въ каче-

отнѣ судья; такова же жена *rabbe Мэира, Берурія* и многія другія. Въ эту эпоху мы встрѣчаемъ даже нѣсколько еврейскихъ женщинъ такой обширной учености, что онѣ занимали мѣсто преемательницъ въ еврейскихъ академіяхъ и читали лекціи предъ огромнѣйшимъ стеченіемъ народа.

II.

Прежде, чѣмъ приступить къ изображенію положенія женщины у современныхъ евреевъ, намъ слѣдовало бы поговорить о положеніи ея у евреевъ въ средніе вѣка; но мы находимъ это излишнимъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. — Говоря о современной бытѣ евреевъ, мы здѣсь будемъ имѣть въ виду преимущественно нашихъ отечественныхъ евреевъ, и между этими послѣдними только тотъ классъ, который еще всецѣло стоитъ на почвѣ іудизма и до сихъ поръ живетъ еще исключительно въ мірѣ талмудически-раввинитскихъ идей и воззрѣній. Мы не будемъ, да и не къ чему говорить здѣсь о положеніи женщины въ тѣхъ классахъ еврейскаго общества, которыхъ коснулась уже европейская цивилизація. *La civilisation, говоритъ Викторъ Гюго, nous fait à tous les mêmes entrailles, le même esprit, le même but, le même avenir* *. Въ этихъ классахъ еврейскаго общества женщина занимаетъ почти такое же положеніе, какое она занимаетъ и въ европейскомъ обществѣ. Но тѣ евреи, которые живутъ въ мірѣ талмудически-раввинитскихъ идей, живутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ преданіяхъ и понятіяхъ своихъ средневѣковыхъ праотцевъ. Они мало ушли впередъ отъ этихъ послѣднихъ. Причина тому лежитъ въ исторической судьбѣ евреевъ. Въ эпоху возникновенія наукъ въ средніе вѣка на юго-западной оконечности Европы, у арабовъ, еврей дѣятельно участвовалъ въ возродившейся наукѣ и былъ почти единственнымъ посредникомъ между нею и пробуждавшеюся, такъ сказать, христіанскою Европою; но начавшіяся вскорѣ послѣ того страшныя гоненія на евреевъ со стороны христіанскаго общества рѣшительно исключили ихъ изъ среды европейскихъ народовъ и загнали ихъ въ уединенныя и замкнутыя гетто (еврейскіе кварталы). Разобщенные такимъ образомъ отъ всего міра, еврей остался чуждымъ и непричастнымъ послѣдующимъ успѣхамъ евро-

* Цивилизація даетъ всѣмъ намъ одинаковыя чувства, одинаковый духъ, одинаковую цѣль, одинаковую будущность.

новой цивилизации и остановились на той ступени прогресса, на которой застали их эти продолжения; они продолжали жить теми понятиями, которые они внесли съ собою въ свои гетто. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы эти евреи были чужды европейскнхъ идей, или цивилизаціи вообще; нѣтъ, они имѣютъ свой богатый міръ воззрѣній, понятій, мыслей; но все онѣ принадлежатъ не нашему времени, а средневѣковой. Даже самъ еврей, проживши нѣсколько времени внѣ этого круга, въ сферѣ ново-европейской цивилизаціи и возвратившись потомъ вновь въ него, чувствуетъ себя какъ-будто въ другомъ, чуждомъ ему мірѣ. Все здѣсь такъ дрякло, обветшало и пыльно. Въ свое время все это было, конечно, ново, жизненно, прогрессивно; и все это должно было, безъ сомнѣнія, быть завоевано, взято съ бою со старыми, прежними понятіями; но теперь обитатели этого міра вполне похожи на людей, которые думаютъ, что изобрѣтаютъ порохъ, тогда-какъ вокругъ нихъ грохочутъ уже пушки. Подобно одряхлѣвшему старыку, который въ юности, въ свою очередь, принадлежалъ къ *«молодому поколѣнію»*, но который силою обстоятельствъ разобщенъ отъ умственнаго движенія своего времени, евреи этого класса ревниво отстаиваютъ и охраняютъ свои убѣжденія и понятія, которые они во время бѣды должны были купить цѣною упорной борьбы съ прежнимъ, «старымъ» поколѣніемъ. Конечно, когда исчезнутъ тѣ средневѣковыя обстоятельства, которые загнали евреевъ въ изолированныя и мрачныя гетто и разобщили ихъ отъ всего міра, тогда рухнетъ и этотъ средне-вѣковой внутренній міръ ихъ; но пока евреи эти живутъ еще въ сферѣ средневѣковыхъ понятій, то и мы, изображая положеніе женщины въ этихъ классахъ еврейскаго населенія нашего отечества, не имѣемъ надобности говорить о положеніи ея у средне-вѣковыхъ евреевъ: оно осталось неизмѣннымъ.

Евреи во все время отличались преобладаніемъ у нихъ религіознаго элемента.

Къ чести евреевъ мы должны, однакожь, сказать, что во все время, когда они только не были подавлены внѣшними несчастными обстоятельствами и когда ничто не мѣшало ихъ свободному развитію, религіозный канонъ никогда не былъ помѣхою ихъ прогрессу. Мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, измѣнилась ли жизнь евреевъ со времени Моисея до вавилонскаго плѣна настолько, чтобы она не согласовалась уже съ законодательствомъ Моисеевымъ; но мы

выше уже видѣли, что съ этого времени она значительно изменилась, такъ-что прежній канонъ оказался уже неудовлетворительнымъ для всѣхъ потребностей жизни. Тогдашніе законоучители Израиля не остановились, однакожь, предъ законами Моисея; они приняли за правило, что Иисусъ Навинъ въ своемъ поколѣніи такой же авторитетъ, какъ и Моисей въ своемъ поколѣніи; Самуилъ въ свое время не менѣе компетентенъ, чѣмъ Иисусъ Навинъ въ свое время, т. е. что законодатели и судьи каждой эпохи имѣютъ такой же авторитетъ, какой имѣли въ свое время Моисей, Иисусъ Навинъ или Самуилъ. Они пошли дальше и постановили, что законы, издаваемые законодательною властью каждой данной эпохи, вообще обязательныѣ закона Моисеева. (Законъ раввинитскій обязательныѣ библейскаго).

Такое свободное воззрѣніе на свое религіозное законодательство дало евреямъ возможность къ самымъ широкимъ реформамъ, и они дѣйствительно совершили таковыя въ періодъ времени отъ возвращенія изъ вавилонскаго плѣненія до XIII вѣка по Р. Х., т. е. до того времени, когда страшныя бѣдствія, обрушенныя на нихъ христіанскимъ населеніемъ Европы, подавили между ними всякую возможность къ свободному развитію.

Изъ всѣхъ этихъ реформъ для насъ важны слѣдующія:

Мы видѣли уже, что законодательство Моисеево допускаетъ многоженство, хотя и не одобряетъ его. Когда же евреи переселились въ Европу, законоучители ихъ строго запретили полигамію, какъ несообразную съ изменившеюся жизнью евреевъ. Это постановленіе нашло-было сильную преграду въ одномъ изъ древнѣйшихъ учрежденій евреевъ, вошедшемъ и въ библейское законодательство и въ силу котораго, если кто умиралъ бездѣтнымъ, то братъ, или ближайшій родственникъ его долженъ былъ взять его вдову въ замужство, хотя бы онъ и былъ женатымъ на другой. Первенецъ отъ этого брака получалъ имя умершаго брата—«и да не умретъ (говоритъ Библия) имя его въ Израилѣ». (Второз. XXV, 6). Отказаться отъ вступленія въ бракъ съ этою вдовою считалась величайшимъ безчестіемъ и влекло за собою извѣстный обрядъ «издѣванія башмака», состоявшій въ томъ, что вдова требовала своего девера къ суду, и, въ присутствіи народа, снявши съ себя башмакъ плевала оскорбителю своему въ лицо, говоря при этомъ: «такъ поступаютъ съ тѣмъ, кто не хочетъ возстановить домъ брата своего».

Законоучители евреевъ не остановились, однакожь, и передъ

этимъ древнимъ національнымъ учрежденіемъ и съ полнымъ свободомысліемъ уничтожили его. Но этотъ духъ свободы жилъ между евреями только до-тѣхъ-поръ, пока они сами жили въ свободѣ, и угасъ вмѣстѣ съ этою послѣднею.

Такимъ образомъ, приглядываясь къ положенію женщины въ тѣхъ слояхъ еврейскаго населенія нашего отечества, которыхъ не коснулась еще современная цивилизація, мы видимъ, что положеніе это обуславливается самыми разнообразными элементами.

Первое мѣсто занимаетъ здѣсь, конечно, древнееврейскій взглядъ на женщину, который даетъ ей самое почетное мѣсто въ понятіяхъ современныхъ евреевъ. Еврей далекъ отъ того, чтобы считать жену свою *работницею* въ домѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ соответствующихъ классахъ другихъ народовъ; но смотритъ на нее какъ на подругу жизни, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Этому взгляду много содѣйствовали и содѣйствуютъ житейскія обстоятельства. Мы должны здѣсь еще разъ возвратиться на минуту къ судьбѣ евреевъ въ средніе вѣка. Гоненія, воздвигнутыя на нихъ въ это время, не только устранили ихъ отъ участія въ прогрессѣ европейской цивилизаціи и приостановили ихъ дальнѣйшее развитіе, но и были въ высшей степени бѣдственны для нихъ тѣмъ, что устранили ихъ отъ всякаго рода дѣятельности, исключая торговой, и то розничной, мелочной. Лишонные права заниматься службою гражданскою, быть нотаріусами и адвокатами, лечь христіанъ, вступать въ цехи, владѣть недвижимымъ имуществомъ и проч., евреи могли заниматься только торговлею. При этомъ бѣдность, которая была слѣдствіемъ этихъ утѣсненій и гоненій, естественнымъ образомъ привела къ тому, что въ семействѣ еврея должны были трудиться всѣ его члены, которые только въ состояніи работать и зарабатывать—въ томъ числѣ и женщина. Если же припомнимъ то обстоятельство, что эти же гоненія сильно развили въ евреяхъ религіозный элементъ, выразившійся отчасти и въ томъ, что евреи считаютъ величайшею заслугою предъ Богомъ занятіе духовною литературою своею, удерживающее мужчинъ большую часть дня въ синагогахъ, то мы поймемъ и слѣдующій замѣчательный фактъ въ жизни нашихъ евреевъ. Если вы, читатель, хотя разъ пробѣжали по мѣстамъ, населеннымъ евреями, то вы не могли не замѣтить, что въ торговлѣ, которая, замѣтимъ мимоходомъ, находится здѣсь вооб-

ще въ рукахъ евреевъ, первенствующую роль играютъ женщины. Въ магазинахъ, въ лавкахъ, на базарѣ, въ гостиницѣ — словомъ, вездѣ вы болѣею частью встрѣчаетесь съ женщинами, которыя съ крикомъ «ясновельможный пане», «что покупаете» и проч. докучаютъ вамъ не менѣе прикащиковъ Апракина двора. Вы спросите, гдѣ же ихъ мужья? — «въ бейсмѣдрѣшѣ» (въ синагогѣ) отвѣтятъ вамъ. Вы спросите еще, почему же женщины не ходятъ въ бейсмѣдрѣши? А вотъ почему. По ученію раввиновъ, женщины не обязаны исполнять тѣхъ предписаній закона, которыя не почитаются существенно важными; поэтому онѣ не обязаны, напр., совершать молитвъ, назначенныхъ для чтенія—*утромъ, вечеромъ, ночью* и проч.; онѣ также не обязаны надѣвать фалактерій, т. е. сдѣланныхъ изъ пергамента и окрашенныхъ въ черный цвѣтъ ящичковъ, внутри которыхъ находятся написанныя на пергаментныхъ сверткахъ четыре главы изъ «Пятикнижія», и которые евреи во время утренней молитвы привязываютъ ремнями къ лѣвой рукѣ и ко лбу; онѣ также не обязаны надѣвать *талеса* — родъ полосатой шерстяной хламиды, надѣваемой евреями во время утренней молитвы.

Все это обязаны дѣлать только мужчины; кромѣ того, по предписанію закона, молитва должна совершаться въ обществѣ по-крайней-мѣрѣ десяти вѣрующихъ; а такое общество можно найти только въ бейсмѣдрѣшѣ. И вотъ рано утромъ благочестивый еврей, съ мѣшкомъ подъ мышкою, въ которомъ лежатъ фалактерія, талесъ и молитвенникъ, отправляется въ синагогу на молитву, гдѣ остается часа три; болѣе же набожные, считая занятіе духовною литературою величайшею заслугою предъ Богомъ и чуть-ли не единственнымъ назначеніемъ человека, остаются въ синагогахъ почти по цѣлымъ днямъ. Разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ дѣла остаются на рукахъ женщинъ. Такое сильное участіе еврейской женщины въ практической жизни, разумѣется, не могло не содѣйствовать усиленію ея самостоятельности и возвышенію ея положенія въ быту евреевъ. Женщина въ практической жизни евреевъ дѣйствительно занимаетъ первенствующее мѣсто и заслоняетъ даже собою мужчину. Какъ на свидѣтельство, подтверждающее это явленіе въ жизни еврейскаго населенія нашего отечества, мы хотимъ указать на слѣдующій фактъ. Между евреями губерній литовскихъ и Польскихъ, у которыхъ талмудически-раввинистскія идеи болѣе сильны, чѣмъ у ихъ единовѣрцевъ другихъ мѣстностей, муж-

чины нередко прозываются фамилиями, произведенными от женских именъ. Такъ, вы услышите названія: «Ханнъ *Иемъсэ*» отъ женскою имени *Иемъ*; «Шмуэль *Темъсэ*» отъ жен. имени *Темъ*; Янкль *Соркъэс* отъ жен. им. *Соркъэ*, и т. подоб. Фактъ этотъ объясняется только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительной, повседневной жизни этихъ евреевъ, женщина дѣйствительно занимаетъ болѣе видное мѣсто, болѣе извѣстна, чѣмъ мужчина; и отъ того-то именемъ ея и обозначаютъ того, на кого хотятъ точнѣе указать. Говоря «Ханнъ *Иемъсэ*,» предполагаютъ, что *Иемму* уже болѣе знаютъ, чѣмъ *Ханна*, который большую часть своего времени проводитъ въ бѣекедрѣшѣ.

Но если древнеиудейскій взглядъ на женщину и практическая жизнь даютъ ей такое независимое и видное мѣсто въ быту нашихъ евреевъ, за то религиозный мистицизмъ приготовилъ ей не очень завидную участь у этихъ людей. Онъ лишаетъ ее малости—*любви*. Объяснимся, впрочемъ, чтобы не дать повода къ недоразумѣнιάмъ. Объясненіе это тѣмъ болѣе необходимо здѣсь, что есть, къ сожалѣнію, очень много людей, которые читаютъ все писанное о евреяхъ съ единственною цѣлью—отыскать темныя ихъ стороны.

Мы уже выше замѣтили, что религиозный мистицизмъ евреевъ представляетъ идею связи Іеговы съ вѣрующимъ Израилемъ въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ, какъ мы видимъ это въ «Пѣсни Пѣсней» и у пророковъ; но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ видитъ, въ первой женщинѣ *Эввъ* источникъ всѣхъ бѣдствій человѣческаго рода. Въ древнемъ іуданизмѣ, отличающемся своею естественностью и трезвостью, эта идея о грѣховности женщины не могла, конечно, получить полного приложенія; она развилась въ умахъ евреевъ подъ вліяніемъ средневѣкового религиознаго ихъ мистицизма. Такимъ образомъ въ тѣхъ классахъ еврейскаго населенія, которые живутъ еще въ мирѣ талмудически-раввинитскихъ возрѣній, оложилось понятіе о какой-то враждебности и порочности отношеній мужчины къ женщинѣ, сильно отразившееся на взглядѣ ихъ на эту послѣднюю. Евреи этихъ классовъ считаютъ предосудительнымъ, если не болѣе, всякое близкое, хотя бы и самое невинное сношеніе съ чужою женщиною; по ихъ понятіямъ, предосудительно даже смотрѣть на женщину. На свадьбахъ и вообще на семейныхъ торжествахъ, гдѣ имѣютъ мѣсто танцы, мужчины танцуютъ и пируютъ особенно, а женщины танцуютъ съ женщинами, который на-

ходить, конечно, полное сочувствіе и между образованными евреями, считается крайне неодобрительнымъ у другихъ евреевъ, не ознакомившихся еще съ европейскою цивилизаціею.

Эта враждебность взгляда на женщину и разрозненность обоихъ половъ отозвались на жизни евреевъ этого класса самымъ вопіющимъ образомъ. Онѣ вовсе уничтожили у нихъ любовь. Да, еврей этого класса рѣшительно и совершенно не знаютъ любви въ европейскомъ или, лучше сказать, въ общечеловѣческомъ смыслѣ этого слова; у нихъ есть любовь *супружеская*—если хотите, нѣжная и теплая; но любви къ женщинѣ—той любви, которая не знаетъ ни племени, ни націи, ни мѣста, ни времени, ни законовъ земли, ни повелѣній неба, которая крѣпнеть съ препятствіями, не отступаетъ ни предъ какою силою и губить скорѣе своихъ субъектовъ, чѣмъ гибнетъ сама—этой общечеловѣческой любви не знаютъ евреи этого класса; ни известна только *любовь въ предѣлахъ законнаго супружества*. Любовь, въ общемъ смыслѣ, кажется этимъ евреямъ не только дѣломъ въ высшей степени предосудительнымъ, но и чѣмъ-то смѣшнымъ, нелѣпымъ, недостойнымъ чловѣка. Заговорите съ такимъ евреемъ о богатствѣ европейской литературы, о ея высокомъ значеніи и проч., и вы навѣрно услышите отъ него: *Ну, а о чемъ пишутъ тамъ, въ этихъ книжкахъ? — навѣрно о дѣвочкѣ*. И что бы вы могли, однако, возразить на это? Вѣдь *дѣвочка* дѣйствительно наполняетъ почти всѣ книжки наши; о ней пишутся и романы и повѣсти; она заняла собою и поэзію и драматическое искусство; она своими нѣжными, но тѣмъ не менѣе крѣпкими ручками охватила всю жизнь, весь духовный міръ европейскаго чловѣка. Ступайте же докажите этому еврею, что мы, европейцы, правы, что такъ и должно быть.

Такой взглядъ на любовь существуетъ у этихъ евреевъ не въ идеѣ, а въ дѣйствительной жизни. Любовная интрига у этихъ людей немислима точно такъ же, такъ немислима и невозможна у нихъ холостая жизнь. Дѣвушка, будь она отвратительна какъ смертный грѣхъ, непременно найдетъ себѣ, однакожь, жениха. Если она не имѣетъ средствъ—чѣмъ выйти замужъ, ей дадутъ таковыя отъ общества, но не допустятъ ее остаться въ дѣвкахъ. За то между этими людьми почти вовсе неизвѣстны незаконнорожденные; во всякомъ случаѣ это—неслыханная рѣдкость. Пишущій эти строки помнитъ одинъ только примѣръ, гдѣ безбрачная любовь молодого чловѣка (конечно, чловѣка—

европейски-образованнаго) къ одной дѣвухнѣ увѣнчалась плодомъ. Нужно было видѣть то смятеніе, въ какое пришло все благочестивое еврейское населеніе города, въ которомъ произошло такое событіе. Посторонній человѣкъ могъ бы заключить не менѣе, какъ о близкой кончинѣ міра. Мы не говоримъ уже о томъ, что несчастное дитя выслано было на воспитаніе въ близлежащую еврейскую земледѣльческую колонію, гдѣ бѣдная колонистка едва согласилась принять его въ свой домъ за хорошее награжденіе; но читатели могутъ усомниться, если мы скажемъ, что чуть-ли не все еврейскіе обитатели того города ѣздили потомъ смотрѣть на этого *мамзера* (незаконнорожденнаго), въ томъ предположеніи, что они увидятъ что-нибудь сверхъестественное, такъ какъ они ни могли допустить, чтобы *мамзеръ* походилъ на обыкновенное дитя.

Мы должны замѣтить здѣсь, что, при сужденіи о количествѣ незаконнорожденныхъ дѣтей у этихъ евреевъ рѣшительно нельзя вѣрить официальнымъ даннымъ, на ошибочность которыхъ вліяетъ не только то обстоятельство, что сюда включены незаконнорожденные дѣти евреевъ вообще, въ томъ числѣ и такихъ, которые настолько уже подвинулись въ европейской цивилизаціи, что незаконныя рожденія у нихъ уже не рѣдкость, но и нѣкоторыя мѣстныя гражданскія ограниченія евреевъ въ мѣстожительствѣ. Такъ, напр., по городовому положенію Варшавы, на жительство здѣсь имѣютъ право только гѣ евреи, которые приписаны къ этому городу; иногородные же евреи должны платить за это право по 10 кон. сереб. *въ день*, покупая себѣ такъ называемые *ташецеттели*. Если же такому еврею случилось бы жениться на варшавянкѣ, то онъ, оставаясь жить въ Варшавѣ, долженъ былъ бы платить по десяти коп. не только за себя, но и за жену и за каждое дитя, такъ-какъ и онъ считаются уже по тому обществу, къ которому онъ самъ приписанъ. Во избѣженіе этого налога, бракъ въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, объявляется начальству незаконнымъ; и тогда дѣти, какъ незаконнорожденные, считаются по своей матери—варшавянкѣ, приписанными въ Варшавѣ и освобождаются отъ *ташецеттеля*.

Это отсутствіе любви между евреями, чуждыми современной европейской цивилизаціи, свидѣтельствуется не только самымъ отсутствіемъ между ними любовныхъ интригъ, но и тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ эротическихъ

словесныхъ произведеній, ни письменныхъ ни устныхъ. У всѣхъ народовъ существуютъ пѣсни, сказки, легенды и проч., имѣющія большою частью предметомъ своимъ половую любовь, которая придаетъ колоритъ и жизнь всѣмъ, даже и неэротическимъ произведеніямъ всѣхъ народовъ и является могучимъ элементомъ во всѣхъ моментахъ ихъ жизни, радостныхъ, печальныхъ. У истыхъ евреевъ, остающихся наиболѣе вѣрными своему Талмуду, нѣтъ ни пѣсенъ, ни думъ, ни сказокъ хотя сколько-нибудь съ эротическимъ характеромъ.

Но если еврей этого класса не знаютъ и чужды даже идею любви, въ европейскомъ смыслѣ, то они, какъ мы уже замѣтили, воопшѣ понимаютъ и цѣнятъ любовь супружескую. Едва ли гдѣ можно встрѣтить такую мирную, невозмутимую супружескую жизнь, какъ въ этихъ слояхъ еврейскаго общества. Эти люди смотрятъ на семейныя несогласія не только какъ на несчастіе, но и какъ на грѣхъ. Что касается степени умственнаго развитія и образованія женщины у этихъ евреевъ, то нужно замѣтить, что образованіе, даже духовное, не считается для нея обязательнымъ, какъ для мужчины; но, при всемъ томъ, каждый еврей считаетъ для себя священнымъ долгомъ обучить своихъ дочерей грамотѣ, и большая часть еврейскихъ дѣвушекъ грамотна. Для обученія ихъ существуютъ у евреевъ особыя учительницы, которыя за 50 коп., или за рубль серебромъ, учатъ дѣвушку у себя на дому въ теченіе цѣлаго семестра такъ-какъ женскихъ училищъ у евреевъ нѣтъ.

Для того, чтобы сдѣлать смыслъ священныхъ книгъ и молитвъ, писанныхъ на древнееврейскомъ языкѣ, понятнымъ для женщины, не имѣющей вообще довольно времени и терпѣнія, чтобы изучить этотъ языкъ, онъ переведенъ на разговорный еврейскій жаргонъ. Какъ на замѣчательный фактъ можно указать на то, что у этихъ евреевъ существуетъ особый родъ молитвъ на разговорномъ языкѣ, назначенныхъ исключительно для женщинъ и авторы этихъ молитвъ по большей части женщины.

Несмотря, однакожъ, на то, что, по понятіямъ этихъ евреевъ, образованіе для женщинъ не обязательно, онѣ сильно и благотворно вліяютъ на образованіе юношества, образованіе, конечно, религіозное, такъ-какъ другого образованія эти евреи не знаютъ и не допускаютъ. Она откажетъ себѣ во всемъ, даже въ самомъ необходимомъ, лишь бы дитя ея обучалось грамотѣ и закону. Нерѣдко въ грознаю погоду, когда маленькія дѣти не

могутъ, по причинѣ грязи, отправиться въ *хедеры* (частная школа), можно видѣть, какъ какая-нибудь бѣдная еврейка тащитъ ихъ туда на себѣ рано утромъ, а потомъ, къ вечеру, оттуда назадъ домой. При видѣ такого энергическаго рвенія къ образованію, нельзя не пожалѣть о томъ, что стѣсненіе евреевъ въ гражданскихъ правахъ мѣшаетъ имъ обратить эту энергію на европейское образованіе. А чего отъ этой энергіи можно было бы ожидать для европейской науки, объ этомъ можно судить по тѣмъ общезвѣстнымъ фактамъ, что на какую только дѣятельность евреи, по своимъ гражданскимъ правамъ, имѣли возможность обратить свои способности, они всегда становились въ первыхъ рядахъ. Достаточно упомянуть имена Спинозы, Ганса, Гейне, Барна, Мендельсоновъ, Мейербара, Галеви, д'Израэли, Фульда, чтобы убѣдиться въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ и искренно пожалѣть о европейской цивилизаціи.

А. ДУМАШЕВСКИЙ.

З А К Л И Н А Н И Е.

Волшебный гений мой, товарищ лучших лѣтъ,
 Столь полныхъ радости, поэзи, участья,
 Отрада тяжкихъ дней, заветный сердца свѣтъ,
 Приди, явись ко мнѣ, какъ дальній призракъ счастья.

Явись, напомни все душѣ моей больной:
 Блаженства краткій мигъ, борьбу, волненье, муки;
 Дай снова мнѣ услышать голосъ твой —
 Родные, милые, чарующіе звуки.

Напомни время то, когда, внимая имъ,
 Въ нѣмомъ смущеніи я голову склоняла,
 И на глазахъ моихъ, въ отвѣтъ словамъ твоимъ,
 Слеза отрадная горѣла и дрожала.

Молю, услышь мой зовъ; будь избавитель мой,
 Спаси, спаси меня отъ дѣловаго гнета,
 Чтобъ не угасла я подъ ледяной корою
 Сухого, строгаго, холоднаго разчета.

Явись, я жду тебя! Быть можетъ, хоть на мигъ
 Душа наполнится небеснымъ упованьемъ,
 И снова пламенный, богатый чувствомъ стихъ
 Полетѣтъ съ устъ моихъ, отмѣченныхъ страданьемъ.

Быть можетъ, слушая въ забвеньи рѣчь твою,
 Забуду мракъ трудовъ и горькой жизни годы...
 Такъ запоздалому внимаешь соловью,
 Съ невольнымъ трепетомъ, осенняя природа.

ОЛЬГА НАВЛОВА.

О ФИЗИОНОМИКѢ.

II.

Въ предыдущей статьѣ нашей мы говорили, что неизмѣніе достовѣрныхъ портретовъ есть одна изъ главныхъ причинъ, замедлившихъ ходъ науки физиономики, и что теперь мы можемъ надѣяться, что этотъ недостатокъ въ надлежащей степени будетъ пополненъ посредствомъ фотографіи. Это замѣчаніе подвержено двумъ возраженіямъ, которыя, можетъ быть, стоитъ обсудить теперь же, прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше. Намъ могутъ сказать, во первыхъ, что физиономистъ долженъ быть независимъ отъ портретовъ, такъ какъ его дѣло — изучать живыя лица, и, во вторыхъ, что если портреты существенно необходимы для успѣха его занятій, то ужь, конечно, нельзя думать, что на портреты, писанные рукою такихъ мастеровъ какъ Тиціанъ, Ван-дейкъ или Рейнольдсъ, нельзя положиться и что механическіе фокусы фотографной лабораторіи имѣютъ надъ ними преимущество.

Нетрудно объяснить, почему для физиономиста недостаточны живыхъ лицъ. Для сравненія, ему нужны ярко-обозначенные характеры и отборные образцы. Изъ разсмотрѣнія головы Шекспира и изъ сравненія ея съ головою Гёге можно научиться гораздо большому, чѣмъ изъ разсмотрѣнія тысячи обыкновенныхъ головъ. Но часто ли въ исторіи міра появляются Шекспиры даже третьяго разряда, и многіе ли изъ современниковъ

этихъ третъстепенныхъ Шекспировъ имѣютъ случай видѣть ихъ? Самая лучшая коллекція портретовъ, безъ сомнѣнн, принесетъ мало пользы истолкователю, который не имѣетъ близкаго знакомства съ живыми лицами; но для человѣка, обладающаго этимъ знакомствомъ, она (т. е. такая коллекція), и только она, дастъ средство къ составленію обширныхъ и вѣрныхъ обобщеній. Скульптурныя украшенія на храмахъ Луксора и Карнака доказываютъ, что еврейскій типъ лица и теперь такой-же, какимъ онъ былъ три тысячи лѣтъ тому назадъ, и служатъ ручательствомъ постоянства фнзіономическихъ признаковъ. Далѣе, сопоставляя головы перво-степенныхъ музыкантовъ, мы въ самыхъ великихъ изъ нихъ—Бахъ, Генделъ, Моцартъ, Бетховенъ—не можемъ не замѣтить присутствія нервнаго темперамента, съ значительною прибавкою лимфатическаго. Перехода затѣмъ къ разсмотрѣнію народовъ, которые наиболѣе извѣстны музыкальными способностями, именно итальянцевъ нѣмцевъ и евреевъ, мы должны замѣтить въ нихъ вообще темпераментъ наполовину нервный, наполовину лимфатическій, въ которомъ нервная живость въ значительной степени умѣряется избыткомъ флегмы. Для оправданія подобныхъ обобщеній портретная живопись рѣшительно необходима; и нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ видѣть, въ какія затрудненія прежніе фнзіономисты, не имѣвшіе подъ рукою никакихъ портретовъ, были поставлены въ стремленіи удовлетворить естественному желанію человѣческаго ума—составить какое-нибудь общее правило. Единственный родъ обобщенія, относительно котораго они были совершенно увѣрены, была классификація людей согласно ихъ сходству съ извѣстными животными, напр., съ быкомъ, осломъ, львомъ или свиньею. Въ проведеніи этого сходства имъ, безъ сомнѣнн, помогала духъ древней народной поэзіи, которая говорила людямъ о единствѣ жизни во всемъ мірѣ. Въ легендарныхъ оказаніяхъ ихъ дѣтства, человѣческое племя, смотря по сословію, находилось въ родствѣ со львомъ, или въ дружбѣ съ лошадыю; мужикъ всегда могъ быть превращенъ въ медвѣдя, а кошка во всякое время могла оказаться принцессой. Руководясь затаеннымъ сознаніемъ этого родства и живымъ пониманіемъ различія между однимъ звѣремъ и другимъ, прежніе фнзіономисты начали классифицировать своихъ ближнихъ согласно ихъ сходству съ животными. Въ одной изъ главъ своей книги Лафатеръ приводитъ изъ одного нѣмецкаго сочиненія, напечатаннаго въ 1594 г. слѣдующее положеніе: — «Узкій лобъ показы-

васть человѣка непокорнаго и жаднаго». Въ немаломъ смущеніи и тономъ оракула, онъ замѣчаетъ на это: «Первое изъ этихъ утверженій справедливо, но я не понимаю какимъ образомъ жадность можетъ зависѣть отъ узкости лба». — Можетъ быть и читатель, подобно Лафатеру, будетъ озадаченъ открытіемъ связи между неукротимостью, обжорствомъ и узкимъ лбомъ. Связь эта коренится просто въ воображеніи — будто бы люди съ узкими лбами похожи на свиней: поэтому они и должны быть упрямы и обжорливы. Мысль относительно помянутой связи повторяется по-крайней-мѣрѣ у дюжины старыхъ писателей, разсуждающихъ о физиономикѣ. Одинъ изъ нихъ, на котораго ссылается самъ Лафатеръ, говоритъ: «узкій лобъ обозначаетъ человѣка непокорнаго, неопрятнаго, жаднаго и обжорливаго; такой человѣкъ похожъ на свинью.» То же слѣдуетъ сказать и одругихъ характеристикахъ. Люди съ широкимъ лбомъ считались тупыми, потому что они похожи на быка; люди съ четырехугольнымъ лбомъ — великодушными, потому что они похожи на льва. Во времена Аристотеля утверждали, что люди, имѣющіе тонкую, нѣжную и длинную шею, похожи на оленя, т. е. что они робки. Вотъ единственныя обобщенія, которыя были способны сдѣлать физиономисты, когда у нихъ еще не было портретовъ. Появленіе Лафатера сдѣлалось возможнымъ не прежде, какъ когда портреты размножились и, посредствомъ гравѣрнаго искусства, сдѣлались доступными для всѣхъ.

Столько же вѣрно и то, что съ такими портретами и гравюрами съ портретовъ, какіе мы имѣли, было рѣшительно невозможно подвинуться далѣе туманной науки Лафатера. Намъ нужна была фотографія. Конечно, опроверженіе, что великимъ портретистамъ нельзя вѣрить, можетъ показаться слишкомъ рѣзкимъ. Неужели можно предположить, что эти мастера еще бы не знали своего дѣла и неумѣли передать намъ вѣрно изображеніе людей, съ которыхъ они снимали портреты? Слѣдуетъ помнить также что для искусства нѣтъ ничего легче, какъ передать общее сходство человѣческаго лица. Для полнаго изображенія его достаточно какихъ-нибудь шести линий, какъ это можетъ видѣть всякій въ громадномъ множествѣ нынѣшнихъ эстамповъ, рѣзанныхъ на деревѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ въ этихъ грубыхъ очеркахъ, въ которыхъ двѣ точки исправляютъ должность глазъ и одна черточка замѣняетъ ротъ, уловить точную анатомію каждой черты. Такимъ образомъ, если съ одной стороны мы можемъ

считать дошедшіе до насъ портреты вѣрными вообще, то съ другою—намъ не возможно положиться вполне на какую-нибудь черту въ отдѣльности. Возьмите, напр. верхнюю губу. Быть можетъ ни съ одною чертою не только портретисты, но и всѣ живописцы, изображающіе человѣческую фигуру не обращались такъ безцеремонно. Мы часто можемъ положиться на нихъ относительно нижней губы, но верхняя—просто мнѣ. Далѣе, въ самой этой верхней губѣ—мы можемъ иногда остаться довольны углами ея, на которые художникъ обращаетъ преимущественно свое вниманіе, лица здѣсь выраженія, но насчетъ средней части мы никогда не можемъ быть увѣренны: по-крайней-мѣрѣ въ девятнадцати случаяхъ изъ двадцати она фальшива. Въ формѣ этой части лица есть нѣчто похожее на лукъ Купидона, что считается въ высшей степени красивымъ и постоянно повторяется живописцами. Центръ ея верхней линіи сжимается въ рѣзко обозначенную точку, а центръ нижней сходится въ точку гораздо менѣе явственную, имѣющую видъ небольшого шарика или капли, которая иногда слегка замыкаетъ нижнюю губу а иногда (особенно въ головахъ Рафаэля) свободно виситъ надъ нею и отдѣлена отъ нея. Отъ этихъ двухъ точекъ линіи расходятся въ обѣ стороны двумя парами выпуклыхъ изгибовъ, которые по временамъ (очень часто у Вандейка) искажаются извивами усовъ. Это любимая верхняя губа у Рафаэля: едва ли найдется хоть одно лицо, которое онъ изобразилъ бы безъ нея. Относительно Вандейка можно подумать, что всѣ его знакомые имѣли такую верхнюю губу; она безпрестанно попадаетъ также у Кнеллера и Фузели. Сэръ Томасъ Лауренсъ съ особенною настойчивостью снабжаетъ ею всѣхъ, съ кого онъ снимаетъ портреты; онъ круто завиваетъ изгибы и такъ рѣзко обозначаетъ маленькую каплю въ центрѣ, что она какъ будто готова упасть. Живописцы никакъ не въ состояніи обойтись безъ подобной губы; они даютъ ее всѣмъ головамъ одинаково: Кортесу и Сервантесу, Декарту и Шекспиру, Аркрайту и Шиллеру или Гёте. Что живописцы дѣлаютъ плохо, то граверы дѣлаютъ еще хуже; и такимъ образомъ эта любимая губа опошлѣла и потеряла всякій смыслъ. Принадлежитъ очень немногимъ и изъ немногихъ только опредѣленному разряду людей, она представляется, однако же, въ произведеніяхъ портретовъ какъ общая принадлежность всѣхъ. Ничто, кромѣ фотографіи, не можетъ исправить этой невѣрности и внушить физиономисту сознаніе, что онъ стоитъ на твердой почвѣ. Фо-

тографин такихъ людей какъ Мейольтъ, Дикконсонъ, Сильви и Уоткинъ оставляють мало чего желать. Нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго и дешеваго. Коллекція хорошихъ портретовъ доступна теперь средствамъ каждаго; и каждый составляетъ себѣ коллекцію. Будемъ надѣяться, что изъ этихъ многочисленныхъ коллекцій со временемъ что-нибудь выйдетъ.

Но каковы бы ни были имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы, слѣдуетъ признаться, что если первый взглядъ на нихъ удостовѣряетъ насъ въ возможности науки, то второй часто заставляетъ отчаяваться, что она когда-либо будетъ существовать. Нужно время даже на то, чтобы вполнѣ уловить первый принципъ науки, а по тѣхъ поръ пока мы не овладѣемъ имъ во всей его цѣлости, мы не можемъ видѣть предъ собой ничего, кромѣ груды подробностей, многочисленныхъ какъ песокъ морской, — ничего, кромѣ безконечно-мелкихъ фактовъ. Только съ того времени, какъ мы поймемъ этотъ принципъ и будемъ имѣть возможность къ правильному изслѣдованію, мы начнемъ чувствовать — не то чтобы мы дѣйствительно стали физиономистами, не то чтобы мы одѣлали много успѣховъ въ наукѣ — но что, по-крайней-мѣрѣ, у насъ подъ ногами твердая почва, и что мы имѣемъ въ рукахъ ключъ, и можемъ подвигаться впередъ, хотя медленно и ощупью. Этотъ принципъ, мы думаемъ, заключается въ положеніи, о которомъ мы мимоходомъ упомянули въ предъидущей статьѣ, именно, что человѣческая форма однородна во всѣхъ своихъ чертахъ. Говоря парадоксально, въ каждой части заключается все. Всякому понятно, что если сдѣлать легкую переимѣну въ какой-нибудь чертѣ симметрическаго лица, то пропорціональность исчезаетъ и физиономія болѣе не существуетъ. Безъ сомнѣнія это именно разумѣлъ Фузели, когда говорилъ, что если вы отнимете отъ носа Аполлона двѣнадцатую часть дюйма, то богъ погибъ. Но люди обыкновенно не воображаютъ, что положеніе, истинное относительно правильныхъ чертъ, истинно и въ примѣненіи его къ чертамъ неправильнымъ. Самое легкое измѣненіе должно нарушить единство характера и лишить физиономію всякаго выраженія. Есть живописцы, которые воображаютъ, что будто-бы можно составить лицо по частямъ, соединивъ вотъ этотъ красивый ротъ съ тѣмъ красивымъ носомъ, выбравъ самые красивые глаза и увѣнчавъ все это прекраснымъ лбомъ, замаскированнымъ, безразлично, у Венеры или у Діаны. Результатомъ

этого бывает просто карикатура, вообще отличающаяся бессмысленностью выражения. Относительно этого один анонимный авторъ, приводимый Лафатеромъ, дѣлаетъ остроумное замѣчаніе. Онъ указываетъ на фактъ, который, безъ сомнѣнія, случилось замѣтить каждому, что головы, нарисованныя дѣтьми и лицами, которыя никогда не учились владѣть карандашомъ, отличаются не столько выраженіемъ злобы или другого какого-либо сильнаго чувства, сколько отсутствіемъ всякаго выраженія, совершенною пустотою. Это происходитъ оттого, что они не замѣчаютъ гармоніи въ чертахъ. Если они въ состояніи хорошо нарисовать одну черту, то не умѣютъ поставить возлѣ нея другую, которая находилась бы съ нею въ соответствіи, и результатъ этого — глухость выраженія.

Мы уже давно знаемъ, до чего профессоръ Оуэнъ можетъ доходить по одной кости неизвѣстнаго животнаго. Его способность составить цѣлое животное основывается на одномъ законѣ сравнительной анатоміи, которому основной принципъ эволюционки совершенно тождественъ. Если справедливо, что животныя формы вообще однородны въ своихъ частяхъ, такъ что по данному зубу мы можемъ описать каждую кость зѣбра отъ головы до послѣдняго сустава въ хвостѣ, то почему не пойти дальше и не объявить, что и человѣческая форма однородна во всѣхъ своихъ частяхъ? Въ-самомъ-дѣлѣ, эта однородность до нѣкоторой степени допускается всеми. Такъ, еслибы любому изъ насъ черезъ рѣшетку показали какую-нибудь руку, то мы изъ нея вывели бы множество фактовъ относительно бюста, которому она принадлежитъ. Мы не были бы такъ принципиальны, какъ китайскіе врачи, но, по-крайней-мѣрѣ, могли бы сдѣлать нѣсколько остроумныхъ и важныхъ догадокъ. Во-первыхъ, каждой бѣлошвейкѣ извѣстно, что окружность ручной кисти равняется половинѣ окружности шеи. Вотъ уже и есть одинъ рѣшительный фактъ, особенно для людей, способныхъ въ различныхъ объемахъ шеи, намекающей на быка, оленя и проч., отыскивать признаки характера. Далѣе, каждый художникъ знаетъ, что, обыкновенно, длина руки (т. е. собственно ладони и пальцевъ) соответствуетъ длинѣ лица. Но если мы можемъ такимъ образомъ получить мѣру лица, то мы не ошибемся и относительно высоты лба, длины носа и разстоянія между носомъ и подбородкомъ, такъ какъ лица обыкновенно раздѣляются на три равныя части, заключающія въ себѣ эти три

черты. Но это еще не все. Форма руки указываетъ на форму лица. Овальная рука принадлежитъ овалному лицу, а овальное лицо почти всегда имѣетъ полныя и красивыя губы. Далѣе,—рука показываетъ темпераментъ, точно такъ же, какъ и всякая другая часть тѣла; а зная темпераментъ, мы можемъ съ нѣкоторою точностью опредѣлить характеръ и цвѣтъ волосъ, глазъ, взаимное отношеніе обѣихъ губъ, свойство кожи и наружность вообще. По большому пальцу, вѣроятно, можно сдѣлать еще какія нибудь другія догадки. Всего этого еще недостаточно, но уже и это много значитъ. Много значитъ имѣть возможность—изъ разсмотрѣнія руки дѣлать относительно лица такіе выводы. Но самымъ важнымъ изъ нашихъ выводовъ будетъ тотъ, что мы сами виноваты, если мы неспособны судить по рукѣ обо всемъ лицѣ. Если мы были способны сдѣлать столько, то должны быть способны сдѣлать и гораздо больше. Мы ничего не говорили объ указаніяхъ пульса, въ которыхъ медикъ всегда можетъ открыть такъ много различныхъ видовъ біенія. Еслибы мы имѣли здѣсь китайскаго доктора, который бы всю жизнь провелъ въ изученіи рукъ и не безъ успѣха преподавалъ жителямъ небесной имперіи медицину, онъ прибавилъ бы не мало кое-чего къ нашимъ свѣдѣніямъ. Лафатеръ гдѣ-то говоритъ, что ногтямъ пальцевъ на ногѣ дала сводистую форму та же самая сила, которая сдѣлала сводъ черепа.

Можетъ ли человѣкъ, хорошо знающій—какова чувствительность и нервная жизненность оконечностей нашихъ пальцевъ, находить какую нибудь невѣроятность въ предположеніи, что между формой нашихъ череповъ и формою нашихъ ручныхъ пальцевъ существуетъ прямое сродство? Разумѣется, это не болѣе какъ предположеніе, но оно довольно хорошо объясняетъ—чего мы вправѣ ожидать.

Этотъ законъ однородности, — научающій насъ, что въ каждой части заключается цѣлое и что по одной данной части мы можемъ угадывать всякую другую,—никакимъ образомъ не противорѣчитъ тому факту, что нѣкоторые члены выразительнѣе остальныхъ. Чему противоположенъ этотъ законъ, такъ это именно френологическому методу изслѣдованія, который раздѣляетъ голову и лицо на такое множество клѣточекъ и который говоритъ. «здѣсь, и только здѣсь, находится признакъ ума; тамъ, и только тамъ, лежитъ органъ дружбы». Недавно въ моихъ рукахъ была небольшая книжка, написанная докторомъ Редфиль-

домъ, въ которой все лицо раздѣлено на маленькія помѣстья, подобно тому, какъ Галь раздѣлялъ черепъ. Сводъ скуловой кости избранъ помѣщеніемъ для способности къ медицинѣ; возлѣ него находится любовь къ темнотѣ, свойственная больнымъ. Переносе служить сѣдалищемъ архитектурнаго генія, какъ-разъ возлѣ него помѣщается способность ткачества, за тѣмъ слѣдуетъ любовь къ нарядамъ, далѣе—страсть къ морю. Если волосы вашей правой брови на внутреннемъ концѣ ея загнуты вверхъ, то я могу рассчитывать на вашу благодарность; если загнуты такимъ образомъ волосы лѣвой вашей брови, то я могу приобрести только ваше уваженіе. Люди, у которыхъ развиты передніе верхніе зубы, суть республиканцы и на нихъ могъ бы положиться Робеспьеръ; а тѣ, у которыхъ развитъ нижній глазной зубъ—реформаторы, а клубъ реформы можетъ безбоязненно выбрать ихъ въ свои члены. Отсюда слѣдуетъ, что никто не долженъ быть избираемъ въ члены этого клуба пока дантистъ не постановитъ своего приговора относительно того—каковъ глазной зубъ у даннаго человѣка. Таковъ методъ жалкой философіи, которая начинается въ неправильномъ пониманіи человѣческой души и оканчивается ложнымъ познаніемъ человѣческой фізіономіи. Душу нельзя дѣлить и дробить такимъ образомъ. «Она движется вся, если только движется». Когда мы любимъ, то любить вся наша душа; когда мы чувствуемъ, то чувствуетъ вся наша душа. И эта цѣлость дѣйствія обнаруживается въ цѣлости выраженія. Одна часть лица можетъ быть болѣе выразительна чѣмъ другая, но всѣ онѣ болѣе или менѣе говорятъ одно и то же. Если черты какого нибудь человѣка выражаютъ склонность властвовать, то эта склонность господствуетъ повсюду. Настойчивость человѣка выражается въ каждой его чертѣ; то же можно сказать о его любви, вѣрности, разсудкѣ. Мы явственно можемъ прослѣдить во всѣхъ чертахъ одного лица властолюбивый характеръ такъ же, какъ во всѣхъ чертахъ другаго лица—любящую душу, или страсть къ сарказму, или склонность къ меланхоліи. Подобно тому, какъ въ головѣ Наполеона мы можемъ открыть духъ завоеваній—и въ челюсти, и въ подбородкѣ, и въ верхней губѣ, и въ очертаніи носа, и въ скуловой кости, и, наконецъ, во лбу,—такъ точно во всѣхъ частяхъ фізіономіи Шекспира мы можемъ открывать его драматическую воспримчивость. Развѣ несправедливо заключеніе, что чувства, лежащія въ глубинѣ души, присутству-

ють во всемъ составѣ человѣка, хотя мы не легко можемъ прослѣдить ихъ въ каждой отдѣльной чертѣ?

Какъ ни безусловенъ законъ однородности чертъ, существуютъ, однако же, три направленія, въ которыхъ мы должны быть осторожны относительно способа примѣненія его. Эти направленія, собственно говоря, не заключаютъ въ себѣ ограниченій или противорѣчій закону, а ведутъ только къ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ въ немъ. Впервыхъ, физиономіи очень молодыхъ и очень старыхъ людей требуютъ особеннаго обращенія. Обыкновенно предполагается, что физиономистъ имѣетъ дѣло съ лицомъ въ полномъ его цвѣтѣ. Но наблюдая распускающіяся формы ранней юности и увядающія формы старости, мы встрѣчаемъ признаки и отсутствіе признаковъ, которые съ перваго раза мы готовы принять за противорѣчія. Но это вовсе не противорѣчія, и второю нашею мыслью будетъ—объяснить ихъ посредствомъ закона сокровенности (latency). Въ юношѣ половина его способностей должна придти современемъ, въ старикѣ половина его способностей уже умерла; въ томъ и другомъ онѣ сокрыты. Возьмите фотографическій портретъ принца Уэльскаго. Глядя на его лицо, мы поражены нѣжною дѣвичьей красотой, которая напоминаетъ главнымъ образомъ принцессу Шарлотту, какова она на портретѣ, сдѣланномъ кистью Шалона. Ища въ изображеніи принца мужественной силы, мы будемъ порядочно обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, пока не дойдемъ до руки: на многихъ фотографіяхъ эта рука находится въ сильномъ противорѣчій съ лицомъ. Это — большой, твердый, сильный кулакъ мужчины, и объясненіемъ такому противорѣчію служитъ то, что рука обыкновенно прежде головы достигаетъ своего полнаго развитія. Переходя къ другой оконечности человѣческой жизни, мы встрѣчаемъ фактъ, указываемый Лафатеромъ, что рѣдко можно встрѣтить старика, котораго физиономія была бы искренна и откровенна, или представляла черты привлекательнаго великодушія. Однакожь, преклонный возрастъ нельзя назвать невеликодушнымъ и, какъ извѣстно, онъ откровененъ до болтливости. Строго говоря, это такой фактъ, который, еслибы онъ имѣлъ важность, говорилъ бы скорѣе противъ самой физиономики, нежели противъ ея основного закона однородности; потому-что здѣсь противорѣчіе существуетъ не между одною чертою и другою, а между чертами, взятыми какъ одно цѣлое, и душою, которой они считаются выраженіемъ. Я выбираю этотъ

фактъ потому, что онъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ другихъ вразумителенъ для большинства читателей. Кто не замѣчалъ сухого, сжатаго, замкнутого, самоуглубленнаго вида старости? и кто не пойметъ того, что когда ослабѣваетъ все тѣло, то съ нимъ вмѣстѣ можетъ ослабѣть и его способность къ выраженію? Глаза, уши, языкъ перестаютъ дѣлать свое дѣло: какъ же мы можемъ ожидать, что сморщенная кожа и ослабѣвшія ткани будутъ по-прежнему отправлять свои функціи? «Я зналъ двухъ людей (говорить Лафатеръ): одного пятидесяти и другого семидесяти лѣтъ, которые оба при жизни не имѣли никакого сходства съ своими дѣтьми и которыхъ физіономіи принадлежали, если можно такъ выразиться, къ совершенно другому разряду. Черезъ два дня послѣ ихъ смерти профиль одного изъ нихъ сдѣлался совершенно похожимъ на профиль его старшаго сына, а образъ другого отца можно было явственно замѣтить въ чертахъ третьяго изъ его сыновей». Почти у всѣхъ старыхъ, такъ же какъ и у молодыхъ людей, непременно есть, подобное этому, сокрытое сходство, и мы должны объяснять недостатки и противорѣчія въ ихъ чертахъ именно этимъ обстоятельствомъ.

Половина затрудненій физіономики происходитъ отъ того, что мы изучаемъ лица очень молодыхъ или очень старыхъ людей и примѣняемъ къ нимъ, безъ всякаго измѣненія, правила, которыхъ мы достигли, изслѣдуя лица взрослыхъ людей въ самое цвѣтущее ихъ время. Или же бываетъ другимъ образомъ: насъ сбиваютъ съ толку лица взрослыхъ, потому-что, разсматривая ихъ, мы принимаемъ въ соображеніе лица дѣтей. Не всякому можетъ быть извѣстно, что цѣлое знаніе френологіи возникло изъ ошибки этого рода. Галь, будучи въ школѣ, замѣтилъ, что мальчики, превосходящіе его въ классѣ, имѣютъ выдающіеся глаза. Будучи въ университетѣ, онъ замѣтилъ, что юноши, отличающіеся уснѣхами въ изученіи классиковъ и обладающіе даромъ рассказывать, тоже имѣютъ выдающіеся глаза. Галь обобщилъ этотъ фактъ. Онъ сказалъ, что выдающіеся глаза должны быть спеціальнымъ признакомъ способности къ языкамъ; и, сдѣлавъ это начало, онъ пошелъ дальше: онъ открылъ еще много другихъ способностей и отвелъ для помѣщенія каждой изъ нихъ особую частичку черепа. Онъ наблюдалъ мальчиковъ, отличавшихся искусствомъ находить птичьи гнѣзда, и открылъ эту способность въ маленькой выпуклости надъ глазомъ, величиною съ расколотую горошину. Ошибочность этой мысли состоитъ въ томъ фак-

тѣ, что глаза и лбы у дѣтей совершенно другіе, чѣмъ глаза и брови у взрослыхъ. Всѣ умныя дѣти имѣютъ красивые, большіе глаза, и брови у нихъ часто бываютъ до такой степени опущены внизъ, что когда вѣко закрыто, муха можетъ свободно переходить со лба на середину глазного яблока по гладкому пространству. Мать смотритъ на красивые большіе глаза своего ребенка и надѣется видѣть ихъ такими же большими и красивыми, когда изъ ребенка выйдетъ взрослый мужчина или взрослая женщина. Но ея ожиданія, къ сожалѣнію, бываютъ обмануты: глаза вваливаются, между тѣмъ какъ маленькій носикъ и низко опущенныя брови дитяти выдаются впередъ и начинаютъ заявлять свои права. Я не берусь объяснить этотъ фактъ; онъ можетъ или не можетъ быть результатомъ перемѣщенія; но нѣтъ никакого сомнѣнія относительно общаго закона, что, нормально, выпуклость глаза находится въ обратной пропорціи къ выпуклости глазной кости, и что когда, въ опредѣленное время, впадина лба начинаетъ формироваться, носъ — расти и глазная кость — выдаваться впередъ, тогда мнимый органъ языковъ начинаетъ отходить на задній планъ. Большой выдающійся глазъ мальчика обозначаетъ даръ не языковъ, а воспріимчивости — его способность воспринимать впечатлѣнія и пріобрѣтать знанія. Способность изученія языковъ есть часть способности мальчика къ наблюденію: значительная доля его успѣховъ въ языкахъ основывается на той же самой способности, которая помогаетъ ему отыскивать гнѣзда и запоминать какъ выглядить какой-нибудь глаголъ на извѣстной страницѣ, — именно, на чувствѣ мѣстности. Но зависимость способности мальчика къ языкамъ отъ его наблюдательности вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ самый строгій критерій, какому только можетъ быть подвергнута эта способность. Поэтому замѣчаніе Галя очень справедливо въ томъ отношеніи, что мальчикъ, обладающій большими, выдающимися глазами, дѣйствительно обнаружитъ ту способность къ наблюденію, которая, будучи приложена къ языкамъ — наиболее трудному предмету его занятій — сдѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ учениковъ по классу. Однако же это соображеніе существенно отличается отъ мысли, что глазъ есть органъ языкознанія и что онъ служитъ такимъ органомъ какъ для мальчиковъ, такъ и для взрослыхъ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже выше сказали, глаза съ лѣтами становятся меньше. Пробуждается мысль — она понижаетъ вѣко и сдавливаетъ лобъ. Приходитъ

любовь — она ослѣпляетъ зрѣніе и закрываетъ глазъ наполовину; наступаетъ дѣятельность—она хмуритъ лобъ надъ работою и напрягаетъ вѣки и рѣсницы; приходитъ жесткая, морщинистая старость—и дѣлаетъ мелкія складки на углахъ глаза, такъ-что въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ наиболѣе способенъ къ употребленію своего дара слова и даже склоненъ къ болтливости, его глаза сдѣлались уже самыми маленькими. Когда Галю вздумалось увидѣть въ полномъ открытомъ глазѣ человѣка способность къ краснорѣчію, онъ впалъ въ ошибку, сходную съ ошибкою Лафатера. Последній называетъ полуоткрытый ротъ краснорѣчивымъ. Это совершенное заблужденіе. Полуоткрытый ротъ—слушающій ротъ. Лафатеръ, повидимому, былъ введенъ въ ошибку словомъ. Говорить—значитъ открывать ротъ, поэтому ораторъ, когда онъ не говоритъ, долженъ имѣть ротъ полуоткрытый. Можетъ быть, такое заключеніе хорошо въ логикѣ, но оно во всякомъ случаѣ ложно въ дѣйствительности. Ораторскія уста—закрытыя уста; степень, до которой ротъ бываетъ открытымъ у кого бы то ни было, есть не болѣе, какъ мѣра пассивности характера. Идіотъ, существо совершенно пассивное, имѣетъ всегда раскрытый ротъ и даже высунутый языкъ, между тѣмъ, какъ, съ другой стороны, у очень дѣятельнаго человѣка губы обыкновенно бываютъ сжаты, такъ-что иногда имѣютъ мертвенно-блѣдный цвѣтъ. Между этими двумя крайностями есть неопредѣленное множество степеней, о которыхъ мы должны сказать только то, что дѣятельный характеръ оратора обнаруживается сжатіемъ губъ во время молчанія, и что полуоткрытый ротъ показываетъ воспримчивый характеръ слушателя. Причина, почему я настаиваю на этомъ обстоятельствѣ, состоитъ въ томъ, что полуоткрытый ротъ соединяется съ раскрытыми, пристально глядящими глазами, которые обозначаютъ то же самое, именно—воспримчивость. Они служатъ выраженіемъ не способности, или дѣятельной силы, а понятливости, или пассивной силы. Если мы встрѣчаемъ оратора съ полными, открытыми глазами, то мы можемъ быть увѣрены, что это признакъ не дара слова, а способности воспринимать и удерживать впечатлѣнія.

Мы говорили, что законъ однородности представляетъ въ своемъ примѣненіи нѣкоторыя трудности въ трехъ случаяхъ и что первый изъ нихъ состоитъ въ разсматриваніи очень молодыхъ или очень старыхъ фізіономій. Эти послѣднія представляютъ аномаліи, требующія особеннаго съ ними обращенія. Теперь мы пе-

переходимъ къ другому классу случаевъ, и для объясненія — въ чемъ они состоятъ — я не знаю лучшаго способа, какъ указать на особый примѣръ, именно, на покойнаго сэра Роберта Пиля. Д'Израэли въ своей «Біографіи лорда Джорджа Бэнтинка» описываетъ Пиля слѣдующимъ образомъ:

«Сэръ Робертъ Пиль былъ очень красивый человекъ, и хотя позже онъ сдѣлался нѣсколько тучнымъ, но до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ пріятную наружность. Тридцать лѣтъ назадъ, когда онъ былъ молодъ, гибокъ и имѣлъ вьющіеся каштановые волосы, фізіономія его отличалась какимъ-то живымъ, сіяющимъ выраженіемъ. Его лобъ былъ очень характериченъ не столько по причинѣ своего интеллектуальнаго развитія — хотя оно принадлежало къ высшему порядку — сколько по своему замѣчательно откровенному выраженію, столь отличному отъ его характера въ жизни. Можно сказать даже, что выраженіе его лба доходило до истинной красоты. И, однако, несмотря на то, остальные черты не соответствовали этому благопріятному впечатлѣнію. Въ глазахъ Пиля не было доброты; они были лукавы, притомъ, онъ имѣлъ неловкую привычку смотрѣть искоса. Онъ имѣлъ также другой неисправимый недостатокъ — длинную верхнюю губу и сжатый ротъ. Въ дополненіе къ этому описанію мы представляемъ здѣсь рѣзанное на деревѣ изображеніе Пиля съ портрета его, сдѣланнаго Лауренсомъ, гдѣ сіяющее выраженіе фізіономіи передано довольно-порядочно.

Въ приведенномъ описаніи лица знаменитаго оратора надо замѣтить многія вещи, а главное то, что Д'Израэли настаиваетъ на противорѣчїи между выраженіемъ его лба и выраженіемъ глазъ. Лобъ выражалъ откровенность, а глаза—хитрость. Если предположить, что это дѣйствительно было такъ, то тотчасъ же возникаетъ вопросъ—гдѣ мы должны искать истины: въ выраженіи лба, или въ выраженіи глазъ, и чѣмъ можно объяснить такое противорѣчіе. Мы увидимъ, что, по мнѣнію Д'Израэли, лобъ Пилля представлялъ ложное, а его глаза — истинное выраженіе его характера. Однако же, по правиламъ физиономики, надо принять совершенно противоположное этому сужденію, и я надѣюсь показать, что физиономика права. Мысль, что «замѣчательно откровенное выраженіе лба Пилля было отлично отъ его характера въ жизни» далека отъ истины; при болѣе тщательномъ изслѣдованіи мы увидимъ, что подъ нѣкоторою сдержанностью манеры и легкою маскою, которою Пиль прикрывался въ качествѣ государственнаго человѣка, таилась непобѣдимо-откровенная натура.

Чтобы доказать это; мы не имѣемъ надобности приводить слова герцога Веллингтона о совершенной правдивости знаменитаго оратора; намъ довольно будетъ привести свидѣтельства самого Д'Израэли. Въ той же главѣ, изъ которой мы взяли вышеприведенное описаніе, онъ говоритъ о Пиллѣ слѣдующее: «Онъ не былъ холоденъ и остороженъ, какимъ обыкновенно его считали; напротивъ, онъ питалъ опасную симпатію къ созданіямъ другихъ людей; онъ увлекался и даже былъ склоненъ къ опрометчивости. Когда онъ былъ двусмысленъ, неудовлетворителенъ, остороженъ, уклончивъ—это значило, что онъ находится въ затрудненіи, что онъ не видитъ дороги, по которой ему слѣдуетъ идти, что рутина, которую онъ такъ превосходно устроилъ, оказалась недостаточною, и что его умъ не въ состояніи создать что-либо новое, въ замѣнъ обветшавшаго обычая. Въ такихъ случаяхъ онъ постоянно стремился къ новымъ идеямъ, и когда ихъ находилъ, то хватался за нихъ съ горячностью, и часто, даже, съ опрометчивостью...» словомъ, съ недостаткомъ искусства и съ замѣчательною откровенностью — прибавимъ мы отъ себя. Несомнѣнно, что въ этихъ словахъ Д'Израэли заключается полное объясненіе характера лба у Пилля и допущеніе факта, что этотъ лобъ выражалъ сущность его натуры. Но, установивъ такимъ образомъ правдивость выраженія лба, мы должны объяснить,

кромѣ того, противорѣчіе между этимъ выраженіемъ и выраженіемъ глазъ. «Въ глазахъ его не было доброты», говоритъ Д'Израэли, «они были лукавы и онъ (т. е. Пиль), сверхъ того, имѣлъ неловкую привычку глядѣть искоса». Изъ этихъ словъ видно, что лукавство выраженія находилось не столько въ формѣ, сколько въ дѣйствиіи глаза. Безъ сомнѣнія здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: была ли то хитрость выраженія постояннаго, или только случайнаго. Я не поднимаю этого вопроса отчасти потому, что Д'Израэли—хорошій наблюдатель, а главнымъ образомъ потому, что замѣченное имъ противорѣчіе иногда случается и достойно того, чтобы обратить на него вниманіе. Если бы глаза сэра Роберта Пила даже и не были хитры,—положимъ, что они были такѣвы. Въ какой степени это вредитъ ученію объ однородности чертъ? Дѣло въ томъ, что иногда дѣйствительно бываетъ кажущееся противорѣчіе между твердыми и подвижными частями нашего тѣла, между структурой костей и мускульною тканью. Въ подобномъ случаѣ, какъ мы уже видѣли относительно лба Роберта Пила, намъ слѣдуетъ безусловно полагаться на свидѣтельство структуры прочной и постоянной; и каково бы ни было противорѣчіе между нею и другими частями лица, оно можетъ быть суммировано въ принципъ, что противоположная несущественная характеристика способна обнаруживаться исключительно только въ мускульныхъ тканяхъ. Такимъ образомъ, если Пиль былъ существенно хитрый человѣкъ, то эта хитрость обнаружилась бы во всѣхъ его чертахъ, въ костяхъ и мускулахъ одинаково. Но такъ-какъ хитрость въ немъ, по собственному описанію Д'Израэли, была результатомъ случайныхъ обстоятельствъ, то она оставила свои слѣды только на одной его чертѣ, и именно на той, которой выраженіе зависитъ отъ очень подвижныхъ, измѣнчивыхъ тканей. Итакъ законъ однородности здѣсь долженъ быть видоизмѣненъ настолько, что онъ допускаетъ противорѣчіе между костяною и мускульною структурой, съ тѣмъ, однакожь, неизмѣннымъ правиломъ, что въ этомъ противорѣчій костяная структура представляетъ существенный и постоянный характеръ, а мускульная—только случайный. Лафатеру предложенъ былъ вопросъ: можно ли встрѣтить на человѣческомъ лицѣ носъ, означающій храбрость между глазами, выражающими робость? Лафатеръ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; но нашъ отвѣтъ былъ бы таковъ: это противорѣчіе возможно и выраженіе носа должно быть принято за безусловно-истинное. Однако же не въ одной храброй гру-

ди скрывается сердце ягненка вмѣстѣ съ сердцемъ льва, и чело-
вѣкъ, который никогда еще не робѣлъ, вдругъ можетъ оказатъ-
ся робкимъ, когда, напр., затронуть его привязанности или
когда требованія его долга несогласны съ его желаніями. Эта
робость можетъ обнаружиться въ глазахъ и сдѣлаться кажущимъ-
ся, но недѣйствительнымъ, противорѣчіемъ мужеству, выражае-
мому въ формѣ поса. Итакъ мы изложили законъ однородности
съ двумя оговорками и ограниченіями. Намъ остается приба-
вить еще третью оговорку, совершенно съ другой точки зрѣнія,
къ которой мы подойдемъ, продолжая нашъ разборъ замѣчаній
Д'Израэли о Пилѣ. «Онъ имѣлъ неисправимый недостатокъ (го-
ворить Д'Израэли): длинную верхнюю губу и сжатый ротъ.»
Что его ротъ былъ сжатъ, это обстоятельство въ достаточной
степени согласно съ нашею мыслью о характерѣ краснорѣчиваго
рта, т. е. что краснорѣчивый ротъ—закрытый ротъ. Обратимся
теперь къ другому положенію, относительно «неисправимаго не-
достатка». Если длинная верхняя губа составляетъ, какъ обык-
новенно думаютъ, большой недостатокъ, то этотъ недостатокъ
принадлежитъ всѣмъ ораторамъ и такимъ передовымъ людямъ,
какъ Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Гёте и Шиллеръ. Его имѣютъ
всѣ лучшіе изъ живущихъ нынѣ англійскихъ ораторовъ, включая
самого Д'Израэли, у котораго губы къ высшей степени красивы;
и, вообще, эту черту мы неизмѣнно встрѣчаемъ почти на всѣхъ
портретахъ великихъ англійскихъ ораторовъ. Это губа всѣхъ
англійскихъ государственныхъ людей парламента, въ палатѣ лор-
довъ и въ палатѣ общинъ. Верхняя губа зависитъ отъ упражне-
нія болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Я могъ бы назвать одну
актрису, которая имѣла короткую верхнюю губу, такъ что ей
нельзя было закрыть рта, почему она даже не могла хорошень-
ко выговаривать нѣкоторыя слова. Занимаясь своимъ искус-
ствомъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ Мишло, который стоялъ
тогда во главѣ своего отдѣленія въ консерваторіи, она ухитри-
лась, посредствомъ резиновыхъ шариковъ, которые она клала
себѣ въ ротъ, удлинить верхнюю губу, закрывать ротъ и про-
износить всякое слово, такъ что теперь она говоритъ такимъ
явственнымъ, отчетливымъ образомъ, что ея шопотъ можно раз-
слышать въ самомъ отдаленномъ углу самаго обширнаго театра.
Что эта актриса дѣлала сознательно, то всѣ великіе ораторы
дѣлаютъ безсознательно. Если ихъ верхняя губа коротка по
природѣ, то она удлиняется вслѣдствіе практики; и самый видъ

этой губы (которая есть своего рода лукъ Купидона), падающей на нижнюю губу, показываетъ процессъ удлинненія. Маленькая центральная капля слегка опускается на нижнюю губу, какъ будто постоянно дѣлая попытку отчетливо произнести букву я. Возьмите послѣдніе два тома «Историческихъ портретовъ» Лоджа, и вы увидите верхнюю губу у Болвиброка, Уольполя, Четэма, двухъ Фоксовъ, лорда Норта, Роккингэма, Мансфильда, Шельбэрна, Бѣрка, Шеридана и у многихъ другихъ до Гренвила, Грея, Веллингтона и сэра Роберта Пиля. Впрочемъ, если читатель найдетъ въ этой коллекціи портретовъ исключенія, противорѣчащія нашему описанію губъ оратора, то онъ не долженъ слишкомъ поспѣшно заключать изъ этого, что наше описаніе ложно. Мы должны повторить, что портретные живописцы менѣе всего достойны вѣры въ передачу верхней губы, которую они считаютъ необходимымъ—рисовать согласно извѣстному идеалу. На портретѣ младшаго Питта, сдѣланномъ Гоппнеромъ, ораторъ представленъ съ такою короткой верхнею губою, что она едва закрываетъ ротъ. Вѣроятно, живописецъ былъ пораженъ гордымъ выраженіемъ этой губы и старался передать его преимущественно предъ всѣми остальнымъ. Но этого ему не удалось сдѣлать безъ отступленія отъ истины, потому—что болѣе ранніе портреты гордаго министра представляютъ его съ гораздо болѣе длинною верхнею губою; а эта черта обыкновенно не уменьшается съ лѣтами. Что касается вопроса—можно или нельзя назвать длинную верхнюю губу большимъ недостаткомъ, то на него хорошій отвѣтъ даетъ верхняя губа Моцарта,—прекрасная, несмотря на свою длину, и имѣвшая видъ лука, подобно верхней губѣ людей, принадлежащихъ къ разряду ораторовъ и Шекспировъ.

Важность этого нашего предисловія къ наукѣ не можетъ представляться очевидной съ перваго взгляда. Она не будетъ оцѣнена по достоинству по-тѣхъ-поръ, пока мы не придадимъ полнаго значенія закону однородности — этому ключу къ физиономической наукѣ. Мы должны принять этотъ законъ смѣло и рѣшительно. Лафатеръ не зналъ его, и вслѣдствіе этого въ его книгѣ господствуютъ нескончаемая путаница и нерѣшительность. Онъ понялъ совершенно хорошо только одну часть принципа однородности, именно, что одна черта должна гармонировать съ другою. Но онъ никогда не догадывался, что уже самое свойство этой гармоніи необходимо приводитъ къ заключенію, на которомъ онъ останавливался лишь случайно, — именно

что въ каждой части заключается цѣлое. Лафатеръ имѣлъ наклонность къ усвоенію френологической методы; онъ дѣлилъ черты, отводя носъ — для одной способности, ротъ—для другой, глаза—для третьей. Онъ вовсе не видѣлъ, что если между чертами существуетъ глубокое и дѣйствительное согласіе, то носъ долженъ выражать все, такъ же какъ глазъ или ротъ. Съ своею обычною нерѣшительностью, онъ говоритъ намъ въ одномъ мѣстѣ, что носъ выражаетъ презрѣніе; въ другомъ—что онъ показываетъ разсудительность; даѣе онъ видитъ въ немъ признакъ вкуса. Носъ, дѣйствительно, выражаетъ даже такое множество вещей; не только есть носы презрительные, носы разсудительные, носы, выражающіе утонченный вкусъ, но есть даже носы скупые, жестокіе, пытливые, драчливые, комичные. Органъ, способный къ представленію столь многихъ отдѣльныхъ смысловъ, очевидно не можетъ быть ограниченъ выраженіемъ только одной или двухъ наклонностей. Онъ можетъ выражать, и дѣйствительно выражаетъ, все. То же самое должно сказать обо ртѣ. Однакоже этому возрѣнію и этой рѣшительной противоположности френологическому методу нисколько не противорѣчитъ положеніе, что нѣкоторыя черты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ быть особенно выразительны. Во всемъ, что относится къ дару слова, мы, естественно, ожидаемъ наибольшей выразительности отъ рта. Признаковъ труда мы въ особенности ищемъ въ линіяхъ руки. Наконецъ, было бы странно, если бы въ глазахъ—этомъ главномъ органѣ наблюденія—мы не видѣли, явственно чѣмъ гдѣ-нибудь, привычки и способности человѣка къ наблюденію. Но это вовсе не значитъ окружать каждую отдѣльную черту загородкой и говорить, что здѣсь, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ должно искать такую-то и такую-то способность, которая не допускаетъ уже никакой другой способности за эту перегородку. Это есть не болѣе какъ утвержденіе факта, что хотя въ каждой части заключается цѣлое, но что не въ каждой изъ нихъ оно содержится въ равной степени. Иногда по естественнымъ причинамъ, похожимъ на тѣ, на которыя мы указывали, говоря о губѣ, иногда же по причинамъ, еще столь мало понятнымъ, что онѣ кажутся не болѣе какъ прихотью природы, сила выраженія обнаруживается замѣтнѣе у одного человѣка—въ губахъ, у другого — въ глазахъ. Если причина этихъ неравномѣрностей еще не открыта, то тѣмъ неменѣе фактъ ихъ существованія не можетъ повредить закону однородности. (The Cornhill Magazine.)

ПЕРЕКОЧЕВКА.

Утро. Мирныя поляны
 Пробудились ото сна;
 Поднялись съ долинъ туманы,
 Всюду глушь и тишина.

Только хоръ пернатыхъ стройно
 Раздается въ вышинѣ,
 Да, палимый солнцемъ знойно,
 Боръ колышитъ въ сторонѣ.

Близъ него, съ холмовъ высокихъ,
 Льетъ дѣвственный потокъ,
 И вдали, въ степяхъ широкихъ,
 Тихо зыблетъ песокъ.

Изъ-за тѣхъ песковъ-зыбучихъ,
 На лижихъ своихъ коняхъ,
 Трое *батырей* могучихъ
 Мчатся, съ пѣсней на устахъ:

Пронеслись *джегиты* рысю—
 Только пыль во слѣдъ столбомъ...
 И вдали предъ горной высю
 Встали... Доль и дѣсь кругомъ!...

А за ними—ровной степью—
 Шолъ безопасно караванъ,
 Подойдя къ джегитамъ цѣпью,
 Онъ раскинулъ новый станъ...

И веселыхъ пѣсень звуки
 Пронеслись теперь вездѣ,

И опять киргизъ безъ скуки
На своемъ родномъ гнѣздѣ!

И у войлочной мечети,
Среди цвѣтныхъ луговъ,
Заиграли рѣзво дѣти
Подъ пѣньемъ своихъ отцовъ!

И ветернею порою
Зазвучалъ опять кобызь,
И предъ шумною толпою
Заплясалъ джегитъ-киргизъ!...

Все по прежнему здѣсь стало:
Та же дикая краса,
То же солнышко блистало,
Тѣ-жь сіяли небеса!

Тѣ же встали вновь кибитки,
Тотъ же слышался вновь гулъ,
Тѣ-жь восточные напитки
Веселили весь аулъ!...

Тѣ-жь безпечные кайсаки,
Въ той же дикой простотѣ...
Только рѣчка, лѣсъ и гики
Были здѣсь уже не тѣ!..

В. КАЛАЧЕВЪ.

ФИНАНСОВАЯ ТЕОРИЯ ПРУДОНА.

THÉORIE DE L'IMPÔT; QUESTION MISE AU CONCOURS PAR LE CONSEIL
D'ÉTAT DU CANTON DE VAUD EN 1860, PAR P. J. PROUDHON.

(Окончаніе.)

V.

Въ Англіи налогъ на доходъ не прогрессивный, а пропорціональный. Всѣ частные доходы платятъ одинъ и тотъ же процентъ въ пользу фиска; и для удобства въ сборѣ этого налога всѣ частные доходы раздѣлены на категоріи, которыя съ статистикѣ Кольба представлены такъ:

				въ Великобритан.	въ Ирландіи.
1	Доходы ниже	100 ф. ст.		20,348	1,422
2	—	отъ 100 до	150 ф.	120,650	7,380
3	—	—	150 — 200 —	40,086	2,254
4	—	—	200 — 300 —	32,665	2,204
5	—	—	300 — 400 —	15,006	985
6	—	—	400 — 500 —	7,407	536
7	—	—	500 — 600 —	5,471	370
8	—	—	600 — 700 —	3,105	209
9	—	—	700 — 800 —	2,066	141
10	—	—	800 — 900 —	1,745	116
11	—	—	900 — 1,000 —	816	54
12	—	—	1,000 — 2,000 —	5,425	318

13	—	—	2,000	—	3,000	—	1,568	89
14	—	—	3,000	—	4,000	—	773	43
15	—	—	4,000	—	5,000	—	450	16
16	—	—	5,000	—	10,000	—	811	30
17	—	—	10,000	—	50,000	—	444	21
18	—	—	выше	—	50,000	—	46	1

Можно, пожалуй, англійскій налогъ на доходъ назвать и прогрессивнымъ, потому-что доводы отъ 100 до 150 ф. платять меньшій процентъ, а доходы ниже 100 ф. совсѣмъ освобождены отъ налога. При такомъ порядкѣ и при процентѣ=6,66 въ 1855 налогъ на доходъ далъ Англiи 16,500,000 ф. с. Это на русскiя деньги составитъ больше 100,000,000 р. с., и на французскiя больше 400,000,000 фр. Эти цифры показываютъ уже важность налога на доходъ даже въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ то время въ Англiи. Но еслибы онъ былъ, дѣйствительно, вполне прогрессивнымъ, онъ далъ бы результаты еще болѣе выгодныя для страны.

Прогрессивный налогъ, установленный на здоровомъ основанiи, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Во-первыхъ, какъ англійскій налогъ, онъ опредѣляетъ минимумъ, ниже котораго доходъ не платитъ налога. Въ Англiи это относится къ первой категорiи, ниже 100 ф. ст. Вторая категорiя въ Англiи платитъ по закону прогрессивности налогъ меньше другихъ. Вторая категорiя имѣетъ отъ 100 до 150 ф. дохода или, на наши деньги, отъ 630 до 950 р. приблизительно. При дороговизнѣ жизни въ Англiи этотъ доходъ очень незначителенъ и человѣку, имѣющему 630 р. дохода, совсѣмъ не легко заплатить даже и 2 или 3%, т. е. около 13 или 19 р. с.; платя эти деньги онъ долженъ будетъ лишить себя необходимаго.

Прогрессивный налогъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: во-первыхъ, увеличить сумму государственнаго дохода, во-вторыхъ, облѣгчить недостаточныя классы; потому, при прогрессивной системѣ, и этотъ доходъ долженъ быть освобожденъ отъ налога. Облѣгченiе это будетъ очень чувствительно для людей недостаточныхъ, и имъ воспользуются 128,000 семействъ. Англійскій налогъ, очевидно, рассчитываетъ на эту массу на томъ основанiи, что налогъ на сумму ея доходовъ дастъ значительную цифру дохода въ бюджетъ. Но здравая финансовая система не то имѣетъ въ виду; она должна отказаться отъ самаго выгоднаго

налога, если онъ можетъ женировать людей недостаточныхъ. Если такихъ людей очень много, тутъ является новая причина для облегченія ихъ, а не для обложенія налогомъ.

Слѣдующая категорія (150—200) въ Англии въ настоящее время платитъ $3\frac{3}{4}\%$; это значитъ, что человѣкъ, получающій 200 ф., платитъ 7 $\frac{1}{2}$ ф. налога, или около 48 р. с. Если прогрессивная система обложить этотъ доходъ налогомъ, то опять-таки она должна облегчить эту категорію. 47 р. прямого налога для человѣка, получающаго въ С.-Петербургѣ около 1250 р. с. были бы значительною тягостью, если этотъ человѣкъ обремененъ семействомъ; а въ Англии жизнь не дешевле петербургской. Потому, вмѣсто того, чтобъ брать съ него $3\frac{3}{4}\%$, прогрессивная система возьметъ меньше, положимъ 2% ; это составитъ для 200 ф. ст., или около 25 р.—облегченіе платящему почти вдвое.

Если мы предположимъ, что изъ 40,000 * семействъ, пользующихся доходомъ отъ 150 до 200 ф. каждое среднимъ числомъ имѣетъ 170 ф. дохода, то англійскому бюджету это дастъ, при теперешней системѣ, 255,000 ф. ст. ($3\frac{3}{4}\text{ ф.} + 2\frac{5}{8} = 6\frac{3}{8} \times 40,000$); при прогрессивной системѣ это дало бы только 136,000 ($2\text{ ф.} + 1\frac{2}{5} = 3\frac{2}{5} \times 40,000$).

Четвертая категорія (200—300) англійскому бюджету доставляетъ около 315,000 ф. ст. (принимая за средній доходъ этой категоріи 240 ф. и умножая сумму налога на эту сумму (=9 ф.) на 35,000, число доходовъ четвертой категоріи). Сущность прогрессивной системы состоитъ въ томъ, что каждая категорія за всю сумму своего дохода платитъ не одинъ и тотъ же налогъ: за ту часть, которая не превышаетъ цифры дохода предыдущей категоріи, она платитъ столько же, сколько платитъ категорія предыдущая. Напр., если мы начнемъ съ четвертой англійской категоріи правильную систему прогресса въ налогѣ, принимая за основаніе прогрессіи $3\frac{2}{3}\%$ и отношеніе $\frac{1}{3}$, то владѣлецъ дохода въ 240 ф. с. не будетъ платить за весь свой доходъ $3\frac{2}{3}\%$ налога, а за 200 ф. с. только 2% какъ въ предыдущей категоріи, за слѣдующія же 40 ф. с. $3\frac{2}{3}\%$, такимъ образомъ онъ заплатитъ 4 ф. ст. за 200 ф. и 1,46 ф. за 40

* Мы будемъ брать только круглыя цифры; сумма дохода не получится точная; но намъ нужно только сравненіе двухъ системъ.

ф. ст., всего 5,46 ф. *) Умножая эту цифру на 35,000, число доходов четвертой категории, будемъ имѣть 191,000 ф. ст. Для фиска здѣсь потеря, но для платящихъ облегченіе. Если предположить, что средній доходъ въ 240 ф. ст. можетъ обойтись и безъ особеннаго облегченія, и для этой цѣли смотрѣть на всѣ предъидущія категории какъ на исключеніе, а съ четвертой начинать прогрессію налога, не обращая вниманія на предъидущія категории, т. е. облагая средній доходъ въ 240 ф. ст. налогомъ не въ 5,46 ф. ст. ($4+1,46$), а въ 8,79 ф. (733 ф. съ 200 ф. и 1,46 съ 40), то эта категория дастъ 306,000 ф. ст. Такимъ образомъ прогрессъ въ налогѣ можно вести съ этой категории, или, не обращая вниманія на предъидущія категории, считая ихъ за исключеніе въ пользу людей недостаточныхъ, или обращая на нихъ вниманіе; это сдѣлаетъ довольно значительную разницу для бюджета. Потому дальше въ слѣдующихъ категорияхъ, можно будетъ дѣлать прогрессъ налога по обѣимъ системамъ.

Пятая категория (300—400) ф. ст. англійскому бюджету доставляетъ около 204,000 ф. ст., (принимая за средній доходъ этой категории 340 ф. ст. и умножая налогъ съ него (12,75 ф.) на 16,000, число доходовъ этой категории). По первому способу прогрессивной системы каждый владѣлецъ дохода въ 340 ф. ст. заплатитъ за 300 ф. ст. 7,66 ф. ст. и за 40 ф. уже не 3,66%, а 4% увеличивая процентъ налога на $\frac{1}{3}$; это составитъ для 40 ф. 1,6 ф., а для 340 $7,66+1,6=9,26$ ф. ст. Умножая эту цифру на 16,000, получимъ 148,000 ф. ст. За 400 ф. ст. по этому способу, приходится платить 11,66 ф. ст. По второму способу владѣлецъ 340 ф. заплатитъ за 300 ф. 11 ф. и за 40 ф. 1,6 ф., всего 12,6 ф. Умножая на 16,000 получимъ 201,000 ф.; за 400 ф. по этому способу нужно платить 15 ф.

Шестая категория (400 — 500) въ Англии доставляетъ около 132,000 ф. (число доходовъ 8,000; средній доходъ 440 ф. ст.; налогъ на него 16,5 ф.). По первому способу прогрессивности: за 400 ф.—11,66; за 40 ф.—4,33% или 1,73 ф.; всего за 440 ф.—13,40 ф. Умножая на 8,000 получимъ 105,000 ф. ст.—За 500 ф.—16 ф. По второму способу: за 400 ф.—15 ф.; за 40

*) За 300 ф. приходится платить по этой системѣ 7,66 ф. ст. ($4 \text{ ф.} \times 3,66$). По второму способу, слѣдующему дальше, съ 300 ф. ст. приходится платить 11 ф. ст.

ф.—1,73 ф.; всего 16,73 ф.; умножая на 8,000, получимъ 133,000 ф. ст. За 500 ф.—19,33 ф.

Седьмая категория (500—600) въ Англіи даетъ 118,000 ф. ст. (число доходовъ 5,800; средній доходъ 540 ф., налогъ на него 20¹/₄ ф.). По первому способу прогрессивной методы: за 500 ф.—16 ф.; за 40 ф.—4,66⁰/₁₀ или 1,86 ф. ст.; всего за 540 ф.—17,86 ф. ст. Умножая на 5,800, получимъ 103,000 ф.; для 600 ф. налогъ 20,66 ф. — По второму способу: за 500 ф.—10,33 ф.; за 40 1,86 ф. ст.; всего 21,19 ф.; умножая на 5,800, получимъ 122,000; для 600 ф. налогъ 24 ф. ст.

Восьмая категория (600—700) въ Англіи платитъ 80,000 ф. ст. (число доходовъ 3,300; налогъ на средній доходъ 24 ф.):—По первому способу прогрессивной системы: за 600 ф.—20,66 ф.; за 40 ф.—5⁰/₁₀ или 2 ф. с., всего за 640 ф. 22,66 ф. Умножая на 3,300, получимъ 74,000 ф. ст. За 700 ф. налогъ 25,66. — По второму способу: за 600 ф.—24 ф.; за 40 ф.—2; всего 26; умножая на 3,300 получимъ 85,000 ф. ст. Для 700 ф. налогъ 29 ф.

Девятая категория (700—800 ф.) въ Англіи платитъ 61,000 ф. (число доходовъ 2,200; налогъ на средній доходъ 27³/₄ ф.).— По первому способу прогрессивной системы за 700 ф.—25,66; за 40 ф.—5,33⁰/₁₀ или 2,13 ф. с.; всего 740 ф. 27,79 ф. Умножая на 2,200, получимъ, тоже какъ въ Англіи, 61,000 ф. Для 800 ф. налогъ 31 ф. ст. По второму способу: за 700 ф.—29 ф.; за 40—2,13 ф., всего 31,13 ф. Умножая на 2,200, получимъ 68,000. За 800 ф. налогъ 34.33 ф.

Десятая категория (800—900) въ Англіи платитъ 58,000 ф. (число доходовъ 1850; налогъ на средній доходъ 31¹/₂ ф.).— По первому способу прогрессивной методы за 800 ф.—31 ф.; за 40 ф. 5,66⁰/₁₀ или 2,26 ф.; всего за 840 ф. 33,26. Умножая на число доходовъ, получимъ 60,000 ф.; для 900 ф. налогъ 36,66.—По второму способу: за 800 ф.—34 33 ф.; за 40 ф.—2,26; всего за 840 — 36,59 ф. Умножая на 1850, получимъ 66,000. Для 900 ф. налогъ 40 ф.

Одиннадцатая категория (900—1000) въ Англіи платитъ 30,000 ф. (число доходовъ 870; налогъ на средній доходъ 35¹/₄ ф.).— По первому способу прогрессивной системы за 900 ф. 36,66 ф.; за 40 ф. 6⁰/₁₀ или 2,4 ф.; всего за 940 ф. 39,06 ф. Умножая на 870, получимъ 34,000 ф. Для 1,000 ф. налогъ 42,66 ф.—По второму способу: за 900 ф.—40 ф.; за 40 ф. 2,4 ф.;

всего за 940—42,4 ф.; умножая на 870, получимъ 37,000 ф. Налогъ 46 ф.

Двѣнадцатая категория (1000, 2000) въ Англіи даетъ около 300,000 ф. ст. (число доходовъ 5,740; средній доходъ, принимая по прежнему отношенію въ 1400 ф., налогъ на него 32,5 ф. ст.). По первому способу прогрессивной методы: за 1000 ф.—налогъ 42,66 ф.; увеличивая его на каждые 100 ф. въ $\frac{1}{2}$ %, будемъ имѣть слѣд. цифры: владѣлецъ 1100 ф. заплатитъ 49 ф. т. е. 42,66+6,33 ф. Владѣлецъ 1200 заплатитъ 49+6,66 ф. или 55,66 ф.; владѣлецъ 1300 ф. заплатитъ 55,66+7 ф. или 62,66 ф. Наконецъ владѣлецъ 1400 ф. дохода заплатитъ 70 ф. налога. Умножая это число на 5740, получимъ 400,000 ф. налога.—По второму способу, прибавляя къ 46 ф. налогъ, увеличенный на каждые 100 ф. въ $\frac{1}{2}$ %, получимъ для дохода въ 1400 ф. налогъ 73,33 ф. ст.; умножая это число на 5740, получимъ 440,000 налога. Для 2000 ф. дохода налогъ по первому способу будетъ 121 ф., по второму—124,33 ф.

Тринадцатая категория (2000 — 3000) въ Англіи платитъ 144,000; (число доходовъ 1600; налогъ на средній доходъ (2400 ф.) въ 90 ф.—По первому способу прогрессивной методы: за 2000 ф. дохода налогъ 121 ф.; за 2100 ф. 121+9,33 ф., всего 130,33 ф.; за 2200—140,33 ф. (130,33+10 ф.); за 2300—150,66 ф. (140,33+10,33) за 2400—161,33 (150,66 + 10,66). Принимая налогъ во 161,33, какъ средній для этой категоріи, и умножая его на 1,600, получимъ 257,000 ф. дохода. Налогъ для 3,000 ф. дохода будетъ 232,33 ф.—По второму способу средній налогъ для этой категоріи будетъ 164,66 ф.; сумма всего дохода 264,000; для 3000 ф. налогъ будетъ равняться 235,66 ф.

Четырнадцатая категория (3000—4000) въ Англіи платитъ 103,000 ф. (число доходовъ 815, средній налогъ 127 $\frac{1}{2}$ ф.). По первому способу прогрессивной системы за 3000 ф. налогъ 232,33, за 3400 ф.—283,33; умножая на 815, получимъ 290,000 ф., налогъ для 4,000 ф. будетъ 377,33 ф.—По второму способу за 3,000 ф. налогъ 235,66; за 3400 ф.—286,66; умножая на 815, получимъ 233,000 ф.; налогъ на 4000 дохода 380,66 ф.

Пятнадцатая категория (4000—5000) въ Англіи платитъ 77,000 (число доходовъ 466, средній налогъ 165 ф.). По первому спо-

себу прогрессивной системы на 4000 ф. налогъ 377,33 ф., на 4400 ф. будетъ 444,66 ф. Умножая это число на 466, получимъ 207,000 ф., налогъ для 5000 будетъ 555 ф.—По второму способу на 4000 налогъ 380,66, на 4400 ф. — 448; умножая на 466, получимъ 210,000 фунт., налогъ на 5000 будетъ 558,33 ф.

Шестнадцатая категория (5000 — 10000) въ Англии платитъ 218,000 налога (число доходовъ 840; средній доходъ 7,000; налогъ на него 260 ф.). — По первому способу прогрессивной методы на 5000 налогъ 555 ф.; на 7,000 налогъ 1,011,66 ф. Умножая на 840, получимъ 850,000 ф. дохода; для 10,000 налогъ 1896,66 ф.—По второму способу на 5000 налогъ 558,33 ф.; на 7,000 ф. 1,015; умножая на 840, получимъ 853,000 ф. для 10,000 налогъ 2,000 ф.

Семнадцатая категория (10,000—50,000) въ Англии платитъ 360,000 (число доходовъ 465, средній доходъ 20,000; налогъ на него 750 ф.). Обложение налогомъ доходовъ этой категории по прогрессивной системѣ представляетъ нѣкоторыя особенности. Принявши, для увеличенія налога, $\frac{1}{3}\%$ на каждыя 100 ф. ст., мы довели налогъ уже до 35,66% * для послѣдней сотни изъ 10,000 ф. ст. Для послѣдней сотни изъ 20,000 ф. ст. онъ поднимается до 69% ($35,66 + (\frac{1}{3} \times 100) = 35,66 \times 33,33$). Если мы будемъ продолжать прежнее возвышеніе налога на слѣдующія суммы дохода, то раньше 30,000 онъ достигнетъ до 100%, т. е. возьметъ все, что будетъ превышать известное количество дохода. Въ виду такого результата можно поступить двумя способами: или, не останавливаясь передъ этимъ минимымъ абсурдомъ, продолжать прежнее возвышеніе, или измѣнить отношеніе прогрессіи такъ, чтобы налогъ не достигъ до 100% для суммъ дохода, существующихъ въ дѣйствительности. Первый способъ будетъ имѣть тотъ результатъ, что частные доходы потеряютъ возможность возвышаться дальше 30,000 ф. ст., второй способъ позволитъ увеличеніе ихъ въ большихъ размѣрахъ. Мы для всѣхъ категорій допускали два способа прогрессивности въ налогѣ, допустимъ и здѣсь эти два способа. По второму способу нижшія категории разсматривались какъ исключеніе изъ правиль-

* Для третьей сотни (240 ф. ст.) дохода налогъ 3,66%; для послѣдней сотни изъ 1,000 ф. ст. онъ увеличивается до 5,66%, ($3,66 + (0,33 \times 6)$); для послѣдней сотни изъ 2,000 9%, ($5,66 + (0,33 \times 10)$); для послѣдней сотни изъ 3,000—12,33%, изъ 4,000—15,66%, изъ 5,000—19%, изъ 6,000—22,33%, изъ 7,000—25,66%; изъ 8,000—29%, изъ 9,000—32,33%, изъ 10,000—35,66%.

ной прогрессіи; пусть и высшія категоріи составляют такое же исключеніе; а первый способ останется до конца послѣдовательнымъ.

Слѣдуя первому способу, будемъ увеличивать количество налога въ томъ же отношеніи; для двадцати тысячъ, при 69% для послѣдней сотни, налогъ достигнетъ цифры 7,146,66 ф. Когда доходъ выростетъ до 29,300 ф.; налогъ возрастетъ до 100%, и сумма его съ 29,300 будетъ 15,016,66 ф. ст. Дальше этой суммы и увеличеніе дохода, и увеличеніе налога прекратятся. Потому въ категоріи отъ 10,000 до 50,000 ф., чтобы получить сумму налога, нужно принимать всѣ доходы только въ 29,300 ф.; и если положить, что средній доходъ все-таки будутъ представлять 20,000 ф., то весь налогъ этой категоріи будетъ равняться 3,300,000.

Если же вмѣсто того, чтобы послѣ 20,000 ф. увеличивать налогъ въ той же пропорціи, уменьшивъ отношеніе такъ, чтобы увеличеніе налога и дохода прекратилось только при такой суммѣ дохода, которой онъ въ нашихъ обществахъ не достигаетъ или почти не достигаетъ, то налогъ получится другой. Пусть увеличеніе налога вмѣсто $\frac{1}{3}\%$ на каждую сотню будетъ только 0,07 на каждую сотню. Въ такомъ случаѣ доходы могутъ увеличиваться до 64,285 ф. ст., потому сумма налога этой категоріи увеличится, и пусть среднимъ доходомъ будетъ 25,000 ф. Налогъ на него при уменьшенномъ отношеніи будетъ 10,585,91 ф. Помножая на 465, получимъ 4,800,000.

Послѣдняя категорія заключаетъ въ себѣ доходы выше 50,000 ф. Положимъ, что всѣ они немного превышаютъ эту сумму и потому примемъ ихъ только за 50,000. Англійскому бюджету эта категорія дала бы 88,000 ф. (число доходовъ 47; налогъ на 50,000—1875).—По первому способу прогрессивной методы всѣ эти доходы нужно принимать только за 29,300, потому что увеличеніе доходовъ выше этой суммы налогъ останавливаетъ. Сумма налога съ 29,300 ф. простирается до 15,000 ф. Умножая на 47, получимъ 700,000 ф.—По второму способу налогъ на 50,000 будетъ—32,469 ф. Умножая эту цифру на 47, получимъ 1,400,000 налога.

Теперь если мы сравнимъ результаты налога пропорціональнаго и прогрессивнаго, они окажутся слишкомъ различны; въ лицемѣрствѣ подозрѣніе устраняется вполне, и, какъ показываютъ самыя цифры, не оказывается, чтобы прогрессивный налогъ имѣлъ

въ виду ограничить всѣхъ жителей доходомъ въ 875 фр.; сравненіе обѣихъ системъ бюджетъ легче въ слѣдующихъ таблицахъ:

ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА НАЛОГА ВЪ АНГЛІИ (3³/₄%).

Величина дохода.	Количество доходовъ.	Средній доходъ.	Налогъ на средн. дох.	Продуктъ налога въ пользу бюджета.
1 ниже 100 ф.	21,700	—	—	—
2 100—150	128,000	—	—	—
3 150—200	42,000	170 ф.	6 ³ / ₈ ф.	255,000
4 200—300	34,800	240	9	315,000
5 300—400	16,000	340	12 ³ / ₄	204,000
6 400—500	8,000	440	16 ¹ / ₂	132,000
7 500—600	5,800	540	20 ¹ / ₄	118,000
8 600—700	3,300	640	24	80,000
9 700—800	2,200	740	27 ³ / ₄	61,000
10 800—900	1,850	840	31 ¹ / ₂	58,000
11 900—1000	870	940	35 ¹ / ₄	30,000
12 1000—2000	5,740	1,400	52 ¹ / ₂	300,000
13 2000—3000	1,600	2,400	90	144,000
14 3000—4000	815	3,400	127 ¹ / ₂	103,000
15 4000—5000	466	4,400	165	77,000
16 5000—10,000	840	7,000	260	218,000
17 1000—50,000	465	20,000	750	360,000
18 выше 50,000	45	50,000	1875	88,000

Всего англійскій бюджетъ получаетъ 2,480,000, при системѣ пропорціональной.

При прогрессивной системѣ всѣ категоріи англійскихъ доходовъ дали бы слѣдующіе результаты:

Количество доходовъ.	Средній доходъ.	Первый способъ.		Второй способъ	
		Нал. на средній доходъ.	Прод. нал. въ пользу бюджета.	Нал. на средній доходъ.	Прод. нал. въ пользу бюджета.
ниже ф.					
1. 21,000	100	—	—	—	—
2. 128,000	120	—	—	—	—
3. 42,000	170	3 ³ / ₈	136,000	3 ³ / ₈	136,000
4. 34,800	240	5,46	191 000	8,78	206,000
5. 16,000	340	9,26	148,000	12,6	201,000
6. 8,000	440	13,40	105,000	16,73	133,000
7. 5,800	540	17,86	103,000	21,19	122,0 0
8. 3,300	640	22,66	74,000	26	85,000

9.	2,200	740	27,79	61,000	31,13	68,000
10.	1,750	840	33,26	60,000	36,59	66,000
11.	8,70	940	39,06	34,000	42,40	37,000
12.	5,740	1400	70	400,000	73,33	440,000
13.	1,600	2400	161,33	257,000	164,66	264,000
14.	815	3400	283,33	230,000	286,66	233,000
15.	465	4400	444,55	207,000	448	210,000
16.	840	7000	1,011	850,000	1,015	853,000
17.	465	20,000	7146	3,300,000	10,685	4,800,000
18.	47	5000	15,000	700,000	32,000	1,400,000

Всего по прогресс. системѣ: 6,800,000 9,300,000

Замѣтимъ, что отношеніе прогрессіи въ этой таблицѣ взято произвольно ($\frac{1}{2}$ % на 100 ф.) Если его взять меньше, напримѣръ, $\frac{2}{7}$, $\frac{2}{10}$, $\frac{1}{12}$ и т. д., то возвышеніе процента не будетъ такъ быстро, и легко избѣгнуть измѣненія прогрессіи для цифръ вышлага дохода. При томъ отношеніи, которое принято въ этой таблицѣ, прогрессивная система оказывается выгоднѣе для фиска; она даетъ по первому способу почти втрое, а по второму вчетверо больше дохода, облегчая, съ тѣмъ вмѣстѣ, платящихъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше они имѣютъ дохода, напр., получающіе 100—150 ф. ст., въ Англии платятъ налогъ; прогрессивная метода освобождаетъ ихъ отъ налога; получающіе отъ 150 200 ф. ст. платятъ $3\frac{3}{4}$ %; такъ, что доходъ въ 170 ф. ст. платитъ 6% ф. ст., или около 42 р. Прогрессивная метода уменьшаетъ этотъ налогъ вполонину. Слѣдующія категоріи небогатыхъ людей всѣ облегчаются при прогрессивной системѣ. Средніе доходы платятъ то же самое при обѣихъ системахъ; высшіе при прогрессивной системѣ платятъ больше, потому что при пропорціональной системѣ налогъ, платимый ими, есть логичное лицемѣріе. Напримѣръ, въ Англии человекъ, получающій 10,000 ф. ст. дохода, платитъ налогъ 375 ф. 10,000 ф., на наши деньги 63,000 руб. серебр.; на французскія—250,000 франковъ, это больше состояніе, получаемое ежегодно; и съ такого то дохода платитъ около 2,500 руб. сер., или 10,000 франковъ!

Прудонъ называетъ лицемѣрствомъ, когда со 100,000 франк. платятъ 22,000. А здѣсь съ 250,000 меньше десяти тысячъ. Или въ Англии, получающіе 50,000 ф. ст. платятъ только 1,875 ф. 50,000 ф. ст.,—кто не мѣжа, какъ 1,250,000 фр. ежегоднаго дохода! Послѣ уплаты налога изъ этого дохода, цифра его, ос-

такая же в пользу владельца, еще превосходить 1,200,000. Людям, которым доступны подобные доходы только в цифрах, вычислениях, трудно себя представить употребление, которое из них можно сделать. Действительно, разумные желанія имѣютъ свою границу; въ современной жизни и въ исторіи мы видимъ подтверженіе этого. Римскіе богачи, ограбившіе весь свѣтъ, дошли до соусовъ изъ соловьиныхъ язычковъ, или верблюжьихъ пятокъ, до рыбы, откормленной человѣческимъ мясомъ и т. п. Современные богачи удивляютъ міръ своими фантастическими виллами, лошадьми, которыхъ привозятъ изъ-за тридевяти земель, безумными пари и дорогими камеліями. Если бы они стали жаловаться, что при прогрессивной системѣ имъ приходится много платить, то съ бѣльшимъ основательствомъ жалуются, и уже столько времени жаловался, бѣдный работникъ, — который при современной системѣ налоговъ платитъ больше 25%, — что налогъ отнимаетъ у него не лишній, а необходимый для него кусокъ хлѣба или мяса. При прогрессивной системѣ съ тѣмъ основаніемъ и отношеніемъ, которыя приняты выше, въ Англіи человекъ, имѣющій 10,000 ф. ст., платилъ бы 2,000 ф. ст.; это составитъ около 20%. Прудонъ показалъ, что парижскій работникъ платитъ процентъ своего дохода не меньше: кто изъ нихъ имѣетъ больше правъ на пониженіе процента? Въ Англіи есть 800 человекъ, которые имѣютъ доходъ отъ—5 10,000 ф. ст., тогда, какъ число людей, которыхъ доходы отъ 100—150 ф. простирается до 130,000. Нужно ли въ-самомъ-дѣлѣ для этихъ 800 богачей, для того, чтобъ они имѣли довольно денегъ для того, чтобъ бросать ихъ на безумныя прихоти, стѣснить налогомъ 130,000 бѣдныхъ труженниковъ, которые имѣютъ только свои руки, чтобъ кормить себя и свои семьи, и которые, чего никакъ не нужно забывать, въ экономическихъ сдѣлкахъ съ капиталистами, должны принять и обыкновенно принимаютъ условія, которыя тѣ сочтутъ для себя полезнымъ продиктовать имъ. Будто законодательства въ этомъ экономическомъ антагонизмѣ между капиталомъ и трудомъ должны принять сторону сильнаго? Если у нихъ будетъ склонность къ этому, то пусть ихъ удержитъ отъ этого исторія. Тѣ правительства, которыя становились противъ бѣдныхъ классовъ, рано и жалко кончили свое существованіе; такъ римскій сенатъ за противодействіе Гракхамъ не платился проскрипціями Маріе Суды триумировъ и цезарей. Французское законодательное

собрание за июньскіе дни заплатило вторымъ декабрю. Напротивъ всегда участіе къ интересамъ бѣдныхъ классовъ, которые составляютъ большинство, вело за собою процвѣтаніе народной жизни и крѣпость правительствъ; это подтверждаетъ исторія всѣхъ народовъ. Что нѣтъ никакой несправедливости въ томъ, чтобы богатые платили больше, нежели бѣдные—это признаетъ и Адамъ Смитъ, который, конечно, не утопистъ; и официальная школа, которая въ другихъ случаяхъ ухватилась за авторитетъ Адама Смита, здѣсь позволяетъ себѣ свое сужденіе имѣть и тянуть, какъ и вездѣ, за богатые классы противъ бѣдныхъ.

Нѣкоторые изъ экономистовъ, наиболѣе ученыхъ и всего менѣе подозрѣваемыхъ въ утопіи, какъ Рошеръ, находятъ, что въ экономическихъ отношеніяхъ недовольно слѣдовать строго идеѣ права, что въ нихъ не обойтись безъ элемента любви. Буржуазные экономисты, какъ Бастья, допускаютъ этотъ элементъ только съ стороны бѣдныхъ къ богатымъ, а не наоборотъ.

Не если мы и откажемся отъ этого гуманнаго принципа, не будемъ на основаніи его ничего ни желать, ни требовать, самое право требуетъ облегченія всѣхъ тягостей для бѣдныхъ классовъ, требуетъ, чтобы рабочій имѣлъ достаточный кусокъ хлѣба, пусть онъ будетъ даже купленъ тѣмъ, что богачъ потеряетъ возможность подарить кому-нибудь бриллантовую булавку. Это хорошо понимали древніе, у нихъ понятіе объ общественной жизни не было затемнено массою предрасудковъ, которые явились въ наше время какъ реакція противъ средневѣковыхъ прерогативовъ власти, и потому людьми, непривыкшими углубляться въ самую сущность явленій, отвлекать ихъ отъ прибавокъ и отѣнковъ, сдѣланныхъ временемъ, принимаются даже какъ что-то очень прогрессивное. Взглядъ древнихъ на общественную жизнь имѣетъ много общаго съ тѣмъ, который выработала школа Кери, наблюдая явленія, свободныя отъ этихъ остатковъ старины. Потому и въ Греціи и въ Римѣ существовалъ налогъ прогрессивный. Въ Греціи была особенная форма прогрессивнаго налога натурою: литургіи. Литургіи были даже обременительны для гражданъ; но все-таки граждане не отказывались отъ своей обязанности; и въ первое время, когда для нихъ отечество и родная страна были не избитою или комическою фразою или пустымъ словомъ, какъ во многихъ современныхъ государствахъ, всякій старался не отстать отъ другихъ въ исполненіи гражданскихъ обязанностей. И это-то имѣло результатомъ ту цивилизацію,

наследниками которой сдѣлались современные общества, такъ плохо цѣнящія это наследство и неумѣющія отличать въ немъ истинное отъ ложнаго, золото отъ мишуры, сущность отъ формы.

Въ Англійи налогъ на доходъ не прогрессивный, потому-что въ Англійи парламентъ не есть представитель народа, а представитель джентльменовъ отъ промышленнаго класса, которые вездѣ имѣютъ одинъ оттѣнокъ. Потому тамъ какой-нибудь рабочій, хоть въ родѣ Коссидіера или Прудона (оба они вышли изъ среды рабочихъ) не имѣетъ права участвовать въ выборѣ члена парламента, тогда какъ отравитель Пальмеръ, убійца своихъ родныхъ, друзей и жены, могъ принимать въ немъ дѣятельное участіе. А какой-нибудь англійскій Миресь или баронъ Видиль, не только самъ непосредственно принимаетъ въ выборѣ участіе, но также имѣетъ на него вліяніе черезъ своихъ финансовыхъ агентовъ или фермеровъ. Потому не удивительно, что въ Англійи, повидимому, неиндифферентисты къ участи рабочаго сословія предлагали понизить цензъ налога со 100 до 50 дохода.

Что прогрессивный налогъ не нуждается въ снисхожденіи богатыхъ людей, а основанъ на строгомъ правѣ, въ этомъ мы ясно убѣдимся, если пойдемъ изъ точки отправления Прудона, что налогъ есть мѣна. Прежде всего эта мѣна—къ выгодѣ всѣхъ частныхъ лицъ, такъ какъ тѣ, что они получаютъ за свои подати, собственно говоря, выше всякой оцѣнки; это личная безопасность, право жить въ обществѣ, а не среди пустыни, и пользоваться средствами, которыя предлагаетъ общество для достиженія различныхъ цѣлей, между прочимъ для устройства своего экономическаго быта, для приобрѣтенія достатка и даже богатства. Любопытно было-бы посмотрѣть, какъ люди претендующіе, что человѣкъ обязанъ своимъ богатствомъ только своему труду,—это еще самый лучшій источникъ богатства,—не только съ тѣмъ, что имъ дала природа, но даже съ запасами, сдѣланными въ обществѣ, съ капиталами, отправились куда-нибудь хоть въ благословенныя пампы Америки и попробовали тамъ не только увеличить свое общество, но хоть утилизовать его. Конечно, тамъ они, подобно царю Мидасу, на золотѣ могли бы умереть съ голоду, все равно какъ и безъ золота. Дѣло въ томъ, что трудъ тогда только имѣетъ результатомъ богатство, когда трудящійся пользуется средствами, которыя предлагаетъ общество, и потому общество имѣетъ право на участіе въ ре-

зультатахъ труда, насколько состоитъ нужнымъ, хоть бы въ размѣрѣ аѳинскихъ литургій или самаго высшаго прогрессивнаго налога. Обыкновенная плата, пропорціональная, слишкомъ не достаточна, чтобъ быть справедливымъ вознагражденіемъ за общественныя услуги, осязательныя болѣе или менѣе или даже со всѣмъ неосязательныя. Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ такой примѣръ, въ прошломъ столѣтіи, въ концѣ, непріатели нашимъ на Францію: имъ ничто не могло противостоять, начало похода было удачно, и гордые триумфаторы грозилъ не оставить камня на камнѣ въ столицѣ Франціи, которая въ то время была именно центромъ народной жизни, въ ней собраны были представители всѣхъ мѣстностей.—Непріатель грозилъ рабствомъ и раздробленіемъ государства. Это ему не удалось, благодаря услугамъ нѣкоторыхъ лицъ; и всѣ богатые и бѣдные удержали за собою право жить по своимъ законамъ, а не по закону, наложенному чужеземною арміею. Можно ли съ чѣмъ-нибудь сравнить эту услугу, которую напр. буржуа Франціи получили отъ своихъ защитниковъ? можно ли довольно оцѣнить ее и заплатить за нее деньгами?

И послѣ того, какъ всѣ экономисты признають, что большой капиталъ имѣетъ много преимуществъ передъ небольшимъ, что большіе капиталисты господствуютъ на своихъ рынкахъ,—справедливо ли, что большой доходъ платитъ тотъ же процентъ, какъ и маленькій, особенно если мы примемъ въ соображеніе то правило, котораго несомнѣнность не допускаетъ никакихъ возраженій, что капиталъ не есть продуктъ одного труда, что безъ средствъ, которыя предлагаетъ общество, образованіе такихъ капиталовъ, которые существуютъ теперь въ нашихъ обществахъ, невозможно. По закону справедливой мѣры капиталистъ долженъ отдать обществу все, что онъ самъ получаетъ отъ него. Отсюда справедливость прогрессивнаго налога.

Всѣ возраженія, которыя дѣлаетъ Прудонъ противъ прогрессивнаго налога, не имѣютъ никакой силы противъ той системы, которая представлена выше. Очевидно по этой системѣ прогрессивный налогъ не есть лицемѣрство: потому-что онъ даетъ большія суммы бюджету и беретъ ихъ главнымъ образомъ съ богатыхъ людей, оставляя бѣднымъ самое незначительное, но тяжелое для нихъ участіе въ налогѣ.

Прогрессивный налогъ не можетъ подвергнуться упреку въ несправедливости, въ грабительствѣ. Какъ представляетъ его

Прудонъ, онъ дѣйствительно можетъ окончиться тѣмъ, что возьметъ весь доходъ до копѣйки и не оставитъ владѣльцу ничего даже и 875 франковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ если увеличивать процентъ налога въ 1 хоть на каждыя 10,000 фр. и пусть первыя 10,000 заплатятъ 1% тогда за 20,000 нужно будетъ платить 2%, за 30,000 — 3% за 100,000 10%, за 500,000 — 50% за 1,000,000 100%, т. е. тотъ кто имѣетъ миллионъ франковъ дохода, долженъ будетъ весь оной доходъ отдать въ казну и самъ остается безъ ничего, явный абсурдъ; въ влредьидущихъ суммахъ то же самое. Если за первыя 10,000 нужно платить 1%, или 100 франковъ, а за слѣдующія суммы 2%, то владѣлецъ 10,100 франковъ дохода долженъ будетъ заплатить 202 фр. налога, и у него останется меньше, нежели у того, кто имѣетъ только 10,000 дохода, такъ что прямой интересъ будетъ не переступать за 10,000 фр. дохода. Дальше тоже самое; владѣлецъ 100,000 фр., платя 10%, отдастъ 10,000 франковъ, а владѣлецъ 100,100 фр. платя 11%, долженъ будетъ отдать 11,011 и у него останется опять меньше нежели у того, кто имѣетъ только 100,000 фр. опять прямой интересъ не увеличивать доходъ выше 100,000 фр. — Въ высшихъ цифрахъ еще хуже: владѣлецъ 500,000 фр. платя 50% отдаетъ 250,000 фр. и ему останется столько же, владѣлецъ 600,000 платя 60% отдаетъ 360,000; и ему останется только 240,000; у владѣльца 700,000 останется еще меньше, всего 210, у владѣльца въ 800,000 только 160, у владѣльца 900,000 только 90,000 и наконецъ владѣлецъ миллиона останется безъ копѣйки.

Въ дѣйствительномъ прогрессивномъ налогѣ ничего подобнаго нѣтъ. Каждая высшая категорія, платя больше, въ то же время и для себя имѣетъ больше. Каждый имѣетъ прямую выгоду увеличивать свои доходы, потому, что несмотря на прогрессивность налога, изъ высшихъ суммъ дохода, послѣ уплаты налога владѣльцу, все-таки остается больше чѣмъ изъ меньшихъ цифръ. Такъ изъ англійскихъ категорій дохода владѣлецъ ста фунтовъ по прогрессивной методѣ платилъ бы 2 ф., а владѣлецъ 101 ф. тоже 2 ф. и еще около 5 пенни; и ему оставалось бы больше, нежели тому, кто имѣетъ только 100 ф.

* Въ эти неудобства существуютъ и въ той формѣ прогрессивнаго налога, которую изложилъ г. Чернышевскій въ своемъ курсѣ политической экономіи по Миллю.

дохода. Владѣльцу 100 фунтовъ остается 98 ф., а владѣльцу 101—99 безъ 5 пенни. Въ цифрахъ высшаго дохода то же самое: у владѣльца 4.000 ф. за уплатою 377 ф. налога, остается 3623 ф., у владѣльца 5,000, за уплатою 555, останется 4445, а у владѣльца 10,000 ф. ст., за уплатою 1896 налога, останется 8204. — Вообще постоянно доходъ растетъ даже за вычетомъ налога, до тѣхъ - поръ какъ онъ наконецъ остановится; но уменьшиться онъ никакъ не можетъ, не только совсѣмъ исчезнуть. По прогрессіи, которая принята выше, это возрастаніе налога должно было остановиться на 29,300 ф. ст. (около 730,000 франковъ.) Но весь предыдущій доходъ, за исключеніемъ налога, остается въ его пользу, и его чистый доходъ все таки выше чистаго дохода всѣхъ прежнихъ категорій, которые всѣ потому имѣютъ интересъ увеличивать свои доходы. — Но въ прогрессивной методѣ при всякомъ отношеніи прогрессіи, рано или поздно, дойдетъ до того, что увеличеніе дохода будетъ бесполезно для частныхъ лицъ; пусть это будетъ имѣть мѣсто начиная съ 50,000 ф. (1,250,000 фр.), со 100,000 (2,500,000) ф. дохода, но все-таки, при послѣдовательности системы, это должно быть; и, если разсмотрѣть это хорошо, этого нужно желать, къ этому нужно стремиться.

Можно ли допустить неопредѣленное увеличеніе частныхъ состояній, можно ли допустить, напр., чтобъ одинъ какой нибудь владѣлецъ колоссальнаго богатства прибралъ въ свои руки въ какой нибудь странѣ всю промышленность извѣстнаго рода, даже соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ роды промышленности? Этого, конечно, нигдѣ и никогда не было; но бывали примѣры довольно-близкіе къ тому; напр., Крассъ былъ такъ богатъ, что почти всѣ сенаторы, современники его, были ему должны значительныя суммы. И теперь молва доводитъ до 900,000,000 ф. с. состояніе Ротшильда. Большая часть этого состоянія въ государственныхъ бумагахъ, можетъ быть именно потому что, еслибы оно было въ цѣнностяхъ, которыя не такъ укрываются отъ другихъ то оно давно бы возбудило нареканія. И если предположить, что эта цифра справедлива, то что мѣшаетъ Ротшильду захватить въ свои руки ту или другую промышленность, или даже нѣсколько родовъ ея? Десяти сотъ мил. ф. с. на это хватитъ; а государственныхъ бумаги, если не спекулировать ими на биржахъ, не даютъ большаго дохода. Если ему, или другому подобному царю финансоваго міра, придетъ подобная охота, тогда, конечно, монополія будетъ въ его рукахъ; а это въ переводѣ на болѣе по-

натный языкъ значить, что онъ убьетъ или заставитъ добровольно удалиться съ рынка другихъ производителей и будетъ держать въ рукахъ судьбу рабочихъ извѣстнаго рода промышленности. А потомъ, пріобрѣтя монопалію онъ напр. вздумаетъ покапризничать; чѣмъ это отзовется на потребителей, на рабочемъ сословіи, и вообще на людяхъ, связанныхъ такъ или иначе съ промышленностью этого рода?—Или онъ пріобрѣтетъ всю почву Англии, и потомъ, подобно римскимъ оптиматамъ, земледѣліе прекратитъ, а будетъ разводить вездѣ парки, въ паркахъ разведетъ стада, которыя окраситъ въ пурпуровую краску; говорятъ же, что подлѣ Амстердама мильонеры имѣютъ свое предмѣстіе со всѣми чудесами роскоши и богатствъ, напр. съ садами, въ которыхъ стволы деревъ вызолочены и т. п. И у насъ въ прошломъ столѣтіи былъ богачъ, который свою амбицію полагалъ въ разныхъ причудахъ, которыя ему ничего не стоили, но другимъ иногда отзывались тяжело.—Конечно, если эти примѣры бывали, то они и опять могутъ повториться, и при колоссальномъ богатствѣ причуды или просто ложное соображеніе отзовется больно на всей массѣ населенія.

Потому то многіе экономисты, и между прочими Рошеръ, думаютъ, что самое выгодное распредѣленіе богатства состоитъ въ томъ, чтобы число среднихъ состояній преобладало, а большія и малыя сокращались; другими словами, какъ выражается объ этомъ Прудонъ, чтобъ состоянія уравнивались. Это имѣетъ основаніе въ тѣхъ соображеніяхъ, чисто экономическихъ, которыя приведены выше. Кромѣ того въ этомъ случаѣ имѣютъ большое значеніе другія причины. Главная сила нашего времени заключается въ матеріальныхъ интересахъ, въ матеріальныхъ средствахъ—въ деньгахъ: это признаютъ и самыя строгіе консерваторы и самыя систематическіе радикалы. Говорятъ, что то правительство сильнѣе и прочнѣе, которое имѣетъ больше денегъ; съ другой стороны, всѣ агитаторы стараются заpastись матеріальными средствами именно для своихъ цѣлей, совсѣмъ нематеріальныхъ. И еслибы нашолся человѣкъ, котораго личныя матеріальныя средства были бы значительнѣе средствъ правительства, или равнялись имъ, или даже только приближались бы къ нимъ, онъ былъ бы ему истинно страшенъ: это былъ бы современный вассалъ, который не давалъ бы спать своему сюзерену, какъ Карлъ Смѣлый и другіе герцоги Фран-

ціи не давали спать Людовику XI. Въ XVII-мъ вѣкѣ такую страшную силою были религіозныя секты, и Ришелье старался ослабить и ослабилъ гугенотовъ, нисколько не изъ религіознаго фанатизма, но единственно потому, что называется *raison d'état* (государственная причина). И какъ бы ни смотрѣли съ нравственной стороны на Людовика XI и Ришелье, Франція имъ много обязана своимъ единствомъ, тѣмъ, чего еще недостаетъ теперь Италиі и чего, вѣроятно, долго не будетъ доставать Германіи, потому-что она не имѣла ни Ришелье ни Людовика XI, и французы умѣютъ цѣнить эту услугу своего короля и своего министра.

Къ концу древней исторіи такую силою были, какъ и въ наше время, матеріальныя средства—деньги; имъ былъ обязанъ своимъ значеніемъ Крессъ, который и говорилъ, что тотъ не богатъ, который не можетъ на свой счетъ вооружить цѣлую армію. Цезарь не былъ богатъ; но понимая хорошо значеніе денегъ въ свое время, онъ былъ богатъ долгами, т. е. старался достать денегъ сколько можно больше; и когда онъ стоялъ передъ мостомъ на Рубиконѣ, вѣроятно, въ числѣ многихъ соображеній за переходъ и противъ него, немалую роль играло воспоминаніе о кредиторахъ. Вотъ тутъ прямо денежныя соображенія имѣли вліяніе на политическій ходъ событій. Говорятъ, что то же самое повторилось въ наше время и что 18-ое брюмера нашего столѣтія, какъ его называетъ авторъ, имѣло причины частью финансовыя. Въ XV-мъ вѣкѣ флорентинцы изгнали фамилію Медичи, но она возвратилась, благодаря своему финансовому значенію, благодаря экономическимъ репрессаліямъ и захватила власть въ свои руки. Въ Римѣ это въ одно время даже дѣлалось гораздо проще: преторіанцы просто продавали съ публичнаго торга императорскую корону, да и съ самаго начала цезари утвердились, благодаря средствамъ, добытымъ чрезъ конскрипціи, и тому, что воспользовались государственною казною для своихъ цѣлей. Въ началѣ этого столѣтія Бонапартъ убилъ финансовыя операціи Увраера единственно потому, что боялся вліянія этого человѣка, который велъ свои дѣла на сотни миліоновъ. Разумѣется, Бонапартъ за это подвергался осужденію. И дѣйствительно, если нужно остановить возрастаніе вліянія частныхъ людей, то это нужно сдѣлать закономъ, а не произволомъ. Но, будучи неправъ, Бонапартъ все-таки поступалъ съ пользою для государственныхъ цѣлей, какъ онъ понималъ ихъ; капиталисты никогда не поддерживали его особенно,

и только необыкновенная удача его войнъ заставила капиталистовъ прекратить противодѣйствіе, которое тотчасъ же и началось снова, какъ колесо его фортуны перевернулось; и говорятъ, что поддержки его биржа въ то время—онъ уцѣлѣлъ бы и снова восторжествовалъ, какъ прежде. Могущество большихъ капиталовъ въ политикѣ оказалось и впоследствии: июльская революція такъ скоро достигла своей цѣли благодаря капиталамъ Ланта.

Вообще, и прошлое и настоящее достаточно убѣждаютъ, что чрезмерно большое развитіе частныхъ средствъ, или въ наше время частныхъ состояній вредно для государства, для общества, потому-что, по истинному взгляду древняго и новаго міра, эти два понятія должны быть тождественны; оно вредно какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи: это признаютъ экономисты, которыхъ всего менѣе можно упрекнуть въ утопіи. Это признавали и всѣ правительства, которыя хорошо сознавали свое положеніе (Ришелье и Бонапартъ), и противодѣйствовали развитію частныхъ средствъ и состояній, хотя противно праву, но съ пользою для цѣлей, которыя преслѣдовали. Наше время, анализируя глубже экономическія явленія, находитъ, что общество имѣетъ право и возможность остановить излишнее, вредное развитіе частныхъ состояній. Для этого ему стоитъ только отказать въ своемъ согласіи—доставлять частнымъ людямъ средства для увеличенія ихъ состояній: тогда они перестанутъ расти сами собою. Для этого лучшее средство—прогрессивный налогъ, который имѣетъ вполне согласное съ правомъ основаніе.

Противъ него есть одно возраженіе, оущенное Прудономъ, которое въ настоящее время имѣетъ значеніе. Говорятъ, что капиталисты, чтобы избѣгнуть большихъ налоговъ, будутъ эмигрировать съ своими капиталами. Но именно это возраженіе только для нынѣшняго дня. Если вскорѣ всѣ образованные народы сознаютъ необходимость и пользу прогрессивнаго налога, то куда же будутъ эмигрировать капиталисты? къ гуронамъ, къ карамбамъ или въ Арауканію? Въ добрый часъ: можетъ-быть, они тамъ сдѣлаются королями въ родѣ Антонія I Арауканскаго; но кому изъ нихъ не посчастливится понасть въ короли, тотъ умретъ съ голоду, или будетъ принужденъ, подобно Робинзону, топтать землю, вбивать сваи, толочь зерна и, вообще, подуматъ

о своей защитѣ и пропитаніи въ то время, какъ въ близлежащей пещерѣ будутъ находиться его бочки съ золотомъ.

И будто собственное уклоненіе капиталистовъ отъ налога можетъ быть достаточною причиною для того, чтобы вмѣсто ихъ обложить податями тѣхъ, кто нуждается въ кускѣ хлѣба? Беранже написалъ прекрасную пѣсенку «*Raince Jacques*», въ которой бѣдная жена, въ отчаяніи, старается разбудить своего умершаго въ молодости мужа, изнуреннаго работою и невольнымъ постомъ. Около нея вертятся дѣти, еще не понимающія своего положенія; въ это время приближается сборщикъ податей, *v'la venir l'huissier du roi*, повторяетъ бѣдная вдова; наконецъ дверь открывается, и онъ входитъ; бѣдная вдова послѣдній разъ зоветъ мужа: *Вставай, Жакъ, вставай! v'la monsieur l'huissier du roi*, пѣсня этимъ и оканчивается; что было послѣ съ этою вдовою, съ ея дѣтьми— пусть угадаетъ всякій. Беранже всегда былъ въ модѣ; его пѣсни читались и пѣлись во всемъ мірѣ; и что же? будто все это только для пріятнаго препровожденія времени послѣ обѣда, для того, чтобы отдать этому бѣдному Жаку и подобнымъ ему только безплодный вздохъ, а можетъ быть даже и безъ этого просто-на-просто, восторгнуться красотою и художественностью произведенія, отпустить на ихъ счетъ двѣ три попугайскія фразы и потомъ приниматься искать новой красоты и художественности? Если такъ капиталисты будутъ относиться къ общественнымъ потребностямъ, согласнымъ съ справедливостью, то пусть не жалуются, если и обществе не будетъ дѣлать имъ поблажки, если оно, позволяя имъ вполне свободно эмигрировать, ограничить эмиграцію ихъ капиталовъ. Вѣдь не всякій эмигрирующий съ капиталами имѣетъ на нихъ право владѣнія. Всякій кассиръ, обокравшій довѣренную ему кассу, обыкновенно эмигрируетъ за океанъ: нельзя же, поэтому, всѣмъ кассирамъ, обокравшимъ кассы, дозволить свободное пребываніе въ странѣ, чтобы только они не увезли съ собою украденныхъ денегъ за границу. Капиталистъ, нажившій свой капиталъ, подъ покровительствомъ извѣстныхъ законовъ и благодаря обществу, среди котораго онъ дѣйствовалъ и котораго средствами онъ пользовался, платя за это ничтожное вознагражденіе, можетъ считаться обязаннымъ, оставляя это общество, выходя изъ его среды, расквитаться съ нимъ вполне. Въ такомъ случаѣ онъ, очевидно, самъ не захочетъ переносить своихъ капиталовъ изъ страны въ страну.

Надобно прибавить къ этому, что происхожденіе всѣхъ вообще большихъ капиталовъ весьма сомнительно: или они идутъ еще изъ среднихъ вѣковъ, т. е. приобрѣтены завоеваніемъ, если состоятъ изъ поземельной собственности, или приобрѣтены биржевыми спекуляціями, которыхъ ни одинъ экономистъ не одобряетъ, напротивъ, всѣ одобряютъ Прудона, написавшаго свою книгу противъ биржевой игры. Но и биржевая игра, будучи противна всѣмъ экономическимъ принципамъ, все-таки можетъ быть въ своемъ смыслѣ честною. Большіе капиталы нажиты не такъ; самыя большія состоянія обязаны своею громадностью биржевымъ обманамъ, распушенію ложныхъ слуховъ и т. п. Большіе капиталы состоятъ главнымъ образомъ въ государственныхъ бумагахъ; но не могутъ же европейскія государства остаться навсегда съ тѣмъ ярмомъ, которое они на себя неосторожно надѣли, и которое называется государственными долгами: такъ или иначе они будутъ ликвидированы. Государственные долги, биржевая игра и большіе капиталы, возникающіе изъ ничего, идутъ рядомъ; кончится одно—кончится и другое. У насъ, въ Россіи, большіе капиталы почти всѣ нажиты откупамъ; что это такое—объ этомъ знаетъ Русь; нѣкоторые приобрѣтены благодаря таможенному покровительству, которымъ пользовались производители. Все это приходитъ къ концу, и при здоровой экономической дѣятельности, при стараніи производить, а не спекулировать, не такъ-то легко будетъ приобрѣтать десятки миліоновъ. Тогда никому и не покажется тяжолъ прогрессивный налогъ, тогда образуется та масса среднихъ состояній, о которой мечтаютъ всѣ лучшіе экономисты и моралисты.

Прудонъ, очевидно, представляетъ себѣ прогрессивный налогъ не въ томъ видѣ, въ какомъ его слѣдуетъ представлять, какъ это видно изъ двухъ его предположеній, которыя оба оканчиваются тѣмъ, что на извѣстной степени, болѣе или менѣе высокою, весь доходъ поступаетъ въ кассу въ видѣ налога и владѣльцу его ничего не остается. Немудрено, что Прудонъ называетъ прогрессивный налогъ общественнымъ самоубійствомъ. Но, какъ кажется, и Прудонъ допускаетъ нѣкоторую прогрессивность, именно: онъ осуждаетъ только тотъ видъ прогрессивнаго налога, который онъ себѣ представляетъ.

VI.

Въ другихъ проектахъ финансовыхъ реформъ онъ находитъ также большіе недостатки. Вслѣдъ за налогомъ прогрессивнымъ онъ критикуетъ налогъ на капиталъ, котораго главный партизанъ—Эмиль де-Жирарденъ. Эмиль де-Жирарденъ хочетъ изъ этого налога сдѣлать единственный налогъ, находя, что сборъ этого налога будетъ легокъ, что составляетъ важное удобство; есть налоги, которыхъ сборъ беретъ почти половину того, что налогъ доставляетъ.

Прудонъ выставляетъ противъ этого налога много возраженій. Первое то, что, при системѣ этого налога, каждый обязанъ самъ сказать величину своего капитала. Прудонъ находитъ, что это слишкомъ неестественно требовать, чтобы капиталисты сами себѣ во вредъ объявляли истинную цифру своихъ капиталовъ. «Когда же, (говоритъ онъ), дадутъ намъ систему налога, въ которой гражданинъ не былъ бы поставленъ между своею совѣстью и интересомъ?» Надобно сказать, что это едва-ли когда удастся; всегда платить будетъ тяжело для того, кто не проникнется идеею долга и общей пользы, и всѣ налоги представляютъ это неудобство, не исключая и того, на которомъ самъ Прудонъ останавливается. Прудону особенно не нравится то, что этотъ налогъ подаетъ поводъ правительству, въ случаѣ сомнѣній, дѣлать повѣрки тѣхъ объявленій, которыя частные люди сдѣлаютъ относительно своихъ капиталовъ, потому-что основаніемъ налога на капиталъ, по проекту Эмиля де-Жирардена, должно быть собственное объявленіе въ родѣ того, которое дѣлается въ Англіи относительно дохода. Собственно это возраженіе Прудона относится къ обимъ налогамъ—на капиталъ и на доходъ; но оно, очевидно, не имѣетъ крѣпости. Если Прудонъ разумѣетъ общество болѣе совершенное, нежели тѣ, которыя существуютъ теперь, то въ такомъ обществѣ можно желать и требовать немного побольше совѣстливости въ отношеніяхъ между отдѣльными личностями и цѣлымъ обществомъ. Въ Римѣ, по закону Сервія Туллія, подати платились съ капитала, котораго величину каждый гражданинъ долженъ былъ объявить самъ; и это не представляло особенныхъ неудобствъ въ первое время, когда дѣло общее было всѣмъ дорого, когда гражданскій духъ еще не уступилъ мѣста духу торгашества и ростовщичества, явившемуся впоследствии. Объявленіе подтверждалось клятвою и въ послѣдствіи повѣрялось, и наказанія за ложныя объявленія

были очень строга, строже тѣхъ, которыя предлагаетъ Эмиль де-Жирарденъ. Въ современныхъ обществахъ эти личныя объявленія капитала, или дохода, тоже имѣютъ мѣсто. Въ Англіи подать съ дохода имѣеть основаніемъ личное объявленіе, которое въ большинствѣ случаевъ не повѣряется; оно повѣряется только въ такомъ случаѣ, если возбуждаетъ сомнѣнія, и ложное объявленіе подвергается штрафу: это одно уже много говорить въ пользу личного объявленія и возможности повѣрки. Прудонъ думаетъ, что повѣрка поведетъ за собою много непріятностей и безпокойствъ для частныхъ людей. Примѣръ Англіи опровергаетъ это. Извѣстно, что нигдѣ такъ правительство не старается избѣгать этихъ придирокъ и безпокойствъ, на которыя такъ щедро, напримѣръ, французское правительство. Такимъ образомъ и въ современныхъ обществахъ, притомъ, всего лучше устроенныхъ, и въ будущихъ, болѣе совершенныхъ, личное объявленіе и повѣрка его муниципальными или общинными властями, или кѣмъ бы то ни было, не представляетъ серьезнаго возраженія противъ налога на доходъ или капиталъ.

Впрочемъ налогъ на капиталъ все таки долженъ быть осужденъ: возраженіе противъ личныхъ объявленій идетъ какъ къ налогу на капиталъ, такъ и къ налогу на доходъ; и поэтому на немъ стоило остановиться. Но налогъ на капиталъ потому не можетъ существовать, что онъ не можетъ имѣть мѣста рядомъ съ налогомъ на доходъ; это были бы два налога на одинъ и тотъ же предметъ. Собственно говоря здѣсь изъ двухъ налоговъ слѣдуетъ выбирать одинъ; и абсолютно долженъ быть предпочтенъ налогъ на доходъ, потому что онъ свободенъ отъ многихъ неудобствъ, которымъ подверженъ налогъ на капиталъ. Неудобства эти слѣдующія: вопервыхъ, налогъ на капиталъ можетъ войти въ издержки производства, слѣд. увеличить дороговизну, падеть на потребителей, а не на того, кого имѣеть въ виду бюджетъ. Потомъ онъ можетъ быть причиною уменьшенія капиталовъ, въ случаѣ неудачъ промышленныхъ, когда производитель не въ состояніи даже съ потребителями взять затраченный капиталъ. Этотъ налогъ не принимаетъ въ соображеніе различныхъ несчастій, которымъ можетъ подвергнуться производитель; и беретъ одинъ и тотъ же налогъ и съ того кто успѣлъ реализовать 20% на свой капиталъ, и съ того, кто совершенно безъ своей вины понесъ убытокъ. Если бы налогъ на капиталъ не шадилъ только праздныхъ капиталовъ, и этимъ,

согласно съ проэктомъ Эжиля-де-Жирандена, побуждалъ капиталистовъ къ производительному употребленію своихъ капиталовъ, то это можно бы, пожалуй, ему уступить; но не щадя несчастныхъ капиталовъ, онъ прямо имѣетъ стремленіе уменьшать массу капиталовъ въ странѣ. Да и это принужденное производство едвали можетъ быть оправдано: плохой выйдетъ производитель изъ того, кто обязанъ производить, а не производить по собственной волѣ и инициативѣ. Такіе капиталисты ужъ лучше пусть помогаютъ другимъ своимъ кредитомъ, капиталами; для общей массы народнаго производства это будетъ гораздо полезнѣе.

Дальше налогъ на капиталъ не принимаетъ разницы въ доходахъ отъ той или другой отрасли производства. Известно, что, напр., капиталы употребленные на покупку земель не даютъ такихъ большихъ доходовъ, какъ тѣ, которые обращены на торговлю. Вообще, чѣмъ прочнѣе, полезнѣе производство, тѣмъ умѣреннѣе доходы отъ него. Самое выгодное производство, которое реализуетъ огромные барыши, есть производство предметовъ роскоши и моды и торговля ими. Еще выгоднѣе биржевыя спекуляціи, которыя, собственно говоря, ничего, ни какихъ цѣнностей не производятъ. Справедливо ли будетъ если законъ обложить однимъ и тѣмъ же налогомъ капиталъ мелкаго землевладѣльца, затраченный на удобреніе почвы, постройки и приобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, и капиталъ употребленный въ биржевой игрѣ, въ то время какъ одинъ изъ нихъ даетъ очень умѣренный доходъ, а другой иногда едва не мгновенно обогащаетъ человѣка. Вообще, возраженія, приводимыя Прудомъ противъ налога на капиталъ, очень справедливы, кромѣ перваго, относительно противорѣчія въ этомъ налогѣ совѣсти съ интересомъ, и относительно безпокойствъ, которымъ подвергнутся честные люди при повѣркѣ ихъ объявленій.

Адамъ Смитъ противъ этого налога говоритъ еще то возраженіе, что для негоціанта иногда будетъ погибелью, если онъ будетъ обязанъ сказать истинную цифру своего капитала. Для такихъ негоціантовъ, какъ Миресъ, это такъ и должно быть; но солидные торговые или банкирскіе дома отъ этого едва-ли пострадаютъ. Напротивъ, можетъ быть, это спасло бы наше общество отъ пятна, которое называется коммерческими обманами, и отъ нравственной причины, производящей это пятно. При современной системѣ народнаго хозяйства всякое частное пред-

пріятіе получаетъ общественный характеръ, потому—что всякое рассчитываетъ на потребителей, употребляетъ агентовъ и рабочихъ, входитъ въ тѣ или другія обязательства, пользуется кредитомъ и т. п. Потому ошибки или безсовѣстные спекуляціи частныхъ людей, особенно при обширности предпріятія, отзываются на привязанныхъ, такъ или иначе, къ дѣлу, потому здѣсь гласность, какъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ, принесла бы только пользу; но эта причина не столько сильна, чтобы изъза нея оправдать налогъ на капиталъ, тѣмъ болѣе, что это частью достигается налогомъ на доходъ.

Что касается налога на доходъ, Прудонъ посвящаетъ и его критику вѣскольکو страницъ, разсматривая его не только какъ прогрессивный, но и какъ пропорціональный налогъ. Здѣсь онъ повторяетъ коротко то же самое, что говорилъ противъ налога прогрессивнаго вообще, т. е., что этотъ налогъ падетъ на потребителей, и т. п. Возраженія эти, какъ уже показано, основаны главнымъ образомъ на томъ, что Прудонъ представляетъ себѣ налогъ прогрессивный въ ложномъ видѣ и допускаетъ, что производители, стараясь возвысить слишкомъ произвольно цѣны на свои произведенія, могутъ успѣть въ этомъ, между—тѣмъ, какъ встрѣчая противодействіе къ возвышенію цѣнъ со стороны публики, они только тогда могутъ успѣть, когда не могутъ уступить, т. е. когда налогъ, по необходимости, войдетъ въ издержки производства, не можетъ быть выплаченъ производителемъ изъ своихъ личныхъ издержекъ.

Главный налогъ, который, по мнѣнію Прудона, долженъ составлять основаніе системы финансовъ, есть налогъ на поземельную ренту, — это тотъ налогъ, о которомъ мы говорили выше и который называли поземельнымъ налогомъ. Онъ, дѣйствительно, имѣетъ множество преимуществъ передъ другими налогами относительно справедливости и экономическихъ выгодъ.

Прудонъ за исходную точку беретъ вопросъ о правѣ государства на ренту. «Кому (спрашиваетъ онъ) по первоначальному праву принадлежить рента? По моему мнѣнію (говоритъ онъ), въ равной или неравной мѣрѣ, тремъ различнымъ субъектамъ: во 1) государству, представляющему общину и общественную солидарность, котораго право на землю слѣдуетъ изъ его атрибутовъ, учреждений и произведеній, и составляетъ гарантію всякой собственности; во 2) обрабатывающему землю, котораго умъ и трудъ имѣютъ самое большое вліяніе на пло-

дорогіе почвы и на выгоду обработки *; въ 3) собственнику, котораго всѣ законодательства отличаютъ отъ обрабатывающаго землю, хотя это двойное качество можетъ соединяться въ одномъ лицѣ».

Выходя изъ положенія, что государство имѣетъ право на ренту, Прудонъ говоритъ, что оно должно дѣйствительно участвовать въ ней, должно брать то, что ему принадлежитъ, въ видѣ налога. «Такимъ образомъ (продолжаетъ онъ) государство имѣло бы свой доходъ, который позволилъ бы ему существовать, такъ сказать, своими средствами и оказывать гражданамъ услуги даромъ или почти даромъ».

Поземельный налогъ существуетъ теперь почти во всѣхъ государствахъ; во Франціи онъ даже довольно-великъ и доставляетъ бюджету почти 300,000,000 франковъ. Но теперь государства пользуются имъ почти безсознательно, не понимая хорошо своихъ особенныхъ правъ на него, и во Франціи, напр., онъ стоитъ въ одномъ отдѣлѣ вмѣстѣ съ налогомъ на окна и двери, составляющимъ одну изъ самыхъ большихъ фискальных несправедливостей и даже несправедливостей.

«Въ странѣ, подобной Франціи (говоритъ Прудонъ), поземельная рента, слѣдуя вычисленіямъ наиболѣе вѣроятнымъ, простирается до 1,800,000,000 франковъ, что составляетъ одну шестую всего народнаго производства.

«Допуская на часть государства треть этой ренты, 600,000,000 если издержки не будутъ простираются выше этой суммы — ясно, что государство не потребуетъ ничего отъ гражданъ; признавши его право, вы, наконецъ, найдете этого счастливаго феникса—это правительство, не требующее налоговъ.

«Но если, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, государство окажется вынужденнымъ увеличить свои издержки, оно очень легко найдетъ для этого средства, съ одной стороны собирая съ гражданъ неземледѣльцевъ или невладеѣльцевъ земли, налогъ личный, движимый, или какой другой; съ другой стороны, увеличивая пропорціонально свою часть въ рентѣ, такъ, чтобъ вмѣсто одной третьей, получать $\frac{2}{5}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{5}$, $\frac{2}{3}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$ $\frac{7}{8}$ etc».

Прудонъ подкрѣпляетъ свою теорію налога на ренту авторитетами физиократовъ, Ад. Смита и Росси. Но у нихъ только

* Какъ видно изъ этого отвѣта, вопросъ сдѣланъ Прудонамъ неточно. Ему слѣдовало спросить: кому принадлежитъ доходъ отъ земли, а не рента. Впрочемъ, онъ приводитъ къ здравымъ результатамъ, потому оставимъ эту неточность въ покоѣ.

начало этой теории; да и Прудонъ не справился съ нею вполне; въ результатахъ она почти совершенно справедлива. Вѣроятно, читатель самъ замѣтилъ нѣкоторое несогласіе между приведенными выписками изъ Прудона. Причина этого заключается въ томъ, что Прудонъ не проверилъ общія господствующія мнѣнія о рентѣ, которая нуждается въ поправкахъ, и очевидно, ему совершенно незнакомо ученіе школы Кери, которая въ анализѣ ренты прибавила къ ученію Рикардо, вмѣстѣ съ нѣкоторыми невѣрностями, замѣчанія, которые проливаютъ новый свѣтъ на предметъ, особенно-важныя въ практическомъ отношеніи. Но невѣрности Прудона, какъ уже сказано, относятся къ основаніямъ, а не къ результатамъ теории, и притомъ это не есть какое-нибудь уклоненіе въ сторону, а нѣкоторая недоконченность, недостаточность основаній для постройки выводовъ, въ сущности вполне-справедливыхъ, но нуждающихся въ болѣе прочныхъ основаніяхъ, нежели тѣ, которые представилъ Прудонъ.

Въ критикѣ поземельнаго налога Прудонъ привелъ нѣкоторыя возраженія противъ него; это, во-первыхъ, тотъ случай, что иногда земля, находясь въ ипотеку, собственно принадлежитъ не номинальному владѣльцу ея, а его кредитору. Если это дѣйствительно такъ бываетъ, то тутъ еще нѣтъ причины отвергать налогъ на ренту. Въ коммерціи такіе случаи очень нередки, и во всякомъ случаѣ есть кто-нибудь, кому принадлежатъ извѣстныя цѣнности (для этого охотниковъ всегда найдется много); на того пусть и падаетъ подать. Если дѣйствительно землевладѣльцу не остается ничего послѣ уплаты подати на ренту и процентовъ кредитору, въ такомъ случаѣ онъ самъ виноватъ, если, взявши деньги подъ залогъ земли, не увеличилъ ея цѣнности, а спустилъ куда-нибудь на другое дѣло. Въ такомъ случаѣ остается снять маски и дѣйствительному владѣльцу стать и называться владѣльцемъ, а невладѣльцу перестать и называться владѣльцемъ. Если же землевладѣлецъ навзятыя въ кредитъ деньги улучшилъ почву, сдѣлалъ хозяйственныя постройки,—тогда, несомнѣнно, онъ будетъ имѣть отъ земли выгоды и для себя, будетъ платить и проценты, и налогъ съ ренты.

Впрочемъ, если земля очень плоха сама-по-себѣ, и безъ улучшеній со стороны землевладѣльца не давала бы ренты, тогда на нее и не падетъ налогъ, потому-что налогъ не касается прибылей, которыя происходятъ отъ улучшеній. Что касается трудности справедливаго распредѣленія налога на поземельную рен-

ту, эта трудность есть удѣлъ всѣхъ налоговъ, и поземельнаго налога нисколько не больше чѣмъ другихъ. Для опредѣленія налога на ренту по-крайней-мѣрѣ есть почва, которую можно наблюдать, на которой можно видѣть обиліе или скудость урожая, достоинство и цѣну сдѣланныхъ улучшеній, для того, чтобы съ нихъ не брать подати. Въ другихъ налогахъ и этого нѣтъ. Но вообще, несовершенство методы требуетъ ея усовершенствованія, а не отстраненія, какъ методы ложной. И можно надѣяться, что съ постепеннымъ уясненіемъ политическихъ воззрѣній, съ улучшеніемъ формъ и учреждений, съ поднятіемъ уровня народной нравственности, отношенія между платящими подати и собирающими ихъ измѣнятся; тѣ и другіе перестанутъ враждебно смотрѣть другъ на друга, и, вопреки Прудону, платящій податъ, чтобъ быть въ согласіи съ своею совѣстью, будетъ стараться не допустить свою часть въ общихъ издержкахъ быть меньше того, чѣмъ она быть должна, а не то, чтобы спорить съ представителемъ фиска, стараться уменьшить свой налогъ, скрыть свой доходъ и т. п.

Налогъ на поземельную ренту пользуется въ высшей степени сочувствіемъ Прудона, особенно въ сравненіи съ другими налогами. «Вы хотите, (говоритъ онъ), обложить податями торговлю, открытіе лавокъ, продажи, жилища, личную инициативу, день, ночь, воду, воздухъ, огонь, рожденіе, бракъ, удовольствіе, самый трауръ. Но всѣ эти предметы составляютъ необходимость человѣческой жизни и должны быть почитаемы священными какъ трудъ и плата за него. Тамъ не можетъ быть дохода государству, потому-что тамъ нѣтъ избытка, нѣтъ остатка. Итакъ обратитесь къ землѣ, нашей общей кормилицѣ; возьмите ренту.

«Поземельная рента—часть господина, жреца, короля, у всѣхъ націй въ состояніи феодальномъ, поземельная рента есть естественный доходъ государства, когда феодальныя отношенія исчезли и уступили мѣсто болѣе разумнымъ, — словомъ, рента, это—налогъ».

VII.

Прудонъ не останавливается на этомъ; поземельная рента для него при теперешнемъ положеніи вещей не составляетъ единственнаго источника государственныхъ доходовъ; несмотря на строгую критику почти всѣхъ видовъ налога, онъ не отбрасываетъ ихъ совсѣмъ. И въ этомъ случаѣ нельзя не замѣтить це-

режны системы его въ пятнадцать лѣтъ со времени публикаціи системы экономическихъ противорѣчій. Это сочиненіе до сихъ поръ, безъ сомнѣнія, остается самымъ важнымъ изъ всѣхъ другихъ его сочиненій, и самымъ важнымъ изъ всего, что написано въ нашемъ столѣтіи по политической экономіи. Еще много лѣтъ пройдетъ прежде, нежели такіе экономисты, какъ гг. Моли-нари, Леонтьевъ или Скарятинъ *, будутъ въ состояніи понимать и цѣнить его. Нигдѣ нѣтъ такого глубокаго пониманія экономическихъ явленій, какъ въ этой книгѣ; но она имѣетъ и свой недостатокъ благодаря которому, она не имѣла вездѣ того значенія, котораго заслуживаетъ. Найдя вездѣ противорѣчія въ экономическихъ явленіяхъ, онъ не подумалъ о томъ, чтобы согласить ихъ между собою, отбросить изъ нихъ то, что не ладитъ съ цѣлымъ, и на основаніи своего понятія о цѣнности, думалъ рѣшить экономическую проблему какимъ-то путемъ вдохновенія или откровенія. По-крайней-мѣрѣ въ заключеніе книги онъ уже, не связывая выводовъ, идетъ къ вожделѣнному будущему такъ, что слѣдовать за нимъ очень трудно, если, разумѣется, не отдаться тоже вдохновенію. Въ *théorie de l'impôt* не то; послѣ критики всѣхъ существующихъ и проектированныхъ налоговъ, Прудонъ останавливается, наконецъ, на своей системѣ,—и въ эту систему входятъ почти всѣ налоги, которые онъ такъ строго критиковалъ. Но не подумайте, чтобы авторъ принималъ ихъ такъ же безсвязно не рационально, какъ они осуществляютъ теперь,—нѣтъ; замѣчательно мѣсто, гдѣ онъ высказываетъ свой взглядъ на методу, которою можно достигнуть ис-

* Г. Скарятинъ—корреспондентъ *voyageur* «Русскаго Вѣстника» за границую. Онъ иногда пускается въ экономическія разсужденія. Такъ однажды г. Волковъ въ *Le Nord* помѣстилъ статью о томъ что невыгодный денежный курсъ для Россіи происходитъ отъ того, что она отпускаетъ товаровъ мало, а покупаетъ много, г. Волковъ подтверждаетъ свои выводы цифрами. Г. Скарятинъ, въ опроверженіе его, только ссылается на науку, да на авторитетъ московскихъ профессоровъ. Вотъ что значитъ компрометировать науку.—Въ послѣднее время г. Скарятинъ побиваетъ Прудона, приводя ему цифры на то, что въ послѣднія 60 лѣтъ производство пшеницы увеличилось во Франціи болѣе чѣмъ народонаселеніе. Если бы г. Скарятинъ зналъ, что эти цифры извѣстны всякому на другой день послѣ того какъ онъ прислѣлъ за политическую экономію и статистику, онъ не сталъ бы выдавать ихъ за открытіе послѣдняго времени и такимъ образомъ не обнаружилъ бы своего невѣдѣнія въ томъ дѣлѣ, о которомъ онъ судитъ и не воображалъ бы, что эти цифры опровергаютъ выводы Прудона. Г. Скарятинъ впрочемъ въ политическую экономію пускается рѣдко; больше онъ занимается просто политикою.

тены въ системахъ философскихъ или политическихъ и экономическихъ.

«Дѣйствительная истина, (говорить онъ) состоитъ, во-первыхъ въ равновѣсїи вещи, которую нашъ умъ воспринимаетъ чудесно, и которая составляетъ самую возвышенную и самую основательную изъ его категорїй, но которая есть только отношенїе, во-вторыхъ—въ цѣломъ, котораго мы никогда не сумѣемъ понять». Тутъ слѣдовало прибавить: но къ чему мы должны постоянно стремиться. И дѣйствительно вслѣдъ за тѣмъ Прудонъ говоритъ: «Такъ попробуемъ положить всѣ вещи на ихъ мѣсто, сложить машину, которой части мы столь внимательно разсматривали, возстановить и уравнивать сколько можно ея движенїе противоположая одну силу другой и опредѣляя ихъ взаимное отношенїе. Это именно и есть то, чего недоставало въ системѣ экономическихъ противорѣчїй и что необходимо вездѣ, гдѣ есть желанїе не ограничиться одною критикою, а построить ту или другую систему. Анализъ не имѣлъ бы цѣли, если бы, какъ его дополненїе, за нимъ не слѣдовалъ синтезъ».

Свою истину Прудонъ начинаетъ выводами изъ того, что сказавъ онъ прежде въ критикѣ существующихъ системъ, или даже повторимъ истинъ, добытыхъ имъ впереди.

Прежде всего слѣдуетъ ограниченїе государственныхъ расходовъ.

За тѣмъ децентрализація правительственная, которая необходимо поведетъ за собою, кромѣ сокращенїа издержекъ, еще возможно-справедливое распределенїе налоговъ между различными мѣстностями. При децентрализаціи всякая мѣстность, участвуя въ общихъ государственныхъ издержкахъ, свои собственные потребности покроетъ и собственными средствами, такъ-что больше не будетъ имѣть мѣста обѣдненїе однѣхъ провинцій, продуктами которыхъ пользуются другїя. Съ другой стороны, и эти особенныя мѣстныя издержки будутъ распределены справедливо между общинами, между членами общины, потому-что распреждать ихъ будутъ люди ближе знакомые съ средствами той или другой общины, того или другаго члена ея, и въ распределенїи всѣ будутъ участвовать, какъ равные другъ другу, не импонирова одинъ другому ни властью ни значенїемъ. Децентрализація правительственная предполагаетъ усиленїе самоуправленїя въ отдѣльныхъ частяхъ государства; этому самоуправленїю будутъ подлежать только мѣстныя дѣла, которыя ближе къ серда-

цу жителей; и это убьет тот индифферентизмъ, даже къ своимъ (только неличнымъ) дѣламъ, который составляетъ отличительную черту современныхъ городскихъ и сельскихъ классовъ, и который есть необходимое слѣдствіе централизаціи, налагающей все сверху, не дающей повода и не позволяющей всѣмъ, кто не принадлежитъ къ бюрократіи, вмѣшиваться въ общественныя дѣла. Децентрализація возбуждетъ интересъ къ общимъ дѣламъ и разовьетъ всѣ классы народа.

Вообще, правительственная децентрализація представляетъ большія выгоды для народа въ финансовомъ и политическомъ отношеніи.

Децентрализація и вмѣстѣ съ нею уменьшеніе расходовъ, поэтому, у Прудона стоятъ какъ необходимое условіе всякой дѣйствительной финансовой реформы. Затѣмъ все-таки государство имѣетъ много обязанностей и много правъ, которыя у него отнять нельзя. Для исполненія этихъ обязанностей, для того, чтобы государство могло, ко всеобщей выгодѣ, пользоваться своими правами, ему нужны средства. Эти средства оно должно имѣть въ поземельной рентѣ, часть которой, въ видѣ налога, должна идти въ его пользу. Рента такимъ образомъ доставляетъ и главную массу доходовъ и служитъ основаніемъ системы финансовъ.

Затѣмъ — организація общественныхъ услугъ, какъ фискальное средство, съ одной стороны, и какъ протекція гражданъ противъ эксплуатаціи капиталистовъ и компаній. После того, какъ Прудонъ такъ ясно высказался противъ централизаціи, многимъ покажется удивительнымъ, что онъ государству даетъ такое назначеніе, котораго не даютъ ему даже самые ревностные защитники централизаціи. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ все понимаютъ только наполовину; особенно если дѣло касается такихъ вещей, которыя у насъ сдѣлались модными, къ числу ихъ принадлежитъ и понятіе о централизаціи, которое, благодаря этому легкому духу моды, такъ, кажется, и осталось понято у насъ только съ одной стороны. Дѣло въ томъ, что есть двѣ централизаціи: одна административная, какъ называетъ ее Токвиль, или правительственная, какъ называетъ ее Прудонъ, другая централизація національная, или, какъ неудачно называетъ ее Токвиль, правительственная. Не въ названіи дѣло; только эти двѣ централизаціи существенно-различны между собою. Административная централизація состоитъ въ

томъ, что самое малѣйшее дѣло не можетъ быть сдѣлано безъ разрѣшенія, даже иногда безъ инициативы сверху; это та централизація, которую всѣ осуждаютъ, какъ въ политическомъ такъ и въ экономическомъ отношеніи. Ж. Б. Сей рассказываетъ, что во время первой имперіи въ одной деревнѣ нужно было поправить церковь; послано было прошеніе къ префекту; префектъ распорядился сдѣлать смѣту; потомъ сдѣлали чиновники смѣту, представили рапортъ къ префекту; префектъ послалъ отношеніе къ министру; министръ, будучи очень занятъ, отвѣчалъ не тотчасъ, наконецъ послалъ къ префекту разрѣшеніе; префектъ тоже не вдругъ могъ послать отъ себя позволеніе, наконецъ и онъ собрался и позволилъ поправлять церковь; но времени прошло такъ много, дождь и снѣгъ сдѣлали такіа поврежденія, что церковь уже не могла быть поправлена по прежней смѣтѣ; опять прошеніе къ префекту, опять смѣта и т. д., пока, наконецъ, церковь совсѣмъ развалилась. Вотъ эта административная централизація, та, отъ которой страдаетъ Франція, централизація, введенная директоріею, которая, состоя изъ такихъ гнилыхъ личностей, какъ Баррасъ, думала поддержать себя посредствомъ *суп д'ѣтат* и этой централизаціи, до-тѣхъ-поръ, пока надъ нею не исполнились слова, что мечъ пріемшіе мечемъ погибнутъ.

Національная централизація совсѣмъ другое дѣло; она состоитъ въ сплоченіи народа въ одну массу, въ соединеніи его интересовъ, въ развитіи національнаго чувства и національнаго единства. Это та централизація, надъ которою бессонательно или стороною потрудился Лудовикъ XI, за нимъ Ришелье; эта централизація была закончена во Франціи вполнѣ сознательно еще во время національнаго собранія въ 89 году, когда были уничтожены всѣ привилегіи провинцій и всѣ онѣ получили одни законы, одни учрежденія, одни права. Эта централизація не только можетъ, но и должна существовать рядомъ съ самоуправленіемъ въ частяхъ, съ децентрализаціею административною. Эта централизація есть необходимость государственной жизни, которая безъ нея рухнетъ, падетъ жертвою анархіи. Эта централизація спасла Францію въ концѣ прошлаго и въ началѣ этого столѣтія. Это та централизація, которой добивается Германія, но никакъ не добьется; недостатокъ этой централизаціи былъ одной изъ причинъ скорого упадка греческой жизни и уничтоженія свободы греческихъ республикъ.

Славяне отчасти не понимают этой централизации; наприм. моравы не хотят сближаться съ чехами потому, что есть легкая разница въ ихъ языкахъ. У насъ тоже есть антицентрализаторы этого рода; между ними есть люди, очень достойные уваженія. Жаль, что они занимаются пустяками; серьезнымъ ихъ дѣло назвать нельзя: еслибы оно было серьезно, то оно стоило бы реакціи; а теперь пусть ихъ позабавятся; можетъ быть, найдутся имъ подражатели изъ Бѣлоруссін, изъ кириллобѣлозерскаго уѣзда, изъ Вологды—вообще, гдѣ есть разница мѣстнаго говора отъ общаго языка образованнаго класса; можетъ быть, явятся ихъ подражатели въ Иркутскѣ, потому что тамъ не говорятъ, а поютъ, и въ мѣстномъ словарѣ есть много словъ изъ монгольскаго языка; напр.: барканъ, чура, чумахъ, хабаръ, кацапъ, кавунъ, и пр.; нѣсколько словъ также оставили поляки, проживавшіе тамъ, напр. лісты, постолы, гаф, швагеръ, цибулька, барило, шлагъ, шкода, шибка, броваръ москаль и т. п. Только пусть подобные патриоты тамъ и пишутъ свои сочиненія, тамъ и издають ихъ; а если прїѣдутъ сюда, то они забудутъ свои языки, какъ, напр., редакція «Основы», которая никакъ не можетъ добраться до основы своего языка, и все больше и больше забываетъ его, такъ-что на мѣстномъ языкѣ печатаются только названія отдѣловъ журнала, напр. лісты, или вѣсти, а самые лісты и вѣсти на томъ же языкѣ, которымъ и мы говоримъ. Можно посоветовать даже и редакціи «Основы» перенести свое изданіе и вообще свою дѣятельность куда-нибудь, въ Пирятинъ; или въ Лубны, даже куда-нибудь на хуторъ, хоть близъ Диканьки: оно, во-первыхъ, и послѣдовательнѣе да и легче тамъ научиться языку въ которомъ есть надобность для редакціи; по книгамъ плохо учиться говорить.

Национальная централизація—дѣло, которымъ шутить нельзя; возстановленіе ея дорого достается; въ этомъ хорошо убѣдились итальянцы и много жертвъ для нея теперь приносятъ; а нѣмцы только остаются съ своими благочестивыми желаніями, точно также, пока пропитаны только платоническою любовью къ единству жители Пиренейскаго полуострова и племена скандинавскія.

Прудонъ хорошо различаетъ эти двѣ централизаціи; и централизацію національную онъ уважаетъ; онъ старается ее укрѣплять, поддерживать, и не можетъ понять, почему нѣкоторые лю-

ди, повидному серьёзные, хотять отнять у государства средство принимать общія, активныя мѣры въ интересъ всего народа; такихъ людей онъ называетъ ригористами свободы. Правда, что есть между ними ригористы свободы, но большая часть возгласовъ противъ общихъ активныхъ мѣръ экономическаго благосостоянія идетъ изъ желанія захватить въ свои руки или удержать за собою монополію производства, къ невыгодѣ потребителей и рабочихъ классовъ. Вопреки ригористамъ свободы, Прудонъ желаетъ, чтобы государство взяло на себя нѣкоторыя услуги чисто-экономическія, дѣлая, впрочемъ, оговорку, что государству было бы невыгодно самому заниматься экономическими предпріятіями, а выгоднѣе было бы, удерживая ихъ въ своемъ владѣніи, сдавать завѣдываніе ими частнымъ людямъ, или компаніямъ. Къ числу такихъ экономическихъ предпріятій онъ относитъ, вопервыхъ, учрежденія для общественнаго кредита, пути сообщенія, которые должны доставлять собственность государства * мины, доки, воды и лѣса; почты и телеграфы, наконецъ, производство пороха и селитры. — Прудонъ хочетъ, чтобы государство удерживало за собою эти статьи, для двухъ цѣлей: во-первыхъ, для того, чтобы воспользоваться доходами ихъ и, во-вторыхъ, для того, чтобы общество пользовалось ими съ болѣею выгодною для себя. Разумѣется, съ этимъ не согласиться нельзя. Когда, напр., дороги или каналы находятся въ частномъ владѣніи, тогда они дороговизною ** своею становятся въ роль внутреннихъ таможенъ и заставъ, которыми въ XVII и частью въ XVIII вѣкѣ были такъ богаты всѣ государства Европы, и которые самымъ вѣрнымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ имѣли то, что затрудняли торговлю и промышленность вообще. Одна изъ задачъ государства состоитъ въ томъ, чтобы облегчать экономическое состояніе частныхъ людей; и вездѣ, гдѣ оно можетъ, тамъ и должно сдѣлать это, вопреки тому, что имѣло мѣсто во всѣхъ государствахъ до-сихъ-поръ. Если государство будетъ предлагать проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ за дешовую цѣну,

* Просимъ обратить вниманіе на сходство выводовъ Прудона и школы Кери. Искреннее желаніе открыть истину, а не фанфаронить своею ученостью или либерализмомъ, всегда должно привести къ соглашенію, къ самой истинѣ.

** Прежде было показано, откуда происходитъ дороговизна средствъ сообщенія. Нельзя же имъ быть дешовыми, когда они должны оплачивать проценты и погашеніе капиталовъ, незатраченныхъ въ производство.

а по другимъ — бесплатно, то, очевидно, обращеніе цѣнностей облегчится и цѣны упадутъ.

У насъ, какъ обыкновенно, Прудона знаютъ большею частью по слухамъ и приписываютъ ему то, чего онъ никогда и не воображалъ. Его же сочиненія, больше нежели чьи-нибудь другія, способны ввести въ ошибку даже и тѣхъ, которые его читали, но недовольно понимали. Такъ, обыкновенно, думаютъ, что онъ противникъ частной собственности; это мнѣніе принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ. Даже нѣмецкій профессоръ Веберъ, котораго всеобщую исторію переводятъ на русскій языкъ, принимаетъ его. И дѣйствительно, послѣ его двухъ мемуаровъ о томъ, что такое собственность, можно, пожалуй, это подумать, между-тѣмъ, какъ въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ, не говоря о другихъ, можно видѣть, и даже нельзя не видѣть, что Прудонъ — не противникъ собственности, если не по отдѣльнымъ фразамъ судить о книгѣ, а по всему ея содержанію. Точно также его считаютъ партизаномъ анархизма; и наши модники-литераторы и нелитераторы, повторяютъ даже не читанныя, а слышанныя только фразы о томъ, что анархія есть лучшее правительство, что законы не болѣе, какъ остатокъ старины, отъ котораго пора отвязаться, и т. п. Такіе господа довольно, впрочемъ, послѣдовательно приписываютъ Прудону желаніе если не уничтожить совсѣмъ государственный союзъ, то едва-ли не ограничить его однимъ именемъ, названіемъ. Причина этихъ толковъ частью заключается въ самой методѣ Прудона, въ пріемахъ его мысли; конечно, болѣе существенная причина заключается въ нашемъ желаніи удивить своимъ необыкновеннымъ прогрессомъ.

Принимаясь за критику какого-нибудь явленія, Прудонъ осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, и всякую сторону старается понять со всевозможною полнотою и глубиною, не опуская ни одного оттѣнка ея; ничего, что можно сказать про или contra, онъ не оставляетъ безъ вниманія, и окончательный выводъ, сравненіе, взвѣшиванье доказательствъ иногда сдѣлаетъ не довольно-осязательно и ясно. Да и вообще мысль его слишкомъ своеобразна; иногда, чтобъ услѣдить за нею, нужно нѣкоторое усиліе; * а многіе ли къ этому у насъ привыкли? Другая причина ложныхъ толкованій Прудона заключается въ томъ, что онъ

* Причина этого заключается частью и въ томъ, что сочиненія Прудона часто недовольно отдѣланы чисто съ наружной стороны.

самъ высказываетъ въ концѣ этой книги «De l'impré». Большая часть его сочиненій имѣетъ характеръ памфлетовъ, т. е. они имѣли цѣлью обратить вниманіе публики на извѣстныя явленія, къ которымъ публика показывала слишкомъ много индифферентизма,—это ясно было всегда. Да и какъ этого было не видѣть, когда, напр., въ системѣ экономическихъ противорѣчій онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ что-то въ родѣ этого: «измѣните эти отношенія капиталиста къ работнику, или я буду продолжать кричать, что собственность не болѣе какъ воровство». Ясное дѣло изъ-за чего бьется онъ. Теперь онъ яснѣе высказывается. На одно обвиненіе (со стороны профессора политической экономіи Шербюлье) его въ томъ, что критики его слишкомъ жолчны, онъ отвѣчаетъ: «Г. профессоръ политической экономіи говоритъ здѣсь сообразно съ своимъ темпераментомъ. Другіе находили тонъ моего мемуара столько же спокойнымъ, какъ и безпристрастнымъ. Самъ онъ обитаетъ въ ясной, чистой области идей. Поздравляю его, но не завидую ему. Но какъ же онъ не замѣчаетъ, что всякое новое приобрѣтеніе справедливости есть плодъ борьбы, и что немножко жару совсѣмъ не мѣшаетъ писателю, защищающему это дѣло? Гдѣ это же видано, чтобъ злоупотребленія искоренялись, ростовщичество сокращалось, вслѣдствіе заключенія академическаго совѣта или рѣшенія юрисконсультовъ?» и т. д.

Такимъ образомъ въ Прудонѣ надобно видѣть сколько экономиста философа, столько же и памфлетиста; но едва ли этотъ характеръ его сочиненій не повредилъ ему. Такъ, благодаря этому, его плохо понимали, а его мелочные критики, сами писавшіе въ политической экономіи въ родѣ г. де-Молинари, придирались всегда къ этимъ фразамъ, которыя Прудонъ употреблялъ, можетъ быть, даже неосторожно, вслѣдствіе увлеченія. Такъ А. Сюдръ сдѣлалъ самую наглую quasi-критику идей Прудона, гдѣ онъ выбиралъ подобныя неосторожныя выраженія и смѣялся надъ ними самымъ гаерскимъ образомъ. Одинъ этотъ способъ критики его дѣлаетъ очень вѣроятнымъ обвиненіе противъ Сюдра въ томъ, что онъ былъ подкупленъ написать свою книгу, а между тѣмъ книга разошлась, кажется, въ пяти изданіяхъ, или даже больше.

Благодаря смутному представленію, господствующему у насъ объ идеяхъ Прудона, нелишнимъ будетъ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ его книги касательно нѣкоторыхъ дополнительныхъ

источниковъ дохода, которые онъ считаетъ особенно *perproductifs de l'utilité*.

Онъ издавна партизанъ національнаго банка и, повидимому, теперь взглядъ его нѣсколько измѣнился, лишннихъ надеждъ на свой банкъ онъ не возлагаетъ; но то, чего онъ ждетъ отъ банка, принадлежитъ именно къ числу реформъ, а не утопій, чтó составляетъ эпиграфъ всей книги.

«Если національный банкъ, — говоритъ Прудонъ, — съ капиталомъ, составленнымъ изъ звонкой монеты, собранной съ публики послѣ выпуска его собственныхъ билетовъ, будетъ дѣлать учетъ векселей по 3%, по 2%, 1% даже $\frac{1}{2}\%$, въ то время, когда государство уже выплатило, или будетъ выплачивать свой долгъ воздерживаясь отъ новыхъ займовъ, то свободные капиталы оказываются вынужденными этою высокою конкуренціею обратиться къ промышленнымъ и земледѣльческимъ предпріятіямъ и должны будутъ довольствоваться уменьшеннымъ процентомъ» и т. д. Вотъ какого результата ждетъ авторъ отъ своего банка! Просимъ заиѣтить, что это уже не то, что говорилъ онъ въ своемъ спорѣ съ Бастьемъ и въ чемъ состояла его единственная слабость въ этомъ спорѣ, въ которомъ, по справедливости, поле осталось за нимъ. «Не правда ли, — прибавляетъ онъ, — что такимъ образомъ (т. е. уменьшая процентъ на капиталы) государство, наложивъ подать на поземельную ренту, въ то же время на столько же освобождаетъ отъ нея собственность и дѣлаетъ для нея нѣчто въ родѣ ренты (чистой прибыли) въ капиталахъ, которыми оно пользуется?»

О путяхъ сообщенія Прудонъ говоритъ:

«Правительства, преувеличивая свое безсиліе, отказались въ пользу ажіотирующихъ компаній, отъ инициативы въ постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, потому-что плохо понимали уваженіе къ промышленной свободѣ, скажемъ даже всю истину: потому-что слѣдовали реакціонной политикѣ». Прудонъ думаетъ, что, рано или поздно, правительства возьмутъ назадъ себѣ желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія; долго было бы вынуживать все его мнѣнія; но и тѣ, которыя приведены, достаточно убѣждаютъ, что онъ не осуждаетъ правительства на этотъ тарческій квітизмъ, къ которому бы хотѣли свести ихъ буржуа, чтобы удобнѣе эксплуатировать публику.

Говоря о докаяхъ, которые правительство должно имѣть въ своемъ владѣніи и завѣдываніи, Прудонъ разумѣетъ подъ

ними не то, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ именемъ. Они имѣютъ совершенно особенную цѣль.

Какъ дополненіе къ законамъ противъ коммерческихъ обмановъ, противъ коалицій ажіотажа, нужно еще учрежденіе, безъ котораго всѣ эти законы останутся мертвою буквою. Это учрежденіе состоитъ въ томъ, «чтобъ устроить, въ интересъ производителей и потребителей склады и базары, помѣщенные подъ непосредственный надзоръ муниципальных совѣтовъ и коммерческихъ камеръ, содержимые агентами, по назначенію этихъ совѣтовъ и камеръ, и дѣйствующими въ качествѣ присяжныхъ довѣренныхъ ото всѣхъ частныхъ людей, которые ввѣрятъ имъ свои произведенія.»

«Эти склады должны дѣйствовать подобно англійскимъ докампъ, принимать въ магазины товары, продавать ихъ, дѣлать комиссію, выдавать задатки деньгами производителямъ и такимъ образомъ служить регуляторами національнаго рынка. Торговля останется свободна, только будетъ одною конкуренціею больше, которая, не стараясь ни понижать цѣнъ, ни возвышать ихъ, строго повинуваясь вліянію спроса и предложенія, будетъ служить, какъ я сказалъ, регуляторомъ.»

Всѣ эти учрежденія прежде всего имѣютъ въ виду выгоду потребителей, частныхъ лицъ; но они должны будутъ доставлять государству и доходъ, нисколько не обременяя потребителей; потому-что въ теверешнемъ положеніи дѣль, благодаря высокимъ процентамъ, дорогимъ средствамъ транспорта и благодаря ажіотажу, потребители платятъ за все цѣны, которыя далеко выше естественной стоимости вещей.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти доходы будутъ равняться теверешнимъ доходамъ отъ налога на потребление. Прудонъ, несмотря на свою ѣдкую критику всѣхъ налоговъ, не отказывается отъ нихъ совсѣмъ; онъ хочетъ только понизить ихъ такъ, чтобъ они оставались почти чистыми статистическими средствами. Но и при этой величинѣ они дадутъ правительству доходъ, какъ дополненіе къ главному доходу съ поземельной ренты. Разумѣется, не всѣ современные налоги онъ оставляетъ; нѣкоторые, какъ внутреннія, городскія заставы, или налогъ на двери и окна, онъ осуждаетъ абсолютно. Но другіе и большую часть онъ только уменьшаетъ, находя, что, при помощи національнаго банка и складовъ, съ которыхъ произведенія будутъ платить вѣзначительную подать и благодаря другимъ мѣрамъ,

все-таки всё товары будут несравненно дешевле, чѣмъ теперь. «То, что хлебъ,—говоритъ онъ, платить какъ подать, при поступленіи въ складъ, ничего не значитъ въ сравненіи съ незаконными прибылями, которыя, подъ защитою меркантильной анархіи, получаютъ спекулянты, которые въ наше время, какъ во время Дюбарри, имѣютъ покровителей и соучастниковъ въ высшихъ слояхъ власти.»

«Оставимъ даже налогъ на соль, — продолжаетъ Прудонъ, — Возрастаніе бюджета сдѣлало его чудовищнымъ; но, уменьшенный на девять десятыхъ, онъ будетъ незамѣтенъ.»

За тѣмъ слѣдуютъ доходы отъ *timbre* и *enregistrement*, даже отъ наслѣдованія, только, впрочемъ, при большихъ наслѣдствахъ и при наслѣдованіи боковой линіи; потомъ налогъ на дома, сообразно пространству застроенному, числу этажей и квартиръ, и различно для различныхъ городовъ и кварталовъ. Жаль, что Прудонъ не представляетъ себѣ отчетливо экономическихъ законовъ относительно ренты; иначе, онъ развилъ бы яснѣе основанія и величину налоговъ на дома, и не помѣстилъ бы въ числъ основаній для наложенія подати число этажей и квартиръ.

Онъ сохраняетъ налоги на роскошь и патенты; но тѣ и другіе должны быть реформированы. Плата за патентъ, за право производства не должна быть для всѣхъ одинакова, но пропорциональна капиталу, употребленному на производство и числу рабочихъ; но если производствомъ занимается общество работниковъ, то плата должна быть самая незначительная. Прудонъ оставляетъ даже и таможи, какъ для привоза, такъ и для вывоза, и даже говоритъ, что таможня для ввоза до-тѣхъ-поръ не будетъ уничтожена, пока человѣчество будетъ раздѣлено на государства, и въ нихъ будутъ различныя налоги на потребленіе.

Эти мнѣнія относительно подробностей системы налоговъ не столько важны, какъ самая теорія Прудона; съ ними можно спорить, не соглашаться, да и самъ онъ не даетъ имъ много вѣса и разсматриваетъ ихъ почти мимоходомъ. Сущность его книги заключается въ теоретической части, въ его методѣ, построеніи системы налоговъ на основаніи идеи права и въ послѣдовательности, съ какою онъ сдѣлалъ это, наконецъ — въ справедливости его исходной точки, что плата налога есть одна часть мѣны. Какъ главные практическіе результаты, добытые имъ, нужно разсматривать его положенія о сокращеніи государственныхъ доходовъ вмѣстѣ съ административною децентра-

лизацію, о поземельной рентѣ, какъ главномъ основаніи и источникѣ государственныхъ доходовъ и объ организаціи общественныхъ услугъ. Что касается развитія этихъ положеній, критики налоговъ существующихъ и проэктированныхъ, читатель видѣлъ обращенія того и другаго. Если его критика не вездѣ строго справедлива, объ этомъ надобно только жалѣть. Особенно несправедливъ онъ къ налогу прогрессивному. Тутъ виною частью то, что онъ представляетъ себѣ прогрессивный налогъ въ должномъ свѣтѣ, а часто и то, что, при сформировавшейся системѣ, всякій очень легко и безсознательно поддается духу системы, считая нарушеніемъ ея то, что не вошло въ нее первоначально. Повидимому, мысль о налогѣ на поземельную ренту совершенно поглотила вниманіе Прудона. Конечно, въ системѣ финансовъ налогъ на ренту гораздо важнѣе во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ прогрессивный налогъ на доходъ; но въ здоровой финансовой системѣ оба эти налога должны быть вмѣстѣ положены въ основаніе. Налогъ на ренту не удержитъ большого капиталиста, или нѣсколькихъ большихъ капиталистовъ, забрать въ свои руки всю почву въ странѣ; тогда и склады не помогутъ, потому-что, кромѣ монополистовъ, въ нихъ некому будетъ складывать хлѣбъ. Тогда они могутъ сочинить новый *pacte de famine*, въ родѣ того, который въ прошломъ столѣтіи сочинили во Франціи монополисты. Конечно, можетъ быть монополисты и не овладѣютъ своею почвою; но можетъ быть что и овладѣютъ; овладѣли же шесть человекъ половиною Африки, тѣ, которыхъ Неронъ велѣлъ убить. Говорятъ, что въ послѣднее время заключается обратное движеніе поземельнаго владѣнія, не къ соединенію участковъ, а къ раздробленію ихъ, и доказываютъ это обыкновенно примѣромъ Франціи, гдѣ почва въ послѣднее столѣтіе представляетъ весьма незначительныя участки. Но, вѣдь, это вслѣдствіе революціи. Еслибъ конвентъ не забралъ въ свои руки имѣній духовенства и эмигрантовъ да не распродавъ ихъ, то и во Франціи было бы то же самое, что въ Англіи, гдѣ на 400 человекъ приходится одинъ поземельный участокъ, или въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, гдѣ одинъ поземельный участокъ приходился на 1100 человекъ. Что касается дальнѣйшаго дробленія почвы, которое будто-бы имѣло мѣсто уже въ этомъ столѣтіи, извѣстно, что Моро де Жонесъ опровергъ это мнѣніе; оно основано было на неточности, и на неполнотѣ кадастра.

Впрочемъ, Прудонъ, будучи партизаномъ уравненія состояній, не прочь даже и отъ прогрессивнаго налога, только его думаетъ приложить въ случаѣ совершенно особенномъ. Вотъ что онъ говоритъ о налогахъ на наслѣдства:

«Слѣдуетъ освободить отъ всякаго налога наслѣдства небольшія, исключая простое вознагражденіе за вздержки записи и квантанціи.

«Наслѣдства послѣ смерти отца семейства, оставляющаго вдову и малолѣтнихъ дѣтей, должны быть равнымъ образомъ свободны.

«Въ другихъ случаяхъ я желалъ бы ввести *налогъ прогрессивный* сообразно во 1) состоянію новаго пріобрѣтателя или наслѣдника, считая тутъ и новое наслѣдство, во 2) сообразно степени родства. Такимъ образомъ принципъ наслѣдства былъ бы укрѣпленъ и въ то же время фискъ благопріятствовалъ бы стремленію къ уравненію, что должно составлять его постоянную заботу».

Такимъ, послѣ своей критики прогрессивнаго налога, Прудонъ противъ своихъ доказательствъ допускаетъ этотъ налогъ. Но онъ выбираетъ для этого случай очень неудачно. Если и не осталось вдовы съ малолѣтними дѣтьми, послѣ смерти семейства,—если осталось напр. нѣсколько взрослыхъ дочерей (извѣстно, каково положеніе подобныхъ сиротъ-дѣвицъ въ нашихъ обществахъ),—будто у нихъ слѣдуетъ еще взять изъ ихъ наслѣдства и прибавить къ ихъ несчастію другое? Но въ такомъ случаѣ, при близости родства фискъ не возьметъ много,—такъ слѣдуетъ изъ теоріи Прудона. Это правда; но онъ не долженъ взять ничего; если бы можно было, ему слѣдовало бы облегчить какъ-нибудь состояніе этихъ сиротъ, а не уменьшать ихъ наслѣдство.

И когда же онъ возьметъ много, какъ онъ будетъ содѣйствовать этому уравненію состояній? Посредствомъ большого налога на большія наслѣдства при отдаленности родства?—такъ слѣдуетъ по теоріи. Но много ли такихъ случаевъ? Изъ 10 большихъ наслѣдствъ 9 переходятъ по прямой линіи; а изъ остальныхъ, вѣроятно, тоже $\frac{9}{10}$ переходятъ къ близкимъ роднымъ. Такимъ образомъ, это стремленіе къ уравненію выходитъ дѣйствительнымъ лицемѣриемъ, тогда-какъ, при прогрессивномъ налоговѣ на доходъ, уничтожается самая возможность накопленія громадныхъ состояній, опасныхъ для общественнаго благосостоянія; и если оставить въ сторонѣ наводъ общества, основанное на

его содѣйствіемъ къ образованію капиталовъ, для прогрессивнаго налога достаточно одного основанія: *salus populi maxima lex esto* (блага народа должно быть верховнымъ закономъ). Очевидно, результаты прогрессивнаго налога такъ, какъ его допускаетъ Прудонъ (въ случаѣ наслѣдства), и такъ, какъ онъ представляетъ выше, совершенно различны. Налогъ на отдаленныя наслѣдства долженъ быть допущенъ въ большомъ размѣрѣ, но именно только потому, что право наслѣдниковъ незначительно и подлѣ него является другое право—общества. * Разсчитывать чтобъ этотъ налогъ могъ содѣйствовать уравниенію состояній и дать значительный доходъ—нѣтъ никакого основанія.

Сочиненіе Прудона получило награду на конкурсѣ, куда оно было представлено. Но докладчикъ конкурса, Шербюлье, несмотря на награду, присужденную Прудону, дѣлаетъ о его сочиненіи нѣсколько замѣчаній; не очень лестныхъ для автора; между прочимъ сюда относится замѣчаніе о томъ, что критики автора очень жолчны; другія замѣчанія еще курьѣзныѣ. Но напередъ скажемъ нѣсколько словъ о самомъ докладчикѣ. Въ дѣятельности Шербюлье много похожаго на дѣятельность Росси. Оба они занимали кафедры политической экономіи, къ которымъ были совсѣмъ не приготовлены; оба въ продолженіе всей жизни тормозили успѣхи политической экономіи и политической жизни вообще. Шербюлье, попавши въ управленіе, былъ дѣятельнымъ противникомъ Д. Фази въ Женевѣ, стараясь отстоять конституцію Женевы, полученную ею въ 1814 году въ идеяхъ этого времени. Какъ извѣстно, Фази и народъ одолѣли, и консерваторы уступили имъ мѣсто. Шербюлье бѣжалъ во Францію и тамъ писалъ для словаря Гильомена, для журнала экономистовъ, издавалъ книжки по политической экономіи, напр. *Le socialisme c'est la barbarie* и т. п. Теперь Шербюлье оказывается въ Цюрихѣ опять профессоромъ политической экономіи. Какъ Росси, какъ де-Молинали, онъ не можетъ обойтись безъ мѣстечка. Но, вѣроятно, идеи его перемѣнились, потому-что все-таки онъ счелъ книгу Прудона достой-

* Здѣсь, строго говоря, опять случай непослѣдовательности Прудона, или, по-крайней-мѣрѣ, здѣсь онъ дѣлаетъ недовольно-ясный синтезъ своего ученія. Оказывается, что онъ допускаетъ и прогрессивный налогъ и налогъ на наслѣдства. Зачѣмъ было ему такъ строго осуждать и то и другое вперед и зачѣмъ было не показать основаній, почему онъ для этихъ случаевъ дѣлаетъ исключеніе? Тѣ, которые убѣдятся его предыдущими разсужденіями, не примутъ этихъ налоговъ на наслѣдство въ прогрессивномъ видѣ. Между тѣмъ онъ дѣйствительно нигдѣ не сдѣлалъ никакой оговорки.

ною награды; да при современномъ политическомъ состояніи Швейцаріи, иначе онъ не получилъ бы мѣста профессора и докладчика конкурса, имѣвшего такую прекрасную цѣль. И дѣйствительно, всѣ возраженія, которыя онъ сдѣлалъ Прудону, показываютъ его, по крайней-мѣрѣ, терпимость къ социальнымъ стремленіямъ. Такъ, онъ нисколько не возмущается налогомъ на поземельную ренту; прежде, въ этомъ случаѣ, онъ закричалъ бы о грабительствѣ; ни слова противъ ясно-высказанной тенденціи Прудона къ уравненію состояній; прежде онъ поднялъ бы такіе же возгласы о варварствѣ, —ничего противъ организаціи общественныхъ услугъ; но прежнимъ теоріямъ онъ проклялъ бы эту регламентаціонную систему — даже ничего противъ протекціонной системы и т. п. Навротивъ, несмотря на все это, онъ даже одобрилъ книгу, но прибавилъ къ ней нѣсколько общихъ замѣчаній, на которыхъ его не очень легко поймать.

Отчетъ о присужденіи наградъ былъ напечатанъ въ «Journal des Economistes». Прудонъ, печатая свою теорію, въ концѣ прибавляетъ отвѣтъ докладчику конкурса. Читатель видѣлъ, какъ онъ отвѣчаетъ на замѣчаніе Шербюлье относительно рѣзкости его критикъ. Другихъ отвѣтовъ его мы не будемъ приводить; но вотъ въ чемъ состоятъ возраженія Шербюлье. Прудонъ говоритъ, что налогъ на потребление падаетъ, между прочимъ, и на бѣдныхъ и давить ихъ больше нежели богатыхъ частью потому, что они бѣдны, имѣютъ мало средствъ, вообще; а частью потому, что имъ не на чемъ взять назадъ свои уплаты фиску, тогда-какъ производитель, капиталистъ вознаграждаютъ себя поднимая цѣну своихъ произведеній. На это Шербюлье говоритъ: «Что касается производителей, то, всего вѣрнѣе, избѣгаютъ тягостей налога бѣдные. Они избѣгаютъ ихъ именно потому, что они — бѣдные, потому-что доходъ, которымъ они живутъ, не можетъ подвергнуться никакому уменьшенію. Странно, что профессоръ политической экономіи не понимаетъ того, что, вслѣдствіе налоговъ, поднимаются цѣны всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для жизни, и что бѣдные, дѣйствительно ничего не платя прямо и только покупая необходимое, тѣмъ самымъ платятъ налогъ. Извѣстно, какъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи налоги французскіе, неговоря о Парижѣ, гдѣ *ostrois* беретъ налогъ прямо съ предметовъ потребления и увеличиваетъ непосредственно ихъ цѣну; налоги на производство, которые даютъ во Франціи большую массу доходовъ, произво

дать то же самое дѣйствіе, т. е. увеличиваютъ цѣну произведеній. И вотъ профессоръ политической экономіи воображаетъ и увѣряетъ другихъ, что бѣдные избѣгаютъ тягости налога. Замѣчательно, что тотчасъ передъ этимъ онъ дѣлаетъ упрекъ Прудону за то, что онъ не обратилъ вниманія на такъ называемую реперкуссію налоговъ, т. е. какъ налоги, платимые непосредственно одними, производителями или торговцами, разливаются на всю массу народа. Какъ же его не достало на то, чтобъ не противорѣчить себѣ на двухъ строкахъ, и въ дѣлѣ очень крупномъ!

Одно возраженіе свое Прудону Шербюлье основываетъ на томъ, что во Франціи будто-бы досихъ-поръ существуетъ система финансовъ публичная, гласная и отвѣтственная. Русскіе читатели объ этомъ предметѣ имѣютъ довольно-вѣрныя извѣстія, и распространяться тутъ нечего. Жаль, что въ Швейцаріи преподають политическую экономію такіе ученые профессоры!

Д. ЩЕГЛОВЪ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

XI.

— Халдеи, халдеи!—повторялъ Горшковъ, проходя по залѣ.

— Глуно, очень глуно!—вырвалось у Бориса.

Абласовъ шолъ молча, ни на кого не глядя.

Когда прошла первая минута досады, Борису сейчасъ же представилась мысль объ отцѣ. Если директоръ пошлетъ записку, отецъ страшно встревожится. «Какъ тутъ быть?» — спрашивалъ онъ самъ себя, хмурия лобъ и ускоряя шаги.

Депутаты вернулись въ классъ послѣ звонка. Каѳедру занималъ новый учитель, самая популярная личность во всей гимназіи, Ардальонъ Захарычъ Самородскій, изъ хохловъ. Фигура Ардальона Захарыча была изъ очень невзрачныхъ. При маленькомъ ростѣ, онъ имѣлъ пренеуклюжее туловище, на кривыхъ ножкахъ; былъ рябъ и косъ; но рябое лицо всегда сіяло, въ глазахъ и въ очертаніи рта сидѣлъ неистощимый юморъ. Ардальонъ Захарычъ любилъ цвѣтныя матеріи и всѣ части его туалета, кромѣ вицмундира, поражали пестротой. Онъ былъ старшій учитель физики и математики, очень плохо зналъ свой предметъ, но замѣнялъ отсутствіе знаній безконечнымъ добродушіемъ. Его всѣ любили; но никто у него ничего не дѣлалъ.

— Что, крсаавцы, набѣдокурили? — встрѣтилъ онъ депутатовъ, встряхнувъ своими кудрявыми волосами... Ардальонъ Захарычъ былъ уже не первой молодости, но постоянно носилъ юношескую прическу.

— Набѣдокурили, — отвѣтилъ Горшковъ, съ гримасой. — Ну, господа, — обратился онъ ко всему классу, — будетъ лупка.

— Какъ, лупка? — закричало нѣсколько голосовъ.

— Да, такъ, — Горшковъ поднялъ лѣвую руку на отвѣсъ, а правой сдѣлалъ нѣсколько движеній по воздуху: — вотъ этакъ, господа... въ сборной, послѣ классовъ.

Многіе расхохотались,

— Перестань врать! — проговорилъ учитель. Онъ всѣхъ *тыкалъ* и никто этимъ не обижался. — Телешневъ, расскажи, что у васъ тамъ было.

— Горшковъ вовсе не выдумываетъ, — отвѣтилъ Борисъ. — Директоръ приказалъ насъ высѣчь.

— Ну, крсаавецъ, это больно густо что-то.

— Уже не знаю какъ, Ардальонъ Захарычъ: онъ съ нами не разсуждалъ.

— Эхъ вы, зеліе! — проговорилъ Самородскій, съ душевнымъ сокрушеніемъ. — Какъ же быть-то?

— Разумѣется, мы не дадимъ себя высѣчь.

— Да, скверно, красавцы, все-таки скверно!

— Что же скверно-то, Ардальонъ Захарычъ?

Самородскій не нашолся, что отвѣтить. Онъ только ударилъ ладонью о кафедру и еще разъ проговорилъ: скверно.

Въ классѣ поднялся говоръ. Нѣкоторые соскочили съ лавокъ и подошли къ первой партѣ; другіе окружили кафедру.

— Шш... зеліе! — крикнулъ Ардальонъ Захарычъ! — По мѣстамъ садитесь! что за жидовская школа... слова не дадутъ сказать.

Говоръ не вдругъ унялся. Ученики медленно разсаживались, и продолжали перекидываться словами.

Ардальонъ Захарычъ снова обратился къ депутатамъ:

— Ну, послушайте, крсаавцы, — заговорилъ онъ, — вы надурили; «не спросясь броду, да сунулись въ воду»: глупо, глупо!

— А что жъ нужно было дѣлать? — спросилъ Горшковъ.

— Какъ что? Вѣдь, не тебя обругали, зеліе, такъ ты что же соваля?

— Помилуйте, Ардальонъ Захарычъ, — замѣтилъ съ силой

Борисъ, — какъ же вы такъ разсуждаете? Вѣдь, послѣ этого всѣхъ насъ будутъ ругать походя. Надо же было показать Корякову, что онъ поступилъ скверно.

— Ну-ну, умница, ты мнѣ проповѣди не читай, я, вѣдь, не глупѣе тебя.

— Что же мы такое сдѣлали?—продолжалъ Борисъ, воодушевившись. — Онъ не хотѣлъ извиниться, — мы къ директору пошли.

— Законный путь,—подтвердилъ Горшковъ, подмигнувъ Ардальону Захарычу.

— Молчи ты, балажникъ!—осадилъ его Ардальонъ Захарычъ, погрозивъ пальцемъ.—Нѣтъ, красавцы,—обратился онъ ко всѣмъ тремъ депутатамъ, — глупо сдѣлали! Зачѣмъ тутъ директора вѣшивать? Не достало смекалки, что онъ оборветъ васъ, какъ сидорову козу.

— Такъ, стало, намъ самимъ нужно было распорядиться? — ввернулъ Горшковъ.

— Не перебивай, егоза!—крикнулъ Ардальонъ Захарычъ. — Я вотъ тебя самого вздую, зелье... Горячитесь вы всѣ, въ студенты всѣ лѣзете... Онъ тамъ, какой ни на есть, да старшій учитель, красавцы; а вы къ нему въ классъ съ ножомъ къ горлу пристунили... Вѣдь, онъ гусь лапчатый... онъ и съ нами-то бѣжъ ежомъ, а не то, что съ вашимъ братомъ... Вы бы на квартиру къ нему пришли, представили резоны...

— Да ужъ объ этомъ что же толковать теперь? — прервалъ его Абласовъ, смотря изподлобья, — попустому только время тратить.

Онъ выговорилъ это такъ твердо и серьезно, что Ардальонъ Захарычъ нежного стѣснился.

— Я васъ предостерегаю, красавцы, какъ вы не хотите понять?..

— Мы понимаемъ, — сказалъ Борисъ,—и очень вамъ благодарны; да теперь дѣло-то сдѣлано.

— А все-таки вы грибъ соленый съѣли, хлоппы.

— Кто же виновать-то! — ввернулъ Горшковъ,—наши безмозглые... Егорка съ Юнкой.

— Тсс! егоза! Вотъ что я вамъ скажу, красавцы, слушайте! Бросьте вы Корякова: ничего не добьетесь; и остальныхъ не толкайте... курсъ вамъ кончать нужно, а не войну съ началь-

ствомъ затѣвать. Слышите, команда безпардонная? — Ардальонъ Захарычъ привсталъ и обратился ко всему классу.

Директора боялись, и не у многихъ было желаніе затѣвать новую исторію.

— Скажи же мнѣ, зеліе, съ чѣмъ васъ Іонъ-то отпустилъ? — спросилъ опять у Горшкова Ардальонъ Захарычъ.

— Да, вѣдь, я вамъ изобразилъ: выпоротъ и безъ обѣда оставить.

— Ну, этого не будетъ. Онъ только языкомъ почесалъ; безъ совѣта не смѣеть! — повторилъ Ардальонъ Захарычъ, обратясь къ Борису.

Борисъ его не слушалъ и стоялъ въ какой-то неопредѣленной позѣ, съ поникшей головой.

— Вы не беспокойтесь! — вдругъ проговорилъ онъ, — не высѣкутъ.

Абласовъ посмотрѣлъ на Бориса и такимъ же тономъ повторилъ: «не высѣкутъ».

— Смотрите же, крусацы! — вскричалъ Ардальонъ Захарычъ: — Рцы слово крѣпко... Забунтите — наплюю на васъ. Садитесь по мѣстамъ! Баласничаешь съ вами... полчаса прошло. Урокъ приготовили? — спросилъ онъ, распахнувъ борты вицмундира и заложивъ большой палецъ за выемку жилета.

— Вы обѣщали, Ардальонъ Захарычъ, въ физическій...

— Электрическую зарядить...

— Въ физическій Ардальонъ Захарычъ! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Лѣнтяи... крапивное зеліе! вамъ бы только балбесничать... проговорилъ Ардальонъ Захарычъ, вставая.

— Ну, иденте, — прибавилъ онъ не безъ удовольствія. Онъ самъ радъ-радехонекъ былъ избавиться отъ спрашиванья уроковъ.

Поднялся гвалтъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Отворилась дверь и Самородскій, заложивъ руки въ карманы своихъ широчайшихъ панталонъ вишневаго цвѣта, зашагалъ кривыми ножками по корридору... За нимъ повалила толпа... Семиклассники, поюнѣе, заглядывали въ другіе классы и барабанили по стекляннымъ дверямъ...

«Въ физическій пошли» повторялось въ низшихъ классахъ, съ затаенной завистью...

И не одинъ гимназистикъ замечталъ о томъ блаженномъ вре-

мени, когда онъ начнетъ слушать физику и проникнетъ въ *физическій*, гдѣ не спрашиваютъ уроковъ, а потѣшаются разными штучками...

XII.

Въ физическій кабинетъ дверь вела изъ актовъ залы. Кабинетъ занималъ три комнаты, и, благодаря лѣни Ардальона Захарыча, былъ въ страшномъ безпорядкѣ: ни одинъ аппаратъ, ни одно колесо не дѣйствовало, какъ слѣдуетъ. Ардальонъ Захарычъ отговаривался все тѣмъ, что занятъ метеорологическими наблюденіями. Ученики седьмого класса знали, *какъ* составлялись эти наблюденія.

Толпа, ввалившись въ кабинетъ, разсыпалась по всѣмъ тремъ комнатамъ. Началась бѣготня, полѣзли въ шкапы разбирать всякую всячину. Ардальонъ Захарычъ кричалъ, остерегалъ—никто его не слушалъ. Около электрической машины собрался кружокъ. Мечковскій уже залѣзъ на скамейку и пищалъ:

— Ну, братцы, накачивайте, накачивайте сильнѣй!

Два-три гимназиста начали вертѣть, что было мочи.

— Сыплются, сыплются! заговорили наблюдатели.

Ардальонъ Захарычъ, только-что освободившій какой-то хрупкій аппаратъ изъ нецеремонныхъ рукъ юныхъ изслѣдователей, подбѣжалъ къ электрической машинѣ.

— Зеліе! что вы тутъ мастерите?

— Заряжаютъ меня, Ардальонъ Захарычъ, — пропищалъ Мечковскій и подпрыгнулъ на скамейкѣ.

— Я вотъ заряжу тебя! прочь пошолъ! Ардальонъ Захарычъ столкнулъ Мечковского со скамьи и отвелъ рукой *накачивателей*. — Дайте срокъ... что вы вертите, крсавацы... Бѣснуетесь, а ни аза не смыслите.

— Ну, такъ вы насъ научите уму-разуму, — ввернулъ Мечковскій...

— Молчи, физикъ!

Всѣ ыркнули. Ардальонъ Захарычъ самъ засмѣялся своей остротѣ.

— Ну, вотъ, крсавацы, заговорилъ онъ:—вы видите: тутъ всѣ части электрической машины...

— Нѣтъ не видимъ, — закричалъ Мечковскій:—Скворцовъ носомъ зогородилъ.

Раздался опять взрывъ смѣха.

— Да провались ты, непотребный хлопецъ!..

Мечковскій юркнулъ и спрятался за огромный глобусъ, между двумя шкапами.

Ардальонъ Захарычъ началъ описывать электрическую машину, нельзя сказать, чтобъ очень вразумительно, а больше съ помощью тѣлодвиженій.

— Что ты, Борисъ, призадумался?—спросилъ Горшковъ Теплева.

Они стояли поодаль отъ всѣхъ, у стола, на которомъ, въ безпорядкѣ, валялись разныя трубки и разбитые термометры.

— Ну что за важность, что безъ обѣда оставлять? Не умремъ съ голоду. Неужто ты боишься, что онъ намъ сѣкунцію задастъ? — продолжалъ Горшковъ.

— Что ты глупости говоришь, Валерьянъ! Ничего я не боюсь.

— Такъ что-жь ты приунылъ?

Борисъ съ трудомъ высказывался даже такимъ близкимъ товарищамъ, какъ Горшковъ. Его наполняла забота о томъ, какъ бы помѣшать директору растревожить отпа.

— Да что же ты молчишь?

— Тотъ дуракъ... сказалъ онъ и остановился.

— Какой? Юнка, что ли?

— Да.

— Ну что-жь? Покричалъ, да и довольно; больше, вѣдь, у него и пороку не хватить.

— Онъ отцу напишетъ.

— Ну такъ что же?

— Какъ что?

Борисъ такъ взглянулъ на Горшкова, что тотъ покраснѣлъ.

— Знаю, чувствую. — заговорилъ онъ: — Но неужто ужъ къ тебѣ настолько довѣрія не имѣютъ дома... Да онъ и не напишетъ; гдѣ ему писать! у него руки отъ водки ходуномъ ходять.

Бориса не успокоили эти доводы. Лицо его не прояснилось.

— Ну, вотъ, крусапы. — кричалъ, между-тѣмъ, Ардальонъ Захарычъ, пришедши въ ученый азартъ, — вы знаете, что въ этой части машины... такъ сказать вырабатывается электричество... и оно проводится, такъ сказать...

— Проведите черезъ меня, — пропищалъ Мечковскій и вскочилъ на скамейку.

Ардальонъ Захарычъ кинулся къ нему; тотъ, соскочивъ, за-
дѣлъ за какой-то колапакъ: поднялся звонъ и хохотъ.

— Директоръ!—вдругъ крикнулъ кто-то сзади.

ХІІІ.

Посреди суетни, смѣха и говора явился директоръ, въ арха-
лукъ, сопровождаемый пузатымъ инспекторомъ.

Онъ вошелъ въ ту минуту, когда Ардальонъ Захарычъ по-
гнался за Мечковскимъ.

Мальчуганъ отскочилъ и весь съѣжился. Ардальонъ Захарычъ,
увидѣвъ директора, немножко растерялся и попятился назадъ.
Всѣ притихли и обернулись лицомъ къ двери.

— Что это? загнулся директоръ, — Содомъ и Гоморъ! Ты,
голубчикъ, въ присядку, что-ли, плясалъ?—спросилъ онъ Меч-
ковского.

Гимназистикъ не нашолся что отвѣтить.

— Чѣмъ это вы занимаетесь? — обратился директоръ къ Ар-
дальону Захарычу. — Что это у васъ за гвалтъ такой идетъ?

Самородскій оправился и, оглянувшись назадъ, отвѣтилъ:

— Опыты производилъ, описывалъ электрическую машину.

— Зачѣмъ же это они у васъ разбрелись по разнымъ угламъ?
прогнулся директоръ.

Учитель промолчалъ. Всѣ собрались къ одному мѣсту.

— Я пришолъ, голубчики, не сказки вамъ рассказывать. Вы
пакостники. милье мои, депутаціи вздумали посылать. Вотъ у
меня запокуютъ депутаты. Егоръ Пантелѣичъ, вызовите-ка ораторовъ-то.

Инспекторъ выдвинулся впередъ и провозгласилъ:

— Телепневъ, Горшковъ, Абласовъ.

Они вышли впередъ.

— Я васъ сегодня выстуку—слышите? такъ-таки въ сборной
отдѣру, а въ поведеніи нуль поставлю; да и всѣмъ, голубчики,
такія отиѣтки будутъ кондуитныя, что не только въ студенты,
въ писаря не попадете.

Ардальонъ Захарычъ улыбнулся и такъ значительно, что ди-
ректоръ замѣтилъ.

— Вы его все геніемъ считали, — обратился вдругъ къ нему
Іона Петровичъ, показывая на Телепнева, — а изъ него пер-
вый негодяй вышелъ. Слышите же, милье мои? — загнулся

директоръ возвышеннымъ тономъ,—попробуйте у меня еще разъ поумничать—всѣхъ выгоню.

Сцена, проектированная директоромъ, не удалась. Было мало силы въ его грозныхъ изрѣченіяхъ. Тонъ гнусливаго педагога только раздражилъ учениковъ; но кромѣ этого раздраженія и съѣженности, оставшейся у нѣкоторыхъ по малодушію и привычкѣ, ничего не шевельнулось въ семиклассникахъ. Директора знали за человѣка злого, способнаго на всякую гадость и сумасбродство, а потому половина класса боялась его; но на этотъ разъ никто не проникся убѣжденіемъ, что *Юнка* въ-самомъ-дѣлѣ можетъ выгнать, по своему произволу.

И директоръ, какъ-будто, это почувствовалъ: его стѣсняло также присутствіе Ардаљона Захарыча, этого *вѣчнаго защитника*, какъ онъ его называлъ.

— Какой у васъ безпорядокъ! — проговорилъ онъ, сморщившись и поглядывая на шкапы.

Ардаљонъ Захарычъ покраснѣлъ, но не растерялся и очень развязно отвѣчалъ:

— Много занятій, Юнъ Петровичъ, по наблюденіямъ... вѣдомости... и потомъ вамъ извѣстно, кабинетъ нуждается въ ремонтѣ.

— Ремонтъ! ремонтъ! Порядку нѣтъ-съ, чистоты нѣтъ-съ, это не отъ ремонту,—да-съ,—и онъ обернулся къ двери.

Ардаљонъ Захарычъ засунулъ одну руку въ вишневые панталоны и встряхнулъ кудрями, что у него означало раздраженіе. Хотѣлось ему отвѣтить хорошенько, но при ученикахъ онъ долженъ былъ сдерживать себя.

Всѣмъ становилось очень неловко. Телепневъ, Абласовъ и Горшковъ стояли на томъ же мѣстѣ, впереди всѣхъ.

— Какъ же прикажете съ этими тремя?—,ввернулъ пузатый инспекторъ, почти подъ ухомъ директора.

— Оставьте безъ обѣда.—Директоръ обернулся къ нимъ.—А съ вами, мой милый, сказалъ онъ Борису, пригрозивъ пальцемъ,—мы еще раздѣлсимся какъ слѣдуетъ: мы изъ васъ фонаберіюто вышибемъ, голубчикъ мой. Отецъ вашъ узнаетъ про всѣ ваши гадости...

Больше ничего не воспослѣдовало. Педагогъ, недовольный собою, скоро зашагалъ и вышелъ изъ кабинета, оставивъ очень неполное впечатлѣніе на аудиторію.

Съ минутою всѣ молчали.

— Ну что, красавцы,—заговорилъ первый Ардальонъ Захарычъ,—я вѣдь вамъ все впередъ расписалъ.

— А все это изъ-за скворца долгоносаго,—пропищалъ Мечковский, толкнувъ Скворцова впередъ.

— А онъ ни гугу,—сказалъ кто-то изъ заднихъ.

— Труса праздновалъ.

— Красавецъ, это все изъ-за тебя исторію затѣяли,—обратился къ нему Ардальонъ Захарычъ—ты бы вотъ за нихъ безъ обѣда-то остался—а, зелие?

Скворцовъ заморгалъ глазами.

— Я невиноватъ-сь, Ардальонъ Захарычъ, что жъ я могу-сь? — промычалъ онъ.

— Что могу?.. ты — тюря, красавецъ! Только товарищей въ бѣду ввелъ; а самъ баба-бабой.

Ардальонъ Захарычъ и не замѣчалъ, какъ жестоко противорѣчилъ увѣщаніямъ, произнесеннымъ имъ въ классѣ.

А депутаты тѣмъ временемъ молча переглядывались.

— Побудемъ на антоніевой пицѣ,—сказалъ наконецъ Горшковъ, обратившись къ Борису и Абласову.

Абласовъ улыбнулся, а Борисъ не слышалъ даже словъ Горшкова.

Онъ на что-то рѣшился и сдѣлалъ два шага къ двери.

— Куда ты?—успѣлъ спросить его Горшковъ и взялъ за полу сюртука.

— Оставь меня!

— Ты къ Юнкѣ? Полно, Борисъ, наплюй.

— Ахъ, оставь меня, ради Бога!—порывисто сказалъ Борисъ и, выскочивъ изъ кабинета, повернулъ направо, въ директорскій корридоръ.

XIV.

Директоръ пошолъ не къ себѣ, а въ классы. Борисъ дождался его минутъ съ десять въ пріемной. Суровый старшой Суворовъ совсѣмъ-было не хотѣлъ впускать туда оштрафованнаго гимназиста.

Мало было надежды у Бориса на добрый исходъ предстоявшей сцены съ Юномъ Петровичемъ.

Онъ ходилъ вдоль одной стѣны и разсматривалъ портреты разныхъ древнихъ и новыхъ мужей. Директоръ почему-то считалъ въ своей портретной коллекціи греческихъ философовъ

съ поэтами юной Франціи. Подлѣ Платона висѣлъ Ламартинъ, подлѣ Сократа Викторъ Гюго, и все въ такомъ вѣсѣ.

Въ Борисѣ происходила немалая борьба. Самолюбіе *юноши* не улеглось. Нелегко ему было просить директора. Онъ зналъ, что тотъ никакъ не захочетъ понять его; увидить только одно желаніе школьника скрыть отъ отца причину наказанія. Бориса возмущала мысль, что онъ долженъ *излиться* передъ *мусавымъ Лонкой*, говорить ему о тѣхъ задушевныхъ вещахъ, до которыхъ онъ никогда бы не допустилъ дотронуться грязнаго и ненавистнаго педагога.

Была минута колебанія; онъ хотѣлъ уйти, но привычка работать *надъ собою* взяла верхъ. — Нужно просить, сказалъ онъ себѣ и успокоился. Когда двери изъ передней отворилась, онъ очень внимательно смотрѣлъ на портретъ Александра Дюма и несколько не смутился.

За то педагогъ, въ архаикѣ очень неспокойно подошелъ къ гимназисту. Его всего подериуло. Онъ запахнулся въ свое одѣяніе и, перекосивши какъ-то ротъ, загнусялъ:

— Зачѣмъ вы здѣсь—а? какъ вы осмѣлились? Эй, Суворовъ!

Старшой высунуль голову.

— Выведи его!

Борисъ прервалъ директора.

— Юнъ Петровичъ.—сказалъ онъ очень твердо,—у меня до васъ есть просьба: исполните ее хоть для моего отца.

— Чтѣ, какого отца? — загнусялъ директоръ, — что вамъ нужно? Я васъ знать не хочу.

— Юнъ Петровичъ.—продолжалъ Борисъ, — вы знаете, что папенька очень боленъ: всякое огорченіе можетъ убить его.—Борисъ покраснѣлъ, выговоривъ это.—Накажите меня, но не тревожьте его.

— А!—вскричалъ педагогъ, понявъ, въ чемъ дѣло! — Лазаря пѣтъ, кусить!.. Клянитъ, чтобъ я ваши мерзопакостные поступки прикрывалъ!.. Прекрасно, ловко, очень ловко!

— Я бы не просилъ васъ, — выговорилъ Борисъ, — еслибъ отецъ мой былъ здоровъ. Я отъ него ничего не скрываю. Но поймите, Юнъ Петровичъ, что неожиданность вашей записки..

Ничего я не хочу понимать! Я васъ выгону. Если вы уморите отца, я очень радъ буду!..

Борисъ весь вздрогнулъ и такъ посмотрѣлъ на директора, что тотъ отшатнулся.

— Да, да, я очень радъ буду. Стану я вамъ свихожденія дѣлать, какъ бы не такъ! Васъ безъ обѣда продержатъ, а вы тамъ наврете что нибудь на насъ. Нѣтъ, голубчикъ, меня вы чувствительностью-то не проймете. Вы изъ себя героя не представляйте. Ступайте вонъ...

И директоръ, хлопнувъ дверьми, ушелъ въ заднія комнаты.

Борису захотѣлось схватить его за шиворотъ, но точно невидимая рука удержала его.

Досада, горечь, раскаяніе кипѣли у него на душѣ, когда онъ проходилъ во залѣ и классному корридору.

Бориса въ первый еще разъ оставляли *безъ обѣда*. Но само наказаніе не раздражало его самолюбія. Напротивъ, сознаніе, что онъ безъ вины виноватъ, позволяло ему взглянуть на это совершенно спокойно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Но это такъ не шло къ тому, что дѣлалось дома. Дома онъ былъ не ученикъ, не гимназистъ, а полухозяинъ, дѣйствующее лицо, боецъ ежедневной борьбы. И этотъ маленькій фактъ, это школьное наказаніе могло повести за собой много тяжелаго, много мелкихъ, но ѣдкихъ столкновеній, и прежде всего обрушиться на отца.

И какъ глупо! — повторялъ Борисъ, перебирая въ головѣ всѣ сцены и эпизоды, бывшіе въ гимназіи. «Хочешь что-нибудь порядочное сдѣлать, а всегда кончится пошлостью, по-школьнически».

Не разъ убѣждался онъ въ этомъ. Онъ не выговаривалъ только одного, что выросъ изъ своего краснаго воротника.

Горшковъ встрѣтилъ Бориса въ корридорѣ.

— Ну что, Боря?

— Ничего.

— Не добился?

— Не добился.

Борисъ больше ничего не отвѣтилъ, и вошелъ въ классъ, вслѣдъ за новымъ учителемъ.

На учениковъ напало какое-то утомленіе. Толки затихли, точно ничего не случилось особеннаго.

Классъ протянулся очень спокойно. Иванъ Егорычъ Ергачовъ, учитель русской словесности, производилъ своей личностью снотворное впечатлѣніе. Онъ былъ тихъ и невозмутимъ; *словесныя* качества не имѣлъ никакихъ; всегда молчалъ и давалъ *замис* и, неглупо составленные.

На этотъ разъ онъ развернулъ томъ Пушкина на Борисъ Годуновъ и, молча, положилъ книгу на первую парту.

— Прочтите, — сказалъ онъ глухо Телепневу.

Борисъ считался лучшимъ чтецомъ въ классѣ и любимымъ ученикомъ Ергачева.

Онъ началъ читать неровно, спотыкался, дѣлалъ частыя паузы, но, мало-по-малу, увлекаясь яузкой стиха, одушевился и забылъ про директора, про записку и даже про большой дикій домъ.

Куртинъ прервалъ чтеніе въ четверть втораго сильнѣйшаго звонкомъ. Была среда. Классы кончились.

ХV.

Всѣ начали собираться. Классъ опустѣлъ. Остались только трое: Телепневъ, Абласовъ и Горшковъ. Ученики расходились въ какомъ-то недоумѣніи. Многимъ было совѣстно, что за весь классъ пришлось отвѣчать троицѣ. Но каждый понималъ, что дѣлать больше нечего.

Наказанные сидѣли на первой партѣ. Горшковъ болталъ съ ухивившимися товарищами.

— Господа! — кричалъ онъ, — нѣтъ ли съ кѣмъ съѣстного? Не утаивайте.

— У меня крендель остался! — крикнулъ Мечковскій, и вынулъ изъ задняго кармана заварной и очень сухой кренделекъ.

— А! пичужка, съ запасомъ! Давай!

Мечковскій подошелъ къ Борису и, заглянувъ ему въ лицо, проговорилъ съ дѣтской усмѣшкой:

— Ты не бойся, Телепневъ: долго не продержатъ.

Борисъ молча улыбнулся и, вставши съ мѣста, началъ ходить по классу.

Минуты черезъ двѣ вошелъ инспекторъ. Онъ принялъ на себя важный, невозмутимый видъ и лаконически изрекъ:

— Разойдитесь по разнымъ классамъ. Телепневъ останется здѣсь, Горшковъ во второй, Абласовъ въ пятый классъ.

Инспектору хотѣлось покричать, но онъ удержался и величественно вышелъ изъ класса, отдавши приказъ старшему, стоявшему въ корридорѣ.

Наказанные оставались еще некоторое время вмѣстѣ: Абласовъ сталъ собирать свои книги. Въ эту минуту высунулась изъ двери голова старшова.

— Что-жь вы нейдете?—обратился онъ къ Горшкову. —Классы запрутъ сейчасъ.

— Идемъ!—отвѣтилъ Горшковъ, — не спрячемся. Ну, ты собрался, Абласовъ? Ахъ, жалко, лексикона нѣтъ латинскаго: для увеселенія сталь-бы слова зубрить. Буду, коли такъ, стихи писать: посланіе къ Егоркѣ о благоденствіи его толстаго пуха. Прощай, Борисъ.

Абласовъ еще разъ очень оригинально улыбнулся и пошелъ вслѣдъ за Горшковымъ.

Старшой заперъ за ними дверь, щелкнувъ два раза ключомъ.

Борисъ, оставшись одинъ, походилъ сперва позади доски, потомъ взглянулъ машинально на часы, прослушалъ, какъ они глухо и густо пробили три, потомъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на пятиглавую церковь, на кремль, на бащенныя ворота. Уголокъ горизонта виднѣлся оттуда, и точно дрожалъ каждый разъ, какъ что-нибудь въѣзжало или выѣзжало изъ кремля. Лѣвѣе отъ церкви была извоищья биржа. Длинный рядъ дрожекъ тянулся почти вплоть до бульвара. Борисъ началъ считать ихъ: разъ, два, три... на десяти онъ обернулся къ окну спиной, и сталъ прислушиваться.

Въ корридорѣ кто-то перекликнулся; брякнули ключи и раздались тяжелые сторожевскіе шаги. Потомъ, все притихло, только изрѣдка, точно что отдастся гдѣ-нибудь, какъ будто — отдаленный гулъ — и смѣнится тяжелой тишиной, какая бываетъ въ длинныхъ корридорахъ и большихъ пустыхъ комнатахъ.

Борису, вдругъ, ужасно захотѣлось крикнуть. Онъ, однако, не крикнулъ; а такъ, въ какой-то вытянутой позѣ, постоялъ по срединѣ класса—и сѣлъ потомъ на кафедру, опустивши голову на сложенные руки.

XVI.

Мы знаемъ, что его заботило, но мысли какъ-то нескладно вязались. Когда человѣка запрутъ и у него есть довольно времени пораздумать, тогда-то и дѣлается въ головѣ сумбуръ.

Въ мысляхъ Бориса былъ его *большой домъ* — и отецъ, и Маша, и бабинька, и свое я, свои задушевные думы... были картины дѣтства, были разныя школьничьи сцены и тревоги.

Вдали представлялся университетъ и въ то же время его волновало какое-то досадное чувство на эту пошлую, гимназическую обстановку.

Борису сдѣлалось какъ-бы жалко своихъ 17 лѣтъ. Онъ точно съ раскаяньемъ относился къ семи годамъ, протекшимъ въ стѣнахъ этой гимназіи.

А что, въ-самомъ-дѣлѣ, сдѣлала она для него? насколько онъ въ ней выросъ?

Борисъ былъ самымъ способнымъ ученикомъ въ классѣ Первымъ сидѣлъ Абласовъ; вторымъ онъ, но Абласовъ занималъ это мѣсто по прилежанію и по старой памяти. Онъ съ маленькихъ классовъ сидѣлъ первымъ, а отиѣтки у нихъ были всегда одинакія. Борисъ много значилъ въ классѣ; учителя его любили; начальство, т. е. директоръ съ инспекторомъ, благоволили къ нему до 5-го класса, а потомъ стали не долюбивать «за возмутительный духъ», какъ выражался пузатый Егоръ Тимофенчъ.

Какимъ былъ Борисъ дома, такимъ и въ гимназіи. Дома выработывался его характеръ, и онъ приносилъ его *готовымъ* въ міръ своихъ сверстниковъ. *Барченка* въ немъ никогда не было. Въ гимназіи, гдѣ такое разношерстное общество, всего скорѣе скажутся зародыши чванства и сословныхъ претензій. Борисъ былъ изъ хорошаго дома, принадлежавшаго къ *аристократіи* города, а товарищи его, почти поголовно, были невиднаго происхожденія: дѣти мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ; но онъ подошелъ подъ общій уровень, не *аристократничалъ* и получилъ только то преобладаніе, какое дается каждому ученику, изъ *отличныхъ*. Правда, первые годы его возили гувернёры, его не пускали до 4-го класса одного: все это разобщило немного съ массою, но не отражалось на его развитіи. Внутренно онъ всегда тяготился такой отиѣткой, и самолюбіе его не раздувалось *барствомъ*, а страдало только оттого, что онъ лишонъ былъ преимуществъ свободы, какими пользовались его товарищи. И еще тогда Борисъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, сливался съ массою. любилъ участвовать въ народныхъ удовольствіяхъ мальчиковъ, подражать съ ними, поиграть въ снѣжки, убаюкать на Волгу, покататься на лодкѣ, купить на гривенникъ калачей и рыбы — *вобли*, запивать ихъ кислыми щами... Ему удавалось это рѣдко; но всё эти дешовыя забавы получали оттого двойную цѣну. А потомъ, когда онъ подростъ и сбросилъ съ себя *ферулу* бабыньки и гувернёровъ, Борисъ былъ въ классахъ и на улицѣ такой же *вольный* гимназистъ, какъ и всѣ другіе. Онъ чувствовалъ себя тамъ свободно, легко, гораздо

свободнѣе и легче, чѣмъ дома, и никто изъ товарищей не могъ попрекнуть его тѣмъ, что онъ зазнавался. Правда, онъ рано потерялъ живость и смотрѣлъ *большимъ*. Но это пришло само собой и никого не поражало, никому не казалось смѣшнымъ; оно только давало Борису нравственный перевѣсъ надъ товарищами. Какъ въ маленькихъ классахъ, Борисъ не чуждался никого, сходился съ самыми темными гимназистами, такъ и въ старшихъ не выбиралъ, не прискивалъ себѣ кружка, а былъ со всѣми равенъ. Онъ не былъ очень общителенъ, его нельзя было назвать *душой* всего класса; но онъ считался добрымъ товарищемъ, и друзей своихъ — Горшкова и Абласова, отыскавъ также въ числѣ *демократова*.

Дома дали Борису выправку. Онъ былъ довокъ и порядоченъ. Одиночество не придало ему дикости; въ обществѣ онъ не терялся. Гимназія оживляла его и связывала съ средой *врасныхъ* людей, съ ихъ нуждами, съ ихъ невзрачной обстановкой, — словомъ, онъ проходилъ чрезъ ту школу, черезъ какую проходятъ только въ народныхъ заведеніяхъ.

Зналъ онъ много для ученика 7-го класса, но недоволенъ былъ тѣмъ, какъ зналъ. Въ гимназіи первые три класса — классы непосредственнаго зубрениа. Только даровитость, или болѣзненно развитое самолюбіе могутъ протолкать мальчика сквозь массу зубрениа, достающагося на долю этому періоду школьной жизни. Бѣдные гимназистики низшихъ классовъ еще во сіе время не видятъ никакого смысла и занимательности въ своихъ трудахъ. Черезъ то же прошелъ и Борисъ. Но параллельно съ уроками, онъ поглощалъ книги; конечно, не учебныя, да ихъ и не нашолъ бы онъ, помимо тѣхъ, какія проходили въ гимназіи. Перешли въ старшіе классы — измѣнился немного тонъ учителей; дали книжки потолще и побезтодковѣе, а сущность осталась та же.

Науки не было; не было даже ученья; было хожденіе въ классы и наборъ учебныхъ книгъ. Исторія представлялась въ видѣ *Смаридова*, въ бѣлой оберткѣ, словесность — маленькая книжка въ сѣрой бумажкѣ, физика — толстая книга въ корешкѣ бураго цвѣта... больше ничего не поднималось въ представленіи большинства гимназистовъ.

Лучшіе, какъ Борисъ, сознавали, что этого слишкомъ мало; дополняли чтеніемъ того, что было подъ рукой, но въ учителяхъ поддержки не имѣли. Выпросить, бывало, Борисъ книгу изъ бібліотеки — дадутъ; но токовать о прочитанномъ не съ

кѣмъ: учитель слишкомъ лѣнивъ, или слишкомъ грубъ для этого.

Оставалось одно отрывочное, несмысленное чтеніе. Все проглатывалось съ одинаковой жаждой: и «Вѣчный Жидъ», и «Космосъ», и «Исторія» Соловьева и «Мусташь» Поль-де-Кока.

А если и были у учителей попытки развить учениковъ, дать имъ что-нибудь больше учебниковъ—это не удавалось, или по лѣни, или по неумѣнью.

Нѣмецъ вздумалъ было въ 6-мъ классѣ читать исторію литературы, да только насмѣшилъ компанію. Всѣ біографіи писателей и поэтовъ оказались у него на одинъ фасонъ. Каждый изъ нихъ былъ пылкой юноша, каждого заставляли заниматься богословіемъ, *но пылкой юноша обращался къ поэзіи*. На Лессингѣ нѣмецъ сѣлъ и прозванъ былъ *пылкимъ юношей*.

Въ 7-мъ классѣ началось дотягиваніе, лѣнивое повтореніе задовъ, а новое шло черезъ пень-колоду. Всѣ уже присмотрѣлись другъ къ другу, и никто ничего порядочнаго отъ учителей не ждалъ. Знали, что Ардамонъ Захарычъ ни аза не смыслитъ въ математикѣ, что Коряковъ скотина и тушица, что нѣмецъ и французъ глупы, что латинскаго учителя интересуеетъ черемисскій языкъ—и больше ничего, и что словесникъ Ергачовъ не можетъ написать складно двухъ строкъ.

А до университета оставалось нѣсколько мѣсяцевъ.

Оттого-то и жалко было Борису семи *учебныхъ* лѣтъ.

Въ немъ не сказывалось никакой рѣзкой наклонности къ одному предмету, къ одному занятію. Всего слабѣе былъ онъ въ математикѣ. Всего больше интересовался исторіей, и много историческихъ романовъ перечиталъ еще въ первыхъ классахъ. Съ пятого класса онъ считался лучшимъ *словесникомъ*. Слава эта далась ему очень дешево. Борисъ писалъ *сочиненія* пограмотнѣе и посамобытнѣе упражненій остальной братіи, которая преспокойно переводила описаніе дикихъ звѣрей Бюффона и восходъ солнца Руссо изъ хрестоматіи Ноэля и Де-Лапласа.

Последніе два года Борисъ былъ поглощенъ домашнимъ міромъ, читалъ меньше, и не могъ отдаться тѣмъ стремленіямъ, которыя вспыхивали въ его воспримчивой душѣ.

Иной разъ захочетъ прочесть что-нибудь объ томъ или другомъ предметѣ, захочется написать, придетъ удачный стихъ, забредетъ новая мысль,—а выполнить некогда: на душѣ неспокойно, жизнь не свѣтла, простору мало.

Даже мысль объ университетѣ точно уходила все на задній планъ. Борисъ какъ-бы отказывался отъ нея. А вмѣстѣ съ тѣмъ явилось сознаніе, что для университета куда какъ мало сдѣлано, и нѣтъ рѣшительнаго призванія, не скажешь себѣ: какой выбрать путь, какую специальность. Какъ поразобрать, такъ и математика плоха, и латинь хромаетъ, исторія и словесность — по верхамъ...

«Да, вѣдь, не я одинъ,—подумалъ Борисъ,—и другіе также. Да и трудно какъ-то выбиться. Мы-ли, не мы-ли виноваты; а все некрасиво. Абласовъ насъ тверже все знаетъ, а тоже недо-воленъ; а Горшковъ тѣмъ и счастливъ, что артистъ.»

XVII.

Телепневъ рано сошелся съ Горшковымъ и Абласовымъ... Они постоянно сидѣли на первой партѣ.

По своей натурѣ, средину между ними занималъ Горшковъ. Съ виду онъ былъ веселый мальчикъ-крикунъ—и больше ничего, но въ немъ таилась искра.

Горшковъ провелъ дѣтство также не радостно, какъ и Борисъ. Отецъ его, бѣдный дворянинъ, былъ несчастливъ по службѣ, прожилъ вмѣншеце, и еще передъ смертью своей почти по-иру пустилъ всю семью. Она состояла тогда изъ жены и троихъ дѣтей. Мать Валерьяна, женщина очень недюжинная, билась какъ рыба объ ледь, чтобъ чѣмъ-нибудь поддержать семейство и дать дѣтямъ какое-нибудь воспитаніе. Отъ нея наследовалъ Горшковъ свой талантъ; и она же первая уставляла пальчики шестилѣтняго Валерьяна по квивишамъ. Мальчикъ родился съ какой-то неистощимой любовью къ звукамъ и гармоніи. Онъ проводилъ цѣлые дни за фортепяно, едва доставая ручонками до клавишъ; онъ прибиралъ мелодіи и подыскивалъ аккорды. Бывало, цѣлый часъ продумаетъ, достанетъ клочокъ нотной бумаги, карандашъ, и, сладивши аккордъ, сейчасъ запишетъ. Десяти лѣтъ, Валерьянъ уже владѣлъ вполнѣ гармоніей, сочинялъ серьезные вещи, а по исполненію былъ такъ силенъ, что мать должна была отказаться учить его. Она помѣстила Валерьяна въ гимназію; дочерей приняли на казенный счетъ въ институтъ. Въ губернскомъ городѣ ничто не укроется, и музыкальные способности Валерьяна сдѣлались извѣстны всѣмъ. Жилъ въ городѣ нѣмецъ Дорнихъ, учитель музыки, хорошій пьянистъ. Онъ прельстился игрой в композиціями мальчика и сталъ учить его даромъ

Онъ далъ Горшкову строгій музыкальнй завалъ, но, по дарованіямъ, ученіемъ былъ гораздо выше учителя.

Въ исполненіи Горшковъ дѣлалъ быстрые успѣхи, безъ изнурительнаго труда. Онъ прошолъ черезъ всѣ мытарства механическаго приготовленія свободно, легко, и развилъ въ себѣ качество блестящаго, увлекательнаго пѣаниста.

Но эта сторона дарованія не удовлетворяла его; онъ смотрѣлъ на нее почти какъ на средство. Цѣль была—композиторство. Горшковъ не останавливался на легкихъ мелодіяхъ, презиралъ всякія *штучки*: фантазіи, морсы... Онъ рано получилъ вѣрный и строгій взглядъ на музыку, *итальянщиной* не увлекался; вкусъ *массы* его сѣшилъ, а подчасъ и возмущалъ.

Но, изучая Баха, Бетховена и Шумана, онъ не набирался замашекъ нѣмца; музыкантъ не впадалъ въ исключительность, не вдавался въ музыкальную схоластику, и больше вѣрилъ въ непосредственное творчество, чѣмъ во все возможные *контракункты*.

Рано началъ онъ цѣпить *народный* элементъ въ музыкѣ. Въ душѣ его все яснѣе и яснѣе становился идеалъ, къ которому долженъ стремиться русскій музыкантъ. Глинка прояснялъ ему этотъ путь, и его творенія были изучены Горшковымъ до тонкости...

И глядя на этого веселаго юношу, на его дѣтскую шаловливость, на его выходки и дурачество, никто-бы не подумалъ, что онъ живетъ сознательной, художественной жизнью. Борисъ особенно и полюбилъ Горшкова за то, что въ немъ не было тѣни артистическаго фатовства; онъ вездѣ былъ правдивъ.

Учился онъ хорошо; любилъ математику и хорошіе стихи; о специальномъ образованіи не думалъ, но въ общемъ чувствовалъ большую потребность.

Къ нему совсѣмъ не привилось раннее пренебреженіе ко всякому знанію, какое развивается у всевозможныхъ артистовъ и дѣлаетъ ихъ на всю жизнь ребятами и невѣждами.

Горшковъ поддерживалъ мать, давая уроки. Въ обществѣ его любили, желали ему покровительствовать, кричали о немъ. Всѣ оваціи онъ принималъ съ большимъ тактомъ. Въ немъ не было ходульнаго желанія славы; въ немъ жило только свободное чувство художника, всегда чего то ищущее.

Таковъ былъ веселый другъ Бориса.

Серьезный Абласовъ, не отличался даровитостью и былъ просто

умный, прилежный гимназистъ. Онъ сидѣлъ первымъ и необыкновенно добросовѣстно учился всему, чему только можно было научиться. Онъ развивался медленно обоимъ друзей своихъ, но прочтѣе. Молчаливый, скромный, тихій, онъ очень много работалъ надъ самимъ собой. Умъ его никогда не оставался празднымъ и ничего не принималъ на вѣру; но до всего допытывался... Въ Абласовѣ таился зародышъ скептицизма, и жизнь не манила его свѣтлыми образами, не родила въ немъ поэтического чутья, спасающаго отъ суроваго дыханія дѣйствительности.

Абласовъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, воспитанникъ народныхъ школъ. Родился онъ въ уѣздномъ городѣ, въ семьѣ бѣднаго ремесленника. Отецъ, мѣдныхъ дѣлъ мастеръ, отдалъ его сперва въ приходское, потомъ въ уѣздное училище, гдѣ онъ кончилъ курсъ съ отличнымъ аттестатомъ и поступилъ въ гимназію лѣтъ уже двѣнадцати, въ первый классъ, потому что латини не зналъ; а въ то время съ перваго класса начинали склонять шепса и спрягать амаге. Разумѣется, Абласовъ оказался, по познаніямъ, гораздо выше своихъ товарищей.

Вначалѣ надъ нимъ многіе смѣялись: онъ былъ какъ-то неуловжъ, имѣлъ особый провинціальный говоръ, былъ выше другихъ ростомъ, — все это давало поводъ къ насмѣшкамъ. Но скоро всѣ полюбили его и, не подчиняясь его вліянію, привыкли считать за самаго безукоризненнаго ученика. Обязанности *старшаго* исполнялъ онъ честно; никогда не подслуживался инспектору и защищалъ товарищей. Всѣ знали, что онъ не лбедникъ и не корчитъ изъ себя *начальствующаго*.

Абласовъ жилъ трудами: онъ давалъ уроки. Отецъ первые два-три года содержалъ его, потомъ, когда дочери подросли, ничего ни могъ высылать ему...

Много насмотрѣлся Абласовъ темнаго, мелкаго, пошленькаго въ томъ мірѣ, гдѣ прошло его дѣтство. Онъ не гнушался семьей, не стыдился говорить, что отецъ его простой мѣщанинъ, дѣлающій самовары, но впечатлѣнія дѣтства немного подавили его. Онъ глубоко чувствовалъ всю немощь, въ которой жила сфера мелкаго мѣщанства. Нигдѣ онъ не видалъ свѣтлаго луча; все было грязно, тупо. Въ семействѣ онъ былъ совершенно одинокъ.

Отецъ—умный мужикъ, но пьяный и угрюмый; мать—совсѣмъ простая женщина; съ сестрами онъ не могъ сойтись: слишкомъ велика была разница въ ихъ развитіи.

Предъ Абласовымъ открывалась трудовая дорога. Онъ гото-

вился въ университетъ безъ всякихъ претензій, безъ всякихъ самообольщеній, зная, что тамъ потечеть такая же скромная, работающая жизнь. Въ немъ было много желанія учиться, но онъ привыкъ сдерживать себя мыслью, что бѣдному человѣку и учиться—то нельзя въ *свое удовольствіе*, а нужно подумать о кускѣ хлѣба для себя и своей семьи, да о томъ, чтобъ судьба не затерла тебя и не забросила въ другой, грязный, безвыходный міръ.

XVIII.

Пробило шесть часовъ. Старшой Суворовъ покоился въ своей сторожевской. Ему данъ былъ приказъ отъ инспектора—выпустить гимназистовъ въ седьмомъ часу. Суворовъ курилъ трубочку, пропустивши чашекъ пять-шесть чаю.

Въ класномъ корридорѣ стояла тьма кромѣшная. Невесело было арестантамъ; даже Горшкову взгрустнулось. Онъ сидѣлъ съ ногами на окнѣ, и прислушивался къ тому, что дѣлалось на улицѣ. Тоскливо прозвенять извоищчи дрожки, и потомъ опять все смолкнетъ.

«Экіе скоты!—говорилъ про-себя Горшковъ,—хоть-бы поѣсть дали чего-нибудь.»

Въ шесть часовъ у него былъ урокъ музыки.

Опоздаешь, да такъ и останешься не ѣвши до ужина... Ахъ перепендеи!.. и Горшковъ ворочался на окнѣ.

Абласовъ уснулъ на лавкѣ, положивъ въ голову подушку изъ учительскаго кресла.

Ему также нужно было идти на урокъ въ пять часовъ.

Въ половинѣ седьмого послышались голоса и тяжелые шаги въ корридорѣ; сторожа пришли топить. Показался огонь... По стѣнамъ замелькалъ свѣтъ.

Борисъ въ это время ходилъ взадъ и впередъ по классу. Ему было очень не по-себѣ.

Наискосокъ, противъ двери, затопили печки: стало, какъ-будто повеселѣе.

Наконецъ-то Суворовъ забренчалъ ключами и подошелъ къ седьмому классу.

Борисъ торопливо взялъ со стола фуражку и книгу. Какъ школьникъ обрадовался онъ, въ первую минуту, появленію старшова, и потомъ ему вдругъ сдѣлалось жутко, за сердце

схватило, точно долженъ онъ быть предстать предъ какое-то страшное судилище.

Большой дикій дождь промелькнулъ передъ его глазами и смотрѣлъ такъ угрюмо, непривѣтно.

Старшой шолкнулъ ключомъ и промычалъ въ дверь:

— Ступайте де мой; шпикеторъ приказалъ вынустить.

Грубый голосъ старшова какъ-то особенно отозвался на душѣ Телепнева.

Въ эту минуту всплыло все самолюбіе юности, какое было въ немъ.

Борису захотѣлось разругать всѣхъ этихъ уродовъ и старшова и высшее начальство, и послать къ чорту гимназію. Онъ глубоко и болѣзненно чувствовалъ, какое вопіющее противорѣчіе между тѣмъ, что въ немъ живетъ, и всей этой глупой гимназической обстановкой...

Онъ могъ бы безъ всякаго фатовства смѣяться надъ этимъ; но молодость брала свое и не давала еще спокойнаго взгляда.

Борисъ встрѣтился въ сборной съ Горшковымъ и Абласовымъ; они вошли туда въ одно время изъ разныхъ дверей. Въ сборной было совсѣмъ темно и надо было отыскивать ощупью

— Нѣтъ, каковы скоты!—кричалъ Горшковъ,—они объ нашихъ носакъ ни мало не заботятся. Гдѣ ты, Абласовъ?

— Я здѣсь,—отозвался Абласовъ изъ шкапа.

— А! ты ужь туда залѣзъ. Боря и ты вѣдь здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчалъ Телепневъ.

— Ну, что, братъ, смѣшно тебѣ?

— Очень смѣшно...

— Ты все, чай, о томъ сокрушался, что глуво кончилось? Очень, братъ, пошло, такъ пошло, что изъ рукъ вонь! Да главное—ѣсть хочется!.. Что ты тамъ возишься, Абласовъ?

— Да калоши куда-то заѣли... отвѣчалъ серьезнѣйшимъ тономъ Абласовъ, шаря по полу...

— Коли не найдешь, произведемъ гвалтъ. Къ Егоркѣ махнемъ. Нашолъ-ты наконецъ калоши, а?

— Нашолъ. Ишь, проклятыя, подъ четвертымъ классомъ очутились...

Борисъ вышелъ съ Горшковымъ и сказалъ ему тихо:

— А миѣ, братъ Валерьянъ, завидно на тебя смотрѣть.

— А что?

— Да вотъ ты веселый какой.

— Да неужто ты, дружище, раскисъ отъ того, что тебя, дурня, на три часа заперли...

— Ужь я не знаю отчего, но мнѣ нехорошо... скверно какъ-то...

— О бабушкѣ, не бойсь, думаешь?

— Нѣтъ, объ отцѣ..

— Ну, чтожь отецъ? — выговорилъ Горшковъ и замолчалъ.

Да оно точно, Боря, у тебя все заботы... Эй, Абласовъ, не отставай! — крикнулъ онъ.

Они проходили мимо топящейся печки. На полу сидѣлъ Кутузовъ и курилъ.

— Ну что ты, инвалидная крыса, нашь, калачика не досталь? — сказалъ ему Горшковъ...

— Калачика захотѣлъ баринъ; что не посылалъ, я бы досталъ.

— А ты бы подарилъ мнѣ?

— Даришь-то уѣхалъ въ Парижъ, а остался братъ его — купишь. — Кутузовъ поперхнулся и слюнулъ.

Абласовъ нагналъ товарищей на лѣстницѣ.

— У тебя урокъ былъ? — спросилъ его Горшковъ.

— Да; теперь уже опоздалъ.

— Да и я также, а все-таки пойду...

— Куда? спросилъ Борисъ.

— Къ Телянинымъ...

Они вышли на крыльцо. Стояла темная осенняя ночь. На-крапывалъ дождикъ.

— Ну вотъ и конецъ нашей депутаціи! — сказалъ Борисъ и невольно разсмѣялся.

— Трагическій конецъ, — сказалъ Горшковъ.

— Иначе и не могло быть, — заключилъ Абласовъ.

— Эка темень! — проговорилъ Горшковъ, — и дождь. — Ну, мы съ тобой по Варваркѣ, Абласовъ. А ты, Боря, какъ пѣшкомъ-то пойдешь? бабинька-то не прислала; пройдишь ужъ разокъ, не аристократничай...

— Да извошки тутъ есть, — замѣтилъ Абласовъ

— Нѣтъ, я пѣшкомъ. Ну, прощайте, господа.

Борисъ завернулся въ шинель и сталъ переходить улицу.

— Борисъ! — крикнулъ Горшковъ черезъ улицу.

— Что?

— Каковъ урокъ, Егорка! Сегодня, вѣдь, среда, такъ онъ насъ съ четверти второго держалъ.

Борисъ вспомнилъ, что Маша ждала его раньше обыкновеннаго.

— Прощай, Горшковъ, — крикнулъ онъ и отправился по тротуару.

По площади мелькали фонари, и на горизонтѣ едва-едва отдѣлялись зубцы кремлевской стѣны. Надъ башенными воротами висѣла лампада передъ образомъ и бросала вокругъ себя сіяніе.

Борису рѣдко приходилось ходить пѣшкомъ въ такую пору. Онъ шель быстро. Ему показалось, что улица какъ-то особенно длинна. Навстрѣчу вочти никто не попадался.

XIX.

Въ передней слышенъ былъ довольно дружный хланъ, когда Борисъ отворилъ дверь изъ сѣней. Ему точно совѣстно стало передъ лакеями. Одинъ изъ служителей вскочилъ. Борисъ снялъ шинель и, ничего не спрашивая, прошель въ бильярдную. Дверь въ кабинетъ была притворена. По обыкновенію, Яковъ прохаживался вдомъ диванчика и на одной изъ колонокъ горѣла одинокая, скучная лампа.

— Что папенька? — спросилъ Борисъ.

— Почиваютъ! — отвѣтилъ лѣтливо Яковъ и началъ опять ходить.

Борису хотѣлось спросить: не приносили ли какой записки изъ гимназіи, спрашивала объ немъ отецъ, или нѣтъ, но онъ удержался.

— Докторъ былъ?

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ Яковъ.

— Какъ сегодня папенька? — спросилъ, помолчавъ, Борисъ. Онъ боялся, что услышитъ, что нибудь неприятное.

— Ничего! — проговорилъ Яковъ. — Кашлять — мало кашляли; предъ обѣдомъ прошлись по комнатамъ. Полегче сегодня, — заключилъ онъ, не глядя на Бориса.

У Бориса отлегло на сердцѣ: — отцу легче сегодня, стало быть, онъ не встревоженъ. Но бабинька навѣрное ужь послала справиться у Феодана, почему я не вернулся, — рассуждалъ онъ про себя, выходя въ корридоръ.

На лѣстницѣ послышались скорые шаги, по всѣмъ ступенямъ прошель скрипучій звукъ, и съ площадки слетѣла внизъ Маша.

Она бросилась къ брату.

— Боринька, что это, гдѣ ты?

Борисъ расцѣловалъ ее. Ему совѣстно было, но онъ не хотѣлъ лгать передъ Машей.

— Вотъ, видишь, голубчикъ,—продолжалъ онъ,—твоей братишка провинился: его и наказали.

— Какъ наказали?

— Да такъ, продержали въ классѣ до 7-ми часовъ.

— И ты ничего не вѣдь, Боря?

— Ничего.

— Такъ пойдешь поскорѣй... Какъ же это?.. А-а, постой, я тебѣ что скажу: вѣдь, бабушка сердится: все ворчала; ждали мы тебя обѣдать—тебя нѣтъ. Она послала у кучера спросить. Говорятъ: не выходилъ; онъ постоялъ, да и ушелъ.

— А что папа?

— Да онъ ничего, Боря. Она, разумеется, ему наобедничала. Да папа ничего. Я его видѣла послѣ обѣда: онъ такой веселый былъ, мало кашлялъ.

— Записки не приносили ему?

— Нѣтъ! я не знаю... да, нѣтъ, не приносили.—Маша сдѣлала пресерьѣзную мину. — Это объ тебѣ, что ли?

— Да!—проговорилъ Борисъ.

— Бабушка ужъ наобедничала бы.

— Она гдѣ?

— У себя въ диванной, и толстая тамъ.

— А ты какъ это услышала, что я пришолъ?

— Я все наверху прислушивалась, Боря. Все тихо было; вдругъ шаги—я и сбѣжала. Ну, пойдешь же наверхъ; тебѣ обѣдать нужно.

Маша взяла его за руку и повела по лѣстницѣ.

— Вѣдь, тебѣ бы нужно сегодня раньше вернуться,—говорила Маша, поднимаясь по ступенямъ. — И за что же это тебя, Боря, засадили? Ты такой большой... Развѣ тебя смѣютъ наказывать?

— Смѣютъ, голубчикъ.

— Да ты шалилъ, что ли?

— Нѣтъ, не шалилъ. Мы учителя просили извиниться, чтобъ не бранился: вотъ насъ за это и засадили.

— Такъ, стало, ты не одинъ?

— Горшниковъ со мной, Абласовъ.

— Ахъ, и Горшковъ!—Маша покачала головой.—Только ты бабушкѣ не говори, ты ужъ лучше папѣ прямо скажи.

— Хорошо, хорошо, Машенька.

Они взобрались на площадку.

— Я сейчасъ свѣчку принесу! — сказала Маша и вбѣжала въ свою комнату.

Она явилась со свѣчей въ рукахъ.

Мионовна тоже дожидалась Бориса; но незадолго до его прихода заснула.

Борисъ вошелъ въ свою комнату объ руку съ Машей и былъ очень удивленъ: на столѣ разостлана была салфетка и стоялъ приборъ.

— Это Мионовна? — сказалъ Борисъ.

— Нѣтъ, это я, Боря, -- отвѣтила съ улыбкой Маша.

— Да ты умница, Маша. Когда же это ты распорядилась!

— И кушанье въ печкѣ. Мионовна не хотѣла; все говорила, что ты гдѣ-нибудь объдаешь, а я ее упростила скодить.

Въ дверяхъ показалась старушка.

— А, долговязый! — проговорила она, — откуда явился? гдѣ загулялъ?

— Безъ обѣда оставили, Мионовна! — отвѣчалъ, улыбаясь, Борисъ.

— Ишь безстыжій какой! Заперли этакого долговязаго. Да провинился, что ли, въ самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, няня, такъ.

— То-то такъ... А я думала передумала, куда онъ запропастился? Поди-ка ты бабинькѣ покажись; она тамъ все разыскивала.

— Мионовна. — заговорила Маша, подходя къ старушкѣ, — достань-ка поѣсть Борѣ: онъ, вѣдь, голоденъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣтила старуха и начала доставать изъ вѣчки тарелку.

Борисъ сѣлъ къ столу, Маша помѣстилась подлѣ него и все смотрѣла ему въ глаза.

XX.

Бабинька сидѣла въ диванной съ Амаліей Христофоровной и вязала чулокъ.

На столѣ горѣли двѣ сальныя свѣчки.

— Сашка! — крикнула Целагея Сергѣевна.

Изъ-за перегородки показалась дѣвчонка, очень косматая.

— Чего изволите-съ?

— Поди, узнай, пришолъ ли Борисъ Николаичъ.

— Пришли-съ.

Бабушка привстала.

— Когда пришолъ? — спросила она, мигая своими карими глазками.

— Я видѣла-съ, они сейчасъ навѣрхъ поднялись.

Бабинька встала и начала ходить по комнатѣ. Амалия Христоровна слѣдила за ней глазами.

— Онъ и носу не покажетъ! — ворчала старуха, — изъ благо-роднаго дома мальчикъ, по улицамъ шатается каждый день. — Николинъка въ него вѣрять, а онъ таскается по сквернымъ мѣстамъ.

Бабинькѣ мало было ходить по ливанной, она вышла въ корридоръ и отправилась въ бильярдную.

— Проснулся Николинъка? — спросила старуха у Якова, под-ходя къ двери въ спальню.

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣтилъ Яковъ.

Старуха, не слушая его, отворила дверь.

Больной лежалъ на лѣвомъ боку, и ту минуту, какъ бабинька вошла, онъ проснулся.

Комната освѣщалась, какъ и наканунѣ, лампой, стоявшей за кресломъ, на столѣ.

Бабинька подошла къ больному и съ кошачей ужимкой нагнулась. Она положила одну руку на плечо его, а другой уперлась въ подушку.

Больной не взглянулъ на нее, а только потянулся немного.

Бабинька поцаловала его въ лобъ. Больной неприятно поморщился и перевернулся на спину.

— Ну, какво тебѣ, Николинъка! — проговорила Пелагея Сергѣевна.

— Ничего, полегче... И онъ свободно вздохнулъ.

— Не хочешь ли сѣсть?

— Нѣтъ; я еще полежу немножко.

Старуха выпрямилась и начала переминаясь. Она всегда производила эти эволюціи, когда собиралась кого-нибудь точить.

— Борисъ Николаичъ явился, — пропустила она, очень ядовито улыбувшись.

— А-а, пришолъ! — проговорилъ больной. Видно, что ему не-

приятно было говорить объ этомъ съ матерью: онъ уже предчувствовалъ, какой оборотъ приметъ разговоръ.

— Не поддавайтесь!—значительно проговорила бабинька, Больной промолчалъ.

— Ты его, Николинька, по-крайней мѣрѣ, спроси: куда это онъ пропалъ? Видъ это ужъ изъ рукъ вонъ какое своеволие!

— Вѣрно у кого-нибудь изъ товарищей обѣдалъ,—отвѣтилъ больной.

— Обѣдалъ. Такъ онъ бы поѣхалъ туда, а Феодашка стоялъ, стоялъ, не дождался: долженъ былъ домой вернуться. Его, навѣрно, тамъ наказали.

— За что же, матушка?

— Какъ за что? Вотъ прекрасно! Это только ты считаешь его херувимомъ. Много мы съ тобой знаемъ о немъ! Онъ цѣлый день шатается. Вѣрно, успѣлъ ужъ въ гимназiю всякимъ законамъ научиться.

Бабинька выговорила это съ особой рѣзкостью, такъ, что больной болезненно вздрогнулъ.

— Послушайте, матушка, — проговорилъ онъ слабымъ, но спокойнымъ голосомъ, и приподнялся на кровати:—оставьте вы, пожалуйста. Бориса въ покоѣ.

Старуха отступила назадъ и съ удивленiемъ посмотрѣла на сына.

— Видъ нельзя же, матушка, все нападать безпричинно, — продолжалъ больной, одушевляясь. Я его отецъ, я его знаю съ дѣтства и вижу, что онъ славный мальчѣ.

— Ты ничего не видишь, Николинька!—вставила старуха.

— Я умираю, матушка!—перебилъ онъ, голосъ его получая все болшую и болшую силу. — Я умираю! — повторилъ онъ, смотря пристально на мать; — мнѣ какихъ-нибудь десять дней дотянуть, такъ зачѣмъ же вы меня передъ смертью стараетесь увѣрить что изъ дѣтей моихъ выйдутъ негодяи?

Бабиньку передернуло.

— Что ты, Николинька? — зашипѣла она, — ты развѣ забываешь, что я изъ одной любви къ нимъ; ты развѣ забылъ, что я всегда жила для тебя? и ты мнѣ говоришь такія вещи. Я и для тебя судомойкой стала.

Пелагея Сиргѣевна приступила къ кровати.

Больной, сидя, вытянулся и высоко поднялъ голову.

— Матушка!—прервалъ онъ потокъ рѣчей старухи, — я всю

жизнь свою молчать передъ вами, неужелиже и теперь, въ могилу глядя, нельзя мнѣ вамъ слова сказать отъ души? Вѣдь, вы мнѣ всю душу вытянули. Уже Господь васъ знаетъ почему вы озлоблены противъ дѣтой монахъ. Какъ же мнѣ молчать-то теперь! Вѣдь, вы съ ними оставитесь послѣ меня, а я вижу въ васъ какую-то злобу.

Больной воодушевился; глаза горѣли. Бабинька стояла передъ нимъ въ такой позѣ, точно она наступила на гвоздь.

— И я прошу васъ Христомъ Богомъ, какіе бы они не были, дайте вы мнѣ хоть одну минуту покоя!

Въ послѣднихъ словахъ больного были слезы. Все, что долго таилось въ душѣ, вышло съ силой, на какую часто способны самые слабые люди.

— Вы и могилу-то мою отравляете... вскричалъ больной и остановился. Въ дверяхъ стоялъ Борисъ.

XXI.

Его поразила сцена между отцомъ и Пелагеей Сергѣевной. Бабинька вся събилась. Отецъ такъ и остался съ поднятой рукой. Глаза его горѣли, грудь была полуобнажена; весь онъ волновался, губы шевелились, точно они продолжали высказывать все, что накипѣло на сердцѣ.

Съ минуту длилось молчаніе. Борисъ почувствовалъ, что нужно прекратить эту томительную сцену. Онъ подошелъ къ кровати и взялъ отца за руку.

— Какъ вы сегодня: получше?—сказалъ онъ, цѣлуя руку. Затѣмъ, онъ повернулся немного въ сторону къ Пелагеей Сергѣевнѣ и проговорилъ: «здравствуйте, бабушка».

Больной поцѣловалъ его съ особеннымъ чувствомъ въ лобъ.

— Да, мнѣ лучше, Боря... Соснулъ немножко... Отъ груди отлегло...

Бабинька наконецъ оправилась. Она сдѣлала такое движеніе, какъ-будто хотѣла схватить Бориса сзади за сюртукъ. Ей хотѣлось такъ же *взлѣсть*, но она была слишкомъ озадачена. Она не нашла даже чѣмъ встрѣтить Бориса, хотя готовилась къ этому цѣлый день...

Помявшись на одномъ мѣстѣ, она вдругъ вышла изъ комнаты.

Борисъ посмотрѣлъ вопросительно на отца...

У больного вдругъ пропало его напряженное состояніе; онъ опустился на подушки и, протянувъ руку къ сыну, проговорилъ мягкимъ и довольно-спокойнымъ голосомъ:

— А ты обѣдалъ гдѣ-нибудь у товарища, Боря?..

Борису стало немножко совѣстно; но первый проблескъ юношескаго самолюбія исчезъ и онъ очень свободно отвѣчалъ:

— Нѣтъ, папенька, меня нынче оставили въ гимназіи.

— Какъ?—проговорилъ больной и опять приподнялся, за что же, Боря?

— Да видите, у насъ учитель есть Коряковъ, очень грубый. Онъ вчера одного ученика обругалъ. Мы ему предложили извиниться; онъ отказался. Мы къ директору пошли; ну, и остались виноваты.

— Да ты-то за что же наказанъ?

— Я предлагалъ ему извиниться отъ всѣхъ товарищей, отвѣтилъ Борисъ, и немного потупился. Я виноватъ передъ вами, папенька, что встревожилъ васъ.

— Чѣмъ же Боря? спросилъ больной. Я и не думалъ тревожиться... Что бы про тебя ни наговаривали мнѣ, я знаю, что все это сплетни, злость одна...

Борисъ слушалъ отца и чувствовалъ, что въ немъ сегодня есть какая-то новая энергія. Для него ясно было, что между отцомъ и бабынкой былъ крупный разговоръ.

— Папенька,—вдругъ проговорилъ онъ,—нагибаясь къ отцу, вы изъ-за меня встревожились вотъ сейчасъ съ бабушкой?

Глаза больного опять заблестали. Онъ оперся руками о постель и поднялъ голову.

— Боря, сказалъ онъ, взволнованнымъ, отрывистымъ голосомъ,—какъ мнѣ тяжело передъ смертью, еслибъ ты только зналъ какъ мнѣ тяжело...

И онъ смолкъ, точно подавленный своей душевной тяжестью.

— Я, вѣдь, вижу, папенька, отчего вамъ тяжело. Но неужели же вы не сбросите съ себя... Борисъ не договорилъ.

— Что я сброшу?.. Ну, куда я теперь уйду? Ты видишь, что я такое: мертвецъ, а не живой человѣкъ. Мы убѣжимъ, что ли изъ этого дома? И онъ съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ осмотрѣлъ кругомъ всю комнату.

— Поздно другъ, поздно...назадъ не вернешь того, что убито... А мнѣ что же дѣлать?.. Я лежу... не запрешься: все будутъ лю-

ли входить... А вѣдь она говоритъ, что любя все дѣлается... И больной горько улыбнулся.

— Если вы мнѣ доверяете, папенька, скажите мнѣ хоть одно слово... не бойтесь, вы никого; а то, ей-богу, я путаюсь, я не знаю, что мнѣ думать, что мнѣ дѣлать... Въ этомъ домѣ я одинъ, кому вы можете повѣрить все... Мнѣ вѣдь предъ вами не хвалиться...

Борисъ былъ въ большемъ волненіи. Дѣло шло о жизни или смерти. Пропустить минуту— и пойдетъ опять та же безысходная жизнь: никакъ уже не вырвешь у отца ни одного живого слова.

— Я знаю, что вамъ нельзя убѣжать изъ этого дома, — продолжалъ Борисъ;—но, вѣдь, васъ мучатъ каждый день и вы этому поддаетесь... У васъ даже нѣтъ сидѣлки поряточной, докторъ вашъ противень—и вы его держите... Зачѣмъ, зачѣмъ все это, папенька?

Больной взялъ сына за руку. — Правда, Боря, все это правда, — проговорилъ онъ, да обо мнѣ нечего тужить, самъ виноватъ; но передъ вами, вотъ передъ тобой и передъ Машей... стыдно мнѣ... Пойдите... я вотъ сяду... кашель меня не душить... можетъ, въ послѣдній разъ поговорить съ тобой. Слушай...

Больной спустилъ съ кровати ноги. Борисъ помогъ ему надѣть халатъ и усадилъ въ кресло. Съ минуту больной довольно-тяжело дышалъ.

— Да, нечего обо мнѣ сокрушаться, Борисъ... Ты все понимаешь... все видѣлъ. Слабость меня погубила!.. Я кровостной былъ, у матушки въ услуженіи... Былъ когда-то я человекъ, и учился, и зналъ кое-что и жить собирался хорошо—все это рухнуло. Одинъ я виноватъ. Теперь вотъ васъ одинъ оставляю, и то у меня силъ нѣтъ заступиться за васъ. Помоги ты мнѣ... Боря, — вскричалъ больной, и обнялъ Бориса.

— Говорите, говорите, папенька, могъ только прошептать Борисъ.

— Я скрывалъ отъ тебя—Боря, прости мнѣ... теперь не стерпеть стало; чувствую, что такъ я весь изподмился; все молчу, себя измучилъ, да и дѣтей на мученье отдаю... Нѣтъ, будетъ, довольно. Посвѣему сдѣлаю, — проговорилъ больной, судорожно повернувшись въ креслѣ, и взглянувъ на дверь.

— Запри дверь на задвижку, прошепталъ онъ.

Борисъ заперъ дверь и вернулся.

— Слушай, Боря... Болѣзнь меня совсѣмъ скрутила. Завѣщаніе я написалъ, какъ ей хотѣлось... Не я писалъ... другіе, я со-

главлялся... Не вѣсти ты меня очень. Ты да Маша одни остались въ семьѣ, только она... кому же мнѣ было поручить васъ? А теперь я знаю кому...! Эхъ, Боря! не отдавай ты никогда въ жизни своей свободы... Мужчинѣ срамъ весь свой вѣкъ мальчишкой быть. И умрешь собачонкой какой-то, а не человѣкомъ. Смотри что я такое? я тебѣ живой примѣръ...

— Вотъ теперь мы что сдѣлаемъ,—началъ больной, глубоко вздохнувъ,—завтра Боря, ты съѣдешь отъ меня къ Лапину, Федору Петровичу, попроси его быть у меня до обѣда или обѣ эту пору, только чтобъ матушка не знала. Выносить ужъ я больше не могу, голось одинъ меня за душу хватаетъ.

Больной закашлялся и долго послѣ того, не могъ отдышаться.

— Ну, вотъ видишь,—началъ онъ,—опять задушило, слова-то сказать нельзя. Еще—день другой и дышать перестанешь, а ничего не сдѣлано...

— Вы хотите Лапина въ душеприказчики ваять? спросилъ Борисъ.

— Да, я ему раскажу, онъ напишетъ. Ты все узнаешь. Нѣтъ у меня секретовъ... Ты для Маши и отецъ, и мать. Тебѣ нечего говорить, ты ее больше самого себя любишь—я вижу. Она на твоихъ рукахъ остается. Горько мнѣ Борисъ, вспоминать старое. Ты, вѣдь, помнишь твою мать: не знала ты меня въ томъ, что жизнь ея была не красная. Вѣдь и я страдалъ, вѣдь и для меня жизнь-то каторгой была.

Онъ махнулъ рукой.— Эхъ... не требуй ты отъ меня, Боря, чтобъ я себѣ сердце бередилъ... Когда-нибудь, когда меня не станетъ, все узнаешь.

Слова отца поразили Бориса. Еще никогда онъ не слыхалъ отъ него ничего о матери. Тысяча вопросовъ бродили въ его душѣ; онъ не могъ ихъ высказать; онъ видѣлъ, что отецъ страдаетъ... И вдругъ ему сдѣлалось стыдно самого себя. Выслушавшая повѣсть умирающаго, онъ точно къ одному стремился—воспользоваться послѣдними минутами; точно сама смерть для него ничего не значила.

— Зачѣмъ вы все о смерти думаете, папешка?—проговорилъ онъ, цѣлуя руку отца; и въ то же время взглянувъ въ лицо больному, онъ прочелъ на немъ смертный приговоръ.

Слова такъ и застыли на губахъ.

— Да, о смерти, Боря,—отвѣчалъ шопотомъ больной, (слыш уже оставляя его). Поздно, черезчуръ поздно заговорилъ объ

ней... Слушай: отыщи ключи... они вотъ тутъ... въ шиньонёркѣ на верхней полкѣ.

Борисъ досталъ связку ключей и подалъ отцу.

— Отопри верхній ящикъ въ бюро... тамъ все лежитъ... Завѣщаніе и билеты, и деньги на мои похороны... Завѣщаніе въ правомъ углу... вотъ оно! подай.

Борисъ подалъ толстый пакетъ, запечатанный большою красною печатью.

— Ничего не будетъ—прошпенталъ большою... сжечь его нужно, да... возьми это Боря... прочти у себя и разорви, чтобы духу его не было... другое есть, въ палатѣ лежитъ... то мы тоже уничтожимъ... Только Федора Петровича ко мнѣ... мы...

Раскаты кашля опять прервали рѣчь больного; онъ совсѣмъ ослабъ.

— И завтра, Борисъ, — началъ онъ медленно, слабымъ голосомъ, — ты выбери минутку, когда мнѣ полегче будетъ, приходи ты, бумаги принеси почтовой и перо. Много, много мнѣ нужно тебѣ сказать — не могу... смертная слабость опять... Лечь, лечь надо, — повторялъ больной и началъ метаться. — Уложи меня, уложи.

Борисъ приподнялъ отца, уложилъ и окуталъ его.

— Слышишь, Боря, — шепталъ больной, — завтра письмо напишемъ, я продиктую; а то умру и ничего не будетъ! Господи!..

И слезы потекли изъ слабыхъ, потухавшихъ глазъ страдальца.

— Не пускай никого; не хочу никого видѣть, запри меня — слышишь — Машу приведи... и сожги, разорви ты это, — и онъ ухватилъ за пакетъ, который Борисъ положилъ на кресло.

— Кому вы хотите писать, папенька? — спросилъ Борисъ?

— Увидишь, Боря... Мы ей напишемъ.

— Ей?.. вырвалось у Бориса.

— Да, да, — повторилъ больной и впалъ въ забытѣ.

Сынъ простоялъ минуты двѣ у кровати. Онъ не могъ прояснить своихъ впечатлѣній. Съ какими-то страннымъ, совершенно новымъ для него чувствомъ взялъ онъ пакетъ съ кресла и посмотрѣлъ на бюро.

Онъ чѣмъ-то былъ утѣшенъ, но на днѣ души было страданіе, свѣжая боль. И страшно ему стало глядѣть на умирающаго отца. Онъ быстро вышелъ.

XXII.

Выходя изъ кабинета, Борисъ спряталъ пакетъ въ боковой карманъ.

— Яковъ!—сказалъ онъ камердинеру,—никого не пускай къ папенькѣ: онъ започивалъ.

— Слушаю-съ,—процѣдилъ Яковъ.

Пробило половина десятого.

Въ коридорѣ, у лѣстницы, стояла наперстница бабки, и какъ только завидѣла Бориса, подбѣжала къ нему.

— Баринъ миленькій,—прошепелявила она,—бабиньки васъ къ себѣ просятъ. Первая мысль Бориса было-отказаться. Ему противно было смотрѣть на старуху, особенно теперь, послѣ разговора съ отцомъ. Это движеніе смѣнилось другимъ. Онъ устыдился своей слабости и, вмѣсто отвѣта, наперсницѣ, отправился, во коридору въ диванную.

Бабинька его встрѣтила у самыхъ дверей...

— О чемъ ты говорилъ съ отцомъ?—начала она прямо вопросомъ.

— Какъ о чемъ-съ?—спросилъ въ свою очередь Борисъ.

— Да, о чемъ? Ты думаешь я не знаю? все знаю: вы думаете оттереть меня отъ отца; ну, а онъ умретъ, кто же съ вами останется? Вы, вѣдь, дѣти: домъ и имѣнье есть, — кто имъ будетъ управлять?

— Позвольте, бабушка,—отвѣтилъ Борисъ,—я не знаю, зачѣмъ вы заговорили объ этомъ. Чтѣ бы ни было по смерти папеньки, ни вы, ни я измѣнить того не можемъ. У васъ какія-то подозрѣнія; я ихъ не понимаю. Вамъ, вѣдь, извѣстны всѣ желанія папеньки?...

— Не финти ты со мной!—закричала вдругъ старуха, скверный ты мальчишка! Вижу я, чтѣ ты тамъ творишь, чтѣ ты отцу въ ухо напѣваешь! Ты хочешь меня перехитрить, такъ это ты врешь, не доросъ еще.

Бабенка заколыхалась.

Бориса взорвало.

— Я не думаю хитрить, сказалъ онъ громко. — А если за отца заступиться, такъ всегда заступлюсь и не стану прятаться отъ васъ. Чего вамъ отъ меня нужно?... Неужели вы не видите, что я васъ ненавижу... Еслибъ у васъ была хоть капля доброты въ сердцахъ, вы бы не мучили отца каждый день!..

Онъ весь свой вѣкъ слушался васъ, всю жизнь вы его точили, этого вамъ мало: вы и передъ смертью хотите тиранить.

— А, такъ это ты его науськалъ, вскричала старуха, со-всѣмъ ужь разсвирѣпѣвъ; нѣтъ, неуйдешь отъ меня. Я буду глава и не дамъ тебѣ командовать, — ты знай это, скверный маль-чиска, что отецъ сдѣлалъ не по-твоему, а по-моему.

Борисъ хотѣлъ показать старухѣ пакость; но удержался.

— Такъ изъ-за чегоже вы бѣснуетесь, бабушка? — прервалъ онъ. — Вы глава, вы будете командовать, вы только дожидаетесь смерти отца!.. Такъ, вѣдь, вы и теперь командуете... Я одинъ только васъ не слушаю, и никогда не буду слушать!

— Чтѣмъ ты, убѣжишь, что-ли, изъ дома, и Машку твою уведешь? — вскричала бабушка, размахнувъ руками.

Бориса ущемило за сердце. Онъ почувствовалъ вдругъ, что положение Машки всѣ-таки тяжело... Отецъ бредилъ: кому кромѣ бабиньки, оставить онъ дочь!.. Больно, страшно стало Борису; онъ готовъ былъ просить старуху за свою Машу.

Но это была одна минута. Онъ выпрямился и съ прежнимъ гордымъ чувствомъ взглянулъ на старуху.

— Не боюсь я васъ, — вырвалось у него, — и нечего мнѣ васъ бояться. Пока я живъ буду — вамъ не удастся тиранить сестру. Вы сами чувствуете, что въ васъ уже нѣтъ силы. Да, бабушка, васъ злость разбираетъ, а вы ничего не можете сдѣлать.

Старуха совершенно разъярилась и кинулась-было на Бориса.

— Разбойникъ! — кричала она — ты смѣешь меня ругать! Батюшки! — бабиньку всю покоробило. — Да послѣ того ты у меня мѣста не найдешь, я тебя живого въ гробъ уложу!

Старуха такъ взбѣсилась, что сама не знала, что говорить.

Борисъ расхохотался.

— Воды напейтесь, бабушка, — сказалъ онъ и вышелъ въ корридоръ. — Кто тутъ есть? — крикнулъ онъ въ дѣвичью, — бабушка зоветь; стаканъ воды ей!

— Конечно ея царство! — проговорилъ онъ, и онъ все-таки, невольно, вздохнулъ. Онъ выходилъ побѣдителемъ, но ему не было отъ того легче: — впередъ предстоило, можетъ быть, еще больше борьбы и страданья.

Борисъ наткнулся въ корридоръ на колбасу и сказалъ ей:

— Бабушка васъ ждетъ: успокойте ее, пожалуйста.

Колбаса хищно взглянула на него.

XXIII.

— Голубчикъ мой, Машенька, — говорилъ Борисъ, пѣлауя сестру, у себя въ комнатѣ, — отчего ты за меня такъ боишься? Ты думала бабушка меня заберетъ?

— Да, Боря, я ужь и не знала что думать. Ты ушелъ и все внизу былъ. Я боялась, что папа на тебя разсердится.

— Нѣтъ, папа ничего. Ты видишь, какъ я веселъ. Папа нѣтъ же мнѣ много хорошихъ вещей говорилъ: теперь другое пойдетъ...

— Что пойдетъ? — наивно проговорилъ ребенокъ.

— Лучше жить будетъ.

— А папа долго проживетъ?

Борисъ промолчалъ.

— Ты что же молчишь, Боря? видно, онъ скоро умретъ, — сказала дѣвочка, покачивая головой.

Борисъ былъ въ волненіи. Онъ прошлепал по комнатѣ и, глядя на сестру, призадумался. Какія надежды волновали его? Чѣмъ онъ могъ утѣшить этого ребенка?

— Мама, — проговорилъ онъ тихо...

— Что, Боря?

— А если папа, въ-самомъ-дѣлѣ умретъ — куда мы уйдемъ отъ бабушки?

— Не знаю, Боря. Я съ тобой.. отвѣтила дѣвочка и взглянула на брата.

— Да, Машенька... проговорилъ Борисъ, взявъ сестру за руку... Онъ сѣлъ на диванъ, а ее посадилъ къ себѣ на колѣни... Ты со мной, и уходить намъ неужно: тебя бабушки не отдадутъ.

— Боря, толстая всё страдаетъ, что меша въ институтъ отправятъ. И зачѣмъ это она мнѣ каждый день твердитъ: «Погодите, присмирѣете вы, какъ на васъ казенное платье надѣвуть, да по звонку будутъ съ постели подымать...» А знаешь, Боря, мнѣ хочется куда нибудь.

— И меня не жалко? — спросилъ Борисъ.

Дѣвочка зарумянилась и обняла брата.

— Ахъ, Боря! жалко; да видь тебѣ нѣ-ва меня все достается. Ни одного денга нѣтъ, чтобъ у насъ въ домѣ весело было.

Ребенокъ сказалъ это со слезами на глазахъ.

— Тебя увезутъ тогда только, — проговорилъ Борисъ, — когда ни папы, ни меня на свѣтѣ не будетъ. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ я умеръ?

— Ахъ нѣтъ, что ты, что ты, Боря! — закричала дѣвочка и заплакала. Борисъ не утѣшалъ ее, не удерживалъ ее слезъ.

Эти слезы были такъ хороши, что на нихъ можно было только любоваться.

— Нѣтъ, Боря, — заговорила дѣвочка, закладывая за уши свои прекрасные локоны, не хочу я никуда; какъ меня ни брани, хоть наказывай каждый день, а я безъ тебя жить не могу. Ну, пока маленькая — потерплю; а какъ вырасту, тогда ужъ толстой не будетъ: бабушка умретъ; а если и жить будетъ, такъ, вѣдь я ужъ сдѣлаюсь большой. Вотъ тогда то мы съ тобой заживемъ! — проговорила дѣвочка и лицомъ посвѣтлѣла.

Борисъ любовался на свою сестренку, на выраженье ее глазъ, на тонъ ея простодушной рѣчи, на ея дѣтскій говоръ.

Она смягчила для него впечатлѣнія дня, отъ которыхъ на сердцѣ было такъ жутко.

— Маша, сходимъ внизъ, — сказалъ Борисъ, опуская ее съ колѣнъ: — посмотримъ, спитъ ли папа. Онъ велѣлъ тебя правести, да и заснулъ сейчасъ же.

— Пойдемъ, Борисъ, пойдемъ.

Они тихонько спустились съ лѣстницы и, отворивъ дверь въ бильярдную, стали приближаться на ципочкахъ къ двери въ спальню. Она была на половину отворена.

— Войдемъ, Маша, — проговорилъ Борисъ: — къ папѣ можно.

Больной засыпалъ вторично, но, увидавъ дѣтей, приподнял голову и подозвалъ ихъ.

Маша бросилась цѣловать его.

— Тебѣ, папа, получше сегодня?

— Да, Маша, отвѣтилъ больной слабымъ голосомъ, — получше, голубушка моя.

— Я хотѣла придти къ тебѣ пораньше проститься, да думала что нельзя.

— Боря, — проговорилъ больной, указывая на дочь, — какая она у насъ славная дѣвочка! И онъ взглянулъ на Бориса такъ, что тотъ понялъ все въ этомъ взглядѣ.

— Ты, Маша, слушайся брата, во всемя, что онъ скажетъ... того и я желаю. Больной опустилъ голову и прошепталъ:

— Ну, прощайте, дѣти...

Маша подложила его руку и взглянула на брата.

— Слышишь, Боря,—прошептала еще больной... завтра не забудь...

Борисъ поцѣловалъ отца въ плечо и проговорилъ:

— Все будетъ исполнено, папенька.

Онъ тихо вышелъ съ сестрой изъ спальни и проводилъ ее до ея комнаты.

— Ну, пора спать, Машенька; завтра папѣ будетъ еще лучше.

Маша поднялась и, цѣлуя Бориса, перекрестила его своей ручкой.

— Прощай, Боря... Толстая у бабушки долго просидитъ.

— Прощай, голубчикъ.

XXIV.

Мионовна, по обыкновенію, спала, за перегородкой... Она всегда просыпалась около одиннадцати часовъ.

Разговоръ между Борисомъ и Машей не разбудилъ ее. Она показала въ дверяхъ только въ ту минуту, какъ Борисъ подошелъ къ столу и вынулъ изъ боковаго кармана пакетъ съ завѣщаніемъ.

— Ну, что, долговязый?—проговорила она. Что папенька-то? Борисъ подошелъ къ старушкѣ.

— Мионовна, — сказалъ онъ весело, — ты знаешь ли что? Теперь бабушка-то ужъ не станетъ такъ мучить папеньку.

— А что?—спросила Мионовна довольно спокойно.

— Онъ не хочетъ дѣлать все по ея приказу.

— Не выдержитъ,—проговорила значительно старушка.

— Выдержитъ видишь вотъ,—сказалъ онъ, указывая на пакетъ: — тутъ вотъ, въ этой бумагѣ папенька распорядился, какъ ей хотѣлось; а теперь онъ велѣлъ сжечь это завѣщаніе.

Старушка, въ недоумѣніи, посмотрѣла на Бориса.

— Больно ты ужъ уменьъ, — сказала она, — а ужъ бабынку не перехитришь тебѣ. Папенька твой весь свой вѣкъ прожилъ какъ малый ребенокъ; а останетесь вы круглыми сиротами—на Бога только надѣяться, а больше ужъ ни на кого.

Борисъ сознавался, что няня говоритъ правду. Его надежда отуманивалась... Ничего нельзя было возразить старушкѣ. Онъ утѣшился только тѣмъ, что Мионовна никогда ничѣмъ не увлеклась, вѣрила всегда послѣдняя.

— А ты, вотъ, спать ложись лучше, — проговорила старушка. — Читать еще, пода, будешь...

Борису все еще хотѣлось увѣрить свою няню, что будетъ лучше.

А что лучше — онъ и самъ не зналъ. Мионовна скрылась за перегородку, а онъ сѣлъ къ свѣчкѣ и разломалъ печать на пакетѣ. Онъ съ тревожнымъ чувствомъ вынулъ изъ пакета завѣщаніе, написанное на нѣсколькихъ листахъ, спитыхъ въ одну тетрадь.

Пробило половина перваго, а Борисъ все еще читалъ завѣщаніе.

Прежде всего поразили его подписи душеприкащиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ докторъ, другой — старый пріятель бабиньки, какой-то подленькій старикашка, вышедшій изъ подъячихъ.

Отецъ Бориса назначалъ бабиньку опекуницей и попечительницей дѣтей своихъ; повѣрялъ ей управленіе имѣніемъ и администровалъ дѣтямъ безусловное повиновеніе ея волѣ. Читая это, Борисъ, какъ бы почувствовалъ на себѣ гнѣтъ бабинькиной личности и все повторялъ про себя, что это переменяется, ничего этого не будетъ.

Потомъ въ завѣщаніи упоминалось о деньгахъ, оставленныхъ также бабинькѣ съ тѣмъ, чтобы она, по благоусмотрѣнію, наградила внуковъ, «буде они заслужатъ сіе». Далѣе говорилось о нѣкоторыхъ дворовыхъ; одни получали вольную, другіе денежную награду. Въ самомъ концѣ завѣщанія, въ послѣднемъ пунктѣ упоминалось о женѣ покойнаго дяди: ее поручалъ отецъ любви и уваженію дѣтей; но все это высказано было вскользь, и точно украдкой.

Все завѣщаніе написано было слогомъ срѣззаго, и въ каждомъ словѣ видно было торжество бабушки.

Долго просидѣлъ Борисъ, облокотись объ столъ.

Послѣдній пунктъ завѣщанія какъ-то особенно заставлялъ его призадуматься:

«Кто она — эта женщина. Получитъ ли она свою часть? спрашивалъ себя Борисъ. Увижу я ее когда-нибудь, или нѣтъ?»

Вспомнилъ онъ послѣдній пріѣздъ дяди и вопросы потекли одинъ за другимъ, и трудно было разрѣшить ихъ.

Все, что привелось ему пережить въ этотъ день, наконецъ утомило его молодой натурой.

Борисъ тотчасъ заснулъ.

А бабинька въ это время еще не спала. Она шептала что-то Амалии Христофоровнѣ, лежа въ кровати. Отданъ былъ приказъ послать утромъ на другой день за докторомъ, для совѣщанія.

Бабинька задыхалась отъ злости, но что-то ей говорило о бесплодіи этой злости. Она весь вечеръ никуда не показывалась изъ диванной и даже не посылала узнавать, что дѣлается въ бильярдной и наверху.

XXV.

Рано проснулась Пелагея Сергѣевна. Она вся поглощена была одною мыслью, или, лучше, она вся была полна одной лихорадочной тревоги. Обыкновенно, малѣйшій поводъ къ раздраженію былъ достаточенъ, чтобъ *зарядить машину*, какъ выражались про нее въ дѣвичьей. А наканунѣ она испытала небывалыя ощущенія. Еще никогда отецъ Бориса не возвышалъ голоса такъ энергически. Бабинька чувствовала, что оборвалось что-то такое, разорвана цѣпь, которой она всю жизнь держала сына на привязи.

Странная личность была Пелагея Сергѣевна.

Есть, вѣдь, такіе люди, что вы никакъ не свяжете, взглядываясь въ ихъ жизнь, чего они хотятъ, къ чему стремятся. Наложила на нихъ природа клеймо—они и пойдутъ съ нимъ гулять по бѣлому свѣту, въ каѳой-то постоянной тревогѣ, съ какимъ-то постояннымъ желаніемъ кого-нибудь тормошить.

Пелагея Сергѣевна въ сущности не имѣла никакой душевной силы, даже силы злости; но *по камелькамъ* она могла доконать человѣка. Властолюбіе у нея было мелочное, безцѣльное. Къ кому она пристанетъ—надъ тѣмъ будетъ командовать, если ее сразу не осадить.

А въ семействѣ она нападала все на людей слабыхъ, начиная съ мужа своего, розоваго дѣдушки.

Отецъ Бориса всосалъ въ себя привычку превращаться въ мальчика на глазахъ матери, и опять-таки это сдѣлалось не по особой энергіи старухи, а по влости его природы.

Бабинька съ незапамятныхъ временъ высохла, и трудно было сказать, есть ли въ ней какая привязанность.

И съ лѣтами, когда умъ суживается, когда старческій эгоизмъ разростается, такіа личности, какъ бабинька, начинаютъ чётать-

ся изъ угла въ уголь, съѣдаемая какой-то безвыходной жаждой...

Все, что въ большомъ дикомъ домѣ было тяжелога, все это было дѣло рукъ бабинькиныхъ; но се уже не давилъ гнѣтъ той жизни, которая досталась на долю ея старости. Ей точно вѣкъ хотѣлось просидѣть въ этомъ домѣ; точно она говорила, что иначе и быть не можетъ, что нужно было привести къ такому исходу свое семейство. Но замѣчательно то, что она не принадлежала къ общему, банальному типу *барынь* стараго покроя. Тѣ, при всѣхъ своихъ качествахъ, сохраняютъ хоть наружное добродушіе. У Пелагеи Сергѣевны и этого не было. Она уже лѣтъ двадцать, какъ заперлась въ своемъ дикомъ домѣ. Общества, людей ей ненужно было, какъ-будто судьба назначила ей ничего больше не знать въ жизни, какъ свою семью и доковать эту семью.

Пробило восемь часовъ.

Пелагея Сергѣевна напилась чаю очень поспѣшно. Она уже раза два посылала наперсницу узнать: проснулся ли Николай Дмитричъ, и каждый разъ Яковъ отвѣчалъ, что еще почиваютъ.

Около девяти часовъ Амалья Христофоровна привела Машу здороваться съ бабушкой.

Старуха никогда не отпускала ее безъ какого-нибудь замѣчанія, но на этотъ разъ промолчала.

Амалья Христофоровна услала Машу на верхъ и подѣла къ бабинькѣ.

— Тотъ уѣхалъ ужъ, — проговорила Пелагея Сергѣевна, — рано что-то поднялся.

— Слышала-съ, — отвѣчала толстая.

— Куда-нибудь не спроста.

Колбаса кивнула утвердительно головой.

— Фицка! — крикнула бабинька.

Явилась наперсница.

— Послала за Григорьемъ Иванычемъ?

— Фефанъ барина повезъ, — прошепелявила Фицка, — такъ Епишка поѣхалъ-съ.

— Какъ проснется Николюшка, сказать мнѣ.

— Слушаю-съ!

Наперсница скрылась.

Бабинька со вчерашняго вечера все еще не рѣшила вопроса:

идти ей къ сыну или нѣтъ. Она поджидала доктора, и доискивалась все настоящей причины вчерашней выходки больного.

— Ужь я знаю,—проговорила она, послѣ долгаго молчанія,— что это ея дѣло.

— Конечно, кто же дугой станетъ такія пакости дѣлать, — отвѣтила медоточиво Амалья Христофоровна.

— Желала бы я только знать,—продолжала Пелагея Сергѣевна,— какъ это она съ нимъ переписывается.

— Какъ переписывается? Это очень легко придумать,—отвѣтила колбаса, шуря глаза. — Навѣрно, тутъ Борисъ Николаичъ участвуетъ. Вѣдь, онъ радъ: ему только бы что-нибудь противъ васъ сдѣлать.

— Вѣру какую въ него имѣеть: что сказалъ онъ, то и свято.—Бабинька замолчала.

— И какъ я, — заговорила она съ силой, — какъ я допустила это? Мальчишка вшивыи — и что изъ себя корчить! Онъ скоро меня въ дѣвичью сошлетъ!

— И знаете что, Пелагея Сергѣевна, вчера, какъ я у васъ здѣсь сидѣла, онъ тамъ у себя, наверху, заперся; Вѣрка видѣла: у стола все сидѣлъ, какой-то пакетъ съ собой принесъ изъ кабинета.

— Пакетъ?—быстро спросила бабинька.

— Да-съ, пакетъ, и большую бумагу оттуда вынулъ, все читалъ, долго читалъ. Это какія-нибудь важныя бумаги онъ утащилъ изъ кабинета.

Бабинька вскочила и пошла ходить по диванной. Кацавейка и чепчикъ также заходили подъ ея пальцами.

— Пакетъ!—вскричала бабинька, — на большихъ листахъ, вы говорите?

— Да-съ, на большихъ... онъ все переворачивалъ — Вѣрка видѣла.

— Да-да, это оно... Такъ вотъ они зачѣмъ запирались! А меня прочь, долой!.. Меня, какъ собаку какую; вонъ изъ дому вышвырнуть! А-а!—И Пелагея Сергѣевна заметалась по комнатамъ, издавая какіе-то дикіе звуки.

Въ дверяхъ показалась Фицка.

— Проснулся баринъ,—доложила она.

Пелагея Сергѣевна подлетѣла къ ней.

— Ты что смотришь? Гдѣ нужно, тамъ тебя нѣтъ — а? И

увѣсистая пощочина досталась на утренній завтракъ наперсницѣ.

— Она мнѣ тычетъ въ носъ: «проснулся». Я и безъ тебя знаю, что проснулся, а больше-то ты ничего не знаешь.

Наперсница съѣжилась и молчала, Амалия Христофоровна щурила глазки.

Бабинька не могла успокоиться.

— Западню строить!—кричала она.—Они мерзавку эту изъ Москвы выпишутъ; она распутничать станетъ у меня въ домѣ!..

Послышались шаги въ корридорѣ.

— Матушка, барынька, — пропичала Фицка, — Григорій Ивановичъ идутъ-сь.

XXVI.

Вошелъ докторъ.

— Что вы, матушка?—пробасилъ онъ и поцѣловалъ руку Пелагеи Сергѣевны, — плохо что-ли больно?

Бабинька все еще не успокоилась, и даже не нашлась что отвѣтить въ первую минуту.

— Какъ больной-то нашъ?—спросилъ докторъ.

— Не знаю, Григорій Ивановичъ, ничего я теперь не знаю, — говорила она, разведя руками въ разныя стороны. — Я за вами послала; вѣдь надо же этому конецъ положить. Амалия Христофоровна, скажите, чтобъ подали чаю Григорью Ивановичу.

Колбаса поняла, что ей слѣдовало удалиться.

Когда она вышла, бабинька схватила доктора за руку и подвела къ дивану.

— Сядьте, сядьте, Григорій Ивановичъ, — заговорила она, — вы не повѣрите, Николинъ совсѣмъ теряется, у него отуманился разумокъ.

— Гм!—промычалъ сѣрый господинъ.

— Да, да, омрачился разумокъ. Онъ на меня кинулся вчера; я думала прибѣтъ меня, — ей-богу. Въ глазахъ такое выраженіе страшное...

— Да, чтожь это съ нимъ?—спросилъ сѣрый докторъ безстрастнымъ тономъ.

— Ума не приложу. Вы знаете его любовь ко мнѣ, повинненіе всегдашнее: могъ-ли онъ когда подумать о томъ, чтобъ возстать на меня? Вчера, видите, этого сквернаго мальчишку, умника-то нашего, Бориса Николаича, за мерзости какія-то ос-

тавили въ гимназiи. Къ обѣду шѣтъ; пятый, шестой часъ — все нѣтъ. Вотъ я въ седьмомъ часу иду къ Николникѣ и въ разговорѣ, такъ, сказала, что нѣтъ его. И что бы вы думали, Григорiй Иванычъ? онъ какъ подымется на меня, и пу кричатъ: «вы лжете; вы клеветеете на него! Я ему вѣрю больше, чѣмъ вамъ. Вы мнѣ умереть спокойно не дадите. Вы меня мучите, живымъ въ гробъ заколачиваете...» Я ушамъ своимъ не вѣрила. Точно бѣлены объѣлся, точно духъ въ него засѣлъ какой-то.

— Ничего, сударыня, осядется,—пробасилъ эскулапъ.

— И все это мерзкій мальчишка натворилъ. Но слушайте, это еще не все. Приподнялся онъ на кровати и кричитъ на меня; въ эту самую минуту входитъ сынѡкъ возлюбленный. Я не могла вытерпѣть, выбѣжала бѣгомъ изъ спальни. А они тамъ заперлись, битыхъ три часа шептались, и—что бы вы думали?—онъ ему пакетъ какой-то отдалъ; тотъ его, наверху у себя читалъ. Вѣдь это завѣщанiе. Какой же можетъ быть другой пакетъ, скажите на милость?!..

— Можетъ быть, и оно,—промычалъ докторъ.

— Оно, непременно оно!—Бабинька вскочила съ мѣста и заходила по комнатѣ.

— Что же это будетъ, Григорiй Иванычъ? Вѣдь онъ теперь Богъ знаетъ что натворить. Умъ у него помрачился. Онъ мнѣ ничего не скажетъ.

— Можно все узнать; сударыня, пробасилъ докторъ.—Онъ, вѣдь, не убѣжитъ отъ васъ. Ну, чтожь изъ того, что отдалъ сыну пакетъ?

— Какъ что, Григорiй Иванычъ? Зачѣмъ онъ отдалъ, когда ему нужно въ бюрѣ лежать? Что они такое замышляютъ? Вѣдь, замышляютъ же они что-нибудь? спросила бабинька, наступая на доктора.

Эскулапъ поднялъ на нее глаза, повелъ бровями и проговорилъ:

— Вздоръ все, матушка, нечего пустяковъ бояться. Чтѡ бы они тамъ ни замышляли, все выйдетъ одинъ болгунъ, кавардакъ. Ну, что можетъ вашъ сынъ противъ васъ замыслить? Завѣщанiе, что-ли, переменить? Да какъ же онъ его измѣнить? Васъ что-ли отстранить? Такъ кого же онъ, сударыня, при дѣтяхъ-то оставить—Мионовну или Палашку какую-нибудь?

— Вы не говорите этого, Григорiй Иванычъ, я ужъ чувствую,

какія тутъ мины подводятся. Мое сердце чувствуетъ, кто тутъ всему причина.

Бабинька остановилась. Въ комнату вошла одна изъ босоногихъ дѣвицъ съ подносомъ, подала доктору чаю и стала, по обыкновенію, у притолка, опустивъ поднось.

Бабинька взглянула на нее многозначительно; но дѣвица не поняла.

— Ступай!—сказала бабинька босоногой дѣвицѣ, и та скрылась.

— Это она, это та распутница тутъ дѣйствуетъ,—заговорила бабинька:—Вѣрьте мнѣ, Григорій Иваичъ, вѣдь вы знаете, какъ онъ всегда ея сторону бралъ, защищалъ ее всегда, въ домъ ввести хотѣлъ, дѣтей его воспитывать—вы это все помните. Ну, вотъ онъ теперь и сдѣластъ штуку: онъ ее выпишетъ сюда, а меня по шеѣ, вонъ!

— Полноте, сударыня,—возразилъ эскулапъ.

— Нѣтъ, вы меня не утѣшайте; а поймите, какія тутъ пакости творятся. Припугните вы его, Григорій Иваичъ, чтобъ не имѣлъ онъ долгихъ разговоровъ съ сквернымъ мальчишкой...

Вѣдь у меня,—продолжала бабинька со слезами,—вся внутренность переворачивается, какъ подумаю, что такое посрамленіе я должна выносить. А будетъ это: чувствуетъ мое сердце, что будетъ. Такъ вы запретите ему разговоры. Они его уморятъ поскорѣй, чтобъ имъ вольнѣе было меня выгнать.

Эскулапъ всталъ.

— Гдѣ ему, сударыня, исторіи затѣвать!—проговорилъ онъ.—Онъ вотъ вчера посвѣжѣе былъ, такъ и похорохорился маленько; а какъ прикрутить, такъ какія тутъ распоряженія дѣлать? А этого, умника-то, выдрать бы надо. Напишите директору, чтобъ его всполосовали, такъ онъ и перестанетъ въ большіе-то лѣзть. Пойдемте, — надо провѣдать.

— Нѣтъ ужь, Григорій Иваичъ, вы меня не оставьте. Я здѣсь одна: меня задушатъ здѣсь. Всѣ людишки озлоблены... Пойдите хоть вы за меня. Не дамъ я этой распутницѣ втереться въ мой домъ, осрамить меня на старости лѣтъ.

— Идемте, идемте—повторилъ докторъ.—Я сударыня, языкомъ болтать лишняго не стану, а ужь на меня вы можете положиться. И все обойдется, матушка; никто васъ не выгонитъ. Онъ, поди, теперь прощенья у васъ станетъ просить, что осмѣлился слово сказать.

ПЕТРЪ БОБОРЫКИНЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОСПОДИНА

ФОНЪ-ШНАБЕЛЬВОПСКАГО.

(Изъ Гейне.)

I.

Мой отецъ назывался Шнабельвопскій, моя мать называлась Шнабельвопская; я, законный сынъ обоихъ, родился 1 апрѣля 1795 г., въ Шнабельвопсѣ. Бабушка моя, старая барыня фонъ-Пицицка, заботилась обо мнѣ въ годы дѣтства, рассказывала мнѣ много прекрасныхъ сказокъ, и часто убаюкивала меня пѣсенкой, слова и напѣвъ которой вышли изъ моей памяти. Но никогда не забуду я того таинственнаго вида, съ которымъ она кивала своею дрожавшею головой въ то время, какъ пѣла эту пѣсенку, и того, какъ тоскливо показывался при этомъ на свѣтъ Божій ея большой, единственный зубъ, обитатель ея рта. Вспоминаю я также не разъ о попугаѣ, о смерти котораго она часто плакала горькими слезами. Старая бабушка тоже умерла, и я, конечно, единственный человекъ въ мѣрѣ, который еще думаетъ о ея миломъ попугаѣ. Кошку нашу звали Мими, а собаку — Жоли. Эта послѣдняя очень хорошо знала человѣческое сердце и убѣгала отъ меня каждый разъ, какъ я брался за хлысть. Однажды утромъ, слуга нашъ сказалъ: «собака ходить съ повернутымъ между ногами хвостомъ и вывѣсила языкъ длиннѣе обыкновеннаго». Тогда бѣдному Жоли привязали къ

шеѣ нѣсколько камней и бросили въ воду: при этомъ происшествіи, онъ утонулъ. Слугу нашего звали Прштцтвйтшъ. Чтобы правильно произнести это имя, надо непремѣнно чихнуть. Горничная наша называлась Свуртешка, что, понѣмецки, выходить довольно-грубо, а по польски—чрезвычайно мелодично: это была толстая особа съ бѣлыми волосами и бѣлокуроыми зубами. Кромѣ того, по дому бѣгали два прекрасные черные глаза, которые назывались Серафина: это была моя прекрасная, нѣжно-любимая двоюродная сестричка, и мы вмѣстѣ играли въ саду, и подсматривали за житьемъ-бытьемъ муравьевъ, и ловили бабочекъ, и сажали цвѣты. Разъ она смѣялась, какъ сумасшедшая, когда я посадилъ въ землю свои маленькіе чулки, думая, что изъ нихъ выростетъ пара большихъ панталонъ для моего отца.

Мой отецъ былъ добрѣйшій человекъ въ мірѣ и долгое время былъ удивительно-красивъ; сзади напудренной головы послѣ онъ очень хорошо заплетенную косичку, которая не падала внизъ, но поддерживалась на темени маленькимъ черспаховымъ гребешкомъ. Руки его были ослѣпительно бѣлы, и я часто цѣловалъ ихъ. У меня теперь на душѣ такъ, какъ-будто я слышу его сладкое дыханіе. Я очень любилъ моего отца, потому-что никогда не думалъ, что онъ можетъ умереть.

Мой дѣдушка съ отцовской стороны былъ старый господинъ фонъ-Шнабельвопскій; о немъ я знаю только то, что онъ былъ человекъ, и что мой отецъ былъ его сынъ. Дѣдушка мой, съ матерней стороны былъ старый господинъ фонъ-Вирсернскій; на портретѣ онъ изображенъ въ красномъ бархатномъ сюртукѣ и съ длиннымъ мечомъ; и мать моя часто рассказывала мнѣ, что у него былъ другъ, который носилъ зеленый шелковый сюртукъ, розовые шелковые панталоны и бѣлые шелковые чулки и который бѣшено махалъ своей шляпенкой каждый разъ, какъ говорилъ о прусскомъ королѣ.

Мать моя, госпожа фонъ-Шнабельвопская, дала мнѣ, когда я подростъ, хорошее воспитаніе. Она много читала и, въ то время, какъ была мною беременна, особенно занималась Плутархомъ и, можетъ быть, засмотрѣлась на одного изъ его великихъ мужей; по всей вѣроятности на одного изъ Гракховъ. Отъ этого произошло мое мистическое, тоскливое желаніе осуществить въ новыхъ формахъ полевой законъ (*lex agraria*). Мои понятія о свободѣ и равенствѣ должно, можетъ быть, также приписать этому

занятію моеи матери. Еслибъ она, въ то время, читала жизнь Каргуша, я бы, можетъ быть, сдѣлался большимъ банкиромъ. Какъ часто, еще ребенкомъ, я забывалъ школу и, уединясь на прекрасную поляну Шнабельвопса, размышлялъ: какими способами можно осчастливить человѣчество. За это меня часто бранили лѣнивцемъ и строго наказывали; уже тогда, за мысли объ осчастливленіи человѣчества, я долженъ былъ переносить много страданій и нужды. Окрестности Шнабельвопса очень живописны; тутъ протекаетъ рѣчка, въ которой лѣтомъ очень пріятно купаться, а въ прибережныхъ пняхъ находятся очень милыя птичьи гнѣзда. Старый Гнезень, прежняя столица Польши, отстоитъ отсюда всего на три мили. Тамъ, въ соборѣ, похороненъ святой Адальбертъ. На серебряномъ саркофагѣ лежитъ его собственное изображеніе въ натуральную величину, съ епископскою митрой и жезломъ, съ набожно-скрещенными руками, и все это изъ литого серебра. Какъ часто я вспоминаю о тебѣ, о серебряное изображеніе святого! Какъ часто мысли мои ускользаютъ въ Польшу, и я снова стою въ гнезенскомъ соборѣ, облокотясь о колонну подлѣ гробницы Адальберта! И снова звучитъ органъ, какъ-будто органистъ пробуетъ отрывокъ изъ *Miserere Allegri*; въ отдаленной капеллѣ служатъ обѣдню; послѣдніе лучи солнца падаютъ сквозь разноцвѣтныя стекла оконъ; церковь пуста; только передъ серебряною гробницей святого лежитъ молящаяся фигура—женщина удивительной красоты, которая бросаетъ на меня быстрый взглядъ, но потомъ такъ же быстро снова поворачивается къ святому и своими пламенными, хитрыми губами шепчетъ: «поклоняюсь тебѣ!»

Въ то самое мгновеніе, какъ я услышалъ эти слова, вдали зазвучалъ колокольчикъ, звуки органа понеслись съ неудержимою силою; чудная женщина встала съ ступеней гробницы, бросила бѣлый покровъ на свое раздумавшееся лицо и вышла изъ собора.

«Поклоняюсь тебѣ!»—Къ кому относились эти слова: ко мнѣ или къ серебряному Адальберту? Правда, она обернулась къ нему, но только лицомъ. Что значить этотъ косвенный взглядъ, который она бросила на меня и лучи котораго пролились по моеи душѣ, какъ та длинная полоса свѣта, которую мѣсяцъ бросаетъ на море, когда онъ выходитъ изъ темной тучи и снова быстро прячется въ ней? Въ моеи душѣ, такой же мрачной какъ море, эта полоса свѣта разбудила всѣ чудовища, спавшія

на глубинѣ ея, и всѣ эти уродливѣйшія рыбы и тритоны страсти вдругъ вынырнули наружу, и засуетились, и, отъ наслажденія, стали кусать другъ друга за хвостъ, а органъ шумѣлъ и гремѣлъ все сильнѣе и сильнѣе, точно шумъ бури на Сѣверномъ морѣ.

На другой день я уѣхалъ изъ Польши.

II.

Моя мать сама уложила мои сундуки; съ каждой рубашкой она клала хорошій урокъ. Прачки, въ послѣдствіи времени, подмѣнили всѣ эти рубашки, а съ ними и хорошіе уроки. Отецъ мой былъ глубоко взволнованъ и далъ мнѣ длинную записку, въ которой, по пунктамъ, изложилъ, какъ я долженъ вести себя въ этомъ мірѣ. Въ первомъ пунктѣ значилось, что я, прежде чѣмъ истратить червонецъ, долженъ десять разъ осмотрѣть его. Сначала я слѣдовалъ этому правилу, но потомъ постоянное осматриваніе сдѣлалось для меня утомительнымъ. вмѣстѣ съ запискою, отецъ мой вручилъ мнѣ принадлежащія къ ней червонцы; потомъ онъ взялъ ножницы, отрѣзалъ косичку съ своей милой головы и далъ мнѣ эту косичку на память. Она еще теперь у меня, и я плачу каждый разъ, когда смотрю на напудренныя, тонкіе волосенки.

Въ ночь, предшествовавшую моему отъѣзду, мнѣ снился слѣдующій сонъ:

Я гулялъ одинъ въ прекрасной, свѣтлой мѣстности, на берегу моря. Былъ полдень и солнце покрывало воду настоящими алмазами. Здѣсь и тамъ возвышались большія алоэ, тоскливо протягивавшія зеленныя руки къ свѣтлomu небу. Тутъ же росла плакучая ива съ низко-опустившимися вѣтвями, которыя приподымались каждый разъ, какъ волны задѣвали ихъ; мнѣ она казалась похожею на молодую русалку, которая приподымаетъ свои зеленныя кудри, чтобы лучше слышать, что нашептываютъ ей въ уши влюбленные духи воздуха. Море блестяло все красивѣе и милѣе; волны шумѣли все сильнѣе и сильнѣе, и на этихъ шумящихъ, лучезарныхъ волнахъ показался серебряный Адальтбертъ, точно такой, какимъ я видѣлъ его въ Гнезенскомъ соборѣ, съ серебрянымъ жезломъ въ серебряныхъ рукахъ, съ серебряной митрой на серебряной головѣ. Онъ шолъ по волнамъ, и махалъ мнѣ рукою, кивалъ головой и, наконецъ, когда очутился противъ меня, крикнулъ мнѣ, серебрянымъ голосомъ...

Но словъ его, при шумѣ волнъ, я не могъ разслышать. Я еще долго стоялъ на берегу и плакалъ, пока наступили сумерки, и небо и море сдѣлались сумрачны и блѣдны, и печальны выше всякой мѣры. Начался приливъ. Алоэ и ива затрещали и вырвались съ корнемъ волнами, которыя, по временамъ, отбѣгали назадъ и потомъ съ большою силою неслись впередъ, шумя, бушуя, пѣнистыми полукружьями. Вдругъ услышалъ я однообразный шумъ, похожій на стукъ веселъ, и затѣмъ, увидѣлъ лодку. Четыре бѣлыя фигуры, съ мертвенными лицами, укутанныя въ саваны, сидѣли въ ней и усердно гребли. Посрединѣ лодки стояла блѣдная, но безконечно-прекрасная женщина, безконечно нѣжная, точно-сдѣланная изъ благоуханія лиліи,—и она соскочила на берегъ. Лодка съ своими призранными гребцами понеслась, какъ стрѣла, обратно въ широкое море, а въ моихъ объятыхъ лежала цыпа Ядвига, и плакала, и смѣялась: «поклоняюсь тебѣ!»

III.

Первый мой выѣздъ, по оставленіи Шнабельвонса, былъ въ Германію, и именно въ Гамбургъ, въ которомъ я пробылъ шесть мѣсяцевъ, вмѣсто того, чтобъ сейчасъ жѣ ѣхать въ Лейденъ и тамъ, согласно желанію моихъ родителей, предаться изученію богословской мудрости. Я долженъ сознаться, что въ это время занимался болѣе свѣтскими вещами, чѣмъ божественными.

Городъ Гамбургъ—хорошій городъ; въ немъ очень солидные дома; здѣсь царствуетъ не позорный Макбетъ, а Банко. Духъ Банко проносится по всему этому вольному городу, котораго являя глава—высокомудрый сенатъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, это вольный городъ и въ немъ находишь самую большую политическую свободу. Граждане могутъ здѣсь дѣлать все, что имъ угодно, и высокомудрый сенатъ тоже можетъ дѣлать все, что ему угодно; каждый здѣсь—полный господинъ своихъ дѣйствій. Это республика. Еслибъ Лафайеттъ не имѣлъ счастья найти Лудовика-Филиппа, то, конечно, рекомендовалъ бы своимъ французамъ гамбургскихъ сенаторовъ и старшинъ. Гамбургъ—самая лучшая республика. Его нравы—англійскіе, а его кушанья—обворожительныя. Гамбургцы хорошіе люди и хорошо ѣдятъ. Мнѣнія ихъ касательно религіи, политики и науки очень различны; но въ отношеніи ѣды между ними царствуетъ полнѣйшее согласіе. Пусть, изъ тамошнихъ евреевъ, одни передъ обѣдомъ произносятъ моли-

тву понѣмецки, а другіе — ноеврейски, но объ партіи ѣдят, и ѣдят хорошо, и произносятъ очень правильныи приговоръ надъ кушаньемъ. Пусть тамошніе адвокаты спорятъ о томъ—должны ли кушанья быть общественными, или нѣтъ: но они согласны въ томъ, что всѣ кушанья должны быть хороши. Гамбургскіе военные шѣютъ, конечно, спартанскій образъ мыслей, что касается храбрости; но о черной вохлебкѣ они и слышать не хотятъ. Врачи, — которые такъ несогласны между собою въ леченіи болѣзней, и которые тамошній національный недугъ (именно затвердѣніе желудка) лечатъ или, какъ брауніанцы, большими порціями копченой говядины, или, какъ гомеопаты, 10,000-ю капли водки въ большой чашкѣ горличнаго супа, — эти самые врачи совершенно согласны между собою, когда дѣло идетъ о вкусѣ этого супа и этой говядины. Гамбургъ — отчизна этого послѣдняго кушанья и гордится имъ, какъ Майнцъ своимъ Іоганномъ Фаустомъ, или Эйслебенъ своимъ Лютеромъ. Но что значитъ книгопечатаніе и реформація въ сравненіи съ копченой говядиной? Пользу или вредъ принесли реформація и книгопечатаніе — объ этомъ въ Германіи спорятъ двѣ партіи; но всѣ, даже самые ревностные іезуиты наши, согласны въ томъ, что копченая говядина очень хорошее и для людей спасительное открытіе.

Гамбургъ построенъ Карломъ Великимъ и населенъ 80 т. маленькихъ людей, которые не помѣняются съ Карломъ Великимъ, лежащимъ въ Ахснѣ. Можетъ быть, гамбургское населеніе превышаетъ и 100 т. — этого я положительно не знаю, несмотря на то, что по цѣлымъ днямъ ходилъ по улицамъ, чтобы осмотрѣть тамошнихъ людей; притомъ же я, вѣрно, многихъ мужчинъ пропустилъ, такъ-какъ женщины привлекали все мое вниманіе. Этихъ послѣднихъ нашолъ я вовсе не худощавыми, а, напротивъ, даже, по-большей-части, корпулентными, иногда заманчиво-прелестными, и вообще одаренными какою-то зажиточною чувственностью, которая, право, приплась мнѣ достаточно по-сердцу. Если въ романтической любви онѣ выказываютъ себя несовсѣмъ мечтательными и имѣютъ самое слабое понятіе о великомъ страданіи сердца, то въ этомъ виноваты не онѣ, а Амуръ: маленькій божокъ этотъ часто кладетъ на свой лукъ самыя острыя стрѣлы любви, но, по неловкости или изъ лукавства, цѣлитъ слишкомъ низко и, вѣсто того, чтобы попасть въ сердце гамбургскихъ дамъ, попадаетъ въ ихъ животъ.

Что касается мужчинъ, то я видѣлъ большею частью приземистыя фигуры, разумныя, холодныя глаза, короткій лобъ, красныя, небрежно-отвисшія щоки, орудіе яды съ особенными тѣлеснѣе обработанное, шляпы, точно пригвожденныя на головахъ, и руни въ карманахъ панталонъ, какъ у человѣка, который точно хотеть спросить: «что мнѣ приходится заплатить?»

Къ городскимъ рѣдкостямъ принадлежатъ: 1) старая ратуша, въ которой великіе гамбургскіе банкиры стоятъ, высѣченныя изъ камня, и съ скантромъ и державою въ рукахъ; 2) биржа, въ которой ежедневно собираются сыны Гаммонія, какъ нѣкогда римляне на форумѣ, и гдѣ, надъ ихъ головами, виситъ черная почетная доска съ именами лучшихъ гражданъ; 3) прекрасная Маріанна, удивительно-красивая женщина, которую уже двадцать лѣтъ грызетъ зубъ времени—(сказать многоходомъ: «зубъ времени»—очень плохая метафора, такъ-какъ время такъ старо, что, конечно, не имѣетъ больше ни одного зуба)—прекрасная Маріанна сохранила, однако, всѣ свои зубы и всѣ свои волосы; 4) бывшій центральный классъ; 5) Альтона, 6) подлинныя манускрипты трагедій Марра; 7) владѣлецъ Реддингва кабинета; 8) биржевая зала; 9) Бахусова зала и, наконецъ, 10) городской театръ. Последній заслуживаетъ особаго вниманія: члены его очень хорошіе граждане, почтенные отцы семейства, не умѣющіе сами притворяться и другихъ обманывать, люди, которые дѣлаютъ изъ театра какой-то храмъ, такъ-какъ они убѣждаютъ самаго сомнѣвающагося въ людяхъ, что не все въ этомъ мірѣ притворство и лицемеріе.

При исчисленіи рѣдкостей гамбургской республики, не могу не упомянуть о томъ, что, въ мое время, зала Аполлона была очень блестяща. Теперь она въ большомъ упадкѣ и въ ней даются филармоническіе концерты, показываются штуки фокусниковъ и опыты естествоиспытателей. Не то было прежде. Звучали трубы, стучали литавры, развѣвались страусовыя перья, Элоиза и Минка пробѣгали въ рядахъ полонеза Отинскаго — и все было очень прилично. Чудное время, когда счастье мнѣ улыбалось! И это счастье звалось Элоиза: то было сладкое, милое, надѣляющее счастьемъ счастье, съ розовыми щеками, лилейнымъ носикомъ, горячо благоуханными фиалковыми губами, глазами, похожими на голубое, черное озеро; но нѣчто глуное лежало на лбу, какъ мрачная туча надъ блестящею картиною весны... Чудное время, когда счастье улыба-

лось мнѣ! Минка смѣялась рѣже, потому-что у ней не было красивыхъ зубовъ, но тѣмъ прекраснѣе были ея слезы, когда она плакала; а плакала она при каждомъ чужомъ несчастіи и была благотворительна выше всякаго описанія. Бѣднымъ отдавала она послѣдній грошъ; иногда даже давала свою послѣднюю рубашку, если этого желали. Она была такъ добра душой: она ни въ чемъ не могла отказать. Этотъ мягкій, уступчивый характеръ представлялъ очень сильный контрастъ съ внѣшнею оболочкою его. Смѣлая, юноновская осанка, бѣлая, гордая шея, обвитая густыми черными кудрями, какъ сладострастными змѣями; глаза, всеповелительно-сверкающіе подѣ темными триумфальными арками; пурпурногордая, высокосводчатая губы; марморныя, повелѣвающія руки, немного покрытыя, къ сожалѣнію, веснушками, кромѣ того, на правомъ боку у нея было родимое пятнышко, въ формѣ маленькаго кинжала.

Если, любезный читатель, тебѣ станеть грустно оттого, что я ввелъ тебя въ такое, такъ-называемое, дурное общество, то утѣшься тѣмъ, что оно, по-крайней-мѣрѣ, стояло тебѣ не такъ дорого, какъ мнѣ. За то, впоследствии, въ книгѣ моей не будетъ недостатка въ идеальныхъ женщинахъ; и уже теперь, для начала, я хочу представить тебѣ двухъ приличныхъ дамъ, которыхъ я тогда выучился знать и почитать. Имена ихъ — мадамъ Пиперъ и мадамъ Шниперъ. Первая была прекрасная женщина въ самыхъ зрѣлыхъ годахъ, съ большими, черноватыми глазами, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, черными фальшивыми кудрями, смѣлымъ древне-римскимъ носомъ и ртомъ, который былъ гальотиною для каждаго добраго имени. Въ самомъ-дѣлѣ, для именъ не было болѣе удобной машины казни, какъ ротъ госпожи Пиперъ; она не долго разжевывала эти имена, не дѣлала особенно-важныхъ приготовленій: чуть лучшее доброе имя попадалось къ ней на зубы, она только улыбалась, но эта улыбка была какъ топоръ: честь отсѣкалась и падала въ мѣшокъ. Дама эта была всегда образцомъ приличности, чести и добродѣтели. Мадамъ Шниперъ пользовалась такою же славою. Это была нѣжная женщина, съ маленькою грудью, обыкновенно окутанная темною вуалью, съ свѣтлоблѣокурыми волосами, свѣтлоголубыми глазами, которые страшно-унино сверкали на бѣломъ лицѣ. Улыбка ея была тоже смертельна для каждаго добраго имени, но уже не какъ топоръ, а скорѣе какъ тотъ африканскій ядовитый вѣтеръ, отъ дуновенья котораго вянутъ всѣ цвѣты;

самымъ плачевнымъ образомъ вянуло каждое доброе имя, надъ которымъ она только чуть-чуть улыбалась. Дама эта была всегда образцомъ приличности, чести и добродѣтели.

Я не премину воздать также хвалу многимъ изъ сыновъ Гаммонія и превознести нѣкоторыхъ мужчинъ, особенно-высоко чтимыхъ, именно тѣхъ, которыхъ почитаютъ по нѣсколькимъ миллионамъ банковыхъ билетовъ; но, въ настоящую минуту, я удержу мой энтузіазмъ для того, чтобы онъ потомъ вспыхнулъ болѣе яркимъ пламенемъ. Чтобы объяснить это, скажу, что я имѣю въ мысляхъ издать храмъ почести Гамбурга, по такому точно плану, какой составленъ былъ, лѣтъ десять назадъ, однимъ славнымъ нѣмецкимъ писателемъ, приглашавшимъ съ этою цѣлю каждаго гамбургца присылать ему подробную опись своихъ специальныхъ добродѣтелей, съ приложеніемъ одного специального талера. Я никогда не могъ добиться—почему этотъ храмъ почести не осуществился. Одни говорили, что подрядчикъ, едва дошедши до Арона, успѣвъ, такъ сказать, положить только первыя бревна, уже совсѣмъ былъ задавленъ тяжестью матеріала; другіе утверждали, что высоко-мудрый и высокоблагородный сенатъ отвергнулъ, изъ великой скромности, этотъ проэктъ и приказалъ строителю храма почести оставить въ теченіе 24 часовъ гамбургскую область со всѣми ея добродѣтелями. Но, какая бы ни была причина, а дѣло не осуществилось. А такъ-какъ я, по врожденному честолюбію, всегда хотѣлъ сдѣлать нѣчто великое и постоянно стремился достигнуть невозможнаго, то я и принялся снова за этотъ громадный проэктъ; такимъ образомъ я создамъ храмъ почести Гамбурга—бессмертную и исполинскую книгу, въ которой опишу прелести всѣхъ его обитателей, безъ исключенія, въ которой сообщу благородныя черты тайной благотворительности, еще не заявленныя въ газетахъ, въ которой разскажу великіе подвиги, которыхъ никто не повѣритъ, въ которой, наконецъ, вишнеткою будетъ служить собственное мое изображеніе въ ту минуту, какъ я сижу на Юнгфернштигѣ предъ швейцарскимъ павильономъ и размышляю о прелестяхъ города Гамбурга.

IV.

Для читателей, которые незнакомы съ городомъ Гамбургомъ—а таковыя, можетъ быть, найдутся въ Китаѣ и въ Верхней Ба-

варіи—я долженъ замѣтить слѣдующее: лучшее мѣсто прогулки сыновъ и дочерей Гаммонія носить правильное названіе Юнгфернштига; оно состоитъ изъ одной липовой аллеи, которая съ одной стороны граничитъ съ рядомъ домовъ, а съ другой — съ большимъ бассейномъ сорокъ; передъ этимъ послѣднимъ стоять, построенныя на водѣ, двѣ палаткообразныя, веселыя, маленькія кофейни, называемыя павильонами. Особенно-хорошо сидѣть передъ однимъ изъ нихъ, такъ называемымъ швейцарскимъ, когда на дворѣ лѣто и полуденное солнце не дико печетъ, а привѣтливо улыбается и обливаешь какимъ-то милымъ, снзачпнымъ свѣтомъ лампы, дома, людей, сорокъ и лебедей, покачивающихся на водѣ. Хорошо сидится тутъ, и хорошо сидѣлъ я часто въ послѣобѣденное время и думалъ о томъ, о чемъ обыкновенно думаетъ молодой человекъ, т. е. рѣшительно ни о чемъ, и смотрѣлъ на то, на что обыкновенно смотритъ молодой человекъ, т. е. на молодыхъ дѣвушекъ, проходившихъ мимо. Тутъ порхали эти малыя созданія, съ своими крылатыми чепчикками и перекрытыми корзиночками, въ которыхъ ничего не было; тутъ семенили пестрыя поселанки, снабжающія весь Гамбургъ земляничкой и собственнымъ молокомъ; тутъ гордо похаживали прокрасныя купеческія дочери, съ любовью которыхъ получается много наличныхъ денегъ; тутъ припрыгиваетъ кормилица съ розовымъ ребенкомъ на рукахъ, котораго она безпрестанно цѣлуетъ, думая въ это время о своемъ возлюбленномъ; тутъ гуляютъ жрицы родившейся изъ пѣны богини, ганзейскія весталки, Діаны, отправляющіяся на охоту, наяды, дріады, гамадріады, тутъ же—ахъ! проходятъ Минка и Элонза! Какъ часто сидѣлъ я передъ павильономъ и смотрѣлъ на нихъ, проходившихъ мимо въ своихъ розовыхъ, полосатыхъ платьяхъ (арининъ стоитъ четыре марка и три шиллинга и господинъ Зеллиманъ увѣрялъ меня, что эта розовая матерія въ мытьѣ не полиняетъ). «Прелестныя дѣвушки!» восклицали добродѣтельные юноши, сидѣвшіе подлѣ меня. Помню, какъ одинъ высокій ассекураторъ сказалъ однажды: «Одну изъ нихъ я охотно съѣлъ бы за завтракомъ, а другую за ужиномъ, и въ этотъ день ничего бы не обѣдалъ».—«Она ангелъ» сказалъ однажды морской капитанъ такъ громко, что обѣ дѣвушки переглянулись и завистливо посмотрѣли другъ на друга. Я никогда ничего не говорилъ и зашмался своими милыми мыслями ни о чемъ, и смотрѣлъ на дѣвушекъ, на ясное, кроткое небо, на длинную

башню Петра и на тихій, голубой прудъ, на которомъ лебеди плавали такъ гордо, такъ мило и такъ самоувѣренно. Лебеди!.. Но цѣлыми часамъ могъ я заглядываться на нихъ, этихъ милыхъ созданій съ ихъ короткими, длинными шеями, то сладострастно покачивавшихся на мягкихъ волнахъ, то вдругъ вырвавшихся и снова выплывавшихъ, и долго плескавшихся до-тѣхъ поръ, пока темнѣло небо и выступали золотыя звѣзды, какъ-будто чего-то желая, согрѣвая, чудно-нѣжно, лучезарно-ясто. — Звѣзды! Что онѣ такое? Золотые ли цвѣты на груди неба-небѣсты, влюбленные ли глаза ангеловъ, тоскливо отражающіеся въ синихъ водахъ земли и говорящіе лебедемъ про любовь свою?.. Ахъ! съ тѣхъ-поръ прошло много времени. Тогда я былъ молодъ и глупъ. Теперь я старъ и глупъ. Многіе цвѣты завяли и многіе совсѣмъ уничтожены. Много шолковыхъ платьевъ разорвалось и даже розовая полосатая матерія гооподина Зелигмана полиняла. Но я самъ опъ полинялъ; магазинъ его уже носитъ фирму: «Вдова Зелигмана»; и Элонза—краткое существо, которая, казалось, была создана для того, чтобы ходить по мягкимъ индійскимъ коврамъ и обмахиваться павлиньими перьями — погибла въ шумѣ матросовъ, пуншѣ, табачномъ дымѣ и скверной музыкѣ. Когда я снова увидѣлъ Минку —она теперь звалась Катинькой и жила между Гамбургомъ и Альтоной; рассказывая мнѣ о смерти Элонзы, она стала горько плакать, съ отчаяніемъ схватила себя за волосы, и чуть не упала въ обморокъ,—и, чтобы придти въ себя, должна была выпить большой стаканъ водки.

Да и самъ городъ какъ перемѣнился! А Юнгферштигъ? Снѣгъ лежалъ на крышахъ и казалось, что даже дома постарѣли и посѣдѣли. Липы Юнгферштига сдѣлались мертвыми деревьями съ сухими вѣтвями, прозрачно-покачивавшимися въ холодномъ воздухѣ. Небо было рѣзко-синяго цвѣта и быстро темнѣло. Былъ воскресный день и было пять часовъ—время всеобщаго кормленія; экипажи мчались, мужчины и дамы выходили изъ нихъ съ замороженною улыбкою на голодныхъ губахъ... Страшно! Въ эту минуту пронизало меня ужасное замѣчаніе, что на всѣхъ этихъ лицахъ лежало непостижимое слабоуміе и что всѣ люди, проходившіе мимо, охвачены какимъ-то страннымъ сумасбродствомъ. Я уже видѣлъ ихъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, въ этотъ же самый часъ, съ этими же самыми минами, въ томъ же самомъ движеніи, и съ тѣхъ самыхъ поръ они, не переставая, од-

нимъ и тѣмъ же образомъ сводили счеты, посвящали биржу, приглашали другъ друга въ гости, двигали челюстями, давали на водку и считали: «дважды-два-четыре». Страшно! вскричалъ я, когда одному изъ этихъ людей, сидѣвшему у конторки, вдругъ показалось, что дважды-два собственно пять и что, следовательно, онъ всю свою жизнь считалъ невѣрно и провелъ ее въ страшномъ заблужденіи. Разъ, однако, и меня охватило глупое безуміе, и когда я ближе взглядѣлся въ проходившихъ мимо меня людей, то мнѣ показалось, что и они сами не что иное, какъ числа, какъ арабскія цифры. Вотъ прошло хромое *два* съ несчастнымъ *тремя*, своею беременною и полногрудую супругою; вотъ г-нъ *четыре* на костыляхъ; вотъ *пять* съ круглымъ животомъ и маленькою головою; вотъ давнознакомое маленькое *шесть* и, еще болѣе знакомое, злое *семь*... Но когда я ближе взглядѣлся въ несчастное *восемь*, ковлявшее мимо меня, то узналъ въ немъ ассекуратора, который теперь подходилъ на самую тощую изъ тощихъ коровъ Фараона: блѣдныя, впалыя щеки, точно пустая суповая тарелка, холодно-красный носъ, похожій на зинию розу, полинялый черный сюртукъ съ печально-бѣлымъ оттѣнкомъ, шляпа, на которой Сатурнъ сдѣлалъ своею косою нѣсколько дырочекъ; но сапли были все еще зеркальной чистоты. Казалось, онъ не думалъ уже о томъ, что хорошо бы позавтракать Элизой и поужинать Минкой, а скорѣе скучалъ по обѣдѣ изъ обыкновеннаго мяса. Между проходившими мимо меня нулями я узналъ также много старыхъ знакомыхъ. Эти и другіе люди-числа пробѣгали взадъ и впередъ, торопливые и голодные, между тѣмъ, какъ невдалекѣ, вдоль доховъ Юнгфернштага тянулась похоронная процессія — мрачный, печальный маскарадъ! За дрогами ковляли на своихъ тоненькихъ, одѣтыхъ въ черный шолкъ ножкахъ, точно маріонетки смерти, хорошо знакомые магистратскіе сторожа, привилегированные плакальщики въ пародированныхъ старобургундскихъ костюмахъ: короткіе черные плащи и черные панталоны, бѣлые парики и бѣлые галстуки, и, между тѣми и другими, уморительно выглядывавшія красныя, заплаканныя лица; коротенькія стальныя шпаги и, подъ-мышкою, зеленые зонтики.

Но еще безотрадиѣ и смѣшаниѣ этихъ картинъ, двигающихся передо мною, точно безмолвныя китайскія тѣни, были звуки, поражавшіе мой слухъ съ другой стороны: то были осиплыя,

кричаніе, беззвучные звуки; то былъ какой-то бессмысленный пискъ, тоскливое плесканье, волное отчаяніе, всхлипыванье; то были стоны и вздохи, какіе-то неописанные, какъ ледъ холоднью, болѣзненные звуки. Бассейнъ бытъ покрытъ льдомъ; только недалеко отъ берега была широкая четырехугольная прорубь, и страшные звуки, о которыхъ я только-что говорилъ, выходили изъ горла бѣдныхъ бѣлыхъ созданій, плавающихъ тутъ и кричащихъ въ страшной, смертельной тоскѣ... И ахъ! это были тѣ самые лебеди, которые нѣкогда такъ мягко и свѣтло дѣйствовали на мою душу... Ахъ, прекрасные бѣлые лебеди! Имъ сломали крылья, чтобы они не могли улетѣть осенью въ теплыя страны, и теперь сѣверъ держитъ ихъ скованными въ своихъ иррачныхъ ледникахъ; и маркеръ въ павильонѣ увѣряетъ, что имъ здѣсь очень хорошо и что холодъ для нихъ здоровъ. Но это неправда. Тому не хорошо жить на свѣтѣ, который закованъ и почти замерзъ въ холодной лужѣ и у котораго сломаны крылья, такъ-что онъ не можетъ летѣть на прекрасный югъ, гдѣ прекрасные пѣты, золотые лучи солнца, синія воды... Ахъ! и мнѣ нѣкогда было не лучше, и я понялъ жалобы этихъ бѣдныхъ лебедей; а когда совсѣмъ стемнѣло и звѣзды ярко выступили на небѣ, тѣ самыя звѣзды, которыя нѣкогда, въ прекрасныя лѣтнія ночи, такъ горячо водили любовь съ лебедями, а теперь смотрѣли на нихъ такъ леденисто, такъ холодно-свѣтло и почти насмѣшливо, — тогда я понялъ, что звѣзды совсѣмъ не милыя, сочувствующія существа, а просто блестящіе обманы ночи, вѣчно-лживые образы на отуманенномъ небѣ, золотая ложь, наполняющая темносинее пространство.

V.

Былъ отличный весенній день, когда я въ первый разъ оставилъ городъ Гамбургъ. Еще теперь вижу я, какъ золотые лучи солнца играли на осмоленныхъ бокахъ судовъ и слышу явственное, нараспѣвъ произносимое, «Гойго!» матросовъ. Такая аванъ въ весеннее время имѣетъ очень милое сходство съ дуэльнымъ настроеніемъ юноши, который въ первый разъ пускается въ свѣтъ, въ первый разъ отваживается поплыть по высокому морю жизни; всѣ мысли его убраны еще въ это время пестрыми флагами; отвага вздымаетъ всѣ паруса его желаній, ойго!... Но скоро начинаются бури, горизонтъ омрачается, вѣтеръ воеетъ, доски трещатъ, волны ломаютъ руль, и бѣдный

корабль или разбивается о романтическіе утёсы, или садится на влажно-прозявчскій песокъ, или, наконецъ, полусгнившій и разбитый, съ сломанными мачтами, безъ единственнаго язора надежды, успѣваетъ снова дотащиться въ старую гавань и тамъ исгниваетъ, разнащещій самыя плачевныя образы.

Но есть люди, которыхъ слѣдуетъ сравнивать не съ обыкновенными кораблями, а съ пароходами. У этихъ людей мрачный огонь въ груди и они плывутъ наперекоръ вѣтру и непогодѣ. Ихъ флагъ развѣвается, какъ перо на токѣ ночного всадника, ихъ зубчатые колеса точно колоссальныя шпоры, которыми они колятъ бока волнъ морскихъ, и упрямая, пѣнистая стихія должна повиноваться ихъ волѣ, какъ конь волѣ всадника... Но часто котель лопається и внутреннее пламя пожираетъ человѣка.

Пора мнѣ, однако, оставить метафоры и сѣсть на дѣйствительный корабль, отправляющійся изъ Гамбурга въ Амстердакъ. То было шведское судно, нагруженное, кромѣ героя этихъ записокъ, желѣзными слитками и долженствовавшее, вѣроятно, на возвратномъ пути нагружиться трескою для Гамбурга или соями для Афинъ.

Окрестные берега Эльбы удивительно-хороши; особенно-привлекательна мѣстность за Альтоной, ниже Ренвилля. Недалекъ отсюда похороненъ Клопштокъ. Я не знаю ни одного мѣста, гдѣ-бы мертвому поэту было такъ хорошо лежать, какъ здѣсь. Живому поэту жить здѣсь гораздо труднѣе. Какъ часто восклицалъ я твою гробницу, пѣвецъ Мессіады, ты, восставшій тамъ потрясающе-вѣрно страданія Иисуса!

На второй день мы пріѣхали въ Эксафенъ, гамбургскую волость. Обитатели ея—подданные республики, и очень этимъ довольны. Когда они зимою слишкомъ сильно мерзнуть, тогда имъ посылаютъ изъ Гамбурга шерстяныя одѣяла, а лѣтомъ, въ большіе жары — лимоналъ. Въ качествѣ проконсула, живетъ здѣсь высоко-или благородно-мудрый сенаторъ. Онъ получаетъ ежегодно двадцать тысячъ маркъ и править пятью тысячами душъ. Есть здѣсь и морская купальня, имѣющая предъ другими морскими то преимущество, что она въ то же время и эльбская купальня. Большая плотина, по которой можно прогуливаться, ведетъ къ Рицебютелю, также принадлежащему къ Эксафену. Слово «Рицебютель» происхожденія финикійскаго; «Рице» и «Бютель» значатъ пофиникійски: устье Эльбы. Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Карлъ Великій только расшарилъ Гат-

бургъ, а построили Гамбургъ и Альтону финикійяне, и какъ разъ въ то время, когда произошло разрушеніе Содома и Гоморра. Очень можетъ быть, что бѣжавшіе изъ этихъ двухъ городовъ спаслись у устья Эльбы. Подлѣ кофейной фабрики найдено въ землѣ нѣсколько монетъ, выбитыхъ еще въ правленіе Беры XVI-го и Бирзы X-го. По моему мнѣнію, Гамбургъ ничто иное, какъ древній Тарсисъ, откуда евреи получали цѣлыя груды золота, серебра, слоновой кости, павлиновъ и обезьянъ.

Никогда я не забуду этого перваго морскаго путешествія. Въ памяти моей распѣли всѣ волшебныя сказки, которыя нѣкогда рассказывала мнѣ моя старая бабушка. Я могъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на палубѣ и думать объ этихъ сказкахъ; а когда волны плескались, мнѣ казалось, что я слышу голосъ моей бабушки. Закрывалъ я глаза — и она снова сидѣла предо мной, живая, съ единственнымъ зубомъ во рту, и снова торопливо водила губами и рассказывала исторію о летучемъ голландцѣ.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на русалокъ, сидящихъ на бѣлыхъ утесахъ и расчесывающихъ свои зеленые волосы; но мнѣ удалось только услышать ихъ пѣнье.

Какъ ни пристально смотрѣлъ я иногда въ глубь прозрачнаго моря, но ни разу не видѣлъ затонувшихъ городовъ, въ которыхъ люди, превращенные въ разные рыбы образы, ведутъ глубокую, чудно-глубокую водяную жизнь. Говорятъ, что лососки и старыя щуки сидятъ тамъ у окошекъ, одѣтыя по-дамски, и обмахиваются вѣерами, и смотрятъ на улицу, по которой плаваютъ трески въ совѣтничьихъ мундирахъ и франты-сельди, съ лорнетками въ глазу, и ковошатся рачки, раки и всякія другія насекомыя. Я, однако, не могъ проникнуть взоромъ въ такую глубину и только слышалъ подводный звонъ колоколовъ.

Однажды ночью увидѣлъ я большой корабль съ распущенными кровавокрасными парусами, похожій на темнаго великана въ пурпурномъ плащѣ. Не былъ ли то летучій голландецъ?

Но въ Амстердамѣ, куда мы скоро послѣ того пріѣхали, я увидѣлъ, и именно на сценѣ, живымъ его, страшнаго Мингера. При этомъ случаѣ тутъ же, въ театрѣ, я познакомился съ одною изъ тѣхъ русалокъ, которыхъ напрасно искалъ на морѣ. Этой русалкѣ, такъ-какъ она была очень мила, я посвящу особую главу.

VI.

Сказка о «Летучемъ Голландцѣ», конечно, знакома вамъ. Это исторія одного заколдованнаго корабля, который съ незапамятныхъ временъ плаваетъ по морю и никогда не можетъ войти въ гавань. Когда какое-нибудь судно попадаетъ ему на встрѣчу, тогда нѣкоторые изъ пассажировъ безпріютнаго корабля подѣзжаютъ въ лодкѣ къ встрѣтившимся, и просятъ взять съ собою пакетъ писемъ. Эти письма должно крѣпко прибить гвоздями къ мачтѣ, иначе съ кораблемъ приключится несчастье, особенно если на немъ нѣтъ Библии. Письма всегда адресованы къ людямъ, которыхъ никто не знаетъ или которые давно умерли, такъ-что иногда правнукъ получаетъ письмо для передачи своей прабабушкѣ, которая уже лѣтъ сто лежитъ въ могилѣ. Это деревянное привидѣніе, этотъ страшный корабль получилъ свое названіе отъ своего капитана, голландца, который однажды поклялся всѣми чертями, что объѣдетъ мысъ, названіе котораго я забылъ, несмотря на сильнѣйшую бурю, бушевавшую въ то время, и хоть бы ему пришлось для этого плавать до послѣдняго дня. Чортъ поймалъ его на словѣ и капитанъ долженъ плавать до послѣдняго дня, и только вѣрность женщины можетъ снять съ него эту чару. Чортъ, какъ онъ ни глупъ, не вѣритъ въ женскую вѣрность и поэтому позволяетъ заколдованному капитану разъ въ семь лѣтъ сходить на землю и жениться. Бѣдный голландецъ! Онъ часто бываетъ очень радъ избавиться отъ своего брака и отъ своей избавительницы и снова отправляется на корабль.

На этой сказкѣ построена пьеса, которую я видѣлъ въ амстердамскомъ театрѣ. Дѣйствіе начинается по окончаніи одного изъ семилѣтнихъ періодовъ. Бѣдный голландецъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, усталъ отъ своего безконечнаго путешествія, пристааетъ къ землѣ, заключаетъ дружбу съ однимъ шотландскимъ купцомъ, продаетъ ему брильянты по безмѣрно-дешовой цѣнѣ и, когда узнаетъ, что у новаго друга его есть красавица-дочь, то проситъ ея руки. Эта сдѣлка также устроивается. Передъ нами домъ купца; невѣста робко ожидаетъ жениха. Время отъ времени она тоскливо смотритъ на большую старую картину, висящую въ комнатѣ и изображающую красиваго молодого человека въ испанско-нидерландскомъ костюмѣ; это картина наследственная и, по словамъ бабушки, она—вѣрный портретъ легу-

чаго голландца, какѣмъ его видѣли въ Шотландіи лѣтъ за сто тому назадъ, во время короля Вильгельма Оранскаго. Съ этою же картиною связано преданіе, что всѣ женщины этого семейства должны бояться подлинника и беречься его. Вслѣдствіе этого, въ сердца молодой дѣвушки, еще съ малыхъ лѣтъ, запечатлѣлись черты опаснаго человѣка. Когда же настоящій летучій голландецъ входитъ въ комнату, дѣвушка приходитъ въ ужасъ; капитанъ тоже пораженъ при видѣ портрета. Когда ему объясняютъ значеніе его, онъ дѣлаетъ такъ, — что отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе; онъ смѣется надъ суевѣріемъ, смѣется надъ летучимъ голландцемъ, этимъ вѣчнымъ жидомъ океана. Но, невольно переходя въ грустный тонъ, онъ начинаетъ описывать, какъ мин-геръ терпитъ на неизмѣримой пустышѣ моря неописанныя муки, какъ тѣло его ничто иное, какъ гробъ изъ мяса, въ которомъ душа томится скукою, какъ жизнь отталкиваетъ его отъ себя и смерть къ себѣ не принимаетъ. Подобно пустой бочкѣ, которую волны насмѣшливо бросаютъ другъ другу, перебрасывается бѣдный голландецъ отъ смерти къ жизни и отъ жизни къ смерти, и ни то, ни другое не удерживаютъ его; печаль его глубока, какъ море, по которому онъ плаваетъ; корабль его безъ якоря и сердце его безъ надеждъ.

Такими, сколько мнѣ помнится, словами заключилъ женихъ свой рассказъ. Цѣлѣста серьезно смотритъ на него и, по временамъ, бросаетъ косвенные взгляды на портретъ. Она, кажется, угадала его тайну; и когда онъ, потомъ, спрашиваетъ: «Катерина, будешь ли ты вѣрна мнѣ?» — она отвѣчаетъ: «Буду вѣрна до гроба».

При этихъ словахъ я услыхалъ смѣхъ, и онъ выходилъ не снизу, а сверху. Я посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ одну чуднопрекрасную Евву, искусительно глядѣвшую на меня своими большими, голубыми глазами. Одну руку она перевѣсила черезъ парапетъ галереи, и въ этой рукѣ держала яблоко или, скорѣе, апельсинъ. Вмѣсто того, чтобы символически предложить мнѣ половину, она метафорически бросила корки мнѣ на голову. Былъ ли то случай или умыселъ — это требовалось узнать. Но когда я поднялся въ рай, для продолженія знакомства, то былъ немало удивленъ, найдя бѣлую, милую дѣвушку, удивительно-женственную фигуру, не очень худенькую, но хрустально-нѣжную, всю дышавшую дѣвственнымъ цѣломудріемъ и счастливѣйшею кротостью. Только на лѣвой сторонѣ верхней губы двигалось или, скорѣе, свертывалось

въ кольцо нѣчто похожее на хвостикъ быстрой ящерицы. То было таинственное движеніе, какое не встрѣчается у чистыхъ ангеловъ, но какого нельзя найти и у отвратительныхъ чертей. Это движеніе не имѣло значенія ни добра, ни зла, а означало только познаніе дурного; это была улыбка, которую отравило яблоко познанія, съѣденное первымъ человѣкомъ. Когда я вижу такое движеніе на полныхъ, розовыхъ губкахъ дѣвушки, тогда и на своихъ губахъ я чувствую судорожный трепеть, трепетное желаніе поцѣловать эти губки. Это средство.

Вотъ почему и прекрасной дѣвушкѣ шепнулъ я на ухо: — Дѣвушка! я хочу поцѣловать твои губки.

— Клянусь Богомъ, мин-геръ, это славная мысль! — отвѣчала она, и этотъ отвѣтъ вылетѣлъ изъ сердца ея быстро и вразвучалъ упоительно-сладко.

Впрочемъ, нѣтъ, я не стану здѣсь рассказывать исторію, которую хотѣлъ рассказать и въ которой летучій голландецъ долженъ былъ служить только рамкой. Этимъ я отомщу всѣмъ притворно-цѣломудреннымъ женщинамъ, которыя съ наслажденіемъ впиваются въ себя подобныя исторіи, а потомъ бранятъ рассказчика, въ обществѣ отворачиваютъ отъ него носъ и объявляютъ его безнравственнымъ. А моя исторія — славная исторія, драгоценная какъ маринованный ананасъ, или какъ свѣжая икра, или какъ бурундскія трюфли, и она могла бы служить очень приятнымъ чтеніемъ. Но изъ мщенія, въ наказаніе за прежнюю несправедливость, я не хочу рассказывать ее, и поэтому ставлю здѣсь нѣсколько точекъ...

Эти точки ознаютъ черную кушетку, и на ней происходила исторія, которую я не рассказываю. Невинные должны страдать наравнѣ съ виноватыми, и не одна добрая душа смотритъ теперь на меня умоляющимъ взглядомъ. Такъ и быть, этихъ коршнимъ людямъ я открою по-секрету, что никто и никогда не цѣловалъ меня такъ пылко, какъ эта голландка-блондинка, и что она побѣдоносно разрушила предубѣжденіе, которое я до-сихъ-поръ питалъ къ бѣлокурымъ волосамъ и голубымъ глазамъ. Только теперь я понимаю, почему одинъ англійскій поэтъ сравнилъ такихъ женщинъ съ замороженнымъ шампанскимъ. Въ ледяной оболочкѣ кипитъ самый горячій экстрактъ. Нѣтъ ничего пикантнѣе, какъ соединеніе этого вѣшняго холода и внутренняго жара, который вакханически пьнится и повергаетъ въ омыленіе пьющаго счастливца. Да, чувственный огонь не такъ си-

лень въ брюнеткахъ, какъ во многихъ, повидямому, тихихъ, неземныхъ созданiяхъ, съ золотистыми волосами, голубыми небесными глазами и дѣвственными лилейными руками. Я знаю одну блондинку изъ одного прекраснаго нидерландскаго дома, которая часто оставляла свой богатый замокъ въ Зюдерзе, отправляясь инкогнито въ Амстердамъ, шла въ тамошнiй театръ, бросала каждому, кто ей нравился, апельсинныя корки на голову и даже проводила самыя шумныя ночи съ матросами, какъ голландская Мессалина.

...Когда я въ другой разъ отправился въ театръ, то пришолъ какъ разъ къ послѣдней сценѣ пьесы. На высокомъ приморскомъ утесѣ стояла жена летучаго голландца, летучая голландка; она, въ отчаянiи, ломала руки, между тѣмъ, какъ несчастный супругъ ея стоялъ на палубѣ своего безпріютнаго корабля. Онъ любитъ ее и покидаетъ, чтобы не ввести въ погибель; онъ открываетъ ей свою страшную тайну и ужасное проклятiе, тяготящее надъ нимъ. А она кричитъ громкимъ голосомъ: «Я была вѣрна тебѣ до этого часа и знаю средство остаться вѣрною до гроба».

Съ этими словами она бросается въ море. Теперь чары спадаютъ съ летучаго голландца, онъ спасенъ и зрители видятъ, какъ корабль-привидѣнiе погружается въ бездну моря.

Мораль этой пьесы состоитъ для женщинъ въ томъ, что онѣ должны остерегаться выходить замужъ за летучихъ голландцевъ; а для насъ, мужчинъ, въ томъ, что чрезъ женщинъ, мы, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, погибаемъ.

VII.

Но не только обитательницы Амстердама были такъ добры, что потрудились разрушить мое предубѣжденiе противъ блондинокъ: и въ остальныхъ городахъ Голландiи, я имѣлъ счастье исправить мои прежнiя заблужденiя. Но я ни за что не хочу возвышать голландскихъ дамъ насчетъ дамъ другихъ странъ, — избави меня Богъ отъ такой несправедливости, которая, въ то же время была бы съ моей стороны величайшею неблагодарностью! Каждая страна имѣетъ свою особенную кухню и своихъ особенныхъ женщинъ, и тутъ все зависитъ отъ вкуса. Одинъ любитъ жареныхъ курицъ, другой — жареныхъ утокъ; что касается меня, я люблю жареныхъ курицъ и жареныхъ утокъ и, сверхъ

того, еще жареныхъ гусей. Разсматриваемыя съ высокоидеальной точки зрѣнія, женщины вездѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ мѣстною кухней. Развѣ британскія красавицы не такъ же здоровы, питательны, солидны, консистентны, безъискусственны и, въ то же время, превосходны, какъ староанглійскія добрыя, простыя кушанья: ростбифъ, жареная баранина, пуддингъ съ зажжоннымъ коньякомъ, овощи, вареные въ зелени и подаваемые съ двумя соусами, изъ которыхъ одинъ состоитъ изъ растопленнаго масла? Тутъ не улыбается фрикасе, не обманываетъ дрожашее *vol-au-vent*, не вздыхаетъ умное рагу; тутъ не шалать эти, на тысячу манеръ начиненныя, взбитыя, изжаренныя, прошигованныя, пикантныя, декламаторскія и сантиментальныя кушанья, которыя мы находимъ во французскихъ ресторанахъ и которыя представляютъ поразительное сходство съ прекрасными французенками. И развѣ мы не замѣчаемъ часто, что у этихъ послѣднихъ главная субстанція блюда считается вещью второстепенною, что на жаркое онѣ смотрятъ нерѣдко далеко не съ той важностью, какъ на соусъ, и что тутъ главныя вещи — вкусъ, грація и изящество? Кухня итальянцевъ — желтожирная, страстно прятная, юмористически-гарнированная, но, и при этомъ, томительноидеальная, носить характеръ итальянскихъ красавиць. О, какъ иногда скучаю я по ломбардскому *стоффато*, по тальяринамъ и брокколи блаженно-кроткой Тосканы! Все расплывается въ маслѣ, все лѣниво и нѣжно, все напѣваетъ сладкія мелодіи Россини и плачетъ отъ запаха луковиць и тоски! Но макароны надо ѣсть пальцами, и тогда они называются Беатриче!

Часто думаю я объ Италіи и чаще всего ночью. Третьягодня снилось мнѣ, что я въ Италіи, что я пестрый арлекинъ и лѣниво лежу подъ плакучей ивой. Но вѣтви этой ивы были нечто иное, какъ макароны, ниспадавшіе до моихъ губъ; сквозь эту бесѣдку изъ макаронъ, вмѣсто солнечныхъ лучей, проникали струи желтаго масла, и наконецъ сверху полился бѣлый дождь изъ натертаго пармезана.

Ахъ, снявшиися макаронами нельзя насытиться... Беатриче!

О кухнѣ нѣмецкой ни слова. Она имѣетъ всевозможныя добродѣтели и только одинъ порокъ; какой — не скажу. Тутъ есть чувствительныя, но нерѣшительныя печенья, влюбленныя ячичицы, здоровыя клѣцки, добросердечныя супы съ ячменемъ, пирожки съ яблоками и саломъ, добродѣтельныя лепешки, квашеная капуста, и благо тому, кто можетъ все это переварить.

Что касается кухни голландской, то она отличается отъ нѣмецкой во 1-хъ, чистотою, во 2-хъ гастрономичностью. Въ особенности приготовленіе рыбъ хорошо выше всякаго описанія. Достоиню порицанія только то, что онѣ носятъ фланелевыя панталоны, т. е. не рыбы, а прекрасныя дочери моремъ омываемой Голландіи.

Но въ Лейденѣ, куда я прѣхалъ, кухня показалась мнѣ отвратительною. Гамбургская республика избаловала меня; тамошнюю кухню я долженъ еще разъ похвалить, и при этомъ случаѣ еще разъ воздамъ хвалу прекраснымъ гамбургскимъ дѣвицамъ и дамамъ. О боги! какъ въ первыя четыре недѣли томился я тоскою по копченой говядинѣ и горлицамъ Гамбурга! Я болѣлъ сердцемъ и желудкомъ. Еслибъ, наконецъ, не влюбилась въ меня хозяйка гостиницы «Красной Коровы», я бы умеръ отъ тоски.

Привѣтъ тебѣ, трактирщица «Красной Коровы»!

Это была приземистая женщина съ очень большимъ, круглымъ животомъ и очень маленькою круглою головою. Розовыя щечки, голубые глазки—розы и фіалки. По цѣлымъ часамъ сидѣли мы виѣстъ въ саду и пили чай изъ китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ. То былъ прекрасный садъ, съ четырехугольными и треугольными грядами, усыпанный золотымъ пескомъ, киноварью и маленькими, блестящими ракушками. Стволы деревьевъ прекрасно разрисованы красной и синей краской. Мѣдныя клѣтки наполнены канарейками. Драгоценнѣйшія луковичныя растенія въ раскрашенныхъ, стеклянныхъ горшкахъ. Тисовыя деревья, удивительноискусно выстриженныя и изображающіяobelisks, пирамиды, вазы и даже звѣрей. Тутъ же стоялъ вырѣзанный изъ тиса зеленый быкъ, который почти ревниво смотрѣлъ на меня, когда я обнималъ ее, милую трактирщицу «Красной Коровы».—

Привѣтъ тебѣ, трактирщица «Красной Коровы»!

Когда она, бывало, покроетъ переднюю часть своей головы фризскими золотыми дощечками, защититъ животъ платьемъ изъ пестрой шолковой матеріи и обременитъ руки бѣлою волною драгоценныхъ брабантскихъ кружевъ, тогда она дѣлается похожа на баснословную китайскую фарфоровую куклу. Когда же я, при этомъ, приходилъ въ вдохновеніе и громко цаловалъ ее въ обѣ щоки, тогда она стояла совершенно фарфорно-неподвижно и вздыхала совершенно фарфорно; «Мин-геръ!» Всѣ тюльпаны въ саду, казалось, приходили тогда въ умиленіе и тоже вздыгали: «Мин-геръ».

Это деликатное обстоятельство стало мнѣ многихъ деликатныхъ щипковъ, потому-что каждая такая сцена любви имѣла вліяніе на составъ корзинны съ съѣстными припасами, которую посылала мнѣ каждый день милая трактирщица. Мои товарища, шесть студентовъ, обѣдавшіе со мною въ моей комнатѣ, когда, судя по тому, какъ была изготовлена телятина или баранина, каждый разъ угадать, какъ она меня любила. госпожа трактирщица «Красной Коровы»: если кушанье было дурно, то мнѣ приходилось переносить много насмѣшекъ въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «смотрите, какой жалкій видъ у Шнабельвопскаго! какъ желто и морщинисто его лицо, какъ жалобно смотрять его глаза; неудивительно послѣ этого, что наша трактирщица пресытилась имъ и посылаетъ намъ теперь дурное кушанье». Или: «Господи! Шнабельвопскій съ каждымъ днемъ слабѣетъ и худѣетъ; онъ, наконецъ, совсѣмъ потеряетъ расположеніе нашей трактирщицы, и тогда мы постоянно будемъ получать такое же дурное кушанье, какъ сегодня; надо его сильно кормить, чтобы онъ снова получалъ пламенный видъ». При этомъ, они набивали мнѣ ротъ самыми дурными кусками и заставляли меня ѣсть много селерея. Если же невкусныя блюда посылались нѣсколько дней сряду, тогда товарищи осаждали меня самыми серьезными просьбами позаботиться объ улучшеніи кухни, снова воспламенить сердце нашей трактирщицы, усилить мою нѣжность къ ней — словомъ, привести себя въ жертву общему благу. Въ длинныхъ рѣчахъ представляли они мнѣ—какъ благородно, какъ великолѣпно поступаетъ тотъ, кто героически отрекается отъ себя, для блага своихъ согражданъ, и, при этомъ, приводили въ примѣръ Регула, сѣвшаго въ бочку, утыканную гвоздями, или Тезея, добровольно-отправившагося въ пещеру Минотавра, и цитировали Ливія, Плутарха и т. п. Къ соревнованію съ этими великими героями побуждали они меня и свмволически, рисуя на стѣнѣ упомянутыя великія дѣянія и дѣлая, при этомъ, грубые намеки: Минотавръ походилъ у нихъ на красную корову, изображенную на вывѣскѣ трактира, а карѣатенская бочка — на самую трактирщицу. Особенно вѣтшіи видъ превосходной женщины служилъ постоянною цѣлью насмѣшекъ этихъ неблагородныхъ людей. Они имѣли обыкновеніе фигурировать или составлять изъ яблоковъ, или скатывать изъ хлѣба. Въ первомъ случаѣ, они брали маленькое яблочко, долженствовавшее изображать ея голову, клали его на огромное яблоко, пред-

ставлявшее животь, а этотъ послѣдній устанавливали на двѣ деревянныя зубчистки, игравшія роль ногъ. Изъ хлѣба они скатывали крошечную куколку, изображавшую мою собственную особу, сажали ее на другую, тоже скатанную изъ хлѣба, но уже большую фигуру и начинали дѣлать сравненія. Одинъ, на-примѣръ, замѣчалъ, что маленькая фигурка—Аннибалъ, всходящій на Альпы; другой, напротивъ, утверждалъ, что это Марій, сидящій на развалинахъ Карфагена.

VIII.

Когда жаркое было совершенно-дурно, то мы начинали философскіе и богословскіе споры. Только трое изъ насъ оказывались атеистами, но и они уступали, когда къ десерту подавался, по-крайней-мѣрѣ, хорошій сыръ. Самый ревностный деистъ былъ маленькій Самсонъ; споря съ длиннымъ фан-Питеромъ, онъ приходилъ въ сильное негодованіе, бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатамъ и безпрестанно кричалъ: «это, клянусь Богомъ, недопустимо!» Длинный фан-Питеръ, тощій фризъ, душа котораго была спокойна, какъ вода въ голландскомъ каналѣ, и слова котораго тянулись спокойно, какъ бечевое судно, бралъ свои доводы изъ нѣмецкой философіи, которою въ то время сильно занимался въ Лейденѣ... За нимъ выступалъ на сцену толстый фихтенецъ, нѣкто Дрикзенъ, изъ Утрехта, и начиналъ излагать свою теорію...

IX.

Съ маленькимъ Самсономъ я былъ въ Лейденѣ въ частыхъ сношеніяхъ, и имя его будетъ еще не разъ упомянуто въ этихъ запискахъ. Кромѣ его, я очень часто видѣлся съ другимъ моимъ товарищемъ по обѣду, молодымъ фан-Меленомъ: я могъ по пѣльнимъ часамъ смотрѣть на его прекрасное лицо и въ это время думать о его сестрѣ, которую я никогда не видалъ и о которой только зналъ, что она красивѣйшая женщина въ Ватерландѣ. Фан-Меленъ былъ тоже очень красивъ, напоминалъ Аполлона, только Аполлона не изъ мрамора, а скорѣе изъ сыра. Это былъ самый совершенный голландецъ, какого я когда-нибудь видѣлъ. Мужество и флегма были удивительно смѣшаны въ немъ. Разъ, въ кофейнѣ, онъ такъ взбѣсилъ одного ирландца, что тотъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ и только выбилъ у него изо-рта глиняную трубку; дадо-

фан-Мелена осталось неподвижно, какъ сырѣ, и самымъ спокойнымъ, равнодушнымъ голосомъ онъ сказалъ «Jane n'ie Pier». Крайне неприятно дѣйствовалъ на меня его смѣхъ, потому-что, при этомъ, онъ показывалъ цѣлый рядъ маленькихъ бѣлыхъ зубенковъ, похожихъ скорѣе на рыбы кости. Не нравилось мнѣ тоже и то, что онъ носилъ большія золотыя серьги. Была у него также очень странная привычка—каждый день перестанавливать мебель въ своей квартирѣ, и если кто приходилъ къ нему, то непременно заставлялъ его ставящимъ или комодъ на мѣсто кровати, или письменный столъ на мѣсто кушетки.

Маленькій Самсонъ представлялъ съ фан-Меленемъ въ этомъ отношеніи самую грустную противоположность. Онъ не могъ выносить, чтобы въ его комнатѣ трогали малѣйшую вещь. Все должно было лежать такъ, какъ лежало. Это происходило отъ того, что его мебель и прочія вещи служили ему, на основаніи правилъ мнемоники, вспомогательными средствами для удержанія въ памяти всевозможныхъ историческихъ чиселъ и философскихъ положеній. Когда, однажды, горничная, въ отсутствіе Самсона, унесла изъ его комнаты старый сундукъ и взяла изъ комода его рубашки и чулки, для отдачи ихъ въ стирку, то онъ пришолъ въ совершенное отчаяніе и сталъ утверждать, что совершенно забылъ ассирійскую исторію, и что вся хронологія, которую онъ съ такимъ трудомъ запоминалъ и въ порядкѣ складывалъ въ разные ящики—отдана въ стирку.

Къ оригиналамъ, которыхъ я узналъ въ Лейденѣ, принадлежить и мин-герръ фан-дер-Писсенъ, дядя фан-Мелена. Онъ былъ профессоръ философіи въ университетѣ, и я слушалъ у него нѣкоторыя лекціи. Фанъ - Писсенъ былъ красивый, цвѣтушій мужчина, лѣтъ тридцати-пяти, очень серьезный и важный на каедрѣ. Когда же, однажды, я пришолъ къ нему и никогó не засталъ въ комнатѣ, то увидѣлъ въ полурастворенную дверь бокового кабинета удивительное зрѣлище. Этотъ кабинетъ былъ убранъ въ полукитайскомъ, полупомпадурскомъ вкусѣ. На стѣнахъ золотистые коврики изъ шолковой матеріи; на полу драгоцѣннѣйшій персидскій коверъ; повсюду удивительныя пагоды изъ фарфора, игрушки изъ перламутра, цвѣты, стараяусовыя перья и драгоцѣнные камни; кресла, обитыя краснымъ бархатомъ, съ золотыми кистями и, между ними, одно, особенно-высокое кресло, похожее на тронъ. На этомъ послѣднемъ сидѣла молодая дѣвочка лѣтъ около трехъ, одѣтая

по старофранкской модѣ: въ голубое, вышитое серебромъ, атласное платье; въ одной рукѣ она держала, на подобіе скипетра, опахало изъ павлиньихъ перьевъ, а въ другой — завядшій лавровый вѣнокъ. Передъ нею, на полу, ваялись мин-геръ ван-Писсенъ, его маленькій мавръ, его пудель и его обезьяна. Эти четыре особы теребили за волосы и кусали другъ друга, между тѣмъ какъ дѣвочка и зеленый попугай, сидѣвшій на жердочкѣ, безпрестанно кричали: «браво!» Наконецъ мин-герръ всталъ съ пола, преклонилъ предъ ребенкомъ колѣни и началъ, въ серьезной латинской рѣчи, прославлять мужество, съ которымъ онъ побѣдилъ своихъ враговъ. Послѣ этого малютка возложила ему на голову лавровый вѣнокъ — и «браво! браво!» закричали дѣвочка, попугай и я, вошедшій въ это время въ комнату.

Мин-геръ былъ, казалось, немного пораженъ тѣмъ, что я засталъ его въ такихъ удивительныхъ занятіяхъ. Имъ, какъ мнѣ сказали впоследствии, онъ предавался каждый день; каждый день побѣждалъ онъ арапчонка, пуделя и обезьяну; каждый день возлагался на главу его лавровый вѣнокъ дѣвочкою, которая была не собственная его дочь, а найденышъ изъ амстердамскаго сиротскаго пріюта.

Х.

Въ домѣ, въ которомъ я квартировалъ въ Лейденѣ, жилъ нѣкогда Янъ Стенъ, великій Янъ Стенъ, котораго я считаю такимъ же великимъ, какъ Рафаэль. Какъ религіозный живописецъ, онъ также очень великъ, и это ясно окажется впоследствии, когда религія скорби исчезнетъ и религія радости сорветъ мрачный покровъ съ розовыхъ кустарниковъ земли и ласточки запоютъ, наконецъ, ликуя, свою давно-затаенную пѣсню восторга.

Но ни одна ласточка никогда не будетъ пѣть такъ весело и безмятежно, какъ рисовалъ Янъ Стенъ. Никто не понималъ такъ глубоко, какъ онъ, что на землѣ долженъ быть вѣчный большой праздникъ; онъ понималъ, что жизнь есть ничто иное, какъ проявленіе Божества въ свѣтѣ и радости.

Глаза художника улыбались свѣту и свѣтъ отражался въ его сияющихъ глазахъ.

И Янъ всегда оставался добрымъ, милымъ ребенкомъ. Разъ одинъ строгій лейденскій старикъ-проповѣдникъ сѣлъ подлѣ него у камина и началъ выговаривать ему за его веселую жизнь, антихристiанскія веселыя дѣла, любовь къ нашивкамъ, безпорядочное

хозяйство и т. п. Янъ слушалъ его два часа совершенно спокойно, не выказывая малѣйшаго нетерпѣннѣя, и только разъ прервалъ строгую проповѣдь словами: «Да, доминне, освѣщеніе было бы такъ гораздо лучше, и я прошу васъ, доминне, поднять вашъ стулъ ближе къ камину, чтобы пламя бросило красный свѣтъ на все ваше лицо, а остальная часть тѣла осталась въ тѣни».

Доминне, въ обшенствѣ, вскочилъ съ мѣста и ушелъ, а Янъ тотчасъ же схватилъ палигру и нарисовалъ строгаго проповѣдника, какъ-разъ въ томъ видѣ, въ какомъ старикъ, самъ того не подозревая, служилъ ему моделью. Портретъ этотъ превосходенъ и висѣлъ въ моей спальнѣ, въ Лейденѣ.

Послѣ того, какъ я пересмотрѣлъ въ Голландіи столько картинъ Яна Стена, я какъ-будто узналъ всю жизнь этого человека. Да, я знаю всѣхъ его родныхъ, его жену, его дѣтей, его мать, всѣхъ его дядей, его домашнихъ враговъ и прочихъ приближенныхъ; я знаю ихъ въ лицо. Всѣ эти лица улыбаются намъ изъ его картинъ, и собраніе ихъ могло бы послужить биографіею художника. Однимъ взмахомъ кисти онъ часто объяснялъ мнѣ сокровеннѣйшія тайны своей души. Такъ, напримѣръ, я думаю что жена часто упрекала его за склонность къ напиткамъ. Заключение это я вывожу изъ того, что на картинѣ, изображающей праздникъ бобовъ и Яна за столомъ, въ кругу своего семейства, жена его представлена сидящею съ огромною кружкою вина въ рукахъ и съ глазами, сверкающими какъ у вакханки. Но я убѣжденъ, что добрая женщина никогда не была приязана въ вину, а плутъ-художникъ хотѣлъ насъ убѣдить, что не онъ, а она любила крѣпкіе напитки; поэтому-то онъ такъ весело сидѣтъ изъ картины. Онъ совершенно счастливъ: онъ сидитъ въ кругу своихъ; сынъ его—царь праздника и стоитъ на стулѣ въ коронѣ изъ золотой бумаги; старуха-мать его, съ блаженнѣйшей улыбкою на губахъ, держитъ на рукахъ самаго меньшого внука; музыканты играютъ самыя безумно-веселыя танцы; а въ сторонѣ помѣщается бережливо-разсудительная, экономически-серьезная ключница.

Какъ часто, сидя въ своей лейденской квартирѣ, я, по цѣлымъ часамъ, думалъ о домашнихъ сценахъ, которыя здѣсь переживалъ милый Янъ. Иногда мнѣ казалось, что я вижу его живого. Сидитъ онъ передъ своимъ мольбертомъ, по временамъ хватаетъ большую кружку съ виномъ, подумаетъ и при этомъ выпьетъ;

потомъ снова выпьетъ и не подумаетъ. Это видѣніе было не иррационалистическій призракъ, но новѣйшій свѣтлый духъ радости, который, уже послѣ смерти, посѣщаетъ еще свою ма-стерскую для того, чтобы рисовать веселыя картины и пить. Только такія видѣнія будутъ по временамъ являться нашимъ потомкамъ при свѣтѣ дня, когда солнце будетъ глядѣть сквозь блестящія стекла оконъ, и милый часъ обѣда будетъ возвѣщаться съ башни не иррационалистическими колоколами, а ярко-ликующими трубными звуками.

Воспоминаніе о Инѣ Стенѣ было, однако, единственною хорошею вещью въ моей лейденской квартирѣ. Безъ этой задушевной прелести я бы не пробылъ тамъ и восьми дней. Виѣшній видъ дома былъ жалкій, бѣдный, угрюмый, совсѣмъ не голландскій. Темный, дряхлый домъ стоялъ у самой воды; и если, бывало, смотришь на него съ другой стороны канала, то онъ казался старою вѣдьмою, любующеюся на себя въ блестящее очарованное зеркало. На крышѣ постоянно стояли два аиста, какъ на всѣхъ голландскихъ крышахъ. Рядомъ со мною квартировала корова, молоко которой я пилъ по утрамъ, а подъ моимъ окномъ помѣщался курятникъ. Пернатые сосѣдки мои носили славныя яйца; но такъ-какъ прежде появленія этихъ послѣднихъ на свѣтъ, я долженъ былъ каждый разъ выслушивать долге кудатанье, точно скучное предисловіе къ яипамъ, то наслажденіе мое этимъ купаньемъ было значительно подорвано. Но непріятности моего жилища состояли, главнымъ образомъ, въ двухъ фатальнѣйшихъ вещахъ: во-первыхъ, въ игрѣ на скрипкѣ, которою терзали мой слухъ днемъ, и, во-вторыхъ, въ безпокойствѣ ночью, когда моя хозяйка преслѣдовала своего мужа самою странною ревностію.

Тому, кто хотѣлъ бы узнать отношенія моего хозяина къ моей хозяйкѣ, достаточно было бы послушать, когда они вдвоемъ занимались музыкой. Мужъ игралъ на віолончели, а жена на такъ называемомъ *violon d'amour*. Но она никогда не держала темпа, постоянно забѣгала тактомъ впередъ и умѣла извлекать изъ своего несчастнаго инструмента самые рѣзкіе, высклякые звуки. Слушая эту мычащую віолончель и эту пицавшую скрипку, можно было думать, что слышишь дерущуюся супружескую чету. Случалось часто и такъ, что мужъ уже давно окончитъ свою партію, а жена все еще пилитъ, точно хочетъ, чтобы послѣднее слово осталось за нею. Это была высокая, но

очень тощая женщина, вся изъ кожи и костей, съ огромнымъ ртомъ, въ которомъ болталось нѣсколько фальшивыхъ зубовъ, короткимъ лбомъ, почти никакимъ подбородкомъ и тѣмъ болѣе длиннымъ носомъ, кончикъ котораго выдавался наподобіе клюва.

Хозяинъ мой былъ человекъ лѣтъ около пятидесяти, съ очень тоненькими ножками, истощеннымъ блѣднымъ лицомъ и маленькими зелеными глазками, которые онъ постоянно шурилъ, какъ часовой, которому солнце бьетъ въ лицо. По ремеслу онъ былъ бандажистъ, а по религіи—перекрещенецъ. Онъ очень прилежно читалъ Библію. Это чтеніе прокрадывалось и въ его ночные сны и по утрамъ, за кофе, онъ, шуря глазами, рассказывалъ жене, какъ снова сошла на него благодать, какъ святѣйшія лица удостоили его своимъ разговоромъ.

XI.

Несчастная ревность! ты разрушила одинъ изъ прекраснѣйшихъ сновъ моихъ а, можетъ быть, и жизнь маленькаго Самсона.

Что такое сонъ? Что такое смерть? Не есть ли она пріостановленіе жизни, или, можетъ быть, совершенное прекращеніе ея? Да, для людей, которые знаютъ только прошедшее и будущее и не въ каждую минуту настоящаго могутъ проживать вѣчность — для этихъ людей смерть должна быть ужасна! Когда они теряютъ оба костыля—мѣсто и время, тогда они падаютъ въ вѣчную ночь.

А сонъ? Отчего не боимся мы ложиться въ постель такъ же, какъ ложимся въ могилу? Развѣ не страшно подумать, что тѣло будетъ цѣлую ночь неподвижнымъ трупомъ, между тѣмъ, какъ духъ будетъ вести самую дѣятельную жизнь — жизнь со всѣми ужасами того раздѣленія, которые мы установили между жизнью и духомъ? Когда, въ будущемъ, и жизнь и духъ соединятся въ нашемъ сознаніи, тогда, можетъ быть, не будетъ никакихъ сновъ; или только больные люди, люди съ разрушенной гармоніею, будутъ грезить. Древніе грезили тихо и мало; сильные, могучіе сны были у нихъ случайностями и заносились въ историческія книги.

А, между тѣмъ, какіе сладкіе сны могли намъ сниться! Здоровые потомки наши врядъ ли поймутъ это. Мимо насъ проносились всѣ прелести жизни и мы снова находили ихъ во внутренности души нашей; въ душѣ этой находили себѣ убѣжище бла-

гоуханіе общипанныхъ розъ и задумчивая пѣсня спугнутыхъ соловьевъ.

Я знаю все это — и стремлюсь въ непривѣтныя тревогамъ и страшнымъ наслажденіямъ нашего времени. Когда, вечеромъ, я раздѣваюсь и ложусь въ постель, и протягиваю ноги, и укрываюсь бѣлымъ одѣяломъ, тогда невольная дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу, и кажется мнѣ, что я трупъ и самъ хороню себя; тогда я быстро закрываю глаза, чтобы избавиться отъ этой страшной мысли и укрыться въ область сновъ.

То былъ сладкій, милый, лучезарный сонъ. Свѣтлоголубое и безоблачное небо, зеленое и неподвижное море. Необозримо разстиралась равнина моря; по ней плылъ, украшенный пестрыми флагами, корабль, а на палубѣ сидѣлъ я, у ногъ Ядвиги. Тѣ причудливыя пѣсни любви, которыя я самъ писалъ на розовыхъ бумажкахъ, читалъ я теперь, привольно вздыхая, а она слушала неподвѣрчиво-склоненнымъ ухомъ, тоскливо улыбалась и, по временамъ, быстро вырывала листы изъ рукъ моихъ и бросала ихъ въ море. Но прекрасныя русалки, съ бѣлоснѣжными грудями и руками, каждый разъ выплывали изъ воды и ловили разлетавшіяся пѣсни любви. Перегнувшись черезъ бортъ, я ясно увидѣлъ глубину дна морского: тамъ сидѣли въ кружку прекрасныя русалки, а посреди ихъ стоялъ молодой духъ моря и, съ одушевленнымъ лицомъ, декламировалъ мои пѣсни. Шумные аплодисменты раздавались по окончаніи каждой строфы; подводныя красавицы аплодировали такъ страстно, что грудь и шея ихъ покрывались румянцемъ, и съ радостнымъ, но, въ то же время, полнымъ участія вдохновеніемъ онѣ восклицали: «Какія страшныя созданія эти люди! какъ странна ихъ жизнь! какъ трагична вся судьба ихъ! Они любятъ другъ друга и большею частью не смѣютъ это говорить; а если и смѣютъ, то рѣдко могутъ понять другъ друга! И при этомъ они не живутъ вѣчно, какъ мы: они смертны; самое короткое время дано имъ для отысканія счастья; они должны торопливо ловить его и торопливо прижимать къ сердцу прежде, чѣмъ оно убѣжало; потому-то ихъ любовныя пѣсни такъ нѣжны, такъ глубоки, такъ сладко-тоскливы такъ безотрадно-веселы, потому то въ нихъ такое удивительное смѣшеніе радости и скорби! Мысль о смерти набрасываетъ меланхолическую тѣнь на блаженнѣйшія минуты ихъ и привѣтно утѣшаетъ ихъ въ несчастіи. Они могутъ плакать. Сколько поэзія въ такой слезѣ человѣка!»

— Слышались ли — сказали и Ядвига — как эти неподвижные существа рассуждают о нас? Обвинемся же, друг мой, чтобы вы не только перестали жалеть о нас, но даже позабыли нас.

Но она, моя возлюбленная, посмотрела на меня с безконечною любовью и не сказала ни слова. Я поцеловал её. Она поблудила, и холодный трепет пробуждал по всему существу. Долго оставалась она неподвижною в моих объятиях, как белый мрамор, и я считал бы её мертвою, если бы две слезные струи не вытекли из её глаз, и эти слезы залили меня, между тем, как я все сильнее и сильнее обвинял милое создание...

В эту минуту я услышал пронзительный голос моей хозяйки и пробудился. Она стояла у моей кровати, с потаенным фонарём в руке, и просила меня скорее встать и следовать за нею. Никогда я не видел её в такой степени отвратительной: она была в рубашке и тонкая тесьма её золотилась блеском луны, проникавшим в окошко; он походил на два высушенные лимона. Не зная, чего она хочет, еще поусонный, я последовал за нею в спальню её супруга. Взяв лежал, с колпаком, надвинутым на глаза и, казало, сильно грезил. Время от времени тело его вздрагивало под одеялом, губы то улыбались под влиянием какого-то неопisanного блаженства, то судорожно сжимались, как будто для поцелуя; он хрипел и лепетал: «Фаст! царица Фаст! ваше величество! Не бойся никакого Агасера. Возлюбленная Фаст!»

Пылая гневом, склонилась жена к сонному супругу, приложила ухо к его голове, как будто хотела и могла выслушать его мысли и прошептала мне: «Убедились ли вы теперь, мнѣ — герр Шнабельовский? Он в преступных сношениях с царицею Фаст. Безстыдный изменник! Я уже вчера ночью узнала об этом постыдном обстоятельстве... Даже язычнику он мнѣ предпочитает. Но я женщина, и вы увидите, как я умѣю отомстить.»

Съ этими словами она сорвала одеяло съ тела бѣднаго грѣшника; онъ лежалъ весь въ поту. Потомъ она схватила бандажъ изъ оленьей кожи и начала нещадно колотить имъ по тонкимъ членамъ бѣднаго грѣшника. Этотъ послѣдній, разбуженный такимъ неприятнымъ образомъ, сталъ кричать такъ громко, какъ-

будто столица Суза погибала отъ огня, а Голландія—отъ вбды, а криками своими разбудить всехъ сосѣдей.

На другой день весь Лейденъ говорилъ, что мой хозяинъ кричалъ такъ потому, что засталъ меня ночью въ сообществѣ своей супруги. Эту послѣднюю видѣли полублѣтою въ окошкѣ, а наша горничная, злившаяся на меня и спрошенная трактирщицею «Красной Коровы», рассказала ей, что она сама видѣла, какъ моя хозяйка ходила ночью въ мою спальню.

Я не могу безъ сильной горести вспомнить объ этомъ происшествіи. Какія ужасныя послѣдствія!

ХII.

Еслибы трактирщица «Красной Коровы» была итальянка, она, можетъ быть, отравила бы мое кушанье; но такъ какъ она была голландка, то стала посылать мнѣ очень скверное кушанье. Уже на слѣдующее утро мы испытали послѣдствія ея женскаго гнѣва. Первое блюдо было: никакого супа. Это было ужасно, особенно для такого благовоспитаннаго человѣка, какъ я, который отъ самыхъ юныхъ лѣтъ каждый день ѣлъ супъ и который до-сихъ-поръ не можетъ себя представить странѣ, гдѣ бы утромъ не восходило солнце, а вечеромъ не подавался супъ. Второе блюдо было—говядина, такая сухая и жесткая, какъ корова Марона. Третье блюдо — треска, наполовину пахнувшая какъ человѣкъ; затѣмъ слѣдовала большая курица, которая не только не желала утолить нашъ голодъ, но была такъ суха и истощена, что, казалось, сама голодала такъ, что мы почти изъ состраданія не могли ее ѣсть.

— Ну, маленькій Самсонъ,—вскричалъ толстый Дриксенъ—ты и теперь вѣришь въ правосудіе? Госпожа бандажистиха поспѣваетъ Шнабельвопскаго темною ночью, а мы за это должны скверно ѣсть свѣтлымъ днемъ.

— О, Господи!.. сердито простоналъ маленькій. Гнѣвъ его усилился, когда и длинный ван-Нитеръ сталъ отпускать остроты противъ антропоморфистовъ и хвалить египтянъ, которые чтятъ быковъ и луковины, потому-что первые, когда они изжарены, а вторыя, когда начинены, имѣютъ превосходный вкусъ.

Эти насмѣшки все болѣе и болѣе усиливали неудовольствіе маленькаго Самсона, и наконецъ онъ сказалъ: «Что солнце для цвѣтовъ; то Богъ для людей. Когда лучи небснаго свѣтила

касаются цвѣтовъ—цвѣты весело поднимаются и откырываютъ свои чашечки, и разливаютъ самыя живыя благоуханія. Ночью, когда солнце далеко, они стоятъ печально, съ закрытыми чашечками, и спать, или грезять о прошедшихъ золотыхъ поцѣлуяхъ лучей. Тѣ цвѣты, которые постоянно стоятъ въ тѣни, теряютъ цвѣтъ и ростъ, блѣднѣютъ и вянутъ въ безотрадной тоскѣ. Тѣ же, которые растутъ въ совершенной темнотѣ, въ старыхъ погребахъ, подъ развалинами монастырей, становятся отвратительными и ядовитыми, пресмыкаются по полу, какъ змѣи; запахъ ихъ губителенъ, смертеленъ».

— Довольно, довольно!—вскричалъ толстый Дриксенъ, вливая себѣ въ ротъ большой стаканъ водки. Ты, маленькій Самсонъ, набожный цвѣтокъ, такъ сильно упивающійся лучами добродѣтели и любви, что твоя душа цвѣтетъ, какъ радуга, между тѣмъ, какъ наша, отвратившаяся отъ Бога, отвратительная и безцвѣтная, вянетъ, если не распространяетъ заразительнаго запаха.

— Я видѣлъ однажды во Франкфуртѣ, — сказалъ маленькій Самсонъ,—часы, которые не вѣрили въ часовщиковъ; они были томпаковые и шли очень дурно...

— Такъ я тебѣ покажу, что такіе часы могутъ, по-крайней-мѣрѣ, бить хорошо,—возразилъ Дриксенъ. Затѣмъ онъ принялъ спокойный видъ и больше уже не тревожилъ маленькаго.

Такъ-какъ этотъ послѣдній, несмотря на свои слабыя ручонки, отлично фехтовалъ, то было рѣшено, что оба будутъ драться въ тотъ же день. Они напали другъ на друга съ большимъ озлобленіемъ. Черные глаза маленькаго Самсона широко раскрылись и горѣли, что представляло еще болѣе разительную противоположность съ его ручонками, очень жалостливо выступавшими изъ засученныхъ рукавовъ рубашки. Съ каждымъ ударомъ онъ нападалъ все стремительнѣе; но на шестомъ получилъ рану въ легкія.

«О, Господи!..» простоналъ онъ и упалъ на землю.

XIII.

Эта сцена страшно потрясла меня. Но весь рой моихъ впечатлѣній обратился противъ женщины, бывшей непосредственно причиною этого несчастія. Съ сердцемъ, полнымъ гнѣва и скорби, я кинулся въ гостиницу «Красной Коровы».

— Чудовище! зачѣмъ ты не прислала супу?—съ такими сло-

вами обратился я къ поблѣднѣвшей хозяйкѣ, вбѣжавъ въ кухню. Фарфоръ на каминѣ задрожалъ отъ звука моего голоса. Я былъ страшенъ, какъ можетъ быть страшенъ человекъ, когда онъ не ѣлъ супу и когда лучший другъ его получилъ рану въ легкія.

— Чудовище! зачѣмъ ты не прислала супу?—Эти слова снова повторилъ я, между тѣмъ-какъ обвиненная стояла передо мною, неподвижная и нѣмая. Наконецъ слезы брызнули изъ ея глазъ, точно изъ открытыхъ шлюзовъ; онѣ залили все лицо ея и потекли даже въ каналъ груди. Но это зрѣлище не смягчило моего гнѣва, и съ усиленною горечью я началъ говорить: «О, женщины! я знаю, что вы умѣете плакать; но слезы—не супъ. Вы созданы на нашу погибель. Каждый взглядъ вашъ—ложь и каждое дыханіе—обманъ. Кто первый попробовалъ яблоко грѣха? Гуси спасли Капитолій, но женщина погубила Трою. О, Троя, Троя! священный градъ Пріама, ты пала чрезъ женщину. Кто ввергъ въ погибель Марка Антонія, кто былъ причиною изуродованія Абеларда?—Женщина. Исторія полна примѣрами того, какъ вы губили насъ. Всѣ ваши дѣла—глупость; и всѣ ваши помыслы—неблагодарность. Мы даемъ вамъ высочайшее, священнѣйшее пламя сердца—нашу любовь, а вы что даете намъ въ замѣнъ?—говядину, скверную говядину, еще сквернѣйшую курятину... Чудовище! зачѣмъ ты не прислала супу?»

Напрасно трактирищица приводила цѣлый рядъ извиненій и заклинала меня всѣмъ блаженствомъ нашей прошедшей любви—простить ей на этотъ разъ. Она обѣщала мнѣ съ-этихъ-поръ посылать еще лучшее кушанье, чѣмъ прежде, и отдавать его все-таки по шести гульденовъ за порцію, тогда-какъ хозяинъ сосѣдняго трактира беретъ за простое кушанье по восьми гульденовъ. Она зашла, наконецъ, такъ далеко, что дала слово прислать на слѣдующій день пастетъ изъ устрицъ; въ мягкомъ тонѣ ея голоса начали даже благоухать трюфли; но я оставался непреклоннымъ; я рѣшился навѣки покончить съ нею и вышелъ изъ кухни съ трагическими словами: «Прощай! Въ этой жизни мы уже не будемъ ѣсть вмѣстѣ».

Уходя, я услышалъ позади себя паденіе чего-то на полъ. Былъ-ли то кухонный горшокъ или сама хозяйка? Я не потрудился обернуться и пошелъ прямо къ сосѣднему трактирищику, чтобы заказать къ слѣдующему дню шесть порцій кушанья.

Послѣ этого важнаго дѣла я поспѣшилъ въ квартиру маленч-

каго Самсона, котораго засталъ въ очень плохомъ положеніи. Онъ лежалъ въ большой старо-франкской кровати, безъ занавѣсокъ, но съ четырьмя деревянными полъ мраморъ колоннаца вкругъ, которыя поддерживали богато-вызолоченный балдахнъ. Лицо маленькаго было изнеможенно-блѣдно, а во взглядѣ, который онъ бросилъ на меня, лежало столько тоски, доброты и горя, что я былъ потрясенъ до глубины души. Докторъ только что ушелъ, объявивъ рану его сомнительною. Фан-Меленъ, оставшійся у него на ночь, сидѣлъ передъ постелью и читалъ больному рассказы изъ Библіи.

— Шнабельвопскій, — простоналъ маленькій, — хорошо, что ты пришелъ. Ты можешь тоже слушать, и это принесетъ тебѣ пользу. Мы читаемъ рассказы изъ Библіи. Библія — чудная книга. Мои предки носили ее съ собою по всему свѣту; она — цѣпная отчизна дѣтей Божіихъ; она — священное наследіе Ерофы...

— Не говори много, — замѣтилъ фан-Меленъ, — тебѣ вредно говорить... А ты, Шнабельвопскій, — шепнулъ онъ мнѣ на ухо, — извини, если я буду продолжать: малютка непремѣнно захочетъ, чтобъ я ему читалъ исторію его тѣзки, Самсона. Слушай:

«Самсонъ пошелъ въ Дамнаду, и увидѣлъ тамъ женщину, чья дочерей филистимлянскихъ...»

— Нѣтъ, — перебилъ маленькій, не раскрывая глазъ, — мы уже читали это... Мнѣ чудится, что я самъ переживаю то, что ты читаешь мнѣ... Я точно слышу бледные овецъ, точно самъ зажигаю хвосты лисицъ и пускаю ихъ по полямъ филистимлянскимъ, точно самъ побиваю ослиною челюстью тысячу филистимлянъ. О, филистимляне! они угнетали насъ, ругались надъ нами, заставляли насъ, какъ свиней, платить подати... О, Господи, это непозволительно!..

— У него лихорадка и онъ бредитъ, — тихо замѣтилъ фан-Меленъ, и сталъ читать дальше:

«Филистимляне требовали, чтобы израильтяне выдали имъ Самсона связаннаго; въ противномъ случаѣ, грозили предать всѣхъ жителей огню и мечу. Самсонъ отдался въ руки израильтянъ и допустилъ связать себя веревками; но когда филистимляне, взявъ его, хотѣли вести съ собою, Самсонъ перервалъ веревки, какъ перегорѣвшій ленъ.»

— О, глупые филистимляне! — вскричалъ маленькій и самоудовольно улыбнулся. — Они и меня хотѣли посадить на гауптвахту...

Въ другой разъ, ему случалось быть въ одномъ изъ городовъ, принадлежавшихъ филистимлянамъ. Начальство приставило стражу въ тому дому, въ которомъ онъ находился; и когда наступила ночь, городскія ворота были заперты; всё полагающаго такія образы Самсону невозможно будетъ уйти изъ города. Но Самсонъ поднялъ городскія ворота на плечи свои, со вѣрши ихъ запорами и столбами, взнесъ ихъ на гору, находящуюся близъ города, и спокойно возвратился домой.

Еслибы Самсоново воздержаніе равнялось силѣ его, то онъ никогда не попалъ бы въ руки филистимлянъ. Къ несчастью, онъ познакомился съ одною филистимлянкою, Далилою. Филистимляне подкупили ее деньгами и подарками, дабы она узнала отъ Самсона, въ чемъ состоитъ его необычайная сила. Она употребила всевозможныя хитрости, чтобъ вывѣдать его тайну. Наконецъ, Самсонъ, въ минуту доверчивости, открылъ ей, что родители, съ самаго его рожденія, посвятили его Богу, что волосы его никогда не бывали острижены, что вся сила его зависитъ отъ волосъ и что если ихъ обрѣзать, то онъ не будетъ сильнѣе прочихъ людей. Далида усыпила его и, пока онъ безвѣдно покоился, призвала челоуѣка и велѣла остричь ему всю голову, и потомъ позвала непріятелей его. Самсонъ, проснувшись, почувствовалъ свою слабость и долженъ былъ безъ сопротивленія отдаться въ руки филистимлянъ, которые выкололи ему глаза, возложили на него оковы и, какъ ничтожнаго раба, приставили къ жерновамъ молоть муку въ домѣ узниковъ.

— О, Господи! Господи!—безпрестанно повторялъ маленькій и плакалъ.

— Лежи спокойно,—сказалъ фан-Меленъ и продолжалъ:

«Послѣ сего ужаснаго несчастія, Самсонъ раскаялся и отступилъ врагамъ своимъ. Онъ погибъ, но, вмѣстѣ съ собою, погубилъ множество филистимлянъ, когда выросли на головѣ волосы его, а съ ними возвратилась и его сила.

«Однажды филистимляне устроили великое торжество въ честь идола своего Дагона, и, собравшись во множествѣ въ храмъ его, приносили жертвы благодаренія за то, что онъ избавилъ ихъ отъ страшнаго врага—Самсона. При семъ вывели на посмѣяніе Самсона, чтобы всѣмъ показать теперешнюю слабость его и издѣваться надъ нимъ. Филистимляне никакъ не думали, чтобы сила его могла когда-либо возвратиться. Старые, молодые, женщины и дѣти—всѣ смѣялись надъ Самсономъ и мучили его. Не-

счастнѣй слѣпецъ просилъ водившаго его слугу подвести его къ столпамъ зданія, въ которомъ пировали издѣвающіеся надъ нимъ. Зданіе было поддерживаемо столпами. На плоской кровлѣ его находилось тогда до трехъ тысячъ человекъ. Слуга подвелъ его къ столпамъ. Самсонъ вознесъ молитву къ Богу и просилъ его помощи. «Да погибнетъ душа моя съ иноплеменниками!» воскликнулъ онъ, потомъ обѣими руками раздвинулъ два средніе столпа, отчего обрушилось все зданіе и задавило его самого вмѣстѣ со всѣми находившимися тутъ филистимлянами. Въ этотъ одинъ разъ онъ истребилъ больше филистимлянъ, чѣмъ во всю жизнь.»

При этихъ словахъ маленькій Самсонъ вдохновенно и широко раскрылъ глаза, схватился тощими ручонками за колонны своей кровати и сталъ трясти ихъ, гнѣвно восклицая: «да умретъ душа моя съ иноплеменниками!» Но колонны остались неподвижны, малютка, въ изнеможеніи и съ тоскливымъ смѣхомъ, упалъ на подушки, и изъ рацы его, повязка которой спала, потекла красная струя крови...

ПОДЪ БЕРЕЗАМИ.

П О В Ъ С Т Ь.

(Посвящается Авдотьѣ Николаевнѣ Кожуховой.)

Въ то время, когда еще не было не только паровъ и телеграфовъ, но даже стеариновыхъ свѣчекъ, въ одномъ далекомъ, очень далекомъ краю, въ обширной комнатѣ, стѣны которой были уконопачены мохомъ, стоялъ большой круглый столъ, а на столѣ горѣли двѣ сальныя свѣчки. За столомъ сидѣла дама, еще далеко не старая, съ нѣжными, чрезвычайно добрыми чертами лица, и читала вслухъ огромную книгу славянской печати. Слушателями были мальчикъ лѣтъ семи, который, облокотясь руками на столъ и крѣпко напрягая слухъ, употреблялъ все усилія, чтобы не уснуть; пожилой человекъ, стоявшій у дверей, прислонясь плечомъ и даже головой къ косяку, да старуха лѣтъ шестидесяти, въ бѣломъ чепцѣ, съ серебряными круглыми очками на носу и съ чулкомъ въ рукахъ.

«Хрисанъ нача къ дѣвицѣ глаголати: аще маловременнаго ради со мною, человекомъ смертнымъ, сочетанія, о чудная дѣво! толикою лѣпотою украсилася еси, да развратиши душу мою, многаго любовію одержимую; то колыма паче подобаетъ ти попещися, да у безсмертнаго Царя Сына Божія любовь обрѣсти. Ангели тебѣ будутъ друзьями, апостолы пріятелими, мученицы ближними.»

Въ эту минуту чтеніе было прервано страшнымъ ударомъ

въ стѣну, какъ-будто кто выстрѣлялъ изъ ружья. Ребенокъ вздрогнулъ и вскрылъ во всю круглоту большіе, черные глаза, старушка сотворила молитву, и всѣ съ вопросительнымъ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Это морозъ, матушка, Марья Степановна,—сказалъ спокойно стоявшій у дверей человекъ.

— Ахъ! такъ видно сильный морозъ, Феда? — спросила тревожно Марья Степановна.

— Знатный морозъ, сударыня; вызвѣздило такъ, что ужасъ!

— Боже мой! они перемерзнуть, бѣдные, неужли Иванъ не догадается завести ихъ погрѣться, хоть въ Щепкино? вѣдь 25 верстъ проѣхать въ такой морозъ—ужасно!

— Какъ, мать моя, не заѣхать, — возразила старушка. — Экой морозъ! что онъ, злодѣй что ли, что станеть морозить дѣтей малыхъ?

— А отчего это морозъ стучить?—спросилъ мальчикъ, видимо еще не оправившись отъ испуга.

— Это, батюшка, онъ зябнетъ, сердечный,—отвѣчалъ мужчина, стоявшій у двери, тотъ самый Феда, съ которымъ говорила Марья Степановна,—зябнетъ, такъ и просится погрѣться.

Всѣ улыбнулись, а мальчикъ еще больше раскрылъ свои глаза и глядѣлъ вопросительно, не зная, шутка это, или правда истинна.

— Это, свѣтикъ мой, стѣны-то деревянные трескаются отъ морозу, бревна-то щеляются, такъ и трещать,—прибавила усвоительно старушка, полагая, что съ замѣчаніе вполнѣ объяснѣло, почему морозъ трещить.

Чтеніе опять продолжалось:

«Та и множайшая Хрисанеу святому глаголющу, вѣрова Дави во единого истиннаго Бога Господа нашего Иисуса Христа и соудѣннѣиша оба жить въ безбрачнѣмъ супружествѣ, хранише непорочно дѣвство. И раздѣлѣннѣиша въ особенныя аки монастыри устроеныя дома»..

При этихъ словахъ опять всѣ вздрогнули: странный шумъ и трескъ раздавался въ стѣнахъ, которыя отапливались одной небольшою прихожей. Кто-то сильно скребъ въ стѣнныя двери и стучался. На этотъ разъ мальчикъ первый нашолся:

— Это Гремилушко просится, пусть его, мама, онъ озябъ.

— Ахъ онъ песь тодстомянскій!—возразила старуха сердито.— Передошлѣ до смерти, я думала и Богъ знаетъ что.

— А что вы думали, Федора Даринковна? — сказала Марья Степановна, — вы думали, дождвой!

— Э, мать моя, что ты къ ночи-то говоришь, Господи помилуй, ну его...

— Мама, пусти, — приставалъ мальчикъ, — онъ озябъ.

— Пусти его, Федоръ, — сказала Марья Степановна.

Федоръ несовсѣмъ охотно отсталъ отъ косяка и, перейдя прихожую, растворилъ двери въ сѣни. Огромная черная собака робко вошла въ залу и начала шумно ласкаться у ногъ каждаго, тыкая мордой руки и полизывая ихъ; не преминула подвернуться и подъ самыя ноги старухи, такъ что та, въ испугъ, закричала.

— Ложать! — крикнулъ сердито Федоръ, и пестъ тотчасъ при-
смирѣлъ. Сѣвъ возлѣ стула мальчика, собака ласково положила свою хохлатую голову, отъ которой вѣяло свѣжестью мороза, на колѣни дитяти и скоро задремала. Когда чтеніе началось, Гремилушко нѣсколько разъ покушался упасть отъ дремоты и наконецъ дѣйствительно свалился и заснулъ у стула. Ребенокъ нѣжно посматривалъ на своего добраго сосѣда, но продолжалъ слушать съ глубокимъ вниманіемъ.

Въ книгѣ рассказывалось, что когда увеличилось число послѣдователей Хрисанѳа и Даріи «возста въ городѣ мятежъ великъ и молва». Народъ говорилъ: оскудѣетъ родъ людской если мужской полъ будетъ отлучаться отъ женскаго страннѣмъ ученіемъ и волшебною прелестію Хрисанѳа и Даріи. Тогда повелѣно было мучить ихъ до тѣхъ поръ, пока они не принесутъ жертву богамъ. Хрисанѳа заключили въ темницу, а Дарію въ безстыдный домъ отведена была; но въ защиту дѣвы бѣжала левъ изъ затворовъ и легъ у ногъ ея. Увѣдавъ о томъ, Нумеріанъ царь повелѣлъ лютыми погубить ихъ мучамя. Оба были брошены въ ровъ глубокъ и засыпаны камнями. «Такъ, имѣя въ жизни сей общее въ духовномъ супружествѣ житіе, Хрисанѳъ и Дарія скончались вѣстѣ, пріявъ мученическіе вѣщицы отъ Господа нашего Іисуса Христа, ему же слава и держава нынѣ и во вѣки вѣковъ аминь!»

Чтеніе кончилось. Марья Степановна задумчиво перебирала листы разогнутой книги; старушка заливалась горькими слезами, снявъ очки и отрыскивая платокъ въ ридикюлтъ; рырять какъ-то и Федоръ, чѣмъ всегда обозначалось его внутреннее волненіе; безучастно оставалось только дитя. Ребенокъ не осмѣлѣлъ

долгаго чтенія, и, положивъ гладко-остриженную головку на правую ручку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

— Вотъ какъ святые-то угодники трудились да молились,— молвлял Ѳеодоръ.— А мы то, грѣшныя, за чѣмъ, за чѣмъ не гоняемся! Иной разъ и разгорюешься, а о чемъ? о самыхъ пустякахъ индо, разреवेशься. А, вѣдь, передъ Богомъ такъ не всплачешь; хоть по щекѣ рѣзни, слезинки не выронишь.

— Да, Ѳеда, — сказала Марья Степановна съ чувствомъ, — грѣшныя мы люди, грѣшныя!

— Охъ, грѣшныя, матка моя, грѣшныя!— вскричала, хныкая, старуха, — Бога-то гнѣвимъ какъ, Боже мой! Вотъ хоть бы я: ну-ка третью недѣлю у обѣдни не была. Господи Боже мой, а вѣдь...

— Пойдите-ка... ровно бы ѣдутъ, колокольчикъ,— сказала, измѣняясь въ лицѣ, Марья Степановна,— слышите?

Всѣ смолкли; минуту всѣ притаили дыханіе и въ комнатѣ стало совсѣмъ беззвучно.

— Нѣтъ-съ, это сторожъ въ доску колотить въ Пашковѣ. Они, сударыня, сегодня уже не будутъ; кабы пріѣхать, такъ пріѣхали бы ужъ.

— Почему же?

— Да такъ-съ. Въ Тычиху-то они пріѣхали поздно; потому съ утра-то была мятель сильная; ну, покормили лошадей, погрѣлись, вотъ ужъ и ночь; куда пускаться ночью въ такой морозъ? Они выѣдутъ на разсвѣтѣ и къ завтраку сюда будутъ.

— Такъ ты думаешь, Ѳеда?

— Да, сударыня, надо быть, такъ. Иначе, какъ бы ужъ не пріѣхать, вѣдь ужъ пѣтухи пропѣли.

Марья Степановна грустно задумалась, и молчаніе длилось долго; прервалъ его Ѳеодоръ:

— А вы, сударыня,— сказалъ онъ Марья Степановнѣ, — Михайлу-то Сергѣичу попеняйте; все-таки послабленія-то нельзя давать-съ.

— Да какъ попенять-то? — грустно сказала Марья Степановна,— не умѣю, Ѳеда.

— Ну, да такъ-съ скажите: нехорошо-молъ, батюшко, учиться надо: ученье свѣтъ, неученье тьма; надо-молъ тебѣ ученья выводить въ люди, у тебя-молъ состоянія нѣтъ...

— Ахъ, Ѳеодоръ! да что же говорить безпрестанно о томъ, что они и безъ того, къ несчастію, узнаютъ; зачѣмъ заранѣе

буду пугать ихъ бѣдою, — говорила сквозь слезы Марья Степановна.

— Такъ-то такъ, сударыня, да, вѣдь, я по любви же къ нимъ говорю. Вѣдь надо же ихъ маленько поддержать, а то, вѣдь, пожалуй, и въ слѣдующемъ классѣ на другой годъ останутся, — нехорошо-съ.

— Правда, правда, Федя. Я внушу ему, внушу.

— Кушанье поставлено-съ! — сказала изъ двери дѣвушка, которую въ темотѣ только и можно было замѣтить по бѣлому переднику.

Малютку приняла въ свои объятія нянька и уложила тотчасъ же въ постель, такъ-что онъ не чувствовалъ, какъ его раздѣли почти до-нага. Прочіе встали и отправились въ столовую, не исключая и Гремилушки, который рассчитывалъ тамъ на вѣрную поживу. Деревенскій ужинъ длился долго, но наконецъ кончился; всѣ распростлились и побрели предаться покою, которому и отдались скоро. Первый уснулъ, растянувшись на полу, Федоръ Никитичъ. Въ этомъ можно было удостовѣриться по тому, что тотчасъ же раздались по комнатамъ страшные разговоры его. Во снѣ онъ говорилъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ въ бодрствованіи. За нимъ заснула Федора Ларионовна, долго и усердно кладя земные поклоны на колѣняхъ; за нею успокоилась и прислуга, переставъ стучать посудою; послѣ нихъ заснула мать, со слезами на глазахъ, мечтая о завтрашней встрѣчѣ; уснуло все; не спала только одна — ночь морозная! Когда погасъ мерцавшій и робкій свѣтъ свѣчекъ, когда смолкли домашній говоръ и суета, она глянула въ окна яркими своими очами. И сколько жизни, движенія, блеска было въ этой холодной красавицѣ! Мириадами огненныхъ блестокъ сверкали блѣдноглубыя небеса, ослѣпительно горѣлъ бѣлый полный кругъ мѣсяца; какъ парча, свѣтлѣло бѣлое поле; на немъ тамъ, въ дальней сторонѣ, какой-то чорный великанъ сердито махалъ громадными руками: это вѣтряная мельница работала при блескѣ бѣлой ночи; влѣво сторонился темный лѣсъ; въ него прятался кто-то бѣлый и вспрыгивалъ на чорныя лапы сосенъ; прямо бѣжалъ огородъ, а возлѣ него какъ-будто кувыркался и вертѣлся какой-то призракъ; дальше была даль, свияя, безбрежная, но не пустая, тамъ тоже былъ кто-то. Тамъ:

Мѣсяць свѣтитъ, доль сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится.

II.

«Вдуть!» раздалось гдѣ-то въ комнатахъ, на другой день часу въ 12 утра; «вдуть!» вскричалъ мальчишкѣ, который все время стоялъ на окнѣ и внимательно смотрѣлъ на дорогу; «вдуть!» закричали дѣвки въ дѣвичьей, бросаясь со всѣхъ ногъ на крыльцо; «вдуть!» кричалъ комнатный мальчишка, Мишка, молнией промчавшись мимо оконъ, причѣмъ онъ перекувыркнулся не разъ въ снѣгу и творилъ ужѣ воротца; «вдуть, вдуть!» лаяли собаки, весело помахивая хвостами. Дѣйствительно, скоро остановилась у крыльца крѣпкая кибитка, запряженная тройкою гусемъ. Изъ кибитки вышли два молодые человека и быстро пошли по лѣстницѣ; несмотря на то, что ихъ съ обѣихъ сторонъ хватили за руки, цѣловали, обнимали, тыкались въ ноги собаки и Богъ знаетъ что; наконецъ и мальчишкѣ, вчера слушавшій Четвы Миши, бросился имъ на шею, крича: «братцы, братцы!» Вотъ и она—мать!

Марья Степановна не выбѣжала на крыльцо, не вышла даже въ переднюю, она не бросалась дѣтямъ на шею, не плакала и не кричала отъ радости; она, просто, стояла, какъ каменная, посреди залы, и только, по нѣкоторой блѣдности лица и по какому-то едва замѣтному движению губъ можно было замѣтить, что всякая крикливая и мечущаяся въ глаза радость нечто въ сравненіи передъ этимъ молчаливымъ, скрытымъ въ груди чувствомъ. Только когда подошли къ ней дѣти и когда она почувствовала горячіе ихъ поцѣлуи, румянецъ вспыхнулъ у нея на щекахъ и слезы въ три ручья брызнули у матери, у дѣтей, а потомъ и у всѣхъ окружавшихъ.

Федоръ Никитичъ, разсчитывавшій, что Марья Степановна непременно сурово приметъ сына, не переведеннаго въ кѣсѣ, самъ плакалъ чуть не больше всѣхъ, обнимая молодыхъ людей.

Марья Степановна Званова была вдова полковника, умершаго лѣтъ шесть назадъ. Задолго до происшествій, которыя будутъ здѣсь описаны; полковникъ Сергѣй Александровичъ Звановъ привезъ свою семью, состоявшую изъ молодой, прекрасной собою, жены, Марьи Степановны, и двухъ маленькихъ сыновей въ имѣнье свое, Нелидово. Отцы и дѣды Званова давно были извѣстны въ томъ краю; а его никто почти и не видывалъ, потому что еще маленькимъ онъ былъ отвезенъ въ корпусъ откуда прямо поступилъ на службу. Познакомившись съ имѣніемъ, полковникъ

бразѣ понять, что тутъ надѣ сильно работать, чтобы имѣть хоть кусокъ хлѣба. Впослѣдствіи оказалось, что и этого было мало. Съ увеличеніемъ семьи средства все становились недостаточнѣе. Какъ ни усиливалъ онъ свои труды, какъ ни вставалъ въ третій и четвертомъ часу утра, чтобы наблюдать самому за работами—ничто не помогало. Бѣдность, нищета, даже совершенное раззореніе грозило семье. Разумѣется, Марья Степановна ничего этого не знала: мужъ окружалъ ее добротами, какимъ могъ; и тщательно хранилъ отъ ней страшную истину. Заложивъ руки за спину, съ трубкою вапштафа, полковникъ прохаживалъ цѣлыя ночи въ этой же самой залѣ, гдѣ жена его читала передъ нами Четьи-Миней; онъ придумывалъ средства къ спасенію, но приходилъ только къ отчаянію. Была у него далеко тамъ, въ Петербургѣ, знатные родные, но... полковникъ не писалъ къ нимъ, да и они, кажется, постарались забыть, что онъ существуетъ. Наступила грозная для Россіи эпоха. Появились слухи о смертоносной болѣзни, шедшей къ намъ изъ Индіи. Слухи превратились въ страшную дѣйствительность—и уныло все. Полковникъ ожилъ. Героическому его сердцу открылось великое поприще. Стоны людей, тысячи жертвъ звали его на помощь. Верхомъ на старой рыжей кобылѣ ѣздилъ онъ по селеніямъ потерявшихъ бодрость крестьянъ и подавалъ тамъ помощь, въ другомъ мѣстѣ — утѣшеніе; но недавно кто-то сказалъ: «мудрено ли смерти или какому-нибудь другому бѣдствію вырвать изъ жизни того, кто совершенно уединенъ жизнью». Однажды, выѣхавъ, по обыкновенію, рано утромъ къ больнымъ, полковникъ Звановъ воротился ранѣе обыкновеннаго, съ страшно-измѣнившимся лицомъ. Онъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Федора (камердинера и управляющаго, единственнаго человека, которому онъ повѣрялъ все муки души своей), велѣлъ постлать на диванѣ постель и чрезъ полтора часа сказалъ, что часовъ въ 12 ночи онъ умретъ. Жену онъ выслалъ и благословилъ дѣтей. Послалъ за докторомъ. Вечеромъ пріѣхалъ маленькій, крутенькій чѣловѣкъ, въ которомъ еще не вывѣтрился казенный студентъ нашихъ университетовъ. Осмотрѣвъ больного, онъ обложилъ его горчичниками и припарками; черезъ полчаса полковникъ сбросилъ все эти припарки, сказавъ голосомъ, слышномъ хорошо извѣстнымъ: *будеца!* Дѣло въ томъ, что больной, по разсказаннымъ описаніямъ болѣзни и по собственнымъ наблюденіямъ понималъ, что у него страшная и неизлечи-

мая холера и что ему остается жить не болѣе, какъ нѣсколько часовъ. Онъ подозвалъ Федора и, взявъ его за руку, сказалъ: «Умираю, другъ Федоръ, помоги женѣ и дѣтямъ». — Федоръ, по обыкновенію, фыркнулъ разъ, другой, третій, и, когда въ состояніи былъ говорить, сказалъ: «Умирайте, сударь, спокойно, буду служить до послѣдняго издыханія». Полковникъ въ двѣнадцати часу ночи дѣйствительно умеръ. Всѣ увидѣли, что Марья Степановна, которая дышала единственно любовью къ своему другу, непремѣнно за нимъ послѣдуетъ; но человекъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Марья Степановна была цѣлый мѣсяцъ на краю гроба, потомъ встала, и скоро благополучно разрѣшилась младенцемъ, который лишился былъ счастья видѣть своего отца, а потому и названъ былъ его именемъ. Это именно тотъ самый мальчикъ, Сережа Звановъ, который въ описанный нами вечеръ уснулъ, слушая Четы-Миней.

Сила моя въ немощи совершается, сказалъ нѣкто, и Марья Степановна обратила всю свою душу на дѣтей и имѣнье. Всѣ гений матеря, весь неистощимый запасъ женскаго сердца устремился къ одной цѣли — и чудо! гдѣ изнемогъ духъ ея мужа, одержала побѣду женщина больная, неопытная. Черезъ двѣ три года имѣнье стало освобождаться отъ долговъ, дѣти пристроены: младшіе въ кадетскіе корпуса, а старшіе, — тѣ, которыхъ пріѣздъ ожидался, — одинъ, Леонидъ, оканчивалъ уже курсъ въ университетѣ, а другой, Михаилъ, былъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ гимназіи. Онъ-то и не перешолъ въ слѣдующій классъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ бѣлокурыми волосами, тонкими, нѣжными чертами лица, очень похожими на материнскія. Старшій же, Леонидъ, хотя и былъ еще очень молодъ, казался гораздо серьезнѣе и развитѣе. На красивомъ его лицѣ, скорѣе задумчивомъ, чѣмъ веселомъ, были уже замѣтны легкія линіи на челѣ. Сережа только оставался при матери, но и тотъ уже былъ записанъ въ корпусъ.

Большой круглый столъ покрылся уже яствами. Деревенскіе пироги, ватрушки, птицы, грибы и грибки, моченые, соленые, отварные, стояли въ порядкѣ на столѣ.

— Покушай, Мишенька, покушай, говорила Федора Ларионовна. Гляди-ко, ты какой худенькій: заморили тебя ученые-то.

— И ты похудѣлъ, Ли — сказала мать. — Здоровъ ли ты? (Сережа еще младенцемъ звалъ старшаго брата Леонида: Ли; такъ это имя и осталось за нимъ).

— Здоровъ мамаша, — отвѣтилъ Леонидъ. — Но вы-то, вы?

— Плохо, мой другъ, все плохо. Докторъ говоритъ, что вройдетъ скоро, но...

— Ли грустно уставилъ лицо въ тарелку и не продолжалъ разговора.

— Кушай грибки-то, Леонидушка, — шептала Федора Ларионовна, — кушай, голубчикъ, не береги, вѣдь здѣсь не купленное, родной мой, да нынче ихъ таково много было.

— А что ваше Рожново, Федора Ларионова, все такое же милое?

— Все, слава Богу, родной мой, слава Богу, стоитъ-себѣ.

— А Журка вашъ живъ? — спросилъ Миша.

— Живъ, живъ, батька мой. Охъ голубчикъ мой! все-то онъ помнить. Живъ, лѣтомъ было-захирѣлъ, думала околѣетъ, но поправился.

Завтракъ наконецъ кончился. Миша развязалъ чемоданы и сталъ вынимать гостинцы и разныя городскія диковинки, а Леонидъ отошелъ и взглянулъ въ окно: слезы навернулись у него на глазахъ. Невозмутимо-спокойно лежало чистое поле; ничто въ немъ не измѣнилось: та же вѣтряная мельница Архипа Данилыча; въ сторонѣ перелѣсокъ, гдѣ лѣтомъ рождаются отличныя маслѣнки, а осенью — рыжика и волнушки; вонъ дорога къ приходу. Сколько путешествій совершилось по ней то въ сельхъ, то грустныхъ — и все дѣтство, веселое и милое, воскресло передъ Леонидомъ... А перелѣсокъ... лѣто... пѣсни... и зечерь, вечеръ... Вотъ и онѣ — березы. Дѣйствительно, изъ огна былъ видѣнъ садъ, почти пустой, только въ дальнемъ углу его стояли три громадныя березы. Покрытыя бѣлымъ ичесмъ, онѣ, какъ сѣдые великаны, стояли неподвижно, возвышаясь надъ всей усадьбою. За березами, на другомъ краю оврага, стояла покосившаяся на бокъ старая изба, въ которой жила, старуха Аграфена. Еще при полковникѣ пришла она откуда-то и выпросила позволеніе жить тутъ; съ-тѣхъ-поръ и жила, хотя верѣдко уходила иногда надолго; но куда — никто не зналъ. За избю блестяло отъ лучей солнечныхъ опять поле.

— Ли, — сказалъ, подошедши къ студенту, Сережа, — подъ березами видѣли лѣтомъ орла.

— Въ самомъ-дѣлѣ? — улыбаясь, спросилъ Леонидъ Сергѣевичъ.

— Да, орла. Вотъ Федосья видѣла; издалека, чу, летѣлъ; все

этакъ кружился, кружился; перелетѣлъ черезъ березы да и сѣлъ на крышу Аграфены.

— Оедосья мало ли что тебѣ наскажетъ,—возразилъ старшій братъ, стараясь показать, что онъ слишкомъ ученъ, чтобы вѣрить въ такія пустяки. — А вотъ мнѣ бы хотѣлось подойти къ березамъ, посмотрѣть на нихъ, да вѣдь нельзя, я думаю?

— Можно, можно! — вскричалъ мальчякъ, подпрыгивая отъ удовольствія, и ожидая, что и онъ, вѣроятно, пойдетъ со старшимъ братомъ,—отчего нельзя? тутъ тропинка есть.

Березы дѣйствительно составляли въ Нелидовѣ *плыто*. Во-первыхъ, положительно никто не помнилъ, когда онѣ были меньше; всѣ знали ихъ такими, какъ теперь: громадными, старыми, навѣсившими свои вѣтви надъ оврагомъ, на берегу котораго онѣ стояли. Сколько поколѣній воспиталось и выросло подъ этими березами—кто знаетъ? только не мало преданій время навѣсило на ихъ старыя сучья. Здѣсь, наприимѣръ, тетушка Лукерья Даниловна завивала разъ вѣнки въ семикъ съ дѣвушками; бросили эти вѣнки въ ручей: у всѣхъ барышень вѣнки-то завертлись и поплыли, а тетушкинъ утонулъ.

Что же-съ? — Тетушка съ-тѣхъ-поръ стала худѣть да чакнуть, и въ самую послѣднюю пятницу передъ масляницей, когда вѣнчался сосѣдъ ея на високовской барышнѣ, скончалась Богъ знаетъ отъ какой болѣзни. А старшій баринъ, бригадиръ, который жилъ тутъ, когда еще пудру и косу носили, любилъ здѣсь посидѣть съ священникомъ и дьякономъ, потолковать съ ними о духовныхъ предметахъ, причемъ они нерѣдко страшно горячились.

Но березы были милы нашимъ молодымъ людямъ не по дѣдовскимъ преданіямъ. Собственная жизнь ихъ отъ ранняго дѣтства до прекрасной юности развилась вся подъ кудрями этихъ плакучихъ березъ. Тутъ, когда весенніе ручьи потекутъ съ горъ, мельникъ Ларіонъ устраивалъ имъ подъ горою маленькую мельницу; лѣтомъ отецъ собственноручно дѣлалъ имъ тутъ крестовки. Какъ весело, бывало, украдкой взобраться на самую вершину дерева и съ этой высоты посмотрѣть на мирную, зеленую окрестность! Нелидово принадлежало къ тѣмъ средней руки помѣстьямъ, которыя не гнались за красотой мѣстоположенія, а предпочитали хозяйственные удобства. Все оно облегалось полями; съ одной стороны зеленѣло, какъ венеціанскій бархатъ, яровое; съ другой—желтѣла рожь и переливалась мяг-

кими волнами по вѣтру; внизу бѣжала рѣчка, усыпанная вся камнями безконечно-различныхъ величинъ, такъ что-маленькіе были меньше горошины, а на большомъ могло отъужинать цѣлое семейство; рѣчка то пряталась въ зеленый елошникъ, то сверкала на цвѣтистыхъ лугахъ, то вдругъ придвигалась къ высокой-обрывистой, глиняной стѣнѣ берега, на которой кой-гдѣ зеленѣла мать-и-мачиха; дальше былъ лѣсъ,—не глухой, не страшный лѣсъ: зеленый березнякъ мѣшался съ колючимъ ельникомъ; тамъ весело звучали колокольки, иногда раздавалось ржаніе коня или мычаніе коровъ: это—выпускъ, гдѣ мирно падутся стада; подальше, на горизонтѣ, синѣетъ, уже покрытый мглой, дремучій лѣсъ, а выше-выше чуть замѣтно что-то желтое, свѣтлое.

— Что это?—спрашивалъ, бывало, Ли комнатнаго мальчика Сыся, который, какъ бѣлка, вертѣлся на самой вершинѣ дерева.

— Это Чернягинскія горы,—отвѣчалъ тотъ, гордясь своими познаніями надъ бариномъ.

— Далеко онѣ отсюда?

— Какъ же, недалеко-съ, только вотъ въ красный день и видны бываютъ—версть 20 отсюда... Мы съ папенькой вашимъ ѣздили туда лошадей покупать; дѣдушка Микита былъ кучеромъ, а я лакеемъ-съ.

— Высоки эти горы?

— Высоки-съ! отвѣтилъ мальчишка.

И Леониду ужасно хотѣлось перелетѣть бы черезъ дремучій лѣсъ и побывать на этихъ горахъ въ золотой далѣ, высившейся надъ темнымъ лѣсомъ, подъ голубыми небесами.

Бѣлая кора березъ была настоящая лѣтопись: тутъ обозначались всякаго рода чувства и событія; сколько было тутъ вензелей, знаковъ различныхъ, стиховъ—и Богъ знаетъ чего! Дѣвушки выписывали тутъ завѣтные имена и памятные дни; дѣти, глядя на нихъ, тоже вырисовывали собственныя свои вензеля, числа и годъ. Оставной поручикъ Самоваровъ, служившій застѣдателемъ, порядочно выпивши разъ чаю съ французской водкой, начерталъ на березахъ, ни съ того, ни съ сего: *Ура, Кутузовъ!* а Лизавета Васильевна, дѣвица лѣтъ 45-ти, необыкновеннаго роста и толщины, написала тутъ же:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви!

Но удивительнѣе всего то, что сосѣдній помѣщикъ, Власть

Никандровичъ Цучуревъ, пожилой уже человекъ и большой штукаръ на разныя вещи, вырѣзалъ на корѣ дерева тrefовую даму. И вообще порядочную лѣтопись хранили на своихъ стволахъ эти маститыя творенія нелидовскаго растительнаго царства. Немало случалось тутъ и чудесъ. Разъ—и это видѣлъ собственными глазами самъ Леонидъ Сергѣевичъ, который былъ тогда уже въ высшихъ классахъ гимназіи—разъ, во время ужина, всѣ внезапно устремили глаза къ оврагу: на противоположномъ концѣ его поднялся огненный шаръ и понесся къ березамъ. Растягиваясь все болѣе и болѣе въ линію, онъ повился змѣеобразно надъ избой Аграфсны и рассыпался искрами. Въ ужасѣ всѣ кричали: «змѣй, змѣй!» Леонидъ Сергѣевичъ, сказалъ что это метеоръ; но слово это испугало еще болѣе, потому что-змѣй, хоть и страшень, но все-таки понятенъ; а ужъ метеоръ рѣшительно ни для кого не былъ понятенъ. Въ другой разъ со всѣхъ ногъ вбѣжала къ Марьѣ Степановнѣ горничная дѣвка Варвара, крича издалека.

— Матушка, Марья Степановна, смотрите-ка подъ березами чудо-то какое!

— Что такое? что такое? спрашивала Марья Степановна.

— Смотрите-ка матушка... кричала Варвара, открывая передникъ.

И дѣйствительно-удивительно: въ передникѣ у Варвары были шесть бѣлыхъ грибовъ.

— Гдѣ ты ихъ нашла?

— Да подъ березами.

— Полно!

— Истинный Христось, подъ березами, на лужайкѣ-то, гдѣ обѣдаютъ, подъ самой большой березой.

— Да ты обыскала ли, дура, хорошо? — спросила ключница Анисья, прибѣжавшая на шумъ,—нѣтъ ли тамъ еще?

— Обыскала: нѣту больше.

— Ну ужъ, ты обыскала!

— Ей-богу, обыскала, подите хоть посмотрите.

— Ну, пойдемъ, дура, я сама посмотрю; ужъ если найду, я тѣ ключья то-всичу, говорила Анисья,—неизвѣстно за что ругая Варвару. За ними пошли всѣ, искали грибовъ долго, перешарили каждый листочекъ и ничего не нашли. Да и вообще грибовъ подъ березами ни прежде, ни послѣ не нахаживали. Обстоятельство это было найдено необыкновеннымъ. И дѣйствительно, въ тотъ же годъ, передъ самымъ рождественскимъ пос-

томъ, Барвара, совершенно ни для кого неожиданно, разрѣшилась ребенкомъ, который, впрочемъ, скоро умеръ.

III.

Хороню я, хороню
Чисто золото,
Чисто серебро.
Пальъ пальъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.

Такъ пѣло множество голосовъ мужскихъ и женскихъ въ той же самой коинатѣ, гдѣ мы впервые встрѣтились съ Марьей Степановной. Но зала эта теперь блистала отъ множества свѣчей, разставленныхъ по столамъ и даже окнамъ. Толпа, наполнявшая залу, представляла такую пестроту, что въ глазахъ рябило. Кромѣ разноцвѣтныхъ сарафановъ, шубъ и платій, тутъ были турки, армяне, цыгане, уланъ, неизвѣстной націи лицо въ какомъ-то соломенномъ колпакѣ, татаринъ, и даже медвѣдь. Это—ряженые, любезный читатель, это—святки нашей затѣйливой старины. Марья Степановна кажетъ своихъ сынковъ сосѣдямъ; всѣ они, ближніе и дальніе, барыни и барышни, съѣхались къ ней на вечеръ, а за ними уже въ слѣдъ, дворовыя дѣвушки, молодцы и молодницы сошлись со всѣхъ сторонъ—попѣть пѣсень, поводить хороводы, поиграть въ святочные игры и т. п. Вотъ врядъ сидятъ молодые и старые, мужчины и женщины. Одна дѣвушка съ перстнемъ въ рукѣ, обходитъ всѣхъ, кладя въ руку этотъ перстень, тогда-какъ пѣсня продолжаетъ:

Гадай, гадай, дѣвица,
Въ чьей рукѣ перстень,
Да у дворянина,
Да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На правомъ мизинцѣ.

Избранный долженъ узнать, у кого въ рукѣ перстень. Неузнаетъ—пѣсня начинается снова и тотъ снова долженъ угадывать; если же онъ угадаетъ, то тотъ, у кого найдется перстень, становится на его мѣсто.

Наши сельскія забавы, несмотря на видимую вольность, цѣломудренны и роскошны; въ нихъ еще уцѣлѣла наша старинная искренность и веселость; тутъ нѣтъ ни чопорности, ни бездушности нашихъ разолоченныхъ гостиныхъ, гдѣ скука служитъ даже признакомъ высшаго тона.

— Отганите загадку,—сказала дѣвушка съ сильно развитыми формами, подойдя къ Мишѣ.

— Ну, загадай, Наташа, загадай!

— «Заря-заряница—красная дѣвица, къ церкви ходила, ключи обронила; мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало.»

— «Роса, роса»,—шептали сзади Мишѣ.

— А вотъ еще:

Криво, лукаво
Къ лѣсу бѣжало,
Зелено, кудряво
Спрашивало:
«Криво лукаво,
Куда ты бѣжишь?»
—Зелено-кудряво,
Тебя стережи.

Миша опять не зналъ.

— Ну да что это: *зелено-кудряво?* спрашивала дѣвушка.

— Лѣсъ?—спросилъ Миша.

— А *криво лукаво къ лѣсу бѣжало?*

— Огородъ, огородъ,—говорили кругомъ.—Эка загадка! Лѣсъ стережетъ—знаю.

— А вотъ, стойка, я тебѣ загадаю, Наталья Васильевна, сказалъ Федоръ Никитичъ, который хотя былъ и старъ, но постоянный уставщикъ всѣхъ возможныхъ игръ.

— Ну, ужъ вы загадаете!—сказала, смѣясь, Наташа.

— Да, да, угадай-ка:

Сахаръ-виноградъ,
На блюдѣ не бывалъ,
Но всякъ его ѣдалъ.

— Ха-ха-ха!—раздалось въ толпѣ,—у нея много этого сахару-то винограду.

Дѣвушка раскраснѣлась и тотчасъ скрылась въ толпу; но и тамъ ей было небезопасно: мозолистая рука татарина прямо направлялась къ *сахару-винограду* Наташи.

— Къ столбушкѣ, къ столбушкѣ!—раздалось гдѣ-то.

При этомъ словѣ даже изъ гостиной всѣ вышли. Леонидъ Сергѣевичъ, сидѣвшій съ гостями и рассказывавшій о столичныхъ диговинкахъ, тоже вышелъ. Тогда какъ Миша съ дѣтскимъ весельемъ вполне предавался святочнымъ забавамъ въ залѣ, Леонидъ Сергѣичъ только временно участвовалъ въ нихъ, а временемъ сидѣлъ съ гостями.

Игра, до которой дошла очередь, много значила для красоты

и молодости. Кто-нибудь выходилъ къ дверному косяку и говорилъ: *горю, горю у столбика*. Его сврашивали: *по комъ*, называли кого-нибудь, мужчины—дѣвушекъ, а женщины, разумѣется, мужчинъ. Названный цѣловался съ тѣмъ, который стоялъ у двери или *горьлъ*, какъ говорится, и самъ становился на мѣсто. Онъ снова говорилъ: *горю, горю* и т. д. Легко представить, сколько было тутъ веселаго, шутливаго, а вмѣстѣ и страстнаго, затаеннаго, понятнаго только для молодости. Кровь, самолюбіе, ревность, а иногда и ты, благословенная любовь! разыгрывали здѣсь свои роли.

— Вотъ какая красotka!—молвила Марья Степановна, указавъ на одну дѣвушку своей сосѣдкѣ, Лизаветѣ Васильевнѣ Отрадной, той самой, которая подъ березами неосторожно выразилась, что

Законы осуждаютъ

Предметъ ея любви.

— Да, матушка, Марья Степановна, растеть, растеть,—отвѣтила та, глядя съ нѣжностію на дѣвушку.

Леонидъ Сергѣичъ протѣснился сквозь толпу и, взглянувъ на ту, о которой говорили, вспыхнулъ. Впереди густой толпы ряженыхъ и неряженыхъ стояла дѣвушка въ голубомъ шолковомъ сарафанѣ, въ бѣлой батистовой рубашкѣ и въ прекрасномъ головномъ уборѣ, который въ описываемомъ нами краю называется *рефеть*. Это нѣчто въ родѣ діадемы, изъ разноцвѣтныхъ камней, которые у богатыхъ бываютъ очень дорогіе. Но не въ нарядѣ было дѣло. Необыкновенная красота и благородство всей фигуры отдѣляли дѣвушку отъ толпы сразу. Лицо ея и руки до такой степени были бѣлы и нѣжны, что прочія дѣвушки казались при ней совсѣмъ другой породы. Даже барышни, увидя ее, какъ-то странно отворачивались. Прекрасныя свѣтлорусые волосы ея выбивались изъ-подъ повязки и роскошной косой спускались сзади; большіе голубые глаза, покрытые темными рѣсницами, взглядывали съ такою нѣжностію и вмѣстѣ ясностію, что не всякій смѣло заглядывалъ въ нихъ. Красавица знала, что на нее смотреть, слегка потупила глаза, и покраснѣла:

— *Горю, горю у столбика*,—говорилъ, между прочимъ, какой то господинъ, который былъ наряженъ офицеромъ; но такъ-какъ бумажные эполеты и шарфъ были оборваны, то вышше, ни болѣе ни менѣе, какъ сынъ отца Федора—писарь изъ дворянской опеки.

— По комъ?

— По Матренѣ Даниловнѣ, — отвѣтилъ офицеръ.

И Матрена Даниловна, *вольная дѣвица*, какъ ее называли, рябая и непростительно-высокаго роста, вышла къ бывшему офицеру, поцѣловалась три раза и стала на его мѣсто.

— *Горю, горю...*

— По комъ?

Дѣва долго думала, наконецъ, ужимаясь и закрывая лицо рукавомъ, назвала турку. Турка всталъ и вызвалъ горничную Марьи Степановны и т. д.; наконецъ молоденькая дѣвочка лѣтъ 16-ти, съ черными глазами, бойкая и вертлявая, усмѣхнулась и вызвала старшаго барина, Леонида Сергѣича.

— Ну-ка, батъко мой, ну-ка, — твердила весело Фёдора Ларионовна, — ступай! Что со старухами-то тутъ трешься.

Немного сконфуженный, Леонидъ Сергѣичъ долженъ былъ выйти и встать на мѣстѣ.

— *Горю, горю...*

— По комъ?

Молодой человекъ назвалъ «Соню». Дѣвушка въ голубомъ сарафанѣ вышла изъ толпы и подошла къ нему. Всѣ невольно обратили вниманіе на красивую пару. Явно-skonфуженная во время поцѣлуевъ, Соня скоро оправилась и встала у стѣны.

— *Горю, горю!..*

— По комъ!..

Дѣвушка, едва удерживаясь отъ смѣха, назвала Кирила Аванасьевича.

Вся зала грянула отъ смѣха.

— Кирила Аванасьевича, — кричали отвсюду, ха, -ха, -ха!..

И всѣ обратились въ уголъ, гдѣ, не обращая ни на кого вниманія, мирно покоился Кирилъ Аванасьевичъ. Это былъ смотритель хлѣбныхъ магазиновъ, необыкновенной толщины, лысый и съ носомъ, похожимъ на картофелину. Выкушавъ пуншику, а потомъ *запрещеннаго плода*, стоявшаго въ столовой на столѣ, въ графинахъ и бутылкахъ различныхъ сортовъ и величинъ, онъ раскраснѣлся, вспотѣлъ и дремалъ въ потемкахъ; но, вызванный всеобщимъ хохотомъ, онъ всталъ и долженъ былъ подойти къ дѣвущкѣ. Зала рѣшительно померла со смѣху, когда, на мѣсто блѣдоснѣжной дѣвушки сталъ лысый и тучный Кирилъ Аванасьевичъ и когда онъ, густою октавою, возгласилъ: «горю, горю».

На вопросъ *по комъ?* Кирилъ Аванасьевичъ серьезно отвѣтилъ:

— По Фёдорѣ Ларивоновнѣ. Хохотъ раздался снова въ залѣ.

— Ахъ ты толстопузый! ахъ ты старый хрѣтъ!—кричала Ое-
дѣра Ларіоновна,—ну, что-бы, тебѣ помоложе-то? Не пойду,
не пойду.

— Нѣтъ, нельзя, нельзя!—говорили со всѣхъ сторонъ!—надо
идти.

Смотритель флегматически возгласилъ снова: «горю, горю»...

— По комъ?

— По Оедѣрѣ Ларіоновнѣ.

— Хохоть снова раздался и Оедѣра Ларіоновна, со смѣхомъ
и бранью, выползла съ чулкомъ въ рукѣ и расцѣловалась съ
нимъ.

— Соня, какъ ты похорошѣла,—нашолъ случай сказать Лео-
нидъ во время игры.

— Не насмѣхайтесь,—отвѣтила Соня.

— Какъ же ты можешь такъ думать? развѣ ты меня не зна-
ешь? Всѣ говорятъ, что ты красавица.

— Всѣ говорятъ, что вы московскіе—насмѣшники.

— Да, вѣдь, я не московскій, а здѣшній. Ты ужъ теперь не-
вѣста. О, я думаю, сколько жениховъ—то у тебя!

— Ни одного.

«Ха,-ха,-ха! снова раздалось въ толпѣ. Посреди комнаты яви-
лась въ своемъ черномъ платкѣ и въ бѣлыхъ очкахъ Оедѣра Ла-
ріоновна, а съ нею пѣтухъ необыкновенной величины. Перна-
натыи только-что прохлопалъ крыльями и прокричалъ полночь,
какъ былъ схваченъ невѣдомыми ему руками и, несмотря на всѣ
его усилія, унесенъ въ комнаты. Велико было изумленіе по-
луночнаго крикуна, когда онъ очутился въ ослѣпительно-освѣ-
щенной комнатѣ, среди многочисленнаго собранія.

— Кольца, кольца, дѣвки! кричала-между тѣмъ, Оедѣра Ларіо-
новна.—Ну ка, matka моя, давай твое первое,—обратилась она
къ Марѣ Степановнѣ и стащила съ ея руки обручальное коль-
цо,—давайте-ка сюда!

И Оедѣра Ларіоновна разсыпала собранныя кольца виѣстѣ
съ пшеницею.

Пѣтухъ робко осмотрѣлся и сталъ клевать пшеницу, не тро-
гая колець. Наконецъ задѣлъ ненарочно чье-то кольцо, отчего
оно выкатилось далеко.

— Ну, Маврушка, замужь... замужь... Гляди-ка къ городу,
видно за гостиннаго.

Маврушка, толстая и коротенькая дѣвка, съ красными руками, подняла кольцо и спряталась за плечи сосѣда.

Пѣтухъ, между прочимъ, выбросилъ кольцо Сони.

— Ну,—заговорили вокругъ, — суженый; Софья Васильевна, суженый; да гляди-ка подѣ бокомъ.

Пѣтухъ продолжалъ клеветать и по временамъ выбрасывать кольца. Наконецъ ему, вѣроятно, надоѣло подобное занятіе, онъ остановился и сталъ смѣтрѣть вокругъ. Сообразивъ, что теперь такое время, въ которое лучше спать, чѣмъ заниматься гадаш-емъ, онъ махнулъ крыльями и влетѣлъ на столъ, полагая, что эта родная насѣдка. Тутъ пошла кутерьма. Пѣтухъ сшибъ со стола двѣ свѣчки, изъ которыхъ одна покатила подѣ диванъ; вотомъ онъ перепугался и полетѣлъ подѣ диванъ, причеиъ сшибъ съ татарина ермолку и такъ задѣлъ его по щекаъ, что тотъ разсердился и чуть не треснулъ пѣтуха кулакомъ. Перепуганный суматохой и всеобщимъ гамомъ и хохотомъ, пернатый со всѣхъ ногъ бросился въ гостиную и угодилъ прямо подѣ красное платье Анфисы Даниловны, той самой, которая любитъ водѣвать въ церкви такъ громко, что иногда заглушаетъ и пономоря. Наконецъ пѣтуха загнали какъ-то подѣ диванъ и поймали.

Игры начались снова. Въ гостиную доносились то пѣсня, то поцѣлуй. Вотъ молоденькая дѣвушка, съ опущенными рѣсницами, ходить по комнатаъ и поетъ:

Какъ по морю,
Какъ по морю,

Хоръ подхватываетъ:

Какъ по морю,
Морю синему,
Какъ по морю,
Морю синему,

Дѣвушка продолжаетъ:

Плыла лебедь,
Плыла лебедь,

А хоръ снова подхватываетъ:

Плыла лебедь
Лебединая.

Лили и олово, были и жмурки. Въ гостинной старушки начали уже позѣвывать.

— Слушать, — слушать, зашептали дивушки.

— Слушать, слушать, — повторили мужчины.

— Слушать, батко мой, слушать, — кричала Федора Ларионовна, толкая Мишу, — поидеиъ въ амбаръ слушать.

— Соня, пойдёмъ,—сказалъ Леонидъ Сергѣевичъ, взявъ дѣвушку за руку.

— Пойдите, отвѣтила она, надѣвая большой бѣлый платокъ на блестящую повязку.

Ночь была свѣтлая, лунная. Голоса женскіе и мужскіе пробудили ея задумчивое молчаніе. Всѣ разбѣжались, кто въ овинъ, кто къ амбару, кто къ банѣ. Гдѣ прозвенить золотомъ, будетъ мужъ богатъ; гдѣ прошумитъ сусекъ хлѣбомъ—будетъ мужъ тароватъ, а гдѣ повѣетъ въ лицо мѣхомъ—будетъ любить крѣпко. Леонидъ остался наединѣ съ дѣвушкой. Ея бѣлое личико еще бѣлѣе казалось при серебряномъ сіяніи мѣсяца, горѣвшемъ на ея повязкѣ.

— А куда мы пойдёмъ?—спросилъ студентъ.

Дѣвушка молчала.

— Пойдемъ, Соня! Ахъ какая ты хорошенькая,—сказалъ молодой человѣкъ, взявъ спутницу за руку.

Дѣвушка вырвала руку и остановилась. Леонидъ тоже не зналъ что говорить.

— Пойдите къ проруби подъ березы, выньте камушекъ: вынется гладкій—будетъ мужъ красивый; вынется шаршавый—будетъ мужъ скупой.

Соня сбѣжала въ оврагъ, подошла къ проруби, и опустивъ бѣлую свою руку въ прорубь, вынула камень.

— Смотрите, какой? А? какой?

Дѣвушка съ чрезвычайнымъ любопытствомъ ждала отвѣта; но Леонидъ, вмѣсто отвѣта, нагнулся и поцѣловалъ ея холодныя отъ мороза губки. Софья потупилась, и стояла какъ вкопанная. Легкій вѣтеръ покачалъ вершинами деревьевъ и обвѣялъ обоихъ инеемъ. Соня мяла рукою бѣлый платокъ и не знала что дѣлать.

— Соня, ты любишь кого-нибудь?—спросилъ робко Леонидъ Сергѣевичъ.

Дѣвушка молчала.

— Скажи, ты любишь кого-нибудь?—приступалъ онъ, взявъ ее за руку и привлекая къ себѣ.

Соня вырвала руку и пошла къ дому, но воротилась и спросила.

— Вы будете завтра у барышни?

— Буду, буду, прощай до-завтра.

— Ну прощайте.

— Соня... погоди...

— Что вы?

— Соня .. поцѣлуй меня!

Соня, не сказавъ ни слова, быстро побѣжала.

Когда Леонидъ пришолъ домой, гости расходились. Марья Степановна ласково всѣхъ провожала, но добрѣйшій нашъ Кирилъ Афанасьичъ не могъ отправиться домой: ноги ему со всѣмъ отказались служить. Фѣдоръ и горничныя дѣвушки повели его въ столовую, и уложили на софѣ. Кирилъ Афанасьичъ пытался, вѣжливостью, зашѣть пѣсню, но только промычалъ и повалился на диванъ.

IV.

— А я такъ думаю, матушка Фѣдора Ларіоновна, все это вздоръ, ослѣпленіе человѣческое.

— Видѣла, видѣла сама, собственными глазами видѣла!—подхватила Фѣдора Ларіоновна, вотъ какъ свѣчка, такъ и теплится на самой-то вершинѣ бугра. Ночь была вотъ такая же темная да бурная; ѣхала я, около Покрова, къ покойницѣ Глафирѣ Васильевнѣ. Только выѣхали мы изъ лѣсу то—такъ-таки на самой-то Толбухинскомъ бугрѣ и теплится. Вѣтеръ такъ и крутитъ; она, ровно ничего не бывало, горитъ,—страшно таково!

— Господи помилуй насъ грѣшныхъ,—сказала при этомъ Марья Степановна, вздохнувъ, и продолжала шить.

— А что же, вырылъ кто-нибудь кладо-ть этотъ?—спросилъ Миша, которому съ дѣтства былъ знакомъ бугоръ, про который говорила Фѣдора Ларіоновна.

— На вопросъ этотъ долго не было отвѣта. Старушка скорчила брови и быстро-быстро застучала спицами.

— Вырыли, чу-съ,—немножко насмѣшливо отвѣтилъ Фѣдоръ баушка, чу, наша Аграфена вырыла.

— А что жъ ты смѣешься, песь пучеглазый! гдѣ жъ бы она денегъ-то взяла вклады-то дѣлать, да ризы-то золотыя ковать!

— Да гдѣ, матушка, ризы-то эти да вклады? кто ихъ видѣлъ?

— Охъ ужъ!—сердито сказала старуха и снова застучала спицами.

— Какъ же это? расскажите Фѣдора Ларіоновна, заговорилъ Миша.

— Грѣхъ мнѣ, батяка мой, говорить-то про это на старости лѣтъ не осуждай, такъ не осужденъ будешь. Свои грѣхи надо замалывать. Да вѣдь что же: на всякой протокъ ненакинешь, платокъ. Вотъ ужъ лѣтъ пять—именно съ той поры, какъ змѣй-то на немъ показался—свѣчка-то не горитъ.

— Да кто же это вырылъ?

— А вотъ она, старая корга поганая, Грунька, вотъ что у васъ на задворкѣ-то живетъ, подъ березами.

— Какъ же это?—съ любопытствомъ спрашивалъ Миша.

— А такъ. Кладъ-то этотъ былъ положенъ съ страшнымъ заклятіемъ: кто захочетъ его достать, такъ долженъ душу отдать нечистому; для этого долженъ написать рукописанье своею кровью. Посмотри-ка, у нея рука-то какъ вспорота...

— Ну, какъ же она это достала?

— Да такъ, мой свѣтъ, написала, чу, рукописанье, да ночью и пошла на бугоръ—ее, сказываютъ, и прежде тамъ видали—взошла на самую вершину, сняла крестъ, три раза обернулась, да положила на землю. Застонала вдругъ мать-сыра-земля, словно, чу, какъ цѣпями кто-то загремѣлъ; золото-то все изъ-подъ земли выкатилось—на-силу, чу, принесла домой и съ-тѣхъ-поръ колдуется.

Мальчикъ усмѣхнулся, и тишина опять водворилась.

— Да мало ли грѣха на свѣтѣ бываетъ! — молвила грустно Марья Степановна. — Человѣкъ жадеиъ, а врагъ роду человѣческаго и стережетъ. Вотъ у насъ тоже было, еще матушка-покойница рассказывала, я и домъ-то видѣла: древній такой, но большой двухэтажный, каменный; говорятъ и теперь пустой стоитъ.

— Отчего же, маменька?

— Да Богъ знаетъ, мой милый: Божія ли воля особая тутъ, или вотъ несправедное завладѣніе — Господь знаетъ. Усадьба эта стоитъ недалеко отъ матушкина имѣнія, верстахъ въ двухъ, на высокой горѣ, а подъ горой долина и озеро, Аванасье-пустынь называется, а попросту крестьяне называютъ *Пустынька*.

— Это кабакъ-то гдѣ теперь? — спросилъ Миша.

— Эхъ, батька мой!—смѣясь, прервала Мишу Федора Ларионова, — вѣдь, кабакъ-то Пустынька у насъ; а маменька тебѣ рассказываетъ про свою родину, въ ея губерніи.

— Да, это на моей родинѣ было, Миша, — сказала, вздохнувъ, Марья Степановна, — далеко отсюда. Только все какъ-то не жили дѣльцы-то въ этой усадьбѣ; пріѣдутъ, да и уѣдутъ скоро, а не то, продадутъ. Вотъ и купилъ ее одинъ господинъ, Калугинъ, Петръ, Петръ... какъ его? Петръ Ивановичъ, вѣстается. Ужъ какъ купилъ онъ это имѣніе — Господь знаетъ.

Человѣкъ онъ былъ небогатый, а въ имѣннн было душъ 500. Носились про него недобрые слухи: будто онъ былъ опекуномъ надъ малолѣтними дѣтьми, у которыхъ было огромное состоянне...

— Ну, что же, matka моя?—первала нетерпѣливо Федора Ларіоновна.

— А что? онъ, говорятъ, ихъ разорилъ въ конецъ, по-шнру пустилъ, а себѣ и купилъ это имѣнне.

— Господи, Боже милостивый! — возразила, крестясь, Федора Ларіоновна.

— Ну, что же?—съ любопытствомъ спрашивалъ Миша.

— Вотъ и поселился Калугинъ въ Аванасьевкѣ. Живетъ такъ, что и не слыхивали и не видывали въ тѣхъ краяхъ. Лошади, кареты, пиры да обѣды,—ну князь, да и только! Подходить дѣло къ свѣтлому Христову воскресенью, ну, у него всегда у перваго, какъ у знатнаго барина, обѣдаетъ духовенство, сосѣди. Петръ Ивановичъ заказалъ обѣдъ. Самъ-то онъ поѣхалъ еще съ вечера къ заутрени — распутица была, такъ надо было за-свѣтло добратся;—а повара на кухнѣ всю-то ночь варять, жарять, да и только. Вотъ около полуночи главный-то поваръ взялъ фонарь, да и пошолъ въ подвалъ за винами заранѣе, т. е. заготовить. Только-что онъ туда сошолъ, какъ ударили въ колоколь къ заутрени свѣтлаго Христова воскресенья; поваръ-то былъ старикъ набожный, перекрестился и молвилъ, по русскому обычаю: *Христось воскресе!*

— *Во истину воскресе!*—вдругъ грянуло во всѣхъ стѣнахъ подвала!

Поваръ вздрогнулъ; онъ оглянулъ подвалъ, освѣтилъ — пусто. Кругомъ старыя почернѣвшія стѣны и своды, подъ ногами песокъ да бутылки. Старикъ сотворилъ крестное знаменне, и уже почти безъ памяти повторилъ: «Христось воскресе!»

— *Во истину воскресе,*—раздалось повсюду въ углахъ, въ стѣнахъ, подъ ногами.

Поваръ обмеръ и чуть-живой выбрадеа изъ подвала. Ноутру онъ рассказалъ дѣло Калугину, къ вечеру Калугинъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Съ-тѣхъ-поръ усадьба стоитъ пустая, вотъ ужъ лѣтъ сорокъ будетъ.

Всѣ смолкли; только, немного спустя, могла проговоритъ Федора Ларіоновна:

— Что же это, matka моя?

— А что? Оказалось впоследствии, что тутъ былъ некогда монастырь; что монастырь этотъ былъ упраздненъ, по бѣдности; а церковь и службы монастырскія пришли въ ветхость и сломаны въ незапамятныя времена, а земля-то и души подарены еще Петромъ Великимъ какому-то боярину; тотъ выстроилъ домъ да самъ не жилъ—вотъ и пошли мѣняться владельцы до самаго Калугина; а при Калугинѣ-то ужъ и дознались...

— Чтò, matka моя?

— Что домъ-то построенъ на монастырскомъ кладбищѣ и что подъ подваломъ-то и даже въ стѣнахъ все были гробы прежде почившихъ старцевъ.

Вдругъ въ эту минуту что-то страшно хлопнулось на полъ. Все вздрогнули и обратились въ ту сторону.

Сережа, сидѣвшій на диванѣ и слушавшій страшный рассказъ, уснулъ подъ голосъ матери и упалъ съ дивана; но пока всѣ, въ испугѣ, глядѣли на него, Сережа, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, вскочилъ съ полу, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ сномъ праведнымъ.

— Да, сударыня, чужимъ добромъ не покорытуешься, Марья Степановна. Это такъ; лучше свое отдать, чѣмъ взять чужое.

— Охъ, грѣхъ, батька мой! охъ, грѣхъ! Лучше отдать все, все, —говорила Федора Ларіоновна, которая дѣйствительно раздала все свое имущество Богъ знаетъ кому, и жила теперь, кто гдѣ приютитъ.

— За то Господь посылаетъ какъ за доброе дѣло,—продолжалъ Федоръ,—невидимо посылаетъ. Вотъ мнѣ тоже рассказывали: есть городъ уѣздный при огромномъ озерѣ: на самомъ берегу стоитъ монастырь старинный-престаринный, еще, чу, при татарахъ построенъ, богатѣйшій монастырь! церкви какія бѣныя! иконы всѣ въ золотыхъ окладахъ! Озеро, чу, верстъ на то въ окружности, и какія тутъ рыбныя ловли, Господи Боже мой! Вдругъ — ревизоръ отъ губернатора; требуетъ къ себѣ ородское начальство и говорить: «Какъ это у васъ озеро только пять рублей въ казну доставляетъ, тогда-какъ весь городъ ведетъ рыбную торговлю? Это злоупотребление, говорить».

Власти вышли отъ ревизора, потолковали и ревизоръ на другой же день уѣхалъ съ отвѣтомъ къ губернатору, что озеро дѣйствительно только и доставляетъ пять рублей доходу. Дѣло, конечно, пронохали въ Петербургъ; пишутъ губернатору, что

это-де не такъ; пошли, говорить, другого. Тотъ послалъ. Что же, сударыня, оказалось...

— Что батька мой, что?

— Вотъ видите-съ: озеро-то принадлежитъ городу и по закону отдается съ торговъ. Назначаются торги. Сходятся обыватели города, купцы, мѣщанство, ну, и дворяне которые; возглашаютъ оцѣнку озера «въ годъ пять руб.» Монахъ первый отвѣчаетъ: *пять руб.* — «Кто больше?» — восклицаетъ оцѣщикъ. — Молчатъ. «Кто больше?» — говоритъ тотъ снова. Опять молчатъ. «Кто больше?» — восклицаетъ оцѣщикъ въ третій разъ: по закону-то съ до трехъ разъ надо возглашать. Опять всё молчатъ. Молотокъ стучаетъ — и озеро остается за монастыремъ въ пяти рубляхъ.

— Мать, пресвятая Богородица! — воскликнула Осдора Ларионовна.

— Какъ же это? я не понимаю. — Отчего это? — спросила Марья Степановна.

— А вотъ что-съ. Озеро то это съ надревнѣйшихъ временъ принадлежало монастырю. Когда монастырскія-то земли отошли въ казну, то озеро приписали къ городу. Но жители твердо помнили, что оно изстари принадлежало угоднику. Съѣзжаться-то они съѣзжались на торги, кажинный годъ, но никогда не тягались съ угодникомъ. Монастырь, какъ и прежде, владѣлъ озеромъ, а городъ годъ-отъ-году богатѣлъ больше и больше.

Между тѣмъ — какъ въ залѣ шла эта бесѣда, Леонидъ сидѣлъ въ гостиной и не видалъ, что свѣтильня нагорѣла у него чуть не на вершокъ. Онъ нѣсколько разъ начиналъ читать развернутую книгу, и не могъ: глаза скользили по строкамъ, а голова не понимала: милый образъ безпрестанно представлялся его воспламененному воображенію. Студентъ всталъ. Чорная ночь смотрѣла въ окно. Онъ подошелъ къ нему и сталъ смотрѣть въ мглу ночи; сначала, разумѣется, онъ ничего не видѣлъ, но потомъ глаза нѣсколько привыкли. Онъ увидѣлъ березы, гдѣ такъ недавно она была съ нимъ наединѣ; онъ какъ будто и теперь видитъ ея милое лицо, бѣлоснѣжныя плечи...

«Вотъ и изба Аграфены. Какая досада! онъ видѣлъ Сою и послѣ, но не могъ быть съ ней наединѣ. Ахъ, какъ бы ее увидать? Но что это такое? Что это сверкнуло въ темной дали надъ крышею Аграфены? Что-то огненное!» Студентъ протеръ глаза, протеръ стекло: огненная полоса извивалась надъ крышею — странно! Онъ еще внимательнѣе сталъ всматриваться, и наконецъ улыбнулся. «Зиѣй! зиѣй!» — закричалъ онъ наконецъ громко.

— Охъ, мой батинька! святые угодники! Бода батюшка, родной,—почти выла Федора Ларионовна; и всѣ вьззалъ остолбенѣли.

— Змѣй, ступайте поскорѣе, змѣй,—кричалъ Леонидъ Сергѣичъ.

Съ любопытствомъ, но робко вошли всѣ въ столовую и ясно увидѣли огненную полосу, змѣеобразно вьющуюся надъ крышею.

Всѣ сотворили крестное знаменіе.

— Чтѣ бы это такое было? — съ невольнымъ изумленіемъ проговорилъ самъ Федоръ.

— Вотъ, Единька, — говорила чудь живая Федора Ларионовна; — вотъ, говорила я тебѣ: не смѣйся надъ премудростью; мало ли чего ты не понимаешь — и старые-то люди видали; вотъ Богъ-отъ.

— Ахъ, корга, она окаянная, — вскричалъ наконецъ Федоръ и плюнулъ. — Это еще она не спитъ, полунощница.

— Эхъ, Федора Ларионовна, испугались! — сказалъ Леонидъ Сергѣичъ, — полноте, пойдете — ка лучше къ Аграфентъ, погадаемъ.

— Нѣтъ ужъ я стара гадать-то, поди-ка ты, свѣтъ мой, погадай; молоденець еще, — отвѣтила обидчиво старуха.

— А хотите, пойду, — сказалъ Леонидъ Сергѣичъ.

— Не пойдешь одинъ-то, — подхватилъ Митя.

— А пойду!

— Ну, нѣтъ, не пойдешь.

— Струсите, баринъ, — ласково замѣтилъ Федоръ.

— Струсите, струсите, — смѣясь, заговорила Лизавета Васильевна, которая была тутъ же, но почти весь вечеръ молчала.

Довольно!

Еслибы не сказала этого Лизавета Васильевна, та, которая завтра же расскажетъ все Сонѣ да еще и съ прикрасами... довольно! Леонидъ Сергѣичъ быстро схватилъ фуражку, палку и тотчасъ же вышелъ, къ общему изумленію и даже къ испугу всѣхъ, особенно Марьи Степановны. Черезъ десять или пятнадцать минутъ Леонидъ Сергѣичъ воротился въ залу блѣдный, какъ мертвецъ, и не въ состояніи былъ проговорить ни одного слова!

V.

Лизавета Васильевна Отрадная была ближайшая сосѣдка Марьи Васильевны. Усадьба ея, Толстухино, всего-то находилась

черезъ поле. Огни, горѣвшіе въ Нелидовѣ, всегда были видны изъ оконъ Лизаветы Васильевны. Это была уже дѣвица лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокая, толстая, дебелая, напоминавшая и теперь, что она была нѣкогда пріятною, т. е., какъ говорится, аппетитною дѣвою. Она была единственная дочь помѣщика Отраднаго, старика временъ Екатерины, крутого и сварливаго человѣка. Отецъ ее очень любилъ и лелѣялъ, впрочемъ, никакъ не больше ключницы своей Анны, молодой, полной и чрезвычайно умной женщины, отъ которой каждый годъ происходили на свѣтъ: Кати, Лукерья, Лизы, Марьи и т. п. Да и нельзя было не любить молоденькую двадцатилѣтнюю Лизу: это было добрейшее существо, ласковое, простое, безхитрое. Тѣмъ не менѣе старикъ съ грустью смотрѣлъ на свою дочь: онъ зналъ, что не оставитъ ей почти ничего, — даже приличнаго воспитанія, потому что большую часть своего состоянія онъ, по вольности русскаго дворянства, частію проигралъ, частію проиѣнялъ на гончихъ. И дѣйствительно, Лиза не получила бы никакого воспитанія, еслибъ не сосѣдь Отраднаго, богатый помѣщикъ, старый его сослуживецъ, у котораго было множество сыновей и дочерей, а потому гувернантокъ и гувернёровъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ французъ, эмигрантъ, замѣчательной красоты. Всѣ окружныя барышни мечтали о немъ и украдкой, по ночамъ, сочиняли стихи въ честь прекраснаго иноземца.

Лиза, проводя большую часть времени въ семействѣ сосѣда, приобрѣла лучшіе манеры, нѣкоторыя понятія о наукѣ, о литературѣ и т. п. Вдругъ Лизавета Васильевна стала чаще пріѣзжать къ отцу; кромѣ того, была гораздо печальнѣе прежняго. Старика это сначала бѣсило, а потомъ онъ привыкъ, разсудивъ, что въ 25 и подъ 30 лѣтъ нельзя же быть такой же рѣзвухой, какъ въ шестнадцать. Но, къ сожалѣнію, дѣло было не въ томъ. Разъ, рано утромъ, когда старикъ Отрадный еще спалъ, Анна вошла къ нему въ комнату и долго оставалась наединѣ съ бариномъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ блѣдный и сконченный, вышелъ изъ кабинета, прямо отправился въ спальню къ дочери, которая, въ утреннемъ платьѣ, сидѣла подъ окномъ, и по сухимъ и впалымъ глазамъ ея видно было, что она всю ночь не спала. Внезапный приходъ отца прямо въ ней въ спальню, его страшный видъ все сказали несчастной: она видѣла, что роковая минута настала, — отецъ узналъ!

— Кто? — вскричалъ ужасный старикъ, — говори!

Какъ громомъ поразившая, Лиза молчала.

— Говори кто, мерзавна?.. я убью его! — и страшнымъ ударомъ кулака онъ овалилъ дочь со стула.

Лизавета Васильевна, какъ только могла придти въ чувства, отвѣтила отцу, что она въ его волѣ, что онъ можетъ ее убить; но что тайны своей не откроетъ. Старикъ вышелъ изъ комнаты, закричавъ, чтобы сейчасъ же оттопили свѣтелку, и велѣлъ запереть свою дочь, *за то, что она ему сокрушила*. Единственное лицо, которой дозволялся входъ къ ней, была Анна. Она была беременна. Пять мѣсяцевъ просидѣла Лизавета Васильевна въ свѣтелкѣ и вышла только тогда, какъ Анна родила двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была Наташа, та бойкая и полногрудая дѣвушка, которую мы видѣли на вечерѣ у Марьи Степановны, а другая — именно Соня. Леонидъ Сергѣичъ, конечно, не зналъ этихъ подробностей скандальзной хроники Толстухина; но ему только очень хорошо было извѣстно, что изъ всѣхъ многочисленныхъ и прехорошенькихъ дочерей Анны Соню Лизавета Васильевна любила безъ памяти; ей посвящала она всѣ свои труды, всѣ заботы. Ее выучила она читать, писать; ей передала она всѣ свои знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и всѣ нелѣпости, повѣрья и предрасудки, которыми сама она была преисполнена. Соня знала всѣ гаданья, и твердо вѣрила въ сны и предсказанья. Она перечитала всѣ книги, которыя нѣкогда уносили Лизавету Васильевну на седьмое небо, какъ-то: Малекъ-Аделя, Атталлу и Шактасъ, бѣдную Лизу и т. п. Соня была нисколько непохожа на своихъ сестрицъ и товарокъ; въ ней было что-то среднее между дворовою и горничною дѣвушкою и уѣздною барышнею. Анна, съ упрямствомъ фанатизма, не позволяла своимъ дочерямъ, слѣдовательно и Сонѣ, ходить въ платьяхъ, но непременно въ сарафанахъ. При замѣчательной ея красотѣ, при этомъ изяществѣ всей ея фигуры, Богъ-знаетъ, отъ кого полученной, отъ даровъ ли природы, или отъ кого-то по-крови, Соня представляла изъ себя такое странное и миловидное созданіе, что невольно обращала на себя общее вниманіе. Лизавета Васильевна было существо добрѣйшее и милѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ. Не было въ сосѣдствѣ праздника, прогулки, путешествія, чтобы она не присутствовала съ цѣлою стаей своихъ дворовыхъ дѣвушекъ. Идутъ ли на богомолье — она тутъ; собираются ли куда-нибудь за ягодами — Лизавета Васильевна съ своими дѣвками тутъ. Свадьба ли гдѣ за-гвараетъ — Лизавета Васильевна шьетъ, кроитъ, рѣжетъ, рабо-

таетъ больше всѣхъ. При своемъ добрѣйшемъ, веселомъ и уживчивомъ характерѣ она была любима всѣми; но за то ужъ язычокъ у Лизаветы Васильевны былъ—извините! тайны у нея на душѣ не было. Если она знала что—нибудь, такъ ужъ это немедленно узнавали всѣ. Разъ, при ней, не выдержалъ помѣщикъ Фроловъ и хватилъ въ ухо свою благовѣрную; Лизавета Васильевна употребила всю горячку своего сердца, чтобы примирить супруговъ, на колѣняхъ стояла передъ Фроловой, чтобы она простила мужа;—все-таки тотчасъ же разнесла по околотку, какъ подрались Фроловы.

Звановъ все это узналъ, потому и разсудилъ, что еслибы онъ не пошелъ подъ березы, то Лизавета Васильевна на другой же день разсказала бы Сонѣ все: «вотъ-де московской-то храбрецъ вызвался сходить къ Аграфенѣ, да и струсилъ, такъ что послѣ нянька въ другую комнату провожала. Естественно, что молодой человекъ не могъ перенести этой мысли.

Да и что такое за важность пройти дворъ, садъ, оврагъ и войти къ Аграфенѣ? Правда, Аграфена была странная женщина. Разсказывали, что у нея умеръ мужъ, котораго она страшно любила; что послѣ смерти его она каждую ночь убѣгала на кладбище, откуда не разъ приносили ее безъ памяти; что послѣ этого, будто, къ ней сталъ летать огненный змѣй, т. е. нечистый въ видѣ змѣя, который, прилетѣвъ къ ней, обращался въ ея мужа. Старуха почти ни съ кѣмъ не говорила, или говорила мало; пропадала она иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Гдѣ она бывала—никто не зналъ. Одни говорили, что она колдунья, другіе—богомолка, третьи—сумасшедшая; иные увѣрили, что она сдѣлала много добра, другіе—что она приворожила такого-то къ такой-то и потомъ женила, послѣ чего мужъ-то, чу, снился, а жена удавилась, — однимъ словомъ, это была странная старуха. Но Леониду Сергѣичу никогда не доводилось съ ней говорить.

Звановъ пошелъ. Пройдя дворъ и вступивъ въ широкую пустыню сада, онъ на минуту остановился и невольно подумалъ, «а зачѣмъ же я иду, не воротиться ли и сказать что былъ?» Но, вѣдь, изъ оконъ могутъ увидѣть. Леонидъ пошелъ далѣе. Морозная ночь лежала надъ полями; собственныя шаги его звонко отдавались около строеній, какъ будто съ нимъ шолъ кто-то другой, невидимый. Онъ невольно оглянулся. Бѣлая окрестность смолкла. Онъ пошелъ, и *другой* опять пошелъ за нимъ, но уже въ другомъ мѣстѣ. Вотъ Звановъ подъ березами: онъ

вадрогнулъ: кто-то вверху такъ страшно застучалъ палками, что онъ остановился, поглядѣлъ вверхъ: все было тихо, только сѣдыя вѣтви висѣли надъ нимъ молчаливо и двѣ-три звѣзды свѣтились въ небѣ; но дунулъ вѣтеръ — и, замерзшіе сучья снова застучали, какъ стучать кости у мертвецовъ въ балладахъ. «Скверно!» подумалъ Леонидъ, а дѣлать нечего! Онъ сталъ спускаться въ оврагъ и опять остановился: внизу, возлѣ тропы, по которой ему надо было идти, лежалъ кто-то черный; въ молчаніи ночи слышалось, что тамъ кто-то ворочался. Звановъ, какъ околдованный, не могъ ни вернуться, ни идти далѣе: кто-то сверкнулъ въ чернотѣ. Звѣзда закачалась въ водѣ, и только тутъ нашъ спутникъ вспомнилъ, что это родникъ и что въ этомъ мѣстѣ вода никогда не замерзаетъ. Вода на бѣломъ снѣгѣ казалась черною. Звановъ прошолъ мимо ручья, журчанье котораго было какъ-то странно въ замерзлой природѣ. Наконецъ онъ подошелъ къ избѣ и вступилъ не безъ робости въ сѣни. Ободрившись, однако, онъ тихо отворилъ дверь и тутъ ужь окончательно сдѣла могъ устоять на мѣстѣ. Сначала поразилъ его ослѣпительный блескъ, потомъ, когда паръ, ворвавшійся въ избу со свѣжаго воздуха, разсѣялся, онъ увидѣлъ, спиною къ нему, покрытую всю въ бѣломъ, какъ въ саванѣ, женщину, которая сидѣла совершенно будто каменнѣя. По бокамъ у нея, на столѣ, покрытомъ бѣлою же скатертью, стояли двѣ свѣчки; передъ нею было зеркало, а въ рукахъ другое. Звановъ рѣшительно не зналъ что дѣлаетъ Аграфена. Но, взглянувъ на блѣдную, точно мертвую, руку, держащую зеркало, онъ увидѣлъ, что рука эта — не старухи. Между-тѣмъ, женщина, несмотря на его приходъ, сидѣла, какъ статуя. Движеніемъ своимъ боясь нарушить странную тишину, Звановъ обдумывалъ: уйти ему или остаться. Наконецъ онъ рѣшился узнать, что это была за женщина, и заглянулъ въ зеркало: судите же его изумленіе, когда онъ увидѣлъ Соню, которая была бѣла, какъ мраморъ, и большіе глаза ея, неподвижные какъ у мертвеца, смотрѣли вдаль; но въ то самое мгновеніе, какъ Леонидъ увидѣлъ се въ зеркалѣ, дѣвушка вскочила въ страшномъ ужасѣ, уронила столъ, свѣчи, и съ крикомъ: «онъ, онъ, Боже мой, онъ!» бросилась бѣжать. Звановъ поспѣшилъ за ней, но Софья какъ вихрь мчалась по снѣжному полю. Мы видѣли, въ какомъ смущеніи воротился Леонидъ Сергѣичъ въ комнаты.

VI.

Ранняя зимняя ночь опять стемнѣла подъ березами. Въ избѣ у Аграфены свѣтилась лампада; сама она въ полумракѣ сидѣла, опершись локтями на столъ и пристально смотрѣла въ поле. Померкшая снѣжная окрестность лежала за избой. Черный огородъ бѣжалъ вокругъ, кой-гдѣ темнѣли кусты деревьевъ. Вдали стоялъ лѣсъ; съ горы сползала какая-то черная масса: это, вѣроятно, запоздавшія дровни крестьянина тащила деревянная кляча. Въ окрестныхъ деревняхъ, какъ искры, вспыхивали огоньки и потухали. Тишина была въ избѣ, еще тише было въ полѣ, но никто бы не сказалъ, что это тишина мертвая. Надъ избой висѣла огненный змѣй, недавно испугавшій Федору Ларионовну. Это было не что иное, какъ обледенѣлое деревцо, стоявшее передъ избой Аграфены, и освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ лампады. Изъ комнатъ господскаго дома видна была только змѣеобразная его вершинка, которая горѣла весьма ярко, если зажигалась въ избѣ лучина.

Чьи-то шаги послышались въ сѣняхъ и дверь отворилась.

— Баушка, ты?

— Это ты Софьюшка? Войди, свѣтикъ, я огонька вздую! Здорово, моя голубушка, можешь-ли?

— Слава Богу, баушка. Что это ты въ потемкахъ-то сидишь?

— Да что, матушка, даромъ лучину-то жечь! Работать-то слѣва стала, да и не горазда,—говорила Аграфена, высѣкая огонь, хотя огонь и былъ въ лампадѣ.

Зажженная лучина вскорѣ освѣтила избу, знакомую намъ дѣвушку и Аграфену. Это была высокая, стройная женщина, съ худощавыми чертами лица и черными глазами. Никто бы не далъ ей тѣхъ 70-ти лѣтъ, которыя она имѣла, еслибъ не сѣдой клочъ волосъ, который выбился на вискѣ изъ-подъ чернаго платка. Бѣлый, какъ снѣгъ, цвѣтъ кожи, черные, ясные, совершенно молодые глаза, и въ особенности руки, худыя, изсохшія, но чрезвычайно красивыя, говорили, что старуха была когда-то красавица. Все лицо ея было бы строго, еслибъ не глаза ея, въ которыхъ была бездна глубокой иѣжности.

— Съ огнемъ-то, матушка, все какъ-то суетливо, да покойно; то да другое; а какъ ляжетъ тьма-то ночная, такъ такъ хорошо на душѣ-то становится.

Старуха и Соня сѣли возли свѣтца, въ которомъ ярко горѣла лучина; возлѣ задумчиваго и строгаго лица старухи Соня казалась еще милѣе; но на лицѣ ея было теперь столько тревоги, столько безпокойства.

— Ну, что у васъ въ Толстуханѣ-то, матушка? здорова ли Лизавета Васильевна? Давно я у васъ не была.

— Давно, давно; и барышня-то все тебя поминала.

— Приду, приду, матушка.

Старуха и дѣвушка замолчали. Соня скинула шубу, платокъ съ головы и, опершись локтями на столъ, кусала ногти.

— Въ прошломъ-то году, — говорила старуха, — именно вотъ въ эту ночь, Дарьюшка-то слила олово и вылила себѣ гробъ. Вотъ оно какъ!

— Не-уже-ли? — быстро спросила дѣвушка.

— Да какъ же! И умерла ноньче въ петровки, — царство ей небесное.

Собесѣдницы снова замолчали. Соня перемѣнила лучину и опять тревога выразилась у нея на лицѣ.

— Баушка... сказала она.

— Что, дитятко? — отвѣтила Аграфена.

— Неужто и впрямь можно угадать свою судьбу?

— А какъ же, матушка! не во всякое время и не всякому; а судьбы Божіи нерѣдко открываются человѣку. Да какъ же и быть-то иначе? кому же пытаться ихъ, коли не человѣку? Зачѣмъ же и тайны Божіи, если не въ разумъ и не въ поученіе ему?..

— Баушка... прервала дѣвушка старуху, сильно покраснѣвъ.

— Что родная моя?

— Я пришла къ тебѣ...

Соня замолчала.

— Что матушка?

— Я... какія же тайны, Аграфенушка, какія тайны? — спрашивала Соня старую собесѣдницу.

— Да тайны Божіи! Вѣдь, онѣ всюду, матушка, и въ лѣсѣ темномъ, и въ омутѣ черномъ, и въ тьмѣ полуночной, и въ листѣ древесномъ, и въ солнцѣ красномъ и во взглядѣ ясномъ...

— Какія же это тайны, баушка, расскажи. Я знаю, что омутъ страшень, что тамъ...

— Да, матушка, все страшно, оттого, что все вѣковѣчно; повсюду скрыты вѣкожизненные силы. Отъ тверди небесной до волны рѣчной — все имѣетъ душу живу. Погляди-ка велика ли

травка-то, цвѣтикъ полевой, а, вѣдь, растеть самъ собой, нѣкого не просить, да еще цѣлить тебя отъ болѣзни, а иной разъ...

Старуха замолчала.

— Что же, баушка?

Иной разъ и бѣду нагоняеть.

— Бѣду!..

— А какъ же, матушка, умному все раскрывается. Весь вольный свѣтъ начался отъ суда Божіи. Старые люди говаривали, что наши помыслы отъ облакъ небесныхъ, а тѣлеса-то наши отъ сырой земли, слѣдовательно, какъ намъ и не знать свое? Ни одной пылинки нѣтъ въ мірѣ, чтобы она не была на потребу, и всякое быліе полевое, значить, имѣеть силу первоизданную, свою, т. е., животворную душу. Вотъ ты ее и постигай и знай, зачѣмъ она, для какой цѣли заронилаь изъ-подъ ризъ Божіихъ. Вѣдь, матушка, все то, что есть, создано Богомъ живымъ или, какъ говорится, чу, въ книгахъ старыхъ: все то, что мы видимъ, есть обликъ божественный. Отъ того-то все и живо, и сильно, и грозно!

— Баушка...

— Что, матушка?

— Я... пришла...

— Что тебѣ надо, дитятко?

— Нѣтъ, я пришла съ просьбою...

— Что тебѣ, матушка?

— Я... я... ты говоришь, баушка... что все можно знать, что все дано человѣку и что...

— Все, матушка, имѣеть душу живу, оттого и человѣкъ ее имѣеть; онъ самъ родится изъ персти земной, оттого намъ я мать—сыра-земля: она кормить, веселить и покоить насъ, потому мы ея дѣти, значить и тайны ея намъ свѣдомы. Чего не откроешь мать умному сыну? Вотъ и есть эти великоумные люди, которые...

— Какіе, какіе баушка?

— А такіе, свѣтъ мой, которые знаютъ великія тайны великой матери нашей, природы, которые знаютъ силу травы полуночной и луча луннаго, силу волны журчащей и слова перелетнаго.

— Баушка, голубушка я... я...

— Что, что Софьюшка?

— Голубушка, родная... говорила Соня, бросаь на шею старухи.

— Что тебѣ, свѣтикъ мой?

— Баушка, милеиушка, помоги, я знаю, что ты можешь, помоги мнѣ!

— Да въ чемъ, радость моя? что съ тобой?—спросила старуха.

Теперь только замѣтивъ тревогу на лицѣ молодой своей собесѣдницы, она взглянула черными своими глазами на дѣвушку, которая не вынесла этого искрометнаго взора, вспыхнула, какъ заря, и потупила глаза.

— Что съ тобой, мой свѣтикъ?—спрашивала старуха.

— Незнаю, баушка,—почти прошептала Соня.

— Да что матушка, можется ли тебѣ, радость?

— Да, матушка, Аграфенушка, неможется, кажется, т. е. не то, что-бы.

— Что же съ тобою, Софьюшка? расскажи, ради Бога. На тебѣ лица невидно, Господь съ тобой!

— Не знаю, баушка, только мнѣ тошно... Ахъ да не гляди на меня такъ, баушка!.. и дѣвушка закрыла лицо руками.

Старуха замолчала, перемѣнила лучину, сложила руки на груди, и глубоко вздохнула. Уставивъ въ полѣ темныя глаза свои, она молчала; только лицо ея, какъ тѣню, покрылось глубокой, невыразимо-грустной думой. Соня тоже сидѣла и не знала что дѣлать, отъ внутренняго волненія; она то кусала губы, то вертѣла синюю ленту, которая была вплетена въ косѣ ея, то мяла свой бѣлый фартукъ, наконецъ встала, быстро сѣла возлѣ старухи и, обнявъ ее, скрыла лицо свое на костлявомъ плечѣ и говорила:

— Баушка, помоги, родимая—тошно мнѣ!

— Да что ты, мой свѣтъ, говори.

— Баушка...

— Ну...

— Я вчера въ зеркало глядѣла...

— Что же, родная?

— Видѣла..

— Кого?

Дѣвушка замолчала...

— Кого же, свѣтикъ?

— Суженаго,—чуть-слышно отвѣтила Соня.

— Велика сила взора человѣческаго,—молвила старуха;—онъ смотритъ и въ бездны небесныя, и въ глуби морскія, и въ пропасти земляныя; онъ лечитъ и убиваетъ иногда, Софьюшка,

вотъ оно что взоръ-то человѣка! чрезъ него исходятъ великія силы: думы и помыслы человѣка.

— Я видѣла его, золотая моя: онъ мой, значить, баушка? значить, онъ мой суженый—А? баушка!—спрашивала дѣвушка, тряся старуху за плечо, —мой, —а?

— Да кто, Софья, кто? кого ты видѣла?

Соня опять стала кусать свои ногти, но потомъ наклонилась къ уху старухѣ, что-то шепнула и сильно покраснѣла.

— Старуха, въ свою очередь, замолчала, потомъ, обративъ худое свое лицо на юный и горѣвшій ликъ своей подруги, сказала:

— Любовь не пожаръ, а загорится—не потушишь; но все же пожаръ можно погасить вначалѣ, а послѣ... Туши, Соня, туши!

— Баушка, миленушка, помоги мнѣ, тошно, родная! умру я...

— Да что же съ тобою, Софьюшка? развѣ ужь...

— Здѣсь, здѣсь родная, подъ березами мы гадали. Онъ... ахъ, баушка! я умру, помоги Аграфенушка, научи—ты, вѣдь, сама говорила, что человѣкъ все можетъ, изъ dna морского выпнуть, лучъ со звѣзды вырвать...

— Ахъ Соня, Соня, все можно да, вѣдь, можно и сгубить себя... Вѣдь онъ—баринъ, Софья!

— Да, вѣдь, я его видѣла! вскричала, поблѣднѣвъ дѣвушка, —здѣсь въ зеркалѣ, онъ ко мнѣ пришло.

— Ахъ, Соня, Соня! знаешь ли что. Расскажу тебѣ я былъ старинную, кручинную, но былъ, былъ про себя самое. Знаешь, вѣдь, у всякаго, и у стараго и у малаго, свой воронъ! Назадъ тому лѣтъ 50 слишкомъ, я была такъ же молода, какъ ты, и такъ же, можетъ, красива какъ ты; была и коса такая же трубчатая, какъ твоя, и грудь лебединая, и такое же личико разгорчивое. Я только была черноволоса, а ты вотъ бѣлянка. Жили мы богато; отецъ мой былъ отпущенъ на волю, но оставался управляющимъ у богатѣйшаго князя—не стану ужь называть его; старый-то князь умеръ, а молодой служилъ въ Петербургѣ при дворѣ. Вдругъ, слышимъ, собирается князь къ намъ. Стали готовить покой. Лѣтомъ и дѣйствительно пріѣхалъ. Вотъ намъ всѣмъ дѣвушкамъ страшно хотѣлось увидѣть молодаго князя, котораго мы совсѣмъ и не знали. Разъ гуляли мы подлѣ сада въ рощѣ; только-что вошли въ аллею-то, а смотримъ, князь-то и идетъ. Дѣвушки—которыя отбѣжали, другія въ кусты сартались, а я,

ни жива, ни мертва, отутчалась прямо передъ нимъ—передъ юною неизобразимой красоты, Софьюшка.

«Здравствуйте, говорить, милушка, какъ васъ зовуть?» «Груня, молъ, ваше сіятельство». «Вы гуляете? Пойдемте со мной, покажите мнѣ садъ; вѣдь, я его совсѣмъ не помню». Онъ сталъ ходить со мной и все хвалилъ меня. «Какія, говорить, вы красивыя! Какъ это вы въ деревнѣ уродились такія?» Походивъ порядочно, онъ сказалъ: «Ну, спасибо вамъ. Пойдемте ко мнѣ: я васъ поблагодарю». И онъ взялъ меня за руку да такъ и пошелъ въ комнаты. Не помня себя, вошла я къ нему въ кабинетъ. Онъ, матушка, взялъ со стола брильянтовую пряжку, да собственными руками—и теперь даже страшно вспомнить, Софьюшка—собственными-то бѣлыми руками и приколомъ ее къ моей груди, а грудь-то, Соня, была, что твоя, лебединая! Я хотѣла поцѣловать руку, а онъ не далъ, обнялъ меня и поцѣловалъ прямо въ губы. Не помню, какъ я пришла домой, только помню, что весь этотъ день и ночь я была какъ въ огнѣ и не сомкнула глазъ ни на волосъ. Боялась съ ума сойти.

Старуха замолчала. Слушательница выплыла въ нее глазами и спрашивала:

Чтожь, что же, баушка?

— Ну что! Изъ сердца не вынешь, а въ сердце не вложишь. Какъ одинъ денечекъ прошло все лѣто; я, какъ ангелъ въ небѣ, витала; потомъ князь уѣхалъ въ Питеръ, и я съ нимъ. Тамъ ходила въ бархатѣ, на пуху лебяжьемъ почивала, какиими ситцевными, какъ горохомъ, катала, но...

— Но что же? измѣнилъ, покинулъ?

— Нѣтъ, моя радость, не измѣнилъ, а покинулъ—умеръ!

— Умеръ! вскричала въ ужасѣ Софья... А ты?

— Вотъ видишь, жива! Пять разъ съ могилы меня приносили по ночамъ. Разъ одними руками до самаго гроба дорылась. Съ горы было бросилась... Съ-тѣхъ-поръ, моя радость, я весь свѣтъ исходила, была и въ Іерусалимѣ и у соловецкихъ чудотворцевъ, видѣла и морскіе пески сыпучіе и горы толкучія, жила въ лѣсахъ дремучихъ и въ дебряхъ пустынныхъ, видѣла пустыню Нила Сорскаго, знала и святителей, и людей глубокомудрыхъ, которые бури укрошаютъ, тоску и радость нагоняютъ, но и теперь еще какъ вспомню...

Глаза старухи потемнѣли отъ слезъ; она замолчала.

Что же?

— Бываютъ, матушка, цѣлые дни, когда прошлая-то радость встанетъ въ думѣ, будто въ зеркалѣ, тоска душитъ невыносимая, и рада бы я была лишиться свѣту вольнаго, да видно нельзя, Софьюшка!

Трудно представить, съ какимъ вниманіемъ слушала наша бѣлянка рассказъ Аграфены; только старуха достигла вовсе не той цѣли, которой надѣялась. Дѣвушка опять впала въ тревожное раздумье и, немного погодя, сказала:

— Вѣдь вотъ ты сама же говоришь: есть люди, которые могутъ знать и судьбу нашу и читать, что у кого на сердцѣ...

— Можно, душенька моя, можно. Все открывается Божьей волей человѣку. Есть люди умудренные; видала я сама много на вѣку своемъ.

— Баушка, голубушка!—вскричала Соня, бросаясь на шею старой своей собесѣдницы,—научи меня, помоги, ради Бога помоги!

— Да что тебѣ, дитятко, надо?

— Узнай, любить-ли онъ меня, узнай!

Старуха задумалась и сказала наконецъ:

— Непытуй сердца человѣческаго, Соня. Повѣрь, нехудо, что въкожизненная премудрость не всѣмъ открываетъ судьбы: иной разъ лучше не знать ихъ.

— Нѣтъ, баушка, ради Господа, молю тебя, лучше знать: пусть будетъ, что будетъ. Узнай, можно?

— Можно, отвѣтила старуха.

— Какъ?—спросила дѣвушка и, блѣдная какъ смерть, вонзая свои большіе глаза въ уста старухи; но та молчала.

— Есть у человѣка,—начала, немного погодя, Аграфена,—дѣ силы, двѣ власти великія; нѣтъ ничего въ свѣтѣ сильнѣе этихъ силъ: онѣ громами повелѣваютъ, дожди и сушу посылаютъ, онѣ вѣтру путь даютъ, онѣ дно морское открываютъ и горы переставляютъ, онѣ вяжутъ и разрѣшаютъ, раскрываютъ сердце человѣка, онѣ движутъ его помыслами, онѣ шлютъ любовь или нелюбовь, онѣ, Софьюшка, говорятъ, встарину, онѣ...

Что, баушка?—спросила, поблѣднѣвъ, Соня.

Старуха помолчала немного, потомъ, наклонивъ, разгорѣвшееся лицо свое къ Сонѣ, сказала тихо:

— Мертвыхъ, говорятъ, поднимали изъ гроба—такъ хочешь ли ты съ этими силами вѣдаться—а?

Соня, въ ужасѣ, отклонилась отъ стурухи, которая стала еще блѣднѣе, и безсознательно проговорила:

— Какія же это силы, баушка Аграфена?

— Первая изъ этихъ силъ,—продолжала та, какъ-будто не видя и не слыша Сони,—взоръ человѣка! Это окно той храминны, въ которой заключено дыханіе Божіе. Черезъ это окно выходитъ эта непобѣдимая, божественная мудрость; и змій отъ нея бѣжалъ, и левъ, царь пустыни, ложился у ногъ человѣка, и звѣрь дикій скрывался, и тучи расходились сторонами...

— Баушка, неужели?...

— Да, матушка, и посильнѣй твари безсловесной—человѣкъ, какъ агнецъ, покоряется этой власти, только будь мудръ.

— А вторая-то сила?—робко спросила дѣвушка.

— Вторая... повторила старуха и замолчала: она, какъ будто, собиралась съ мыслями.

— Да, да, вторая.

— Слово!—отвѣтила старуха и вперила очи въ дѣвушку.

— Слово!—промолвила та въ удивленіи.

— Да, слово, то слово, которое родилось въ пресвѣтломъ раю, ходило, носилось по всему свѣту вольному, изсѣкало воду изъ горъ каменныхъ, раздѣляло надвое глуби черноморскія. Имъ, матушка, солнце остановилось, небеса омрачались, земля сотрясалась, камни распадались, сердца раскрывались, подымались и бились народы—да, матушка, это—слово человѣка.

Дѣвушка внимала рѣчамъ старой женщины и плохо понимала, къ чему ведутъ онѣ; но у нея слишкомъ много было въ сердцѣ, чтобы остаться только при намекахъ.

— Такъ какъ же, баушка? Научи меня.

— А вотъ, матушка: встань ты въ полночь глубокоу, въ полнолуніе, и ступай въ комнату, гдѣ онъ спитъ. Возьми его за правую руку, смотри ему въ закрытыя очи, склонись къ устамъ и проговори тихо, такъ, чтобы только слышала ночь трепетная...

Разскащица наклонилась къ уху своей сосѣдки и что-то прошептала.

— Слышала, матушка?

— Слышала.

— И онъ полюбитъ?

— Говорятъ, матушка.

— Страшно, баушка!

— Ну, матушка, страшно, тань не ходи.

Софья поспѣшно надѣла шубу, обняла старуху и побѣжала съ такимъ же вихремъ чувствъ и помысловъ, какой крутилъ снѣгъ подъ ея ногами.

VII.

Слѣдующій день былъ для Сони чистая пытка. Кто не извѣдалъ могучаго и благословеннаго чувства, которому покорно все живое? кто не знаетъ его блаженства, съ которымъ едва-ли можетъ сравниться другое какое-либо счастье? но кто же не знаетъ и его мукъ, этихъ терзающихъ сомнѣній, безнадежнаго отчаянія? Короткій зимній день казался Сонѣ безконечнымъ, а съ другой стороны она съ ужасомъ ждала и ночи: идти къ нему одной, ночью, въ его спальню! ужасъ! Ну, если онъ проснется, что онъ подумаетъ? Ну, если ее увидятъ: ее опозорятъ и передъ кѣмъ же! передъ нимъ! О, Боже!—что дѣлать? Между тѣмъ солнце уже сѣло за бѣлую поляну; необъятное стадо воронъ носилось на потемнѣвшихъ небесахъ; вотъ уже и они исчезли неизвѣстно куда; сумракъ легъ на снѣжныя пустыни; вспыхнули звѣзды на синемъ небосклонѣ; засверкали какіе-то огни въ чистомъ полѣ; кто говорилъ—это огоньки въ окнахъ деревни, кто—глаза волка, а другіе, что это кладъ кажется Лизавета Васильевна благословила Соню и ушла спать, а Соня отправилась въ свою свѣтлицу, куда и мы должны послѣдовать за нею. Соня дѣйствительно жила вверху, въ небольшой комнатѣ, которая звалась свѣтлкой. Она тихо взопла по лѣстницѣ, зажгла свѣчу и бросилась на постель; черезъ нѣсколько минутъ она встала и сѣла неподвижно на постели. Бѣлое личико ея, какъ-будто, постарѣло.—такъ оно было полно тревоги, брови сжаты, губы укусаны, подъ глазами сине. «Ахъ, Боже мой! вскричала она Пресвятая Богородица—что мнѣ дѣлать» Она посмотрѣла въ окно: темно. Въ Нелидовѣ, однакожь огни; вотъ огонь въ его гостиной: онъ тутъ спитъ, онъ читаетъ. «О, духи вѣковѣчные, думала бѣдная, скажите ему какъ любить его Соня!» Она опустила занавѣску; сѣла за столъ. На столѣ лежала истасканная книга — пѣсенникъ. Соня закрыла глаза и наудачу развернула книгу: что откроется? Открылось:

Для тебя, отстала я отъ всѣхъ.

И отъ батюшки, и отъ матушки.

Я покинула родиму сторону,

Расплеза я носу русую,
Повѣривши другу милому.

Соня улыбнулась, поспѣшно встала и опять отдернула занавѣску. Темная ночь опять кинулась ей въ очи, но огни въ за-вѣтныхъ окнахъ горѣли. «О, Боже мой! что мнѣ дѣлать?» Она отодвинула ящикъ, взяла тетрадку, въ которой, разными руками, было писано, по ея просьбѣ, все, что ей нравилось. Между этиими листами былъ засохшій цвѣтокъ: въ прошлое лѣто они гадали *любитъ не любитъ*; ему вышло «не любитъ». Онъ разсердился и бросилъ цвѣтокъ, а она потихоньку подняла и сберегла его. О, какъ ей хотѣлось сказать ему вслѣдъ: «любитъ»! Но, чу! что это? Соня притаила дыханіе — да, пѣтухи поютъ. Боже мой, теперь пора! Она подняла занавѣску — ужасъ! огни погасли. Онъ зоветъ, зоветъ!» Дѣвушка отошла отъ окна и какъ статуя, стояла посреди комнаты. «Не пойду, боюсь», сказала она; «какъ воровка ночью въ чужой домъ. Да и вретъ эта старая колдунья.» Соня опять отдернула занавѣску: да, огни нѣтъ; онъ спитъ; онъ и не думаетъ о ней. Вотъ имъ женскія-то слезы: обнялъ, поцѣловалъ; зажегъ пожаръ въ сердцѣ дѣвушки — да и бросилъ, гори! Вотъ увидеть, послѣ Крещенья, чу, ѣдутъ! тамъ другая — о ужасъ!» Дѣвушка отошла отъ окна и быстро стала одѣваться. Потомъ, совсѣмъ одѣтая, въ раздумья, опять сѣла у стола. Что дѣлать: идти или не идти? Вдругъ мелькнула у нея мысль: она открыла ящикъ въ столѣ и вынула оттуда «Соломона.» Глупая рожа, изображающая будто-бы солнце, во всѣ глаза глянула на чистый ликъ дѣвушки, и Сонѣ даже страшно стало: круглый ликъ точно говорилъ ей; но что?.. Соня взяла ржаное сѣмечко и бросила: сѣмя упало на цифру два. Соня нашла эту цифру и прочитала: *будетъ тебѣ, человѣче, якоже ты хочешь по желанію твоему, но не вскорѣ узриши.* Соня задумалась: что это значить? Дай еще кину! выпло 50. *Готовъ путь твой и врата отверсты — мысль твоя сбудется съ великою радостію.* У Сони забилось сердце.

Ну, въ третій разъ. Можно до трехъ разъ! Соня бросила сѣмя и въ третій разъ выпло 97. *Дерзай и не бойся ты, человѣче, поможетъ тебѣ Богъ по прошенію твоему.* Соня почти въ ужасѣ отбросила книгу, перекрестилась три раза передъ образомъ, потушила свѣчку и тихо стала спускаться съ лѣстницы. Все уже спало. Она отперла сѣнную дверь и вышла на дворъ; морозъ захватилъ ее дыханіе — она не чувствовала; опч-

ти въ безпамятствѣ она перебѣжала дворъ, хлопнула калиткой и вышла на дорогу. Только-что она ступила на скользкую укатанную дорогу, какъ сейчасъ увидѣла, что сзади ея изъ-подъ горы кто-то ѣдетъ. Дѣйствительно, впереди шолъ кто то, а сзади подымалась лошадь. Соня отбѣжала назадъ и встала у своего забора. Проникнутой одною мыслию, одною страстью, дѣвушка пришло на умъ еще попытать судьбу: какъ только прохожій прошолъ противъ нея, она спросила: «добрый человекъ, какъ васъ зовутъ?»—Неизвѣстный остановился и громко отвѣчалъ: «*Леонидъ.*» А васъ какъ? Отвѣта не было. Соня сначала вздрогнула, но потомъ, какъ стрѣла, бросилась бѣжать. Прибѣжавъ въ свою комнату, она крѣпко заперла дверь, какъ будто боясь, чтобы страшный путникъ не пришолъ. Наконецъ, пріявъ въ себя, она заговорила съ собой: «Такъ вотъ онъ, по гостямъ ѣздитъ, ему и дѣла нѣтъ, и горя нѣтъ...а я? Боже мой! Такъ зачѣмъ же онъ цѣловалъ меня, зачѣмъ?... О, Боже мой!...» Дѣвушка снова бросилась на постель, но сонъ бѣжалъ отъ нея; только-что смыкались глаза, чернѣйшій путникъ подходилъ къ ней и бралъ ее то за руки, то за пуховыя плечи. Соня вздрагивала и пробуждалась. Наконецъ, измученная страшною тревогою, она подошла къ окну и, приложивъ къ стеклу горячую голову, глубоко задумалась. Ночь уже была не темна, что-то *блое*, живое примѣшалось къ ея мраку; на востокъ за полями вспыхнула розовая полоса; полоса эта разгоралась все ярче и ярче, больше и больше, наконецъ пожелтѣла какъ червонное золото, какъ пламя. Изъ пожара этого вырѣзались какія-то два огромные луча: одинъ бѣлый, другой красный. Облака погрузились въ эту огромную бездну свѣта и пламени, и тоже загорѣлись. Загорѣлся дымъ, летѣвшій изъ трубъ деревенскихъ, пожелтѣли серебряныя отъ мороза вѣтви березъ и деревьевъ; загорѣлось и поле золотомъ—и бѣлый день выкатился на проснувшіяся поляны, —а дѣвушка все стояла у окна, погруженная въ глубокую думу; наконецъ на лицѣ ея обозначилось что-то въ родѣ улыбки, что-то рѣшительное и покойное показалось въ глазахъ. *Поиду*, сказала она твердо, и въ этотъ же вечеръ рѣшила прибѣгнуть къ взору и слову.

VIII.

— Вѣра, батюшка Леонидъ Сергѣичъ, вѣра! «Имѣйте вѣру съ зерно горяишно»; сказано въ писаніи, «такъ горы будутъ пере-

ставлять»—вотъ оно что! говорила на другой день вечеромъ Федора Ларіоновна, сидя за тѣмъ же столомъ; и постукивая тѣми же спицами. Марья Степановна лежала тутъ же, на диванѣ, потому что чувствовала себя нездоровой; Митя и Миша рисовали какіе то прелестныя ландшафты; черная, большая книга лежала на столѣ неразогнутая.

— Вѣра, вѣра, — твердилъ задумчиво Леонидъ Сергѣичъ. — Что такое вѣра? Хотѣлось бы и знать иное.

— Вѣра, батюшка, — виѣшался Федоръ въ разговоръ, — есть обличеніе вещей невидимыхъ, какъ видимыхъ, т. е. вещи недоступныя видѣнію, будутъ для васъ якобы видимыя.

— А вотъ что такое вѣра, перебила Федора Ларіоновна, — вотъ я тебѣ, батька мой, расскажу. У меня въ городу была одна старушка знакомая, предобрѣйшая и прелюбимѣйшая; весь городъ ее знаетъ и уважаетъ. У нея былъ одинъ сынъ и служилъ въ военной службѣ. Ужъ какъ она любила этого сына, такъ ужъ, Господи, Боже мой—я и описать тебѣ не могу! только и жила и дышала имъ.

— Ну, понятно: мать, — сказала Марья Степановна.

— Нѣтъ, матушка моя, ужъ это какъ-то мучительно до болѣзненности любила. Бывало какъ съ почтой не получить письма, такъ и клади хоть въ гробъ. Доктора то-и-знай начнутъ ѣздить. Вотъ разъ сынокъ-то и пріѣзжаетъ къ ней, повидаться, да и говоритъ: «теперь благословите, маменька, я на войну иду». Ужъ не помню, съ кѣмъ война-то тогда была, съ турками ли, съ персіянами. Такъ и поблѣднѣла моя старуха. «И не думай, говоритъ, въ гробъ, говоритъ, ты меня положишь—выходи лучше въ отставку!»

— Да нельзя, маменька.—«Какъ нельзя?»—Теперь не выпустятъ. Слегла старуха. Дѣлать, однако, нечего; надо ѣхать сынку. Вотъ старуха собрала его, провожаетъ, а сама не прощается. Поѣдемъ, говоритъ, къ Федоровской! отслужимъ молебень напутственный. Въ соборѣ-то у насъ, вѣдь, явленная Федоровская Божія Матерь». Такъ и сдѣлала: отслужила молебень, благословила тутъ же сына, приложились къ иконѣ и распростились. Старуха пріѣхала домой будто ни въ чемъ не бывало. Вотъ проходитъ годъ и два,—сынъ не ворочается; пересталъ и письма писать. Проходитъ еще годъ—писемъ все нѣтъ и сынъ не ворочается. Кончилась и война; многіе ужъ пріѣхали назадъ, кто съ ранами, кто съ крестами. Сынка нашего нѣтъ. Вотъ на-

печатанъ и списокъ убитыхъ. Глядь-поглядь—сыннокъ-отъ въ убитыхъ. Что дѣлать? сказать—значить уморить старуху; не сказать — странно: надо помянуть покойнаго, а чьи же молитвы угоднѣ Богу, какъ не материнскія? Но какъ сказать? А старуха спокойна, какъ нельзя больше. Бздить только по праздни-камъ къ Федоровской. Вотъ и начали ей понемногу намекать: что, молъ, долго нѣтъ? да куда пропалъ? да ужь живъ ли? Старуха знай твердить: живъ, да и только. Наконецъ разъ пригото-вили маленько, сказали начисто и даже списокъ показали. Старуха оттолкнула списокъ и слышать ничего не хочетъ. Это вздоръ! говорить, я поручила его Царицѣ Небесной, такъ онъ воротится,—и толковать больше нечего!» Что же, батюшка? про-шолъ годъ послѣ того, старуха въ день своихъ именинъ слу-жить молебень у Федоровской, только и входитъ какой-то офи-церъ, въ дорожной шинели. Смотритъ старуха — а это сыннокъ-отъ ея и есть. Онъ спѣшилъ на именины-то, да пожелалъ прежде къ Владычицѣ заѣхать.

— Какъ же это случилось? спросилъ Сережа, который слу-шалъ старушку съ глубочайшимъ вниманіемъ.

— А такъ, батюшка: онъ попалъ въ плѣнъ къ черкесамъ, да тамъ и прожилъ, а потомъ какъ-то ушолъ. Въ убитыхъ-то записали его ошибкой, какъ пропавшаго безъ вѣсти. Такъ вотъ, батюшка, вѣра-то что!

Въ эту минуту вошла дѣвушка и сказала, что Лизавета Ва-сильевна прислала къ Леониду Сергѣевичу, просить книжекъ по-читать. У молодого человѣка забилось сердце: Не она ли? подумалъ онъ.

— Кто приполъ? — спросила Марья Степановна.

— Федора—отвѣтила та.

Юноша всталъ и вышелъ въ дѣвичью.

— Здорова-ли Лизавета Васильевна?

— Слава Богу. Кланяться приказала; книжекъ приказала попро-сить.

— Да что жъ она къ намъ не пожалуетъ?

— Не знаю-съ. А вы то что жъ къ намъ-то-съ? ужь вѣдь не вѣсть когда были. Вотъ что значить московскіе!

— Ахъ, мой другъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Я радъ бы. Вотъ сей часъ я вынесу книги.

Молодой человѣкъ вошолъ къ себѣ, набралъ книгъ и не зналъ, какъ бы передать что-нибудь Сонѣ.

— Вотъ книги, кланяйся Лизаветѣ Васильевнѣ, да попроси, чтобы она къ намъ пожаловала, да нельзя ли...

— Что же? спросила лукаво Федора.

— Съ вами, съ дѣвушками. Маменька скучаетъ... онѣ-бы по-плы пѣсенъ.

— То есть съ Соней, — замѣтила тихо Федора. Ой ужъ вы, полноте хитрять-то!

— Ну да, и съ ней. Кланяйся ей, скажи ей, что я очень хотѣлъ бы съ ней видѣться, что я...

— Хотите ее видѣть? спросила Федора.

— Хочу.—Когда? гдѣ?

— Сегодня.

— Сегодня! — вскричалъ съ изумленіемъ Леонидъ Сергѣевичъ.—Гдѣ? Какъ?

— Когда лягутъ всѣ, придите подѣ березы, къ баушкѣ Аграфенѣ,—сказала тихо Федора.

— Такъ кланяйся же.

— Буду кланяться-съ. Будете?

— Буду, буду.

О молодость! откуда у тебя берутся такія бездны блаженства и упоенія? Гдѣ, въ какихъ тайникахъ, хранишь ты эти заповѣдныя источники счастія? И куда потомъ они скрываются, когда наступаетъ такъ называемая мудрость зрѣлости и опыта? Леонидъ Сергѣевичъ воротился въ залу съ такимъ лицомъ, что можно было подумать, онъ въ раю былъ. Онъ положительно не слыхалъ, что говорили, насилу дождался ужина, и вотъ, когда всѣ улеглись, онъ надѣлъ фуражку и отправился подѣ березы. Различныя чувства его волновали. Во-первыхъ, неизяснимая робость, потомъ опасеніе, чтобы его не видали; потомъ ему крайне стѣснительно было при Аграфенѣ: свидѣтель и кто же—старуха! странная, болтуня, вѣроятно, вообще непріятно. «Однако-же, все-таки я увижу ее, думалъ Ли, поговорю; можетъ, уговорю видѣться наединѣ». Сердце перестало у него биться, когда онъ взялся за скобку, но отворивъ дверь, онъ остановился въ изумленія: въ стоявшей противъ него дѣвушкѣ онъ почти не узналъ Сони.

Изба была ярко освѣщена; передъ образомъ горѣли двѣ лампады; на столѣ двѣ свѣчки; возлѣ стола, держась за его уголь, опутивъ черныя рѣсницы, стояла Соня. Она была въ красномъ штофномъ сарафанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ; батисто-

*

вая рубашка не скрывала ея бѣлоснѣжныхъ рукъ. Молодая грудь еще ярче вырѣзывалась блескомъ обложившаго ее позумента. Въ этой черной, закоптившей избѣ, при блѣскѣ свѣчей, Соня, въ своемъ пышномъ нарядѣ, блѣдная отъ смущенія, была очаровательна.

— Соня,—вскричалъ Леонидъ,— ты ангелъ!

Разумѣется, что все это была минута. Скоро Софья сѣла и закрыла лицо руками. Звановъ обнялъ ее и страстно поцѣловалъ въ щечу.

— Соня, скажи мнѣ, какъ ты могла родиться такой красавицей... Да полно же, мой ангелъ, закрываться-то! Такое личико— и скрываешь.

Юноша отвелъ руки ея отъ лица.

— Здравствуй, милая Соня, здравствуй.

И Звановъ снова хотѣлъ поцѣловать дѣвушку; но та слегка отклонилась отъ него и сказала:

— Здравствуйте, Леонидъ Сергѣичъ.

— Какъ ты сюда пришла, Соня? какой ангелъ завелъ тебя?

— Я была въ посидѣлкахъ,—поспѣшно сказала поселянка, хотя, по свѣжести наряда, видно было, что онъ сейчасъ надѣтъ.

— А старуха здѣсь?—тихо спросилъ Ли.

Софья замолчала; видно было, что ей трудно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Гдѣ она?—повторилъ Леонидъ.

— Ушла.

— Придетъ?

Софья опять замолчала и чрезъ нѣсколько секундъ сказала.

— Придетъ. Вы гдѣ вчера были?—робко спросила она Леонида.

— У Толбухиныхъ.

— Веселились?

— Какое веселился! Скука была страшная. Но, Соня, вѣришь ли, послѣ того вечера, — помнишь подъ березами? мнѣ тоска страшная.

— Отчего?—спросила дѣвушка, устремляя веселыя очи въ лицо юноши.

Тотъ почти сконфузился и отвѣтилъ: Не знаю... я только и думаю о тебѣ.

Соня слегка улыбнулась; молодой человекъ взялъ ее за руку и хотѣлъ вновь поцѣловать; но та вырвалась и отшла.

— Соня, — сказалъ Ли съ упрекомъ, — что это ты все отъ меня бѣгаешь? вчера убѣжала, подъ березами убѣжала... Ты боишься меня!

И Леонидъ привлекъ опять дѣвушку къ себѣ.

Та робко сѣла возлѣ него и вертѣла свою синюю ленту, которая до самаго пола падала изъ ея косы.

— Ты боишься меня? — приставалъ Ли.

— Нѣтъ, — отвѣтила его собесѣдница.

— Такъ зачѣмъ же бѣгаешь?

— Не знаю.

Упоительная мысль мелькнула въ умѣ юноши, таинственный вызовъ его черезъ Федору, свиданіе насдинѣ, нарядъ, видимо надѣтый для него...

— Соня, ангелъ мой, ты любишь меня?

Дѣвушка поблѣднѣла.

— Соня, красота моя, скажи: ты любишь меня или нѣтъ?

Соня облокотилась на столъ и закрыла лицо рукою. Ей трудно было смотрѣть, даже дышать.

— Я умру Соня, если ты не скажешь, — твердилъ, виѣ себя, Звановъ, — умру. . скажи, любишь или нѣтъ?

— *Люблю* — прешептала Соня. Леонидъ сжалъ ее въ объятіяхъ, и прижалъ уста свои къ ея горящимъ губамъ. Соня едва удержалась на ногахъ, но, вырвавшись изъ объятій, отбѣжала въ темный уголъ и закрыла лицо руками. Самъ Леонидъ Сергѣичъ не скоро пришолъ въ себя.

Но когда онъ опаматовался, когда онъ взглянулъ на зардѣвшееся лицо дѣвушки, на ея опущенныя рѣсницы, тогда только почувствовалъ, какая бездна невозмутимаго счастья лежала въ душѣ его; какимъ моремъ благополучія осынило всего его одно малое, чуть слышно сказанное, слово крестьянки: *люблю*. Знала ли Софья, что взоръ и слово сдѣлали уже свое дѣло?

— Ахъ, Соня, ты не знаешь — какое блаженство ты мнѣ подарила. Зачѣмъ же ты такъ долго меня мучила?

— Когда?

— Да, отчего ты давно не сказала?

— Я не знала.

— Когда-жь ты узнала?

— Недавно.

— А прежде не знала? — спрашивалъ молодой человѣкъ, цѣлуя

восковую шею. Незнала! Да и не любила? — Теперь только любишь?

Дѣвушка нѣжно отклонялась отъ ласкъ и почти изнемогла отъ волненія.

— Ты теперь только меня любишь?—твердилъ Леонидъ, держа бѣлыя руки.

— Любила и прежде, но не знала: узнала недавно. А вы?—робко спросила Софья, слегка поблѣднѣвъ.

— Соня!

— Да, вы? спрашивала твердо она, обнявъ рукою Леонида и смотря ему прямо въ глаза — вы?

— Соня! можешь ли ты сомнѣваться?

— Любите, а? любите?

— О ангелъ мой, люблю, люблю больше всего на свѣтѣ.

— Любите, — почти стонала дѣвушка, — навѣчно, навѣчно?

— О вѣчно, вѣчно.

Дѣвушка взяла въ обѣ руки голову Леонида, устремивъ свои большіе голубые глаза прямо ему въ очи и, какъ въ бреду, говорила:

«Мечитесь тоски,
«Бросьтесь тоски,
«Въ буйную голову,
«Въ волю и хотѣніе,
«Въ кровь горячую.

— Что ты, мой ангелъ, шепчешь?—спрашивалъ съ недоумѣніемъ Ли, цѣлуя ея руку.

— Соня, вмѣсто отвѣта, говорила:

«Чтобы я ему казалась
«Милѣ свѣту блага,
«Краше солнца пресвѣтлаго.

О, мой, ангелъ! и дѣвушка, въ изнеможеніи, бросилась на шею къ своему возлюбленному.

Есть мгновенія, читатели, которыя не описываются. Они потому и мгновенія, что будь они продолжительнѣе, слабый человѣческій составъ сокрушился бы отъ бездны блаженства.

Молодой человѣкъ каждый вечеръ видѣлся съ Софьей. Старуха куда-то ушла и надолго. Въ такихъ случаяхъ она отдавала ключъ отъ своей избы Сонѣ, которую, по странной симпатіи, она чрезвычайно любила. Софья завѣдывала ея хозяйствомъ. Всѣ это знали, а потому ни для кого не было удивительнымъ, что Аграфенина подруга ходила къ ней въ избу, въ ея отсутствіе.

IX.

День меркнетъ ночью, а человекъ — печалью, говорить русская пословица. Стало туманиться лицо Марьи Степановны. Виѣсто прежней радости, покрывалось оно иногда глубокой печалью; нерѣдко выпадала и слеза, которую Марья Степановна поспѣшно вытирала платкомъ. Дѣло въ томъ, что дѣти должны были скоро ее покинуть, а она чувствовала себя какъ-то не очень хорошо. Вотъ ужъ прошолъ и срокъ зимнихъ вакацій, но кто же заговорить объ отъѣзда? Неужели мать? Неужели Миша, который, по поясъ въ снѣгу, окруженный собаками и мальчишками, бродилъ по окружнымъ полямъ и лѣсамъ, забывъ, что существуетъ гдѣ-то гимназія; неужели Леонидъ? Последнему страшно было смотрѣть на тоску матери. На ея святомъ лицѣ онъ читалъ безсловесный упрекъ, безмолвный судъ своему сердцу, высказанный безъ вѣдома самаго судьи. Ему тошно было, что на безысходную скорбь матери онъ не могъ отвѣтить тѣмъ же нераздѣльнымъ чувствомъ, тою же нераздѣльною скорбью. Несмотря на то, онъ любилъ мать страстно. Леонидъ принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, изъ которыхъ выходятъ или сильные люди, или замѣчательные негодяи. Онъ говорилъ о своихъ чувствахъ мало, а иногда даже во вредъ себѣ, такъ-что клеветалъ нерѣдко на себя; но чувствовалъ онъ глубоко; онъ очень хорошо постигалъ всю силу скорби матерниной; онъ не разъ хотѣлъ броситься еѣ на шею и высказать все... Но молодость, молодость! Опасеніе за нее, за ту, въ которой для молодого сердца было все... Борьба счастья съ тоскою была невыносима. Утро встрѣчалъ онъ съ ужасомъ; днемъ — ближе къ разлукѣ, а вечеръ провожалъ въ блаженствѣ съ Соней. Но время шло. Федоръ Никитичъ явился поутру и робкимъ голосомъ спросилъ Марью Степановну: «какихъ лошадей прикажете приготовить?»

— Какихъ хочешь, Федя, — коротко отвѣтила Марья Степановна. Тотъ постоялъ, постоялъ и пошолъ. Вотъ и утро настало роковое. Крытые сани, запряженные тройкой рыжихъ лошадей, стояли уже у крыльца. Путники одѣлись молча, грустно. Миша плакалъ навзрыдъ; Сережа ревелъ во все горло. Леонидъ не плакалъ, но, смотря на мать, положительно боялся, чтобъ она не умерла. Марья Степановна, съ сухими, впальши глазами, блѣдная и худая, едва удержалась на ногахъ; слезы она

уже выплакала ночью. Дѣти бросились ей на шею; она молча ихъ обнимала и крестила. «Прощайте, прости Миша, молитесь за меня, ангелы мои! Простите.»

— Матушка, хоть ты въ сѣни-то не выходи! кричала, вся въ слезахъ, Федора Ларионовна, и схватила Марью Степановну.

— Пустите! — только могла сказать Марья Степановна и оттолкнула старуху.

— Маменька, ангелъ мой! не ходите,—кричалъ Миша.

Лошади тронулись, Марью Степановну унесли безъ чувствъ на постель. Миша скрылъ лицо въ подушку. Но Леонидъ почувствовалъ въ душѣ своей что-то такое, чего онъ никогда не испытывалъ. Это было не горе, не скорбь, не отчаяніе, а что-то такое, что превосходило все это, взятое вмѣстѣ. Какъ тотъ фіалъ, въ которомъ нѣкогда были слиты всѣ бѣдствія людскія, грудь его наполнилась какимъ-то злымъ, вѣщимъ, грозящимъ чувствомъ! Эта тоска, эта *скорбь велия*, которую, по слову евангелиста, придется нѣкогда испытать цѣлому міру, впервые была испытана имъ! Точно что-то навѣки уходило отъ него, что-то беззавѣтно-милое; точно онъ стоялъ на распутии двухъ міровъ, предъ вратами смерти, и ему надо было покинуть одинъ вѣдомый и милый, чтобы вступить въ другой—невѣдомый и потому грозный. Чувство не обмануло юношу, онъ простился навѣки съ двумя самыми дорогими сердцу сокровищами, съ матерью и молодостью.

Солнышко на лѣто, зима на морозъ, говорится у насъ, на Руси. Вотъ ужъ и февраль наступилъ. Въ срѣтеневъ день зима съ лѣтомъ встрѣтились. 28 февраля Василиій капитель: утромъ морозить, а въ полдень, гдѣ солнышко пригрѣетъ, тамъ и каплетъ; ледяныя сосульки точно бахромою обвѣсили кровлю. 1 марта—Евдокіи-свистуньи—свистить въ щели сильный вѣтеръ, но холоду не приноситъ; 4 марта Герасима-грачевника—грачи прилетѣли; 9-го сорокъ мучениковъ—сорокъ утренниковъ; прилетѣлъ куликъ изъ-заморья, принесъ весну изъ неволя. Вотъ и теплый Алексѣй—полились съ горъ потоки; Матрена-наставница—отъ утренниковъ образовался настъ, т. е. утромъ отъ мороза свѣгъ затвердѣлъ, такъ-что можно было ходить по немъ, какъ по льду. Сережа, въ своей шубкѣ, каждый день бѣгалъ по насту. Кой гдѣ показались проталинки. Дни стали такъ велики, что вогонь засвѣчать перестали. Солнце свѣтило ярко, привѣтно.

Весело становилось въ приходѣ, весело было и на душѣ чело-
вѣка, но не весело было подъ березами.

Марья Степановна, проводивъ своихъ дѣтокъ, слегла въ
постель. Прежде она, бывало, скоро выздоравливала; но
теперь какъ-то плохо поправлялась и была постоянно грустна.
Федора Ларионовна плакала нерѣдко, глядя на нее; но сама
Марья Степановна рѣшительно никогда не плакала. Только
чаще прежняго она стала сидѣть на своемъ любимомъ мѣстѣ,
предъ окномъ, и пристально смотрѣла въ любимую сторону.
Прежде передъ этимъ окномъ было только поле, да лѣсъ за
нимъ; но, лѣтъ пять назадъ, середину лѣса вырубали, и сель-
ская церковь, какъ яхонтъ, заблестала своею красною крышею
посреди изумруднаго лѣса. Вотъ въ эту-то сторону и смотрѣла
по цѣлымъ часамъ Марья Степановна, съ неизъяснимымъ выра-
женіемъ на лицѣ: то была не грусть, не слезы, а что-то глу-
боко-нѣжное, спокойное и даже мудрое: тамъ ея другъ, тамъ
ея молодость, любовь—все то, послѣ чего жизнь уже болѣе бре-
мя, чѣмъ радость.

Федоръ вошелъ въ комнату — онъ тоже похудѣлъ и какъ-то
постарѣлъ—посмотрѣлъ на Марью Степановну и вздохнулъ по-
тихоньку.

Марья Степановна его не слыхала.

— Здравствуйте, матушка Марья Степановна.

— А! здравствуй, Федя.

— Какъ вы себя чувствуете, сударыня?

— Хорошо, Федя.

— Что же вы, матушка, все печалуетесь такъ?

— Ничего, Федя, такъ какъ-то все...

— Вы погулять бы, сударыня, вышли; воздухъ-то весенній,
теплый; вѣтеркомъ бы васъ пообдуло.

— Да вотъ и то думаю, да все какъ-то слаба, Федя; ходить
даже трудно.

Федоръ украдкой вытеръ слезу и отошелъ.

Марья Степановна устремила взоръ свой въ дальнюю сторону
и снова погрузилась въ свою глубокую думу. Увы! она обду-
мывала уже великій путь, который приходилось ей совершить
скоро.

Съ горъ полились уже ручьи; вершины ихъ выставились изъ-
за бѣлаго снѣга. Чирикали весело какія-то новыя, давно неслы-
шанныя пташки. Почернѣла рѣчка. Солнце горѣло всюду и гнало

зимніе покровы; небеса синѣли. Весело свисталъ жаворонокъ; но очень невесело было въ Нелидовѣ. Тамъ все приуныло и притихло. И спицы Ѳедоры Ларионовны умолкли, и бѣготня дѣвушекъ, и разговоръ Ѳедора; даже самому Сережѣ было какъ-то скучно. Какъ онъ ни вырѣзывалъ себѣ изъ бумаги, которой Ѳедора Ларионовна давала ему теперь вдоволь, разныхъ птицъ, солдатъ, церквей, но все было невесело.

Марья Степановна лежала въ постелѣ и была чрезвычайно слаба. Разъ она пожелала встать, и дѣйствительно встала, одѣлась, хотѣла-было идти, но не могла двинуться. Ее взяли подъ руки. Она попросила подвести ее къ окнамъ. Марья Степановна поглядѣла на весеннюю природу, уронила двѣ слезы и велѣла поскорѣе посадить на любимое мѣсто—устала! Перекрестясь на церковь, она сказала Сережѣ:

— Что ты, бѣгалъ ли сегодня?

— Нѣту, мама.

— Что же другъ мой?

Мальчикъ скрылъ лицо въ ея колѣняхъ и ничего не отвѣтилъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ зарыдалъ, крича: «Мама, мама, мнѣ скучно безъ тебя, скучно!» Марья Степановнѣ сдѣлалось худо. Сережу вынесли.

Наконецъ она и сидѣть устала; ее вынесли въ спальню, раздѣли и снова положили въ постель. Это была послѣдняя прогулка Марьи Степановны.

Разъ она почувствовала себя какъ-то особенно нехорошо. Красная вечерняя заря потухала на небосклонѣ. Сумерки ложились на поле. Она позвала къ себѣ Ѳедора, который неотлучно былъ въ сосѣдней комнатѣ, и сказала тихимъ голосомъ:

— Плохо мнѣ, Ѳедя.

— Плохо-съ! Не послать ли, матушка, за докторомъ?—спросилъ тотъ, блѣднѣя.

— Нѣтъ, Ѳедя, не надо, зачѣмъ?—Потомъ повернула къ нему голову и сказала:—пора, Ѳедя!

Старикъ схватилъ сухую ея руку и зарыдалъ.

— Не плачь, Ѳедя! Воля Божія надъ нами—самъ знаешь. Всѣ тамъ будемъ. Я рада, что отхожу къ Господу, не оставляя враговъ. И *онъ-то*, голубчикъ мой, встрѣтитъ меня, какъ и прежде, незлобивую.

— Матушка, Марья Степановна, вы не упадите духомъ, вѣдь вы часто хвораете, Богъ милостивъ...

— Нѣтъ, Федя, нѣтъ, я ужь знаю...

Федя фыркалъ и едва могъ держаться на ногахъ.

Пришолъ и мальчикъ прощаться, передъ сномъ. Марья Степановна велѣла себя поднять, велѣла поднять Сережу, крѣвко сжала его въ объятіяхъ и долго не выпускала; уста ея что-то шептали. Потомъ она взяла образъ Смоленской Божіей Матери и благословила мальчика. Тотъ зарыдалъ, и Марья Степановна упала, въ изнеможеніи, на подушки.

Пріѣхалъ священникъ, исповѣдывалъ и причастилъ ее святыхъ таинъ. Больная почувствовала себя нѣсколько-лучше; она снова подозвала Федора. «Ну, Федя, прости!» сказала она, «не забудь меня. Сережу береги пуще глаза своего, я за тебя молиться буду—слышишь?»

Федоръ ничего не говорилъ, потому-что боялся зарыдать. Скоро у больной показался бредъ; бѣдной матери казались то цѣлты, то дѣти. Изрѣдка она приходила въ память и спрашивала: «что, Сережа?» Посылала благословеніе отсутствовавшимъ дѣтямъ, заповѣдывала молиться за нее. Наконецъ, когда утрення заря загорѣлась на востокъ, младенчески-добрая душа ея покинула тѣло. Смерть скоро покрыла мраморный обликъ ея своимъ строгимъ величіемъ, и только одна слеза, повисшая на рѣсницѣ, свидѣтельствовала еще о земной нѣжности ея сердца, но и та скоро высохла.

Житейское море воздвигаемое зря напастей бурю, къ тихому пристанищу твоему притекъ, волю ти... Житейское море вѣчное, обуреваемое, никогда неизмѣняемое! — Что ты такое? смѣна ли однихъ поколѣній другими, одной весны другою, жизни—тлѣніемъ, тлѣнія—жизнью; или ты— обликъ другихъ вѣковѣчныхъ силъ, неизмѣняемыхъ и навсегда живыхъ для самихъ себя? Тысячелѣтія прошли и идутъ, гадаютъ, пытаются, учатся, вѣрятъ, сомнѣваются, страдаютъ, отчаяваются, проклинаютъ—и все это для того, чтобы постигнуть тебя—что ты такое, житейское море... А ты равнодушно и неизмѣнно лежишь безбрежною ширью въ безконечномъ пространствѣ—и не даешь отвѣта! Бездна времени поглощаетъ все дорогое намъ, и насъ самихъ. Тоска отчаянія, вопли, молитвы взываютъ къ тебѣ съ вопросами: гдѣ они? что они? Дай отвѣтъ—отвѣта нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ для многихъ бѣдныхъ тѣней, которыхъ ты носишь въ волнахъ своихъ, житейское море!

Вскорѣ Леонидъ Сергѣичъ прислалъ Федору письмо, исполнен-

ное отчаянія. Въ немъ увѣдомлялъ, что, окончивъ курсъ наукъ, онъ съ радостью воспользовался предложеніемъ одной ученой экспедиціи, ѣхать вокругъ свѣта. «Прощай, добрый Федоръ» прибавилъ онъ, «надолго. Я не въ силахъ воротиться въ тѣ края, гдѣ жила она, гдѣ она любила такъ безмѣрно, а я такъ мало былъ достоинъ этой любви! Прости! Отрываю отъ сердца все, что дорого—въ жертву ей!»

Федоръ, прочитавъ письмо, бросился на постель и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ одинъ! никого изъ тѣхъ, кого онъ такъ любилъ. Но горе Федора улеглось потомъ въ тихія обыденныя формы. Жизнь потекла въ Нелидовѣ обычнымъ равнодушнымъ шагомъ, мѣрно отсчитывая день, ночь, лѣто, зиму. Только и было замѣчательнаго, что однажды Федоръ свезъ Сережу въ кадетскій корпусъ, да разъ осенью была буря сильная. Вѣтеръ рвалъ соломенные крыши мужиковъ и разносилъ по полю.

Ночь была страшно темна; однакоже, по увѣренію окружающихъ жителей, на Толбухинскомъ бугрѣ, несмотря на вихорь, всю ночь горѣла свѣчка. Возлѣ видны были какія-то двѣ тѣни, которыя исчезли, какъ только погасла свѣчка. — Утромъ избу Аграфены нашла растворенною настезь; все имущество ея оставалось тутъ, но сама она болѣе не возвращалась.

Х.

Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ опустѣло Нелидово. На дворѣ стояла апрѣльская распутица, т. е., что называется, ни проходу, ни проѣзду. Между тѣмъ противъ Нелидова, по высокому берегу, утромъ въ великую субботу, тощая тройка тащила кого-то въ телѣгѣ. Ямщикъ видимо старался придать бодрости лошадямъ, но это не всегда ему удавалось. Тройка перекидывалась то въ ту, то въ другую сторону дороги, стараясь объѣзжать колени, ямы и не вездѣ растаявшій ледъ. Колокольчикъ то замолкалъ, то звенѣлъ по пустому, невеселому полю. Телѣга спустилась къ рѣкѣ. Лѣтомъ черезъ нее курша перейдетъ, а теперь она бойко мчалась, неся иногда съ собою пни, даже цѣлыя деревья.

— Можно ли тутъ проѣхать? погоди,—сказалъ проѣзжіи ямщику.

— Да вѣдь какъ знать, можно ли,—отвѣтилъ ямщикъ, оставивъ лошадей.

— Глубоко ли тутъ?

— А Богъ знаетъ!

— Встань-ка лучше, да осмотри, нѣтъ ли гдѣ другого проѣзда. Ямщикъ задумался; но потомъ вдругъ, вмѣсто всякаго отвѣта, мхнулъ лошадей и пустился въ воду. Рѣка сбила-было тройку, а телѣгу совсѣмъ поворотила по теченію; но ямщикъ закричалъ и замахалъ руками. Лошади дернули сразу и выѣхали на другой берегъ. Старый нашъ знакомый, Федоръ Никитичъ, за-слышавъ колокольчикъ, вышелъ на дворъ и глядѣлъ за одинокою тройкой, рѣдкою гостею этихъ отдаленныхъ сторонъ. Странную какую-то грусть и почти слезы пробудилъ въ Федорѣ колокольчикъ. — Ъдетъ же къ кому нибудь на радость, думалъ онъ, къ свѣтлому-то празднику! — Когда телѣгу понесло-было по теченію, то Федоръ хотѣлъ уже бѣжать на помощь; но тройка тронулась на гору, прямо къ Нелидову. Федоръ какъ-будто чего-то испугался. Сердце въ немъ забилося сильно. Телѣга остановилась у воротъ; старикъ бросился къ пріѣзжему и тотчасъ узналъ въ весепнемъ путникѣ своего старшаго барина.

Леонидъ Сергѣичъ видѣлъ бури океана, былъ при землетрясеніи, когда поднявшееся море въ глазахъ его смыло цѣлый городъ, слышалъ грома на Андскомъ хребтѣ, видѣлъ пожаръ степей въ Америкѣ; но никогда ему не было такъ страшно, какъ въ то время, когда онъ двинулся изъ сосѣдняго города въ свое Нелидово. Какъ увидеть онъ тѣ мѣста, гдѣ жила его мать, гдѣ самъ онъ былъ нѣкогда чистъ, какъ ангелъ Божій! Путникъ думалъ, что при этихъ воспоминаніяхъ *надорвется зрѣдь отъ жуки*, и ошибся! Едва только вершины знакомыхъ березъ показались изъ-за пригорка, что-то чудное повѣяло на его душу. И чѣмъ ближе, ближе, тѣмъ знакомѣе являлись мѣста, тѣмъ отраднѣе, свѣтлѣе, благодатнѣе становилось въ сердцѣ. Наконецъ, когда онъ ступилъ въ обитель своего дѣтства, когда все вокругъ него повѣяло благодатью любви и младенчества, душа его наполнилась такимъ блаженствомъ, какого ни прежде, ни послѣ онъ не испытывалъ. Все на него смотрѣло лаской и радостью, все говорило съ нимъ, какъ съ дитятею, и отсюду неслась къ нему ея вѣчная и святая нѣжность.

— Ну, Одея, — сказала Леонидъ Сергѣичъ, — надо ѣхать къ приходу. Я сегодня же хочу отслужить панихиду и завтра быть въ церкви.

— Какъ же, батюшка, Леонидъ Сергѣичъ, — отвѣтилъ тотъ, — я ужъ велѣлъ и лошадей приготовить.

Всѣмъ извѣстно, что въ дальнихъ нашихъ заколустяхъ, гдѣ нѣтъ ни мостовъ, ни дорогъ, всѣ, желающіе быть у заутрени въ свѣтлое Христово воскресенье, ѣдутъ къ приходу засвѣтло, съ-вечера. Иначе рѣсуютъ просидѣть не только заутреню, но и обѣдню гдѣ-нибудь въ оврагѣ. У прихода всѣ, смотря по рангу, располагаются: кто у причетниковъ, кто у просвирни, кто у дьякона, аристократія же у попа. Когда Леонидъ Сергѣичъ, отслуживъ панихиду, вошелъ въ домъ священника, то сосѣдніе помѣщики и помѣщицы были уже тамъ. Почти всѣ они были ему знакомы; но какъ-то ужъ не тѣми казались, какъ прежде! Никакъ онъ не могъ заговорить съ ними въ тактъ, да и они, какъ-будто, дичились при немъ. Грустно стало Леониду: жизнь разединила! Черезъ нѣсколько времени разговоръ завязался въ залѣ. Первый подалъ къ тому поводъ Василій Никандръичъ, который, возвратясь изъ церкви, объявилъ, что онъ прочиталъ пять главъ Дѣяній, и что теперь, по милости его, къ благовѣсту все кончатъ. Фока Петровъичъ возразилъ на это глубокомысленно, что это вздоръ, что и безъ него бы кончили, какъ всегда кончаютъ.

Въ другомъ кружкѣ разговоръ шолъ одушевленнѣе: спорили о томъ, кто храбрѣе—Багратіонъ, Кутузовъ или Наполеонъ. При этомъ остроумно объясняли, что фамилія Багратіонъ значить: *Богъ-рати-онъ*, а слово Наполеонъ—*На-поль-онъ*. Въ уголку молодой человекъ предлагалъ барышнѣ прочесть великолѣпный романъ: Юрія Милославскаго; но барышня отказалась, сказавъ, что папенька ей не позволяетъ читать романы; за то онъ ей привезъ изъ Петербурга чудесную книгу, — только не романъ, а драму: Венеціанскую актрису Гюго.

Леониду чужды были всѣ эти толки, споры, разсужденія; но этому онъ даже былъ радъ. Чѣмъ шумнѣе былъ говоръ, тѣмъ уединеннѣе могъ быть онъ. Не до разговоровъ было Леониду Сергѣичу. Было близко уже къ благовѣсту. Тайная, безъ воли его выступающая, тревога овладѣла душой. О, сердце человѣческое! «Глубота ли ты, глубота, океанъ море». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Леонидъ Сергѣичъ пріѣхалъ въ церковь съ единственною цѣлю, чтобы поклониться праху матери и быть за великой службой тамъ, гдѣ бывалъ въ младенческіе годы. Но, плывя еще по океанамъ, подъ тропическими жарами, въ тѣни лѣановъ, когда находила на него тоска, онъ уносился въ тихія долины своей родины и вызывалъ тѣни прошедшаго. Въ этихъ-то тѣняхъ всегда, безъ-вѣдома его, возникалъ свѣтлый, чудный

образъ, какъ лучъ лунный, чистый. Образъ этотъ пронесся съ нимъ вокругъ свѣта, сквозь бурю страстей, мудрость опыта, знаній, и во всемъ благоуханіи нѣжной свѣжести возникъ, какъ живъ, когда онъ очутился подъ березами. Гдѣ она? что она? Спросить о ней Федора было какъ-то совѣстно, а тому и въ голову не приходило, разумѣется, говорить объ этомъ: онъ ходилъ досихъ-поръ, какъ въ чаду, и не могъ опомниться отъ радости, что пріѣхалъ старшій баринъ. Кого же? Съ мучительнымъ безпокойствомъ онъ прислушивался, не заговоритъ ли кто-нибудь хоть о Лизаветѣ Васильевнѣ. Но, какъ нарочно, о ней и помнуну не было. Онъ рѣшился было заговорить самъ; но съ ужасомъ отказался отъ этой мысли. Что можетъ онъ услышать? Вѣдь пять лѣтъ прошло! Быть можетъ, ея ужъ нѣтъ на свѣтѣ, можетъ, она умерла чхоткой, тоскуя по немъ, быть можетъ бросилась въ омутъ, ужась! А можетъ быть—Леонидъ горько улыбнулся—можетъ быть, мѣситъ она теперь въ курной избѣ квашню, торопясь испечь хлѣбы; а то, если не поспѣютъ, — мужъ придетъ, да, пожалуй, и пощочинъ надастъ, несмотря на праздникъ. Потемнѣла ея кожа чистая, выщѣбли глаза чудные и высохла грудь лебединая,—о Боже мой!» И Леонидъ Сергѣичъ сталъ гнать тревожныя мысли. Онъ сталъ прислушиваться къ шумному говору. Но неотвязныя думы не уходили.

— Да вѣдь и я чудакъ, говорилъ самъ съ собою Леонидъ, невольно стыдясь своихъ мыслей. Будто пять лѣтъ пронеслось, какъ пять дней надъ нею и надо мною. Неужели теперь сарафанъ и синяя лента въ косѣ тоже будутъ значить для меня, что прежде, на зарѣ юности, для чистоты и невинности сердца. Кого не освѣтитъ ореоломъ страстная душа юности! И Леонидъ закрылъ лицо руками, потому что готовъ былъ почти плакать. Но внезапно умолкнувшій говоръ будто пробудилъ его. Онъ взглянулъ—и впервые мгновения не зналъ что подумать!

— Не бредъ ли это воображенія—не призракъ ли? Въ дверяхъ противъ него стояла Соня, въ бѣломъ, какъ воздухъ легкомъ, платьѣ съ брильянтовой брошкой на груди. Красота дѣвушки, и въ особенности блѣдность и смущеніе на лицѣ поразило все собраніе. Софья сейчасъ только узнала отъ Федора, что Леонидъ Сергѣичъ тутъ.

— Гдѣ онъ? гдѣ?—раздался чей-то голосъ за нею, покажите, гдѣ онъ, батюшка, Леонидъ Сергѣичъ, откуда, надолго ли — и

путникъ нашъ очутился въ тучныхъ обьятіяхъ Лизаветы Васильевны.

Когда она вспомнила, наконецъ, что тутъ есть другіе ея знакомые и начала разсыпать щедро поцѣлуи, обьятія и рукожатія, Звановъ подошолъ къ Софѣ.

— Соня, уже ли ты?

Какъ заря вспыхнула та при звукахъ незабвеннаго голоса.

— А вы... ты... тотъ же Ли?

— О мой ангелъ, тотъ же. И ты не прокляла меня, ты любишь?

— Вѣчно, вѣчно! Я вѣрила, что ты веротишься.

— Вѣрила!

— Да, потому я знаю твою душу — и она, она!

— Кто она?

— А старуха Аграфена, помнишь? она постоянно увѣрjala меня, что ты вернешься. Безъ нея—я бы умерла.

И Соня рассказала про ту страшную ночь, когда старуха простилась съ нею. Аграфена ушла въ пустыню спасаться. Прощаясь съ нею, она отдала рыдающей Софѣ множество драгоценныхъ вещей, которыя старуха хранила на Толбухинскомъ курганѣ. При этомъ, утѣшая Софью, она говорила, что Леонидъ будетъ ея непремѣнно, потому что душа душу знаетъ.

— И вотъ ты любишь?—шептала Соня, глядя небесными глазами въ очи возлюбленному,—любишь?

— Вѣчно, вѣчно... а ты моя навсегда, такъ?

— О, другъ...

Леонидъ подошолъ съ Соней къ Лизаветѣ Васильевнѣ. Софья что-то шепнула ей на ухо...

— Охъ знаю, знаю, заговорила та, обращаясь къ Леониду, со слезами на глазахъ, я и прежде-то васъ, какъ родныхъ дѣтей любила. О, матушка Марья Степановна, въ селеніяхъ то небесныхъ благослови.—Съ этими словами Лизавета Васильевна подала Леониду руку своей дочери.

Само-собою разумѣется, что ни Ли, ни Соня, ни мать ея, которая подъ старость лѣтъ перестала скрывать, что Соня дочь ея, не слыхали, какъ кончился благовѣстъ, какъ понемногу выбрались всѣ изъ комнаты. Они отправились къ заутренѣ только то-

гда, какъ крестный ходъ загорѣлся вокругъ церкви и до слуха ихъ долетѣли слова великой пѣсни: *Ангелы поютъ на небесахъ; и насъ на земли сподоби, чистымъ сердцемъ Тебе славити.*

И. Дмитриевъ.

1 марта 1862 г.

Часто снился мнѣ въ дѣтскіе годы
 Чей то образъ неясный, но милый,
 И младенчески-нѣжной душою
 Онъ владѣлъ съ непонятною силою.

При сіяніи блѣдномъ лампы,
 Иногда, въ тишинѣ, среди ночи,
 На меня, съ такой лаской, глядѣли
 Чьи-то добрыя, кроткія очи.

И, казалось, тотъ образъ воздушный
 Весь былъ слитъ изъ привѣта и ласки,
 И шепталъ мнѣ таинственный голосъ
 Утѣшительно-дивныя сказки.

И я самъ былъ героемъ въ тѣхъ сказкахъ,
 Воевалъ съ великаномъ стоглазымъ,
 Бралъ на приступъ волшебныя замки,
 И весь міръ завоевывалъ разомъ.

И завѣтный таинственный образъ
 Среди кликовъ побѣдныхъ являлся,
 И ему отдавалъ я трофей,
 И онъ ласково мнѣ улыбался.

Но прошли легковѣрные годы—
 И не вѣрю ужъ больше я въ сказки,
 Только грезится что-то порою,
 Какъ смотрю въ твои милые глазки.

И хочу я и жить, и бороться,
 Полный вѣры въ завѣтныя грѣзы,
 И тебѣ отдавать, торжествуя,
 И побѣдныя лавры и розы!

И. МАЛЬМИНЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

БЛИЖАЙШАЯ СРЕДСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ВЪ НАРОДЪ.

Есть много людей самых благонамѣренныхъ, искренно-одушевленныхъ желаніемъ потрудиться для пользы общей, которымъ ничто и никогда не удается; особенно много ихъ у насъ, на Руси. Наша литература въ различныхъ видахъ представляла этотъ типъ человѣка, котораго жизнь не удалась,—доказательство что подобные люди дѣйствительно существуютъ въ обществѣ.

Кромѣ внѣшнихъ препятствій къ успѣху лучшихъ нашихъ начинаній, есть и внутреннія, заключающіяся въ нашей манерѣ приниматься за дѣло. Первое правило въ какой угодно практикѣ—сообразовать свои цѣли съ своими средствами, не браться за то, что превышаетъ силы. А этого-то намъ и не достаетъ. Несмотря на повсемѣстное распространеніе пословицы, которая за-прещаетъ «соваться въ воду, не спросившись броду», мы то-и-дѣло забываемъ это запрещеніе: оттого изъ самыхъ благихъ начинаній у насъ ничего не выходитъ; оттого и въ нашей общественной дѣятельности такъ много проектовъ неисполненныхъ, даже неначатыхъ. Въ прошломъ столѣтіи Бецкій задумалъ реформировать наши семейные нравы, отчистить ихъ отъ азіатской грубости, избавить женщину отъ того положенія, въ которомъ представляетъ ее семейная хроника Аксакова. Что можетъ возбуждать наше сочувствіе больше этого намѣренія? И какъ было бы хорошо, еслибы Бецкій сталъ понежному

приводить его въ исполненіе, обыкновенными средствами распространія образованія въ разныхъ слояхъ общества! Но онъ сочинилъ планъ, для исполненія котораго не достало бы всѣхъ средствъ русскаго народа—мудрено ли, что планъ остался безъ исполненія? Былъ и другой планъ, имѣвшій въ виду ту же цѣль, и въ проектѣ онъ дѣйствительно способенъ удовлетворить самаго ревностнаго партизана науки и промѣщенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасное дѣло сдѣлали бы всѣ эти гимназій въ губернскихъ городахъ, уѣздныя училища въ уѣздныхъ, приходскія въ селахъ; еслибы эти школы были заведены, то теперь далеко впереди были бы мы на дорогѣ образованія. Жаль только, что проектъ такъ и остался проектомъ, потому-что не была средствъ къ его исполненію! А еслибы, вмѣсто такого широкаго проекта, придумали что-нибудь поменьше, да привели въ исполненіе—пользы, безъ сомнѣнія, было бы больше.

Можетъ-быть, причина такой несоразмѣрности нашихъ проектовъ съ средствами заключается въ прославленной ширинѣ русскаго духа; только несоразмѣрность эта — фактъ, неподлежащій сомнѣнію. И на нашихъ глазахъ сколько надеждъ осталось неисполненныхъ, сколько разъ дулася гора — и мыша родила? *Великое* общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ было велико только въ проектахъ, а въ исполненіи оказалось очень мало, русское общество пароходства и торговли, по началу своему обѣщавшее сблизить нашъ югъ со всѣми берегами Средиземнаго моря, развить нашу торговлю — также не совсѣмъ удовлетворяетъ ожиданіямъ. Или другія акціонерныя компаніи? Кто не помнитъ этого быстрого возникновенія ихъ, одной за другою, и весьма почтенныхъ, впрочемъ возгласовъ нашей образованной и благородной молодежи, обѣщавшейся показать, что русскій дворянинъ сзумѣетъ найти себѣ средства къ жизни и безъ крѣпостнаго права и безъ земледѣльческой промышленности, дальше которой не пошли отцы? А чѣмъ все кончилось въ большинствѣ случаевъ?... Тутъ, впрочемъ, не одна ширь русской натуры; сюда входитъ новый элементъ, о которомъ нужно выразиться какъ-нибудь поосторожнѣе изъ опасенія возбудить справедливое негодованіе оскорбленной добродѣтели. Этотъ элементъ состоитъ въ излишнемъ развитіи личнаго начала, въ ущербъ началу общественному, въ излишнемъ стремленіи къ индивидуальнымъ цѣлямъ. Результатъ выходилъ весьма почтенный: личность, освободившаяся отъ вульгарныхъ

предразсудковъ, дѣйствительно выигрывала, только акціонеры проигрывали. Никогда ничего не выйдетъ, если за дѣло будутъ браться люди, преслѣдующіе свои личныя цѣли подъ видомъ общей пользы. Мало будетъ толку и въ такомъ случаѣ, если побудительною причиною какого-нибудь дѣла будетъ не дѣйствительное желаніе сдѣлать его, а только желаніе показать видъ человѣка, занятаго добрымъ дѣломъ. Воскресныя школы пошли сначала очень бойко; и въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ открыто было ихъ очень много; нѣкоторое время газеты были переполнены извѣстіями о нихъ. Дѣло показалось такъ хорошо и даже славно, что послужило предметомъ весьма любопытнаго спора. Извѣстно, что десять греческихъ городовъ спорили между собою о мѣстѣ рожденія Гомера; но, какъ говорятъ, это было тогда, когда Гомера давно уже не было въ живыхъ. У насъ спорили о мѣстѣ рожденія воскресныхъ школъ тотчасъ послѣ самаго рожденія. Неизвѣстно, кому выпала честь устройства первыхъ воскресныхъ школъ; но пока спорили, медаль перевернулась: передъ публикою явилась обратная, очень непріятная сторона; энтузіазмъ къ воскреснымъ школамъ скоро прошолъ; газеты, одна за другою, начали печатать извѣстія о недостаткѣ учителей, о паденіи воскресныхъ школъ, даже о закрытіи ихъ. Но изъ-за этого спора никакого не вышло; никто не присвоивалъ себѣ чести закрытія первой воскресной школы. Отчего же неудались и воскресныя школы? Говорятъ, что имъ помѣшали со стороны, что слишкомъ ограничили дѣятельность преподавателей ихъ. Это правда; но большая часть школъ открыта по тѣмъ причинамъ, какъ былъ опредѣленъ кругъ ихъ дѣйствій; и тѣ школы, которыя открывали, хорошо знали, что имъ предстоитъ, и все такъ продолженіе дѣла далеко не соответствовало началу, се-таки многія школы упали, другія совсѣмъ закрылись. Нечего винить одни стороннія препятствія; надобно причину неуспѣха очень многихъ начинаній поискать въ самихъ дѣятеляхъ. Слишкомъ мало у насъ людей дѣйствительно-желающихъ дѣлать дѣло; большинство принимается за все только по модѣ, изъ желанія пофрантить своимъ прогрессомъ, своимъ участіемъ въ дѣлѣ общественной пользы. Еслибы воскресныя школы были ограничены только однимъ чтеніемъ да письмомъ, развѣ тутъ ечѣмъ заняться человѣку, который хочетъ свой досугъ обратить и пользу народнаго образованія? Быть-можетъ, неудачные опыты въ томъ или другомъ дѣлѣ не останутся безъ пользы для насъ;

быть может, наконецъ, посерьёзнѣе будемъ мы братья за дѣла, которыя насъ интересуютъ; а которыя не интересуютъ, за тѣ совсѣмъ не будемъ приниматься. Пора оставить видный, наружный прогрессъ и приняться за дѣйствительный, или молчать и не прикидываться занятыми общей пользою, когда на умъ совоёмъ другое. Тогда, мо-крайней-мѣрѣ, явятся другіе дѣтели, которые теперь уступаютъ дорогу другимъ, самымъ передовымъ людямъ.

Надежда на перемену нашей манеры братья за дѣло общественной пользы имѣеть уже основаніе въ нѣкоторыхъ фактахъ. Въ то время, когда одни дѣлали всесторонній прогрессъ на словахъ, другіе втихомолку начинали дѣло; въ то время когда одни, довольные и собою, и судьбою, сиѣвши, не упуская дорогого времени, насладиться прелестями жизни и гражданскими лаврами, другіе проводили мало-по-малу въ жизнь тѣ принципы, которые, по ихъ крѣпкому сознанію, должны лечь въ основѣ прочнаго уснѣха общественной жизни. И тѣ, которые, порадовавшись на уснѣнный розами житейскій путь промышленниковъ прогресса, имѣли случай взглянуть гдѣ-нибудь въ сторону, въ глуши; на безкорыстный трудъ, самопожертвованіе какихъ-нибудь темныхъ, безвѣстныхъ дѣтелей на пользу общую, безъ сомнѣнія, имѣютъ право рассчитывать на скорую перемену, на поворотъ въ направленіи нашего прогресса. И въ-самомъ-дѣлѣ факты, которые мы уже имѣемъ, повидимому, въ состояніи перевернуть наши взгляды на отношеніе разныхъ слоевъ общества къ общей жизни. Въ то время, какъ ученый и литераторъ нвѣ прогресса и воѣхъ его подробностей дѣлають оброчную статью, гдѣ нибудь въ глуши городицкій, представитель земской полиціи, молодой человекъ, изранный, безъ состоянія, при небольшомъ содержаніи, какъ-будто хочетъ превзойти Аристида безкорыстіемъ; или кружокъ бѣдныхъ уѣздныхъ учителей ежедневно и бесплатно трудится въ школѣ, которую самъ же онъ и основалъ и самъ своимъ трудомъ и ведетъ. А тамъ мировой посредникъ, занятый съ утра до ночи разборомъ споровъ между крестьянами и помещиками, находитъ еще время для того, чтобы позаботиться объ основаніи народныхъ школъ, устраиваетъ имъ помещеніе, покупаетъ книги, прискиваетъ учителей, подъ часъ самъ пробуетъ свои педагогическія способности. Деревенскій священникъ отрываетъ, сколько можетъ, времени отъ своихъ пастырскихъ и хозяйственныхъ занятій, собираетъ къ себѣ же въ

дѣтъ деревенскихъ дѣтей, изъ своихъ скудныхъ средствъ покупаютъ имъ шнуръ. ит. п. Дай Богъ, чтобъ подобныхъ явленій было побольше!

Изъ всѣхъ вопросовъ, послѣ вопроса объ освобожденіи и экономическомъ устройствѣ крестьянъ, едва-ли не самое важное мѣсто занимаетъ вопросъ объ образованіи народа; и надобно отдать справедливость: его умѣли оцѣнить у насъ. Участіе къ народному образованію проявилось вездѣ, во всѣхъ краяхъ и во всѣхъ слояхъ общества. При вольно-экономическомъ обществѣ образовался комитетъ грамотности; духовное вѣдомство приняло свои мѣры; многіе начальники епархій разослали циркуляры, приглашающіе сельскихъ священниковъ заняться обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; какъ мы уже сказали, многіе священники сами устроили въ своихъ приходахъ школы, мирские посредники почти во всѣхъ губерніяхъ заботятся о томъ же; во многихъ мѣстахъ наши сельскія общества собственною инициативою заводятъ школы и нанимаютъ учителей. Вообще, для этого дѣла соединились, повидимому, всѣ классы общества и повидимому, нѣтъ больше людей, которые бы подобно гг. Далю, или Беляюстялу боялись грамотности для народа; напротивъ, всѣ ждутъ отъ нея всего лучшаго для судьбы нашихъ сельскихъ классовъ.

Но при этихъ-то розовыхъ надеждахъ мы и должны вспомнить столь нужное намъ правило относительно соразмѣрности между нашими цѣлями и средствами. Можетъ-быть, ни одна страна не представляетъ столько затрудненій для обученія всей массы народа, какъ Россія. Въ Западной Европѣ, гдѣ народонаселеніе въ 12,000 жителей на квадратную милю, вдали отъ большихъ промышленныхъ городовъ, не представляетъ большой рѣдкости, а гдѣ четыре или пять тысячъ жителей составляютъ самое обыкновенное населеніе квадратной мили, тамъ нетрудно дѣтей изъ цѣлой общины, въ двѣ, три тысячи человекъ, собрать въ одно мѣсто, и еще легче собрать ихъ въ два мѣста, если для одного ихъ будетъ слишкомъ много. У насъ, гдѣ сельское населеніе, самое густое, не превышаетъ 2000 жителей за кв. милю, а большая часть мѣстностей не имѣетъ больше 1000 жителей—у насъ, особенно при нашемъ климатѣ, очень трудно дѣтямъ собираться въ одну школу, въ центральное мѣсто цѣлой волости, когда она отстоитъ отъ деревень, принадлежащихъ къ общинѣ, иногда даже на 10 и 15 верстъ. Да и за двѣ, за три

версты дѣти не могутъ ходить въ школу зимою безъ опасности быть занесенными снѣгомъ и замерзнуть, особенно при той степени благосостоянія, на которой въ настоящее время находятся многія изъ мѣстностей Россіи. Комитетъ грамотности напечаталъ журналы своихъ засѣданій, и нѣсколько любопытныхъ корреспонденцій, полученныхъ имъ отъ разныхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованіемъ. Въ числѣ препятствій къ посѣщенію дѣтьми школъ нѣкоторые корреспонденты приводятъ то обстоятельство, что крестьянскія дѣти большею частью не имѣютъ теплой одежды, чтобы имѣть возможность посѣщать школы зимою. Кто видалъ вблизи жизнь крестьянъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до-сихъ-поръ они нерѣдко не имѣли нѣсколькихъ копѣекъ, чтобы купить себѣ соли, тотъ знаетъ, что это правда. И это препятствіе устранится только тогда, когда вообще поднимется благосостояніе нашего сельскаго населенія, на что разсчитывать можно въ самомъ скоромъ времени, потому что уже и теперь, когда помѣщичьи крестьяне стали къ помѣщикамъ въ положеніе, опредѣленное закономъ, состояніе ихъ значительно улучшилось. Потому крестьянинъ жалуется, что у него сына отрываютъ отъ работы опять препятствіе для образованія!

Можетъ быть, для того, чтобы меньше отрывать дѣтей отъ домашнихъ занятій, было бы полезно, если бы всѣ учащіеся, особенно когда ихъ будетъ много, раздѣлялись на двѣ сѣтви, такъ, чтобы одинъ день или одну недѣлю училась одна сѣтва, другую—другая. Это можетъ быть еще полезно въ другомъ отношеніи. Теперь крестьяне деревень, отстоящихъ на значительное разстояніе отъ школы, нанимаютъ дѣтямъ квартиры у тѣхъ крестьянъ, которые живутъ въ той самой деревнѣ, гдѣ школа. Если дѣти будутъ такимъ образомъ большую половину года жить внѣ родительскаго дома, это едва-ли будетъ пріятно самимъ отцамъ, и особенно матерямъ; да этого и желать нельзя. Потому, раздѣливъ дѣтей на двѣ сѣтви, можно достигнуть двухъ цѣлей: и много не отрывать дѣтей отъ работы, и дать возможность отдаленнымъ деревнямъ устроить дѣтей въ центральной деревнѣ такъ, чтобы, напр., на недѣлю всѣхъ дѣтей вмѣстѣ отвозить въ школу, и по окончаніи недѣли привозить домой. Вообще, ново-устроиваемыя школы должны отличаться тѣмъ отъ прежнихъ, чтобы не стѣснять нѣсколько крестьянъ, не оскорблять ихъ чувствъ; нужно, чтобы крестьяне не боялись по-

сказать дѣтей въ школы, а сами желали бы этого. До сихъ поръ было не такъ: многія сельскія школы имѣли весьма мало учениковъ, потому что крестьяне боялись посылать въ нихъ дѣтей. А причиною были сами же школы. Напр. въ одной изъ школъ васъ особенно поразило бы искусство дѣтей въ письмѣ; они писали какъ дѣйствительные каллиграфы въ то время, какъ учитель самъ писалъ очень посредственно. И на выраженный вами вопросъ: какимъ образомъ дѣти могли достигнуть до такого совершенства въ письмѣ, учитель очень наивно отвѣчалъ: «розгою». Метода состояла въ томъ, что учитель, показавъ въ первый разъ ученикамъ буквы, требовалъ потомъ, чтобъ они писали такъ, какъ написано въ прописи; ученики, натурально, писали очень далеко отъ тѣхъ образцовъ, которые предлагала пропись; тогда употреблялась розга; ученики старались, но если не близко подходили къ образцу—онять розга, и т. д. И въ концѣ было то, что ученики дѣйствительно отлично писали. Такая метода обученія прямымъ слѣдствіемъ имѣла то, что отцы, особенно матери, ничего не жалѣли, чтобы освободить дѣтей отъ школы,—и освобождали къ собственному своему удовольствію и къ удовольствію тѣхъ людей, отъ кого это зависѣло, къ кому они приходили съ поклономъ. Въ новыхъ школахъ вопросъ, вѣроятно, будетъ не о розгѣ. Не только розги не должны быть, но не должно быть вообще ничего, что хоть сколько-нибудь было бы непріятно, тяжело дѣтямъ или родителямъ. Прежде изъ сельскихъ школъ, противъ воли родителей, брали хорошихъ учениковъ въ писаря, удаляли ихъ изъ родительскихъ домовъ не только въ другія деревни, но и въ города, иногда находящіеся въ значительномъ разстояніи отъ родины учениковъ: натурально, отцы и матери смотрѣли на такую службу какъ на рекрутскую повинность, подъ которую ихъ дѣти подошли, благодаря тому, что учились; потому и теперь корреспонденты комитета грамотности пишутъ изъ разныхъ мѣстъ, что между крестьянами распространено мнѣніе—въ одномъ мѣстѣ, будто учениковъ вооткрываемыхъ школъ возьмутъ все-таки въ писаря, въ другомъ—будто ихъ пошлютъ на Амуръ, въ третьемъ—будто ихъ возьмутъ въ казаки, солдаты и т. п.

Новые дѣятели должны поправить то, что испортили ихъ предшественники: они должны убѣдить крестьянъ, что противъ воли дѣти ихъ не получаютъ никакого назначенія, что никакого особеннаго назначенія имъ не имѣется и въ виду. Надобно отдать спра-

ведливость, что многие, занявшись этимъ дѣломъ, напр. мирные посредники, люди, власть имѣющіе, принялись за дѣло охотно; нигдѣ ни въ чемъ нѣтъ принужденія, ничего обязательнаго, дѣйствуютъ только убѣжденіемъ. Относительно обязательности обученія у насъ уже высказали нѣсколько мнѣній, и всѣ они за свободу обученія. Хотятъ крестьяне—пусть посылаютъ дѣтей въ школу, не хотятъ—пусть держатъ дома. Нужно не принуждать ихъ, а привлечь къ школѣ. Не тутъ есть другой вопросъ: не обязывая крестьянъ посылать дѣтей въ школу, нужно позаботиться, чтобъ было гдѣ и было кому учить тѣхъ дѣтей, которыя захотятъ учиться. Если положиться въ открытіи школъ только на сельскія общества, на сельскія власти, пожалуй, иногда можно очень долго не дожидаться открытія ихъ.

Открытіе школы въ общинѣ требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны членовъ общины: нужно построить или нанять помѣщеніе для школы и для учителя; нужно платитъ учителю содержаніе. И можно очень легко предположить, что сельскій миръ не легко поддается на эти издержки, хотя онъ будучи разложенъ на всѣхъ, выйдутъ чрезвычайно незначительны. Напримѣръ сѣверскій учитель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, получая квартиру и 100 рублей содержанія, останется очень доволенъ; а если эти 100 рублей разложить на 2000 душъ, то это составитъ только 5 копеекъ на душу. Очевидно, тягость очень незначительная для такой угодной мѣстности. Не обязывая каждого крестьянина непременно посылать сына въ школу, можно обязать его принять участіе въ издержкѣ на пользу общую, все-равно—какъ обязываютъ его исправлять дороги, мосты, не обязывая его непременно ѣздить по дорогѣ или по мосту. Онъ воспользуется ими тогда, когда ему будетъ нужно. Въ этомъ случаѣ важность инициативы вверху особенно чувствуется у насъ, гдѣ простой народъ такъ туго поддается на всякое нововведеніе, на то, безъ чего отцы жили. У насъ обыкновенно и не отсѣнялись въ проведеніи различныхъ новостей въ сельскій бытъ и обыкновенно новости оказывались нелѣпостями, которыя чрезъ нѣсколько времени нужно было отменить. Сельская школа, основанная безъ особенныхъ претензій, никогда къ разряду подобныхъ новостей не подойдетъ, и тамъ, гдѣ власти принимали участіе въ образованіи народа, они и успѣвали сдѣлать довольно. Въ вѣдомствѣ вятскомъ удѣльной конторы до послѣдняго времени было только шесть сельскихъ школъ, но въ послѣднее время служащіе

въ удѣльной конторѣ рѣшились дѣлательнѣе приняться за дѣло образованія крестьянъ удѣльнаго вѣдомства; и въ послѣдніе три года открыли шесть книжныхъ лавокъ по деревнямъ; одну публичную библіотеку тоже въ деревнѣ и 45 школъ, изъ которыхъ 10 для дѣвочекъ. Въ тульской губерніи по вѣдомству миц. госуд. им. до 1859 года было 22 школы; съ этого времени власти занялись открытіемъ школъ и теперь ихъ 48. Только въ одномъ случаѣ власти показали свое равнодушіе къ общепользному дѣлу. Комитету грамотности нужно было сдѣлать какія-то публикаціи въ губернскихъ вѣдомостяхъ и онъ обратился, между прочимъ, въ «Смоленскія Губернскія Вѣдомости»; но губернскае правленіе возвратило назадъ публикацію комитета за *непримемкою тратою рублей на привлеченіе*—значить, еще не коснулся духъ жизни нѣкоторыхъ почтенныхъ друзей формы и порядка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыты сельскія школы, на основаніяхъ болѣе широкихъ, чѣмъ обыкновенныя сельскія школы. Такова въ особенности школа гр. А. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ, подлѣ Тулы. Но педагогическая дѣлательность гр. Толстого не ограничивается одною школою; онъ издаетъ и журналъ, имѣющій единственною цѣлью разъясненіе вопросовъ, относящихся къ образованію народа. Въ ясно-полянской школѣ, кромѣ чтенія и письма, ученикамъ преподаются еще грамматика, священная исторія, русская исторія, рисованіе, черченіе, пѣніе, математика, законъ Божій и кое-что изъ естественныхъ наукъ. Надобно только радоваться, что нѣкоторыя школы имѣютъ возможность расширить кругъ преподаванія. Но для этого нужны особенныя средства которыя не вездѣ можно найти. Гр. Толстой уже до-сихъ-поръ имѣлъ возможность открыть нѣсколько классовъ; въ его школѣ четыре учителя и потому ей многое доступно, что другимъ долго еще не будетъ доступно. Другія школы должны ограничиться очень немногимъ, чтобы изъ нихъ хотя что-нибудь вышло, и въ большинствѣ случаевъ все ихъ обученіе на первое время должно будетъ ограничиться только чтеніемъ и письмомъ; но и это поведетъ къ добрымъ результатамъ. Если крестьяне научатся толково читать книги, то, съ помощью народной литературы, они могутъ значительно дополнить свое образованіе. О характерѣ народной литературы и народнаго образованія вообще у насъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія; между прочимъ уже были голоса и въ пользу образованія съ характеромъ исключительно-религіознымъ. Этотъ взглядъ

на современную задачу образованія простого народа односторонненъ. Конечно, нельзя не признаться, что религіозные взгляды нашего крестьянина слишкомъ недостаточны, догматическая сторона затемнена множествомъ суевѣрій—какъ это недавно прекрасно показано въ одномъ духовномъ журналѣ — нравственные принципы тоже или недостаточны или обезображены Богъ знаетъ какими частными правилами; но эти недостатки должны уступить дѣйствию образованныхъ священниковъ, какъ пастырей, какъ учителей съ церковной кафедрой, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они исполняютъ свою пастырскую обязанность. Обученіе грамотѣ простого народа должно имѣть другую цѣль: оно должно, какъ признаютъ всѣ, посвятившіе себя этому дѣлу, удовлетворить ближайшимъ разумнымъ потребностямъ народа, которыя самъ онъ сознаетъ и понимаетъ. Если собрать сельскихъ мальчиковъ въ школу и исключительно толковать имъ катихизисъ, или объяснять церковную службу, это будетъ занятіе, котораго не вынесетъ ихъ живая натура; и прежде всего имъ надоѣсть учиться; а этого-то и нужно избѣгать. Да не мѣшаетъ обратиться и къ желанію самихъ родителей—крестьянъ. Они желаютъ обученія своихъ дѣтей грамотѣ исключительно съ утилитарною цѣлью — это знаетъ всякій, кому приходилось говорить съ крестьянами. Въ приложеніи къ одному изъ журналовъ комитета грамотности напечатаны два письма: одно, написанное крестьяниномъ, другое, записанное со словъ крестьянина. Оба они показываютъ, что крестьянинъ въ грамотности ищетъ для себя только житейской пользы. *

* Очень любопытенъ взглядъ крестьянина на грамотность, высказанный имъ самимъ и буквально съ его словъ записанный. «Грамота нашему брату дается легко. Было-бы зачѣмъ учить ее. Вонъ у насъ, костромской губерніи, того же уѣзда въ посадѣ Большая Соль почитай мало кто грамотъ не знаетъ, а крестьянъ душъ двѣсти будетъ. И то правда, одинъ, смотри, печникъ, на заработки въ Питеръ ходитъ, другой маляръ, третій штукатуръ, четвертый плотничать умѣетъ, а пятый другимъ какимъ ни на есть рукоесломъ занимается, и дѣло въ ходу.—Вотъ коли грамотенъ, такъ, глядишь, поработалъ-поработалъ и самъ хозяиномъ сталъ. Знай только за другими примѣчай, а самъ только записывай кто что наработалъ, счетъ подавай и деньги выручай. А грамотъ незнаешь—такъ и стой на биржѣ за спиной съ котомкой. Нѣтъ братъ безъ грамоты далеко не уѣдешь, много не надѣлаешь. Три шага сдѣлалъ—ну и слава-богу, а два назадъ. И, не Богъ вѣсть, какая трудная наука. У насъ хотя школа есть, а все робота болѣе къ дьячку идутъ, а я такъ и у того не бывалъ. Сосѣдъ первыя буквы только показалъ мало-мало: и читать научился, теперъ любую сказку прочту. За книгами у насъ остановки не будетъ, лишь бы умѣлъ читать. Какъ робята пойдутъ

Крестьянинъ, приславшій письмо въ комитетъ грамотности, рассказываетъ свою жизнь въ доказательство того, что простая грамотность прямо ведетъ крестьянина къ благосостоянію. Самъ онъ въ юности ничему, кромѣ грамоты, не учился, но съ помощію грамотности онъ, «имѣя возможность пріобрѣтать хорошія книги» и постоянно испытывая то, что находилъ въ книгахъ, научился столярному и слесарному ремелу, набивному искусству, наконецъ гравированью на деревѣ и металлахъ. Теперь онъ открылъ собственную литографію. Дѣйствительно, большая часть нашихъ сельскихъ промысловъ имѣетъ такое происхожденіе и обязана своимъ существованіемъ иногда даже случайному знакомству какого-нибудь рабочаго съ извѣстнымъ мануфактурнымъ секретомъ. Смѣтливый работникъ замѣчалъ хорошо дѣло, и черезъ нѣсколько времени самъ основывалъ у себя въ деревнѣ этотъ родъ производства. Такъ, говорятъ, начался между прочимъ ситцевая фабрика села Иванова. Съ помощію толковой грамотности нашему простому народу легче будетъ ознакомиться съ многимъ, чего недостаетъ въ его промышленности и даже въ сельскомъ хозяйствѣ. Г. Павловъ предложилъ въ комитетъ грамотности проэктъ, чтобы изъ деревень брать молодыхъ крестьянъ и, приготовляя ихъ въ сельскіе учителя, въ то же время научить ихъ тѣмъ и другимъ ремесламъ, съ тою цѣлью, чтобы они сами потомъ обучали имъ сельскихъ дѣтей. Еслибы этотъ проэктъ не представилъ особенныхъ трудностей, притомъ еслибы онъ могъ быть исполненъ въ широкомъ размѣрѣ, то онъ принесъ бы большую пользу, равно какъ и проэктъ Б. Штенгеля, имѣющій цѣлью развитіе садоводства въ Россіи подобными же средствами. Но оба проэкта потребуютъ большихъ средствъ, между тѣмъ какъ тотъ и другой ограничится слишкомъ небольшимъ числомъ подобныхъ техниковъ-учителей. Въ первое время они только затрудняютъ дѣло распространенія грамотности въ народѣ; всего вдругъ сдѣлать нельзя. Ошибка Бецаго не должна остаться для насъ безъ пользы. Разумѣется, гдѣ найдутся

на заработки, какъ домой, такъ и несутъ книжечку, кто священную, а кто и со сказкой. Вотъ о зиму-то каждая сказка въ деревнѣ и пройдетъ рукъ чрезъ двадцать. Оно бы ничего и въ школу, да, вишь, рассказываютъ, что въ какой то школѣ одинъ парня совѣмъ заучилъ, глупымъ глупищомъ сталъ. У насъ это цифирь, счисленіе, а у него-то окаяннаго рихметика какая-то. Да объясняетъ, вотъ вишь-ты, рихметика по вашему цифирью прозывается, а по нашему, т. е. по его-то, рихметикой, да и зачалъ... Обморокъ онъ этакой.»

средства, тамъ руководители народнаго обученія пусть идутъ дальше, какъ это сдѣлалъ гр. Толстой. Развитие садоводства и ремеслъ конечно намъ нужно, но столько же нужно развитие всей вообще экономической дѣятельности; и пока придется отдѣлить заботу объ этомъ отъ заботы о распространѣнн грамотности. Устройство учительскихъ семинарій по примѣру тѣхъ, которыя существуютъ въ Германіи, можетъ быть еще нужнѣе для болѣе разумнаго обученія народа. Но какихъ жертвъ оно потребуетъ! и откуда взять средствъ для него, когда у насъ нѣтъ заведеній для приготовления преподавателей въ существующія теперь уѣздныя училища, которыя очень немногочисленны?—А для обученія пятидесяти мильоновъ народа, если вы положите на каждую волость 4000 жителей, потребуется 12,500 учителей, полагая только по одному учителю на каждую волость. Разумнѣе, было-бы прекрасно, еслибы нашлись средства для всего этого; а когда ихъ нѣтъ, то надобно подождать и не откладывать того, что можно привести въ исполненіе. Впрочемъ, что касается до приготовленія учителей для сельскихъ школъ, если попристальнѣе заняться этимъ дѣломъ, можетъ быть, оно не такъ окажется трудно. Г. Бѣляевъ въ «Днѣ» выразилъ свое желаніе, чтобы ученики, окончившіе курсъ въ семинаріи, прежде поступленія въ священники, въ продолженіе извѣстнаго срока занимались обученіемъ дѣтей въ сельскихъ школахъ, исполняя въ то же время должности причетниковъ. Г. Бѣляевъ очевидно хочетъ, чтобы обученіе въ сельскихъ школахъ было по возможности рационально; но мѣра, которую онъ предлагаетъ, прямо противорѣчитъ его желанію. Не всякій окончившій курсъ семинаріи есть способный педагогъ, напротивъ, болѣею частію воспитанники семинаріи—дурные педагоги, потому-что неоткуда имъ набраться хорошихъ педагогическихъ понятій и пріемовъ; и послать такого педагога, на годъ на два, въ сельскую школу, а потомъ, когда онъ попривыкнетъ къ своему дѣлу, пріобрѣтетъ нужную опытность, тотчасъ же и взять его оттуда и замѣнить новымъ неопытнымъ и неискуснымъ учителемъ—это значитъ системагически мѣшать разумному веденію дѣла въ сельскихъ училищахъ. Замѣчательно, что г. Бѣляевъ предлагаетъ свою мѣру противъ желанія той среды, которою онъ распоряжается. Покрайней мѣрѣ онъ получилъ возраженіе отъ свящ. Иванова, профессора семинаріи. Св. Ивановъ говоритъ ему, что было бы несправедливо принуждать на педагогическія занятія въ соеди-

испін съ причѣтническою должностію воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ семинаріи и, какъ предполагается, достойно приготовившихся къ исполненію священнической обязанности. На это г. Бѣляевъ отвѣчаетъ уже доказательствомъ изъ церковныхъ положеній, говоритъ, что, слѣдуя имъ, всякій священникъ непремѣнно долженъ быть предварительно причетникомъ. Г. Бѣляевъ не обратилъ вниманія на одно, что это правило существуетъ только для того, чтобъ священникъ зналъ хорошо обязанность подчиненнаго и помогающаго ему въ богослуженіи лица; и что всякій окончивающій курсъ знаетъ эту обязанность не хуже всякаго причетника; а если ему чего недостаетъ, такъ только практическихъ приемовъ, которые легко приобрести въ одинъ день. Г. Бѣляевъ, между прочимъ, въ числѣ причинъ, оправдывающихъ его проектъ, приводитъ и то, что мѣра эта будетъ полезна и для самихъ священниковъ, что она введетъ ихъ въ жизнь, познакомитъ ихъ съ нею, прежде нежели они стануть священниками. Странная причина! Вѣроятно, г. Бѣляеву извѣстно, что наши семинаріи—не закрытыя заведенія, и что ученики ихъ большею частію сами деревенскіе жители и деревенскій бытъ хорошо знаютъ въ 20 лѣтъ, когда, окончивши курсъ въ семинаріи, получаютъ священническія мѣста. Если имъ чего недостаетъ, то, конечно, не незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ. Слова, которыя г. Бѣляевъ слышалъ отъ молодыхъ и образованныхъ священниковъ и которыя онъ приводитъ въ своей статьѣ, имѣютъ со-всѣмъ не тотъ смыслъ, который онъ даетъ имъ; да къ нимъ слѣдуетъ и прибавить кое-что, чтобъ они вполне выражали затруднительное положеніе молодого образованнаго священника, и что частію изложено въ одной книгѣ, которая, конечно, извѣстна г. Бѣляеву. Сколько извѣстно, до сихъ поръ никто не считалъ возможнымъ во имя произвольно понимаемыхъ обязанностей духовенства командировать, напр., изъ городскихъ священниковъ законоучителей или преподавателей логики и психологіи въ то или другое мѣсто. До сихъ поръ спрашивались съ ихъ собственнымъ согласіемъ на это. Впрочемъ, надобно прибавить еще, что кромѣ тульской семинаріи, изъ которой данными онъ пользовался, онъ еще найдетъ во всей Россіи пять шесть семинарій, которыя доставляютъ воспитанниковъ въ избыткѣ сравнительно съ мѣстами, для которыхъ они себя назначаютъ. Въ другихъ ихъ недостаетъ для того, чтобы замѣстить всѣ священническія мѣста. Какъ посоветуетъ поступить въ этихъ случаяхъ г. Бѣляевъ?

Взаимъ окончившихъ курсъ въ семинаріи, св. Ивановъ предлагаетъ на должности сельскихъ учителей воспитанниковъ семинаріи, не кончившихъ курсъ, а исключенныхъ изъ нижнихъ классовъ семинаріи за безуспѣшность. Г. Бѣляевъ находитъ, что такіе люди будутъ плохими учителями. «Если они сами оказались безуспѣшными, неспособными, говорить оъ, то какъ же они будутъ способными учителями?» Правда, что большихъ способностей и большихъ познаній отъ нихъ ожидать нельзя; но и дѣло, на которое ихъ назначаетъ св. Ивановъ, не требуетъ особенно большихъ познаній, и, вѣдь, нельзя же въ сельскія училища непремѣнно послать кончившихъ курсъ въ университетѣ; ихъ столько не найдется во всей Россіи. Есть вещи, противъ необходимости которыхъ идти нельзя. Конечно, было бы пріятно, если бы сельскими учителями были хорошіе педагоги и вполне-образованные люди; но этого въ настоящее время достигнуть никакимъ образомъ нельзя; да какъ мы сказали уже, и окончившіе курсъ въ семинаріяхъ будутъ далеко неудовлетворительными сельскими учителями. До-сихъ-поръ изъ нихъ и набирались главнымъ образомъ учителя сельскихъ училищъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ; и—не въ обиду будимъ сказано—къ ихъ числу принадлежалъ тотъ педагогъ, который выдумалъ совершенно оригинальную и даже успѣшную методу учить дѣтей хорошо писать, и, вѣроятно, къ нимъ же принадлежалъ тотъ, который посредствомъ рихметики заучилъ мальчика, такъ-что тотъ глупымъ—глупышомъ сталъ. Если крестьяне до-сихъ-поръ учились у полуграмотныхъ дьячковъ, отставныхъ солдатъ и т. п., и даже предпочитали это ученье тому, которое было въ казенныхъ школахъ, то, конечно, хорошо направленные сельскіе учителя изъ неокончившихъ курсъ въ семинаріи, изъ волостныхъ писарей сьумѣютъ учить дѣтей грамотѣ, т. е. чтенію и письму. Относительно неспособности воспитанниковъ семинаріи, исключенныхъ за безуспѣшность, г. Бѣляевъ, вѣроятно, имѣетъ невѣрныя свѣдѣнія. Конечно, это люди, неоказавшіе большихъ успѣховъ; но это не значитъ, чтобы они были ни къ чему неспособны. Разумѣется, если они исключены изъ самыхъ низшихъ классовъ, неуспѣвши ничего узнать, они не сьумѣютъ и читать учить. Но главная масса ихъ состоитъ изъ тѣхъ, которые прошли весь курсъ духовнаго училища и въ семинарію не попали потому, что въ семинарію требуется извѣстное число учениковъ; опредѣленъ максимумъ.

выше котораго не должно простираться число учениковъ, могущихъ поступить въ семинарію изъ училища. Такимъ образомъ бываетъ, что въ высшемъ классѣ духовнаго училища 40 воспитанниковъ, а изъ нихъ только 10 или 15 могутъ поступить въ семинарію. Остальные 30 или 25 должны размѣститься, гдѣ найдутъ. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ причетническія мѣста, — тѣ, которыхъ родители подостаточно. Въ послѣднее время стали въ значительномъ числѣ поступать въ гимназін, другіе идутъ въ военную службу, и, благодаря этому, въ «Инвалидѣ» нѣрѣдко встрѣтите въ числѣ производимыхъ въ офицеры Преображенскихъ, Воскресенскихъ и т. п. Такіе воспитанники могли бы съ пользою занять должности сельскихъ учителей: они прошли порядочный курсъ наукъ, который не могъ остаться безъ вліянія на ихъ развитіе: именно они знаютъ русскую грамматику, ариѣметику, латинскую и греческую грамматику, катихизисъ, священную исторію, русскую исторію и географію. Поставьте такихъ учителей подъ руководство умнаго и гуманнаго уѣзднаго учителя, міроваго посредника, окружнаго начальника, и они будутъ хорошо дѣлать свое дѣло. Предлагаютъ же волостныхъ писарей на должности сельскихъ учителей, — и хорошо дѣлаютъ, потому-что и умный писарь, при хорошихъ совѣтахъ, сумѣетъ научить дѣтей грамотѣ. Но то, что знаетъ волостной писарь, самъ воспитанникъ сельской школы, далеко меньше того, что знаетъ подобный воспитанникъ духовнаго училища. Если же воспитанникъ духовнаго училища перешоу въ семинарію и уже оттуда исключенъ, то его познанія все-таки сколько-нибудь увеличились; и если онъ прошелъ курсъ еще одного класса, то онъ познакомился съ словесностью, всеобщей исторіею, алгеброю и геометріею. Нельзя претендовать, чтобъ изъ такихъ воспитанниковъ вышли непременно хорошіе педагоги; но что это будутъ удовлетворительные учителя грамотности—въ этомъ нельзя сомнѣваться; и такъ-какъ ихъ въ настоящее время много во всѣхъ губерніяхъ, — вѣроятно вполне достаточно для открытія школъ по всѣмъ волостямъ, — то и слѣдуетъ воспользоваться ими для обученія народа грамотѣ, слѣдуя тому правилу, что нужно пользоваться средствами, находящимися подъ-рукой, чтобъ дѣлать дѣло, а не откладывать дѣла, въ надеждѣ на лучшія средства; такія надежды обыкновенно не исполняются. Чтобы изъ такихъ воспитанниковъ получить вполне хорошихъ сельскихъ учителей, способныхъ, кромѣ чтенія

и письма, еще обучить дѣтей началамъ нѣкоторыхъ наукъ,—напр. географіи, исторіи, этого можно достигнуть чрезвычайно ничтожными средствами. Въ комитетѣ грамотности г. Золотовъ читалъ записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на приготовленіе сельскихъ учителей. Г. Золотовъ думаетъ, что для обученія грамотѣ можно пользоваться знаніями самыхъ малограмотныхъ людей, напр. отставныхъ солдатъ и даже нищихъ; а что за порядочное вознагражденіе вообще можно найти хорошихъ сельскихъ учителей. Богъ знаетъ, сколько тутъ правды для настоящаго времени. Между прочимъ, Золотовъ разсматриваетъ въ своей запискѣ одинъ проэктъ относительно того, откуда взять сельскихъ учителей. Въ проэктѣ предлагается устроить особенныя школы, съ семилѣтнимъ или восьмилѣтнимъ курсомъ, для дѣтей лицъ духовнаго званія. Проэктъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: приготовить учителей для школъ и найти занятіе и средства къ жизни людямъ, которые не могутъ находить ихъ въ отправленіи духовныхъ должностей. Обѣ цѣли, конечно, очень важны; но въ проэктѣ есть одинъ очень важный недостатокъ: онъ требуетъ очень большихъ издержекъ, за что г. Золотовъ его и осуждаетъ, между-тѣмъ, какъ обѣ цѣли могли бы быть достигнуты совсѣмъ безъ издержекъ или съ самыми ничтожными издержками. Вмѣсто того, чтобъ устроить новыя школы, гораздо проще организовать приготовленіе сельскихъ учителей при существующихъ уже училищахъ, напр. при уѣздныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія или духовнаго вѣдомства. Для этого въ однихъ не нужно дѣлать буквально никакихъ перемѣнъ, а въ другихъ для подобныхъ кандидатовъ на должность сельскихъ учителей слѣдуетъ только исключить преподаваніе древнихъ языковъ, какъ совершенно ненужное. Да если и оставить его, такъ это не повредитъ дѣлу. Кромѣ того, въ виду будущихъ педагогическихъ занятій учениковъ, слѣдуетъ прибавить одинъ или нѣсколько уроковъ чисто-педагогическаго характера, гдѣ способный учитель объяснилъ бы ученикамъ и показалъ на дѣлѣ новыя упрощенныя методы обученія чтенію и письму и въ то же время сообщилъ бы ученикамъ и объяснилъ, какъ слѣдуетъ, нѣчто въ родѣ энциклопедіи важнѣйшихъ человѣческихъ знаній, которая дала бы имъ общій взглядъ и, по возможности, пополнила пробѣлы въ знаніи, оставленные недостаточнымъ образованіемъ. Для этого даже есть книга, которая, несмотря на свои недостатки, могла бы быть

полезна, особенно если въ новомъ изданіи исправить недостатки и поцолнить пробѣлы, которые есть въ ней самой. Мы говоримъ «о мѣрѣ Божіемъ» г. Разина, которая годилось бы и для самихъ сельскихъ школъ, — для чего олдѣovalo бы сдѣлать изданіе ея возможно-дешевле, совсѣмъ безъ картинокъ или безъ того числа картинокъ, которое въ ней содержится. Эти педагогическія занятія въ уѣздныхъ училищахъ потребуютъ никакъ не больше одного года, даже, безъ сомнѣнія меньше, т. е. они потребуютъ только одной новой должности уѣзднаго учителя, если прежде бывшіе учителя не въ состояніи раздѣлить ее между собою *. Такимъ-образомъ съ теперешними нашими средствами, или съ чрезвычайно ничтожною прибавкою ихъ, мы можемъ имѣть вполнѣ-удовлетворительныхъ сельскихъ учителей, которые будутъ въ состояніи учить дѣтей толково, не только чтенію и письму или началамъ счисленія, но и вывести ихъ вообще изъ заколдованнаго круга ихъ мировоззрѣнія, допускающаго, что мѣръ стоитъ на трехъ китахъ, что изъ всѣхъ народовъ самый страшный — бѣлые арапы, съ которыми даже русскіе не могутъ справиться, или будто воробей потому чиркаетъ на свой ладъ, что онъ донесъ жидамъ, гдѣ укрывался Христосъ, когда его преслѣдовали.

Послѣ того, какъ народу дастся грамотность, образованіе его легко пойдетъ дальше, съ помощью народной литературы.

Для народнаго чтенія и прежде было кое-что, и въ послѣднее время издано нѣсколько полезныхъ книгъ. Книги издаваемые для народнаго чтенія, по видимому, могутъ имѣть совершенно различное назначеніе. Прежде всего нужно приохотить и приучить народъ къ чтенію; пусть онъ читаетъ все, что ему нравится и что ему не повредитъ. Для этой цѣли годится всякая интересная книга, особенно сказка, и пусть народъ читаетъ «Конька Горбунка», сказку о «Рыбакѣ и Рыбкѣ» и т. п., въ стихахъ и прозѣ. Кромѣ того, должны быть и книги съ другимъ назначеніемъ, которыя могли бы полезно дѣйствовать на развитіе круга понятій, особенно нравственныхъ, въ простомъ народѣ, или сообщить ему познанія полезныя въ его экономической жизни. Напр., есть рассказы дѣдушки Василья: «до чего доводитъ лишняя горячка» и «великородительное слово». Комитетъ грамотности ихъ одобряетъ, и дѣйствительно, на эту

* А ученики будутъ содержаться на свой счетъ, какъ они и теперь содержатся на свой счетъ въ уѣздныхъ училищахъ.

тому можно написать прекрасный рассказъ, который, будучи хорошо прочувствованъ читателемъ, не останется безъ добраго вліянія на него. Къ такимъ книгамъ принадлежатъ: рассказъ Ишимовой «о ласковомъ обращеніи съ животными», рассказы Марка Вовчка и т. п. Графъ Толстой въ своемъ рассказѣ высказываетъ ту мысль, что книги для народа не слѣдуетъ сочинять, по собственнымъ соображеніямъ, а ограничиваться исключительно тѣми, что народу нравятся. Мысль далеко не вѣрная; конечно, народу нужно давать только то, что ему нравится, иначе онъ не станетъ читать вашихъ книжекъ. Но не все, что ему нравится слѣдуетъ давать ему; напр., есть книжка «о солдатѣ Яшкѣ», въ которой съ такимъ сочувствіемъ рассказывается о плутняхъ солдата Яшки, что читатель, мало развитый нравственно, послѣ этого чтенія пожалуй сочтетъ для себя пріятнымъ и возможнымъ подражать солдату Яшкѣ. И вся книга переплетена такими подленькими сентенціями, которыя, дѣйствительно, въ состояніи развратить слабую натуру. Къ сожалѣнію, подобныхъ книгъ очень много обращается въ народѣ; и, можетъ, тутъ частію нужно искать причину того факта, который заявилъ г. Даль, что грамотные крестьяне, сравнительно, гораздо чаще попадали въ острогъ за преступленія. Вообще, что чтеніе можетъ производить или полезное, или вредное вліяніе—въ этомъ никто не сомнѣвается; и потому, безъ претензіи на скучный дидактизмъ, народная литература должна стараться распространять принципы нравственности и цивилизаціи. Другого рода полезныя для народа книги тѣ, которыя будутъ содержать популярныя рассказы изъ исторіи, изъ естественныхъ наукъ, біографіи замѣчательныхъ людей, этнографическіе рассказы и т. п. Такія книги доступнымъ для народа способомъ объяснять ему то, что образованные классы узнаютъ въ школахъ, въ систематическомъ изученіи наукъ. Наконецъ, несомнѣнно-большую пользу уже для развитыхъ, привыкшихъ къ разумному чтенію, крестьянъ принесутъ тѣ книги, которыя будутъ имѣть чисто утилитарное, въ тѣсномъ значеніи этого слова, направленіе. Таковы, напр., «пивоварное производство» Совѣтова, «Народный Лечебникъ» Маркуса, «Объ уходѣ за огородами и овощами» Владимірскаго и т. п. Такія книги должны быть особенно распространены и должны обнять всѣ отрасли народной промышленности, преимущественно сельское хозяйство и тѣ роды производства, которые могутъ быть предметомъ домашней промыш-

ленности. По такимъ книгамъ крестьянинъ, самоучка, открывшій свою литографію, научился, какъ самъ онъ пишетъ, разнымъ ремесламъ, между прочимъ, гравированью на металахъ и, благодаря имъ, онъ могъ открыть даже литографію. Относительно языка простонародныхъ изданій—нѣкоторые думаютъ, что народу чрезвычайно трудно понимать наши обыкновенныя книги, писанныя самыми простыми языкомъ; потому и въ школахъ стараются вводить такія книги, которыхъ языкъ уже значительно отличается отъ обыкновеннаго простого языка. Что касается до школъ, это, можетъ быть, правда, что онѣ нуждаются въ языкѣ особенно понятномъ для дѣтей. Но особенности такого языка заключаются не въ простонародныхъ словахъ, а въ самомъ простомъ, наглядномъ складѣ мысли и фразы. Графъ Толстой при своемъ журналѣ издалъ книжку рассказовъ. Рассказы напечатаны именно въ томъ видѣ, какъ ихъ всего лучше понимаютъ и сами рассказыываютъ деревенскія дѣти. Но въ ихъ языкѣ, кромѣ этой простоты въ складѣ мысли и фразы, ничего нѣтъ. Вотъ на выдержку одно мѣсто: «Потомъ Матюшка сказалъ объ этомъ священнику, что онъ скажетъ. Тотъ похвалилъ его и сказалъ то же, что учитель. Матюшка и теткѣ Марьѣ сказалъ. Во Франціи такой обычай, какъ малый мастерству научится, такъ идетъ по городамъ, по разнымъ хозяйствамъ и ходитъ такъ два и три года, а потомъ ужъ самъ заведеніе открываетъ». Это тотъ языкъ, которымъ будетъ рассказывать что-нибудь и ребенокъ, воспитываемый въ образованномъ обществѣ. Этотъ ребенокъ не скажетъ: «малый», а скажетъ: «мальчикъ»; но также можетъ сказать, и дѣйствительно говорить, и крестьянскій ребенокъ, и поставьте вы въ книгѣ «мальчикъ» вмѣсто «малый»—книга годится для дѣтей изъ всѣхъ классовъ общества. Вообще, языкъ простонародныхъ книгъ долженъ отличаться только простотою и безыскусственностью, и больше ничѣмъ. Разумѣется, онъ не долженъ содержать въ себѣ хитрыхъ иностранныхъ словъ, такихъ, какъ утрировать, утилизировать, эгоизмъ и т. п.; но такія иностранныя слова, какъ форма, фигура, штука, кучеръ не могутъ не быть въ простонародныхъ изданіяхъ; замѣнить ихъ нечѣмъ. Что касается до поддѣлки подъ самый народный говоръ, до особенныхъ словъ и прибаутокъ, въ нихъ нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе, что особенныя слова и прибаутки, имѣя болѣею частью чисто-мѣстный характеръ, поэтому самому годятся только для одной мѣстности, а въ другихъ онѣ только за-

труднѣе пониманіе крестьянина. Вообще, относительно языка простого народа надобно сказать слѣдующее: иногда онъ непонятенъ человѣку образованному, не имѣвшему въ своей жизни случаевъ часто говорить съ народомъ; но, наоборотъ, простой языкъ, безыскусственный во фразѣ и въ словахъ, понятенъ простолюдину вездѣ. Въ западныхъ губерніяхъ помѣщики-поляки съ крестьянами русскими объясняются обыкновенно на двухъ языкахъ: помѣщикъ говоритъ по-польски, крестьянинъ по-русски, разумеется, съ своимъ мѣстнымъ оттѣнкомъ,—и ничего; объясненіе выходитъ очень понятное: крестьянинъ очень хорошо понимаетъ даже польскій языкъ, къ которому онъ привыкъ во время своихъ сношеній съ помѣщикомъ. Тѣмъ понятнѣе для него простой русскій языкъ въ разговорѣ; а когда онъ грамотный, то и въ книгѣ. Во Франціи то же мѣстные говоры и разнообразны, и довольно далеки отъ общаго разговорнаго языка, такъ что слѣдователи иногда не понимаютъ показаній подсудимаго, хотя подсудимый хорошо понимаетъ ихъ; и во Франціи тоже были и есть попытки писать книги для народнаго чтенія на мѣстныхъ жаргонахъ. Но Ж. Симонъ, касаясь этого вопроса въ «L'ouvriѣre», находитъ, что такой способъ изложенія, будучи нисколько не нуженъ, только оскорбляетъ простолюдина, который замѣчаетъ прежде всего то, что его считаютъ чѣмъ-то низшимъ сравнительно съ другими людьми, что къ нему не хотятъ обращаться на общемъ языкѣ всего народа, и потому Ж. Симонъ совѣтуетъ книги для народа писать на обыкновенномъ французскомъ языкѣ. То же самое нужно и намъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ крестьянъ, научившись грамотѣ, далеко перейдутъ за предѣлы чисто-народной литературы, и обратятся къ техническимъ, или къ другимъ книгамъ, писаннымъ для общаго употребленія образованныхъ людей; этого нужно желать и къ этому нужно готовить народъ книгами, излагающими то, чтѣ ему нужно, на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ.

Такимъ образомъ, если мы не захотимъ ограничиться одними словами и проектами въ дѣлѣ народнаго образованія, мы должны въ первое время воспользоваться тѣми средствами, которыя у насъ подъ рукой для распространенія въ народѣ только одной грамотности. Средства для первоначальнаго устройства школъ и для вознагражденія сельскимъ учителямъ должны дать сами сельскія общины; это составитъ для нихъ самую ничтожную изъ повинностей. Учителями могутъ быть всѣ, кто захочетъ на себя при-

нать эту обязанность, начиная отъ сельскихъ священниковъ до волостныхъ писарей, воспитанниковъ, не окончившихъ курсъ въ семинаріи и отставныхъ солдатъ. Всѣхъ ихъ трудъ долженъ быть вознагражденъ, во всякомъ случаѣ. Для скорѣйшаго открытія сельскихъ школъ было бы полезно, чтобъ это вмѣнено было въ обязанность какимъ-нибудь постояннымъ властямъ, напримеръ, мировымъ посредникамъ. Мировые посредники большею частью люди образованные, одушевленные желаніемъ принести пользу и уже частью привыкшіе дѣйствовать на крестьянъ убѣжденіемъ. А въ этомъ дѣлѣ убѣжденіе, даже рядомъ съ правомъ и обязанностью, можетъ много сдѣлать. Главное правило въ этомъ дѣлѣ, какъ и вездѣ, не ограничиться одними словами и проектами, а приступить къ дѣлу, заводить школы вездѣ. Какъ бы ни была ограничена дѣятельность школъ, все-таки онѣ будутъ полезнѣе, нежели масса проектовъ, очень хорошихъ, но не осуществленныхъ, или неосуществимыхъ. Дальнѣйшее движеніе народному образованію должно дать правильное устройство учительскихъ семинарій при уѣздныхъ училищахъ и распространеніе полезныхъ и дешовыхъ книгъ для народнаго чтенія, для чего легко можно устроить общество изъ нѣсколькихъ образованныхъ людей, способныхъ толково разсказать что-нибудь для народа, иногда только перевести съ какого-нибудь иностраннаго языка, или передѣлать хорошій разсказъ, какъ это сдѣлалъ графъ Толстой.

Но для образованія народа всего этого мало; не надобно никогда забывать факта, приведеннаго г. Далемъ, что грамотные крестьяне чаще другихъ кончали ньянствомъ или острогомъ. Если здѣсь играетъ роль вредное вліяніе дурныхъ книгъ, то очень незначительное. Главное основаніе этого факта лежитъ въ болѣе общемъ свойствѣ человѣческой природы. Несчастія на самыя возвышенныя личности дѣйствуютъ такимъ образомъ, что только укрѣпляютъ ихъ на пути добродѣтели. Несчастія, попыткиаемыя людьми обыкновенными, ослабляютъ ихъ нравственно. Грамотность, безъ сомнѣнія, не есть несчастіе. Но грамотный человѣкъ, какъ хотите, лучше понимаетъ свое положеніе; и если положеніе двухъ человѣкъ одинаково плохо, то тотъ изъ нихъ болѣе сознаетъ, чувствуетъ горечь его, кто больше развитъ; оттого, не дѣлаясь болѣе несчастнымъ объективно, только оставаясь въ прежнемъ положеніи, человѣкъ вмѣстѣ съ постепенными шагами своего развитія дѣлается болѣе не-

счастливымъ субъективно; а это и составляетъ сущность. Несчастье для насъ становится тогда только несчастіемъ, когда мы его чувствуемъ. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, нужно искать причины нравственнаго паденія грамотныхъ людей изъ простаго народа, которое многихъ доводило до пьянства или до острога, если только, разумѣется, въ острогъ они попадали справедливо; можетъ-быть, они попадали туда и потому, что поступали слишкомъ честно и безкорыстно, думали собственнымъ противодействіемъ уничтожить зло, которое они чувствовали раньше другихъ. Но, какъ бы то ни было, выводъ изъ всего этого тотъ, что рядомъ съ народнымъ образованіемъ должно идти улучшеніе народнаго быта. Для этого у насъ уже сдѣлано довольно; освобожденіе крестьянъ поведетъ за собою, и уже повело, улучшеніе ихъ матеріальнаго состоянія. Теперь, когда крѣпостныхъ больше нѣтъ, когда они поступили въ зависимость отъ общей администраціи, нужно, чтобъ для нихъ, равно какъ для всѣхъ вообще крестьянъ, кромѣ матеріальнаго улучшенія ихъ состоянія, было сдѣлано улучшеніе моральное; чтобъ человѣкъ, которому вы хотите уяснить его человѣческое достоинство, былъ поставленъ и въ жизни соотвѣтственно этому, чтобъ онъ не былъ безотвѣтно ничтожностью передъ властями, считавшими до сихъ-поръ каждое самое законное и естественное проявленіе его личности преступленіемъ, которое вело его подъ розги. Общественное мнѣніе давно высказалось противъ розги, какъ средства для исправленія и наказанія крестьянина. И какъ наказаніе, и какъ исправленіе, оно только ожесточаетъ и развращаетъ, и отъ проступка ведетъ къ преступленію, изъ сѣзжей избы въ острогъ. Повидимому усилія къ улучшенію моральнаго быта крестьянъ въ этомъ отношеніи могутъ быть прямою обязанностью всѣхъ, кто посвятилъ себя дѣлу распространенія образованія въ народѣ. Къ этому надобно прибавить еще измѣненіе отношеній крестьянина вообще къ сословіямъ, которыя выше его поставлены въ обществѣ, что зависитъ уже прямо и единственно отъ этихъ самихъ сословій, которыя имѣютъ возможность въ своихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ крестьяниномъ показать ему, что онъ долженъ смотрѣть на себя какъ на человѣка, должны собственною инициативою уничтожить нѣкоторыя унижательныя правила и обычаи. И надобно отдать справедливость нашимъ передовымъ людямъ: они уже сдѣлали кое-что и для этого; напр. въ воскресныхъ школахъ принято говорить дѣтямъ

сы вмѣсто ты. То-то, я думаю, изумлены бѣдныя дѣти, которыя на первый разъ и плохо понимаютъ фразу обращенную къ нимъ во множественномъ числѣ! И какими же были мы до сихъ-поръ невѣжами, когда мы позволяли себѣ всѣмъ дѣтямъ, безъ различія состоянія и сословія, говорить ты! Но какъ дешево достается намъ нашъ грошовый прогрессъ, когда этимъ только, и ничѣмъ больше, мы показываемъ свое движеніе впередъ! А подъ носомъ у насъ совершаются явленія, которыя въ состояніи возмутить даже и не самаго передоваго человѣка; наприм. въ учебномъ заведеніи начальникъ собственноручно бьетъ взрослыхъ учениковъ—это намъ ничего! или въ заведеніи розгами наказываютъ учениковъ до того, что съ ними дѣлаются судороги—и это тоже ничего! Мы еще поднимаемся массою противъ голоса, который раздался въ пользу гуманнаго воспитанія! мы гонимъ его, мы стараемся занять его мѣсто! Но взамѣнъ этого мы гуманность свою проявляемъ въ другомъ случаѣ. Вотъ напр. крестьянинъ, который пріѣхалъ вчера изъ деревни; онъ отъ роду не слыхалъ *сы*, обращенное къ нему вмѣсто ты. Но тутъ-то мы и покажемъ себя; мы, съ особенною вѣжливостью, говоримъ ему *сы*, когда онъ говоритъ намъ *ты*, и выходитъ дѣйствительно нѣчто въ родѣ сцены князя Луповицкаго съ его міромъ. Какъ ни пусть, и ни глупъ князь Луповицкій, а повидимому мы отъ него не ушли. Между тѣмъ гдѣ слѣдуетъ уничтожить остатки старины, тамъ мы находимъ возможнымъ удерживать ихъ, если они намъ нравятся. Напримѣръ, очень либеральный помѣщикъ дѣлаетъ сцену крестьянину за то, что онъ проходитъ мимо его дома не снявши шапки, а разговаривая въ продолженіе двухъ часовъ сряду со старикомъ-управляющимъ, который 30 лѣтъ служилъ его отцу, оставляетъ его съ непокрытою головою подъ палаящими лучами іюльскаго солнца! А все это прогрессисты! Какія разсужденія водятъ поступками этихъ господъ—Богъ ихъ знаетъ! Можетъ-быть, это особеннаго рода любовь къ народу, недовольно-понятная намъ, но которая, повидимому, хорошо понятна сердобокому помѣщику г. Юматову, который, по его собственнымъ словамъ, напечатаннымъ при одномъ изъ журналовъ комитета грамотности, очень любитъ простолудина, но «не тою любовью, которая еще болѣе развращаетъ его, которая дѣлаетъ изъ него яковинскій *peuple souverain*». Какою любовью любитъ г. Юматовъ простолудина—объ этомъ читатель, впрочемъ, долженъ только догадываться, потому что,

кромѣ этой отрицательной характеристики своей любви, другой характеристики г. Юматовъ не дѣлаетъ. Но, какъ видно изъ словъ г. Юматова, этой любви и простолюдинъ не понимаетъ, потому что г. Юматовъ, даже «принадлежа къ одной изъ тѣхъ дворянскихъ семей, которая издавна укоренилась въ одной (этой) мѣстности, нѣсколько поколѣній которой выросли среди народа, никакъ не могъ заслужить довѣрія крестьянъ. Вотъ какія необыкновенныя вещи бывають! законы бытія нарушаются; свободная причина остается безъ дѣйствія! Г. Юматовъ очевидно имѣетъ свою, какую-то особенную, систему; онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые изъ любви къ народу сдѣлали доходную статью, которые свои прогрессивныя идеи распространяють едва-ли даже не на жителей планеты, а у себя, въ своей сферѣ не только не стараются противодѣйствовать многому, очень непрогрессивному, но и сами тоже не прочь въ томъ и другомъ покривить душой (для пользы общей, разумѣется), потому и поставили правиломъ, чтобы гласность слишкомъ далеко не заходила: становыхъ, городничихъ, откупщиковъ—пусть караетъ, а прогрессистовъ пусть не трогаетъ—*sacer esto!* Скоро ли мы доживемъ до другого времени, до другихъ нравовъ, до другихъ правилъ?

К. Охочевомонный.

НЕБЫВАЛЫЕ ЛЮДИ.

УНИЖЕННЫЕ и ОСКОРБЛЕННЫЕ. Романъ въ 4-хъ частяхъ,
Ф. Н. Достоевскаго. (Время № № 1—7.)

(ОКОНЧАНИЕ).

— Эхъ, горе наше, горе! совсѣмъ-то мы *забитые люди*, такъ-таки на повалъ забитые! во взглядѣ—никакой смѣлости, въ движеніяхъ—ни малѣйшей развязности, въ голосѣ — плаксивое дребезжанье, въ самой походкѣ—какая-то неувѣренность, какъ-будто ноги наши—не ноги, а такъ, какія-то-дрыгалки, или неуклюжія свинчатки. Даже самъ г. Некрасовъ сказалъ про нашего брата:

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Какъ свинцомъ налита голова,
Странно руки торчатъ бесполезныя,
На губахъ замирають слова.
Улыбнусь—непроворная, жесткая,
Не въ улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу-шутка плоская:
Покраснѣю мучительно я.

— Г. Некрасовъ говоритъ объ исключительномъ случаѣ, когда человѣку приходится бывать не въ своей тарелкѣ. Это можетъ произойти со всякимъ. А гдѣ же основаніе утверждать, будто мы всѣ похожи на мокрыхъ куриць?

— Да вездѣ. Говорятъ, будто насъ по этимъ признакамъ узнають даже за границей.

— Мало ли что говорить! Говорятъ также, будто приѣзжающіе къ намъ заграничные люди не находятъ никакого различія между собой и нами и будто они между нами чувствуютъ себя, вполне, какъ у себя дома.

— Это говорятъ объ одномъ только словѣ общества, высшемъ, составляющемъ ничтожное меньшинство, которому дѣйствительно жить лучше другихъ.

— Но мнѣніе объ умственной развязности нашего крестьянства и о его представительной наружности сдѣлалось также почти классическимъ; а въ последнее время этотъ огромный классъ людей на самомъ дѣлѣ показываетъ самые несомнѣнные признаки жизни, хотя и искаженной, но далеко незабитой.

— Это опять-таки крайность и, притомъ, самая крайнѣйшая: въ этомъ громадномъ большинствѣ еще меньше человѣческаго развитія, чѣмъ въ привелигированномъ меньшинствѣ.

— А наши всему свѣту извѣстныя широкія натуры также не слѣдуетъ принимать въ расчетъ?

— Такъ же не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ указывать и на то, что лошади нашихъ степныхъ косяковъ неукротимы и что наши родныя мятели и вьюги столько же грозны, какъ и морскія волны. Тутъ еще разъ можно сослаться на г. Некрасова.

— Позвольте васъ просить не ссылаться. Г. Некрасовъ очень почтенный гражданинъ, пока, разумѣется, не будетъ доказано противнаго. Но если г. Некрасовъ страдаетъ печенью, такъ и мнѣ надо притворяться, что и я страдаю? Г. Некрасовъ, гуляя по Невскому, болѣе всего сосредоточиваетъ свое вниманіе на одной вывѣскѣ: *Дѣлаютъ гробы*, — такъ и я, во время моихъ прогулокъ, долженъ быть провякнуть мыслію, что вывѣска Варсонофія Петрова составляетъ самую большую достопримѣчательность Невскаго Проспекта? И всѣ эти открытыя фізіономіи, вся эта львиная самоувѣренность, дѣловая развязность и мудрая житейская озабоченность должны и мнѣ представляться какъ-будто приговоренными къ тюрьмѣ, какъ они представляются г. Некрасову? Но отъ этого бываетъ, по временамъ, тошно и самому г. Некрасову.

Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Это такъ самъ г. Некрасовъ говорить о стонахъ своего

сердца, а какъ же они должны быть противны человѣку болѣ здраваго настроенія?

— Такому, напримѣръ, вертопраху, какъ Невскій Проспектъ въ описаніи покойнаго Ивана Папаева? Но о нравственномъ здоровьи общества слѣдуетъ судить не по этимъ людямъ: свойства толпы очень хорошо извѣстны: ей хоть колъ на головѣ теши, она никогда не перестанетъ ревновать о своихъ маленькихъ интересахъ, забывая большіе, или даже и вовсе не возвышаясь до нихъ. Общественныя знаменія каждаго отдѣльнаго общества должны быть изучаемы на его наиболѣе сознательныхъ членахъ, которые сосредоточиваютъ въ себѣ весь смыслъ общественной жизни и составляютъ собою и ея пульсъ и ея мозгъ. Сознательнѣйшій изъ членовъ нашего общества, безъ сомнѣнія, есть литература. А какія же знаменія представляетъ она? Ея ругательная сторона, называемая публицистикой, очень вразумительно говоритъ сама за себя, что ей ничего не остается дѣлать, какъ опрокинуться самой на себя,—и она опрокинулась. Ея болѣе прирученная сторона, усвоившая себѣ лучшія привычки, по причинѣ своей болѣе давности, повторяетъ ту же самую исторію въ лицахъ; что ни новый романъ—то старая пѣсня, «вотъ дескать и хорошій человѣкъ, а живетъ такъ, что смотрѣть омерзительно; большихъ пакостей не дѣлаетъ, но зато потерялъ всякую способность возмущаться ими; въ глаза подлецомъ назовутъ—не умѣетъ обидѣться».

— Ну-съ, ваша рѣчь кончена. Если бы вы жили въ Эѳіопіи, или хотъ были французскимъ маркизомъ, путешествующимъ по Россіи, вамъ было бы позволительно принимать качели передъ господскими домами за висѣлицы и утверждать на этомъ основаніи, что *les seigneurs russes* до сихъ поръ сохраняютъ право жизни и смерти надъ своими вассалами; но Россія для васъ отечество, а между тѣмъ порожденія хворой фантазіи вы принимаете за живыхъ людей русскаго общества, и еще считаете ихъ самыми сознательными его членами: французскій маркизь въ сравненіи съ вами остроумнѣйшій изъ наблюдателей; тотъ, по крайней мѣрѣ, своими глазами видѣлъ вещь, похожую на висѣлицу, видѣлъ ее въ странѣ, по его мнѣнію, варварской; его заключеніе очень естественно и даже не лишено нѣкотораго остроумія. А вы—то на какихъ основаніяхъ построили ваши заключенія? Вы соорудили ихъ даже не на фактъ, замѣченномъ французскимъ маркизомъ, а просто на его соображеніяхъ, при-

думанныхъ имъ по поводу этого факта; потому-что тѣ книжныя явленія, которыя вы принимаете за явленія жизни, подсмотрѣны тоже своего рода французскими маркизами. Они видятъ качели— и полагаютъ, что на нихъ вѣшаютъ, а вы уже облаквашаете акты такого первобытнаго самоуправства. Вамъ рассказываютъ, что вотъ такой-то русскій человѣкъ на такомъ-то любовномъ свиданіи велъ себя самымъ униженнымъ образомъ, разыгрывалъ роль человѣка, лишоннаго пола, а вотъ такой-то не посмѣлъ даже и явиться на свиданіе, побоялся что тамъ для него устроенъ канканъ; вамъ рассказываютъ эти эксцентричныя вещи, можетъ быть, и дѣйствительно съ намѣреніемъ—привести васъ къ извѣстнымъ теоретическимъ выводамъ, а вы и вправду возводите ихъ въ общій фактъ, и въ самомъ дѣлѣ считаете ихъ достаточными для полученія такихъ выводовъ, ломаете свою голову и вдаетесь въ общія соображенія о томъ—отчего бы это русскій человѣкъ былъ такъ разбитъ на всѣ ноги? откуда въ немъ эта нечеловѣческая запуганность, это отсутствіе чувства и страсти и даже эта подавленность и молчаливость самыхъ вопіющихъ и непобѣдимыхъ инстинктовъ? И — странное дѣло—вы открываете всему этому причину! Передъ вами громкій, ни на одно мгновеніе не умолкающій фактъ, что въ Россіи люди и женятся, и посягаютъ, что они сражаются и иногда даже убиваютъ другъ друга изъ-за своихъ привязанностей, что воспитательныя дома обѣихъ столицъ нашихъ до того переполнены ягодами смѣлой любви, что ихъ раздаютъ по окрестностямъ,—а вы все-таки, въ виду этого факта, не перестаете убиваться отъ мысли, что вотъ настанетъ время, когда въ Россіи будутъ только умирать, а вновь нарождаться уже не будутъ: до того запуганы, что даже любить не смѣютъ, даже на свѣтъ приходите бояться. Въ сущности, вы убиваетесь отъ мысли довольно пошлой, и убиваетесь совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, что вы употребили на то всѣ извороты вашего тонкаго ума, чтобы изъ нерѣшительности, оказанной влюбленнымъ человѣкомъ въ критическую минуту, устроить себѣ хроническую панику; — и вы успѣли въ этомъ; съ этой стороны вамъ есть отъ чего убиваться. Но вы упускаете изъ виду то соображеніе, что такой неблагодарный умственный трудъ надъ самоумерщвленіемъ вамъ нуженъ былъ единственно для оправданія вашей склонности къ созерцательной жизни и что, по этому, вы, незамѣтно для васъ самихъ, старались и успѣли осмыслить

только свойства вашей собственной единичной природы, а никак не характеръ коллективной личности русскаго общества. Стало-быть, съ этой стороны вамъ не зачѣмъ убиваться; потому что нерѣшительность вашего влюбленнаго человѣка не имѣетъ никакого отношенія къ этой коллективной личности. Разница между поведеніемъ перваго и характеромъ послѣдней существуетъ самая рѣшительная и притомъ ясная до очевидности; слѣдуетъ только удивляться, какъ она не была понята въ свое время критикой, и объ этомъ непониманіи, во всякомъ случаѣ стоитъ жалѣть. Почему? Потому что литература, если бы въ ней своевременно завелось критическое самосознаніе, могла бы давнымъ-давно сдѣлаться источникомъ полезной инициативы для общества, а между тѣмъ, благодаря отсутствію этого самосознанія, она не сдѣлалась такою и до сихъ поръ. Что же такое могла бы указать догадливая критика творческой литературы? Одну простую вещь, стоящую, однако, всего вниманія нашихъ поэтовъ и беллетристовъ, а именно: нѣтъ ничего оскорбительнѣе и заносчивѣе, какъ выдавать нерѣшительнаго влюбленнаго человѣка за типическое лицо въ русскомъ обществѣ; нѣтъ болѣе разительной противоположности, чѣмъ какая находится между поведеніемъ этого человѣка и направленіемъ этого общества; потому что нерѣшительность этого человѣка объясняется его внутреннею гнилою сущностію, неясною дряблостію его собственной природы; а неуспѣхи этого общества почти сплошь оправдываются только упорностію внѣшнихъ преградъ и накопленіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ такого рода, которыя не имѣютъ ничего общаго съ внутреннею негодностію; тамъ совершенное оцѣпенѣніе, при которомъ даже и любовное свиданіе расшевелить не въ силахъ и остается только «безъ дѣла и безъ снукъ сидѣть сложивши руки;» а здѣсь, напротивъ, постоянное порываніе къ устраненію препятствій, порываніе, замѣчаемое въ тысячи и тысячи мѣстахъ. И этимъ сбивается вся представительная спесь съ нерѣшительнаго человѣка, и чрезъ это же самое мы прямо попадаемъ въ число оптимистовъ.

Что-жь, это значить, что мы заботимся о доставленіи матеріала отечественной сатиры и что, кромѣ того, мы знаемъ любопытную исторію мѣщанина Линькова, которой песимисты не знаютъ. Начало этой исторіи современно остроумному открытію г. Кокоревымъ спеціальной водки. Въ то время объ обществахъ трезвости не было еще и слуху, и г. Бабсть

еще не высчитывалъ, какое именно количество воды, вслѣдствіе этого открытія, будетъ раскупаемо въ нашемъ отечествѣ, каждагодно, за дорогія деньги, — словомъ, въ то время ни люди науки, ни публицисты не возвышали еще голоса, какъ мѣщанинъ Линьковъ началъ уже заявлять мѣстнымъ откупщикамъ, въ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстахъ, свое нерасположеніе къ открытію г. Кокорева, при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ. Пять разъ онъ принимался за свой процессъ по этому дѣлу и каждый разъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ приходилъ къ тому, что его сажали въ тюрьму. Мы подождительно знаемъ, что мѣстная откупная сила передъ каждымъ возобновленіемъ дѣла дѣйствовала на мѣщанина Линькова всѣми бывшими въ ея власти покушеніями, чтобы парализовать его охоту идти въ тюрьму, и никогда не могла добиться этого: мѣщанинъ Линьковъ такъ-таки и былъ на то, чтобы посидѣть въ тюрьмѣ, какъ-будто это былъ тотъ самый Пританей, котораго просилъ себѣ Сократъ, за свои услуги своимъ любезнымъ Аеннамъ. Даже природная наклонность къ юмору не только не слабѣла въ Линьковѣ, а еще получала высшую степень послѣ каждаго раза, какъ онъ выходилъ изъ своего Пританея. «Прошла-дескать честь, не угодно-ли на свои хлѣбы сѣсть,» говаривалъ онъ при этомъ случаѣ. Процессъ Линькова теперь давно уже получилъ національное значеніе, и его вниманіе обращено съ-тѣхъ-поръ на клейменные вѣсы и мѣры на мѣстныхъ базарахъ. Какъ-то вы преуспѣваете любезный Линьковъ? «Дѣло наше правое, а силы наши малы,» любите вы поговаривать; и однакоже и понять неумѣете, и на умъ вамъ никогда не приходитъ, что вамъ давно бы пора, и есть отъчего, немножко пораскиснуть и утратить хоть часть того веселаго настроенія, которое не покидаетъ васъ ни въ какихъ случаяхъ жизни. Очень много вы теряете, любезный Линьковъ, черезъ это неизмѣнное настроеніе вашего духа: о васъ нельзя написать даже повѣсти. Приключенія вашей жизни таковы, что изъ васъ могъ бы выйти отличный *униженный и оскорбленный*; а какой же вы униженный съ вашими вѣчными прибаутками и подшучиваніями надъ самимъ собою? Наконецъ слѣдовало бы вамъ принять въ расчетъ и направленіе русской критики: она могла бы, съ приличною гуманностью, по поводу васъ поговорить о *забитыхъ людяхъ*, — а какой же вы забитый человѣкъ съ вашею неизмѣнною готовностію — каждый день начинать новую клаузу?

Нѣтъ, любезный Линьковъ, люди, болѣе васъ понимающіе приличія, вели бы себя въ вашемъ положеніи совсѣмъ иначе, и именно такъ, какъ прилично настоящимъ *униженнымъ и оскорбленнымъ*; прежде всего, они вовсе не создали бы себѣ вашего положенія; они всегда имѣли бы благоразуміе посторониться отъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые такъ часто приводили васъ въ Пританей; потому что они посторониваются и не отъ такихъ случаевъ: можно умереть отъ стыда за нихъ, видя отъ какихъ случаевъ они постараниваются. Такимъ по-крайней-мѣрѣ представляется намъ поведеніе друга Наташи Ихменевой, *—не того друга, который унижилъ и оскорбилъ ее, а того, который черезъ нее самъ попалъ *въ униженные и оскорбленные*. Какія усилія употребилъ этотъ другъ, чтобы снасти своего друга отъ его рѣшительнаго и въ высшей степени опрочечиваго и предсудительнаго шага? Сдѣлалъ ли онъ хоть что-нибудь изъ всего того, что каждому не разбитому на всѣ ноги человѣку внушило бы предпринять даже простое чувство самохраненія? Потому что этотъ шагъ былъ рѣшительнымъ и для всей его собственной жизни. Легкомысленная Наташа Ихменева была его невеста, и намъ хотятъ показать, что она была, въ свою пору, добрая, честная и серьезно воспитанная дѣвушка; въ домѣ ея отца онъ получилъ воспитаніе, и хотъ принять былъ туда, какъ круглый сирота, по чувству состраданія, но тѣмъ не менѣе нацолъ тамъ родную семью и полноправіе сына. Если принять въ расчетъ всѣ поводы, по которымъ Ваня «униженныхъ и оскорбленныхъ» во всѣхъ случаяхъ своей жизни долженъ бы вести себя порядочно по отношенію къ своему другу, сестрѣ и невестѣ въ одно и тоже время, то этихъ поводовъ можно бы насчитать безчисленное множество: самолюбіе, благодарность, чувство долга, родства, и наконецъ любовь,—просто, всѣ человѣческія чувства, съ божескіе и человѣческіе законы обязывали его къ наилучшему поведенію относительно всего семейства Ихменевыхъ, которое съ тѣмъ вмѣстѣ него собственное семейство. И такова была всѣхъ этихъ обязательствъ, что еслибы ктонибудь изъ людей, въ томъ же самомъ положеніи и при тѣхъ же самыхъ словіяхъ, позволилъ себѣ не подчиниться ни одному изъ этихъ чувствъ и ни одной изъ этихъ обязанностей, или замаялъ бы ихъ значеніе передъ своею совѣстію, или, наконецъ, вовсе не

* Въ предыдущей статьѣ нашей фамиліи эта была искажена приавкой, въ началѣ, буквы Т.

понялъ бы всей ихъ обязательности, тотъ въ жизни—признавался бы (и это самое меньшее) за фельетоннаго эмансипатора женщинъ, а въ книгѣ—такой господинъ, какъ скоро ему приписываются качества души и образованія, долженъ быть понимаемъ какъ невозможный нравственный уродъ. Ваня—дѣйствуетъ не въ жизни, а въ книгѣ, и его выдаютъ намъ за человѣка, стоящаго всей нашей симпатіи. Какъ-же онъ, однако, дѣйствуетъ? Ему перешло дорогу како-то идиотикъ, Алеша Волконскій, юноша такого умственнаго и нравственнаго безсилія, такихъ сбивчивыхъ понятій о самыхъ простыхъ вещахъ жизненной практики, что если-бы онъ совершилъ какое-нибудь уголовное преступленіе, то его адвокатъ всего лучше могъ бы защитить его отъ приговора тѣмъ, что подвелъ бы его подъ разрядъ глупорожденныхъ, которые во всѣхъ просвѣщенныхъ законодательствахъ обыкновенно изъяты отъ всякой вмѣняемости.

Читатель можетъ, и однако не долженъ, думать, чтобы въ этой характеристикѣ было что-нибудь преувеличенное; мы повторяемъ сужденіе объ Алешѣ, сдѣланное самими любезными для него усами—Наташи Ихменевой. Вотъ ея подлинныя слова:

«Не вини его, Ваня, не смѣйся надъ нимъ! *Его судить нельзя, какъ всѣхъ другихъ.* Будь справедливъ. Вѣдь онъ не таковъ, какъ вотъ мы съ тобой. Онъ ребенокъ; его и воспитали не такъ. *Развѣ онъ понимаетъ, что дѣлаетъ?* Первое впечатлѣніе, первое чужое вліяніе способно его отвлечь отъ всего, чему онъ за минуту передъ тѣмъ отдавался съ клятвою. У него нѣтъ характера. Онъ вотъ поклялся тебѣ, да въ тотъ же день, такъ же правдиво и искренно другому отдастся, да еще самъ первый къ тебѣ придетъ рассказать объ этомъ (*и не глупорожденный?*). *Онъ и дурной поступокъ, пожалуй, сдѣлаетъ; да обвинять-то его за этотъ дурной поступокъ нельзя будетъ, а развѣ пожалеть.* Онъ и на самопожертвованіе способенъ и даже знаешь на какое! да только до какого-нибудь новаго впечатлѣнія: тутъ ужъ онъ опять все забудетъ (*какъ будто это въ самомъ дѣлѣ говорится въ уголовномъ судѣ!*) Такъ и меня забудетъ, если я не буду постоянно при немъ. Вотъ онъ какой!

Да-съ, вотъ онъ какой! И такой-то человѣкъ перешолъ Ванѣ дорогу, заставилъ его—отказаться отъ возможнаго счастья съ любимой дѣвушкой, а ее—эмансипироваться отъ обоженія своихъ родителей, отъ своей обязанности не убивать ихъ ни своей рукой, ни своимъ поведеніемъ, наконецъ отъ всего, чѣмъ не худо было бы ей подорожить, пока вопросъ объ эмансипаціи получитъ свое окончательное рѣшеніе: другой человѣкъ на мѣстѣ Вани, болѣе близкій къ Линькову, чѣмъ къ фельетонному эмансипатору, на эту человѣческую нуклу, названную у наше-

го романиста Алексея Волконокимъ взглянулъ бы точно такъ же, какъ человѣкъ, не вѣрующій въ примѣты, глядитъ на то обстоятельство, что ему заяцъ перебѣжалъ дорогу, или что онъ видѣлъ царя во-снѣ. Было бы достаточно одного щелчка — и не то что щелчка, а одного намека о способности дать щелчокъ, чтобы устранить это препятствіе съ своей дороги, отстоять счастье всей своей жизни, спасти честь и счастье всей жизни любимаго существа, отплатить благодарностью своимъ честнымъ и любящимъ доброжелателямъ, которые были бы готовы умереть рабами за эту услугу; да, для достиженія всего этого было бы за глаза достаточно Ванѣ проявить въ себѣ способность дать, при случаѣ, щелчокъ — и на такое дѣло недостало его мощнаго сердца. Было бы несправедливо сказать, что онъ вовсе ничего не предпринималъ; но чтобы обстоять свое счастье и исполнить свой долгъ, онъ сдѣлалъ не болѣе, чѣмъ сколько дѣлаетъ червякъ, когда хотять раздавить его: крошечку пошевелился — и только. Наташа въ его присутствіи собралась къ вечернѣ, то есть, будто къ вечернѣ. Ихменевы просятъ его проводить ее.

«Мы печально шли по набережной. Я не могъ говорить; я соображалъ, размышлялъ и потерялся совершенно. Голова у меня закружилась. Мнѣ казалось это такъ безобразно, такъ невозможно!

— Ты винишь меня, Ваня? — сказала она наконецъ.

— *Нѣтъ*, но... но я не вѣрю; но это быть не можетъ!.. отвѣчалъ я, не помня, что говорю.

Нѣтъ, Ваня, это ужъ есть! Я ушла отъ нихъ и не знаю что съ ними будетъ... не знаю, что будетъ и со мною!

— Ты къ нему, Наташа? да?

— Да, отвѣчала она.

— Но это невозможно! вскричалъ я въ изступленіи; — знаешь ли, что это невозможно, Наташа, бѣдная ты моя! вѣдь это безуміе. Вѣдь ты ихъ убьешь и себя погубишь! знаешь ли ты это, Наташа?

— Знаю, но что же мнѣ дѣлать, не моя воля (изъ диссертациіи принца датскаго?), сказала она, и въ словахъ ея слышалось столько отчаянья, какъ будто она шла на смертную казнь.

— Неужели-жь ты такъ его полюбила?

— Что мнѣ отвѣчать тебѣ, Ваня? ты видишь: онъ велѣлъ мнѣ придти; и я здѣсь жду его.

— Но послушай, послушай только, — началъ я опять умолять, хватаясь за соломенку: все это еще можно поправить, еще можно обдѣлать другимъ образомъ, совершенно другимъ какимъ-нибудь образомъ! Можно и не уходить изъ дому. Я тебя научу какъ сдѣлать, Наташечка. *Я берусь вамъ все устроить, все, и свиданіе и все...* Только изъ дому-то не выходи! я буду переносить ваши письма; отчего же не переносить? Я съумѣю это сдѣлать; я *вамъ угожу обоимъ:*

вотъ увидите, что угрожу... сами увидите. И ты не погубишь себя Наташечка, какъ теперь. А то, вѣдь, ты совсѣмъ теперь себягубишь, совсѣмъ! Согласись, Наташа: все пойдетъ и прекрасно и счастливо, и любить вы будете другъ друга сколько захотите.

— Полно, Ваня, оставь, — прервала она, крѣпко сжавъ мою руку и улыбнувшись сквозь слезы:— добрый, добрый Ваня! добрый, честный ты человекъ! И ни слова-то о себѣ! Я же тебя оставила первая, а ты все простишь, только объ моемъ счастьѣ и думаешь, письма намъ переносить хочешь.

Читатель видитъ, что Ванѣ не выдержать въ этомъ бою: до сихъ-поръ онъ не оказываетъ даже и сопротивленія червяку, и еще порастянулся немножко у ногъ Наташи, чтобы его удобнее было раздавить; и она сдѣлаетъ это, и велитъ еще потоптаться на томъ мѣстѣ другому нравственному уродцу, который сейчасъ подойдетъ къ ней. «*Добрый, добрый Ваня! добрый, честный ты человекъ!*» И сколько лѣтъ, и сколько разъ уже выдаютъ намъ этого добраго и честнаго человекъ за типическое лицо русскаго общества, за нашего прогрессивно-развитаго человека, выкидываютъ надъ нимъ однѣ и тѣ же шутки, и хотъ-бы разъ показали намъ, что онъ не находится внѣ психологическихъ законовъ. Если безплодіе нашей беллетристики заставило нашу критику прибѣгнуть къ той уловкѣ, чтобы въ любовныхъ исторіяхъ нашихъ повѣстей и романовъ видѣть аллегорію, то это еще не причина, чтобы наши любовныя исторіи были избавлены отъ всѣхъ условій человѣческаго правдоподобія. Въ этомъ есть еще нѣкоторая справедливость, что не своей охотой наши романисты тянутъ ляжку своей вѣчной любовной пѣсни, и что еслибы все дѣло зависѣло отъ ихъ доброй воли, то они зацѣли бы и на другіе лады, хотя, сказать правду, здѣсь очень мало вѣротности и очень много мистицизма. Это отчасти напоминаетъ исторію о Беатриче, въ которой остроумные комментаторы попеременно хотѣли видѣть—то католическую вѣру, то, поочередно, каждую изъ христіанскихъ добродѣтелей, пока наконецъ Байронъ не заставилъ признавать ее именно за Беатриче, сказавъ, что онъ, не въ примѣръ другимъ эстетикамъ и теологамъ, видитъ въ ней математику. Но такъ уже тому дѣлу и быть; мы готовы разумѣть любовныя исторіи нашей беллетристики, какъ аллегоріи, и охотно соглашаемся, что авторы этихъ исторій не по своей волѣ вращаются въ своемъ бѣличьемъ колесѣ. Но кака же роковая сила мѣшаетъ еще обрѣтаться и смыслу въ нашихъ аллегорическихъ произведеніяхъ, которыхъ окончательное пре-

воучёніе всегда таково, что у насъ чувствующій человѣкъ — непремѣнно человѣкъ безъ чувства, понимающій вещи — непремѣнно ихъ не понимаетъ, жаждущій дѣятельности — непремѣнно бездѣйствуетъ? Доказывать подобныя вещи, кажется, никто и ничто не вышуждаетъ; мыслить послѣдовательно о развитіи любовной интриги тоже никому не воспрещается; устроить любовныя катастрофы такимъ образомъ, чтобъ онѣ казались вполне вѣроятными, также считается совершенно терпимымъ; наконецъ быть изобрѣтательнымъ до самой послѣдней степени, относительно характеровъ и ихъ взаимныхъ коллизій, тоже можно безъ всякаго запрета. — Конечно, можно, но для этого нужно пролагать новыя пути, развить въ себѣ даръ сердецвѣдѣнія, быть психологомъ, и притомъ такимъ, чтобы стоять въ уровень съ общимъ философскимъ движеніемъ вѣка, необходимо имѣть понятіе о множествѣ другихъ вещей: когда все это узнаешь и до всего до этого дойдешь? А этотъ любезный типъ хворенькаго человѣчка — благо, уже однажды придуманъ, головы ломать надъ нимъ не нужно, остается только варьировать и имѣть сноровку, лишь бы не измѣнила исторія. — И она уже измѣнила. Люди безъ нервъ и съ молочными мускулами — хотя бы это были и добрые, и честные люди — совершенно перестали доказывать что-нибудь своимъ поведеніемъ въ аллегорическихъ исторіяхъ. Отчего бы ни зависѣли ихъ сердечныя неудачи — отъ того ли, что ихъ бросать, какъ онѣ того заслуживаютъ, или отъ того, что они сами съумѣютъ благоразумнымъ образомъ перепугаться своихъ успѣховъ, когда еще не поздно — это рѣшительно ни въ комъ не возбудитъ патриотическихъ сожалѣній и никого не заставитъ пуститься въ соображенія: «вотъ-деската русскій — то человѣкъ совѣмъ надломленъ; даже инстинкты всѣ утратилъ».

И отчего Ваня утратилъ свои инстинкты, откуда въ немъ эта неблагородная готовность — исправлять, въ пользу другого, должность гаремнаго стража при женщинѣ, которую онъ самъ любитъ? Положеніе его далеко не изъ столь плохихъ, чтобы можно было думать, что онъ доведенъ до такой иперболы самоуниженія жизненными невзгодами. Дѣтство его, проведенное въ домѣ Ихменевыхъ, по всей вѣроятности, прошло такъ, что онъ и не замѣтилъ своего сиротства; потомъ мы видимъ его талаптливымъ молодымъ человѣкомъ, который блистательно началъ литературную карьеру; первый написанный имъ романъ замѣченъ обществомъ и одобренъ критикой. Талантъ его стоить значителенъ, что онъ способенъ

писать по пяти, кажется, листовъ въ три дня, а это даже для начинающаго, то есть, по умѣренной журнальной платѣ, даетъ 250 рублей. Если такой человѣкъ еще стонеть, то черезъ него остается колесомъ переѣхать: кажется, есть полная возможность не оробѣть не только передъ первымъ щелчкомъ, но и передъ вторымъ, и передъ третьимъ, просто, есть возможность ни передъ чѣмъ не робѣть. Мы не говоримъ уже о томъ, что для порядочнаго человѣка это есть долгъ, чтобы ни передъ чѣмъ не робѣть, такой же точно долгъ, какъ, напр., быть справедливымъ и честнымъ. Какой сфинксъ разрѣшить намъ эту загадку? отчего Ваня говоритъ такимъ дребезжачимъ голосомъ, какъ-будто онъ постоянно съ перепугу?

— Какъ, отчего? Кажется, это ясно. Злыхъ людей много развелось на свѣтѣ; одинъ такой злодѣй, какъ князь Волконскій, способенъ привести въ отчаяніе за то общество, въ которомъ возможны такіе люди.

— Да какой же онъ печальникъ за это общество? Волконскій, по крайней-мѣрѣ, сила, которую сломить предназначено исторіи; по глупорожденный сынъ этого самаго Волконскаго въ его глазахъ покушается на честь его невѣсты, дочери людей, которыхъ онъ уважаетъ и которые были для него отцомъ и матерью, и онъ, печальникъ о благѣ цѣлаго общества, не то что не умѣетъ постоять за все, что для него есть только дорогого, а просто не знаетъ даже, что въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ, и потому стоитъ и проводитъ свое время слѣдующимъ образомъ:

— Одного только, Наташа, я не понимаю: какъ ты можешь любить его послѣ того, что сама сейчасъ про него говорила? Не уважаешь его, не вѣришь даже въ любовь его, и идешь къ нему безъ возврата, и всѣхъ для него губишь! *Что жь это такое?* Измучаетъ онъ тебя на всю жизнь, да и ты его тоже. Слишкомъ уже любишь ты его, Наташа, слишкомъ! Не понимаю я такой любви.

— Да, люблю, какъ сумасшедшая, отвѣчала она, поблѣднѣвъ, какъ будто отъ боли. И тебя никогда такъ не любила, Ваня. Я вѣдь сама знаю, что съ ума сошла и не такъ люблю, какъ надо. Не хорошо я люблю его... Слушай, Ваня: я вѣдь, и прежде знала, и даже въ самыя счастливыя минуты наши предчувствовала, что онъ дастъ мнѣ однѣ только муки. Развѣ я не знаю впередъ, что меня у него ожидаетъ что я перенесу отъ него? Вѣдь вотъ онъ клялся мнѣ любить меня, всѣ обѣщанія давалъ; а вѣдь я ничему не вѣрю изъ его обѣщаній, и во что ихъ не ставлю и прежде не ставила, хоть и знала, что онъ мнѣ не лгалъ, да и солгать не можетъ. Я сама ему сказала, сама, что не хочу его ничѣмъ связывать... Вотъ ты уговариваешь теперь

меня воротиться; а что будетъ изъ этого? Ворочусь, а завтра же опять уйду, прикажетъ и уйду; свиснетъ, кликнетъ (*это Алеша-то*) меня, какъ собачку, я и побѣгу за нимъ... Муки не боюсь я отъ него (*это все отъ Алешы-то! Боже!*) никакихъ мукъ! я буду звать, что отъ него страдаю... Охъ, да вѣдь этого не расскажешь, Ваня!

— Вотъ онъ!—закричалъ я, вдругъ завидѣвъ его вдали на набережной.

Наташа вдрогнула, вскрикнула, вглядѣлась въ приближавшагося Алешу, и вдругъ бросивъ мою руку, пустилась къ нему... Алеша замѣтилъ меня и тотчасъ же ко мнѣ подошелъ. Я жадно въ него всматривался, хотъ и видѣлъ его много разъ до этой минуты; я смотрѣлъ въ его глаза, какъ-будто его взглядъ могъ разрѣшить мнѣ всѣ мои недоумѣнія... Онъ былъ не по лѣтамъ наивенъ и ничего не понималъ въ дѣйствительной жизни. Наташа инстинктивно чувствовала, что будетъ его госпожей, владычицей. Она забыла въ это мгновеніе все—и родителей, и покинутый домъ... Она была счастлива.

— Ваня! — вскричала она, я виновата передъ нимъ и не стою его! Я думала, что ты ужъ и не придешь, Алеша. Онъ улыбнулся, поцаловалъ у ней руку и не выпуская ея руки, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Не вините и меня. Какъ давно хотѣлъ я васъ обнять, какъ родного брата! какъ много она мнѣ про васъ говорила! Мы съ вами до сихъ-поръ едва познакомились и какъ-то не сошлись. Будемъ друзьями и... простите насъ—прибавилъ онъ вполголоса и немного покраснѣлъ, но съ такой прекрасной улыбкой, что я не могъ не отозваться всѣмъ моимъ сердцемъ на его прѣвѣтствіе.

Вотъ и наступили на бѣднаго Ваню, и поминайте какъ его звали! Катастрофа совершилась такъ тихо, что онъ даже и не пискнулъ: вотъ вамъ и радѣтель о благѣ общества! Въ обществѣ совершилось безчинство, потому-что эта дѣвушка этимъ идиотикомъ черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ брошена, а добродѣтельный родитель этого идиотика еще въ это время ея отца ограбить, и есть возможность, что она возвратится потомъ въ ограбленный домъ свой не одна, а радѣтель о благѣ общества, въ высшей степени и самъ заинтересованный въ дѣлѣ, умѣлъ только постоять и потоптаться на одномъ мѣстѣ.—Но въ чемъ жетуть общественный вопросъ и какое дѣло до этого обществу?—А такое, что въ обществѣ, не счигая самого радѣтеля, становится грѣмя опечаленными существами больше, которыя были и могли продолжать быть счастливыми и безпечальными. Счастіе ихъ украдено изъ-за угла, воровскимъ образомъ. Идиотикъ, конечно, не виноватъ, по-крайней-мѣрѣ искусный адвокатъ всегда съумѣетъ оправдать его; само губернское правленіе, куда такихъ людей водятъ для свидѣтельства, могло бы найти, что онъ не зналъ,

что творилъ: на кого же падаетъ отвѣтственность за общественное зло? Какъ-бы вы думали—на кого, читатель? Вы непременно скажете: на Ваню, а слѣдуетъ сказать на психологію. Поведеніе всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ зависитъ именно и единственно отъ пороковъ психологіи. Ваня страдаетъ ими не болѣе другихъ, но за то и нисколько не менѣе: въ характерѣ этого лица слишкомъ переложено доброты и совершенно упущенъ изъ виду—не то-что одинъ изъ важнѣйшихъ, а именно самый важный психическій элементъ, безъ котораго не составляется и самая душа человѣческая: этотъ элементъ—эгоизмъ, тотъ самый противный эгоизмъ, который, несмотря на то, что онъ такой противный, исчерпывалъ въ свое время—конечно, въ слишкомъ и слишкомъ отдаленное время—всѣ интеллектуальныя способности человѣческихъ существъ и былъ инстинктомъ самохраненія, и который, при дальнѣйшемъ развитіи такъ называемыхъ царей природы, послужилъ центромъ, источникомъ и причиною всей сложности ихъ психическаго механизма. Вотъ сколь важнаго элемента недостаетъ въ характерѣ Вани, который, по этому самому, несмотря на свое человѣческое имя, въ сущности, есть эфиротъ, безъ всякаго человѣческаго характера! Надобно замѣтить—да и замѣчать нечего, и безъ того всѣмъ извѣстно—что между множествомъ опредѣленій человѣческихъ характеровъ есть одно, которое называется *безхарактерность*, и которое тѣмъ не менѣе объясняетъ, и притомъ очень удовлетворительно, извѣстный разрядъ характеровъ. О Ванѣ мы говоримъ не это; мы указываемъ въ немъ на совершенное отсутствіе характера, такъ-какъ эта необходимая принадлежность души въ этомъ воображаемомъ существѣ, называемомъ Ваней, вполне замѣщена стилистикой. —Недостатокъ этотъ чисто-художественный, тонкій. Такъ хорошо ли вы дѣлаете (думаетъ нашъ читатель), что останавливаете мое вниманіе на этихъ тонкостяхъ? Вѣдь намѣренія автора извѣстны: хороши они—ихъ слѣдуетъ одобрять, а нѣтъ—такъ порицать.—Это правда, что они извѣстны и что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать къ числу наилучшихъ. Но произведеніе нашего романиста, какъ и всякое произведеніе ума и рукъ человѣка, есть намѣреніе, перешедшее въ дѣло. У китайскихъ генераловъ въ послѣднюю войну были намѣренія, безъ сомнѣнія, самая патріотическія и потому достойныя всякой похвалы; они состояли въ томъ, чтобы, въ вѣчное поученіе всѣмъ вра-

гать Серединной имперіи, истребить въ англо-французской арміи до послѣднаго солдата; но если ихъ китайскія превосходительства для исполненія этихъ своихъ намѣреній дѣлали только то, что въ продолженіе тринадцати дней отдавали своимъ провіантскимъ чиновникамъ приказанія—продовольствовать солдатъ, для воспламененія въ нихъ геройскаго духа, поочередно, то львиными печопками, то леопардовыми сердцами, то внутренностями другихъ столь же кровожадныхъ звѣрей, то чѣго они были достойны за такія энергическія мѣры къ спасенію своего отечества: похвалы или порицанія? Намѣренія китайскихъ солдатъ были тѣ же самыя, вполне достойныя истинныхъ сыновъ отечества; но если они, вмѣсто того, чтобы доконать враговъ своихъ примѣрною храбростію, хотѣли уничтожить ихъ возбужденіемъ въ нихъ страха и для этого росписали себѣ рожи, то такой обороны Пекина опять ни одинъ военный историкъ не назоветъ героическою. То же самое и съ намѣреніями нашего автора. Положимъ, что онъ имѣлъ намѣреніе вдохновить насъ превосходнымъ примѣромъ, показавъ намъ добрейшій образъ печальника о своихъ ближнихъ: намѣренію этому никто не можетъ отказать въ благородствѣ. Но если авторъ оставилъ своего печальника при однѣхъ печаляхъ; если, вмѣсто всякихъ силъ, необходимыхъ для такого почтеннаго призванія, вмѣсто высоко-развитого чувства справедливости, вмѣсто непреклоннаго и хорошо направленнаго эгоизма, не терпящаго нарушенія ни своего права, ни права ближняго, эгоизма, предполагающаго столь же глубокую любовь, какъ и глубокую ненависть, не устающаго въ борьбѣ, не робѣющаго ни предъ какими неудачами, никогда не теряющаго своей надежды—если, вмѣсто всего этого, авторъ снабдилъ своего печальника одною безцѣльною добротою и сдѣлалъ изъ него эфирота, то мы никакъ не должны оболящать себя, будто такое химерное, хотя и добренькое существо, что-нибудь способно сдѣлать въ этомъ зломъ и реальномъ мірѣ. Такимъ образомъ, доказать, что это существо есть дѣйствительно химерное—становится нашею существенною обязанностью; иначе могутъ найтись робкіе люди, которые еще болѣе перепугаются и получатъ лишнее доказательство, что хорошему человѣку въ этомъ зломъ мірѣ дѣйствительно ничего нельзя сдѣлать; пусть же они видятъ, что авторъ не доказалъ своего положенія.

Точно такъ ни одинъ психологъ, ни одинъ социальный писа-

толь никогда не подумают сослаться на Наташу Ихменеву, какъ на вѣроятное общественное явленіе, въ подтвержденіе какихъ-нибудь своихъ выводовъ. Романистъ не можетъ получить болѣе лестной награды, чѣмъ какую составляетъ для него подобная ссылка, и лучшіе бельетристы серьёзныхъ литературъ ни о чемъ такъ не стараются, какъ говорить въ одинъ тонъ съ наукою и непосредственными наблюдениями всѣхъ мыслящихъ и проникательныхъ людей. Нашъ романистъ, повидимому, старался о томъ же, и это опять дѣлаетъ ему великую честь, и опять, однако, нехорошо, что онъ фельетонный прогрессъ принялъ за настоящій. Не хорошо это тѣмъ, что ему пришлось доказывать вещь, на которую въ жизни нѣтъ никакого намека, которой, по этому случаю, нѣтъ никакой возможности доказать и о которой, по тому же самому, можно было наговорить цѣлую бездну всевозможныхъ несообразностей. Автору хотѣлось показать примѣръ эмансипаціи именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ совокуплены всѣ мѣры противъ этого величайшаго семейнаго зла: и благоприятное рожденіе въ глуши, и незнаніе дрянныхъ французскихъ романовъ, и всѣ преимущества домашняго примѣра, и отсутствіе всякихъ курьёзныхъ бесѣдъ съ людьми фельетоннаго образованія, словомъ, всѣ условія, при которыхъ самый пылкій темпераментъ подчиняется давленію установившейся нравственности. Воспитательницы должны были бы закрыть свои пансіоны, матери семействъ должны были бы придти въ отчаяніе и считать всѣ свои святые попеченія о воспитаніи дочерей своихъ трудомъ самымъ неблагодарнымъ и трудомъ совершенно напраснымъ, если бы трудъ этотъ не обезпечивалъ ихъ чести и ихъ спокойствія даже настолько, чтобы устранить отъ нихъ возможность проститься въ одинъ прекрасный вечеръ съ своею дочерью, идущею къ вечернѣ, и узнать потомъ, что она, вмѣсто вечерни, прямо отправилась на особую квартирку...

Мы всѣ знаемъ, что это точно бываетъ; и если такому пассажиру суждено было случиться и съ Наташей, то автору, въ такомъ случаѣ, не слѣдовало бы скрывать отъ насъ, что она до пріѣзда въ Петербургъ была знакома съ военными офицерами, курила папиросы и была крѣпко убѣждена въ той истинѣ, что «съ милымъ рай и въ шалашѣ», что мать ея на каждомъ шагѣ шпиговала ее за неудачную ловлю жениховъ, и что, наконецъ, отецъ ея тянулъ горькую. Но авторъ окружилъ ее ореоломъ порядочности и сдѣлалъ это въ величайшій ущербъ правдопо-

добью. Наташа сдѣлалась невозможной; для объясненія ея милаго увлеченія остается одинъ только мотивъ — пламенная любовь. Это бываетъ очень хорошо во французскихъ романахъ съ мѣстомъ дѣйствія въ испанской Андалузѣ, гдѣ предрассудки цивилизованныхъ странъ не успѣли еще одержать перевѣса надъ непосредственными ощущеніями людей, близкихъ къ природѣ. Мы хоть и не можемъ гордиться своей цивилизаціей, однако на столько удалились отъ непосредственнаго состоянія, что чувство чести, требованія долга, желаніе прочнаго благосостоянія, выгоды общественнаго положенія и, наконецъ, вся благотворная сила нравственнаго развитія у насъ должны одерживать верхъ надъ мимолетными увлеченіями темперамента. Вотъ другое дѣло, если бы любовь очутилась въ гармоніи со всѣми исчисленными здѣсь благами и требованіями, или даже безъ благъ, съ одними только требованіями и, однако, встрѣтила бы препятствіе въ какой-нибудь условной тиранніи, или подверглась испытанію, тогда она и подъ нашимъ свинцовымъ небомъ могла бы явиться силою изумительной энергіи. Мы, русскіе, знаемъ Наталью Долгорукову, которая еще ждетъ своего драматурга.—Но тогда въ романѣ не совершился бы актъ эмансипаціи. —А теперь развѣ онъ совершился? Развѣ романъ не внушилъ, напротивъ, всѣмъ воспитательницамъ, всѣмъ матерямъ семейства той мысли, что онѣ должны истощать надъ зависящими отъ нихъ обожаемыми существами всю свою тираннію, не должны довѣрять ни ихъ доказанному благоразумію, ни ихъ вполне установленнымъ правиламъ, ни ихъ способности разсуждать и говорить не хуже Цицерона или Квинтиліана (Наташа отчасти синій чулокъ: говорить и разсуждаетъ именно такимъ-образомъ), не должны довѣрять имъ сдѣлать шагъ безъ надзора, иначе пойдутъ и не воротятся, какъ Наташа, то есть воротятся, только не въ свое время, какъ Наташа. Вѣдь въ сущности авторъ пришолъ только къ этому. Мы знаемъ автора за благородно-мыслящаго человѣка и полагаемъ, что онъ пришолъ къ этому невзначай; мы полагаемъ даже,—все на томъ же основаніи,—что его будничныи, обыкновенный, нероманическій образъ мыслей состоитъ въ томъ, что хоть изъ его Наташи и вышла интересная *униженная и оскорбленная*, но это только въ романѣ; а что въ дѣйствительной жизни ни одно почтенное семейство, даже воспитывающее въ себѣ самыя радикальныя начала, не можетъ такую страницу въ своей семейной хроникѣ считать ни чѣмъ другимъ, какъ роковымъ и величайшимъ злополучіемъ.

— А можетъ быть онъ и въ романѣ-то хотѣлъ установить именно такой взглядъ на эту страницу семейной хроники Ихменевыхъ?

— Можетъ быть. Только зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ? Это и безъ того установившійся взглядъ. И зачѣмъ онъ сдѣлалъ это такъ темно, натянуто, неправдоподобно, что и разобрать нельзя, что онъ такое сдѣлалъ? Такъ-что въ концѣ всего намъ приходится сказать, что его романъ относится къ тому легкому роду, который вызываетъ на трудное соперничество съ очень извѣстными корифеями легкаго рода, столь изобилующими во французской литературѣ, и что онъ только отдѣлалъ его мѣстными петербургскими колерами, тоже въ общепринятомъ, и потому отчасти рутинномъ родѣ, а именно: снялъ на все время своего романа солнышко съ нашего горизонта, почастилъ мелкой атомическаго свойства изморозью, развелъ по улицамъ жижу и, въ заключеніе, свелъ своего героя въ казенную больницу. Бѣдное солнышко! долго ли тебя будутъ прятать отъ насъ? Бѣдные мы люди! можетъ ли наша репутація людей, изъѣденныхъ молю, измѣниться прежде, чѣмъ это случится съ петербургскимъ климатомъ? Есть ли надежда, чтобы она измѣнилась независимо отъ него, или его недостатки будутъ всегда считаться и нашими?

В—ъ.

ОТКУДА ИДЕТЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ РАЗНОГОЛОСИЦА И КАКЪ УСТРАНИТЬ ЕЕ?

Извѣстно, что при согласіи и малыя дѣла растутъ, а при несогласіи и большія разстроиваются; это извѣстно съ очень давняго времени; еще римляне толковали объ этомъ едва-ли не каждый день, да и И. А. Крыловъ очень недавно сказалъ, что когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ. Потому было бы очень естественно ожидать, чтобъ въ каждомъ сколько-нибудь серьезномъ дѣлѣ всякій заботился о томъ, чтобъ согласить свои усилія съ усиліями другихъ лицъ, занятыхъ тѣмъ же дѣломъ; но между-тѣмъ этого въ дѣйствительности почти никогда не бываетъ, и, повидимому, въ настоящее время этого согласія между дѣятелями тоже нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ г. И. Арсеньевъ въ «Сѣверной Почтѣ» напечаталъ статью, въ которой горько оплакиваетъ недостатокъ согласія между нашими дѣятелями. Г. Арсеньевъ крупными чертами рисуетъ то, что мы какъ «Лебедь, Щука и Ракъ» тянемъ въ разныя стороны, въ то время, какъ намъ нужно вести одинъ и тотъ же возъ, и для этого, разумѣется, слѣдуетъ тянуть въ одну и ту же сторону по тому правленію, куда возу нужно ѣхать. Это направленіе, которому мы должны слѣдовать — реформа, потребность которой, по его мнѣнію—да вѣроятно и по общему—у насъ всѣ признаютъ, а между тѣмъ вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ей, находятся люди, которые, по мнѣнію г. Арсеньева, ей только мѣшаютъ.

Пожалѣвъ довольно о недостаткѣ у насъ единодушія, г. Арсеньевъ переходитъ къ уясненію причинъ «страннаго и грустнаго явленія» т. е. все-таки недостатка единодушія, даже противодѣйствія, которое реформа, по его мнѣнію, встрѣчаетъ въ томъ или другомъ кружкѣ. «Причины эти (говоритъ онъ) въ самой сущности предмета заключаться не могутъ, а зависеть отъ отсутствія исторической почвы, отъ малаго знакомства съ прошедшимъ, отъ недостатка глубокаго, хладнокровнаго анализа, отъ юношескаго увлеченія, отъ поклоненія кумирамъ, вновь созданнымъ. Авторитеты пали, допустимъ даже, что предразсудки не существуютъ, но каждое время имѣетъ свой недостатокъ, а недостатокъ нашего времени заключается въ поклоненіи своему вѣку, своей непогрѣшенности, своему я».

Вѣрно-ли поминаетъ г. Арсеньевъ причины недостатка у насъ единодушія?—на этотъ вопросъ едва-ли можно отвѣчать утвердительно. Да и почему его такъ сильно занимаетъ единодушіе, согласіе *всѣхъ* для общаго дѣла, когда, во-первыхъ, во всей строгости его достигнуть никакъ нельзя, а во-вторыхъ, и безъ него очень легко обойтись, легко сдѣлать предположенное дѣло. Нельзя никогда забывать того, что правда свѣтлѣе солнца, и что хорошее всѣмъ нравится. Если я задумалъ какое-нибудь полезное общественное дѣло, напр., по примѣру римскихъ патриціевъ, хочу провести на свой счетъ дорогу отъ одного города къ другому, то кто и какъ можетъ помѣшать мнѣ? Если я не найду поддержки, помощи, то, по-крайней-мѣрѣ, противодѣйствовать мнѣ никто не станетъ,—разумѣется, если дѣло будетъ вполне ясно, если не будетъ никакого подозрѣнія, что я намѣренъ эксплуатировать публику на новый ладъ. Наконецъ, пусть и подозреваютъ меня, кому угодно: если мои намѣренія чисты отъ упрека, то мнѣ стѣбитъ только не обращать вниманія на недоброжелательство, чего очень легко достигнуть, имѣя въ виду дѣло, немножко подождать и въ свое время самымъ торжественнымъ образомъ, т. е. дѣломъ, опровергнуть всѣ клеветы, распущенные недоброжелательствомъ. Нельзя же требовать, чтобъ задуманные какъ бы то ни было проэекты такъ сразу и пользовались только хвалебными гимнами—это не возможно уже потому, что бываютъ различныя проэекты, и нѣкоторые, при всей доброй волѣ ихъ авторовъ, могутъ имѣть только самый несчастный результатъ. Напр. г. Вернадскій во время оно проповѣдывалъ, что нашу русскую земледѣльческую общину слѣдуетъ стереть съ лица земли, что нашъ осво-

божденный крестьянинъ можетъ обойтись и безъ земли. Кто имѣетъ какія-нибудь причины сомнѣваться въ доброй волѣ г. Вернадскаго, а между тѣмъ, которые находили что эти проэекты прямо ведутъ къ величайшему несчастію всѣхъ временъ и народовъ—къ пролетаріату, тѣ, конечно, не могли похваливать проэекты г. Вернадскаго, не могли даже оставаться сложа руки, ничего не дѣлая для того, чтобы показать весь вредъ, могущій произойти отъ его проэекта; и какъ у насъ у всѣхъ есть слабость меньше доказывать, а болѣе догматически выдавать наши проэекты отъ имени науки, то отсюда, кромѣ необходимости опровергнуть доказательствами ту или другую мысль, является еще необходимость показать, что авторъ извѣстныхъ мыслей, проэектовъ совсѣмъ не такъ близокъ къ наукѣ, какъ самъ онъ старается показать передъ читающею публикою. Тутъ заключается причина того явленія, которымъ такъ недоволенъ г. И. Арсеньевъ. «Ничто, говоритъ онъ, не смягчаетъ приговоривъ дикаго ареопага, ни прежнія заслуги передъ обществомъ, ни чистота намѣреній, ни честный трудъ, ни познанія—пощадя нѣтъ ничему». Очень жаль, если, благодаря возможности ошибаться, которой подверженъ всякій человекъ, не будутъ по справедливости цѣниться ни прежнія дѣйствительныя заслуги передъ обществомъ, ни чистота намѣреній, ни честный трудъ и т. п. Въ этихъ вещахъ нужна особенная щекотливость, деликатность. Честные общественные дѣятели, даже дѣлая ошибки, имѣютъ право на всеобщее уваженіе, и, къ сожалѣнію, наша литература, какъ и всякая другая, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не всегда поступала какъ слѣдуетъ. Но, вѣдь, и бѣды-то изъ этого немного. Напр. г. Пироговъ подвергся извѣстному способу третированья въ «Современникѣ». Самъ авторъ и друзья его находили, что статья, въ которой подробно разбирались, осуждались и даже осмѣивались его педагогическія правила, совсѣмъ не оскорбительна для г. Пирогова; другіе находили что, она очень оскорбительна. Положимъ, что эти другіе правы. Что же, г. Пироговъ потерялъ что-нибудь отъ этой статьи? Ему, можетъ быть, непріятно, что послѣ столькихъ лѣтъ дѣйствительно честнаго служенія обществу, его имя не служить ему защитою отъ литературныхъ нападеній? Нѣтъ, можно навѣрное сказать, что г. Пироговъ, какъ и всякій человекъ, не думающій о лаврахъ, а думающій о дѣлѣ, не обратилъ никакого вниманія на статью «Современника», если, разумѣется, онъ не нашолъ въ ней нѣкоторыхъ указаній, которыя самъ онъ

счелъ для себя полезными. И будто г. Пирогову, послѣ его, кажется, тридцатилѣтней общественной дѣятельности, было неизвѣстно, что всякое, самое почтенное, дѣло и имя можетъ подвергнуться осужденію и даже брани въ литературѣ, какъ и въ обществѣ, со стороны того или другого кружка, плохо или только иначе поднимающаго дѣло? Неделikatныя обращенія къ честнымъ общественнымъ дѣятелямъ прежде всего, и даже единственно, могутъ имѣть тотъ результатъ, что повредятъ тѣмъ, кто ихъ себѣ позволяетъ. Басня «о Слонѣ и Москѣ» имѣетъ здѣсь самое полное примѣненіе: въ то время, какъ москѣ уже хрипѣть, слонъ идетъ-себѣ впередъ и ея лая совсѣмъ не примѣчаетъ: такъ что слишкомъ негодовать на разныя выходки нѣтъ никакой надобности. И такъ-какъ въ литературной критикѣ, въ разборѣ словъ и дѣйствій того или другого общественнаго дѣятеля нельзя положить границы, до которой можно идти и которую нельзя переступать, то и остается предоставить все на собственный тактъ, собственныя соображенія каждаго ищущаго. Задача, которую каждый себѣ предположилъ, степень его личной образованности—укажутъ ему предѣлы, до которыхъ онъ можетъ доходить. Но невозможно ограничить всякаго только тѣми строками, которыя онъ разбираетъ въ извѣстномъ сочиненіи извѣстнаго автора, частью потому, что иногда нужно, для успѣшнаго проведенія своей мысли, показать, что противники ея совсѣмъ не авторитеты въ наукѣ, даже далеки до общаго уровня ея, частью по другой причинѣ, которую мы и постараемся изложить. На литературу смотрятъ нѣкоторые какъ на какое-то особенное явленіе общественной жизни, имѣющее свои особенныя задачи и свои особенныя законы. Литература, то, что пишется и печатается, совершенно подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и то, что не печатается и не пишется, а просто только говорится. Печатное сочиненіе есть тотъ же самый устный разговоръ—разсказъ, вообще устное изложеніе, которое, благодаря изобрѣтенію письма и книгопечатанія, получило возможность быть доступнымъ для большаго числа читателей; тотъ, кто рассказываетъ, излагаетъ что-нибудь устно, ограничивается тѣснымъ кружкомъ слушателей и его только и имѣетъ въ виду; тотъ, кто не читаетъ свои сочиненія, имѣетъ въ виду цѣлое общество. Разговоръ въ кружкѣ можетъ быть пусть и ничтоженъ по содержанію—такова салонная болтовня; въ литературѣ тоже могутъ быть и бываютъ явленія, которыя вполне соотвѣт-

твуютъ пустою салонной болтовней. Но, кромѣ того, въ кружкѣ долженъ быть и бываетъ разговоръ серьезный, имѣющій предметомъ какіе-нибудь матеріальные или нравственные интересы кружка. Въ литературѣ подобнымъ серьезнымъ разговорамъ соответствуютъ всѣ сочиненія, занимающіяся въ той или другой формѣ нравственными или матеріальными интересами общества. Изъ этой параллели между отдѣльнымъ кружкомъ и его разговорами съ одной стороны, и цѣлымъ обществомъ и литературою съ другой, легко вывести правильный взглядъ на то, что позволительно и чего даже можно требовать въ литературной дѣятельности. Положимъ, что вы имѣете какое-нибудь знакомое семейство; въ это семейство является педагогъ, рекомендуетъ себя и предлагаетъ свои услуги къ воспитанію дѣтей въ этомъ семействѣ; это предложеніе услугъ происходитъ въ вашемъ присутствіи; вы сразу видите, что этотъ педагогъ шарлатанъ. Вашъ долгъ открыть глаза знакомому вамъ семейству, показать ему, что педагогъ ничего не смыслитъ ни въ наукахъ, ни въ педагогіи; что если ему поручить дѣтей, то онъ воспитаетъ въ нихъ плутовъ или вѣчныхъ недорослей. Въ другой разъ въ вашемъ присутствіи происходитъ подобное же представленіе человѣка, который желаетъ получить мѣсто управляющаго имѣніемъ. Вы опять-таки съ первыхъ словъ его видите, что въ агрономіи онъ не силенъ, и притомъ замѣчаете, что его воззрѣнія имѣютъ особенный характеръ, который окончится раззореніемъ владѣльца и притѣсненіемъ рабочихъ. Вашъ долгъ опять-таки предупредить знакомыхъ вамъ людей, объяснить имъ, что высказанныя претендентомъ на мѣсто управляющаго воззрѣнія слишкомъ слабы и недостаточны, и ни въ какомъ случаѣ выгоды владѣльцу и работникамъ не принесутъ. Въ третій разъ, въ вашемъ присутствіи происходитъ подобное же представленіе необыкновеннаго пріѣзжаго доктора, который, по его словамъ, приобрѣлъ себѣ лестное вниманіе публики въ томъ другомъ мѣстѣ и берется лечить отъ всѣхъ болѣзней помощію вобрѣтеннаго имъ самимъ, или наслѣдованнаго хотъ послѣ графа Калиостро, средства. Вы съ первыхъ словъ необыкновеннаго доктора замѣтите, что это за птица, и вашъ долгъ опять-таки предупредить знакомыхъ вамъ людей, показать имъ, что ввопредлагаемое средство или не исцѣлитъ, кого нужно, отъ болѣзни, или усилитъ ее, что очень часто дѣйствительно и удается подобнымъ необыкновеннымъ докторамъ. Теперь вопросъ въ

томъ: исполните ли вы вашъ долгъ, т. е. нужно ли исполнять по совѣсти свой долгъ? Вопросъ, неправда ли, очень странный? во страннѣе всего то, что въ нашей литературѣ онъ совсѣмъ не лишній, и найдется очень много господъ, которые, во имя полной свободы личности и полноты развитія, утвердительно на него не отвѣтятъ. Не обращая много вниманія на подобныя слишкомъ абсолютныя ученія, примемъ, какъ всегда принимало человѣчество, что долгъ слѣдуетъ выполнить, т. е. предупредить кого слѣдуетъ и въ чемъ слѣдуетъ. Допустимъ, однако, что, неполнивъ полагаясь на ваше первое впечатлѣнiе, вы не сказали ничего относительно способностей, возрѣвнiй и видовъ господъ, предлагавшихъ свои услуги; но проходить нѣсколько времени, и вы вполне убѣждаетесь, что и педагогъ, и управляющій, и докторъ могутъ только повредить людямъ, которыхъ вы знаете и которымъ вы желаете добра. Въ такомъ случаѣ вашей мнительности и нерѣшительности нѣтъ болѣе мѣста; если вы хотите остаться честнымъ человѣкомъ, вы должны раскрыть глаза тѣмъ людямъ, которые имѣли неосторожность подвергнуться эксплуатаціи этихъ промышленниковъ. Въ этомъ случаѣ вамъ все кстати: пользуйтесь какимъ угодно предлогомъ, чтобъ доказать вашимъ знакомымъ, что ихъ педагогъ, агрономъ и докторъ совершенно ничего не смыслятъ каждый въ своемъ дѣлѣ. Если же вы имѣете какія-нибудь доказательства, хотя недостаточныя въ юридическомъ процессѣ, но достаточныя для того, чтобы убѣдить всякаго человѣка съ здравымъ смысломъ въ томъ, что эти люди имѣютъ сомнительныя нравственныя правила, что они того или другаго уже обманули, въ томъ или въ другомъ случаѣ поступили безчестно, — вы обязаны рассказать все, что вы узнали, иначе впоследствии, если вы воздержитесь отъ этого какими-нибудь мелкими соображеніями приличія, или чего другаго, вы подвергнетесь жестокому упреку со стороны людей, которые имѣли къ вамъ довѣренность, которые, состоя съ вами въ извѣстныхъ сношеніяхъ, имѣли возможность оказать вамъ тѣ или другія услуги. Они скажутъ вамъ, что вы плохо заплатили имъ за довѣренность; да и сами вы горько пожалѣете, если ваши, неизвѣстно на чемъ основанныя, соображенія, не позволивъ вамъ открыть глаза людямъ, которымъ вы желаете добра, будутъ причиною ихъ несчастія.

Въ литературѣ должно быть то же самое: она имѣетъ ту же цѣль, какъ и устные серьезныя разговоры, только ея сес-

ра дѣйствія шире, польза, или вредъ которые она можетъ принести, распространяются на все общество, на цѣлый народъ; а въ этомъ заключается причина, почему на долгъ писателя нужно смотрѣть еще строже, чѣмъ на долгъ каждаго частнаго чело-вѣка, члена извѣстнаго кружка. Одинъ чело-вѣкъ, высокой добродѣтели котораго всѣ отдають справедливость, говорилъ: «Я люблю себя, и въ этомъ признаюсь; но общество, къ которому я принадлежу, кружокъ людей съ которыми я связанъ родствомъ или только знакомствомъ, основаннымъ на уваженіи, я люблю больше нежели себя, и для нихъ я готовъ пожертвовать собою; но еще больше люблю я весь народъ, къ которому я принадлежу, и для него я готовъ пожертвовать и собою и цѣлымъ кружкомъ моихъ родныхъ и знакомыхъ.» Дѣло, касающееся всего общества, требуетъ отъ насъ больше преданности, безкорыстія, строгости къ самимъ себѣ, чѣмъ дѣло, касающееся только небольшого кружка. Другая причина, обязывающая читателя строго смотрѣть на свое дѣло, состоитъ въ томъ, что кружокъ писателей, сравнительно съ цѣлымъ обществомъ, великъ быть не можетъ. Въ то время когда способныхъ и полезныхъ людей въ обществѣ иногда очень много, въ литературѣ дѣйствуютъ только очень немногіе. Потому всякій писатель долженъ хорошо помнить, что онъ долженъ дѣло свое дѣлать сколько можно лучше, старательнѣе и, главное, честнѣе; потому-что, дѣлая свое дѣло, онъ нѣкоторымъ образомъ устраняетъ другихъ, которые, можетъ быть, были бы полезнѣе его; а такихъ людей дѣйствительно много. И теперь и прежде многіе уклонялись отъ литературной дѣятельности, представляя ее другимъ, въ честность стремленій и дѣйствій которыхъ они вѣрили. Если писатель не будетъ отвѣчать этой довѣренности, его вина будетъ двойная: во-первыхъ, то, что онъ ни отъ чего независимо плохо дѣлаетъ серьезное и важное дѣло, касающееся всего общества; во-вторыхъ, то, что онъ устраняетъ отъ дѣятельности людей способныхъ, и такимъ образомъ тормозитъ движеніе общества. Въ этомъ отношеніи дѣйствительными преступниками становятся тѣ, которые, ничего не дѣлая, или занимаясь пустяками, достойными дѣтей, стремятся всякими средствами, и преимущественно дурными, къ популярности, къ приобрѣтенію или поддержанію ея, т. е. проще сказать: обманываютъ публику.

Что такіе господа есть во всѣхъ литературахъ—это всѣмъ извѣстно; что они есть въ нашей литературѣ—это можно счи-

татъ доказаннымъ съ математическою точностью. И жалъ, что дѣйствительно эта роль выпадаетъ главнымъ образомъ на долю молодой Руси, которая на своемъ знамени написала прогрессъ и т. п., такъ-что дѣла ихъ служатъ упрекомъ цѣлому поколѣнію, даже идеямъ и тенденціямъ, которыхъ они служатъ представителями; и тѣ, которые, по той или другой причинѣ, враждебно относятся къ прогрессу, не только могутъ говорить, но и дѣйствительно говорятъ, что всѣ эти новыя идеи—чистый вздоръ; что никому до нихъ и дѣла нѣтъ; что у насъ повторяется явленіе, имѣвшее мѣсто и у другихъ народовъ, которое такъ хорошо характеризуется словами: *ôte toi de là que je m'y mette*. Да такъ и слѣдуетъ сказать, смотря на многія явленія, и слѣдуетъ противодѣйствовать этимъ господамъ, которые, подъ видомъ прогресса, обдѣлываетъ свои собственныя дѣла; обществу никакой выгоды не будетъ отъ того, что его эксплуатировать будутъ господа съ новомодными фразами на языкѣ вмѣсто людей стараго покроя, а вредъ будетъ тотъ, что многіе отвернутся отъ прогресса, осяса къ нему такія черты, которыя принадлежать только личностямъ, выдающимъ себя за его представителей; а другіе честные дѣятели прождутъ понапрасну много времени и не сдѣлаютъ того, что они должны бы сдѣлать.

Вотъ гдѣ нужно искать другую, и главную, причину того явленія, которымъ такъ недоволенъ г. И. Арсеньевъ. Иногда слишкомъ мало того, чтобъ только разбирать то, что написано известнымъ писателемъ о данномъ вопросѣ; мало того, чтобы показать ничтожество литературныхъ или ученыхъ заслугъ его: иногда необходимо коснуться нравственныхъ принциповъ чловѣка, предупредить о немъ публику, вывести изъ его словъ или дѣлъ, что онъ имѣетъ въ виду только одно, чтобъ эксплуатировать се, чтобъ устроить свои собственныя дѣла всякими средствами. «Распри изъ-за общихъ началъ (говоритъ г. И. Арсеньевъ) превращаются въ личности, дѣлаются какою-то бессмысленною враждою, неизмѣющею ни цѣли ни значенія». Личности безъ цѣли и значенія, конечно, показываютъ только склонность къ скандаламъ, къ грязнымъ исторіямъ и т. п., но онѣ могутъ имѣть и цѣль весьма разумную: отстраненіе препатствій къ усиѣху собственной жизни, посредствомъ того, что г. Краевскій называетъ снятіемъ масокъ. Г. Краевскій, безъ сомнѣнія, не партизанъ литературныхъ скандаловъ и вообще всегда при-

надлежалъ въ ряду тихихъ и спокойныхъ литературныхъ дѣятелей, и его сочувствіе, одобреніе къ тѣмъ людямъ, которые принимаютъ на себя опасное дѣло снятія масокъ, служить доказательствомъ, что это дѣло не такъ неприлично, не отличается однимъ удалствомъ и нахальствомъ, какъ это кажется г. И. Арсеньеву и многимъ другимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, передъ вами какойнибудь литературный промышленникъ кричитъ о тѣхъ и о другихъ очень прогрессивныхъ вещахъ; вы хорошо знаете, что ему совсѣмъ не до того; обокравши умирающаго друга, надувши какую-нибудь акціонерную компанію, обманувъ однихъ посредствомъ фальшивой продажи, другихъ посредствомъ шулерства, онъ только дѣйствіемъ магическаго жезла могъ переимѣнить дорогу и искренно говорить то, что онъ говорить. Но, вмѣстѣ со всѣми другими, и вы имѣете право не вѣрить въ дѣйствіе магическихъ жезловъ; вы совершенно въ правѣ предположить въ его словахъ другую цѣль, а не ту, которую онъ самъ выставляетъ, тѣмъ болѣе, что вы и до-сихъ-поръ продолжаете видѣть тотъ же характеръ въ его дѣятельности, который вы видѣли и прежде, потому-что обстоятельства доставляютъ вамъ къ этому особенные случаи, недоступные другимъ. Вашъ долгъ открыть глаза публикѣ, предупредить ее, избавить ее отъ опасности подвергнуться обману. Но, скажетъ кто-нибудь, какое вамъ дѣло до дѣлъ, до правилъ чловѣка, когда онъ говорить то, что вы одобряете, чему вы сочувствуете, къ чему вы сами стремитесь? зачѣмъ вы отказываетесь отъ дѣятельнаго и способнаго союзника, который вамъ могъ бы быть полезенъ въ исполненіи вашихъ собственныхъ видовъ, касающихся общественнаго дѣла? Да кто же ручается, что этотъ союзникъ не измѣнитъ, не оставитъ общаго дѣла въ трудную минуту, когда оно будетъ представлять однѣ непріятности, когда измѣнить ему будетъ выгодно? Конечно, ничто не ручается; напротивъ, все согласно убѣждаетъ въ томъ, что онъ это непременно сдѣлаетъ. Развѣ слѣдуетъ еще представить доказательства, примѣры, что это бывало? Пусть каждый потрудится самъ вспомнить, что ему извѣстно; а если онъ ничего подобнаго не знаетъ, это только его вина; позволяя себѣ участвовать въ какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ, не мѣшаетъ напередъ познакомиться съ тѣмъ, какъ прежде дѣла дѣлались. А тѣ, которые научены чужимъ или своимъ опытомъ, должны постараться предупредить подобныя непріятныя происшествія; они

имѣютъ право подумать о томъ, чтобъ не попасть въ ловушку, не быть оставленными и даже обманутыми въ нужное время.

Но даже и того-то не бываетъ, чтобы подобные промышленники прогресса говорили то, что действительно согласно съ потребностями общественной жизни. Одинъ пишетъ на своемъ знамени: «разумный прогрессъ»; но его прогрессъ слишкомъ узокъ и даже ложенъ, такъ-что лучше его и не дѣлать, и притомъ прежде всего брасается въ глаза его неискренность. Если вы действительно хотите прогресса, то почему же вы не хотите, чтобъ ваши проекты, по-крайней-мѣрѣ настолько были обсуждаемы, насколько это не противорѣчитъ вашимъ требованіямъ приличія? Зачѣмъ вы принимаете особенныя мѣры, чтобъ только вашъ голосъ былъ слышенъ, а голоса вашихъ противниковъ умолкли; а тамъ, гдѣ вы даете говорить и имъ, вы ограничиваете ихъ пустяками? Не забывайте, что правда свѣтлѣе солнца; если вы правы, то ваши проекты восторжествуютъ; ихъ ничто не въ состояніи очернить. Противорѣчія, возраженія послужатъ только къ ихъ оправданію, къ тому, чтобы лучше выяснить ихъ достоинство. Ну, а если вы не правы, если, какъ и всѣ люди, будучи не безошибочны, вы и въ данномъ случаѣ ошибаетесь, если вы предлагаете то, что нужно будетъ потомъ передѣлывать, а вредъ, который произойдетъ отъ вашего ложнаго прогресса, нужно будетъ вознаграждать новыми усиліями, пожертвованіями, даже страданіями,—то хорошо ли вы поступаете, и кто повѣритъ искренности и разумности вашего прогресса? Другіе пишутъ на своемъ знамени: «всесторонній прогрессъ»; но этотъ всесторонній прогрессъ тоже таковъ, что его лучше не дѣлать, потому-что онъ предлагаетъ не то, что сознается разумно, а то, что имѣетъ видъ самаго широкаго прогресса. Что же, и такіе прогрессисты имѣютъ право на содѣйствіе? И всѣ мы, вслѣдъ за ними, во имя безъ смысла повторяемой фразы объ эмансипации женщины, должны проповѣдывать ея проституцію; во имя свободы личности — дебошъ и пьянство; во имя гуманизма въ образованіи юношества — легкомысленное обращеніе съ наукою; во имя улучшенія семейства—его разрушеніе; наконецъ, во имя самоуправленія частей—распаденіе цѣлаго общества? Не все то, что имѣетъ прогрессивный видъ, есть действительно прогрессивно; надобно все хорошо обсудить, надобно къ хорошему не прибавлять дурного, особенно, когда дурное

имѣеть такой ужъ несправимый характеръ, какъ это оказывалось во всѣхъ прежде бывшихъ обществахъ.

Нашъ знаменитый историкъ и публицистъ г. Костомаровъ, которому не всегда удается достойнымъ образомъ сохранять свою репутацию—знаменитости, особенно, когда онъ пускается въ область публицистики, недавно успѣлъ, однако, высказать мысль очень вѣрную и особенно замѣчательную тѣмъ, что она, въ противность всему, что говорилъ прежде г. Костомаровъ, не гладитъ по головкѣ всякаго, кто считаетъ себя однимъ изъ современныхъ героевъ, кто, собственно говоря, не столько дѣлаеть прогрессъ даже на словахъ, сколько наслаждается имъ. Г. Костомаровъ въ своемъ «Тысячелѣтїи Россїи», которое тоже не лишено нѣкоторыхъ цвѣтковъ этого прїятнаго прогресса, вооружается противъ моды—не той моды, которая заставляетъ каждую весну и каждую зиму мѣнять покрой платья, а той, которая изъ общественныхъ явленїй дѣлаеть игрушку, забаву жуирующей молодежи, которая въ наше время этою игрушкою сдѣлала прогрессъ—этого загадочнаго феикса, котораго всякій представляетъ себѣ въ особенной и большею частїю весьма фантастической формѣ, и всѣ вообще, за немногими исключенїями, въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ. Одинъ журналъ взялся защищать моду противъ г. Костомарова: онъ дѣлаеть сравненїе между модою и обычаемъ, и абсолютно высказывается за моду, такъ, какъ-будто, кромѣ моды и обычая, нѣтъ еще никакой другой формы, въ которой могли бы обнаруживаться явленїя народной жизни. Даже въ такихъ историческихъ явленїяхъ, которыхъ всемирное значенїе признается всѣми, журналъ находитъ эти качества моды. Вообще онъ тутъ высказался ревностнымъ партизаномъ моды, увѣряя самъ себя и другихъ, что стоитъ только модѣ прикоснуться радикально къ старымъ формамъ,—вдругъ все и перевернется! Увы! мода ничего и никогда не дѣлала; а если что ей и удавалось, то скоро другою модою и передѣлывалось; и тѣ явленїя въ которыхъ журналъ видитъ качество моды, въ-самомъ дѣлѣ были не модою, а коренною нравственною реформою человѣческаго общества, необходимость которой была хорошо сознаана и глубоко прочувствована цѣлыми народами; къ сожалѣнїю и въ это дѣло замѣшались партизаны моды и помѣшали провести реформу въ общественныхъ отношенїяхъ, а на мѣсто этого сдѣлали къ ней прибавки, исказившіе ее. Вотъ это тоже прогрессъ, именно модный прогрессъ, и этотъ прогрессъ тоже, безъ сомнѣ-

ніа, расчитываетъ на всеобщую поддержку, на содѣйствіе. Какую сторону припять тѣмъ, которые и модѣ мало сочувствуютъ, думаютъ, что если дѣлать что, такъ ужъ надо дѣлать попрочнѣе, а не такъ, какъ все дѣлалось до-сихъ-поръ, и разумный прогрессъ понимаютъ иначе, понимаютъ его какъ искренній прогрессъ, а не какъ продолженіе прежняго порядка, подкрашеннаго прогрессивными фразами, неприводимыми въ исполненіе? Положеніе, впрочемъ, ни сколько не щекотливое и не сомнительное: дѣло очень ясное, что ни на той, ни на другой сторонѣ прогресса нѣтъ, а есть что-то другое, выдаваемое за прогрессъ. Дѣйствительный прогрессъ, т. е. дѣйствительное стараніе объ улучшеніи того и другого въ общественной жизни такими розовыми взглядами не сопровождается и съ такою обстановкою не дѣлается. Гдѣ можно обмануть дѣтей, тамъ взрослые не поддадутся на хитросплетенія. Въ-самомъ-дѣлѣ прогрессивныя воззрѣнія самыхъ противоположныхъ партій, употребляя это слово въ самомъ крайнемъ иперболическомъ смыслѣ, и особенно ихъ самодовольство, поистинѣ изумительны. Въ то время, какъ одни, сказавши по нѣсколько либеральныхъ словъ и сдѣлавъ нѣкоторую перемѣну въ вывѣскѣ, чему они даютъ разныя громкія имена, вообразили, что они почти все сдѣлали, что намъ нужно, и даже претендуютъ на остальныхъ за то, что тѣ ихъ не поддерживаютъ, хотя до остальныхъ, конечно, ихъ дѣло ни касается,—другіе, постоянно усиливаясь показать видъ людей, которыхъ желанія и надежды простираются очень далеко, и успѣвъ подѣлиться съ немногими двумя-тремя фразами, но никакъ не мыслями, тоже находятъ въ чрезвычайномъ самодовольствіи, и хотя уже имѣютъ положительныя доказательства, что изъ фразъ ничего не выходитъ, но воображаютъ, что мыльный пузырь, раздуваемый ими, въ состояніи какимъ-то чудомъ превратиться въ основу и въ дѣйствительное средство для чего-то дальнѣйшаго и существеннаго. Между тѣмъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы что-нибудь сдѣлать, положить первый камень, они оставляютъ все въ прежнемъ видѣ, вѣроятно, расчитывая, что вода можетъ течь и подъ лежачій камень, или, можетъ быть, слишкомъ придерживаясь той мысли, что всякое новое явленіе должно быть сначала подготовлено въ идеѣ, въ общественномъ сознаніи, и не догадываясь о томъ, что дѣйствительное постепенное развитіе идеи тотчасъ же ведетъ за собою и соразмѣрное дѣло. Разумѣется, общій результатъ тотъ, что какъ одни, такъ

и другіе находятя въ полнѣйшемъ самодовольствіи, безъ сомнѣнія, имѣя на это причины, а больше ничего нѣтъ, да и долго ничего не будетъ, пока не переимѣнится способъ нашихъ дѣйствій, т. е. пока не измѣнятся побудительныя причины ихъ. Подобный прогрессъ, разумный или всесторонній, не могъ бы имѣть мѣста при неокрепности и честности стремленій. И дѣйствительно, если мы попробуемъ проникнуть въ руководящія мысли проповѣдниковъ того и другого прогресса, разумнаго или абсолютнаго, мы легко убѣдимся въ справедливости этой мысли.

Въ такой сферѣ академической способъ дѣйствія невозможенъ. Пришлось бы устроить цѣлое ученое общество, весьма многочисленное, для того только, чтобы опровергать квази-научныя положенія, вопервыхъ, тѣхъ писателей, которые до-сихъ-поръ продолжаютъ проводить общественныя и экономическія взгляды, конечнымъ результатомъ которыхъ должно быть экономическое разстройство быта нашихъ земледѣльческихъ классовъ, разрушеніе семьи, распаденіе цѣлаго общества, короче: уничтоженіе всѣхъ связей, которыми оно держится. Конечно, это все-таки было бы полезно, и объ этомъ стоить подумать тѣмъ, которые не могутъ хладнокровно смотрѣть, какъ подготавлиются намѣренно тѣ явленія, которыя, на примѣръ, убили римское общество и изъ прекраснаго, крѣпкаго во всѣхъ отношеніяхъ римскаго народа сдѣлали какую-то безмысленную толпу, безъ всякихъ нравственныхъ воззрѣній, безъ политической вѣры, только съ одною чисто-животною склонностью къ наслажденію, которую въ то время, какъ и у насъ теперь, прикрывали разными прогрессивными фразами. Но одинъ этотъ способъ обращенія къ извѣстнымъ литературнымъ явленіямъ у насъ не принесетъ столько пользы, сколько отъ него можно ожидать въ другомъ обществѣ, при другихъ обстоятельствахъ. Литература всегда соотвѣтствуетъ обществу: каковы пишущіе, таковы и читающіе. Читатели, ищущіе въ литературѣ дѣла, мысли, рѣшенія общественныхъ вопросовъ, и сами могли бы разобратъ хорошо, что имъ предлагаютъ пустыя безнравственныя или ретроградныя фразы. подъ именемъ прогресса. А гдѣ этого нѣтъ, тамъ самое строгое академическое разсужденіе ничего не сдѣлаетъ, потому-что его или не прочтутъ, или не поймутъ. Поэтому, слѣдуетъ обратиться къ другимъ средствамъ. Одни предлагаютъ свои нелѣпыя фразы отъ имени науки, но когда дойдетъ до дѣйствительно-научнаго объясненія вопросовъ, они принимаютъ разныя мѣры, чтобъ уклониться отъ нихъ: такъ слѣ-

дуетъ показать, что у такихъ господъ съ наукою ничего общаго нѣтъ. Другіе предлагаютъ свое ученіе во имя высшаго прогресса, любви къ народу, безкорыстнаго служенія обществу. Ни во имя безкорыстнаго служенія обществу нельзя предлагать тѣхъ ученій, которыя они предлагаютъ; и когда дойдетъ до серьезнаго объясненія вопросовъ, они уклонятся отъ него, тоже во имя высшаго прогресса, или даже во имя высшей науки. Опять необходимо показать, что у этихъ господъ нѣтъ ничего общаго ни съ прогрессомъ, ни съ наукою. Но есть дѣйствительная причина, которая побуждаетъ ихъ поступить такъ, а не иначе. Какъ жаль, что нѣкоторые особенныя обстоятельства, въ этомъ случаѣ, мѣшаютъ тому, чтобы вывести наружу дѣйствительныя побудительныя причины дѣйствій этихъ господъ и всегда оставляютъ имъ маленькую лазейку въ сторону высшихъ тенденцій, которыми они себя и прикрываютъ. Но, несмотря на эти неблагоприятныя обстоятельства, все-таки есть возможность дѣлать то, что г. Краевскій называетъ снятіемъ масокъ. При недостаткѣ гласности это несовсѣмъ легко; не всегда можно имѣть вполне достаточныя доказательства, чтобы обнаружить истинный характеръ и истинныя стремленія многихъ прогрессивныхъ дѣятелей. Но, не будучи достаточны въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, они будутъ же вполне достаточны въ смыслѣ общечеловѣческомъ; и какъ подобныя снятія масокъ не будутъ имѣть какихъ-нибудь особенно фатальныхъ результатовъ, то они и должны быть допущены. Конечно, это будетъ *bellum optimum contra optime*; но, во-первыхъ, это только на первый разъ, а во-вторыхъ, что же остается дѣлать безъ этого средства? Въ Западной Европѣ, при возможно-разумной организаціи юридической процедуры, были возможны такіе дѣла, какъ дѣло Ж. Каласа, которому отрубили голову въ то время, какъ онъ былъ не только невиненъ, но и въ высшей степени несчастенъ. У насъ подобныя идеи совсѣмъ не пользуются популярностью. Покойный Ив. Ив. Панаевъ, однажды повидимому даже не въ виду какихъ-нибудь особенно-важныхъ интересовъ, а только, въ интересѣ приличія, довелъ до свѣдѣнія публики, что одинъ редакторъ, или просто литераторъ, — не помню, какъ онъ называлъ его, — жуируя въ очень веселой компаніи гдѣ-то на островахъ, въ спорѣ, возникшемъ изъ-за количества выпитой воды, грозилъ одною искрою сжечь трактирщика, или самый трактиръ, или даже же весь ли островъ. Обличителю строго отвѣчали на это

въ одномъ журналѣ, и его самого обличали въ чемъ то, впрочемъ, не слѣдуя принципу подобнаго обличенія, а, кажется, въ доказательство того, что подобное обличеніе не должно имѣть мѣста въ литературѣ. Потомъ, говорятъ, тотъ же журналъ неоднократно проводилъ эту же мысль, что литературѣ есть дѣло только до литературныхъ и вообще публичныхъ отношенійчеловѣка, а его частную сторону, его личныя отношенія трогать не слѣдуетъ. Откуда идутъ такія воззрѣнія на обличеніе? Намъ говорятъ: «какое вамъ дѣло до нравственности сапожника, столяра, которые вамъ дѣлаютъ сапоги или мебель?» Это, конечно, такъ: мнѣ, собственно говоря, немного дѣла до того, хорошій ли отецъ семейства сапожникъ или столяръ, хотя и къ этому нельзя вполнѣ безразлично относиться. Но мнѣ очень важно то, чтобы онъ былъ человѣкомъ честнымъ, чтобъ онъ не былъ пьяницею; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ даже дурнымъ сапожникомъ, или столяромъ, и съ нимъ опасно и непріятно имѣть дѣло. Но дѣло литератора важнѣе дѣла мастерового человѣка. Въ баснѣ Крылова не плохой столяръ заслужилъ большую муку въ подземномъ царствѣ, чѣмъ разбойникъ, а безнравственный литераторъ. Отъ человѣка, обращающагося въ области умственныхъ воззрѣній, можно требовать немножко больше, чѣмъ отъ мастерового, даже и тогда, когда нѣтъ никакой особенной опасности для его дѣла. Мы всѣ привыкли съ уваженіемъ смотрѣть на протестъ, который одна ученая корпорація во время оно сдѣлала противъ азіатскаго характера, въ отношеніяхъ чисто-семейныхъ, одного изъ членовъ этой корпораціи, и съ особенною симпатіею относились къ тѣмъ изъ членовъ корпораціи, которые не струсилъ протестовать и противъ недѣйствительности протеста, и уже не словами, а дѣломъ. Но въ этомъ случаѣ дѣйствительно дѣло было только въ идеѣ; путемъ распространенія мысли азіатскія права не могли распространиться въ общество; и это было не въ литературѣ. Въ литературѣ всякое частное воззрѣніе тотчасъ переходитъ и въ общество, и противодѣйствовать ему нужно всѣми возможными средствами, которыхъ не мѣгутъ осудить строгія понятія о чести. Литературные дѣатели должны быть тѣмъ строже къ себѣ, что они очень нуждаются въ уваженіи къ себѣ со стороны общества; иначе общество будетъ равнодушно или даже съ особенною улыбкою смотрѣть на самое лучшее, дѣйствительно-прогрессивное и нравственное ученіе. Тутъ слѣдуетъ совершенно частный вопросъ: отчего наша литература не

пользуется уваженіемъ въ обществѣ? Отчего во многихъ случаяхъ ея голосъ, именно когда ему слѣдуетъ дойти до общества, остается голосомъ вопіющимъ въ пустынь? Отвѣтъ на это очень простой; а средство, которое возвратило бы литературѣ уваженіе общества, а ея голосу вѣсъ въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ только одно, это—удаленіе изъ литературы промышленниковъ, которые своими разнообразными и очень оригинальными, чтобы не сказать больше, сужденіями, или сентенціями, или фразами уронили голосъ литературы. И это можетъ быть достигнуто путемъ, необходимость котораго уже чувствовалась многими и даже высказывалась, смотря по времени и направленію вѣтра, то въ томъ, то въ другомъ журналѣ; этотъ путь, по выраженію г. Краевскаго, есть сниманіе масокъ ученыхъ, прогрессивныхъ и тому подобныхъ. Тогда и въ литературѣ прекратится разногласіе, которая дошла теперь до самаго крайняго предѣла, что тоже многими чувствуется и тѣмъ или другими уже высказана. А эта разногласіе есть необходимая принадлежность современнаго состава литературы. Нельзя же согласиться съ человѣкомъ, котораго выгода требуетъ несогласія съ вами. Нельзя честными доказательствами подѣлываться на человѣка, который потерялъ способность понимать ихъ, и, по всей вѣроятности, способенъ чувствовать только исправительныя мѣры въ исправительномъ заведеніи.—Затѣмъ, если останется несогласіе, это уже не будетъ разногласіе, литературный диссонансъ. Это будетъ согласное и честное обсужденіе общественныхъ вопросовъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, съ самыхъ противоположныхъ сторонъ.

К. Охочеломенный.

РЕФОРМАТОРЪ БЕЗЪ РЕФОРМЫ.

1. — ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА СПЕРАНСКАГО.

Жизнь графа Сперанскаго. Соч. барона Мадеста Корфа.
С.-Петербургъ 1861 г.

Почти всякій русскій, знающій о существованіи особенной исторической роли для каждаго народа, совершенно увѣренъ въ томъ, что нашему дорогому отечеству суждено въ будущемъ громадное историческое значеніе. Въ великой судьбѣ Россіи увѣрены даже тѣ, которые не признаютъ почти никакого смысла въ нашей прошедшей и настоящей жизни. Въ укоряющихъ возгласахъ о ничтожествѣ русской литературы, русскаго искусства, русской науки и всей нашей общественной жизни, — въ этихъ безпрестанныхъ и усердныхъ возгласахъ, впадающихъ иногда въ слишкомъ пренебрежительный тонъ, — всегда можно разслышать надежду на великое историческое значеніе. Въ великой будущности Россіи не сомнѣваются даже тѣ писатели, которые представляютъ Россію безразличной массой, погруженной во всяческую тьму, слегка озаряемую журнальнымъ міромъ. Намъ удалось читать даже объявленіе о томъ, что будущая историческая роль Россіи уже извѣстна, уже найдена, — именно, она будетъ состоять въ какой-то квинт-эссенціи изъ всѣхъ предшествовавшихъ цивилизацій, въ совокупленіи лучшихъ силъ какъ всѣхъ народовъ, такъ и всѣхъ темпераментовъ, и притомъ въ полной гармоніи ихъ. Съ своей сто-

роны мы думаемъ, что предсказаніе будущей роли нашего отечества очень гадательно, какъ и всякое другое предсказаніе. Наша родина имѣетъ много залоговъ для будущаго величія, и охотно вѣрится, что русскій народъ сѣумѣетъ выработать много истинъ и много благоденствія; но въ то же время одна масса подготовительныхъ работъ, необходимыхъ для самаго скромнаго величія въ будущемъ, способна нагнать всегда нелегкія думы.

Нельзя не замѣтить, на ряду со всеобщемъ увѣренностію въ важной исторической роли отечества, малое знакомство съ исторіей его за все послѣ-петровское время, и недостаточность разработки этой исторіи. Мы не можемъ указать ни на одного специалиста, разрабатывающаго исторію хотя бы лишь XVIII вѣка. Только въ самое послѣднее время появились у насъ сколько-нибудь серьезныя исторіи войны и походовъ послѣ-петровскаго періода, но они не выходятъ изъ тѣснаго круга военныхъ изслѣдованій. Исторія нашихъ государственныхъ установленій, почти совершенно не разработана. Записка «Сперанскаго» по этому предмету, напечатанная въ Архивѣ Калачова, представляетъ почти единственный сводъ данныхъ о государственныхъ установленіяхъ, и между тѣмъ эта записка въ послѣдней степени неудовлетворительна, и т. п.

Крайняя недостаточность историческихъ трудовъ за все время послѣ Петра Великаго чувствуется съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Ходъ развитія общественной жизни требуетъ практическаго рѣшенія разныхъ вопросовъ, а такое рѣшеніе безпрестанно нуждается въ справкахъ съ историческими данными. Въ опубликованныхъ трудахъ различныхъ правительственныхъ комиссій мы видимъ, что проектированіе реформъ приходится начинать именно со свода данныхъ прошедшаго опыта, съ историческихъ разработокъ. При совершенномъ недостаткѣ серьезныхъ историческихъ сочиненій, послѣдняя книга барона Корфа составляетъ очень пріятное явленіе, какъ по богатству сообщаемыхъ ею свѣдѣній, такъ и по постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ. Громадное разстояніе раздѣляетъ новое сочиненіе Корфа отъ изданій Устрялова и Полевого, и отъ предшествовавшихъ трудовъ самаго автора.

Большинство статей по исторіи послѣ-петровскаго времени часто представляетъ лишь полное непониманіе нашихъ потребностей. Въ то время когда у насъ нѣтъ даже свода матеріаловъ по вопросамъ первой важности, одинъ изъ историковъ за-

нмается изысканіями о фрейлинахъ, ограничиваетъ свой трудъ исторією двухъ-трехъ случаевъ тѣлесныхъ показаній въ полкахъ и т. д. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» уже было высказано совершенно справедливое замѣчаніе о странномъ взглядѣ г. Семевского на Петра Великаго. Грустно видѣть, что публика не поражается мелкостью иныхъ статей по исторіи послѣ-петровскаго періода и что наши политики-историки не вполне сознаютъ положеніе дѣла. Множество явленій безпрестанно напоминаютъ намъ, что разработка русской исторіи послѣдняго времени остается въ числѣ еще только желаемыхъ но почти не начатыхъ дѣлъ.

Г. Костомаровъ, кажется, человекъ небезгласный въ дѣлѣ исторіи; почему же г. Костомаровъ, рассуждая о потребностяхъ университетовъ, вспомнилъ, что есть такія заслуги, которыя ничѣмъ нельзя вознаградить; предлагалъ, на основаніи этой великой истины, уничтожить чины, но забылъ о томъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ не воздаютъ должнаго русской исторіи за послѣдніе полтора вѣка, ни даже исторіи Петра Великаго? Почему г. Лонгиновъ могъ напечатать, будто невѣдомый виршесплетатель, Станевичъ, составляетъ серьезное литературное преданіе, такъ что Бѣлинскій принесъ намъ великій вредъ, ошибаясь въ подобныхъ преданіяхъ? Откуда это ликованіе г. Семевского, обладающаго, правда, способностью представлять все съ потѣшно-комической стороны, — все, даже лютую казнь? Откуда эта страстная охота публично заниматься нѣсколько лѣтъ какимъ-то конторскимъ счетомъ ударовъ кнута? Откуда этотъ неукротимый либерализмъ, карающій Ломоносова за службу, за стихи на иллюминаціи и дошедшій до такого подробнаго описанія отмѣненной казни Миниха, что мы посвящены въ изысканія о числѣ ступеней эшафота и знаемъ погоду того дня казни, по календарю? Почему все это возможно, и это ли нужно намъ? Почему г. Безобразовъ, уразумѣвшій несовершеннѣйшую форму земскаго кредита, предлагалъ ее, не спросивъ ни прошедшаго, ни настоящаго о существованіи условій, необходимыхъ для всякаго частнаго кредита, и о причинахъ его отсутствія? Сдѣлай г. Безобразовъ вопросъ прошедшему — онъ сталъ бы заботиться не о совершеннѣйшей формѣ, а о прочныхъ основаніяхъ для земскихъ банковъ.

Мы обжились съ отсутствіемъ своей ближайшей исторіи. Мы принимаемъ хилые призраки за силы, богатія будущностью, и

ждемъ отъ нихъ невозможнаго и немислимаго. Давно пройденныя, нѣсколько разъ уже брошенныя, дороги вновь представляются замѣняемыми путями, и мы идемъ по нимъ. Несмотря на уроки прошедшаго, мы видимъ тѣ же мечтательныя вѣрованія, а силы, ждущія развитія, уходятъ изъ глазъ.

Исторія графа Сперанскаго подверглась общей участи послѣпетровскаго періода. Самое имя Сперанскаго уже стало забываться; только небольшой курсъ юристовъ знаетъ его, какъ главнаго редактора въ составленіи полнаго собранія законовъ и свода ихъ. Здѣсь надобно удивляться тому, что мы помнимъ о графѣ Сперанскомъ, хотя чтó-нибудь. Вышеупомянутые нами, очень почтенные, труды были уже темнымъ закатомъ для Сперанскаго; не въ нихъ выразились его лучшія силы, стремленія и вѣрованія... Совершенно иные труды Сперанскаго нѣкогда взволновали всю Россію. отъ кабинета императора до крестьянскихъ избъ, и заставили все русское общество прожить года четыре самую ускоренную жизнью.

Послѣ смерти Петра Великаго, этого предтечи XVIII столѣтія по духу, начинаютъ по всѣмъ ступенямъ государства, по всѣмъ концамъ его проходить люди, совмѣстившіе въ себѣ общественныя скорби и нужды разныхъ слоевъ общества, разныхъ направленій, за исключеніемъ только одного—да простятъ насъ гг. славянофилы—стремленія къ возврату XVII-го столѣтія. Безконечно разнообразны образы этихъ избранниковъ, но всѣ они приходятъ къ одному концу—къ гибели своего дѣла, а часто и къ личной гибели. Всѣ реформаторы, слѣдовавшіе за Петромъ, остались безъ реформы. Ненстоящая неурядица администраціи, грабежъ со всѣхъ сторонъ, разгулъ личнаго произвола, придворные, которыхъ не желалось бы имѣть лакеями,—вотъ какими чертами рисуетъ Россію XVIII вѣка императоръ Александръ, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Кочубею. (См. Исторію восш. на прест. Императора Николая I, соч. б. Корфа, стр. 3). Въ этой грустной картинѣ только вереница людей, искавшихъ выхода, искавшихъ реформы, хотя нѣсколько успокоиваетъ взоръ, хотя нѣсколько воскрешаетъ надежду на близость лучшаго времени. Многіе изъ числа этихъ реформаторовъ безъ реформъ унасъ почти совсѣмъ забыты. Положимъ, всѣ эти лица ничего не сдѣлали, ничего не вышло изъ ихъ трудовъ, но никогда еще глубокія думы,

высшее нравственное достоинство не проявлялись совершенно даромъ: для нихъ тотчасъ готовы наслѣдники.

Къ числу дорогихъ лицъ, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ и Сперанскій. Онъ былъ у насъ первымъ представителемъ идей, выработанныхъ прошлымъ столѣтіемъ и еще до сихъ поръ переживаемыхъ образованнымъ челоѳвчествомъ. Екатерина смотрѣла на эти идеи всего болѣе какъ на прекрасныя украшенія двора и потомъ отступилась отъ нихъ (Ж. гр. Спер. т. 1 стр. 142). Для Сперанскаго эти идеи были кровнымъ убѣжденіемъ. Немногіе изъ нашихъ реформаторовъ пользовались такою обширною властью, какъ Сперанскій, и въ русской исторіи передъ самымъ 1812 годомъ разыгралась очень замѣчательная драма, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ этотъ любимецъ, почти другъ Александра I. отшельникъ его двора, «повицъ» и государственный секретарь, Михайло Михайловичъ Сперанскій.

Александръ I вззошелъ на престолъ съ намѣреніемъ совершить важныя преобразованія во внутреннихъ дѣлахъ Россіи; но первыя семь лѣтъ его царствованія прошли въ нерѣшительныхъ попыткахъ. Сближеніе съ Наполеономъ, эрфуртское свиданіе съ этимъ «наслѣдникомъ революціи», повидимому дало толчокъ къ болѣе рѣшительнымъ строеніямъ. Въ это время около Александра стоялъ одинъ Сперанскій, и этотъ гигантъ труда, челоѳвъкъ огромнаго ума и большихъ свѣдѣній, бысто приготовилъ проектъ «новаго образованія всего управленія отъ кабинета государя до волостного правленія», при чемъ намѣревались коснуться самаго крѣпостнаго права. Въ октябрѣ 1809 г. проектъ всего переворота лежалъ уже на столѣ Александра, но онъ поколебался привести его въ исполненіе заразъ и рѣшилъ осуществлять его по частямъ. Нѣсколько отдѣльныхъ преобразованій, нѣсколько указовъ и намековъ въ манифестахъ, а всего болѣе многочисленныя слухи, разнесли вѣсть о готовящейся реформѣ по всей Россіи—и все русское общество взволновалось. Началась упорная борьба съ виновникомъ всѣхъ измѣненій—со Сперанскимъ. Этой борьбѣ мы не можемъ отказать ни въ богатствѣ вѣрованій и силъ, ни въ замѣчательныхъ образахъ, ни въ глубоко-поучительномъ значеніи. Тутъ мы видимъ и крестьянъ, ждущихъ воли, и перваго представителя тогдашней литературы, и отставныхъ знаменитостей, доживавшихъ свои дни въ биснословныхъ пирахъ, въ чудовищной праздноствіи; видимъ

новый петербургскій дворъ. Съ безпредѣльною фанатическою вѣрою Сперанскій идетъ своимъ роковымъ путемъ, почти не замѣчая противниковъ, даже помогая имъ, почти не разбирая въ жизни ни правыхъ, ни виноватыхъ. Въ концѣ, когда уже поднялась надъ Россіей «гроза» наполеоновскаго нашествія, нѣкоторые ловкіе люди двора успѣли воспользоваться государственною борьбой, народными страстями, минутой — и за мѣсяцъ до отъезда Александра I въ армію, въ одинъ мартовскій вечеръ, 1812 года все было кончено заразъ. Для государства все кончилось ни добромъ, ни зломъ, а почти нулемъ, если не считать потеряннаго времени, поучительнаго урока, преданія и пр.; для Сперанскаго кончилось ссылкой въ дальніе города, и все ближе и ближе къ Уралу.

Въ однихъ слояхъ общества паденіе Сперанскаго торжествовали «какъ смерть лютаго тирана», «какъ первую побѣду надъ французами», и ходили поздравлять другъ друга еъ его изгнаніемъ; въ другихъ, напр. крестьяне, то провожали бранью кибитку «измѣнника», ѣхавшаго въ ссылку, то ставили за него свѣчи, служили заздравные молебны, услышавъ, будто Сперанскій работалъ надъ «волей», и что на него наклеветали измѣну. Нѣсколько лѣтъ переносилъ Сперанскій убивающія оскорбленія за свои гигантскіе труды на пользу общества, пока, наконецъ, сломился.

Въ чемъ же состоялъ проектъ переворота, предварительныя мѣры къ которому такъ глубоко потрясли все русское общество? Насколько Сперанскій понялъ и воплотилъ въ себѣ стремленія новаго времени и нужды Россіи? Что дало такой безвременный конецъ его дѣлу?

На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать положительнаго отвѣта, потому что проектъ общей реформы Сперанскаго до сихъ поръ извѣстенъ только по смутнымъ, отрывочнымъ чертамъ, набросаннымъ въ статьѣ г. Лонгинова о Сперанскомъ.

Баронъ Корфъ не сообщаетъ ни одной черты изъ проекта общей реформы. Мы могли замѣтить, что баронъ Корфъ доходитъ почти до краснорѣчія въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно о чемъ либо умолчать, напр. о лицахъ, подавшихъ доносъ на Сперанскаго, о томъ — кому принадлежитъ мысль составленія свода законовъ и пр. Относительно же плана общей реформы бар. Корфъ говоритъ очень просто.

«Если нѣтъ сомнѣній, что подробности тогдашнихъ предполо-

кеиѣй займутъ вѣкогда важную страницу въ исторіи Россіи и въ біографіи Александра I-го, то не здѣсь мѣсто *разбирать* начинанія, не достигшія полной зрѣлости и самими имъ впоследствии покинутыя».

Баронъ Корфъ не только-что не разбираетъ, но и не сообщаетъ намъ этихъ начинаній, хотя и провозноситъ слѣдующій приговоръ надъ планомъ Сперанскаго.

«Колоссамень былъ этотъ планъ, исполненъ смѣлости *какъ во основной своей идеѣ*, такъ и въ подробностяхъ». Онъ (Сперанскій) «опережаетъ и возрастъ своего народа и степень его образованности и самодѣтельности». «Сперанскій строилъ безъ фундамента, т. е. безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ».

Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы примирить приговоръ барона Корфа съ другими мѣстами его книги.

Объ основной идеѣ плана мы узнаемъ по слѣдующей выпискѣ, сдѣланной барономъ Корфомъ изъ (пермскаго) письма самого Сперанскаго:

«Въ существѣ своемъ этотъ планъ не заключалъ въ себѣ ничего новаго (относительно чего?), но идеями, съ 1812 г. занимавшимъ вниманіе Александра, дано въ нихъ систематическое расположеніе».

Идеи, занимавшія Александра I-го, монарха высокаго образованія, были идеи новаго времени, и баронъ Корфъ могъ назвать ихъ смѣлыми и передовыми. Но вотъ что читаемъ мы далѣе въ этой же выпискѣ:

«Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сей власти болѣе достоинства и истинной силы».

Что же тутъ не только новаго, но и смѣлаго? Самодержавная власть, дѣйствующая на началахъ постоянныхъ, утвержденная посредствомъ законовъ, не была чѣмъ либо новымъ, смѣлымъ, не находящимъ достаточной подготовки въ умахъ, въ отношеніи нравственномъ, юридическомъ и политическомъ. Если же дѣло идетъ о какомъ-либо идеалѣ, то онъ былъ уже высказанъ Екатериною въ знаменитомъ «Наказѣ».

Чѣмъ примирить эти противорѣчащія отзывы объ основной идеѣ, о «разумѣ» плана Сперанскаго? И, странное дѣло! еще во времена Сперанскаго возникало недоумѣніе относительно

разума не только всего плана, но и переходныхъ мѣръ, которыя, по словамъ барона Корфа, потеряли всякую связь съ общимъ планомъ, развивались на другихъ основаніяхъ. Напримѣръ: еще въ десятихъ годахъ распространился слухъ, будто преобразованный тогда государственный совѣтъ стѣснялъ самодержавную власть. На это опальный Сперанскій отвѣчалъ: «Гдѣ и какимъ образомъ? и не по государеву ли велѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? не однимъ ли словомъ разрѣшаются?» Дѣйствительно, государственный совѣтъ по образованію 1810 г. не только не стѣснялъ государевой власти, но и не заключалъ въ себѣ ничего новаго. Такіе совѣщательные совѣты изъ сановниковъ, назначаемыхъ государемъ, мы видимъ въ боярскихъ думахъ московскихъ царей, въ кабинетѣ Анны Іоанновны, въ верховномъ совѣтѣ Екатерины. Несмотря на это, въ планѣ Сперанскаго должно же быть что-нибудь новое.

«Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста» писалъ государю Сперанскій, «какое (государственный) совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ—не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному *краеугольному камню*. И далѣе Сперанскій говоритъ, что «совѣтъ еще не поравнялся въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои въ семь родѣ въ другихъ государствахъ еуществуютъ»; и тутъ же Сперанскій ждетъ увеличенія числа лицъ, занимающихся общественными вопросами, отъ задуманныхъ тогда прочихъ политическихъ учреждений, впрочемъ, никогда не исполнившихся.

Указаніе «новаго и смѣлаго», заключавашагося въ проектѣ Сперанскаго, требуетъ упорныхъ изысканій и, по многимъ причинамъ, довольно-затруднительныхъ соображеній. Общій планъ неизвѣстенъ опредѣлительно; отзывы писавшихъ о немъ сбивчивы; переходныя мѣры развивались на другихъ основаніяхъ. Изъ числа всѣхъ преобразованій, приведенныхъ въ исполненіе, самое важное мѣсто занимаетъ финансовая реформа, и, по счастію, она извѣстна намъ съ достаточною подробностью, хотя все таки не въ полномъ объемѣ.

Отыскивая хотя сколько-нибудь прочное основаніе для сужденія о главной реформѣ Сперанскаго, всего лучше остановиться на его финансовыхъ преобразованіяхъ. Финансы составляютъ почву, которою питаются всѣ отправленія государственнаго

организма и, какъ всякая почва, находятся подъ прямымъ вліаніемъ развиваемыхъ ими организмовъ.

Мы видимъ въ исторіи множество преобразователей, задумывавшихъ чрезвычайно обширныя реформы, положившихъ громадную энергію на исполненіе своихъ плановъ и не достигшихъ почти никакихъ прочныхъ результатовъ, потому-что предполагаемыя реформы, представляя на бумагѣ великолѣпное разчерчиваніе формъ общественной жизни, въ то же время слишкомъ мало заботились объ укрѣпленіи ея основъ. Конечно нѣкоторыя изъ подобныхъ реформъ все-таки принесли свою пользу, но легко замѣтить, что онѣ вели къ благоприятнымъ результатамъ въ той мѣрѣ, сколько онѣ развивали самыя основанія общества, т. е. обеспечивали личность и собственность каждаго гражданина и давали свободу совѣсти, ясніе, разумные законы и безпристрастное исполненіе этихъ законовъ. Мы знаемъ, что въ общемъ планъ реформы Сперанскаго предполагалось освобожденіе крестьянъ, а оно во всякомъ случаѣ должно было способствовать къ обезпеченію личности и собственности. Къ сожалѣнію планъ уничтоженія крѣпости задуманный Сперанскимъ, извѣстенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, и потому въ немъ затруднительно искать опоры для сужденія о проектѣ всей реформы. Предположенія Сперанскаго относительно крѣпостного вопроса можно только принять къ соображенію, въ массѣ другихъ данныхъ, что мы и сдѣлаемъ ниже. Баронъ Корфъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о заботахъ Сперанскаго относительно улучшеній нашего законодательнаго порядка, но эти свѣдѣнія также не представляютъ достаточно вѣрной опоры для сужденій о томъ—насколько стремился нашъ законодатель къ обезпеченію личности и собственности и упроченію безпристрастнаго исполненія законовъ. Въ финансовой реформѣ, извѣстной намъ съ достаточною подробностію, гораздо легче замѣтить способъ обращенія Сперанскаго съ главными основами общественной жизни. Каждый членъ государства, платя налоги и подчиняясь разнымъ сборамъ, отдаетъ часть своей собственности на государственныя потребности, а въ способѣ назначенія и распределенія налоговъ т. е. въ системѣ ихъ прямо выражаются отношенія законодателя къ личности согражданъ. Посмотримъ какъ развивалъ Сперанскій въ его финансовой реформѣ самыя существенныя ссновы общества.

Коренной переворотъ во всемъ управленіи, отъ кабинета государства до волостного правленія, по самому существу своему

долженъ былъ заключать въ себѣ полную реформу финансовъ. Отживающая, преобразуемая система всегда сказывается тяжелыми финансовыми обстоятельствами. Очень часто именно эти обстоятельства вынуждаютъ рѣшительный приступъ къ реформѣ, даютъ окончательный толчокъ къ ней.

Разстройство внутреннихъ дѣлъ имперіи, вызвавшее проектъ Сперанскаго, разумѣется, сопровождалось громадными финансовыми затрудненіями. Эти затрудненія начались еще съ Петра I-го; но съ того времени, какъ правительство получило возможность выпускать не мѣдныя, а бумажныя ассигнаціи, разстройство финансовъ пошло неимоверно быстро и ложилось на всѣ дѣла съ особенною тяжестью. Разумѣется, бывали временныя облегченія; но каждое новое затрудненіе было гораздо тяжеле предыдущаго. Вся исторія XVIII вѣка полна у насъ безпрестанными финансовыми затрудненіями и постоянно усиливающейся путаницей въ администраціи. Ко времени Сперанскаго, къ тому времени, когда на столѣ Александра I-го лежалъ весь проектъ общей реформы, наши финансы, какъ казалось, достигли послѣдней степени разстройства.

Предварительное обозрѣніе финансоваго положенія на 1810 г. открыло дефицитъ въ 105 мил. р., именно при 125 мил. р. дохода до 230 мил. расхода. На самомъ дѣлѣ дефицитъ былъ гораздо значительнѣе. Доходъ въ 125 мил. р. составлялъ на серебро около 60 м. р. Открылись неисполненные расходы за прошедшіе годы. По росписи расходъ сократили до 184 м., а на самомъ дѣлѣ вышло 241 м. р. Въ народномъ обращеніи было свыше 577 м. р. бумажныхъ денегъ (ассигнацій); при этомъ въ казнѣ «ни малѣйшаго запаснаго фонда, ни одного готоваго источника; управленіе казначейства самое нестройное» (т. I, стр. 179). «Каждый министръ свободно черпалъ изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ (т. I стр. 203). Каждый изъ нихъ, считая вѣренное ему министерство, по выраженію Сперанскаго, за пожалованную деревню, старался пополнить его и людьми и деньгами (т. I стр. 127). Всеобщая дороговизна, безпрестанное колебаніе монетныхъ единицъ останавливали всѣ дѣла, всякое развитіе торговли и промышленности. Вексельный курсъ постоянно падалъ, несмотря на всѣ искусственныя поддержки. Со вступленіемъ въ континентальную систему отпускъ нашихъ товаровъ почти прекратился.

Итакъ, самое положеніе финансовъ требовало коренныхъ,

рѣшительныхъ мѣръ, или, лучше сказать, общей реформы. Посмотримъ же, насколько финансовыя преобразованія Сперанскаго заключали въ себѣ «смѣлость новыхъ идей»? «насколько опережали они образованіе и самодѣтельность общества»? насколько эти преобразованія вызывали «самодѣтельность» общества? По самому существу дѣла, по всѣмъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, финансовая реформа должна была проникнуться духомъ, «разумомъ» общаго преобразованія.

II.

Октябрь и ноябрь 1809 г. Александръ I провелъ въ ежедневныхъ трудахъ надъ главнымъ проектомъ Сперанскаго. Императоръ уже хотѣлъ обнародовать общую реформу, но колебался и рѣшился, вопреки мнѣнію своего реформатора, на переходныя мѣры.

Занимаясь общею государственною реформой, Сперанскій долженъ былъ хорошо обсудить наше финансовое устройство. Въ частыхъ бесѣдахъ съ государемъ онъ доказывалъ, что наши финансовыя затрудненія происходятъ всего болѣе «отъ ложныхъ началъ, на которыхъ велось ихъ управленіе». Разумѣется, эти бесѣды должны были кончиться порученіемъ—составить «опредѣлительный и твердый планъ финансовъ». Такое порученіе дано Сперанскому въ самое знаменательное время—въ ноябрь 1809 г., когда рѣшились отложить объявленіе всей реформы заразъ. Такимъ образомъ Сперанскій получилъ возможность провести начала общаго преобразованія, или приготовить имъ дорогу, чрезъ финансовую реформу.

Чрезъ два мѣсяца, къ 1 января 1810 г., весь планъ финансовъ былъ уже совершенно готовъ. Это была толстая тетрадь въ нѣсколько сотъ листовъ; кромѣ обширнаго предисловія, тутъ было 281 пунктъ, т. е., настоящихъ предположеній.

«Протей вступилъ на новое, совершенно незнакомое ему поприще—государственнаго хозяйства», говоритъ баронъ Корфъ. Мы не знаемъ какъ понимать эти слова. Заключается ли въ нихъ тяжкое обвиненіе въ незнакомствѣ нашего реформатора съ финансовыми вопросами? Но самъ баронъ Корфъ удивляется, какъ Сперанскій, среди всѣхъ своихъ гигантскихъ трудовъ, нашолъ время вникнуть и «въ этотъ предметъ» т. е. финансы, хотя, собственно говоря, было бы еще болѣе удивительно, еслибъ Сперанскій не вникъ въ этотъ предметъ. Кромѣ того, служа въ

комиссии по снабженію Петербурга припасами еще при императорѣ Павлѣ, Сперанскій на самой службѣ своей долженъ былъ встрѣтиться съ финансовыми вопросами. Зналъ ли Сперанскій исторію русскихъ финансовъ, или онъ не хотѣлъ знакомиться съ ними точно такъ же, какъ и съ законодательствомъ своей страны? На этотъ любопытный вопросъ можетъ отвѣтить только баронъ Корфъ, имѣвшій въ рукахъ всѣ бумаги Сперанскаго. Мы знаемъ только, что въ «Архивѣ» г. Калачова, гдѣ напечатаны нѣкоторыя разсужденія Сперанскаго о разныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, нѣтъ ни одной записки о финансовыхъ вопросахъ.

Финансовый планъ Сперанскаго былъ не что иное, какъ перелѣпанная имъ записка профессора Балугьянскаго, обсужденная потомъ за обѣдами у графа Северина-Потоцкаго, въ присутствіи будущихъ судей плана, будущихъ членовъ департамента государственной экономіи. Балугьянскій былъ карпатороссъ, выписанный въ Петербургъ на кафедру въ педагогическій институтъ, человекъ знакомый съ наукою, но вовсе не практическій. Къ крайнему сожалѣнію, намъ неизвѣстна ни записка Балугьянскаго ни самый планъ Сперанскаго, во всемъ ихъ объемѣ.

Открывая новый государственный совѣтъ, въ великолѣпномъ засѣданіи его 1-го января 1810 года, Александръ тутъ же вручилъ председателю его, графу Румянцову, финансовый планъ, составленный Сперанскимъ.

Въ тотъ же день 1-го января 1810 года, манифестомъ о преобразованіи совѣта была возвѣщена народу и финансовая реформа. «Настоящее положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ, — говорилось тамъ, — требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. На сей конецъ доставимъ Мы совѣту планъ финансовъ, составленный на началахъ части сей наиболѣе свойственныхъ». Въ манифестѣ объявлены основанія плана: а) сокращеніе издержекъ на управленіе и б) рѣшительный приступъ къ погашенію государственныхъ долговъ (ассигнацій).

По новому устройству государственнаго совѣта, финансовый планъ долженъ былъ пройти въ немъ сперва чрезъ департаментъ экономіи, а потомъ чрезъ общее собраніе. Сперанскій, какъ государственный секретарь, имѣлъ прямое вліяніе на ходъ дѣлъ въ совѣтѣ.

Въ департаментъ государственной экономіи, потомъ въ об-

щемъ собраніи совѣта, планъ финансовъ былъ утвержденъ огромнымъ большинствомъ и, кажется, безъ измѣненій. «Члены совѣта не могли ни обсудить планъ Сперанскаго специально, ни противостоятъ *данному свыше направленію*, еслибы даже и были нужны къ тому свѣдѣнія и силы» (т. I, стр. 195). Въ департаментѣ государственной экономіи предсѣдательствовала известный адмиралъ Мордвиновъ, славившійся независимостью своихъ мнѣній и непреклоннымъ заступничествомъ за все, что онъ считалъ общою пользою, законностью и неприкосновенностью частныхъ правъ и пр. Мордвиновъ старался распространять въ публикѣ свои извѣстныя «мнѣнія» о разныхъ государственныхъ вопросахъ, и они расходились во множествѣ экземпляровъ. Впрочемъ, прибавляетъ баронъ Корфъ, «при нѣкоторомъ знаніи характера Мордвинова, склонить его на свою сторону было не трудно. Сперанскій не даромъ же пригласилъ Мордвинова на предварительныя сужденія за обѣдами Саверина-Потоцкаго, не даромъ очистилъ нашему адмиралу путь къ предсѣдательству одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта. Сперанскій позаботился также, чтобы въ департаментѣ экономіи и на предварительныхъ сужденіяхъ участвовалъ нѣкогда ближайшій другъ Александра — Кочубей. Сперва нашъ реформаторъ думалъ о томъ, не займетъ ли Кочубей мѣсто министра финансовъ; но Кочубей усердно просилъ своего бывшего помощника избавить его отъ министерства. Тогдашній министръ финансовъ, Голубцовъ, держался лишь угодливостью къ Аракчееву, и къ 1-му января 1810 г., по совѣту Сперанскаго, Голубцова замѣнили графомъ Гурьевымъ, бывшимъ до этого времени товарищемъ министра финансовъ и управлявшимъ удѣлами. Званіе государственнаго казначея было уничтожено.

При такихъ подготовкахъ личнаго состава, при «направленіи свыше», при отсутствіи познаній у многихъ членовъ совѣта, планъ Сперанскаго, разумѣется, долженъ былъ пройти безъ возраженій. Черезъ мѣсяцъ послѣ внесенія въ совѣтъ, финансовый планъ былъ уже объявленъ въ манифестѣ 2-го февраля 1810 года.

Главныя черты преобразованія состояли въ слѣдующемъ:

а) «Ассигнаціи признаны государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всеми богатствами имперіи. Дальнѣйшій выпускъ ассигнацій рѣшено остановить. Во всѣхъ губернскихъ и другихъ многолюдныхъ городахъ учреждены разныя конторы, для про-

иѣна ветхихъ ассигнацій на новыя, крупныя на мелкія, и вообще для облегченія обращенія. Для извлеченія ассигнацій и уплаты государственныхъ долговъ, заявлено намѣреніе прибѣгнуть къ внутреннему займу.

б) Объявлено о сокращеніи издержекъ на 20 миліоновъ руб. и о заботахъ департамента экономіи о новыхъ сбереженіяхъ, которыя пойдутъ на извлеченіе ассигнацій.

в) Определенъ новый порядокъ разрѣшенія расходовъ по министерствамъ. Всѣ чрезвычайныя расходы должны разрѣшаться не иначе, какъ по рассмотрѣніи представленій о нихъ въ государственномъ совѣтѣ.

г) Приняты нѣкоторыя мѣры для болѣе правильнаго устройства казначейства.

е) Возвышены налоги и подати; установлены новыя сборы, чтобы покрыть недостатокъ въ расходахъ, происшедшій отъ выпуска ассигнацій.

ф) Но какъ этихъ прибавокъ и сборовъ недостаточно, то и въ такомъ затруднительномъ положеніи необходимо пособіе съ дворянскаго сословія, единовременно и единственно на сей годъ 1810 по 50 коп. съ души.

г) Всѣ прибавки въ податяхъ установлены только на 1810 годъ.

и) Объявлено, что и роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на будущее время, начиная съ 1811 года, будетъ возвышаема благовременно.

При манифестѣ разославо извлеченіе изъ плана финансовъ, названное «разумъ манифеста». Темными, учеными фразами, оно объявляло:

1) «Что истинная государственная монета у насъ всегда было серебро, а не мѣдь.

2) Что ассигнаціи ушли отъ излишняго выпуска ихъ, а потому количество ихъ нужно уменьшить. Извлеченіе ассигнацій изъ обращенія должно произвести вымѣномъ ассигнацій на серебро и уничтоженіемъ вымѣненныхъ.»

Изъ другихъ мѣстъ книги барона Корфа мы узнаемъ, что опубликованная финансовая реформа должна была дополняться:

а) «Замѣною ассигнацій вѣрными банковыми бумагами, учрежденіемъ «эскомтовъ», словомъ, образованіемъ *государственнаго банка*, на «прочныхъ» началахъ и

б) Реформою налоговъ и податей, — но намъ неизвѣстно какою

именно. Мы узнаемъ только, что были составлены проекты новаго образованія личной и поземельной подати, но не были приведены въ исполненіе».

Вотъ главныя черты финансовой реформы Сперанскаго. Посмотримъ, насколько принимала она въ расчетъ «самодѣтельность общества». Тутъ мы легко можемъ судить и о томъ, справедливъ ли баронъ Корфъ говоря, что и Сперанскій, вышедшій изъ толпы, надѣялся многого отъ правительственной регламентаціи.

Самый бѣглый взглядъ на исторію нашихъ финансовъ въ XVIII столѣтіи покажетъ, что финансовый планъ Сперанскаго не заключалъ въ себѣ никакихъ коренныхъ мѣръ, а во множествѣ самыхъ существенныхъ чертъ былъ давно и нѣсколько разъ пережитою пѣснею.

Мы не знаемъ въ какой степени Сперанскій ознакомился съ исторіею русскихъ финансовъ; но дѣло въ томъ, что исторія финансовъ всѣхъ народовъ, особенно въ началѣ, почти одинакова въ главныхъ чертахъ; а Сперанскій долженъ же былъ знать исторію финансовъ хотя какого-нибудь народа. Вездѣ, вслѣдъ за распространеніемъ звонкой монеты, правительства злоупотребляли монетною регаліей, и, выпуская легковѣсныя или худопробныя деньги, обращали выгоды такой чеканки на свои, болѣе или менѣе настоятельныя нужды. Не даромъ Дантъ помѣстилъ въ своемъ аду фальшиваго монетчика Филиппа Прекраснаго, — это общій типъ въ среднихъ и даже ближайшихъ къ намъ вѣкахъ. Только Аены остаются чистыми въ дѣлѣ монеты. Первоначальные зародыши банковъ въ Венеціи, Генуѣ и Амстердамѣ много боролись съ приливомъ иностранныхъ фальшивыхъ денегъ. Въ Англіи такая монета исчезла со временъ Елизаветы. Вездѣ вслѣдъ за недоброкачественною звонкою монетою являются бумажныя деньги, дающія возможность собирать большія суммы и ими покрывать всякія нужды правительства. Кризисъ отъ бумажныхъ денегъ всегда сильнѣе и иногда доходитъ до паденія ихъ въ нуль цѣнности. Такъ было съ ассигнаціями французской республики, съ бумажными деньгами въ Соединенныхъ Штатахъ. Разумѣется, въ подробностяхъ мы видимъ большія несходства и много разныхъ системъ; но замѣчательно, что Австрія употребила на своемъ вѣку всѣ системы. Исторія бумажныхъ денегъ у разныхъ народовъ въ существенныхъ чертахъ до того одинакова,

что, какъ сказалъ это Мишель Шевалье, всѣ мѣры, принятыя для поддержанія подобныхъ системъ въ разныхъ странахъ, уже давно были испытаны въ Китаѣ преемниками Чингисъ-хана. Послѣ бумажныхъ денегъ слѣдуетъ пользованіе различными банковыми учрежденіями, что причиняетъ имъ часто полную гибель. Кризисъ кончается только твердымъ возстановленіемъ монетной единицы и правильнымъ устройствомъ налоговъ.

Но обратимся къ исторіи русскихъ финансовъ.

При Алексѣ Михайловичѣ совершонъ первый выпускъ ассигнацій. Въ 1658 г. начеканили мѣдную монету съ такими же знаками, какъ на мелкихъ серебряныхъ деньгахъ, и выпускали ее по цѣнѣ серебряной. Тотчасъ явилась дороговизна и добрая серебряная деньга пошла за границу. Въ 1663 году выпускъ худой монеты былъ прекращенъ. Вслѣдствіе народнаго возстанія, правительство должно было объявить себя банкротомъ и принимало выпущенную имъ мѣдную монету за 1%, т. е. почти за натуральную стоимость ея.

При Петрѣ Великомъ ощутилась надобность въ разнѣнной монетѣ: разсѣкали серебряныя деньги, а въ Казани ходили даже кожаныя жеребья. Это было поводомъ къ выпуску мѣдныхъ денегъ, и вскорѣ они полились рѣкою, постоянно ухудшаясь въ своемъ достоинствѣ.

Въ XVIII столѣтіи, съ Петра I до Екатерины II, наши финансы путались отъ выпусковъ мѣдныхъ ассигнацій. Когда для правительства наступила нужда въ деньгахъ на войну, или какія либо мѣры, оно выпускало мѣдную монету, нарицательная цѣна которой была гораздо выше дѣйствительной, и выгадывало для себя эту разницу цѣнъ. Разумѣется, суммы, приобретенныя такимъ путемъ, не могли быть значительны, а между-тѣмъ рядомъ съ правительственными мѣдными ассигнаціями распространялось множество поддѣлокъ, произведенныхъ и у насъ и за границею. За дѣланіе фальшивой монеты, по одному дѣлу 1727 г., казнено до 140 человекъ. Мѣдь переполняла рынокъ и вытѣсняла серебро за границу. Замѣтивъ стѣсненіе, правительство начинало извлекать изъ обращенія свои мѣдныя ассигнаціи, замѣняя ихъ монетою высшаго достоинства; — но опять наступала нужда преимущественно на военныя издержки, и опять выпускались мѣдныя ассигнаціи. Въ народѣ сыпались мѣдныя деньги всякихъ формъ, величинъ и достоинствъ, начиная съ чисто-мѣдныхъ рублевыхъ платъ Екатерины I, невозможныхъ къ пересыскѣ, и кончая

всевозможными денежками и полушками. Непривычка къ новой, едва ли возможной централизаціи, совершенная путаница управления и господство личнаго произвола даже въ коллегіяхъ, уже въ конецъ путали наши финансы. Воеводы отдавали нѣкоторыя подати и налоги на откупъ отъ себя, не показывали полученныхъ доходовъ, сами распоряжались употребленіемъ недоимокъ, и вообще не давали отчета. Въ своемъ молчаніи губернаторы оправдывались страшнымъ количествомъ нисыма, напримѣръ: Московская губернія должна была подать рапорты о своихъ финансахъ на 6449 татрадахъ. Сама камеръ - коллегія не могла составить росписи доходовъ и расходовъ. Беспорядки и злоупотребленія дошли въ этой коллегіи до такихъ размѣровъ, что, наконецъ, не нашли другаго исправленія, кромѣ уничтоженія. Монетный дворъ перевзжалъ то изъ Петербурга въ Москву, то изъ Москвы въ Петербургъ. Ходъ дѣлъ на монетномъ дворѣ былъ таковъ, что рѣшились держать казначеевъ въ монетной конторѣ не болѣе одного года, а по прошествіи года тотчасъ мѣнять. Несмотря на это, въ скоромъ времени на монетномъ дворѣ найдены фальшивыя гири у вѣсовъ, утаенное серебро и ворованныя вещи.

Иногда правительство пыталось скрывать свои операціи отъ иностранныхъ государствъ. Приступая къ новому выпуску никопѣечниковъ при Екатеринѣ I, приказано чеканить прежнимъ птемпелемъ, «въ предупрежденіе толковъ и разсужденій въ иностранныхъ государствахъ» (П. С. З. № 5003) Это нисколько не помѣшало иностраннымъ купцамъ пользоваться нашею ороговизною и стремленіемъ золота и серебра за границу на оубе выгодные рынки. Еще въ указѣ Алексѣя Михайловича ренаивно описывались операціи иностранныхъ гостей, которые отъ того воровства обогатѣли большимъ богатствомъ».

Вообще говоря, правительство скоро признавалось во всѣхъ финансовыхъ затрудненіяхъ. Въ томъ же указѣ Алексѣя Михайловича говорилось: «въ торгахъ чинится безторжница и убытки великіе; торговые люди торговыхъ промысловъ отбили, а ные многіе обѣдѣли, межъ дворъ скигаются и нашихъ подаей взяти стало не на комъ и служебъ служить не кому». Въ манифестѣ 26 января 1727 г. высказанно, «что казеннаго денежнаго капитала никакого нѣтъ.» Екатерина II объявляла, что неизчислимыя приключаются въ государствѣ неполезности.»

Извлекая подобрыя деньги изъ обращенія, правительство нѣ-

сколько разъ прибѣсало къ самому тяжолому налогу — къ отобранію денегъ; но всякій разъ уступало, т. е. опять принимало старыя деньги.

Нельзя не отдать справедливости сенату Елизаветы Петровны въ его усердныхъ заботахъ къ улучшенію денежной системы, дожившейся чрезвычайною глестью на народъ. Извѣстно, что благосостояніе народа много зависитъ отъ распредѣленія, образа взысканія и величины налоговъ. Денежная система колебала все, что почти вжедневно останавливало торговлю и промышленность. Сенатъ Елизаветы понималъ опасность бумажныхъ денегъ, но не умѣлъ усранить ее нужными учрежденіями.

«Билеты въ Россіи не только не обыкновенное дѣло,» говорилъ сенатъ, «но весьма вредительное и весьма хуже пшнѣшнихъ пятикопеечниковъ, ибо мѣдные пятикопеечники имѣютъ внутреннюю цѣну по 8 р. въ пудѣ, а билеты никакой внутренней цѣны имѣть не будутъ, и потому, если ихъ умножить, то придется ихъ обмѣнивать съ несравненно большимъ разореніемъ; къ тому же сіе весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки, да и опасно, чтобы впредь не подать причины худымъ разсужденіямъ.»

Мы не имѣемъ мѣста, чтобы распространиться о томъ конечномъ разстройствѣ финансовъ, которое застала Екатерина II. О тогдашнихъ злоупотребленіяхъ читатель можетъ имѣть понятіе по извѣстнымъ откупнымъ исторіямъ, вспомнивъ, что у графа Шувалова императрица должна была отнять откупъ табачнаго торга и на право производствъ тюленьяго и садьянаго, а у откупщика Шемякина откула всѣхъ портовыхъ и пограничныхъ таможенъ, а также на отпускъ шолка и пр. и пр.

Императрица понимала связь финансовъ со всѣмъ государственнымъ организмомъ. Въ одномъ изъ первыхъ указовъ Екатерины говорится, что для поправленія «истощенной» казны, необходимо, чтобы въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ судейскія мѣста были занимаемы людьми достойными, о чемъ она просила сенатъ разсудить. Виновѣдствіемъ, издавая указъ о новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ, императрица допустила выборное начало и старалась отдѣлить судъ отъ управленія.

Въ первые годы своего царствованія Екатерина разрѣшила свободную торговлю хлѣбомъ, мясомъ, скотомъ, холстомъ и пр.; старалась объ извлеченіи мѣдныхъ ассигнацій; улучшала пути сообщенія и пр. Тѣ же финансовыя заботы видны въ образованіи

благотворительныхъ учреждений, въ устройствѣ управленія дорогами и пр.

Ассигнаціи введены у насъ 1 января 1769 г. Вначалѣ онѣ выдавались лишь въ обмѣнъ на мѣдъ и всегда могли быть размѣнены на нее. Успѣхъ ассигнацій былъ такъ великъ, что иногда ассигнаціонный рубль стоялъ выше серебрянаго. Несмотря за этотъ успѣхъ, Екатерина видѣла опасность «умноженія бумажекъ». Указомъ 1774 г. было объявлено:

«Соображая циркуляцію и число находящихся въ государствѣ денегъ, мы заблагоразсудили ограничить число государственныхъ ассигнацій и вслѣдствіе, — симъ нашему сенату повелѣваемъ. и тобъ не болѣе какъ на 20 м. р. ассигнаціями въ имперіи напей обращалось; и такъ, коль скоро на всю ту сумму ассигнаціями выпущено будетъ, тогда уже сенату печатать вновь ассигнаціи, единственно на обмѣнъ старыхъ.»

До 1786 г. ассигнаціи держались почти *at par* т. е., почти 17 лѣтъ. Количество ихъ не возрастало значительно, но въ 1786 г. было выпущено до 50 мил. на промѣнъ которыхъ требовалось слишкомъ значительное количество звонкой монеты. Съ этого года ассигнаціи стали падать. Въ дѣлѣ выпуска бумажныхъ денегъ все заключается въ первомъ шагѣ; первымъ шагомъ въ томъ дѣлѣ устанавливается цѣлый механизмъ отношеній къ собственности и личности, изъ котораго выходитъ всегда затруднительнѣе, вслѣдствіе финансоваго свойства бумажныхъ денегъ. Первый выпускъ неизбѣжно влечетъ за собою послѣдующіе; за паденіемъ ассигнацій слѣдуетъ дороговизна; правительство получаетъ номинальный доходъ и для пополненія его вновь выпускаетъ ассигнаціи. Повторяемъ, что все вниманіе преобразователя должно быть сосредоточено на первомъ шагѣ.

Когда масса ассигнацій уже дошла до 100 м., императрица приняла мѣры, чтобъ остановиться на этомъ количествѣ. По видимому, это было возможно. — Россія начинала уже пользоваться заграничнымъ кредитомъ; но и онъ не помогъ: ассигнаціи постоянно выпускались, постоянно падали; дороговизна озрастала.

Въ 1794 г. пришлось возвысить налоги и подати; но и это не остановило новыхъ выпусковъ бумажекъ. Къ концу царствованія Екатерины было ихъ до 158 мил.

Павелъ I, вступивъ на престолъ, уже видѣлъ всю необходи-

мость финансовых реобразований. Онъ думалъ изъять ассигнаціи изъ обращенія и упрочить обращеніе звонкой монеты.

Ассигнаціи признаны «истиннымъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ и для приведенія въ соразмѣрное между собою обращеніе всѣхъ разнообразныхъ денегъ опредѣлены немалыя суммы, въ томъ числѣ въ значительномъ количествѣ золотомъ и серебромъ, вымѣнивая на нихъ ассигнаціи.»

Въ то же время нѣкоторые налоги опять увеличены. Содержаніе губернскихъ мѣстъ отнесено на счетъ дворянства; увеличены сборы съ купцовъ и мѣщанъ; подушный и оброчный окладъ съ крестьянъ. Повышена цѣна съ гербовой бумаги и векселей.

Между тѣмъ опять подошли настоятельныя нужды въ деньгахъ, и къ концу царствованія Павла I въ народномъ обращеніи было до 215 мил. р. «бумажекъ». Ассигнаціонный рубль ходилъ только въ 65 к. серебромъ.

Теперь обратимся къ финансовому плану Сперанскаго и посмотримъ—чѣмъ отличался этотъ планъ отъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ ему «распоряженій».

По плану Сперанскаго, ассигнаціи были объявлены государственными долгомъ; но это уже сдѣлалъ Павелъ I. Главное свойство бумажныхъ денегъ состоитъ въ обязательномъ курсѣ ихъ и изъ него проистекаютъ всѣ неудобства ассигнацій. Во всѣхъ странахъ бумажки обезпечивались достояніемъ государства, но такое обезпеченіе не представляло ничего дѣйствительнаго и нисколько не предохраняло ихъ отъ паденія. Напр. ассигнаціи французской республики, упавшія до нуля, точно такъ же были обезпечены государственными имуществами. Въ планѣ Сперанскаго рѣшено прекратить выпускъ ассигнацій, но Екатерина не разъ рѣшала то же самое, и, притомъ, въ обстоятельствахъ гораздо болѣе благопріятныхъ. Что же сдѣлалъ Сперанскій, чтобы обезпечить рѣшеніе 1810 года отъ участи екатеринскихъ проектовъ? Онъ надѣялся достигнуть равновѣсія между расходами и доходами чрезъ сокращеніе издержекъ и возвышеніе налоговъ.

Сокращеніе издержекъ Сперанскій думалъ достигнуть такими мѣрами, которыя составляли прямое продолженіе предыдущаго, но только въ другой формѣ, заключавшейся въ лицѣ самого Сперанскаго.

«Каждый министръ считалъ вѣтренное ему министерство «за пожалованную деревню и старался наполнить его людьми и деньгами» — такъ, писалъ Сперанскій въ пермскомъ

письмъ, «кто прикасался къ сей собственности, былъ явный влиюминать и предатель, и это былъ—я. Мнѣ одному противъ восьми сильныхъ надлежало вести сию тяжбу!» (т. 1 стр. 127).

«Сократить и привести въ порядокъ издержки,—писалъ Сперанскій даде,—а здѣсь—то и есть неудобство и рохляво. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ дочернать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новрмъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть уменьшенія» (т. 1 стр. 202).

Мнѣніе самого Сперанскаго о совѣтѣ мы привели выше. Баронъ Корфъ говоритъ, что «Сперанкой былъ подвластенъ въ совѣтѣ. Всѣ финансовыя мѣры съ 1810 по 1812 г. были предлагаемы совѣту государственнымъ секретаремъ, и поднимъ онъ же подносилъ ихъ на рѣшеніе государя, а государь, если въ совѣтѣ и бывали возраженія или разногласія, всегда принималъ сторону и мнѣніе Сперанскаго. Власть послѣдннго до совѣту, общиная и вступленіе и производство, и окончаніе дѣлъ, протиралась до того, что онъ объявлялъ высочайшія рѣшенія сякому его предсѣдателю. При этомъ министръ финансовъ сдѣлался простымъ исполнителемъ мѣръ, предложенныхъ и поставленныхъ перѣдко противъ его убѣжденій» (т. 1 стр. 203).

Итакъ издержки сокращались личностью самого Сперанскаго. Не думаемъ чтобы здѣсь было какое-либо опереженіе общества относительно его образованія и самодѣтельности, которыми, такъ увѣряетъ баронъ Корфъ, страдалъ общій планъ реформы. Во всякомъ случаѣ, относительно сокращенія издержекъ, мы видимъ прямое продолженіе предыдущаго.

Возвыщеніе податей и налоговъ, о которомъ Сперанскій говоритъ, что онъ уже не было вприняемо дѣтъ двадцать, представляло тоже старую мѣру и, притомъ, употребленную Павломъ только за 13 дѣтъ передъ тѣмъ. Прежнія возвышенія налоговъ никогда не приводили къ равновѣсію между доходами и расходами, или давали слишкомъ временное и непрочное предство для какой гармоніи. При первомъ нарушеніи равннвѣсія приходилось либо вновь выпускать ассигнаціи, либо опять подымать налоги. Займы, какъ известно, не всегда возможны. Сперанскій долженъ былъ убедиться въ этомъ почти на другой день своей бѣдннн. Оказалось, что отъ прошедшихъ дѣтъ не исполнены

нѣкоторые расходы, для которыхъ уже заготовили ассигнаціи, но не успѣли выпустить ихъ. Эти расходы были покрыты въ 1810 г. выпускомъ 46 мил. ассигнацій, хотя прекращеніе выпуска уже объявили (т. 1 стр.) На самомъ дѣлѣ личность Сперанскаго не сократила расходовъ администраціи; вопреки бумажнымъ мѣрамъ, они продолжали возрастать. Ассигнацій выпустить не хотѣли; оставалось возвышать налоги.

Во всякомъ случаѣ, въ планѣ Сперанскаго доходы и расходы были приведены въ соотвѣтствіе на одинъ 1810 г. На покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, которые могли бы понадобиться, напр. въ случаѣ войны, въ размѣрахъ, превышающихъ всѣе доходы, не было обращено никакого вниманія. На одни займы нельзя рассчитывать, и 1810 г. доказалъ это. Предполагавшійся голландскій заемъ не удался. Опять оставалось возвышать налоги. Неужели и тутъ Сперанскій считалъ нормальной систему пребыванія со дня на день?

Относительно налоговъ Сперанскій, какъ мы положительно знаемъ, намѣревался принять въ расчетъ «степень образованія и самодѣятельности общества», но мы знаемъ это очень точно. Въ докладной запискѣ о преобразованіи государственнаго совѣта Сперанскій одною изъ главныхъ причинъ необходимости «расширить совѣтъ и придать ему *публичныя* формы» выставлялъ слѣдующее:

«Положеніе нашихъ финансовъ требуетъ непременно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностью и подробностью доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно очевидность сію должно смѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что въ дѣйствиѣ произвола, но точно необходимостью, признакомъ и представленною отъ совѣта, налагаются налоги.»

Всегда императорская власть была окружена учрежденіями и совѣтниками, которые признавали нужду и представляли проекты налоговъ. Почему же совѣтъ долженъ былъ снять возможность всякихъ нареканій съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ прежнія учрежденія? Тутъ что-то неполно и поднимаетъ мысль о правительствующемъ сенатѣ Сперанскаго.

Какъ бы то ни было, но Сперанскій въ своей финансовой реформѣ не выдержалъ прежнихъ намѣреній. Финансовый планъ, вопреки обыкновенію реформатора, не былъ напечатанъ даже

для членовъ сѣдѣтѣ. Только первый манифестъ сопровождался объяснительной запиской, а прочие указы издавались безъ нихъ. Впоследствии Сперанскій жалѣлъ, что дѣло велось тайнѣй, что мнѣнія Гурьева не были напечатаны. Мы совершенно согласны съ барономъ Кересомъ: во вредъ такой тайнственности, но все-таки желали бы знать, насколько именно виноватъ въ ней самъ Сперанскій.

Начиная съ 1810 г. и до самого паденія Сперанскаго, новые налоги учреждались одинъ за другимъ съ быстротою, безпримѣрною въ русской исторіи. Причина оставалась непонятною для всего народа. Замѣчательно, что налоги Гурьева, приняты во время царствованія Наполеона, не только не возбудили ропота, но, напротивъ, всякій охотно жертвовалъ своимъ имуществомъ.

Вначительную часть своей реформы Сперанскій могъ бы провести, опираясь на необходимость исправить финансы. Вѣдь, писалъ же онъ, что «предложения» къ преобразованію государственнаго совѣта весьма естественно могутъ быть приняты финансы, скрывать задруденіе коихъ есть вѣрный способъ умножить занутанность и питать безпокойство!

Что же Сперанскій дѣлалъ въ дѣйствительности? Манифестъ 29 января 1812 г. объявляетъ, что доходы и расходы найдены въ надлежащей соразимѣрности. Редакція манифеста принадлежала, конечно, Сперанскому, писавшему тогда всѣ важныя бумаги. Манифестъ 11 февраля устанавливаетъ новые налоги на уплату долговъ. Всѣ соображенія, связывавшія эти манифесты, были скрыты отъ публики (т. 1 стр. 218).

Замѣтимъ, кромѣ того, что планъ возвышенія налоговъ въ февралѣ 1812 г. представляетъ совершенный сколокъ съ указовъ Екатерины и Павла, именно, увеличеніе постановлено для податей подушной и оброчной, въ сборѣ съ купеческихъ капиталовъ, въ пошлинахъ съ чая, пива, съ гербовой бумаги, паспортовъ, подорожень, съ пересылки цѣсець и посылокъ и частныхъ горныхъ заводовъ. Возвышена пошлина на многія привозные товары, установлена новая пошлина съ торгующихъ крестьянъ и учрежденъ сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ, по добровольному ихъ объявленію.

Последній сборъ окончательно подрывалъ вѣру въ отсутствіе дефицита, и безъ того совершенно невѣроятное. Этотъ добровольный сборъ былъ установленъ безъ объявленія причинъ!

Между тѣмъ, въ меркантилизмъ Сперанскаго было столько энергии, что ее, кажется, хватало бы на финансовую реформу.

Перечислимъ налоги, носившіеся прежде за высшею подачею 2-го февраля 1810 г. Все они были приняты повелѣніемъ государственнымъ секретаремъ, не употребляясь потомъ, слухамъ и злословіемъ (т. III стр. 202).

Между Сперанскимъ и графомъ Гурьевымъ уже возникли горячія сцены даже въ заведеніи совѣта; но все-таки налоги, предложенныя Гурьевымъ на 1812 г., были отвергнуты и заменены предложенными Сперанскимъ. Въ 1810 г. установилась высокая пошлина на продажу вина въ губерніяхъ мадоросійскихъ, западныхъ и острѣвскихъ, гдѣ до тѣхъ мѣръ вино продавалось свободно. Подати, установленныя на однихъ 1810 г., за исключеніемъ сбора съ доходовъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ, введены. Въ 1811 г. подала перепись, когда налогомъ увеличилось число платящихъ; податъ послѣдовавшая особая пошлина на соль, обращенную въ вольную продажу, сильно возвышена; вина продававшаяся въ привагированныхъ губерніяхъ, приняты мѣры къ привлеченію дохода изъ рекреативныхъ къвтанцій, и наконецъ все это завершилось новымъ увеличеніемъ податей въ началѣ 1812 г.; за нѣсколько дней до паденія Сперанскаго, возвышен еще подать съ иностранныхъ колонистовъ.

Ту же безстрастную энергию Сперанскаго видимъ мы въ мѣрахъ относительно внешней торговли. Составивъ въ 1810 г. комитетъ изъ биржевыхъ купцовъ, государственный секретарь сообщилъ соображенія ихъ и свои мысли Гурьеву, а тотъ предложилъ ихъ государственному совѣту. Результатомъ этого слабѣшаго изъ слабыхъ обращеній къ «образованію общества» было положеніе внешней торговли, сокращавшее прівозъ и самое требованіе иностранныхъ товаровъ и поощрявшее вывозъ. Таможенная процедура была нѣсколько упрощена. Еще при проходѣ новаго тарифа чрезъ государственный совѣтъ возникла опасенія за неудовольствіе Наполеона, и дѣйствительно тарифъ 1810 г. послужилъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ войнѣ.

На такую энергичную мѣру Сперанскаго хватило. Но почему же финансовая реформа велась имъ отчасти противъ своихъ мыслей о «публичности», и очевидно не была въ связи съ общей? Собственно гевеидамы финансовому плану Сперанскаго заключались лишь дѣло испытаній и поверхностныя мѣры, за исключеніемъ, можетъ быть, оцѣдочнаго:

«Въ нашей вѣстѣ 1810 г. объявлено опубликованіе росписи доходовъ и расходовъ на 1811 г. Эта вѣра действительно новая и очень важная. Она не была приведена въ исполненіе, хотя очевидно соединилась съ основными мыслями Сперанскаго. Баронъ Корфъ, слѣди въ подробностяхъ за ходомъ всѣхъ вѣр, предложенныхъ Сперанскимъ, ничего не говоритъ о судьбѣ этой росписи. Во всѣхъ изложенныхъ запискахъ Сперанскаго, въ разныхъ отрывкахъ его бумагъ приведенныхъ барономъ Корфомъ, мы не находимъ ни одного слова, ни одного намека на судьбу, достигшию это дѣланное, заманчивое предположеніе. Разумѣется, царь остается, пройдя мимо, дѣло молчаніемъ».

Нѣкоторое, хотя очень слабое, обращеніе къ «образованности и самостоятельности» общества — мы видимъ въ предположеніи Сперанскаго посадить въ комиссію погашенія долговъ шесть выборныхъ отъ купечества и дворянства. Все остальное, — начиная съ продажи государственныхъ имуществъ для погашенія ассигнацій, и кончая непослѣдующимъ къ прѣсѣриванью банковыми государственными учрежденіями, не заключаетъ никакой реформы и все это уже тогда было старо. Екатерина также продавала государственныя имущества и заботилась объ учрежденіи казенныхъ банковъ.

«Вся финансовая реформа Сперанскаго, въ которой онъ былъ почти полновластенъ, опиралась на немъ самимъ; она нисколько не оцѣржала «ни образованности, ни степени самостоятельности общества» и, вѣроятно, не имѣла никакой связи съ общою неисполнившейся реформой, страдавшей, по увѣренію барона Корфа, этимъ недостаткомъ. Кроме того, баронъ Корфъ оказалъ бодрую правду, говоря, что Сперанскій много рассчитывалъ на правительственную регламентацію».

«Заключеніемъ только одного предположенія о росписи, во всѣхъ остальныхъ финансовыхъ предначертаніяхъ и вѣрахъ Сперанскаго мы видимъ сильнаго государственнаго секретаря, правдывающаго съ сочиненіями школы Адама Смита, но далеко не свободнаго думателя».

«Одинъ только чертъ останавливаетъ насъ въ Сперанскомъ — финансовомъ. Всякій уклонился взять на себя «повышеніе налоговъ» говорить онъ, — всякій старался «сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало, однакожь, чтобъ кто-нибудь ее понесъ. Судьба несправедливость людей избрали меня на сію жертву; ме-

ня осыпали эпитафиями, ругательствами и проч., а другіе были въ сторонѣ». И Сперанской несъ это бремя, «не устрадаась ни ропотомъ, ни слухами, ни злословіемъ»; напротивъ, съ фанатическою вѣрою въ тѣ силы, на которыя онъ опирался, Сперанскій дѣйствовалъ крайне энергически, какъ бы не видя возбуждаемой имъ ненависти, какъ бы забывъ о томъ, что русское правительство было чрезвычайно осторожно въ дѣлѣ возвышенія налоговъ и всегда старалось избѣгать эту мѣру.

И на что же пошла вся эта сила, энергія, вѣра? Что было реальнаго во всѣхъ финансовыхъ преобразованіяхъ Сперанскаго? Даже рутинныя мѣры, предпринятія имъ, остались болѣею частью на бумагѣ, а на дѣлѣ явилось только возвышеніе налоговъ. Баронъ Корфъ совершенно справедливъ, говоря, что матеріальныя послѣдствія финансовыхъ мѣръ Сперанскаго, т. е. сильное возвышеніе налоговъ «взволновали народъ». Это нельзя приписать невѣжеству народа; скорѣе, напротивъ, тутъ можно видѣть простое и прямое пониманіе дѣла. Тотъ же самый народъ не ропталъ на налоги 1812 г., а приносилъ великія жертвы. «Возвышеніе налоговъ все-таки легче-же той части, которая падаетъ на народъ чрезъ выпускъ бумажныхъ денегъ», скажутъ намъ, быть можетъ. Это очень справедливо; но мы смотримъ на Сперанскаго какъ на реформатора, а не какъ на простаго чиновника, исполняющаго извѣстную, нѣсколько лучшую мѣру. Общественное мнѣніе высказываетъ тотъ же взглядъ, но не всегда выдерживаетъ его, забываетъ, бросаясь въ интересы другихъ минутъ.

Въ финансовой реформѣ Сперанскій является намъ не за канцелярской, а за настоящей работой, не въ кабинетѣ, а въ дѣлѣ, въ исполненіи. Интересно взглянуть на эту реформу съ точки зрѣнія той силы, съ которою Сперанскій стоялъ на своемъ убѣжденіи, той силы и мужества, которыя составляютъ главное достоинство реформатора. У Сперанскаго хватило энергіи вызвать на борьбу всѣхъ вельможъ, указомъ о придворныхъ званіяхъ, и всѣхъ подъячихъ, указомъ о чинахъ; но у Сперанскаго не хватило силы и умѣнья пострадать за свое убѣжденіе въ финансовомъ дѣлѣ. Въ 1809 г. Сперанскій пишетъ, что «скрывать затрудненіе въ финансахъ есть вѣрный способъ вызвать безпокойство и умножить запутанность». Въ 1810 г. онъ призываетъ одобреніе людей благомыслящихъ, впрочемъ, не рѣ-

нѣнныя уже мѣры. Въ 1811 г. онъ уже не можетъ провести своего главнаго предположенія о росписи. Въ 1812 г. онъ уже пишетъ отчетъ, дающій невѣрное понятіе о положеніи финансовъ, второе, собственно говоря, никогда нельзя скрыть. Имѣлъ ли Сперанскій достаточно силы на проведеніе своей общей реформы? Какъ бы сталъ онъ проводить рѣшеніе крестьянскаго вопроса?

Ходъ финансовыхъ преобразованій заставляетъ насъ сказать, что *Сперанскій не былъ одаренъ достаточными силами для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній и проектовъ*. Грустно подумать о всѣхъ ужасахъ, которые должны были бы явиться въ случаѣ колебаній по рѣшенію крестьянскаго вопроса и отъ несчастной возможности сбиваться съ дороги, ити заразъ по нѣсколькимъ направленіямъ. Конечно, въ тысячу разъ грустнѣе видѣть, что вся реформа такъ отдалилась, что все главное въ общей реформѣ Сперанскаго, въ его жизни, погибло такъ безвременно.

Мы ничего не сказали ни о новомъ распредѣленіи налоговъ, надуманномъ Сперанскіймъ, ни о предположенныхъ имъ банковыхъ учрежденіяхъ. Это сдѣлано нами по той простой причинѣ, что всѣ проекты, относящіеся сюда, намъ неизвѣстны. Можетъ быть, въ распредѣленіи налоговъ, Сперанскій наклонилъ дѣло къ своей общей реформѣ, что было такъ удобно; можетъ быть, его банковыя учрежденія были бы полезными переходными мѣрами; но для насъ достаточно хотя того, что Сперанскій не дѣлалъ ничего для дарованія частному кредиту необходимыхъ условій. Неужели ему помѣшало канцелярское распредѣленіе работъ?

По необходимости мы должны прійти къ заключенію, что въ *финансовыхъ преобразованіяхъ Сперанскаго не было никакой реформы, въ смыслѣ прочнаго устройства для будущаго*. Это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться въ прочности и полнотѣ общей реформы. Финансовый планъ задуманъ въ концѣ 1809 г. и Сперанскій къ то же время назначалъ окончательнымъ урокомъ къ осуществленію преобразованія всего государства концемъ 1811 г. «Тогда» писалъ онъ въ докладной запискѣ, «Россія приметъ новое бытіе». Изъ этого видно, что финансовыя преобразованія должны были идти почти параллельно съ постепеннымъ осуществленіемъ общей реформы. Въ такихъ об

стоятельствахъ мы еще болѣе сомнѣваемся въ достоинства общегосударственной реформы Сперанскаго. Просимъ, однако, что въ концѣ 1809 г. отчужденная война еще не предвидѣлась, хотя Наполеонъ уже кладъ камень за пазуху. Коренныя мѣры были весьма возможны.

Всякій, кто продолжаетъ финансовую реформу Сперанскаго безъ предвзятыхъ взглядовъ, но вполне безпристрастно, долженъ задуматься надъ качествомъ мало известнаго намъ общегосударственнаго преобразования. Изъ представшаго нами обзора финансовыхъ мѣръ Сперанскаго ясно, что вся финансовая реформа Сперанскаго опиралась только на номъ самомъ, а въ подобномъ ходѣ дѣлъ можно видѣть только продолженіе того общественнаго порядка, преобразования котораго столько желалъ императоръ Александръ I. и самъ государственный секретарь. Неудовольствительность финансовыхъ мѣръ Сперанскаго легко могла произойти изъ бюрократической привычки смѣло разчерчивать на бумагѣ всякія формы общественной жизни не заботясь объ укрѣпленіи самыхъ основъ ея, которое одно только можетъ дать вводимымъ формамъ надлежащее содержаніе и будущіе плоды. Напр. прекращая выпускъ бумажныхъ денегъ Сперанскій вовсе не позаботился о томъ, чтобъ пресѣчь источники финансоваго разстройства и дать финансамъ прочныя основы. Баронъ Крѣзь совершенно правъ, говоря, что Сперанскому не удалось исправить и упрочить наши финансы. Теперь невольно рождается вопросъ: не было ли такого же бюрократическаго обращенія съ основами государственной жизни и въ проектѣ общегосударственной реформы? Разумѣется странно искать въ этомъ проектѣ всегда недосягаемаго идеала полнаго обезличенія личности и собственности, установленія порядка всеобщаго благодѣянія; но пресматривая финансовую реформу, совершенно забывающую объ основахъ общественной жизни, невольно приходимъ къ мысли, что и планъ общегосударственнаго преобразования, въ какихъ бы великолѣпныхъ формахъ онъ ни былъ разчерченъ, отличается, пожалуй, равносильными достоинствами. Всеми можетъ быть, что, представшая на бумагѣ поразительная совершенства, онъ не проведетъ изъ далѣе форма, а потому при исполненіи на дѣлѣ, легко могъ не дать ни одного прочнаго прирѣтени. Изъ статьи г. Донгунова мы знаемъ, что въ проекту Сперанскаго освобожденіе крестьянъ должно было кончиться не обращеніемъ ихъ въ собственниковъ надѣла, а однимъ правомъ пере-

хода отъ помещика къ помещику. Разумѣется, подобное рѣшеніе крестьянскаго вопроса не было прочнымъ и даже удобнымъ исполнимымъ. Дарованіе «крестьянамъ» полной личной свободы безъ надѣла ихъ землею, не рѣшаетъ вопроса, а Сперанскій вовсе не заботился о надѣлѣ и не думалъ принимать никакихъ мѣръ для приготовленія необходимой операціи выкупа. Мы видимъ, что если судить по одной этой чертѣ обо всей общегосударственной реформѣ Сперанскаго, то наше сомнѣніе въ достоинствѣ ея оправдывается вполне; но изъ этого нельзя еще дѣлать рѣшительнаго осужденія реформы. Можетъ, въ другихъ своихъ чертахъ она давала много гарантій для лучшаго порядка дѣлъ и, можетъ быть, эти гарантіи уравнивали недостатки всего плана по-крайней-мѣрѣ настолько, что трудъ Сперанскаго, во всей его совокупности, все-таки представлялъ значительный успѣхъ общественной жизни. Для рѣшенія такого вопроса, хотя приблизительно, намъ придется просмотрѣть всѣ извѣстія объ общемъ планѣ Сперанскаго.

Бѣглый просмотръ общей реформы, насколько онъ возможенъ, мы должны отложить до слѣдующей статьи; настоящая безъ того затянулась. Въ будущей книжкѣ мы обратимъ вниманіе на достоинство тѣхъ силъ, которыми Сперанскій такъ фанатически надѣялся произвести прочное преобразование и все-таки подтвердимъ слова барона Корфа: «чѣмъ задушевнѣе будетъ наша вѣра въ необходимость для Россіи безостановочнаго поступательнаго движенія, тѣмъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, тѣмъ съ живѣйшею любовью мы станемъ оглядываться на Сперанскаго». Велики были ошибки этого замѣчательнаго человѣка, страшно обманулся онъ въ своихъ главныхъ вѣрованіяхъ, но онъ былъ звеномъ въ непрерывной цѣпи лучшихъ людей своего отечества, этихъ дорогихъ намъ реформаторовъ, хотя и оставшихся безъ реформъ. Сперанскій пережилъ постигшія его удары; онъ не умеръ, но онъ былъ убитъ нравственно, «впалъ въ душевную апатію» и упалъ въ «разрядъ обыкновенныхъ рядовыхъ придворныхъ». Послѣднія отмѣченныя слова, принадлежатъ барону Корфу.

Кстати, книга барона Корфа, несмотря на то, что она не передаетъ намъ главнаго содержанія жизни Сперанскаго, написана очень старательно и потребовала большихъ трудовъ. Все-го болѣе пріятно намъ сказать, что слогъ барона Корфа пере-

НОЛЬ ВЪ НАМЪ ОБЫКОВЕННІЙ ЯЗЫКЪ, И ЧТО ВЪ НОВОЙ КНИГѢ ЕГО
ЧАСТО ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ ОЧЕНЬ СВѢТЛЫЕ ВЗГЛЯДЫ:

Вращается весь міръ вокругъ человека —
Ужель одинъ недвижимъ, будетъ онъ?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Назначеніе суда надъ 13-ю членами тверскихъ мировыхъ учреждений: *Дворянскіе съезды и выборы.*— Съездъ мировыхъ посредниковъ тверской губерціи.—Цѣль и порядокъ съезда.—Вопросъ объ обязательномъ выкупѣ.—Вопросъ объ обязательномъ переводѣ крестьянъ съ барщины на оброкъ.—Выборъ посредниковъ крестьянскіе.—Выходка «Нашего Времени». Выборъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и просьба весьегонскаго ревизіи.—Выходка «Нашего Времени».—Съездъ дворянъ на обсужденіе вопроса о земскомъ банкѣ.—Условія, необходимыя для возникновенія поземельнаго кредита.—Объ обязательномъ выкупѣ.—Принятіе участія въ погребеніяхъ.—Распространеніе выборнаго начала на всѣ сословія.—Отказъ Н. Глинки отъ попечительства надъ гимназіей.—Представленіе верныхъ о расширеніи правъ попечителя.—Отчетность выборныхъ.—Ирчицы «Нашего Времени».—Дворянскіе выборы въ Петербургѣ.—Противозаконность пользованія своимъ правомъ.—Предложеніе Н. Веюобразова.—Выборы и съезды во Псковѣ, Воронежѣ, Калугѣ, Тамбовѣ и пр.—Выборное начало въ мѣстностяхъ, бывшихъ дворянствѣ.

Общій всеземельный банкъ.—Причины, почему избранъ центральнй банкъ.—Удивительное шарлатанство.—Привиллегія.—

Въ официальномъ отдѣлѣ «*Сѣверной Почты*» напечатано:

«Тринадцать лицъ, принадлежащихъ къ составу мировыхъ учреждений тверской губерціи (членъ губернскаго присутствія акуликинъ, узданы предводители дворянства Бакуининъ и Балканинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенинъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Новѣдомскій и Лихачевъ; и кандидаты мировыхъ посредниковъ Ширококовъ и Делавинъ) позволили себѣ письменно заявить мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они впредь на время руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и сужденіями, несогласными съ положеніями 19 февраля 1861

года, и что всякій другой образъ дѣйствій они признають враждебнымъ обществу.»

«Тверское губернское по крестьянскому дѣлу присутствіе, разсмотрѣвъ вышеупомянутое заявленіе, постановило: представить оное министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупляя, что, по мнѣнію присутствія, лишь тотъ образъ дѣйствій долженъ быть признаваемъ враждебнымъ обществу, который основанъ не на соблюденіи дѣйствующаго закона, для всѣхъ обязательнаго, а на произволѣ одного, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.»

«Вслѣдствіе сего сдѣлано распоряженіе объ арестованіи означенныхъ лицъ и преданіи ихъ суду 5-го департамента Правительствующаго Сената, кромѣ поддѣльщика тверская губернія.»

Предметомъ самыхъ оживленныхъ общественныхъ толковъ служатъ теперь нѣкоторые дворянскіе выборы и нѣкоторые мировые сѣзды. Въ особенности слышится много разсказовъ и разсужденій какъ про сѣзды мировыхъ посредниковъ тверской губерніи, такъ и про окончившіяся недавно сѣзды тамбовскихъ дворянъ для обсужденія вопроса о земельномъ кредитѣ. Вопросы: бытованіе, въ «Дѣлѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Тиввиглѣ» и другихъ газетахъ, сообщаются свидѣнія довольно обстоятельныя, по крайней мѣрѣ, относительно сѣзда мировыхъ посредниковъ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, кому принадлежатъ извѣстива атака сѣзда. Однѣ говорятъ, что членъ губернскаго присутствія изъ дворянъ помѣщиковъ, увидѣвъ, при разборѣ возникавшихъ дѣлъ, замѣшную разницу въ приложеніи на дѣлѣ «Поддѣленія 19 января», самъ пригласилъ посредниковъ въ Тверь, для совѣщанія. По другимъ свидѣніямъ, мировые посредники первые увидѣли необходимость взаимнаго обсужденія и явили свое желаніе членамъ губернскаго присутствія, которые и назначили время сѣзда. Въ всякомъ случаѣ, здѣсь можно видѣть хорошия отношенія между мировыми посредниками и членами присутствія.

Предсѣдателемъ губернскаго сѣзда былъ избранъ новгородскій предводитель дворянства А. А. Бакунинъ. Сочиненія происходили въ боковыхъ залахъ дворянскаго собранія и въ такомъ строгомъ порядкѣ, который еще недавно былъ совершенно неизвѣстенъ у насъ. Всякій желающій держать рѣчь, записывался у предсѣдателя, и во все время рѣчи, какъ бы она ни была не-

должительна, самое глубокое молчаніе не прерывалось ни на минуту.

Совѣщанія открылись рѣчью председателя, заявившаго, что цѣль и значеніе собранія состоятъ въ изясненіи выводовъ изъ опыта, приобретеннаго мировыми посредниками, при непосредственныхъ сношеніяхъ ихъ съ народомъ, и въ болѣе ясномъ опредѣленіи мирового посредничества въ понятіяхъ обоихъ сословій. Затѣмъ отъ каждаго уезднаго мирового съезда поступили на обсужденіе вопросы, раздѣленные тутъ же на три разряда: общихъ, мѣстныхъ и сельскаго управления. Председатель формулировалъ вопросы и предлагалъ ихъ на обсужденіе.

Самыя оживленныя пренія вызвала вопросъ о необходимости обязательнаго выкупа, какъ единственнаго средства развязки обязательныхъ отношеній. Почти все мнѣніе сходилось въ томъ, что временно-обязанныя отношенія между помещиками и крестьянами ставятъ обѣ стороны въ натянутое, почти враждебное положеніе, и что единственнаго средства для предупрежденія всякихъ вредныхъ отъ того послѣдствій заключаетъ въ обязательномъ и одновременномъ выкупѣ. Кромя того, было высказано, что, по жрѣбъ выиканія мировыхъ посредниковъ въ собственность будущихъ обязательныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, посредники все болѣе и болѣе убѣждаются въ трудности исправнаго полученія оброчковъ и пришли къ убѣжденію, что круговая поручка и продажа имущества—вѣсма хорошая гарантія для полученія оброчковъ. Для формулированія мнѣнія по этому вопросу была составлена коммиссія изъ 12 посредниковъ, по одному отъ каждаго уезднаго съезда. Коммиссія выработала слѣдующій проектъ, принятый огромнымъ большинствомъ:

«Для правильнаго хода дѣла, начатаго законоположеніемъ 19 января, необходимо кончить обязательныя отношенія посредствомъ выкупа. Главное препятствіе къ этому—недовѣріе къ землемыямъ знакамъ по выкупной операциі. Необходимо безотлагательно принять мѣры къ устраненію этого препятствія. Мѣры эти въ рукахъ правительства. Предѣлъ есть довѣріе; мѣры могутъ быть только взаимныя. Общество готово предъложить взаимность...»

Большинство тверскаго дворянства еще въ персональномъ бернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу выказалось за обязательныя и одновременныя выкупы. Меньшинство и отдѣль-

ные члены были, впрочемъ, другихъ мнѣній, иногда чрезвычайно странныхъ. Напр. одинъ изъ членовъ находилъ, что самое слово «выкупъ» не должно быть употребляемо. Средствами для исполненія обязательнаго выкупа предлагали мѣстныя, акционерный, земскій банкъ; но какъ извѣстно, проектъ этого банка не только не осуществился, но и не былъ утвержденъ.

Кромѣ вопроса о выкупѣ очень оживленно обсуждался обязательный переводъ крестьянъ съ барщины на оброкъ. «Невозможность дѣйствительнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ крестьянами издѣльной повинности ведетъ къ дурному отованію барщины и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ желанія крестьянъ переходить на оброкъ.» Одинъ изъ посредниковъ бѣжецкаго уѣзда, впрочемъ, заявилъ, что ни въ одной участкѣ, ни въ участкѣ другихъ посредниковъ того же уѣзда, сколько ему извѣстно, не встрѣчается рѣзкихъ случаевъ уклоненія крестьянъ отъ перехода на оброкъ и что, по его мнѣнію, безъ крайней необходимости не слѣдовало бы лишать крестьянъ предоставленнаго имъ права согласія для перехода на оброкъ на повинность. Членъ губернскаго присутствія г. Литвиновъ отдалъ искусною рѣчью о томъ, что всякое право предполагаетъ на пользушагося имъ извѣстныя обязанности, и что если нарушены права одной стороны, то можно нарушить права и другой. Газеты, не касаясь содержанія рѣчи г. Литвинова, отдаютъ большія похвалы ораторскому таланту его, и потому еще болѣе надобно сожалѣть, что г. Литвиновъ взялся за защиту такого страннаго соображенія.

Одинъ изъ посредниковъ новоторжскаго уѣзда, г. Кудряцевъ, предложилъ съѣзду слѣдующій вопросъ: не найдеть ли оно нужнымъ, не ожидая трехлѣтняго срока, ходатайствовать о немедленномъ призваніи крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ. Г. Кудряцевъ основывалъ свое предложеніе на томъ: 1) что въ настоящее время крестьяне достаточно ознакомлены съ новымъ ходомъ дѣлъ и съ значеніемъ мировыхъ должностей, чтобы сдѣлать безопытный выборъ, 2) что участие крестьянъ въ выборѣ мировыхъ посредниковъ дастъ послѣднимъ болѣе вліянія на успѣшный и мирный ходъ дѣла и 3) что выборное начало общее обоемъ, соединитъ, послужитъ къ ихъ сближенію.

Предводитель зубовскаго уѣзда замѣтилъ, что крестьяне не готовы еще къ выборамъ посредниковъ; но многіе сами

возражали на такое мнѣніе. Предводитель калязинскаго уѣзда сказалъ, что въ случаѣ представленія крестьянамъ выбора посредниковъ, дворянству ничею не останется. Когда же замѣтили ему, что предложеніе г. Кудряцова не исключаетъ дворянства изъ участія въ выборѣ, онъ отвѣчалъ, что дворянство, какъ особое сословіе, должно имѣть особыхъ посредниковъ. На это мировой посредникъ Полторацкій возразилъ, что самое названіе посредника указываетъ, что онъ долженъ служить ко взаимному сближенію обонхъ сословій, а не принадлежать исключительно одному. Г. Литвиноръ, признавая справедливость самого принципа, обратилъ вниманіе на то—будетъ ли полезна замѣна теперешнихъ посредниковъ, уже ознакомившихся съ дѣломъ и средою, новыми еще неопытными лицами, по выбору крестьянъ?

Затѣмъ вопросъ былъ рѣшенъ пассивною подачею голосовъ большинствомъ 33 голосовъ противъ 27, въ томъ смыслѣ, что собраніе наводитъ вселюдныя немедленнаго допущеніе крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ.

Эта мысль была уже давно высказана нѣкоторыми членами.

Н. Ф. Павловъ серьезно увѣряетъ насъ, что предложеніе г. Кудряцева обличаетъ умъ, «теряющійся въ пустыхъ отвлеченностяхъ, обличаетъ свойство человека, который ни на какое общественное дѣло неспособенъ». По мнѣнію г. Павлова, мировой съѣздъ занялся не своимъ дѣломъ и, вообще, замѣчаетъ этотъ глупокомысленный писатель: «какой кругъ для насъ ни начерти, хотя въ объемъ енисейской губерніи, онъ намъ будетъ не по плечу, покажется малъ. Передъ посредниками законъ, который надо вводить въ жизнь, а они зачались какими-то умственнымъ упражненіемъ, ненужнымъ для Россіи». Что такое говоритъ г. Павловъ? Развѣ посредники не исполняютъ своей обязанности? развѣ они «не вводятъ законъ» и развѣ губернская съѣзды посредниковъ находится въ числѣ мировыхъ учреждений, приводящихъ «законъ» въ исполненіе? Напротивъ, подобные съѣзды не имѣютъ никакой исполнительныя власти, а собираются для обсужденія дѣла, для разнѣна свѣдѣній. Неужели г. Павловъ вообразилъ, что рѣшеніе губернскаго съѣзда такъ-таки и будетъ приведено въ исполненіе, какъ въ известномъ кругу дѣйствій исполняются рѣшенія уѣзнаго съѣзда, составляющаго узаконенную инстанцію въ системѣ мировыхъ учреждений? Вѣдь не можетъ же г. Павловъ напасть на то, что люди разнѣниваются мыслями, а не

дѣйствуютъ въ-одиночку, кто во что гораздъ; Г. Павловъ, сколько мы знаемъ, горячій поклонникъ свободы мысли.

Тотъ же г. Кудрявцевъ предложилъ собранію вопросъ о допущеніи выбора крестьянами, въ должности сельскаго управленія и суда, лицъ всѣхъ сословій, владеющихъ землею. При этомъ мировой посредникъ г. Пыжовъ предложилъ на обсужденіе собранія поступившую къ нему отъ одного изъ помѣщиковъ просьбу о зачисленіи его во временно-обязанные крестьяне къ другому помѣщику, которому онъ обязывается отбывать всѣ повинности, наравнѣ съ прочими крестьянами, съ условіемъ распространенія на него правъ временно-обязанныхъ крестьянъ, именно, права участвовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, права выбора въ сельскія и волостныя должности и пр. Собраніе, разумѣется, рѣшило прежде всего, что просьба помѣщика не подлежитъ его вѣдѣнію, но что общій вопросъ, къ которому относится приведенный частный случай заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Высказаны были мнѣнія за и противъ допущенія всѣхъ землевладѣльцевъ къ занятію должностей сельскаго управленія и суда. Нѣкоторые указывали, что допущеніе дворянъ въ должности крестьянскихъ судей будетъ все-таки преждевременно. При письменной подачѣ голосовъ собраніе, большинствомъ 45 голосовъ противъ 2, безусловно отрицательныхъ, и 3 отрицательныхъ въ отношеніи къ занятію судебныхъ должностей, приняло предложеніе г. Кудрявцева.

Выборъ помѣщика въ должностныя лица крестьянскаго управленія встрѣчается уже не первый разъ. Читатель, вѣроятно, помнитъ радостныя статьи газетъ по поводу такого же случая въ кievской губерніи, гдѣ избранному помѣщику не пришлось даже приписываться къ повинностямъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Извѣстна наша привычка раздувать муху въ слона. Мы слышали однажды, какъ нѣкоторый господинъ рассказывалъ объ ужасномъ происшествіи: — въ темную ночь по глухой улицѣ проѣхала неизвѣстная карета. «Наше Время» поступило точно такъ же относительно просьбы помѣщика, представленной г. Пыжовымъ. Г. Павловъ сравниваетъ этого незнакомца съ римскимъ диктаторомъ, сорвавшимъ вѣнецъ съ головы и ставшимъ въ ряды простыхъ воиновъ, приравниваетъ всегонскаго помѣщика къ графу Мирабо, назвавшему себя купцомъ и пр. Кроме того, «Наше Время» проливаетъ на незнакомца цѣлыя

потокъ брани. «Можетъ быть, ему захотѣлось въ мужики,» говоритъ Н. Ф. Павловъ—«такъ безотчетно захотѣлось: хочу, да и полно. Тутъ и первый мудрецъ міра станеть въ тупикъ». Мы ничего не знаемъ о степени близости г. Павлова съ первыми мудрецами міра, о знакомствѣ его съ ихъ мнѣніями, но позволимъ себѣ спросить: почему же дворянину, переставшему быть помѣщикомъ, неприлично заниматься дѣлами крестьянъ, которые, кажется, гораздо ближе къ нему, чѣмъ торговля къ графскому достоинству, особенно въ понятіяхъ прошлаго вѣка? Въ «Современной Лѣтописи» г. Бухъ сообщилъ о просьбѣ бѣднаго дворянина Мясоѣдова перечислиться въ крестьяне, и никто не ругался надъ г. Мясоѣдовымъ. Г. Павловъ какъ-бы намекаетъ на ничету вѣсегонскаго помѣщика, смѣется надъ тѣмъ, что послѣднему, можетъ быть, принадлежала одна душа, съ которою тотъ и жилъ «за панибрата». Но, вѣдь, очень можетъ быть и то, что отыскался дворянинъ, неимѣющій возможности заниматься гимнастикою своихъ сословныхъ правъ, столь цѣнныхъ г. Павловымъ, но могущій съ большимъ удобствомъ порадовать о дѣлахъ волости. Мы рѣшительно не понимаемъ причинъ озлобленія и удивительнаго образа писаній г. Павлова. Онъ могъ нападать на вѣсегонскаго помѣщика положимъ за то, что тотъ не дорожитъ своими сословными правами, хотя изъ просьбы послѣдняго вовсе невидно, чтобы онъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ; но почему же г. Павловъ позволилъ себѣ намекать на то, что нашъ несчастный незнакомецъ протестуетъ во имя отжившаго начала; что его просьба «одна изъ послѣднихъ вспышекъ догорающей свѣтильни, взрывъ желчи, накопившейся въ печени: — вотъ вы хорошо все устроили; у васъ мужику лучше, чѣмъ дворянину; а что это правда, такъ вотъ я прошусь въ мужики». Чтò бы сказалъ о насъ г. Павловъ, если бы мы рѣшились обратиться къ подобнымъ орудіямъ полемики и стали дѣлать соотвѣтствующія предположенія относительно самого г. Павлова? Но пусть успокоится почтенный редакторъ: мы не станемъ рассчитывать ни на невѣжество, ни на темные инстинкты, которые, по-крайней-мѣрѣ, всегда затемняютъ дѣло.

На губернской сѣздѣ мировыхъ посредниковъ Тверской губерніи обсуждалось еще нѣсколько вопросовъ, болѣе мѣстныхъ, а другіе отложены, за недостаткомъ времени.

Вслѣдъ за сѣздомъ посредниковъ въ Твери произошелъ сѣздъ дворянъ, для обсужденія вопроса о земскомъ банкѣ.

Тверской съѣздъ пришелъ къ убѣжденію, что для возникновенія поземельнаго кредита необходимо самое простое дѣло, именно, тѣ условія, которыя благопріятствовали бы возбужденію всякаго частнаго кредита. Безполезность заботъ о лучшихъ формахъ земскаго кредита въ то время, когда еще не выработаны условія для возможности самаго кредита, теперь уже высказывается всею литературою. Самъ г. Безобразовъ, болѣе полтора года недвигавшійся съ мѣста послѣ своей проповѣди о землевладѣльческихъ товариществахъ, напечаталъ теперь въ «Современной Лѣтописи», что для успѣха земскихъ банковъ необходимо устраненіе препятствій, непреодолимыхъ для частныхъ учредителей. Въ числѣ этихъ препятствій занимаетъ, первое мѣсто, по мнѣнію г. Безобразова, наше финансовое положеніе, т. е. шаткость монетной единицы и, какъ это говорилъ еще прежде г. Безобразовъ, недостаточность нѣкоторыхъ законовъ, напр. о взысканіяхъ и пр.

Впрочемъ, тверскіе дворяне не считаютъ вопроса о земскомъ банкѣ для ссудъ слишкомъ настоятельнымъ. Они находятъ, что прекращеніе обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа устранить на долгое время потребность въ поземельномъ кредитѣ для поддержанія существующихъ хозяйствъ. Съѣздъ дворянъ Тверской губерніи точно такъ же высказался за обязательный выкупъ, при содѣйствіи всего государства. Точно такъ же, какъ это было въ мнѣніяхъ множества членовъ губернскихъ комитетовъ (напр. г. Кордо—Сысоева, Унковскаго, Гаврилова, Безобразова, кн. Оболенскаго, Нестерова, Кассаговскаго, кн. Волконскаго, Офросимова и пр.), тверскіе дворяне объявляютъ, что они не считаютъ обязательный выкупъ за нарушеніе своихъ правъ, но считаютъ это за единственное средство вполне обезпечить ходъ дѣла и ихъ собственные имущественные интересы.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, считаетъ ли тверское дворянство обязательный и одновременный выкупъ немедленною необходимостью для всей имперіи, или для одной Тверской губерніи. До насъ дошли извѣстія только о томъ, что тверское дворянство желаетъ немедленнаго выкупа. Вопросъ о выкупѣ до того важенъ и обширенъ, что для обсужденія его потребовалась бы особая статья и потому мы воздержимся отъ всякихъ разсужденій. Нельзя, однако, не пожелать, чтобы въспросъ объ обязательномъ выкупѣ, такъ торжественно заявленный тверскими

дворянствомъ, не перешелъ въ разрядъ особыхъ вопросовъ, претерпѣвающихъ различныя невзгоды. Такое громадное дѣло можетъ быть рѣшено только всесторонними, обширными обсужденіями. Легко сказать, что намъ нуженъ обязательный выкупъ, но гораздо труднѣе опредѣлить, какъ долженъ быть произведенъ такой выкупъ.

Признавъ необходимость выкупа, падающаго не на однихъ крестьянъ, а на все государство, тверскіе дворяне по необходимости должны были обратиться къ участию своему въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что въ «Современной Лѣтописи» тверской житель г. М. Салтыковъ поднялъ вопросъ о необходимости для дворянъ нести на себя часть податей земства, безъ чего невозможно ни сближеніе сословіи, ни участіе дворянъ въ крестьянскомъ управленіи. Статья г. Салтыкова своими отдѣльными положеніями вызвала много возраженій, но всѣ, участвовавшіе въ обсужденіи вопроса одинако признавали необходимость участія дворянъ въ податяхъ. Тверское дворянство признало эту необходимость очень энергически. Оно высказало желаніе, принять на себя, сообразно состоянію cadaго, часть государственныхъ податей и повинностей.

Въ 1859 году нашъ извѣстный писатель Ѳ. Н. Глинка былъ единогласно выбранъ дворянствомъ Тверской губерніи въ должность почетнаго попечителя мѣстной гимназіи и состоящаго при ней благороднаго пансіона. Вопреки обыкновенію другихъ выборныхъ отъ дворянства, г. Глинка обратился теперь къ собранію дворянъ съ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ отчетѣ мы читаемъ, что г. Глинка долженъ былъ отказаться отъ надежды принести пользу гимназіи, хотя и употреблялъ для этого всевозможныя старанія. Какъ всякій почетный попечитель, г. Глинка помогалъ благородному пансіону, вопервыхъ матеріальными пожертвованіями. Судьба приношеній, сдѣланныхъ самимъ почетнымъ попечителемъ, до того поразительна, что трудно себя представить, что дѣлается съ остальными-то. Г. Глинка принесъ въ даръ пансіону минаралогическій кабинетъ, который во время директорства Д. С. Ржевскаго, помѣщался на 12 столикахъ, на виду воспитанниковъ. Послѣ смѣны г. Ржевскаго этотъ кабинетъ почему-то былъ отправленъ въ подвалъ, потомъ на чердакъ и за тѣмъ исчезъ неизвѣстно куда. Кромѣ того, г.

*

Глинка жертвовалъ книги, иллюстрированныя изданія, ланкарты, рисунки, и все это было на виду при г. Ржевскомъ.

Кромѣ того, почетный попечитель прилагалъ всѣ старанія, чтобы способствовать нравственному образованію воспитанниковъ, «чтобы имѣть прямое вліяніе на душу и сердце ихъ и, отставляя въ сторонѣ, въ обыденномъ ходѣ, преподаваніе научное, передать имъ чтолибо изъ пріобрѣтеннаго въ важнѣйшей изъ наукъ — въ наукѣ жизни.» Г. Глинка желалъ сдѣлать для воспитанниковъ «все, что сдѣлалъ бы для собственныхъ дѣтей». Къ сожалѣнію, и тутъ г. Глинка долженъ былъ ограничиться приглашеніемъ учениковъ на свои вечера, посвященные бесѣдамъ о различныхъ предметахъ педагогій, религій и нравственности: но ревностный попечитель не могъ заступиться за исключаемыхъ воспитанниковъ. Изгнаніе учениковъ изъ гимназій стало повторяться въ послѣднее время очень часто и возбудило толки. «Общественное мнѣніе (пишетъ г. Глинка) подвергаетъ почетнаго попечителя осужденію; а между-тѣмъ попечитель не имѣетъ никакихъ дѣйствительныхъ правъ; и какъ въ гимназій, такъ и въ пансіонѣ, господствуетъ одна лишь диктаторская власть директора». Не имѣя возможности принести настоящую пользу и «не желая приходить въ столкновеніе съ тѣми (говоритъ г. Глинка), отцы которыхъ не были еще на свѣтѣ, когда я стоялъ въ рядахъ русской арміи офицеромъ на поляхъ Аустерлица, Бородинѣ и Лейпцига, я принужденъ отказаться отъ обязанности, возложенной на меня тверскимъ дворянствомъ».

Кромѣ отказа г. Глинки, дворянство выслушало еще заявленіе служащаго медика благороднаго пансіона, г. Ненсберга, о томъ, что въ 1861 г. число заболѣвшихъ увеличилось съ 24 на 152 и что развитіе болѣзней слѣдуетъ приписать недостатку надзора за дѣтьми, часто простуживающимися при ихъ легкой одеждѣ, а также дурному качеству пищи, на которое постоянно жаловаловались воспитанники до принятія мѣръ исправляющаго должностя губернскаго предводителя дворянства и почетнаго попечителя. Г. Ненсберъ подтвердилъ свои показанія вѣдомостями.

Дворянство, цѣня заботы Ѳ. Н. Глинки о воспитанникахъ пансіона, просило его остаться въ должности попечителя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ объ установленіи правъ почетнаго по-

печителя гимназіи въ такой опредѣленности, чтобы тотъ, пользуясь ими, достигалъ своей цѣли, при исполненіи обязанностей, безъ малѣйшаго препятствія со стороны лицъ, которымъ ввѣрены воспитательныя заведенія, и особенно гимназія, при которыхъ состоятъ благородныя пансіоны.

Г. Глинка подробно излагаетъ въ своей запискѣ тѣ права, которыми пользуется попечитель, именно: онъ имѣетъ право обозрѣть починки и поправки въ домѣ гимназіи; онъ можетъ присутствовать при торгахъ на поставку съѣстныхъ припасовъ, поправку печей, очистку сорныхъ ямъ и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ попечителя приглашаютъ въ совѣтъ, особенно, если дѣло коснется сношеній съ дворянскимъ предводителемъ; но всѣ опредѣленія совѣта объявляются чрезъ директора и исполняются безпрекословно. Директоръ опредѣляетъ и увольняетъ всѣхъ служащихъ въ пансіонѣ, дѣлаетъ расходы, повѣряетъ счета; однакожь онъ обо всѣмъ сносится съ попечителемъ—но когда? до приведенія въ исполненіе какого-либо расхода или какой-либо мѣры, или послѣ?—когда ему будетъ угодно! Попечитель сообщаетъ свои замѣчанія директору словесно или письменно, но не гласнымъ образомъ. Кондуктныя журналы должны ежемѣсячно представляться попечителю, но г. Глинка не видалъ ихъ; кромѣ того, г. Глинка указываетъ на неисполненіе требованій устава пансіона, относительно посещенности въ наказаніяхъ и толковаго разбора проступковъ.

Сколько мы знаемъ, примѣръ г. Глинка, какъ выборнаго отъ дворянства, дающаго отчетъ своимъ избирателямъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ. Нельзя достаточно пожелать, чтобы дворянскіе выборы требовали отъ своихъ представителей въ администраціи и судѣ подробнаго отчета объ ихъ дѣйствіяхъ. Сдумали же гг. Бровцынъ и Глинка улучшить, наконецъ, пищу воспитанниковъ, и стоитъ ли говорить о томъ, что другіе выборные могли бы проявить на своихъ должностяхъ болѣе или менѣе значительное вліяніе. Въ случаѣ, наконецъ, полнаго неуспѣха, въ случаѣ слишкомъ сильныхъ препятствій отчетъ выборныхъ по крайней-мѣрѣ указалъ бы дворянамъ необходимость стремиться къ извѣстнымъ, опредѣленнымъ улучшеніямъ. Чтѣ бы ни говорили объ устройствѣ комитетовъ земскихъ повинностей, все-таки выборные различныхъ сословій, участвующіе въ такихъ комитетахъ, много виноваты въ той слишкомъ пассивной роли, которую

они играли до-сихъ-поръ и на которую жалуется сама комиссія о податяхъ и сборахъ. Вполнѣ раздѣляя различныя стремленія нѣкоторыхъ дворянъ, мы тѣмъ болѣе желали бы видѣть ихъ участіе въ текущихъ дѣлахъ, въ игрѣ самой жизни, и полагаемъ, что раскрытіе силъ въ средѣ не однихъ только совѣщаній, но и на поприщѣ прямого исполненія различныхъ обязанностей было бы весьма плодотворно. Оживленіе, охватившее теперешніе дворянскіе выборы, вѣроятно, скажется болѣе живымъ участіемъ въ управленіи различныхъ обязанностей по суду, администраціи и пр. Мы надѣемся, кромѣ того, что, наконецъ, пройдетъ наша позорная привычка нѣмоты и общество будетъ знать хотя что-нибудь какъ о дѣятельности выборныхъ дворянства, такъ и о встрѣчаемыхъ ими препятствіяхъ. Нельзя же повѣрить, чтобы у насъ не умѣли сказать ни одного слова о чемъ-либо, выходящемъ изъ-за круга крестьянскаго вопроса.

Изложивъ сводъ свѣдѣній о тверскихъ сѣздахъ, мы воздерживаемся отъ обсужденія принятыхъ рѣшеній, потому-что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Переходимъ теперь къ своду извѣстій о другихъ дворянскихъ сѣздахъ. Надобно замѣтить, что они находятся подъ особеннымъ попеченіемъ «Наше-го Времени», которое безпрестанно осыпаетъ ихъ своею бойкою рѣчью совѣтовъ, внушеній и укоровъ. Въ «Нашемъ Времени» помѣщаются, кромѣ того, притчи по дворянскому вопросу, съ которыми не мѣшаетъ хотя нѣсколько ознакомить нашихъ читателей.

«Предположимъ, (говорится тамъ), что дворянство какой бы то ни было губерніи состоитъ изъ шестисотъ дворянъ-избирателей; что они, согласно ихъ желанію, должны сѣхаться на чрезвычайное совѣщаніе по какому бы то ни было вопросу, хотъ по предмету земскихъ банковъ; допустимъ, что явилось ихъ 600 человекъ, а только 148 или 150; — другіе остались дома. Оставшись дома, они, разумѣется, признали для себя обязательными совѣщанія собравшихся, но, конечно, относительно только того предмета сужденій, который заявленъ былъ при вызовѣ дворянъ вообще. Предположимъ теперь, что наличные дворяне удалились въ сторону отъ цѣли своего собранія, сочли *безцѣльными, непрактичными, недовольно-питающими для ума и сердца* вопросъ о земскомъ банкѣ, а захотѣли расширить узкую сферу своихъ занятій и коснуться состава государственной миз-

ни въ ея другихъ частяхъ; положимъ, что, признавъ за собою это право, они нашли ненужнымъ дальнѣйшее существованіе дворянства и постановили уничтожить его; а если кто изъ 148 членовъ начиналъ говорить противъ такого любопытнаго распоряженія, то ему говорить не давали и его слова били, покрывали нишканьемъ. Спрашивается теперь: что это распоряженіе, должно имѣть обязательную силу для остальныхъ, неявившихся дворянъ, или нѣтъ?»

Не станемъ заниматься рѣшеніемъ такого глубокомысленнаго вопроса, потому что не знаемъ, къ кому относится притча. Сначала мы думали, что «Наше Время» мѣтитъ въ тверское дворянство, но потомъ разубѣдились. Тверской сѣздъ никогда не находилъ вопроса о земскихъ банкахъ бесполезнымъ, непрактичнымъ, непитагальнымъ для ума и сердца.

На чрезвычайномъ сѣздѣ петербургскаго дворянства, созванномъ для обсужденія вопроса о земскомъ банкѣ, къ крайнему сожалѣнію г. Павлова, были подняты «посторонніе» вопросы; но и петербургское дворянство не сочло вопроса о поземельномъ банкѣ бесполезнымъ и непитательнымъ для ума и сердца. Петербургскіе дворяне не утвердили только ни одного изъ представленныхъ имъ проектовъ. Впрочемъ мудро было хотя сколько-нибудь одобрить проектъ составленный гг. Платономъ, Струбинскимъ и Павловичемъ, предложившими невѣроятный центральныи банкъ, облигаціи котораго имѣли бы принудительный курсъ, наравнѣ съ бумажными деньгами! Почему петербургское дворянство забракowało проектъ Земскаго банка, составленный гг. Бруномъ, Лихонинимъ, бар. Фитингофомъ и Тернеромъ, осталось въ неизвѣстности вмѣстѣ съ самимъ проектомъ. За непринятіемъ составленныхъ проектовъ предположено образовать новую комиссію изъ депутатовъ всѣхъ уѣздовъ и поручить ей составленіе окончательнаго проекта. Мнѣніе петербургскаго дворянства вообще склонялось въ пользу центрального банка, но все-таки здѣшніе дворяне испугались новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Перечислимъ теперь тѣ вопросы, которыхъ, по мнѣнію г. Павлова, никакъ не слѣдовало поднимать на сѣздѣ, созванномъ для обсужденія вопроса о земскомъ банкѣ. Петербургское дворянство совѣщалося а) о раскладкѣ земскихъ повинностей; причемъ возбужденъ вопросъ о переведеніи личной подати на землю, не по-

лучившій, однако, большинства голосовъ (1); b) о сокращеніи девяти, лѣтняго срока для переходнаго состоянія крестьянъ и о выкупной ссудѣ, причѣмъ, положено ходатайствовать у правительства, чтобы срокъ переходнаго состоянія былъ сокращенъ а ссуда была выдаваема вполнѣ, какъ при добровольномъ, такъ и при обязательномъ выкупѣ; с) о безотлагательномъ введеніи суда гласнаго, устнаго и независимаго отъ административной власти, съ сохраненіемъ выборнаго начала въ назначеніи судей, d) о подчиненіи дѣлъ частныхъ лицъ съ казной 'общему судебному порядку, e) о примѣненіи выборнаго начала къ мировымъ учрежденіямъ, съ порученіемъ комиссiи, образованной для обсужденія дѣлъ, подлежащихъ земскимъ собраніямъ, войти въ соображенія по развитію этой мысли. Послѣднія три предположенія одобрены и положено ходатайствовать о приведеніи ихъ въ исполненіе.

Вотъ сколько истинныхъ огорченій для «Нашего Времени», изъ котораго мы беремъ эти свѣдѣнія и въ которомъ петербургскіе дворяне, вѣроятно, незабывшіе о давно-принадлежащемъ имъ правѣ совѣщаться о своихъ нуждахъ, могутъ узнать, что они, дворяне, совершили не законное дѣло, пользуясь своимъ правомъ! За то г. Н. Безобразовъ, авторъ брошюры «О вотчинномъ вопросѣ», утѣшится въ преслѣдующихъ его неудачахъ;— собственно говоря, по толкованію «Нашего времени» онъ даже не имѣлъ права предлагать, что-либо относящееся не къ однимъ земскимъ банкамъ. Г. Н. Безобразовъ, какъ это мы узнали наконецъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ излагалъ свои извѣстныя мнѣнія о правахъ дворянства на землю, основанныхъ на дворянской грамматѣ, данной Екатериною II, и представлялъ *различныя неудобства въ надѣль крестьянъ землею*. Рѣчь г. Безобразова и чтеніе длились весьма долго. Г. Безобразовъ читалъ и говорилъ очень громко, ясно, съ надлежащими жестами и останавливаясь на болѣе эффеентныхъ мѣстахъ; но несмотря на все это, 148 голосовъ поданныхъ противъ 67, показали, что болѣе $\frac{2}{3}$ членовъ собранія не сочувствуютъ мнѣніямъ оратора.

Газеты сообщаютъ только самыя бѣглыя извѣстія о другихъ дворянскихъ выборахъ и сѣздахъ. Дворянскіе выборы собранія въ Воронежѣ, Курскѣ, Псковѣ и пр. О Воронежскихъ выборахъ извѣстно, что тамошнее дворянство пожертвовало въ пользу воронежской женской Гимназіи по $\frac{1}{4}$ коп. съ десятнымъ. Въ

Тамбовѣ, Рязани и Оренбургѣ открыты сѣзды дворянъ для обсуждения устройства земскихъ банковъ а также и чѣкоторыхъ другихъ вопросовъ. Въ Тамбовѣ будутъ разсуждать о пересмотрѣ устава о дворянскихъ выборахъ; въ Оренбургѣ о земской ко-шюшнѣ и пр. Нижегородскіе дворяне сѣзжались по поводу обсуждения вопроса о преобразованіи тамошняго дворянскаго института.

Въ предъидущемъ обзорѣни мы говорили объ истинно-плачевной судьбѣ множества чрезвычайно важныхъ вопросовъ поднятыхъ въ послѣднее время. Встрѣченные при своемъ появленіи общимъ сочувствіемъ, шумными толками, ожесточенными спорами и пр., многіе вопросы какъ-то быстро выдыхались, переходили въ пустую игру формами или еще хуже въ размѣнъ колкостей и личныхъ обидъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы сослались, между прочимъ, на вопросъ о земскихъ банкахъ, въ то время завершенный колкими объясненіями гг. учредителей общаго Земскаго Банка съ г. Шилемъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ о воземельномъ кредитѣ счѣталъ сдѣлать еще нѣсколько шаговъ по такому пути, который очевидно идетъ въ разрѣзъ со всѣми интерами и симпатіями общества. Если бы мы не боялись рѣзкихъ выраженій, мы бы прямо сказали, что по вопросу о земскихъ банкахъ случилось слишкомъ безобразное явленіе. Извините за рѣзкость выраженій, но позвольте спросить:—позволительно ли братья за громадное дѣло своей родины, не имѣя самыхъ элементарныхъ понятій объ этомъ дѣлѣ? Позволительно ли рѣшать чрезвычайно важное дѣло всего государства на основаніи совершенно невѣрныхъ ссылокъ, и при томъ до того невѣрныхъ, что тутъ трудно предположить неумышленность и безсознательность ошибки, и ко всему этому предлагать рѣшеніе обязывающее общественную жизнь на многіе и многіе годы? Позволительно ли испрашивать громадныя привилегіи, совершенно умалчивая о нихъ въ объяснительной запискѣ и разбрасывая ихъ по всему уставу такъ что смыслъ дѣла является достаточно затемненнымъ?

Въ газетахъ напечатанъ уставъ Общаго Поземельнаго Банка», напутствованный запискою гг. учредителей: тайнаго совѣтника *А. Потемкина*, ген. ад. *А. Паткуля* статья секретаря тайн. сов. *А. Комовскаго*, г. *М. С. Кушелева* пот. поч. гражд. братьевъ *Мельниковыхъ*, купца *М. Сидорова*, помѣ-

щика *И. Кошіарн*, банкира *Вертлейма* кам. юнк. *П. Марекко*, чнт. рот. Графа *А. Стейнбокк-Фермора*, пор. кн. *Б. Голицына* и ст. сов. *Н. Тарасенко-Отрпышкова*.

При составленіи проекта «Общаго Поземельнаго Банка», говоритъ авторъ записки учредителей, представлялись два вопроса. «Первый: какой Банкъ полезнѣе учредить—губернскій для одной С. Петербургской Губерніи и нѣсколькихъ сосѣднихъ съ нею, или же Общій Банкъ для всѣхъ губерній и при томъ, какъ для Городскихъ, такъ и для сельскихъ жителей?»

Теперь не угодно ли послушать какъ учредители рѣшили вопросъ дѣйствительно огромной важности, потому что центральный банкъ на долго дастъ тонъ условіямъ всего кредита и отзовется многочисленными послѣдствіями по всѣмъ угламъ Россіи.

«Если поземельные банки многихъ Германскихъ государствъ (разсуждаютъ гг. учредители) а также банки: польской и остзейскихъ губерній, имѣютъ столь положительный успѣхъ и если ихъ билеты пользуются общимъ довѣріемъ, то это происходить отъ того, что *каждое изъ тѣхъ нѣмецкихъ государствъ* и остзейскихъ губерній составляетъ отдѣльную экономическую и административную единицу.»

Мы нѣсколько разъ перечитывали эти строки, выписанныя нами съ буквальною вѣрностью и—не вѣрили глазамъ своимъ. «Каждое изъ нѣмецкихъ государствъ?»—но развѣ каждое изъ нихъ имѣетъ по одному центральному земскому банку? Чтожъ это шутка, глумленіе, или расчетъ на невѣжество, или послѣдній предѣлъ собственнаго незнанія? И это возможно было напечатать всенародно и еще на такой невѣроятной ошибкѣ основывать рѣшеніе земскаго дѣла огромной важности?!

Вѣроятно, гг. учредители не отвергнуть, что напр. Пруссія принадлежитъ къ числу Германскихъ государствъ, но какъ же эти почтенныя лица не знаютъ, какъ могутъ они, основатели общаго Поземельнаго банка для всей Россіи, какъ могутъ они совершенно не знать устройства поземельнаго кредита въ Пруссіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всей исторіи земскихъ банковъ? Обо всемъ этомъ говорится даже въ учебникахъ. Не-уже ли гг. учредители, задумывая свое общенародное благодѣяніе центрального банка, даже не перелистывали такихъ книгъ, какъ «*Traité de credit foncier*» Жоссо или хотя бы «Поземельнаго кредита» г. Бозобразова? Какъ же не знать, что въ Пруссіи очень успѣш-

но дѣйствуютъ совершенно независимыя другъ отъ друга общества: въ Силезіи (два), въ Познани, Помераніи, Бранденбургѣ, Западной Пруссіи, Восточной Пруссіи и пр.? Жоссо на стр. 482, на крайне видномъ мѣстѣ, напечаталъ, что Пруссія обладаетъ сравнительно съ другими государствами наибольшимъ числомъ обществъ поземельнаго кредита. Ссылка гг. учредителей на нѣмецкія государства могла сказать имъ только совершенно противное тому, что они привязали къ ней.

Мы готовы думать, что гг. учредители даже не заглядывали ни въ одно сочиненіе о поземельномъ кредитѣ; но въ такомъ случаѣ не завидна же будетъ ихъ роль въ образѣ основателей «Общаго Поземельнаго Банка». Всякій имѣетъ полное право сказать имъ, что непозволительно браться за дѣло, въ которомъ ничего не понимаешь, ничего не знаешь, а тѣмъ болѣе за общенародное дѣло.

Какъ ни поразительна ссылка учредителей общаго поземельнаго банка на «каждое изъ нѣмецкихъ государствъ,» но «Записка» заключаетъ въ себѣ много украшеній, ни въ чемъ неуступающихъ приведенному нами. Въ «Запискѣ» увѣряютъ насъ, будто остзейскія провинціи болѣе отличныя другъ отъ друга единицы, чѣмъ наши сѣверныя и степныя губерніи! «Торговля, промышленность производятся безраздѣльно сѣверныхъ губерній съ южными и восточныхъ съ западными». Да, губерніи ведутъ отчасти взаимную торговлю, но развѣ этого удивительнаго явленія нѣтъ между «нѣмецкими государствами?» Наконецъ, чтожь изъ этого? Да, ведутъ торговлю, но имѣютъ совершенно различныя мѣстныя условія, способы хозяйства, степени населенія и развитія, даже различныя дороги, рѣки, моря. Соображенія «Записки» дѣйствительно достойны лишь изумленія. Указанныя нами соображенія—не отдѣльныя ошибки или промахи, а *единственныя основанія*, вслѣдствіе которыхъ учредители избрали форму центрального банка. Учредители, въ самомъ-дѣлѣ, такъ-таки и говорятъ, что «у насъ возможенъ лишь центральный банкъ потому, что каждое нѣмецкое государство, напр. Пруссія, имѣетъ подобный же банкъ». Мы понимаемъ довольно-серьезную защиту централизаціи кредита, напр. г. Шиллемъ, хотя и полагаемъ, что онъ ошибается; но трудно понять выборъ центрального банка единственно на основаніи извращенныхъ и ложныхъ фактовъ. Дѣло Общаго Поземельнаго банка никакъ не можетъ быть

признано серьезнымъ. Это либо шутка, мистификація, или очень странный поступокъ, если авторъ записки проекта заглядывалъ хотя въ одно какое-нибудь сочиненіе о поземельномъ кредитѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ тяжесть поступка усиливается громадностью испрашиваемыхъ привелегій. По § 5 устава «уѣздныхъ казначейства имперіи» выдають наличными деньгами по нарицательной цѣнѣ рубль за рубль слѣдующія суммы, какъ по платежу ежегодныхъ процентовъ по купонамъ билетовъ поземельнаго банка, такъ и по выдачѣ капитальныхъ суммъ, подлежащихъ возврату владѣльцу билетовъ, опредѣленныхъ по тиражу погашенія т. е. говоря другими словами: Общій Поземельный банкъ пользуется полною гарантіею правительства и получаетъ право почти-что распоряжаться суммами уѣздныхъ казначействъ. Мало того, купоны принимаются въ счетъ государственныхъ податей и всякихъ государственныхъ платежей по ихъ нарицательной цѣнѣ рубль за рубль, что при первыхъ затрудненіяхъ банка въ платежахъ, поведетъ чуть не къ обязательному курсу этихъ купоновъ. Государственный банкъ и его конторы выдають поземельному банку наличныя деньги, въ видѣ кредита, по востребованію его правленія; но сумма такого кредита не должна превышать $\frac{3}{4}$ суммы основнаго капитала поземельнаго банка; этотъ основной капиталъ будетъ состоять изъ наличныхъ денегъ, государственныхъ бумагъ, акцій, принимаемыхъ въ залогъ государственнымъ банкомъ, выкупныхъ свидѣтельствъ и билетовъ самого банка. Послѣдніе вмѣстѣ съ выкупными облигаціями считаются въ нарицательную цѣну, а акція и другія бумаги по той цѣнѣ, съ которой они принимаются въ ссуду государственнымъ банкомъ. Основной капиталъ составляетъ $\frac{1}{20}$ всей суммы билетовъ поземельнаго банка и пополняется при увеличеніи ихъ числа или уменьшеніи самого капитала. Уставъ не опредѣляетъ отношенія между различными бумагами, составляющими основной фондъ такъ, что послѣдній, къ крайнему изумленію нашему, можетъ состоять изъ самаго незначительнаго количества наличныхъ денегъ и затѣмъ изъ однѣхъ только акцій, или выкупныхъ облигацій, или изъ однихъ билетовъ самого банка. Каково же будетъ положеніе государственнаго банка, если цѣнности основнаго фонда упадутъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$ и, притомъ, вкладчики, обязанные пополнять основной капиталъ окажутся, несостоятельными? Государственный банкъ, какъ учрежденіе коммерческое,

можетъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ сократить размѣры своихъ ссудъ, или даже остановить ссуды по нѣкоторымъ акціямъ, особенно, если дѣла ихъ компаній принимаютъ дурной оборотъ. Ясно, что, при нахожденіи подобныхъ акцій въ основномъ фондѣ поземельнаго банка государственный банкъ будетъ стѣсненъ въ свободѣ своихъ распоряженій, имѣя къ первымъ такую близкую связь. Наконецъ, государственный банкъ, въ случаѣ несостоятельности поземельнаго, можетъ очутиться въ прямой опасности. Реализація такихъ бумагъ, какъ акціи, выкупныя облигаціи и пр. можетъ быть часто не только затруднительна, но и невозможна. Еще занимательнѣе будетъ положеніе правительства, производящаго во время затрудненій поземельнаго банка платежи по его облигаціямъ. По проекту устава, цѣнности основного фонда могутъ быть во всякое время замѣняемы иными цѣнностями равнаго достоинства, такъ-что собранный учредителями капиталъ въ наличныхъ деньгахъ, пожалуй, очень скоро замѣнится какими-нибудь акціями, и уже навѣрное облигаціями самого банка, стоимость которыхъ легко можетъ много упасть, несмотря на то, что они принимаются въ фондѣ по нарицательной цѣнѣ. Подобная смѣна цѣнностей фонда дастъ возможность и поводъ ко всякимъ спекуляціямъ. При извѣстномъ составѣ фонда изъ какихъ-нибудь трудно-реализируемыхъ бумагъ и акцій, фондъ послужитъ едва-ли не номинальнымъ обезпеченіемъ платежей по облигаціямъ, вся тяжесть котораго упадетъ на круговую поруку заемщиковъ. Не перечисляемъ другихъ привилегій поземельнаго банка, намѣревающагося имѣть государственный гербъ на своей печати и быть освобожденнымъ ото всякаго рода пошлинъ. Изъ сказаннаго нами уже достаточно-видно, что проектъ поземельнаго банка—дѣло не серьезное, а скорѣе шутка, мистификація.

Въ ночь съ 17 на 18 февраля умеръ въ С.-Петербургѣ, отъ аневризма, одинъ изъ редакторовъ «Современника», извѣстный писатель И. И. Панаевъ. Во времена такъ называемой натуральной школы, повѣсти г. Панаева «Тя, Актеонъ и пр.» имѣли свое значеніе и принесли свою пользу. Къ послѣднему періоду дѣятельности г. Панаева мы были болѣе, чѣмъ равнодушны.

Во «Времени» сообщаютъ, что характеръ покойнаго представлялъ много симпатическихъ сторонъ: онъ былъ добръ, спо-

собенъ на самоосужденіе и проч. Впрочемъ теперь не время постановлять рѣшительнаго отзыва о покойномъ. Говорить, что жизнь Цанаева далеко не была счастливою, — миръ его праху.

ПОЛИТИКА.

Старые вопросы не теряют своего интереса. — Вѣроятнѣйшее послѣдствіе ожидаемаго въ Римѣ конклава. — Демонстраціи по поводу обнародованія документовъ. — Римъ во время карнавала. — Общее собраніе комитетовъ общества Provvedimento въ Генуѣ. — Переѣзды итальянскаго министерства. — Взглядъ на эту переѣзду — газетъ французскихъ и англійскихъ. — Пренія во французскомъ сенатѣ по поводу проекта адреса. — Рѣчи принца Наполеона. — Результаты преній, поднесеніе адреса, отвѣтная рѣчь императора. — Національная награда генералу Монтобану съ неожиданными затрудненіями, благополучно устраненными. — Закрытіе курса г. Ренана и аресты студентовъ.

Политическій міръ, въ настоящую минуту, находится въ тревожномъ ожиданіи рѣшенія разныхъ, болѣе или менѣе важныхъ и общинтересныхъ, вопросовъ, и это тревожное ожиданіе можно, по истинѣ, назвать *знаменіемъ времени*. Ждутъ рѣшенія итальянскаго вопроса: согласится ли, наконецъ, папа разстаться съ свѣтскою властью? Выведутъ ли французы изъ Рима свои войска? Что предприметь Гарибальди? Признаютъ ли итальянское королевство еще не признавшія его доселѣ державы? Ждутъ, чѣмъ кончатся американскія распри. Ждутъ, что произойдетъ въ Мексикѣ. Ждутъ, какъ рѣшится гессенскій вопросъ, и сойдутся ли Пруссія съ Австріей относительно предполагаемыхъ реформъ въ германскомъ союзѣ? Ждутъ даже весьма важныхъ послѣдствій отъ путешествія по Европѣ принца Уэльскаго, полагая, что результатомъ этого путешествія можетъ быть очень тѣсная связь между лондонскимъ и вѣнскимъ дворами... Словомъ, многого, очень многого ждутъ въ политическомъ мірѣ не одной только Европы, и наступающая весна, по мнѣнію всѣхъ, не пройдетъ даромъ, привѣтствуемая одними лишь соловьями,

да мягкосердечными трубадурами—пѣвцами нѣжной любви, сладостной нѣги и благоухающихъ розъ...

Да и какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, наступающей веснѣ пройти спокойно и безмятежно, напр., хоть въ Римѣ? Святѣйшій отецъ положительно не желаетъ отказываться отъ драгоценной для него свѣтской власти, продолжая упорно твердить одно, что между папскимъ дворомъ и его *грабителями* не можетъ быть никакой сдѣлки; *грабители* же, въ свою очередь, не уступаютъ въ упорствѣ его святѣйшеству и, какъ онъ же, *поджигаютъ лишь событій*. Папа, впрочемъ, имѣетъ, кажется, намѣреніе предупредить событія, и совершить это полагаетъ такимъ образомъ: въ маѣ мѣсяцѣ онъ хочетъ собрать въ Римѣ всѣхъ католическихъ епископовъ, для того, будто бы, чтобы съ надлежащею торжественностью причестъ къ лику святыхъ погибшихъ въ Японіи іезуитовъ, — въ сущности же, разумѣется, для того, чтобы, съ помощью созваннаго конклава, поддержать, во что бы то ни стало, сильно колеблющуюся свѣтскую власть святого престола. Намѣреніе это ни для кого почти не составляетъ тайны, и нѣкоторыя иностранныя газеты говорятъ прямо, что если — какъ это и слѣдуетъ предполагать — конклавъ единогласно и рѣшительно согласится со всѣми желаніями и требованіями папы, то, безъ всякаго сомнѣнія, Франція первая, убѣдившись въ совершенной бесполезности всѣхъ дружелюбныхъ переговоровъ и сдѣлокъ съ святѣйшимъ отцомъ, приметъ за иной образъ дѣйствій. Французское правительство, дѣйствительно, уже сдѣлало римскому двору запросъ о причинѣ предполагаемаго созванія католическихъ епископовъ, и кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что созваніе это, не имѣя обязательнаго характера, имѣетъ единственную цѣлью чисто религіозное торжество. Такой отвѣтъ, разумѣется, не могъ показаться удовлетворительнымъ тюльрійскому кабинету, который и выразилъ кардиналу ту мысль, что французскимъ епископамъ не слѣдуетъ покидать своихъ епархій и Франціи безъ самыхъ важныхъ епархіальныхъ нуждъ. Подобная мысль никоимъ образомъ не могла доставить удовольствія ни его эминенціи, ни его святѣйшеству.

Обоимъ имъ, впрочемъ, въ последнее время, мало что можетъ доставлять удовольствіе. Обнародованіе документовъ, обмѣненныхъ между г.г. Тувенелемъ и Лавалеттомъ, о которомъ было говорено въ прошедшей книжкѣ нашего журнала, произвело во многихъ городахъ Италіи довольно сильныя демонстраціи въ пользу Франціи и противъ свѣтской власти его святѣйшества. Почти вездѣ составились патриотическія процессіи, а въ одномъ изъ городовъ, котораго, къ сожалѣнію, не называетъ описывающій эти событія итальянскій корреспондентъ «*Indépendance Belge*», на стѣнахъ домовъ приклеены были различныя веселенькія стишки въ родѣ слѣдующаго четверостишія:

Il nono Pio,
Ritorni a Dio!
Il maggior prete,
Torni alla rete!

(Пусть Пій Девятый вернется къ Богу! Пусть великій перво-священникъ вернется къ рыбацкимъ сѣтямъ своимъ!)

Не отстали отъ другихъ и сицилійцы. Мессинское духовенство составило и подписало адресъ, въ которомъ (въ самыхъ, впрочемъ, почтительныхъ выраженіяхъ), доказывая папѣ необходимость раздѣленія духовной и свѣтской власти, умоляетъ его святѣйшество внять благоразумнымъ внушеніямъ императора французовъ и короля итальянскаго. Телеграмма изъ Турина, сообщающая это извѣстіе, присовокупляетъ, что примѣру мессинскихъ священниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, послѣдуетъ и все сицилійское духовенство.

Подобные факты и надежды, повторяемъ, не могутъ доставить никакого удовольствія ни самому папѣ, ни вѣрнымъ его прелатамъ; но, съ другой стороны, и восторженные демонстраціи, совершавшіяся въ итальянскихъ городахъ въ пользу Франціи, не имѣютъ, къ сожалѣнію, почти-что никакого основанія. Политика императора Наполеона относительно Рима и папы досихъ-поръ еще крайне туманна и неопредѣленна (по-крайней-мѣрѣ, для публики); французское общество, французская журналистика глядятъ на этотъ предметъ съ самыхъ несходныхъ одна съ другой точекъ зрѣнія, и въ то самое время, когда итальянцы потрясали воздухъ шумными криками: «да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ императоръ французовъ!» — французское правительство настоятельно совѣтовало итальянскому «возстановить законный порядокъ въ странѣ, способной ко всякому буйству, ко всякимъ крайностямъ».

Такой совѣтъ, разумѣется, не могъ не быть выполняемъ со всѣмъ надлежащимъ рвеніемъ; но, къ крайнему прискорбію и папы, и тюльрійскаго кабинета, демонстраціи въ Италіи все-таки не прекращались, а наконецъ перешли и въ самый Римъ. Это случилось во время карнавала, и вотъ что пишетъ объ этомъ римскій корреспондентъ «Indépendance Belge»:

«Римъ. 1-е марта (н. с.).

«Циркуляромъ національнаго комитета римляне приглашались не показываться на Корсо въ продолженіе карнавала; въ то же время объявлялось, что офиціальныи карнавалъ замѣненъ будетъ прогулкою на римскомъ форумѣ (Campi vassino). Въ первые дни толпа была немногочисленна; но въ четвергъ, 27 числа, не взирая на всѣ усилія полиціи придать Корсо видъ, болѣе блестящій, чѣмъ въ предшествовавшіе дни, весь народъ двинулся на форумъ. Болѣе 12,000 человекъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей — молчаливо прогуливались между Капитоліемъ и Колизе-

емъ. Погода была великолѣпная. Манифестація имѣла дѣйствительно величавый, внушавшій уваженіе характеръ. Античными развалины давно уже не были свидѣтелями подобнаго зрѣлища. Французскіе патрули бродили въ толпѣ, въ которой не раздавалось ни одного крика, не послышалось ни малѣйшаго ропота. Это главнѣйшимъ образомъ раздражило всѣхъ начальствующихъ, давшихъ себѣ слово не остаться въ долгу.

«Вы, можетъ быть, спросите меня, почему папское правительство не воспрепятствовало манифестаціи? Это именно одна изъ характеристическихъ чертъ его репрессивной системы. Во всѣхъ другихъ странахъ существуютъ три способа управиться съ политической манифестаціей: ее предупреждаютъ, ее просто разгоняютъ, противъ нея употребляютъ оружіе, но предварительно все-таки не разъ убѣждаютъ толпу разсѣяться добровольно. Здѣсь не дѣлается ни того, ни другаго, ни третьяго, Здѣсь допускаютъ начать дѣло, ставятъ на сторожѣ жандармовъ, раздражаютъ народъ и потомъ кидаются на него, какъ это было 19 марта 1860 года и 29 июня 1861. Такимъ образомъ намѣревались поступить и теперь, при первомъ удобномъ случаѣ.

«На другой день, въ пятницу, 28 февраля, на Корсо не было карнавала: римляне предположили устроить тутъ манифестацію.

«Римскій губернаторъ, Маттеуччи, далъ знать генералу Гойону, что папское правительство имѣетъ намѣреніе подавить манифестацію силою и желало бы знать — будутъ ли содѣйствовать папскимъ войскамъ французскія.

«Генераль отвѣчалъ, что онъ не хотѣлъ бы содѣйствовать укрощенію грубому, укрощенію въ духѣ папскихъ жандармовъ; что, по его мнѣнію, манифестацію допустить можно, взявъ лишь при этомъ нужныя мѣры предосторожности и разставивъ войска на всѣхъ улицахъ и площадяхъ, прилегающихъ къ Корсо; что, вѣроятно, народъ будетъ прогуливаться безъ всякаго шума и безпорядковъ; что, вообще, если ему дозволятъ распоряжаться, какъ онъ знаетъ, то онъ отвѣчаетъ за спокойствіе города. Маттеуччи не хотѣлъ брать на себя ничего и передалъ слова Гойона въ Ватиканъ. Генералу отвѣчали, что такъ какъ онъ не хочетъ помогать папскимъ войскамъ, то на него одного падаетъ отвѣтственность за все, что бы ни случилось,

«Въ три съ половиною часа толпа была уже очень велика, и генераль, желая избѣжать кровавыхъ столкновеній, занялъ Корсо военною силою. Народъ приглашонъ былъ разойтись, и черезъ полчаса на улицѣ не оставалось уже ни одного римлянина. Въ семь часовъ вечера войска удалились, и вся эта исторія имѣла лишь два результата: народъ былъ очень доволенъ и признателенъ за то, что его не били; папское же правительство было чрезвычайно какъ раздражено, упустивъ случай учи-

нить позорное побойще. Замѣчали также, что генераль Гойонъ нусталь въ дѣло черезчуръ ужъ много войска.

«Вотъ самый правдивый и вѣрный рассказъ обо всемъ происшедшемъ. Сегодня комитетъ опубликовалъ небольшія печатныя объявленія, въ которыхъ убѣждаетъ народъ не собираться впередь очень большими толпами на одномъ мѣстѣ, чтобы не подать повода къ какимъ-нибудь серьезнымъ столкновениямъ.»

Телеграммы изъ Рима дополняютъ этотъ рассказъ извѣстиями объ арестахъ, неизбежно послѣдовавшихъ за подвигомъ храбраго генерала Гойона. Это должно нѣсколько утѣшить раздраженное и огорченное панское правительство.

За то наврядъ-ли можетъ утѣшить его то обстоятельство, что Гарибальди покинулъ свое уединенное убѣжище на Капрерѣ и снова понемногу выступаетъ на поприще политической дѣятельности. Онъ прибылъ въ Геную 2 марта (н. с.), вызванный дѣлами основаннаго имъ патриотическаго общества del *provedimento*, въ которомъ въ послѣднее время стали появляться раздоры и несогласія. Общее собраніе del *provedimento* отказалось признавать власть центрального комитета, назначеннаго Гарибальди, желая замѣнить этотъ комитетъ другимъ, избраннымъ самимъ обществомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, положено было, во избѣжаніе окончательнаго разрыва, собраться всѣмъ депутатамъ мѣстныхъ комитетовъ общества въ Генуѣ, 9 марта, и тутъ, по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, такъ или иначе, рѣшить его. Гарибальди сначала ѣхать въ Геную не хотѣлъ, думая выжидать рѣшенія депутатовъ у себя, на Капрерѣ, о чемъ и извѣстилъ членовъ del *provedimento* слѣдующимъ письмомъ:

«Собраніе 9 марта можетъ привести къ самымъ лучшимъ результатамъ, если всѣ свободныя итальянскія ассоціаціи будутъ имѣть тутъ своихъ представителей. Поэтому я полагаю, что онѣ всѣ должны отправить въ Геную своихъ депутатовъ. Вполнѣ убѣжденный, что всѣ дѣйствія общества будутъ достойны здраваго практическаго смысла, отличающаго итальянцевъ; вполнѣ убѣжденный также, что рѣшенія депутатовъ будутъ соответствовать законнымъ ожиданіямъ серьезно-мыслящихъ друзей свободы и нуждамъ родины, я воздерживаюсь отъ всякихъ совѣтовъ. Руководствуясь программой, приведшею насъ въ Палермо и Неаполь, не забывая великихъ принциповъ плебисцита 21 октября 1860 года, должно надѣяться, что итальянское дѣло совершится со славою. Если бы мнѣ не препятствовали особенныя обстоятельства, я былъ бы самъ въ Генуѣ 9 марта. Не имѣя возможности этого сдѣлать, я буду дожидаться на Капрерѣ вѣстей о результатахъ такого рода, которымъ, какъ итальянецъ, могъ бы искренно порадоваться.

Привѣтъ и братство!

«Гарибальди.»

Тѣмъ не менѣе, Гарибальди въ Геную пріѣхалъ и оттуда тотчасъ же отправился въ Туринъ, по приглашенію Виттора-Эммануила, приславшаго за знаменитымъ генераломъ сенатора Плессу. Приглашеніе это объяснялось отчасти тѣмъ, что король итальянскій находился въ то время въ положеніи не совсѣмъ-то пріятномъ: министерство Риказоли, 1 марта, подало въ отставку, и на другой же день послѣ того телеграфъ сообщалъ объ этомъ событіи «*Indépendance Belge*» въ такихъ выраженіяхъ:

«*Opinione* подтверждаетъ справедливость толковъ о министерскомъ кризисѣ. Кабинетъ, видя въ средѣ своей несогласія и раздоры, препятствующіе правильному теченію дѣлъ, рѣшилъ въ совѣтѣ министровъ, что всѣ члены кабинета подадутъ въ отставку.

«Г. Риказоли извѣстивъ объ этомъ короля письмомъ, на которое его величество отвѣчалъ тоже письмомъ.

«Г. Раттаци приглашонъ былъ во дворецъ. Король поручилъ ему составить новый кабинетъ, и г. Раттаци порученіе это принялъ.

«По словамъ *Opinione*, отставка г. Риказоли вызвана внутренними раздорами, а не извѣстнымъ положеніемъ разныхъ парламентскихъ партій, стремившихся скорѣе къ нѣкоторымъ преобразованіямъ и передѣлкамъ, чѣмъ къ перемѣнѣ кабинета.

«О кандидатахъ на различные портфели ходятъ еще одни неопредѣленные слухи.

«Министерство Риказоли останется до окончательнаго разрѣшенія кризиса.»

Гарибальди, повидавшись съ королемъ, имѣлъ свиданіе и съ Раттаци, и между ними, по словамъ туринскаго корреспондента «*Indépendance Belge*», установилось полное согласіе. «Всѣ полагаютъ—говоритъ одна итальянская газета—что знаменитый генералъ, вѣрный своимъ патріотическимъ чувствамъ, рѣшился не противодѣйствовать ни въ чемъ правительству и ходу правительственныхъ дѣлъ.»

Составъ новаго министерства, по послѣднимъ извѣстіямъ, слѣдующій: президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ, (а также и внутреннихъ *ad interim*) — Раттаци; министръ юстиціи—Кордова; военный министръ—генералъ Петити; морской—адмиралъ Церсано; финансовъ — Селла; торговли — маркизъ Цеполи; общественныхъ работъ—Депретисъ; народнаго просвѣщенія — Манчини. Систему и образъ своихъ будущихъ дѣйствій новое министерство, устами своего президента, высказало тотчасъ же палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 7 марта (н. с.). Возвѣстивъ палатѣ объ учрежденіи новаго кабинета, Раттаци, между прочимъ, сказалъ:

«Наша прежняя политическая карьера отвѣчаетъ за нашъ образъ дѣйствій. Я не хочу скрывать ни трудностей нашего по-

ложенія, ни той отвѣтственности, которую оно на насъ налагаетъ. Намъ предстоитъ устроить и соединить доселѣ разъединенныя провинціи; намъ предстоитъ также освободить тѣ итальянскія провинціи, которыя не вошли еще въ составъ королевства.

«Въ нашихъ внѣшнихъ сношеніяхъ мы постараемся дѣйствовать согласно съ другими народами. Изолированная политика невозможна. Мы поставимъ себѣ также задачей, чтобы ни одного событія, могущаго имѣть вліяніе на судьбы Италіи, не произошло безъ участія со стороны нашего отечества.

«Что касается Франціи, мы не забудемъ никогда, что крови, пролитой ея сынами, обязаны мы главнымъ образомъ нашему возрожденію; не забудемъ мы также, что и Англія была всегда къ намъ расположена дружественно. Въ сношеніяхъ съ другими державами мы будемъ всегда охранять и поддерживать достоинство и независимость нашей страны. Желая пріязни другихъ народовъ, мы приобрѣтемъ ее благоразуміемъ нашего образа дѣйствій. Не вызывая никого, ни словомъ, ни дѣломъ, на ссору, мы докажемъ этимъ, что вовсе не желаемъ нарушать всеобщаго мира.

«По римскому вопросу мы будемъ разсуждать и совѣщаться въ парламентѣ, не упуская при этомъ изъ виду никакихъ дипломатическихъ или нравственныхъ мѣръ, могущихъ способствовать къ разрѣшенію этого вопроса. Онъ уже сдѣлалъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ большіе успѣхи въ общественномъ мнѣніи, въ особенности же во Франціи.»

Перемена въ Туринѣ кабинета и высказанная новымъ кабинетомъ программа его будущихъ дѣйствій не могли, разумѣется, не произвести довольно-сильнаго впечатлѣнія, какъ въ самой Италіи, такъ и за границею. Мнѣнія по этому поводу, какъ водится, раздѣлялись: одни очень довольны назначеніемъ Раттаци; другіе очень сожалеютъ о Риказоли. Одни видятъ въ новомъ министерствѣ залогъ самыхъ блестящихъ успѣховъ въ будущемъ; другіе положительно убѣждены, что только прежнее министерство повело бы итальянское королевство твердыми шагами по пути прогресса и славы. Французскія газеты мѣстами даже не скрываютъ своего удовольствія по поводу паденія Риказоли и назначенія Раттаци (должно замѣтить, что, развивая въ нѣкоторыхъ подробностяхъ свои политическіе взгляды и убѣжденія, въ засѣданіи 7 марта, Раттаци выразилъ прямо, что отнынѣ министерство будетъ болѣе всего стараться о томъ, чтобы дѣйствовать въ совершенномъ согласіи съ Франціею). «*Paix*», постоянно и грозно ратовавшій противъ Риказоли и его министерства, посвящаетъ теперь длинную статью восхваленію Раттаци и всѣхъ его товарищей. Похваляетъ ихъ и «*Constitutionnel*»; и даже сама «*Patrie*», не взирая на свои анти-итальянскія

тенденціи, позволила себѣ сказать доброе слово о новомъ туринскомъ кабинетѣ. Правда, она тутъ же, какъ власть имѣющая, предлагаетъ ему разные совѣты и наставленія, третируя его такимъ образомъ очень неуважительно, — но доброе слово все-таки сказано.

Совсѣмъ иначе смотрятъ на это дѣло газеты англійскія. Назначеніе новаго министерства кажется имъ подозрительнымъ, опаснымъ; онѣ видятъ въ этомъ несомнѣнное желаніе Виктора-Эммануила измѣнить свою прежнюю политику, и уже заранѣе предостерегаютъ и пугаютъ его. «Morning Post» говоритъ прямо, что паденіе министерства Риказоли — серьезный ударъ, нанесенный итальянскому дѣлу, и что было бы великимъ несчастіемъ для этого дѣла, если бы удаленіе Риказоли означало перемѣну въ политикѣ короля. «Daily News» надѣется, что новое министерство никогда не забудетъ того, что никакое непосредственное расширеніе территоріума не вознаградитъ народъ за потерю свободы и независимости. Согласно съ этими взглядами дѣйствуютъ и посольства обѣихъ державъ: французское получило повелѣніе—всячески поддерживать новое министерство; домъ же англійскаго посланника, сэра Джемса Гудсона, служитъ главнымъ центромъ, въ которомъ сходятся всѣ, недовольные назначеніемъ Раттаци, всѣ, составляющіе оппозицію новому кабинету.

Черезъ день послѣ засѣданія туринской палаты депутатовъ, которымъ открыло свою дѣятельность министерство Раттаци, происходило въ Генуѣ первое засѣданіе общаго собранія комитетовъ del rovedimento, подъ предсѣдательствомъ Гарибальди. Событія этого люди вовсе нетрусливые ожидали съ замѣтнымъ волненіемъ, а трусливые—просто съ ужасомъ, полагая, что тутъ непременно произойдетъ нѣчто такое, что разомъ и надолго нарушитъ спокойствіе не только одной Италіи, но и всей Европы. Дѣло, однакожь, обошлось очень мирно и благополучно. Театръ Паганини, въ которомъ происходило засѣданіе, былъ полонъ. На сценѣ устроено было мѣсто для президента. Триста депутатовъ занимали партеръ. Стѣны залы украшены были итальянскими и французскими знаменами. Появленіе президента встрѣчено было шумными восклицаніями и рукоплесканіями. Гарибальди занялъ свое мѣсто и началъ говорить.

Онъ благодарилъ представителей великой итальянской семьи, избравшей его не президентомъ; онъ скорбѣлъ объ отсутствіи депутатовъ провинцій еще не присоединенныхъ и далъ клятву провинціи эти освободить; онъ призывалъ всѣ живыя силы націи къ самому дружному согласію, къ самому тѣсному соединенію между собою, говоря, что это—единственное средство поборотъ тираннію.

Рѣчь эта была прервана рукоплесканіями, послѣ чего одинъ изъ депутатовъ замѣтилъ, что присутствіе въ ихъ средѣ Гари-

бальди можетъ засвидѣтельствоватьъ передъ цѣлою Европой о дружномъ согласіи, соединяющемъ всѣхъ итальянскихъ демократовъ, программа которыхъ заключается въ приведеніи въ дѣйствіе плебисцита 21 октября. «Правительство — сказалъ онъ — должно не тревожиться нашимъ союзомъ, а радоваться ему. Мы всегда будемъ заодно съ правительствомъ, пока оно, подобно намъ, будетъ стремиться къ единству родины и къ тому, чтобы столицю Италіи былъ Римъ. А мы постараемся этого достигнуть законными путями».

Рукоплесканія покрыли и эту рѣчь, а за симъ приступлено было къ чтенію протокола. Когда дошли до мѣста, гдѣ говорилось о подачѣ прошенія о возвращеніи изъ ссылки Мадзини, раздались крики: «да здравствуетъ Мадзини!..» Дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ этого дѣла еще не имѣется.

Между тѣмъ, какъ итальянскіе демократы устремляютъ всѣ свои помыслы къ освобожденію *еще несвободныхъ своихъ провинцій* и лелѣютъ себя золотыми мечтами о Римѣ, какъ о будущей столицѣ итальянскаго королевства, не мало думаютъ и заботятся объ этомъ и въ Парижѣ; но намѣренія на этотъ счетъ тюльрійскаго кабинета, какъ мы уже говорили выше, исполнены для публики непроницаемой мглы и таинственности. Это лучше всего выразилось въ проектѣ сенатскаго адреса, читаннаго 17 февраля въ сенатѣ, въ отвѣтъ на рѣчь императора. «Документъ этотъ, — совершенно справедливо замѣчаетъ *«Indépendance Belge»* — въ высшей степени блѣденъ и безцвѣтенъ, и еслибы императоръ поставленъ былъ въ необходимость искать въ немъ выраженія различныхъ тенденцій общественнаго мнѣнія, всего вѣроятнѣе было бы, что онъ не составилъ бы себѣ ни малѣйшаго понятія о томъ, что говорится и думается въ имперіи о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, занимающихъ и интересующихъ публику. Говоря о внѣшнихъ дѣлахъ, докладчикъ сенатской комиссіи, редижировавшей адресъ, употребилъ всевозможныя старанія для того, чтобы не высказаться въ чью-нибудь пользу, и успѣлъ невольно досадить всѣмъ. Въ вопросѣ объ Италіи и Римѣ докладчикъ дѣлалъ такія усилія изъ желанія не склониться ни на ту, ни на другую сторону, усилія эти замѣтны въ каждомъ самомъ пустомъ его словѣ, и мы, признаемся, никогда еще не видѣли столь замѣчательной эквилибристики фразъ. Но, вѣдь, такого рода достоинство — да позволено намъ будетъ это сказать — прилично ритору, а не философу и политику. Стараться примирить двѣ вещи непримиримыя, пытаться соединить въ одномъ синтезѣ двѣ идеи, совершенно одна другую исключаютія — это задача нелегкая даже съ точки зрѣнія фразы, и въ этомъ отношеніи мы не можемъ не отдать г. Тролону полной справедливости: онъ выпутался изъ дѣла отлично. Но кто не согласится, что подобнаго рода мировыя сдѣлки,

когда их переносят из области фразъ въ область фактовъ, порождаютъ однѣ пустыя иллюзіи и опасныя утопіи?»

Если сенатъ въ проектѣ адреса своего императору не повѣдалъ, дѣйствительно, публикѣ ничего, кромѣ избитыхъ фразъ и общихъ мѣстъ о мирѣ извнѣ, о прочности государственныхъ учреждений внутри, объ экономіи въ общественныхъ расходахъ, объ энергической и благотворной дѣятельности его императорскаго величества, объ истинной свободѣ, основанной на утѣренности, и т. п., за то принцъ Наполеонъ, во время преній объ этомъ проектѣ, высказалъ весьма опредѣленный и рѣзкій образъ мыслей по поводу весьма многихъ вопросовъ. Пренія о проектѣ адреса начались въ сенатѣ 20 февраля и приняли тотчасъ же очень бурный характеръ. Характеръ этотъ сообщалъ имъ главнымъ образомъ рѣчь графа Сегюра-д'Агессо, съ неудержимою яростью закоснѣлаго клерикала, разомъ обрушившагося на все либеральное, прогрессивное, разумное,—на все, что составляетъ лучшей цвѣтъ и драгоценнѣйшее достояніе современной жизни. Какъ ни странны, были идеи, которыя развивалъ графъ Сегюръ-д'Агессо, многія изъ нихъ въ слѣдующее же засѣданіе нашли себѣ поддержку въ идеяхъ маркиза де-ля-Рошжаклена. Маркизь, впрочемъ, говорилъ утѣреннѣе графа и даже соглашался на нѣкоторыя уступки «анархическимъ доктринамъ». Въ это же засѣданіе говорили графъ Персиньи, кардиналъ Морло и Пьетри. Графъ Персиньи протестовалъ противъ оскорбительныхъ выходовъ и личностей, которыя позволялъ себѣ Сегюръ-д'Агессо. Кардиналъ Морло выразилъ желаніе, чтобы римскій вопросъ разрѣшился какъ можно скорѣе, сообразно вождельніямъ и моленіямъ добрыхъ католиковъ. Пьетри, доказавъ, что настоящему французскому правительству необходимо придерживаться демократическихъ началъ, изложилъ потомъ взглядъ свой на итальянскія дѣла. Взглядъ этотъ во всемъ согласенъ съ взглядомъ, изложеннымъ, годъ тому назадъ, принцемъ Наполеономъ.

Принцъ Наполеонъ говорилъ въ первый разъ въ третьемъ засѣданіи, и рѣчь его, прославлявшая и возвеличивавшая все то, что оскорбляли и старались втоптать въ грязь предшествовавшіе ему на трибунѣ легитимистскіе и клерикальные ораторы, произвела въ собраніи сильное волненіе. Принцъ, разумѣется, защищалъ императорское правительство, но защищалъ его потому, что оно—правительство либеральное, основанное на демократическихъ началахъ. «Я хочу—сказалъ онъ между прочимъ—прежде всего поблагодарить маркиза де-ля-Рошжаклена за его откровенность. Пора, въ-самомъ-дѣлѣ, сбросить личины, раскрыть сердца и высказаться на чистоту. Маркизь де-ля-Рошжакленъ изложилъ программу контр-революціи по поводу законодательства и правительственныхъ распоряженій о прессѣ»: Въ одномъ только,

можетъ быть, мы сойдемся съ маркизомъ де-ля-Рошжакленомъ, а именно въ томъ, что прессѣ надобно дать больше свободы; но мы существенно расходимся въ принципахъ. По моему мнѣнію, учрежденіе имперіи объясняется однимъ разумнымъ приложеніемъ къ ней свободныхъ началъ».

«Я не всегда бываю согласенъ и съ графомъ де-Персиньи, — говорилъ принцъ далѣе — я болѣе его люблю свободу, или нѣтъ — онъ любитъ ее столько же, сколько и я, но я болѣе его имѣю довѣрія къ ней. А знаете ли, почему на него нападаютъ? Потому, что онъ пожертвовалъ своей кровью, своей свободой дѣлу, казавшемуся утопіей очень многимъ изъ тѣхъ, которые меня теперь слушаютъ. Онъ понялъ инстинктивно, понялъ чувствомъ идею либеральнаго наполеонизма и составляющихъ его славу демократическихъ принциповъ».

Одно изъ мѣстъ въ рѣчи принца Наполеона, произведшее наиболѣе волненія въ сенатѣ, было слѣдующее:

«Что же касается до вопроса о престолонаслѣдіи, — сказалъ онъ, — то маркизь де-ля-Рошжакленъ смѣшалъ два рода престолонаслѣдія, и я не могу пройти этого молчаніемъ; мнѣ хочется показать всю разницу между этими двумя родами. Престолонаслѣдіе, защищаемое мною, есть то, которое учреждено для приложенія къ государственнымъ учреждениямъ великихъ принциповъ, а не какое-либо другое. Я дѣлаю большое различіе между престолонаслѣдіемъ, мною защищаемымъ, и тѣмъ, на которое вы мнѣ укажете, и да позволено мнѣ будетъ, по этому случаю, напомнить вамъ слова, сказанныя знаменитымъ родоначальникомъ нашей династіи, когда онъ въ 1804 году, принималъ наслѣдственную имперію. Вотъ что отвѣчалъ онъ тогда сенату:

«Все, что только можетъ способствовать благу отечества, связано неразрывными узами съ моимъ собственнымъ счастіемъ.

«Я принимаю титулъ, который вы почитаете полезнымъ для славы націи.

«Надѣюсь, что Франція не расклется никогда, если окружить почестями мое семейство.

«Во всякомъ случаѣ, духъ мой удалится отъ моего потомства въ тотъ день, когда оно утратитъ любовь и довѣріе великой націи».

«Вотъ, господа, какъ Наполеонъ понималъ престолонаслѣдіе въ своемъ родѣ.

«Позже, послѣ несчастій, которыхъ я не хочу вспоминать, съ какими краснорѣчивыми словами относился онъ къ народу и солдатамъ въ своихъ прокламаціяхъ!»

Приведа нѣкоторыя выраженія изъ этихъ прокламацій, въ которыхъ Наполеонъ I говорилъ, что его права, интересы, слава —

не что иное, какъ права, интересы и слава французскаго народа, принцъ продолжалъ:

«А знаете ли вы, при какихъ восклицаніяхъ проѣхалъ Наполеонъ Францію отъ Жуанскаго залива до тюльрійскаго дворца? При восклицаніяхъ:

«Долой эмигрантовъ! долой измѣнниковъ!».»

Последнее слово именно и произвело въ собраніи сената страшное волненіе. Принцъ сказалъ: «*il bas les traitres*», — а большинству присутствовавшихъ послышалось, что онъ сказалъ: «*il bas les prêtres*» — и поднялась суматоха, довольно долго невозволявшая принцу продолжать рѣчь, — суматоха, ярко обнаружившая всю ненависть клерикаловъ, легитимистовъ и вообще людей стараго, давно уже отжившаго свой вѣкъ порядка къ принципамъ и убѣжденіямъ, которыхъ ни они сами, ни *отцы ихъ не знали суть...*

Когда спокойствіе возстановилось, и принцъ Наполеонъ могъ продолжать свою рѣчь, онъ сказалъ слѣдующее:

«Теперь позвольте мнѣ, господа сенаторы, сдѣлать вамъ въ краткихъ чертахъ эскизъ имперіи, во первыхъ, какъ я ее понимаю, во вторыхъ, какъ понимаетъ ее, кажется мнѣ, маркизъ де-ла-Рошжакленъ.

«Для меня имперія — это слава извнѣ, уничтоженіе трактатовъ 1815 г., въ предѣлахъ силъ и средствъ Франціи, и единство Италіи, которой мы помогли освободиться, — единство Италіи упроченной и устроенной.

«Внутри, конечно, имперія — порядокъ, безъ котораго ничто невозможно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имперія внутри — это совокупность свободныхъ правъ и разумно-свободныхъ учреждений, въ числѣ которыхъ должна быть и свобода печати. Имперія внутри — это народное образованіе безъ границъ, безъ духовныхъ конгрегацій, безъ всѣхъ этихъ установленій, желающихъ воротить къ намъ средневѣковое ханжество...»

Здѣсь снова послышались недовольные голоса и поднялась было суматоха, но она скоро утихла и принцъ продолжалъ:

«Желаетъ ли достопочтеннѣйшій маркизъ де-ла-Рошжакленъ, чтобъ я разобралъ заключеніе его рѣчи? Я это сдѣлаю. Политика маркиза — это союзъ съ Австріей, уничтоженіе итальянскаго единства и возстановленіе свѣтской власти папы во всей ея полнотѣ. Что же касается до внутренней администраціи, то маркизъ де-ла-Рошжакленъ хочетъ, чтобъ всѣ журналы — отъ *Siècle de Débats*, включая въ это число даже и *Constitutionnel*, который еще вчера называли здѣсь самымъ плохимъ журналомъ — маркизъ де-ла-Рошжакленъ хочетъ, чтобы всѣ демократическіе журналы были запрещены.

«Но что же останется послѣ этой громадной гекатомбы? А! останутся Gazette de France, l'Union, le Monde, l'Ami de la religion... Впрочемъ, можетъ быть, даже и l'Ami de la religion не будетъ помилованъ, по причинѣ нѣкоторыхъ недавнихъ въ немъ перемѣнъ. Вотъ картина общества по сердцу маркизу де-ла-Рошжаклену! Вотъ будущность, о которой онъ мечтаетъ для насъ!

«Однимъ словомъ, господа, эта система... Мнѣ очень жаль, что я веду этотъ споръ съ нѣкоторою горячностью; но страсть вызываетъ страсть... эта система... знаете ли, что это такое, господа? Это бѣлый терроръ, поддерживаемый иностранными штыками! Эта система... Мы не хотимъ ее! Ея не будетъ!

«А если бы подобная политика увѣнчалась успѣхомъ, если бы можно было искоренить разомъ революціонные принципы — имперіи не было бы возможности существовать, и тогда оставалось бы сдѣлать одно: пригласить герцога бордоскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ занялъ на тронѣ мѣсто Наполеона III.»

«Но я не страшусь ничего за великое правительство моего отечества, — продолжалъ принцъ, когда утихъ снова было-поднявшійся шумъ; — корень его въ сердцѣ народа. Пока извнѣ оно будетъ представителемъ принципа національности, пока внутри оно будетъ въ непрерывномъ сообщеніи съ массами — ему не страшны всѣ усилія клерикаловъ! Я только тогда испугаюсь за Наполеона III, когда возникнетъ какой-нибудь раздоръ между нимъ и народомъ».

Рѣчь эта, какъ видятъ читатели, весьма нелишенная интереса, надѣлала много шума и въ сенатѣ, и въ городѣ, и въ иностранныхъ посольствахъ, въ особенности же въ австрійскомъ. Все, что было въ Парижѣ отсталого, ретрограднаго, грудью стоявшаго за привилегіи рода, породы, титула, сана и т. п. — все это разомъ зашевелилось, заволновалось отъ негодованія, и дружно перешло на сторону реакціи и ультра-репрессивныхъ мѣръ. Къ этой кланкѣ присоединилось даже нѣсколько человекъ, слывшихъ когда-то за либераловъ, а теперь, вѣроятно, искренно порадовавшихся своею ревностью къ дѣлу застоя, консерваторовъ. Таковы были Амедей Тэйеръ и Карлъ Дюпенъ, восхвалявшіе въ засѣданіи сената 24 февраля учрежденіе Saint-Vincent de Paul, которое, подъ маскою благотворительности, дѣятельно помогало іезуитамъ во всѣхъ ихъ гнусныхъ и обскурантныхъ цѣляхъ. Столь же милыя рѣчи слышали сенаторы отъ барона де-Ришмона и маркиза де-Буасси, изъ которыхъ первый заявилъ себя вообще ультра-консерваторомъ, а второй ужасно какъ сѣтовалъ о томъ, что деньги, истраченные Франціею въ Крыму и Италіи, не были, вмѣсто того, употреблены на высадку въ Англію, для разрушенія коварнаго Альбіона съ его протестантизмомъ и либеральными учрежденіями. «Что за прелестное собраніе, въ ко-

торомъ развиваются подобныя идеи! «весьма дѣльно замѣчаетъ по этому поводу «Indépendance Belge» — И какъ дешево можетъ достаться французскому правительству, обязанному противодѣйствовать этимъ идеямъ, репутація либеральнаго!»

Но правительство, т. е. императоръ, по обыкновенію своему, до-поры-до-времени, не заявлялъ себя ни про, ни contra той или другой партіи, и только принцъ Наполеонъ, принимавшій самое дѣятельное участіе почти-что во всѣхъ сенатскихъ преніяхъ, говорилъ всегда прямо и рѣзко, являясь такимъ образомъ, къ вѣщшему неудовольствію всѣхъ клерикаловъ, легитимистовъ, обскурантовъ и консерваторовъ, чуть не *краснымъ* изъ *красныхъ*. Особенное впечатлѣніе произвела на всѣхъ его рѣчь въ засѣданіи 1-го марта, когда дебатировались вопросы о единствѣ Италіи и о Римѣ. Принцъ, разумѣется, стоялъ горой и за единство Италіи, и за то, чтобы столицей Соединеннаго итальянскаго королевства непремѣнно былъ Римъ. Говорилъ онъ долго, горячо, краснорѣчиво и убѣдительно, и въ рѣчи его встрѣчались слѣдующія, вовсе ужъ не двусмысленныя, мѣста:

«Еще въ прошломъ году говорили: надобно имѣть терпѣніе; съ терпѣніемъ и твердостью можно преодолѣть всѣ препятствія. Ну, что же? Развѣ императоръ не все сдѣлалъ, чтобы добиться какаго-нибудь рѣшенія? И онъ все-таки не добился отъ Рима ничего.

«Годъ прошолъ; будущій годъ пройдетъ точно такъ же; годы, вѣка даже пройдутъ,—а отъ римскаго двора не дождутся никакихъ перемѣнъ, потому-что папское правительство не уступаетъ никогда, когда ничего не боится».

Или:

«Я подхожу теперь къ одному изъ самыхъ важныхъ пунктовъ разсматриваемаго нами вопроса—къ итальянскому единству, и къ тому, имѣть ли Италію Римъ столицею?»

«Итальянскаго единства не можетъ быть безъ того, чтобы Соединенное итальянское королевство не имѣло столицею Рима. Спросите самыхъ благоразумныхъ, самыхъ умѣренныхъ людей,—но только людей, имѣющихъ довѣріе къ Италіи, — и они вамъ скажутъ безъ гнѣва, спокойно, что настоящее положеніе дѣлъ невозможно; что это—состояніе переходное; что дѣло надобно какъ-нибудь разрѣшить; и я не могу при этомъ случаѣ удержаться, чтобъ не замѣтить, какъ итальянцы кротки и умѣренны.»

Или:

«Свѣтское правительство папъ, освобожденное отъ духовныхъ формъ, которыми его окружаютъ, имѣетъ точно такой же характеръ, какъ и другія правительства. Народонаселеніе Рима имѣетъ тѣ же самыя права, какія имѣютъ народонаселенія Милана, Парижа, Брюсселя, и если бы оно воспользовалось этими

праваши съ умѣренностью, съ спокойствіемъ, оно сдѣлало бы только то, что уже дѣлали другія народонаселенія, что уже дѣлали народы и въ Бельгіи, и въ Италіи.

Или:

«Положеніе это невыносимо для Италіи, невыносимо для Франціи, невыносимо для Европы. Надобно успокоить волненія— да, надобно! Но если вы хотите, чтобы волненій не было, то для этого одно только средство—выйти изъ Рима французамъ. Безъ этого вы не успокоите итальянскаго волненія. *Statu quo* было бы постоянною смутою, вѣчною тревогою.

«И наконецъ, въ виду этого всеобщаго броженія, подумали ли вы серьёзно о томъ, въ какомъ положеніи будутъ находиться въ Римѣ наши храбрые солдаты, можетъ быть, въ самомъ непродолжительномъ времени? Или вы сдѣлаете изъ нашихъ солдатъ жандармовъ власти осужденной... осужденной исторіею? Они, стало быть, обязаны будутъ защищать правительство, порицаемое ихъ императоромъ, правительство, не внимавшее никакимъ благороднымъ совѣтамъ? Нѣтъ! нѣтъ!»

Принцъ — замѣтили мы выше—говорилъ долго, горячо, краснорѣчиво и убѣдительно; слова его не разъ встрѣчаемы были съ невольнымъ сочувствіемъ; но когда онъ кончилъ, и маркизъ де Буасси пожелалъ узнать, не считаетъ ли правительство нужнымъ отвѣчать немедленно же, хотя нѣсколькими словами, на прослушанную сенатомъ рѣчь—его превосходительство г. Бильйо отвѣчалъ, что правительство, положивъ себѣ разсмотрѣть римско-итальянскій вопросъ въ другое время, со всѣми надлежащими подробностями, теперь можетъ сказать одно: что политика его по этому вопросу не имѣетъ ничего общаго съ тою, съ которою только-что познакомился сенатъ.

Хотя такимъ образомъ краснорѣчіе принца Наполеона оказалось *масломъ въ пустыню*, но рѣчь его все-таки произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе и въ сенатѣ, и внѣ сената. Газеты же, по случаю ея, раздѣлились на три лагеря: либеральные органы приходили въ неописанный восторгъ и отъ содержанія рѣчи, и отъ ея формы; клерикальные и легитимистскіе, не отрицая таланта оратора, протестовали противъ его идей и лѣзли изъ кожи вонъ, чтобъ ихъ опровергнуть, съ помощью своихъ слабыхъ аргументовъ. Одни официальные журналы держали себя чрезвычайно какъ осторожно и умѣренно, зная отвѣтъ, сдѣланный маркизу де-Буасси его превосходительствомъ г. Бильйо, и выжидая, когда правительство откроетъ, наконецъ, тайны своей политики и выскажетъ свой взглядъ на мудреный римско-итальянскій вопросъ.

Это произошло въ засѣданіи сената 3 марта. Его превосходительство г. Бильйо, въ столь же длинной, но далеко не столь

же страстной и убѣдительною рѣчи, какъ рѣчь принца Наполеона, открылъ и объяснилъ собранію правительственную точку зрѣнія на римско-итальянское дѣло. Съ этой точки зрѣнія, достигнуть желаемыхъ результатовъ можно было тремя путями: во 1-хъ, уступивъ римскому двору, т. е. возвративъ святому престолу, утраченныя имъ провинціи и дозволивъ австрійцамъ занять вновь Болонью; во 2-хъ, выведя изъ Рима французскія войска и оставивъ городъ на произволъ римскаго народа; въ 3-хъ, отсрочивъ немедленное рѣшеніе вопроса и предоставивъ всемогущему времени и всеблагому Провидѣнію открыть возможность примиренія независимости Италіи съ независимостью папы. Два первые пути французское правительство находило для себя неудобными, а потому, само-собою разумѣется, и вознамѣрилось держаться третьяго.

«Говорятъ, что этотъ вопросъ надобно было рѣшить разомъ (такъ заключилъ свою рѣчь его превосходительство г. Бильйо); но императоръ знаетъ, чего хочетъ. Онъ не желаетъ, чтобы папскія провинціи охватила реакція; онъ не желаетъ также, чтобы, вслѣдствіе выведенія изъ Рима нашихъ войскъ, святой отецъ преданъ былъ на жертву революціи. Онъ желаетъ, чтобы и всѣмъ обязавшая ему Италія, и многимъ обязанный ему святой отецъ, и католическая церковь поняли свое положеніе. Онъ желаетъ, чтобы на всѣхъ подѣйствовало благоразуміе и чтобы вопросъ рѣшенъ былъ силою событій.

«Спокойствіе, мудрость императора возьмутъ верхъ — будьте въ этомъ увѣрены. Безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, говорите все, что вы думаете, и не почитайте неуваженіемъ искреннее выраженіе вашихъ чувствъ.

«Императоръ держитъ твердою рукою знамя примиренія, и это долготерпѣніе требуетъ гораздо болѣе твердости, нежели постигшія и быстрыя рѣшенія.

«Не раздѣляйтесь, не расходитесь другъ съ другомъ. Вотрите этотъ параграфъ, какъ онъ есть (т. е. тотъ параграфъ адреса, который заключаетъ въ себѣ римско-итальянскій вопросъ); вотрите его единодушно и вѣрьте, что ваши голоса успѣшно подѣйствуютъ на временныя затрудненія».

Ораторъ-министръ умолкаетъ при громѣ рукоплесканій. Все собраніе приходитъ въ волненіе. Сенаторы толпятся около его превосходительства и требуютъ немедленной баллотировки. Баллотировка тотчасъ же открывается. По окончаніи ея президентъ считаетъ поданныя голоса... Оказывается, что адресъ, со всѣми его параграфами, принятъ большинствомъ 126 голосовъ противъ 6...

Извѣстіе это принимается съ громкими криками: «да здравствуетъ императоръ!»

Засиѣ назначается, по жребію, депутація, долженствующая представить адресъ его величеству.

А засиѣ — засѣданіе закрывается.

Его величество принялъ депутацію съ адресомъ очень милостиво и произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

«Г. президентъ,

«Мнѣ очень пріятно единодушіе, съ которымъ сенатъ вотировалъ представляемый мнѣ вами адресъ.

«Это — новое доказательство, что какъ въ палатѣ, такъ и въ цѣлой странѣ большинство становится всегда на сторону благо-разумія, отстраняясь отъ крайнихъ мнѣній.

«Послѣ той горячности, которою отличались пренія, я съ удовольствіемъ вижу, что осторожный тонъ адреса заслужилъ почти всеобщее одобреніе, подтвердивъ такимъ образомъ это изрѣченіе Босскоута: *умѣренность, опирающаяся на истину — самая твердая опора человѣческихъ дѣлъ.*

«Примите же мою искреннюю признательность, потому-что ничто такъ не благоприятствуетъ спокойному и правильному теченію правительственныхъ дѣлъ, какъ доброе согласіе между государственными властями».

Депутація отвѣчала на эту рѣчь криками: «да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императрица! Да здравствуетъ императорскій принцъ!»

Такимъ образомъ, повторяемъ, пылкое краснорѣчіе принца Наполеона по поводу римско-итальянскаго вопроса оказалось вполнѣ *масломъ вопіющимъ въ пустынь*, а выраженія императора о горячности преній, о пріятномъ, т. е. осторожномъ тонѣ адреса, о боссюэтовской умѣренности и т. п. могли даже по-честиться нѣкоторымъ знакомъ высочайшаго неудовольствія на кузена; но, тѣмъ не менѣе, рѣчи принца произвели все-таки эффектъ, и репутація его высочества, какъ оратора, должна была неминуемо упрочиться. Рѣчи принца, безъ всякаго сомнѣнія, произвели бы еще болѣе эффекта, если бы одновременно съ сенатскими преніями не шло еще въ томъ же Парижѣ другого пренія, приковывавшаго къ себѣ всеобщее вниманіе — если не въ большей, то никакъ ужъ не въ меньшей степени, чѣмъ шумные дебаты объ адресѣ. Преніе, о которомъ мы говоримъ, происходило между самимъ императоромъ и законодательнымъ собраніемъ изъ-за генерала Монтобана, отличившагося въ Китаѣ и пожалованнаго за то титуломъ графа *де-Пампао*. Не довольствуясь этимъ, императоръ захотѣлъ наградить новаго графа еще денежнымъ подаркомъ и опредѣлилъ выдавать ему ежегодно по 50,000 франковъ. Проектъ закона по этому дѣлу представленъ былъ законодательному собранію. Не зная, вѣроятно, что желаніе о дарованіи генералу Монтсбану денежной награды исходитъ непосредственно отъ самого императора, законодательное собраніе

прониклось внезапно духомъ строптивости и крутости, и назначенная для разсмотрѣнія проекта закона особая коммиссія единогласно объявила себя противъ дарованія графу де-Паликао денежной награды. Оскорбленный этимъ, графъ написалъ тотчасъ же къ императору слѣдующее письмо, напечатанное въ *Монитеръ*:

«Парижъ, 21 февраля 1862.

«Государь,

«Когда ваше величество приказали представить законодательному собранію проектъ закона о дарованіи главнокомандовавшему французской экспедиціей въ Китаѣ національной награды, вы, вѣроятно, полагали, что собраніе приметъ этотъ проектъ съ радостнымъ усердіемъ.

«Этого, однакоже, не случилось: въ засѣданіи 19 февраля нѣкоторые члены вздумали протестовать противъ воли императора и, смѣю это думать, противъ воли націи.

«При такихъ условіяхъ, государь, приѣмлю почтительнѣйшую смѣлость умолять ваше величество о приказаніи взять обратно проектъ закона о дарованіи мнѣ денежной награды.

«Какъ ни ограниченно мое состояніе, государь, я былъ бы глубоко огорченъ, видя мысль императора и славу арміи предметами спора, вызваннаго дѣломъ, касающимся лично меня.

«Пребываю, государь, и пр.»

Императоръ отвѣчалъ графу тоже письмомъ, напечатаннымъ тоже въ *Монитеръ*.

«Любезный генералъ,

«Просьба ваша о томъ, чтобы взять обратно проектъ награды внушена вамъ чувствомъ, которое мнѣ пріятно въ васъ видѣть; но проекта обратно я не возьму. Законодательное собраніе, руководствуясь своимъ личнымъ вкусомъ, можетъ, конечно, не находить достойнымъ исключительной награды человѣка, командовавшаго горстью геройскихъ солдатъ, которые, преодолевъ столько трудностей и опасностей, позабытыхъ на другой день послѣ успѣха, водрузили французское знамя на другомъ концѣ свѣта, въ столицѣ имперіи, обладающей двухсотмиллионнымъ народонаселеніемъ; человѣка, который, не теряя нисколько ни достоинства, ни независимости своего начальническаго званія, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить съ нашими союзниками самыя полезныя для насъ и самыя дружественныя отношенія.

«Каждый воленъ дѣлать другимъ какую ему угодно оцѣнку; что же касается меня, то я желаю, чтобы и народъ, и армія знали, что, будучи обязательнымъ судьей политическихъ и военныхъ заслугъ, я хотѣлъ почтить національнымъ даромъ безпримѣрное предпріятіе. Великія дѣла легче всего совершаются тамъ, гдѣ ихъ лучше оцѣниваютъ, и только одни вырождавшіяся націи торгуются изъ-за общественной благодарности.

«Примите; любезный генералъ, увѣреніе въ моей искренней дружбѣ.

«Наполеонъ».

Письма эти, съ самой первой минуты появленія своего въ печати, сдѣлались предметомъ толковъ, разсужденій, комментаріевъ и гипотезъ, во всѣхъ сферахъ общества. Самое сильное впечатлѣніе произвели они, разумѣется, на членовъ законодательнаго собранія, поставивъ ихъ въ крайне-щекотливое и затруднительное положеніе. Выходъ изъ этого положенія могъ быть только двоякій: или по пути уступки императорской власти, съ урономъ, при этомъ, достоинства самого собранія, или по пути поддержанія собственнаго достоинства и достоинства собранія, съ перспективою сказать потомъ: «все потеряно, кромѣ чести!» Прежде всего надлежало узнать: какъ понимать письмо императора: какъ совѣтъ, какъ предостереженіе, или какъ приказаніе? Объ этомъ можно было бы получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ газетъ и журналовъ, въ особенности же официальныхъ и полуофициальныхъ; но газеты и журналы только перепечатывали на столбахъ своихъ многозначительныя письма, не дѣлая къ нимъ ни примѣчаній, ни поясненій. Не вдругъ рѣшились члены законодательнаго собранія, какъ имъ поступить, которымъ путемъ выйти изъ своего щекотливаго и затруднительнаго положенія, — наконецъ рѣшились и избрали второй путь.

28 февраля, комиссія, назначенная для разсмотрѣнія проекта закона о дарованіи генералу Монтобану денежной награды, должна была представить по этому дѣлу рапортъ собранію. Комиссія, дѣйствительно, рапортъ представила и единогласно отвергла проектъ закона, основывая главнѣйшимъ образомъ свое рѣшеніе на законномъ же уничтоженіи майоратовъ. Всѣ надежды на благопріятный для собранія исходъ дѣла такимъ образомъ рухнули.

Это тотчасъ же отразилось и въ общественной жизни. Волненія и безпокойство усилились; цѣны на биржѣ значительно понизились; всѣ съ тоской и страхомъ ожидали — чѣмъ же, наконецъ, все это разрѣшится.

Слѣдили за исходомъ этого дѣла не одни французы, — слѣдили за нимъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и англичане. Въ лондонскихъ политическихъ кружкахъ только и говорили, что о преніяхъ французскаго сената да о дѣлѣ Паликао, а лондонскіе журналисты прибывали къ дверямъ своихъ бюро огромные листы, на которыхъ, огромными буквами, было напечатано: «великій споръ между императоромъ и законодательнымъ собраніемъ». Лондонскіе журналисты, вообще, придавали этому дѣлу громадное значеніе и называли фактъ подачи рапорта барономъ Жувселемъ (докладчикомъ комиссіи, разсматривавшей проектъ закона о наградѣ Монтобана) самымъ важ-

нымъ фактомъ во внутренней исторіи Франціи со времени 2 декабря 1851 года.

Фактъ этотъ, однакоже, не повлекъ за собою никакихъ плачевныхъ послѣдствій, и «великій споръ между императоромъ и законодательнымъ собраніемъ» разрѣшился очень благополучно. 4 марта, вечеромъ, всѣ члены собранія получили приглашеніе прибыть на другой день въ засѣданіе, въ часъ пополудни. Они прибыли. Явился президентъ графъ Морни, занялъ президентское кресло и прочелъ громогласно слѣдующее письмо отъ императора:

«Тюильрійскій дворець, 4 марта.

«Любезный президентъ,

«Я искренно сожалею о недоразумѣніи, которое, кажется, вкралось между законодательнымъ собраніемъ и мною. Душъ нашихъ учреждений и мои чувства, хорошо извѣстныя палатѣ, должны бы были насъ отъ этого предохранить.

«Въ-самомъ-дѣлѣ, личныя столкновения теперь почти невозможны: законы обсуживаются и оспариваются для нихъ самихъ, а не въ видахъ поддержки или низверженія министерства.

«Когда правительство выразило безъ всякихъ увертокъ свои намѣренія, рѣшенія законодательнаго собранія должны быть тѣмъ независимѣе, что, въ обыкновенныхъ случаяхъ, разногласіе не должно нарушать ни въ чемъ хода дѣлъ.

«По силѣ этой неоспоримой системы, отказъ палаты въ принятіи проекта денежной награды былъ бы мнѣ, конечно, неприятенъ; но онъ не повліялъ бы нисколько ни на мои чувства, ни на мои дѣйствія.

«Я понимаю, впрочемъ, припоминая ваши объясненія, что обстоятельство, ничтожное сначала, вслѣдствіе присоединившихся къ нему другихъ обстоятельствъ стало уже на столько важнымъ, что поставило большинство палаты въ неприятное, фальшивое положеніе, а потому—какъ вы мнѣ сказали—значительное число депутатовъ предпочло бы законъ, относящійся до всѣхъ исключительныхъ военныхъ заслугъ вообще.

«Соглашаясь съ этой мыслью, я рѣшился представить новый проектъ, который, отдавая на судъ палатѣ оцѣнку общаго принципа, позволяя бы назначать, въ надлежащихъ размѣрахъ, за каждый блестящій подвигъ—совершенство ли онъ маршаломъ, или солдатомъ—награду, достойную величія страны.

«Законодательное собраніе, всегда мнѣ честно содѣйствовавшее, помогшее мнѣ основать имперію и учрежденія, долженствующія насъ пережить, увидить, надѣюсь, съ удовольствіемъ, что я спѣшу возстановить между нами взаимное довѣріе и сгладитъ слѣды разногласія, всегда неприятнаго между властями, вышедшими изъ одного источника и совѣстливо трудящимися для одной дѣли.

«Примите, любезный президентъ, увѣреніе въ моей искренней дружбѣ.

«Наполеонъ.»

Чтеніе этого письма прерывалось безпрестанно рукоплесканіями и криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Словомъ, члены законодательнаго собранія были чрезвычайно какъ веселы и довольны, видя, что дѣло, разрѣшилось, ко всеобщему изумленію, такъ блистательно-хорошо!

Нѣкоторые полагають, напротивъ, что дѣло рѣшилось не Богъ знаетъ какъ блистательно и хорошо для членовъ законодательнаго собранія. Разсуждаютъ они, по этому поводу, вотъ какъ: члены законодательнаго собранія не утвердили награды одному только генералу Монтобану, а теперь должны будутъ утвердить цѣлый фондъ, предназначенный для наградъ военнымъ. Единственнымъ распорядителемъ этого фонда и раздавателемъ наградъ будетъ самъ императоръ. Черезъ это законодательное собраніе утратить ту долю вліянія на военныхъ, которое оно имѣло доселѣ. Ну, а это опять-таки не Богъ знаетъ какъ выгодно, въ особенности же въ пылкой и воинственной Франціи!..

Въ Парижѣ закрыли курсъ профессора Ренана.

Этотъ фактъ лучше всего объяснить намъ слѣдующая изумительно-краткая и изумительно-ясная официальная бумага, за подписью самого французскаго министра народнаго просвѣщенія, г. Рулана:

«Такъ-какъ въ рѣчи, произнесенной въ императорскомъ французскомъ коллегіумѣ, для открытія курса языковъ еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго, г. Ренанъ излагалъ ученія, которыя оскорбительны для христіанскихъ вѣрованій и могутъ повести къ прискорбнымъ волненіямъ,

«Постановляется слѣдующее:

«Ст. 1. Курсъ г. Ренана, профессора языковъ еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго въ императорскомъ французскомъ коллегіумѣ, закрывается до новаго повелѣнія.

«Ст. 2. На управляющаго императорскимъ французскимъ коллегіумомъ возлагается обязанность привести въ исполненіе настоящее повелѣніе.

«Писано въ Парижѣ, 26-го февраля 1862.

«Руланъ».

Газеты «*Presse*» и «*Temps*», смотрятъ на это дѣло совершенно иначе, но за то «*Constitutionnel*» сочувствуетъ вполне министерскому распоряженію, находя г. Ренана виновнымъ уже и потому, что онъ выступилъ, на лекціи, изъ программы, начертанной самимъ г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Какъ-то совѣстно даже заниматься разсказами о такихъ мелочахъ послѣ разсказовъ о широкихъ, всемірныхъ событіяхъ!..

А о широкихъ, всемірныхъ событіяхъ говорить теперь уже не-

гда, — да и событий-то такихъ въ виду больше не имѣется. Моно, конечно, и ничтожному факту придать чуть не колоссальное значеніе, съ помощью разныхъ глубокомысленныхъ соображеній³ тонкихъ догадокъ; но на это-то именно и требуется время... И передадимъ же просто, въ заключеніе этого обозрѣнія, нѣсколь новѣйшихъ телеграфическихъ извѣстій, извлеченныхъ изъ *Indépendance Belge* и повѣствующихъ о событіяхъ въ раз-ныхъ концахъ земного шара.

Марсель, четвергъ, 6-го марта.

Паровой транспортъ «Aube», прибывшій вчера изъ Мексики въ самое непродолжительное время, привезъ извѣстіе, что французскія и мексиканскія войска живутъ совершенно побратски. Мексиканцы объявили, что они готовы присоединиться къ намъ и, виѣстѣ съ нами, идти на столицу. Дѣйствовать же заодно съ испанцами они не хотятъ.

Гверильясы нападали на отсталыхъ и одинокихъ испанцевъ и убивали ихъ.

Въ Вера-Крузъ ожидали ультиматума.

Берлинъ, четвергъ утромъ, 6-го марта.

Пруссія и Австрія сошлись по вопросу о гессенскомъ дѣлѣ. Австрія согласилась на возстановленіе конституціи 1831 года, предложенное Пруссіею. Всѣ противныя увѣренія *Дрезденскаго журнала* совершенно неточны.

Лондонъ, четвергъ утромъ, 6-го марта.

Агентство Рейтера получило по телеграфу изъ Галлфакса извѣстія изъ Нью-Йорка отъ 21-го февраля.

Американскіе журналы приходятъ въ негодованіе отъ предложенія основать въ Мексикѣ монархію. *World* даже оскорбляетъ по этому поводу федеральное правительство. По его мнѣнію, монархія въ Мексикѣ можетъ существовать только при помощи европейскихъ штыковъ. Когда возстаніе на югѣ будетъ подавлено, ничто такъ не укрѣпило бы примиренія между сѣверомъ и югомъ, какъ вооруженный союзъ для искорененія въ Америкѣ всякаго европейскаго вліянія.

Въ Вашингтонѣ очень радуются извѣстіямъ, что и въ Англіи, и на континентѣ развивается благоприятная реакція въ пользу Соединенныхъ штатовъ. Въ особенности довольны тамъ дружественнымъ расположеніемъ Россіи и Италіи, выказавшимся въ дѣлѣ о *Трентѣ*.

Туринъ, воскресенье, 9-го марта.

Депешою изъ Неаполя, отъ вчерашняго вечера, сообщаютъ, что близъ *Святой Брититты* разорвало бомбу. Разрывомъ, впрочемъ, не причинило никому никакого вреда.

Народъ тотчасъ же устроилъ демонстрацію, при крикахъ: «Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Гарибальди!»

ФЕЛЬТОНЪ.

ПЕСТРЫЯ ЗАМѢТКИ.

Дорожныя? мысли.—Чего ждать и чего надѣяться? — Новости чернильнаго міра.—Чудеса російской журналистики. — Искра и *милые дѣти*, достойныя награды.—Чѣмъ занята была публика?—Театръ въ Пассажѣ.—Три спектакля и мои послѣдныя о нихъ размышленія. — Почему я не радуюсь?—Утѣшительныя виды на будущее.— Литературныя вечера.—Публичныя лекціи въ думѣ.—Студентши и благородныя дилеттантки.—Закрытіе лекцій.—Канканная публика и ея удовольствія.—Маскарады, загородныя балы.—Моральныя и дилеттантскія умозаключенія. — Гуляющее время.—Балаганы. — Литературно-музыкальный вечеръ 2 марта.—Возсмѣртный экспромтъ г. Чернышевскаго.

18 февраля, на почтовомъ поѣздѣ, въ 8 часовъ утра, я возвратился снова въ Петербургъ, и долженъ сказать, что изъ моихъ дорожныхъ наблюденій надъ попадавшеюся мнѣ публикой (это дѣлается моею спеціальною) я вывелъ почти тѣ же результаты, которые имѣлъ честь изложить вамъ, въ моихъ ноябрьскихъ размышленіяхъ...

Гдѣ я только не былъ: и на сходкахъ, и на сѣздахъ, и на балахъ въ дворянскомъ собраніи, и въ трактирахъ, и на станціяхъ, и въ вагонахъ, наконецъ просто, среди чистаго поля, и нигдѣ духъ мой не питался другими впечатлѣніями, нигдѣ онъ не находилъ того, чего нѣтъ въ російской публикѣ...

Но, если бы вы знали, какъ популяренъ въ провинціи журналъ «Время», какъ знаменитъ «Сынъ», какъ осмѣяны «Вѣкъ»!.. Все совершенно также, какъ въ Петербургѣ. Вотъ это-то и способно возмутить всякаго любознательнаго наблюдателя!

Ну хоть бы одно самобытное слово, хоть бы одна живая реакция... Нѣтъ, не дождетесь!

А читають, много читають; даже мои фельетоны читають и ругають ихъ; но Боже мой, какъ безцвѣтно ругають!..

Но скажите однако, что у васъ новаго въ Петербургѣ происходитъ? Россійская гласность Богъ знаетъ какими исполнскими шагами ушла впередъ—и вамъ не становится страшно? Нѣтъ?.. А я такъ весь дрожу. Только носъ высунешь, только слово скажешь, и отъ васъ уже требуютъ вашего мнѣнія.

— Вы за Н. Ф. Павлова? Вы за Чичерина?.. Вы за День или противъ Дня?... Вы за Костомарова или опять за того же Чичерина?.. За Стасюлевича вы?—слышится со всѣхъ сторонъ, и нѣтъ вамъ спасенія, если вы ни за то, ни за другое, ни за третье.... И какъ приятно зрѣть, что въ этомъ общемъ перетираніи словъ, мнѣній, криковъ и фразъ, самые ярые органы нашей пресловутой гласности не достигли самаго дѣтскаго понятія о свободѣ мнѣнія.

Если вы не за Костомарова и не за Чичерина, такъ за кого же вы?.. Какъ вы смѣете отзываться неуважительно о *Николаѣ Иванычѣ*...

Помните читатель, въ ноябрьскихъ размышленіяхъ, я распространялся о нашемъ младенцествѣ. Какихъ же вамъ болѣ яркихъ фактовъ, подтверждающихъ мои любомудрыя изрѣченія?..

Милыя дѣти! Съ родительской любовью смотрю я на ваши дѣтскія забавы, и желалъ бы достойно наградить за первобытность и чистоту вашихъ стремленій.

Играють дѣти все въ новѣйшія, замысловатая игры, играють все въ гражданскія добродѣтели. И вотъ, изъ среды ихъ выскочилъ мальчикъ, и мигомъ всѣхъ заткнулъ за поясъ. Этотъ мальчикъ — дѣтописецъ прогресса, составитель знаменитый хроникъ!..

Его испугало неуваженіе къ прогрессу! Прогрессъ оскорбленъ! Младенческая грудь возмутилась, и полились грозныя рѣчи!..

Милое дитя, примѣрный мальчикъ? Какъ видно, что онъ воспользовался всѣми уроками, которые преподала ему наша необузданная публицистика! Все вѣдь *своими словами*.

При этомъ даже можно размечтаться и вообразить себѣ сцену, освѣщенную бенгальскимъ огнемъ. По срединѣ Искра—въ балетномъ костюмѣ (какъ она любитъ изображать себя), въ видѣ богини, награждающей земныя добродѣтели.

Къ ней подходятъ, поочередно, милые дѣти—все прогрессисты и впереди ихъ составитель знаменитой хроники. Она даетъ ему книжку съ картинками, гладитъ по головкѣ и приговариваетъ:

— Пайнька, пайнька; вотъ умникъ такъ умникъ. Отличил-ся! Дѣтямъ дѣтское и прилично, ты несмотри на *большихъ*. Большіе свое толкуютъ; а ты все за *чистую монету* принимай; не слушай что-будто это все въ шутку надъ прогрессами смѣются! Крачи, кричи! это полезно для дѣтскаго возраста и въ гигиеническомъ отношеніи!..

Хорошо бы предложить *сатирическому журналу съ карикатурами*, сочинить на эту тему балетъ, во вкусѣ того, который явился въ предпоследнемъ номерѣ, только позанять у кого-нибудь остроумія, хоть на этотъ разъ.

И какъ изумительно сочеталъ въ себѣ составитель хроники всѣ знаменательные признаки ребяческаго возраста!

Соберутся, напримѣръ, мальчики толковать о чемъ-нибудь: объ учителяхъ, о гувернерахъ, о родителяхъ, и первое слово, какое вы услышите, будетъ навѣрно: дуракъ; затѣмъ пойдутъ возгласы: глупо, глупость, глупый, и т. д. Вѣдь мальчики всегда помѣшаны на умы, и высшая обида для нихъ—обвиненіе въ глупости. Первый признакъ челоуѣка не вышедшаго еще изъ умственного младенчества есть неудержимое стремленіе обозвать кого-нибудь дуракомъ — и лѣзть изъ кожи, чтобъ попасть въ умные...

Милый составитель хроники поступаетъ и въ этомъ случаѣ сообразно своему возрасту, и тѣмъ доставляетъ мнѣ неизяснимое удовольствіе.

А потомъ:

Помните вы школьные разговоры и пренія объ какихъ-нибудь историческихъ личностяхъ?..

Тутъ и Наполеонъ, и Ганнибалъ, и Лютеръ, и Мирабо на сценѣ!.. Спорять, бранятся, и вдругъ кто цибудь порѣшитъ:

Да, господа, дуракъ этотъ Лютеръ! Нечего объ немъ толковать!.. Скотина!

Да, читатель, много чудесъ въ нашей журналистикѣ! . не перечсть ихъ мнѣ грѣшному... Станешь считать—такъ пожалуй въ умные впадешь, или вооружишься негодованіемъ, на подобіе Московскихъ вѣдомостей. Эга почтенная газета съ отвращеніемъ смотритъ на постыдные нравы, закравшіеся въ нашъ журнальный міръ.

Она убѣдительно доказываетъ, что нигдѣ на западѣ нѣтъ та-

кого скандальнаго заведенія—ругаться... И на англійскіе журналы ссылается...

Вотъ и я, пожалуй, проникнусь такимъ же духомъ, и начну взывать къ великимъ примѣрамъ, прибѣгну къ поученію посредствомъ устыженія...

А мнѣ этого, въ сущности, совсѣмъ не хочется... Я больше и больше убѣждаюсь, что всѣ эти крупныя и мелкія скандальчики, весь этотъ разнохарактерный трескъ, шумъ и гамъ и главное—свистъ, ультра-скептическое и балаганное обращеніе къ явленіямъ текущей жизни—все это, говорю, самыя нормальныя явленія нашего общества, *conditio sine qua non* нашего бытія...

И недаромъ Свистокъ такъ радуется, что его царство растетъ и вширь и вдаль, что число кусающихся, издѣвающихся, свистящихъ и шипящихъ борзописцевъ становится, со дня на день, все больше и больше...

Да, такъ должно быть... и огорчаться этимъ никакъ не слѣдуетъ...

Невинныя забавы молодости никогда не нужно холодить и убивать суровымъ менторствомъ...

Перейдемъ, однако, къ другимъ явленіямъ.

Читателю, конечно, уже извѣстно, что въ Петербургѣ образовался цѣлый міръ любителей, по преимуществу преисполненный актерскими претензіями... Мнѣ уже случалось выслушивать не одну жалобу *любительскихъ режиссеровъ*... Имъ приходится бороться съ непобѣдимыми трудностями, чтобъ спектакль обошелся безъ уязвленныхъ самолюбій, крупныхъ и мелкихъ капризовъ.

Видно, никакое *любительство* не просвѣтляетъ грѣшной натуры человѣка.

Я-бы, по пристрастію своему къ драматическому искусству, долженъ былъ радоваться развитію у насъ частныхъ спектаклей... А между тѣмъ, у меня нѣтъ этого радостнаго чувства... И происходитъ это оттого, что мало вижу я художественной правды въ игрѣ нашихъ лучшихъ любителей; а публика на этихъ спектакляхъ — очень немногимъ отличается отъ посѣтителей Александринки: тѣ же неосмысленныя рукоплесканія, тѣ же взрывы неумѣстнаго хохота, то же безразличіе и безвкусіе впечатлѣній...

Напримѣръ, какъ вамъ нравится эта выходка: Даютъ убійственный по своей избитости водевиль: *Блуда отъ нѣжнаго сердца*.

Влюбчивый юноша, герой водевиля, спрашиваетъ у молодой дѣвушки, въ которую онъ влюбленъ:

— «Такъ вы невинны? Онъ сопровождаетъ эту фразу комической гримасой; а публика, подражая нравамъ Александрики, раздражается хохотомъ, давая фразѣ—грязный оттѣнокъ...

Это происходило на спектаклѣ въ пользу бѣдныхъ, 28 января, въ залѣ Пассажа...

Согласитесь, что такимъ путемъ не разовьется чувство мѣры и изящества. Отъ такой публики нельзя ожидать, чтобъ она своимъ вліаніемъ воспитала таланты артистовъ-любителей...

Я посѣтилъ нѣсколько спектаклей, бывшихъ въ залѣ пассажа.

Маленькій, вновь отдѣланный театрикъ въ Пассажѣ—очень красивый театрикъ. Въ залѣ свѣтло такъ, какъ ни въ одномъ изъ нашихъ казенныхъ великолѣпныхъ театровъ... Жаль только, что на сценѣ темно; и вообще обстановка всѣхъ спектаклей, на которые я попалъ, была очень бѣдна.

Для любителей это непростительно. Чего же стоитъ обставить сцену такъ, чтобъ былъ маломальскій prestige, безъ котораго современное драматическое искусство не мыслимо...

Изъ лучшихъ спектаклей я выбираю три.

Первый данъ 16 января, въ пользу бѣдныхъ учащихся, и составъ его былъ довольно приличенъ; не было А. и Ф. и Картинки съ натурой...

Комедія Островскаго: *Въ чужомъ пиру похмелье* шла сносно; но съ большими невыдержками, тревожно и неловко, какъ это бываетъ на всѣхъ почти любительскихъ театрахъ. *Собакины*, *Капризница* и *Незнакомые знакомцы* разыграны были ровнѣе.

Весь этотъ спектакль состоялъ изъ любителей, образующихъ труппу, въ которой есть нѣсколько даровитыхъ исполнителей.

Андрей Титычъ въ *Чужомъ пиру*—былъ очень своеобразенъ, не прибѣгалъ къ банальнымъ quasi-купеческимъ замашкамъ, и очень часто вызывалъ смѣхъ неподдѣльнымъ юморомъ. Ему недостаетъ только энергіи, чувствуется еще нетвердость дикціи и необдуманность нѣкоторыхъ положеній...

Другая труппа любителей дала спектакль въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 29 января.

Публика не очень любовно отозвалась на этотъ спектакль. Кресла были пусты. Одни говорили, что причиной тому—высокія цѣны, другіе—обиліе спектаклей... Можетъ быть, и то и другое правда; но дѣло въ томъ, что *россійская* публика всегда на-

полняетъ Александринку, даже въ самые дорогіе бенефисы, когда первый рядъ бываетъ по 15 р. с. Отчего же бы ей не посѣтить залу пассажа, особенно когда идетъ новая, нигдѣ еще негранная пьеса?...

Отчего?.. этотъ вопросъ никогда у насъ не разрѣшается...

Надобно впрочемъ и то сказать, что спектакли литературнаго фонда могли-бы быть поблестящѣе. Тогда-бы у публики отнято было всякое оправданіе ея холодности; тогда бы ясно было, что ей больше нравятся представленія Александринки.

Суда списходительно, *Восмьтанница* разыграна была хорошо; но глубокой правды не было ни въ одномъ исполнителѣ. Уланбекова не похожа была на Уланбекову, Потапычъ былъ даже весьма плохъ, Неглигентовъ слишкомъ водевилецъ Василиса Перигримова больше брала внѣшностью...

Главная роль Нади исполнялась г-жою Арбениной. Въ ея игрѣ была правда. Средства у ней небольшія, но по размѣру залы ихъ довольно. Странно, что г-жа Арбенина почти никогда не играетъ на настоящей сценѣ. Ассортиментъ нашихъ женскихъ талантовъ совсѣмъ не такъ великъ, чтобы можно было, оставлять въ тѣни мало-мальски способную актрису; а врядъ ли роль Нади исполнила бы лучше любая изъ *первыхъ* актрисъ нашей сцены...

Живымъ лицомъ былъ Леонидъ; а сыграть его не легко, какъ разъ впадешь въ искусственность.

И. С. Кони, какъ и всегда, была на своемъ мѣстѣ. Она не разнообразить своей игры, но пародные типы ей удаются.

Заклучился этотъ спектакль неизбѣжнымъ водевилемъ: *Что имѣемъ не хранимъ—потерявши плачемъ*.

Хоть мы и безмѣрно наслаждались въ немъ талантливой игрой А. Т. Сабуровой; но развѣ нельзя было выбрать вещь посерьезнѣе, пользуясь участіемъ даровитой артистки? Павелъ Павлычъ Морковкинъ — очень кривлялся, и ни минуты не былъ смѣшонъ... Я не примѣтилъ ни одного истинно-комическаго движенія; а жестъ около двери былъ цѣликомъ выхваченъ изъ Мартыновской игры.

Литераторовъ было не много въ числѣ участвовавшихъ въ спектаклѣ. Всего-то два... это также некрасиво. Нельзя же предположить, что въ массѣ пишущаго люда не нашлось бы нѣсколькихъ человѣкъ съ сценическимъ талантомъ. Въ пишущей

братія предполагается и хорошее пониманіе ролей, и хорошее чтеніе.

Гораздо больше сочувствія показало военное сословіе: изъ семи актеровъ было четверо военныхъ.

Если бы я былъ оптимистъ, я бы распространился, по этому поводу, объ успѣхахъ просвѣщенія и началъ бы такъ:

Вспомните, что́ было десять лѣтъ тому назадъ, каковы были наши офицеры и проч.

Да къ этому надо еще прибавить, что офицеры гораздо больше стѣснены въ своихъ поступкахъ и въ выраженіи своихъ вкусовъ, желаній и симпатій, нежели *гражданскій* людъ.

Третья группа любителей, совершенно отличная отъ двухъ первыхъ, давала спектакль въ пользу бѣдныхъ, въ залѣ пасажа 28 января.

Замыслы этой труппы оказались посерьезнѣе. Она дала драму. и даже народную драму — *Чужое добро въ прокъ нейдетъ*, А. Потькина.

Нельзя сказать, однакожь, чтобъ драма вполне удалась. Герой драмы, ящикъ Михайло, былъ плохъ. Драматическаго въ его игрѣ не видѣлось рѣшительно ничего. Сцены гулянья, комическія положенія и фразы выходили порядочно; но вѣдь это еще очень мало въ такой роли, какъ Михайло.

Изъ остальныхъ лицъ только два были выполнены правдиво и талантливо: братъ Михаила Алексѣй дурачокъ и Михайлова жена Татьяна. Опять актриса Александринской сцены, игравшая подъ именемъ Акимовой!.. Она далеко не безъ таланта; а врядъ-ли кто изъ посѣтителей отечественнаго храма музъ знаетъ ее.

Я не могу назвать живымъ лицомъ старуху Маремьяну, хотя эта роль очень ловко исполнялась мужчиной. Это былъ *куштокъ*, а не серьезная игра...

Народная сцена гулянья въ тысячу разъ больше походила на настоящую жизнь, чѣмъ то, что изображается предъ нами на Александринскомъ. Тамъ вы видите какіе-то побывалые сарафаны, кринолины, модныя прически съ привѣшенными косами, какія-то невозможныя шапки на актергахъ. И, въ довершеніе всего, мертвенность, одервенѣлость какую-то, точно привели взводъ солдатъ, и заставили ихъ ходить по сценѣ учебнымъ карабинернымъ шагомъ.

А любители вели себя гораздо оживленнѣе. Хоръ крестьянъ

спѣлъ двѣ-три очень веселыя пѣсни; безъ варварскаго *окомьяль-мента* оркестромъ, безъ чего не обойдется никакое пѣніе на Александринской сценѣ... Крестьянки дѣйствительно были похожи на крестьянокъ, хороводъ водили бойко, хохотали и веселились, щолкали орѣхи, ѣли пряники; кринолиновъ не было видно, господствовала полная свобода народнаго костюма.

Словомъ, 2-я картина 2-го акта оказалась самымъ удачнымъ мѣстомъ во всей драмѣ.

Въ водевилѣ: *Взаимное обученіе*, любитель исполнившій роль Михаила былъ гораздо больше на своемъ мѣстѣ.

Спектакли въ Пассажѣ продолжались до поста. Миѣ довольно было и трехъ.

Не знаю надобли они публикѣ, или нѣтъ... Не извѣстны миѣ и суммы; собранныя различными труппами, въ пользу разныхъ лицъ и обществъ... Трудно, читатель, и говорить о подобныхъ представленіяхъ. Искусство тутъ смѣшивается съ благотворительностью.

Но, что бы ни заставили тебя испытать любители, вспомни, читатель, что они — зародышь *великаго будущаго*; почему знать, что они не проложатъ путь частной предприимчивости, которая одна въ состояніи развить наше драматическое искусство?

Не одними любительскими спектаклями угощалась публика: она угощалась также литературными вечерами. Много ихъ было дано до поста... Но такъ какъ милый малютка, составитель знаменитой хроникѣ, принялъ ихъ подъ свое особое покровительство, то я предоставляю ему воспѣть эти вечера.

Но даже отрѣшаясь отъ всякаго зубооскальства, трудно изрѣчь что-нибудь утѣшительное объ нашихъ литературныхъ чтеніяхъ.

Пора бы имъ поосвѣжиться, измѣнить, что-ли, форму, а главное—разнообразить программу... А то вѣдь я счетомъ три раза въ теченіе двухъ мѣсяцевъ слышалъ, напр., одини и тѣже отрывки изъ Мертваго дома.

А милая наша публика — какъ затвердить себѣ что-нибудь, такъ ужъ до тѣхъ поръ кричитъ одно и то же, пока не набьютъ оскомины.

Стоитъ напр. г. Никольскому носъ показать—она кричатъ ему, что есть силы: Скажите ей!... П такъ двѣ зимы сряду...

Точно то же происходитъ и на литературныхъ вечерахъ. Стоитъ г. Майкову показаться, публика сейчасъ закричитъ: Поля!.. какъ она двѣ зимы сряду кричала: Ниву!

Публика наша не измѣняетъ себѣ и на лекціяхъ, открытыхъ въ думѣ. Сквозь сдержанность и разумность проглядываютъ тѣ же инстинкты, тоже младенчество...

А хорошая вещь эти открытыя лекціи...

Не вдаваясь въ размышленія—каковъ долженъ быть идеалъ нашихъ университетовъ, я скажу только то, что открытыя лекціи очень хороши въ одномъ отношеніи. На нихъ таланты профессоровъ выступать въ ихъ настоящей сущности; уничтожаются ложные prestige, которыхъ такъ много было въ стѣнахъ университета. Популярность пріобрѣталась очень легко, и часто причиной ея бывали вовсе не профессорскія качества, а вещи постороннія.

•Но все-таки масса слушателей, наполняющихъ залы думы и Петропавловскаго училища, остается пассивной массой, способной принимать мишуру за дѣло.. Для нея все-таки наука понятна только по ея внѣшнимъ наружнымъ проявленіямъ.

Всего больше слушателей бываетъ у гг. Костомарова, Стасюлевича, Павлова, Утина, Кавелина, Спасовича и Лохвицкаго. Аудиторія г. Костомарова достигала до двухъ тысячъ.

Нельзя сказать, чтобъ г. Костомаровъ *популярничалъ*; нѣтъ, напротивъ, въ его лекціяхъ довольно атрибутовъ университетскаго преподаванія, онъ даже слишкомъ пестритъ свою лекцію цитатами, не довольствуется указаніемъ на мѣста лѣтописей и актовъ, читаетъ ихъ цѣлкомъ; но не знаю можно-ли согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ, кажется, печатно, будто лекціи г. Костомарова поражаютъ своей художественностью..

Это ужъ чистая напраслина. Повѣствовательной силы и образности не много въ лекціяхъ знаменитаго профессора,—онъ то и дѣло вдается въ такія подробности, которыя сами по себѣ хороши, но прежде всего вредятъ художественности лекціи.

Но такъ или иначе, аудиторія полна и довольна, а какъ она переработаетъ крупницы знанія—про то мы узнаемъ съ вами когда-нибудь, если будемъ безустанно слѣдить за развитіемъ русскаго общества.

Г. Стасюлевичъ читаетъ курсъ средней исторіи. Онъ говорить изящнымъ ученымъ слогомъ, — и лекціи его гладки и ровны—какъ скатерть... Прежде всего въ нихъ нравится языкъ, приправленный самыми модными историческими выраженіями...

Не знаю какъ нравится сущность лекцій.

Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, въ послѣдніе дни суще-

ствования петербургскаго университета, prestige лекцій г. Стасюлевича пропадалъ даже въ глазахъ самыхъ юныхъ посѣтителей университетскихъ аудиторій.

Но дамы, дамы, вѣроятно, поддержать его популярности!

Г. Павловъ читаетъ очень скромно «Вступленіе въ исторію цивилизаціи» и до-сихъ-поръ все еще медленно подвигается...

Г. Утинъ не отличается діалектикой; но содержаніе его лекцій, касающихся сущности англійскихъ учреждений, миритъ отчасти съ ихъ монотонностью.

У г. Спасовича больше таланта. У него нѣтъ дара слова, въ строгомъ смыслѣ, но у него есть сила, энергія въ чтеніи... Онъ способенъ одушевляться; но не чуждъ плеоназмовъ. Заинтересовывая массу публики уголовнымъ правомъ, г. Спасовичъ не популярничаетъ.

Г. Кавелинъ прочелъ нѣсколько лекцій о гражданскомъ правѣ не особенно глубоко и увлекательно; но толково и дѣльно. Онъ уѣхалъ за границу.

Г. Лохвицкій очень ловко и разнообразно читаетъ Энциклопедію законовѣднія... Изъ всѣхъ названныхъ мною профессоровъ онъ говоритъ самымъ простымъ, разговорнымъ языкомъ; входитъ на кафедру не принимаетъ на себя особаго тона.

Казалось, чего бы легче оставаться самимъ собой, не напускать на себя сухого тона, не брать искусственной, скучной дикціи; а на повѣрку выходитъ, что всѣ хромаютъ на эту ножку.

Мнѣ привелось на своемъ вѣку слышать чѣловѣкъ 60 профессоровъ, и, можетъ быть, у двоихъ-троихъ была полная простота на кафедрѣ...

Лекціи, названныхъ мною профессоровъ посѣщаются по преимуществу *публикой*; остальные—почти одними бывшими-студентами.

Эта публика очень оригинальна и наблюденіе надъ нею лишено поучительности.

Прежде всего васъ поражаетъ обиліе дамъ...

Вижу грозный ликъ составителя хроники, собирающагося погубить всякаго противника прогресса и женской эмансипаціи.

Милое дитя, говорю я ему. Пойдемъ въ залу думы, тамъ чело твое прояснится. Посмотри, какъ разцвѣлъ вертоградъ преусииванія... Начинай считать юныхъ и зрѣлыхъ слушательницъ... счетъ потеряешь...

Ты думаешь, что я надъ этимъ зубоскалю?.. ни мало. Я радуюсь отъ полноты души.

Дамы, посѣщающія публичныя лекціи раздѣляются на два разряда: *студентши* и не-студентшъ, или благородныхъ дилеттантокъ...

Студентшъ, конечно меньше, чѣмъ благородныхъ дилеттантокъ. Занимаются онѣ больше юридическими науками, и весьма сильны въ преніяхъ. На лекціяхъ, въ антрактахъ, ихъ всегда можно найти въ оживленной и довольно шумной бесѣдѣ... *все объ матеріяхъ важныхъ...*

Не сомнѣваюсь, что онѣ очень хорошо занимаются и преуспѣваютъ въ наукѣ; не позволю себѣ и того отсталого вопроса: *а зачѣмъ дескать, женщинамъ юридическія науки?* Я глубоко сознаю, что знаніе права безусловно необходимо для каждаго смертнаго къ какому-бы онъ *полу* ни принадлежалъ.

Меня забавляетъ только то *дѣтство*, какое замѣчается въ студентахъ женскаго пола (чтобъ не употреблять слова *студентша*). Онѣ, во что бы то ни стало, хотятъ заявить, что онѣ не такія женщины какъ прочія, а эмансипированныя женщины.

Отсюда истекаетъ, напр., оригинальничанье въ костюмѣ и прическѣ.

Ужъ *студентш* женскаго пола не будетъ вамъ носить ни косы, ни сѣтки; а непременно обстрижется по мужски, и шапку надѣнетъ, и какую-нибудь невозможную мантилью...

При мнѣ произошла такая сцена въ александровской залѣ Думы...

Стояла кучка молодыхъ людей у выхода.

Поодаль отъ нихъ, облокотясь о скамейку, помѣщалась какая-то *фигура*, именно *фигура*, потому что, говоря совершенно серьезно, нельзя было различить чтѣ это такое: мужчина или женщина, мальчикъ или дѣвочка.

Трудно даже описать внѣшность этой особы. Стриженная, почти подъ гребенку, голова, мужской (подозрительной бѣлизны) стоячій воротничокъ, грязная шея, затѣмъ какое-то коричневое одѣяніе, состоящее изъ кофты и узенькой юбки, и въ рукахъ мужская шапка.

— Это католическій ксенъзъ, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Нѣтъ, это аптекарскій ученикъ, — замѣтилъ другой.

Они подошли поближе къ *фигурѣ*, постояли и наконецъ у одного изъ юношей вырвалось:

— Если она женщина, такъ это цинизмъ—являться въ такомъ видѣ!..

Существо неизвѣстнаго рода, сошедши внизъ, надѣло салонъ.

Впрочемъ, можно привыкнуть къ особенностямъ студентовъ женскаго пола, какъ и по всему на свѣтѣ.

И стоитъ ли обращать вниманіе—скажетъ иной мудрецъ—на то, что онѣ по стульямъ ходятъ—кричать громко, одѣваются дико... была бы только сущность...

О! въ сущности я не смѣю сомнѣваться!.. Помилуйте, и то и дѣло слышу философскіе разговоры о *Бюхнерь*, о *Фейербахъ*.

Ужъ коли начинаютъ такъ *раціонально*, такъ нечего и бояться за результаты.

Второй разрядъ слушательницъ — благородныя дилеттантки представляютъ болѣе свѣжія и наивныя особенности.

Почти всѣ онѣ начали посѣщать лекціи только съ нынѣшняго года, когда эти лекціи сдѣлались такъ доступны; почему въ нихъ еще нѣтъ того ученаго закала; онѣ носятъ шляпки и въ большіе разговоры не вступаютъ. Самыя скромныя посѣщаютъ лекціи г. Фаминцына о физиологіи растений. Къ этимъ слушательницамъ особенно расположено мое скептическое сердце. Онѣ вѣрно любятъ цвѣты! А чтó можетъ быть лучше женщины съ любовью къ цвѣтамъ...

Вы видите, читатель, какіе у меня старинныя вкусы!..

Но масса дилеттантокъ наполняетъ каждый разъ аудиторію г. Костомарова. Ихъ бываетъ такъ много, что зала кажется наполненной однѣми дамами.

Нѣкоторыя изъ благородныхъ дилеттантокъ записываютъ.

Видѣлъ я очень милую пару, маменьку съ дочкой. Маменька шептала, въ ухо дочери, какія *слова* она должна записать, и тѣмъ очень путала дочку. Какую они послѣ того *составили* лекцію—извѣстно одному Господу Богу...

А Впрочемъ, всѣ слушаютъ очень внимательно; французскаго діалекта совсѣмъ почти не слышно; а это не маловажный фактъ, ибо много есть дамъ съ *лирейными* служителями. Стѣснять—тоже онѣ никого не стѣсняютъ... Нравы сдѣлались уже настолько просты, что ни одинъ юноша стула своего не уступитъ слушательницѣ, какова бы она ни была, мила или безобразна.

Это тоже не маловажный фактъ... Но въ антрактахъ и при выходѣ являются спеціалисты по части женскаго пола. Есть такіе юноши, которые знакомы со всѣми почти дилеттантками и

студеннами, перенархиваютъ отъ одной кучки къ другой, мѣняются лекціями, жмутъ руки, надѣваютъ салопы, и вообще ведутъ себя очень мило и галантерейно, хоть бы и не въ аудиторіи, а въ любомъ пріятномъ обществѣ.

Это доказываетъ ту истину, что наука не уничтожаетъ пріятности обращенія; а согласитесь, читатель — подобная истина весьма утѣшительна.

Кромѣ дамъ видно на лекціяхъ не мало мундировъ, попадаются и генеральскіе погоны. Фактъ утѣшительный.

Незнаю только сохранить ли вся эта публика неприличное обыкновеніе вламываться толпой въ аудиторію въ то время, какъ профессоръ еще не кончилъ лекціи.

Это удовольствіе достается обыкновенно на долю г. Лохвицкому, который читаетъ предъ г. Костомаровымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что излишняя популярность вредна.

Есть такіе ревнителы, что забираются за полтора часа, чтобъ достать себѣ мѣсто поближе къ кафедрѣ знаменитаго профессора.

Привычка неумѣренно кашлять, сморкаться, и чихать, столь обыкновенная въ публикѣ Александринскаго театра, замѣчается и на лекціяхъ.

Но какъ бы то ни было, фактъ все-таки тотъ, что эти чтенія привлекли массу мыслящаго общества. Средній петербургскій кругъ отозвался на нихъ съ большимъ рвеніемъ. Высшимъ кругомъ это рвеніе, конечно, не овладѣеть... У него есть свои интересы... да и можно ли являться на лекціи, когда ихъ читаютъ чуть не съ пѣтухами!..

Литература и наука—это мода *третьегодняя*.

Слышалъ я, впрочемъ, что, для поддержанія патріотическаго чувства, въ нѣкоторыхъ скучнѣйшихъ гостиныхъ читаютъ Минина и остаются довольны стихами и направленіемъ.

Въ то время какъ мы писали эти замѣтки, закрылись публичныя лекціи... Случилось это 8 марта. Не будемте подымать этой исторіи.

Хороша или дурна, перезрѣла или незрѣла та публика, которую мы видѣли на лекціяхъ,—но все таки она самая дѣльная, серьезная... и составляетъ меньшинство въ массѣ населенія города Петербурга...

Кто-то раздѣлилъ актеровъ русской сцены на *ковровыхъ*, *полушубковыхъ* и *кавказскихъ*. Это раздѣленіе можно прило-

жить и къ нашей публикѣ... и, самый обширный разрядъ, публика *канканная* вызвала въ послѣдніе два года цѣлый міръ *канканныхъ* удовольствій, которые запрудили публичную жизнь Сѣверной Пальмиры.

Канканъ проникъ повсюду, и только канканомъ и можно привлечь толпу...

Онъ процвѣталъ въ театральныхъ маскарадахъ, и шелъ все crescendo и crescendo, поощряемый и сверху и снизу... До шести тысячъ народа вмѣщала въ себя зала Большого театра, и около танцующихъ происходила постоянная давка.

Маскарадные нравы наши—очень грустные нравы; не съ моральной, а просто съ дилеттантской точки зрѣнія. Наши маскарады—это скучнѣйшая толкотня, гдѣ маски таятъ *промышленныя цѣли*, очень прозаическаго свойства: поддѣлать ногу—нибудь, поужинать на его счетъ и уѣхать съ нимъ...

Нѣмецкій языкъ и *швейное мастерство* преобладаютъ въ прекрасномъ полѣ, наполняющемъ петербургскіе маскарады...

Француженки пересыпаютъ эту массу, какъ блестящіе цвѣтки... и ихъ жаргонъ привлекаетъ къ себѣ вожделѣнія российской военной и гражданской молодежи.

Словомъ, маскарады — это такіе мѣста, куда бы мы съ вами не пошли, еслибъ всѣ дамы сняли маски...

Дамы высшаго круга ѣздятъ въ ложы, смотрятъ на мидые тапцы, и остаются очень довольны... внизъ, въ залу спускаются развѣ уже специалистки.

И можно-ли, удивляться, что изящество и остроуміе исчезло въ маскарадной толпѣ, наводненной швейнымъ мастерствомъ и нѣмецкимъ діалектомъ?

Всѣ посѣтители маскарадовъ знаютъ объ этомъ, и все-таки повторяютъ: что это у насъ за маски! ни одна двухъ словъ не умѣетъ сказать...

Но зато, въ употребленіи крѣпкихъ папитковъ дѣлаютъ большіе успѣхи..

Самые наивные и одушевленные маскарады — въ Шустеръ-клубѣ, съ неизбѣжными скандалами, съ трехрублевыми штрафами, съ истребленіемъ пива въ огромныхъ размѣрахъ.

Тамъ еще *просто* танцуютъ, всей массой, такъ-что большая зала не вмѣщаетъ всѣхъ танцующихъ... они толкуются вездѣ, гдѣ только можно...

Великосвѣтская молодежь ѣздитъ туда для *скандаловъ*...

Удивляюсь только, почему она не является съ тою же цѣлю въ театральные маскарады!.. Маски вездѣ однѣ и тѣже; это каждому прекрасно извѣстно... Даже въ дворянскомъ собраніи тотъ же наборъ *зимнихъ цвѣтговъ*; тѣ же *фрукты*, по выраженію одного маскараднаго остряка...

Но канканъ не достигаетъ еще своего апогея въ маскарадахъ; тутъ онъ только средство, приманка. Танцоры въ театральной залѣ—офиціальныя; они точно по обязанности ломаютъ передъ публикой... Есть другіе храмы канканнаго бѣснованія, гдѣ торжествуетъ *искусство для искусства*...

Въ теченіе всего зимняго сезона, ежедневно, на загородныхъ балахъ въ Екатерингофѣ, у Излера, въ Петровскомъ воксалѣ, въ Александровскомъ саду... происходилъ неистовый плясъ...

Тамъ тоже есть офиціальныя танцоры; но образовался уже цѣлый классъ благородныхъ любителей... Успѣхи канкана изумительны... Танцоры съ балетной легкостью дѣлаютъ ужасающіе па; поражаютъ чудесами эквилибристики и канканнаго воображенія.

Танцорки предаются такой разнузданности, за которую парижскій *sergent de ville* свелъ бы кой-куда милую проказницу...

И все это бѣснованіе текло бурнымъ потокомъ, и достигло на масляницѣ своей идеальной высоты.

Полетѣли тройки съ женскимъ поломъ, наполнились всѣ загородные вокзалы и рестораны; кадрили Штрауса—*Hommage à St. Pétersbourg*, вальсъ—*Il basio* и полька—*Folichons* переполнили воздухъ, и звукъ ихъ сдѣлался для меня невыносимымъ... *Иванъ Ивановичъ* задалъ пикникъ со всѣми удовольствіями за 3 рубля...

Мало этого... открылись публичныя балы въ центрѣ города.—Шошь я разъ ночью, и на углу Моховой и Пантелеймоновской увидѣлъ прозрачную вывѣску, на которой стояло:

Танцевальный вечеръ; начало въ 9 часовъ; цѣна 1 р.

Пусть веселятся! Это хорошій признакъ! Веселіе изгоняетъ *дурныя мысли*! Народъ, который веселится—кротокъ какъ агнецъ.

Я размышлялъ на эту тему, толкаясь около балагановъ на Адмиралтейской площади.

Балаганы—предметъ моей исключительной любви!.. Я люблю ихъ публику!... Меня восхищаетъ ея непосредственность! Я воображаю себѣ времена Шекспира!.. Я обошелъ всѣ балаганы... и меня веселила мысль, что я среди толпы, которая тѣшится въ

свое удовольствіе... Въ балаганѣ Симонсона я чуть не пришелъ въ совершенный восторгъ... Я увидалъ зародышъ народной сцены. Представляли осаду Карса... и солдатки ловко разыгрывали вомншественныя сцены... Будетъ время, говорилъ я себѣ, когда изъ балагана — воспрянетъ настоящій, народный театръ... Пора бы!... А то и народу то подносятся нѣмецкія понтомими съ неизбѣжнымъ *канканомъ*! Г-нъ Бергъ сочинилъ *суматоху съ турками и итальянцами*, и привлекалъ ею многочисленную публику, очень приличную, въ которой было гораздо больше взрослыхъ, чѣмъ дѣтей: дѣти и народъ имѣютъ у насъ одни забавы!...

Наступилъ постъ!... Предстоитъ безконечный рядъ концертовъ, живыхъ картинъ...

2 марта, въ залѣ Руадзе, былъ данъ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу литературнаго фонда. Этотъ вечеръ открылъ собою рядъ великопостныхъ удовольствій...

Зала была биткомъ набита... Не знаю—что привлекло публику: имя ли г. Чернышевскаго, или пѣніе Лагруа, или гг. Рубинштейнъ съ Вѣнявскимъ.

Я никогда не забуду этого вечера.

Публика, какъ и всегда, вела себя мило, безъ разбора хлопала и пѣнію, и игрѣ, и чтенію...

Но все это затмилось импровизаціею г. Чернышевскаго, подъ названіемъ: *Знакомство мое съ Добролюбовымъ*!...

Показался на эстрадѣ нашъ публицистъ... его привѣтствовали громкими рукоплесканіями.

Началъ!.. Съ первыхъ словъ я думалъ, что это никакъ не Чернышевскій, а Горбуновъ рассказываетъ сцену изъ служительскаго быта... Таковъ былъ тонъ говорившаго. Съ минуты на минуту мое изумленіе росло и росло.... наконецъ оно готово было разразиться смѣхомъ...

Подобнаго обращенія съ публикой, такой р-знузданности, такой безобразной безтактности мнѣ отъ роду не приводилось слышать!...

Г. Чернышевскій началъ съ того, что молодость ничего не значитъ и что Добролюбовъ, несмотря на свои 25 лѣтъ, былъ гений.

За тѣмъ послѣдовалъ рассказъ.

Я отказываюсь изобразить тонъ и *перлы* этого рассказа во всей ихъ непосредственности. Все это принадлежитъ къ обла-

сти *Искры*... и она—если только, по своей не совсѣмъ благо-родной натуршкѣ, не струсить—должна воспользоваться экспром-томъ г. Чернышевскаго.

Я говорю *экспромтъ*, потому-что г. Чернышевскій не чи-талъ, а рассказывалъ своими словами... Во-первыхъ, мы узна-ли, что онъ—г. Чернышевскій очень высокаго мнѣнія о своемъ умѣ...

— Ты, душа моя, знаешь, говорилъ г. Чернышевскій (вѣроятно женѣ своей), что я вѣдь очень высокаго мнѣнія о своемъ умѣ... а у меня былъ такой умный человѣкъ, какого я никогда не ви-далъ...

Этимъ опредѣлилась для публики степень ума Добролюбова.

Слѣдовало послѣ того защита его характера.

— Это ужасный былъ характеръ!—повторилъ пять-разъ г. Чер-нышевскій... Онъ всего три раза, на моихъ глазахъ, измѣнился въ лицѣ. Но публика собственно узнала только два примѣра. Въ одномъ рассказывалось, какъ г. Чернышевскій былъ съ Добролю-бовымъ въ *компаніи*, какъ у него (т. е. у Добролюбова) заболѣло плечо и какъ онъ, уходя, замѣтилъ г. Чернышевскому, что онъ въ такой компаніи оставаться не можетъ, ибо говорить все пу-стяки...

А во-второмъ примѣрѣ рассказывалось, что Добролюбовъ пи-салъ статью для свистка объ диспутѣ Костомарова съ Погоди-нымъ, а Чернышевскій пришолъ къ нему и попросилъ этой статьи не писать.

— Пожалуй, отвѣчалъ Добролюбовъ и поморщился.

Этимъ доказанъ былъ его ужасный характеръ.

Такимъ же путемъ произведена была и апологія его сердца.

Я ожидалъ, что г. Чернышевскій объявить намъ имена тѣхъ, которыхъ онъ въ первой книжкѣ «Современника» обозвалъ *по-шляками* и *глупцами*, или по-крайней-мѣрѣ угостить ихъ усно такими же крупными эпитетами; это какъ нельзя бы больше шло ко всему тону его экспромта.

Апологія сердечныхъ качествъ Добролюбова была такъ же бога-та аргументами, какъ и апологія характера. Ради раскрытія ихъ, г. Чернышевскій прочиталъ очень длинное и нисколько не за-нимательное письмо г. Добролюбова, въ которомъ рассказыва-лось похождение влюбливаго гимназиста,—и ничего больше.

Неужели г. Чернышевскій хотѣлъ доказать намъ этимъ пись-момъ теплоту и глубину души покойнаго публициста?

Каковъ бы ни былъ Добролюбовъ—герой или простой смертной, сильный или ничтожный характеръ дрянное или прекрасное сердце — я оскорбленъ былъ за его память... Такъ защищать друга можетъ только медвѣдь въ баснѣ Крылова.

— Забудьте, воскликнулъ съ неподражаемой интонаціей г. Чернышевскій,—въ письмѣ не означено фамиліи! Деликатность какаая!

Эта выходка была такъ нелѣпа, что многіе въ залѣ громко фыркнули. Не доставало одного, чтобъ г. Чернышевскій прибавилъ. Господа! Добролюбовъ сморкался всегда въ носовую платокъ! Какая тонкость въ обращеніи!..

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ.. Да полно тотъ-ли это Чернышевскій, котораго все-таки привыкли считать за умнаго человѣка?

Но мнѣ могутъ возразить, что не всякій же обладаетъ даромъ слова.

Спору нѣтъ!.. Но кто-же мѣшалъ г. Чернышевскому *ласкаться* свой разсказъ? кто ему давалъ право держать публику въ теченіе получаса, если не больше, и заставлять ее слушать безтолковое, безтактное разглагольствованіе, возмущающее своимъ банальнымъ тономъ?

Я не удивляюсь теперь ни какимъ выходкамъ яраго публициста... Если онъ станетъ ругаться самою площадною бранью, я сочту это совершенно нормальнымъ явленіемъ, вспоминая тонъ, манеру, выходки, которыми я наслаждался въ незабвенный вечеръ 2 марта 1862 года.

Все, что и какъ говорилъ г. Чернышевскій можно объяснить или *наивностью*, доходящею до идеала, или радикальнымъ отсутствіемъ воспитанія, или же непомернымъ самолюбіемъ, доходящимъ до одуренія.

Предоставляю рѣшить это вамъ, читатель, если вы тоже были на вечерѣ 2-го марта.

Есть вещи, непередаваемые перомъ! Чувство мѣры, такта, нравственнаго изящества оскорбляется оттѣнками неудовинными..

Но этихъ оттѣнковъ было такъ много, что я былъ подавленъ экспромтомъ знаменитаго публициста!

Я могъ только воскликнуть: Боже! неужели такъ можно говорить предъ аудиторіей въ тысячу человѣкъ?..

Кажется, кто-то замѣтилъ г. Чернышевскому, что пора ужъ кон-

чить!.. Не знаю кто был этот благодѣтель, но дольше терпѣть было нельзя.

И нашлись ревнители прогресса, которые разразились англо-дизентами, и силились подавить шиканье, раздавшееся съ разныхъ сторонъ.

Вотъ она—русская жизнь! Не вдвинешь ее ни въ какія рамки! Широка и самоцѣтна!..

А какъ подумаешь, что подъ этими неосмысленными увлеченіями кроются часто и другія цѣли, другія побужденія; какъ подумаешь, что въ наше время, никакой мудрости не хватитъ, чтобъ отличить спекуляцію и эксплуатацію публички отъ непосредственнаго порыва, какъ бы онъ ни былъ дикъ и нецѣль!..

Желалъ бы ошибиться во всемъ, что я сказалъ, желалъ бы отъ души, считать все, что я видѣлъ и слышалъ темнаго, неразумнаго и смѣшнаго, въ нашей общественной жизни, сномъ, призракотъ, а не суровой дѣйствительностью.

Но если въ моихъ замѣткахъ есть хоть доля правды, не забудьте читатель избитой поговорки:

Amicus Plato, sed magis amica—veritas!..

Шесмажусь.

Идеальный редакторъ. — Крупныя дарованія. — Критикъ. — Фельетонисты. — Заключительное слово къ читателю.

Читатель! благодарю тебя, ты понялъ меня: я получилъ отъ тебя столько лестныхъ привѣтствій, столько радушныхъ рукопожатій за то, что началъ передъ твоими очами приподнимать завѣсу съ того міра, который давно уже тебѣ начинаетъ казаться подозрительнымъ. О; благодушный другъ мой! я удовлетворю еще болѣе твоему благородному любопытству и нарисую передъ тобою еще болѣе подробную и вѣрную картину: вообрази себѣ идеальнаго редактора-издателя, который, предположимъ, къ намъ свалился въ Петербургъ съ неба и совершенно не знаетъ ни здѣшнихъ обычаевъ, ни здѣшнихъ литераторовъ, а между тѣмъ—замѣть, читатель—у него въ головѣ цѣлая, совершенно ясная, политическая система, способная благоустроить не только

такой маленькой клочокъ земли, какъ Россія, но даже всю земную планету,—свойство, за исключеніемъ почтеннаго издателя «Русскаго Вѣстника» не совсѣмъ свойственное русскимъ редакторомъ, которые въ отдѣлахъ этого рода пока еще факты рассказываютъ—такъ ничего; но какъ пошли плести и вутать отъ себя—выноси святыхъ вонъ! Кромѣ того, воображаемый мой редакторъ знаетъ всѣ науки,—качество, тоже довольно рѣдкое въ петербургскихъ редакторахъ, которые, если и опыты въ какихъ-нибудь ученіяхъ, такъ развѣ въ какихъ-нибудь коммерческихъ, хозяйственныхъ, такъ, на примѣръ, по части разведенія табаку, или выдѣлки сигаръ, или такихъ, которые учатъ: направо, налево, да и себѣ въ карманъ. Кромѣ того, редактору моему все ужъ ненужно было бѣгать къ какому-нибудь откупщику и почти-что въ ногахъ у него валяться, умоляя его, чтобы онъ, яко псамъ, кинулъ имъ малую-толку на поддержку ихъ благороднаго предпріятія и что-де въ такомъ случаѣ они его ругать не будутъ. Нѣтъ! Онъ, какъ добрый нашъ пріятель, графъ Кушелевъ, принесъ съ полнымъ самоотверженіемъ на литературный алтарь собственныя деньги и желалъ только не такъ распускаться, и поблагоразумнѣе ими распоряжаться. Бумага для изданія найдена превосходная; типографія со сноснымъ штрифомъ и съ наборщиками, которые имѣютъ привычку выправлять корректорскія поправки, тоже найдена; наконецъ найдена и такая книжная лавка, гдѣ сидѣльцы-мальчишки не будутъ воровать вашего изданія и продавать его потомъ за 10 копѣекъ экземпляръ на толкучкѣ;—словомъ, вся эта внѣшняя часть оказалась довольно еще сносною въ Петербургѣ, оставалось только дѣло за матеріаломъ: редактору знаменитый X... другъ и пріятель. Онъ ему пишетъ о статьѣ и съ первой же почтой получаетъ отвѣтъ: «Любезный другъ! какъ ни сильно мое желаніе удовлетворить твою просьбу, но вся наша литература приняла такой тонъ, что стало совѣстно называться литераторомъ, и невольно хочется становиться отъ всего этого вдаль». Редакторъ вздохнулъ и пишетъ къ У... Тотъ тоже незамедилъ отвѣчать: «Меня такъ хвалятъ и мнѣ такъ курятъ и наконецъ столько даютъ денегъ въ N. N. и P. P., что я по преимуществу рѣшился работать въ этихъ двухъ журналахъ. «Досадно», думаетъ редакторъ и пишетъ къ L... Черезъ мѣсяць отвѣтъ: «Ты знаешь, мой другъ любезный, что послѣ 15-ти лѣтъ моихъ литературныхъ трудовъ а почти нищій и службу теперь въ подлѣйшемъ уздиномъ городѣ, гдѣ не только не

нѣтъ свободной минуты висать, но даже, при моемъ болѣзненномъ состояніи, соснуть подолѣе.» Редактора начинаетъ покоробливаться. Онъ ѣдетъ къ М...

— М. П., Бога ради выручите, дайте статейку о чемъ мы тогда съ вами говорили.

— Не могу работать, — отвѣчаетъ тотъ, — я боленъ, разсгроенъ, меня преслѣдуетъ какой-то человекъ, который ходитъ у меня на дворѣ, идетъ за мною всюду, куда я иду...

«Что же это такое — думаетъ редакторъ, ѣдучи домой, — все что умно, даровито и честно или отходить въ сторону, или разорвано на кусочки, или, наконецъ, загнано, стерто, сдавлено жизнью. Дома онъ находитъ типографщика, — человека, который на петербургской литературѣ зубы съѣлъ.

— Вами въ ученый отдѣлъ прислана статья? спрашиваетъ тотъ его, называя статью.

— Да, — отвѣчалъ редакторъ.

— Боже мой! — восклицаетъ типографщикъ, — вы губите ваше изданіе.

— Какимъ образомъ? — восклицаетъ редакторъ, — моя статья самый послѣдній сокъ человѣческихъ знаній.

— Это правда, — отвѣчаетъ типографщикъ, — но публикѣ это не понравится. Вотъ, еслибы что-нибудь въ родѣ записокъ «Казановы», или «Вѣка Лудовика XIV» Дюма или, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь изъ произведеній Семеваго... Публика въ настоящее время попреимуществу желаетъ благородно-легкаго. — Редакторъ начинаетъ серьезно падать духомъ. Типографщикъ, между-тѣмъ, не спускаетъ съ него глазъ, исполненныхъ зѣвшею житейскою мудростью. Вдругъ докладываютъ: г. П.

— Кто это такой? — спѣшитъ спросить редакторъ.

— Это лучший критикъ зѣвшій, — отвѣчаетъ съ двусмысленной улыбкой типографщикъ.

— Но отчего жъ онъ такъ вдругъ идетъ ко мнѣ? .

— Онъ не любитъ оставаться пологу въ редакціяхъ... Типографщикъ не кончилъ, потому что П... вошелъ.

— Глубоко сочувствуя направленію вашего журнала, я пришелъ предложить вамъ свои услуги, — началъ онъ прямо.

— Очень радъ, — говоритъ редакторъ, дѣйствительно обрадованный пріобрѣтенію критика.

— Я собственно эстетикъ, — продолжалъ тотъ, — но всегда чув-

твую вѣяніе минуты, и потому, въ этой степени, признаю историческую критику.

«Хоть и не совсѣмъ понятно, но все-таки, кажется, тутъ есть что-то такое», думаетъ самъ-себѣ редакторъ.

— У меня теперь приготовлена довольно большая статья: «о демоническомъ началѣ въ стихотвореніяхъ Лермонтова.

Книгопродавецъ въ это время покачалъ только головой.

Редакторъ видимо поставленъ былъ въ недоумѣніе.

— Только у меня теперь къ вамъ одна просьба,—продолжалъ критикъ быстро и, какъ бы пользуясь минутою,—одолжите мнѣ двѣсти рубл... Вонъ у васъ и деньги на столѣ лежатъ.

Редакторъ окончательно растерялся, взялъ пачку и подалъ. Критикъ сейчасъ же всталъ, дружески съ нимъ раскланялся, гордо кивнулъ головой типографщику и вышелъ.

— Напрасно денегъ-то давали,—проговорилъ тотъ,—теперь статьи-то ужъ и не дожидайтесь.

— Но какъ-же, вѣдь, вы же говорили, что это лучший.

— Да, оно, пожалуй, что поумнѣй и пообразованнѣй другихъ, хотя тоже настоящаго-то нѣтъ ничего, а больше все налущенное на себя, а главное дѣло только и ладить что какъ-бы-нибудь и гдѣ-бы-нибудь денегъ сорвать, а когда не даютъ — торопится писать, и выходитъ чортъ-знаетъ, что.

Обезпокоенный редакторъ написалъ записку и послалъ съ нарочнымъ къ критику съ просьбою увѣдомить его, когда онъ можетъ получить отъ него статью. Посланный возвратился и донесъ, что критикъ сейчасъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Царево-Кокшайскъ и въ Петербургъ совершенно ужъ не воротится.

— Что-же это такое? — говорилъ редакторъ, глядя въ глаза типографщику.

— Ничего-съ! — отвѣчалъ тотъ,—если бы это сдѣлалъ чиновникъ противъ казны, его бы на каторгу послали, а у насъ это ничего, прощаютъ; и когда начнешь осуждать, такъ говорятъ: «вы, говорить, оттого такъ мелко честь понимаете, что новыхъ хорошихъ книгъ не читали». Въ какихъ это книгахъ оправдываютъ плутовство и мотовство—не знаю!

Редакторъ только грустно усмѣхнулся. Пришли изъ типографіи и принесли общественный и политическій обзоръ. Онъ самъ его писалъ.

— Вамъ надобно кого-нибудь изъ здѣшнихъ хроникѣровъ при-

искать; тѣ ужь привыкли, знаютъ! Я вамъ пришлю, — проговорилъ онъ, вставая.

— Сдѣлайте милость, — отвѣчалъ редакторъ, чувствовавшій, что его начинаютъ наконецъ оставдять послѣднія силы.

Съ того же вечера стали къ нему являться наши братья — фельетонисты. Дѣло началось съ невниѣйшаго: является молодой человѣкъ, довольно красивой наружности; сейчасъ же по всей комнатѣ запахло духами; булавочка на шарфѣ извивается модной змѣйкой, сапоги и шляпа—безукоризненнаго глянца, перчатки ловко надѣты, и гость ихъ неснимаетъ; красивые глаза держитъ по бѣльшей части потупленными, говорить скромно и негромко.

— Къ нынѣшней книжкѣ, вы, вѣроятно, уже не успѣете составить обзорѣнія?—спрашиваетъ его редакторъ.

— Нѣтъ-съ, могу, — отвѣчаетъ скромно молодой человѣкъ.

— Но книжка у меня должна выйти дня черезъ три.

— Я къ завтрашнему же дню все составлю и отправлю въ типографію... Листа на полтора, вы говорите?

— Но, Боже мой! какимъ же это образомъ, въ одну ночь полтора печатныхъ листа?

— Я скоро работаю!—отвѣчалъ попрежнему скромно молодой человѣкъ и началъ раскланиваться.

— Но взгляды... изходная точка? началъ было редакторъ.

— Я знаю взглядъ вашего журнала, пробормоталъ юноша— и отправился.

На другой день редактора изъ типографіи увѣдомили, что отъ хроникѣра оригиналь полученъ. Книжка вышла. Редакторъ пробѣгаетъ лѣтопись. Что за чортъ, точно попалъ на Невскій и все ходишь между старыми знакомыми: не только мысли, но даже фразы, слова онъ гдѣ-то слышалъ! Велитъ принести себѣ оригиналь—и въ ужасъ пришолъ: во всемъ въ немъ было не больше двадцати писанныхъ строчекъ, остальное все вырѣзано и склеено изъ другихъ журналовъ, у которыхъ тоже, вѣроятно, откуда-нибудь вырѣзано и переведено.

— Что же это такое, развѣ такъ можно!—говоритъ онъ, когда къ нему явился авторъ: развѣ у васъ у самихъ нѣтъ на два гроша мыслей?

— Помилуйте, — отвѣчалъ тотъ нисколько, не сконфузившись, здѣсь это вообще принято: у насъ цѣлый журналъ «Сынъ Оте-

чества» издается изъ вырѣзокъ и имѣеть 20 тысячъ подписчиковъ.

— Подите вы съ вашимъ Сыномъ Отечества! восклицаетъ въ бѣшенствѣ редакторъ. Если у васъ въ слѣдующемъ фельетонѣ будетъ строка печатная, я не буду принимать вашихъ работъ.

— Хорошо-съ! — отвѣчалъ покорно фельетонистъ и въ слѣдующей книжкѣ дѣйствительно доставилъ писанный оригиналъ. Читаетъ редакторъ—опять что-то знакомое. Начинаетъ онъ рыться въ старыхъ журналахъ—и въ двухъ изъ нихъ нашолъ слово въ слово то, что ему представлено за вновь сочиненное. Да что же это такое, что это за господинъ? думаетъ редакторъ. Сотрудникъ начинаетъ ужь его интересовать со стороны психологической. Приглашаетъ онъ его къ себѣ, вѣжливо возвращаетъ ему трудъ его и начинаетъ съ нимъ бесѣдовать. Оказывается, что въ сердцѣ и въ головѣ молодого человѣка ничего нѣтъ, — такъ-таки совсѣмъ пустышка... Ему въ жизни только и хочется, что деньжонокъ, а деньжонокъ — затѣмъ, чтобы шить себѣ брюки и покупать лакированные сапоги.

Дня черезъ два редактору представленъ былъ новый фельетонистъ—изъ лица мрачный и даже плохо причесанный; сюртукъ и сапоги у этого оказались весьма растрепаннаго свойства; говорилъ мало и при этомъ для какой-то цѣли закрывалъ постоянно ротъ рукою.

— Это, должно быть, человѣкъ солидный!—подумалъ редакторъ.

Къ назначенному времени фельетонистъ, однако, не доставилъ своей работы. Посылали за ней на другой день, на третій. Черезъ недѣлю наконецъ приносятъ. Читаетъ редакторъ. Тупо, вяло, но по крайней мѣрѣ, кажется, нѣтъ перепечатокъ. Отправилъ въ типографію. Вышла книжка. Вдругъ посыпались письма: «м. г. въ журналѣ вашемъ написано, что 4 февраля состоялъ мой концертъ и что я потерпѣлъ фіаско; но я не только не терпѣлъ фіаско, но даже концерта моего не было. Прошу, чтобы снять съ меня это оскорбленіе, напечатать въ вашемъ же журналѣ о подобной лжи.» Другое письмо: въ «фельетонѣ вашего журнала напечатанъ ругательный отзывъ о моей акварели. Если вы, г. редакторъ, честный человѣкъ, то зайдите къ NN и взгляните на мою картину. Идетъ редакторъ; видитъ акварель—предестъ.

Въ бѣшенствѣ онъ идетъ къ типографшику.

— Какого это мнѣ человѣка вы рекомендовали, онъ лгунъ и вѣроятно, умышленный.

Типографщикъ только усмѣхнулся.

— Нѣтъ, неумышленный! Съ нимъ это часто бываетъ... Купилъ, вѣроятно, недѣлю-то, ну а потомъ и пишеть гдѣ что въ трактирѣ услышитъ, да еще часто ме то въ дурманѣ-то и пойметъ что говорятъ. Вотъ не желаете ли взять этого господина: весело, говорить, пописываетъ; — прамзнесъ типографщикъ и подалъ редактору одну газетку.

Редакторъ начинаетъ читать:

«Въ городѣ Минскѣ, (какое вкусное имя!) жила Анна Ивановна (ухъ, какая толстая!) дочь ея Марья съ кривымъ глазомъ (какая милая!)

— Только въ этомъ все и веселье?—спросилъ редакторъ.

— Только въ этомъ!—отвѣчалъ ядовитого типографщикъ.

— О, Боже мой, Боже мой! ненадобно мнѣ эгихъ шелкоперовъ. Дайте мнѣ просто бойкаго, практическаго человѣка, который бы бѣгалъ и на биржу, зналъ бы цѣны и въ лавкахъ, зналъ бы что и какъ дѣлають петербургскіе адвокаты.

Типографщикъ почесалъ голову; однако обѣщаль и черезъ недѣлю дѣйствительно прискаль; но только этотъ фельетонистъ къ редактору не пошолъ, говоря, что незачѣмъ, но оригиналь въ срокъ прислалъ. Написамо толково. Проходить мѣсяца два: вдругъ приходитъ типографщикъ:

— Вашего фельетониста вамъ нельзя держать, —сказалъ онъ.

— А что? — спрашиваетъ редакторъ уже съ испугомъ.

— Помилуйте, ходить по лавкамъ и дѣлать поборы: если говоритъ дадите, такъ похваляю, а нѣтъ — такъ разругаю.

— Что жь мнѣ дѣлать! восклицаетъ редакторъ, почти уже въ отчаяніи.

— Просится тутъ одинъ, — отвѣчалъ типографщикъ, — говорить, что онъ и практическій, и честный человѣкъ.

— Самъ про себя говорить?

— Самъ!.. Просился—было по питейнымъ акцизамъ въ службу, да не принимаютъ; очень много рекомендацій требуютъ и говорятъ: «вы служили по прежнимъ откупамъ и тамъ васъ удалили; что же вы послѣ этого за соколъ? И потому, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ хочеть теперь заняться литературой; — сначала, говорить, поработаю въ чужихъ журналахъ, а потомъ, можетъ быть, наскочу на какого-нибудь вислоухаго издателя и въ редакторы выбьюсь.

Говоря это, типографщикъ съ какимъ-то дьявольскимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на редактора.

— Неужели же у васъ всегда такъ въ Петербургѣ было — спросилъ тотъ, не зная что и подумать.

— Въ массѣ по большей части; впрочемъ такъ плохо, какъ нынче стало, никогда еще не бывало.

Читатель! я вижу, что тебѣ и стыдно за самого себя отъ мысли, что съ подобными господами ты каждодневно, каждонедѣльно бесѣдуешь. Я знаю, ты давно уже обвиняешь русскую литературу, говоря что она Богъ знаетъ до чего дошла, не давъ себѣ труда подумать: литература-ли это! И не самъ-ли ты тутъ виноватъ? Жадный до всякаго скандала, ты самъ ихъ ободряешь своимъ вниманіемъ, позволяешь забавлять себя ихъ тупымъ и неумнымъ смѣхомъ, опредѣлять степень таланта и благородное направленіе даровитыхъ людей. Отрезвись самъ, и только-что еще въ воздухѣ почувствуется твое презрѣніе, какъ сейчасъ же сложатъ лапки всѣ эти нахалы-публицисты, идиоты-юмористы, и сороки-фельетонисты. Обличить подобныхъ обличителей — Никита Безрыловъ счелъ для себя нравственнымъ долгомъ.

Р. С. Какъ меня послѣ этаго ругать будутъ, ты можешь себѣ вообразить читатель; что я еще на этомъ неостановлюсь и когда нибудь въ продолженіи года займусь соколами и выше этой тли летающими.

НИКИТА БЕЗРЫЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

Продающіяся въ книжномъ магазинѣ В. П. ПЕЧАТКИНА,
въ С.-Петербургѣ.

ХРИСТИАНСКІЕ МУЧЕНИКИ, пострадавшіе на Востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками, съ новогреческаго языка перевелъ сьщцонникъ Нетръ Соколовъ. Спб., 1862 г., Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 65 к.

СОЧИНЕНІЯ В. ВЪЛИНСКАГО, томъ 12-й (последній) съ портретомъ автора и его факсимиле, изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М. 1862 г., Ц. 1 р. съ перес. 1 65 к., то же т. 1—11-й включительно Ц. по 1 р., съ перес. по 1 р. 35 к.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ къ сочиненіямъ Вѣлинскаго, пособіе при изученіи теоріи и исторіи словесности, составилъ преподаватель словесности К. П. Спб., 1861 г., Ц. 30 к. съ перес. 65 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ, сочиненій Н. В. Гоголя. Изданіе его наследниковъ. Четыре тома М. 1862 г., Ц. 6 р. съ перес. 8 р. первыя два тома выдаются а на остальные билеты.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Некрасова изданіе второе съ изданія 1856 г., съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. Спб. 1861 г., Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 25 к.

АЛКООЛОМЕТРІЯ, руководство къ опредѣленію крѣпости и цѣнности спирта и вина, составилъ, на основаніи постановленій о винокурении, для винокуренныхъ заводчиковъ, виноторговцевъ, акцизныхъ чиновниковъ и проч. Ф. Илшъ. Спб., 1862 г., Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 80 к.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ, о сельскомъ хозяйствѣ А Совѣтова. Спб., 1862 г., Ц. 50 к., съ перес. 80 к.

ПРАКТИКА, сельскаго хозяйства для начинающихъ, Николая Александрова. Книжка первая: луговоеводство, лѣсоводство, хлѣбопашество, производство работъ и скотоводство, М. 1862 г., Ц. 75 к. съ перес. 1 руб.

ГРѢША, разсказъ изъ раскольничьяго быта. Спб., 1861 г., Ц. 40 коп. съ перес. 70 к.

ПОВѢСТЬ о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мераскомъ велии, еже есть табацѣ. Спб., 1861 г., Ц. 40 к. съ перес. 70 к.

ОЧЕРКЪ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, составилъ Н. Костомаровъ. Спб., 1862 г., Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 руб.

ПѢСНИ ВЪВРАНЖЕ, переводы В. Курочкина, изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб., 1862 г., Ц. 75 к. съ перес. 1 р.

ОТГОЛОСКИ СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗІИ, изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М. 1861 г., Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЦЕНЫ изъ народнаго быта, И. Горбунова. Спб., 1861 г., Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 30 к.

ХРИСТИАНСКІЯ НАЧАЛА семейной жизни. Соч. Тирша М. 1861 г., Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 30 к.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ русской оперы съ самаго ея начала, по 1862 годъ, В. Маркова. Спб. 1862 г., Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ въ промышленномъ и минералогическомъ отношеніи, А Ушакова, многими политипажами въ текстъ. Спб., 1862 г., Ц. 90 к. съ перес. 1 р. 10 к.

ОСЯЗАТЕЛЬНАЯ АРИΘМЕТИКА, руководство для обученія дѣтей съ 4-хъ лѣтнаго возраста, незнакомыхъ съ чтеніемъ и письмомъ, по методу Х. Боттера. Спб., 1861 г., Ц. 75 к. съ перес. 1 р.

МАКБЕТЪ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира, переводъ съ англійскаго О. Н. Устрялова. Спб., 1862 г., Ц. 1. р. съ перес. 1 р. 50 коп.

УНИЖЕННЫЕ и ОСКОРБЛЕННЫЕ, романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ О. М. Достоевскаго, исправленное изданіе. Спб., 1861 г., Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 75 к.

РАЗСКАЗЫ Н. В. Успенскаго. Спб., 1861 г., Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 руб.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ, романъ въ двухъ частяхъ, Ивана Гончарова, изданіе третье. Спб., 1862 г., Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ОБЛОМОВЪ, романъ въ четырехъ частяхъ Ивана Гончарова, изданіе второе. Спб., 1862 г., Ц. 3 р. съ перес. 4 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ сочиненій Константина Сергѣевича Аксакова, томъ 1-й, изданный подъ редакціей И. С. Аксакова. М. 1861 г., Ц. 2 р. 50 к.; съ перес. 3 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ сочиненій Алексѣя Степановича Хомякова. Томъ 1-й, изданный подъ редакціей И. С. Аксакова. М. 1861 г., Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 50 к.

УЧЕВНЫЙ АТЛАСЪ, содержащій гимназическій курсъ А. Юрдави, учителя географіи въ С.-Петербургской Ларинской гимназій, 3-е изданіе Спб., 1862 г., Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 60 к.

НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРІЯ, первый отдѣлъ, содержащій способы изображенія: точекъ, прямыхъ и кривыхъ линий, плоскостей, и рѣшенія вопросовъ къ нимъ относящихся, составлялъ Николай Будкій. Спб., 1862 г., Ц. 60 к., съ перес. 90 к.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ въ картинахъ фотолитографированныхъ съ рисунковъ Ю. Шнора, Спб., 1861 г., Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 60 к.

О ЛЕГЧАЙШЕМЪ способѣ измѣренія земель, изданіе (третье) земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб., 1861 г., Ц. 10 к., съ перес. 40 к.

ФАВОРИТКА Людовика XIII, историческій романъ К. Сентина, двѣ части, переводъ Н. Р. Щиглева. Спб., 1862 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 коп.

СОБРАНІЕ ПОСЛОВИЦЪ и ПОГОВОРОКЪ русскаго народа, украшенное 25 рисунками. Спб., 1862 г., Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ЛАВИНІЯ.

РОМАНЪ РУФИНИ

(АВТОРА ЛОРЕНЦО БЕНОНИ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 2, 1862 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Балъ у князя Торлоніа.

Паоло рано явился на балъ. Люди застѣнчивые всегда изъ первыхъ являются во всѣ собранія, потому-что чувствуютъ непреодолимое отвращеніе входить въ многочисленное общество подъ перекрестнымъ огнемъ обращенныхъ на нихъ взглядовъ. И такъ ничего нѣтъ удивительнаго, если Паоло былъ въ числѣ самыхъ первыхъ гостей князя Торлоніа. Онъ имѣлъ слишкомъ артистическую натуру для того, чтобы не быть пріятно пораженнымъ совершенно для него новымъ и волшебнымъ видомъ длинной анфилады пріемныхъ комнатъ, ихъ благородными размѣрами, богатствомъ и разнообразіемъ ихъ убранства, потоками свѣта, лившимися изъ венеціанскихъ люстръ самой изящной работы, множествомъ цвѣтовъ и экзотическихъ растений разставленныхъ повсюду, и фонтановъ, которыхъ струи разсыпались жемчужнымъ дождемъ, среди этихъ искусственныхъ роуцъ и цвѣтниковъ. Душа его была охвачена восторгомъ при звукахъ очаровательной музыки, въ это время напрасно сзывавшей отсутствовавшихъ танцоровъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ причинъ, онъ почувствовалъ какое-то неопредѣленное и ничѣмъ не гарушаемое наслажденіе.

Это пріятное состояніе продолжалось, впрочемъ, недолго. Зрѣлище далеко не въ его вкусѣ, неизбежно бросавшееся въ глаза въ каждомъ большомъ обществѣ въ Римѣ, какъ то: иностранные мундиры, политическіе противники, политическіе ренегаты, люди, накануне бывшіе Брутами и не дальше какъ на слѣдующій же день, превратившіеся въ пошлыхъ куртизановъ абсолютизма,—зрѣлище это измѣнило настроеніе его духа и возбудило въ немъ жолчь... «Впрочемъ—говорясь онъ, съ подавленнымъ вздохомъ, себѣ въ утѣшеніе,—я нахожусь здѣсь не для собственнаго удовольствія, а для нея...» И не зная что дѣлать, онъ вмѣшался въ густую толпу лицъ, стоявшихъ двумя сплошными, рядами въ главной залѣ входа.

Нарядная толпа, въ которой онъ находился, состояла почти исклю-

чительно изъ молодыхъ людей, большинство которыхъ были, по-видимому, иностранцы, — по-крайней-мѣрѣ они говорили не по-итальянски, а по-французски или по-английски. Молодому римлянину любопытно было знать. — какую важную-особу ожидали съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Вдругъ водворилось глубокое молчаніе и послѣдовало всеобщее волненіе; находившіеся впереди подвинулись находившіеся въ заднихъ рядахъ поднялись на кончикахъ пальцевъ и вытянули шею, а близорукіе — нельзя себѣ представить, какъ было велико число близорукихъ — вставили стеклышко въ глазъ. Тогда поочередно начали входить: сперва дама предстательной наружности, имѣвшая съ обѣихъ сторонъ очаровательныхъ молодыхъ дѣвушекъ потомъ дама очень тучная, уже извѣстныхъ лѣтъ; потомъ старая, поблѣкшая дама, за которой слѣдовали двѣ другія свѣженькія дѣвушки; потомъ двѣ дамы среднихъ лѣтъ замыкали шествіе. Всѣ эти дамы молодые, пожилыя и старухи, выказывали свои естественныя прелести гораздо болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало по наивнымъ, допотопнымъ понятіямъ Паоло. Молодой человекъ понялъ какого рода магнитъ привлекалъ эту живую стѣну ко входу въ домъ, когда услышалъ комментаріи, къ которымъ подавала поводъ каждая вновь появлявшаяся личность. Эти комментаріи были довольно-дурного свойства когда имѣли цѣлью насмѣшку и еще, хуже когда дѣло шло о похвалѣ. Онѣ заставили Паоло покраснѣть до ушей. Онъ поспѣшно ушелъ отсюда, усѣлся въ уголѣ, и, на свободѣ, предался своимъ размышленіямъ.

Мало-по-малу залы начали наполняться; двойная толпа людей, двигавшаяся въ противоположныхъ направленіяхъ, сгущалась, и повторявшіеся звуки оркестра, вмѣстѣ съ шумомъ танцевъ, доносиавшіеся издали, показывали, что балъ дѣйствительно уже начался. Паоло все еще былъ погруженъ въ свои мысли. Легкое прикосновеніе вѣтра вызвало его изъ летаргическаго состоянія и, обернувшись, онъ увидѣлъ предъ собой миссъ Джонсъ. Она была прекраснѣе, ослѣбительнѣе чѣмъ когда-либо; плечи и руки ея были открыты.

— Не правда, ли что я очень добра? я пришла пробудить васъ отъ мрачныхъ размышленій. О чемъ вы задумались?

— Ни о чемъ такомъ что бы вамъ интересно было знать, — сказалъ Паоло, обмѣнявшись поклономъ съ мистрисъ Джонсъ.

— Напротивъ, я очень интересуюсь, прибавила прекрасная очаровательница, — я настаиваю.

— Я думалъ, — возразилъ Паоло, — о прекрасномъ лунномъ свѣтѣ въ сегодняшнюю ночь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? А развѣ сегодня лунная ночь?

— Навѣрное можно сказать, что вы этого не замѣтили, — сказалъ Паоло.

— Признаюсь, что нѣтъ.

— Развѣ мысль о балѣ не заставляетъ забывать обо всемъ остальномъ? продолжалъ мизантропъ.

— Ну, разгоните ваше дурное расположеніе духа! — возразила молодая дѣвушка, — не будьте такимъ надутымъ.

— Надутымъ? на балѣ? Кто говоритъ объ этомъ? Я не такой су-

сбродъ,—возразилъ Паоло,—напротивъ, я хочу употребить въ дѣло самыя любезныя свои улыбки и отправлюсь даже засвидѣтельствовать мое низжайшее почтеніе ихъ эминенціямъ; я гдѣ-то видѣлъ ихъ цѣлую троицу.

— Что за шутки! Идите и присоединитесь къ намъ поскорѣе. Сгустившаяся толпа, задержавшая миссъ Джонсъ около Паоло, теперь разсѣялась, и прекрасная англичанка прошла съ тѣткою въ слѣдующую залу.

Миссъ Джонсъ, подошедшая такимъ образомъ къ молодому Манчини, увлеклась чувствомъ врожденной доброты, вслѣдствіе чего, разумѣется, должна была оправдываться передъ мистеромъ Джонсомъ. Это доброе движеніе дѣлало ей честь, хотя, говоря откровенно, ей только стоило протянуть свою прекрасную руку для того, чтобы прикоснуться вѣеромъ къ молодому человѣку, стоило прислониться къ спинкѣ кресла стоявшаго между ними, чтобы обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами. Она была ему благодарна за его присутствіе, за его палевыя перчатки и за его парадный костюмъ. Онъ же съ своей стороны былъ далекъ отъ того, чтобы остаться нечувствительнымъ къ любезности и красотѣ Лавиніи; и, вѣроятно, онъ далъ бы замѣтить какъ цѣнить то и другое, если бы у него не было особеннаго рода причудъ, въ принадлежѣ которыхъ онъ терялъ способность къ болѣе нѣжнымъ чувствамъ.

Миссъ Лавинія была разумѣется, въ полномъ бальномъ туалетѣ. Всякому извѣстно, что это значить; а Паоло—мы краснѣемъ за него—имѣлъ особеннаго рода предрасудокъ въ отношеніи открытыхъ платьевъ, и, въ случаѣ нужды, подтверждалъ основательность своего мнѣнія безчисленнымъ множествомъ самыхъ жалкихъ аргументовъ. Это-то и служитъ намъ ключомъ къ разгадкѣ всѣхъ отговорокъ и увертокъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ чтобы не писать портрета молодой дѣвушки въ костюмѣ извѣстнаго рода, избранномъ ею, такъ же какъ и страннаго натянутаго обращенія въ тотъ день когда онъ присутствовалъ на знаменитомъ обѣдѣ Джонсовъ. Просимъ читателя не терять изъ виду, что мы описываемъ чувства молодого дикаря. Паоло рѣшительно ничего не зналъ о свѣтѣ и его условіяхъ; онъ никогда не бывалъ въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ и не зналъ, что чѣмъ выше ступень общественной лѣстницы, тѣмъ обширнѣе размѣръ этого рода выставки. Закрывать свои плечи! Это очень хорошо для простолюдиновъ, для жонъ и дочерей ремесленниковъ. Это невѣданіе, въ которомъ находился Паоло, и большое расположеніе къ ревности — вотъ единственныя данныя, которыя мы заявляемъ въ оправданіе нелѣпыхъ понятій нашего героя.

Духъ Паоло былъ, по выраженію Шекспира, возмущенъ подобно водамъ сильно волнующагося источника, и самъ онъ не видѣлъ дна его. Онъ чувствовалъ себя совершенно внѣ своей сферы; и если-бы миссъ Джонсъ не выразила желанія, чтобы онъ самъ показалъ ей, свои фрески, то можно было бы поставить десять противъ одного что онъ отправился бы домой. Онъ пошелъ бродить, отыскивая свою

прекрасную мучительницу и наконец увидѣлъ ее въ залѣ, превращенной въ рошу и причудливо освѣщенной цвѣтными стеклянными фонариками, висѣвшими на вѣткахъ деревьевъ. Въ залѣ этой, набитой биткомъ, жара была нестерпимая. Миссъ Джонсъ танцевала кадрили, и Паоло, принужденный оставаться назадъ, только видѣлъ нѣкоторую часть ея фигуры, насколько позволяла толпа, плотной стѣною стоявшая между живописцемъ и Лавинією. Не было никакого сомнѣнія, что тутъ Лавинія находилась совершенно въ своей сферѣ: ея веселая и довольная улыбка, блескъ глазъ и сіявшее личико — все выражало полное и безпредѣльное удовольствіе. Кавалеръ ея, худенькій, бѣлокурый молодой человекъ, съ орденомъ на груди, не престававъ какъ во время танцевъ, такъ и въ промежуткахъ, вестись нею самой оживленный разговоръ, который, повидимому, былъ выслушивается съ удовольствіемъ. По временамъ нѣкоторыя изъ его замѣчаній производили припадокъ полуподавленного смѣха, какъ будто молодой дѣвушкѣ нравились эти шутки и остроуты. Что-же касалось до Паоло, то онѣ были ему сильно не по-душѣ.

Дама, бывшая вивави миссъ Джонсъ, очевидно раздѣляла съ Лавинією скипетръ царицы бала и почести, оказываемыя публикой ея красотѣ. Но это соперничество, не возбуждало между ними никакихъ неприязненныхъ чувствъ; оно, повидимому, образовало въ обоихъ лагерьяхъ взаимное расположеніе и влекло обѣихъ красавицъ одну къ другой. Каждый разъ, когда фигуры кадрили заставляли ихъ встрѣчаться и подавать другъ другу руки, онѣ обмѣнивались улыбками, дѣлали знаки головою и шептались самымъ граціознымъ образомъ, что производило весьма большой эффектъ.

Наружность этой второй дамы была въ высшей степени замѣчательна. Красота ея — она была вполнѣ красавица — имѣла характеръ столь странный и отличный отъ европейскаго типа, что нуженъ былъ опытный глазъ знатока, чтобы открыть, и даже нѣкоторое усиліе, чтобы признать ее. Но когда первый шагъ былъ сдѣланъ, она производила на васъ какое то магнитическое обаяніе. Она была мала и полна, но гармонически пропорціональна; волосы она имѣла черные какъ крыло ворона; необыкновенно роскошные глаза ея, черные какъ гагаты, съ желтыми радіусами, свѣтились какимъ-то эстетическимъ блескомъ, свойственнымъ глазамъ кошки; носикъ, немного вздернутый вверхъ, открывалъ розовыя ноздри болѣе, чѣмъ того могъ-бы желать взыскательный наблюдатель; ротъ былъ немного великъ, но имѣлъ хорошую форму и кромѣ того очаровательными ялочками съ обѣихъ сторонъ, а при каждой улыбкѣ видѣлся рядъ прекрасныхъ зубовъ поразительной бѣлизны. На ней надѣто было желтое платье, отдѣланное черными кружевными воланами; на корсажѣ ея блистали изумруды; восточные жемчуги, сіявшіе въ волосахъ ея на груди великолѣпно отбѣляли оливковый цвѣтъ ея кожи и блескъ густыхъ косъ. Ея манера танцовать была столь же характеристична, какъ и вся ея особа. Это было какая-та небрежность, какое-то *laissez aller*, нарушаемое по временамъ внезапными порывами страсти и сопровождаемое граціозными позами головы, колебаньемъ шеи.

плечъ и цѣлой фигуры, что могло бы быть сочтено достойнымъ порицанія и неумѣстнымъ въ гостиной; но вся эта манера имѣла въ себѣ гибкость и прелесть движеній котенка. Что-же касается до ея ножекъ, то, благодаря ея платью, короткому наперекоръ модѣ, каждый могъ свободно ими любоваться, и всѣ единодушно объявляли, что это настоящія андалузскія ножки.

По окончаніи кадрили, Паоло сдѣлалъ отчаянное усиліе присоединиться къ миссъ Лавиніи; но, находясь едва на полудорогѣ, онъ увидѣлъ, что дама въ желтомъ усѣлась около молодой англичанки, и плотная стѣна кавалеровъ всѣхъ возрастовъ окружила двухъ красавицъ. Паоло впрочемъ, все-таки старался приблизиться хотя настолько, чтобы воспользоваться первымъ представившимся случаемъ, если Лавинія угодно будетъ потребовать его помощи, какъ чичероне. Увы! было болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы она вспомнила объ его фрескахъ. Онъ напрасно искалъ мистера или мистриссъ Джонсъ, почему все вниманіе его устремилось на группу, центръ которой составляли Лавинія и желтая дама. Руки красавицъ лежали одна въ другой и вообще молодыя женщины были, повидимому, въ столь тѣсной дружбѣ, что Паоло долженъ былъ непремѣнно предположить давнишнее знакомство между Пентезилеею или кардиналессою (желтая дама было никто другая, какъ маркиза Дельфуэго и Аркосъ; Паоло узналъ ее съ перваго взгляда) и миссъ Джонсъ. Но почему же Лавинія скрывала отъ него это обстоятельство? Маркиза не принадлежала къ разряду особъ, съ которыми Паоло желалъ бы допустить Лавинію сблизиться. Хотя онъ и не вполне вѣрилъ всѣмъ разсказамъ, распускаемымъ на счетъ этой женщины, но ему не нравилась ея эксцентрическая манера и ея привычка выставлять себя на показъ. Онъ также зналъ чрезъ Клею и Сальватора, что маркиза, хотя добрая и великодушная, была вхѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени своеарвна, разсѣянна и ребячески-легкомысленна.

Между тѣмъ, какъ Паоло былъ погруженъ въ подобнаго рода неприятныя размышленія, музыка снова заиграла, и пары повнеслись въ вихрь вальса. На этотъ разъ кавалеромъ миссъ Лавиніи былъ красивый молодой человекъ, стройный и высокій, съ пріятною наружностію. Какъ танцоръ, онъ совершенно подходилъ къ молодой дѣвушкѣ.

Пріятно было смотрѣть на эту прекрасную пару, быстро мчавшуюся по залѣ съ граціею и легкостью пера, уносимаго дуновеніемъ легкаго вѣтра. Да это было дѣйствительно прекраснымъ зрѣлищемъ для всѣхъ, исключая одного Паоло. Для него это зрѣлище было жолчью и отравой. Вѣроятно и многимъ другимъ въ его положеніи, даже обладающимъ меньшею дозою оригинальности, нежели какою былъ надѣленъ молодой римлянинъ, могло показаться не совсѣмъ пріятнымъ видѣть, какъ любимая ими женщина мчится по залѣ въ объятіяхъ красиваго мужчины, при чемъ лицо ея такъ близко къ лицу танцора, что ихъ дыханіе непремѣнно должно смѣшиваться и даже локонъ дамы можетъ скользнуть по губамъ кавалера, не говоря уже о другихъ еще болѣе неприятныхъ обстоятельствахъ. Но въ этомъ отношеніи,

какъ и во многихъ другихъ, вкусы, разумѣется, бываетъ различны, и кто возмется объяснить различіе ихъ? Какъ бы то ни было, а Паоло совершенно не одобрялъ подобнаго рода препровожденія времени и попадись ему подъ руку изобрѣтатель вальса, онъ порядкомъ помялъ бы ему бока, въ назиданіе другимъ изобрѣтателямъ. Теперь же единственнымъ его облегченіемъ было — внутренне прозносить тысячу всевозможныхъ проклятій, не спуская глазъ съ граціозной пары; онъ былъ въ смертельномъ страхѣ, какъ бы танцующіе не прикоснулись другъ къ другу не только лицомъ, но и губами. Нужно быть влюбленнымъ ревнивцемъ, чтобы сочувствовать такимъ смѣшнымъ опасеніямъ.

Музыка перестала играть; кавалеръ подвелъ Лавинію къ ея мѣсту, поблагодарилъ ее почтительнымъ поклономъ, и удалился. Вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и кошмаръ Паоло. Нашъ художникъ тотчасъ же рванулся впередъ съ быстротою молніи, и наконецъ добрался до миссъ Джонсъ.

Наконецъ-то вы явились, — сказала она, едва переводя духъ и поспѣшно отирая лицо батистовымъ платкомъ. — Что за духота! неужели нельзя подышать свѣжимъ воздухомъ? Ахъ, бѣдныя мои перчатки, на нихъ страшно смотрѣть.

— Лучше всего перестать танцовать, сказалъ Паоло, совершенно виновнымъ тономъ. Лучше обойдемте залы.

— Не танцовать больше? — громко воскликнула гордая красавица, съ величественнымъ движеніемъ головы, — посмотрите, — и она протянула къ нему свою записную книжку. — Она вся исписана; я приглашена на всѣ кадрили, на всѣ вальсы, на всѣ польки...

Паоло невольно отступилъ. Тонъ, жесты и взгляды Лавиніи обнаруживали въ ней въ высшей степени восторженную и экзальтированную особу; черты лица напоминали ему вакханку, которую онъ нѣсколько разъ копировалъ въ рисовальной школѣ, и которой образъ преслѣдовалъ его днемъ и ночью. Онъ слушалъ, пораженный нѣмотою и оцепенѣніемъ, точно во снѣ. Возвращеніе жолтой дамы и другихъ незнакомыхъ лицъ, которыя группировались около миссъ Лавиніи, привело его въ себя; онъ поклонился и уползъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ мистера и мистрисъ Джонсъ, искавшихъ своей племянницы. М-риссъ Джонсъ остановила его и спросила, отчего онъ такъ лѣденъ; не чувствуетъ ли себя худо.

— Это отъ жары — отвѣчалъ Паоло. — Дама также пожаловалась на жару, и они разстались.

— Жалкій я дуракъ, — думалъ Паоло, пробирясь черезъ толпу, — она столько же думаетъ обо мнѣ и о моихъ фрескахъ какъ о старой туфлѣ; она думаетъ о танцахъ — и совершенно права. Зачѣмъ же люди и являются на балъ, если не для того, чтобъ потанцовать? Только я играю роль еще глупѣе оттого, что не танцую. Если когда набудь...

Вдругъ нить его размышленій была прервана сильнымъ ударомъ по плечу. Онъ обернулся — и увидѣлъ передъ собою Дюжана, друга и собрата по искусству.

— А, и вы наконецъ начинаете гуманизироваться? — сказалъ французъ.

— Вы думаете?—спросилъ Паоло.—Я, напротивъ, того мнѣнія, что я начинаю скотинизироваться.

— Вы вѣчно остриете,—замѣтилъ Дюжанръ.—Ну, что же подѣлываетъ вашъ идеалъ?

— Онъ подавленъ горами матеріализма.

— Шутникъ! однако праздникъ этотъ очень удаченъ: что за туалеты, что за женщины!

— Туалеты не свѣжи, женщины—маріонетки, праздникъ—собраніе безумцевъ. Я объявляю, что всякій, находящій удовольствіе въ этомъ зрѣлищѣ, сумасшедшій, или же художникъ, изучающій наготу.

— Ха-ха-ха,—воскликнулъ Дюжанръ, громко смѣясь, — я теперь понимаю, гдѣ жметъ башмакъ. Ахъ ты, пуританинъ! Тебѣ хотѣлось бы заставить молодыхъ женщинъ скрывать свою прекрасную прозрачную кожу.

— А что же было бы тутъ дурного?—возразилъ Паоло. — Развѣ живая женщина должна, подобно статуѣ или картинѣ, выставлять себя на показъ, чтобы заставлять любоваться нѣжностью той или другой линіи, или красотою оттѣнковъ?

— А общество, варваръ ты, развѣ ненужно брать въ расчетъ его приговоръ?

— Ахъ, да, общество!—иронически сказалъ Паоло.—Дѣйствительно, ты правъ,—я забылъ о правахъ общества, ты обратилъ меня на путь истины. Прощай. И онъ поспѣшно удалился, повторяя: «Дѣйствительно, почему бы обществу и не имѣть своего рода правъ? Общество раздаетъ награды; поэтому совершенно справедливо и законно предоставлять ему случай дѣлать выборъ и произносить свои приговоры. Къ чорту всѣхъ мужей и любовниковъ! Какое право имѣютъ они завладѣвать достояніемъ публики? Прочь подобную монополию! Да къ тому же тутъ нечего и беспокоиться. Сколько я могъ замѣтить, любовь нимаю не стѣснительна; впрочемъ, моя не въ такомъ родѣ. Моя любовь—любовь глупца къ золоту. Я хочу обладать своимъ сокровищемъ одинъ, безраздѣльно. Я ревную даже къ воздуху, окружающему любимое существо. Достаточно того, что она танцуетъ съ другимъ, чтобы заставить меня невыносимо страдать. Зачѣмъ сотворенъ я такимъ образомъ? Зачѣмъ я не таковъ, какъ другіе? Правъ я, или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, довольно съ меня этихъ баловъ и палевыхъ перчатокъ». И съ этими словами онъ разорвалъ свои перчатки и швырнулъ ихъ на мраморныя плиты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Торнтонъ рассказываетъ свою исторію.

Часы вѣчнаго города пробили полночь, когда нашъ молодой сумасбродъ вышелъ на улицу. Звуки колокола тихо раздавались въ ночной тишинѣ, подобно какому-то торжественному предостереженію. Луна высоко стояла на безоблачномъ небѣ. Свѣжесть воздуха была цѣлительна для пылающей головы; безмолвіе и уединеніе—утѣшительны для страдающаго сердца.

По мѣрѣ того, какъ Паоло шолъ, его экзальтація исчезала подѣ влияніемъ успокоительнаго впечатлѣнія ночи и замѣнялась глубокою безнадежною, тѣмъ чувствомъ тяжелой невыносимой скорби, которая часто бываетъ удѣломъ страстныхъ натуръ и подѣ гнетомъ которой жизнь становится невыносимымъ бременемъ.

Въ такомъ-то мрачномъ расположеніи духа подошелъ онъ къ Бабуинской улицѣ. Передъ самымъ его домомъ взадъ и впередъ прогуливалась какая-то высокая тѣнь: это былъ Торнтонъ.

— Я заранѣе зналъ, что ты вернешься не слишкомъ-то поздно, — сказалъ англичанинъ, — и потому ожидалъ тебя. Вѣроятно лунный свѣтъ дѣлаетъ тебя такимъ блѣднымъ, или ужъ не встрѣтилъ ли ты привидѣнія?

— И то и другое вмѣстѣ, — отвѣчалъ Паоло, — но пощади меня теперь.

— Я неспособенъ мять сломанную тростинку, — проворчалъ Торнтонъ. — Я могъ напрягать всѣ силы для того, чтобы не допустить друга до пропасти; но когда онъ уже поглощенъ ею и страждущій лежитъ на глубинѣ ея, то я готовъ обращаться съ нимъ со всею нѣжностію матери къ ребенку. Знай же, что скорбь, какая бы то ни была, священна для меня. Потомъ, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ: — пойдемъ ко мнѣ, поболтать за стаканомъ пуншу.

— Благодарю, — сказалъ Паоло, — я неспособенъ ни разговаривать, ни пить; я пойду спать.

— Не спать, а безумствовать, мучиться и впиваться зубами въ подушку, для того, чтобы заглушить рыданія. Знаю я эти ночи. Нѣтъ, Паоло, пойдемъ со мною; мы не будемъ ни о чемъ говорить, пойдемъ, дитя мое.

Отецъ не произнесъ бы слова «дитя мое» съ большею нѣжностію. Всѣ черты прекраснаго лица Торнтонна выражали кроткую и нѣжную симпатію. Молодой римлянинъ легко покорился, послѣдовалъ за своимъ другомъ до его квартиры и, едва войдя въ комнату, улегся на софу, между тѣмъ какъ Торнтонъ, стоя передъ столомъ, на которомъ находилась чаша съ пуншемъ уже готовымъ, поднесъ къ нему спичку и началъ раздувать голубоватое пламя, переливавшееся разноцвѣтными огнями.

— Вотъ аллегорическое изображеніе ничтожной лихорадки, называемой жизнію, — сказалъ англичанинъ наставительнымъ тономъ, когда послѣдній огненный языкъ задрожалъ, заколебался, поблѣднѣлъ и наконецъ погасъ.

— А между тѣмъ какъ она могла бы быть полна и счастлива! — сказалъ Паоло, съ глубокимъ вздохомъ.

— Пожалуй, и была бы полна до извѣстной степени, ежелибы мы были поблагоразумнѣе, — сказалъ англичанинъ; — но въ счастьи я сомнѣваюсь. Оно, впрочемъ, зависитъ болѣе отъ характера, чѣмъ отъ обстоятельствъ. Много людей считаютъ себя счастливыми при всѣхъ данныхъ для противнаго мнѣнія, и, наоборотъ, есть на свѣтѣ люди, которымъ природа забыла дать мягкія подушечки, для предохраненія отъ слишкомъ сильныхъ столкновеній. Отсюда происходятъ

непріятные толчки, получаемые меньшинствомъ обиженныхъ природою людей, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе не чувствуютъ ничего, или же получаютъ только одни пріятныя впечатлѣнія. Первые ходятъ на пловцовъ, плывущихъ противъ теченія, или же на приглашенныхъ на пиръ гостей, которыхъ желудокъ отказывается принимать поставленные передъ ними яства. Эти люди никогда не довольствуются *приблизительностью*, но, подобно, бальзаковскому алхимику, они стремятся къ тому, чего не могутъ достигнуть, именно къ абсолютному, безусловному—въ политикѣ, въ нравственности, въ искусствѣ, въ любви, во всемъ. Для подобнаго рода людей о счастья не можетъ быть и помину; имъ возможно наслаждаться миромъ и тишиною, но съ условіемъ держаться въ сторонѣ отъ общей колесни жизни. Такова участь насъ обоихъ, дорогой другъ мой.

— Но я встаю противъ этого, —воскликнулъ Паоло;—я презираю вашъ миръ и ваше спокойствіе, я хочу и долженъ быть счастливъ. Человѣкъ, достойный имени разумнаго существа, не долженъ склоняться ни передъ чемъ и не отчаиваться, когда имѣетъ возможность дѣйствовать. Я знаю источникъ моего горя и не далѣе какъ завтра она услышитъ отъ меня всю истину.

— Что же она услышитъ, бѣдный мой мальчикъ? Что Манчини безумствуетъ въ то время, какъ она танцуетъ съ кѣмъ нибудь другимъ, и что поэтому она должна отказаться отъ такого удовольствія? Положимъ, что она и захочетъ это сдѣлать, но все-таки она не будетъ въ состояніи: дядя, тетка, друзья, свѣтъ въ дурную сторону перетолкуютъ ея намѣренія. Ты скажешь ей, что бальный туалетъ достоинъ порицанія въ твоихъ глазахъ? Но даже еслибы она хотѣла, то не могла бы измѣнить покроемъ вечернихъ платьевъ. Этотъ туалетъ обязателенъ въ подобныхъ случаяхъ. Ты дашь ей замѣтить, что тебѣ не понутру удовольствіе, съ которымъ она принимаетъ всеобщее поклоненіе? Осуди не ее, а человѣческую природу, или же скорѣе свой собственный характеръ. Ты не можешь обвинять ее въ странности твоихъ собственныхъ воззрѣній.

— Вы указываете на каждую изъ душевныхъ ранъ моихъ, — съ удивленіемъ проговорилъ Паоло;—вы читаете въ сердцѣ моемъ, точно въ открытой книгѣ.

— Я когда-то зналъ молодого человѣка, пережившаго всѣ фазисы подобнаго рода ощущеній, —возразилъ Мортимеръ.—Онъ, повидимому, обладалъ всѣми условіями для счастья: молодостью, богатствомъ, положеніемъ въ свѣтѣ, любезностью; къ тому же требованія его были весьма ограниченны; но ему недоставало тѣхъ неопѣненныхъ предохранительныхъ средствъ, которыя, какъ я уже объяснялъ тебѣ, необходимы въ жизни для того, чтобы смягчать послѣдствія паденій или же слишкомъ сильныхъ ударовъ. Общество было создано не для этого молодого человѣка и онъ былъ созданъ не для общества. Онъ имѣлъ благоразуміе отказаться отъ свѣта и искать счастья въ уединеніи деревенской жизни. Тутъ-то приснился ему сонъ. Онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, столь же прекрасную, какъ розы въ саду, столь же непорочную, какъ природа, ее окружавшая; она

была въ полномъ невѣдѣніи свѣта и его привычекъ, какъ-будто бы никогда не существовало ничего подобнаго. Дѣйствительно, все это еще не существовало для нея. Тутъ я въ безопасности, — подумалъ неопытный молодой философъ, и отдался всѣмъ сердцемъ своей деревенской красавицѣ, возложилъ на нее всѣ свои надежды и упованія. Прекрасный сонъ продолжался ровно годъ и исчезъ на балѣ графства: на первомъ балѣ, куда отправилась молодая дѣвушка.

Мортимеръ, у котораго дыханіе спиралось въ груди, почти однимъ залпомъ выпилъ стаканъ пуншу и потомъ продолжалъ:

— Онъ видѣлъ, какъ она ходила подъ руку съ незнакомыми молодыми людьми, съ удовольствіемъ и улыбкою выслушивала ихъ любезности, забывая все, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его самого во время этого минутнаго увлеченія. Одинъ молодой офицеръ, сынъ лорда, оказывалъ ей особенное вниманіе, и, глядя на тщеславіе и самоувольствіе, съ которымъ она принимала честь, выпавшую ей на долю, можно было подумать, что она такъ же вѣруетъ въ перство, какъ въ библейскія истины. Другъ мой почувствовалъ то же, что и ты сегодня. Ужасный соперникъ, называемый свѣтомъ, отъ котораго онъ думалъ оградить себя и ее, внезапно сталъ между ними и даже вытѣснилъ его. Онъ былъ потрясенъ до самой глубины души; но волненіе его не было замѣчено дѣвушкой, которая занята была изъясненіями восторга, относившагося къ ея личности. Несчастный юноша предавался тѣмъ же размышленіямъ, которыя преслѣдовали и тебя на сегодняшнемъ балѣ, и такъ же говорилъ себѣ: «это не повторится; я прямо выскажу ей свой образъ мыслей на этотъ счетъ». Но когда онъ попытался это сдѣлать, она не поняла его и спросила:—что такое я сдѣлала?— Вопросъ этотъ разомъ прервалъ его рѣчь. И дѣйствительно, она предавалась удовольствію, которое признано обществомъ за совершенно-невинное, и вслѣдствіе этого дозволено большинству женщинъ самой безукоризненной репутаціи, какъ замужнихъ, такъ и дѣвушекъ. Она, бѣдное дитя, не сдѣлала ничего, она была только польщена вниманіемъ одного изъ тѣхъ лицъ, которыхъ свѣтъ, ея свѣтъ, считаетъ лучшими своими членами. Какое право имѣлъ мой другъ вымещать странность своего характера на ней, совершенно ни въ чемъ невиновой? Эти размышленія заставили его устыдиться самого себя, и онъ успокоился.

Торнтонъ вторично опорожнилъ свой стаканъ, потомъ продолжалъ съ возрастающимъ одушевленіемъ:

— Балъ, подобно несчастію, никогда не приходитъ одинъ. За тѣмъ баломъ, о которомъ я говорю, послѣдовали скачки, обѣды, потомъ неизбѣжнымъ ихъ слѣдствіемъ былъ новый балъ. Между тѣмъ молодой чудакъ былъ настолько простъ, что вообразилъ, будто бы она пожертвуетъ ему этимъ новымъ баломъ, и въ такомъ смыслѣ написалъ ей письмо. Отвѣтомъ былъ отказъ исполнить его желаніе. Она дала слово тамъ быть; что скажутъ, если ея тамъ не будетъ? И она дѣйствительно отправилась. Онъ самъ видѣлъ, какъ она вошла туда. Чтобы отдать справедливость молодой дѣвушкѣ, я долженъ сказать, что она пріѣхала погостить къ своей теткѣ, до безумія любившей

разнаго рода веселья собранія и непремѣнныхъ членовъ на балахъ графства, т. е. офицеровъ. Въ городѣ, по счастью, стоялъ гарнизонъ. Тетка ея терпѣть не могла спокойныхъ вечеровъ у камнина, она, по собственному своему выраженію, была рождена для свѣтской жизни. Подобные намъ безумцы называютъ такихъ женщинъ пустыми свѣтскими куклами, но люди умные, которыхъ общество она такъ любила, отзывались объ ней какъ о женщинѣ милой, любезной, знающей всѣ тонкости свѣтской жизни. Что же! неужели мнѣ слѣдовало подвергаться новымъ истязаніямъ?—Да, долженъ ли я...

Тутъ Паоло вдругъ выпрямился, пораженный удивленіемъ.— Впрочемъ, зачѣмъ же скрывать это?—продолжалъ Торнтонъ, замѣтивъ удивленіе своего молодого друга;—да я рассказываю тебѣ о безуміи и заблужденіяхъ своей собственной молодости. Какъ я ни терзался, а не могъ болѣе выносить адскихъ мученій, кипѣвшихъ въ груди моей. Я чувствовалъ, что сдѣлаю несчастнымъ себя и ее; лучше было намъ разстаться. Я написалъ ей письмо, и письмо очень длинное. Каждое слово, которое я писалъ, казалось, отрывало у меня часть сердца. Не знаю, что было сказано въ этомъ письмѣ; но только въ немъ не было ни одного слова горечи, а, напротивъ, много любви, преданности, много обвиненій противъ себя самого. Я, какъ передъ Богомъ, открылъ передъ нею всѣ тайники моей души и умолялъ ее о прощеніи и снисходительности. Письмо это было отправлено къ ней въ Лондонъ; черезъ десять дней я уже былъ въ Нью-Йоркѣ, и съ тѣхъ поръ я уже не бывалъ въ Англіи.

— Это былъ поступокъ уже черезчуръ рѣшительный, — замѣтилъ Паоло.—А она что же сказала, что сдѣлала?

— Не знаю. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени я ничего не слышалъ о ней и не получалъ отъ нея ни одной строчки. Никто не зналъ моего адреса, кромѣ моихъ повѣренныхъ, которымъ я далъ приказаніе писать ко мнѣ только по дѣламъ и уничтожать всѣ письма, которыя могутъ быть присылаемы къ нимъ на мое имя.

— Это было уже слишкомъ жестоко. Я увѣренъ, что она не разъ писала къ вамъ и долгое время ждала вашего возвращенія; почему вы знаете, можетъ быть ваше упорное и неумолимое молчаніе навсегда разбило сердце бѣдной дѣвушки?

— Мнѣ разбить ея сердце! — въ страшномъ волненіи вскричалъ Мортимеръ;—не говори этого, ты сведешь меня съ ума. Скажи, что я былъ правъ, что мѣры, мною принятыя, послужили къ ея счастью; говори, что я не могъ поступить иначе; или же лучше скажи, что сердце женщины никогда не можетъ разбиться, пока существуютъ моды, франты и балы.

Говоря это, Мортимеръ дрожалъ съ головы до ногъ; его прекрасное лицо было блѣдно; выкатившіеся глаза бросали молніи. Пораженный, почти испуганный этою мгновенною вспышкой, такъ рѣзко противорѣчившею его обычной холодности и обдуманности, Паоло оставался безмолвнымъ и слѣдилъ за Торнтономъ, который взадъ и впередъ шагалъ по комнатѣ, и, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, немного успокоился. Вѣки молодого человека стали постепенно тяже-

лѣтъ, благородная фигура англичанина дѣлалась все туманнѣе и туманнѣе и наконецъ совершенно исчезла; тяжелый сонъ овладѣлъ бѣднымъ Паоло.

На другой день онъ провелъ большую часть утра размышляя, въ какую форму облечь критическія замѣчанія, которыя онъ собирался дѣлать миссъ Лавиніи, по поводу баловъ, танцоровъ и т. п. вещей.

Весьма трудно было найти слова, которыя, не будучи слишкомъ неопредѣленны, имѣли бы смыслъ положительный, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могли бы оскорбить; для этого слѣдовало прибрать выраженія точныя и въ то же время деликатныя. Но онъ и не думалъ колебаться въ своемъ намѣреніи, и будь у него хоть тѣнь нерѣшительности, то странныя признанія Мортимера непременно должны были утвердить его въ его намѣреніяхъ. «Упаси Боже, чтобы по моей винѣ или неосмотрительности, говорилъ молодой влюбленный человѣкъ, дѣло приняло подобный оборотъ, какъ у Тортона. Я обязанъ какъ для себя, такъ и для ней быть правдивымъ и откровеннымъ». Не знаемъ, остался ли онъ доволенъ рѣшеніемъ заданной себѣ темы; но случилось, что всѣ его великолѣпные планы были разрушены неожиданнымъ обстоятельствомъ.

Мистриссъ Джонсъ, которая, отправляясь на балъ, уже чувствовала себя нехорошо, вдругъ серьезно захворала, по возвращеніи домой. Съ нею сдѣлался такой сильный припадокъ удущья, что всѣ окружавшіе ее опасались, что она вдругъ умретъ. Посылали за нѣсколькими докторами, всѣ вспомогательныя средства, предлагаемыя наукою, были употреблены въ дѣло, но покажеться не имѣли почти никакого результата. Къ утру больная почувствовала себя нѣсколько лучше; но, вслѣдствіе большой слабости, ее не считали еще совершенно внѣ опасности. Паоло услышалъ это изъ устъ самой миссъ Лавиніи, когда явился въ палаццо Морлакки, и какими рыданіями и отчаяніемъ былъ сопровождаемъ ея рассказъ! Какъ могъ онъ рѣшиться читать ей проповѣдь въ подобную минуту? Да къ тому же не было и времени, потому что бѣдная Лавиніи слишкомъ торопилась возвратиться къ изголовью больной, такъ что не захотѣла бы потерять ни минуты въ разговорахъ съ кѣмъ бы то ни было; а ежелибы она даже и сдѣлала это, то Паоло скорѣе былъ бы способенъ броситься къ ея ногамъ въ порывѣ состраданія и энтузіазма, чѣмъ ссориться съ нею. Новый свѣтъ, въ которомъ она явилась ему теперь, разсѣялъ на время всѣ непріятныя тучи. Столь любящее сердце было лучшимъ залогомъ противъ всевозможныхъ кризисовъ мимолетнаго тщеславія. Разумѣется, достаточно будетъ въ какое бы то ни было время обратиться къ этому сердцу, чтобы извлечь изъ него все доброе и прекрасное. Такъ разсуждалъ Паоло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Дневникъ миссъ Лавиніи.

«Милая леди Августа.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я писала къ вамъ послѣднее письмо, у меня было большое горе и великая радость, и кому, кромѣ васъ, моего

лучшаго друга, могу я повѣрить свои радости и горести? Да, я вполне увѣрена, что онѣ найдутъ въ васъ участіе и симпатію. Третьяго дня, по возвращеніи съ бала у князя Торлоніа, съ теткою моею сдѣлался страшный припадокъ удушья; лицо ея было совершенно фіолетоваго цвѣта, а пульса не было даже и слышно. Что за ужасные часы! Какъ сердце не разорвется отъ такого страданія! Благодареніе Богу, я могу теперь говорить объ этихъ ужасахъ, какъ о несчастіи уже миновавшемъ. Со вчерашняго дня, болѣзнь приняла такой неожиданно счастливый оборотъ, что даже сами доктора были удивлены, а завтра, ежели позволитъ погода, тѣтъ разрѣшена будетъ прогулка въ каретѣ на Пинчіо. У меня такъ легко на сердцѣ, я такъ счастлива, что, право, не могу усидѣть на мѣстѣ за письмомъ. Мнѣ хочется встать и прыгать по комнатамъ. Какое же я дитя, право!

«Теперь, когда опасность уже вполне миновалась, я припоминаю прежнія происшествія, которыя собиралась рассказать вамъ въ то время, какъ они происходили; такъ пріятно имѣть особу, съ удовольствіемъ слушающую все, что касается до насъ! Я не буду говорить вамъ о балѣ; вы уже пресыщены подобнаго рода повѣствованіями, но... объ очаровательной особѣ, надъ которой я одержала побѣду. «Ахъ какая вѣтренница! — воскликнете вы, принимая самый строгій видъ, — побѣда послѣ...» — Успокойтесь, эта побѣда никому не помѣшаетъ, потому что эта особа... женщина. Но что за женщина! Она черна какъ ночь, удобовоспламенима подобно пороху, страстна и впечатлительна, какъ настоящая креолка. Она любитъ ѣздить верхомъ, править лошадьми, стрѣлять изъ пистолета, танцовать, пѣть, и дѣлаетъ все это съ величайшимъ искусствомъ; кромѣ того, она умѣетъ одѣваться такимъ очаровательнымъ образомъ! — однимъ словомъ, эта женщина по всему мнѣ пара. Она сама представлялась мнѣ, или лучше сказать, при первой встрѣчѣ изъяснилась въ любви, — такъ много горячаго сочувствія проявилось въ ея манерѣ, когда она заговорила со мною. Она объявила мнѣ, что я самая прекрасная изъ всѣхъ прекрасныхъ, просила подружиться съ нею, познакомила меня съ половиною Рима, хотѣла танцовать не иначе, какъ въ одной кадрили со мною, и не отходила отъ меня до конца бала; — однимъ словомъ, мужчина не могъ бы ухаживать болѣе ревностнымъ образомъ, чѣмъ какъ эта очаровательная особа ухаживала за мною; я также очень полюбила ее. Я рассказала вамъ все о моей восхитительной побѣдѣ, исключая только ея имени. Это Хуанита Флоресъ Виргинія, маркиза Дель-Фуеги-и-Аркосъ. Фамилія ея одна изъ самыхъ древнѣйшихъ на ос. Кубѣ. Кромѣ того, мужъ ея — испанскій грандъ, и гдѣ-то посланникомъ, а она выѣзжаетъ вездѣ съ младшимъ братомъ маркиза, графомъ де-ла Терра. Послѣ обѣда она была у насъ, какъ обычала; но такъ какъ тѣтъ было страшно дурно, то я едва могла удѣлить маркизѣ нѣсколько минутъ. Дядя былъ дома и у него сидѣлъ графъ Фортигуэрра. Сколько я могла судить, мистеръ Джонсъ былъ весьма доволенъ тѣмъ, что первое лицо, встрѣченное у насъ маркизою, была особа титулованная, и, признаться откровенно, это отчасти было пріятно и мнѣ самой. Въ этотъ день она по-крайней-

мѣрѣ двадцать разъ присылала освѣдомляться о здоровьи тетки. Вчера она опять сама была у насъ и хотѣла пріѣхать сегодня. Мы всѣ приглашены на цѣлый день въ виллу Торральба, ея резиденцію, чтобы ознакомиться другъ съ другомъ, по выраженію маркизы. Она и слышать не хочетъ, чтобы я ее титуловала маркизой, а непременно настаиваетъ, чтобы я звала ее просто Хуанитою. Она сгараетъ нетерпѣніемъ показать мнѣ свою виллу, свои сады, лошадей, театр (кажется, у нея есть театр) и, по ея выраженію, вполне хочетъ завладѣть мною.

«Прошли уже цѣлые одиннадцать дней съ тѣхъ поръ какъ я нацарапала предыдущія строки, я во все это время и не имѣла не только часу, но и минуты, для продолженія моего дневника. Никогда ни одна героиня романа, въ самомъ разгарѣ сезона, не была осаждена такимъ множествомъ приглашеній, какъ я въ эти одиннадцать дней. Съ этою страстною креолокою жизнь — бѣшеная, безостановочная скачка. Ея умственная и физическая дѣятельность можетъ быть уподоблена только вихрю или урагану. Она по нѣсколькимъ часамъ можетъ ѣздить верхомъ или въ экипажѣ, занимать разомъ тридцать человѣкъ гостей и танцовать до разсвѣта, не выказывая ни малѣйшей усталости, и не теряя своего увлеченія. У нея должны быть, что называется, стальные мускулы. Что же касается до меня, я могу засвидѣтельствовать, что у нея тоже и стальной кулакъ, и каждый довердитъ мои слова, видя какъ она правитъ парю своимъ удивительныхъ пони, настоящихъ демоновъ, или же ѣздитъ верхомъ на Ахметѣ, арабской лошади столь же бѣшеной и неукротимой, какъ и она сама. Мы кружимся въ какомъ-то адскомъ вихрѣ; и, признаюсь, иногда, мнѣ кажется, что я перехожу границы благоразумія. Страсть этой женщины ко мнѣ переходитъ въ какое-то бѣшенство. Услыхавъ какъ я пою, моя энтузиастка-испанка объявила, что, по ея мнѣнію, Гривз, Албони и Дженни Линдъ недостойны развязать шнурокъ моего башмака.

Она поклялась, что не оставитъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я не дамъ ей слова участвовать въ оперѣ, которую она хочетъ дать на своемъ домашнемъ театрѣ.

Не думаю, чтобъ я на это согласилась, хотя вы знаете, что я далеко не жеманна. Мною овладѣваетъ необъяснимое отвращеніе при мысли—выступить на подмостки передъ публикою, хотя это сцена домашняго театра, а публика — избранное общество. Впрочемъ, это мы еще увидимъ. Кромѣ того сеньора Хуанита объявила, что не можетъ жить безъ меня, и это, повидимому, правда, потому что мы постоянно неразлучны. У насъ было музыкальное утро, и мы два раза обѣдали въ виллѣ Торральба. Тетя поправилась настолько, что могла быть на обѣдѣ; но уѣхала вечеромъ довольно рано. Они, т. е. маркиза и графъ де-ла-Терра, обѣдали у насъ въ понедѣльникъ. Можете себѣ представить заботы мистера Джонса, чтобы по этому случаю собрать весь цвѣтъ нашего общества.

Фамилія графа Фортигуэрры красовалась въ главѣ списка. Скажу вамъ между прочимъ, что Хуанитѣ онъ сильно понравился. Во

вторникъ я отправилась съ нею и даю на чай къ леди Гамильтонъ, въ среду на танцевальный вечеръ къ княгинѣ Сгроцановъ, въ четвергъ на раутъ маркизы Саффиоли, въ пятницу въ «Академію Импровизаціи,» въ субботу на балъ въ домъ французскаго посольства.

Кажется, въ теченіе этого времени мнѣ были представлены всѣ иностранцы и всѣ сколько нибудь замѣчательные итальянцы. Я начинаю производить здѣсь фуроръ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что милая Хуанита только и дѣлаетъ, что расхваливаетъ мои достоинства всѣмъ встрѣчнымъ: а она, повидимому, обладаетъ властью—давать и отнимать право на принадлежность къ высшему обществу.

«Еще промелькнула недѣля, а я, право, не имѣю времени перевести духъ. Теперь я хочу рассказать вамъ объ нашихъ, или скорѣе о моихъ собственныхъ скачкахъ. Надобно вамъ сказать, что почти съ перваго дня нашего знакомства, маркиза вздумала устроить скачки на подобіе нашихъ англійскихъ. Она сходитъ съ ума отъ боя быковъ, и чуть-чуть было не устроила подобнаго зрѣлища съ мѣсяцъ тому назадъ, но Папа отсовѣтовалъ; поэтому-то ей съ перваго же дня нашего знакомства пришла мысль устроить въ честь меня англійскія скачки. Онѣ происходили вчера и были вѣнцомъ всѣхъ нашихъ наслажденій. Сборнымъ мѣстомъ была назначена могила Цециліи Метоллы, куда, по заранѣе разосланнымъ приглашеніямъ съѣхалась около двухсотъ человекъ; безчисленное множество постороннихъ толпилось вокругъ зрителей. Почти всѣ мы были въ красныхъ костюмахъ: дамы въ спенсерахъ, а мужчины въ красныхъ пиджакахъ. Когда маркиза ѣздитъ верхомъ или править лошадьми, то обыкновенно носитъ камзолъ краснаго цвѣта; я заказала себѣ такой же съ ея фасона, и онъ очень идетъ ко мнѣ. Нашими жокеями были все люди хорошаго тона. Тутъ присутствовали: двадцать одинъ англичанинъ, одинъ или два русскіе, и одинъ римлянинъ, — не знаю навѣрное дѣйствительно ли онъ римскій уроженецъ, но во всякомъ случаѣ это итальянецъ, тотъ самый князь Рокка-Джинестра, котораго экипажемъ я такъ восхищалась нѣсколько времени тому назадъ, и по поводу котораго сивьоръ Манчини надѣлалъ столько шума, какъ вамъ уже извѣстно. Все шло великолепно, и, за исключеніемъ лошадей, вообще довольно плохихъ, можно было вообразить, что мы присутствуемъ на настоящей англійской скачкѣ. Здѣсь также пили, ѣли, разѣзжали въ каретахъ; здѣсь господствовало то же самое оживленіе, слышались непрестанная болтовня и остроты; фокусники старались выманить деньги; однимъ словомъ, все — исключая лошадей, а также и неба — напоминало нашу милую родину. Большинство гостей отправилось потомъ въ виллу Торральба и тамъ мы танцевали, ужинали и опять танцевали до слѣдующаго утра. Это была тяжкая работа для царяцы праздника, миссъ Лавиніи Джонсъ; потому что этотъ санъ, который я носила нѣсколько часовъ, повлекъ засобою безчисленное множество представленій и нескончаемые комплименты, — и какіе ком-

плименты! Мы, англичанки, не отличаемся въ этомъ отношеіи; а подобная суматоха могла бы истощить силы самаго могучаго Самсона въ юбкѣ. Въ числѣ главныхъ энтузіастовъ между моихъ-подданныхъ были даже съ графомъ Фортигуэррой, оба до нельзя пьяные...

Но вотъ неприятное стеченіе обстоятельствъ. Вчера я только что успѣла дописать предыдущія строчки, прибѣжалъ мой испанскій бѣсенокъ и началъ вертѣться около меня до тѣхъ поръ, пока не утащилъ меня въ виллу Торральба. Я согласилась ѣхать туда съ условіемъ, чтобы этотъ день былъ днемъ отдыха; и, сравнительно съ другими днями, мы въ самомъ дѣлѣ провели его довольно спокойно, — катались въ каретѣ часа два и около часу стрѣляли въ цѣль изъ пистолета. Nota bene: я начинаю приобрѣтать замѣчательную ловкость въ этомъ упражненіи. Остальное время мы провели дома, большею частью въ театрѣ маркизы. Какой-то миньютюрный молодой человекъ, весь въ черномъ, точно докторъ или духовное лицо, и молодая дѣвушка замѣчательной красоты, дирижировали хорами. Эта дѣвушка, по имени Клеція, простая портниха, исполняла обязанность регента съ спокойствіемъ и достоинствомъ императрицы; напротивъ того, маленькій черный человекъ выполнялъ свою роль съ наслажденіемъ и какиятъ то шутовскими добродушіемъ, что по временамъ заставляло громко смѣяться всѣхъ присутствующихъ, и даже дѣвушку, несмотря на ея королевскую важность. Этотъ человекъ—довольно известный декораторъ, а Клеція—его невѣста.

Я никогда не говорила вамъ о моихъ соперникахъ въ сердцѣ маркизы, — о ея собакахъ. У нея, есть, кажется экземпляры всевозможныхъ породъ, и она ходитъ и лелѣетъ ихъ точно детей въ колыбели; она пугается ихъ малѣйшаго нездоровья; однимъ словомъ, она ухаживаетъ за ними болѣе, чѣмъ слѣдуетъ благоразумной женщиной. Одна изъ ея любимыхъ собакъ какъ-то заболѣла; и маркиза ускользала почти каждыя пять минутъ, чтобы взглянуть на нее. Не знаю, какъ это случилось, но въ одно изъ ея минутныхъ исчезновеній я спросила у маленькаго оригинала-живописца—не знаетъ ли онъ синьора Манчини. При этомъ имена глаза его и даже милой его невѣсты заблестѣли точно по мановенію волшебства.

Знаетъ ли онъ его! вѣдь синьоръ Манчини былъ для него братомъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Тутъ послѣдовалъ пышный панегирикъ синьору Паоло, какъ артисту, другу и человеку. Клеція съ жаромъ подтверждала каждое его слово. Хуанита явилась во время этихъ нескончаемыхъ тирадъ и, по своему обыкновенному любопытству, начала настаивать, чтобы я рассказала ей, какииъ образомъ я познакомилась съ синьоромъ Паоло, на кого онъ похожъ, чѣмъ занимается и т. д. Что же касается до меня, то я, слѣдуя не столько внутреннѣйшему самолюбію, сколько желанію оказать услугу синьору Паоло, заинтересовавъ въ его пользу такую особу, какъ маркиза, съ ея положеніемъ въ свѣтѣ и богатствомъ, рассказала ей какъ любезно онъ согласился руководить меня въ занятіяхъ живописью, и — пожалуй это было безразсудствомъ съ моей стороны — упомянула о моемъ портретѣ, который онъ пишетъ въ настоящее время и почти

уже оканчивается. Едва давши мнѣ договорить, пылкая Хуанита объявила, что она должна видѣть его какъ можно скорѣе, и заказать свой собственный, и не остави я ее, она готова была тотчасъ отправиться на первый сеансъ. Вы можете представить себѣ мой ужасъ, зная манеру синьора Манчини! Все, что я могла сдѣлать, это—убѣдить ее отложить до другаго времени визитъ въ мастерскую на Via Фраттина, напомнивъ ей который теперь часть и доказавши, что будетъ уже слишкомъ поздно, когда мы прѣйдемъ въ Римъ. Наконецъ, она отказалась отъ своей идеи и визитъ долженъ состояться сегодня.

Откровенно говоря, я нѣкоторое время была въ нерѣшимости что дѣлать: написать ли къ синьору Паоло, для предупрежденія его объ этомъ визитѣ и попросить исполнить просьбу маркизы, или же отдаться на произволъ случайности. Размысливъ хорошенько я нашла послѣднее болѣе удобнымъ. Синьоръ Паоло очень затрудняется при видѣ незнакомыхъ лицъ, и въ эту минуту я разсчитывала болѣе на его замѣшательство, чѣмъ на добрую волю. Главное дѣло—захватить его врасплохъ: ежели онъ будетъ предупрежденъ заранѣе, то способенъ запереться въ своей мастерской и велѣть отказывать всѣмъ безъ разбора. Вѣроятно, мои опасенія кажутся вамъ странными; но они основаны на томъ, что синьоръ Паоло на меня сердитъ, и не безъ причины. Я сознаюсь, что во время своихъ послѣднихъ походовъ поступала съ нимъ неслишкомъ-то вѣжливо, по-крайней-мѣрѣ такъ должно было ему казаться. Онъ два раза приходилъ ко мнѣ, одинъ разъ утромъ въ ту самую минуту, какъ я отправлялась на концертъ въ виллу Торральба, а другой разъ вечеромъ, когда я садилась въ карету, чтобы отправиться на балъ. Разумѣется, онъ былъ недоволенъ и огорченъ. Всего же хуже то, что въ обоихъ случаяхъ я, желая его утѣшить, назначала на другой день сеансъ, и оба раза принуждена была измѣнить своему слову. Съ-тѣхъ-поръ онъ уже не возвращался. Въ послѣдній разъ я видѣла его въ день скачекъ на Корсо; я сидѣла въ лондо маркизы, въ моемъ красномъ костюмѣ. Я видѣла какъ взглядъ его былъ устремленъ на меня и почувствовала, что краснѣю—я сама не могла понять почему: носить красное платье, кажется, не преступленіе, и красныя шали даже довольно-обыкновенны; но что бы тамъ ни было, а лицо его было мрачно, какъ грозовая туча.

«Что за необъяснимая загадка — сердце человеческое! Мы даже не можемъ прочесть и понять свое собственное сердце. Весьма часто случается, что, подъ вліяніемъ минутныхъ порывовъ, мы чувствуемъ, дѣйствуемъ и говоримъ такъ, что предскажи намъ что-нибудь за часъ впередъ, то мы съ негодованіемъ отбросили бы эту мысль. Мнѣ помнится, что однажды какой-то авторъ, довольно-извѣстный, отклонялъ отъ себя всѣ похвалы своимъ произведеніямъ, увѣряя что не онъ, а маленькій человѣкъ, homunculus, какъ онъ его называлъ, скрытый въ глубинѣ его существа, пишетъ ему всѣ сочиненія безъ малѣйшаго участія съ его стороны, и даже наперекоръ его же-

ланию. Я предполагаю, что и во мнѣ сидитъ подобный духъ—femina, за слова и дѣйствія котораго я не должна отвѣчать. Къ чему клонится все это придисловіе?—спросите вы меня. Къ тому, чтобы приготовить васъ къ весьма странному случаю; но надобно рассказать вамъ все по порядку съ самаго начала.

Вчера мы съ Хуанитою были въ мастерской синьора Манчини, какъ порѣшили уже заранѣе. Онъ былъ занятъ — не живописью, а какимъ-то письмомъ. Не нахожу словъ, чтобы передать вамъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня страшною переменною въ его лицѣ; онъ былъ мертвенно блѣднѣе, съ ввалившимися щеками и глазами, налитыми кровью; однимъ словомъ, это была тѣнь прежняго Паоло.

— Сдѣлайте одолженіе, покажите мой портретъ маркизѣ Дель-фуэго и-Аркося, моей пріятельницѣ,—сказала я ему, окидывая взглядомъ комнату, въ надеждѣ увидѣть свой портретъ. Вообразите же себѣ мое удивленіе при видѣ пустыхъ мольбертовъ и куска свернутого полотна, лежащаго въ углу. Онъ весь вспыхнулъ и отвѣчалъ, запинаясь, что, вслѣдствіе непріятнаго случая, постигшаго мой портретъ, онъ долженъ былъ отдать исправитъ полотно. Я тотчасъ же увидѣла, что все это—чистая ложь, но съ какою цѣлію она была придумана? Сколько возможно скрывая желаніе узнать что дѣйствительно сдѣлалось съ моимъ портретомъ, я сказала, что очень досаду на это непріятное обстоятельство; что, въ случаѣ ежели бы портретъ понравился моей пріятельницѣ—въ чемъ я заранѣе была увѣрена—она хотѣла попросить его списать портретъ и съ нея тоже,—ежели только позволятъ его занятія, хотѣла я прибавить. Но онъ не далъ мнѣ времени докончить фразу, и поспѣшилъ сказать, что наканунѣ своего отъѣзда изъ Рима не можетъ принять на себя никакой работы. Эти слова главнымъ образомъ относились къ маркизѣ, потому что онъ избѣгалъ на меня смотрѣть, насколько позволяло приличіе. Тогда я высказала надежду, что онъ отправится по далѣе какъ въ Тиволи или Фраскати.

— Именно такъ—отвѣчалъ онъ, въ Тиволи, Фраскати, или... я еще самъ хорошенко не выбралъ мѣста.

— Не надолго?... спросила я.

— О, нѣтъ, только на нѣкоторое время!

— Я и тутъ была увѣрена, что онъ меня обманываетъ, и смертельное безпокойство закралось мнѣ въ душу; я боялась, чтобы онъ не уѣхалъ навсегда. Тогда мысль потерять его сдѣлалась мнѣ невыносима. Я увидѣла, что я была сумасшедшая и притомъ безъ сердца. Я пренебрегала имъ, самымъ лучшимъ, откровеннымъ, преданнымъ шимъ изъ людей; — и для чего же? Все это такъ мелочно, что перо отказывается писать. Я, въ отчаяніи, всѣми силами души готова была прильнуть къ нему, а между тѣмъ должна была оставаться спокойною и довольствоваться пустыми, ничего незначащими словами. Тутъ я увидѣла, что люблю его, дѣйствительно люблю,—и онъ готовъ покинуть меня! Я послѣдовала за маркизою по лѣстницѣ, съ безумною мыслью—открыть ей все и вернуться къ Паоло. Нога моя

уже была занесена на подножку кареты; но идти далѣе было выше моихъ силъ. Я сказала маркизѣ, что уронила браслетъ, и не ожидая ея отвѣта, бросилась къ лѣстницѣ, которая вела въ мастерскую.

Онъ быстро шагаль по комнатамъ и былъ спиною къ двери когда я отворила ее. Увидя меня, онъ остановился въ ошоломленіи. Я же прямо подошла къ нему и сказала:

— Я едва могу располагать минутою; скажите, что вы сдѣлали съ моимъ портретомъ?

— Я собственноручно изорвалъ его въ мелкіе клочки.

— Куда вы отправляетесь?

— Въ Парижъ.

— Когда вы уѣзжаете?

— Сегодня въ 8 часовъ.

— Вы не уѣдете.

— Уѣду, потому что рѣшился.

— Ежели въ васъ есть искра человѣческаго чувства, то вы не покинете людей, васъ любящихъ.

— Кто же меня любитъ?

— Я, да, я сама всею душою привязана къ вамъ. Что же, вы ѣдете, или остаетесь?

Онъ съ минутою колебался, потомъ сказалъ:

— Остаюсь!

Я протянула ему руку; онъ упалъ къ моимъ ногамъ, прижималъ мою руку къ сердцу и покрывалъ ее поцѣлуями; потомъ я ускользнула. Теперь мнѣ остается объяснить вамъ смыслъ моего предисловія я тогда конецъ письму.

Природа человѣческая уже устроена такимъ образомъ, что цѣна, придаваемая нами какому нибудь предмету, возвышается при шансахъ его потерять, и уменьшается когда мы увѣрены въ обладаніи имъ. Вѣрно только то, что вчера, въ жару самаго дѣйствія, никакая жертва не казалась мнѣ слишкомъ великою, для искупленія грозившей мнѣ потерѣ, между тѣмъ какъ сегодня — сказать ли вамъ откровенно? — сегодня послѣ двадцати четырехъ часовъ, проведенныхъ мною въ совершенной безопасности на этотъ счетъ, я начала думать о цѣнѣ, которою купила свое сокровище, не то чтобы именно съ сожалѣніемъ, но съ чувствомъ удивленія, которое весьма близко подходитъ къ нему. Кто сумѣетъ понять эту тайну и объяснить мнѣ это странное противорѣчіе? Можетъ быть это только минутная реакція, слѣдовавшая за лихорадочнымъ пароксизмомъ, или же на меня подѣйствовали ѣдкія замѣчанія маркизы, окончательно возненавидѣвшей Паоло?—Придавать слишкомъ большое значеніе чужому мнѣнію — это принадлежитъ къ числу моихъ недостатковъ. Надобно мнѣ постараться исправиться, иначе недостатокъ этотъ будетъ мнѣ положительно мѣшать въ стремленіи къ какой бы то ни было цѣли.

Въ отношеніи себя и Паоло я замѣтила еще одно обстоятельство, которое сильно меня смущаетъ. Омъ имѣетъ на меня большое, даже слишкомъ большое вліяніе, когда онъ находится при мнѣ, но очень незначительное, какъ только оставитъ меня. Мнѣ право кажется, что

онъ дѣйствуетъ на меня силою магнетизма. Смиритесь, если хотите, но это право такъ. Въ головѣ моей таится множество подобнаго рода фантастическихъ идей и непріятныхъ предчувствій. Въ это послѣднее время онъ сдѣлался такимъ несговорчивымъ;— правда, что и съ моей стороны было подано ему не мало поводовъ къ неудовольствіямъ. Дѣйствительно, я была съ нимъ страшно невнятная, и, откровенно говоря, обращалась съ нимъ уже съ непростительною безцеремонностью. Я впередъ буду осмотрительнѣе. Однако и онъ самъ тутъ отчасти виноватъ. Зачѣмъ не бываетъ онъ въ свѣтъ? Почему не танцуетъ и не подражаетъ другимъ молодымъ людямъ? Мы встрѣчались бы чаще и были бы взаимно болѣе довольны другъ другомъ. Увы! я въ самомъ воздухѣ предчувствую грозу; буря разразится какъ только онъ узнаетъ, что я участвую въ домашнемъ спектаклѣ маркизы и— что хуже всего— что я должна пѣть вмѣстѣ съ его антипатіею— княземъ Рокка Джинестра. Маркиза, поддерживаемая идей и даже теткою, до такой степени приставала ко мнѣ въ тотъ несчастный день скачекъ, что совершенно противъ моей воли вынудила у меня согласіе. Отказаться теперь нѣтъ ни малѣйшей возможности. Какую причину могу я придумать? А назвать настоящую у меня не достанетъ духу. Остается только положиться на благопріятныя случайности и въ нѣкоторой степени на притворство. Я начинаю жалѣть, что я пріѣхала въ Римъ; мой обожатель способенъ меня убить, право. То-то будетъ великолѣпная развязка для романа! Въ дѣйствительной жизни не многіе мужчины любятъ такъ, чтобъ на это рѣшиться. Вы, пожалуй, будете упрекать меня въ излишней эксцентричности; но есть что-то невыразимо пріятное въ сознаніи, что мы любимы такою безумною и неукротимою любовью.»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Бурное перемиріе.

Дружеское согласіе, послѣдовавшее за мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ между Паоло и Лавинією, продолжалось, какъ легко догадается читатель, очень недолго. Подобно тому какъ часто случается съ трактатами несравненно-важнѣйшими, каждая изъ двухъ договорившихся сторонъ, относительно безмолвно-подразумѣваемыхъ пунктовъ сдѣлки, имѣла свое особенное *bonâ fide* толкованіе, находившееся въ совершенномъ несогласіи и противоположности съ толкованіемъ противной стороны. Дѣйствительно, весьма рѣдко бываетъ, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ условія, долженствующія упрочить миръ, не послужили бы поводомъ къ войнѣ. Какъ бы то ни было, а подобный результатъ не замедлялъ обнаружиться и въ настоящемъ случаѣ. Для того чтобы понятнѣе объяснить причину къ войнѣ, мы сколь возможно кратко изложимъ два спорныхъ пункта въ трактатѣ и разнородныя требованія, къ которымъ они подавали поводъ. Вознаградить Паоло за недостатокъ вниманія, оказанный въ послѣднее время, и вести себя впередъ такимъ образомъ, чтобы не подавать ему никакого повода къ жалобамъ,—таковъ былъ очевидный и практиче-

скій результатъ равностныхъ усилій употребленныхъ миссъ Джонсъ во время хлопотъ о примиреніи, и сама миссъ Джонсъ — въ случаѣ вопроса—дала бы такой же отвѣтъ. Поэтому Лавинія была вполне убѣждена, что какъ по буквѣ такъ и по духу соглашенія она вполне исполняетъ его, коль-скоро позволяетъ Паолоо приходить къ ней. Она добросовѣстно выполняла свою обязанность — принимать его въ известные дни и часы при чемъ всегда была съ нимъ привѣтлива и любезна. О всеобщемъ измѣненіи своего образа жизни, въ томъ, въ чемъ онъ не нравился Паоло, она никогда не думала, да и не могла думать, не зная до какой степени этотъ образъ жизни былъ ему не по праву.

Но Паоло понималъ трактатъ въ несравненно-обширѣйшемъ смыслѣ. По его истолкованію, миссъ Джонсъ, прося мира, естественнымъ образомъ должна была подчиниться всѣмъ — въ его глазахъ совершенно справедливымъ — требованіямъ принятаго жениха, несогласіе съ которыми должно было послужить поводомъ къ разрыву. «Если она любитъ меня,—разсуждалъ Паоло—а это вѣрно, иначе она, конечно, сама не высказала бы своихъ чувствъ,—ежели она меня любитъ, для нея должно быть истиннымъ удовольствіемъ подчиняться моему образу мыслей и сообразоваться съ требованіями, доказывающими ей только глубину и исключительность моей любви. Привычки мои могутъ казаться ей странными, но, вѣдь, она знала ихъ; а ежели при этомъ она все-таки закрывала во мнѣ, то что же это значило, если не то, что она принимала меня — такого какъ я былъ хорошаго, дурного или посредственнаго?»

Какъ видитъ читатель, Паоло былъ слишкомъ далекъ отъ лирическихъ расчудій и восторговъ, которымъ предавался нѣсколько недѣль назадъ, когда онъ считалъ себя счастливымъ поцѣловать мѣсто, по которому прошла Лавинія. Теперь онъ слѣлся менѣе скромнымъ, менѣе и довѣрчивымъ. Но, вѣдь, въ то время Лавинія была для него богиней, теперь же — только женщиной. Какимъ образомъ произошла эта перемѣна? ее произвело страданіе, этотъ великій магикъ. Цѣною безсонныхъ ночей, цѣлыхъ дней, проведенныхъ въ призываніи смерти и проклятійхъ противъ жизни, цѣною нравственныхъ пытокъ, которымъ нѣтъ имени, Паоло, мечтатель Паоло, не замедилъ ознакомиться съ дѣйствительностью; повязка упала съ его глазъ, и онъ вышелъ изъ этого страшнаго испытанія, разбитый какъ нравственно, такъ и физически. Одна изъ его прекраснѣйшихъ иллюзій исчезла навѣкъ, а взамѣнъ ея онъ приобрѣлъ лишнюю частицу опытности, этой лицемѣрки, которой настоящее имя — недоувѣрчивость.

Итакъ на время прерванные уроки рисованія были опять возобновлены по два раза въ недѣлю, но учителю они доставляли не слишкомъ-то большое удовольствіе. Миссъ Джонсъ, вполне убѣжденная, что исполняетъ всѣ свои обязательства относительно Паоло, съ полнымъ удовольствіемъ предавалась разсѣяніямъ свѣтской жизни; къ тому же, почти ежедневно приобретаая новыя знакомства, она безумнѣе чѣмъ когда-либо, увлекалась вихремъ удовольствій. Она нисколько даже не сознавала, что нѣкоторымъ образомъ крадетъ у Паоло ча-

сы, назначенные исключительно для свиданія съ нимъ. Весьма рѣдко случалось ей безраздѣльно посвящать ему все то время, на которое онъ имѣлъ право. То она принуждена была принимать гостей, то была занята съ портнихой или съ учителемъ пѣнія, то ей приносили какую-нибудь записку, требовавшую немедленнаго отвѣта. О, эти записочки, раздушонныя, разноцвѣтныя, сложенные причудливѣйшимъ образомъ, какой ужасъ и отвращеніе порождали онѣ въ Паоло! онѣ были отравой его жизни, несмотря на то, что онѣ по-большой-части были самага невиннаго свойства, (напр. адресъ модистки, стихи Теннисона, говоренные на послѣднемъ балѣ, какая-нибудь соната или арія, посвященныя модной красавицѣ, стихи и ноты, которые, по недостатку времени, не будутъ ни читаны, ни разыграны, ни спѣты), отъ всѣхъ ихъ вѣяло какимъ-то ароматомъ любви, страшно раздражавшимъ нервы молодого римлянина.

Еще того хуже было когда учитель и ученица могли располагать свободнымъ часомъ, и Лавинія рассказывала о томъ, какъ она препровождала свое время въ промежуткѣ отъ одного урека до другого, и распространялась съ удовольствіемъ о подробностяхъ, болѣе всего ее занимавшихъ, о балѣ, данномъ накануне, и другомъ, назначенномъ на слѣдующій день, который е. в. Лудовикъ Наварскій, долженъ былъ почтить своимъ присутствіемъ; потомъ описывала свои дивныя туалеты, эффектъ, ею произведенный, всеобщее удивленіе, возбужденное ею, и особенное вниманіе, оказанное ей его свѣтлостью или его превосходительствомъ, и т. д. Она не замѣчала, что каждое ея слово было для Паоло жолчью и отравой.

Напавъ однажды на тѣму удовлетвореннаго тщеславія, самая умная и добрая дѣвушка можетъ оказаться слѣпою и жестокою. Ничего нѣтъ удивительнаго, если въ глазахъ Паоло, не посвященнаго въ эти тонкости, подобнаго рода жизнь, отданная одной внѣшности, постоянному выказыванію своей особы въ публикѣ, — эта безумная погоня за сильными ощущеніями, и полнѣйшее забвеніе духовной стороны человѣческой природы, — должны были казаться чѣмъ-то пустымъ и легкомысленнымъ, нелѣпымъ, болѣе приличнымъ павлину, котораго назначеніе надуваться и распускать свой хвостъ, а не разумному существу, одаренному сердцемъ, умомъ и безсмертною душою.

Паоло какъ-то однажды высказалъ этотъ образъ мыслей и выразилъ его прямо и довольно-рѣзко. Молодая дѣвушка громко протестовала и обвиняла его въ томъ, что онъ отказываетъ ей въ удовольствіяхъ, свойственныхъ ея возрасту.

— Нимало, — отвѣчалъ Паоло; — я ничего не могу сказать противъ стакана вина, но я встаю противъ цѣлыхъ бутылокъ, которыя доводятъ человѣка до опьяненія. Развѣ жизнь балъ, что мы должны провести ее въ танцахъ?

— А развѣ жизнь похороны, — возразила Лавинія, — чтобы проводить ее въ слезахъ?

— Нисколько, — возразилъ молодой человѣкъ, — но въ жизни существуютъ обязанности, исполненіе которыхъ налагаетъ на насъ из-

вѣстнаго рода отвѣтственность; потому иногда слѣдуетъ серьезно подумать о подобнаго рода вещахъ.

— Интересно знать, какую великую пользу вы приносите своею серьезностью, — продолжала миссъ Джонсъ.

— Согласенъ, что очень небольшую; но во всякомъ случаѣ я тружусь и зарабатываю насущный хлѣбъ свой, какъ долженъ дѣлать всякій бѣдный человекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стараюсь быть здоровымъ и сильнымъ какъ физически, такъ и нравственно, чтобы въ день, который, рано или поздно, но непременно настанетъ, имѣть возможность съ большою пользою подвизаться для благосостоянія родины.

Послѣ небольшой паузы, Лавинія сказала:

— Мужчины не оставили на долю женщинъ никакой работы, кромѣ чести штопать чулки дѣтей и супруговъ. Когда настанетъ моя пора, я, надѣюсь, не хуже другихъ съумѣю за это взяться. А до тѣхъ поръ я намѣрена веселиться, не видя тутъ ничего достойнаго порицанія. Я не могу измѣнить существующаго порядка вещей; мнѣ не нужно заботиться о спасеніи и возрожденіи родины.

— И это для васъ большое счастье, — съ горечью возразилъ Паоло. — Я удивляюсь, какъ вы рѣшаетесь обращать въ смѣшную сторону чувства, самыя священныя, — чувства, которыя вы должны были бы уважать, будучи сами рождены въ странѣ свободы.

Лавинія раскаялась въ своихъ словахъ; она пропентала что-то въ родѣ извиненія и залилась слезами. Видѣть ее плачущею было слыше силъ Паоло; онъ въ свою очередь умолялъ ее простить его за рѣзкую выходку; и нѣсколько нѣжныхъ словъ, которыми они обмѣнялись, еще разъ послужили къ заключенію перемирія, которое не могло быть прочнымъ.

Маркиза Дельфуэго-и-Аркосъ была за тѣмъ новымъ яблокомъ раздора между любовниками. Паоло сталъ прямо порицать короткость Лавиніи съ этою дамой. Лавинія же защищала свою пріятельницу съ жаромъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Найти что нибудь заслуживающее порицанія въ маркизѣ! Какая взыскательность! Никто не раздѣляетъ этого мнѣнія. Никто не находитъ ничего страннаго въ продолжительномъ отсутствіи ея мужа, посланника, ни въ болѣе или менѣе явныхъ ухаживаніяхъ того или другаго обожателя. Никто никогда не думалъ придавать особенной важности какому-то странному сказанію о привидѣніи, о тѣни бѣднаго Мануэлино, которая, по словамъ прислуги виллы Торральба, въ извѣстныя ночи появлялась въ садахъ виллы, и которую кто-то подстергъ, открылъ и узналъ въ ней какого-то князя, будто бы въ состояніи сомнамбулизма забредшаго въ виллу Торральба. Никому никогда и въ голову не приходило касаться до репутаціи маркизы, основываясь на подобнаго рода нелѣпостяхъ. Развѣ она не довольно богата и знатна, чтобы стать выше всякихъ подозрѣній и укоровъ? У нея бывають кардиналы; высшая аристократія — иностранная и итальянская посѣщаетъ ея обѣды и правдники; лица наиболѣе извѣстныя, считаютъ за честь быть ею замѣченными. Вѣдь это происходитъ на континентѣ, гдѣ такъ мало

смотреть на нравственность, да еще въ Италіи, и къ тому же въ Римѣ! Есть только одна страна въ мірѣ, — мы ее не назовемъ, — гдѣ, будьте вы столько же благородны по происхожденію какъ китайскій императоръ, или богаты какъ Кревъ, или расточительны какъ Сарда-напаль, но если на вашей репутациі есть какое нибудь самое микро-скопическое пятнышко или какая нибудь тѣнь сомнѣнія относитель-но вашей собственности, то никто не захочетъ на васъ смотреть и даже ни одна собака не подастъ вамъ лапы. Но въ Римѣ!...

И однако же Паоло все-таки оставался при своемъ мнѣніи. Лавинія очень наивно спросила его, въ чемъ онъ обвиняетъ маркизу, коими ее титула? Она знала, что онъ вообще не жалуется титулованныхъ особъ. Паоло отвѣчалъ, что до титула маркизы ему нѣтъ дѣла, но онъ порицаетъ ея эксцентрическія привычки, совершенно неприлич-ныя женщиנѣ, ея страсть врать лошадымъ и стрѣлять изъ писто-лета, вообще всѣ ея манеры и желаніе выставлаться на показъ во всѣхъ мѣстахъ разсыянной жизни и развлеченій. Женщина, которая, подобно маркизѣ, старается обратить на себя вниманіе публики, не можетъ быть прилично пріятельницей для скромной молодой дѣвушки.

Миссъ Джонсъ отозвалась объ этихъ идеяхъ съ величайшимъ пре-зрѣніемъ, и назвала ихъ идеями дикаря, но никакъ не человека обра-зованнаго. На это Паоло отвѣчалъ, что ежели всѣ обычая общест-венной жизни столь же нелѣпы, то онъ гордится названіемъ дикаря.

— Развѣ женщины рождены быть актрисами, — вскричалъ пылкій мо-лодой человекъ, и предназначены только парадировать на театраль-ныхъ подмосткахъ? развѣ имъ необходимо постоянно выставлаться на показъ публикѣ?

— А развѣ женщины рождены быть монахинями или сестрами милосердія, — въ свою очередь воскликнула Лавинія, — что имъ нужно нарядиться во вретнице и заживо похоронить себя?

— Пожалуй, это было бы лучше для большинства изъ нихъ, — сказалъ римлянинъ; — ежели бы онѣ и не сдѣлали много добра, то, во крайней мѣрѣ, не надѣлали бы зла.

— Это не болѣе какъ личное мнѣніе; что касается до меня, то я нахожу, что свѣтъ очень хорошъ въ своемъ теперешнемъ состо-яніи, и нисколько не думаю отъ него отказываться.

— Значить, вы, въ такомъ случаѣ отказываетесь отъ меня? — воз-разилъ онъ съ быстротою молніи. — Я долженъ быть вашимъ свѣтомъ или ничѣмъ.

— Это поэтическая ипербола, — сказала Лавинія.

— Вы когда-то любили поэзію: ваши слова служили мнѣ ручатель-ствомъ въ этомъ. Ахъ, какъ вы меня обманули!

— Обманула васъ! — воскликнула Лавинія надменно.

— Да, вы меня обманули, — повторилъ Паоло, возвышая голосъ; — развѣ это не значило обманывать меня, если вы представлялись тѣмъ чѣмъ вы не были на самомъ дѣлѣ? Развѣ вы забыли нанять длинный разговоръ, въ первый сеансъ, назначенный для вашего портрета? Мы въ теченіе двухъ часовъ разсуждали о характерахъ и вкусахъ; и какъ сходились тогда въ нашихъ убѣжденіяхъ! Простота, любовь, умъ...

неніе, вѣщество, привычекъ, природа—вотъ каковы были тогда ваши кумиры. Что значили драгоценности, оперы, моды въ сравненіи съ полевымъ цвѣткомъ, съ пѣніемъ соловья. съ прогулкою въ прекрасную лунную ночь? Каждое изъ вашихъ словъ я принималъ за святую истину. Смѣйтесь надо мною, какъ надъ безумцемъ. Вамъ обратить вниманіе на цвѣтокъ или на сердце честнаго человѣка! Вы помѣшаны на блескѣ, шумѣ и внѣшности.

По мѣрѣ того, какъ Паоло говорилъ, гордая Лавинія опускала голову. Разговоръ, о которомъ онъ упоминалъ теперь, былъ ей такъ же памятенъ, какъ-будто бы онъ происходилъ только наканунѣ; все говоренное ею въ ту минуту, когда она была увлечена живѣйшею симпатіей, было, дѣйствительно, говорено отъ души — она это сознавала въ то время; теперь же каждое слово, которое она припоминала, ложилось тяжелымъ, заслуженнымъ укоромъ на ея совѣсть; она сознавала, что настоящій образъ ея жизни нелегко согласить съ склонностями и чувствами, которыми она высказывала тогда.

— Да,—продолжалъ молодой человѣкъ, — вы стремитесь къ призраку вмѣсто дѣйствительности; вы золотую руду приносите въ жертву побрякушкамъ. У васъ подъ рукою сила, низвергающая горы, талисманъ, дѣлающій непобѣдимымъ, источникъ, дающій вѣчную юность, а вы отталкиваете все это. Какъ же вы слѣпы, — прибавилъ Паоло, съ непреодолимымъ порывомъ страсти,—вы топчете ногами сердце, заключающее всѣ эти сокровища. Любовь, божественная любовь, имѣетъ въ вашихъ глазахъ менѣе цѣны, чѣмъ нѣскольکو крупиць финіама и лести. Дай Богъ, чтобы вы не дожили до того дня, когда болѣзнь и горе откроютъ вамъ глаза,—но уже слишкомъ поздно,—и вы увидите пустоту всего, что теперь радуетъ васъ. Тогда-то вы узнаете цѣну того, чѣмъ теперь пренебрегаете! Вѣрьте мнѣ, здоровье, молодость, богатство — весьма слабая защита противъ несчастій; во всякомъ возрастѣ и положеніи мы можемъ быть уязвлены посредствомъ тѣхъ, кого мы любимъ.

Убѣжденіе твердое, непоколебимое, и, въ особенности, высказанное съ увлеченіемъ страсти, внушаетъ невольное уваженіе даже людамъ, считающимъ его ошибочнымъ; мало того, оно иногда внушаетъ противникамъ сомнѣніе насчетъ основательности ихъ собственныхъ доводовъ и благородумія оппозиціи съ ихъ стороны.

Подобнаго рода мнѣнія и безпокойства неоднократно сжимали сердце Лавиніи, когда она находилась подъ обаяніемъ голоса и убѣдительныхъ словъ Паоло; и она чуть было не рѣшилась подчиниться его капризамъ и ежели не совершенно отказаться отъ свѣта и его удовольствій, то, по-крайней-мѣрѣ, ослабить узы, привязывавшія ее къ обществу. Но это были не болѣе, какъ обѣты моряка во время страшной бури. Свѣтъ — деспотъ, не допускающій, чтобы ему служили вполонину. Это одна изъ тѣхъ машинъ высокаго давленія, которыхъ сила непреодолима; ежели одинъ изъ вашихъ членовъ попадетъ въ нее, то вы можете быть увѣрены, что и все ваше тѣло будетъ вовлечено туда же и истертó въ порошокъ.

Молодая женщина, завербованная однажды въ милицію свѣта, не

можетъ безъ риска выйти изъ ея рядовъ, подобно солдату, который не можетъ оставить свой полкъ во время сраженія. Представьте блестящую миссъ Джонсъ, которая отказывается отправиться на вечеръ къ такой-то герцогинѣ, или же изъявляетъ желаніе въ двѣнадцать часовъ уѣхать съ какого нибудь бала въ посольствѣ. Какъ это можно! неужели она захочетъ потерять разъ приобрѣтенное положеніе въ свѣтѣ? Это было бы глупо, странно и даже смѣшно. Кому не случалось видѣть человѣка воздержнаго въ обществѣ пыльных гулякъ, которые заводили съ нимъ ссору за то, что онъ не хотѣлъ напиваться вмѣстѣ съ ними? Кто не слышалъ, какъ иногда охуждаютъ красоту многихъ дѣвушекъ единственно потому, что онѣ носятъ платье съ высокимъ лифомъ? Нужно обладать особенною способностью къ уединенію, особенною силою самостоятельности, чтобы дѣйствовать противъ нравственной атмосферы, которою дышатъ всѣ. У миссъ Джонсъ не было этой силы, — да и какимъ образомъ она могла ее приобрѣсть? Вотъ почему она бросилась въ потокъ и предалась волнамъ его тѣмъ съ большимъ безуміемъ, что она старалась заглушить свои собственныя размысленія.

Самому Паоло иногда казалось, что онъ слишкомъ требователенъ для влюбленнаго, и сколько разъ бѣдняжка давалъ себѣ слово на будущее время быть любезнѣе и сговорчивѣе! Но въ минуту страсти всѣ его намѣренія исчезали, подобно листьямъ, уносимымъ вѣтромъ. «Это дѣвушка пустая, — говорилъ онъ въ припадкѣ неудовольствія, — блескъ ослѣпляетъ ее, а шумъ приводитъ въ упоеніе. Она счастлива тѣмъ, что можетъ показывать свою красоту и порхать, подобно бабочкѣ. Искать любви въ этомъ сердцѣ — все равно, что искать меду въ камнѣ. За тѣмъ слѣдовалъ переломъ, и тогда внутренній голосъ говорилъ ему: «Ну, положимъ, что она дѣйствительно такова: по какому праву отравляю я жизнь ея? Ее воспитали такимъ образомъ, и перемѣниться она уже не можетъ. Я долженъ или взять ее такою, какъ она есть, или же отказаться отъ нея. Мучить ее подобнымъ образомъ — это невеликодушно и даже подло. Лучше перерубить этотъ гордіевъ узелъ, и тѣмъ покончить дѣло. Я напишу ей письмо и уѣду... завтра.» Письмо было написано: слѣдующій день настаивалъ, и нимъ проходилъ и другой, за которымъ въ свою очередь, тянулось безчисленное множество дней, а Паоло все еще оставался въ Рикъ терзаемый страшною нервнѣею. Онъ уже не былъ въ состояніи сдѣлать надъ собою прежнее усиліе. Пять словъ — «я васъ люблю всей душой» сдѣлали его совершенно безсильнымъ. Эти слова окружили его магическою чертою, откуда, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ выйти. Торнтонъ, который совершенно вѣрно предсказалъ такое положеніе дѣлъ, видя теперь исполненіе своего пророчества, нисколько не торжествовалъ и не насмѣхался надъ Паоло и былъ въ отношеніи къ нему самымъ добродушнымъ снисходительнымъ и вѣжливымъ утѣшителемъ и другомъ.

Эта борьба истощала Паоло; сердце его билось и трепетало въ рукахъ Лавиніи, точно бѣдная птичка, сжатая рукою безсознательно жестокаго ребенка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧТО БЫЛО ВЪ СВЕРТКѢ ПЕРГАМЕНТА?

Однажды Паоло собирался къ миссъ Лавини; но его приготовления были прерваны Дюжанромъ, который, въ полномъ дорожномъ костюмѣ, пришелъ наскоро съ нимъ проститься. Реалиста звали во Францію, по особенному желанію его стараго дяди, который жилъ въ Дофинѣ и котораго медицинскій факультетъ приговорилъ къ смерти.

— Желаніе дяди-холостяка, обладающаго тысячью франковъ ежемѣсячнаго дохода, священо во всякое время, — сказалъ шутливый французъ, — хотя я долженъ признаться, что со стороны добраго старика было несомнѣнно довольно почувствовать себя хуже какъ разъ накануне карнавала, и такимъ образомъ лишиться своего преданнаго племянника честныхъ развлеченій, на которыя онъ разсчитывалъ. *Entre la soupe et la lévêque*, какъ говорятъ у насъ во Франціи. Я бы ни слова не сказалъ, еслибы меня позвали двумя сутками позже. Такъ итъ же: на разсвѣтѣ я долженъ быть въ Чивита-Веккхи, потому-что парокондуктъ тщеславится своею пунктуальностью. Мы живемъ въ самомъ нечѣпномъ мірѣ, — да, клянусь Юпитеромъ! Мы, существа разумныя, родимся и умираемъ и во-время и не во-время, безъ всякаго порядка и методы—и однакоже настоятельно хотимъ, чтобы созданныя нами вещи были образцами пунктуальности.

— Двое сутокъ удовольствія вы, вѣроятно, наверстаете когда нибудь послѣ,—сказалъ Паоло, въ видѣ утѣшенія.

— Самое несчастное умозаключеніе, мой Телемакъ: Никакая потеха не можетъ быть вознаграждена. Если вы останетесь безъ обѣда сегодня и пообедаете два раза завтра, то сегодняшній постъ все-таки останется постомъ. Вы забываете, что двухдневная отсрочка дадна бы мнѣ возможность присутствовать при дебютѣ Армиды, и я горько сожалею, что долженъ лишиться этого удовольствія.

— Какая Армида? Какой *дебютъ*?—спросилъ Паоло.

— Полно хитрить со мною!—возразилъ французъ, — вы слишкомъ близко знакомы въ одномъ мѣстѣ, съ нѣкоторыми лицами, чтобы не знать всего относительно этого предмета. Какой хитрый плутъ!

— Клянусь жизнью, я не имѣю ни малѣйшаго понятія— на кого вы намекаете!—сказалъ Паоло съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Чтобы навести васъ на настоящій слѣдъ, я поставлю удареніе надъ моею и,—сказалъ реалистъ. Итакъ, во-первыхъ, *Армида*—это розовице данное одной очаровательной янглезинѣ (англичанкѣ), о которой—по словамъ этой неугомонной болтуни, Молвы—вы знаете больше нежели многіе другіе.

Паоло нахмурился.

— Сдѣлайте одолженіе, не давайте прозвищъ особѣ... дамѣ, которая достоинствуетъ меня своимъ знакомствомъ.

— Вотъ ужъ вы вѣспыляди, какъ какой-нибудь горячій и щекотливый американскій сенаторъ,—сказалъ Дюжанръ, Извините меня;

но вѣдь не я выдумалъ это названіе для англійской красавицы: такъ ее называетъ весь Римъ. Увѣрю васъ, я вовсе не думаю унижать ее; совершенно напротивъ. Я слышалъ, что Армида — имя, прославленное однимъ изъ вашихъ великихъ поэтовъ. Я никогда не читалъ Тасса: въ дѣлѣ поэзіи—Веранже, по-моему, есть альфа и омега.

— Но этотъ *дебютъ*? спросилъ Паоло.

— Этотъ дебютъ долженъ происходить послѣ-завтра на домашнемъ театрѣ маркизы Дельфуэго-и-Аркоств. Тамъ будутъ всѣ, кто только имѣетъ какое нибудь притязаніе на принадлежность къ знатному кругу... Но что я толкую, вамъ это извѣстно лучше, нежели мнѣ...

— Продолжайте, прошу васъ,—сказалъ Паоло отрывисто.

Дюжаръ умѣрилъ нѣсколько свой обычный эффектный тонъ разговора и продолжалъ:

— Маркиза будетъ королевой Елисаветой, Арм... т. е. англичанка—Марією Стюартъ. Роль Лейстера отдана одному тенору, любителю,—который, какъ я слышалъ, будетъ почище Маріо, князю Рокка Джинестра.

По яркой краскѣ, выступившей на лицѣ Паоло, можно было заключить, что вся кровь стремительно бросилась ему въ голову; чрезъ дѣтъ секунды за тѣмъ онъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Вѣроятно, Дюжаръ сдѣлалъ собственные выводы изъ этихъ признаковъ, которыхъ онъ не могъ не замѣтить; но онъ не обнаружилъ своихъ мыслей, и только сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Итакъ прощайте, мой милый Телемакъ.

Обычная говорливость реалиста была прервана волненіемъ, котораго онъ отъ себя не ожидалъ.

— Надѣюсь вы отгнаете меня, если пріѣдете когда-нибудь въ Парижъ, потому-что я навѣрное буду въ этомъ несравненномъ городѣ. Жизнь возможна только въ Парижѣ, да еще, пожалуй, въ Римѣ. Парижъ—именно такое мѣсто, которое вамъ необходимо; онъ излечилъ бы васъ отъ трагическаго взгляда на жизнь. Вы одинъ изъ лучшихъ людей, какихъ только я знаю. Я никогда не льщу, но въ нѣкоторыхъ вещахъ... нѣтъ, я не стану распространяться теперь насчетъ вашихъ слабостей. Повѣрте мнѣ, — и это послушать вамъ въ прокъ,— вся жизнь — штука. Засимъ со всею любовью и уваженіемъ возвольте сказать вамъ: *До свиданія*.

И добродушный вѣтренный молодой человекъ торопливо вышелъ и бросился внизъ по лѣстницѣ, напѣвая голосомъ, въ которомъ слышался нѣкоторый пафосъ:

Все на этомъ жалкомъ свѣтѣ

Пустяки,

Пустяки...

Вдва замерли вдали звуки этого голоса, Паоло побѣжалъ въ палатку Морлакки.

Въ сердцахъ даже свѣтской женщины, которая любитъ хоть сколько нибудь, есть золотой рудникъ, который принесетъ прибыль свыше всякаго ожиданія, если мы надлежащимъ образомъ изслѣдуемъ его и осторожно будемъ съ нимъ поступать; въ противномъ же случаѣ онъ

потеряется среди мусора, подъ которымъ лежитъ. Еслибы нашъ молодой безумецъ могъ прочесть сокровенныя мысли миссъ Джонсъ въ ту минуту, когда онъ дышалъ только презрѣнiемъ и гнѣвомъ противъ нея, онъ палъ бы къ ея ногамъ, въ восторженномъ обожанiи. Никогда до такой степени, какъ въ этотъ именно день, Лавинiя не была близка къ тому, чтобы поступить согласно желанiямъ Паоло; и очень немногаго не доставало чтобы превратить это расположенiе въ дѣйствительный фактъ. Мысль о томъ, что она будетъ играть видную роль въ театральномъ представленiи, дѣлалась для нея все болѣе и болѣе неприятною и теперь всѣ ея мысли были заняты тѣмъ, какъ бы уклониться отъ даннаго ею обѣщанiя. Когда первый порывъ ея тщеславiя прошолъ, она почувствовала не только отвращенiе, которое испытываетъ молодая и скромная женщина, къ появленiю, въ качествѣ дебютантки, на сценѣ, называемой домашнею только изъ вѣжливости, но кромѣ того ее пугала и беспокоила горячность, которую выказалъ князь относительно ея на репетицияхъ. Уже по самой роли своей, Лейстеръ долженъ былъ не одинъ разъ становиться предъ нею на колѣни, брать ея руку и прижимать ее къ своему сердцу—словомъ выражать самую страстную любовь и взглядами и жестами. Но все это, что онъ долженъ былъ дѣлать по обязанности, онъ дѣлалъ такъ охотно, такъ естественно, что это доходило до нес plus ultra правдоподобной игры, если только это можно назвать игрою. Вѣдная временная королева Шотландiи почувствовала неприятное смущенiе и неудовольствiе, когда нѣкоторые *aparte*, которыхъ вовсе не было въ либретто, достигли ея слуха; *aparte*, на которыя была такъ щедра графъ-князь, когда королева-маркиза на мигнуту оставила сцену. Другимъ источникомъ безпокойства Лавинiи была внезапная и полная перемѣна, происшедшая съ благородной креолкой, съ-тѣхъ-поръ какъ начались окончательныя репетиции. Восторженная дружба ея сiятельства къ молодой англичанкѣ смѣнилась ледяною холодною и совершенный разрывъ между ними, по видимому, былъ очень близокъ и неизбеженъ.

Миссъ Джонсъ не одинъ разъ замѣчала искры гнѣва въ прекрасныхъ черныхъ глазахъ и тонъ горечи въ голосѣ ея дражайшаго друга. Въ умѣ молодой дѣвушки вдругъ возникли живыя оцасенiя: «ужъ ли въ самомъ ли дѣлѣ маркиза такая женщина, съ которой нельзя заводить слишкомъ близкаго знакомства, а князь не такой человекъ, чтобы она могла съ нимъ пѣть и играть на сценѣ», и съ каждымъ днемъ болѣе ее тревожила мысль, что Паоло былъ правъ въ своемъ сужденiи объ обоихъ. Итакъ онъ, можетъ быть, никогда не стоялъ ю мнѣнiи Лавинiи выше, какъ въ ту минуту, когда, услышавъ, что онъ находится въ ея мастерской, она поспѣшила туда въ нетерпѣливомъ желанiи его видѣть. Мы должны напомнить читателю мимоходомъ что разговоръ между учителемъ и ученицей происходилъ всегда на итальянскомъ языкѣ и, слѣдовательно, допуская совершенную свободу спора, вотому - что двѣ дуаньи — мистрисъ Джонсъ и юришница Лавинiя, изъ которыхъ та или другая всегда присутствовала при обѣдахъ, не знали никакого языка, кромѣ своего роднаго.

Улыбка Лавинии, когда она подходила къ нему, обѣщала такъ много, какъ радуга въ туманныхъ небесахъ, еслибы Паоло былъ въ состояніи правильно истолковать этотъ признакъ; но, при видѣ его гнѣвнаго лица, безмятежная ясность исчезла съ ея физиономіи.

— Вы отказываете самому лавинишнему изъ вашихъ римскихъ друзей въ благодѣяніи, которое хотите оказать многимъ, — началъ итальянецъ, — то есть, — прибавилъ онъ, замѣтивъ недоумѣніе въ ея голубыхъ глазахъ, — въ удовольствіи присутствовать при вашихъ триумфахъ въ качествѣ пѣвицы и актрисы. Весь городъ взволнованъ извѣстіемъ о вашемъ дебютѣ, а вы оставляете меня, бѣднаго отшельника въ совершенномъ невѣдѣніи на этотъ счетъ и даже не пригласили меня, не предложили билета для входа.

Тонъ его голоса иридалъ этимъ словамъ то ироническое выраженіе, какого онъ желалъ и которое укололо ее. Добрый ангелъ Лавинии улетѣлъ.

— Я думала, что для человѣка, съ вашими высокими стремленіями и возвышенными привычками, — отвѣчала она, — такія легкомысленныя забавы не могутъ имѣть привлекательности.

— Легкомысленныя! — повторилъ онъ, — вы очень снисходительны, называя ихъ этимъ именемъ. О, еслибы онѣ не были хуже, чѣмъ легкомысленны! Назовите ихъ лучше...

— Пропу васъ, — прервала Лавинія, — забудьте меня отъ вашихъ проповѣдей. Я не обязана отдавать отчетъ въ моихъ поступкахъ никому, кромѣ тѣхъ, которые заступаютъ мнѣ мѣсто родителей.

— Никому другому? — спросилъ Паоло съ выразительнымъ взглядомъ.

— Да, никому, — отвѣчала она твердо и рѣшительно.

— Воплотѣ ли вы увѣрены, — продолжалъ Паоло, дрожа съ головы до ногъ отъ сдержаннаго волненія, — дѣйствительно ли увѣрены, что не давали никому другому права предостерегать васъ?

— Если я когда-нибудь дала это право, то теперь беру его назадъ, — былъ быстрый и рѣшительный отвѣтъ Лавинии.

— Пусть будетъ такъ! — воскликнулъ молодой человѣкъ, не сдерживая болѣе своего гнѣва. — Унижайте себя, отставая свою независимость, и къ неприличію появленія въ качествѣ актрисы, прибавляйте позоръ сообщества съ человѣкомъ, на котораго весь Римъ смотритъ съ ужасомъ и оштрашеніемъ.

— Вы увлекаетесь своею обыкновенною манерою преувеличивать, сказала она — и навязываете *всему* Риму ваши собственныя чувства.

— Какъ пристала къ вашимъ устамъ эта защита князя Рокка-Джестри! — сказалъ Паоло съ ѣдкой усмѣшкой. — Чтобы вамъ легче было защищать этого оклеветаннаго аристократа, позвольте мнѣ рассказать вамъ одинъ примѣръ его доблестей.

— Избавьте себя отъ такого труда — возразила Лавинія; — въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Я уже знаю, чѣмъ именно онъ провинился передъ вами.

— Могу я спросить чѣмъ?

— Тѣмъ, что онъ князь; такъ же, какъ вина графа состоитъ въ томъ, что онъ графъ, а маркизы — что она — маркиза.

— Весь сомнѣніи, — возразилъ Паоло, и оскорбилъ вашихъ боготъ.

и они должны быть отомщены. Чѣмъ я могу искупить свою вину? Вы знаете, что подобные мнѣ люди — существа нецивилизованныя и позволяютъ себѣ презирать то, что достойно презрѣнія, несмотря на горбъ и дворянскую корону.

Во всѣхъ горячихъ битвахъ, происходятъ ли онѣ между любовниками или между арміями, бываютъ минуты крайняго ожесточенія, когда желаніе побѣдить уступаетъ свое мѣсто желанію надѣлать какъ можно больше вреда. Такой моментъ наступилъ теперь для миссъ Лавиніи: она не вѣрнула ни одному слову изъ того, что хотѣла сказать, но зная, что можетъ уязвить его этимъ, отвѣчала:

— Не случается ли намъ иногда принимать видъ презрѣнія къ тому, чему мы... завидуемъ?

— Завидуемъ! — повторилъ онъ, — завидуемъ?.. Чему?

— Вы помните басню: «Лисица и Ворона»?

Паоло захохоталъ и возразилъ:

— Положите съ минуту и вамъ покажу эту басню навыворотъ.

И онъ ушелъ.

Гдѣ-то, въ углу мастерской Паоло, валялся заржавѣвшій жестяной цилиндръ, въ которомъ лежалъ попорченный молью свертокъ пергамента, заключавшаго въ себѣ дворянскую грамоту перваго маркиза Родипани, графа священной Римской имперіи. По этому документу, титулъ маркиза долженъ былъ переходить къ законнорожденнымъ наслѣдникамъ мужескаго пола, а въ случаѣ неимѣнія ихъ — къ наслѣдницамъ, которыя, по особенной статьѣ, имѣли право передавать его своимъ наслѣдникамъ, безъ различія пола. Поэтому Паоло Манчини, какъ сынъ и наслѣдникъ дочери послѣдняго маркиза, имѣлъ неоспоримое право, въ силу этой статьи (и это ему было извѣстно), принять титулъ маркиза, еслибы захотѣлъ. Этотъ почтенный пергаментъ переходилъ отъ Родипани къ Родипани, и наконецъ попалъ въ руки нашего знакомаго, стараго маркиза. Послѣ его смерти, онъ, въ числѣ другихъ вещей, перешелъ къ его дочери Бьянкѣ, вышедшей замужъ за Манчини, отца Паоло. Паоло напелъ цилиндръ въ ящикъ съ фамильными бумагами, и, желая сохранить все, оставшееся послѣ его родителей, спряталъ его въ углу мастерской.

Теперь Паоло отыскалъ жестяной ящикъ, и, придя къ Лавиніи, объяснилъ, что въ немъ заключалось, окончивъ свою рѣчь торжественными словами: — Виноградъ въ моихъ рукахъ, но я его презираю. — Затѣмъ, съ нѣсколько-мелодраматическимъ видомъ, онъ разорвалъ невинный пергаментъ пополамъ, и бросилъ куски его къ ногамъ миссъ Лавиніи.

Надо признаться, что женщины имѣютъ слабость къ театральнымъ эффектамъ, иначе поступокъ Паоло не показался бы Лавиніи столь же великимъ, какъ намъ онъ кажется мелочнымъ. Человѣкъ, который могъ бы быть маркизомъ, но не захотѣлъ этого, показался ей безумцемъ, но безумцемъ возвышеннымъ, и она всѣ силы ума и воли употребила на то, чтобы излечить его отъ этого сумасшествія. Она обращалась къ его разсудку, но ея аргументы, какъ ни были они неопровержимы въ ея глазахъ, остались безплодными.

Онъ твердо стоялъ на своемъ принципѣ, что заслуга и низаслуга принадлежать яду, а не происхожденію, и что передача знаковъ чести или безчестія тому, кто не заслужилъ ни того, ни другого — верхъ нелѣпости. Тогда Лавинія старалась подбѣйствовать на его сердце, упрекая его въ малой любви къ ней, говоря, что онъ добровольно отталкиваетъ отъ себя вѣрное средство преодолѣть препятствіе, лежащее между ними. Она старалась даже заключить съ нимъ сдѣлку, общая съ своей стороны, если только онъ уступитъ ея просьбамъ, отказаться отнынѣ навсегда отъ театральнаго представленія въ виллѣ Торральба, отъ князя, отъ маркизы и т. п. Но упреки, мольбы, обѣщанія оказались безсильными противъ господствующаго въ душѣ Паоло чувства долга, которымъ онъ былъ обязанъ себѣ самому, своей родинѣ и своей партіи. Ни ради обладанія ею, ни ради власти надъ цѣлымъ міромъ, не захотѣлъ бы онъ оставить ряды народа и присоединиться къ рядамъ аристократіи. Онъ слишкомъ гордился своимъ титуломъ плебея, чтобы промѣнять его на титулъ маркиза. Паоло не даромъ былъ сыномъ своего отца. Лавинія не могла и не могла понять его; онъ тоже никакимъ образомъ не могъ поддаваться ея убѣжденіямъ. Различіе воспитанія, привычекъ и чувствъ цѣлой жизни, различіе общественнаго и политическаго состоянія двухъ странъ, къ которымъ они принадлежали, воздвигли между ними родъ китайской стѣны, которая могла быть уничтожена только временемъ, дорого купленнымъ опытомъ, а главное — измѣненіемъ исключительной нравственной атмосферы, которою они дышали до сихъ поръ.

Можетъ быть, мы не должны оканчивать главу, не разрѣшивъ вопроса, который, вѣроятно, приходитъ на умъ читателю: имѣли ли какой-нибудь основательный поводъ нападки Паоло на князя Рокка-Джинистру? что за преступленіе сдѣлалъ князь? На это вотъ категорическій отвѣтъ. Князь, скрывъ свое настоящее званіе подъ скромнымъ плебейскимъ именемъ, соблазнилъ одну дѣвушку въ Травестерене, извѣстную своею красотою, и отказался заглядѣть свою вину, когда она открылась. Молодая дѣвушка, въ отчаяніи, бросилась въ Тибръ. Эта грустная катастрофа произвела сильное впечатлѣніе, которое продолжалось столько времени, сколько обыкновенно продолжаютъ впечатлѣнія въ шумныхъ городахъ. Князь уѣхалъ изъ Рима, провелъ года съ два за границей, а потомъ возвратился, сдѣлавъ снова ублаженіемъ лучшаго общества. Чувства ужаса и отчаянія, о которыхъ такъ распространялся Паоло, сохранялись теперь въ душѣ только немногихъ, подобныхъ ему, мечтателей, а также травестеринцевъ, которые не забыли обиды и питали ненависть къ князю, какъ дѣлаютъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ плохо воспитанные люди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

С к а н д а л ѣ.

Наступило двадцать-восьмое декабря, день назначенный для великаго опернаго представленія въ виллѣ Торральба. Вечеръ холоденъ и

дождливъ. Но холодъ и дождь ничего не значатъ для богатыхъ, которые нѣбуютъ въ своемъ распоряженіи удобныя экипажи съ мягкими подушками, пшубы и кашмировыя шали, для защиты себя отъ подобныхъ неприятностей. Итакъ не удивительно, что мы застаемъ сливки римской аристократіи на пути къ виллѣ маркизы Дельфуэго-и-Аркость.

Въ своей комнатѣ на Бабуинской улицѣ сидятъ Паоло—ни живъ, ни мертвъ. Жребиі брошены: онъ долженъ сейчасъ ѣхать. Чемоданы его увязаны и уложены въ экипажъ, который стоитъ у двери, выходящей на улицу. Почтовые лошади заказаны, и итальянецъ, слуга Торнтонна, ждетъ только приказанія своего господина, чтобы идти за ними. Лицо у самого Торнтонна поблѣднѣло и осунулось; онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, садится на минуту и опять вскакиваетъ съ мѣста; онъ въ смущеніи и тревогѣ. Наконецъ, онъ рѣшается спросить:

— Не послать ли намъ за лошадьми, Паоло?

— Нѣтъ еще: подождемъ Сальватора. Онъ придетъ сейчасъ, какъ только... представленіе кончится. Я не могу уѣхать; я обѣщала подождать его.

Мортимеръ молчитъ. Онъ выходитъ, возвращается, садится, встаетъ, наконецъ говоритъ снова:

— Что за польза тебѣ отъ этого? Ты знаешь, изъ этой отсрочки ничего не выйдетъ. Ты знаешь, она сдѣлаетъ по-своему. Тебѣ Сальваторъ говорилъ сегодня утромъ, что она не измѣнила своего намѣренія. По-моему ѣхать—такъ сейчасъ. Полно Паоло, будь мужчиной!

— Легко сказать: будь мужчиной... Паоло съ улыбкой, отъ которой на глазахъ Торнтонна выступаютъ слезы, — но не такъ легко исполнить это, когда вся кровь приливаетъ къ сердцу.

Мортимеръ отходитъ къ окну и, при свѣтѣ уличныхъ фонарей, наблюдаетъ за ливнемъ. Торнтонъ сочувствуетъ Паоло тѣмъ болѣе, что видитъ въ немъ изображеніе себя самого, какимъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ назадъ, съ тою только разницею, что онъ не имѣлъ около себя преданнаго друга.

Паоло бросается на софу, и закрываетъ голову подушками: онъ не можетъ вѣрить, что онъ дѣйствительно уѣзжаетъ изъ Рима, что Лавинія сдѣлаетъ поступокъ, который, какъ онъ ей сказалъ, долженъ разлучить ихъ навсегда. Онъ, въ отчаяніи, всемъ существомъ своимъ отдается этой женщинѣ, какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе морякъ отдается доскѣ, въ которой онъ видитъ единственную надежду на спасеніе. Паоло надѣется, хотя всякая надежда для него погибла: онъ находитъ причины надѣяться во всемъ, что возможно и даже невозможно: онъ ищетъ ихъ въ случайностяхъ, изображаемыхъ его разгоряченнымъ мозгомъ. Она можетъ измѣнить свое намѣреніе въ послѣднюю минуту. Представленіе можетъ быть отложено по случаю дурной погоды (даже отсрочка была бы для него благопріятіемъ); кто-нибудь можетъ заболѣть, — только не она, сохрани Боже! — можетъ простудиться маркиза или князь; или этотъ проклятый театръ можетъ сгорѣть, или его разрушить землетрясеніе въ ту самую минуту, когда взойдется занавѣсъ. Развѣ это не

возможно? Вѣдь случались же подобныя вещи. Онъ помнитъ исторію объ одномъ несчастномъ, котораго вѣдъ уже на эшафотъ и котораго жизнь была спасена подобною же катастрофою.

Чу! бьетъ восемь часовъ — роковая минута! Свистокъ раздакъ, и вотъ она на сценѣ, во всей своей красотѣ. Сотни глазъ устремлены на нее и впииваются въ эти благороднѣйшія черты, какія когда-ли бо производила природа. Она поетъ — всѣ притаили дыханіе, вы могли бы услышать паденіе булавки. Она поетъ, какъ только она одна можетъ пѣть; поетъ, какъ она пѣла когда-то для него. Она кончила. Стѣны дрожатъ отъ громкихъ, продолжительныхъ рукоплесканій; букеты дождемъ сыплются къ ея ногамъ; свѣтскіе франты всѣхъ возрастовъ съ вьющимися кудрями и съ лысинами на головахъ, толпы герцоговъ, князей, маркизовъ высовываются изъ своихъ ложъ и съ выраженіемъ томной вѣги похлопываютъ руками, затянутыми въ бѣлыя перчатки, одинъ передъ другимъ добываясь ея взгляда и улыбки. Она кланяется и улыбается, — улыбается и кланяется; она уходитъ, но снова должна вернуться: ей кричатъ фора, ее вызываютъ безъ конца. Никогда не бывало еще подобнаго фурора. Да, она можетъ имѣть такой сіяющій видъ; она можетъ быть такъ счастлива, — счастлива нисколько не думая о немъ, счастлива безъ него, счастлива на зло ему, счастлива когда его сердце разрывается въ куски... Нѣтъ, этого не можетъ быть; этого не должно быть. Вотъ является мститель. Молодой человекъ, блѣдный, съ блуждающимъ взглядомъ, болѣе похожій на привидѣніе, чѣмъ на живое существо, подходитъ къ ней, шатаясь отъ изнеможенія. Она, въ ужасѣ, отступаетъ отъ него; онъ ее преслѣдуетъ, настигаетъ и... поражаетъ себя кинжаломъ у ея ногъ. Вотъ что она сдѣлала!

Между тѣмъ какъ разстроенное воображеніе несчастнаго разыгрывалось такъ необузданно, Мортимеръ считалъ минуты.

— Половина десятаго, Паоло. Если бы случилось что-нибудь способное помѣшать представленію, то Сальваторъ уже давно былъ бы здѣсь. Не послать ли за лошадыми?

— Нѣтъ еще, подождемъ Сальватора. Потерпите, будьте снисходительны ко мнѣ, прошу васъ.

— Прошелъ еще часъ; раздакъ сильный ударъ звонка, и въ комнату вбѣжалъ Сальваторъ, до такой степени измокшій, какъ-будто онъ цѣлую недѣлю провелъ подъ проливномъ дождемъ: вода струилась съ его вымокшей, обезображенной шляпы, съ его рукавовъ, съ фалды его пресловутаго чорнаго фрака; вода бѣжала по его лбу, носу, ушамъ, рукамъ, подбородку. Его шествіе по комнатѣ было подобно движенію лейки. Цѣлая лужа образовалась на мѣстѣ, гдѣ онъ остановился. Онъ могъ бы служить моделью для изображенія какого нибудь рѣчнаго божества.

— Ну? — вскричалъ Паоло.

— Ну? — повторилъ Торитонъ.

— Сальваторъ бѣжалъ такъ скоро, что одышка мѣшаетъ ему говорить. Онъ указываетъ пальцемъ на свой прилипшій къ гортани языкъ, и, выразительнымъ жестомъ, проситъ пить. Мортимеръ идетъ

искать вина, хочеть налить его въ стаканъ, но маленькій человекъ выхватываетъ у него бутылку изъ рукъ, быстро подноситъ ее къ своимъ губамъ и разомъ проглатываетъ половину цѣлебной жидкости; затѣмъ, испустивъ долгій вздохъ облегченія, Сальваторъ вскрикиваетъ речитативомъ:

— *Fiasco volante!* (торжественная неудача).

— Бѣдняжка! не говорите ни слова, пока не переѣните платья,—сказалъ Торнтонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сначала и прежде всего — мой рассказъ. Я скину только сапоги, если у васъ есть запасныя туфли; но эта церемонія не помѣшаетъ моему языку.

— Усѣвшись спиной къ огню, и съ усиленіемъ стаскивая свои мокрые сапоги, Сальваторъ началъ слѣдующимъ образомъ.

— Никогда дѣло не начиналось такъ хорошо...

— А миссъ Джонсъ? перебилъ Паоло.

— Миссъ Джонсъ? она дома. Итакъ... продолжалъ Сальваторъ,— между тѣмъ, какъ Торнтонъ снималъ съ него платье и покрывалъ его дорожнымъ плащомъ,—никогда дѣло...

— Выходила она на сцену или нѣтъ?—спросилъ Паоло.

— Да, выходила, конечно.—И Сальваторъ въ третій разъ началъ свое: никогда дѣло... и въ третій разъ Паоло остановилъ его востановомъ.

— Что же случилось съ ней?

— Мой милый, прервалъ добродушный расказчикъ,—если ты не дашь мнѣ говорить, то никогда ни узнаешь того, что случилось.—Итакъ... началъ онъ въ четвертый разъ.—никогда дебютъ не подавалъ большихъ надеждъ, и никогда не бывало болѣе неожиданной и печальной развязки... Однакоже, я долженъ признаться, что у меня были кое-какія предчувствія. *Il sospetto in cog parlava* (въ сердцѣ гнѣздилося подозрѣніе)... но я не долженъ забѣгать впередъ. Первый хоръ прошолъ великолепно, и арія перваго тенора *A! chi sa se in questo istante* (ахъ! кто знаетъ, что въ эту минуту) была пропѣта прекрасно. Даже какой нибудь новичокъ — а князь вовсе не новичокъ — непременно произвелъ бы эффектъ: слова такъ патетичны! Я написалъ ихъ истинно по вдохновенію, — да, увѣряю васъ. Но къ дѣлу. За тѣмъ,—вы знаете,—идеть речитативъ контральта. Армія... миссъ Лавинія, хотѣлъ я сказать — выполнила его мастерски; это дѣсто произвело фуроръ; зрители стали даже стучать стульями. Право, Паоло, когда женщина обладаетъ такимъ талантомъ, то даже грѣшно зарывать его въ землю.

— Будь такъ любезенъ, отложи свои комментаріи до другого времени, а теперь говори намъ дѣло, замѣтилъ Паоло.

— *Gelosia il sen mi lacerava* (ревность грудь мнѣ раздираетъ),—запѣлъ несправимый Сальваторъ. — Хорошо, станемъ говорить дѣло. За речитативомъ миссъ Маріи Стюартъ слѣдовала каватина, начинающаяся премиленькимъ *adagio*; оно постепенно переходитъ въ *andantino vivace*, во время котораго появляется князь Рокка Джинестра,

т. е. Лейстеръ. Здѣсь самое лучшее мѣсто перваго акта: дуэтъ тенора съ контраalto. Позвольте, я вамъ объясню ходъ дѣйствія. Сцена представляетъ лѣсъ. Лейстеръ, сопровождающій королеву Елизавету на охотѣ, оставляетъ свою государыню, и отправляется туда, гдѣ плачетъ королева Марія.—*Perchè piangi* (о чемъ плачешь)? и проч. Она объясняетъ ему причину своихъ слезъ:

*Sola son, tradita, oppressa,
Non un cor che al mio ripsonda.*

(Я одинока, мнѣ измѣнили, меня угнетаютъ; нѣтъ ни одного сердца, которое сочувствовало бы моему.)

«Есть однокорое сердце»,—возражаетъ Лейстеръ.— «Чье же?»—спрашиваетъ она. «Мое» говоритъ онъ. За тѣмъ онъ падаетъ къ ея ногамъ и гремитъ великолѣпное *io t'amo* (я люблю тебя)! Этимъ *io t'amo* заканчивается *andante vivace* дуэта и за нимъ вдругъ слѣдуетъ речитативъ: *m'ami dunque* (такъ ты меня любишь?) *io t'amo, oh gioia, та-та-та, ля-ля-ля...* Именно въ эту минуту, послѣ речитатива—замѣтьте хорошенько: не прежде—должна явиться королева Елизавета и застать Лейстера у ногъ Маріи. Теперь будетъ кстати рассказать вамъ о моихъ подозрѣніяхъ. Рядъ наблюденій, которыя я слѣлалъ совершенно нечаянно надъ маркизой во время послѣднихъ репетицій, возбудилъ во мнѣ нѣкоторыя опасенія насчетъ благополучнаго окончанія этого дуэта. Я замѣтилъ, что онамѣняется въ лицѣ при нѣкоторыхъ шекотливыхъ пассажахъ; притомъ она была такъ странна, такъ капризна, она постоянно придиралась къ пѣвцу и пѣвицѣ, посмѣивалась надъ утрированной игрою Лейстера, находила ошибки въ пѣніи англичанки, и даже разъ предложила, чтобы дуэтъ былъ совсѣмъ выпущенъ: словомъ, ея поведеніе было до такой степени необъяснимо, что мнѣ казалось, будто ревность королевы Елизаветы не притворна. Вы знаете, а можетъ быть и нѣтъ... (долженъ ли я рассказывать объ этомъ? Нехорошо распускать дурные слухи о женщинѣ, на счетъ которой я живу)... молва говоритъ, что между маркизой и княземъ завелась интрижка. Можетъ быть, это правда, можетъ быть, нѣтъ; слушать нельзя вѣрить; но развязка дуэта была вотъ какая. Два стоявшій на колѣняхъ Лейстеръ пропѣлъ свое «*io t'amo*», какъ вдругъ... у меня волосы поднимаются дыбомъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ—маркиза бросается, какъ тигрица, прямо къ нимъ и опрокидываетъ несчастнаго князя навзничь. Оркестръ, исполнявшій речитативъ, при этомъ несвоевременномъ выходѣ сбивается съ толку, путается и умолкаетъ. Публика, въ простотѣ души, аплодируетъ такой натуральной игрѣ. Нужно было рѣшиться на что нибудь. Я выскакиваю изъ своей суфлёрской канурки, бѣгу къ кулисамъ влѣво... пифъ, пафъ—и занавѣсъ падаетъ. Какъ ни медленно опускался этотъ занавѣсъ, однако же онъ, наконецъ, уваль, и я поспѣшилъ къ полю сраженія. Весь театральнй штабъ былъ уже тамъ. Сцена, которая тамъ разыгрывалась, превосходитъ всякое описаніе. Князь, съ помощью нѣсколькихъ хористовъ, старался успокоить разъяренную маркизу и убѣдить ее оставить сцену, боясь, чтобы ея слова не были слышны изъ ложъ и партера. Но она, въ пароксизмѣ бѣшенства, не трогалась съ

мѣста. Она грозила миссъ Лавиниѣ жестаи и взглядами, ругала ее, — къ счастью она говорила по-испански. Миссъ Лавиниѣ, блѣдная какъ болотно, но спокойная и владѣющая собой, стояла величественно, подобно королевѣ, презрительно глядя на свою противницу и не говорила ни слова; только, когда я подошелъ къ ней, она сказала мнѣ: Я наказана за то, что вошла въ этотъ домъ; меня предостерегали. Скажите это сеньору Паоло. Вѣрь мнѣ, мой другъ, это рѣдкая молодая дѣвушка. Вдругъ зрители начали выказывать признаки нетерпѣнія. Шумъ, похожій на шумъ морскаго црлшва, съ акомпанементомъ одного или двухъ свистковъ, предвѣщаль наступленіе бури. Время было дѣйствовать. «На приступъ, другъ Сальваторъ!» сказалъ я самому себѣ и очутился у рампы. Вооружась самыми ловкими поклонами и занскивающими, вкрадчивыми улыбкаи, я сказалъ: «Милостивые государи и государыни! сеньора маркиза, прося у васъ извиненія, уполномочила меня передать вамъ, что никто изъ этого достопочтеннаго собранія не можетъ искреннѣе ее сожалѣть о внезапной болѣзни, случившейся съ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, вслѣдствіе которой, по необходимости, представленіе не можетъ быть кончено въ этотъ вечеръ». Каково? вѣдь, это недурно для экспромта? Но, ради Бога, дайте мнѣ пить, а то я никогда не дойду до конца моей исторіи. У кометы есть еще хвостъ». Сальваторъ выпилъ, въразительнo чмокнулъ губами и продолжалъ:

«Чтобы сдѣлать для васъ яснымъ дальнѣйшій мой разсказъ, я долженъ вернуться назадъ; потерпите съ минутку. Я уже давно толковалъ маркизѣ о томъ, что не слѣдуетъ никого пускать за кулисы, включая участвующихъ въ представленіи лицъ. Наконецъ, не безъ затрудненія я убѣдилъ ее издать такой законъ, однакоже она настояла, чтобы въ пользу графа Фортигуэрры, ея особеннаго любимца, было сдѣлано исключеніе. «Онъ будетъ такъ полезенъ, онъ такъ уменъ и опытенъ»—и пр., и проч. Что онъ могъ бы быть полезенъ противъ этого нельзя было сказать ни слова, хотя его присутствіе постоянно кололо мнѣ глаза. Онъ внушалъ мнѣ сильное недовѣріе, не потому, чтобы я основывался на предубѣжденіяхъ Паоло относительно его; я имѣлъ къ тому болѣе справедливыя основанія. Одинъ изъ хористовъ, человекъ пожилой, уроженецъ Анконы, узналъ въ немъ своего земляка, и неоднократно предупреждалъ насъ, что это вовсе не графъ, а извѣстный мошенникъ. Было ли то справедливо или нѣтъ, только мы трое, т. е. анконецъ, я и Клелія согласились не спускать глазъ съ этого мнимаго графа, потому-что, кромѣ всякаго рода богатыхъ костюмовъ и цѣнныхъ украшеній, на сценѣ были брильянты маркизы, за которыми въ особенности слѣдовало присмотрѣть; изъ нихъ была сдѣлана діадема, которую королева должна была надѣть въ послѣднемъ актѣ, и маркиза говорила, что имъ нѣтъ цѣны. Эта діадема и другія драгоценности, хранившіяся въ шкатулкахъ, были поручены присмотру Клеліи и находившійся въ прилегающей къ сценѣ комнаткѣ, которая служила уборною маркизы. Среди шума и суматохи, которые надѣлала импрови-

зрѣвшая сцена ровности, мы совершенно забыли и о графѣ и о брильянтахъ. Когда, послѣ вторичныхъ поклоновъ публикѣ, я вернулся за занавѣсь, то съ удовольствіемъ увидѣлъ, что всѣ непріязненные дѣйствія прекратились. Маркиза позволила отвести себя въ глубину сцены; и хотя все еще казалась возбужденною, но уже не такъ, какъ прежде. Она перестала высказывать свою ярость словами и угрюмо молчала. Я сразу замѣтилъ какъ все это, такъ и то, что Клеіи не было на сценѣ. Вдругъ я вспомнилъ о брильянтахъ. «Вѣрно она пошла посмотреть ихъ» думалъ я. Едва эта мысль мелькнула въ моей головѣ, какъ въ уборной раздался отчаянный крикъ: это былъ голосъ Клеіи. Я опрометью бросился въ уборную, и увидѣлъ тамъ—мы всѣ увидѣли, потому-что всѣ, бывшіе на сценѣ, побѣжали за мной—что Клеіа борется съ графомъ, а щипчики съ драгоценностями разбросаны по полу. Нѣтъ надобности объяснять, въ чемъ было дѣло. Захваченный на мѣстѣ преступления, мнимый графъ небросалъ брильянты и старался улизнуть. И ему легко удалось бы уйти по черной лѣстницѣ, если бы Клеіа не уцѣпилась за него изо всѣхъ силъ. Черезъ минуту его схватили еще нѣсколько рукъ. Что же сдѣлалъ этотъ безстыдный негодяй—какъ бы выдумали? Я едва вѣрнулъ своимъ упамъ. Онъ объявилъ, что поймалъ Клеію въ крадѣ брильянтовъ, и что мы во-время явились къ нему на помощь, чтобы схватить ее! Но дѣло было слишкомъ очевидно и никто не повѣрилъ этой выдумкѣ. Князь послалъ за жандармами, находившимися въ караулѣ у виллы, но маркиза, повидимому скорѣе довольная чѣмъ встревоженная этимъ происшествіемъ, не велѣла трогать вора.

— Пустите его, — сказала она, — я не удивляюсь, что онъ оказался воромъ; онъ былъ представленъ мнѣ въ домѣ вотъ этой красавицы. — И она указала на миссъ Лавинію, которая была блѣдна, какъ смерть. Я шепнулъ Клеіи, чтобы она увела англезину въ свою комнату, а самъ взялся отыскать ея дядю и тетку. Къ счастью я ихъ скоро нашелъ и велѣлъ подать ихъ экипажъ. Какъ прильнула блѣдная миссъ Джонсъ къ моей Клеіи! Она надѣла одно изъ платьевъ Клеіи, и уѣхала. Этимъ оканчивается моя исторія. Когда я возвращался, мнѣ сказали, что маркиза наскоро распростилась со всѣми и удалилась въ свою комнату. Клеіа, которая двѣ недѣли уже ночевала въ виллѣ, осталась тамъ, говоря, что она не хочетъ покинуть свою госпожу въ эту тяжелую минуту; а я побѣжалъ къ вамъ, и вотъ я, къ вашимъ услугамъ.»

По окончаніи этого разсказа, Сальватора убѣдили переодѣться и онъ совершилъ это благоразумное дѣло съ проворствомъ арлекина. Наши три друга были слишкомъ взволнованы; они не могли спать и просидѣли цѣлую ночь, толкуя о событіяхъ этого вечера. Нужно ли прибавлять, что приказаніе привести лошадей было отмѣнено, и экипажъ отосланъ обратно на почтовую станцію?.. Лавинія въ слезахъ, Лавинія кающаяся, Лавинія несчастная—въ тысячу разъ могущественнѣе господствовала надъ сердцемъ Паоло, чѣмъ Лавинія царица красоты, Лавинія торжествующая и счастливая. Идти къ ней, броситься къ ея ногамъ, просить у нея прощенія въ своей грубости,

ободрить и утѣшить ее—таковы были въ настоящую минуту пламенные желанія молодого художника. Торнтонъ не рѣшился ничего возразить противъ этого; онъ даже не выразилъ удивленія по поводу переменны намереній Паоло относительно отъѣзда. Не разъ убѣдившись, что никакого добра не можетъ выйти изъ привязанности его друга къ миссъ Джонсъ, онъ чувствовалъ, что эта привязанность слишкомъ глубоко укоренилась, чтобы съ нею бороться. Къ чему же огорчать человека уже и безъ того огорченного? Подобная мысль не могла придти въ голову Мортимеру. Итакъ, не говоря ни за, ни противъ, онъ рѣшился не покидать Паоло, положивъ себя задачею—предохранять его или, по-крайней-мѣрѣ, смягчать удары и паденія неизбежныя на томъ пути, куда его увлекала судьба.

Передъ разсвѣтомъ Сальваторъ, уступая усталости, растянулся на довольно жесткомъ диванѣ, и сейчасъ же крѣпко заснулъ. Какъ только умолкъ дѣятельный языкъ Сальватора, всякіе разговоры прекратились. Паоло и Торнтонъ, погруженные каждый въ свои думы, сидѣли молча до-тѣхъ-поръ, пока лучезарное солнце, освѣтивъ комнату, не возвѣстало имъ, что они должны приготовиться къ тяжелымъ заботамъ новаго дня.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ два друга разошлись по своимъ комнатамъ, Паоло подали письмо. Оно было отъ Лавиннѣ. Вотъ его содержаніе:

«Если вы будете такъ великодушны—въ чемъ я и не сомнѣваюсь—что захотите увидѣть еще разъ ту, которая заплатила вамъ зломъ за добро, то прощу васъ, приходите какъ можно скорѣе. Мы уѣзжаемъ сегодня вечеромъ. Я цѣлый день буду дома. Для меня будетъ большимъ утѣшеніемъ, если тотъ, кто былъ свидѣтелемъ моего безумія, увидитъ также и мое раскаяніе.»

«Л. Дж.»

Къ какимъ порывамъ радости и отчаянія дали поводъ эти пять или шесть строчекъ! Паоло радовался признанію Лавиннѣ въ своей винѣ и приходилъ въ отчаяніе по поводу близкой разлуки. Намѣреніе англійскаго семейства уѣхать изъ Рима не удивило никого. Паоло предчувствовалъ этотъ отъѣздъ. Послѣ всего случившагося, человекъ, даже и менѣе м-ра Джонса боявшійся играть смѣшную роль въ глазахъ свѣта, имѣлъ бы полное основаніе бояться общественнаго мнѣнія. Уже одного того факта, что онъ покровительствовалъ... обманщику, отъявленному мошеннику и—что еще хуже—самъ занескивалъ его покровительства, достаточно, чтобы самый тщательный изъ людей понялъ неумѣстность своего дальнѣйшаго пребыванія тамъ, гдѣ онъ надѣлалъ такихъ промаховъ.

Неожиданный и таинственный конецъ представленія въ виллѣ Торральба, естественно, послужилъ предметомъ толковъ для цѣлаго города. Ходили самыя нелѣпыя слухи; говорили, что маркиза, въ припадкѣ равности, ранила князя Рока Джинестру кинжаломъ, и его жизнь находится въ опасности; что правительству была предложена баснословная сумма денегъ и баснословное количество брильянтовъ, и что оно приняло то и другое, чтобы замѣть дѣло. Миссъ Джонсъ, стараясь

спасти князя, своего жениха, тоже получила опасную рану. Таковы были главные слухи, которые въ то же утро были собраны Сальва-торомъ и сообщены имъ въ Бабуинскую улицу.

Паоло отправился въ палатцо Морлакки такъ рано, какъ только позволяло приличіе. Первая часть свиданія была именно такова, какой слѣдовало ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ отъ двухъ благородныхъ и до крайности восторженныхъ натуръ. Это была борьба великодушія, въ которой каждый старался взять на себя бѣольшую долю вины и, по возможности, оправдать другого. Вторая часть была такъ задушевна, такъ откровенна, такъ искренна, какъ этого и слѣдовало ожидать отъ молодыхъ влюбленныхъ, которые, послѣ серьезной размолвки, узнали, что въ нихъ обоихъ одно сердце, одна душа, и что они скоро должны разстаться. Паоло въ эти немногіе часы гораздо сильнѣе овладѣлъ ея сердцемъ чѣмъ въ теченіе всѣхъ четырехъ мѣсяцевъ своего знакомства съ нею. Они торжественно поклялись въ вѣрности и обмѣнялись залогомъ любви. Паоло подарилъ Лавиніи золотое кольцо, принадлежавшее когда-то его матери, а Лавинія, по просьбѣ Паоло, отдала ему одинъ изъ своихъ прекрасныхъ локоновъ. Она охотно такъ же обѣщала исполнить его капризъ: никогда не измѣнять своей прически и носить волосы заплетенными въ видѣ діадемы, какъ въ тотъ день, когда онъ увидѣлъ ее впервые.

— Въ слѣдующій разъ, какъ только мы увидимся, — сказала наивный Паоло, — уже одинъ видъ этой прически, которая такъ мнѣ нравится, скажетъ мнѣ, что вы еще меня помните и любите.

Теперь оставалось только назначить время и мѣсто ихъ будущей встрѣчи. Такъ-какъ ни тетка ни племянница не знали ничего о планахъ м-ра Джонса, кромѣ того только, что ихъ первая остановка будетъ въ Сіентѣ, то нельзя было ничего опредѣлить заранѣе. Лавинія могла сдѣлать только одно: обѣщать Паоло, что она напишетъ ему свой адресъ, какъ только узнаетъ, гдѣ они остановятся надолго. Тогда онъ пріѣдетъ къ нимъ, но не раньше, какъ спустя нѣсколько времени послѣ полученія ея письма. Это условіе сильно стѣсняло нетерпѣливаго молодого человѣка, которому было дано понять, что въ м-рѣ Джонсѣ неминуемо должны пробудиться подозрѣнія, если Паоло появится въ какомъ-нибудь городѣ немедленно послѣ того, какъ они поселятся тамъ. Лавинія назначала мѣсяцъ, но, по усиленнымъ просьбамъ Паоло, она сократила этотъ срокъ на пятнадцать дней. Тетка и племянница требовали этого времени для того, чтобы приготовить м-ра Джонса къ возможности появленія Паоло; онѣ скажутъ, что слышали отъ Паоло о его намѣреніи посѣтить именно этотъ городъ.

Минута разлуки приближалась. Кто бывалъ въ такихъ обстоятельствахъ, тотъ знаетъ, что значать подобныя минуты. Слова не могутъ объяснить ничего тому, кто не испыталъ всей горечи этихъ послѣднихъ мгновений, когда самая горячая вѣра колеблется, когда самыя твердыя надежды ослабѣваютъ. Къ счастью или къ несчастью, въ эту критическую минуту явилась Клелія. Она пришла по настоятельной просьбѣ Лавинія, которая хотѣла поблагодарить ея за ея услужливость и заботливость во время происшествія въ

виллѣ Торральба. Поэтому Паоло былъ принужденъ удерживать свои чувства и прощанье Лавиніи имѣло болѣе принужденный характеръ, чѣмъ могло бы имѣть при другихъ обстоятельствахъ. Зато Паоло не имѣлъ никакой причины не высказать своихъ чувствъ относительно мистриссъ Джонсъ. Онъ простился съ нею какъ искренній другъ, церемонно пожалъ руку м-ру Джонсу, и ушелъ, съ переполненнымъ сердцемъ.

Когда, вечеромъ въ шесть часовъ, дорожный экипажъ Джонсовъ выѣхалъ за заставу дель-Пополо, Лавинія замѣтила высокую фигуру какого-то мужчины, который, завернувшись въ плащъ, стоялъ возлѣ дороги, и видѣла, какъ онъ махнулъ ей бѣлымъ платкомъ. Это былъ послѣдній прощальный привѣтъ бѣднаго Паоло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Пытка.

По-тѣхъ-поръ, пока медь послѣдняго свиданія съ миссъ Лавиніей оставался еще на губахъ Паоло, жизнь для него была сноснѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Но когда, мало-по-малу, эта сладость, изъ которой каждый день уносилъ маленькую частичку, наконецъ исчезла, то скрывавшаяся подъ нею горечь дала себя чувствовать снова. Говоря яснѣе, по мѣрѣ того, какъ образы и чувства, навѣянные этимъ блаженнымъ свиданіемъ, начали блѣднѣть и смѣшались другими образами и чувствами, принадлежавшими болѣе давнему времени и далеко не такъ пріятными, новый адъ закипѣлъ въ груди нашего бѣднаго друга. Гдѣ бы ни находилась женщина съ такою красотой, съ такими талантами и совершенствами, приманки свѣта должны ее преслѣдовать; но можетъ ли она, да и захочетъ ли, противостоять имъ для него? Есть ли какая-нибудь основательная причина думать, что она опять не сдѣлается такою же, какъ была прежде? Навѣрно она забыла уже его теперь... и проч., и проч.. Таковы были внушенія демона, который жилъ въ глубинѣ души Паоло и терзалъ его невыразимою пыткой. Сомнѣніе, недовѣріе, ревность, жолчь не давали ему ни минуты покоя. Довѣренность въ любви, подобна цвѣтку алоэ, который цвѣтетъ только разъ.

Онъ не ѣлъ, не спалъ, не говорилъ; онъ томился, какъ душа въ чистилищѣ. Единственною его утѣхой, оланственнымъ развлеченіемъ были продолжительныя, одинокія прогулки ночью за заставу дель-Пополо, гдѣ онъ видѣлъ Лавинію въ послѣдній разъ. Запираясь на цѣлый день въ своей мастерской, куда не допускалъ своихъ друзей, даже Торнтонъ и Сальватора, забывъ свои кисти, краски, палитру, онъ постоянно былъ занятъ своими неумолкавшими мыслями; безпрестанно ворочалъ этотъ камень Сизифа. Единственнымъ человѣческимъ существомъ, отъ котораго онъ не прятался, была невѣста Сальватора. Клелія послѣдняя видѣла Лавинію при ея отъѣздѣ, имѣла о ней хорошее мнѣніе, и ей удавалось по временамъ внушать молодому художнику нѣкоторую долю своей вѣры въ молодую англичанку. Но посѣщенія Клеліи были очень рѣдки; сказать правду, рѣдки

были и попытки Сальватора повидаться съ нимъ. Все его время, такъ же, какъ и время Клеин, было занято въ виллѣ Торральба, гдѣ работа кинѣла сильнѣе чѣмъ когда-нибудь.

Маркиза очень скоро оправилась отъ послѣдняго удара, нанесеннаго ей чувствами, и всѣ средства своего изобрѣтательнаго ума и полный кошелекъ употребила на пополненіе огромнаго пробѣла, оставленнаго въ ея оперной труппѣ удаленіемъ миссъ Джонсъ. Въ Неаполѣ была ангажирована настоящая примадонна; репетиціи слѣдовали за репетиціями, и не прошло и двухъ недѣль послѣ знаменатаго *fiasco* *volante*, какъ уже «Марія Стюартъ» была представлена снова. Выполненіе оперы сопровождалось громомъ неудержимыхъ рукоплесканій и выраженіемъ самаго пламеннаго энтузіазма со стороны тѣхъ же отборныхъ зрителей, которые такъ недавно насмѣхались надъ затѣями маркизы и въ своихъ гостинныхъ предавали ѣдкому злословію и театръ виллы Торральба, и его обладателю.

Прошло семь недѣль послѣ отъѣзда миссъ Лавинніи—а Паоло не получилъ отъ нея еще ни одного письма. Какое нужно еще убѣдительно доказательство того, что онъ забытъ? Отчаяніе грызло сердце молодого художника. Но что, въ самомъ дѣлѣ, случилось съ путешественниками?— Они только проѣхали черезъ Сьену. Въ это время тамъ стояли большіе холода и дулъ сильный вѣтеръ, а такая погода въ особенности была вредна для мистриссъ Джонсъ, здоровье которой становилось съ каждымъ днемъ слабѣе. Генуя, съ своимъ яснымъ солнцемъ и бальзамическимъ воздухомъ, была бы для нея лучше, но тамъ было мало англичанъ для общества м-ра Джонса, который, сверхъ того, имѣлъ много возраженій противъ генуэзскихъ узкихъ улицъ, идущихъ то въ гору, то подъ гору, а главное— противъ тамошней кухни, которую онъ называлъ невыносимою. И такъ, пробывши въ Генуѣ нѣсколько дней, англійское семейство отправилось въ Ниццу. Здѣсь уже не было недостатка въ англичанахъ; напротивъ, ихъ уже некуда было и дѣвать. Ницца заслужила благосклонность м-ра Джонса: здѣсь есть казино, здѣсь есть кабинеты для чтенія. Пицца далеко не хороша, но, по крайней мѣрѣ, ее можно назвать сносною, и мистеру Джонсу не грозитъ близкая опасность умереть съ голоду. Дамамъ нравился этотъ мягкій климатъ, эти зеленіющіе холмы, голубое небо и море. При такомъ блаженномъ согласіи въ мысляхъ всѣхъ членовъ семейства, Джонсы разбили на время свои палатки въ Ниццѣ. Замѣтьте, на время: потому что м-ръ Джонсъ на неоднократные вопросы относительно продолжительности періода, назначеннаго для пребыванія въ этомъ городѣ, давалъ постоянно одинъ и тотъ же дипломатическій отвѣтъ: «мы увидимъ» и такимъ образомъ оставался совершеннымъ сфинксомъ для тетки и племянницы. Не зная ничего сами о планахъ мистера Джонса, они не рѣшались писать къ Паоло.

Между тѣмъ Джонсы завели пріятныя знакомства, дѣлали и принимали визиты и участвовали въ удовольствіяхъ карнавала. Человѣкъ не можетъ запереться въ своемъ домѣ подобно совѣ въ разва-

динахъ, когда всѣ окружающіе его смертные собираются и танцуютъ. Со времени выѣзда изъ Рима до прибытія въ Ниццу, Лавинія жила какъ монахиня; она еще не оправилась отъ удара, нанесеннаго ей катастрофой въ видѣ Торральба, и — надо отдать ей справедливость — находилась подъ полнымъ вліяніемъ чувствъ, возбужденныхъ въ ней разлукой съ Паоло. Но теперь ей нѣсколько стало надоѣдать это постоянное уныніе, и она была непрочь повеселиться. Она рѣшилась на это такъ же, какъ больной рѣшается принять лекарство, прописанное докторомъ. Лавинія думала, что по тѣхъ поръ, пока она не заводитъ новыхъ близкихъ знакомствъ и никакимъ образомъ не старается играть замѣтную роль въ обществѣ, она не дѣлаетъ противъ Паоло никакой измѣны. Она была увѣрена, что онъ не станетъ на нее сердиться за нѣкоторыя невинныя развлеченія.

Такой ходъ дѣлъ былъ внезапно остановленъ однимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ. Маленькіе города, гдѣ каждый встрѣчаетъ и знаетъ каждаго (мы говоримъ собственно о пріѣзжихъ), имѣютъ свои неудобства для людей, которые, подобно м-ру Джонсу, желали бы забыть сами и заставить другихъ забыть нѣкоторыя приключенія ихъ жизни. Сигналъ къ отъѣзду Джонсовъ изъ Ниццы былъ поданъ прибытіемъ туда одного англійскаго семейства, съ которымъ они были знакомы въ Римѣ. Парижъ довольно великъ для того, чтобы тамъ можно было прожить спокойно нѣсколько времени, не боясь неприятныхъ встрѣчъ. Поэтому они отправились въ Парижъ, и скоро устроились тамъ съ такимъ комфортомъ, какой только можно пріобрѣсти за деньги.

Въ числѣ пріятныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ въ Римѣ, находился нѣкто виконтъ де-Верла, хорошо воспитанный человекъ, среднихъ лѣтъ, который уѣхалъ въ Парижъ за недѣлю до того времени, когда м-ръ Джонсъ почувствовалъ себя въ необходимости сдѣлать то же. Прѣдъ своимъ отъѣздомъ виконтъ оставилъ Джонсамъ свой парижскій адресъ, вѣжливо прося ихъ продолжать съ нимъ знакомство и въ Парижѣ, если когда нибудь имъ случится тамъ быть. Тогдашнее состояніе политическаго горизонта, какъ это помнитъ всякій, замѣтно клонилось къ тѣсному союзу между двумя націями, и предчувствіе такого союза имѣло своимъ результатомъ взаимную пріязнь, простиравшуюся даже на отдѣльныя лица. Едва пріѣхавши въ Парижъ, м-ръ Джонсъ оставилъ карточку въ отелѣ виконта. Виконтъ, съ своей стороны, немедленно отдалъ визитъ, прося позволенія представить м-риссъ Джонсъ свою мать (виконтъ не былъ женатъ) и свою сестру, генеральшу.

Знакомство было пріятно для обѣихъ сторонъ. Виконтесса была семидесятилѣтняя старушка, но живая и любившая общество, наряды и вечера столько же, какъ какая нибудь женщина двадцати лѣтъ. Генеральша (называемая такъ по чину своего мужа) была одною изъ законодательницъ моды.

Старая виконтесса пригласила Джонсовъ на обѣдъ, а генеральша дала для нихъ танцевальный вечеръ. Лавинія произвела большое впечатлѣніе при згкахъ обѣихъ случаяхъ — она была такъ прекрасна,

такъ богата — и приглашенія посыпались на англійское семейство со всѣхъ сторонъ. Въ изумительно-короткое время Джонсы очутились въ само гь избранномъ парижскомъ обществѣ.

Неужели обѣщанное письмо къ Паоло до-сихъ-поръ не было еще написано? Да, къ сожалѣнiю. Уже болѣе половины февраля провели наши знакомые въ этой прiятной атмосферѣ, а м-ръ Джонсъ все еще оставался непроницаемымъ относительно того, думаетъ ли онъ оставаться въ Парижѣ, или уѣхать оттуда. Было бы непростительною несправедливостью сказать, что миссъ Лавинiя сдѣлалась равнодушною относительно исполненiя торжественно даннаго ею обѣщанiя. Хотя волны всеобщаго возбуждаемаго ею восторга убаюкивали молодую англичанку и помогали ей переносить терпѣливо свою участь, но она не сдѣлалась опять тѣмъ, чѣмъ была въ Римѣ. Даже среди триумфовъ и почестей, воздаваемыхъ ей красотѣ, она думала о Паоло, и съ каждымъ днемъ все болѣе беспокоилась, какъ бы онъ не истолковалъ ея продолжительнаго молчанiя въ дурную сторону. Впрочемъ, почему бы ей не рѣшиться написать къ Паоло? Даже еслибы имъ пришлось оставить Парижъ, то они могли уѣхать оттуда только въ Англiю, куда, на худой конецъ, могъ бы послѣдовать за ними и Манчини. М-риссъ Джонсъ съ жаромъ поддерживала этотъ планъ. Итакъ, Лавинiя 3-го марта написала и отправила письмо въ Римъ, въ которомъ она объяснила причины своего долгаго молчанiя и сообщила своему другу свой настоящiй парижскiй адресъ: № 25. Бульваръ Капуциновъ. По отсылкѣ этого письма, м-риссъ и миссъ Джонсъ значительную часть своего досуга проводили въ разсчитыванiи — когда долженъ прiѣхать синьоръ Манчини, главнымъ образомъ имѣя въ виду устроить дѣло такъ, чтобы къ тому времени у нихъ не было настоятельныхъ приглашенiй, отъ которыхъ имъ нельзя было бы отказаться. По ихъ соображенiямъ, Паоло, выѣхавъ чрезъ двѣ недѣли послѣ полученiя письма отъ миссъ Джонсъ, какъ это было условлено, не могъ быть въ Парижѣ ранѣе конца марта. Но онъ не принялъ въ расчетъ нетерпѣнiя Паоло.

Письмо Лавинiи произвело на него такое же дѣйствиe, какое производитъ пропущенiе свѣжаго воздуха на птицу, полузадохшуюся подъ колпакомъ пневматическаго снаряда. Оно оживило молодого человека. Его мрачное унынiе смѣнилось лихорадочнымъ волненiемъ, необузданнымъ желанiемъ тотчасъ же оставить Римъ. Только тѣ, которые извѣдали собственнымъ опытомъ, что значитъ томиться ожиданiемъ (напр., люди, которые, получивъ извѣстiе объ опасной болѣзни нѣжно-любимой матери или жены, находящейся далеко, ждутъ — не дождутся, когда имъ можно будетъ уѣхать, а между тѣмъ ихъ по дѣлымъ днямъ задерживаютъ разныя формальности, какъ, напр., прописка паспортовъ, полицейскiя удостовѣренiя и проч.) — только тѣ, говоримъ мы, могутъ составить себѣ понятiе о силѣ нетерпѣнiя и безпокойства, которыя мучили Паоло. Еще двѣ недѣли этого ада между тѣмъ, какъ ворота рая отворены и манятъ васъ къ себѣ — это дѣлая вѣчность! Рабъ собственнаго слова, Паоло не проженился ни одной жалобой, но изнывалъ въ молчанiи, снѣдаемый медленной м-

холодной. Ни пищи, ни отдыха—ни днемъ, ни ночью. Торнтонъ, наконецъ, сталъ пугать мертвенная блѣдность Паоло и его глаза, горѣвшіе неестественнымъ блескомъ. При всей своей неохотѣ давать совѣты, клонящіеся къ нарушенію даннаго обѣщанія, Мортимеръ счелъ нужнымъ дать такой совѣтъ. «Какова бы ни была причина—разсуждалъ Торнтонъ—на которой основывалось назначеніе двухнедѣльнаго промежутка между временемъ прихода письма и отъѣздомъ Паоло, эта причина должна уступить другой, гораздо болѣе важной и настоятельной: вѣроятной болѣзни, можетъ быть, чему нибудь еще хуже. Пятью днями больше или меньше (изъ назначеннаго срока въ это время уже прошло девять дней) не могутъ составлять большой разницы. Вѣроятно это былъ не болѣе какъ женскій капризъ, но для Паоло это—вопросъ о жизни и смерти».

Оправдывая себя подобными опасеніями, Торнтонъ предложилъ Паоло ѣхать съ нимъ немедленно, не откладывая долѣе. Паоло ухватился за это предложеніе съ жаромъ, съ какимъ приговоренный къ смерти узникъ хватается за данную ему отсрочку казни. Ихъ путешествіе изъ Чивита-Веккьи было быстро, но безпокойно: море сильно волновалось. Паоло, который все время терпѣлъ муки морской болѣзни и, высадившись на берегъ, едва могъ стоять на ногахъ, тѣмъ не менѣе упорно отказывался отъ отдыха и настаивалъ на томъ, чтобы сейчасъ же ѣхать въ Ліонъ. Это было длинное и скучное путешествіе въ то время, когда два большіе южные города Франціи не были еще соединены между собою желѣзною дорогой. Въ Ліонѣ они должны были поневолѣ остановиться часа на два, а затѣмъ отправлялись съ экстреннымъ поѣздомъ прямо въ Парижъ, куда прибыли въ семь часовъ вечера.

Торнтонъ, который не разъ уже бывалъ въ Парижѣ, помѣстилъ Паоло въ одномъ изъ такъ называемыхъ меблированныхъ домовъ, который онъ въ подобныхъ случаяхъ всегда предпочиталъ пышнымъ и шумнымъ отелямъ. Здѣсь онъ всегда находилъ спокойное, опрятное, удобное помѣщеніе, съ обязательно хорошо воспитанною хозяйкой. Этотъ домъ стоялъ на углу двухъ улицъ. Сент-Онорé и Роганъ; последнюю предполагалось скоро уничтожить, въ видѣтъ расширенія и украшенія города Парижа, въ связи съ окончаніемъ Лувра. Къ нѣкоторому огорченію Торнтонъ, мадамъ Франсуазъ—эта, по его мнѣнію, образцовая хозяйка—привлекала свои привѣтствія различными пояснительными замѣчаніями о томъ, какъ она, вмѣстѣ съ другими домовладѣльцами, получила значительное вознагражденіе, принуждена выбраться изъ своего дома; часть ея движимости уже перенесена въ другой домъ; но нѣсколько комнатъ осталось еще въ прежнемъ видѣ; и если онѣ понравятся *этому доброму м-ру Торнтону*, то онѣ къ его услугамъ во-тѣхъ-поръ, пока мадамъ Франсуазъ не получитъ окончательнаго приказанія выѣхать изъ улицы Роганъ. Во время этихъ переговоровъ Паоло, слишкомъ нетерпѣливый для того, чтобы ждать окончанія ихъ, перебивался въ одной изъ комнатъ, оставшихся еще нетронутыми.

Было болѣе девяти часовъ, когда Паоло, наскоро кончивъ свой туалетъ, попросилъ, чтобы ему привели извозчика: онъ былъ слѣпкомъ слабъ, разстроены и не могъ идти пѣшкомъ. Напрасно Мортимеръ старался отговорить его отъ визита къ Джонсамъ въ такую позднюю пору: Паоло былъ не въ такомъ состояніи духа или тѣла, чтобы послушаться благоразумнаго совѣта. Подобно бѣдному Ренцо, въ романѣ Манцони «Обручонные», послѣ ого возняніи въ гостинницѣ «Полумѣсяца», нашъ молодой другъ не могъ дѣлать ничего полезнаго. Возбужденное состояніе Паоло, хотя и не было произведено виномъ, тѣмъ не менѣе кипятило кровь въ его жилахъ. Итакъ, Торнтонъ послалъ за кабриолетомъ, и сѣлъ туда вмѣстѣ съ Паоло. Последний замѣтилъ, что онъ хотѣлъ бы лучше сдѣлать свой первый визитъ одинъ.

— Я вовсе не думаю входить къ Джонсамъ въ этотъ вечеръ, — возразилъ Мортимеръ, — но ты вовсе незнакомъ съ Парижемъ и мнѣ не мѣшаетъ проводить тебя до Бульвара Капуциновъ. Я оставлю тебя у двери, если Джонсы дома. На всякій случай береги въ своемъ карманѣ вотъ этотъ адресъ нашей квартиры. И Мортимеръ далъ ему карточку.

Паоло согласился и они поѣхали.

На улицахъ было больше народа, чѣмъ сколько можно было ожидать въ этотъ часъ, въ особенности, если принять въ соображеніе пасмурную погоду и рѣзкій холодъ. Мужчины и женщины, въ маскарадныхъ костюмахъ, бродили туда и сюда; изъ различныхъ группъ слышались громкія восклицанія, хохотъ, дикіе крики. На охотничій рогъ, трубившій на одномъ углу улицы, весело откликался другой рогъ, съ другаго конца ея. Звуки веселой музыки, доносимыя вѣтромъ, порохъ и топотъ ногъ по паркету свидѣтельствовали о вальсахъ, галлопахъ, и тѣхъ вихряхъ кружившейся въ пляскѣ толпы. Мортимеръ и Паоло прошли возлѣ одного великолѣпнаго дома, ярко освѣщеннаго газомъ. Жандармы, верхомъ, сторожили входъ и наблюдали за порядкомъ двигавшихся одинъ за другимъ экипажей. Въ этихъ экипажахъ Паоло видѣлъ цѣлты, и брильянты, и блестящіе мундиры. Изъ глубины дома вырывались волнами звуки оживленнаго оркестра. «Вальпургіева ночь» подумалъ оглушенный Паоло, «у этихъ людей только и на умѣ, что собранья, да пировамя, да праздники, и такъ проходятъ вся ихъ жизнь. Они сумасшедшіе, если только я самъ не сошолъ съ ума. Можетъ быть, я и сошолъ... да, я чувствую, что голова моя въ беспорядкѣ.» Паоло въ самомъ дѣлѣ былъ совсѣмъ разстроены: половину своихъ мыслей онъ, самъ того не замѣчая, высказывалъ вслухъ.

— Большинство людей вездѣ бываетъ подобно дѣтямъ, которые не могутъ выносить одиночества, — замѣтилъ Торнтонъ, важнымъ голосомъ; — для болѣею части изъ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, какъ оставаться наединѣ съ самимъ собою.

Эти виды и звуки такъ непріятно дѣйствовавшие на раздраженные нервы Паоло и столь необъяснимыя для только-что пріѣхавшаго въ Парижъ иностранца, не показались бы необыкновенными для вслѣд-

го, кто сколько-нибудь знакомъ съ Парижемъ и его обычаями. Наши два путешественника прѣѣхали въ эту столицу, самую веселую изъ всѣхъ столицъ въ мірѣ, 23-го марта. Это число пришлось какъ-разъ въ половинѣ великаго поста, которую французы называютъ la mi-carême. Такой живой, общежителный и жадный до сильныхъ ощущеній народъ, какъ французы, и въ особенности парижане, не могъ бы дотянуть до конца великаго поста, не заболѣвъ желтухой. Для избѣжанія этой опасности, они раздѣлили его пополамъ, и день, обозначающій это раздѣленіе, т. е. mi-carême, сдѣлали днемъ всеобщаго веселья и пировастья — словомъ, настоящею масленицей, сжатой въ двадцать-четыре часа. Отсюда эти маскарады и скрипки, и охотничьи рога, и освѣщеніе огромнаго дома. Это былъ домъ морскаго министерства, которое отворило свои залы для звѣздъ и лентъ и даже для менѣе знатныхъ смертныхъ, въ томъ числѣ и для нѣкоторыхъ знакомыхъ Паоло. Кому пришло бы въ голову, что 23 числа онъ уже прѣѣхалъ въ Парижъ, тогда-какъ его прибытія едва-ли можно было ожидать даже въ концѣ марта?

И такимъ-то образомъ случилось, что онъ засталъ ихъ собравшимися на балъ въ Парижѣ точно такъ же, какъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ напoлалъ ихъ готовыми на балъ въ Римѣ. Миссъ Джонсъ теперь тоже была въ полномъ туалетѣ; у ней все было приготовлено: букетъ флаконъ, вѣеръ, записная книжка, вышитый носовой платокъ. Такое совпаденіе обстоятельствъ слишкомъ мало было рассчитано на то, чтобы разсѣять пасмурное расположеніе духа Паоло. Особенно болѣзненно поразила его одна перемѣна, которую онъ замѣтилъ съ перваго взгляда: эти великолѣпные, шелковистые волосы, которые она, изъ любви къ нему, обещала зачесывать не иначе, какъ въ видѣ діадемы, что должно было послужить при ихъ слѣдующемъ свиданіи символомъ ея постоянства и чувствъ, эти волосы—увы!—были собраны въ два толстые жгута по обѣимъ сторонамъ головы, по послѣдней модѣ.

Сердце Паоло сжалось, и онъ не устоялъ бы на ногахъ, еслибы въ это время около него не случилось кресла, на которое онъ могъ опуститься. Положеніе миссъ Джонсъ было тѣмъ болѣе затруднительно, что она не видѣла никакого средства хоть сколько-нибудь облегчить его. Какъ могла она въ присутствіи своего дяди, котораго взгляды выражали неудовольствіе и подозрѣніе, оказать молодому человѣку радушный пріемъ, согласно внушеніямъ своего сердца? Мистрисъ Джонсъ совсѣмъ потерялась. Эта сцена, несмотря на свою непродолжительность и безмолвіе, была исполнена значенія. Лавинія рѣшилась прервать неловкое молчаніе. Она сказала, что какъ она, такъ и все ея семейство въ восхищеніи, встрѣчая въ Парижѣ лучшаго изъ своихъ римскихъ друзей; потомъ она выразила всеобщее сожалѣніе о томъ, что всѣмъ имъ приходится отказаться на этотъ вечеръ отъ удовольствія провести съ нимъ время.

Паоло, въ свою очередь, пробормоталъ, что онъ тоже сожалѣетъ о неудачномъ выборѣ времени для своего визита.

— Когда вы будете у насъ еще?—спросила Лавинія.

— Завтра въ полдень, — отвѣчалъ Паоло.

Мистрисъ Джонсъ прошептала нѣсколько словъ на ухо своей племянницы, которая и возразила:

— Нѣтъ, не приходите завтра утромъ: наше утро занято; но, — прибавила она, — приходите пить чай въ десять часовъ. Къ счастью, мы никуда не приглашены вечеромъ. Вы придете?

Онъ общался.

— До свиданья. Да смотрите, не позже девяти часовъ, — сказала она, улыбаясь.

Свиданіе кончилось; оно продолжалось не болѣе десяти минутъ.

Для Паоло въ настоящую минуту лучше всего было пройти въ пѣ-комкѣ до своей квартиры, чтобы такимъ образомъ свѣжій, холод-ный ночной вѣтеръ могъ освѣжить его пылавшую голову; но онъ чувствовалъ, что его ноги отказываются служить. Онъ позвалъ в-водчика и, бросившись въ фiakръ, вскричалъ: «въ Бабуинскую ули-цу!» Кучеръ объявилъ, что въ Парижѣ не водится улицы съ такимъ именемъ. Слегка насмѣшливый тонъ этого замѣчанія заставилъ Пао-ло сдѣлать умственно усиліе, и тогда онъ вспомнилъ, что благотвори-тельный Торнтонъ заставлялъ его положить въ карманъ жилета карточ-ку, на которой былъ написанъ его парижскій адресъ.

— Въ улицу Роганъ? ну, вотъ это такъ, — замѣтилъ кучеръ.

Сидя въ фiakрѣ, Паоло иногда забывалъ гдѣ онъ: въ Парижѣ или въ Римѣ; по временамъ онъ терялъ даже сознаніе въ своей тожест-венности съ римскимъ Паоло.

— Какъ поживаютъ твои друзья? — спросилъ Торнтонъ, какъ только Паоло вошелъ въ комнату.

— Хорошо, очень хорошо, — отвѣчалъ тотъ, взявъ свѣчу.

— Твой визитъ былъ очень коротокъ, — продолжалъ Мортимеръ.

— Очень коротокъ; спокойной ночи, — отвѣчалъ Паоло.

— Не хочешь ли ты выпить чашку чаю передъ тѣмъ, какъ ити спать? Это будетъ для тебя очень полезно.

— Нѣтъ, благодарю, я чувствую себя очень хорошо.

На этотъ разъ Торнтонъ счелъ за лучшее прекратить свои даль-нѣйшіе вопросы.

Паоло легъ въ постель и провелъ ночь такъ спокойно, что не стоило ему и ложиться. Онъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы остался се-дѣть и облегчилъ бы свое сердце задушевными изліяніями предъ своимъ добрымъ другомъ. Но то, чтобы онъ чувствовалъ острую боль отъ душевныхъ и физическихъ страданій, — нѣтъ, напротивъ, всѣ его ощущенія, внутреннія и внѣшнія, были подавлены и заглушены какимъ-то нравственнымъ гнетомъ. Больше всего его мучила невоз-можность заснуть, несмотря на сильное желаніе это сдѣлать. Только къ утру онъ забылся тяжелымъ сномъ, который продолжался часъ или около, и былъ тревожимъ беспокойными грезами и фантасти-ческими видѣніями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМАЯ.....

Балъ въ городской ратушѣ.

Причина, почему Джонсы отложили второй визитъ къ нимъ Паоло на двадцать-четыре часа, состояла въ томъ, что они получили приглашительные билеты для присутствованія при церемоніи принятія новаго члена института, которая должна была происходить въ утро, слѣдовавшее за тѣмъ вечеромъ, когда Паоло явился въ ихъ салонъ такъ неожиданно. Должно принять общимъ правиломъ, что сюрпризовъ слѣдуетъ избѣгать: пріятные сюрпризы такъ же рѣдки, какъ черные лебеди.

Рѣчь новозбраннаго члена, котораго умъ былъ остѣръ, какъ иглока, и отвѣтная рѣчь стараго члена, отличавшагося жолчнымъ краснорѣчіемъ, были ожидаемы съ напряженнымъ интересомъ и живѣйшимъ любопытствомъ. Оба они были нѣкогда политическими знаменитостями, оба были бойцами враждебныхъ, нынѣ низложенныхъ, династій, и потому отъ нихъ ждали, что они будутъ осыпать одинъ другого, а также правительство своего противника и правительство новое, возникшее на развалинахъ двухъ прежнихъ, градомъ язвическихъ, хорошо рассчитанныхъ ругательствъ. Общее ожиданіе, кажется, не было обмануто, если судить по неистовымъ рукоплесканіямъ слушателей, биткомъ натисканныхъ въ залу. Для нашего англійскаго семейства это была скука отъ начала до конца. Цѣлые четыре часа самой отборной реторикѣ болѣе чѣмъ достаточны даже для людей, наиболѣе способныхъ оцѣнить ее; а Джонсы не принадлежали къ ихъ числу. У двухъ дамъ были свои собственные заботы, а дивантъмонъ плохо зналъ французскій языкъ. Въ требованіяхъ моды есть свои невыгоды, но имѣть возможность сказать: «я присутствовалъ при церемоніи принятія члена такого-то въ академикѣ—это такое удовольствіе, для пріобрѣтенія котораго не бѣда нѣсколько и поскучать».

Виконтъ де-Верла, который съ большимъ трудомъ досталъ для Джонсовъ билеты, конечно, былъ тамъ же и присоединился къ своимъ англійскимъ знакомымъ при выходѣ ихъ изъ залы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ миссъ Лавиніей, онъ, прощаясь, сказалъ, что надѣется имѣть удовольствіе увидѣть ее вечеромъ.

— Вы думаете, что мы встрѣтимся въ Городской Ратушѣ?—сказала Лавинія,—но мы не получили билетовъ.

— Не получимъ!—воскликнулъ виконтъ — это невозможно! Я видѣлъ ваши имена въ спискѣ моей сестры. Здѣсь должна быть какая-нибудь ошибка, которую я поправлю.

— Пожалуйста, не беспокойтесь!—поспѣшила возразить молодая дѣвушка:—мы всѣ утомлены этими безпрестанными развлеченіями; сверхъ того, мы сами ожидаемъ гостей къ себѣ сегодня вечеромъ.

— Я все-таки надѣюсь встрѣтить васъ на балѣ, — наставлялъ виконтъ.—Съ вашей стороны было бы проступкомъ оскорбленія національности не присутствовать на праздникѣ, который дается именно въ честь англичанъ и на которомъ будетъ также и вашъ лордъ-мэръ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ *de cœdantia*. — И, приподнявъ свою шпы, вѣжливый французъ откланялся.

Тетка и племянница были поставлены въ довольно-затруднительное положеніе вѣжливостью виконта: она грозила нарушить ихъ планъ—спокойно провести вечеръ дома, и онѣ согласились взаимно поддерживать одна другую въ борьбѣ противъ всѣхъ покушеній, клонившихся къ тому, чтобы заставить ихъ отправиться въ Городскую Ратушу. Но судьба рѣдко благоприятствуетъ влюбленнымъ. Было восемь часовъ вечера; мистриссъ и миссъ Джонсъ только что кончили свой обѣдъ, какъ слуга доложилъ о пріѣздѣ генеральши.

— Префектъ чудовище: онъ заплатится мнѣ за свое поведеніе. Вы должны ѣхать съ нами; генераль достанетъ для васъ билеты. Императоръ пріѣдетъ въ половинѣ десятаго—значить, мы должны быть тамъ не позже девяти. Къ сожалѣнію, я могу вамъ дать только три четверти часа на туалетъ. Я подожду васъ здѣсь; вы видите, что я уже совсѣмъ одѣта.—Все это генеральша проговорила не переводя духа.

Лавинія, горячо поблагодаривъ *madame la générale*, просила извиненія, что не можетъ ѣхать; м-риссъ Джонсъ сказала, что они пригласили кое-кого къ чаю; но генеральша не хотѣла слушать никакихъ возраженій, не принимала никакихъ доводовъ. Здѣсь вѣшался еще м-ръ Джонсъ, который сказалъ своей женѣ, что она дѣлаетъ много шума изъ пустяковъ. Учитель рисованья можетъ придти въ какой нибудь другой вечеръ, и затѣмъ нѣтъ никакой причины не ѣхать на балъ. Бываютъ нравственныя невозможности такъ же какъ физическія. Къ числу ихъ принадлежитъ невозможность отказаться отъ добраго, ласковаго предложенія, когда вы въ состояніи представить основательныхъ причинъ для вашего отказа. М-риссъ и миссъ Джонсъ принуждены были уступить—и шли одѣваться, что сдѣлалъ и м-ръ Джонсъ. Генеральша осталась одна въ гостиной. Она перелистывала какое то иллюстрированное изданіе, но безпрестанно посматривала на часы, стоявшіе на каминѣ.

Лавинія одѣвалась не долго: въ первый разъ въ своей жизни она мало заботилась о томъ — что ей надѣть и присталь-ли къ ней ея нарядъ. Горничная была въ отчаяніи отъ торопливости своей госпожи. Минуты, которыя оставались такимъ образомъ въ запасъ отъ срока даннаго генеральшей, Лавинія употребила на то, чтобы вѣскою написать Паоло записку слѣдующаго содержанія:

«Мы ѣдемъ на балъ въ Городскую Ратушу. Умоляю васъ, не сердитесь на меня; я нисколько не виновата въ этомъ: я отправляюсь противъ воли. Меня буквально тащутъ туда. Вы можете спросить у тѣти. Уже давно пригласительные билеты намъ были обѣщаны одной дамой, которая постоянно была къ намъ добра и внимательна съ самаго пріѣзда нашего въ Парижъ. Почему-то, билетовъ этихъ мы не получали, и я была этому очень рада. Но эта дама пріехала къ намъ сама; она даже и теперь ждетъ насъ въ гостиной и настаиваетъ, чтобы мы непременно ѣхали съ нею. Дядя тоже требовалъ этого. *Невозможно* было отказаться. Я объясню вамъ всѣ

эти обстоятельства при первом свиданіи съ вами, и вы убѣдитесь, что я не могла поступить иначе. Приходите завтра утромъ въ двѣнадцать часовъ, пожалуйста, сказать мнѣ, что вы на меня не сердитесь. Меня зовутъ. Прощайте. Не думайте обо мнѣ худо. Я должна ѣхать.»

«Л. Дж.»

Оставивъ эту записку своей горничной, съ строгимъ приказаніемъ—ждать снѣбора Манчини и отдать ему записку въ собственныя руки, Лавинія присоединилась къ остальному обществу въ гостиной. Тотчасъ же послѣ того они отправились въ Городскую Ратушу.

Паоло, подлѣ предлогомъ сильной головной боли, оставался цѣлый день въ своей комнатѣ. Онъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ, когда былъ одинъ, или ложился на диванъ, когда приходилъ къ нему Торнтонъ. Съ нимъ было нѣчто похуже головной боли; онъ чувствовалъ себя полупомѣшаннымъ, и больнымъ до такой степени, что даже сомнѣвался иногда въ возможности ѣхать къ Джонсамъ въ этотъ вечеръ. Кромѣ того его сильно безпокоила мысль—какъ бы не сказать или не надѣлать у нихъ какихъ нибудь сумасбродствъ: онъ сознавалъ, что по временамъ онъ не въ состояніи владѣть своими мыслями и, до нѣкоторой степени, даже дѣйствіями. Разъ онъ очутился въ передней и не могъ дать себѣ отчета—зачѣмъ онъ туда пошелъ. Въ другой разъ ему показалось, будто бы онъ слышитъ внизу звонокъ и кто-то такъ явственно произноситъ его имя, что онъ бросился внизъ спросить, нѣтъ-ли письма къ нему. Повременамъ онъ готовъ былъ поклясться, что слышалъ голосъ миссъ Джонсъ въ корридорѣ.

Сознаніе этихъ неоднократныхъ галлюцинацій заставляло его избѣгать Торнтонъ и по возможности, не говорить въ его присутствіи. Чтобы сдѣлать удовольствіе своему другу, Паоло согласился поѣсть чего-нибудь, и ему принесли подносъ съ кушаньемъ, но какъ-только онъ остался одинъ, то тотчасъ же поставилъ кушанье въ шкафъ. Когда его убѣждали выйти прогуляться по бульварамъ, или въ Тюильри, онъ отговаривался усталостью, — отговорка довольно-благовидная, такъ-что Торнтонъ повѣрилъ ей. Несмотря на всю свою провинительность, англичанинъ, къ несчастью, не замѣтилъ усилій Паоло казаться спокойнымъ. То же самое было причиною, почему онъ, изъ деликатности, не навязывался молодому человѣку въ спутники при второмъ его визитѣ къ Джонсамъ.

Горничная Лавинія, исполняя приказаніе своей госпожи, была въ передней, когда пришелъ Паоло. Онъ взялъ у нея изъ рукъ письмо и, не распечатывая его, машинально прошелъ въ гостиную. Дѣвушка послѣдовала за нимъ, стараясь показать ему знаками, что никого нѣтъ дома и указывала ему на письмо, бывшее у него въ рукахъ. Онъ торопливо сломалъ печать и прочелъ первую строчку: «Мы ѣдемъ на балъ въ Городскую Ратушу»; потомъ онъ остановился на минуту, какъ-бы стараясь собраться съ мыслями, судорожно скомкалъ бумагу и, къ величайшему ужасу бѣдной дѣвушки, разорвалъ записку зубами. Его взглядъ, его движенія были какъ у помѣшаннаго. Эти нѣсколько словъ свели его съ ума.

Сойдя съ лестницы, онъ бросился на улицу. Фиакръ, въ которомъ онъ прѣхалъ къ Джонсамъ, стоялъ еще у дверей; нучеръ сдѣлалъ ему знакъ, но Паоло не видѣлъ ничего; онъ забылъ, что существуютъ фиакры, забылъ все, кромѣ того, что есть гдѣ-то Городская Ратуша и что Лавинія тамъ, на балу.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ Городская Ратуша?—спросилъ онъ у перваго прохожаго. И онъ бросился по направленію, которое ему указали. Голова его уже не кружилась, слабость его исчезла; онъ чувствовалъ въ себѣ могущество Самсона. Это была совершенно новая энергія, взволновавшая его сердце и укрѣпившая его мускулы,—непреодолимая сила дѣлать зло. О, если бы этотъ міръ былъ востроенъ на столбахъ, если бы онъ могъ его низвергнуть и похоронить весь человѣческій родъ подъ его развалинами!

Выйдя изъ лабиринта узкихъ и грязныхъ улицъ, онъ добрался, наконецъ, до широкой площади, и увидѣлъ предъ собою величественное зданіе, благородный фасадъ котораго залитъ былъ свѣтомъ. Итальянская и конная стража ясно указывала входъ въ этотъ дворецъ; кареты, сжатою массой, надвигали къ подъѣзду.

Паоло, слѣдуя за потокомъ разряженной толпы, прошолъ чрезъ обширный портикъ, поднялся по широкой лестницѣ и дошелъ до большой створчатой двери, которая вела въ залу. Тутъ кто-то остановилъ его. «Вашъ билетъ, мосье». Паоло бросился впередъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти. Множество полицейскихъ побѣждалъ за нимъ, схватили его, и потащили назадъ отъ залы, входъ въ которую былъ запрещенъ для людей, не имѣвшихъ билета. Сопротивленіе бесполезно. Ихъ слишкомъ много — десять, сто противъ него одного. Онъ кричитъ, умоляетъ, грозитъ. «Пять минутъ, только пять минутъ, чтобы найти одну изъ приглашенныхъ особъ, и шепнуть ей одно слово». Было совершенно невозможно исполнить подобную просьбу: это положительно-противно даннымъ приказаніямъ: нѣтъ билета—нѣтъ пропуска. Усатые блюстители порядка дѣлали ему эти замѣчанія сперва довольно-мягко, но, мало-по-малу, ихъ терпѣніе лопнуло. «Уходите спокойно! — сказали они наконецъ, а то мы отправимъ васъ на гауптвахту».

При этой угрозѣ онъ забылъ, что онъ одинъ противъ множества, забылъ и время и мѣсто, забылъ все, кромѣ того, что онъ пришелъ проклясть Лавинію, и долженъ сдѣлать это, несмотря ни на кого и ни на что. Онъ яростно бросается на своихъ противниковъ—бѣдный безумецъ!—въ одну секунду его схватываютъ и ведутъ къ дежурному офицеру. Къ счастью для Паоло, это былъ уже посядѣвшій воинъ, который видѣлъ на своемъ вѣку не только много праздниковъ, но и много сраженій. Битвы и испытанія жизни смягчили этого старика и умѣрили его рѣзкую солдатскую грубость. Наружность Паоло, его ростъ и его манеры напомнили ему его собственнаго сына, такого же молодца, служившаго теперь въ Алжирѣ. Офицеръ взялъ Паоло подъ-руку и, ласково уговаривая его, свелъ его съ лестницы, вывелъ на дворъ, потомъ на площадь и здѣсь оставилъ его, советуя ему спокойно вернуться домой.

Паоло, опершись на желѣзную рѣшетку, окружающую зданіе, подумалъ, что, вѣроятно, найдутся и другія двери для входа за эти стѣны. Какъ только это пришло ему въ голову, онъ бросился на по-лосы, и въ-самъ-дѣлѣ, махнулъ другой, задній входъ. Подобно перед-шему подъѣзду, онъ былъ также охраняемъ солдатами; но что за нужда! Съ упорствомъ помѣшаннаго на одной мысли, онъ прокрады-вается безпрепятственно. Съ трепещущимъ сердцемъ онъ взбѣгаетъ по узкой лѣстницѣ... но тутъ его надежды исчезаютъ: такъ же, какъ и на главной лѣстницѣ, у входа стоитъ стража и не пропускаетъ его дальше. Его останавливаютъ, спрашиваютъ, гонять; онъ предла-гаетъ свой кошелекъ, лишь бы ему только позволили взглянуть на танцевальную залу. Его предложеніе съ негодованіемъ отвергаютъ и снова грозятъ ему гауптвахтой. Еще разъ его выталкиваютъ на улицу, и онъ убѣждается въ своемъ безсиліи. Онъ бродитъ вокругъ здания взадъ и впередъ, но уже безъ цѣли и намѣренія. Наконецъ, онъ наткнулся на какой-то камень, и опускается на него въ изне-моженіи.

Онъ сидѣлъ тамъ Богъ знаетъ сколько времени, смотря на роскош-но-иллюминаванный фасадъ, прислушиваясь къ музыкѣ, слѣдя гла-зами за силуэтами танцующихъ. Онъ вслушивался и всматривался противъ воли, бессознательно, какъ отягощенный сномъ или опья-нившій человекъ, который не понимаетъ того, что онъ видитъ или слышитъ. Изступленіе, которое поддерживало его до-сихъ-поръ, смѣ-нилось полнымъ изнеможеніемъ нравственнымъ и физическимъ. Его мысли-перелетали съ предмета на предметъ,—смутныя, безсвязныя, подобно бреду горячки. Яснѣе всего онъ сознавалъ, что онъ боленъ, что ему холодно, что онъ несчастенъ до невозможности, что, должно быть, настала его послѣдняя минута, и что смерть теперь была бы метати; но въ его головѣ не было ни малѣйшей идеи о томъ, что довело его до этого жалкаго положенія.

Вдругъ яркій свѣтъ, блеснувшій ему прямо въ лицо, заставлялъ его вадрогнуть: кто-то навелъ фонарь прямо на него и грубый го-лосъ приказывалъ ему встать и уйти прочь. Онъ попробовалъ при-подняться, но не имѣлъ силъ; двое людей поставили его на ноги, однако, при всемъ своемъ стараніи сдвинуться съ мѣста, онъ шата-лся, точно пьяный. Это была патруль, дѣлавшій свой обходъ. Солда-ты подсмѣивались надъ Паоло, говоря ему, что онъ порядочно нагру-зился. Разсудокъ уже не руководилъ имъ болѣе и, подобно кораблю безъ шмастей, онъ, такъ сказать, дрейфовалъ наудачу. Его была дш-хорошка и онъ сильно страдалъ; нечаянно дотронувшись рукою до головы, онъ почувствовалъ, что волосы его, густые и взъерошенные, были мокры, точно губка. Только тогда замѣтилъ онъ, что дождь льетъ ливнемъ, что самъ онъ потерялъ шляпу и буквально промокъ до костей. Мѣрный и протяжный звонъ часовъ, раздавшійся неподалеку, заставлялъ его содрогнуться отъ ужаса: это пробило полночь на ча-сахъ церкви Парижской Богоматери. Паоло поднялъ глаза: надъ нимъ подымалась темная масса, и, повидимому, готова была упасть на него. Онъ стремглавъ бросился прочь, добѣжалъ до какого-то моста — и

вдругъ остановился въ изумленіи, размышляя—не Тибръ ли это? За мостомъ, на другомъ концѣ улицы огромный огненный шаръ привлекъ его вниманіе: онъ чувствовалъ что этотъ шаръ какъ будто околдовалъ его; онъ направился прямо къ нему, потомъ... потомъ красный фонарь и все, даже послѣдній проблескъ самосознанія—все исчезло. Паоло безъ чувствъ лежалъ среди улицы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМАЯ.

ДОВРЫЕ САМАРИТАНЕ.

Свѣтъ, который привлекъ вниманіе несчастнаго Паоло, происходилъ отъ огромнаго краснаго фонаря, поставленнаго передъ фасадомъ маленькаго домика, состоявшаго изъ двухъ этажей, т. е. собственно изъ перваго этажа и чердака. Домикъ этотъ представлялъ собою одинъ изъ тѣхъ безобразныхъ перерывовъ, которые попадаются иногда въ длинномъ ряду красивыхъ строеній, какъ-будто для того, чтобы напоминать прохожимъ о бѣдности и трудѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, красный фонарь служилъ вывѣскою одной изъ многочисленныхъ и скромныхъ конторъ обмундированныхъ, у которыхъ садилась или высаживались небогатые пассажиры, получавшіе тамъ свои билеты на проѣздъ въ какую угодно часть Парижа, за ничтожную плату.

Изъ окна чердака, находившагося какъ-разъ надъ сборной залой упомянутой конторы, высунулась фигурка, закутанная въ старыи, изношенный халатъ. Посредствомъ небольшой палки, этотъ человѣкъ собирался гасить красный фонарь, о которомъ мы упоминали, и именно въ ту самую минуту, когда Паоло тяжело упалъ на мостовую.

— Господи помилуй! — воскликнулъ маленькій человѣчекъ, кто-то сейчасъ упалъ у самыхъ нашихъ дверей.

— Это, вѣроятно, пьяный, — отвѣчалъ женскій голосъ, повидимому выходявшій изъ какого-нибудь угла чердака. — Закрывай же поскорѣй окно, Просперъ, вѣдь холодъ страшный.

— Пьянъ онъ или нѣтъ, — добродушно отвѣчалъ сказанный Просперъ, закрывая окно, — но мокрая улица не должна служить постелью для человѣка въ такую холодную ночь. Вѣдь теперь и собаку жалъ выгнать за дверь. Я сейчасъ пойду посмотрю, что тамъ такое.

И поспѣшно сойдя съ лѣстницы, которая скорѣе была похожа на корабельный трапъ, онъ отворилъ дверь конторы, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Паоло, нагнулся къ его лицу и, поглядѣвъ на него нѣсколько секундъ, воскликнулъ: «Бѣднякъ нѣсколько не пьянъ, онъ боленъ; можетъ быть онъ страдаетъ какими-нибудь болѣзненными припадками! Эй, послушай-ка Прюданса, помоги мнѣ».

Это воззваніе относилось къ женщинѣ въ юбкѣ и шерстяной кофтѣ; она, дрожа отъ холода, стояла въ дверяхъ. Прюданса тотчасъ же подошла и вмѣстѣ съ мужемъ употребляла всевозможныя усилія, что бы поднять безчувственнаго тѣло Паоло. Но такой трудъ превышалъ ихъ силы.

«Это все равно, что стараться сдвинуть вандомскую колонну, — сказалъ маленькій Просперъ, запыхавшись отъ напрасныхъ усилій. —

Изъ этого молодца вышелъ бы отличный гвардейскій кирасиръ. Надо позвать Бенуа.

Бенуа былъ крестный отецъ Проспера, признаваемый за Ментора, за человѣка, который все зналъ, все умѣлъ дѣлать и постоянно во всемъ считался непогрѣшительнымъ. Онъ жилъ въ баняхъ, находившихся неподалеку, и былъ главнымъ распорядителемъ отдѣленія душей и паровыхъ ваннъ. Мосье Просперъ проковылялъ нѣсколько шаговъ прямо, потомъ повернулъ въ узенькій переулочекъ налѣво, потомъ въ другой переулочекъ направо, и наконецъ остановился передъ окномъ, закрытымъ ставнями, на каждой половинѣ которыхъ было по рѣшотчатому отверстию. Просперъ началъ выбивать дробь на доскахъ ставней и громко звать Бенуа.

— Здѣсь, — проворчалъ хриплый голосъ изнутри; потомъ послышалось шарканье туфель, доказывавшее, что обладатель хриплага голоса шолъ на призывъ; потомъ шарканье прекратилось, и за нимъ послѣдовалъ шумъ быстро приближавшихся шаговъ, сопровождаемый гнѣвными восклицаніями: одинъ, два, три; готово! Что тамъ такое?

— Скорѣе, скорѣе! — торопиль его Просперъ, уже знакомый съ милою слабостью Бенуа постоянно фехтовать противъ воображаемаго врага. — Можете завтра покончить съ нимъ; теперь же мы дома нуждаемся въ вашей помощи. Пожалуйста, поторопитесь: я не могу ждать. И Просперъ отправился домой. Не успѣлъ онъ сдѣлать и двадцать шаговъ, какъ Бенуа уже нагналъ его. Соединенныя усилія трехъ дѣйствовавшихъ лицъ наконецъ восторжествовали надъ тяжестью Паоло; они втащили кое-какъ несчастнаго молодого человѣка и положили его на полу въ приемной комнатѣ. Прюданса заперла дверь на задвижку и побѣжала на чердакъ за подушками; Бенуа смотрѣлъ на безчувственную фигуру больного съ необыкновенно-глубокомысленнымъ и испытующимъ видомъ, между-тѣмъ, какъ Просперъ слѣдилъ за всѣми движеніями своего крестнаго отца подобострастнымъ взглядомъ собаки, смотрящей на своего хозяина.

— Это холера, — сказалъ Бенуа, наставительнымъ тономъ.

— Холера! — въ одинъ голосъ вскричали мужъ и жена, страшно поблѣднѣвъ.

— Холера, — повторилъ Бенуа. — Развѣ вы не видите, какъ его лицо чернѣетъ, какъ оконченѣли нижнія части его тѣла? Я вамъ говорю, у этого бѣдняка застыла кровь по самый поясъ. Какъ только охлажденіе коснется сердца, то ему конецъ.

— Помилосердай, Господи! — сказала жена, — намъ невозможно держать его здѣсь; холера, пожалуй, еще пристанетъ къ дѣтямъ; надобно будетъ отправить его въ больницу. Слышишь ли Просперъ? это единственное спасеніе... Ну же, шевелись скорѣй!

— Если такъ, — возразилъ Бенуа, то бѣднякъ рискуетъ умереть не только одинъ, а даже два раза, пока вы будете хлопотать о его приѣмѣ. Знаю я всѣ эти штуки! Вотъ, еслибъ въ нашемъ заведеніи ему сдѣлать паровую ванну въ теченіе какихъ-нибудь десяти минутъ, то онъ навѣрное выздоровѣлъ бы — ужъ за это я ручаюсь. Но дѣло

въ томъ, что у меня нѣтъ огня, а безъ огня гдѣ взять жару—вотъ что бѣда!

— Но, что же вы посоветуете намъ въ такомъ случаѣ, крестникъ?— съ безпокойствомъ спросилъ Просперъ.

— Гм! что я посоветую? По-моему намъ, благословясь, слѣдуетъ приняться за дѣло, — отвѣтилъ Бенуа. Вы двое спустите тюфякъ и затопите печку, а я пока сбѣгаю домой. Намъ сейчасъ понадобится множество горячей воды.

Тюфякъ былъ готовъ, и дрова уже трещали въ старой печкѣ, когда вернулся Бенуа. На этотъ разъ онъ съ трудомъ прогнѣвъ въ дверь, потому-что объемъ его особы значительно увеличился количествомъ одѣялъ, которыя онъ на себя накопалъ для того, чтобы легче и удобнѣе принести ихъ. Въ этомъ случаѣ необходимость была причиною изобрѣтательности; иначе какъ бы онъ могъ принести одѣяла, когда и безъ того въ одной рукѣ онъ держалъ бутылку, въ другой огромную щотку, а въ зубахъ маленькую *горлодерку*, хотя и не закуренную, но изъ которой онъ выпускалъ струи воображаемаго дыма?

— Вотъ здѣсь, — сказалъ онъ, сбрасывая съ себя тяготившую его оболочку и размахивая своею щоткой точно равнойрой:—надобно устроить нашему больному порядочную постель.—И онъ началъ раскладывать одѣяла по тюфяку.

— Ахъ да! вѣдь, я и забылъ, что здѣсь намъ совсѣмъ не мѣсто, а слѣдуетъ расположиться въ вашей столовой, подальше отъ публички.

И, не ожидая отвѣта, Бенуа поднялъ тюфякъ и одѣяло и разомъ перенесъ все въ комнату, названную имъ столовою, между тѣмъ какъ это была просто кухня, въ которой всегда обѣдало семейство Проспера. Сборная зала или лавка, какъ всегда называлъ ее Бенуа, кухня, о которой идетъ рѣчь, и двѣ комнаты на чердакѣ составляли все помѣщеніе москѣ Проспера.

— Теперь пора приниматься за бѣднаго малаго, — воскликнулъ Бенуа. Ты, крестникъ, бери его за ноги, нѣтъ, нѣтъ, никакъ не вы. Приданса, это совсѣмъ не женское дѣло; мы съ Просперомъ легко справимся одни. Но Приданса, — потому ли что ей хорошо была известна степень силы ея мужа или же покоряясь непреодолимому чувству состраданія, столь свойственнаго женскому сердцу, — забыла всѣ свои опасенія насчетъ прилипчивости болѣзни, и настойчиво требовала, чтобы ей непременно позволили помогать при неровесеніи «бѣднаго мальчика»; она хлопотала, чтобы его осторожно положили на тюфякъ, сперва снявъ съ него измокшее платье. Потомъ торжествующій Бенуа прописалъ пациенту, по всѣмъ правиламъ науки, такое треніе щоткой, которое могло бы согрѣть даже мраморную статую. Онъ укуталъ Паоло во всѣ принесенныя имъ одѣяла, приложилъ горячія бутылки къ ногамъ и повисидѣ, и началъ по ложкѣ вливать ему въ ротъ значительное количество горячей воды, смѣшанной съ водкою. Распорядившись такимъ образомъ, Бенуа утѣлся у печи, закуралъ

трубку, и, наполнив комнату уже настоящими облаками дыма, съ подобающею важною ожидалъ результатовъ своего леченія.

Воспользуемся этимъ временемъ, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ разсказать простую исторію Бенуа. Онъ былъ, такъ сказать, питомецъ Парижа; имѣя 18 лѣтъ отъ роду, онъ вошелъ въ военную службу, и порядочно-таки послушала, какъ внутри Франціи, такъ и въ Алжирѣ. Онъ дослужился до чина сержанта, и галуны на его мундирѣ могли бы превратиться въ золотыя эполеты, еслибъ онъ не былъ до такой степени малограмотенъ. Вслѣдствіе лояности въ фехтованіи, онъ все время службы своей постоянно пользовался уваженіемъ и даже внушалъ товарищамъ нѣкотораго рода страхъ. Кроме того, онъ удостоился чести быть назначеннымъ въ учителя фехтованія при своемъ полку, чѣмъ и объясняется его фехтовально-манія. Въ сорокъ лѣтъ онъ вышелъ въ отставку и перепробовалъ съ тѣхъ-поръ всевозможныя ремесла. Крестникъ его, Просперъ, встрѣтилъ экс-сержанта въ такое время, когда дѣла послѣдшаго были въ самомъ плачевномъ состояніи. Маленькій добрякъ помогалъ своему крестному отцу насколько могъ, онъ старался и хлопоталъ до-тѣхъ-поръ, когда наконецъ нашолъ ему мѣсто въ сосѣднихъ баняхъ, довольно выгодное, если и несовсѣмъ завидное, которое достойнымъ человѣкъ занималъ въ настоящее время. Мы говоримъ: неслишкомъ-то завидное—потому-что Бенуа, по своей обяванности, долженъ былъ постоянно жить въ атмосферѣ, температура которой никогда не была ниже 110—120° по Фаренгейту.

Эта во время оказанная услуга сблизила крестнаго отца съ крестникомъ, съ которымъ онъ до-тѣхъ-поръ находился далеко не въ короткихъ отношеніяхъ. Бенуа готовъ былъ на все для Проспера, а Просперъ—для Бенуа. Первымъ руководило чувство благодарности, вторымъ — чувство почтительнаго удивленія. Бенуа обладалъ всеми достоинствами и недостатками военнаго человѣка: онъ былъ услужливъ и великодушенъ, имѣлъ сердце доброе, но, при этомъ, былъ бѣшенъ, грубъ, деспотиченъ и не терпѣлъ противорѣчій. Готовый подвѣстися послѣднею коркою хлѣба се старымъ товарищамъ, онъ въ состояніи былъ, при первой вспышкѣ, перерѣзать ему горло. Бенуа былъ высокъ ростомъ, худощавъ, жилистъ; отъ времени волосы его порѣдѣли, но огромныя сѣдые усы и густая бѣреда восполняли этотъ недостатокъ. Хотя ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, но сила и дѣятельность его вошли въ поговорку во всемъ околоткѣ. Сперва закаленный лучами африканскаго солнца, потомъ выварившійся въ пару и духотѣ парижской бани, въ которой теперь жилъ, онъ сдѣлался равно нечувствительнымъ къ холоду и жару. Костюмъ его во все время года состоялъ изъ тусель, панталонъ, блузы и длиннаго фартука. Онъ выходилъ на воздухъ, когда термометръ показывалъ 13 градусовъ мороза въ тѣмъ же вѣтѣ, въ которомъ пускалъ дуть въ 45 градусовъ тепла. Таковъ былъ странный докторъ, въ руки котораго судьба бросила Паоло.

Послѣ обморока, продолжавшагося болѣе часа, Паоло наконецъ началъ издавать нѣкоторыя признаки жизни. Сперва слышались

подвешенные стопы, потомъ обнаружались неоднократныя, но слабыя усилія избавиться отъ груди одѣялъ и перемѣнить положеніе. Всякій человѣкъ, не столь упрямый и самоодѣянный, какъ Бенуа, понялъ бы эти признаки за то, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, и посмѣшился бы облегчить больного; но эскъ-сержантъ, напротивъ того, при каждомъ изъ такихъ движеній поталкивалъ бѣднаго Проспера подъ бокъ, съ торжествующимъ хихиканьемъ, и по временамъ приговаривалъ: «Вотъ, видишь ли, кровь уже начинаетъ разогрѣваться. Хорошо, мой другъ, хорошо, будь еще поживѣе, если можешь». Какъ-будто исполняя это желаніе, пульсъ «друга» мчался точно на почтовыхъ, а потомъ началъ галопировать съ такою быстротою, что Бенуа охотно желалъ бы остановить эту неумѣстную прыткость, еслибы зналъ какъ это сдѣлать. Утомительныя усилія Паоло какъ-нибудь перевернуться вскорѣ обратились въ страшные и непрерывные скачки. Чѣмъ болѣе старался больной освободиться отъ одѣяла, тѣмъ усерднѣе и настойчивѣе Бенуа его окутывалъ.

Къ четыремъ часамъ утра съ Паоло почти уже невозможно было сладить; то онъ вдругъ садился и озирался вокругъ какимъ-то неподвижнымъ и безсмысленнымъ взглядомъ, то вдругъ соскакивалъ съ своего тюфяка, и съ нимъ едва могли совладѣть трое людей, употребившихъ всевозможныя усилія. Когда дѣло зашло уже такъ далеко, то Прюданса, несмотря на свое обычное уваженіе къ Бенуа, предложила кому-нибудь отправиться за г-мъ Перэнномъ. Просперъ былъ съ нею согласенъ, но Бенуа думалъ иначе и основывалъ свое сопротивленіе на своей личной опытности относительно холерныхъ случаевъ, которая не уступала позваніямъ г. Перэна, если не превосходила ихъ. Докторъ никогда, вѣдь, не выѣзжалъ изъ Парижа. Что же можетъ онъ сдѣлать такого, чего бы не зналъ Бенуа? Но Прюданса объявила, что она не успокоится до-тѣхъ-поръ, пока не увидится съ г. Перэнномъ. Итакъ, Бенуа принужденъ былъ покориться, что и сдѣлалъ съ многозначительнымъ пожатіемъ плечъ, говоря: «Ну, пусть баба распоряжается по-своему». Нетерпя ни минуты, Прюданса закуталась въ старыя тартановыя платокъ и пошла за г. Перэнномъ.

Это былъ докторъ больницы Отель-Дѣё, который много помогать недостаточнымъ больнымъ въ околоткѣ, и справедливо пользовался популярностью между людьми того класса, къ которому самъ принадлежалъ. Будучи сыномъ почтальона, онъ по опыту зналъ трудовую жизнь, нужду, особеннаго рода языкъ такъ называемыхъ низшихъ классовъ народа, и всегда былъ готовъ идти на призывъ бѣдняка. Этотъ достойный человѣкъ вышелъ изъ рукъ природы маленькимъ, желтымъ, болѣзненнымъ и до такой степени близорукимъ, что ни одной минуты не могъ обойтись безъ очковъ. Лишенія, испытанныя имъ съ дѣтства, и ежедневныя зрѣлища человѣческихъ невзгодъ сдѣлали его сѣдымъ, угрюмымъ, поблекшимъ и вообще, преждевременно его состарили.

Больница Отель-Дѣё находилась какъ разъ противъ конторы Проспера. Едва выслушавъ рассказъ Прюдансы, докторъ Перэнъ накі-

нуль пальто, попросилъ одного изъ своихъ товарищей заступитъ его мѣсто, въ случаѣ нужды, и гораздо скорѣе, чѣмъ мы рассказываемъ, находился уже у изголовья Паоло. Съ часами въ рукахъ, и лицомъ серьезнымъ и непроницаемымъ, какъ сама судьба, онъ слѣдилъ за ускореннымъ пульсомъ больного.

— Вѣдь онъ совершенно задыхается, — сказалъ докторъ, сбрасывая съ бѣднаго Паоло одеяло.

— Что, у него холера? — спросила Прюданса.

— Что вы! какая холера, — сказалъ докторъ; — вы, кажется, только ею и бредите. Да, впрочемъ, это было бы даже лучше. Теперь же у него приливъ къ мозгу, и Богъ-знаетъ, какая тому причина; къ тому же волненіе значительно увеличено водкою, одеяломъ и горячими бутылками. — Дайте-ка мнѣ чашку и ножницы.

Даже Бенуа, и тотъ былъ побѣжденъ серьезнымъ тономъ доктора и удержался отъ протеста, который готовъ былъ сорваться у него съ языка противъ этихъ мѣръ.

Г. Перэнъ, съ ланцетомъ въ рукѣ — сказалъ Прюдансѣ, которая принесла ему чашку и ножницы:

— Теперь, мадамъ, потрудитесь взять корзинку и стаканъ и сходить въ сосѣднюю аптеку за двумя дюжинами пивокъ и льдомъ. Скажите, что это для меня; тогда вамъ ненужно будетъ платить... именно теперь.

Въ то время, когда Прюданса ходила за всѣмъ нужнымъ, больному пустили кровь, — что не легко было сдѣлать: онъ сильно метался въ бреду; — ему также обрѣзали его прекрасные волосы. Докторъ завернулъ кусокъ льду въ тряпку, которую и приложилъ къ головѣ Паоло, приказывая повторять безпрестанно эти прикладыванія.

— Что же касается до пивокъ, — продолжалъ онъ, — то ежели молодой человекъ не успокоится черезъ два часа — въ чемъ я сильно сомнѣваюсь — вы поставьте ему тогда по двѣнадцать штукъ за уши. Вамъ придется ставить ихъ въ семь часовъ, — прибавилъ онъ, взглянувъ на свои часы. — Въ восемь часовъ я буду здѣсь и, ежели возможно, мы постараемся перенести его въ больницу.

— Извините мое любопытство, мосье, — спросила Прюданса, — это «сожженіе мозга» приливчиво?

— Нисколько! — отвѣчалъ мосье Перэнъ, улыбаясь. — А зачѣмъ вамъ это нужно знать?

— Потому что, — возразила Прюданса, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, — ежели тутъ нѣтъ ничего опаснаго для дѣтей, то намъ было бы очень удобно самимъ ухаживать за бѣднымъ малымъ.

— Вы думаете и говорите какъ добрая и истинная женщина, — сказалъ докторъ, и на его губахъ вторично мелькнула улыбка, придавшая его чертамъ какой-то отблескъ молодости и красоты. — Но, сударыня, вамъ надобно взять въ соображеніе, что болѣзнь этого молодого человека, хотя и не заразительная, можетъ имѣть для васъ другіа, довольно важныя, послѣдствія: во-первыхъ, конецъ ея можетъ быть весьма плачевный...

Я увѣрена, что этого не будетъ, — замѣтила Прюданса.

— Во-вторых,—предположивъ даже, что пациентъ поправился, какъ вы надѣетесь,—наибриже можно сказать, что выздоровленіе его будетъ медленне, а для васъ стѣснительно и дорого.

— Времени-то у меня найдется довольно,—возразила Приданса;— что же касается до денегъ, то...

— Да, этимъ-то мы не можемъ похвалиться, — прибавилъ Просперъ, вмѣшиваясь въ разговоръ;—но мы пользуемся кое-какимъ кредитомъ и...

— Имѣемъ друзей,—прокричалъ Бенуа значительнымъ тономъ.

— Этотъ вопросъ мы основательнѣе обсудимъ послѣ, — сказалъ докторъ.—А покамѣстъ не забывайте прикладывать побольше льду, и если больному не будетъ лучше, то въ семь часовъ поставьте по двѣнадцать пьянокъ за ухо. До скорого свиданія! Кстати,—прибавилъ докторъ, возвращаясь,—покажите-ка мнѣ платье молодого человѣка.

Приданса тотчасъ же исполнила его просьбу.

Цѣль доктора была—приблизительно узнать кто таковъ былъ его новый пациентъ, но разсматриванье платья не доставило мосьѣ Перрону никакихъ свѣдѣній подобнаго рода: въ карманахъ не было ни визитныхъ карточекъ, ни портфеля, ни писемъ, ни кошелька,—ничего, кромѣ одного бѣлаго платка, намѣченного буквою П., да еще пары черныхъ перчатокъ. По тонкому бѣлью, по покрою и качеству сукна, изъ котораго сдѣлано было платье Паоло, докторъ могъ заключить только то, что неожиданный пациентъ его принадлежалъ не къ низшимъ классамъ народа.

Такъ-какъ безпокойство Паоло, сперва утихнувшее вслѣдствіе кровопусканія, снова возобновилось, гораздо ранѣе семи часовъ, то Бенуа,—который, надо отдать ему справедливость, отлично умѣлъ перевязывать раны и былъ искусенъ во всемъ сюда относящемся, — прибѣгнулъ къ пьянкамъ, впрочемъ, съ видомъ угрюмаго недовѣрія, которымъ, повидимому, хотѣлъ выразить: «это только напрасный трудъ».

Сѣроватый дѣвѣтъ холоднаго мартовскаго утра, пробивавшійся въ столовую конторы омнибусовъ, принудилъ Бенуа уйдти. Достойный человѣкъ удалился, покачивая головою и бормоча сквозь зубы тѣ обыкновенныя злобѣщія слова, которыми люди выражаютъ свои опасенія. Между-тѣмъ, Просперъ отворилъ ставни и приготовлялся къ трудовому дню, который долженъ былъ смѣнить ночь, проведенную въ хлопотахъ. Въ это время снова вошелъ мосьѣ Перрэнъ. Докторъ, казалось, былъ доволенъ состояніемъ своего больного и уже не говорилъ болѣе о томъ, чтобы его перенести въ больницу.

Онъ приходилъ два раза въ теченіе дня и разъ въ вечеру. Въ первый и въ послѣдній изъ этихъ визитовъ онъ пускалъ Паю кровъ. Перрэнъ имѣлъ необыкновенно серьезный и задумчивый видъ. Приданса не покидала комнаты больного и Просперъ проводилъ тамъ всѣ свои свободныя минуты, — а ихъ было очень немного. Что касается до Бенуа, то онъ, говоря безъ преувеличенія, по-крайней-мѣрѣ пятьдесятъ разъ въ день прибѣгалъ освѣδοмяться о состояніи больного. Хотя было условлено, что онъ смѣняетъ Проспера въ три

того утра, но онъ былъ въ сдѣлкѣ уже въ полночь, въ часъ, когда онъ имѣлъ право считать себя свободнымъ отъ своихъ обязанностей относительно публики. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ день приходилъ къ концу, подозрительное и брюзгливое расположеніе духа Бенуа уступило мѣсто какому-то покровительственному добродушію, необходимости слезливыхъ изліаній; это доказывалось таинственнымъ видомъ, съ которымъ онъ, отвѣдъ Проспера въ уголь, сунулъ ему въ руку свертокъ сальной бумаги, заключившій въ себя три наполеондора, и припадкомъ чувствительности, вслѣдствіе котораго онъ, всхлипывая и склонивъ голову на плечо своего крестника, вскричалъ: «Вѣднѣй мальчикъ! Это на его похороны!»

Просперъ положилъ деньги въ карманъ, не сказавъ ни слова, потому-что, по соединенному букету табаку и водки, выходявшему изъ устъ его крестнаго отца, онъ понималъ, что этотъ достойный человѣкъ достигъ той степени сосредоточеннаго упорства, на которой одно слово противорѣчія пришло бы стараго солдата въ бѣшенство.

Приданса, когда мужъ ея заперъ контору, пошла отдыхать на чердакъ, а Просперъ растянулся на соломённомъ тюфякѣ, у ногъ больного.

Теперь мы удалимся на нѣкоторое время отъ этого театра страданій и милосердія; мы можемъ это сдѣлать не слишкомъ опасаясь, что въ наше отсутствіе случится что-нибудь непріятное: Паоло слишкомъ важное лицо въ нашей исторіи, и намъ нельзя довести ее благополучно до конца, не возвратившись опять къ нашему герою.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Поиски.

Теперь мы должны возвратиться къ ночи второго визита Паоло къ Джонсамъ. Промѣлавъ его до вѣловины дѣялмалцатаго, Торнтонъ началъ беспокоиться, не заблудился ли его молодой другъ въ этомъ обширномъ городѣ. Въ томъ состояніи озабоченности, въ которомъ находился Паоло, онъ очень легко могъ позабыть названіе улицы, гдѣ онъ квартировалъ, такъ же, какъ я то, что въ карманѣ его жилета находится карточка съ адресомъ. «Впрочемъ,» рассуждалъ самъ съ собою Торнтонъ, «онъ, можетъ быть, еще у нихъ; они ложатся поздно и, по всей вѣроятности, у нихъ есть и другіе гости, кромѣ Паоло. Безъ сомнѣнія, онъ тамъ. Однако же, чтобы удостовѣриться въ этомъ, легче всего пойти и посмотрѣть.»

Сказавъ мадамъ Франсуазъ о своемъ намѣреніи уйти изъ дома и попросивъ, чтобы она его не дожидалась, Торнтонъ отправился. Прошло часъ ночи, когда онъ, нанявъ кабриолетъ, приѣхалъ къ 25 №

на Бульваръ Капуциновъ. Онъ позвоилъ и направилъ къ каморкѣ дворника. Господинъ привратникъ храпѣлъ во всю ивановскую на своей постели, а его супруга дремала въ большомъ креслѣ.

— Гдѣ живетъ мосѣ и мадамъ Джонсъ?

Госпожа привратница, разувѣется, была не въ духѣ,—какъ это бываетъ постоянно съ парижскими привратниками, особенно въ такую позднюю пору,—и отвѣчала, что она не знаетъ никакихъ Джонсовъ.

— Это англійское семейство,—сказалъ Мортимеръ, шара въ своихъ карманахъ.

— У насъ живетъ только одно,—проворчалъ церберъ въ юбкѣ.— Нечего сказать, хорошее время теперь дѣлать визиты! Мосѣ очень добръ,—проговорила потомъ достойная матрона, получивъ пяти-франковую монету.—Я къ вашимъ услугамъ. Если бы всѣ были похожи на васъ! Но другіе не такъ рассудительны, право.

— Англійское семейство, состоящее изъ трехъ особъ,—продолжалъ Мортимеръ:—одинъ высокій господинъ лѣтъ за сорокъ...

— И низенькая пожилая дама, круглая, какъ мячикъ,—прервала привратница,—мадамъ Жонасъ;—о! я знаю ихъ, знаю. Они живутъ во второмъ этажѣ. Они всегда возвращаются домой поздно и только-что сейчасъ вошли.

— Развѣ ихъ не было дома?—спросилъ Мортимеръ, задыхаясь отъ удивленія.

— Таково ужъ у нихъ правило, мосѣ; и они надѣлали много безпокойствъ своими приходами да выходами. Ко всему этому въ придачу, они привезли съ собою толстую въ обморокъ.

— Около девяти часовъ сюда, вѣроятно, заходилъ одинъ молодой господинъ. Пожалуйста,—продолжалъ Торнтонъ, почти умоляющимъ голосомъ,—постарайтесь припомнить, было ли это прежде или послѣ того, какъ они ушли изъ дому.

— Къ Жонасамъ никто не приходилъ сегодня вечеромъ, исключая одной дамы, генеральши... какъ, бишь, ея имя?.. Она, должно быть, приходила за ними, потому-что они всѣ вышли вмѣстѣ. Я хорошо помню, что не отворила никому, ни молодому, ни старому; можетъ быть Антуанъ отворилъ... Антуанъ, мой другъ!

Мортимеръ попросилъ привратницу не беспокоить мужа: она сказала ему почти все, что ему нужно было знать. Сердце предвѣщало ему что-то недоброе, и онъ побѣжалъ во второй этажъ, забывъ всю неловкость прихода въ чужой домъ въ такую позднюю пору. Едва онъ успѣлъ дернуть за звонокъ, какъ дверь отворилась.

— Не докторъ ли это? — вскричалъ голосъ изнутри, и прежде, чѣмъ Мортимеръ сдѣлалъ два шага въ переднюю, изъ противоположной двери ея выбѣжала миссъ Джонсъ.

— О, м-ръ Торнтонъ!—вскричала она, — что сдѣлалось съ сеньоромъ Паоло?

— Я пришолъ сюда спросить васъ о томъ же,—сказалъ Торнтонъ. Онъ не возвращался домой.

— Не возвращался! Вы не знаете гдѣ онъ? — продолжала она, ломая руки.

— Я не знаю гдѣ онъ, — сказалъ Торнтонъ; — развѣ вы его не видали? Вы, вѣдь, ждали его?

— Я не ждала и не могла ждать, — отвѣчала бѣдная дѣвушка, — я оставила записку, въ которой объяснила ему все. Моя дѣвушка говорить, что онъ прочелъ эту записку, не сказалъ ни слова, и сейчас же уполъ. Замѣтно было, что онъ рассердился.

— Какое безразсудство! какая жестокость! — вскричалъ Торнтонъ, съ ужасомъ. — Знаете ли, что вы надѣлали?

— О, м-ръ Торнтонъ! не говорите со мной такимъ тономъ въ эту минуту, не упрекайте меня, ради Бога! Все это обрушилось на меня вдругъ: тѣтя такъ больна...

Сильный ударъ колокольчика прервалъ разговаривавшихъ. Это пришло докторъ съ челоуѣкомъ, котораго за нимъ посылали.

Не уходите пока я не вернусь сюда, — сказала Лавинія Торнтону, вводя доктора въ комнату мистриссъ Джонсъ.

Торнтонъ сѣлъ ждать, задумываясь о томъ, куда бы это могъ уйти Паоло. Могло быть, что, подъ вліяніемъ горькаго разочарованія, Паоло пошелъ все прямо, куда глаза глядѣли, стараясь найти отраду въ движеніи, и, очень вѣроятно, лежалъ гдѣ нибудь измученный; могло быть, что, въ припадкѣ отчаянья... Здѣсь Торнтонъ уклонился отъ яснаго выраженія, хотя бы даже въ мысляхъ, послѣдней гипотезы, которая представилась его уму. Судьба Паоло зависѣла отъ степени волненія, подъ вліяніемъ котораго онъ находился, и Торнтонъ не имѣлъ данныхъ, на которыхъ бы могъ основать вѣрное сужденіе о предварительномъ состояніи ума его бѣднаго друга. Горько упрекалъ онъ себя въ томъ, что позволилъ итальянцу, совершенно незнакомому съ Парижемъ и находящемуся въ такихъ особенныхъ обстоятельствахъ, идти одному ночью.

Миссъ Джонсъ воротилась въ переднюю еще болѣе разстроенная, чѣмъ прежде. Всѣ усилія доктора привести мистриссъ Джонсъ въ чувство, остались напрасными, и теперь онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ кровопусканію изъ ноги. Лавинія вышла къ Торнтону только на одну минуту. Онъ старался воспользоваться этимъ временемъ какъ можно лучше, надѣлавъ ей множество вопросовъ. Такимъ образомъ онъ узналъ то, что мы уже знаемъ и что было для него совершенною новостью, напр. о неудачѣ перваго посѣщенія Паоло и о томъ, какой онъ получилъ тогда ударъ. Лавинія описала ему также, съ болѣею подробностью, чѣмъ служанка, что было съ Паоло, когда ему отдали записку; какъ онъ сначала не зналъ что съ нею дѣлать, а потомъ, прочтя ее, пришелъ въ безмолвный гнѣвъ, и съ какимъ блуждающимъ взглядомъ онъ вышелъ опять на улицу. По мнѣнію Торнтона, все это составляло цѣль доказательствъ, столь очевидныхъ, что онъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Значитъ, все съ нимъ покончено!

— Не говорите этого, не говорите, ради Бога! — умоляла дѣвушка, въ отчаяніи. — Можетъ быть онъ теперь ждетъ васъ въ вашей квартирѣ.

Торнтонъ пожалѣлъ ее и притворился будто-бы имѣть кое-какую надежду, которой въ дѣйствительности у него вовсе не было, или, говоря вѣрнѣе, онъ думалъ, что не было. Не оставалось больше времени для дальнѣйшихъ разговоровъ. Условившись насчетъ того, что первое свидѣнiе о Паоло, которое получить кто-нибудь изъ нихъ, будетъ сообщено другому, они разстались.

Торнтонъ былъ убѣжденъ, что онъ не найдетъ Паоло дома; онъ готовъ былъ ручаться въ этомъ всѣмъ своимъ состоянiемъ и жизнью и, однакоже, когда это предчувствiе осуществилось, его сердце облилось кровью такъ же точно, какъ если бы онъ былъ положъ надеждъ, и всѣ эти надежды были обмануты. Прочтя въ его безпокойныхъ взглядахъ, что его тревожитъ продолжительное отсутствiе Паоло, его хозяйка не ложилась спать, несмотря на просьбу, чтобы она его не дожидалась. Торнтонъ былъ въ высшей степени доволенъ, что имѣеть теперь съ кѣмъ посоветоваться. Онъ признавалъ, что его поиски были напрасны, и рассказалъ обстоятельства, которые могли оправдать его опасенiя, стараясь при этомъ не компрометировать третьяго лица. Но мадамъ Франсуазъ была не даромъ женщиной: она угадала все, что скрывалъ Торнтонъ; впрочемъ, съ необыкновенною скромностью, она не показала и тѣни какого-нибудь подозрѣнiя, давъ, между тѣмъ, разумный совѣтъ. Два часа утра не такое время, чтобы разспрашивать объ отсутствующихъ друзьяхъ, однако же мадамъ слыхала, что въ полицейской префектурѣ есть такъ называемое bureau de permanence, т. е. канцелярiя, открыта всю ночь для людей, которые пожелали бы потребовать немедленной помощи отъ муниципальныхъ властей. Мортимеръ съ жаромъ участвовалъ за эту мысль и, въ сопровожденiи мадамъ Франсуазъ, тотчасъ же отправился въ полицейскую префектуру.

Не безъ труда удалось имъ найти доступъ въ ея мрачныя обители; а когда, наконецъ, ихъ впустили, то они все-таки не могли добраться до самой канцелярiи иначе, какъ послѣ настоятельныхъ разспросовъ у каждаго изъ дежурныхъ полицейскихъ. Надо замѣтить, что полицейская префектура, независимо отъ возбуждаемыхъ ею представленiй, имѣеть какой-то особенный, мрачный отпечатокъ, нисколько не привлекательный даже при дневномъ свѣтѣ. Но блѣдный, дрожащiй свѣтъ газовыхъ лампъ въ бурную, мрачную ночь сильно напоминалъ собою фантастическую картину дантовскаго чистилища, или ада. Это было, такъ сказать, видимый мракъ. Мортимеръ почувствовалъ, что кровь у него застыла въ жилахъ, при мысли, что, можетъ быть, Паоло взятъ, какъ бродяга, и теперь находится въ одной изъ кѣлокъ съ желѣзными рѣшотками. Торнтону и его спутницѣ указали на низкiй проходъ со сводами, сообщивъ имъ, что за нимъ они найдутъ bureau de permanence. Слѣдуя этимъ указанiямъ, они скоро очутились въ обширной комнатѣ, освѣщенной такъ слабо, что глазъ не вдругъ могъ привыкнутьъ къ этой полутьмѣ и различить, что три или четыре кучи, лежавшия на полу, были не что другое, какъ множество человѣческихъ фигуръ, растнувшихся во всю длину на деревянныхъ покатыхъ кроватяхъ; это

были городскіе сержанты, изъ которыхъ одинъ спросилъ незваныхъ гостей—что имъ нужно, и узнавъ, что они хотять видѣть ночного полицейскаго надзирателя, сдѣлалъ другой вопросъ: дѣйствительно ли ихъ дѣло не терпитъ отлагательства. Получивъ утвердительный отвѣтъ Мортимера, сержантъ всталъ, постучалъ въ дверь, вошелъ въ комнату надзирателя и, воротясь почти въ ту же минуту, попросилъ посетителей войти.

За столомъ, на которомъ лежала на виду огромная записная книга, сдѣлалъ господинъ воинственной наружности. Безпорядокъ его одежды и полусонный видъ свидѣтельствовали, что его только-что разбудили. Его черты можно было бы назвать самыми обыкновенными, если бы его глаза не были до такой степени живы и пронзительны. Онъ пригласилъ посетителей сѣсть и, безмолвно выслушавъ короткій разсказъ Торнтонъ, спросилъ:

— Имѣете ли вы какую-нибудь положительную причину думать, что молодой человекъ замышлялъ самоубійство?

Послѣ нѣкотораго колебанія Мортимеръ отвѣчалъ, что положительной причины у него нѣтъ, но что молодой человекъ способенъ въ данную минуту рѣшиться на все.

— Я не спрашиваю способенъ онъ или нѣтъ въ данную минуту, — замѣтилъ быстроглазый чиновникъ; — мой вопросъ состоитъ въ томъ, дѣйствительно ли онъ замышлялъ самоубійство.

Мортимеръ боялся владаться въ большія подробности и анализировать сердце Паоло, что было единственнымъ средствомъ дать надзирателю ключъ къ уясненію себѣ состоянія души Паоло въ то время, когда онъ оставлялъ Бульваръ Капуциновъ. Итакъ онъ возразилъ:

— Я не могу рѣшиться утверждать, что его намѣреніе было именно таково, когда онъ ушелъ изъ дому...

— Значить, — прибавилъ ночной надзиратель, — я не могу считать этого дѣла приключеніемъ, въ которомъ промедленіе можетъ быть гибельнымъ, и потому оно до насъ не касается. Нѣсколько часовъ отсутствія не даютъ мнѣ повода подымать полицію на ноги. Въ Парижѣ пропасть мѣсть, въ которыхъ молодой человекъ можетъ провести ночь, подвергая опасности только свой кошелекъ и свое здоровье. Еслибы намъ пришлось угождать прихотямъ каждаго, кто беспокоится — большею частью неосновательно — о пропавшемъ сынѣ или родственникѣ, то это намъ надѣлало бы пропасть бесполезныхъ хлопотъ. Для этого должны существовать какія-нибудь границы. Если молодой человекъ не вернется домой утромъ, то передъ вечеромъ опять обратитесь въ полицію и намъ, въ установленномъ порядкѣ, будетъ оказана помощь, какая только отъ насъ зависитъ.

Съ этими словами ночной надзиратель всталъ и вѣжливымъ поклономъ проводилъ посетителей. Парижанинъ вѣжливъ уже по своей натурѣ; и, къ чести его надо сказать, даже въ томъ случаѣ, когда ему приходится употребить силу или объявить о чемъ-нибудь неприятномъ; онъ рѣдко увеличиваетъ эту неприятность забвеніемъ прайсчій.

Всю эту ночь Торнтонъ не могъ сомкнуть глазъ и врѣшодъ въ указанное надзирателемъ мѣсто гораздо раньше назначеннаго часа. Онъ написалъ требуемую записку объ имени и примѣтахъ Паоло, о мѣстѣ, гдѣ былъ молодой человекъ наканунѣ, а равно и о собственномъ своемъ имени и мѣстѣ жительства. Его увѣрили, что для отъѣскаванія Манчини будутъ употреблены всѣ средства и всѣ полученные свѣдѣнія будутъ ему сообщаемы.

Торнтонъ, желая подвинуть дѣло, предложилъ денегъ, но его предложеніе не было принято въ настоящее время: ему сказали, что, можетъ быть, впослѣдствіи ему придется сдѣлать нѣкоторые экстраординарные расходы. Ему посоветовали также объявить объ отсутствующемъ другѣ въ газетахъ, о чемъ онъ уже и самъ подумывалъ.

По совѣту мадамъ Франсуазъ, изъ полицейской префектуры онъ отправился въ контору публикацій на Виржевой площади. Тамъ было составлено объявленіе, немедленно отправленное, для напечатанія, въ главныя газеты. Въ немъ было обозначено имя, нація и примѣты Паоло, съ обѣщаніемъ большой награды всякому, кто сообщитъ въ улицу де-Роганъ № 1, какой-нибудь свѣдѣніе, могущее повести къ открытію. Затѣмъ Торнтонъ, въ неопisanномъ безпокойствѣ, отправился въ Моргъ* и посредствомъ приличнаго подарка начальнику этого печальнаго учрежденія, получилъ обѣщаніе, что онъ будетъ увѣдомленъ, если туда принесутъ кого-нибудь, подходящаго своею наружностью къ примѣтамъ лица, которое онъ отъѣскавалъ. Мадамъ Франсуазъ сопровождала англійскаго джентльмена во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ и была преимущественно полезна тѣмъ, что она, съ женскимъ тактомъ, отстраняла множество мелочныхъ затрудненій, которыя необходимо бы встрѣтилъ Торнтонъ при своемъ мизантропическомъ настроеніи, мало надѣясь на благосклонность ближнихъ; чего онъ и не думалъ скрывать.

Сдѣлавъ такимъ образомъ все, что внушалъ ему разсудокъ, Мортимеръ, измученный и усталый тѣломъ и душой, воротился въ свою гостиницу. Тамъ онъ нашолъ записку, отъ миссъ Лавини, слѣдующаго содержанія:

«Тѣтя пришла въ чувство, но лишилась языка,—судите, каково мое положеніе! Я не знаю что отвѣчать на ея безпокойныя взгляды, на ея безмолвныя вопросы. Я увѣрена, что они касаются сньюора Манчини; но изъ вапего молчанія заключаю, что вы еще ничего не узнали. Умоляю васъ зайти ко мнѣ. Съ нетерпѣніемъ желаю узнать, что вы сдѣлали, чего надѣетесь и чего боитесь. Я такъ несчастна, что сплтаю себя въ правѣ ожидать снисхожденія даже съ вашей стороны.»

«Л. Джонсъ».

Торнтонъ отправился къ ней и, при всемъ своемъ уныніи, старался

* Morgue—такъ во многихъ французскихъ городахъ называется мѣсто, куда приносятъ тѣла лицъ, найденныхъ мертвыми, съ тѣмъ, чтобы они могли быть узнаны своими друзьями.

ее ободрить. Онъ не питалъ къ ней ненависти даже въ дни ея вѣтренности и успѣховъ; теперь же, когда она раскаялась и упала духомъ, онъ почувствовалъ къ ней глубокое сожалѣніе. Торнтонъ былъ мизантропомъ не въ такой степени, какъ онъ воображалъ.

Такъ проходили дни и недѣли, не принося съ собою почти никакихъ перемѣнъ. Каждый день Мортимеръ ходилъ на Бульваръ Капуциновъ; его скоро допустили въ комнату больной, гдѣ онъ разсказалъ м-риссъ Джонсъ довольно-правдоподобную исторію относительно Паоло, который, будто-бы, уѣхалъ въ Римъ по дѣлу о продажѣ его большой картины «Врѣны у воротъ Рима». Больная приняла этотъ разсказъ за истину. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ мистрисъ Джонсъ сдѣлалась ударъ. Лѣвая рука ея отнялась и ея умственные способности были слегка повреждены. Впрочемъ, состояніе ея здоровья было въ возможной степени удовлетворительно, и она могла даже нѣсколько владѣть языкомъ. Судьба Паоло, попрежнему, была покрыта непроницаемой тайной. Торнтонъ заказалъ копіи съ напечатанныхъ въ газетахъ объявленій, съ тѣмъ, чтобы прибить ихъ на разныхъ углахъ и перекресткахъ Парижа. Онъ употребилъ въ дѣло сѣтчинокъ, щедро имъ платя и поощряя ихъ усердіе въ будущемъ, общаніемъ баспословной награды. Все было напрасно. Правда, онъ получилъ цѣлую груду письменныхъ увѣдомленій, большею частью отъ разныхъ торговцовъ и обществъ, которые, воспользовавшись извѣстностью его адреса, навязывали ему—кто свои товары, кто свои акціи. Однако же изъ неподписанной корреспонденціи девять или десять записокъ имѣли, по-крайней-мѣрѣ, отношеніе къ предмету публикаціи Торнтонна. Въ одной изъ нихъ говорилось, что если онъ въ такой-то день, въ такой-то часъ, придетъ на такое-то мѣсто, то узнаетъ все, относительно страшной трагедіи. Другая извѣщала, что если онъ пришлетъ съ почтою по такому-то адресу двадцать фунтовъ стерлинговъ, то сочинитель письма явится къ нему и проведетъ его въ домъ, гдѣ насильно задержанъ молодой человѣкъ. Третья сообщала, что молодого римлянина видѣли недавно у лѣса Бонди, скачущаго верхомъ на метлѣ и т. д. Есть остряки, до того остроумные, что каждое обстоятельство даетъ имъ пищу для изощренія ихъ таланта. Послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ попытокъ, Горнтонъ сообщилъ полиціи всѣ подобныя извѣщенія, изъ которыхъ, разумѣется, ничего не вышло.

Торнтонъ былъ сильно обезкураженъ бесполезностью всѣхъ своихъ стараній. Въ-самомъ-дѣлѣ сила его унынія, со времени отъѣзда Джонсовъ въ Англію, серьезно напугала мадамъ Франсуазъ. М-риссъ Джонсъ со дня послѣдней своей болѣзни не переставала вздыхать объ Англіи, какъ-будто эта страна должна была служить ей лекарствомъ. Какъ только докторъ объявлялъ, что она можетъ ѣхать, англійское семейство сейчасъ же отправилось въ Лондонъ. Какъ ни сильно былъ опечаленъ Мортимеръ этимъ отъѣздомъ, но еще болѣе была огорчена Лавинія, которая, по мѣрѣ того, какъ горизонтъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, съ каждымъ днемъ живѣе чувствовала цѣну истиннаго друга, который былъ для нея тѣмъ дороже,

что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ другомъ Паоло. Съ своей стороны, Торнтонъ терялъ въ Лавини единственное существо, находящееся въ сходномъ съ нимъ положеніи, единственное сердце, которое могло ему сочувствовать, единственную его опору въ отчаяніи.

Мадамъ Франсуазъ, съ ежедневно-увеличивавшимся безпокойствомъ смотрѣла на его блуждающіе взгляды, на его продолжительные припадки меланхоли, на его бесплодную лихорадочную дѣятельность, и, по временамъ сильно боялась за его разумъ. Не такъ только его бѣдственное положеніе, что когда она получила долго ожидаемую ею повѣстку о выѣздѣ изъ улицы Роганъ, добрая женщина не имѣла мужества оставить его одного и рѣшилась отложить до болѣе благоприятнаго времени осуществленіе своей любимой мечты—жить съ своею замужнею дочерью въ Эврѣ. Вмѣсто этого она наняла для себя и для м-ра Торнтона удобное помѣщеніе у одной своей пріятельницы, которая отдавала меблированныя комнаты въ Новой Огюстенской улицѣ. Какъ только они тамъ поселились, были впечатаны новыя объявленія съ сообщеніемъ новаго адреса Торнтона. Объ этой перемѣнѣ были уведомены полиція, смотритель Морга и миссъ Лавинія Джонсъ, находившаяся теперь въ Лондонѣ. Мортимеръ сдѣлалъ это со всею тщательностью, но безъ всякой надежды, подобно человѣку, который исполняетъ свою обязанность только для успокоенія своей совѣсти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приключенія Паоло.

Грустно думать, какъ мало нужно иногда для того, чтобы разстроить самый обдуманнѣйшій планъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Соединенная помощь хорошо организованной полиціи и системы гласности, способной распространить далеко и быстро извѣстіе о фактѣ во всѣхъ классахъ народонаселенія — эти два великіе двигателя, эти два изобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи—были задержаны, или лучше, совершенно парализованы однимъ или двумя незначительными обстоятельствами, которыя какой-нибудь приверженецъ теоріи вѣроятностей не удостоилъ бы принять въ расчетъ при своихъ вычисленіяхъ. Такимъ-то образомъ происходитъ иногда, что мѣлкая, задуманная превосходно и, по теоріи, на самыхъ неопровержимыхъ началахъ, оказывается неудовлетворительною на практикѣ. А почему? Потому-что ея дѣйствіе задерживается какимъ-нибудь незначительнымъ треніемъ, на которое изобрѣтатель не обратилъ вниманія.

Просперъ и его жена не читали газетъ. Что касается Бесуа, то онъ съ трудомъ разбиралъ слова по складамъ. Мосьё Перэнь, единственный изъ людей, окружавшихъ Паоло, котораго могли бы сколько-нибудь интересовать ежедневныя новости, систематически отказывался отъ всѣхъ журналовъ, кромѣ тѣхъ, которые спеціально относились къ его ремеслу и не имѣли въ себѣ никакихъ объявленій, исключая медицинскихъ. Итакъ вліяніе газетъ никакимъ образомъ не доходило до мѣста, гдѣ находилась нашъ герой. Афини тоже

не имѣли большого успѣха у людей, которые, подобно конторщику омнибусовъ и его женѣ, не выходили изъ своего жилища ни днемъ ни ночью. Впрочемъ, если-бы они даже и выходили иной разъ на улицу, то ни одна афиша не была и не могла быть прибита въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ, потому-что ряды лавокъ, находившіеся по правую и по лѣвую сторону заведенія Проспера, равно какъ и на-рываетъ набережной, бывшей напротивъ, не представляли удобнаго мѣста для афишъ. Контора Проспера, если читатель припомнить, была расположена на набережной Монтебелло, противъ церкви Богоматери. Мысли москѣ Перэна, когда онъ выходилъ изъ дома, постоянно были заняты его пациентами, и, въ добавокъ, онъ былъ слишкомъ близорукъ для того, чтобы замѣтить афиши Торнтона, если-бы онѣ были даже вдвое большаго объема. Что касается Бенуа, то его короткій путь отъ мѣста, которое онъ называлъ свою берлогу, до лавки Проспера, лежалъ чрезъ узкіе и малолюдные переулки, гдѣ обитателей квартала не занимало ничто, кромѣ ихъ личныхъ интересовъ. Затѣмъ оставался живѣйшій и надежнѣйшій проводникъ всѣхъ новостей — труба, немѣющая себѣ соперниковъ — молва; но, чтобы собирать распространенныя ею слухи и намѣренно или невольно повторять ихъ, для этого нужно имѣть досугъ; но для окружавшихъ Паоло и принимавшихъ въ немъ участіе людей жизнь была путемъ безпрестаннаго труда, и никто изъ нихъ не имѣлъ у себя въ запасѣ времени для праздно болтовни. Не мѣшаетъ прибавить къ этому одно особенное обстоятельство, которое зажимало ротъ этимъ достойнѣйшимъ людямъ, хотя, какъ очень естественно въ подобныхъ случаяхъ, у нихъ сильно чесался языкъ — сообщить по секрету нѣсколькимъ изъ своихъ ближайшихъ друзей знаменитое приключеніе съ прекраснымъ иностранцемъ, котораго подыкали на улицѣ и который съ-тѣхъ-поръ сдѣлался жильцомъ задней комнаты въ домѣ Проспера.

Въ первую и вторую ночь, проведенную подъ кровлею добрыхъ самаритянъ, Паоло, въ бреду, произнесъ много неопредѣленныхъ и несвязныхъ фразъ на иностранномъ нарѣчій, которое Бенуа, съ тономъ оракула, назвалъ польскимъ языкомъ, а москѣ Перэнь — итальянскимъ. Но Бенуа въ 1833 году находился въ гарнизонѣ на Варскомъ мосту и собственными глазами видѣлъ многихъ итальянцевъ, которые приходили съ противоположнаго берега искать убѣжища на французской почвѣ. Бенуа служилъ когда-то въ Африкѣ, и зналъ тамъ многихъ итальянскихъ выходцевъ, принадлежавшихъ къ иностранному легиону; Бенуа былъ знакомъ также въ Парижѣ со многими итальянскими изгнанниками и вездѣ — было ли то въ Парижѣ, въ Алжирѣ, или на Варскомъ мосту — онъ видѣлъ, что съ ними обходятся дурно; что они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ полиціи; что ихъ запираютъ въ тюрьмы, или, безъ всякой церемоніи, вышре-важиваютъ къ ближайшей границѣ, подъ конвоемъ жандармовъ. Опытность Бенуа въ этомъ отношеніи, наконецъ, кристаллизировалась въ двѣ, явственно-разграниченныя, аксіомы: во первыхъ, что итальянецъ и изгнанникъ — это одно и то же; во-вторыхъ, что полиція имѣетъ

приказаніе—постоянно слѣдить за итальянцами, съ цѣлью изгнать ихъ или заключить въ тюрьму. Приложивъ эти два вывода глубокой мудрости къ дѣлу Паоло, Венуа, послѣ цѣлаго ряда ударовъ, нанесенныхъ имъ воображаемому врагу, обратился къ Просперу и его женѣ съ слѣдующею короткою но выразительною рѣчью:

— Эй вы, слушайте! Этотъ малый—итальянецъ... вы понимаете, что я хочу этимъ сказать? будьте осторожны, не то, къ намъ нагрянетъ полиція со всѣми своими напастями.

На другой день вопросъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Перэна, который только пожалъ плечами, не сказавъ ни да, ни нѣтъ. Такъ-какъ эти люди знали пословицу, что «молчанье—знакъ согласія», то и стали держать языкъ за зубами. Такимъ-образомъ, благодаря случаю, и полиція, и журналы, и афиши, и стоустая молва не могли ничего сдѣлать. Все, касавшееся Паоло, осталось тайною, какъ-будто дѣло шло о преступленіи.

Борьба горячки съ усиліями науки была продолжительна и упорна; и не разъ, при возобновленіи симптомовъ, которые докторъ считалъ уничтоженными, его блѣдное лицо покрывалось мертвенною синевою. Когда, наконецъ, непріятель былъ обращенъ въ бѣгство, то въ рукахъ побѣдителя осталась только развалина, которую можно было бы принять за трупъ, еслибы не легкое дыханіе, выходившее изъ его устъ и возвѣщавшее, что жизнь еще не совсѣмъ оставила это тѣло. Цѣлыя три недѣли жизнь колебалась и трепетала въ больномъ, какъ пламя подъ дыханіемъ вѣтра; наконецъ она пошла своимъ чередомъ — медленно, но правильно. Паоло былъ объявленъ внѣ опасности, и черезъ пятнадцать дней послѣ того совсѣмъ выздоровѣлъ. Однимъ изъ неизбежныхъ послѣдствій всѣхъ острыхъ болѣзней мозга бываетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ оцѣпенѣнія и бездѣйствія мозговой системы и зависящихъ отъ нея отправленій, — состояніе, имѣющее видъ временнаго слабоумія. Такъ было и съ Паоло. Правда, жизнь быстро возстановлялась въ его органахъ, но это была только физическая жизнь; существо чувствующее, душа, еще не проснулось въ немъ. Онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на своей кровати и бессмысленно смотрѣлъ на стѣну, озаренную блуждающимъ лучомъ солнца, или игралъ съ дѣтьми съ такою безмятежною беззаботностью, какъ-будто онъ самъ былъ ребенокъ. Всякій разъ, когда Прюданса, Просперъ, Венуа или Перэнъ входили въ его комнату, онъ улыбался имъ; но говорилъ только тогда, когда къ нему обращались, и въ такомъ случаѣ всегда отвѣчалъ односложными *да* или *нѣтъ*. Онъ никогда не дѣлалъ вопросовъ и не высказывалъ ни малѣйшихъ признаковъ удивленія или любопытства по поводу незнакомой ему обстановки. Единственная вещь, которая, по видимому, его интересовала, было кушанье, которое онъ ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ. Когда онъ уже могъ вставать съ постели, онъ проводилъ половину дня въ креслѣ у окна задней комнаты и съ тѣмъ же безмолвнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за воробьями, или за движеніями Венуа, который, ходилъ по двору своихъ бань, находившихся напротивъ, и, скрываясь по временамъ въ облакахъ

пара и дыма, былъ похожъ на какого-то не-то морскаго, не-то адскаго бога.

То онъ стоялъ около официальной конторки Проспера, развлекался сценами, происходившими въ приёмной залѣ, и готовъ былъ апплодировать происходившей тамъ суетнѣ.

— Не правда ли, это похоже на приморскій портъ? — говорилъ маленькій конторщикъ омнибусовъ, наклоняясь къ своему большому.— Ничего нѣтъ удивительнаго, что сюда приходитъ такъ много народа; найдите мнѣ другое подобное средство для перевоза, въ которомъ бы соединялись и пріятность, и удобство, и скорость, и съ помощью котораго вы бы могли отправиться въ любой кварталъ города въ какое бы то ни было время дня или ночи. Вы сами расскажете мнѣ объ этомъ, какъ только будете въ состояніи ѣздить. Притомъ въ омнибусѣ вы постоянно находите хорошее общество: адвокатовъ, медиковъ, негодіантовъ, чиновниковъ, рантьеровъ, неговоря уже о важныхъ лицахъ, подобныхъ вотъ этому сѣдому господину съ красной ленточкой почетнаго легіона въ петлицѣ; это, вѣроятно, какой-нибудь генералъ въ партикулярномъ платьѣ. Теперь взгляните на этихъ лошадей. И Просперъ, со свѣтскомъ въ рукѣ, сталъ ласкать лошадей, трепля ихъ по шеѣ и сопровождая эту ласку подмигиваньемъ, какъ-будто желая сказать Паоло: «каковы лошадки? видали ли вы когда-нибудь подобныхъ—а? Esprit de corps, этотъ духъ, который заставляетъ насъ хвалить свое знамя, должно быть, очень силенъ, если этотъ бѣдный труженикъ, получавшій такую ничтожную плату, такое плохое помѣщеніе и отопленіе, гордился промысломъ, приносившимъ ему такъ мало выгоды.

Затѣмъ для Паоло наступили дни этихъ пресловутыхъ поѣздокъ въ омнибусахъ Проспера и продолжительныхъ сеансовъ подъ лучами прекраснаго весенняго солнца въ Ботаническомъ саду и въ Тюльери въ обществѣ Приюдансы, всегда готовой предложить выздоравливавшему какое-нибудь скромное лакомство; затѣмъ—прогулки, болѣе продолжительныя, по аллеямъ этихъ двухъ садовъ.

«Бѣдный молодой человекъ,— говорили между собою обычные посѣтители этихъ мѣстъ, какъ онъ слабъ! Молодость не предохраняетъ отъ болѣзни». Можетъ быть, въ его мысляхъ возникали иногда смутныя воспоминанія прошедшаго: образъ молодой дѣвушки съ тонкой таліей и черными волосами, фигура высокаго, сѣдого джентльмена, — образы туманные, подобные личностямъ какого-нибудь романа, прочитаннаго давно и наполовину забытаго. Но думать объ этомъ и облекать эти мимолетныя очертанія въ живыя формы ему стоило такихъ усилій, что онъ изнемогалъ и они снова ускользали отъ него. Гораздо привлекательнѣе былъ для него видъ этихъ прекрасныхъ львовъ, сидящихъ въ своихъ клѣткахъ, величественныхъ въ своемъ заключеніи, этихъ неугомонныхъ обезьянъ, которыя постоянно выкидываютъ другъ съ другомъ плутовскія штуки. Солнечные лучи, игравшіе тысячами огней на дрожащей поверхности большаго тюльрійскаго бассейна и превращавшіе ее въ подвижную скатерть изъ

рубиновъ и сафировъ, тоже имѣли свою прелесть для выдержавшавшаго.

Однажды вечеромъ онъ находился на террасѣ, возвышающейся надъ Сеной; заходящее солнце обдавало рѣку тирскимъ пурпуромъ. Паоло любовался этимъ зрѣлищемъ, когда его вниманіе вдругъ было привлечено маленькимъ парухомъ, выходявшимъ изъ-подъ моста Согласія. Паруходъ толъ вверхъ по рѣкѣ, оставляя за собою длинную полосу бѣлаго дыма. Паоло слѣдилъ за нимъ съ необыкновеннымъ интересомъ, до-тѣхъ-поръ, пока онъ не остановился противъ Королевскаго моста. Этотъ видъ пробудилъ въ его умѣ смутное воспоминаніе о подобной же сценѣ, которую онъ гдѣ-то видѣлъ, но когда—этого онъ не могъ припомнить. Тамъ заходящее солнце играло ту же роль; онъ помнилъ также огромное пространство воды и большой паруходъ, на палубѣ котораго находился Торнтонъ. Послѣ минутной нерѣшимости, онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ, указывая на паруходъ:

— Торнтонъ тамъ.

Въ первый разъ послѣ его болѣзни имя и образъ Торнтонна отчетливо представились его уму. Въ тотъ же вечеръ Паоло, съ видомъ челоуѣка, повѣряющаго какую-то важную тайну, сообщилъ имя Торнтонна Просперу, Бенуа и Перэну.

— Кто такой Торнтонъ?—спросилъ Перэнъ,—итальянецъ?

— Нѣтъ.

— Англичанинъ?

— Да.

— Что это: вашъ отецъ, братъ, или какой-нибудь родственникъ?

— Это мой другъ,—отвѣчалъ Паоло.

— А гдѣ его можно отыскать?—спросилъ Перэнъ.

Паоло дѣлалъ тысячи усилій, чтобы припомнить гдѣ, но все было напрасно.

Какъ бы то ни было, но душа его, спавшая такъ долго, наконецъ проснулась и озарила прошедшее нѣкоторымъ свѣтомъ; воспоминанія его прояснились. Черезъ нѣсколько дней онъ припомнилъ всѣ обстоятельства своей жизни до пріѣзда въ Парижъ; но съ этого періода времени до настоящей минуты онъ видѣлъ все какъ-будто въ туманѣ, сквозь который проглядывали по временамъ выпуклыя точки, какъ, напр., уличная толпа въ маскарадныхъ костюмахъ, миссъ Джовсъ въ бальномъ платьѣ, огромное зданіе, ярко-освѣщенное, за тѣмъ рѣзкій холодъ, отъ котораго онъ дрожалъ съ головы до ногъ... Только благодаря рассказамъ своихъ добрыхъ хозяевъ о томъ, какъ онъ попалъ подъ ихъ гостепріимную кровлю, онъ получилъ возможность пополнить, посредствомъ соображенія, пробѣлы, существовавшіе въ его памяти. Однако же, несмотря на всѣ свои усилія, онъ никакъ не могъ припомнить названія улицы, гдѣ онъ жилъ съ Торнтономъ по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ. Онъ слышалъ это названіе очень рѣдко и притомъ уже въ то время, когда его умъ начиналъ такъ странно путаться, что не было ничего удивительнаго, если оно совершенно вышло у него изъ памяти. Что онъ узнаеть улицу или

домъ, увидавъ ихъ—объ этомъ нечего было и думать, потому что ему случалось видѣть ихъ только ночью. Съ другой стороны, Просперъ и его жена хотя бы цѣлую вѣчность повторяли ему имена всѣхъ извѣстныхъ имъ улицъ, все-таки не попали бы на настоящее. Къ счастью, изобрѣтательный умъ Бенуа распуталъ и это затрудненіе. Бенуа кушилъ за нѣскольکو су книгу «Путеводитель по Парижу», гдѣ обозначены были не только улицы, площади, скверы, но даже самыя незначительныя переулки. Онъ сталъ читать эту книгу Паоло отъ начала до конца. Такое средство можетъ показаться очень простымъ, но оно было въ такой же мѣрѣ просто, какъ указанный Колумбомъ способъ—поставить яйцо прямо. Когда читатель дошелъ до названія—Роганъ, Паоло вскричалъ, что это именно та улица, гдѣ онъ жилъ. Мадамъ Придансъ тотчасъ же отправилась съ нимъ туда, но—увъ,—улица Роганъ уже не существовала, всѣ дома ея были сломаны за мѣсяць предъ тѣмъ. Тогда только Паоло въ первый разъ узналъ, что уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ домъ мадамъ Франсуазъ съ тѣмъ, чтобы туда уже не возвращаться. Да, онъ припоминалъ теперь, что это было на послѣдней недѣлѣ марта, теперь же наступила послѣдняя недѣля мая.

Паоло перенесъ эту неудачу съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ его спутница, которая утверждала, что это ужасно, что это можетъ вывести святаго изъ терпѣнія. Говоря правду, Паоло, повидимому, вовсе не былъ огорченъ. Возстановленіе умственныхъ его способностей не простиралось на его чувствительность: его привязанности еще не проснулись. Онъ былъ почти совершенно равнодушенъ ко всему; даже впечатлѣнія, возникавшія изъ тѣхъ воспоминаній, которыя, два мѣсяца назадъ, взволновали бы кровь его и пробѣжали бы огнемъ по его жиламъ, теперь на него почти не дѣйствовали; при мысляхъ о Лавиніи и Торитонѣ сердце его оставалось невозмутимо-спокойнымъ.

Возстановленіе относительнаго здоровья Паоло, тѣлеснаго и душевнаго совпало съ 24 мая, съ днемъ, священнымъ въ лѣтописяхъ семейства Проспера. Въ память этого дня маленькій смотритель omnibusовъ далъ себѣ отдыхъ—единственный въ году—состоявшій изъ шести часовъ отъ полудня до шести часовъ вечера. 24 мая 1845 г. Просперъ и Приданса потеряли свою единственную дочь, имѣвшую четыре года отъ-роду, и съ-тѣхъ-поръ каждое 24 мая они отправлялись на ея могилу и украшали вѣнками изъ иммортелекъ маленькій желѣзный крестъ, обозначавшій мѣсто вѣчнаго успокоенія маленькой Анеты, на кладбищѣ Монъ-Шарнасъ. Въ настоящую годовщину они рѣшили взять съ собою и Паоло и превратить этотъ день въ большой праздникъ. Поэтому мужъ и жена, одѣтые въ трауръ, дѣти въ темныхъ блузахъ, съ кожаными поясами, и Паоло въ своей единственной парѣ платья, великолѣпно вычищенной ради этого случая, и въ фуражкѣ Проспера, замѣнившей потерянную имъ шляпу, наконецъ Бенуа, одѣтый на этотъ разъ какъ обыкновенный смертный, въ полдень поѣхали въ одномъ изъ omnibusовъ компаніи и надлежащимъ обра-

зомъ высадились у Адской заставы, а оттуда пѣшкомъ пошли на кладбище.

Въ одной изъ многочисленныхъ лавокъ съ траурными товарами, наполняющихъ окрестности всѣхъ кладбищъ Парижа Просперъ купилъ нѣсколько вѣнковъ, по числу лицъ, и роздалъ ихъ, въ томъ числѣ и дѣтямъ, и затѣмъ всѣ пошли къ могилѣ Анеты, гдѣ каждый сложилъ эти тѣнныя эмблемы никогда неумирающей скорби. Прюданса стала на колѣни, ея причѣру тотчасъ же послѣдовали Просперъ, Венуа и Паоло, и, позвавъ своихъ мальчишекъ, мать велѣла имъ тоже стать на колѣни и прочесть короткую молитву, въ которой они просили свою маленькую покойную сестру молиться за нихъ Пресвятой Дѣвѣ, чтобы Она помогла имъ сдѣлаться добрыми и быть утѣшеніемъ ихъ родителей, какъ была она. Мадамъ Прюданса не слишкомъ выказывала свою чувствительность; но ея смуглое лицо нѣсколько поблѣднѣло и ея обыкновенно-веселый голосъ сдѣлался тихъ и прерывистъ. Просперъ, вставъ, былъ очень красенъ и долго вычищалъ пылъ съ своихъ колѣнъ. Венуа сильно жевалъ воображаемую жвачку и имѣлъ задорный видъ, будучи готовъ выпасть на когонибудь, впрочемъ во время удержался.

Послѣ того они ходили еще часа съ два по кладбищу, читали надписи на памятникахъ, дѣлали догадки—кого принесли въ этомъ маленькомъ гробикѣ: мальчика или дѣвочку; выражали теплую симпатію къ высокой жевитицѣ въ черномъ, которая, повидимому, была такъ истомлена заботой, и къ пожилому господину въ изношенномъ платьѣ, который съ такимъ жаромъ молился на могилѣ. Все это они пересыпали безчисленными замѣчаніями относительно красоты кладбища. И безъ сомнѣнія, если что-нибудь можетъ сдѣлать жилище смерти привлекательнымъ для глазъ, такъ это — чистыя, спокойныя, зеленѣющія кладбища Парижа, съ ихъ красивыми аллеями, съ ихъ деревьями и свѣжими рощами, съ ихъ цвѣтами, растущими вокругъ могилъ, съ ихъ многочисленными посѣтителями всякаго рода, которыхъ можно тамъ найти во всякое время, со всякими знаками любви и вниманія, которое только могутъ оказывать живые мертвымъ.

Три часа: пора домой!—сказалъ Венуа, посмотрѣвъ на свои часы. Последнее прощанье, послѣдняя молитва у креста маленькой Анеты—и они опять отправились къ заставѣ. Въ трактирѣ, напротивъ того мѣста, гдѣ останавливаются омнибусы, они пообѣдали, причемъ Венуа счелъ своею обязанностью выпить за здоровье молодого итальянца, своего друга, *Поло Маннини*. Паоло казался болѣе довольнымъ и взволнованнымъ, чѣмъ когда-либо послѣ своего выздоровленія. Въ особенности онъ былъ тронутъ, когда къ нему подошли дѣти Проспера, обняли его и стали осыпать поцѣлуями.

Наконецъ бутылка и трубка Венуа были опорожнены; время было ѣхать; обитатели набережной Монтебелло сѣли въ омнибусъ, а черезъ двадцать минутъ потомъ были уже въ конторѣ Проспера, столько же довольные своей шестичасовой поѣздкой, какъ многіе болѣе важные люди—своимъ шестинедѣльнымъ путешествіемъ въ Швейцарію или къ берегамъ Рейна. Вѣдьяки, которые должны зарабатывать

свой хлѣбъ въ потѣ лица, чувствуютъ удовольствіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже они имѣютъ случай имъ пользоваться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СМЕРТЬ.

Мистрисъ Джонсъ лучше чѣмъ этого можно было ожидать перенесла путешествіе въ Лондонъ. Впрочемъ, ея пребываніе въ столицѣ Англіи было непродолжительно, потому-что медицинскія знаменитости, какъ ни были они несогласны между собою въ подробностяхъ насчетъ методы леченія, единодушно присовѣтывали ей деревенскій воздухъ и спокойствіе. Поэтому тѣтка съ племянницей поселились на дачѣ м-ра Джонса, недалеко отъ Гильфорда, на разстояніи одного часа ѣзды по желѣзной дороги отъ Лондона.

Перемѣна воздуха произвела сначала благопріятные результаты. Знакомые звуки, знакомые виды, знакомая обстановка — вся эта совокупность таинственныхъ вліяній, производимыхъ домашнимъ очагомъ—оказывали свое обаятельное дѣйствіе и оживляли больную. Но это улучшеніе длилось только до-тѣхъ-поръ, пока впечатлѣнія были еще свѣжи, и послѣдовавшій за тѣмъ упадокъ силъ казался, вслѣдствіе контраста, еще быстрѣе. Бѣдная мистриссъ Джонсъ видѣла и чувствовала, что она мало-по-малу угасаетъ. Припадки быстро слѣдовали одинъ за другимъ и параличъ, до-сихъ-поръ ограничивавшійся лѣвымъ бокомъ, медленно, но упорно подвигался къ правому, подобно неприятелю, который каждый день подвигаетъ свои траншеи все ближе къ крѣпости передъ окончательнымъ штурмомъ. Въмѣсто прежнихъ прогулокъ своихъ утромъ и вечеромъ, она могла теперь гулять только разъ въ день; потомъ это ежедневное гулянье должно было мало-по-малу сокращаться и наконецъ прекратилось совсѣмъ. Единственнымъ средствомъ для того, чтобы бѣдная параличная могла подышать теплымъ апрѣльскимъ воздухомъ и насладиться видомъ и запахомъ весеннихъ цвѣтовъ было — возить ее въ подвижномъ креслѣ; но и отъ этого удовольствія ей скоро пришлось отказаться. Она могла теперь только часъ или два сидѣть на софѣ у окна. Наконецъ и это послѣднее утѣшеніе у нея было отнято, и она уже совсѣмъ не вставала съ постели.

Въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ выказалась вполнѣ вся преданность, которой исполнено было сердце Лавиніи. Она окружала свою тѣтку самыми нѣжными заботами. О, если бы Паоло могъ видѣть ее теперь, когда она сидѣла у изголовья угасающаго ея друга! Съ первыхъ дней болѣзни своей тѣтки она неохотно допускала другихъ къ ухаживанью за больной и уступала имъ свое мѣсто только тогда, когда уже совершенно изнемогала; но когда дни умирающей были уже сочтены, любовь преодолюла физическую слабость и Лавинія ни днемъ, ни ночью не отходила отъ постели страдальцы: день и ночь она выдумывала новые планы, какъ бы облегчить положеніе больной, добивать ей тѣ относительноя удобства, которыя служатъ только къ нѣкоторому уменьшенію страданій. Теперь мо-

лодая дѣвушка не чувствовала уже усталости, она была неустойчива въ словахъ утѣшенія, надежды, ласки. Но развѣ Лавинія не была щедро вознаграждена сознаниемъ — какое спокойствіе проливаетъ она въ душу умирающей, вознаграждена ея улыбками и благословеніями? Болѣе чѣмъ сторицею было ей возвращено за каждую добрую ея ласку. Можетъ-быть, въ то время она не замѣчала великой излившейся на нее благодати, когда она сообщала мистрисъ Джонсъ духовное утѣшеніе; но, безъ сомнѣнія, мѣста священнаго писанія, вѣчныя истины Евангелія, прочитанныя и обдуманная при свѣтѣ лампы, въ комнатѣ больной, въ виду приближающейся смерти, почти всегда принимаютъ новое и живое значеніе въ умѣ читающаго и преобразуются въ практическія правила для жизни.

По временамъ м-риссъ Джонсъ съ безпокойствомъ говорила о сньюорѣ Манчини, удивляясь, почему онъ не ѣдетъ къ нимъ, въ Англію. Бѣдная Лавинія не имѣла нужды въ томъ, чтобы кто-нибудь напоминалъ ей о Паоло: мысль о немъ примѣшивалась ко всѣмъ ей наиболѣе тягостнымъ думамъ и заботамъ. При своей нѣжной, любящей натурѣ, какъ сочувствовалъ бы онъ ей, если бы зналъ ея горе! Каждое слово его, которое имѣло хоть какое-нибудь, малѣйшее отношеніе къ ея теперешнему горькому испытанію, она припоминала такъ живо, какъ-будто это слово было сказано только вчера. Какъ справедливо говорилъ онъ, что ни молодость, ни богатство, ни здоровье не могутъ быть непроницаемымъ щитомъ противъ стрѣлъ скорби, которыя, сквозь грудь какой-либо дорогой для насъ особы, найдутъ себѣ вѣрный проходъ для увлеченія самыхъ счастливыхъ изъ смертныхъ! Какъ много разъ, подъ какими различными формами, старался онъ напечатлѣть въ ея душѣ мысль, что сердечныя привязанности — соль жизни; что онѣ составляютъ единственное изъ земныхъ благъ, которое можно назвать существеннымъ и достойнымъ нашихъ усилій!

Истина этихъ словъ проникала теперь до глубины ея души. Безъ любви, которую она чувствовала къ своей тѣткѣ, безъ любви, которую она сама внушала ей — какова была бы участь бѣдной страдальцы въ эту крайнюю минуту? Отвѣтъ на такой вопросъ былъ готовъ: мистрисъ Джонсъ, при всемъ своемъ богатствѣ, при всей окружавшей ее роскоши, была бы теперь предоставлена пролажному попеченію наемниковъ. М-ръ Джонсъ каждый день уѣзжалъ въ городъ и возвращался какъ-разъ къ обѣду; онъ никогда, даже на пять минутъ, не сокращалъ времени, назначеннаго для возсіаній въ честь Бахуса; никогда не удерживался отъ дремоты, которой онъ предавался каждый вечеръ, сидя въ покойномъ креслѣ у изголовья своей жены. Когда онъ говорилъ — если только говорилъ что-нибудь въ этихъ случаяхъ — то избираемыя имъ темы находились въ странной дисгармоніи со всею обстановкой; вообще же, онъ ограничивался пожеланіемъ спокойной ночи, прибавляя при этомъ какую-нибудь изъ тѣхъ немногихъ утѣпительныхъ, пошлыхъ фразъ, которыя въ безнадѣжномъ состояніи м-риссъ Джонсъ не имѣли никакого смысла. Слушавъ своей стороны, за тягость оффиціальнаго соболѣзнованія — за эту

мессу, которую они считали приличнымъ носить въ присутствіи своего господина—вознаграждали себя удивленною веселостью на сторонѣ.

По мѣрѣ того, какъ физическія силы больной ослабѣвали, ясность ея ума увеличивалась. Однажды вечеромъ, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго ею въ летаргическомъ состояніи, м-риссъ Джонсъ, повалившему, проснулась и, подозвавъ Лавинію, велѣла ей подойти поближе, чтобы не проронить ни одного слова изъ того, что она хочетъ ей сказать. «На моей совѣсти», сказала мистрисъ Джонсъ, «давно уже лежитъ тяжелое бремя, которое я должна сбросить; иначе, я не могу спокойно умереть». За тѣмъ съ ясностью, которая ни на одну минуту не измѣнила ей, она сдѣлала молодой дѣвушкѣ слѣдующее открытіе:

Когда, болѣе тринадцати лѣтъ назадъ, мистрисъ Джонсъ уговорила своего мужа взять на свое попеченіе единственную дочь его старшаго брата, м-ръ Джонсъ согласился на это подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы существованіе родителей маленькой Лавиніи и прежнія обстоятельства семейства, въ которыя ей предстояло вступать, были сохранены отъ нея въ тайнѣ. М-ръ Джонсъ, человѣкъ богатый и дѣлавшійся важною особою, началъ стыдиться своего прежняго званія и, желая, чтобы его племянница была тѣмъ, что онъ называлъ истинно-благовоспитанной женщиной, думалъ, что этой цѣли онъ можетъ лучше всего достигнуть поправленіемъ одной изъ божественныхъ заповѣдей. М-риссъ Джонсъ, изъ любви къ дѣвочкѣ, которую она любила до безумія, согласилась на эту сдѣлку и такимъ образомъ Лавинія выросла въ убѣжденіи—которое было подтверждено молчаніемъ дяди и тѣтки—что она сирота. Ея отецъ, который отказался отъ всякихъ правъ на дочь (можетъ-быть, за известную сумму денегъ, какъ думала м-рисъ Джонсъ), былъ вѣренъ своему обѣщанію—держаться въ сторонѣ. Теперь м-риссъ Джонсъ униженно просила прощенія въ безмолвномъ обманѣ, который она сдѣлала частью изъ боязни взглянуть на себя гнѣвъ мужа, но еще болѣе изъ опасенія послѣдствій, которыми могло бы сопровождаться для ея обожаемой племянницы открытіе тайны. Лавинія простила ей отъ души.

Легко вообразить, что молодая дѣвушка, не только озадаченная, но и глубоко тронутая этимъ открытіемъ, съ нетерпѣніемъ желала узнать что-нибудь побольше о своихъ неизвѣстныхъ родителяхъ. Мистриссъ Джонсъ вовсе не знала матери Лавиніи, которая умерла вскорѣ послѣ того, какъ дѣвочка была отдана ей родственникамъ; отца же ея она видѣла очень мало. Въ первый разъ она видѣла его вскорѣ послѣ своего выхода замужъ за м-ра Марка Джонса; ему было тогда около тридцати-шести или тридцати-семи лѣтъ, но на видъ онъ казался старше и, повидимому, былъ очень истомленъ заботами. Она знала, что онъ не разъ терпѣлъ банкротство. Вратья были между собою не въ ладахъ, и потому она рѣдко видала его, а съ того времени, какъ ея мужъ взялъ Лавинію къ себѣ, всякія сношенія между нею и ея деверемъ прекратились; даже мѣсто его жительства было тщательно скрывается отъ нея. Однако же, благодаря болтливо-

сти слугъ, она узнала, что онъ тайкомъ приходилъ по временамъ, повидаться съ ея мужемъ. Послѣ этихъ посѣщеній м-ръ Джонсъ всегда бывалъ не въ духѣ, жаловался на своего брата, и называлъ его пьяницей. Что касается того, живъ ли этотъ бѣднякъ или умеръ, м-риссъ Джонсъ не имѣла ни малѣйшаго ключа къ разрѣшенію этого вопроса. Въ послѣдній разъ она видѣла его на улицѣ, передъ самымъ отъѣздомъ ихъ за границу: онъ, казалось, былъ въ большемъ уныніи. Она охотно бы поговорила съ нимъ, но она была вмѣстѣ съ мужемъ. Вотъ все, что могла узнать Лавинія о своихъ родителяхъ.

Тетка довершила свою исповѣдь, сообщивъ своей племянницѣ о скромномъ происхожденіи своемъ и своего мужа и незначительности ихъ роли при началѣ ихъ жизненнаго поприща. Она упрекала себя въ утайкѣ этихъ обстоятельствъ тѣмъ болѣе, что знаніе ихъ могло бы послужить для Лавиніи противодѣйствующимъ и умѣряющимъ средствомъ противъ идей и стремленій, внушенныхъ ей воспитаніемъ, которое далеко было выше ея происхожденія, и поощряемыхъ высокоуміемъ, великими понятіями и примѣромъ м-ра Джонса. Его погоня за знатностью была отравой его жизни. Разбуждая злобу и насмѣшку въ людяхъ оставленнаго имъ класса, презираемый высшими, около которыхъ онъ увивался, тревожимый постояннымъ страхомъ, какъ-бы не встрѣтиться съ лицами, знающими его прошлое, которое онъ самъ старался забыть, — м-ръ Джонсъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ имъ овладѣлъ демонъ гордости, не имѣлъ покоя. Лавинія, конечно, не забыла ихъ послѣдшаго и тѣнственнаго бѣгства изъ Флоренціи во время августовскихъ жаровъ. Причиной этого бѣгства было то, что м-ръ Джонсъ столкнулся съ однимъ изъ своихъ прежнихъ покровителей или, лучше, изъ своихъ прежнихъ покупателей, милордомъ Верритомъ.

Къ этому мистриссъ Джонсъ со вздохомъ прибавила, что ея здоровье и веселость стали ослабѣвать съ самаго начала этой безумной погоня за жизнью знатнаго круга, за этимъ недостижимымъ «fashion»; съ того самаго времени, когда ей пришлось отказаться отъ здоровой дѣятельности и полезныхъ занятій для праздної роскоши, для этой сферы, въ которой она не только чувствовала себя не на мѣстѣ, но гдѣ всѣ вкусы, привычки и обязанности находились въ совершенномъ разладѣ съ ея прежними вкусами, привычками и обязанностями. Поэтому-то она, правда, нѣсколько опрометчиво, допускала и поощряла возраставшую привязанность своей племянницы къ Паоло. Изъ своего жизненнаго опыта м-риссъ Джонсъ вынесла убѣжденіе, что союзъ, заключенный при скудныхъ средствахъ, но основанный на взаимной привязанности и уваженіи, съ прибавкою нѣкоторой умѣренности въ желаніяхъ, представляетъ гораздо болѣе шансовъ для счастья, чѣмъ какой-нибудь изъ тѣхъ блистательныхъ браковъ, гдѣ есть все, кромѣ любви.

Это были послѣднія признанія, которыя слышала Лавинія отъ своей тетки. Прежде чѣмъ кончился слѣдующій день, губы, произносившія ихъ, закрылись, а миссъ Джонсъ лежала на одрѣ болѣзнь,

измученная и тѣломъ и духомъ. Но благотворныя сѣмена, упавшія на сердце и душу ея во время этого тягостнаго испытанія, едва-ли могли загдохнуть, и мы можемъ надѣяться, что, по перенесеніи перваго удара, Лавинія встанетъ совершенно новымъ существомъ, укрѣпленнымъ для всего добраго. Кто никогда не встрѣчался лицомъ къ лицу со смертію, съ этою суровою отрезвительницею, тотъ мало знаетъ о жизни и ея цѣлхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ищутъ Мортимера.

Въ задней комнатѣ заведенія Проспера происходило важное совѣщаніе, которое едва-ли могло скоро дойти до рѣшенія обсуживаемаго вопроса. Изъ четырехъ уполномоченныхъ, собравшихся на конференцію, двое, Бенуа и Просперъ, безпрестанно высказывали изъ комнаты, и тѣмъ замедляли ходъ дѣла.

Если когда-нибудь существовали каторжники по ремеслу, такъ это были Бенуа и Просперъ, и въ особенности послѣдній. Души и паровыя ванны посѣщаются не во всякое время, и потому Бенуа могъ имѣть нѣкоторыя минуты покоя, могъ даже припомнить случаи, когда онъ садился за столъ и оканчивалъ свой обѣдъ безъ помѣхи; но Просперу подобная роскошь была неизвѣстна: его работа никогда не оканчивалась, потому-что въ большихъ городахъ ѣзда бываетъ постоянная. Каждый пять минутъ Просперъ долженъ былъ смотрѣть за входомъ и выходомъ пассажировъ, повѣрять число контромарокъ, толковать съ кондукторомъ, подавать свисткомъ сигналъ къ отъѣзду омнибуса, и проч. Возвратясь въ контору, онъ долженъ былъ выдавать новыя билеты и отвѣчать на вопросы каждаго, кто обратится къ нему за свѣдѣніями относительно омнибусовъ. Едва проходило пять минутъ, какъ новый свистокъ вызывалъ его на улицу, для повторенія той же операціи; и такъ было каждый день, съ семи часовъ утра до двѣнадцати часовъ ночи. Бенуа тоже не оставался въ покоѣ: посредствомъ знаковъ, подаваемыхъ изъ его «логовица», его вызывали—среднею цифрою—черезъ каждыя семь минутъ. Такимъ образомъ то тотъ, то другой, то оба оставляли совѣщаніе, и было мало надежды, что оно когда-нибудь придетъ къ желанному концу.

Настоящій вопросъ, предложенный собранію нашимъ другомъ Паоло и подерживаемый г-жею Прюдансъ, состоялъ въ слѣдующемъ: долженъ ли Паоло идти въ полицію, для собранія свѣдѣній о Торнтонѣ? Инициатива со стороны молодого римлянина показывала новый фазисъ въ состояніи его души. Чувствованія Паоло, наконецъ, пробудились, и дружба тотчасъ же заявила свои права. Найти своего благодѣтеля, успокоить его и успокоиться самому—таковы были пламеннѣйшія желанія его сердца. Если бы даже онъ не былъ привязанъ къ англичанину сильною, почти сыновнею, любовью, то къ отъисканію его онъ имѣлъ еще другія побужденія: найдя Торнтона, онъ могъ бы отдать своимъ добрымъ хозяевамъ ту часть долга, которую

можно уплатить деньгами, и затѣмъ уѣхать въ Римъ. Паоло оставилъ въ своей квартирѣ, на улицѣ де-Роганъ деньги, которыхъ было бы достаточно для удовлетворенія той и другой потребности, и вѣроятно, Мортимеръ присмотрѣлъ за ними. Паоло нетерпѣливо желалъ оставить Парижъ: имъ овладѣла тоска по родинѣ.

Думалъ, что о мѣстопребываніи Торитова скорѣе всего можно узнать отъ Джонсовъ, онъ рѣшился отправиться къ нимъ. Воспоминаніе о Лавиніи было связано со многими тягостными, хотя и смутными впечатлѣніями, такъ-что онъ въ точности не зналъ—хочетъ ли онъ видѣть ее или нѣтъ. Онъ отправился на Бульваръ Капуциновъ; но это посѣщеніе повергло его еще въ большую неизвѣстность: Джонсы уѣхали болѣе чѣмъ за два мѣсяца передъ тѣмъ, а высокій англичанинъ, который въ послѣднее время часто приходилъ къ нимъ, не показывался въ этотъ домъ съ самаго ихъ отъѣзда. Тогда Паоло рѣшился обратиться къ полиціи, и результатомъ его намѣренія было настоящее совѣщаніе.

Мадамъ Прюдансъ была того мнѣнія, что онъ долженъ идти въ полицію и что это не сопряжено ни съ какою для него опасностью, лишь бы только она отправилась съ нимъ. Просперъ говорилъ, что это дѣло должно быть представлено на обсужденіе мосье Перэна, но развитіе эту мысль ему помѣшалъ свистокъ, заставившій его выбѣжать изъ комнаты. Вѣнуа ничего не хотѣлъ и слышать о подобной мѣрѣ.

— Идти въ полицію,—воскликнулъ экскъ-сержантъ, вскакивая съ подоковника, на которомъ сидѣлъ, съ такою стремительностью, что обѣ его туфли разлетѣлись въ разныя стороны,—это все равно, что идти въ берлогу медвѣдя. А кто его оттуда вытащить, желалъ бы я знать?

— Я не сдѣлалъ никакого преступленія,—спокойно сказалъ Паоло, чего же мнѣ бояться полиціи?

— Оставьте ее въ покоѣ: она найдетъ множество причинъ припрятать васъ куда-нибудь подальше. Возьмите себѣ за правило: эмигрантъ всегда преступень.

— Но, вѣдь, я не эмигрантъ,—возразилъ Паоло.

— Не эмигрантъ!—воскликнулъ Вѣнуа, съ озадаченнымъ видомъ.

— Не эмигрантъ!—повторили мадамъ Прюдансъ и Просперъ, въ сотый уже разъ входившій въ комнату.

— Я такой же эмигрантъ, какъ и вы,—настаивалъ Паоло.

— Итальянецъ и не эмигрантъ, — продолжалъ Вѣнуа, почесывая свою лысину,—это невѣроятно! — И, въ видахъ примиренія себя съ подобною нелѣпостью, онъ два или три раза *выпалъ** на стѣну.— Увѣрены ли вы въ томъ, что вы не эмиг... Чортъ побери этого мальчишку съ его сигналами!... Иду!. Кажется, цѣлый Парижъ хочетъ сегодня париться! И старикъ заковылялъ вонъ изъ комнаты.

— Если вы не эми... началъ-было Просперъ, но онъ успѣлъ только прибавить: чортъ побери, свистокъ—я опрометью бросился вонъ. Паоло и Прюданса, оставшись одни, сдѣлали то, что и слѣдовало

* Выпасть—терминъ въ фехтованіи.

сдѣлать! при подобныхъ, обстоятельствахъ: онъ надѣлъ сколько засаленую фуражку, она—свою полинялую шляпку, правились въ путь. Просперъ, попавшійся имъ на порогѣ терпѣливо выслушивалъ въ это время жалобу одной толпа на кондуктора, который не вдругъ остановилъ омнибусъ, приказывала ему это. Онъ сдѣлалъ слабую попытку отговорить жену отъ намѣренія, которое, навѣрное, не понравится его и но Прюданса, питавшая нѣкоторую ревность къ вліянію ея мужа, возразила, что крестный воленъ обижаться или не сѣ, но что она и мосье Паоло не дѣти его и, благодаря имъютъ нужды въ помочахъ. На это Просперъ только махнулъ рукой. Говоря правду, вѣра конторщика въ непогрѣшимо сильно поколебалась съ тѣхъ-поръ, какъ послѣдній съ гнѣпительностью объявилъ, что Паоло боленъ холерой и былъ въ грубой ошибкѣ. Теперь же открытіе, что Паоло не былъ томъ, не могло быть не принято въ ображеніе даже та даннымъ крестникомъ, какъ Просперъ. Авторитетъ Венуа б лабѣвалъ, подобно другимъ авторитетамъ, основаннымъ на шимости.

По тѣмъ же самымъ мрачнымъ проходамъ и корридорамъ же самымъ сырымъ дворамъ и площадкамъ, которые, за мѣсяцевъ передъ тѣмъ, произвели такое подавляющее впечатлѣніе на Мортимера и мадамъ Франсуазъ, искавшихъ Паоло, теперь оло и мадамъ Прюдансъ оыскивать Торнтонна. Полицейскіе тура была для Прюдансы землею невѣдомою; достойная же когда не переступала за ея порогъ, и столько же знала о ре канцеляріяхъ, ихъ названіяхъ и предметахъ вѣдомства, славномъ городѣ Трофъ, или, не менѣе славномъ городѣ этомъ блаженномъ невѣдѣніи лучше всего казалось — и дѣлѣ было — обратиться къ одному изъ городовыхъ — а вѣ было недостатка — и спросить у него куда идти. Но сдѣлать просъ было не такъ легко, какъ думала Прюданса: надо б по-крайней-мѣрѣ, приблизительно названіе того, чего ище валось одно: объяснить блюстителю порядка въ короткихъ что нужно. «Это дѣло справочной конторы», сказалъ гоу подведя ихъ къ лѣстницѣ, прибавилъ: «первый этажъ, дверъ»

Глубокая тишина царствовала въ комнатѣ, въ которую Пруданса вошли къ трепещущимъ сердцемъ, постучавшись прежде въ дверь. Тамъ, за столомъ, сидѣли два господина, за саньемъ своихъ бумагъ. Одинъ изъ нихъ, не открывая рта голову съ вопросительнымъ видомъ. Прюданса объяснилъ, что нужно.

— Не родня ли кто-нибудь изъ васъ лицу, котораго вы спросилъ чиновникъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Прюданса; — но этотъ господинъ м-ра Торнтонна.

— У васъ есть, — снова спросилъ чиновникъ. — письменное преденіе префекта полиціи на произведеніе этихъ розысковъ?

— У насъ нѣтъ ничего.

— Эта бумага необходима. Достаньте ее и приходите съ нею сюда.

Когда Паоло и Прюданса, обманутые въ своихъ надеждахъ, сошли на площадку, находившуюся противъ конторы, они встрѣтили того же городского, который указалъ имъ дорогу. Обратясь къ мадамъ Прюдансъ, онъ спросилъ у ней—нашла ли она, кого искала.

— Ахъ, нѣтъ!—отвѣчала Прюданса:—намъ нужно дозволеніе префекта.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ городской, дѣлая нѣсколько шаговъ вслѣдъ за ними.— Вамъ нѣтъ надобности самимъ идти къ префекту: вы знаете, онъ не приметъ васъ. Пошлите ему письменную просьбу.

Прюданса поблагодарила его. Въ эту минуту они находились противъ конторы паспортовъ.

— Вы, кажется, говорили, что другъ, котораго вы ищете, американецъ? — спросилъ городской.

— Англичанинъ, — возразила Прюданса.

— А, да! Во всякомъ случаѣ—иностранецъ. Не уѣхалъ ли онъ куда нибудь? Вамъ не худо бы справиться въ конторѣ паспортовъ.

Этотъ совѣтъ былъ благоразуменъ и Паоло съ Прюдансой, послѣ тысячи благодарностей полицейскому, вошли въ контору.

Контора паспортовъ находилась къ справочной конторѣ въ такомъ же отношеніи, какъ бурное море къ стоячему болоту. Въ іюнѣ Парижъ начинаетъ пустѣть, поэтому къ конторѣ толпилось множество народу, явившагося за паспортами. Быстро ходили перья и языки чиновниковъ, которые записывали примѣты и допрашивали... обывающихъ, мы хотѣли сказать, потому-что процессъ паспортнаго дѣлопроизводства напоминаетъ собою процессъ уголовного суда: здѣсь также вызываютъ людей, подвергаютъ ихъ допросамъ, и записываютъ ихъ отвѣты. Грустно стояла Прюданса, въ ожиданіи, когда ей можно будетъ пробраться сквозь толпу къ конторкѣ чиновника. Дежурный муниципальный гвардеецъ, стоявшій возлѣ рѣшотки, замѣтивъ ея плачевную мину, попросилъ ее подвинуться впередъ и вѣжливо очистилъ для нея дорогу. На ропотъ одного изъ присутствовавшихъ, проворчавшаго сквозь зубы, что онъ пришелъ раньше, гвардеецъ замѣтилъ, что во Франціи прекрасный полъ всегда имѣетъ преимущество. Благодаря этой своевременной помощи, мадамъ Прюдансъ могла изложить свою просьбу ближайшему чиновнику, который отослалъ ее въ другой конецъ комнаты, гдѣ было еще больше столовъ и чиновниковъ.

Тотъ, къ которому она обратилась теперь, оказался чрезвычайно предупредительнымъ и принялъ живѣйшее участіе въ ней и въ ея спутникѣ. Можетъ быть, у него была мать или сестра, находившаяся въ такой же нуждѣ, какъ бѣдная, плохо-одѣтая Прюданса, или, быть можетъ, у него былъ братъ такой же худой и истомленный заботой, какъ Паоло; какова бы ни была причина участія людей, его нужно принимать съ признательностью не дожидаясь его источника. И оно въ самомъ дѣлѣ было принято съ живѣйшею признатель-

ностию въ настоящемъ случаѣ. Влагосклонный чиновникъ, заложивъ перо за ухо, выпелъ изъ запыльскаго лоскутка бумаги, на которомъ были записаны имя и послѣдній адресъ Торнтонъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ неутѣшительнымъ извѣстiемъ, что паспортъ сэра Мортимера Торнтонъ былъ засвидѣтельствованъ, для отъѣзда въ Соединенные Штаты, 16 мая.

— Онъ поѣхалъ искать меня—я въ этомъ увѣренъ,—сказалъ Паоло, удаляясь тихо и со слезами на глазахъ.

— Ну, если онъ не найдетъ васъ тамъ, то вернется искать васъ здѣсь,—возразила Прюданса, съ притворно-увѣреннымъ и веселымъ видомъ. Къ счастью для Проспера, они возвратились домой, пока еще душевная тревога, въ которую былъ повергнутъ маленькій человѣчекъ, не успѣла окончательно сбить его съ толку. Бѣдный конторщикъ омнибусовъ до такой степени былъ взволнованъ призраками гюрель, галеръ, эшафотовъ, которые были вызваны, для его утѣшенiя, обязательною услужливостью Венау, что пассажировъ, ѣхавшихъ въ Ботанической садъ, онъ началъ уже отправлять къ Пантеону, и наоборотъ, и вообще дѣлалъ ошибку за ошибкой.

Прюданса мало спала въ эту ночь, за то она много думала, и результатомъ ея размышленiй было, что «хорошо бы обратиться въ англiйское посольство, такъ-какъ,—разсуждала Прюданса,—уже двадцать дней прошло съ тѣхъ-поръ какъ м-ръ *Фортонъ* уѣхалъ, предполагая, что онъ оставилъ Парижъ въ день отъѣтки его паспорта; а я знаю, что двадцати-девяти дней достаточно для путешествiя въ Нью-Йоркъ и обратно. Онъ, можетъ быть, уже вернулся; а если такъ, то въ посольствѣ навѣрное знаютъ объ этомъ.»

На слѣдующее утро мадамъ Прюдансъ, напомнивъ Паоло пословицу—«утро вечера мудренѣе», сообщила ему свою идею. Всѣ, начиная съ Паоло, напли эту мысль превосходною, и, вслѣдствiе этого единодушнаго рѣшенiя, жена Проспера и ея протежѣ съ возродившеюся надеждой отправилась въ новую экспедицію для отысканiя Торнтонъ.

Швейцаръ англiйскаго посольства посоветовалъ имъ обратиться въ канцелярiю консульства, находившуюся на томъ же дворѣ. Здѣсь не успѣли они объявить о своемъ желанiи узнать—находится ли въ настоящее время въ Парижѣ англiчанинъ, по имени Торнтонъ, какъ ихъ засыпали вопросами: кто они такіе? не имѣютъ ли они какихъ-нибудь денежныхъ претензiй на этого англiчанина? не родня ли они ему? — кто ихъ надумалъ придти въ англiйское консульство? и проч. и проч. Когда на каждый изъ этихъ вопросовъ былъ данъ удовлетворительный отвѣтъ, и когда вполнѣ объяснилось въ чемъ дѣло, тогда только секретарь, или писмоводитель, говорившій съ ними, рѣшился сообщить имъ, что м-ръ Мортимеръ Торнтонъ имѣетъ въ Лондонѣ своихъ повѣренныхъ, адресъ которыхъ онъ сообщитъ имъ, если имъ угодно. Несмотря на незначительность предложенной услуги, она была принята съ жаромъ. Тогда секретарь вручилъ имъ клочокъ бумаги, на которомъ было написано «гг. Генстридъ и К^о 14, Гольден-Скверъ, Лондонъ». Паоло и Прюданса вышли изъ консульства, зная немногимъ больше того, сколько знали, входя туда;

но Приданса съ женскою прозорливостью подозрѣвала, что писмоводитель консула зналъ насчетъ Торитона больше, чѣмъ сколько казалъ. Однако же она удержалась отъ передачи своихъ подозрѣній Паоло, боясь его этимъ встревожить.

Молодой итальянецъ немедленно отправилъ два письма: одно — г-мъ Генстридъ и К^о въ Лондонъ, а другое на имя Мортимера Торитона въ Римъ, на Бабуинскую улицу, на случай если онъ возвратился туда. Онъ написалъ также нѣсколько строкъ синьору Анджело Джильи—это было настоящее имя нашего веселаго маленькаго друга, Сальватора Розы,—имя, которое Паоло съ трудомъ могъ припомнить. Въ послѣднемъ посланіи, очень загадочномъ, сообщалось извѣстіе о томъ, что Торитонъ исчезъ. Сальватора просили, что бы, если ему удастся узнать что нибудь объ англичанинѣ онъ немедленно сообщалъ эти свѣдѣнія сочинителю письма въ Парижъ, на имя г-на. Проспера, на Набережную Монтебелло, № 77. Больше никакихъ подробностей и объясненій не было.

Паоло не дѣлалъ нисколько намека ни на свою болѣзнь, ни на свои донужныя затрудненія. Къ чему тревожить маленькаго живописца извѣстіемъ, что его другъ бѣдствуетъ, когда тотъ не можетъ ему помочь? Паоло хорошо зналъ, что всѣхъ денегъ, какія Сальваторъ и другіе его товарищи могутъ собрать съ величайшимъ трудомъ, ни въ какомъ случаѣ не хватитъ на его проѣздъ изъ Парижа въ Римъ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что Паоло, при выѣздѣ изъ Рима, предвидя продолжительность своего отсутствія, взялъ съ собою всѣ деньги, какія у него были, и оставилъ въ рукахъ Торитона билетъ французскаго Банка на соответствующую сумму. Кромѣ того пять или шесть золотыхъ монетъ, которыя у него были когда онъ отправился въ Городскую Ратушу, исчезли вмѣстѣ съ его кошелькомъ и адресомъ улицы Роганъ. Все это, вѣроятно, онъ выронилъ, когда боролся со стражею или старался ее подкупить.

Г.г. Генстридъ и К^о отвѣчали съ пунктуальностью дѣловыхъ людей. Они сожалѣли, что въ настоящее время не имѣютъ возможности сообщить синьору Манчини адресъ своего уважаемаго кліента, м-ра Торитона, эсквайра, пребываніе котораго за границей, какъ они имѣютъ причины думать, будетъ еще довольно продолжительно.

Это письмо, при всей своей неудовлетворительности, заключало въ себѣ нѣкоторую долю утѣшенія для Паоло. Оно убѣждало его, что гдѣ бы Торитонъ ни былъ, онъ все таки живъ и здоровъ.

Вслѣдъ за письмомъ повѣренныхъ Мортимера было получено письмо Сальватора. Послѣдній извѣщалъ, что со времени своего отъѣзда вмѣстѣ съ Паоло Торитонъ не показывался въ Римъ. Письмо Сальватора, естественно, было наполнено вопросами и догадками насчетъ таинственнаго исчезновенія Торитона. Кромѣ того Сальваторъ просилъ Паоло сообщить ему—каковы его планы въ будущемъ. Паоло отвѣчалъ, что онъ думаетъ только объ одномъ: возвратиться въ Римъ какъ можно скорѣе, и что всякія объясненія относительно Торитона

самого себя онъ отлагаетъ до личнаго свиданія. Паоло имѣлъ двѣ причины откладывать эти объясненія: во-первыхъ, онъ не хотѣлъ писать Сальватору о своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ ему вѣлья было бы не упомянуть, если бы онъ вошелъ въ какія нибудь подробности относительно своихъ приключеній; во-вторыхъ, онъ не хотѣлъ обвинять Лавинію, чего очень трудно было бы избѣжать при изложеніи дѣлъ въ настоящемъ ихъ видѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Паоло окончательно приходитъ въ себя.

Ясное и отчетливое письмо Генстрида и К^о уничтожило послѣднюю надежду Паоло найти Тернтона въ настоящую минуту, но оно несколько не ослабило его увѣренности, что англичанинъ ищетъ его, Паоло. Молодой человѣкъ чувствовалъ, что онъ долженъ заботиться самъ о себѣ, т. е. не только зарабатывать себѣ несущійся хлѣбъ, но и приобрести средства для возвращенія въ Римъ.

Паоло не обольщалъ себя большими надеждами на этотъ счетъ; онъ понималъ, что гораздо легче желать работы, чѣмъ достать ее, въ особенности человѣку въ его положеніи. Онъ былъ иностранецъ на чужой землѣ, не вполне знакомый съ французскимъ языкомъ; все богатство его состояло изъ поношенной пары платья, одной только перемены бѣлья и расположенія добрыхъ людей, которые сами были бѣдны какъ мыши и не имѣли ни друзей, ни родственниковъ. Но когда нужда сжимаетъ человѣка своєю желѣзною лапой, то вмѣстѣ съ тѣмъ она вселяетъ въ него духъ изобрѣтательности. Паоло посоветовался съ своимъ довѣреннымъ лицомъ, Придансою, или, лучше, возложилъ всю надежду на заботливость ея материнскаго сердца. Придансу сильно испугала мысль о слабомъ, больномъ молодомъ человѣкѣ, работающемъ изъ-за дневнаго пропитанія; и она сказала, что Паоло долженъ прежде поправиться.

— Я довольно поправился—возразилъ Паоло—и не могу оставаться въ бездѣйствіи. Я уже и такъ слишкомъ долго былъ вамъ въ тягость — мнѣ страшно даже подумать, какъ долго—но до настоящаго дня я не былъ самимъ собою.

Приданса сильно протестовала противъ мысли, будтобы молодой человѣкъ былъ имъ въ тягость; незначительныя услуги, которыя они могли ему оказать, были съ излишкомъ вознаграждены тѣмъ, что онъ такъ охотно терпѣлъ неудобства въ ихъ бѣдномъ жилищѣ, которое такъ далеко ниже его званія и привычекъ.

— Прошу васъ,—возразилъ Паоло, силясь улыбнуться.—не старайтесь уменьшать цѣну оказанныхъ вами благодареній, считая меня за какого-то переодѣтаго принца. Желалъ бы я всегда пользоваться удобствами, которыя вамъ угодно такъ унижать. Я воспитанъ не въ роскоши, увѣряю васъ. Въ семнадцать лѣтъ я былъ оставленъ нагимъ какъ червякъъ, безъ всякихъ средствъ въ жизни, кромѣ двухъ моихъ рукъ. Еслибы мнѣ пришлось провести двадцать жизней служа вамъ, я все таки никогда не могъ бы по квитаться съ вами,—никогда.

Если правда.—и это действительно такъ, что мы должны дѣлать добро ради его самого, а не ради благодарности, которую оно можетъ принести намъ, то не менѣе правда и то, что искреннее признаніе другими сдѣланнаго нами добра есть самая сладкая, послѣ приговора нашей собственной совѣсти, награда, какую мы только можемъ получить. Благодарный энтузіазмъ молодого римлянина проникалъ въ сердце Прюдансы тѣмъ глубже, что она не была причена ни къ какимъ изъявленіямъ съ его стороны. Все онѣмѣвшія чувствованія только-что пробудились въ жизни, и показали ему во всей полнотѣ — тѣмъ онъ былъ обязанъ своимъ добрымъ хозяевамъ. Паоло сказалъ буквальную истину, говоря, что до этого дня онъ не былъ самимъ собою.

Если такъ,—сказала Прюданса, съ живостію,—мы сдѣлаемъ все что можемъ, для отысканія вамъ работы. Какая работа вамъ больше съ—руки?

— Я умѣю рисовать и писать красками,—отвѣчалъ Паоло. Я былъ воспитанъ для ремесла живописца.

— Рисованье и живопись не по моей части,—сказала французени; и, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, она задумалась.— Игра на фортепьяно и пѣніе были бы лучше: дочь привратника въ сосѣднемъ домѣ нуждается въ учителѣ пѣнія.

— Я могу учить итальянскому языку, или переписывать бумаги,—сказалъ Паоло. Впрочемъ, мнѣ все равно; я готовъ быть дворникомъ или носильщикомъ, если мнѣ нельзя найти чегонибудь другого.

— Надѣюсь, мы не дойдемъ до этого, сказала Прюданса; но дайте мнѣ время подумать.

Просперъ, узнавъ о нуждахъ и желаніяхъ Паоло, сталъ лопать голову, но не нашолъ ничего исключая омнибусовъ и того, что принадлежало къ омнибусамъ; онъ съ жаромъ ухватился за мысль—хлопотать предъ своею компаніей о предоставленіи его протекжѣ вакантнаго мѣста кондуктора. Венау страшно жалѣлъ, что только за двѣ недѣли предъ тѣмъ всѣ бани его заведенія были заново выкрашены сѣрою краской, тогда какъ подъ рукой былъ живописецъ, нуждающійся въ работѣ. Волѣе практичная Прюданса подвергла всѣхъ своихъ сосѣдей умственному осмотру, который занялъ не много времени и имѣлъ своимъ результатомъ мысль, что если мосьѣ Перэнъ не поможетъ Паоло выйти изъ затрудненія, тогда уже нечѣмъ будетъ пособить горю.

Итакъ она отправилась къ доктору и сообщила ему о своемъ затрудненіи, съ разными околичностями и дипломатическими толостями, приличными мѣсту и лицу, на которыхъ Прюданса и К^о смотрѣли съ необычайнымъ благоговѣніемъ. Когда мосьѣ Перэнъ, съ помощью своихъ очковъ, наконецъ проникнулъ въ сущность дѣла, насчетъ котораго спрашивали его совѣта,—то снялъ свои очки и началъ вертѣть ихъ между большимъ и указательнымъ пальцами,—что у него всегда означало умственное напряженіе.

— Онъ живописецъ? да? Благородное званіе, безъ сомнѣнія; но ему

больше бы теперь пригодилось — быть музыкантомъ. Впрочемъ, всѣ итальянцы умѣютъ пѣть и играть, — не правда ли?

— Я говорила ему именно это самое, — сказала Приюданса, со вздохомъ, — но, къ несчастію, онъ не умѣетъ ни пѣть ни играть, и съ этимъ ничего не сдѣлаешь.

— Правда, сказалъ докторъ. — мы должны подумать о чемъ нибудь другомъ; да, нужно подумать; когда я что-нибудь выдумаю, те приду къ вамъ сказать; прощайте.

Когда Приюданса вернулась домой, на оконныхъ ставняхъ конторы красовалось уже объявленіе, написанное лучшимъ почеркомъ Проспера: «Уроки рисованія, преподаваемыя первостепеннымъ учителемъ по дешевой цѣнѣ. Объ адресѣ и условіяхъ спросить въ этомъ домѣ.» Съ этого дня мосьѣ Просперъ, всякій разъ когда занятія его должности вызывали его на минуту изъ его владѣній, — что какъ мы знаемъ, бывало очень часто — никогда не пропускалъ случая — еще не переступая порога, остановиться и прочесть свое собственное объявленіе съ необычайнымъ вниманіемъ. При этомъ онъ, со всевозможнымъ искусствомъ, къ какому только былъ способенъ, принималъ видъ аматѣра, размышляющаго о пользѣ, которую можно извлечь изъ этого соединенія въ одномъ лицѣ — первостепенныхъ качествъ и дешевизны.

Вѣдмый Просперъ! его добрая хитрость не имѣла никакого успѣха. Къ счастью, послѣ двухъ дней томительнаго ожиданія, мосьѣ Перэнъ явился въ приемную комнату заведенія, въ очкахъ, которыя были въ этотъ день особенно-ясны и чисты; онъ оставилъ адресъ одного господина, къ которому долженъ былъ явиться Паоло въ слѣдующій день, въ двѣнадцать часовъ утра. Этотъ господинъ былъ очень извѣстный ученый, по фамиліи Пертюи, который потратилъ на Римъ и на древнихъ римлянъ изумительную сумму знанія и критической проницательности, вмѣстѣ съ непоколебимымъ терпѣніемъ бенедиктинскаго монаха. По всей вѣроятности, свѣдѣнія мосьѣ Пертюи, относительно этихъ двухъ предметовъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ у большей части самихъ древнихъ римлянъ.

Мосьѣ Пертюи занималъ старый и довольно-красивый домъ на Королевской площади — спокойный уголокъ среди хлопотливаго, шумнаго Парижа. Паоло, проходя рядъ высокихъ комнатъ которыя вели въ кабинету ученаго, радовался и глазами и сердцемъ, при видѣ многихъ дорогихъ и вѣсегда ему такъ знакомыхъ предметовъ. На стѣнахъ висѣли прекрасно гравированные виды Рима, нѣсколько копій съ Рафаэля, на педесталахъ стояли слѣпки съ образцовыхъ произведеній скульптуры. Паоло засталъ мосьѣ Пертюи за слѣченіемъ различныхъ авторовъ, которое имѣло цѣлью — рѣшить какой то спорный хронологическій вопросъ. Большой письменный столъ, за которымъ сидѣлъ ученый, оказался недостаточнымъ для удобнаго помѣщенія множества раскрытыхъ томовъ всякаго размѣра и потому съ обѣихъ сторонъ кресла г-на Пертюи было поставлено еще по одному столу, меньшаго размѣра, оба заваленные книгами. За такую оградой его засталъ Паоло, который, согласно отданнымъ приказаніямъ, былъ введенъ въ кабинетъ безъ предварительнаго доклада. Чтобы выйти

нѣтъ своей засады не нарушивъ равновѣсія столовъ и не расстроивъ порядка лежащихъ тамъ книгъ—дѣло требовавшее довольно большихъ хлопотъ и времени,—для этого ученый имѣлъ только одно средство: отодвинуть свой стулъ назадъ, рискуя опрокинуть другія стулья и сдѣлать фланговое движеніе навстрѣчу посѣтителю. Этотъ маневръ онъ совершилъ съ большою ловкостью, смѣясь отъ души и разсыпаясь въ извиненіяхъ.

Это незначительное приключеніе спасло Паоло отъ неловкости, которую всегда чувствуетъ гость при первомъ своемъ визитѣ, въ особенности когда онъ очень застѣнчивъ и пришлое просить о чемънибудь. Радужный приемъ г-на Пертюа и привлекательность его манеръ,—неговоря уже о его бѣгломъ итальянскомъ языкѣ,—скоро сдѣлали Паоло непринужденнымъ и развязнымъ. Исключительный предметами разговора были Римъ и искусство, и Паоло говорилъ о томъ и другомъ какъ пламенный патриотъ и восторженный художникъ. Если мосьё Пертюа—и это болѣе чѣмъ вѣроятно—мѣтилъ на то, чтобы заставить Паоло высказаться, то его желаніе было вполне удовлетворено. Паоло понялъ, наконецъ, что ему слѣдуетъ встать; пожимая ему руку, мосьё Пертюа просилъ его быть любезнымъ—прійти опять чрезъ нѣсколько дней, когда онъ надѣялся прислать что-нибудь для него. Это было единственнымъ намекомъ на обстоятельства, бывшія поводомъ къ представленію Паоло ученому.

Чрезъ недѣлю Паоло пошелъ опять къ мосьё Пертюа. Ученый пріималъ его радушно и далъ ему адресъ мосьё Бонифаса.

— Это мой другъ, очень извѣстный астрономъ, — прибавилъ мосьё Пертюа.—Боюсь, что занятіе, которое онъ предложитъ вамъ, не очень вамъ понравится, такъ какъ оно не имѣетъ ничего общаго съ вашей профессіей. Однакоже я не совѣтовалъ бы вамъ отказываться; вы помните пословицу: «синица въ рукахъ лучше журавля въ облакахъ».

Паоло съ жаромъ согласился, и немедленно отправился къ мосьё Бонифасу. Это былъ отставной чиновникъ обсерваторіи, который, постоянно ища новыхъ планетъ и новыхъ и старыхъ кометъ, почти окончательно потерялъ зрѣніе. Теперь онъ употреблялъ свой принужденный досугъ на приведеніе своихъ прежнихъ замѣтокъ и наблюденій въ порядокъ, и на приготовленіе ихъ къ печати. Но такъ какъ онъ съ трудомъ могъ читать и писать, то емууженъ былъ человекъ, который бы дѣлалъ для него и то и другое, и онъ съ нѣкотораго времени искалъ секретаря, но рѣшась остановиться ни на одномъ изъ тѣхъ, которые ему были представлены. Мосьё Бонифасъ, будучи простъ и наивенъ какъ ребенокъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не довѣрялъ никому относительно предмета своихъ занятій, будучи твердо убѣжденъ въ существованіи всеобщаго постоянного заговора, имѣвшаго цѣлю похитить его теорію образованія планетъ и лишить его славы, которую эта теорія должна была ему принести. Поэтому иностранецъ, и притомъ совершенно незнакомый съ астрономіей, былъ находкой для стараго ученаго.

Мосьё,—началъ г-нъ Бонифасъ, высокий, костлявый человекъ.

дѣтъ шестидесяти и довольно уже сгорбленный, съ страннымъ зонтикомъ на глазахъ, — я долженъ васъ предупредить теперь же, что я очень прихотливъ.

Паоло счелъ долгомъ вѣжливости—сдѣлать протестующій жестъ.

— Право такъ, — продолжалъ мосьё Бонифасъ. — Вотъ моя сестра скажетъ вамъ, что я дѣйствительно такъ, и что на меня трудно угодить; я, вдобавокъ, я очень рано встаю. Марія, моя милая если я забуду что-нибудь сказать, такъ, пожалуйста, напомни мнѣ. Ну, такъ вотъ видите, если то, въ чемъ я вамъ признался не пугаетъ васъ, то я очень буду радъ сойтись съ вами, и мы начнемъ работу съ завтрашняго же дня.

Здѣсь мосьё Бонифасъ остановился и началъ разсѣянно блуждать глазами.

— Относительно часовъ, — прошептала сестра ему на ухо.

— Да, да, относительно часовъ, — началъ опять мосьё Бонифасъ. Благодарю, Мари. Я забылъ вамъ сказать о часахъ. Если вы можете приходить въ восемь часовъ утра, ровно въ восемь, то вы меня много обяжете.

Паоло поклонился, въ знакъ согласія.

— И такъ въ восемь часовъ. Значить все рѣшено.

Съ этими словами старикъ кивнулъ головой, и снова впалъ въ какой-то столбнякъ.

— Братъ мой, — сказала м-ль Мари, — занимается съ восьми часовъ утра до полудня и съ часу до шести часовъ вечера. Вы согласны на эти часы?

— Совершенно, — сказалъ Паоло.

— Теперь объ условіяхъ, — сказала опять сестра, на ухо брату.

— Ахъ, объ условіяхъ, — повторилъ мосьё Бонифасъ, очнувшись. — Благодарю тебя, что ты напомнила мнѣ объ условіяхъ; я забылъ о нихъ. Ну, такъ мы говоримъ—отъ восьми часовъ до двѣнадцати: — согласны вы?...

— Не то, не то! — прервала сестра.

— Какъ не то? Я навѣрно знаю, что моя мысль была такова: съ восьми до двѣнадцати.

— Разумѣется;—но мы говоримъ теперь о деньгахъ, а не о часахъ. Могу я устроить это за тебя, мой милый?

— Именно, именно, — подтвердилъ мосьё Бонифасъ, вдругъ почувствовавъ, что гора свалилась у него съ плечъ.

— Мой братъ, — сказала мадамъ Мари, обращаясь къ Паоло, — предлагаетъ четыре франка въ день, или, выражаясь точнѣе, шестьдесятъ франковъ за полмѣсяца. Эти деньги всегда будутъ отдаваемы впередъ. По истеченіи этого срока каждая изъ сторонъ свободна уничтожить или возобновить обязательство. Это условіе, — прибавила м-ль Мари, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на молодого человѣка, — постановляется единственно затѣмъ что мой братъ прихотливъ, или воображаетъ себя прихотливымъ, и потому не хочетъ принуждать васъ на большій срокъ къ обязанностямъ, которыя, можетъ быть, будутъ вамъ не по вкусу.

Паоло, запинаясь, проговорилъ нѣсколько словъ о снисходительности мосьё Бонифаса; сказалъ что онъ надѣется усердіемъ восполнить недостатокъ знанія, и ушолъ, оставшись въ совершенной невѣстности и тревогѣ относительно свойства принимаемаго имъ на себя занятія. Впрочемъ на другой день оно, по-крайней-мѣрѣ судя по началу, оказалось не такъ труднымъ какъ онъ предполагалъ. Въ часы были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: съ восьми до двѣнадцати онъ долженъ былъ приводить въ хронологическій порядокъ порядочное количество замѣтокъ, и затѣмъ, читая ихъ вслухъ, дѣлать въ нихъ выпуски и прибавки по указанію мосьё Бонифаса, а со втораго часа до шести вечера переписывать начисто утреннюю работу.

Когда на сосѣдней колокольнѣ пробило шесть часовъ, м-ль Бонифасъ пришла сказать брату, что обѣдъ поданъ, а молодому человѣку, что его работа на нынѣшній день кончена. Паоло простился и былъ уже въ сѣняхъ, когда его догнала сестра астронома. Она положила ему въ руку маленькій пакетъ, объяснивъ, что это—деньги за двѣ недѣли впередъ. Молодой человѣкъ покраснѣлъ, какъ-будто онъ былъ пойманъ въ похищенія знаменитой теоріи, и бросился вонъ, не сказавъ ни слова благодарности.

Первымъ его дѣломъ было—нанять меблированную комнату на чердакѣ одного дома въ улицѣ Дюфуръ; близости улицы Касетъ, гдѣ жилъ мосьё Бонифасъ; вторымъ — купить для дѣтей Проспера нѣсколько игрушекъ, а для себя—шляпу, вмѣсто Просперовой засаленной фуражки. Затѣмъ онъ вошолъ въ какой-то ресторанъ третьей или четвертой степени, гдѣ за пятнадцать су, включая сюда деньги на водку слугѣ, онъ наслаждался роскошнымъ обѣдомъ, т. е. бульономъ, бистексомъ съ картофелемъ и хлѣбомъ вдоволь.

Велико было нетерпѣніе, съ которымъ весь домъ Проспера желалъ узнать какъ провелъ Паоло этотъ день; велика была радость, произведенная его рассказомъ, а также ружьемъ и саблей, которыя онъ подарилъ мальчишкамъ. Но всеобщее волненіе не имѣло границъ, когда онъ объявилъ, что нанялъ квартиру и думаетъ тамъ спать въ эту же ночь. Въ особенности Венуа былъ до такой степени переполненъ своими чувствованіями и кое-чѣмъ другимъ, что, покушаясь сдѣлать нападеніе на стѣну, онъ потерялъ равновѣсіе и непременно растянулся бы на полу, если бы «мальчикъ» не поддержалъ его. Паоло могъ освободиться отъ его объятій только послѣ многократныхъ обѣщаній—не забывать своего «старика.»

Въ десять часовъ вечера Паоло былъ уже на своемъ чердакѣ и занимался своими счетами. Восемь франковъ впередъ за комнату, пять франковъ за шляпу, пятнадцать су за игрушки, столько же за обѣдъ,—все это составляло въ итогѣ четырнадцать франковъ пятьдесятъ сантимовъ, — сумму огромную для одного дня; затѣмъ изъ полученныхъ имъ денегъ оставалось сорокъ-пять франковъ пятьдесятъ сантимовъ. Паоло разсчиталъ, что, при соблюденіи строжайшей экономіи, если только мосьё Бонифасъ останется имъ до-

воленъ, онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ можетъ накопить сумму, необходимую для возвращенія въ Римъ. «Два мѣсяца—это долгій срокъ,—думалъ Паоло,—но они пройдутъ же когда-нибудь, какъ прошли и другіе.»—И съ этимъ утѣшительнымъ размышленіемъ онъ легъ на свою кровать, которая затрещала какъ лопнувшая ракета. Вслѣдъ за тѣмъ послышался стукъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его комнату отъ сосѣдней. Паоло отвѣтилъ на этотъ стукъ, постучавъ съ своей стороны.

— Доброй ночи, сосѣдъ.

— Доброй ночи сосѣдъ,—отвѣчалъ Паоло, и затѣмъ воцарилось молчаніе.

«Сосѣдъ, должно быть, добраго нрава,—думалъ Паоло,—я готовъ побиться объ закладъ, что это такой же бѣднякъ, какъ и я. Бѣдность легко производитъ дружеское расположеніе въ людяхъ. Если бы этотъ домъ былъ дворцомъ, а я и мой сосѣдъ были миліонерами, то — Боже мой! — сколько потребовалось бы представленій, записокъ, карточекъ для того, чтобы намъ сблизиться другъ съ другомъ!»

Паоло больше не могъ уже ни о чемъ думать: онъ заснулъ.

Оставимъ его въ этомъ пріятномъ состояніи, переправимся черезъ Ламаншъ и посмотримъ, что дѣлается съ другимъ лицомъ, которое столько же, какъ онъ, имѣетъ право на нашу симпатію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Одно изъ двухъ.

Ничѣмъ нельзя было убѣдить миссъ Лавинію оставить домъ, въ которомъ умерла ея тетка. Тѣ самыя причины, которыя выставлялъ м-ръ Джонсъ противъ пребыванія ея тамъ, т. е. связанныя съ этимъ домомъ грустныя воспоминанія и совершенное уединеніе, — такъ-какъ сосѣднія дачи быстро пустѣли по случаю лондонскаго сезона, — служили только къ тому, чтобы сдѣлать Голли-Лоджъ мѣстомъ еще болѣе дорогимъ для молодой дѣвушки. Лавинія желала больше всего, чтобы ее оставили одну. Ея печаль была не изъ тѣхъ горестей, которыя ищутъ развлеченія, или которыя могутъ быть разсѣяны соболѣзновательными визитами, или пошлыми утѣшеніями. М-ръ Джонсъ не настаивалъ. Въ Лавиніи было теперь что-то, внушающее уваженіе, какое-то величіе скорби, которое не допускало притворствія. Въ полномъ цвѣтѣ здоровья и веселости, во всемъ блескѣ своихъ пышныхъ нарядовъ, она никогда не производила на него такого вліянія, не казалась ему такою величественною, какъ теперь, въ своемъ простомъ траурномъ платьѣ, съ блѣдными щеками и печальными взглядами.

Съ своей стороны, Лавинія не жалѣла о томъ, что ей придется разстаться съ м-ромъ Джонсомъ. Ея дядя сильно упалъ въ ея мнѣніи въ послѣднее время. Обманъ, который онъ сдѣлалъ относительно ея и которымъ обязалъ свою жену; совершенное равнодушіе и безчувствіе, которыя онъ обнаруживалъ во все время болѣзни м-риссъ

Джонсъ, не могли усилить уваженія и привязанности къ нему со стороны его племянницы; притомъ, она не забыла признанія, высказаннаго ей въ Римѣ, въ минуту скорби, т. е. что м-риссъ Джонсъ вышла замужъ безъ контракта, и что, вслѣдствіе этого, все ея имущество перешло въ руки ея мужа. Подъ вліяніемъ своихъ послѣднихъ впечатлѣній, Лавинія дошла до вывода, что единственною цѣлью м-ра Джонса, съ которою онъ женился на вдовѣ Джармэнъ, было — овладѣть ея деньгами, и что онъ сдѣлалъ это, воспользовавшись ея простотою и довѣрчивостью. Поэтому перспектива—жить вмѣстѣ съ такимъ несовѣстливымъ эгоистомъ и вполне зависть отъ него возмущала ея нравственное чувство и благородную гордость. Если бы она была благоразумнѣе, то въ настоящемъ, критическомъ положеніи имѣла бы твердаго друга и покровителя. Теперь она часто задумывалась о Паоло и о его любви къ ней, и — увы! — какъ глубоко желала возвратить прошлое! Напрасныя желанія и еще болѣе напрасныя сожалѣнія! Она добровольно оттолкнула отъ себя навсегда того, кто для нея былъ бы сильною опорой и въ счастьи, и въ горѣ. Она была одна въ мірѣ... нѣтъ, не одна, у ней былъ отецъ.

И она рѣшилась объясниться съ своимъ дядей насчетъ этого неизвѣстнаго ей отца, съ нетерпѣніемъ ожидая пераго удобнаго къ тому случая; однако же такой случай явился не вдругъ. М-ръ Джонсъ часто писалъ къ ней мнимо-добрыя и утѣшительныя записки, спрашивая о ея здоровьи и о томъ—не нуждается ли она въ чемъ-нибудь, но оставался въ городѣ цѣлыя двѣ недѣли. Когда, наконецъ, онъ явился, то Лавинія въ этотъ день чувствовала себя такъ нехорошо, что не рѣшилась говорить о предметѣ, столь тягостномъ для нея, и отложила свои разспросы до болѣе благопріятной минуты.

Въ слѣдующее воскресенье, утромъ, м-ръ Джонсъ опять пріѣхалъ въ Голли-Лоджъ, и въ этотъ разъ Лавинія тотчасъ же сказала ему, что она очень рада его видѣть, такъ-какъ она хочетъ разспросить у него все, что онъ знаетъ объ ея отцѣ. М-ръ Джонсъ почертилъ—это былъ его способъ краснѣть—и вскричалъ съ проклятіемъ:

— Значитъ, старуха преболталась—да? Впрочемъ, и хорошо сдѣлала, что проложила мнѣ дорогу. Я рѣшился разсказать вамъ все, только вы должны умѣрить свое нетерпѣніе. Я знаю, вы потребуете осязательныхъ доказательствъ того, что я скажу: вы будете имѣть ихъ въ слѣдующій мой визитъ.

Послѣ этого Лавинія не могла добиться отъ него ни одного слова.

День долго ожидаемаго объясненія наконецъ наступилъ; это было въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье. Разсказъ м-ра Джонса былъ обстоятеленъ, подробенъ, соотвѣтственъ во всѣхъ своихъ частяхъ и не оставлялъ ничего желать относительно ясности и очевидности. Мы передадимъ его сущность въ возможно-короткихъ словахъ, хотя съ нѣкоторыми чертами, о которыхъ м-ръ Джонсъ умолчалъ изъ стремности.

М-ръ Джонсъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ брата, который былъ старше его нѣсколькими годами. Этотъ братъ пріѣхалъ въ Лондонъ, попытать счастья, и торговалъ тамъ уже нѣкоторое время швами,

когда м-ръ Джонсъ тоже прѣѣхалъ въ столицу съ такою же цѣлью. Изъ нѣкоторыхъ, неохотно высказанныхъ м-ромъ Джонсомъ, признаній ясно было видно, что его старшій братъ оказалъ младшему нѣкоторыя услуги при дебютѣ этого послѣдняго въ Лондонѣ. Какъ бы то ни было, но, по мѣрѣ того, какъ состояніе младшаго увеличивалось, дѣла старшаго приходили въ упадокъ, благодаря его наклонности къ пьянству. Результатомъ этого было банкротство. Разорившійся купецъ запилъ еще сильнѣе съ горя и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бываютъ всѣ пьяницы, т. е. язвою общества.

Младшій братъ, который въ это время только-что женился на вдовѣ Джармэнъ, сталъ стыдиться старшаго и, боясь чтобы позоръ этого послѣдняго не отразился на немъ самомъ и не повредилъ бы его успѣшной торговлѣ, рѣшился назначить бывшему виноторговцу небольшую ежегодную пенсію, съ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній оставилъ фешонбельный кварталъ Уэстъ-Эндъ и поселился въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ и скромныхъ предмѣстій Лондона. Сдѣлка эта была тотчасъ же принята и банкротъ удался въ Уайтчепель, гдѣ онъ нашолъ женщину, которая согласилась быть подругою его жизни. Онъ женился и имѣлъ дочь, получившую звучное имя Лавиніи. Несмотря на запрещеніе всякихъ сношеній съ своимъ разбогатѣвшимъ братомъ, уайтчепельскій изгнанникъ неоднократно просилъ его, и лично и письменно, объ увеличеніи помянутой ежегодной пенсіи, при которой съ трудомъ могъ прожить одинъ человѣкъ, а двоимъ приходилось умирать съ голоду. М-ръ Маркъ отвѣчалъ, что его братъ долженъ былъ подумать объ этомъ прежде, чѣмъ женился, и упорно отказывался отъ всякой дальнѣйшей помощи, по тѣхъ-поръ, пока у его брата не родился ребенокъ. Тогда, болѣе изъ страха огласки своихъ семейныхъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ состраданія, онъ согласился назначить небольшую прибавку къ жалованью старшаго брата.

Послѣ того письменныя и личныя просьбы о деньгахъ сдѣлались рѣже, но не прекратились окончательно; и при одномъ изъ подобныхъ визитовъ м-риссъ Джонсъ впервые замѣтила и полюбила маленькую Лавинію, которая приходила съ отцомъ. Лавинія имѣла тогда семь лѣтъ отъ-роду и была чудомъ красоты, нѣжности и смыслености. Даже самъ м-ръ Джонсъ, при всей своей положительности, не остался нечувствительнымъ къ ея дѣтской граціи и не по лѣтамъ развитому уму. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если м-риссъ Джонсъ, не имѣя дѣтей, почувствовала пламенное желаніе принять ее вмѣсто дочери и воспитать какъ собственнаго ребенка. Разумѣется, м-ръ Джонсъ не вдругъ и не охотно уступилъ желаніямъ своей жены, но все-таки онъ наконецъ согласился, и между двумя братьями была заключена сдѣлка, условія которой были сообщены миссъ Лавиніи умирающей теткой. Перейдя отъ родителей къ ихъ богатымъ родственникамъ, Лавинія была отдана въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ пансіоновъ и получила блестящее воспитаніе. Принявъ ее вмѣсто дочери, м-ръ Джонсъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ еще другой важный шагъ: онъ разстался съ своею лавкой съѣстныхъ

припасовъ. У него было теперь довольно денегъ для того, чтобы онъ могъ вездѣ играть значительную роль, а его тщеславіе равнялось его капиталу.

Года два спустя послѣ того, какъ имя м-ра Джонса было вычеркнута изъ списка купцовъ, онъ получилъ по почтѣ записку. Его просили немедленно прѣхать въ жилище нѣкоей Мэри Голливелль, которая имѣетъ сообщить ему важныя открытія относительно миссъ Лавиніи Джонсъ, безъ чего она, Мэри Голливелль, не можетъ спокойно умереть. М-ръ Джонсъ, убѣждаемый своимъ жизненнымъ опытомъ, думалъ, что, можетъ быть, это приманка, выдуманная для привлеченія его въ западню, изъ которой ему не удастся выбраться, не развязавъ своего кошелька; можетъ быть, это хитрость его брата, желающаго вынудить у него нѣсколько лишнихъ фунтовъ стерлинговъ: поэтому онъ сначала не хотѣлъ-было обращать вниманія на записку и на выраженную въ ней просьбу. Но тайна всегда имѣетъ въ себѣ что-то обольстительное, и потому, послѣ долгихъ разсужденій за и противъ, м-ръ Джонсъ кончилъ тѣмъ, что отправился по адресу, сообщенному мнимою Мэри Голливелль.

Жилище ея было однимъ изъ тѣхъ притоновъ порока и нищеты, которыхъ даже звѣрь лѣсной не захотѣлъ бы избрать для своего логовища, однимъ изъ тѣхъ наростовъ, которые нѣрѣдко встрѣчаются на гладкой штукатуренной поверхности гордой, богатой и щепетильной столицы Великобританіи. Въ указанномъ домѣ м-ръ Джонсъ нашолъ женщину, которая была, очевидно, въ послѣднемъ градусѣ чахотки. На мертвенно-блѣдномъ лицѣ ея еще замѣтны были слѣды необыкновенной красоты. Сиплымъ и задыхающимъ голосомъ она рассказала ему слѣдующее:

Она хорошо была знакома съ м-ромъ Джонсомъ старшимъ и съ его женою, живя нѣсколько лѣтъ въ одномъ съ ними домѣ въ Уайт-чапелѣ. Сама она въ это время жила съ однимъ человѣкомъ, спайтальдскимъ ткачомъ, который не былъ ея мужемъ, и у ней родилась дочь недѣлю или двѣ спустя послѣ разрѣшенія м-риссъ Джонсъ отъ бремени. По примѣру последней, она назвала свое дитя Лавиніей. Лавинія Джонсъ, ребенокъ слабый и болѣзненный, умерла не достигнувъ и одного года отъ-роду, къ великому огорченію ея отца, который боялся какъ бы его братъ не пересталъ давать ему прибавку къ пенсіи, назначенную по случаю рожденія у него дочери. Побуждаемый этимъ опасеніемъ, онъ предложилъ ей признать умершую дочь его за свою и отдать ему своего живого ребенка, за еженедѣльное вознагражденіе. Мэри Голливелль была болѣзненна, неспособна работать, и вообще находилась въ совершенно безпомощномъ состояніи. Человѣкъ, съ которымъ она жила, бросилъ ее и отправился въ Калифорнію. Предложеніе Джонса было для нея жестокимъ испытаніемъ, но, наконецъ, она уступила. Она неслишкомъ раскаявалась въ своемъ поступкѣ по-тѣхъ-поръ, пока ея дочь жила вмѣстѣ съ ея сосѣдями; но она начала сильно тревожиться, когда м-ръ Маркъ Джонсъ взялъ ребенка къ себѣ, думая, что онъ принадлежитъ къ

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

MAY 3 1939

